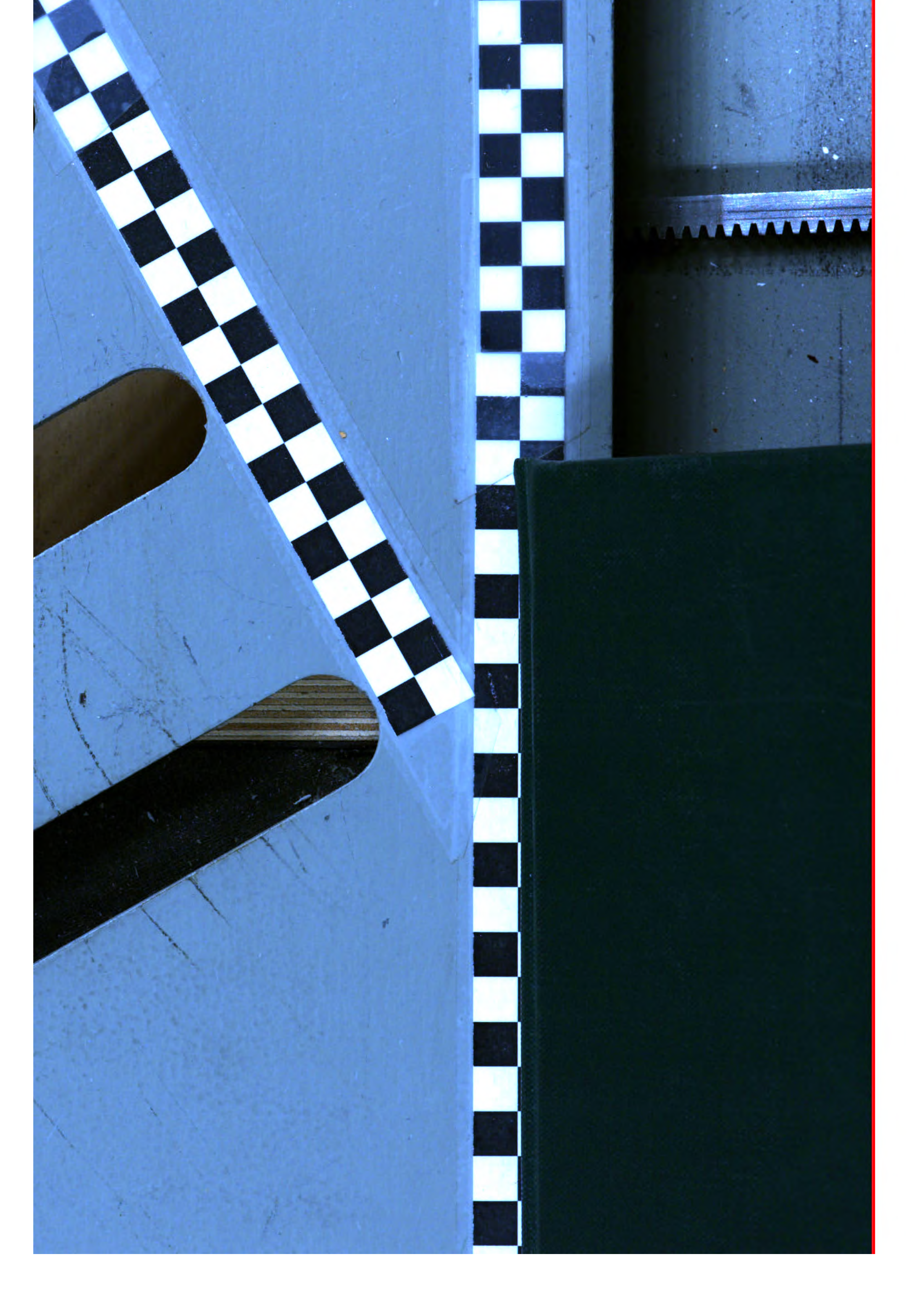
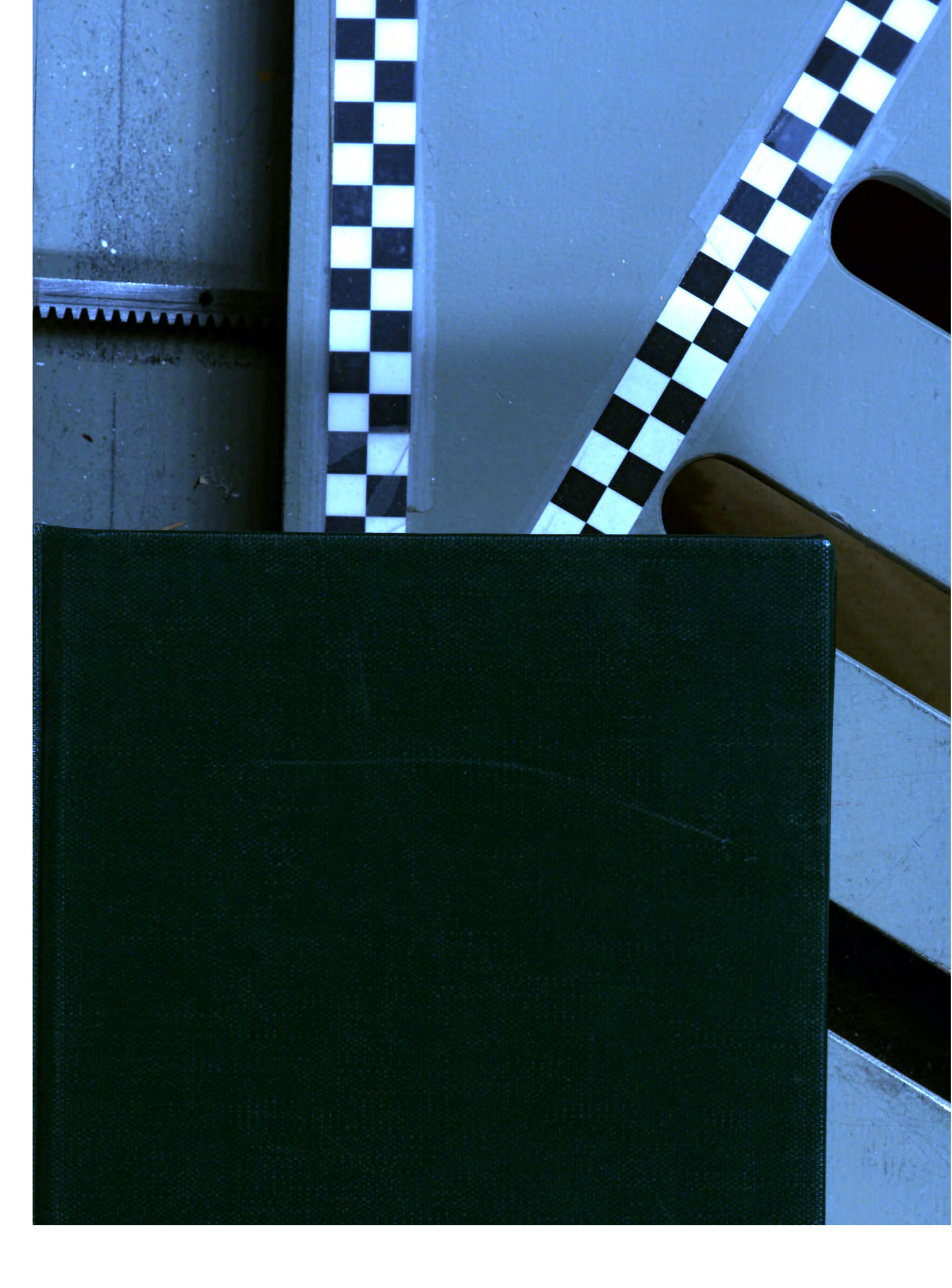
PAGE NOT AVAILABLE

НОВАЯ ЖИЗНЬ

V

Главная Контора журналовъ „Новая Жизнь“ и „Новый Журналъ для Всѣхъ“ извѣщаетъ полугодовыхъ подписчиковъ, „Новой Жизни“, что во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала имъ слѣдуетъ произвести второй взносъ 2 р. 60 к. до 1-го іюля. Выписывающимъ же одновременно оба журнала слѣдуетъ произвести третій взносъ (2 руб.) также до 1-го іюля.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНІЕ

1912 г. Май.

№ 5.

Отъ редакціи.

Рукописи, присланныя въ редакцію, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и снабжены именемъ и адресомъ автора.

Непринятыя рукописи, менѣе печатнаго листа, возвращенію не подлежатъ, и редакція рекомендуетъ авторамъ оставлять у себя копіи такихъ рукописей. Относительно непринятыхъ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не вступаетъ.

Рукописи болѣе листа, непринятыя для напечатанія, хранятся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. На отвѣтъ и возвращеніе рукописей прилагаются марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по вторн. и субб. отъ 3 до 5 ч.

Отъ конторы.

За перемѣну адреса — 50 к. для иногороднихъ, — для городск. подписчиковъ—40 к. Выписывающіе одновременно „Нов. Журн. для Всѣхъ" и „Новую Жизнь" платятъ—иногор. 70 к. и городск.—50 к. При новомъ адресѣ слѣдуетъ сообщать прежній свой адресъ съ бандероли.

Такса объявленій въ журналѣ „Новая Жизнь": послѣ текста — страница—80 р., 1/2 стр. — 45 р. 1/4 стран.—25 р., строка нонпарели (въ одну колон.)—40 к.

На обложкѣ: 2 и 3 стран. 100 р., 1/2 стран. — 60 р., 1/4 стран. 35 руб. строка нонпар. (въ одну колон.)—80 к.; 4-ая стран.—120 р., 1/2 стр.—70 руб. 1/4 стр.—40 р.

Въ Москвѣ подписка принимается въ конторѣ Печковской.
Контора „Новой жизни" убѣдительно проситъ г.г. подписчиковъ при всѣхъ сношеніяхъ съ ней писать свои адреса какъ можно болѣе четко.

СЛАЩЕ ЯДА.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *). *Часть вторая.*

ГЛАВА XI.

Пришлось таки идти внизъ. Уже слышно стало изъ столовой, какъ тамъ звенѣли посудою. И вдругъ послышался голосъ отца, какъ всегда, угрюмый и ворчливый. Отецъ шелъ по корридору въ столовую мимо лѣстницы въ Шанькину комнату и сердито спрашивалъ:

— А Шанька еще не встала?

Няня зашептала:

— Бѣги, что-ли, Шанька, внизъ. Слышь, самъ-то всталъ невеселъ.

Шаня заторопилась, наскоро надѣла платье и побѣжала внизъ босикомъ.

Въ столовой отецъ и мать уже сидѣли за круглымъ столомъ, другъ противъ друга, и молча пили чай. И у отца и у матери были угрюмыя лица. Они за что-то еще вчерашнее сердились другъ на друга и сурово молчали. И странно, что въ этомъ суровомъ молчаніи оба они казались величественно красивыми.

„Монументы",—подумала Шаня.

Опасливо и насмѣшливо глянула она на родителей, потупилась, какъ скромная, поздоровалась молча, поцѣловала руки обоимъ и сѣла на свое мѣсто, спиною къ окну.

Мать молча налила ей чашку чая и подвинула рѣзкимъ движеніемъ,—сунула. Принагнулась Шаня, пила тихохонько,—ложечкою не брякнетъ.

Отца позвали,—у амбаровъ на дворѣ съ утра толклись мужики. Онъ наскоро, громко хлебая и сопя, допилъ третій стаканъ чаю и торопливо ушелъ. Шаня осталась одна съ матерью.

Мать поживѣе стала, на Шаню лукаво глянула и вдругъ спросила:

---

*) Кн. 4 „Нов. Жизни".

— Ну что, Шанька, о Женькѣ скучаешь?

Зардѣлась Шанька, нахмурилась, капризно бросила матери:

— Очень мнѣ надо скучать! Вотъ еще!

— Надо, не надо, а, видно, не скоро забудешь,—тихо сказала мать.

Видно было, что ей хочется сказать дочери что-то ласковое и откровенное,—глаза ея стали веселы, и на лицо легли искренніе, мягкіе отблески какой-то сладкой думы. Но за дверьми опять раздались тяжелые шаги Самсонова. Онъ вошелъ и сказалъ весело-бодрымъ тономъ, уже захваченный дѣловымъ настроеніемъ:

— Налей-ка мнѣ, Маша, еще стаканчикъ. Поживѣе. Выпью да и отправлюсь.

Мать опять замкнулась въ неприступную холодность.

Отецъ вспомнилъ ночную проказу. Забранилъ Шаню за вчерашнее. И мать бранила. Оба!

Отецъ издѣвался надъ Шаниными томленіями.

— На луну мечтаешь! Барышня съ фасонами! Училась бы лучше!

Ну, кончилось! Отпустили изъ-за стола.

Шанечка пріодѣлась наскоро и побѣжала къ Дунечкѣ Тауровой, своей подругѣ и наперсницѣ, справиться, нѣтъ-ли письма отъ Женечки, отвѣта на ея письмо. Каждый день Шаня разсчитывала, когда Женино письмо придти можетъ. Сосчитала,—завтра можетъ придти, если онъ написалъ сразу, какъ ея письмо получилъ. Неужели же онъ не сразу отвѣтитъ? Не можетъ быть. Завтра придетъ, а то и сегодня.

Шаня бѣжала по дорожкамъ въ саду все быстрѣе, быстрѣе. Думала:

„Вотъ если бы такъ все бѣжать, бѣжать,—добѣжать до Женечки".

Сердце заколотилось такъ сладко, такъ больно. Пришлось остановиться. Глупое,—чего бьется? Вѣдь, еще рано быть Женечкину письму. А, впрочемъ, какъ знать? Вдругъ онъ какъ-нибудь исхитрится послать рано, съ дороги, и уже письмо теперь у Дунечки?

И бѣжитъ Шаня по улицѣ. Ее радуетъ веселая весенняя улица, и на ней тающіе остатки снѣга, и такія забавныя лужи,—съ краями то черными, гдѣ земля, то бѣлыми, гдѣ еще снѣгъ и льдинки.

Шаня шалитъ,—вбѣгаетъ въ лужи, брызгаетъ водою. Знакомыхъ мальчишекъ встрѣтила, заболталась, зашалилась съ ними. И о письмѣ на минуту забыла. Да и какъ не забыть, когда вешнимъ утромъ все плачетъ и все сіяетъ отъ счастія, отъ радости жить!

Бѣлоголовый мальчуганъ стоитъ на углу и таращитъ глаза. Маленькій, лѣтъ восьми. Что онъ думаетъ?

Шаня кричитъ ему:

— Кирюшка, знаешь пѣсню про мѣсяцъ май?

— Не знаю,—отвѣчаетъ Кирюшка и подозрительно смотритъ на Шаню.

— Слушай,—говоритъ Шаня, подходя къ нему поближе:

Наступаетъ мѣсяцъ май,
Прилетаетъ птичка...

— Ай,—крикнулъ Кирюшка, потому что Шаня дернула его сзади за волосенки.

— Птичка ай,—дразнитъ Шаня и убѣгаетъ.

Кирюшка гонится за нею и хохочетъ. Не догналъ, отсталъ.

Звонятъ къ обѣднѣ. Веселый звонъ, праздничный.

Шаня бѣжитъ, торопится,—не ушла бы до нея Дунечка къ обѣднѣ. Дунечка богомольная, службы не пропуститъ. Жди тогда письма до послѣобѣдни.

Дунечкиной матери домъ такой милый. Маленькій,—три окошка на улицу,—и тонкая рябинка надъ сѣрымъ заборомъ. Крылечко сѣренькое, со двора, ступеньки шатаются. Надъ крылечкомъ мезонинъ въ одно окошко,—тамъ Дунина комната.

Въ маленькой гостиной съ устланнымъ чистыми половиками поломъ Шаню встрѣтила старенькая Дунина мать, Өедосья Ивановна, простая и добрая старушка. Она и Дунечка нѣжно любятъ одна другую. Дунечка — шалунья, а Дунечкина мать — добрая, ни въ чемъ Дунечку не стѣсняетъ. Дунечка иногда и надерзитъ ей, но всегда скоро кается. Мать на нее не умѣетъ сердиться. Она знаетъ, что Дунечка—добрая.

Өедосья Ивановна смотритъ на Шаню добрыми, веселыми глазами. Зоветъ:

— Войди, Шанечка, въ горенку, посиди, отдохни.

Но Шаня стоитъ у порога,—половички такіе чистые, что ужъ какъ ты по нимъ съ улицы пойдешь! Еще наслѣдишь, обидится старенькая. Шаня спрашиваетъ:

— А Дунечка дома?

— Дома, дома. Въ церковь собирается.

— Я къ ней пройду наверхъ,—говоритъ Шанечка.

Но Дуня уже слышитъ Шанинъ голосъ. На ступенькахъ слышны легкіе и быстрые Дунечкины шаги — и вотъ Дунечка цѣлуетъ Шаню, веселая дѣвочка, свѣтловолосая, съ приподнятыми наивными бровками.

Сладостная нѣжность къ Дунечкѣ наполняетъ Шанино сердце. Шаня любитъ Дунечку за то, что ни съ кѣмъ такъ, какъ съ Дунечкою, нельзя говорить о Женѣ. И Шаня неутомимо говоритъ Дунечкѣ о Женѣ, а Дуня не устаетъ слушать. Только иногда примется поддразнивать. Ну, да ничего,—Шаня это прощаетъ Дунечкѣ.

— Пойдемъ, Шанечка, ко мнѣ,—говоритъ Дуня.

Въ Дунечкиной комнатѣ, крохотной, чистенькой и невинной, Шанька тревожнымъ шопотомъ спросила:

— Есть письмо?

— Нѣтъ еще,—говоритъ Дунечка.

И смѣется. Дунечка рада, что увидитъ Томицкаго. А Шаня думаетъ, что надъ нею смѣется Дунечка.

— Врешь!—кричитъ Шанечка.

Еще надежда въ ней теплится.

— Да правда же нѣтъ,—говоритъ Дунечка.

Она становится такою серьезною и смущенною, что, наконецъ, Шаня вѣритъ. Плачетъ и сердится. Сама не знаетъ, на кого сердиться, и сердится на Дунечку.

— У, противная!—плача, говоритъ Шаня.

Ревма реветъ, сама глазкомъ однимъ на дверь посматриваетъ,—не услыхала бы старая.

— Шанечка, развѣ-же я виновата?—съ упрекомъ говоритъ Дуня.

И кажется, что она сама готова заплакать.

— Ну, прости, Дунечка,—горестно говоритъ Шаня.

Видитъ—и вправду письма еще нѣтъ, и не на кого сердиться. Шаня плачетъ тихонько и жалуется:

— Ждать писемъ! Какая скука! Все сердце изныло. И цѣлыхъ пять лѣтъ ждать, томиться!

Дунечка утѣшаетъ, какъ умѣетъ. Говоритъ:

— Зато потомъ хорошо будетъ, когда онъ за тобою пріѣдетъ.

Шаня говоритъ повеселѣе:

— Да, потомъ мы будемъ жить вмѣстѣ. Всегда вмѣстѣ, всю жизнь, до самой смерти. И умремъ вмѣстѣ.

— Потерпи, Шанечка, ужъ какъ-нибудь потерпи,—говоритъ Дуня.

Она ласкаетъ Шаню,—цѣлуетъ, волосы гладитъ.

— Какъ много надо лишняго жить!—говоритъ Шаня тоскливо.—Вотъ-то всѣ эти годы несносные взяла бы да и бросила къ чорту въ пасть! На что мнѣ они!

— Повѣнчаетесь,—утѣшаетъ Дуня.—Страшно шикарная свадьба будетъ.

Покраснѣла Шаня,—досадно ей на то, что отъ какихъ-то чужихъ людей зависитъ признанность ея счастья. Она говоритъ гнѣвно:

— Какіе досадные попы! Вездѣ суются. А какое имъ дѣло!

Пошли въ церковь вдвоемъ, Шаня и Дуня. Өедосья Ивановна ушла раньше. Дѣвочки торопились. Дунечка высматривала кого-то на улицѣ.

Издали отъ церкви веселые звоны несутся, вблизи становится скучно. Опять будетъ то же,—на клиросѣ смѣшной дьячекъ, подъ клиросомъ ңадутые спѣсью уѣздные господа начальники и важныя ихъ дамы, неуклюжія въ своихъ нарядныхъ, но все же некрасивыхъ, платьяхъ. Только пѣвчіе споютъ хорошо—и будетъ нѣсколько минутъ восторга и молитвы.

По дорогѣ дѣвочки встрѣтили гимназиста Томицкаго. Онъ — очень милый, высокій, веселый, простой, дѣятельный. Всѣ товарищи говорятъ, что у него сильный характеръ и что онъ очень честенъ. По его милому лицу съ ясными глазами и съ благороднымъ очеркомъ лба видно, что товарищи не ошибаются. Въ него влюблялись гимназисточки не разъ, влюбилась и Дунечка, и онъ любитъ ее преданно и вѣрно, разъ навсегда, какъ истинный рыцарь. Онъ ей не измѣнитъ и ея любви вѣритъ.

Встрѣтились—и шумно радостны. Радуются своей любви.

Шаня смотритъ на нихъ покровительственно и снисходительно. Они оба такіе юные, наивные, чистые. Но Шаня думаетъ, что ужъ очень они просты.

Въ домовой гимназической церкви тревожно, и уже не скучно Шанѣ. Стоятъ милыя подружки. Много знакомыхъ гимназистовъ. И каждый чѣмънибудь напоминаетъ Женю.

Но Шаня ни на кого не смотритъ, молится за Женю. За другихъ молятся священникъ и дьяконъ, а Шанечка тѣми же словами за Женю молится.

Шаня старается, какъ можно яснѣе, представить себѣ Женю, вызвать его образъ. Напрягаетъ воображеніе — и видитъ Женю на одинъ краткій мигъ. Быстро становится на колѣни и кланяется Женѣ.

Краткая минута восторга отгорѣла. Шаня поднимается и осматривается кругомъ. Видитъ—все, какъ всегда. Гимназисты и гимназистки переглядываются, перешептываются. Тутъ-же учителя, классныя дамы. Все больше муміи несносныя. Шанечка ихъ не любитъ, и они ее,—взаимная непріязнь между живою душою и мертвыми душами.

Запѣли опять,—разнѣжили сердце. И вдругъ, какъ вѣтеръ, вѣющій изъ Эдема, приникла къ сердцу молитва пламенная—и все забылось,—скучныя лица обставшихъ и темныя стѣны,—и милый засіялъ ликъ. Плачетъ Шаня и молится. Въ дымномъ ладанѣ видится ей Женино лицо. Такъ рыдаетъ Шаня, что ее унимаетъ Дунечка.

Вышелъ дьяконъ. Читаетъ евангеліе. Шаня вслушивается, припоминаетъ Женины слова. Мятежныя мысли зажигаются въ ней, и ей страшно.

«Грѣшница, грѣшница!»—думаетъ она о себѣ и кается.

Вышли изъ церкви. Послѣ дымнаго ладана воздухъ сладостно душистъ, и такъ молодо, вешнимъ зеленоватымъ пухомъ, оживаютъ деревья и кусты.

Къ дѣвочкамъ подошли Гарволинъ и Томицкій. Шаня вздохнула,— подходилъ прежде и Хмаровъ.

— Въ такіе дни хорошо любить,— весело говоритъ Томицкій и нѣжно смотритъ на Дунечку.

Дунечка смѣется и краснѣетъ.

Разговоръ, когда коснется любви, становится Шанѣ интереснымъ. Иные разговоры скучны. И она сама не замѣчаетъ, какъ заговариваетъ о Женѣ. Томицкій смотритъ на нее съ ласковымъ упрекомъ, словно жалѣетъ ее, и говоритъ:

— Охота вамъ, Шанечка, думать о Хмаровѣ! Онъ — самый пошлый фатишка.

Шаня покраснѣла, засверкала глазами.

— Неправда, неправда!—страстно заговорила она.—Зачѣмъ вы такъ про него говорите! Вы его, навѣрное, совсѣмъ не знали.

Томицкій сказалъ уклончиво:

— Да, я его, правда, мало зналъ. Надо пудъ соли съ человѣкомъ съѣсть, чтобы его узнать, а гдѣ-жъ мнѣ, Шанечка? Я соли не люблю.

Томицкій ласково заглядываетъ въ Шанины глаза и пожимаетъ ей руку. Шаня уже не сердится на него, но ей грустно. Она прощается съ Дунею и съ Томицкимъ и говоритъ Гарволину:

— Проводите меня, Володя.

Володя радъ идти съ нею. Они идутъ по набережной.

Какая прелесть—ранняя весна! Только что рѣка вскрылась, и струйки такъ блестятъ и звенятъ, и все-все на землѣ такъ свѣжо, такъ первоначально. Во всемъ на землѣ разлита радость, и смѣшана съ радостью странная грусть.

Гарволинъ опять уговариваетъ Шаню забыть Евгенія. Да гдѣ тамъ!

— Забудь ты его! Не станетъ онъ тебя долго помнить. Полюбитъ другую.

Засверкала Шанечка глазами. Страстно заговорила:

— Никогда не разлюблю его! Никогда, никогда! Пусть онъ даже меня броситъ, я его все-таки не разлюблю, никогда, никогда. Никого никогда не полюблю другого.

Она повторяла эти слова тихо и мечтательно. Но въ тихости и разнѣженности ея голоса чувствовалось то женское упрямство, которое не сламывается ничѣмъ.

И краснѣетъ Шаня. И глаза ея горятъ.

Гарволинъ понялъ, что это—правда. Онъ грустно и долго вглядѣлся

въ Шанины глаза. И Шаня смотрѣла на него, не отводя взора. Въ Шаниныхъ глазахъ горѣлъ мрачный огонь тайны и восторга.

Гарволинъ вздохнулъ· Покраснѣлъ. Тихо сказалъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Шанечка, ты несправедлива!

Шанечка тряхнула косичками, и задорно крикнула:

— Вотъ еще! Кому-то она нужна, эта справедливость!

— А какъ-же! Нельзя жить безъ справедливости,—сказалъ Гарволинъ.

Какой-то темный страхъ звучалъ въ его голосѣ, словно въ отвѣтъ на его слова кто-то равнодушный говорилъ ему беззвучно, но внятно:

— Нельзя, такъ и не надо. И не живи.

А Шаня говорила глубокимъ, странно-звучнымъ отъ восторга голосомъ:

— Что тамъ справедливость! Смотри-ка,—небо синее, воздухъ сладкій, въ небѣ ласточки летаютъ, въ землѣ кроты роются... Да ужъ не умѣю тебѣ сказать, а только всѣ длинныя слова—глупость.

— Несбыточны твои мечты, Шаня,—сказалъ Гарволинъ.—Будетъ онъ тебя помнить столько лѣтъ!

— Несбыточны! Вотъ испугалъ-то! — съ пылкимъ задоромъ крикнула Шаня.—Сбыточное-то мнѣ и здѣсь надоѣло, сбыточнаго-то мнѣ и даромъ не надо. Знаешь,—мечтательно проговорила она, — бываетъ несбыточное! А если и не бывало раньше, такъ пусть для меня будетъ!

Шаня призадумалась. Потомъ рѣшительно сказала:

— Все будетъ по моему. Какъ захочу, такъ и будетъ. Онъ меня не возьметъ,—я его возьму.

— Возьмешь!—уныло возразилъ Гарволинъ.

— Возьму, я сильная! Только очень захотѣть надо, и чтобы это не было глупость, какъ я разъ о розеткѣ молилась.

Шаня засмѣялась.

— Я тебѣ не разсказывала? Вотъ смѣхъ-то!

Гарволинъ уныло молчалъ.

— Я розетку шаля разбила и боялась, что бить будутъ. Вотъ и стала молиться. Ужъ какъ я молилась, чтобы она срослась! Да только не вышло. Не было чуда. Какъ на грѣхъ, отецъ злой пришелъ,—узналъ, отстегалъ.

Гарволинъ оживился.

— Не было чуда, говоришь?

— Да, вѣдь, глупость была,—весело сказала Шаня.

— А ты вѣрила?—спрашивалъ Гарволинъ.—Сильно вѣрила? И все-таки чуда не было?

Онъ жадно смотрѣлъ въ Шанины глаза. Видно было, что ея разсказъ

о розеткѣ странно волнуетъ его. А Шаня мечтательно смотрѣла вдаль и говорила:

— Я въ Женю вѣрю, въ Женечку моего.

Гарволинъ давно уже понялъ, что Шаня можетъ говорить только о Женѣ. Когда онъ приходилъ къ ней, говорили только о немъ. И теперь упалъ разговоръ о несбывшемся чудѣ,— Шаня думала о Женѣ, говорила о немъ.

Вдругъ ей совѣстно стало: поняла, что этимъ разговоромъ она мучитъ Гарволина. Но ничего, онъ не разсердится, онъ—милый.

Забывъ минутное ощущеніе неловкости, Шаня сказала съ восторгомъ:

— Надобно влюбиться! Только въ этомъ счастье и правда жизни, — влюбиться!

Гарволинъ сказалъ съ досадою:

— Мерзкое слово! Надо любить, жертвовать.

Шаня улыбалась и повторяла настойчиво:

— Влюбиться. Втюриться. Такъ всей и влѣзть въ него, и овладѣть, и не отпускать.

— Зачѣмъ?—сурово спросилъ Гарволинъ.

— Какъ зачѣмъ? Какъ ты этого не понимаешь? Ну, если ты одинъ, ну, это хорошо, положимъ,—вотъ, и рѣка, и жаворонки, и поле, и пахнетъ такъ. Такъ бы вся и вникла въ землю. Ну, такъ что же? Такъ и умереть? Пойми: одинъ—это умереть, два—жить. Глаза въ глаза, и сказать другъ другу самое послѣднее.

Шаня поблѣднѣла, замерла отъ восторга, замолчала. Какъ Шаня, блѣднѣя, Гарволинъ бормоталъ:

— Это стыдно.

— Ахъ, Володя, ничего ты не понимаешь! Сахарная у тебя душа! Знаешь, иногда мнѣ такъ хочется его видѣть, такъ хочется,—сказать нельзя! Ну, и вотъ, знаешь, иногда онъ вдругъ проходитъ мимо. Не онъ самъ, а голубое,—понимаешь? Все тѣло голубое. А всмотришься—и нѣтъ ничего. Такая досада!

Гарволинъ слушалъ уныло. Шаня смутилась, замолчала опять.

Больше имъ не о чемъ говорить. Молчаніемъ все сказано. Обоимъ неловко.

Шаня торопливо простилась съ Гарволинымъ и убѣжала. Опять одна. Что-то подхватываетъ и несетъ.

Пришла домой. На чердакъ забралась. Въ слуховое окно смотритъ. А потомъ и на крышу вылѣзла. Широко, далеко видно. Но одна милая сторона,—гдѣ Крутогорскъ, гдѣ живетъ ея Женя.

Подняться-бы выше, выше, до неба, до солнца, которое смотритъ на

всѣхъ, и любовнѣе, чѣмъ на другихъ, смотритъ на Женю, и цѣлуетъ его цѣлуетъ горячо, жарко, страстно, какъ Шаня.

Кто-то смотритъ вверхъ, говоритъ:

— А вонъ Шанька Самсоновская на крышу стрелюдилась.

— Озорная дѣвка!—отвѣчаетъ чей-то суровый женскій голосъ.

ГЛАВА XII.

Видѣла Марья Николаевна, что Шаня томится. Сама томимая темною страстностью, она особенно сочувствовала теперь дочери. Думала:

„Приворожилъ Шаньку скверный мальчишка Хмаровъ. Сглазилъ дуру. Что мнѣ съ нею дѣлать? Еще дѣловъ натворитъ сдуру!"

Когда отца не было дома, Марья Николаевна позвала дочь въ свою укромную горницу за спальнею, гдѣ пахло яблоками, лавандою и лампаднымъ масломъ, въ ту горницу, куда Шаня входила всегда со смѣшаннымъ чувствомъ страха и радостнаго ожиданія,—то-ли достанется отъ матери, то-ли мать приласкаетъ.

Марья Николаевна сказала дочери:

— Что ты, Шанька, все мечешься, какъ угорѣлая кошка? Мѣста себѣ не находишь, отцу грубишь, меня не слушаешься, дура неоколоченная!

Грубыя слова звучали, какъ ласковыя.

Шаня крѣпко прижалась къ матери и заплакала. Было ей тоскливо и сладко.

Мать ласкала Шаню. И жаль ее было, и досадно на нее. Сказать хотѣлось что-то вѣрное, убѣдительное, да слова не подбирались, и не было въ душѣ достаточной увѣренности для твердыхъ и ясныхъ словъ.

— Дура Шанька, чего ты ревешь-то?—съ грубоватою нѣжностью спрашивала мать.—Забыла бы ты его, соколика своего, право! „Сахаръ-то этотъ не больно сладимый. Смотри, горьчить скоро станетъ.

Шаня вдругъ взглянула на мать внимательно, засмѣялась сквозь слезы и спросила:

— Мамуня, а ты часто влюблялась, когда молодая была?

Смущенно и сердито отвѣчала мать:

— Дура! Я и теперь не старая, слава Тебѣ, Господи.

— Нѣтъ, когда совсѣмъ молоденькая была? Вотъ какъ я теперь?—спрашивала Шаня.

Марья Николаевна сказала съ тихою усмѣшечкою:

— Волочились за мной хахали, да только я строгая была, никого къ себѣ близко не подпускала.

Шаня спрашивала:

— Мамуня, а ты въ папочку сильно втюрившись была? Ходила, какъ оглашенная, полоротая, на него, друга милаго, глядючи?

Марья Николаевна говорила со смущенною улыбкою:

— Экая ты дурища, Шанька! О чемъ спрашиваешь-то мать, дурища! Какъ тебѣ не стыдно! Какъ языкъ-то у тебя поворачивается?

Шаня продолжала спрашивать:

— По ночамъ не спала? Ревѣла, небось, друга милаго вспоминаючи?

— Дурочка!—разнѣженно улыбаясь, сказала мать.

Шанька опять спрашивала:

— Цѣловала ты его въ прикусочку?

— Это еще какъ?—спросила Марья Николаевна.

Она засмѣялась, зарумянилась и стала совсѣмъ молодая и красивая.

Шаня говорила:

— А вотъ такъ: поцѣлуешь, посмотришь,—на щекѣ у него или на рукѣ красный слѣдочекъ отъ зубовъ увидишь,—и опять поцѣлуешь въ то же самое мѣстечко. Цѣловала такъ, мамунечка, дружка своего ненагляднаго?

— Глупенькая!—сказала мать.

Смѣялась, а у самой на глазахъ свѣтлыя слезинки блестѣли.

И опять спрашивала Шаня:

— Мамунечка, а ты колѣнки свои цѣловала въ томъ мѣстѣ, гдѣ милый твой колѣномъ своимъ къ твоему колѣну прижался ненарокомъ?

Мать смѣялась, и плакала, и говорила:

— Ахъ, Шанька, всѣ то мы—дуры набитыя, все наше женское сословіе.

Шаня прижималась горячею, мокрою отъ слезъ щекою къ плечу Маріи Николаевны и говорила:

— Знаешь, мамуня, ночью, когда луна глядитъ, вдругъ о немъ вспомнишь,—плясать захочется. Встанешь, попляшешь тихонечко передъ окномъ, чтобы тѣнь по полу бѣгала, и опять уляжешься. А въ окно луна смотритъ такая бѣлая!

Полюбила Шанька говорить съ матерью о любви своей.

Странныя то были бесѣды! Мать зажигалась нѣжнымъ участіемъ къ Шанькѣ, становилась ей, какъ сестра или подруга, любопытствовала, спрашивала, утѣшала, бранила,—нѣжная и въ грубомъ ласка родной матери!

Иногда мирно бесѣдовали мать съ дочерью,—посмѣются, поплачутъ. А иногда зла бывала Марья Николаевна—на мужа, на Кириллова, на судьбу свою. Тогда она принималась яростно бранить Евгенія, а за него и Шаню.

Шаня вступалась за своего милаго, ссорилась съ матерью. Была почему-то всегда увѣрена, что за эти споры мать ее не поколотитъ.

Шаня всегда стремилась къ людямъ, любила быть съ ними, не таилась отъ нихъ. И люди, которые не совсѣмъ закоснѣли въ жизни и въ ея неистовствахъ нечистыхъ, раскрывали передъ Шанею лучшія стороны своей натуры.

Теперь хотѣлось Шанѣ говорить съ людьми о немъ, о миломъ Женечкѣ. А съ кѣмъ говорить, кромѣ какъ съ матерью?

Дуня слушаетъ охотно, да еще глупа она, сама ничего не понимаетъ. Томицкій избѣгаетъ разговоровъ о Хмаровѣ,—не любитъ его, а рѣзко говорить о немъ не хочетъ, чтобы Шаню не обидѣть. Заговоритъ съ нимъ Шаня объ Евгеніи,—онъ или промолчитъ, или о другомъ начнетъ, или уйдетъ, или отвѣчаетъ скучно и равнодушно. Володѣ эти разговоры мучительны, и онъ говоритъ Шанѣ горькія слова. Не убѣдитъ, конечно, Шаню, а всегда разстроитъ.

Съ отцомъ не заговоришь объ этомъ,—ужъ очень онъ грубъ и суровъ и только издѣвается.

Съ нянею? Ласкова няня и любитъ Шаньку, а только...

Нянька видѣла, что Шанька все скучаетъ о своемъ Евгеніи. Думала няня:

„Дитя, глупая еще, забудетъ, какъ подрастетъ. Новый дружокъ найдется“.

Старалась утѣшить Шаню, ласкала ее. Сама затѣвала разговоры о Женѣ, чтобы къ Шанѣ подольститься. И все о предметномъ, о грубомъ: какой онъ будетъ богатый, какъ Шаню наряжать станетъ.

Шанѣ это было непріятно. Шаня чувствовала что-то пошлое и потому страшное въ няниныхъ словахъ: благородный ея Женечка—и рядомъ съ нимъ такія торгашескія представленія.

— Молчи, пожалуйста!—кричала Шанька на няню.- Совсѣмъ онъ мнѣ ненадобенъ!

Нянька обидится, заворчитъ, Шаня бросится ее утѣшать.

— Только о немъ ты со мной не говори,—проситъ она старую, цѣлуя морщинистыя нянькины щеки.—Не хочу я про его богатство думать, не надо мнѣ его денегъ.

Скучно Шанѣ, ничто ея долго не радуетъ.

Были заботы о Женѣ,—теперь ихъ нѣтъ. Есть одна забота, какъ-то онъ тамъ, но безполезная: не узнаешь, не побѣжишь.

Въ эти первые дни такъ сильна была боль, почти тѣлесная, отъ разрыва привычныхъ представленій, связанныхъ съ Евгеніемъ! Эти связи представленій были такъ обильны, и такъ онѣ захватывали всю Шанину душу! Ни о чемъ не могла она подумать, не соединивъ своей мысли съ образомъ Евгенія.

Да и о чемъ же иномъ ей думать, какъ не о миломъ его обликѣ! Что же иное вспоминать ей, какъ не его свычаи и обычаи!

Какъ въ языческой душѣ (а у кого изъ насъ душа — не язычница!) легко и радостно зарождается культъ недавно отошедшаго отъ жизни героя, такъ и въ Шаниной душѣ зарождался культъ солнечно-свѣтлаго Евгенія, Ушедшаго на время въ страну далекую, на западъ солнца, на крутые берега широкой рѣки! Созданіе этого культа стало ея главнымъ и почти единственнымъ дѣломъ, а все остальное, весь обрядъ жизни,—все это между прочимъ, такъ, пока. Празднуютъ люди или постятся, а у Шаньки свои праздники, свои посты: годовщины встрѣчъ, бесѣдъ, пріятныхъ событій и бѣдъ,—все помнитъ Шанька, все отмѣчено въ ея синемъ календарѣ.

Въ гимназію ходила Шаня охотно, чтобы уйти изъ дому, но училась кое-какъ. И учителя, и учительницы были ей непріятны и не любили шалунью Шаню, непослушную, дерзкую, насмѣшливую.

Иногда совсѣмъ заброситъ Шаня учебники. Тогда начальница гимназіи шлетъ за родителями. Шанькѣ дома достанется, да не это страшно, а то, чѣмъ отецъ грозитъ:

— Не будешь учиться, сниму тебя съ гимназіи, сиди дома, вышивай въ пяльцахъ.

Нѣтъ, ужъ лучше географію зубрить! И опять примется Шаня за книжки.

Въ весенній ясный день Шаня возвращалась изъ гимназіи.

— Такъ ко мнѣ и придирается,—говорила она Дунѣ про начальницу гимназіи.—Зеленолицая злая тварь! И шептунъ, и козелъ—всѣ съ нею за одно.

Дунечка смѣялась. Ей что! Она—прилежная.

— Ничего, поворчитъ да отстанетъ,—утѣшала она Шаню.

— Да ужъ ты, ласковая!—отвѣчала Шаня.—Къ тебѣ-то, небось, не придерутся.

У Лѣтняго сада Шаня привычно замѣшкалась. Нѣжно простилась съ Дунечкою. Сѣла на той самой скамейкѣ, гдѣ, бывало, поджидала Женю, и книжки рядомъ съ собою положила.

Было вешне-весело, и въ душѣ было радостно-ожидающее по привычкѣ чувство.

Вспомнила вдругъ, что уже не придетъ Евгеній проводить ее до дому. Вдругъ тяжелая грусть упала на сердце. Захотѣлось плакать, но стыдно проливать слезы на улицѣ. Схватила книжки, побѣжала. Досадливо подумала сама про себя:

„Нечего дорожки слезами поливать,—спасиба никто не скажетъ!“

Остановилась у калитки противъ дома, гдѣ жили Хмаровы, и долго

смотрѣла на заборъ, на крышу дома, въ которомъ никогда не была. Вонъ мезонинъ,—тамъ онъ спалъ.

Послѣ обѣда Шаня побѣжала въ садъ. Было предчувствіе радости, и была ясная радость въ небѣ.

Шаня стояла у калитки. Смотрѣла на дорогу, щурясь отъ солнца. Припоминала.

Много есть, что припомнить. Сколько разъ тутъ встрѣчались!

Станетъ иной разъ Шаня у калитки и думаетъ:

„Что бы припомнить? Вотъ это? или то?"

Припомнить, какъ Женя собакъ испугался? или объ яблоняхъ? или о туфелькахъ? Все было забавное и радостное. И такъ пріятно вспомнить по порядку, со всѣми подробностями.

Вспоминается одна встрѣча въ первыя недѣли ихъ близкаго знакомства, милой дружбы.

Познакомились-то они еще на святкахъ, но сдружились тѣсно только въ началѣ прошлаго лѣта.

Былъ такой жаркій, жаркій день. Такъ одежда и липла къ тѣлу. Ужъ такъ жарко! Хоть изъ рѣчки не выходи,—благо близка рѣчка и купанье удобное. Да вотъ только надо постоять у калитки, подождать Женю, авось, придетъ.

Женя, по сдѣланной уже имъ привычкѣ, улучивъ свободный часъ, пробирался въ садъ къ Шанѣ. Шаня давно поджидала его у калитки. Но притворилась, что подошла только сейчасъ.

Женя поклонился ей издали. Шаня пригласила:

— Зайдите Женечка.

Женя, улыбаясь любезно и радостно, сказалъ:

— Благодарю васъ. Я хотѣлъ было пройти въ лѣсъ. Но, если позволите, я очень радъ поболтать съ вами часочекъ.

Шаня, улыбаясь, открыла ему калитку. Женя глянулъ на ея легко загорѣлыя ноги, затаившіяся въ травѣ, и покраснѣлъ. Шаня лукаво улыбнулась. Сказала:

— Извините, я совсѣмъ забыла, что босая, такъ сюда и вылетѣла.

— Но, вѣдь, вы можете уколоться или порѣзаться,—сказалъ Женя.

Шаня засмѣялась.

— Большая бѣда!—безпечно сказала она.

— Да говорятъ, что и неприлично барышнѣ босикомъ ходить,—срывающимся, невѣрнымъ тономъ говорилъ Женя.

— А я такъ часто босикомъ бѣгаю,—простодушно говорила Шаня.— Веселѣе. Это у меня—бальные башмачки.

— Шалунья вы, Шанечка,—смущенно говорилъ Женя.

— Право,—говорила Шаня,—я люблю лѣтомъ босикомъ ходить. Что-жъ такое!

— Развѣ вамъ позволяютъ?—спросилъ Женя.

— Конечно, позволяютъ. Что жъ вы такое кислое лицо дѣлаете? Нѣженка какой!

Шаня весело прыгала по песчаной дорожкѣ, смѣясь, дразня Женины взоры своими легко загорѣлыми ножками.

— Вы бы, Шанечка, обулись,—досадливо сказалъ Женя.

— Зачѣмъ это?—съ удивленіемъ спросила Шаня.

— Гостей встрѣчать надо въ полномъ нарядѣ. А я—вашъ гость.

— Гость! Ахъ, вы, цирлихъ-манирлихъ! Просто, вамъ стыдно, что я босикомъ. Вы—такой баричъ, и вдругъ васъ увидятъ съ босою дѣвчонкою.

— Ну, это вы напрасно!—обиженнымъ голосомъ сказалъ Женя.

— Напрасно?—насмѣшливо спросила Шаня.—А признайтесь, Женечка, вѣдь, вы подглядывали, когда я купалась?

Женя вспыхнулъ. Шаня угадала вѣрно. Онъ бормоталъ смущенно:

— Съ чего это вы взяли, Шанечка! Развѣ это можно! Какъ это вы могли подумать!

Шаня смѣялась.

— Да вы не бойтесь,—сказала она.—Я не сержусь. Я—не уродъ. Конечно, стыдно. Но я знаю, что вы любовались.

Женя пріободрился и сказалъ увѣреннѣе:

— Шанечка, это—другое дѣло. У меня эстетически развитый вкусъ.

— То-то!

— Знаете, Шанечка, нагое человѣческое тѣло—прекрасно, и смотрѣть на него—наслажденіе.

— Что-жъ вы меня заставляете обуться?

— Вовсе не заставляю. У васъ прелестныя ножки. На коврѣ въ комнатѣ очаровательно. А здѣсь вы ихъ въ глинѣ пачкаете. Кожа грубѣетъ.

— Хорошо,—согласилась Шаня,—ну, я сейчасъ надѣну туфельцы. Подождите минутку.

Убѣжала. Женя смотрѣлъ на ея легкій и быстрый бѣгъ.

Минуты черезъ двѣ Шаня вернулась, уже въ черныхъ чулкахъ и бѣлыхъ туфляхъ. И вдругъ Женѣ стало досадно, что онъ не видитъ ея милыхъ ножекъ. Шаня весело говорила:

— Ну, вотъ, теперь хоть въ Лѣтній садъ.

Потомъ все-таки Шаня нерѣдко была босая при Женѣ. Ей хотѣлось, чтобы онъ полюбовался ея ножками. Ужъ если хвалитъ!

Улыбается Шаня, припоминаетъ, какъ мать разсказывала ей про свой разговоръ съ Евгеніемъ о томъ же.

Евгеній встрѣтилъ на улицѣ Марью Николаевну. Поздоровался. Сказалъ нѣсколько словъ. А потомъ вдругъ:

— Что это у васъ Шанечка босикомъ въ саду бѣгаетъ? Еще порѣжется.

Марья Николаевна спокойно отвѣчала:

— А что-жъ, коли ей хочется! Она еще небольшая, да и пускай себѣ ходитъ, какъ хочетъ. По мнѣ бы, я и въ гимназію бы ее босую отпускала въ теплые-то дни.

— Зачѣмъ же?—спросилъ съ удивленіемъ Женя.

— А проще-то лучше, батюшка. Гдѣ просто, тамъ ангеловъ со ста, а гдѣ мудрено, тамъ нѣтъ ни одного. Глянь-ка на иконы,—сколь много святыхъ босыми ходили. Сама Богородица земли нашей не гнушалась,—столь, видно, простота Господу угодна.

Евгенію этотъ мотивъ совсѣмъ показался непріемлемымъ. Онъ сказалъ, съ привычною для него относительно извѣстныхъ предметовъ насмѣшливостью:

— Шанечка у васъ не святая еще пока, а вотъ ножки занозить можетъ.

Марья Николаевна засмѣялась и говорила:

— Ужъ очень ты нѣжный, батюшка, а она привыкла. Живое тѣло,— наколется, заживетъ.

Вспоминаетъ Шаня, улыбается.

А Женечки-то нѣтъ!

Поневолѣ приходилось углубляться въ себя, сравнивать себя нынѣшнюю и прежнюю.

До Жени—пустыня. Отъ Жени—жизнь.

Шибко сердце заколотилось,—Шаня увидѣла Дунечку.

У Дунечки былъ таинственный и взволнованный видъ. Ея свѣтлыя бровки озабоченно хмурились.

— Ну, что?—спросила Шаня.

— Письмо,—громкимъ шопотомъ отвѣчала Дунечка.

Шаня опасливо поглядѣла на окна дома. Никто не смотрѣлъ изъ оконъ, но все-таки дѣвочки побѣжали подальше, черезъ мостикъ, за бесѣдку, въ укромное мѣстечко, изъ дому невидное.

И вотъ въ Шаниныхъ рукахъ первое письмо отъ Евгенія! Шаня въ восторгѣ. И страшно, какъ бы не увидѣли дома, не отняли.

Прочла съ трепетною радостью эти четыре странички милаго, нѣжнаго письма.

Дома перечитывала украдкою и хранила, какъ тайную святыню. На

груди носила, цѣловала часто и такъ часто перечитывала, что наизусть запомнила.

Впитывала въ себя Шаня ядъ этихъ вкрадчивыхъ строкъ, гдѣ что ни слово, то ложь,—впитывала сложный ядъ, гдѣ смѣшивались и стремленіе къ успѣху, къ богатству, и человѣконенавистничество, и узкій эгоизмъ, и наивное самооправданіе, и грубый матеріализмъ.

Было это письмо, какъ святыня, легшая въ основу зарождающагося культа. Теперь, когда Евгенія съ нею не было, это письмо, его рукою написанное, было такимъ радостнымъ предметомъ, къ которому страстно и благоговѣйно устремилось ея почитаніе и поклоненіе. И самъ Евгеній былъ, какъ нѣкое, таящееся въ дали, дивное существо.

ГЛАВА XIII.

Отвѣтъ на Женино письмо Шаня писала у Дунечки. Дома писать было страшно,—какъ бы не поймали. Цѣлый вечеръ собиралась писать, да такъ и не рѣшилась. На другой день изъ гимназіи пошла съ этою цѣлью съ Дунечкою къ ней. Марку еще утромъ купила въ почтовой конторѣ.

Дѣвочки заперлись наверху, въ Дунечкиной комнатѣ, и долго тамъ шептались, смѣялись и плакали. Дунечка принимала самое живое участіе въ составленіи письма и волновалась не меньше, чѣмъ Шаня.

Шаня писала:

„Только одного хочу,—донести къ тебѣ мою любовь цѣлою,—и берегу ее. Хочу къ тебѣ приблизиться, быть достойною тебя, понимать все, о чемъ ты думаешь, на весь міръ смотрѣть твоими глазами“.

И много писала Евгенію Шаня словъ нѣжныхъ и вѣрныхъ. А Дунечка таращила свѣтлыя бровки, всплескивала звонкими ладошками и говорила:

— Да ты, Шанечка, не очень-то передъ нимъ распинайся, а то онъ зазнается.

— Не зазнается!—улыбаясь, говорила Шаня.—Онъ—рыцарь.

— Ну,—спорила Дунечка,—если бы я своему Алексѣю такихъ словъ насказала, такъ онъ бы меня совсѣмъ въ руки забралъ. Онъ и то командовать любитъ.

— Дунечка, тебя твоя мама избаловала, ты и думаешь, что ты во всемъ первая. А я ему, другу моему, вѣрю и у ногъ его лечь не боюсь,—не наступитъ мнѣ на грудь, не раздавитъ моего сердца.

Ѳедосья Ивановна внизу похаживала мимо лѣстницы на верхъ и ворчала. Она догадывалась, что за секреты у дѣвочекъ, но не мѣшала, хоть иногда и разбирало ее желаніе взойти къ дѣвочкамъ тихохонько, накрыть и шугнуть.

Потомъ дѣвочки съ видомъ заговорщицъ сбѣгали къ почтовому ящику. Улучили минуту, когда ни близко, ни далеко не было ни души, и Шаня трепетными пальчиками толкнула письмо въ узкую щель зеленаго ящика.

Дунечка, стоя рядомъ, смотрѣла на Шаню съ восхищеніемъ, слегка пріоткрывъ ротъ, приподнявши свѣтлыя бровки. Потомъ бросилась на шею Шанѣ и крѣпко поцѣловала ее.

Шаня съ бурнымъ нетерпѣніемъ ожидала Женина отвѣта.

Уже совсѣмъ ни о чемъ иномъ не могла думать въ эти дни Шаня. Она ходила каждый день на мѣста своихъ встрѣчъ съ Женею,—въ свой садъ, на берегъ рѣки, въ Лѣтній садъ. Всѣ мѣста встрѣчъ и свиданій исходила, слѣдовъ своего милаго искала. На качеляхъ качалась, Женю вспоминая.

Вспоминались Шанѣ разговоры съ Женею о голубыхъ тѣлахъ.

— Неужели это—правда?—думала Шаня.—Увидѣть бы хоть разикъ! Вотъ Женя,—у него тонкая натура, онъ видѣлъ. А я—мужичка грубая. Но я хочу ихъ увидѣть! Увижу!

Такъ сильно вѣрила въ Женины слова, что иногда и видѣла.

Утромъ на зарѣ приснилось Шанѣ,—стоитъ передъ нею сіяющая голубая тѣнь и говоритъ:

— Пріѣдетъ за тобою милый твой на бѣломъ конѣ, станетъ передъ тобою въ блистающей одеждѣ, на твои волосы надѣнетъ золотой вѣнчикъ, уведетъ тебя съ собою на веселый пиръ,—а и будетъ пиръ на весь міръ.

Проснулась Шаня, увидѣла, какъ въ окно мелькнула голубая тѣнь. Схватилась Шаня съ постели, побѣжала въ садъ въ одной рубашкѣ.

Няня вдогонку ей крикнула:

— Ну, чего русалимкой бѣгаешь, въ одной рубашенкѣ! Вернись, Шанька, безстыжіе твои глазья!

Бѣжитъ Шаня по дорожкамъ; раскраснѣлось лицо, на губахъ безумно-радостная улыбка. Передъ нею мелькаетъ что-то голубое между деревьями,—ясный воздухъ голубѣетъ передъ Шанею, голубѣетъ надъ нею тихое небо.

Шаня обѣжала весь садъ кругомъ, да не догнать голубой тѣни,—и вернулась домой, не знаетъ, плакать ей или радоваться.

Няня забранила, заворчала на Шаню:

— Какава шаршавая!

Смѣется Шанечка надъ собою. Думаетъ:

„Экая я глупая,—за голубою тѣнью погналась! Да, вѣдь, ее не поймаешь".

Няня смѣется и ворчитъ:

— Русалимка голоногая!

Потомъ видитъ няня, что Шаня нахмурилась, плакать собирается. Подошла къ ней старая, приласкала, смѣшливымъ голосомъ пѣсенку спѣла:

Погоди, пріѣдетъ прынецъ,
Привезетъ тебѣ гостинецъ,
Филимончикъ скапельцынный,
Бананасецъ мандаринный.

Шаня развеселилась. Не можетъ же быть, чтобы голубая тѣнь предвѣщала ей злое! Но, на всякій случай, спросила няню:

— А что значитъ, нянечка, бѣлый конь?

— Во снѣ, что-ли, видѣла?—опасливо спросила нянька.

— Не видала, а слышала говорилъ кто-то про бѣлаго коня,—сказала Шаня.

Няня успокоилась.

— Ну, не бѣда. Вотъ если бы увидѣла,—нехорошо.

— А что, нянечка?

— Бѣлый конь смерть вѣщаетъ,—строго сказала старая няня.

Сжалось тоскою Шанино сердце. Но скоро оказалось, что то не смерть ей возвѣщалась, а радость,—письмо отъ милаго.

Второе письмо Евгеній прислалъ очень скоро.

Шаня и надѣяться не смѣла. Зашла послѣ гимназіи къ Дунѣ—и вдругъ,—восторгъ!—тамъ уже письмо лежитъ, дожидается.

Вотъ, недаромъ показалась голубая тѣнь, милая предвѣщательница радости!

Съ того утра не разъ видѣла Шаня голубыя тѣни. Эти милыя тѣни окутывали ея душу таинственнымъ страхомъ, жуткимъ ужасомъ, но и влекли къ себѣ неодолимо. Голубоватые, вешніе тона воздуха и неба манили Шаню постояннымъ напоминаніемъ о голубыхъ. Каждый предметъ неопредѣленныхъ очертаній,—облачко, дымокъ, колыханіе вѣтокъ по вѣтру, пыль, вѣтромъ взвѣянная, въ травѣ пробѣжавшій звѣрекъ,—все было для нея поводомъ увидѣть въ этомъ мимолетномъ явленіи быстрое мельканіе проносящейся мимо голубой тѣни.

Иногда Шаня боялась этихъ голубыхъ. Думала:

„Вдругъ промчится предо мною на бѣломъ конѣ!"

Но бояться долго не умѣла бойкая Шанька.

Послѣ обѣда Шаня вышла погулять въ своемъ саду. Она любила застаиваться у той калитки на улицу, гдѣ часто встрѣчала она Евгенія. А теперь вдругъ встрѣтила она тамъ Володю Гарволина.

Его тянуло къ Шанѣ, хотя онъ зналъ, что каждое свиданіе только тоскою опять измучитъ его сердце.

Послѣ смерти своей матери Володя поселился у дяди. Унылое было житье!

Володинъ дядя былъ угрюмый, тихій старикъ-чиновникъ; служилъ онъ

въ уѣздномъ казначействѣ и получалъ немного. Дѣтей у него было три сына да три дочери. Жена умерла давно, а вмѣсто нея въ бѣдномъ домѣ, въ невзрачномъ флигелѣ во дворѣ, таясь въ углахъ, злыя и сѣрыя, поселились двѣ безликія бабы,—Нужда да Забота. Хозяйничали, какъ умѣли, серебряными монетами дырки затыкали, мѣдныя копѣйки черезъ порогъ катили. Смотрѣли, чтобы дѣти лишняго куска не съѣли, крошки со стола не уронили, платья подольше бережно носили, башмаки на улицѣ поменьше топтали. За разбитую чашку подымали свару, шипѣли, злились, требовали дѣтскихъ слезъ.

Хозяинъ побаивался злыхъ бабъ. И былъ онъ забитый судьбою, робкій. Худенькій, сѣденькій, чуть живъ. Не говорилъ, а бормоталъ. Не дышалъ, а покашливалъ.

Володя не обременялъ собою дядиной семьи,—самъ зарабатывалъ кое-что уроками. Конечно, мало. Въ такомъ городѣ, какъ Сарынь, много уроками не заработаешь.

Шептались злыя старухи за печкою:

— Ну, что жъ, кое-какія дырки его деньжишками заткнемъ. Пусть только на себя поменьше тратитъ.

Слабѣетъ по времени грусть по умершимъ. А у Володи Гарволина,—что дальше время шло, то сильнѣе грусть о матери овладѣвала сердцемъ.

Замеръ ужасъ передъ этимъ зрѣлищемъ умиранія, грубаго торжества мертвыхъ силъ надъ живою душою человѣка, и то, что было краткимъ страхомъ передъ смертью, растворясь въ томительности переживаній, стало тихимъ ужасомъ передъ жизнью.

Грусть сживалась понемногу съ тоскующимъ сердцемъ.

Такъ все ясно,—Шаня для Володи недостижима, другой ему не надобно,—бѣдное сердце навѣки вѣрно,—личное счастье невозможно.

Какъ же ему жить, для кого и для чего—пока еще не знаетъ Володя. Готовыхъ отвѣтовъ есть много, но не вѣритъ имъ Володя, потому что бѣдное сердце перестаетъ вѣрить въ чудо.

Скучный, унылый видъ Володи Гарволина дѣлалъ его въ Шаниныхъ глазахъ жалкимъ, непріятнымъ и отчасти даже смѣшнымъ. Но Шаню и влекло къ нему. Влекло волнующее и жуткое сознаніе того, что это она—причина его тоски неизбывной. Была жалость къ нему, но и немножко презрѣнія. Сравнивая Володю съ собою, Шаня думала:

„Я—дѣвочка, да и то носъ такъ не вѣшаю. Ну, да я—сильная“.

Радостно сознавая свою силу, Шаня утѣшала Володю, какъ большая маленькаго.

Иногда такъ ей станетъ жалко Володю, что она даже поплачетъ о немъ, оставшись одна.

Мучительна Гарволину Шанина жалость. И хочется, чтобы Шаня его пожалѣла, и стыдно.

Володя почему-то все вспоминалъ Шанинъ разсказъ о разбитой розеткѣ и о несовершившемся по ея молитвѣ чудѣ. Въ Володиной душѣ, уже потрясенной жестоко, этотъ случай былъ, какъ тотъ легкій толчекъ или шумъ, который опрокидываетъ подтаявшій айсбергъ,—такъ рушилась въ его душѣ старая, простодушная съ дѣтства вѣра.

— А я, Шанька, все про твою розетку вспоминаю,—сказалъ онъ.

— Какую розетку?—спросила Шаня.

— А вотъ, что ты разбила, и молилась, чтобы она срослась. Не срослась розетка, не было чуда, вмѣсто чуда была тебѣ мука. А что, Шанька, если и всегда такъ на этой землѣ? Что, если чуда не было никогда и не будетъ? Вѣдь, тогда и жить нельзя. Какъ же намъ всѣмъ жить безъ чуда!

Шаня засмѣялась.

— Володенька, да, вѣдь, это—дѣтское! Развѣ-же статочное дѣло изъ-за шалости чуда просить! Этакъ бы всѣ ребятишки избаловались.

Шаня смѣялась, забывъ свои тѣ, дѣтскія слезы. Володя прислушивался къ ея словамъ, съ неловкимъ видомъ склонивъ къ ней правое ухо. Подумалъ надъ Шанькиными словами, но не утѣшился ими. Сказалъ:

— Дѣтское, говоришь? Такъ что же! Для Бога всѣ мы—дѣти, всѣ маленькіе да слабенькіе.

— Чудо будетъ, стоитъ только захотѣть,—рѣшительно сказала Шаня.

Володя усмѣхнулся, вздохнулъ.

— Ну, вотъ ты захотѣла чуда, а что изъ этого выйдетъ?

Призадумалась Шаня—и, какъ всегда, мысли ея обратились къ Евгенію.

— И не хочу, да вспоминаю милаго,—говорила она.—Иногда такъ ясно его вспомню, точно онъ тутъ стоитъ. Только онъ не голубой, а отдѣльно. И тогда хорошо мнѣ, и весь городъ здѣшній—какъ большой памятникъ милаго моего. Хожу по улицамъ, по дорожкамъ, а сама точно въ храмѣ стою. Для меня теперь каждая яблонька, съ которой Женя бралъ яблочки, какъ часовенка зелененькая. И каждая вещь, которая о немъ напомнитъ, такая милая станетъ, что цѣловать ее хочется.

— Нашла себѣ кумира,—сказалъ Володя.—Какъ бурятка дикая, своему идолу саломъ губы мажешь. Погоди, не пришлось бы тебѣ своего идола палкой смазать.

Шаня быстро глянула на Володю и сказала:

— Мнѣ хочется понять Евгенія хорошенько.

— Сама себя разстраиваешь,—сказалъ Володя.—Понять его—штука нехитрая. Мнѣ онъ сначала тоже показался симпатичнымъ, а потомъ я его раскусилъ.

Шаня призадумалась. Не слышала, что говоритъ Володя. Вдругъ повернулась къ нему и, прервавъ его на полсловѣ, сказала радостно:

— У меня скоро будетъ праздникъ.

— Какой такой праздникъ?—невесело спросилъ Володя.

— Годовщинка,—съ лукавою усмѣшкою говорила Шаня.—Годъ съ того дня,—ну, однимъ словомъ, такая милая встрѣча съ нимъ была. И сейчасъ, какъ вспомню, сердце зарадуется.

— Есть чему радоваться!—хмуро молвилъ Володя.

Шаня вздохнула. Сказала:

— А вотъ поди-жъ ты,— и больно, и радостно. Мнѣ, Володенька, больно, точно кто-то ножикомъ изъ сердца самую радостную половинку вырѣзалъ. Вотъ было—и вотъ нѣтъ. Просто дѣлать ничего не хочется. И глаза бы мои не глядѣли на всѣ эти вещи! Учебники пожгла бы, пошла бы къ нему въ прачки. Да не пустятъ.

— Ты—лѣнивая, Шанька,—сказалъ Володя.

Вдругъ поблѣднѣвъ, чувствуя приступъ странной злобы, онъ хрипло сказалъ:

— Иногда мнѣ кажется, Шанька, что ты—злая.

— О, злая!—воскликнула Шаня.—Ну, и пусть, и пусть злая!

— Чего хорошаго-то?—тихо спросилъ Володя.

Шаня говорила:

— Если я злая, пусть я пострадаю. Пусть, пусть меня Богъ накажетъ. А я все-таки сегодня голубенькую тѣнь видала.

Володя сумрачно сказалъ:

— Никакихъ нѣтъ голубенькихъ.

— Это вотъ ты—злой!—сердито сказала Шаня.—Какъ же это такъ,— нѣтъ голубыхъ? Что-жъ ты говоришь о томъ, чего не знаешь? Вотъ видишь, утромъ голубого видѣла, а днемъ отъ Жени письмо получила. Ну, какъ же ты говоришь, что голубыхъ нѣтъ? Этакъ ты скажешь, что и ничего нѣтъ, ни земли, ни неба? Эхъ, ты, философъ! А вотъ будетъ скоро моя годовщинка,—я эту калитку всю цвѣтами уберу.

Володя усмѣхнулся и попросилъ:

— Покажи письмо.

— А смѣяться не будешь?—спросила Шаня.

Показать Женины письма ей самой хотѣлось. Володя сказалъ угрюмо:

— Нашла зубоскала! Когда же я надъ тобою смѣялся?

Шаня повела Володю въ баньку. Сбѣгала за письмами.

Володя прочиталъ оба письма. Усмѣхнулся. Сказалъ:

— Мастеръ улещать. Хоть бы одно слово вѣрное написалъ.

— Какое же вѣрное?—обидчиво спросила Шаня.

— А вотъ какое,—отвѣчалъ Володя съ досадою,—ты обо мнѣ, Александра, не думай, да и я тебя скоро забуду. У тебя одна дорога, а у меня другая, а за прошлое спасибо, провели время не скучно.

— Ну, и злой, и злой, и злой!—закричала на него Шанечка, постукивая кулачкомъ по ладони.—А вотъ буду о немъ думать, буду, и онъ меня не забудетъ, не забудетъ, и мы будемъ вмѣстѣ.

Володя махнулъ рукою:

— Ну, до свиданья, Шанечка.

Шаня поцѣловала его въ щеку и сказала:

— Знаю, куда ты пойдешь. Къ матери на могилку.

И ужъ не сердилась на него, опять растроганная его грустью.

Простился Володя съ Шанею. Шаня пошла было проводить его до калитки, да мать кликнула ее зачѣмъ-то домой. Шаня убѣжала.

Володя долго смотрѣлъ вслѣдъ за нею. Вздохнулъ и пошелъ. У калитки стояла нянька.

— Что, Володенька, голову повѣсилъ?—спросила старая.

— Веселаго мало, няня,—сказалъ Володя.—Стрекоза твоя о Хмаровѣ думаетъ, а онъ ей носъ натянетъ.

— А ты, Володенька, будь смѣлѣе,—говорила няня,—держи себя съ полнымъ своимъ достоинствомъ, черезъ куражъ найдешь и марьяжъ. Бралъ бы примѣръ съ Женьки Хмарова. Барственно себя велъ молодчикъ,—придетъ себѣ вальяжно, или на лосипедѣ подкатитъ такимъ шкапидаромъ, яблоковъ, ягоды нашей налопается, Шаньку по румянымъ щечкамъ бѣлыми ладошками звонко отблагодаритъ, да и былъ таковъ. А Шанька-то кругъ его каруселится, а Шанька-то къ нему губарабится.

— Неужели онъ ее билъ?—спросилъ Володя.

— Бить не билъ по-настоящему,—отвѣчала старая,—а памятку задавалъ. Шанька-то у насъ своевольница да пересмѣшница, любитъ подразнить, а ему не нравилось, потому гоноръ великъ и гордая шишка на затылкѣ.

Отъ Шани Гарволинъ пошелъ на кладбище. Это была его любимая прогулка. Часто сюда приходилъ, почти всегда не въ праздникъ, когда мало народу. Тайкомъ отъ своихъ. На могилу къ матери.

Пришелъ—и почувствовалъ какую-то странную усталость, точно издалека пришелъ.

Весною на кладбищѣ хорошо,—это позже будетъ, знойнымъ лѣтомъ, что земля порою трескается, и смрадъ могилъ поднимается къ небесамъ, къ золотой колесницѣ мертваго Дракона, влекомаго незримыми конями, подобно тому, какъ въ день великаго поднятія водъ по гулкимъ улицамъ Древняго Города медленно влекся на торжественной колесницѣ мертвый деспотъ, разрумяненный, но зловонный, послѣднiй царь Атлантиды. А теперь нѣжно

и легко льется въ грудь воздухъ вешняго кладбища, и Драконъ еще живъ. И такая окрестъ отрада!

Какъ всегда здѣсь, обступили унылыя думы. Володя снялъ шапку, сѣлъ на скамейку. Сидѣлъ сгорбясь, какъ старый. Холодноватый, пустынный вѣтеръ порою приподнималъ прядку волосъ на его лбу. Въ воздухѣ, еще пахнувшемъ снѣгомъ, было пусто и тихо. Въ сердцѣ тупо и странно. Между могилами темнѣла полуобнаженная весенняя земля. По небу тихо проходили ясныя тучки и словно подсматривали, что онъ тутъ дѣлаетъ на могилѣ. Блѣдное небо казалось низкимъ и тяжелымъ.

— Гдѣ же ты, жизнь безконечная!

ГЛАВА XIV.

Вотъ и лѣто настало, знойное, яркое, страстное. Около заборовъ въ городѣ буйно выросла высокая крапива. На грудахъ мусора зазеленѣли, зацвѣли сорныя, но все же небу милыя травы: чистотѣлъ, осотъ, марь и лебеда. Между травами созрѣвала сочная земляника. За Шанинымъ садомъ, на тихомъ озерѣ, обросшемъ камышемъ, распустились поразительные цвѣты желтаго касатика и таинственно колебалися при порывахъ вѣтра.

Няня радовалась теплу, старая, и говорила:

— Благотвореніе воздуха въ нашихъ садукеяхъ.

Шаню кое-какъ перевели въ слѣдующій классъ. Ей ужъ не хотѣлось опять, по прошлогоднему, получить переэкзаменовку и все лѣто быть подъ страхомъ,—налегла на учебники, подзубрила.

Лѣто, свобода,—все хорошо, только Жени нѣтъ. Земля и небо, весь міръ обвѣянъ крыльями голубыхъ, а Женя далекъ.

Земной рай—пустыня безъ Жени!

Лѣтніе дни такъ медленны и длинны, особенно если они не отмѣчены въ Шаниномъ календарѣ какимъ-нибудь милымъ воспоминаніемъ. Ползутъ, ползутъ безъ конца, обвивая душу томленіемъ.

Иногда Шаня думала:

„Скорѣе бы ночь наступила!"

Ночь, когда мечтается сладко!

Мечта объ Евгеніи странно мѣнялась, отходила отъ первоначальнаго образа, претворялась въ сладостную легенду. Образъ Евгенія голубѣлъ, истончался, восходилъ по лѣстницѣ совершенствъ. Привычныя связи представленій разрывались, завязывались новыя.

Письма отъ Евгенія приходили уже не такъ скоро. Сначала Евгеній оправдывался тѣмъ, что у него экзамены, потомъ уже ничѣмъ не оправдывался. Но его письма, хотя и рѣдкія, были такъ же нѣжны, какъ и первыя.

Шаня перечитывала ихъ каждый день. Наизусть запомнила. Эти письма становились ея кораномъ и понемногу отравляли ея душу.

Шанѣ особенно нравились въ этихъ письмахъ тѣ мѣста, гдѣ Евгеній тономъ наставника, снисходящаго къ малому пониманію внимательной почитательницы, излагалъ свои взгляды на жизнь. Большое мѣсто въ Жениныхъ письмахъ занимали описанія Крутогорска, его улицъ, домовъ и театровъ, Жениныхъ встрѣчъ и знакомствъ. Все это было чрезвычайно интересно, но все-таки нѣсколько далеко отъ Шаниныхъ настроеній, и не эти описанія и разсказы могли помочь ей приблизиться къ Евгенію, научиться у него, понять его, стать достойною его.

Шанѣ захотѣлось отдѣлить отъ этихъ разсказовъ и описаній поучительную сторону Жениныхъ писемъ, чтобы имѣть всегда подъ руками надежное руководство на всѣ случаи жизни. Любовь дѣлала легкомысленную Шаньку разсудительнымъ и мелочнымъ педантомъ.

Шаня отправилась въ Гостиный дворъ — неуклюжее бѣлое каменное зданіе, подъ грузными аркадами котораго помѣщались лучшіе въ городѣ лавки и магазины, и тамъ купила красивый альбомъ.

На заглавномъ листкѣ альбома Шаня сдѣлала крупную надпись:

«Женины завѣты».

На первой страницѣ написала она сама:

— Хочу быть достойною моего возлюбленнаго. Хочу все дѣлать и о всемъ думать по мысли и по душѣ господина моего. Хочу вся жить въ немъ, и изъ воли его не выйду. Помоги мнѣ, Господи, быть вѣрною ему!

А со второй страницы начались Женины завѣты.

— Уважай самого себя, говоритъ Женя, если не хочешь стать въ ряды презрѣнныхъ рабовъ.

— Ставь себя на самое высокое мѣсто, и тебѣ поклонятся.

— Не жди оцѣнки отъ другихъ, хвали самъ себя; не вѣрь тѣмъ, кто говоритъ, что это—жалкое самохвальство.

— Свою хвалу себѣ я поддержу всею своею жизнью.

— Прекрасны люди, рожденные для господства. Презрѣнны рожденные для низкой корысти.

— Хорошо имѣть предковъ, дѣлами которыхъ можно гордиться.

Женины завѣты иногда слишкомъ больно ранили Шанину душу. Иногда кое-что въ нихъ было ей непонятно. Тогда она писала Евгенію и просила объясненій.

Евгеній отвѣчалъ ей нѣжно, но очень свысока. Иногда ея вопросы казались ему просто глупыми, и тогда онъ отвѣчалъ ей не безъ раздраженія. Но такъ какъ раздраженіе—плохой совѣтчикъ, то Евгеній порою и

самъ запутывался въ своихъ отвѣтахъ. Иногда Шаню даже обижало, что онъ не хочетъ понять ея сомнѣній.

Раза два Шаня пыталась поговорить съ матерью о Жениныхъ завѣтахъ. Но Марья Николаевна этихъ странностей не понимала и посмѣивалась надъ дочкою. Шаня обидѣлась и уже перестала говорить объ этомъ съ матерью. А съ отцомъ заговаривать объ этомъ и не пыталась.

Если нельзя говорить объ этомъ, то лучше молчать и быть почаще наединѣ со своими думами и мечтами. И вотъ потому Шаня старалась порѣже бывать дома. Притомъ же раздоръ между отцомъ и матерью больно мучилъ Шаньку; не хотѣлось на все это глядѣть.

Мать говорила иногда:

— Ужъ очень ты непосѣдлива, Шанька. Только тебя и видишь, что за столомъ. Смотри, какъ бы отецъ тебѣ хвостъ не пришпилилъ.

А Шаня отвѣчала:

— Я же, вѣдь, мамочка, всѣ экзамены выдержала, какъ же мнѣ теперь не погулять!

Уходила изъ дому,—вспоминать, мечтать. Думала о томъ, какая была раньше, какая стала теперь. Дивилась той перемѣнѣ, которую въ себѣ замѣчала.

До Евгенія содержаніемъ Шаниной души были ея еще не приведенныя къ одному центру стремленія, яркія, капризныя, буйныя, но случайныя. Шаня смутно вспоминала объ этомъ доисторическомъ времени.

А вотъ теперь прихотливая власть случая замѣнилась суровою властью рока. Теперь Шаня казалась себѣ совсѣмъ, совсѣмъ иною. Ей трудно было осмыслить это впечатлѣніе отчужденности отъ того ранняго времени, и все-таки настойчиво хотѣлось понять эту перемѣну. Она думала:

„Я была тогда совсѣмъ глупая. Можетъ быть, я и теперь глупая, но по иному. А тогда, до Жени, какъ же я жила? Теперь мнѣ все ясно,—я вся въ немъ, вся для него,—а тогда я была здѣсь и тамъ, вездѣ и нигдѣ, какъ разсыпанныя бусы."

Мечта объ Евгеніи спаяла Шанину душу, огненнымъ обручемъ связала ее, и такая теперь была въ ея душѣ цѣльность, какой не было никогда раньше.

Казалось Шанѣ, что ея прежняя душа ушла изъ нея и живетъ отдѣльно. И старалась Шаня представить себѣ, какая-же была эта прежняя Шанька. Вспоминала, сравнивала.

Образъ прежней Шаньки дробился, разбивался, какъ теченіе медленной рѣчки дробится на многіе протоки.

Шаня олицетворяла себя прежнюю въ милыхъ нежитяхъ.

На рѣчку-ли она пойдетъ,—кажется ей, что гдѣ-то за кустами, разме-

тавъ черные волосы по плечамъ, по спинѣ, плещется въ прохладной, прозрачной водицѣ рѣчица-Шанька, прежняя, глупая, веселая. Вода для рѣчицы-Шаньки—просто вода, въ которой весело, и песокъ—только песокъ, по которому забавно побѣгать. Ей, рѣчицѣ-Шанькѣ, не томно, не жутко, не стыдно. Пучина ея не манитъ, лебедь не пугаетъ, золотой змѣй не обниметъ. А и обниметъ, ничего не пойметъ рѣчица-Шанька, только засмѣется, играя.

Въ баньку-ли пойдетъ Шанька,—не спряталась-ли подъ полокъ прежняя она, банница-Шанька? Моется усердно банница-Шанька въ теплой и въ холодной водицѣ, третъ себя губкою и мягкою мочалкою, ничего не знаетъ о томъ, сколько жуткаго и сладкаго въ этомъ обычномъ обрядѣ; смотритъ на свою дѣтскую грудь—и щеки ея не вспыхнутъ, и глаза ея не зажгутся.

Въ лѣсъ-ли пойдетъ,—вонъ за деревьями она прежняя идетъ, лѣсовица-Шанька, только то и знаетъ, что по-грибы нельзя босикомъ ходить, ничего не найдешь, а по-ягоды можно; а не знаетъ, какъ отрадны и жутки лѣсныя тѣни, какъ сладки лѣсные поцѣлуи.

По полямъ-ли идетъ Шаня,—прежняя она, полевица-Шанька, поодаль бѣжитъ, васильки да кашки рветъ, сама того не знаетъ, что каждый цвѣтокъ выросъ для милаго; вѣнки сплетаетъ, сама того не знаетъ, что вѣнокъ на головѣ, чтобы милый цѣловалъ слаще.

По дорогѣ-ли столбовой идетъ Шаня,—а прежняя она, дорожница-Шанька, колокольчику тройки рада, не знаетъ призывной тоски дорожной, не знаетъ, какъ хочется въ далекій, далекій путь.

Что забавило прежнюю Шаньку,—прежнихъ Шанекъ,—домовницу, садовицу, качельницу, уличницу, школьницу? Игры, забавы, буйное молодечество, быстрый бѣгъ санокъ, скрипъ веселъ, визгъ по льду коньковъ, холодъ водъ и зной полдневный лѣтомъ. Все это мило и теперь, потому что во все это вплелась мечта объ Евгеніи, нѣжная жизнь любви.

Въ жизни другихъ людей привлекаетъ Шаню теперь только то, что такъ или иначе сплетается съ любовью. Въ книгахъ интересны ей только страницы любви. Мечтаетъ она только о любви.

И къ родителямъ стала присматриваться Шаня внимательнѣе, потому что ихъ сладко и больно жалила любовь.

Присматривалась къ нимъ внимательно, а все-таки бѣгло. Торопилась уйти. Пойдетъ будто-бы къ какой-нибудь подругѣ въ городъ, а сама пробѣжитъ окольными улицами на шоссе, идетъ за городъ, къ Четверговому полю, на тотъ пустынный перекрестокъ двухъ дорогъ, до котораго доходили съ Женею, гуляя за городомъ.

Небо надъ нею туманится. День тускнѣетъ, догорая. Дорога широкою

лентою вьется вдаль. Носятся высоко стаи птицъ. Городъ только что кончился. Плетень, полуразвалившійся, ограждаетъ унылую избу.

Березы вдоль дороги длиннымъ рядомъ говорятъ о чемъ-то унылом и безнадежномъ. И верстовой столбъ торчитъ некстати, ни къ чему, уныло и нелѣпо.

Печально Шанѣ. Хочется идти далеко-далеко по трудной, жесткой дорогѣ, какъ ходятъ богомолки, чтобы заслужить у кого-то милость.

Сниметъ Шаня ботинки. Вотъ и жестка дорога подъ ея ногами, и камешки остры. Но Шаня идетъ упрямо, помахивая снятыми ботинками.

„Пусть, пусть",—думаетъ она, околачивая ноги о щебень.

Или идетъ Шаня одна на берегъ,—садъ подходилъ прямо къ рѣкѣ. Рѣка лѣтомъ сильно обмелѣла, и Шаня переходитъ ее въ бродъ, къ лѣсу.

Знойный день ярокъ и злобно-тихъ. Жарко и свѣтло. Далеко вокругъ никого не видно. Шаня одна садится въ лодку.

На Шанѣ только легкое платье, на головѣ соломенная шляпа. Ноги ея уже успѣли загорѣть.

Легко двигая весла, Шаня плыветъ по рѣкѣ и вспоминаетъ, какъ она съ Женею каталась въ лодкѣ прошлымъ лѣтомъ, въ такой же знойный, тихій день.

Евгеній изнемогалъ отъ зноя, а Шанѣ въ ея легкомъ платьицѣ, подъ ея широкополою легкою шляпкою, ничего, ей весело и легко. Она спускаетъ то одну, то другую руку въ воду и потомъ принимается шалить,—качаетъ лодку, брызгаетъ водою на Евгенія.

Евгеній боится и злится. Онъ кричитъ:

— Шаня, не шали, лодку опрокинешь!

— Что за бѣда!—съ обычною безпечностью отвѣчаетъ Шаня.

— Но мы упадемъ въ воду!—кричитъ Евгеній, неловко махая веслами.

— Ну, что жъ такое! Здѣсь мелко.

— Утонуть и въ лужѣ можно.

— Ничего, здѣсь нельзя утонуть.

— Но мы совсѣмъ перемочимся!

— Ничего, рѣчка вымочитъ, солнце высушитъ.

Евгеній злится и гребетъ къ берегу.

Вспоминала Шаня и думала:

„И чего это онъ сердился на всякій пустякъ! Ну, да онъ—еще мальчикъ. Выраcтетъ, будетъ веселый и всегда любезный".

До берега добрались—у Шани новая затѣя.

— Женечка, наловимъ раковъ.

— Чѣмъ ловить?—спрашиваетъ Евгеній.

— Чѣмъ? Да просто руками. Вонъ подъ этими камешками ужъ, навѣрное, раки водятся.

Шаня входитъ въ воду, шаритъ подъ камнями, вытаскиваетъ рака и бросаетъ на берегъ. Зоветъ Евгенія:

— Женечка, иди сюда, мнѣ одной скучно.

— Глупости,—ворчитъ Евгеній.

Но не можетъ отказать Шанечкѣ—и черезъ минуту влѣзаетъ въ воду.

Залѣзли оба въ воду. Толкаются, возятся, смѣются. Вода имъ выше колѣнъ.

Шаня любуется Жениными ногами, бѣлыми и стройными. Въ водѣ онѣ кажутся тогда очень красивыми, когда порозовѣютъ отъ холода. Курточку Женя снялъ, рукава засучилъ,—до плечъ открытыя, стройныя, розовѣютъ его руки.

Рдѣли ихъ щеки, и глаза блестѣли. И теперь, вспоминая, чувствуетъ Шаня, какъ рдяны ея щеки, какъ алы ея губы, какъ блестятъ ея глаза. Легкій и сладостный стыдъ заставляетъ ее закрывать лицо руками и смѣяться.

На берегу рѣки нынче Шаня нашла то мѣсто, гдѣ они съ Женею въ прошломъ году ловили раковъ, и полюбила приходить сюда.

Песокъ, мокрый при рѣкѣ и мелкій, тотъ самый песокъ, на который ступали Женины ноги, казалось ей, еще хранилъ въ себѣ теплоту его тѣла.

Ляжетъ иногда Шаня на берегъ, прижмется щекою къ песчинкамъ и вся замираетъ.

А вотъ теперь Шаня одна ловитъ раковъ руками. Празднуетъ годовщину того дня, когда они здѣсь вмѣстѣ съ Женею возились у прибрежныхъ камней, брызгая другъ на друга водою.

Шаня купалась въ рѣчкѣ близъ своего сада. Мѣсто было безлюдное, но очень открытое.

Вода ласковая была и влюбленная въ Шанино тѣло. Она влекла и выбрасывала, играя, и обнимала прохладно и звучно. И влажные поцѣлуи звучали на Шаниномъ тѣлѣ.

Шанѣ казалось, что ее кто-то обнимаетъ. Жгучее лѣтнее томленіе охватывало ее. Первое дѣвичье сладострастіе пылало въ ея тѣлѣ.

Стало вдругъ стыдно,—воздуха и неба.

Шаня боязливо подумала:

„А что, если сойдетъ ко мнѣ демонъ полуденный—золотой змѣй, или лебедь? И обниметъ? Такъ всю голую и возьметъ. Ай, страшно!“

Шаня взвизгнула тихонько, бросилась одѣваться. Кое-какъ надѣла рубашку, юбку и побѣжала домой.

— Въ баньку, Шанька!—говоритъ мать.

Шанино сердце замерло и забилось. Шаня нарочно долго медлитъ, чтобы потомъ остаться въ банькѣ одной. И няня ушла, и мать, а Шанька все дома. Уже мать и няня собрались уходить изъ баньки, когда Шаня туда пришла, тихая, въ благоговѣйномъ настроеніи. И въ рукахъ у нея роза.

Эта банька—одинъ изъ Шаниныхъ памятниковъ. Здѣсь не разъ встрѣчалась она съ Женею. Сидѣли здѣсь на скамеечкѣ. Тихонько говорили.

Вспоминаетъ Шаня разговоръ, тихій, полу-шопотомъ, когда прошлымъ лѣтомъ, въ знойный день, передъ грозою, она привела Евгенія въ баньку, гдѣ было прохладно и тихо.

Онъ говорилъ о красотѣ, любовался ея ножками и ласкалъ ее такъ нѣжно и ласково.

Прикосновеніе Жениныхъ рукъ, его нѣжные поцѣлуи словно еще горѣли на Шаниныхъ щекахъ, на ея плечахъ и на рукахъ. А въ ушахъ еще звучатъ его загадочныя слова о запечатлѣнныхъ вратахъ—странные намеки, возбуждающіе жгучее любопытство.

Нынче лѣтомъ часто Шаня приходитъ въ баньку, вспоминаетъ.

То ляжетъ Шаня на скамейку, то опять встанетъ, тяжко и томно взволнованная.

Въ знойный день одна туда заберется. Скинетъ платье. Въ одной сорочкѣ станетъ на колѣни передъ окномъ.

Небо голубѣетъ. Шанька молится. Тайна, свѣтлая, свѣтлѣе, чѣмъ всякая на землѣ явь, обнимаетъ ее.

Страстная молитва радостна. Тайна таится въ углахъ. Вся горитъ Шаня страстью. Тяжко бьется ея сердце, и кровь пламенно стремится въ жилахъ.

— Шевелись, Шанька!—кричитъ мать.

Бранится мать, ворчитъ няня. Шаня скромно и молча входитъ въ сумракъ баньки, и радостно ей, что въ вечерѣющихъ лучахъ солнечныхъ румяно свѣтятся маленькія окна, и наклонные лучи пронизываютъ оба тѣсные покойчика—первый, гдѣ раздѣться, и второй, гдѣ мыться.

— Ждать, что-ли, тебя!—сердито говоритъ мать.—Мойся одна, коли не страшно.

— Чего жъ мнѣ бояться, мамушка?—тихо отвѣчаетъ Шаня.

— Зачѣмъ цвѣтокъ принесла?—спрашиваетъ мать.

— Для запаха,—говоритъ Шаня и краснѣетъ.

Мать смѣется.

— Баловница!

— Коли чего испугаешься, скричи,—говоритъ нянька,—я тутъ въ огородѣ посижу недалеко.

Вотъ Шаня одна. Раздѣвается медленно и строго—и чудится ей, что она облачается въ ризы бѣлой красоты. Въ окна свѣтъ вечерній падаетъ, и тишина и ясность закатная.

Вошла Шаня обнаженная въ теплый покойчикъ, гдѣ печь натоплена жарко, гдѣ въ двухъ чанахъ еще много воды холодной и горячей, гдѣ влаженъ полокъ, и пахнетъ распареннымъ вѣникомъ такъ мило и весело.

Распустила косы. На скамью положила розу,—это знакъ памяти о Женѣ, символъ его благоуханной души.

Наливаетъ воду. Вода шумитъ, колышется. И Шанѣ вдругъ становится страшно. Но она вспоминаетъ Женю—и исчезаетъ страхъ. И чудится ей, что шепчетъ ей Женя:

— Что же ты боишься? Развѣ ты не знаешь, что красота побѣждаетъ страхъ и стыдъ?

И думаетъ Шаня, что она прекрасна. Любуется собою. Шепчетъ:

— Я прекрасна, прекрасна! И надо быть мнѣ такою для милаго моего.

Оставила воду. Стала опять на колѣни передъ окномъ, лицомъ къ заходящему солнцу. Видитъ—вдали, за яблонями, мелькаетъ темное нянькино платье. Но не хочетъ думать о старой. Прижимаетъ руки къ груди и молится:

— Алымъ цвѣтомъ дай мнѣ радостно расцвѣсти, Господи, для возлюбленнаго моего, для утѣхи и радости его.

— Какъ наливное яблоко, налей мое тѣло силою, свѣтомъ и радостью налей его, Господи!

— Очи мои зажги огнемъ зовущимъ и радостнымъ, огнемъ любви Твоей, Господи!

— Рабою смиренною, утѣхою тайнаго часа поставь меня, Господи, въ чертогъ господина и возлюбленнаго моего!

— Чарами обаянія неотразимаго обвѣй меня, Господи. Невѣстою радостною и радующею возведи меня къ господину моему Евгенію.

— Пламенемъ, пламенемъ разумѣнія твоего, Господи, озари смиренную душу мою, да войду я къ господину моему рабою утѣшною въ минуты раздумій его.

— Тѣло мое повергни къ стопамъ господина моего, а душу мою зажги пламенемъ, восходящимъ даже до неба.

Отошла отъ окна, идетъ къ скамьѣ, гдѣ вода приготовленная оставлена и роза. На колѣняхъ стоя, цѣлуетъ розу и говоритъ:

— Женя, я—твоя рабыня, я тебѣ въ жертву пришла себя принести.

— Именемъ Евгенія, возлюбленнаго моего, заклинаю тебя, вода, будь водою живою.

Потомъ медленно стала лить на себя воду — и живая вода бѣжала по живому тѣлу.

А гдѣ-то въ углу зыбко смѣется надъ Шанею банникъ, — сѣрая, паутинная нежить, что любитъ плескъ воды на голыхъ тѣлахъ и соблазнъ наготы.

Шаня въ страхѣ заклинаетъ банника. А онъ льнетъ къ ея нагимъ ногамъ и зыбко смѣется.

Заклинаетъ всѣми силами земли и неба. Не боится сѣрый, смѣется.

Заклинаетъ именемъ Евгенія. Смѣется сѣрый пуще.

Заклинаетъ собою. И тогда сѣрый исчезъ.

И опять молится Шаня:

— Господи, Господи, счастія, мира, радости, утѣшеній излей полную чашу на господина моего, совершеннѣйшаго изъ рабовъ твоихъ Евгенія, — и мои радости всѣ возьми, всѣ отдай ему, Боже мой, Боже мой.

— И страданія мои умножь, и изъ мукъ моихъ создай, Господи, утѣху и веселіе господина моего.

— Господи, рабою пляшущею и поющею передъ господиномъ моимъ поставь меня — и смѣхъ мой, и воздыханія мои, и слезы мои да будутъ утѣхами господина моего.

ГЛАВА XV.

Самсоновъ иногда возвращался къ своей женѣ. Привычная красота еще молодой женщины, опять сладкимъ чадомъ дурманила его голову. Вспоминались и оживали въ сердцѣ тысячи милыхъ мелочей, связывающихъ людей, проживших годы вмѣстѣ. Тогда онъ вдругъ становился нѣженъ и ласковъ съ женою. Какъ-то неумѣло заискивалъ. Даже подарки приносилъ иногда. Порою даже у дочери спрашивалъ:

— Шанька, что бы мнѣ твоей матери подарить?

И Шанька совѣтовала, гордясь и краснѣя.

Марья Николаевна отталкивала его; подарокъ сначала откажется взять, потомъ соблазнится, засмѣется, возьметъ.

Изливалась въ упрекахъ. Вспоминала всѣ его обиды. Плакала. А какъ только заплачетъ, такъ и конецъ настанетъ ея ожесточенію.

Чѣмъ она дольше сопротивлялась ласкамъ своего мужа, тѣмъ болѣе Самсоновъ разжигался. Слезы его особенно распаляли и разнѣживали, и онъ умножалъ свои ласки и настоянія. И, наконецъ, Марья Николаевна отдавалась ему съ прежнею молодою страстностью.

А случалось и такъ, что не заплачетъ Марья Николаевна, долго мужа отъ себя гонитъ, отъ ласкъ его отбивается. Злыми укорами сама сердце свое ожесточаетъ.

Тогда вдругъ обозлится Самсоновъ, накричитъ яростно, надаетъ женѣ пощечинъ и гнѣвно уходитъ. Но Марья Николаевна, обливаясь слезами, бѣжитъ за нимъ, обнимаетъ его, цѣлуетъ. Гнѣвъ мужа вдругъ выбиваетъ изъ ея души всю злость, и ей кажется, что онъ опять, какъ въ первые дни, любитъ ее, потому такъ и злится на ея упрямство. Самсоновъ опять идетъ къ женѣ; она цѣлуетъ его руки, въ очи его ясные не наглядится, суровымъ лицомъ его не налюбуется, смѣется и радуется.

Но на другой день оба они возвращались къ своимъ привязанностямъ.

Одинъ разъ вечеромъ въ садовой бесѣдкѣ надъ рѣкою Марья Николаевна сидѣла, разнѣженная какою-то далекою мечтою. Шаня долго смотрѣла на нее издали, потомъ тихо вошла, сѣла на скамеечку рядомъ съ матерью и заговорила. Сначала о чемъ-то случайномъ, потомъ осторожными подходами завела разговоръ о любовницѣ отца. Вывѣдала, выспросила все, что мать знала.

Мать сначала побранила ее. Можно было подумать, что сердится. Но Шаня видѣла, что можно продолжать, и мало-по-малу Марья Николаевна втянулась таки въ разговоръ.

Поговорили мать съ дочкою, обнялись, поплакали. Вздохнула мать, сказала:

— Своевольница ты, Шанька! Избаловала я тебя. Поди-ка, о чемъ съ дѣвчонкою говорю!

— Ничего, мамунечка,—шептала Шаня,—я сама скоро совсѣмъ большая буду.

Въ тотъ же вечеръ, поздно, Шаня тихохонько, чтобы мать не услышала, босая прошла въ кабинетъ къ отцу. Сердце ея билось отъ страха. Но она храбро заговорила, смуглыми пальчиками теребя обшивку отцова халата:

— Папочка, что я у тебя спрошу?

— Ну, спрашивай,—сумрачно сказалъ отецъ.

Думалъ, что Шанька подарка или денегъ будетъ выпрашивать. Думалъ: „На всѣхъ не напасешься. Имъ дай волю,—разорятъ“.

— Только ты меня не побей,—робко сказала Шаня.

— Говори, не бойся. Безъ дѣла бить не стану,—не звѣрь, отецъ тебѣ родной.

Шаня собралась съ духомъ и храбро заговорила:

— За что, папочка, ты эту Липину полюбилъ? Аль ужъ такъ она очень бѣла? Аль ужъ очень она мила, что тебѣ такъ люба? Мамочкѣ, вѣдь, обидно,— мамочка еще не старуха. Почто мамочку обижаешь?

Понурилась Шапечка, зардѣлась, заплакала беззвучно, но горько,— слезы въ три ручья.

Отецъ свирѣпо закричалъ:

— Ахъ, ты, дрянь ты этакая! Да какъ ты смѣешь! Забыла ты, съ кѣмъ говоришь? Отцу такія слова произносишь?

Онъ былъ очень удивленъ Шанькиною дерзостью. Хотѣлъ исколотить ее, за косу было схватилъ, да почему-то удержался. Даже кричать вдругъ пересталъ,—почему-то не хотѣлъ, чтобы Марья Николаевна слышала.

— Ну, и дѣвка дерзкая!—говорилъ онъ съ изумленіемъ.—И набаловали мы тебя! И въ кого ты дерзкая такая уродилася? И въ роду у насъ того не было, и слыхомъ не слыхано, чтобы отцу такія слова смѣла дѣвчонка говорить!

Однако, Шанька не пугалась,—къ отцу ласкалась, руки его цѣловала, тихими словами уговаривала. Видѣла, что отецъ смущенъ, и бить не станетъ. А и поколотитъ,—ну, что жъ, потерпитъ Шанька, не въ первой! На то и шла! На колѣни передъ отцомъ стала, снизу въ его глаза глядѣла, съ вкрадчивою ласкою говорила:

— Вѣдь, я, папочка, не затѣмъ, чтобы упрекать. Сама эти дѣла понимаю, сама втюрилась. Знаю—сердцу не прикажешь: ужъ кого разъ полюбишь— изъ сердца не вынешь, а разлюбишь—обратно въ сердце не вставишь. Ну, миленькій, родненькій, поговори ты со мною о своей любушкѣ,—я мамушкѣ ничего не скажу.

Разнѣжилось, тая, суровое сердце, желѣзо воскомъ стало,—чародѣйка Шанька!—и, самъ не зная—какъ, заговорилъ съ нею отецъ о Липиной.

— Она, Шанька, не злая. Отъ нея твоей матери худа не будетъ. У меня на обѣихъ хватитъ, а ей много и не надо,—она простая. Аннушка мнѣ пѣсни поетъ, весело передо мною ходитъ, пляшетъ, да еще какъ! Ты бы ее увидѣла, сама бы ее похвалила.

— А гдѣ увидѣть ее, папочка?—спросила Шаня.—Аль къ ней сходить поглядѣть, поспросить?

Эти Шанины слова испугали Самсонова. Онъ подумалъ:

„Пожалуй, съ глупа ума, и впрямь пойдетъ своевольная дѣвчонка къ моей Аннушкѣ. Хорошаго ничего не выйдетъ, скорѣе худое. Да и люди что скажутъ? Свелъ дочь съ полюбовницей!“

Онъ прикрикнулъ на дочь:

— Нечего тебѣ тамъ дѣлать! И думать не смѣй туда ходить,—бѣда тебѣ будетъ. Да и что я тутъ съ тобою болтаю! Пошла вонъ, безстыдница!

Шанька проворно вскочила, наскоро поцѣловала его жесткую, давно небритую щеку и поспѣшно выбѣжала.

Самсоновъ самъ на себя досадовалъ. Ворчалъ:

— Грѣхъ какой! Съ дѣвчонкою разболтался. Вотъ ужъ не мимо-то говорится: захочетъ Богъ наказать, разумъ отниметъ.

„Какая же она?“—думала Шаня про отцову любовницу.—„Не сходить-ли къ ней, не посмотрѣть-ли?“.

Не долго думала Шанька, рѣшилась идти. Дождалась, когда мать была въ духѣ, выпросилась въ городъ сходить къ подругамъ и отправилась, принарядившись, чтобъ не сказала злая разлучница, что мать за дочкою не смотритъ, объ ея одеждѣ не заботится. Гдѣ живетъ Аннушка Липина,—еще раньше вызнала: Дунечка Таурова и въ этомъ помогла черезъ своего Алешу.

Предстоящее свиданіе волновало Шаню. Было страшно, жутко,—и тянуло, какъ тянетъ броситься подъ поѣздъ, когда онъ проходитъ очень близко мимо. Отъ этого тревожнаго смѣшенія чувствъ злость въ душѣ поднялась. Думала Шаня, что это злость за мать.

Быстро бѣжала Шаня по улицамъ, разжигая въ себѣ злость,—за мать браниться

Вотъ и домъ, гдѣ живетъ Липина,—деревянный, маленькій, три окна на улицу, крыльцо со двора, за домомъ садъ. На окнахъ—кисейныя занавѣсочки, горшки герани, бальзамина и фуксій, клѣтка съ канарейкою.

Позвонила Шанечка. Открыла ей дверь молодая, румяная баба съ лукавыми глазами. Сразу догадалась Шаня, что это—сама Аннушка Липина. На всякій случай спросила:

— Здѣсь живетъ Анна Григорьевна Липина?

— Я сама она и есть,—отвѣтила румяная.

Покраснѣла, застыдилась, слегка испугалась,—тоже догадалась, что ея гостья—дочь ея дружка: такъ же гнѣвныя брови хмуритъ, глазами сверкаетъ, сердитыя губы кривитъ; да и на мать ужъ очень похожа, а Марью Николаевну Липина встрѣчала. Чтобы скрыть стыдъ и страхъ, Аннушка захихикала и сказала развязно:

— Ай по какому дѣлу пришли, потрудились, барышня? Чтой-то я какъ-будто васъ не признаю.

— По дѣлу, поговорить,—волнуясь, отрывисто сказала Шаня.

— Пожалуйте въ горенку,—сказала Аннушка, вспыхнула и поправилась съ гордостью:—въ гостиную. Пожалуйте, сядьте.

Шаня вошла въ гостиную, какъ въ туманѣ. Ничего не видѣла отчетливо, только съ досадливымъ чувствомъ смутно замѣтила, что все въ комнатѣ аляповато, бѣло и розово, очень опрятно, но зато и очень безвкусно. Заливалась канарейка. Шаня сердито заговорила,—прямо къ дѣлу.

— Вы зачѣмъ обижаете мою маму? Что она вамъ сдѣлала?

Липина притворилась, что не знаетъ Шаньку. Спросила, посмѣиваясь лукаво:

— А кто вы такая будете, бойкая барышня? И кого же это я обидѣла? Я—человѣкъ маленькій, меня самое всякъ обидѣть можетъ.

— Пожалуйста, не притворяйтесь, — запальчиво сказала Шаня, — я — Шаня Самсонова, а вамъ очень стыдно отъ живой жены мужа отбивать.

Много наговорила Шаня рѣзкихъ словъ. Среди опрятной горенки на гладкомъ, чисто вымытомъ полу стояла въ своемъ короткомъ бѣломъ платьицѣ дѣвочка-подростка, въ бѣлыхъ туфелькахъ съ черными бантами и въ черныхъ, гладко натянутыхъ на стройныя ноги чулкахъ, помахивала бѣлымъ зонтикомъ, постукивала каблучками, говорила дерзкія слова и ждала, когда же разсердится Аннушка. А лукавая баба посмѣивалась. Спрашивала съ видомъ невинной:

— Да чтой-то вы, барышня милая, на меня взъѣлись такъ неласково? Еще очень вы молоды, чтобы такія строгія слова говорить.

Потомъ вдругъ Аннушка притворилась растроганною, стала сыпать ласковыя слова.

— Ахъ ты, голубушка моя! Ягодка моя душистая! Какъ за мать заступаешься, Шанечка милая!

Заплакала, на судьбу свою стала жаловаться.

— Сирота я горемычная. Родня бѣдная, — чѣмъ бы мнѣ помочь, съ меня тянутъ. Онъ-то, мой соколикъ, щедрый да ласковый, а только ужъ очень нравенъ. Такъ иной разъ напылитъ, что не знай, куда дѣваться. Чуть что не по немъ,—жди бѣды.

Разжалобила Шаню. Примолкла Шаня, заслушалась:

— Въ глаза-то всѣ ласковы, за глаза смѣются да бранятъ. «Содержанка»,— говорятъ, — «грошъ ей цѣна». И соколикъ-то мой меня много ниже твоей маменьки ставитъ. Разсердится иной разъ, — ты, говоритъ, недостойна того, чтобы ей башмаки надѣвать.

— И вѣрно,—сердито сказала Шаня,—конечно, недостойна.

Аннушка засмѣялась сквозь слезы.

— Сама знаю, Шанечка, что не стою. Да, вѣдь, я и не набиваюсь башмаки-то вашей маменькѣ надѣвать.

И опять заплакала пуще.

— Что-же дѣлать-то мнѣ, Шанечка голубушка, коли полюбила я его, моего ненагляднаго? И не хочу да люблю,—такое ужъ наше дѣло бабье.

— Какъ же вы познакомились съ моимъ папочкой?—спросила Шаня. — Зачѣмъ стали его приманивать?

Улыбаясь лукаво и ласково, говорила Аннушка:

— Да вы сядьте, Шанечка, не погнушайтесь, моя голубушка, ужъ я вамъ все разскажу, ясочка моя. Да кофейку не прикажете-ли?

Отъ угощенія Шаня отказалася, а разсказъ выслушала. Потомъ, слово,

за слово, разговорились мирно. Шаня съ любопытствомъ разглядывала и выспрашивала Аннушку.

Потомъ Шаня повадилась ходить къ Липиной. По времени онѣ даже подружились. Сладко было Шанѣ поговорить съ Липиною о любви. И жутко ей было дружить съ врагомъ ея матери.

Приходила Шаня къ Липиной не прямою дорогою, какъ первый разъ, а закоулками да задворками, чтобы не увидѣли, не сказали родителямъ. Одинъ разъ Шаня чуть не попалась отцу.

Она сидѣла у Липиной,—чай съ вишневымъ вареньемъ пили, разговаривали. Вдругъ Аннушка прислушалась. Пугливо глянула въ окно. Испуганно зашептала:

— Шанька, прячься скорѣй. Бѣда! Отецъ идетъ. Другого-то у насъ нѣтъ хода,—выйти некуда.

— Я изъ окна выпрыгну, когда отецъ во дворъ войдетъ,—шептала Шаня.

— Нельзя,— отвѣчала Аннушка,—люди увидятъ, нивѣсть что скажутъ Да и до него дойдетъ. А во дворъ спрыгнешь, самъ увидѣть можетъ. Ужъ иди въ чуланъ, посиди пока.

А въ передней уже заливался рѣзкій звонокъ,—Самсоновъ ждать не любилъ. Липина поспѣшно толкнула Шаню въ чуланъ, дверь Самсонову открыла.

— Ну что, Аннушка, не ждала гостя?—послышался его голосъ.

Слушала Шанька, чего и не надобно было ей слушать: чуланъ былъ рядомъ съ горенкою, и все было слышно.

Самсоновъ приставалъ къ Аннушкѣ съ любезностями. Но Аннушка помнила, что въ чуланѣ дѣвченка сидитъ и все слышитъ, и выпроводила своего дружка вскорѣ ни съ чѣмъ,—притворилась, хитрая, что ужъ очень ей недужится.

Спроситъ отецъ:

— Гдѣ Шанька?

— Въ гостяхъ у подруги,—говоритъ мать или няня.

И другой разъ то же, и третій. Хмурится отецъ, говоритъ вечеромъ Шанькѣ:

— Что за подруги такія? Ты что за приживалка по чужимъ домамъ хвосты трепать! Чай, родители у тебя не хуже другихъ. Въ гости ходишь, такъ и къ себѣ зови, а мы посмотримъ, что за подруги такія. Коли озорницы,—запрещу съ ними водиться.

Дивится Шаня. Что-то раньше не любилъ отецъ ея гостей; только и звала, когда онъ изъ города уѣдетъ,—мать и прежде позволяла. Спѣшила

Шаня воспользоваться отцовыми словами, да и подвела себя невзначай, сгоряча, подъ непріятность.

Одинъ разъ подъ вечеръ у Шани въ гостяхъ были подруги.

Она угощала ихъ въ своей горницѣ наверху. Хоть Самсоновъ былъ скупъ, но ему льстило, чтобы Шанька принимала подругъ богато.

Дѣвочки выпили немного мадеры и расшалились, возню подняли, шумъ на весь домъ.

Благоразумная Дунечка унимала:

— Достанется изъ-за насъ Шанечкѣ.

Шаня бойко говорила:

— Ну, я не очень-то даю моимъ старикамъ куражиться надъ собою. Я съ ними зубъ за зубъ.

Отецъ, привлеченный шумомъ, какъ разъ въ это время поднимался по лѣстницѣ къ дверямъ Шаниной комнаты. Онъ услышалъ ея слова и побагровѣлъ отъ злости. Распахнулъ дверь, вошелъ въ комнату, крикнулъ:

— Ай да дочка! Хорошо родителей честитъ!

Шаня помертвѣла отъ страха и отъ стыда. Ей представилось, что отецъ тутъ же на мѣстѣ изобьетъ ее.

Дѣвочки притихли, испуганныя внезапнымъ окрикомъ. Съ жуткимъ любопытствомъ смотрѣли на поблѣднѣвшую Шаню и на раскраснѣвшагося въ гнѣвѣ Самсонова.

Онъ оглядѣлъ дѣвичьи лица. Подумалъ:

„Ишь, бѣленькія какія! Столпились, какъ овечки испуганныя, одна за другую хоронятся, точно волка почуяли“.

Любопытные, взволнованные, испуганные дѣтскіе глаза, разрумянившіяся дѣтскія щеки, улыбающіяся дѣтскія губы, и все это собраніе многихъ чужихъ, бойкихъ, но невинныхъ, расшалившихся, но все-таки скромныхъ дѣвочекъ и дѣвушекъ—все это усмиряло злость Самсонова. Онъ поглядѣлъ на Шаню, усмѣхнулся, погрозилъ ей пальцемъ. Сказалъ:

— Здравствуйте, милыя барышни. Что вы такъ вдругъ притихли? Меня не бойтесь, я не кусаюсь.

Дѣвочки засмѣялись, задвигались, подходили одна за другою къ Самсонову сдѣлать реверансъ, какъ ихъ учили въ гимназіи. Потомъ Самсоновъ сказалъ:

— А моей Шанькѣ, что она тутъ наболтала, вы ей, дѣвочки, не вѣрьте,— со мною не больно-то заспоришь, я крутенекъ. Ну, веселитесь, я вамъ не мѣшаю. Только пола каблучками не пробейте, а то падать невесело будетъ.

Ушелъ. Смѣялись подружки надъ поблѣднѣвшею Шанькою. Спрашивали:

— Ну, что, достанется? Поплачешь, Шанечка? Боишься?

Шаня храбрилась.

— Авось, не шибко влетитъ. И ничего я не боюсь.

Когда гостьи ушли, Шаня ждала жестокой расправы. Ее позвали къ отцу въ кабинетъ. Отецъ и мать ее сильно разбранили.

Ѳедоръ Сологубъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЛАЗА-НЕЗАБУДКИ.

Подъ каждымъ вѣкомъ незабудка—
Укромные глаза.
И на рѣсницѣ дремлетъ чутко
Послѣдняя слеза...

Кормя воркующихъ голубокъ,
Взлетѣвшихъ на плечо—
Она открыла жемчугъ зубокъ
И дышетъ горячо.

Яснѣетъ небо въ дымкѣ тонкой:
Свѣжѣетъ вѣтерокъ.
И съ вѣтки падаетъ сторонкой
Желтѣющій листокъ...

Едва дрожитъ, и стынетъ чутко
Послѣдняя листва...
— Подъ каждымъ вѣкомъ—незабудка,
И въ розахъ голова!

Яковъ Годинъ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Разсказъ.

Еще очень рано. Мы съ бабушкой ѣдемъ въ лавку. И, проѣзжая мимо переулковъ, видимъ, какъ надъ спокойнымъ, соннымъ еще озеромъ неподвижно виситъ бѣлый туманъ. Небо ясное. Будетъ прелестный осеннiй день, одинъ изъ тѣхъ, которые хочется назвать хрустальными, съ звонкимъ воздухомъ....

На козлахъ сидитъ, кромѣ кучера, мальчикъ Мишутка, а сбоку приказчикъ Иванъ Ефремычъ. Отворивъ лавочку, Мишутка, Иванъ Ефремычъ и я снимаемъ шапки и крестимся на маленькую золотую иконку, которая прибита вверху надъ краснымъ товаромъ. Бабушка крестится дольше и истовѣе всѣхъ и, втягивая въ себя воздухъ, вслухъ произноситъ цѣлыя фразы:

— Яко исчезаетъ дымъ отъ лица огня, да исчезнутъ...

И осѣняетъ широкимъ крестомъ коробки съ пуговками, между которыми притаилась нечистая сила.

Покрестившись, Мишутка набираетъ въ ротъ воды, прыскаетъ ее на вѣникъ и начинаетъ мести полъ.

Иванъ Ефремычъ, еще не вполнѣ проснувшiйся, враждебно смотритъ прищуренными глазами на ситецъ.

У него бѣлые волосы, бѣлыя брови и даже рѣсницы—и тѣ бѣлыя.

Неприбранныя съ вечера штуки бяза, кумача, тика разсѣянно смотрятъ въ разныя стороны, а, нѣкоторыя какъ-будто въ дремотѣ свѣсились съ полокъ.

Сначала вяло, а потомъ все болѣе и болѣе оживляясь, приказчикъ принимается за порядокъ. И подъ его руками ситецъ быстро выстраивается въ ровные, глазастые ряды и стряхиваетъ съ себя дремоту. И отойдя въ сторону, Иванъ Ефремычъ улыбается и, любовно оглядывая прибранный товаръ, говоритъ:

— Эхъ, милый, ровно умылся...

Послѣ этого всѣ мы садимся на прилавокъ и ждемъ. Я въ лавкѣ, собственно говоря, лишнiй, потому что совсѣмъ не умѣю торговать. Мнѣ бы можно было и не ѣздить въ лавку, но бабушка разсуждаетъ иначе. Я—сирота. Учусь зимой въ приходскомъ училищѣ въ городѣ, а лѣтомъ живу изъ

милости у дяди, который торгуетъ въ Лебяжьемъ. И бабушка полагаетъ, что, торча постоянно въ лавочкѣ, я этимъ угождаю дядѣ, стараюсь...

Въ праздники, когда ребятишки противъ нашей лавки играютъ на площади въ лапту, орутъ во все горло и бѣгаютъ съ полусова на полусово,—я несчастный человѣкъ. Господи, какъ мнѣ хочется сбросить тогда сапоги, заскать штаны и убѣжать къ нимъ... Но я не могу. Я—сирота и долженъ торчать въ лавкѣ, стараться, вникать...

Я—блѣдный, худосочный робкій мальчикъ.

У меня маленькія худыя руки съ тоненькими грязными пальчиками.

Когда дядя уѣзжаетъ за товаромъ въ городъ—это бываетъ всегда осенью,—бабушка, чтобъ я не терялъ даромъ времени, посылаетъ меня съ корзинкой собирать на площадяхъ гусиный пухъ и перо...

Мальчикъ Мишутка въ лавкѣ не особенно давно. У него маленькое лицо и большія, какъ у мужика, красныя руки. До лавки онъ ходилъ за дядиными лошадьми, возилъ воду, выплескивалъ помои и разносилъ калѣкамъ горячіе калачи по праздникамъ.

Бабушка сама не торгуетъ, а только смотритъ за всѣмъ. Когда Мишутка отходитъ отъ денежнаго ящика, изъ котораго онъ только что сдавалъ сдачу, то чувствуетъ, что на его руки подозрительно смотрятъ бабушкины глаза... И Мишутка, подумавъ, растопыриваетъ свои странно большіе пальцы и начинаетъ ими барабанить по прилавку...

Если мальчикъ забудетъ какую-нибудь цѣну, то кричитъ:

— Иванъ Ефремычъ! Почемъ у насъ куплена черная адрія?

Иванъ Ефремычъ отвѣчаетъ на это непонятными словами:

— Вѣди како...

Послѣ чего Мишутка начинаетъ высчитывать на пальцахъ, чтобъ расшифровать непонятныя слова, и считаетъ долго.

— Пальцевъ не хватаетъ? А ты скинь сапоги...—шутитъ Иванъ Ефремычъ.

Торговля въ лавочкѣ идетъ убійственно медленно. Деревня не любитъ напряженія и всячески старается его избѣжать.

Лѣнивы жесты, лѣнивы мысли, лѣниво ворочается языкъ. И если въ наше село откуда-нибудь залетитъ трудное слово, его сейчасъ же передѣлаютъ лѣнивые языки. Торговца Кравчука здѣсь зовутъ Ка-рап-чукомъ... И говорятъ; «Карапчука задѣла облизацыя»...

Въ лавку входитъ мужикъ. На ногахъ у него, несмотря на раннюю осень, огромные пимы съ загнувшимися кверху носами, изъ-подъ мышекъ лѣзетъ шерсть...

Онъ нехотя, противъ воли, поднимаетъ голову вверхъ, смотритъ на подвѣшенныя къ потолку шеркунцы, противъ воли сморкается въ полу, потомъ совершенно неожиданно говоритъ:

— Здоровы были...

Мы тоже медленно, нехотя поднимаемъ вверхъ руки и, не глядя на мужика, дергаемъ за свои козырьки. И тутъ же забываемъ о мужикѣ.

Покупатель никогда сразу не спроситъ товару. Это считается легкомысліемъ, дурнымъ тономъ. Онъ отойдетъ въ сторону, постоитъ, потомъ присядетъ на корточки... Когда ноги затерпнутъ, покупатель встанетъ, подойдетъ къ прилавку, уставится на товаръ глазами и вздохнетъ... Рядится подолгу. Ситецъ сначала мнутъ руками, потомъ уносятъ къ дверямъ и смотрятъ на свѣтъ, пробуютъ зубами... Выдернутъ нитку и, перекусивъ ее зубами, покупатель спроситъ:

— Почемъ добро-то?

А Иванъ Ефремычъ, къ которому обращенъ вопросъ, задумался. Онъ не слышитъ и разсѣянно смотритъ въ дверь.

— Тенета пошли—это къ ведру... А и осень долгая будетъ! Вожжи, а не тенета...

— Слышь, купецъ, почемъ, говорю?

— 16 копѣекъ.

— А по 14?

— Никакъ нельзя. Только развѣ ужъ для тебя 15 изволь...

— А по 14?

Иванъ Ефремычъ зѣваетъ, свертываетъ товаръ и, положивъ его на полку, говоритъ:

— Я вижу—ты, другъ милый, только зря мозолишься... Всю сарпинку изжевалъ.

Но это отнюдь не значитъ, что они разссорились. Мужику, по моему, нужно бы обидѣться и тоже сказать что-нибудь колкое или повернуться и уйти, но вмѣсто этого онъ садится прочно на прилавокъ. И сарпинка опять появляется на сцену и снова пробуется на зубъ. Только маленькія дѣвочки, съ красными отъ вѣтра носами и съ яичками въ обѣихъ рукахъ, сразу приступаютъ къ дѣлу.

— Дайте, дяденька, сладкихъ ягодъ на яички.

— Сколько?

— Хоть сколько...

Въ лавкѣ воздухъ особенный, съ особеннымъ запахомъ, какой только и можетъ быть въ деревенской мелочной лавочкѣ. Сначала кажется, что пахнетъ кожевеннымъ товаромъ. Но скоро вы чихаете и уже совершенно ясно чувствуете, что гдѣ-то недалеко есть стручковый перецъ, гвоздика, рейнская фіалка, креозотъ...

Креозотъ по тому, что дядя, собственно, не торговецъ, а докторъ. Онъ

лечитъ по толстому лечебнику, уголки котораго загнулись трубочками, почернѣли, замуслены...

Больныхъ у него много, такъ какъ до настоящаго доктора далеко—больше сотни верстъ. Хвораютъ больше бабы, у каждой почти или вздухи болятъ, или нутрянная лихорадка, или подгрудная болѣзнь.

— А что я тебя хочу спросить, Василій Андреичъ...—скажетъ какая-нибудь тетка и обязательно шепотомъ.—Давно бы коснуться надо...

И, положивъ товаръ, возьмется за животъ обѣими руками.

— Брюхо не на мѣстѣ, что ли?

— Вотъ-вотъ... на то-же и я мекаю. Вотъ и ходитъ въ немъ, вотъ и ходитъ... въ брюхѣ-то. Ежели, думаю себѣ, грыжа,—такъ опять не съ чего. Да и времени дивно, пора бы ей и прогрызть... Которые опять говорятъ—она у тебя разсыпная, грыжа-то. Не знаю, на́ что и прикинуть, замучилась, Послушай ты меня въ трубочку, Христа ради... Сдѣлай такую милость.

— Чего тутъ слушать,—говоритъ дядя, сидя на полу и разрѣзая кожевенный товаръ.—Тутъ и слушатъ нечего. Кабы у тебя въ грудяхъ першило, или тамъ...

— Нѣтъ, въ грудяхъ Богъ миловалъ, груди во мнѣ здоровыя. Вся причина въ брюхѣ...

— А я тебѣ давалъ лекарства, нѣтъ?

— Давалъ порошковъ. Съ тѣхъ порошковъ я почувствовала, что у меня въ ноги спустилось... Слава Богу, думаю, не выйдетъ ли она наружу...

— Кто выйдетъ?

— А болѣсь. Видишь—вспухли ноги-то. Какъ выпила порошки, такъ и вспухли...

— Не мели, тетка. Отъ этихъ порошковъ еще никому вреда не было.

— Что ты, батюшка! Я говорю—слава Богу... Не выйдетъ ли она, молъ, ногами... Мы, вѣдь, тоже понимаемъ, не зря...

Когда въ лавкѣ бываютъ киргизы въ толстыхъ стеженыхъ штанахъ на кривыхъ ногахъ и въ мѣховыхъ тумакахъ на головѣ даже въ іюльскую жару, надъ ними смѣются и обижаютъ ихъ. У Ивана Ефремыча есть одна жестокая шутка, которую онъ любитъ повторять. Вставши обѣими ногами на прилавокъ, онъ достаетъ съ самой верхней полки тяжелую штуку бязи, потомъ внезапно и быстро опускаетъ внизъ и, какъ бы невзначай, бьетъ ею солиднаго киргиза по головѣ. Шапка съ солидной, иногда сѣдой головы сваливается на полъ—и всѣ смѣются съ удовольствіемъ. У киргиза лицо растерянное. Но, посмотрѣвъ кругомъ, онъ поднимаетъ шапку и тоже смѣется... кривой, насильственной улыбкой.

Къ прилавку подходитъ баба, стоявшая до этого съ полчаса у дверей, и задумывается... Она въ желтомъ платьѣ и большихъ мужниныхъ

сапогахъ. У нея такъ странно поставленъ носъ, что ноздри смотрятъ прямо вамъ въ лицо.

— Чего купишь?—нетактично спрашиваетъ ее Мишутка.

— А ты больно скоро...

Приказчикъ успѣваетъ отсчитать 70 штукъ гвоздей, отрѣзать отъ кожи двѣ пары почевъ, стукнуть по головѣ солиднаго киргиза бязью, а женщина все еще стоитъ и думаетъ и смотритъ на товаръ чуть разошедшимися глазами. Наконецъ, очнувшись, говоритъ:

— Дай-ка мнѣ бѣленькіе чулочки.

Иванъ Ефремычъ достаетъ съ потолка аршиномъ связку бѣлыхъ чулковъ.

— Зачѣмъ тебѣ? Свекровь, что ли, умираетъ?

Въ деревнѣ базарные чулки одѣваютъ только на покойниковъ.

— Да хоть и не умираетъ еще, а велѣла взять на всякій случай...

Тутъ вмѣшивается въ разговоръ бабушка, такъ какъ тема самая животрепещущая. Она одобрительно улыбается на своемъ стулѣ и говоритъ.

— Припасаетъ... а смертную рубаху сшила?

— Сшила. Въ третьемъ годѣ еще сшила.

— Охо-хо... И чего ей, твоей свекрови, и дѣлать? Вязала бы сама, да вязала. Не для кого-нибудь, для своей же души...

— А у ней, бабонька, самодѣльные-то есть, да не глянутся, видишь. Базарные пожелала. Сколь за нихъ?

— Восемнадцать копѣекъ.

Потомъ Иванъ Ефремычъ и баба начинаютъ препираться изъ-за двухъ копѣекъ. Препираются долго. Иванъ Ефремычъ сначала говоритъ равнодушно.

— Нельзя. Напрасно языкъ мозолишь.

И даже вѣшаетъ чулки обратно къ потолку.

Но скоро онъ входитъ во вкусъ, разжигается и доказываетъ, что этому чулку цѣны нѣтъ, что онъ двойной вязки, что тетка—дура.

Когда тетка кладетъ чулки обратно, запахивается и рѣшительно подходитъ къ дверямъ, голосъ приказчика становится громче и убѣдительнѣй.

Послѣ того, какъ чулки четвертый разъ вѣшаются и снимаются съ потолка, Иванъ Ефремычъ внезапно вспыхиваетъ и глядитъ на тетку съ ненавистью, со злобой... и кричитъ.

— Да что ты, чортова кукла, мыла, что ли, объѣлась!

И чортова кукла, которая, собственно, и не думала уходить, а подходила къ дверямъ изъ хитрости, смѣется.

Вѣрно, и вправду нельзя больше уступить: по голосу слышно...

И развязываетъ зубами узелокъ на платкѣ, гдѣ завязаны деньги. Но

часто покупатель лѣзетъ за деньгами не въ карманъ и не въ узелокъ, а совсѣмъ таки въ неожиданное мѣсто.

Онъ запускаетъ пальцы въ ротъ и вынимаетъ изъ щеки два мѣдныхъ пятака...

И подаетъ ихъ вмѣстѣ со слюной.

Въ лавку входитъ дядя, худой кашляющій человѣкъ, съ впалыми висками и очень красивыми мягкими глазами. Бабушка быстро взглядываетъ на меня. И я не слышу, а скорѣй чувствую, какъ ея губы шепчутъ:

— Посиди у меня еще...

И, вздрогнувъ, я сползаю съ прилавка и, стараясь не показать, что у меня за щекой урюковка, беру вѣникъ и подметаю совершенно чистый полъ...

Дядя никогда ничего не говоритъ мнѣ, не ругаетъ меня, но я боюсь его, и мнѣ всегда невыносимо тяжело съ нимъ.

Зоветъ онъ меня не Сашей и не Сашкой, а Александромъ. И мнѣ, маленькому, это слово кажется тяжелымъ и холоднымъ.

Онъ чѣмъ-то, должно быть, раздраженъ, тяжело молчитъ и роется дрожащими пальцами въ галантерейкѣ. А у меня такое чувство, какъ-будто я въ чемъ-то провинился, и я боюсь, что онъ хлопнетъ галантерейкой и уставится на меня своими красивыми, раздраженными глазами. Отъ этого я становлюсь еще худосочнѣе, блѣднѣе, меньше...

Но дядя, отобравъ крупныя деньги, уходитъ, не обративъ на меня никакого вниманія.

Лавка мало того, что она лавка и лечебница, она еще и деревенскій клубъ.

Здѣсь не только можно купить дегтю, серебряный суперикъ, меду для гостей, не только полечиться отъ подгрудной болѣзни, но еще и узнать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

И мы всегда первые въ Лебяжьемъ узнаемъ свѣжія новости.

Къ полудню около прилавковъ на полу уже сидятъ нѣсколько кучекъ на корточкахъ въ синемъ махорочномъ дыму. Оттуда, собственно, и выходятъ всѣ новости.

Прежде, чѣмъ сообщить что-нибудь, ораторъ изъ кучки помашетъ сначала рукой, чтобъ разогнать крѣпкій дымъ, въ которомъ спрятана вся кучка.

— А у Мартяшкиныхъ опять грѣхъ!..

— Говорятъ, будто старикъ у зятя у Федора носъ откусилъ.

— За что?—спрашиваетъ Иванъ Ефремычъ, не оборачиваясь и такимъ тономъ, словно это самое обыкновенное и пустяшное дѣло—откусить носъ у человѣка.

И изъ кучки отвѣчаютъ также равнодушно:

— По злобѣ. Федоръ-то у него утромъ дугу взялъ безъ спроса...

— Пьяные, што-ли?

— Нѣтъ, трезвые въ престольный-то праздникъ! Солдатъ хвалился, что водки два ведра будто выжрали. Четыре стола отсидѣли—наперво у старика, потомъ у Федора, отъ Федора пошли къ солдату, а отъ солдата опять сызнова.

— Старикъ-то все къ Федору цѣловаться лѣзъ... ха-ха... Хитрый, сволочь!..

Иногда изъ той же кучки вдругъ вылетитъ предположеніе:

— Правда-нѣтъ, сейчасъ писарь сказывалъ, будто опять два короля подымаются...

— Какіе да какіе?

— Одинъ французскій, а другой... другого запамятовалъ.

— А на кого?

- Извѣстно на кого—на нашего царя. На кого имъ больше...

Но больше всего я люблю слушать, когда въ лавкѣ разсуждаетъ почтмейстеръ Невтерпежкинъ, который, собственно, не почтмейстеръ, а завоеватель... За его худобу старая попадья прозвала его „Кошачьей смертью“.

Поднявъ вверхъ отъ возмущенія острыя плечи, „Кошачья смерть“ говоритъ:

— Кого я не могу понять, такъ это—Вильгельма...

Потомъ бросаетъ папироску, чтобъ она не мѣшала, и спрашиваетъ:

— Вы знаете, что бы я сдѣлалъ на его мѣстѣ?

Руки у него запущены въ карманы брюкъ, ноги расшарашены.

— Вы думаете, что я сталъ бы вертѣть хвостомъ передъ этимъ д-деракомъ папой?! Какъ же... Увѣряю васъ, что на его мѣстѣ можно бы заварить такую кашу, такую кашу...

Тутъ волосатыя ноздри Невтерпежкина раздуваются, глаза прищуриваются, и онъ качаетъ головой, на которой по ошибкѣ надѣта почтмейстерская фуражка...

— Ему что нужно?—говоритъ Невтерпежкинъ, стремительно глядя въ раскрытый ротъ Ивана Ефремыча.—Ему первымъ дѣломъ нужно сговориться съ нашимъ царемъ... И знаете зачѣмъ? Чтобы нашъ царь двинулъ въ англійскую Индію этакъ... тысячъ пятьдесятъ! Для демонстраціи... И будьте увѣрены, что Англія сойдетъ съ ума и сейчасъ же вышлетъ туда весь свой флотъ.

Боясь, чтобъ его не перебили, Невтерпежкинъ останавливаетъ рукой предполагаемаго оратора и торопится, грозя длиннымъ узловатымъ пальцемъ, замараннымъ фіолетовыми чернилами.

— Тутъ ужъ Вильгельмъ не зѣва-ай! Какъ только флотъ скрылся и Англія осталась, извините, безъ штановъ, тутъ ее и ббей... жарь ее, чортъ ее возьми!

Если до этого Невтерпежкинъ сидѣлъ—онъ вскакиваетъ, если стоялъ, то стремительно срывается съ мѣста. И тутъ уже всякому становится ясно, что этотъ человѣкъ даромъ погибаетъ въ какомъ-то Лебяжьемъ...

Я лично считаю почтмейстера самымъ умнымъ человѣкомъ.

И когда онъ, простившись съ дядей и бабушкой и не обративъ на меня никакого вниманія, съ одного раза перешагиваетъ всю лавку, я снимаю со своей головы старый дядинъ картузъ и говорю ему въ узкую спину съ уваженіемъ:

— Прощайте, господинъ почтмейстеръ!

И это трогательное уваженіе долго еще трепещетъ и вздрагиваетъ, какъ птичка, на концахъ моихъ тоненькихъ и грязныхъ пальчиковъ, сжимающихъ старый картузъ.

Если кто-нибудь унизитъ мое маленькое достоинство и обидитъ меня, то я люблю въ это время воображать себя почтмейстеромъ. Сухимъ, костистымъ и умнымъ.

И каждый разъ, уѣзжая съ ваката въ училище и кланяясь дядѣ въ рыжіе нечищенные сапоги, я думаю про себя:

— Погодите...

Я люблю мечтать, что, когда я выучусь и поступлю почтмейстеромъ, я приду въ лавку, рвану дядю за пуговицу и скажу:

— Вы думаете, что я далъ бы себя опутать въ алжезирасской конференціи? Чорта съ два...

И у меня раздуются волосатыя ноздри.

Дядя, конечно, начнетъ мнѣ возражать и, конечно, запутается, послѣ чего я снисходительно похлопаю его по плечу или по лысинѣ...

Въ полдень въ лавку приходитъ уродецъ Левушка. Онъ садится на стулъ и молчитъ. Говоритъ онъ чрезвычайно рѣдко и съ трудомъ, такъ какъ его въ это время дергаетъ во всѣ стороны. Левушка нищенствуетъ и лишніе куски сушитъ и продаетъ сухарями.

Къ намъ онъ приходитъ почти каждый день. Его у насъ жалѣютъ и всегда обкармливаютъ. У него уже сѣдая борода, которую онъ держитъ опрятно, и большіе виноватые, ластящіеся глаза, какъ у собаки, которую часто снисходительно гладятъ. А когда онъ говоритъ, то эти глаза противъ его воли угрожающе вращаются и становятся свирѣпыми.

Бабушка долго и задумчиво смотритъ на Левушку, потомъ говоритъ:

— А что, Левушка, прикопилъ же ты сколько-нибудь себѣ на погребенье?

Левушка собираетъ въ комокъ всю физіономію—должно быть, смѣется—и киваетъ головой.

А бабушка уже думаетъ и говоритъ о другомъ:

— Кто-то его теперь въ банѣ моетъ... Левушка! Кто тебя теперь въ банѣ моетъ?

И такъ какъ онъ отвѣчаетъ что-то совершенно невнятное, то вопросъ остается открытымъ.

Потомъ Левушка проситъ себѣ сахару, свирѣпо вращая бѣлками и дергаясь.

Ему такъ трудно говорить, что онъ потѣетъ...

Бабушка долго и нерѣшительно смотритъ на ящикъ съ сахаромъ и говоритъ:

— Нѣтъ ли, Ваня, какого посорнѣе?

Когда въ лавку вбѣгаетъ почтмейстерскій Сережа, худой и очень подвижной мальчикъ, съ большими, быстрыми глазами, то всѣ, кто есть въ лавкѣ, съ удовольствіемъ смѣются.

— А! З-дорово, Серега.

Онъ такъ запыхался, что сразу ничего не можетъ сказать.

— Что это у тебя въ рукѣ?

— Воробей...

— Тутъ, братъ, передъ тобой только что приходила Карабчукова дѣвченка за изюмомъ, такъ между прочимъ сказывала, что будто бы у тебя на погахъ по шести пальцевъ...

Мальчикъ, продолжая тяжело дышать, смѣется.

— В-ре-етъ...

— Кто ее знаетъ. А завѣряетъ, божится...

— Это она за то,—говоритъ Сережа, изо всей силы размахивая воробьемъ,—что я у ней ведра вылилъ... Не охота только разуваться...

Потомъ, подумавъ, серьезно спрашиваетъ:

— А на которой ногѣ она говорила?

— На лѣвой...

Сережа садится на ящикъ изъ-подъ пряниковъ.

— Подержите-ка воробья!

И снимаетъ сапоги, у которыхъ всегда стоптаны каблуки.

И всѣ, кто есть въ лавкѣ, подходятъ къ торжествующему Сережѣ, считаютъ у него пальцы, удивляются...

Левушка хохочетъ—и хохотъ у него похожъ на собачій лай.

Потомъ Сережа подходитъ ко мнѣ, дергаетъ меня за рукавъ и говоритъ:

— Чего сидишь? Пойдемъ ловить стрижей...

Безъ всякой надежды я поднимаю глаза на бабушку, такъ какъ напередъ знаю, что она скажетъ.

— Ему, Сереженька, нельзя. У тебя папа есть, а у него нѣтъ папы. Онъ—сирота.

И потомъ сквозь слезы я вижу въ стеклянную дверь, какъ Сережа бѣжитъ, припрыгивая на одной ногѣ, и какъ надъ нимъ летаетъ воробей, привязанный за нитку...

Бабушка засыпаетъ, видитъ сны, опять просыпается. И ей кажется, что уже давно пора обѣдать. И старыя мысли сразу же принимаютъ недовольное, ворчливое направленіе. Ей уже кажется, что работнику Андрюшкѣ давно бы надо пріѣхать за ней, что обѣдъ въ печи перепрѣлъ.

Андрюшка, навѣрное, нарочно, чтобъ досадить ей и раздразнить ее, принялся вывозить навозъ въ коробу, вмѣсто того, чтобы запрягать дрожки и ѣхать въ лавку. И она, все болѣе раздражаясь, представлятъ себѣ тупое и упрямое лицо Андрюшки и то, съ какимъ бы удовольствіемъ она пнула ногой въ Андрюшкинъ коробъ и закричала бы на него...

— Ваня, а Ваня! Прошу тебя Богомъ, оставь ты свою работу и иди пошли Андрюшку. Да столкни ты у него этотъ коробъ...

— Какой коробъ?

— Да, вѣдь, онъ, должно быть, опять съ назьмомъ срядился. Крикни ты на него...

Потомъ мы закрываемъ лавку на три замка и ѣдемъ обѣдать.

Бабушка, уже сидя въ телѣжкѣ, креститъ замки и шепчетъ:

— Буди сила честнаго креста животворящаго...

И всю дорогу она говоритъ мнѣ, что у меня износились сапоги, что опять нужно скоро вносить плату за ученіе, почитать благодѣтелей, не гордиться, угождать... что я живу изъ милости... А тумана уже нѣтъ. Ясный осенній день! Въ переулки опять видно озеро, похожее на громадное зеркало.

Мелкій березнякъ за озеромъ пожелтѣлъ, и надъ нимъ ярко краснѣютъ круглые куполы осинъ.

И какъ далеко все видно. Даже видны сегодня голубыя оканскія горы...

Господи, какъ должно быть хорошо сейчасъ въ полѣ. Въ яркой березовой рощѣ, на озерѣ...

Гуси кричатъ во все горло и отъ возбужденія перелетаютъ съ мѣста на мѣсто. Было время, когда ихъ предки вотъ въ такіе ясные дни поднимались бѣлыми лентами на далекіе перелеты... И теперь всѣ они испытываютъ мучительную, сладкую тоску... Что-то все вспоминаютъ и не могутъ вспомнить. И кричатъ цѣлыми днями...

На площади валяется много гусинаго пуху—и бабушка думаетъ: надо не забыть послать Саньку съ корзиной...

Проѣзжая мимо почтовой конторы, мы видимъ, какъ Сережа, заложивъ въ ротъ пальцы, пронзительно свиститъ, вырываетъ у индюка изъ хвоста перья и доводитъ его этимъ до истерики.

Въ кухнѣ у насъ сидятъ возчики, пріѣхавшіе съ товаромъ изъ города, и пьютъ чай. Лица у всѣхъ красныя, съ налившимися жилами, и волосы на вискахъ вьются колечками. Одинъ изъ нихъ, утирая рукавомъ лицо, говоритъ:

— Уѣзжали на семи лошадяхъ, а привели восемь. Богъ милости послалъ...

— Купили?—спрашиваетъ бабушка, глядя на икону и крестясь.

Возчики смѣются.

— И не купили. Кобылка въ обратный путь ожеребилась. Сама своего сына и везла. На послѣднемъ станкѣ спустили. Шу-устрай...

Обѣдаемъ мы долго, тщательно облизывая ложки. Сначала черпаетъ ложкой дядя, потомъ бабушка, потомъ тетка и, наконецъ, я...

А если моя ложка забудется и сунется первой, то другая ложка, болѣе увѣсистая, чикаетъ меня по рукѣ.

Иванъ Ефремычъ хочетъ макнуть кускомъ въ солонку, но бабушка закрываетъ солонку рукой.

— Грѣхъ макать кускомъ въ соль. Посоли щепотью...

— А какъ-же Христосъ на Вечерѣ?

— Такъ, вѣдь, онъ Іудѣ и подалъ...

Нехорошо, если дядя придетъ къ обѣду раздраженный, съ поднятыми и изогнутыми бровями. И вдругъ броситъ на столъ ложку.

— И что это кошки у васъ всегда голодныя! Какъ сядешь за столъ, такъ онѣ тебя съѣсть готовы... Брысь! Не кормите вы ихъ, что-ли...

И голосъ его слегка звенитъ отъ раздраженія. А я вижу, какъ бабушка старается поймать его взглядъ своей виноватой улыбкой. Все это изъ-за меня, думаю я. Изъ-за меня ей тяжело и изъ-за меня она такъ улыбается...

— Александръ, ты скатерть обливаешь...

Вечеромъ, когда тѣни отъ лавокъ вытянутся до средины площади и на заборахъ загорятся красноватые вечерніе отсвѣты, хорошо играть въ городки!

Тутъ и я выбѣгаю изъ лавки и даже не спрашиваюсь бабушки, такъ какъ въ городки играетъ самъ дядя...

— Только чуръ съ ѣздой!—кричитъ дядя, выходя съ Карапчукомъ на площадь и выбирая самую тяжелую шаровку.

Карапчукъ и дядя—матки, вокругъ которыхъ собираются два враждебныхъ лагеря.

Побѣдители, выбившіе первыми городки изъ своего круга, ѣздятъ верхомъ на проигравшихъ сраженіе... Чаще всего дядя на Карапчукѣ...

— Эхъ, руки мои чешутся, играютъ...—говоритъ дядя, сбрасывая въ возбужденіи пиджакъ, фуражку и засучивая рукава.

— Доведется, видно, вамъ покатать насъ, молодчиковъ побаловать...

— Ну, ну!—мычитъ тяжелый, неразговорчивый Карапчукъ.

— Вотъ тебѣ и ну! Главное, спина въ тебѣ широкая, сидѣть ловко... Ну, ребята, дѣлитесь.

Склюевскіе приказчики отходятъ въ сторону попарно и шепчутся. И, подойдя къ маткамъ, загадываютъ:

— Сундукъ денегъ или золотой берегъ.

— А кто изъ васъ сундукъ денегъ? Ты, Федька?

Но на лукавомъ лицѣ Федьки ничего не разберешь...

— Ну, ладно. Иди сюда, золотой берегъ...

И Федька отходитъ къ дядѣ.

Только я, Иванъ Ефремычъ и Мишутка шепчемся не попарно, а всѣ сразу, втроемъ. Дѣлятся, собственно, Иванъ Ефремычъ и Мишутка, а я иду для равновѣсія и присоединяюсь къ Ивану Ефремовичу въ качествѣ минуса.

Мы проигрываемъ, это уже ясно. Сейчасъ на насъ поѣдутъ. Мишутка уже начинаетъ охаживать меня, похлопывая своими громадными красными руками и покрикивая тоненько, какъ на лошадь:

— Тпру-у, холера! Балуй...

Послѣдній ловкій ударъ—и дядя, присѣвши и хлопнувъ себя по голенищамъ, хохочетъ. Ноги у него согнуты въ колѣнкахъ, кулаки ушли въ тощій животъ и на поднятомъ вверхъ лицѣ видна сбоку только одна черная раздутая ноздря...

— Сѣдлай, ребята!—кричатъ торжествующіе голоса.

— Сѣдлай!—кричитъ дядя, сидя уже на толстомъ Карапчукѣ и изнемогая отъ смѣха.—Тпру-у... Здa-ровый меринъ! Что, братъ, видно и дураки чай пьютъ...

Мишутка (какъ онъ мнѣ противенъ) прежде, чѣмъ сѣсть, долго наваливается на меня и бьетъ еще по заду колѣнкомъ...

Кругомъ смѣются... Мнѣ кажется, что это надо мной. Слышно, какъ смѣется Оля. Кричатъ во все горло гуси...

— Садись ты!—говорю я съ ненавистью Мишуткѣ.

— Сволочь. Садись, тебѣ говорятъ...—и царапаю громадныя, противныя руки, схваченныя замкомъ у меня подъ подбородкомъ. Потомъ бѣгу зигзагами, такъ какъ Мишутка для меня тяжелъ, въ вискахъ тикаетъ, глаза вы-

пираютъ. Но и здѣсь, въ этомъ позорномъ положеніи, я еще продолжаю бодриться, презрительно улыбаюсь и даже норовлю подпрыгивать...

А кругомъ хохочутъ!

Послѣ ужина всѣ мы еще долго сидимъ въ бабушкиной комнатѣ, заставленной огромными сундуками, съ особеннымъ запахомъ. Пахнетъ богородской травой и тѣмъ трудно передаваемымъ запахомъ, который идетъ изъ печи, гдѣ еще съ обѣда лежитъ и сушится березовое полѣно на лучину...

Бабушка сидитъ, вытянувъ ноги поперекъ огромной деревянной кровати, кругомъ обложенная подушками, и разсказываетъ что-нибудь всегда интересное. Всѣ остальные кругомъ нея,—кто на ящикѣ, кто на полу.

Почти каждую ночь у насъ ночуетъ какая-нибудь старуха изъ села—Анисьюшка... Сидитъ она, сгорбившись, на сундукѣ и вяжетъ, а сзади нея на бѣлой стѣнѣ сидитъ согнутая тѣнь съ рожками...

Выпадаютъ минуты, когда всѣ оставляютъ свою работу и сидятъ молча Вздыхаютъ.

И у каждаго текутъ мысли своей дорожкой.

— А ты, Анисьюша, знавала-нѣтъ покойницу Маремьяну Прохоровну?

Анисьюшка перестаетъ вязать и, прищурившись, роется въ своей столѣтней памяти.

— Нѣтъ, не привелъ Богъ. Какъ мнѣ притти сюда, ее ужъ Богъ прибралъ. А слыхать—слыхала.

— Вотъ, говорятъ, самошедчяя? А я про нее понимаю, что она ради Христа юродствовала. Бывало, мужъ ея Данило... дай, Богъ, памяти! Данило Данило... Лукіянычъ... начнетъ покойницу въ память вводить...

Бабушка слабо всплескиваетъ руками.

— Царица Небесная, Матушка, какъ онъ ее билъ... Разъ при мнѣ, не тѣмъ будь помянутъ, пятьдесятъ плетей ей высчиталъ. А на утро и знаку никакого нѣту.

— Нѣту?

— Нѣ-ѣту...—и бабушка медленно и убѣдительно наклоняетъ голову и, продолжая смотрѣть на насъ, поводитъ ею вправо.

И отъ чувства уютности пошевеливаетъ пальцами ногъ въ мягкихъ вязаныхъ карпеткахъ.

— Строгой былъ мужикъ на руку. Порядокъ любилъ. Возмется, бывало› за покойницу, а она хоть бы слово какое выронила... ползаетъ за нимъ, руки его цѣлуетъ, въ глаза смотритъ. Только, видно, сила на силу угодила. Сколько ни маялись, а другъ дружки такъ и не одолѣли... Каждый своей дорогой до могилы дошелъ. Приходимъ мы къ ней разъ въ прощенный день

поклониться. Шесть насъ человѣкъ было, и все—дѣвки. Только черезъ порогъ переступили, а она и запѣла: «во елицы во крестѣ крестистеся»... Сидимъ, слушаемъ, а самимъ невдомекъ—дѣвки, такъ дѣвки и есть. Долго-нѣтъ, посидѣли у ней, домой пошли. А дорогой Авдотья Пантелѣевна, царство небесное, и говоритъ: „Ой, дѣвки, должно, промежду васъ котора ненабудь да брюхата... окончательно. Она, вѣдь, говоритъ, къ этому запѣла „елицы-то окрестистеся"... Такъ, вѣдь, что жъ вы думаете...

И, отклонившись на свои подушки, бабушка торжествующе тыкаетъ пальцемъ въ воздухъ.

— Черезъ мѣсяцъ, вѣдь, у старостиной дѣвки оказало...

Въ комнатѣ всѣ охаютъ.

— Оказало?!

— А куда дѣнешь? Не спрячешь...

И, вздохнувъ, добавляетъ:

— Вотъ вамъ и самошедчяя...

За окнами быстро темнѣетъ. Небо уже не желтое. По нему протянулись фіолетовыя и темносинія полосы. По самой срединѣ улицы на мягкой дорогѣ въ темнотѣ гуси укладываются спать на ночь большими бѣлыми пятнами...

— Охо-хо... бывало, все еще скажетъ: жизнь принять—Богу послужить... Или бывало...

И, не договоривъ, бабушка задумывается и въ задумчивости качаетъ головой и что-то шепчетъ... Забылась, неслышно ушла въ прошлое и ходитъ тамъ далеко, за горами годовъ, улыбается кому-то, навѣрное, уже покойному...

— И вѣрно!—оживляется вдругъ Анисьюшка, тоже откликаясь на какія-то свои мысли.—Охъ, вѣрно. Раньше-то все крѣпче было. А теперь...

И она машетъ рукой.

— Страхъ потеряли... Стариковъ не почитаютъ, по своему норовятъ.

Изъ кухни выходитъ на цыпочкахъ Паранька, 13-лѣтняя дѣвочка, которая живетъ у насъ на посовушкахъ. Она въ одной ботинкѣ, а другая у нея подъ мышкой.

Анисьюшка, увидавъ ее, роняетъ чулокъ и мѣняется въ лицѣ, а бабушка всплескиваетъ руками.

— Да ты, дѣвка, съ ума-то не сошла еще. Сбрось батеньку съ ноги!..

— А я эту починяю, тетенька.

— Ей слово, она десять! Сбрось, тебѣ говорятъ! Сбрось сейчасъ же.

Напуганная Паранька снимаетъ. Отъ испуга рябины на ея поблѣднѣвшемъ лицѣ выступаютъ еще рѣзче.

— Моду какую взяла! Смотри у меня... вѣдь, ты не ослѣпла, что Пелагея-та Никифоровна беременна...

— А я, бабонька, не знала...

— Не знала! А если бы она выкинула? Какъ въ тотъ же слѣдъ ступить, такъ и выкинетъ... Не знала!

Начиная уже засыпать, я вдругъ вздрагиваю: прямо на меня смотритъ Аписьюшка и улыбается:

— А ты, Санушко, помнишь же мамашу-то покойницу? Гдѣ поди... Тогда тебя и отъ полу не видать было... Въ которой твоя мамаша рубашечкѣ померла, мнѣ ее бабонька подарила. Она и сейчасъ на мнѣ... Росту-то мы съ Грушенькой одинакова были. А и крѣпкая издалась—носить не износить...

Въ раскрытыя окна уже ничего не видно—темно и немного страшно.

Поздно, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, бабушка долго стоитъ на колѣнахъ въ одной нижней розовой рубашкѣ и смотритъ вверхъ въ переднiй уголъ. И чаще всѣхъ она произноситъ имя отрока Александра.

Спимъ мы съ ней вмѣстѣ.

Когда огонь потушенъ, я уже не могу никого обидѣть своимъ гордымъ видомъ или непочтительностью.

И бабушка въ это время другая. Она не ворчитъ и не наставляетъ меня, и я близко и довѣрчиво прижимаюсь къ ней своимъ худенькимъ, костлявымъ тѣломъ и притихаю...

А бабушка треплетъ меня по спинѣ, цѣлуетъ въ голову и говоритъ:

— Помру я скоро...

И, засыпая, я часто слышу, какъ мнѣ на лицо капаютъ старыя слезы.

А. Замираловъ.

СОЛНЕЧНОЕ РОЖДЕСТВО.

Разсказъ.

I.

Пожилой художникъ Ѳедоръ Ивановичъ Максимовъ—а проще „дядя Ѳедя"—ѣхалъ на автомобилѣ по сверкающему бѣлизной шоссе и морщился.

Сверкало не только шоссе, сверкало—нестерпимо, грубо—и море налѣво, и кругло-извилистый берегъ вдали. Легкій, свѣжій, съ ледкомъ зимнимъ, воздухъ летѣлъ въ лицо. Но не утѣшалъ этотъ зимній холодокъ среди горячаго сверканья. Все-таки не зима, а лѣто, которое притворилось зимой.

Автомобиль дяди Ѳеди полонъ цвѣтами; и на цвѣты сегодня глядитъ старый художникъ съ капризной грустью. Къ чему цвѣты? Сегодня бы елку, остро-пахнущую снѣгомъ, воскомъ и хвоей, сегодня бы не голубые разводы морской глади подъ скалами, а ледяной оконный узоръ.

Сегодня тамъ, дома, Рождество. Но елки нѣтъ, и дядя Ѳедя везетъ цвѣты.

Три любви у дяди Ѳеди въ жизни... Картины, работу свою—не считаетъ: работа—сама жизнь, кусокъ его жизни. Любовь—не то.

Три любви: Костю любитъ; потомъ снѣгъ, зиму, природу сѣверную; и любитъ, наконецъ,—по диллетантски, но страстно,—логику, философію, метафизику, всякое объективное размышленіе, хорошій разговоръ.

Безпрестанно одна любовь сталкивается съ другой. Тогда приходится выбирать, жертвовать. Тогда видно, что онѣ не равны, что первая любовь—Костя—дѣйствительно первая и главная, самая большая.

Вотъ и теперь дядя Ѳедя отдалъ Костѣ родное, сѣверное Рождество, ради свиданья съ нимъ пріѣхалъ въ южный приморскій городъ, въ свободную и чужую страну; сейчасъ къ нему, Костѣ, и направляется онъ по бѣлому шоссе. Отъ гостиницы дяди Ѳеди до маленькаго мѣстечка, гдѣ теперь живетъ въ бѣлой, скромной виллѣ Костя съ женой и товарищами, всего какихъ-нибудь минутъ сорокъ ѣзды.

Костя не сынъ, только племянникъ, но ближе сына. Съ пяти лѣтъ онъ росъ въ домѣ. Для Машеньки, покойной жены, развѣ былъ онъ не ближе сына?

А сколько перенесъ изъ-за него Ѳедоръ Ивановичъ! Какъ боялся, какъ

мучился! За кого страдаешь, тотъ ужъ этимъ однимъ вростаетъ въ сердце. Машенька умерла раньше, всего не испытала. У Кости одинъ только и есть теперь дядя Ѳедя.

Костя—революціонеръ. Еще до войны помнитъ дядя Ѳедя бурныя студенческія собранія у нихъ въ просторной квартирѣ. Дядя Ѳедя на нихъ не присутствовалъ, не вмѣшивался. Зналъ, что ему самому, по его природѣ да и по возрасту, это дѣла чуждыя; хорошія, нѣтъ ли—что разсуждать? Костя въ нихъ.

Выслали Костю. Долгая была ссылка, дядя Ѳедя два раза тамъ Костю навѣщалъ. Говорили много, любовно, по душѣ,—но отвлеченно. Слишкомъ они оба, при любви, уважали другъ друга.

А потомъ что пошло—Боже ты мой. Только урывками, рѣдко и всегда неожиданно, видѣлъ Ѳедоръ Ивановичъ своего Костю. И прощаясь послѣ такого свиданья—прощались каждый разъ навѣкъ. Словъ не было объ этомъ, но зналось.

Теперь Костя живетъ заграницей. Всякій годъ ѣздитъ къ нему дядя Ѳедя. Что-жъ, и теперь, прощаясь, они такъ же не знаютъ, суждено-ли свидѣться.

А когда ѣдетъ Ѳедоръ Ивановичъ домой, въ Россію,—думаетъ въ Вержболовѣ съ горькой усмѣшкой: «Еще проѣду ли? Вѣдь съ племянникомъ видѣлся. Они развѣ станутъ разбирать? Засадятъ для порядку, тогда ужъ не по Костиной судьбѣ,—по моей не увидимся. Не будь дядей, кому не слѣдуетъ».

Но потомъ добродушно сомнѣвался: „Нѣтъ, пустяки. На что имъ эта старая ветошь? Чего дѣлать-то со мной? Костя бы только... а я ужъ поплетусь опять... Свидимся, дастъ Богъ“.

Послѣдніе годы Ѳедоръ Ивановичъ много читалъ, размышлялъ, издали наблюдалъ и мнѣнія свои имѣлъ; видаясь съ Костей, разговаривали, но, какъ прежде, всегда теоретически, отвлеченно. Интересныя выходили бесѣды.

Пріѣхавъ нынче на Рождество (хотѣлъ весной, да Костя далъ знать, что лучше теперь), дядя Ѳедя, какъ и всегда, поселился не у Кости, а вблизи. Уже былъ разъ у нихъ, да коротко, не успѣлъ поговорить; а у дяди Ѳеди на этотъ разъ есть одно большое теоретическое недоумѣніе, хочетъ спросить Костю... Что-жъ, по логикѣ такъ выходитъ, ничего не подѣлаешь.

Автомобиль нырнулъ по шоссе внизъ, съ ревомъ обогнулъ нависшую скалу, опять внизъ, вотъ онъ уже у самаго моря, у залива, мягкаго, какъ голубой платокъ.

— Здѣсь, здѣсь!

Бѣлый домикъ еще бѣлѣе отъ солнца. Въ саду, за оградой, кто-то ходитъ. Отворилась калитка. И звонкій дѣвичій голосъ—русскій голосъ—крикнулъ:

— Дядя Ѳедя пріѣхалъ

II.

Черезъ полчаса въ большой комнатѣ съ длинными, какъ двери, окнами сидѣли за чаемъ.

Жарко топится каминъ: тепло, да не лѣто. И столъ даже подвинули къ камину. На столѣ—что угодно: дядя Ѳедя не одни цвѣты привезъ, а всякой „заграничной дряни", какъ онъ выражался. Самовара нѣтъ, чай терпкій, темный, въ чайникахъ,—что дѣлать. За то и конфекты, и фрукты, и вино всякое.

— Нынче Рождество. Забыли, ужъ конечно.

— Нисколько, дядя Ѳедя, помнимъ. Чѣмъ у насъ не пиръ?—говорилъ Костя. Онъ высокій, худой, черноволосый. Глаза у него свѣтлые, но такъ глубоко запавшіе, что кажутся темными.

Человѣкъ шесть-семь всѣхъ. Нѣкоторыхъ дядя Ѳедя знаетъ по прежнимъ пріѣздамъ, другихъ нѣтъ, а можетъ быть—не узнаетъ. Именъ не знаетъ онъ ничьихъ, никогда и не спрашиваетъ. Жену Кости, хорошенькую блондинку, съ пышными рыжеватыми волосами, зовутъ Кира. Дядя Ѳедя видалъ ее еще въ Костиной ссылкѣ и любитъ. Кира,—но давно откликается она на Лизу, Лизавету Ивановну, такъ что и ее дядя Ѳедя не всегда рѣшается назвать Кирой.

Костя для него Костя. Пусть другіе, какъ привыкли. Да здѣсь что-же, здѣсь все свои.

Тепло здоровается съ дядей Ѳедей какой-то молодой человѣкъ въ высокихъ, корректныхъ воротничкахъ. Умное лицо его очень знакомо Ѳедору Ивановичу. Но онъ не увѣренъ, тотъ ли это, кого онъ видѣлъ,—Палъ Палычъ, кажется,—или его братъ? Все равно. Съ Костей—значитъ, свой.

Скромный старичокъ, худой, съ острой сѣдоватой бородкой, зябко жмется къ огню. Кашляетъ.

„Вѣдь вотъ, совсѣмъ, какъ я",—подумалъ дядя Ѳедя.—„Даже „дяденькой" его зовутъ. А съ ними. Вотъ что значитъ натура-то другая, біографія другая. Что кому дано"...

Поодаль, въ креслѣ, сидѣла больная дѣвушка. Она завладѣла всѣми цвѣтами и тихо перебирала ихъ на колѣняхъ. Руки у нея совсѣмъ прозрачныя, пепельныя косы лежатъ вокругъ головы; улыбается, а, видно, очень больна. Дядя Ѳедя помнилъ ее здоровую. И тогда еще окрестилъ про себя „христіанской мученицей". Очень ужъ похожа. Она чья-то невѣста, теперь невѣста-вдова.

— Ну, дядя Ѳедя, разскажите. Вѣдь вы изъ Россіи. Разскажите,—попросилъ кто-то.

— Тамъ снѣгъ теперь... Морозъ, санки...—задумчиво сказала черноволосая дѣвушка съ выразительнымъ, своевольнымъ и ребяческимъ лицомъ.

— Снѣгъ... Про снѣгъ развѣ вамъ разсказать. Снѣгъ ужъ очень люблю. А вообще—что я тамъ знаю? Живу въ щели, съ красками да съ книгами... Впрочемъ, вотъ, постойте, я разъ въ Думѣ былъ. Мало въ дѣлахъ понимаю, психологически наблюдалъ. И вопросъ тогда былъ такой... довольно понятный.

Разсказалъ про Думу. Разсказывалъ забавно, однако никто не смѣялся.

— Вотъ, кстати, хотѣлъ я спросить,—обернулся онъ вдругъ къ Костѣ.— И тебя, Костя, да и, вообще, всѣхъ васъ. Сложились у меня такія мысли... Не захотите отвѣчать—не отвѣчайте, хотя вѣдь тутъ дѣло принципа. Разсуждать будемъ объективно. Два враждующихъ лагеря. Вы, скажемъ,—и „они". Эти „они" пользуются однимъ средствомъ, которое весьма дѣйствительно и весьма противнику, вамъ, вредитъ. Пользуются—сознательно и умно—„внутренними сотрудниками". Я такъ говорю, потому что разсматриваю дѣло безпристрастно, не сужу никого и обидныя слова тутъ не у мѣста. Значитъ—«внутренніе сотрудники». Отлично. Идемъ далѣе: насколько я могъ прослѣдить по книгамъ, по случайнымъ краткимъ свѣдѣніямъ о васъ, вы это испытанное средство, это дальнобойное орудіе, для себя, со своей стороны, какъ будто отвергаете... Или, можетъ быть, я ошибаюсь?

„Дяденька" старый шевельнулся на стулѣ. Черноволосая дѣвушка сдвинула брови. А Костя спокойно сказалъ:

— Нѣтъ, дядя Ѳедя, ты не ошибаешься. Отвергаемъ.

— Почему-же, по какой причинѣ? Ты мнѣ скажи, гдѣ логика?

— Дядя Ѳедя...—покраснѣвъ, начала было Кира, но дядя Ѳедя ее перебилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу простыхъ, ясныхъ доводовъ, сознательности хочу, если это сознательно. И если правда, что вы умными средствами противника не желаете пользоваться...

Костя всталъ.

— Полная правда. Мы не желаемъ, не пользуемся, всякую личную попытку отрѣзаемъ, осуждаемъ. Ты хочешь сознательныхъ доводовъ? Изволь. Прежде всего, узнай, что это средство непрактично. Бьетъ орудіе далеко, а чаще разрывается на мѣстѣ. Такой „сотрудникъ", нашъ, для того, чтобы проникнуть глубоко, съ пользой для насъ, во враждебный лагерь, долженъ... какъ бы выразиться понятнѣе?.. „серьезно заявить себя", т. е. серьезно повредить намъ...

— Понимаю,—кивнулъ дядя Ѳедя головой:—долженъ выдать... Такъ.

что-жъ? Развѣ не могли бы... развѣ не нашлись бы такіе, которые согласились бы... ну, жертвами, что-ли, стать для этого?.. По условію...

— Пустяки, дядя. Не безполезныя-ли жертвы? И на какихъ вѣсахъ свѣсишь тутъ? Гдѣ они, вѣрные вѣсы? Вѣрно одно: страшное это и грозное оружіе для того, кто беретъ его въ руки. А затѣмъ дальше...

— Дядя Ѳедя, дядя Ѳедя! Онъ не то, и вы не такъ спрашиваете! Я скажу, постойте...—взволнованно закричала Кира, подымаясь съ мѣста.

— Дай мнѣ кончить, Лиза,—перебилъ ее Костя.—Мы, вѣдь, разсуждаемъ спокойно. Дядю интересуетъ теоретическая сторона дѣла. Такъ вотъ я еще хотѣлъ добавить... Конечно, это ужъ касается отчасти психологіи человѣческой, но результаты реальные. Я хотѣлъ сказать насчетъ оплаты такого сотрудничества...

— Оплаты? Да неужели „идея", убѣжденія—не сильнѣйшій двигатель? Успѣхъ, надежда на него,—да вѣдь это первая оплата! Ты, вѣдь, не про деньги-же говоришь!

— Представь, про деньги,—произнесъ Костя.

Молодой Павелъ Павловичъ (или братъ Павла Павловича) улыбнулся дядѣ Ѳедѣ и сказалъ тихо:

— Есть дѣла, которыя могутъ дѣлаться только за деньги, дядя Ѳедя. Только за однѣ деньги. Значитъ, такими только людьми, для которыхъ деньги—первая, главная и единственная оплата, главный двигатель, самая дорогая награда. Эти и могутъ быть хорошими „сотрудниками". Понимаете? Среди насъ такихъ людей нѣтъ. А есть—такъ не наши, и уйдутъ, все равно, отъ насъ. Откуда-жъ взять „нашихъ" сотрудниковъ?

Кира больше не могла, заговорила, волнуясь, вся красная:

— Ну вотъ, ну вотъ! За обманъ—только деньги можно взять, а кто деньги беретъ, тотъ развѣ чей нибудь? Да и опять не про то, не это главное! Дядя Ѳедя, какъ вы объ этомъ спрашиваете! Два лагеря, война... все такое. Да просто себѣ нельзя, и что бы вамъ Костя ни говорилъ, у него тоже прежде всего—нельзя просто. Имъ, тѣмъ, по ихнему—можно; а намъ по нашему нельзя. Вотъ и все. Потому что мы разные,—понимаете? У насъ... мораль разная,—прибавила она, запнувшись, не найдя слова.—Ахъ, дядя Ѳедя...

Старичокъ у камина кивалъ съ удовольствіемъ головой. Кашлянулъ, улыбнулся и проговорилъ незамысловато:

— А мораль разная—значитъ, и пути разные. Чего-жъ тутъ?

Костя подхватилъ, смѣясь:

— Ну, и бросимъ этотъ разговоръ. Дядю Ѳедю хлѣбомъ не корми, только-бы поболтать, доводы, выводы, объективности, посылки, предпосылки...

И всегда при своемъ мнѣніи остается. Давай лучше я тебѣ, дядя, бокалъ долью. Идетъ?

Онъ стоялъ съ бутылкой, веселый, и даже глаза у него стали простые и веселые.

— Идетъ! Наливай!—тоже весело крикнулъ дядя Ѳедя.—Всѣмъ доливай, чокнемся... Выпьемъ хоть... за разную мораль или лучше просто... Вѣдь, сегодня Рождество, опять забыли? Снѣгу нѣтъ, а все-таки Рождество.

— Хорошо и здѣсь,—сказала черноволосая дѣвушка.—Да, снѣгъ лучше, а все-таки поглядите, какъ хорошо.

Обернулись къ длинному-длинному высокому окну. Тамъ уже не было прежняго грубаго сверканья. Солнце заходило, и воздухъ будто подтаялъ. Грустной и нѣжной бѣлизной подернулись воды залива, и такое-же грустное, матовое, глядѣло на нихъ небо. Горы вдали, четкія и прозрачныя, горѣли, какъ драгоцѣнныя каменья. Точно протянулъ кто-то между небомъ и моремъ хризопразовое ожерелье.

Конечно, не убѣдили Ѳедора Ивановича доводы Кости, да и какой это разговоръ былъ? Обо всякомъ вопросѣ можно по настоящему разговаривать. А они... особенно Кира и дяденька...Но, къ удивленью, Ѳедоръ Ивановичъ чувствовалъ себя такъ легко и молодо, точно разрѣшилъ ему кто-то... не этотъ теоретическій и частный вопросъ, который его, въ сущности, и не касается, но другой, незаданный, несознанный, недоумѣнной болью давившій на сердце.

Вотъ Костя стоитъ съ нимъ рядомъ; какое хорошее сейчасъ у него лицо. И Лиза, или Кира, и дяденька, со своими неумѣлыми словами, съ розовой, подъ закатнымъ свѣтомъ, бородой, и таинственный Павелъ Павловичъ,—да всѣ они сейчасъ такіе простые, обыкновенно-хорошіе. Больная, блѣдная дѣвушка съ бѣлокурыми косами такъ-же держитъ цвѣты на колѣняхъ, сидитъ въ креслѣ и смотритъ на дядю Ѳедю, ласково и знающе улыбаясь. Она, можетъ быть, еще больше всѣхъ знаетъ.

— Костя, милый,—тихо шепчетъ дядя Ѳедя.—И правда, я болтунъ... Привяжусь къ чему нибудь, все равно—къ чему, и пойду... А самъ и не понимаю. Ну, какъ я радъ. Отъ снѣга уѣхалъ, да не жалѣю сейчасъ. Вонъ онѣ ризы-то какія и здѣсь Божьи великолѣпныя. Гдѣ снѣжное Рождество, а гдѣ солнечное. Люблю и солнечное.

Долго еще горѣлъ небесный костеръ. Потомъ ушло солнце. И горы погасли.

З. Гиппіусъ.

СТЕПАНЪ РАЗИНЪ.

Разгулялся Степанъ, государь атаманъ.
Покраснѣлъ, заскорузъ, изодрался кафтанъ.
Ой, и много-жъ побито и ранено!
Да зато и добра подуванено.
Чуть не вровенъ съ водой отъ казны и шелковъ
Росписные края быстролетныхъ струговъ.
Пьетъ вино атаманъ, распѣваючи
И своихъ молодцовъ похваляючи.
Разливается Волги вольнѣе гульба.
Что огонь—весела во хмѣлю голытьба.
Выползъ мѣсяцъ изъ облачной норушки,
Сыплетъ въ воду серебряны перышки.
За кормою узорчато-пѣнны струи,
Рвутъ сторожкую тишь щелкуны-соловьи.
Паруса въ свѣтѣ мѣсяца вымыты,
Словно груди лебяжія выгнуты.
Позамедлили струги, загнувъ за косу.
Ясенъ, гулокъ позыкъ въ чистоствольномъ лѣсу.
Говоритъ атаманъ: „Сладко зеліе
Да одна голова на похмеліе".
Онъ уходитъ въ свой золотомъ тканный шатеръ
И ложится на рытый персидскій коверъ...
Не заснуть... Что орлята голодные—
Думы кружатъ, швыряютъ свободныя:
Донъ и Волгу онъ поднялъ, и младъ съ нимъ, и старъ...
Онъ походомъ идетъ на Москву, на бояръ.
Обложилъ онъ заставы московскія,
Содрогнулися стѣны кремлевскія.
Крѣпко гнѣвенъ Степанъ, и Руси голова—
Поклонилася земно Степану Москва.
Загудѣли въ церквахъ стопудовые
И дарятъ его люди торговые.
Молвитъ войску Степанъ: „Во Москвѣ-ль нѣтъ казны,
„Дорогого сукна? Будутъ всѣмъ зипуны...
„Вы идите въ палаты высокія,
„Погреба отмыкайте глубокіе,
„Вы гоните бояръ и приказныхъ взашей,
„Вы берите у нихъ серебра, соболей"...
Разгорѣлося сердце Степаново...
Все въ Москвѣ переладитъ онъ на-ново.
У него судъ прямой, и расправа люта.
Будетъ Русь благодѣнна, вольна и сыта...
Мѣсяцъ въ клочья хоронится черные...
Вдругъ въ тиши засвистали дозорные.
Подымайся, Степанъ. Кто тамъ—недругъ иль другъ?
Соляной ли, простой аль купеческій стругъ?

Александръ Рославлевъ.

ПИТТЪ и ФОКСЪ.

Романъ Фридриха Хуха.

(Съ нѣмецкаго).

(*Продолженіе* *).

— Это еще что такое?—спросилъ Питтъ, въ первый разъ войдя въ комнату брата. Она была вся увѣшана фототипіями, составлявшими содержимое папки, выдававшейся въ приложеніе къ художественному журналу, на который Фоксъ недавно подписался. Фоксъ объяснилъ:

— Я повѣсилъ эти картины не для удовольствія, а для поученія. Когда я долго занимаюсь и мой мозгъ уже плохо работаетъ, я смотрю вотъ на этого Рембрандтова философа или кто тамъ изображенъ. Когда мнѣ надо писать критическую статью о моцартовскихъ операхъ, я смотрю наверхъ, вонъ на ту штучку Ватто; она вызываетъ въ моей душѣ всю грацію моцартовскаго вѣка, такъ что мелодіи Моцарта начинаютъ звучать во мнѣ сами по себѣ.

— Ты пишешь критическія статьи?

— Натурально!—Фоксъ взглядомъ пригвоздилъ Питта къ мѣсту и медленно вытащилъ изъ кармана исписанные листы бумаги.—Прочти-ка это дома. Правда, ты, въ сущности, не музыкаленъ, но все равно: твой голосъ—голосъ непредубѣжденнаго человѣка.

Въ глубинѣ души Фоксъ былъ гораздо лучшаго мнѣнія о Питтѣ, чѣмъ о самомъ себѣ. А если Питтъ станетъ возражать противъ его мыслей, такъ онъ просто-на-просто можетъ не сообразоваться съ его возраженіями; но, впрочемъ, онъ всегда сообразовался съ ними.

— Этотъ семестръ я хочу всецѣло посвятить музыкѣ и, конечно, юриспруденціи. Въ будущемъ семестрѣ наступитъ очередь драматическаго искусства, тогда я отдамся ему всѣмъ моимъ существомъ. Всякій человѣкъ долженъ развивать въ себѣ данныя ему способности. Какъ? Что?

Фоксъ взялся временно писать музыкальныя рецензіи для маленькой газетки. Настоящій рецензентъ заболѣлъ и рекомендовалъ редакціи въ качествѣ своего замѣстителя Фокса, знавшаго все-таки больше его самого. Фоксъ купилъ себѣ у букинистовъ собранія сочиненій старинныхъ критиковъ и работалъ по нимъ. Онъ прекрасно усвоилъ газетный тонъ,

*) См. кн. III и IV „Новой Жизни“.

называлъ сезонъ „зимой нашего неудовольствія“ и говорилъ о „золотыхъ плодахъ, подаваемыхъ въ серебряныхъ вазахъ“. Передъ тѣмъ, какъ сдать статьи въ редакцію, онъ пригласилъ Питта напиться кофе и прочелъ ему свои произведенія.

— Вотъ эта фраза недурна!—сказалъ Питтъ и одобрительно кивнулъ головой.

Фоксъ подозрительно покосился на него, но напрасно: Питтъ давно уже позабылъ, что онъ самъ сказалъ какъ-то эту фразу, здѣсь же она стояла отдѣльно, безъ всякой связи съ остальнымъ.

— Тебѣ бы слѣдовало сдѣлать эту мысль центромъ,—сказалъ Питтъ,— и хорошенько развить ее. Такъ, отдѣльно, сама по себѣ, она нѣсколько непонятна, и въ концѣ ты даже самъ себѣ противорѣчишь.

Фоксъ началъ писать рецензіи и о книгахъ.

— Просмотри-ка это дома, у тебя больше времени, чѣмъ у меня. Мнѣ, собственно, нужно установить только руководящія точки зрѣнія. Ты можешь набросать ихъ мнѣ, а я ужъ ихъ разработаю.

Питта все это забавляло, но онъ поощрялъ Фокса въ его писаніяхъ и говорилъ, что для этого нуженъ особый талантъ; самъ онъ не можетъ этого дѣлать, ему не достаетъ энергіи, выдержки.

— Да, это самое главное!—съ сокрушеніемъ подтверждалъ Фоксъ.

Питтъ заходилъ къ нему все чаще.

— Я думалъ, можетъ, ты прочитаешь мнѣ сегодня какую-нибудь критическую статью?

— Нѣтъ, сегодня нѣту,—говорилъ Фоксъ съ милостивымъ сожалѣніемъ.

Питтъ уходилъ, но черезъ двѣ минуты звонилъ снова и спрашивалъ:

— А завтра будетъ?

Иногда ему отворяла госпожа Борнеманъ, иногда Лотта, а ее-то ему и хотѣлось видѣть.

— Вотъ эту дѣвушку,—думалъ онъ,—я, пожалуй, могъ бы полюбить.

Лотта при видѣ его всегда съ удовольствіемъ раскрывала красныя губки и смотрѣла на него съ нескрываемой симпатіей; если же на звонокъ выходила бабушка, она выглядывала въ дверь. Однажды Фоксъ замѣтилъ на груди Лотты розу и вспомнилъ, что утромъ точь-въ-точь такая же—если не та же самая роза—была въ рукѣ у Питта.

— Эге!—подумалъ онъ.—Ужъ не стоятъ ли его частыя посѣщенія въ связи съ сей дѣвицей? Ужъ не затѣвается ли тутъ что-нибудь? Здѣсь, у меня на глазахъ? Это чистое дитя? Темноглазый цвѣтокъ?

Въ немъ возмутились чувства чести и собственнаго достоинства. Можетъ быть, у Питта и нѣтъ никакихъ дурныхъ намѣреній, но все равно: нельзя знать, что изъ этого можетъ выйти. Самъ же онъ чувствовалъ себя

защитникомъ и покровителемъ маленькой семьи и готовъ былъ прогнать всякую грозную тучу. Если кто-нибудь предназначенъ быть другомъ Лотты— въ самомъ чистомъ смыслѣ, разумѣется,—то ужъ, конечно, это онъ, разъ ужъ онъ и такъ живетъ въ домѣ, да и потомъ, вообще, у него гораздо больше моральныхъ правъ.

— У меня въ теченіе слѣдующихъ недѣль будетъ много работы, такъ что едва-ли ты мнѣ понадобишься,—сказалъ онъ Питту и, когда въ ближайшіе дни раздавался звонокъ, самъ бросался къ двери.

Питтъ пересталъ ходить.

— Въ сущности, это не бѣда,—думалъ онъ.—Богъ знаетъ, во что бы я тутъ впутался.

За то Фоксъ приходилъ теперь съ своими критическими статьями къ нему.

— У меня дымитъ печка!—говорилъ онъ.

Фоксъ упрекалъ себя за то, что до сихъ поръ такъ мало обращалъ вниманія на Лотту. Онъ долженъ былъ завоевать ея довѣріе и довѣріе госпожи Борнеманъ. День рожденія послѣдней представилъ удобный предлогъ для сближенія.

Онъ отправился къ ней и поднесъ ей въ подарокъ омара. Глаза госпожи Борнеманъ увлажнились, она сначала не хотѣла брать подарка, такъ какъ онъ, конечно, стоилъ очень дорого, и прятала руки подъ передникъ, какъ застѣнчивая дѣвочка. Но потомъ все-таки взяла, приготовила соусъ по воспоминаніямъ былыхъ хорошихъ временъ и нѣсколько нерѣшительно пригласила Фокса къ обѣду, хотя Лотта предпочитала подѣлить рѣдкое блюдо съ одной только бабушкой. Собственно, омаръ и былъ разсчитанъ на Лотту. Фоксъ зналъ, что она большая лакомка. Онъ часто замѣчалъ это, проходя мимо кухни. Она стояла обыкновенно у грубаго кухоннаго стола, держа въ рукѣ одну изъ его недоѣденныхъ коробокъ съ консервами—Фоксъ не любилъ питаться остатками,—вытаскивала вилкой рыбокъ и благоговѣйно поглощала ихъ одну за другой безъ хлѣба.

Госпожа Борнеманъ, вначалѣ сдержанная, постепенно оттаяла. Она жаловалась на то, что у нея здѣсь нѣтъ почти никого знакомыхъ, что всѣ ея дѣти и зятья умерли, всѣ пользуются ея неопытностью въ дѣлахъ, она чувствуетъ, что брошена на произволъ судьбы и людей, а Лотта знаетъ еще меньше ея, хотя и ходитъ въ семинарію.

Фоксъ на все говорилъ: „да-да, да-да", смотрѣлъ задумчиво и озабоченно и обѣщалъ помогать ей во всемъ дѣломъ и совѣтомъ, пусть только она во всѣхъ затруднительныхъ вопросахъ обращается къ нему. Она, дѣйствительно, такъ и стала дѣлать впослѣдствіи, разсказывала ему длинныя исторіи о своихъ немногихъ процентныхъ бумагахъ и спрашивала:

— Ну, скажите, что же мнѣ теперь дѣлать?

Онъ слушалъ, наморщивъ лобъ, обѣщалъ хорошенько все взвѣсить и обдумать, потомъ совѣтовался съ людьми, понимавшими въ этомъ больше него, говорилъ, что онъ самъ думалъ приблизительно то-же самое, и потомъ сообщалъ это госпожѣ Борнеманъ, какъ результатъ своего двадцатичетырехчасового обдумыванія. Благосклонность Лотты онъ пріобрѣлъ тѣмъ, что изрѣдка подносилъ ей какіе-нибудь непочатые деликатесы, и госпожа Борнеманъ ничего не имѣла противъ этого, такъ какъ видѣла, что жилецъ— славный малый и желаетъ имъ добра.

Это убѣжденіе особенно усиливалось въ ней, когда онъ выразительно останавливалъ Лотту, часто безъ всякой задней мысли употреблявшую чрезвычайно вольныя выраженія.

— Это неприлично для барышни!—говорилъ онъ.

Иногда онъ приглашалъ ее съ собой въ картинную галлерею, въ музей. Онъ объяснилъ ей, что картины старыхъ мастеровъ раздѣляются на „школы". Она сначала этому не повѣрила, но потомъ выслушала внимательно и дома пересказала бабушкѣ.

— Ты бы прочла ему свое новое сочиненіе! Онъ, вѣдь, такъ интересуется нашими горями и радостями!

Но Лотта не хотѣла, сама не зная—почему. Онъ ей очень нравился, она уважала его, потому что онъ все зналъ, но читать ему свои сочиненія—нѣтъ, этого она не хотѣла. Почему его братъ больше не приходитъ? Онъ, кажется, такой интересный! Можетъ быть, онъ знаетъ еще больше Фокса? Иногда ей хотѣлось спросить Фокса, почему его больше не видно, но она воздерживалась подъ вліяніемъ какого-то смутнаго чувства.

Однажды она отворила дверь на звонокъ, и передъ нею внезапно предсталъ Питтъ. Шелъ сильный дождь, а у него не было ни зонта, ни плаща, и онъ хотѣлъ взять ихъ у брата.

— Его нѣтъ дома,—сказала Лотта,—но вы все-таки зайдите, можетъ быть, онъ скоро вернется.

Питтъ взглянулъ въ ея живые, радостные глаза и согласился.

И вотъ, онъ сидѣлъ противъ нея, и со стороны можно было подумать, будто около нея вдругъ опустилась необыкновенно интересная птица, которую она до сихъ поръ только мелькомъ видала на-лету.

— Какіе у него чудесные глубокіе глаза! Навѣрное, онъ пережилъ ужасно много интереснаго!

— Я готовлюсь къ экзамену на учительницу!—сейчасъ же начала она разсказывать.—У насъ мало денегъ, и я должна научиться сама зарабатывать себѣ хлѣбъ.

— Вамъ бы лучше выйти замужъ!—сказалъ Питтъ.—Мнѣ кажется, для васъ это гораздо больше подходитъ.

— Ахъ, Господи, да я была бы очень рада! Только за кого? Я никого не знаю!

Она принесла бабушкинъ подносъ для визитныхъ карточекъ, украшавшій теперь комнату Фокса.

— Съ какими знатными людьми знакомъ вашъ братъ! Посмотрите—вотъ баронъ, а вотъ графъ!—Она бережно брала карточки съ подносика.—Ужасно жалко, что всѣ они приходятъ, когда я бываю въ семинаріи.

Эти карточки приносилъ самъ Фоксъ, чтобы поднять свою репутацію. Оставаясь на минуту одинъ въ гостиныхъ, онъ обыкновенно ревизовалъ подносы съ визитными карточками.

— Вашъ отецъ, вѣдь, тоже скоро будетъ графомъ!

— Мой отецъ?!

— Ну да! Императоръ ждетъ только случая и сейчасъ же сдѣлаетъ его графомъ!

— Это вамъ разсказалъ Фоксъ?

Она кивнула головой, не найдя ничего подозрительнаго въ вопросѣ.

Въ дверь тихонько и скромно постучали. Госпожа Борнеманъ, проходя мимо двери Фокса, услышала голосъ Лотты и еще другой, мужской. Положимъ, Лотта не сдѣлаетъ ничего дурного, но все-таки это неприлично!

Лотта была нѣсколько смущена. Она тотчасъ же представила Питта и съ жаромъ объяснила, что онъ дожидается брата.

Госпожа Борнеманъ подумала: „Тогда я тоже могу подождать вмѣстѣ съ ними!“—взвѣсила, можно ли ей сѣсть на собственный стулъ, и осторожно опустилась на край кресла.

— Такъ, значитъ, вы братъ нашего господина Синтрупа?—начала она вѣжливо и съ безмятежнымъ довѣріемъ.—Я такъ сейчасъ же и подумала. На моей родинѣ у блаженной памяти бургомистра тоже было двое сыновей.

Говоря это, она посматривала на него своими озабоченными глазами то ласково, то щурясь отъ близорукости.

Питту наскучилъ этотъ разговоръ, онъ всталъ и хотѣлъ уходить. Но дождь усилился, и госпожа Борнеманъ сказала:

— Да, вѣдь, вы промокнете!

Лотта пошептала ей что-то на ухо, она запротестовала: „старыя воспоминанія—и такъ далеко уложено“, но потомъ согласилась достать, и Питтъ долженъ былъ обѣщать принести плащъ на слѣдующій день.

— Въ три!—крикнула Лотта, а въ дверяхъ сказала еще разъ тихонько и убѣдительно:—Ровно въ три!—Она знала, что въ это время Фокса никогда не бываетъ дома.

На слѣдующій день Питтъ въ назначенное время былъ на пути къ дому госпожи Борнеманъ.

— Отдать мнѣ просто плащъ и сейчасъ же уйти?—думалъ онъ.

За послѣднее время, не посѣщая Фокса, онъ почти пересталъ думать о Лоттѣ. Но со вчерашняго дня онъ думалъ о ней не переставая. Онъ все время видѣлъ ее передъ собою, ея плотную, чуть грубоватую фигуру, здоровыя, свѣжія щеки и блестящіе, жизнерадостные черные глаза. Никогда онъ не встрѣчалъ дѣвушки, которая бы такъ понравилась ему съ перваго взгляда.

Послѣ разрыва съ Эльфридой Питтъ первое время жилъ очень уединенно, почти боязливо избѣгалъ знакомствъ съ дѣвушками, боясь новаго крушенія. Но, наконецъ, состояніе полнаго затворничества стало ему невыносимо, и онъ началъ, какъ улитка, медленно выставлять свои рожки. Но всѣ его сближенія оставались все-таки весьма далекими, а если онъ замѣчалъ попытку къ сближенію съ другой стороны, то его охватывалъ прежній страхъ, почти ужасъ, онъ моментально прятался опять въ свою скорлупу и самъ себя высмѣивалъ:

— Любовь,—говорилъ онъ себѣ,—это нѣчто такое, чего нельзя искать, она должна придти сама по себѣ, безъ всякихъ исканій.

И онъ все ждалъ, чтобы она пришла сама, но она не приходила.

Теперь, увидя Лотту, онъ впервые почувствовалъ: любовь—это что-то лежащее въ крови и стремящееся къ другому человѣку. Въ первый разъ онъ испыталъ сильное влеченіе.

Съ внѣшней ироніей и внутренней завистью Питтъ смотрѣлъ на своихъ товарищей, которые вели чуждую ему жизнь. Развѣ они были не лучше него? Вѣдь онъ, во всѣхъ смыслахъ, жилъ эгоистически, только для себя. Развѣ это будетъ не трусость, не недостатокъ увѣренности въ себѣ, если онъ и теперь устранится отъ возможности какого-нибудь переживанія?

Съ этими мыслями онъ подошелъ къ квартирѣ госпожи Борнеманъ.

Лотта отворила дверь, весело и бодро глянула ему въ глаза и сказала:

— А я ужъ боялась, что вы не придете: уже двадцать минутъ четвертаго! Только мы пойдемъ не въ комнату вашего брата, а къ намъ.

Питтъ обрадовался, но мысленно воскликнулъ: „Боже милостивый", когда и на этотъ разъ навстрѣчу ему выступила госпожа Борнеманъ. Въ первую минуту онъ совсѣмъ не замѣтилъ ея, такъ какъ ея скромная фигурка въ коричневомъ платьѣ почти сливалась съ коричневыми же обоями. Она отвѣсила Питту торжественный поклонъ, на который онъ отвѣтилъ такимъ же, причемъ оба не знали, для чего они это дѣлаютъ. Ему не хотѣлось выслушивать тѣ же разговоры, что и вчера, и онъ рѣшилъ сейчасъ же уйти, а у двери спросить Лотту, когда онъ можетъ повидать ее одну.

Но едва онъ выговорилъ первое слово, какъ Лотта воскликнула, что это не годится: она такъ радовалась, что покажетъ ему всѣ свои тетрадки! Онъ со вздохомъ опустился на стулъ.

— Что васъ больше всего интересуетъ? Французскій, географія?

— Сочиненія!—сказалъ онъ и подумалъ:—по крайней мѣрѣ, я узнаю что-нибудь о ней самой.

Она тотчасъ же притащила всѣ свои тетрадки; онъ открылъ первую.

— Нѣтъ, не это!—сказала она, перелистывая страницы.

Онъ сталъ читать. Боже мой, что за избитыя слова и мысли! Онъ отложилъ тетрадь, но она сейчасъ же принесла другую. Онъ прочиталъ все до конца, потомъ протянулъ ей тетрадь съ безмолвнымъ взглядомъ.

— Ума и идей у этой дѣвушки нѣтъ, это несомнѣнно. Но это не бѣда,— наоборотъ: этакое самобытное, свѣжее, непосредственное, элементарное существо и сочиненія—дѣло явно неподходящее! И такую натуру хотятъ запрятать въ школу!

Лотта была нѣсколько огорчена его молчаніемъ.

— Вотъ тутъ еще сочиненіе,—проговорила она все-таки бодрымъ голоскомъ,—оно называется просто: „Корова“. Изо вѣхъ сочиненій это я писала съ наибольшимъ удовольствіемъ, и я всегда думаю, когда вижу корову: не та-ли это, о которой я писала.

Питтъ прочелъ и это сочиненіе, и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ высказаться, госпожа Борнеманъ, съ удовольствіемъ слушавшая, какъ ея внучка ведетъ научную бесѣду, отозвалась отъ рабочаго столика:

— Ну, противъ этого сочиненія ни одинъ человѣкъ не можетъ возразить ни слова, тутъ ужъ все есть, до послѣдняго волоска! Но только довольно тебѣ мучить господина Синтрупа.

Но Лоттѣ хотѣлось, чтобы Питтъ просмотрѣлъ и ея тетрадки по географіи. Она замѣтила, что пошелъ дождь, и надѣялась, что онъ тѣмъ временемъ усилится, и Питтъ, такимъ образомъ, будетъ имѣть поводъ придти и завтра. И, дѣйствительно, хлынулъ настоящій ливень; когда онъ почти пересталъ, Питтъ всталъ, но Лотта сказала:

— Бабушка, тучи стоятъ прямо стѣной; можно ему опять взять плащъ?

Госпожа Борнеманъ позволила съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

— Если бы погода была получше,—сказалъ Питтъ въ дверяхъ Лоттѣ,— я бы попросилъ васъ пойти со мной немножко погулять.

— Ахъ, Господи, я и сама ужъ думала объ этомъ,—обрадованно проговорила она,—погода мнѣ нипочемъ—мнѣ все равно нужно купить тетрадокъ,—прибавила она и подумала: „я вѣдь, и, правда, могу купить ихъ!“—Черезъ десять минутъ я выйду!

Она вернулась въ комнату, усѣлась для вида за работу, не сводя глазъ

съ часовъ, и черезъ десять минутъ сказала бабушкѣ о тетрадкахъ. Бабушка, порывшись въ кошелькѣ, дала ей монету:

— На двадцать пфенниговъ, которые у тебя останутся, можешь купить себѣ пирожокъ, т. е. пять пфенниговъ возьмешь себѣ, а остальные принесешь мнѣ!

Питтъ дожидался внизу. Лотта распахнула дверь на улицу и выглянула, не ушелъ ли онъ, потому что прошло уже четверть часа.

— Надо все-таки купить тетрадки,—подумала она,—потому что иначе это будетъ ложь, а я никогда не лгу.

— Гдѣ вы живете?

Питтъ назвалъ довольно отдаленную улицу, и она сказала, что всегда покупаетъ тамъ свои тетрадки. Она начала опять говорить о своихъ сочиненіяхъ, а потомъ разсказала, что уже провалилась одинъ разъ на экзаменѣ, но не по глупости, а со страха, что ей пришлось бы сейчасъ же поступить въ учительницы. Бабушка никогда не должна узнать объ этомъ, а то будетъ ужасно.

— И брату вашему я тоже не разсказала бы этого,—прибавила она,— но къ вамъ, не знаю—почему, у меня огромное довѣріе.

Они дошли до улицы, гдѣ жилъ Питтъ. Лотта еще издали увидѣла писчебумажный магазинъ и сказала Питту, чтобы онъ подождалъ ее на улицѣ, она сейчасъ вернется, но пробыла въ магазинѣ очень долго. Наконецъ, она вышла съ сіяющими отъ счастья глазами.

— Я купила все на пять пфенниговъ дешевле, чѣмъ въ настоящемъ магазинѣ—иногда я покупаю и въ другихъ мѣстахъ,—и теперь могу истратить на пирожное не пять, а десять пфенниговъ!

— А здѣсь есть гдѣ-нибудь по близости кондитерская?—спросилъ Питтъ.

— Кондитерская? Я всегда хожу въ булочныя, тамъ больше даютъ!

Но онъ хотѣлъ пойти непремѣнно въ кондитерскую. Она сначала поколебалась, думая о томъ, что можетъ истратить свои десять пфенниговъ производительнѣе, но потомъ желаніе побыть съ нимъ взяло перевѣсъ надъ этимъ соображеніемъ.

И вотъ они стояли передъ разложенными пирожными.

— Какое мнѣ взять: это или то?—шепнула она ему прямо въ ухо.— Если я возьму то, что налѣво, у меня останется еще пять пфенниговъ на миндальное.

Она колебалась, но на пирожномъ подороже было такое торжественное украшеніе изъ желе, что она взяла, въ концѣ концовъ, его. Когда она доѣла его, Питтъ сказалъ:

— Ну, а теперь выберите себѣ, что хотите, я васъ угощу.

Этого она не ожидала. Она взглянула на него сначала недовѣрчиво

потомъ вскочила и вернулась съ маленькимъ аппетитнымъ тортомъ, на который уже раньше посматривала съ вожделѣніемъ, но не надѣясь когда-либо отвѣдать его.

— Только мы подѣлимся!

Онъ отказался; тогда она заявила, что въ такомъ случаѣ и она не станетъ ѣсть; ему пришлось согласиться. Она передала ему его половину двумя пальцами, причемъ остальными тремя погладила его по рукѣ полу-шаля, полу-признательно.

— А мы пойдемъ съ вами еще въ кондитерскую?—спросила она на улицѣ, но сейчасъ же покраснѣла и прибавила, что вовсе не подговаривается, чтобы онъ ее приглашалъ: наоборотъ, въ слѣдующій разъ будетъ платить она; дѣло, конечно, не въ деньгахъ, а просто ей хочется отплатить ему за его вниманіе. Завтра?

— Конечно, непремѣнно!—отвѣтилъ онъ, и, прощаясь, она заявила, что еще недѣлю тому назадъ она и не подозрѣвала, что такъ скоро будетъ имѣть настоящаго друга.

— Только, ради Бога, не говорите ничего вашему брату!

Потомъ пожала ему всѣ пальцы и на углу налетѣла на господина, такъ какъ все время оборачивалась назадъ.

Они стали встрѣчаться каждый день; Питтъ нетерпѣливо дожидался ее на какомъ-нибудь заранѣе условленномъ углу. Она крѣпко обхватывала всю его руку и говорила:

— Если бы это были люди, имъ надо было бы сначала одѣться, прежде чѣмъ такъ здороваться!

И смѣялась!

— Что это—наивность или изощренное кокетство?—думалъ онъ.

Когда онъ отвѣчалъ ей что-нибудь въ такомъ же духѣ, она видимо не понимала его.

Первое время ихъ знакомства было для Питта безоблачно и счастливо, такъ какъ будущее представлялось ему въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Съ каждымъ днемъ они сближались все больше. Но потомъ наступила пора полнѣйшаго затишья. Все, повидимому, грозило оставаться на той же точкѣ. Для Лотты это состояніе представлялось предѣломъ возможнаго счастья. Питтъ же, напротивъ, становился тревоженъ, молчаливъ и разсѣянъ, взглядъ его подолгу впивался въ ея глаза; при разставаньи онъ цѣловалъ ее горячѣе, чѣмъ раньше, и съ трудомъ отпускалъ отъ себя. А въ сущности, не было никакого смысла вздыхать, откладывать прощаніе на лишнія минуты и потомъ идти рядомъ, не говоря ни слова!

Ей будущее представлялось совершенно яснымъ. Она считала несомнѣннымъ, что они тайно помолвлены и повѣнчаются черезъ нѣсколько лѣтъ—

когда онъ получитъ мѣсто. До тѣхъ поръ она будетъ учительницей, а въ промежутки любовь ихъ подвергнется, вѣроятно, романическимъ испытаніямъ, вызваннымъ кознями свѣта, но счастливо побѣдитъ всѣ препятствія. Уже и теперь она испытывала иногда легкій сладкій трепетъ отъ его поцѣлуевъ,— это оттого, что впослѣдствіи они будутъ занимать цѣлый этажъ, и никто не сможетъ имъ ничего сказать, когда они счастливо минуютъ всѣ опасности.

Такъ они и стояли все на той же точкѣ. Онъ поблѣднѣлъ, истомился, въ глазахъ его появился безпокойный и нерѣдко раздраженный блескъ. Она ничего не подозрѣвала о причинѣ этой перемѣны. Если онъ ничего не ѣлъ въ кондитерскихъ, она объясняла это разстройствомъ желудка—онъ самъ, вѣдь, такъ говорилъ! А если порой онъ прерывалъ ея дѣтскую болтовню нетерпѣливымъ возгласомъ: „Да перестань же, наконецъ!"—она испуганно замолкала и думала, что сказала какую-нибудь страшную глупость.

Разъ вечеромъ она крѣпко прижалась къ нему и сказала:

— Я еще никого не любила, но тебя я люблю!

— Это, въ самомъ дѣлѣ, правда?—спросилъ онъ медленно и рѣзко.

— Да, конечно, вѣдь ты же знаешь. Почему ты спрашиваешь меня такъ торжественно, какъ будто... ну, я не знаю, какъ!

Онъ опять посмотрѣлъ на нее страннымъ взглядомъ.

Бывали дни тупости и равнодушія, когда все, что онъ любилъ въ Лоттѣ, какъ будто исчезало, когда она его только раздражала своей оживленной и неумолчной болтовней, содержаніе которой можно было свести къ полному нулю. А потомъ снова не понималъ, какъ это онъ могъ быть настолько слѣпъ, и проявлялъ къ ней такую нѣжность, что она говорила:

— Ахъ, Питтъ, я готова сдѣлать для тебя все, все!

Но онъ зналъ, что за этимъ не кроется рѣшительно ничего. Мало-помалу онъ изучилъ ее вдоль и поперекъ. И медленно, постепенно въ немъ составилась увѣренность, что для него упоеніе, собственно, уже прошло, хотя пережилъ онъ его и не вмѣстѣ съ нею. Зато онъ познавъ на опытѣ, что то, что онъ называлъ любовью, съ любовью имѣло мало общаго. Иначе развѣ было бы возможно, что послѣ моментовъ возбужденія онъ оставался бы внутренне холоднымъ и равнодушнымъ, что, находясь вмѣстѣ съ Лоттой, онъ все чаще желалъ быть вдали отъ нея, что даже сила воображенія все притуплялась, и мысли его въ концѣ-концовъ отвлекались отъ нея къ другимъ дѣвушкамъ, которыхъ онъ видѣлъ гдѣ-нибудь мелькомъ.

Онъ началъ почитать за счастье, что съумѣлъ сдержать свои порывы, а теперь и моральныя соображенія представлялись съ удвоенной силой: какъ хорошо онъ поступилъ, оставивъ Лотту въ предназначенной ей области. Она должна была оставаться въ упорядоченной, мелко-буржуазной средѣ, къ которой принадлежала, должна была ждать, пока не представится случай

найти солиднаго жениха и впослѣдствіи выйти за него замужъ. Все чаще случалось, что онъ не являлся на свиданіе, и Лотта, ожидая въ кондитерскихъ, отчасти по слабохарактерности проѣдала всю свою скромную наличность на пирожныя.

— Давай лучше встрѣчаться въ буфетѣ на вокзалѣ?—предложила она.— Тамъ тоже есть пирожныя, только ихъ не обязательно брать, можно и просто сидѣть и ждать, такъ что ничего, если ты и не придешь.

Но онъ не согласился.

— Тогда я могу дожидаться тебя внизу въ библіотекѣ, пока ты не выйдешь.

И она такъ и дѣлала. Онъ началъ придумывать отговорки. Она ничего не замѣчала, только быстро подавляла разочарованіе, если онъ уклонялся отъ свиданія, не спрашивала причины, а смотрѣла на него, какъ разсудительный ребенокъ, который сказалъ бы: „завтра воскресенье!"—а ему показали бы по календарю, что воскресенье еще только черезъ два дня.

Фоксъ уже съ нѣкотораго времени замѣчалъ, что у Лотты теперь почти не было времени пользоваться его поученіями. Ужъ не скрывается-ли за этимъ что-нибудь такое?—спрашивалъ онъ себя. Но о Питтѣ не подумалъ. Питтъ за послѣднее время не приходилъ къ нимъ на квартиру,—Лотта не хотѣла. Если бы ему понадобилось экстренно видѣть ее, то на этотъ случай было предусмотрѣно возвращеніе дождевого плаща и зонта. Лотта въ этихъ видахъ воспрепятствовала преждевременному и безполезному ихъ возвращенію, у госпожи Борнеманъ память была слабая, а тѣмъ временемъ предметы эти совершили уже не одну совмѣстную прогулку подъ дождемъ.

Однажды Фоксъ засталъ Лотту передъ библіотекой.

— Ага!—подумалъ онъ.—Теперь-то ужъ я узнаю, кто это! И спрятался.

Она стояла у самаго входа, почти загораживая его. Мимо нея проходили студенты, оглядывая ее беззастѣнчивыми взглядами; она не замѣчала этого и все смотрѣла въ швейцарскую, какъ собака, дожидающаяся хозяина. Наконецъ, появился Питтъ. Она взяла его подъ-руку и, весело смѣясь, пошла съ нимъ по улицѣ.

Фоксъ сначала посмотрѣлъ имъ растерянно вслѣдъ, потомъ въ немъ поднялось огромное нравственное возмущеніе:

— Такъ вотъ какова она! А со мной ведетъ себя всегда недотрогой! Ну, погоди же, мы тебя поймаемъ! Мы тебя изобличимъ!—И опять подумалъ:—Если кто-нибудь и имѣетъ на нее право, то, ужъ, разумѣется, я! Вѣдь, это же чистѣйшій обманъ! Онъ уже нѣсколько разъ приглашалъ ее съ собой гулять,—ей постоянно было некогда, постоянно нужно было заниматься! А на самомъ дѣлѣ она бѣгала съ его братомъ! Это просто низкій, подлый обманъ, да, именно обманъ!!!

Въ тотъ же вечеръ онъ отправился къ Питту, закурилъ сигару и безъ всякихъ предисловій приступилъ къ своей проповѣди. Питтъ сначала не сообразилъ, въ чемъ дѣло, но потомъ только кивалъ головой и не мѣшалъ ему говорить. А Фоксъ раззадоривался все больше.

— Печально,—такъ закончилъ онъ,—что на свѣтѣ такъ много безнравственности! Но она существуетъ—и что ни я, ни ты не искоренимъ ее, это несомнѣнно. Но намъ не слѣдовало бы содѣйствовать ея распространенію и прежде всего не совращать порядочныхъ дѣвушекъ на путь порока; это безсовѣстно, положительно безсовѣстно!

Онъ умолкъ и посмотрѣлъ Питту въ глаза такимъ твердымъ, сочнымъ взглядомъ, какъ-будто хотѣлъ припечатать свои слова. Питтъ выдержалъ этотъ взглядъ, даже отвѣтилъ на него, но иначе: губы его сложились въ чуть замѣтную усмѣшку, а взглядъ пронизывалъ глаза брата, какъ тонкій зондъ. Онъ молчалъ.

— Такъ вотъ,—заговорилъ Фоксъ, отводя глаза,—я долженъ былъ сказать тебѣ это и, надѣюсь, ты не обидѣлся. Это было бы ужасно мелочно съ твоей стороны.

Онъ снова взглянулъ въ лицо брату и встрѣтился съ тѣмъ же взглядомъ.

— Да что ты, одурѣлъ, что-ли?—спросилъ онъ вдругъ, инстинктивно ища защиты, совершенно тономъ своего отца.

Питтъ всталъ. Поблагодарилъ его за безпокойство, но ничего не обѣщалъ.

— Мнѣ кажется,—прибавилъ онъ,—ты слишкомъ много берешь на себя по отношенію ко мнѣ.

— Если ты обижаешься, такъ ты самъ виноватъ. Я подумалъ: мы оба уже не дѣти. То, что ты немного старше меня, не можетъ идти въ счетъ теперь, когда мы оба являемся равноправными гражданами академіи. Я думалъ, что мы уже выросли изъ дѣтской, гдѣ старшій братъ всегда командуетъ надъ младшимъ. Такъ, стало быть, не сердись!

Питтъ сказалъ Лоттѣ, чтобы она не приходила за нимъ больше въ библіотеку, и что вообще они должны теперь видѣться порѣже: о ней уже начинаютъ говорить, репутація ея пострадаетъ.

Постоянное хожденіе по кондитерскимъ мало-по-малу наскучило ему до невѣроятія. Для нея же въ немъ заключалось нѣчто вѣчно-новое. Въ разсѣянности, желая избѣжать свиданія, онъ сказалъ какъ-то, что не знаетъ, гдѣ бы имъ встрѣтиться.

— Развѣ въ кондитерской?—спросила она, какъ будто этого никогда еще не бывало.

Въ концѣ концовъ Лотта не могла не замѣтить перемѣны въ чувствѣ Питта. Она страдала и тщетно спрашивала себя, какая тому причина.

Однажды ей вдругъ пришло въ голову, что онъ, вѣдь, совсѣмъ пересталъ цѣловать ее. Она спросила его, почему.

— Въ сущности, это глупо,—отвѣтилъ онъ:—если бы ты, напримѣръ, была съ кѣмъ нибудь помолвлена, то намъ и вовсе нельзя было бы цѣловаться.

— Но, вѣдь, я же не помолвлена.

— Именно поэтому!—серьезно сказалъ онъ.

— Какъ такъ?—она не сразу поняла:—Именно потому, что я не помолвлена... то есть...

— Ну?—съ полнѣйшей безмятежностью протянулъ онъ.

Но ей уже не хотѣлось продолжать. И въ первый разъ она подумала: „Развѣ Питтъ принимаетъ ихъ отношенія за простую дружбу? Но, вѣдь, это же невозможно! Какъ онъ всегда цѣловалъ ее! Неужели это были все дружескіе поцѣлуи?“

— Онъ хочетъ просто испытать меня, останусь ли я ему вѣрна!—сказала она себѣ и при этомъ подумала:—Если мы не будемъ цѣловаться, то любовь наша станетъ гораздо идеальнѣе.

Но, несмотря на это, теперь, когда онъ уже не цѣловалъ ее, она жаждала его поцѣлуевъ, при которыхъ всегда испытывала такое смутное, сладкое чувство.

Они уже не ходили гулять; зато почти каждый день онъ встрѣчалъ ее то здѣсь, то тамъ, гдѣ всего менѣе ожидалъ. Она изучила расписаніе его лекцій и носила его всегда при себѣ за лифомъ. Встрѣтивъ, она провожала его до самаго его дома. Съ каждымъ днемъ они проходили разстояніе во все болѣе короткое время. Длинныя ноги Питта шагали энергично; запыхавшись, она бѣжала то справа, то слѣва отъ него, бранила узенькіе троттуары и толпу пѣшеходовъ, но никогда не жаловалась. Питтъ сталъ растягивать свое пребываніе въ библіотекѣ, но это не помогало: она входила въ залъ, разыскивала его, садилась потихоньку напротивъ и, когда онъ, наконецъ, машинально поднималъ глаза отъ книги, она радовалась его удивленію. Тогда онъ безмолвно выходилъ и шелъ съ нею.

Мало-по-малу она поняла, что всѣ ея планы на будущее—несбыточная мечта. Но тотчасъ же она мысленно скромно прибавила, что, пожалуй, она слишкомъ ничтожна для него, и убѣдила себя въ томъ, что и сама съ самаго начала испытывала къ нему только чистую дружбу.

— Ты не думай,—сказала она при слѣдующей встрѣчѣ,—что я въ тебя влюблена. Вовсе нѣтъ. Я даю тебѣ чисто дружескій поцѣлуй!—и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь возразить, губы ея прижались къ его губамъ, причемъ лицо ея приняло твердое, сестринское выраженіе. Но въ слѣдующій разъ, давая ему опять сестринскій поцѣлуй, она уже положила ему руки на

плечи, и поцѣлуй былъ гораздо длительнѣе перваго, а при третьемъ поцѣлуѣ она уже совсѣмъ не хотѣла выпустить его изъ своихъ объятій.

Въ немъ шевельнулись остатки прежняго чувства, но онъ высвободился отъ нея и сказалъ, что братья и сестры не цѣлуются; онъ, напримѣръ, не помнитъ, чтобы когда-нибудь цѣловался съ Фоксомъ.

Тогда она начала пожимать ему руки и жадно смотрѣла на него. Она становилась все безпокойнѣе. По ночамъ она часто видѣла его теперь во снѣ, и онъ бывалъ тогда совсѣмъ-совсѣмъ другимъ, такимъ, какъ; прежде; или и прежде онъ не былъ такимъ, а она только все это вообразила? Въ кондитерскую они давно уже не ходили; самое слово получило для нея болѣзненный звукъ, и она боялась произносить его. Она знала, что Питтъ избѣгаетъ ее, но ничего не могла съ собой подѣлать: увидѣвъ его издали, она бѣжала за нимъ, пока не догоняла его.

Она подарила ему кольцо „въ знакъ дружбы". Она купила его на скопленныя деньги, не переходившія уже въ кондитерскія,—дешевое серебряное колечко съ незабудкой. Она должна была что-нибудь для него сдѣлать, принести какую-нибудь жертву! Сначала онъ не хотѣлъ его брать. Она еще разъ увѣрила его, что это только „въ знакъ дружбы", и сказала, что если онъ не будетъ носить его постоянно, то она будетъ считать, что между ними „все кончено"!

— Конечно!—повторилъ онъ.—Это звучитъ такъ, какъ будто между нами что-нибудь было! Я не вижу ничего, рѣшительно ничего!

— Да ничего и нѣтъ,—тотчасъ же со страхомъ согласилась она,—но ты все-таки долженъ носить его, я дарю его тебѣ просто такъ! Ахъ, Господи, какъ ты меня мучаешь, Питтъ, какъ ты меня мучаешь!

Мысли Питта мгновенно перенеслись въ прошедшія времена, и его охватило жуткое настроеніе. Эти слова онъ уже слышалъ однажды, ему казалось, что жизнь полна призрачной повторяемости.

Надо было положить конецъ.

— Я завтра уѣзжаю.

— Надолго?

— Не знаю еще хорошенько.

Онъ намѣревался черезъ нѣсколько дней написать ей, что лучше имъ больше не видѣться. Она спокойно простилась съ нимъ, и, видя ее такой скромной, сдержанной и вмѣстѣ полной любви, онъ обнялъ ее въ послѣдній разъ. Онъ чувствовалъ, что довольно одного слова, чтобы она отдалась ему, чувствовалъ, что рѣшимость его поколеблется, если она будетъ обнимать его еще нѣкоторое время, и тихонько отстранилъ ее отъ себя.

Она ушла, утѣшенная, думая: все еще наладится! Куда же онъ ѣдетъ? Въ сущности, ей очень хотѣлось узнать это. На слѣдующій день она

еще кое-какъ справилась съ собой, но черезъ день спросила Фокса. Она слышала отъ брата подруги, пріятель котораго на одномъ курсѣ съ Питтомъ, что Питтъ будто бы уѣхалъ. Куда же онъ уѣхалъ?

Фоксъ посмотрѣлъ на нее круглыми глазами, ничего не понимая. Потомъ сказалъ, что братъ подруги освѣдомленъ больше него, онъ только сегодня утромъ встрѣтился съ Питтомъ въ корридорѣ, въ университетѣ. Если это былъ не самъ Питтъ, то, должно быть, его двойникъ. Неужели отношенія между Питтомъ и Лоттой еще не кончились?

Въ тотъ же вечеръ Лотта пошла на квартиру къ Питту. Отворивъ дверь, она остановилась на порогѣ.

— Ты еще здѣсь?—спросила она съ изумленіемъ.

— Да, уже!—солгалъ онъ, быстро овладѣвъ собой.

Она только что собралась было обрадоваться, какъ вдругъ сразу поняла все. Она была болѣе обижена, чѣмъ возмущена.

— Точно я маленькая дѣвочка! — воскликнула она. — Если ты не желаешь меня видѣть нѣсколько дней, то можешь совершенно спокойно сказать мнѣ! Я достаточна умна, чтобы это понять! Но разыгрывать такую комедію—для этого мы оба слишкомъ взрослые люди!

— Ты права!—сказалъ Питтъ, сердившійся на себя.—Но я находилъ жестокимъ сказать тебѣ правду прямо въ лицо.

— Какую же правду?—спросила она, чувствуя, какъ вся кровь прилила къ ея сердцу.

— Боже мой... Что я не люблю тебя!

Она съ трудомъ сдержалась.

— Да и я тебя тоже не люблю, совсѣмъ не люблю. Просто мы только нравимся другъ другу, мы дружны! Изъ-за этого нѣтъ надобности сейчасъ же уѣзжать или, скорѣе, не уѣзжать...—нить ея мыслей на мгновеніе оборвалась и она едва поймала ее.—Значитъ, ты не хочешь меня видѣть въ ближайшіе дни?

— Нѣтъ, отчего же!—Въ слѣдующую же минуту онъ опять сердился на себя.

— Завтра?

Питтъ вздохнулъ. Какъ часто онъ уже слышалъ это коротенькое, почти небрежно брошенное слово, зацѣплявшее его словно невидимымъ крючкомъ.

Она уловила выраженіе его лица и быстро проговорила:

— Вѣдь, я же вижу, что завтра тебѣ не хочется, отчего же ты не скажешь просто: послѣзавтра! Я, вѣдь, не репейникъ!

При слѣдующей встрѣчѣ онъ передалъ ей письмо съ просьбой прочесть его дома. Содержаніе его было коротко и ясно. Онъ говорилъ ей, что

она ошибалась въ немъ съ самаго начала и что онъ желаетъ прекратить съ ней знакомство.

Этого она не ожидала. Она проплакала цѣлый день. Госпожа Борнеманъ утѣшала ее: все еще устроится и будетъ хорошо. Она, вѣдь, прилежна, а со всякимъ можетъ случиться, что схватишь плохую отмѣтку изъ французскаго; изъ-за этого не стоитъ вѣшать голову, надо держать ее гордо, какъ птица какаду.

О томъ, чтобы отвѣтить Питту, Лоттѣ даже не пришло въ голову: все кончено, просто-на-просто кончено. Первые дни ей было очень тяжело, она никакъ не могла привыкнуть къ мысли, что все конечно. Часто по вечерамъ она стояла на улицѣ у его дома и смотрѣла на его освѣщенное окно, потомъ лицо ея морщилось, какъ у ребенка, и снова начинали струиться горькія слезы. Расписаніе лекцій за корсажемъ еще сохраняло отчасти самостоятельную, медленно замиравшую жизнь. Она бѣгала то туда, то сюда, чтобы увидѣть Питта, но тщательно избѣгала попадаться ему на глаза. Потомъ хотѣла забыть его, но ничего не могла подѣлать противъ того, что ночныя грезы ея были полны по-прежнему имъ. Наконецъ, видѣнія эти стали становиться безличнѣе, болѣе общими, и разъ ночью она была очень удивлена, когда, проснувшись, приподнялась съ распростертыми руками и увидѣла передъ собой мужчину, не имѣвшаго ни малѣйшаго сходства съ Питтомъ.

— Хоть бы знать, кто это былъ!—подумала она и рѣшила въ слѣдующій разъ хорошенько присмотрѣться къ этому новому герою.

Однажды Питтъ прислалъ Фоксу письмо, прося его зайти къ нему вечеромъ и непремѣнно безъ плаща и зонта. Онъ имѣлъ въ виду навьючить на него эти взятые имъ когда-то у госпожи Борнеманъ предметы и отослать ихъ съ нимъ.

Фоксъ усмотрѣлъ въ этомъ требованіи одно изъ обычныхъ сумасбродствъ своего брата и изъ духа противорѣчія захватилъ не только плащъ, но и зонтъ, хотя небо было на рѣдкость ясно и усѣяно звѣздами. Узнавъ о планѣ брата, онъ наотрѣзъ отказался взять на себя передачу вещей; пусть Питтъ отошлетъ ихъ черезъ посыльнаго, онъ съ удовольствіемъ заплатитъ ему, если у Питта нѣтъ денегъ.

— И вообще...—Фоксъ вдругъ насторожился и посмотрѣлъ на Питта широко раскрытыми, вопросительными глазами.—Почему же ты не хочешь отнести ихъ самъ?

Питтъ не отвѣтилъ и только равнодушно посмотрѣлъ на лампу.

— Ага! Тутъ что-то есть! Вы разошлись таки, наконецъ? Что?

— Можешь называть это такъ, если хочешь,—отвѣтилъ Питтъ.—Я бы такъ не сказалъ, потому что мы никогда и не сходились.

— Ну, да,—Фоксъ засмѣялся недовѣрчиво и съ видомъ превосходства:—

мнѣ-то ужъ нечего втирать очки. Хорошо,—прибавилъ онъ, помолчавъ,—хорошо, что ты образумился, хотя это и продолжалось немножко черезчуръ долго. Правда, я съ самаго начала находилъ это не особенно красивымъ и такъ и сказалъ тебѣ это прямо въ глаза, помнишь? Но, впрочемъ, можешь быть вполнѣ спокоенъ: я не разболтаю. Я хочу сказать, дома никто не узнаетъ, на то, вѣдь, мы—братья. Что? А братья должны всегда держаться другъ за друга. Какъ?

Эти „что" и „какъ" такъ рѣзко срывались съ его губъ, что Питтъ спросилъ:

— Должно быть, ты за послѣднее время много бывалъ въ обществѣ офицеровъ?

— Ну, да!—отвѣтилъ Фоксъ съ смутнымъ сожалѣніемъ, что Питтъ догадался самъ и не далъ ему хорошенько использовать этотъ импонирующій фактъ.—Почему ты спрашиваешь?—И такъ какъ Питтъ, видимо, не слышалъ вопроса, онъ распространился на прежнюю тему:—Теперь понятно, почему у Лотты послѣдніе дни такіе заплаканные глаза. Гм... гм... такъ вотъ каковы дѣла!—задумчиво прибавилъ онъ.—Ну, прощай и не дѣлай больше такихъ глупостей. Всѣ мы люди, всѣ человѣки, но для этого существуютъ учрежденія, санкціонированныя самимъ государствомъ. Впрочемъ,—прибавилъ онъ еще послѣ нѣкотораго раздумья,—пожалуй, я могу взять вещи, тогда тебѣ не придется писать письмо. Заверни-ка ихъ хорошенько. Въ концѣ концовъ ночью всѣ кошки сѣры!

Питтъ молча сложилъ плащъ, и Фоксъ ушелъ, унося съ собою пакетъ.

Онъ передалъ его лично Лоттѣ въ руки. Увидя старыя вещи, сдѣлавшіяся ей такими близкими и дорогими благодаря Питту, она едва удержалась отъ слезъ.

— Бѣдное дитя!—сказалъ Фоксъ и посмотрѣлъ на нее прямодушнымъ взглядомъ.

Тогда вся сдержанность ея пропала; слезы полились неудержимо и перешли въ рыданіе, когда Фоксъ отечески и мягко положилъ руку на ея плечо.

— Бѣдное дитя!—повторилъ онъ.—Да-да, да-да!

Въ эти повторные возгласы было вложено многое: просвѣщенное пониманіе, попечительное состраданіе, общая скорбь о человѣческихъ слабостяхъ, легкая горечь противъ кого-то и тихая покорность.

— Развѣ вы все знаете?—спросила она, еще не справившись съ охватившимъ ее отчаяніемъ.

Онъ кивнулъ медленно, въ тяжеломъ раздумьи:

— Я предвидѣлъ это, все, все! Но я думалъ: она должна сама убѣдиться.

— Зачѣмъ же?—спросила она смущенно и боязливо.

— Ну, чтобы признать, что здѣсь ничего не было. Я, вѣдь, знаю, что братъ мой не имѣетъ понятія о настоящей любви, я достаточно знаю его.

Фоксъ, собственно, не имѣлъ въ виду говорить это, но слова сами собой сходили съ его губъ.

— Да,—вздохнула она,—это вѣрно, у него этого нѣтъ!

И невольно, исключительно отъ потребности въ той любви, которой она жаждала все это время, она прижалась къ его рукѣ, думая при этомъ только о Питтѣ, потомъ вспомнила, что это, вѣдь, его братъ такъ держитъ и утѣшаетъ ее, его братъ, изъ той же плоти и крови, что и онъ, и невольно прижалась еще ближе, воображая, что это самъ Питтъ.

— Бѣдное дитя!—сказалъ Фоксъ еще разъ, когда она затихла. Слова эти подѣйствовали, какъ магическая формула, и снова вызвали обильныя слезы.

— Она должна выплакаться, хорошенько выплакаться!—подумалъ онъ, наслаждаясь при этомъ исключительной силой своего слова. Потомъ опять повторилъ:—Да-да, да-да!—и, помолчавъ, прибавилъ снова:—Да-да, да-да!

Погруженная въ свои мысли, она машинально считала эти многочисленныя „да-да“ и вдругъ разсмѣялась: ея бѣдная измученная душа искала выхода изъ всего этого страданія.

— Что это?—удивился Фоксъ.—Чему вы смѣетесь?

— Ахъ, ничему,—отвѣтила она,—я просто вспомнила, какъ разъ назвала васъ ограниченнымъ!

— Но, милое дитя, вы, въ самомъ дѣлѣ, страшно ребячливы! Я стараюсь васъ утѣшить...

— Да, да, я знаю, я знаю,—прервала она съ горячей благодарностью,—я, вѣдь, чувствую, что вы желаете мнѣ добра и что у васъ сердце гораздо добрѣе, чѣмъ у вашего брата!

— Я тоже хотѣлъ бы такъ думать!—произнесъ онъ съ удареніемъ, взялъ ея носовой платокъ и отеръ ей щеки. При этомъ онъ такъ ласково смотрѣлъ на нее, что она подумала:

— Ахъ, если-бы Питтъ хоть разъ взглянулъ на меня такъ!

Фоксъ прижималъ ее къ себѣ и ничего не говорилъ. Оба помолчали нѣкоторое время. Фоксъ прижалъ ее сильнѣе, хотя все еще отечески.

— Мнѣ надо идти къ бабушкѣ, а то она подумаетъ что-нибудь!—сказала, наконецъ, Лотта, тихонько освобождаясь изъ его объятія, и смахнула волосы со лба.

Онъ протянулъ ей руку, она взяла ее съ благодарностью, потомъ онъ запечатлѣлъ поцѣлуй на ея лобъ. Глаза ея поднялись къ нему робко, полуотстраняя, полу-сдаваясь.

Когда она ушла, Фоксъ началъ обдумывать положеніе.

И все вышло такъ, какъ онъ хотѣлъ. Покинутая Лотта не сопротивлялась, она думала, что смертельно оскорбитъ Фокса, если не позволитъ ему обнимать себя, и въ безпомощности своей внушала себѣ, что любитъ его. Къ этому присоединилось еще раздраженіе противъ Питта, который, по постояннымъ словамъ Фокса, совершенно не умѣлъ любить и „подло игралъ съ нею".

И то, изъ-за чего Питтъ сначала молча боролся и отъ чего затѣмъ отказался, досталось Фоксу съ легкостью, изумившей его самого. Довѣрчиво, безъ малѣйшаго представленія о чемъ бы то ни было, Лотта позволяла ему дѣлать съ собой все, что ему хотѣлось. Лишь у самаго порога невѣдомой области инстинктъ возсталъ въ ней, проявившись слѣпымъ, безумнымъ ужасомъ, и тутъ въ ея представленіяхъ обнаружилось такое безграничное, такое нелѣпое невѣдѣніе, что Фоксъ былъ совершенно пораженъ, растерянъ и никакъ не могъ связать этого съ ея прошлымъ.

Изъ его разспросовъ выяснилось, что она ничего, рѣшительно ничего не знаетъ, что она никогда не была и не могла быть въ связи съ Питтомъ, что она чиста и невинна, какъ дитя.

— Ахъ ты, Господи, Боже мой!—пробормоталъ Фоксъ.—Я этого не зналъ... еслибъ я зналъ...

Но она прошептала:

— Не говори же такъ теперь.—И закрыла глаза обѣими руками.

Открытіе это представило ему отношенія его къ Лоттѣ совершенно въ другомъ свѣтѣ. Правда, онъ сознательно очутился въ положеніи, за которое ошибочно упрекалъ своего брата, но въ этомъ случаѣ ему помогало соображеніе, что—какъ онъ уже и раньше говорилъ себѣ—если бы не онъ самъ занялся Лоттой, такъ нашелся бы другой. Во всемъ же прочемъ онъ представлялся себѣ теперь значительно выше брата, торжествовалъ надъ нимъ. Мысль о томъ, что онъ взялъ нѣчто, отвергнутое Питтомъ, была ему недоступна. Онъ держался только факта, что онъ обладаетъ этой дѣвушкой, а Питтъ ею не обладалъ.

Лотта перенесла переходъ изъ дѣтскаго состоянія въ зрѣлость безъ большихъ потрясеній. Она только удивлялась тому, что все такъ хорошо, вовсе не такъ ужасно, какъ ей рисовалось въ ея прежнихъ смутныхъ и фантастическихъ представленіяхъ.

— Неужто же ты ничего, ровнехонько ничего не знала?—спросилъ какъ-то Фоксъ.

Она покачала головой:

— Нѣтъ. Только бабушка разсказывала мнѣ одинъ разъ про Фауста.

— Развѣ твоя бабушка знаетъ „Фауста"?

— Нѣтъ, она не читала, но знаетъ, что тамъ происходитъ. И потомъ она всегда говорила такъ, что на меня нападалъ страхъ, что-то о гееннѣ, о блудникахъ. Господи!... Когда она говорила „блудникъ", мнѣ почему-то всегда представлялся пьяный оселъ на деревянныхъ ногахъ, я сама даже не знаю—почему.

Лотта часто думала о Питтѣ. Но она отгоняла эти мысли изъ чувства долга по отношенію къ Фоксу. Иногда она думала: „Почему Питтъ никогда не былъ со мной такимъ, какъ Фоксъ? Можетъ, и онъ тоже ничего не зналъ?" Она опять стала весела и бодра, хотѣла снова начать прежнюю жизнь, гулять съ Фоксомъ, ходить въ кондитерскія.

— Я всегда ходила туда съ Питтомъ!—пояснила она.

Но его это не привлекало, да къ тому же и отзывалось бы подражаніемъ.

— Мы пойдемъ куда-нибудь только вмѣстѣ съ бабушкой!—И бабушка отправлялась вмѣстѣ съ ними въ театры, концерты, рестораны. Старушка никогда не мечтала, что на ея долю выпадетъ такое счастье.

Госпожа Борнеманъ совершенно не замѣчала происшедшей перемѣны. Въ ея присутствіи Лотта очень слѣдила за собой, а Фоксу эта осторожность не стоила особеннаго труда, потому что и наединѣ съ Лоттой онъ не проявлялъ большой нѣжности, хотя и относился къ ней всегда благосклонно и ласково.

Такъ они прожили много недѣль, и, благодаря Фоксу, совмѣстная жизнь ихъ пріобрѣла отпечатокъ нѣкоторой упорядоченности, стала направляться по извѣстнымъ правиламъ.

Иногда Лотта спрашивала Фокса о его планахъ на будущее. Онъ рисовалъ ей блестящія перспективы, разъяснялъ, что, въ сущности, нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, что современемъ онъ будетъ министромъ—въ его изложеніи это представлялось весьма возможнымъ и легкимъ,—и тогда она благоговѣйно умолкала и только тихонько пожимала его руку, чувствуя, какъ струи этого золотого будущаго заливаютъ и ее.

Фоксъ былъ очень доволенъ своей жизнью. И все же будущее иногда тревожило его, такъ какъ онъ чувствовалъ, какія твердыя надежды возлагаетъ на него Лотта. Долженъ ли онъ позволять укрѣпляться этимъ чувствамъ? Не обязанъ ли онъ постепенно пріучить Лотту разсчитывать только на самое себя?

Фоксъ долго крѣпился, но, наконецъ, не выдержалъ и разсказалъ Питту о своихъ отношеніяхъ къ Лоттѣ.

— Н-да,—сказалъ онъ ему однажды, задумчиво стряхивая пепелъ съ сигары,—иной разъ случается попадать въ исторіи, самъ даже не знаешь—какъ. Взять хотя бы эту самую Лотту. Ты тогда не могъ имѣть ее—я раньше думалъ, что дѣло обстоитъ иначе, а то не сталъ бы и говорить. Теперь-то

я вижу, что ошибся: я не зналъ, что она любила, собственно, меня и потому оттолкнула тебя. Она сама сказала мнѣ что-то въ этомъ родѣ... Ну, а тутъ ужъ было слишкомъ поздно, я уже не могъ отступить, не оскорбивъ ее смертельно, буквально смертельно. Впрочемъ, она мнѣ очень нравится; абсолютно не могу пожаловаться.

Питтъ уже давно предчувствовалъ подобный оборотъ дѣла, но все же при этихъ словахъ кровь горячей волной залила его сердце. Онъ слушалъ, замеревъ на мѣстѣ, и смыслъ дальнѣйшихъ разъясненій Фокса становился ему ясенъ лишь постепенно; потомъ онъ задумчиво посмотрѣлъ на него. Это извращеніе фактовъ изумило его. Возможно, что Лотта впослѣдствіи такъ исказила ихъ, это было вполнѣ естественно, хотя, какъ будто, не соотвѣтствовало ея характеру; въ этомъ случаѣ ему оставалось только молчать, щадя ее. Возможно также, что все это просто одно вранье его брата, чтобы возвысить себя въ его глазахъ. Тогда ему тоже лучше молчать, потому что совершенно излишне устанавливать правду, которая извѣстна Фоксу такъ же хорошо, какъ и ему самому.

— Ты считаешь меня, навѣрно, безхарактернымъ и непослѣдовательнымъ?—спросилъ Фоксъ.

— О, нѣтъ, я нахожу, что ты совершенно правъ. Вѣроятно, я поступилъ бы такъ-же, какъ и ты.

— Если бъ могъ!—сказалъ Фоксъ и въ этомъ отвѣтѣ насладился вполнѣ тріумфомъ, до сихъ поръ въ значительной мѣрѣ умаленнымъ равнодушіемъ Питта.

И на это Питтъ ничего не отвѣтилъ, хотя отвѣтъ и былъ на его губахъ.

Сильное угнетеніе медленно овладѣло въ послѣдующіе дни Питтомъ. Разлука постепенно заставила его позабыть то, что было ему скучно и непріятно въ Лоттѣ, въ воспоминаніи осталось лишь прекрасное, достойное любви, и, отрѣшенное отъ остального, оно еще окрѣпло въ его воображеніи. То, что онъ умышленно оторвался отъ нея, представлялось ему безсмысленнымъ, даже безумнымъ: онъ не понималъ, зачѣмъ онъ, намѣренно и съ полнымъ сознаніемъ, оттолкнулъ отъ себя то, что наполняло его тепломъ и счастіемъ. А теперь уже слишкомъ поздно. И въ то же время онъ ясно чувствовалъ, что, если бы ничего не случилось, онъ поступилъ бы опять такъ же, какъ и поступилъ. Эта двойственность чувствъ лишала его покоя, онъ мучился поздними угрызеніями, не зналъ, что думать о себѣ.

Семестръ подходилъ къ концу. Возвращаться ли ему назадъ въ этотъ городъ, смотрѣть на счастье Лотты съ Фоксомъ? Его охватило отвращеніе къ самому мѣсту, онъ долженъ разъ навсегда отказаться отъ Лотты, онъ не хотѣлъ никогда, никогда видѣть ее, хотѣлъ отрѣзать себѣ всякую возможность

встрѣчи съ нею. У него было смутное предчувствіе, что въ каждомъ городѣ будетъ повторяться то же, что онъ пережилъ съ Эльфридой и Лоттой. И онъ страшился этого.

Лотта стала грустить. Она должна была на нѣсколько мѣсяцевъ разстаться съ Фоксомъ; онъ обѣщалъ ей часто писать во время разлуки; что онъ вернется—было рѣшено и, собственно, подразумѣвалось само собой. Случайно онъ узналъ о намѣреніи Питта перейти въ прежній университетъ.

Онъ только сказалъ: „Вотъ какъ"—но лицо его приняло очень задумчивое выраженіе.

— Ну, такъ, значитъ, прощайте!—говорила маленькая госпожа Борнеманъ, пожимая обѣ руки Фоксу, стоявшему, въ цилиндрѣ и въ красныхъ лайковыхъ перчаткахъ, въ передней, указывая швейцару сундукъ, который надо было вынести на извозчика.—Прощайте, и еще разъ спасибо за все, что вы намъ дѣлали, на случай, если васъ больше не увижу! Жизнь—зажигательная бумажка, какъ говорилъ покойникъ-мужъ. Собственно я не знаю, что онъ этимъ хотѣлъ сказать, но часто повторяю это, чтобы почтить его память.

— Ахъ, бабушка!—воскликнула Лотта.—Господинъ Синтрупъ вернется. Вѣдь, это же рѣшено, это же несомнѣнно!—И впилась въ Фокса полу-довѣрчивымъ, полу-заклинающимъ взглядомъ.

Онъ нѣсколько разъ кивнулъ головой, успокоительно сомкнувъ вѣки, и потомъ еще разъ протянулъ обѣимъ женщинамъ руку. Лотта вопросительно смотрѣла ему въ глаза: она понимаетъ—здѣсь имъ нельзя поцѣловаться, но гдѣ же? можетъ быть, онъ думаетъ, на лѣстницѣ?

— Я провожу васъ до низу!—крикнула она, но госпожа Борнеманъ удержала ее.

— Дитя,—сказала она,—не надо давать людямъ даже тѣни къ упреку!

Фоксъ шелъ уже внизъ; она хотѣла вырваться, но госпожа Борнеманъ крѣпко держала ее за передникъ: «Я сказала, не смѣть!» Она придала своему тоненькому голоску нужную твердость и прибавила: «Ахъ, ты, госпожа Глупость и Безразсудность!»

— Поклонитесь вашему брату!—въ отчаяніи крикнула Лотта.

— Хорошо, будетъ исполнено!—донесся голосъ Фокса снизу.

— Я хоть посмотрю ему вслѣдъ!—воскликнула Лотта, и госпожа Борнеманъ не успѣла помѣшать ей подбѣжать къ окну. Но предусмотрительно сейчасъ же поспѣшила за нею, чтобы тоже посмотрѣть внизъ: бабушка и внучка! Красныя перчатки Фокса зашевелились въ прощальномъ привѣтствіи. И онъ даже не поцѣловалъ ее передъ долгой разлукой!

V.

— Я такъ и думалъ, что вы вернетесь!—сказалъ господинъ Кеннеке.— Тутъ кое-что немножко измѣнено, моя кузина кое-что переставила, потому что это время она, разумѣется, жила въ этой комнатѣ!—Онъ незамѣтно удалилъ съ умывальника прядку начесанныхъ волосъ.

Питтъ съ самаго начала не собирался поселиться снова у фрейлейнъ Ниппе; видъ волосъ укрѣпилъ его въ этомъ намѣреніи, и онъ спросилъ:

— А гдѣ же мой большой сундукъ?

— Здѣсь,—отвѣтилъ господинъ Кеннеке, указывая на „ансамбль“,—вотъ здѣсь!—И въ недоумѣніи вытаращился на Питта, когда тотъ заявилъ, что пришлетъ за сундукомъ сегодня же, такъ какъ живетъ въ другомъ мѣстѣ.

— Ахъ, вотъ какъ!—протянулъ онъ разочарованнымъ тономъ, но ничего больше не прибавилъ, такъ какъ не умѣлъ навязываться людямъ.

Питтъ предоставилъ ему размышлять о томъ, почему онъ не хочетъ больше жить у нихъ. На прощанье онъ сказалъ, что пришлетъ своего брата, съ котораго господинъ Кеннеке можетъ взять и большую плату, потому что у того гораздо больше денегъ, чѣмъ у него. „Изъ сочетанія фрейлейнъ Ниппе, Кеннеке и Фокса“,—подумалъ Питтъ—„можетъ выйти нѣчто весьма забавное“, и съ большимъ краснорѣчіемъ рекомендовалъ Фоксу комнату.

— У него все же доброе сердце!—сказала фрейлейнъ Ниппе.—Дѣло чрезвычайно просто. Когда онъ услышалъ, что въ этой комнатѣ жила *я*, ему стало жаль выселять меня отсюда; это ясно, какъ день!

— Приведи только комнату въ порядокъ, чтобы, когда придетъ его братъ, здѣсь не валялись разныя вещи!—Господинъ Кеннеке показалъ ей начесанные волосы, которые спряталъ, думая, что они еще могутъ пригодиться.

— Онъ видѣлъ?—спросила она.—Ну, что-жъ, хотя бы! Въ такомъ случаѣ онъ увидѣлъ также, что волосы у меня не фальшивые! Темные, густые волосы—и такого прекраснаго каштановаго цвѣта... Я только констатирую! Многія женщины дорого дали бы за такой цвѣтъ!

Когда явился Фоксъ, въ комнатѣ царилъ образцовый порядокъ. Поджавъ руки у груди, слегка согнувъ колѣни, фрейлейнъ Ниппе стояла посреди комнаты, смотря на Фокса восторженнымъ взглядомъ. Какой статный молодой человѣкъ! Что за цвѣтущая, рослая фигура, какая полная розовая шея, и щеки пышатъ здоровьемъ!

— Цѣна?

Какая точность! Почти военная простота. Она назвала цѣну.

— Bon!

— Снимаемъ?—спросила она кратко, бодрымъ, мальчишескимъ тономъ.

— Рѣшено!

— Требонъ!

— Bien!—поправилъ онъ, въ отвѣтъ на что она по-военному приложила руку къ виску. Она-то ужъ умѣетъ обходиться съ молодыми людьми!

— Мой братъ—болванъ!

Она ожидала, что за этимъ послѣдуетъ еще что-нибудь, но онъ ограничился лишь этимъ замѣчаніемъ, и она улыбнулась тактичной, ничего не выражающей улыбкой.

Фоксъ исчезъ; послѣ обѣда пріѣхали его сундуки и, какъ раньше Лотта, такъ теперь фрейлейнъ Ниппе восхищалась видомъ чудесной кожи. На слѣдующій день, послѣ его ухода, она обшныряла всю комнату, чтобы „ближе познакомиться съ новымъ жильцомъ". Ящичекъ съ приспособленіями для ухода за ногтями привлекъ ея вниманіе. Господи, этотъ молодой человѣкъ слѣдитъ за собой до самаго кончика пальцевъ! На умывальникѣ стояли граненые флаконы съ благовонными эссенціями, коробочки съ помадами и пастами. Она перенюхала все, попробовала твердость зубной щетки и, наконецъ, опыта ради отполировала себѣ ногти. Но неужели же у него въ комнатѣ нѣтъ ничего изъ того, что ее, дѣйствительно, „интересовало"? Всѣ ящики были заперты, но вотъ! Тутъ лежитъ что-то: бумажникъ, который онъ, должно быть, забылъ. Однако, лучше предварительно запереть дверь въ корридоръ! Чортъ возьми! Какое знатное знакомство! Одни бароны и дворяне! Дальше: неиспользованный билетъ на скачки; маленькая записная книжечка. Вотъ это, должно быть, интересно! Заголовокъ: „Впечатлѣнія съ картинныхъ выставокъ". Но, при всемъ стараніи, она не могла разобрать написанное. Оно имѣло несомнѣнное, но весьма отдаленное сходство съ буквами и словами; вѣроятно, такъ пишутъ актеры на сценѣ, когда это требуется по ходу пьесы. Что бы это могло значить? Она бережно положила книжечку на прежнее мѣсто. Ага, наконецъ-то! Письмо! Она точно замѣтила его положеніе между остальными бумагами, потомъ вытащила изъ бумажника: „Любимый мой Фоксъ! Судьба разлучила насъ на нѣкоторое время..." О, это интересно, это превосходило всѣ ожиданія! Она сейчасъ же поискала подписи: „Твоя вѣрная Лотта". И подъ этимъ чернилами было нарисовано, чуть-чуть кривовато, сердце, съ монограммой изъ переплетенныхъ Л и Ф. Разлука и свиданіе, свиданіе и разлука повторялись то и дѣло на протяженіи всѣхъ четырехъ страницъ. А въ концѣ стояло: „Я такъ страшно долго писала тебѣ, что стало уже совсѣмъ поздно". Потомъ еще разъ повторялось утѣшеніе, что они скоро увидятся, такъ какъ онъ вернется съ началомъ семестра. Фрейлейнъ Ниппе взглянула на почтовый штемпель.

Узнала-ли она съ того времени, что Фоксъ переѣхалъ въ другое мѣсто? И почему онъ, собственно, не вернулся?

— Я абсолютно не понимаю,—сказалъ Фоксъ Питту,—почему ты не захотѣлъ снова поселиться въ этой квартирѣ. Сначала я подумалъ: вѣрно въ ней есть какой-нибудь дефектъ, который мой любезный братецъ отъ меня утаиваетъ. Но до сихъ поръ ничего не нашелъ. Комната безукоризненна, мебель такая, что могла бы стоять у насъ дома въ гостиной! А сами люди положительно прелестны! Эта фрейлейнъ Ниппе держится прямо таки по джентльменски! Конечно, она некрасива, это я охотно признаю, но за то нельзя сказать, чтобы она болтала лишнее: у нея всѣ слова на надлежащемъ мѣстѣ! И потомъ у нея на все такіе широкіе взгляды! Разъ она на моихъ глазахъ выбросила изъ окна на дворъ умывальный тазъ, у котораго былъ отбитъ кусочекъ съ краю; и когда я замѣтилъ, что это можетъ, пожалуй, навлечь на нее непріятности, она отвѣтила, что люди здѣсь ведутъ такой филистерскій образъ жизни, что маленькая встряска и испугъ подѣйствуютъ на нихъ весьма благотворно. Я вижу въ этомъ очень и очень многое—этакую, знаешь-ли, непосредственность, свѣжесть... И притомъ какое беззаботное обращеніе съ деньгами! Вѣдь, ей вовсе не легко живется, это замѣтно. А затѣмъ это бодрое спокойствіе подъ внѣшней оживленностью! Вотъ тутъ и видно: сама жизнь—наилучшая воспитательница, если, разумѣется, человѣкъ поддается ея воспитанію! Кеннеке, правда, нравится мнѣ гораздо меньше, въ немъ есть что-то немножко вульгарное, но въ общемъ, если стать на уровень этого сорта людей, такъ онъ человѣкъ почтенный.

Согласно съ своимъ планомъ, въ этомъ семестрѣ Фоксъ набросился на драматическое искусство. Онъ хотѣлъ брать уроки и подготовлялся къ нимъ пока одинъ, самоучкой. Однажды утромъ фрейлейнъ Ниппе подумала, что въ ея домикѣ разыгрывается одна изъ тѣхъ трагедій, о которыхъ она до сихъ поръ знала лишь изъ отдѣла „Смѣси“ въ своей газетѣ. Страстные возгласы, угрозы раздавались по всему дому; самоотверженно она бросилась въ комнату, мысленно уже читая въ „Смѣси“ о „невинной жертвѣ ужасной катастрофы“, но Фоксъ вѣжливо успокоилъ ее, что онъ просто декламируетъ.

— На будущій годъ будетъ пѣніе,—сказалъ Фоксъ Питту:—у всякаго человѣка есть голосъ, все дѣло въ его развитіи и постановкѣ. Да, кстати, я написалъ маленькую замѣтку о новой пьесѣ, которую ставили на прошлой недѣлѣ; прочти ее, если хочешь; мнѣ интересно твое мнѣніе относительно того мѣста, гдѣ я говорю объ античной комедіи и сравниваю ее съ современной. Мнѣ пришлось воспользоваться кое-какими книжонками; интересно, замѣтно-ли это. Въ концѣ концовъ, если мы захотимъ быть честными, мы должны признать, что внутренно, въ душѣ, мы очень мало чувствуемъ свою

связь съ древностью, что бы тамъ ни говорили ученые. Человѣкъ, проникающій въ глубь вещей, не можетъ въ этомъ усумниться. Мы теперь стали другими людьми, съ другими чувствами. Это относится не только къ античной комедіи, къ античной трагедіи, но и ко всѣмъ остальнымъ формамъ классическаго искусства. Пусть-ка каждый, стоя передъ какой-нибудь греческой скульптурой, спроситъ себя, чувствуетъ-ли онъ что-нибудь, что-нибудь настоящее! Не сочиняетъ-ли онъ скорѣе остроумныя фразы, и почему онъ ихъ сочиняетъ? Да просто потому, что ихъ сочиняетъ весь свѣтъ, передъ которымъ не хочется осрамиться! Форма на-лицо, но именно только форма, духовный элементъ отсутствуетъ, а безъ него для современнаго человѣка искусство немыслимо. Когда же эта форма вдобавокъ вырождается въ *игру* формами, какъ въ позднѣйшій періодъ и, наконецъ, въ вѣкъ барокко, тогда искусство, вообще, летитъ вверхъ тормашками! Назадъ, къ природѣ! Вотъ, что я хотѣлъ бы крикнуть всѣмъ господамъ, протрубившимъ намъ уши своимъ пустозвонствомъ. Намекъ на то, что я сейчасъ говорю, есть уже въ моей замѣткѣ; понимающій человѣкъ вынесетъ изъ нея больше того, что въ ней собственно написано. У меня прямо чешутся руки привести все это въ надлежащій видъ!

Питтъ сталъ часто получать отъ него статьи для прочтенія, и Фоксъ надѣялся на постепенное распространеніе своихъ „въ глубокомъ смыслѣ" популярныхъ идей.

Мало-по-малу онъ достаточно подготовился къ урокамъ драматическаго искусства.

— Остальное — дѣло учителя, — говорилъ онъ. — Фразу за фразой я разучилъ цѣлую драму, которая недавно шла у насъ самымъ отвратительнымъ образомъ. При этомъ передо мной раскрылось многое. Но голосъ меня не слушается, дѣйствительность ужасно далеко отстаетъ отъ намѣренія, теперь необходимо пріобрѣсти технику, чтобы дѣло пошло какъ слѣдуетъ.

Въ городѣ жилъ нѣкій господинъ фонъ-Зандеръ, еженедѣльно помѣщавшій въ газетѣ объявленіе о своей театральной школѣ. Фоксъ выбралъ ее, говоря себѣ, что дворянское происхожденіе служитъ нѣкоторой гарантіей въ образованности этого человѣка. Ибо именно среди людей, причастныхъ къ театру, чаще всего отсутствуетъ образованность. Кромѣ того, господинъ фонъ-Зандеръ былъ членомъ театральнаго общества.

Фоксъ оправился къ нему и сначала былъ пораженъ наружностью своего новаго учителя: ни мужчина, ни женщина, неопредѣленнаго возраста, съ увядшей кожей на лицѣ, въ коротенькой, обтянутой жакеткѣ съ шелковыми шнурами и шелковыми отворотами — такимъ предсталъ передъ нимъ господинъ фонъ-Зандеръ. Фоксъ сейчасъ же увѣрилъ его, что избираетъ

драматическое искусство не какъ профессію, такъ какъ онъ юристъ и намѣренъ впослѣдствіи посвятить себя государственной службѣ. Господинъ фонъ-Зандеръ заставилъ его прочесть знаменитый монологъ—это онъ дѣлалъ всякій разъ, экзаменуя новаго ученика — и, когда Фоксъ кончилъ, сказалъ, что въ выразительности у него нѣтъ недостатка, но только это была не рѣчь средневѣковаго вождя, а скорѣе современнаго поручика. Но онъ ужъ сумѣетъ избавить его отъ его недостатковъ. Прежде всего необходимо поставить голосъ, чтобы онъ утратилъ рѣзкость, крикливость и пріобрѣлъ гибкость и звучность. Потомъ господинъ фонъ-Зандеръ самъ прочиталъ тотъ же монологъ, все въ той же домашней курточкѣ и въ сафьяновыхъ щегольскихъ сапожкахъ. Властными раскатами загремѣли удесятеренные *р*, рѣчь возрастала изъ простого повѣствовательнаго тона до высоты самозабвеннаго экстаза и постепенно, ослабѣвая, закончилась умѣреннымъ паѳосомъ.

— Да, все это вышло у васъ превосходно,—сказалъ Фоксъ,—но все же не лучше, чѣмъ у меня.

— Ну, ну, позвольте, однако! — Господинъ фонъ-Зандеръ заговорилъ опять обычнымъ тономъ, какъ будто никогда и не говорилъ иначе.

— Ну, да!—отвѣтилъ Фоксъ, смотря на него своимъ самымъ проникновеннымъ взглядомъ: важно было импонировать этому господину съ самаго начала. — Вы думаете, — продолжалъ онъ, — что этотъ человѣкъ дѣйствительно говорилъ такъ? А я не думаю. Такъ говоритъ актеръ, а не военачальникъ.

— Но мы же и есть актеры!—съ негодованіемъ воскликнулъ господинъ фонъ-Зандеръ.

— Драматическое искусство, — сказалъ Фоксъ, — должно быть соединеніемъ природы и искусства. Я готовъ допустить, что мое воспроизведеніе было не особенно хорошо; ваше было лучше, въ техническомъ отношеніи по крайней мѣрѣ; но передо мной паритъ художественный идеалъ, стоящій между этими обоими воспроизведеніями. Природа и искусство, связанныя въ высшее единство! Я думаю, мы оба можемъ поучиться другъ у друга. У меня есть—и это не пустыя слова—природное воспріятіе, не затѣненное ничѣмъ. Превратите его въ искусство, не затрагивая моей индивидуальности.

— Ну, этотъ дѣйствуетъ прямо нахрапомъ, — подумалъ господинъ фонъ-Зандеръ, — и насчетъ таланта у него, повидимому, слабо.

Но куда ни шло: Фоксъ согласился немедленно уплатить назначенную высокую цѣну, и такъ какъ господинъ фонъ-Зандеръ въ театрѣ занималъ лишь второстепенное положеніе, а поддержаніе обширныхъ знакомствъ и связей обходилось очень дорого, то онъ былъ радъ заполучить новаго ученика. Кромѣ того, Фоксъ хотѣлъ заняться этимъ дѣломъ для забавы, не собираясь сдѣлать себѣ изъ него профессію, такъ что не было причины отговаривать

его отъ занятій искусствомъ, чего, впрочемъ, господинъ фонъ-Зандеръ не сдѣлалъ бы и при другихъ условіяхъ.

— Прежде всего необходимо завести парикъ и костюмъ!—сказалъ себѣ Фоксъ, постоянно репетировавшій теперь монологъ передъ зеркаломъ, подражая господину фонъ-Зандеру. — Надо создать иллюзію, иначе ничего не выйдетъ.

Парикъ онъ купилъ, а костюмъ ему сшила фрейлейнъ Ниппе изъ постельнаго покрывала.

— Я придала ему, такъ сказать, общій, идеальный стиль,—сказала она, накидывая костюмъ ему на плечи. — Смотрите-ка, вотъ и готовъ герой! Это въ нашей-то теперешней скучной, мѣщанской жизни!

Фоксъ продекламировалъ еще разъ; дѣло несомнѣнно шло на ладъ. Но особенно ярко замѣтны стали его успѣхи лишь послѣ того, какъ онъ, наконецъ, рѣшился усвоить язычныя *р* господина фонъ-Зандера и вообще принятые на сценѣ. Вначалѣ это казалось ему аффектированнымъ и ненатуральнымъ, почти смѣшнымъ, но потомъ онъ подумалъ: «Вѣдь они всѣ такъ дѣлаютъ, стало быть мнѣ нечего стѣсняться». А поупражнявшись нѣкоторое время, онъ замѣтилъ: «Какъ часто секретъ скрывается въ самыхъ незамѣтныхъ вещахъ! Это новое *р*—положительно волшебное средство! Все кажется сразу какъ бы поднятымъ въ высшую сферу. Нѣтъ, насчетъ этого *р* онъ оказался менѣе неправъ, чѣмъ я думалъ». Господинъ фонъ-Зандеръ послѣ перваго урока выразилъ нѣкоторое удовольствіе, и Фоксъ перешелъ къ изученію ролей.

Онъ познакомился и съ учениками господина фонъ-Зандера. Среди нихъ были двѣ молодыя особы, уже теперь называвшія себя своимъ будущимъ театральнымъ псевдонимомъ, и нѣкій господинъ Эйхингеръ, сынъ сѣдельнаго мастера, обладавшій, по его мнѣнію, хорошимъ баритономъ, но почему-то не сдѣлавшійся пѣвцомъ. Фоксъ иначе представлялъ себѣ эту «театральную школу»: все происходило въ маленькой гостиной; какъ въ звѣринцѣ, всѣ наступали другъ другу на ноги; но это объяснялось тѣмъ, что они были новичками — господинъ фонъ-Зандеръ говорилъ, что самаго маленькаго пространства достаточно для самаго широкаго развитія творческой силы. Онъ все продѣлывалъ самъ, жеманно переставлялъ ноги и ухитрялся, дѣйствительно, никого не задѣть колѣнками. Потомъ онъ снова удалялся въ свой уголъ и, держа въ рукѣ книгу, слѣдилъ оттуда за представленіемъ.

— Больше движенія! Больше движенія! — кричалъ онъ съ своей табуретки, передвинутой отъ рояля. — Господинъ Синтрупъ, вы стоите, какъ палка! Скажите, пожалуйста: неужели вы никогда въ жизни не держали въ объятіяхъ дѣвушку? Покажите-ка теперь, дѣйствительно ли въ васъ имѣется

«натура», о которой вы говорили въ прошлый разъ! Ну, еще разъ сначала! — Фоксъ долженъ былъ снова стать слѣва, дама направо. — Правую ногу впередъ, господинъ Синтрупъ, а не лѣвую! Зрители находятся тамъ, гдѣ я сижу; думайте же о ихъ впечатлѣніи! Ну, значитъ: „Эгонъ страстно приближается къ ней“.Валите!

— Когда вы говорите «валите!»—у меня проходитъ всякое настроеніе, и я положительно ничего не могу.

— Если въ васъ течетъ кровь артиста, то вы *должны* мочь; на сценѣ тоже бываетъ точно такъ же. Ну, en avant, если вамъ это больше нравится!—Фрейлейнъ Делорма засмѣялась, но сейчасъ же скорчила умоляющую мину и нерѣшительно простерла къ Фоксу обѣ руки. — Недурно, дѣвочка. Теперь ты!

— Вы! — заревѣлъ Фоксъ.

— Ахъ, что тамъ! Не смущайтесь, если я когда нибудь скажу «ты». Потомъ я могу называть васъ и графомъ, если желаете. Ну, Лили, еще разъ твою реплику.

Лили дала реплику, Фоксъ сдѣлалъ шагъ, господинъ фонъ-Зандеръ вскочилъ, оттолкнулъ его въ сторону и продѣлалъ все самъ.

— Если вы будете вести себя такъ въ жизни, васъ всякій подниметъ на смѣхъ! Не думаете вовсе о сценѣ! Вы, вѣдь, стоите, какъ настоящій пень.

Фоксъ отказался продолжать играть, если господинъ фонъ-Зандеръ не измѣнитъ тона. Тотъ и безъ того часто просилъ у него извиненія послѣ уроковъ, говоря, что если онъ иногда увлекается, то Фоксъ долженъ относить это на счетъ искусства и его добросовѣстнаго стремленія сдѣлать изъ своихъ учениковъ что-нибудь путное. Фоксъ выслушивалъ его съ сумрачнымъ видомъ, смотрѣлъ на его изможденное и все же отекшее лицо, на которомъ нельзя было прочитать никакой характерной черты, и думалъ: „Во всѣхъ этихъ актерахъ, въ сущности, есть что-то глубоко антипатичное!

На слѣдующемъ урокѣ господинъ фонъ-Зандеръ упорно старался придерживаться другого тона, но потомъ совершенно позабылъ, что Фоксъ собирается быть правительственнымъ чиновникомъ:

— Боже милостивый! Куда же дѣвалась ваша мимика? Что у васъ на лицѣ, маска? Да смѣйтесь же?

Фоксъ посмотрѣлъ на него злыми глазами.

— Вы меня не понимаете? Я сказалъ, что вы должны смѣяться!

— Совершенно не намѣренъ!

Господинъ фонъ-Зандеръ захлопнулъ книгу:

— Въ такомъ случаѣ можете поискать себѣ другого учителя. Если я требую, чтобы вы смѣялись, то вы *должны* смѣяться. Такъ стоитъ въ роли.

и я въ правѣ требовать, чтобы вы исполняли то, что стоитъ въ роли. Вы слишкомъ много думаете о себѣ. Когда играютъ роль, нужно позабывать, что вы—другой человѣкъ. Такъ что же, желаете вы продолжать или нѣтъ?

— Да, но только въ ансамблѣ.

Фрейлейнъ Делорма сердито крикнула, что очень глупо постоянно повторять одно и то же, она хочетъ идти дальше.

— Ну, хорошо, извольте!—рѣшительно сказалъ Фоксъ, повторилъ свои послѣднія слова, сопроводивъ ихъ троекратнымъ «ха-ха-ха», причемъ подчеркнуто оскалилъ зубы.

— Все-таки лучше, чѣмъ ничего!—замѣтилъ господинъ фонъ-Зандеръ.— Поупражняйтесь въ смѣхѣ дома, передъ зеркаломъ, а намъ надо дальше.

— У васъ это не входитъ въ кровь и плоть,—сказалъ онъ однажды Фоксу послѣ урока,—и я знаю, отчего это зависитъ. Талантъ у васъ есть, это внѣ сомнѣнія. Но вы слишкомъ много думаете о словахъ; вамъ не достаетъ надлежащей развязности, вы не стоите надъ словами, вы не владѣете ими, короче: вы недостаточно учите наизустъ! Странно, дѣвушки всегда учатся лучше мужчинъ. Все равно, намѣрены вы впослѣдствіи заняться драматическимъ искусствомъ, какъ профессіей, или нѣтъ, но, пока вы имъ занимаетесь, вы должны серьезно работать. А серьезности у васъ пока и не достаетъ!

— Я могу и бросить!—съ досадой сказалъ Фоксъ и надулся, какъ капризное дитя.

Господинъ фонъ-Зандеръ поспѣшилъ поправиться: Фоксъ платилъ хорошо, и его нельзя было упускать.

— Я понимаю, что вы не можете всецѣло посвятить себя этому дѣлу, какъ Лили, Лиза или тотъ же Эйхингеръ. Но человѣкъ съ крупными цѣлями—а у васъ онѣ есть—не долженъ ничего дѣлать на половину. Какое вамъ будетъ удовольствіе, если въ концѣ года окажется, что вы выбросили свои деньги даромъ, и какая польза будетъ мнѣ отъ того, что я даромъ потратилъ на васъ свое время?

— Вѣдь, я же плачу вамъ!

— Конечно, но если бы у васъ не было денегъ, а вмѣсто нихъ были талантъ и энергія, то я сталъ бы заниматься съ вами и безплатно, какъ дѣлаю это съ Лили.

— Ну, да,—сказалъ Фоксъ,—тутъ примѣшано и кое-что другое.

Господинъ фонъ-Зандеръ вытянулъ губы трубочкой и, шутя, хлопнулъ его пониже спины. Фоксъ нахмурилъ брови.

— Ну, вотъ видите, и это вамъ не нравится! Вамъ не достаетъ настоящей связи, солидарности съ нами! Дѣвочки и такъ ужъ нѣсколько разъ жаловались, что вы очень горды. Вѣдь, мы всѣ образуемъ здѣсь маленькую семью. Вамъ не слѣдовало бы такъ обособляться. Стремленіе къ общей цѣли

связываетъ! Меня уже давно удивляетъ, какъ это вы не обратите вниманія хотя бы на Лизу. Вы, вѣдь, должны были замѣтить, что она дѣлаетъ вамъ авансы.

— А развѣ она не съ Эйхингеромъ,—спросилъ Фоксъ и прибавилъ:— Впрочемъ, я говорю это просто такъ, совершенно объективно.

Господинъ фонъ Зандеръ засмѣялся и отвѣтилъ:

— Какая же вамъ надобность сейчасъ же совать это ему подъ носъ. Постойте-ка: у меня есть ея фотографія, по ней вы сможете лучше оцѣнить ее, чѣмъ въ жизни!—Онъ вытащилъ изъ бумажника карточку и показалъ Фоксу съ величайшими предосторожностями, хотя они были одни.—Прелестна! Не правда ли?—зашепталъ онъ.—Какая прелестная фигура! И какія бедра, плечи, какой бюстъ!

— Н-да, бюстъ надо признать вполнѣ сноснымъ!—согласился Фоксъ съ небрежнымъ видомъ знатока.—Но какъ попала эта фотографія къ вамъ?

Однако, этотъ театральный міръ развращенъ до мозга костей! Онъ рѣшилъ отнынѣ держаться съ этими особами внѣшне болѣе по товарищески, но внутренне оставаясь совершенно холоднымъ, и протестовалъ противъ слишкомъ продолжительныхъ объятій на урокахъ. «Ай,—вскрикивалъ онъ въ разгарѣ игры,—фрейлейнъ, прошу васъ не жать меня такъ! Правда, въ роли стоитъ: «пожимаетъ ему руку», но вы тискаете мнѣ ее!»

— У васъ такая толстая рука, что невольно приходится забирать ее крѣпче, а, кромѣ того, я изображаю Клерхенъ болѣе страстной натурой; и это мое право, если я такъ хочу. Не правда ли, господинъ фонъ-Зандеръ?

— Тискай его, когда вы одни!—крикнулъ господинъ фонъ-Зандеръ, сидѣвшій на табуреткѣ въ своей традиціонной кофточкѣ съ шелковыми шнурами и въ сафьяновыхъ сапожкахъ.

Послѣ урока они обыкновенно шли нѣкоторое разстояніе вмѣстѣ: господинъ Эйхингеръ, въ сѣрой мягкой шляпѣ и съ ярко желтой тросточкой, обѣ дѣвицы въ большихъ шляпахъ съ птичьими чучелами. Вначалѣ Фоксъ не могъ хорошенько разобраться въ ихъ отношеніяхъ къ господину Эйхингеру: онъ провожалъ обѣихъ, и, сцѣпившись мизинцами, они шли, размахивая руками. До чего все-таки развращенъ этотъ театральный міръ! Черезъ нѣсколько времени фрейлейнъ Лиза, раздраженная сопротивленіемъ и грубой мужественностью Фокса, стала все откровеннѣе стараться поддѣлаться къ нему. Фоксъ, внутренно возмущенный и готовый къ протесту, рѣшилъ продѣлать все для виду, а потомъ разразиться настоящей бурей.

Произошло это послѣ спектакля въ театрѣ. Она поймала его у выхода и, заявивъ, что сегодня свободна цѣлый вечеръ, предложила ему пойти съ нею въ ресторанъ. Она выбрала маленькій кабинетъ, гдѣ они очутились совершенно одни, и заставила его потребовать шампанскаго и устрицъ. Съ

величайшей непринужденностью она говорила о господинѣ Эйхингерѣ и о фонъ-Зандерѣ, что одинъ ей нравится за то, что даетъ ей безплатно уроки, другой же—своимъ толстымъ кошелькомъ, но что по настоящему любить она не можетъ ни одного изъ нихъ, потому что Эйхингеръ, по ея мнѣнію, мужиковатъ, а фонъ-Зандеръ совсѣмъ не мужественъ.

— Ну, я думаю, мужчина всегда мужчина!—вставилъ Фоксъ, дѣлая убѣжденное и двусмысленное лицо.

Она улыбнулась и пустила ему въ носъ папиросный дымъ.

— У тебя хорошія папиросы!—замѣтила она.—Гораздо лучше, чѣмъ у Эйхингера.

Онъ хотѣлъ было обратить ея вниманіе на это «ты», но потомъ раздумалъ. Пусть сначала она зайдетъ еще подальше! Она не замедлила это сдѣлать, любезность ея становилась все откровеннѣе.

— Ты настоящая палка! Я думаю, ты, вообще, ничего еще не пережилъ въ своей жизни!

— Ого!— воскликнулъ Фоксъ въ благородномъ негодованіи.—Гораздо больше тебя!—и расказалъ ей нѣсколько эпизодовъ изъ приключеній съ его пріятелями. Она придвигалась все ближе, онъ дошелъ до своей исторіи съ Лоттой, воспоминаніе о дѣйствительно пережитомъ воскресло въ немъ съ силой и яркостью отъ тѣсной близости этой дѣвушки, такъ горячо прижимавшейся къ нему, онъ забылъ о своей моральной проповѣди, немножко помогло и шампанское—и Фоксъ палъ въ борьбѣ, изъ которой намѣревался выйти побѣдителемъ.

— Не бѣда!—думалъ онъ на слѣдующее утро.—Лишь бы выходить изъ всего этого чистымъ и сохранить свои убѣжденія,—это самое главное. Разумѣется, непріятно, что эта особа навязалась мнѣ теперь на шею.

Но когда они снова увидѣлись и вмѣстѣ шли съ урока, онъ тщетно ожидалъ отъ нея какого-нибудь намека. И на слѣдующій разъ тоже ничего не случилось, и, наконецъ, онъ не могъ уже больше сомнѣваться, что фрейлейнъ Лиза почитала свои отношенія къ нему завершенными тѣмъ единственнымъ вечеромъ. Это тоже разсердило его: онъ уже представилъ себѣ, какъ онъ еще пару—другую разъ угоститъ ее, какъ настоящій кавалеръ, а потомъ съ подчеркнутой сдержанностью распростится съ нею у порога ея квартиры. „Она навѣрное это замѣтила“,—утѣшалъ онъ себя,—«и хочетъ избавить себя отъ афронта. Эти бабы хитрѣе, чѣмъ о нихъ думаешь.“

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Пер. К. Жихарева.

ВЪ МОРОЗНОЙ СТЕПИ.

Очеркъ.

I.

Изъ поселка Круглаго мнѣ нужно было ѣхать на Банновку. Но съ каждымъ ночлегомъ выѣзжать дальше становилось труднѣе и труднѣе.

И не потому было трудно выѣзжать изъ села, что дорога была мерзлая и жесткая, что уставало отъ тряски тѣло, болѣла голова, ломило спину. За ночь отдыхало и освѣжалось тѣло, и воздухъ морозныхъ полей послѣ затхлыхъ крестьянскихъ избъ былъ живителенъ и пріятенъ. Нѣтъ, было трудно преодолѣвать пустоту ровныхъ, безконечныхъ Тургайскихъ степей. Вотъ что было трудно!

Вы думаете—такъ легко топтать нетоптанное? Взялъ да и поѣхалъ! Чего лучше! Степь ровная, гдѣ дорогой, а гдѣ и цѣлиной!.. Но это только кажется, что легко.

А изъ Круглаго поселка выѣзжать мнѣ было особенно трудно. Ночевалъ я и провелъ цѣлый день у священника, отца Никиты Орлова, обогрѣлся въ теплѣ и уютѣ бѣднаго поповскаго дома. Самъ онъ, еще молодой, но хмурый, дѣловитый и озабоченный, утромъ служилъ заказную обѣдню, потомъ ходилъ со мной по селу. Съ богатыми мужиками говорилъ: „Богъ дастъ проживемъ какъ-нибудь! Трудно, а проживемъ". А съ бѣдными вздыхалъ, крутилъ головой и жаловался: „Плохо! Съ Рождества—смерть наша, вотъ какъ плохо". Потомъ дома убирался по хозяйству, кормилъ коровъ, куръ, гусей, шилъ женѣ и дѣтямъ башмаки.

Жена его, еще не старая попадейка, съ живыми карими, немного косящими глазами, играла мнѣ на фисгармоніи вальсъ „Сонъ жизни". Разсказала большой, наполненный фотографіями альбомъ...

Эти провинціальные кожаные, съ металлическими застежками, старинные альбомы—настоящіе романы: тягучіе, нѣжные, обвѣянные тихой грустью. Мѣсто дѣйстія—Тамбовская губернія. Но тѣмъ дороже эти пожелтѣвшія фотографіи здѣсь, въ Тургайской степи... Вотъ дѣдушка-протоіерей. Дѣдушкинъ братъ—военный, герой севастопольской кампаніи. Братья, сестры, умершіе и живые, дамы въ кринолинахъ и наколкахъ, дѣти съ выпученными глазами, епархіалки въ бѣлыхъ передникахъ; бѣлокурыя, наивныя лица. Съ середины альбома стали попадаться фо-

тографіи самой матушки. Указывая на себя, она радостно волновалась; чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Надъ фотографіей „это я—невѣстой“ она покраснѣла всѣмъ лицомъ, ушами, даже шеей. Къ фотографіи „это я ужъ недавно снималась въ Кустанаѣ“ она успокоилась, стала сегодняшней, вспомнила о кухнѣ, объ обѣдѣ. А когда я собрался уѣзжать, она просительно пригласила:

— И куда торопитесь? Переночевали бы ужъ еще ночь. А утромъ бы поѣхали...

Покраснѣла при этомъ, взглянула на батюшку; помолодѣвшіе косящіе глаза блеснули и испуганно погасли. Ужъ хорошо-ли, что такъ сказала?

Но все двинулось своимъ чередомъ—и трудно было остановиться. Сторожъ Нефедъ пошелъ за старостой. Пришелъ староста, молодой мужикъ съ большими ястребиными глазами, привелъ сначала одного извозчика, потомъ другого, и поперемѣнно ихъ уговаривалъ:

— Ну, что-же, Иванъ, поѣзжай!

Иванъ вертитъ на кулакѣ шапку, молчитъ.

— Ну, инъ ты, Кузьма!.. У тебя лошади хорошія!

— Да, вѣдь, можетъ, Иванъ хочетъ?! Я перебивать не желаю.

Впрочемъ, скоро выясняется, что ни Иванъ, ни Кузьма дороги въ Банновку не знаютъ. Утѣшаютъ тѣмъ, что и никто въ Кругломъ поселкѣ этой дороги не знаетъ. И далеко,—пятьдесятъ верстъ. А степныя версты длинныя!

Хочется заработать и Ивану, и Кузьмѣ. Да какъ вспомнятъ глухую, морозную степь,—заробѣютъ. Трудно топтать нетоптанное!

Наконецъ, нашелся одинъ нѣмецъ, который прошлымъ лѣтомъ проѣзжалъ этой дорогой. Но у нѣмца нѣтъ лошадей. Взяли нѣмца провожатымъ, а Кузьма неохотно пошелъ запрягать.

Провожать меня вышли всѣ на крыльцо. Сбѣжались со двора гуси, обступили батюшку, гоготали, просили корму, ныряли подъ бричку.

— Гусей-то у меня онъ кормитъ, вотъ они съ него и требуютъ,—какъ балованное дитя объясняла матушка.—Мы ихъ голоднымъ комитетомъ зовемъ!..

II.

Въ морозномъ туманѣ Тургайской степи тонуло солнце. Стучали по мерзлой слегка запорошенной снѣгомъ землѣ колеса. Любопытными и какъ бы слегка удивленными глазами провожали насъ въ степь нахохлившіяся, расписанныя синими полосами и цвѣтами глиняныя хаты.

У крайней избы стояли два мужика. Привалились къ балясинамъ деревяннаго крыльца, скукожились, глубоко надѣли шапки, втянули въ воротники шеи, только бороды вверхъ торчатъ. Берегли тепло на долгую зиму. Кузьма спросилъ ихъ:

— А какъ намъ лучше здѣсь на косую дорогу выѣхать?

Спросилъ по привычкѣ жить и думать скопомъ. И собственно не о косой дорогѣ спросилъ, а о томъ, одобрятъ ли они эту поѣздку. Можетъ быть, отговорятъ, скажутъ, что ѣхать невозможно, удержатъ.

Мужики готовно откачнулись отъ крыльца, рѣжущими и стрѣляющими жестами стали показывать; кричали оба вразъ, но каждый по своему.

— Такъ прямо и ѣзжайте. Мимо мельницы! Куда стрянулись, на ночь глядя?!

Кузьма даже лошадей остановилъ, отмахнулъ съ лица уголъ высокаго воротника и голосомъ вопрошающимъ и испуганнымъ отвѣтилъ:

— Въ Банновку!..

Мужики опять готовно стали показывать въ степь руками, повторяли:

— Такъ прямо и ѣзжай!..

Кузьма уныло тронулъ лошадей.

Отъ этихъ жестовъ у мужиковъ спускались рукавицы. Сующими движеніями объ полу полушубка они надѣвали рукавицы и снова рѣзали руками пополамъ пеструю безкрайную степь. Кричали вдогонку, долго не могли успокоиться.

— Знаю ужъ, чего спрашиваешь... Ѣзжай! — успокоилъ Кузьму нѣмецъ Яковъ.

По мерзлому снѣгу повизгиваетъ коваными колесами бричка. Зыбко покачивается на пружинахъ сидѣнье. Съ сухимъ шорохомъ ломается подъ копытами лошадей и подъ колесами мерзлый заиндивѣвшій ковыль.

Раздѣленные красной полосой пламеняющаго заката, сидятъ передо мной въ передкѣ Кузьма и Яковъ. Облитыя краснымъ свѣтомъ въ согласномъ бѣгѣ покачиваются маленькія лошадки; откидываютъ назадъ розовыя заиндивѣвшія уши, слушаютъ—далеко-ли осталось село.

А впереди, направо, налѣво—цвѣтистая, розовая, синяя, лиловая морозная степь. На душу ложится печаль.

Сердце бы грезить не прочь,
Только печальна душа-а...

Слышится мнѣ задушевный, тоскующій шаляпинскій голосъ.

Ѣдемъ цѣликомъ по ковылю. Потомъ выѣхали на дорогу. Она, какъ длинная разграфленная полоса бѣлой бумаги, протянулась по степи: бѣлыя колеи, темныя межколесицы. Сѣло солнце. Оглянулся я назадъ, а поселокъ виденъ едва замѣтной, такой же пестрой, какъ степь, маленькой кучей. На минуту краснымъ огнемъ вспыхнуло оконное стекло и погасло.

Въ морозной степи тихо. Остановились передохнуть лошади. Заметалась по дорогѣ полевая мышь. Даже издали слышно, какъ подъ крохотными лапками похрустываетъ снѣгъ.

Степь стала голубой, потомъ зеленой, наконецъ сѣрой. Точно опускалась куда-то ниже-ниже, въ тишину, глушину. Наконецъ, опустилась на самое дно.

Тише некуда, глуше не бываетъ.

Сначала Кузьма съ Яковомъ о чемъ-то говорили, покрикивали на лошадей, шутили. Но постепенно замолкали. Переговорили все, что захватили съ собой изъ села. А въ степи застываетъ мысль. Тускнѣютъ воспоминанія. Со всѣхъ сторонъ на душу налегаетъ тяжелый, сѣрый сонъ.

Когда ѣдешь мѣстами заселенными, на каждомъ шагу знаешь и чувствуешь: вотъ здѣсь былъ человѣкъ. Стоитъ межевой столбъ, стогъ сѣна, сторожка, ометъ соломы, становище, горѣлое мѣсто. И кучеръ думаетъ о стогѣ сѣна, столбѣ, сторожкѣ, о томъ, что скоро надо возить солому, и какъ онъ лѣтомъ здѣсь жалъ, косилъ, бранился, пѣлъ пѣсни.

А о чемъ думаетъ онъ въ пустынной морозной степи?

Вещи, которыя сдѣлалъ, къ которымъ прикасался человѣкъ,—онѣ какъ книги. Онѣ хранители человѣческой мысли, культуры. Безъ человѣческихъ вещей пустота давитъ, угнетаетъ, наводитъ сонъ.

Кузьма встрепенулся, черезъ силу запѣлъ пѣсню.

Эхъ, кованая калясо!
Кована бушо-ована
Харашо!..

Но черезъ минуту замолкъ, не въ силахъ преодолѣть безкрайнаго простора и плотной морозной тишины.

Въ легкой паутинѣ облаковъ тускло свѣтитъ луна. Ѣдемъ-ѣдемъ—и чортъ знаетъ, что почудится. Будто ѣдемъ мы подъ какими-то высокими деревьями, по аллеѣ, и пятна снѣга—солнечныя пятна. Даже слышно, какъ надъ головой шелеститъ листва. Встрепенешься съ трудомъ.

— Яковъ, скоро, что-ли?

И по всему видно, что и Кузьма, и Яковъ тоже находятся во власти причудливыхъ видѣній сѣрой, осіянной сверху морозной пустоты безъ предметовъ, безъ признаковъ.

— Да, вѣдь, какъ сказать?..—съ усиліемъ говоритъ Яковъ. — Мошетъ быть, полтороки проѣхали.

И черезъ минуту для точности добавляетъ:

— А, мошетъ, и нѣтъ ишо...

И опять чудится, будто ѣдемъ мы не въ морозной степи, а по морю. И пятна снѣга—бѣлые гребни волнъ. Тихо качается подо мной бричка, шумятъ, бьются о борты волны, пыхтитъ машина...

Да нѣтъ же! Боже мой! Не море, а Тургайская степь. Съ ума можно сойти. Хоть бы какой-нибудь человѣческій предметъ!..

III.

Проснулся я отъ жуткаго, напряженнаго чувства. Все та жа ровная, осіянная луннымъ свѣтомъ степь. Только луна выше поднялась, растолкала на небѣ клубы сѣрыхъ облаковъ и яснѣе взглянула на мертвую равнину. Осторожно ступая и скользя ногами, идутъ лошади. Сбоку свѣтлымъ столбомъ движется лунный свѣтъ. Одинъ его конецъ на горизонтѣ, а другой серебряной сверкающей метлой разсыпался подъ бричкой. Сплошной ледъ. Ѣдемъ безъ дороги, точно по замерзшему морю.

— Гдѣ мы ѣдемъ, Кузьма?

Кузьма молчитъ.

— Яковъ, да что же вы, умерли, что-ли?

— Шивые! — серьезно отвѣчаетъ Яковъ. — Вота усю тороку салила. Тоѣтемъ!

Но въ голосѣ его я слышу сомнѣніе. Лошади идутъ шагомъ, стучатъ стертыми подковами по гладкому льду стеклянымъ звукомъ. Раскорячивались, деревянѣли отъ испуга и катились сразу на четырехъ ногахъ, точно игрушечные кони на колесикахъ; падали. Одна подшибала своимъ паденіемъ другую, и обѣ долго переваливались съ боку на бокъ, глухо постукивая объ ледъ колѣнками, окровавленными мордами.

Яковъ бѣгалъ въ сторону искать дорогу. Долго бѣжалъ по лунной свѣтлой дорогѣ, взмахивая черными руками, покачиваясь и прыгая—странное движущееся темное чучело. Кузьма ходилъ вокругъ лошадей, дергалъ ихъ за челки, оправлялъ сбрую. Когда Яковъ вернулся, Кузьма молча ударилъ его по головѣ кулакомъ, сбилъ шапку. Яковъ поднялъ ее, надѣлъ, и оба повели подъ уздцы лошадей, не знающихъ, куда безъ дороги идти.

— Тоже взялся провожать!—глухо ворчитъ Кузьма, подтанцовывая и скользя около морды лѣвой лошади.

— Та если вота тороку салила!?—оправдывается Яковъ, танцуя сбоку правой.

— Такъ не вызывался бы, чортъ!—кричитъ, останавливая лошадь, Кузьма.

И слышно было, что сердится онъ на Якова не столько потому, что подо льдомъ потеряли дорогу, сколько за то, что Яковъ вообще вызвался провожать.

— Туда-же: „я сна-аю!"—передразниваетъ нѣмца Кузьма.—Ну, вотъ знаешь, такъ и веди!..

— Тоѣ-этемъ!—успокаиваетъ Яковъ.

— Знаю, что доѣдемъ,—бормочетъ, утихая, Кузьма.

Оба идутъ долго и молча. Опять томитъ молчаніе морозной степи. Вернуться бы въ поселокъ Круглый!.. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ я снова перелисталъ бы альбомъ попадьи Орловой и послушалъ вальсъ „Сонъ жизни" на старой зады-

хающейся фисгармонiи! Въ степи, между двумя селами, какъ въ межпланетномъ пространствѣ: притягиваетъ туда, куда ближе. До полдороги вспоминаешь то, откуда уѣхалъ; а съ половины дороги томитъ нетерпѣнiе: поскорѣе бы доѣхать.

— Ну, что-же, Яковъ, полдороги проѣхали?

— Проѣхали!—весело кричитъ Яковъ.—Проѣхали! —кряхтитъ онъ, залѣзая съ Кузьмой въ бричку. Оба они повеселѣли: изъ подо льда прорѣзались колеи дороги. Яковъ началъ бранить Кузьму за малодушiе, запѣлъ нѣмецкую пѣсню; долго что-то разсказывалъ, обращаясь ко мнѣ и къ Кузьмѣ. Наконецъ, замолкъ.

Ѣдемъ долго. Накатилось облако морознаго тумана. Ѣдемъ въ зыбкомъ свѣтло-сѣромъ кругѣ. Подъ нами кусокъ ровной, закованной льдомъ дороги. Надъ нами громадное, свѣтло-радужное пятно луны. Туманъ сыплется на насъ мелкимъ инеемъ. Побѣлѣли лошади, и Кузьма съ Яковомъ, и бричка. За двадцать саженъ насъ невозможно отличить отъ степи.

Впереди что-то колышется. Догоняемъ—два верблюда. Пофыркивая и оглядываясь на насъ изъ-за горбовъ, они побѣжали по дорогѣ безшумнымъ бѣгомъ на мягкихъ подушкахъ длинныхъ ногъ. Видно только, какъ колышутся ихъ откатые зады, перекидываются со стороны на сторону тугiе мѣшки горбовъ. Кузьма гонитъ и останавливаетъ лошадей, а верблюды все на одномъ разстоянiи идутъ и бѣгутъ передъ нами, точно странные степные призраки.

Конечно, это верблюды, самые обыкновенные домашнiе верблюды. Отбились отъ двора, заблудились въ степи и ходятъ-гуляютъ на свободѣ. Но здѣсь, въ ледяной безкрайной степи, они пугаютъ. Становится тоскливо. Глуше кажется степная глушина, тяжелѣе молчанiе—и представляется, что пестрыя, замершiя поля раздвинулись по землѣ шире и дальше, развернулись снѣжнымъ полотномъ, укрыли всѣ города, села, деревни. Гдѣ-то копошатся, шевелятся люди, но шевелятся внизу, подъ этой мертвой пеленой ледяной степи, точно мыши подъ поломъ.

Кузьмѣ невтерпежъ. Ругаясь, онъ слѣзъ и побѣжалъ за верблюдами съ кнутомъ, гикалъ, кричалъ. Верблюды свернули въ сторону, исчезли въ свѣтломъ туманѣ. И въ слѣдующую же минуту въ насъ зарождается жуткое сомнѣнiе: были верблюды или это такъ только намъ показалось отъ тишины, пустоты и призрачнаго сiянья луны?

IV.

Надвинулись на луну облака. Стало сѣрѣе и безнадежнѣе кругомъ. Опустивъ головы, унылой рысью бѣгутъ лошади по дорогѣ, кованой льдомъ. Какъ два черныхъ узла плохо связанной одежды, сидятъ въ передкѣ и потряхиваются на кочкахъ Кузьма и Яковъ.

Я съ нетерпѣньемъ смотрю въ сѣрую даль. Скоро-ли? Свѣтлой капелькой блеснетъ въ степи огонекъ, другой.

— Яковъ, что это? Село?

Яковъ долго всматривается и, вздыхая, говоритъ:

— Нѣ-э! Пусто!..

Село близко. Оно уже притягиваетъ. Нельзя не смотрѣть впередъ въ ожиданіи перваго огня. И сѣрая степная пустота опять вспыхнетъ передъ утомленными, ищущими глазами десятками, сотнями огней. Чудится цѣлый городъ огней, длинные ряды электрическихъ фонарей. И музыка слышится:

...„Только печальна душа!"..

Ахъ, эта сладостно-тоскливая музыка пустого, замерзшаго поля!

Когда мы въѣхали въ Банновку, мнѣ казалось, что отъ Круглаго до Банновки я все время спалъ и только, въѣхавъ въ село, проснулся. Такъ, окрыленныя пустотой, сонны и неясны были всѣ впечатлѣнія пути. И голосъ у Кузьмы другой сталъ: осмысленный, проснувшійся.

— Бѣги-ка, постучись въ хату, спроси, гдѣ взъѣзжая!

Яковъ долго ходилъ вдоль бѣлаго бока сонной хаты, припадалъ къ чернымъ, утонувшимъ въ глиняныхъ стѣнахъ, низкимъ окнамъ, стучался въ дверь. Наконецъ, съ трудомъ, точно соннаго медвѣдя изъ берлоги, раздраживъ стукомъ въ двери и окна, вызвалъ мужика.

— Вотъ господину взъѣзжую покажи...

— Та чого-жъ е казать!? Ѣзжайте до Таланчука. Въ Таланчука у насъ взъѣзжа.

— А гдѣ же Таланчукъ живетъ?

Мужикъ долго пробуетъ словами и жестами разсказать намъ мѣстожительство Таланчука, коего всѣ собаки знаютъ въ Банновкѣ. Распяливаетъ на локтяхъ накинутый на плечахъ полушубокъ, дышетъ на меня затхлымъ тепломъ натопленной кизяками хаты. Наконецъ, надѣваетъ полушубокъ въ рукава, плюетъ и лѣзетъ въ бричку.

— Ота-жъ, яки непонятны! Ѣзжай!

Кажется, никогда я не испытывалъ такой радости отъ благъ человѣческой культуры, какъ въ таланчуковой саманной избѣ съ землянымъ поломъ. И торопливая хлопотня хозяевъ съ самоваромъ радовала и умиляла, какъ незаслуженная ласка.

Входилъ и выходилъ Кузьма, вносилъ вещи. Видъ у него былъ радостный, даже гордый. „Вотъ, дескать, и пріѣхали!" А Яковъ совѣмъ чувствовалъ себя героемъ. Но съ достоинствомъ молчалъ, хотя безъ труда могъ бы вслухъ похвалиться, что довелъ. Онъ сидѣлъ и раскуривалъ трубку. Обмороженное лицо его на фонѣ бѣлой стѣны видѣлось круглымъ багровымъ пятномъ.

Услыхалъ, что кто-то пріѣхалъ насчетъ голода, и пришелъ на взъѣзжую староста со значкомъ.

— Имѣю честь явиться, вашбродъ!..

— Здравствуй, староста! Спасибо, что пришелъ. Садись!

Староста испуганно и осторожно ущемилъ щепотью мою ладонь, точно она была изъ раскаленнаго желѣза. И сѣлъ, не сводя съ меня удивленныхъ глазъ, нащупывая задомъ лавку. Отъ недоумѣнія закричалъ на выглянувшихъ изъ другой комнаты ребятишекъ.

— Чего надо? Пшли вонъ!

— Какъ живете, староста?

Онъ отвѣтилъ не сразу. Покачалъ головой, выдохнулъ изъ себя весь воздухъ, какъ бы собираясь умереть на этомъ отвѣтѣ. И отъ его скорбнаго дыханія по комнатѣ потянуло легкимъ запахомъ водочнаго перегара.

— Плохо, господинъ... не знаю, какъ васъ звеличать. Плохо, ваше здоровье.

— Лучше бы надо жить.

Староста посмотрѣлъ на меня хитро и насмѣшливо. Дескать, понимаемъ, не проведешь. Тоже не палецъ сосалъ!..

— Да, вѣдь, мы что? Трава! Можно сказать—воздухъ одинъ. Кругомъ насъ пустыня. На небѣ Богъ, а на землѣ начальство... Господь Богъ обидѣлъ насъ. Ждемъ, что будетъ отъ начальства!.. Ежели и начальство не призритъ насъ...

Вмѣсто слова онъ сдѣлалъ жестъ рукой сверху внизъ. И жестъ этотъ долженъ былъ, несомнѣнно, означать что-то самое гибельное.

Пришли мужики, старухи со слезами, съ жалобами на нужду, на старосту, который неправильно распоряжался на общественныхъ работахъ. Бѣдныхъ отстранялъ, а за водку назначалъ богатыхъ. Долго шумѣли, тыкали другъ друга въ грудь, махали шапками. Никакъ не хотѣли вѣрить, что я не начальство и устроить у нихъ порядокъ, возстановить справедливость не могу. Жаловались на переселенческихъ чиновниковъ, на засуху, на начальство вообще, на степь, на Господа Бога. Какъ будто хотѣли отыскать такого виновника своего несчастья, надъ которымъ я властенъ и смогу наказать.

Разошлись разочарованные и тоскующіе.

Во снѣ я видѣлъ степную, осіянную тихимъ свѣтомъ дорогу. Я ѣхалъ по ней недѣли, мѣсяцы, годы и никакъ не могъ доѣхать до жилого мѣста. А въ ушахъ звучала все таже элегическая музыка:

...Сердце бы грезить не прочь,
Только печальна душа!

Отъ этого и утромъ было на душѣ печально до тоски, до отчаянія.

Садясь въ тарантасъ, я снова чувствовалъ, что передо мной возвышается невидимая гора пустыни. И я долженъ ее преодолѣть.

С. Кондурушкинъ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ ВЪ 80-хъ ГОДАХЪ.

(Изъ московскихъ воспоминаній).

I.

О „барствѣ“ Толстого.

Представленія о крупныхъ писателяхъ, о ихъ частной, личной жизни, о ихъ привычкахъ и наклонностяхъ, ходячія характеристики этихъ писателей, какъ людей, какъ извѣстныхъ индивидуумовъ, —въ широкихъ кругахъ нашей публики нерѣдко складываются на основаніи разныхъ темныхъ, смутныхъ, непровѣренныхъ слуховъ и выливаются подчасъ въ крайне грубыя, лубочныя формы.

Не буду приводить примѣровъ въ подтвержденіе этого положенія и прямо перейду къ Толстому, по отношенію къ которому въ нашемъ обществѣ ходило и ходитъ до сихъ поръ множество разнаго рода сказокъ, басенъ и легендъ, изъ которыхъ нѣкоторыя проникли и въ печать.

До 1881 года о Толстомъ въ русской печати писалось сравнительно очень мало. Свѣдѣнія изъ Ясной Поляны о жизни великаго художника, о его настроеніяхъ и переживаніяхъ, его литературныхъ планахъ проникали въ печать крайне скупо и туго. Между тѣмъ, въ обществѣ и тогда уже проявлялся, конечно, живой интересъ къ личности автора „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, поэтому всякіе слухи, разсказы и сообщенія, отъ времени до времени долетавшіе изъ Ясной Поляны, ловились и воспринимались съ жадностью.

Какъ извѣстно, Толстой, сдѣлавшись семьяниномъ, весьма неохотно разставался съ Ясной Поляной. Въ Петербургѣ онъ бывалъ чрезвычайно рѣдко, причемъ тщательно избѣгалъ всякихъ новыхъ знакомствъ. Въ Москвѣ Левъ Николаевичъ появлялся гораздо чаще, но всегда лишь на самое короткое время. Одно время, въ 70-хъ годахъ, какъ увѣряли москвичи, Левъ Николаевичъ каждую субботу пріѣзжалъ въ Москву на симфоническія собранія. Но при этомъ онъ всячески старался о томъ, чтобы его присутствіе не было замѣчено, и тотчасъ же по окончаніи концерта уѣзжалъ въ Ясную.

Съ переѣздомъ Толстого осенью 1881 года въ Москву условія рѣзко мѣняются: въ печать вдругъ хлынулъ цѣлый потокъ извѣстій о жизни Толстого, о его времяпрепровожденіи, о его литературныхъ работахъ и т. д. Но, разумѣется,

еще больше этихъ извѣстій, всевозможныхъ слуховъ, толковъ, сплетенъ и разсказовъ о Толстомъ распространялось въ обществѣ помимо печати, путемъ устной передачи при посредствѣ лицъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ великимъ писателемъ.

Разныя фразы, замѣчанія, отдѣльныя словечки Толстого съ необыкновенной быстротой разносились по Москвѣ, жадно ловились интеллигентной публикой, передавались отъ одного къ другому и служили неизсякаемымъ источникомъ для пересудовъ и дебатовъ на журфиксахъ. Какъ всегда при подобныхъ передачахъ, слухи разростались, преувеличивались, краски сгущались.

Недаромъ еще Грибоѣдовъ говорилъ:
„Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое"...

Да и въ одной ли Москвѣ? Естественно, что на этой почвѣ возникали разныя басни и легенды, которыя затѣмъ распространялись по всей Россіи. Одна изъ этихъ басенъ, получившая особенно широкое распространеніе, гласила о томъ, что Левъ Толстой—большой баринъ, убѣжденный аристократъ, живущій въ роскоши, что, сочувствуя крестьянству, онъ въ то-же время съ явнымъ предубѣжденіемъ относится къ интеллигенціи и даже совсѣмъ отрицаетъ ее и тѣ общественныя цѣли и задачи, которыя она преслѣдуетъ.

Признаюсь, я и до сихъ поръ не могу себѣ вполнѣ уяснить, какъ могли возникать подобныя легенды. Для меня по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что Толстой со своей стороны не подавалъ для нихъ никакого повода, ни малѣйшаго основанія. Остановлюсь сначала на сказкахъ о необыкновенной роскоши той обстановки, среди которой будто бы жилъ Толстой въ Москвѣ.

Когда мнѣ приходилось слышать разсказы о толстовской роскоши отъ какого-нибудь народнаго учителя или студента-пролетарія,—я вполнѣ понималъ ихъ. Людямъ, которые на всѣ свои потребности могли тратить не болѣе 25 рублей въ мѣсяцъ, такимъ людямъ естественно всякая квартира, не лишенная уютности, кажется уже роскошью.

Но я рѣшительно не понималъ, какимъ образомъ могли повторять сказки и басни о необыкновенной роскоши жизни Толстого люди, сами проживавшіе по 20, по 30 тысячъ въ годъ. Вотъ, напримѣръ, какой характерный случай вспоминается мнѣ по этому поводу.

Въ 80-хъ годахъ въ Москвѣ частенько появлялся Николай Николаевичъ Неплюевъ, получившій впослѣдствіи извѣстность въ качествѣ устроителя особаго „сельско-хозяйственнаго братства", основаннаго на религіозныхъ началахъ. Это былъ аристократъ и богачъ, владѣлецъ огромнаго состоянія; ему, между прочимъ, принадлежала едва ли не большая часть Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи.

Занятый въ то время мыслью объ устройствѣ своего „братства", онъ постоянно носился съ этой идеей и охотно дѣлился своими планами съ людьми, интересовавшимися религіозными вопросами. Онъ часто бывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ, по-долгу живалъ заграницей въ самыхъ дорогихъ курортахъ, поддерживалъ свѣтскія знакомства въ высшихъ столичныхъ кругахъ и вообще велъ

образъ жизни человѣка, который находитъ возможнымъ тратить на себя десятки тысячъ рублей въ годъ.

И вотъ такой-то человѣкъ, придя какъ-то ко мнѣ въ Москвѣ, началъ дѣлиться своими впечатлѣніями, вынесенными имъ отъ посѣщенія Л. Н. Толстого, жившаго тогда въ своемъ домѣ въ Долго-Хамовническомъ переулкѣ.

— Вчера я былъ у Льва Николаевича,— началъ Неплюевъ, и лицо его вдругъ приняло такое выраженіе, какое обыкновенно появляется у людей, рѣшившихъ позлословить на счетъ своего ближняго.

— Въѣзжаю во дворъ,—домъ освѣщенъ a giorno.... Меня встрѣчаетъ лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ...

И такъ далѣе.

И хотя по тону моего собесѣдника я ясно видѣлъ, что ему очень хочется непремѣнно подчеркнуть роскошь толстовской обстановки, тѣмъ не менѣе, однако, изъ всѣхъ его усилій ровно ничего не выходитъ, такъ какъ, кромѣ „освѣщенія a giorno“ и „лакея въ бѣлыхъ перчаткахъ“, онъ рѣшительно не могъ сообщить ничего такого, что дѣйствительно подтверждало бы ходячее мнѣніе о якобы роскошномъ образѣ жизни Толстого.

Признаюсь, слушая этого барина, я съ трудомъ удерживался отъ улыбки, такъ какъ мнѣ совершенно невольно вспоминалось то время, когда этотъ самый Н. Н. Неплюевъ, будучи слушателемъ Петровской земледѣльческой академіи, жилъ подъ Москвой, въ Петровскомъ-Разумовскомъ,—жилъ въ полномъ смыслѣ слова по-барски, не только съ лакеями, но и съ камердинерами.

„Откуда же этотъ обличительный тонъ по отношенію къ Толстому?—думалъ я, слушая разсказы Неплюева.—Или онъ съ тѣхъ поръ настолько опростился, что даже скромный укладъ жизни Толстого представляется ему чѣмъ-то роскошнымъ и барскимъ?“...

Эти сомнѣнія очень скоро разрѣшились.

Неплюевъ во время своихъ пріѣздовъ въ Москву не разъ приглашалъ меня посѣтить его и даже пенялъ, что я не спѣшилъ отзываться на его приглашенія. Разъ какъ-то, вернувшись домой, я нашелъ у себя записку Неплюева, въ которой онъ, сообщая свой адресъ, просилъ меня побывать у него.

Гостиница „Дрезденъ“, въ которой по своему обыкновенію остановился Неплюевъ, была въ то время (я не знаю, какъ сейчасъ) самой фешенебельной, самой солидной и дорогой гостиницей въ Москвѣ. Въ ней останавливались сановники, министры, посланники.

Необыкновенно величественнный и выхоленный лакей въ безукоризненной фрачной парѣ провелъ меня въ большой, видимо очень дорогой номеръ Неплюева, роскошно обставленный. Въ воздухѣ чуть-чуть слышался тонкій ароматъ духовъ. Неплюевъ кончалъ завтракъ. Одѣтъ онъ былъ, какъ говорится, съ иголочки.

Когда я отказался отъ предложеннаго мнѣ завтрака, Неплюевъ приказалъ подать фрукты и кофе. Исполнявшіе его приказаніе лакеи неслышно, какъ тѣни, скользили по бархатнымъ коврамъ, которыми былъ устланъ полъ.

Другой, менѣе величественный, но еще болѣе элегантный лакей принесъ вазу съ виноградомъ, персиками, дюшесами. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ снова появился съ серебрянымъ сервизомъ въ рукахъ и торжественно поставилъ его передъ нами, а затѣмъ не менѣе торжественно розлилъ кофе въ крошечныя фарфоровыя чашки...

Когда я, распрощавшись съ Неплюевымъ, вышелъ въ корридоръ, онъ пошелъ проводить меня. У дверей его номера, очевидно въ ожиданіи приказаній, стоялъ лакей въ почтительной позѣ.

— Коляску мнѣ,—чуть слышно уронилъ Неплюевъ, проходя мимо лакея.

— Слушаю-съ!—подобострастно склоняется лакей...

Какъ мало походилъ Толстой на этого филантропа-аристократа! Какъ различны, какъ далеки между собой были привычки и наклонности того и другого!

Когда Толстой жилъ одинъ, безъ семьи, какъ, напримѣръ, въ Самарской губерніи, то его образъ жизни и вся окружавшая его обстановка прямо поражали своей необыкновенной простотой, полнѣйшимъ отсутствіемъ не только всякихъ слѣдовъ роскоши, но даже самаго необходимаго, можно сказать—элементарнаго комфорта и удобства.

На самарскомъ хуторѣ комната Толстого, въ которой онъ ежегодно проводилъ цѣлые мѣсяцы, была лишена даже самой необходимой мебели. Онъ спалъ на примитивной деревянной кровати, которая не отличалась даже устойчивостью. Вмѣсто обычной мягкой мебели, вмѣсто вѣнскихъ стульевъ въ комнатѣ было лишь нѣсколько деревянныхъ табуретовъ.

Столъ Толстого въ это время ничѣмъ не отличался отъ стола лицъ, служившихъ на хуторѣ, и ихъ семействъ: онъ былъ въ высшей степени простой и притомъ однообразный и состоялъ главнымъ образомъ изъ баранины и кумыса. Никакого лакея при немъ, конечно, не было. Костюмъ его состоялъ изъ парусиновой блузы и стараго лѣтняго пальто, замѣтно порыжѣвшаго на плечахъ отъ солнца.

Когда въ комнату Толстого приходили сразу 3—4 посѣтителя, то онъ уступалъ имъ табуреты и свою кровать, а самъ садился на старый чемоданъ, который онъ тутъ же вытаскивалъ изъ-подъ кровати.

И Толстой, какъ въ этомъ я имѣлъ случай лично убѣдиться, не только не тяготился этими неудобствами, но, казалось, совершенно не замѣчалъ ихъ и постоянно находился въ самомъ лучшемъ настроеніи духа.

II.

„Опрощеніе“.

Но откуда же пошли всѣ эти слухи и толки о Толстовской роскоши? Почему эти слухи упрочились и получили такое широкое распространеніе?

Въ объясненіе этого необходимо замѣтить, что не однѣ московскія кумушки поработали надъ распространеніемъ слуховъ и сплетенъ о Толстовской роскоши. Надъ этимъ же не мало потрудились и нѣкоторые изъ нашихъ писателей, которые пытались представить геніальнаго художника и учителя жизни изнѣженнымъ бариномъ, лѣнивымъ сибаритомъ,

глубокимъ, закоренѣлымъ эгоистомъ, который всячески старается окружить себя изысканной роскошью и всевозможнымъ комфортомъ.

По увѣренію этихъ господъ, Левъ Николаевичъ въ своемъ стремленіи обезпечить себѣ возможно большій покой и комфортъ былъ не прочь даже грубо поэксплоатировать свою жену, заставляя ее просиживать цѣлыя ночи надъ перепискою его черновыхъ рукописей, заставляя ее напрягать необыкновенныя усилія надъ приготовленіемъ ему вегетаріанскаго стола, который долженъ быть настолько же разнообразенъ, изысканъ и вкусенъ, какъ и мясной.

До какой тенденціозности и въ то-же время мелочности доходили обличенія и нападки на Толстого—можно видѣть между прочимъ изъ того, что обвиняли его —шестидесятилѣтняго старика—въ наклонности къ щегольству, которое выражалось... въ покроѣ его блузы!...

Тѣ, кто хотя сколько-нибудь зналъ Толстого, встрѣчался съ нимъ, имѣлъ возможность наблюдать его въ жизни, тѣ, разумѣется, прекрасно знаютъ цѣну обвиненій, возводимыхъ на Толстого съ чисто прокурорскимъ азартомъ. А въ дѣлѣ критики азартъ—плохой союзникъ. И, дѣйствительно, отдавшись обличенію разныхъ недостатковъ и слабыхъ сторонъ въ жизни и дѣятельности Толстого, рисуютъ портретъ какого-то утонченнаго эпикурейца, — портретъ, который не имѣетъ ни тѣни сходства съ оригиналомъ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что это не портретъ, а злая каррикатура, грубый шаржъ.

Обличители не желаютъ замѣтить даже самой важной, самой крупной и доминирующей черты духовнаго облика „учителя жизни"—его стремленія и способности постоянно эволюціонизировать, постоянно становиться лучше, постоянно прогрессировать морально и этически.

Несомнѣнно, что Толстой въ теченіе долгихъ лѣтъ былъ помѣщикомъ, былъ крупнымъ землевладѣльцемъ, былъ титулованнымъ аристократомъ, былъ, наконецъ, знаменитымъ романистомъ, получавшимъ крупные, по тому времени огромные гонорары. Но, вѣдь, нельзя не видѣть, какъ Толстой стремился отрѣшиться не только отъ выгодъ своего привиллегированнаго положенія, но даже отъ того, что онъ—по общему мнѣнію—получалъ какъ должное за свой талантъ и трудъ: онъ отказывается отъ своихъ имущественныхъ правъ въ пользу жены и дѣтей, отказывается отъ своего титула, наконецъ отказывается отъ гонорара за свои литературныя работы, предоставляя ихъ въ общее безплатное пользованіе.

Я допускаю, что въ молодости Левъ Николаевичъ совершенно иначе, чѣмъ въ зрѣлые годы, относился къ своему привиллегированному положенію и аристократическому происхожденію. По сознанію самого Толстого, въ молодости онъ не чуждъ былъ извѣстнаго тщеславія: онъ испытывалъ удовольствіе при мысли о своемъ происхожденіи, о своемъ титулѣ.

— Въ то время я придавалъ особое значеніе и чувствовалъ себя почти счастливымъ отъ того, что я графъ, и даже отъ того, что я Левъ.

Такъ признавался Толстой одному изъ своихъ московскихъ знакомыхъ въ половинѣ 80-хъ годовъ.

Демократизмъ 60-хъ годовъ, а еще болѣе народническая эпоха 70-хъ годовъ, проникнутая высокимъ героическимъ альтруизмомъ, не могли, конечно, не оказать замѣтнаго вліянія на психику Толстого, на его настроеніе. Всегда таившіяся въ Толстомъ симпатіи къ трудовому народу и крестьянству пріобрѣтаютъ вполнѣ опредѣленный характеръ во второй половинѣ 70-хъ годовъ.

Въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ происходитъ знакомство и сближеніе Толстого со многими участниками народническаго движенія, съ лицами, „ходившими въ народъ". Изъ числа этихъ лицъ я могу, напримѣръ, назвать: В. И. Алексѣева, Л. П. Никифорова, Владиміра Федоровича Орлова (нечаевца), А. К. Маликова (основателя богочеловѣчества), Е. И. Лазарева и друг. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ становятся близкими друзьями Льва Николаевича.

Съ этого же времени Толстой начинаетъ стремиться къ „опрощенію", которое, какъ извѣстно, составляло основную черту людей, „ходившихъ въ народъ". Съ этого времени въ его отношеніяхъ къ свѣтскому обществу, къ аристократической средѣ начинаютъ проглядывать явно отрицательныя тенденціи.

Онъ стремится сблизиться съ народомъ, ознакомиться съ его духовнымъ міромъ, для чего предпринимаетъ путешествія по монастырямъ, знакомится съ сектантами и т. д. При этомъ онъ прибѣгаетъ къ тѣмъ же самымъ пріемамъ, которые практиковались лицами, „ходившими въ народъ", т. е. ходитъ по Россіи пѣшкомъ, одѣвается въ крестьянское платье до лаптей включительно и проч.

Демократическія симпатіи Толстого растутъ все болѣе, принимая при этомъ чисто народническій характеръ. Это прежде всего, конечно, очень сильно отражается въ его произведеніяхъ, а затѣмъ и въ условіяхъ его личной жизни, въ его обстановкѣ, костюмѣ и т. д.

Приблизительно около этого же времени изъ подписи Льва Николаевича навсегда исчезаетъ титулъ графа. Затѣмъ онъ задумываетъ писать для широкихъ народныхъ массъ, задается мыслью создать народный органъ, стремится улучшить лубочную народную литературу и т. д.*).

Къ стремленію Толстого опроститься, къ его попыткамъ заняться чернымъ физическимъ трудомъ москвичи на первыхъ порахъ отнеслись различно: одни—съ добродушной ироніей, другіе же—съ явнымъ сарказмомъ, нерѣдко очень ядовитымъ. Вообще же остротамъ и насмѣшкамъ всякаго рода по этому поводу не было конца.

Особенно въ ходу былъ разсказъ о томъ, какъ Левъ Николаевичъ ѣздитъ за водой. Доморощенные юмористы обыкновенно рисовали по этому поводу такую картину:

Еще за долго до поѣздки во дворѣ начинается движеніе. Изъ дома вылетаетъ лакей, бѣжитъ черезъ дворъ и

*) Подробнѣе объ этомъ см. нашу статью: „Левъ Толстой и богочеловѣки", „Русское Богатство" за 1911 годъ, августъ мѣсяцъ.

кричитъ кучеру: „Иванъ, закладывай сани съ бочкой! Слышишь, что-ли? Графъ сегодня сами поѣдутъ за водой!.. А ты можешь гулять себѣ“...

Кучеръ, привыкшій, молъ, къ чудачествамъ графа, спѣшитъ исполнить приказаніе: закладываетъ рабочую лошадь въ деревенскія сани, укрѣпляетъ обледенѣлую бочку, подвѣшиваетъ ведро.

Спустя нѣкоторое время на дворѣ показывается горничная. Она летитъ стрѣлой и кричитъ: „Иванъ, Иванъ! Подавай сани съ бочкой! Графъ сейчасъ ѣдутъ за водой“.

Кучеръ подводитъ лошадь съ санями къ барскому крыльцу. Левъ Николаевичъ въ полушубкѣ, валенкахъ и рукавицахъ выходитъ изъ дома, беретъ вожжи изъ рукъ кучера, становится на сани, прислонясь спиной къ бочкѣ, и выѣзжаетъ изъ воротъ.

Его провожаютъ кучеръ, лакей и еще какіе-то люди. Они выходятъ за ворота, провожаютъ глазами уѣзжающаго Льва Николаевича и затѣмъ, добродушно посмѣиваясь и подтрунивая надъ бариномъ, возвращаются домой.

Но вдругъ опять тревога. Оказывается, что Левъ Николаевичъ забылъ захватить съ собою кнутъ, а безъ кнута лошадь не слушается его. И вотъ снова на дворѣ начинается суетня, раздаются крики: „Иванъ! Графъ кнутъ забыли!.. Иванъ, бѣги скорѣй, неси графу кнутъ“ и т. д.

Подобные разсказы во множествѣ сочинялись и пускались въ оборотъ людьми, которые почему нибудь относились къ великому писателю съ предубѣжденіемъ и антипатіей. Большею частью это были лица „изъ общества“, лица, близкія къ той средѣ, къ которой по своему происхожденію принадлежалъ Левъ Николаевичъ.

Затѣмъ одно время былъ пущенъ, напримѣръ, такой слухъ: Левъ Николаевичъ, подражая Сютаеву, нанялся пастухомъ къ своимъ бывшимъ крестьянамъ и все свое время проводитъ въ томъ, что пасетъ крестьянскій скотъ въ Ясной Полянѣ...

И по мѣрѣ того, какъ число недруговъ Льва Николаевича все росло и увеличивалось, росли и множились подобные слухи, разсказы и толки.

Даже самый костюмъ Толстого, его знаменитый полушубокъ и блуза долгое время вызывали среди москвичей, особенно на первыхъ порахъ, постоянныя нападки на него и обвиненія въ рисовкѣ, въ игрѣ, въ наклонности къ маскараду.

— Одѣнусь - ка я сегодня мужичк-о-омъ!—смѣясь, острили москвичи по адресу Толстого.

Въ объясненіе этого я долженъ сказать, что старое поколѣніе москвичей еще живо помнило тогда попытки славянофиловъ, какъ извѣстно, задавшихся цѣлью замѣнить европейскій костюмъ русскимъ, національнымъ. Но славянофилы, стараясь одѣться „подъ мужичка“, были какъ нельзя болѣе далеки отъ всякаго стремленія къ „опрощенію“ и ровно ничего не имѣли ни противъ шелковыхъ рубахъ, ни противъ бархатныхъ поддевокъ и т. п. Къ тому же даже самые правовѣрные славянофилы, вродѣ Аксаковыхъ и Хомякова, живя въ Москвѣ, не рѣшались вездѣ показываться

въ русскомъ платьѣ, а всегда имѣли про запасъ и сюртуки, и фраки, и цилиндры. При этихъ условіяхъ московское общество не могло, конечно, придавать никакого серьезнаго значенія стремленію славянофиловъ произвести реформу въ области костюма.

Съ тѣмъ же скептицизмомъ отнеслись москвичи и къ попыткѣ Л. Н. Толстого „упростить“ свой костюмъ. Не безъ ехидства они все ждали того момента, когда Толстой вынужденъ будетъ въ силу общепринятыхъ условностей, обязательныхъ въ томъ кругу, къ которому онъ принадлежалъ по своему происхожденію, облечься во фракъ, въ смокингъ и пожалуй—чего добраго—въ шинель съ бобрами.

— Вотъ посмотримъ, какъ онъ поѣдетъ къ князю Владиміру Андреевичу, когда тотъ пригласитъ его къ завтраку!—смѣясь, говорили видавшіе виды москвичи.

— Или еще лучше—на балъ!—вторили другіе.—Въ блузѣ, въ высокихъ сапогахъ!..

Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, московскій генералъ-губернаторъ, славился большимъ хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ. На балахъ, которые онъ устраивалъ отъ времени до времени и которые отличались необыкновеннымъ блескомъ, собиралась „вся Москва“, въ томъ числѣ и представители печати и литературы. Затѣмъ по воскресеньямъ у него происходили завтраки, на которые нерѣдко получали приглашеніе представители литературнаго міра.

Я не знаю въ точности, получалъ ли Л. Н. Толстой приглашенія отъ генералъ-губернатора князя Долгорукова хотя долженъ сказать, что слухи о томъ, что подобнаго рода приглашенія имѣли мѣсто, дѣйствительно циркулировали въ московскомъ обществѣ. При этомъ передавалось, что Левъ Николаевичъ рѣшительно отклонялъ отъ себя эти приглашенія, объясняя свой отказъ... ссылкой на свой костюмъ!

Какъ бы то ни было, московскіе зоилы должны были разочароваться, такъ какъ ихъ ожиданіямъ не суждено было сбыться: Толстой, несмотря ни на какія искушенія, ни разу не измѣнилъ своему костюму и остался вѣренъ своей блузѣ, своему полушубку, своимъ валенкамъ.

III.

Московскіе знакомые Л. Н. Толстого.

Другая легенда, сложившаяся о Толстомъ, гласила о его будто-бы совершенно отрицательномъ отношеніи къ русской интеллигенціи, къ такъ называемому „третьему элементу“. Не трудно, конечно, доказать, что и эта легенда не имѣетъ подъ собой ни малѣйшаго основанія.

Хотя во время своего пребыванія въ Ясной Полянѣ, до 80-хъ годовъ, Толстому довольно рѣдко приходилось соприкасаться съ тѣмъ слоемъ общества, который извѣстенъ подъ именемъ интеллигенціи, тѣмъ не менѣе, однако, уже и въ то время Л. Н. сближался—и притомъ самымъ дружескимъ образомъ—съ типичными представителями тогдашней интеллигенціи, съ которыми ему приходилось сталкиваться.

Для примѣра укажу на дружбу вели-

каго писателя съ учителемъ его старшихъ дѣтей В. И. Алексѣевымъ, который передъ тѣмъ принадлежалъ къ кружку чайковцевъ, „ходилъ въ народъ" въ качествѣ книгоноши, увлекался „богочеловѣчествомъ" и жилъ въ американской коммунѣ, основанной Маликовымъ и Чайковскимъ, до тѣхъ поръ, пока она не распалась.

Переѣхавъ въ Москву, Левъ Николаевичъ немедленно же вступаетъ въ сношенія съ московской интеллигенціей, съ профессорами, литераторами, съ учащейся молодежью и, наконецъ, просто съ интеллигентнымъ пролетаріатомъ. Хотя въ то время интеллигенція не дѣлилась еще на партіи, тѣмъ не менѣе знакомые Толстого несомнѣнно принадлежали къ явно либеральному и прогрессивному лагерю, а нѣкоторые и къ радикальному, въ разныхъ его оттѣнкахъ.

Изъ профессоровъ, съ которыми Толстой поддерживалъ знакомство и сношенія, я могу назвать: Николая Ильича Стороженко, Николая Яковлевича Грота, Сергѣя Алексѣевича Усова, Александра Ивановича Чупрова, Дмитрія Николаевича Анучина, Максима Максимовича Ковалевскаго, И. И. Янжула, И. И. Иванюкова. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ уже подѣлились въ печати своими воспоминаніями о знаменитомъ художникѣ-мыслителѣ.

Изъ общественныхъ дѣятелей Левъ Николаевичъ водилъ знакомство: съ княземъ Дм. Ив. Шаховскимъ, Ал. Ал. и Мих. Ал. Стаховичами, Н. В. Давыдовымъ, Митрофаномъ Петровичемъ Щепкинымъ, А. В. Армфельдъ, позднѣе, въ 90-хъ годахъ,—съ В. А. Маклаковымъ, Ан. Вас. Погожевой и т. д. Изъ московскихъ литераторовъ Левъ Николаевичъ былъ знакомъ: съ Сергѣемъ Андреевичемъ Юрьевымъ, Ан. П. Чеховымъ (уже въ 90-хъ годахъ), Н. Н. Златовратскимъ, А. И. Эртелемъ, Н. И. Тимпковскимъ, В. А. Гольцевымъ и многими другими. Затѣмъ многіе петербургскіе писатели, начиная съ Н. К. Михайловскаго и Лѣскова и кончая Л. Е. Оболенскимъ, бывая въ Москвѣ, считали своимъ долгомъ, посѣтить Толстого. Я помню, напримѣръ, одинъ очень интересный вечеръ, проведенный мною у Л. Н. Толстого въ ноябрѣ 1881 года, когда у него былъ Н. К. Михайловскій.

Около половины 80-хъ годовъ постепенно складывается типъ „толстовца". Такъ начали называть тѣхъ изъ послѣдователей религіозно-соціальныхъ воззрѣній Льва Николаевича, которые пытались проводить въ жизнь эти воззрѣнія. Въ числѣ первыхъ послѣдователей Толстого были люди, принадлежавшіе къ самымъ различнымъ классамъ общества: съ одной стороны, родовитые аристократы, вродѣ В. Г. Черткова и князя Д. А. Хилкова, а съ другой—простые, рядовые крестьяне, какъ, напримѣръ, С. Т. Семеновъ и друг.

Но значительное большинство толстовцевъ принадлежало къ интеллигенціи, къ той самой интеллигенціи, которую якобы отрицалъ Толстой. Изъ числа первыхъ по времени толстовцевъ, кромѣ только что упомянутыхъ Черткова и Хилкова, я могу назвать: П. И. Бирюкова, извѣстнаго художника Ник. Ник. Ге и его сына, молодого человѣка, по имени также Ник. Н-ча, доктора В. В. Рахма-

нова, М. А. Новоселова, Аркадія Васильевича Алехина и его двоюроднаго брата Митрофана Васильевича Алехина, Евгенія Ив. Попова, И. И. Горбунова, И. Б. Фейнермана, П. А. Буланже, В. И. Скороходова, А. М. Бодянскаго. Всѣ эти лица были въ числѣ личныхъ знакомыхъ Льва Николаевича.

Изъ женщинъ горячими послѣдовательницами ученій Толстого были: Анна Константиновна Дидрихсъ, по мужу Черткова, барышни Шараповы, Ольга Константиновна Клодтъ, сестра извѣстнаго художника, и другія. Но о толстовцахъ и объ ихъ отношеніяхъ къ Льву Николаевичу мы намѣрены поговорить какъ нибудь другой разъ болѣе подробно и обстоятельно.

Благодаря своей кипучей натурѣ и необыкновенной подвижности, Толстой постоянно приходилъ въ соприкосновеніе съ огромной массой лицъ и кружковъ изъ самыхъ различныхъ слоевъ московскаго населенія. Гдѣ только онъ не бывалъ, съ кѣмъ только онъ не знакомился! *)

Между прочимъ, Левъ Николаевичъ очень охотно встрѣчался, охотно знакомился и даже сближался съ людьми, которыхъ въ Москвѣ называли: „люди съ прошлымъ“. Такъ обыкновенно называли людей, пострадавшихъ въ свое время за свои убѣжденія, общественныя или политическія. Такіе люди встрѣчались въ разныхъ слояхъ московскаго общества, и Левъ Николаевичъ, видимо, цѣнилъ знакомство съ людьми этого сорта. Я назову здѣсь хотя нѣкоторыхъ лицъ изъ числа принадлежащихъ къ этой группѣ, съ которыми Толстой водилъ болѣе или менѣе близкое знакомство.

*) Читатель, интересующійся этой стороной жизни Толстого, найдетъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ нашей книгѣ: „О Львѣ Толстомъ и о толстовцахъ“. М. 1911 г.

Вотъ, напримѣръ, Владиміръ Федоровичъ Орловъ. Въ письмахъ, относящихся къ 80-мъ годамъ, Толстой не разъ и съ явнымъ сочувствіемъ говоритъ объ Орловѣ и о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Въ виду этого—полагаю—будетъ не лишне сказать здѣсь нѣсколько словъ о прошломъ этого человѣка.

Орловъ былъ землякъ и близкій другъ извѣстнаго политическаго агитатора С. Г. Нечаева, такъ много нашумѣвшаго въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ. Орловъ вмѣстѣ съ Нечаевымъ принималъ дѣятельное участіе въ агитаціи среди петербургскихъ студентовъ въ 1869 году, когда студенческія волненія охватили многія высшія учебныя заведенія. Предвидя свой арестъ, Орловъ скрылся изъ Петербурга, но его пребываніе въ провинціи было обнаружено; арестованный полиціей, онъ попадаетъ въ казематъ Петропавловской крѣпости.

Продолжительное заключеніе отзывается на немъ самымъ тяжелымъ образомъ. Когда въ началѣ 80-хъ годовъ мнѣ пришлось встрѣтить его въ Москвѣ, гдѣ онъ устроился, наконецъ, въ качествѣ учителя въ желѣзнодорожной школѣ, онъ производилъ впечатлѣніе крайне болѣзненнаго человѣка, съ разбитыми нервами, съ разбитымъ здоровьемъ. Но его бесѣды, споры и импровизаціи отличались блескомъ, остроуміемъ, а нерѣдко и глубиной содержанія, обнаруживая въ то же время серьезную начитанность его въ области философскихъ и религіозныхъ

вопросовъ. Левъ Николаевичъ охотно встрѣчался и бесѣдовалъ съ Орловымъ, несмотря даже на несчастную страсть послѣдняго къ вину и выпивкѣ.

Еще ближе стоялъ къ Толстому Левъ Павловичъ Никифоровъ — типичный представитель 70-хъ годовъ, проникнутый идеологіей этой эпохи. Теперь Никифоровъ извѣстенъ въ Москвѣ какъ хорошій переводчикъ съ англійскаго и французскаго языковъ; между прочимъ, имъ были изданы сочиненія Рескина, Ламенне, Мопасана и др. Нѣкоторые изъ его переводовъ вышли съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Въ былые годы Л. П. Никифоровъ пользовался большой популярностью въ русской интеллигентной средѣ, какъ политическій дѣятель съ очень опредѣленной и яркой окраской. По своимъ воззрѣніямъ онъ примыкалъ къ радикальному народничеству. Какъ человѣкъ, Левъ Павловичъ всегда отличался глубокой искренностью и стойкостью своихъ воззрѣній. У него въ Краснослободскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи было имѣніе, которое, какъ тогда говорили, пошло главнымъ образомъ на разныя предпріятія идейнаго характера. Большую часть своей жизни онъ провелъ въ ссылкѣ и подъ надзоромъ полиціи. Левъ Николаевичъ очень цѣнилъ Никифорова, какъ убѣжденнаго и цѣльнаго человѣка, совершенно чуждаго всякой тѣни эгоизма.

Къ этой же группѣ „людей съ прошлымъ“, людей „пострадавшихъ за свои убѣжденія“, слѣдуетъ отнести и Александра Сергѣевича Бутурлина. Онъ также былъ человѣкомъ 70-хъ годовъ и хотя по своему происхожденію принадлежалъ къ высшему слою московскаго родовитаго дворянства, но по взглядамъ, убѣжденіямъ и симпатіямъ являлся убѣжденнымъ „лавристомъ“, т. е. послѣдователемъ П. Л. Лаврова-Миртова. Еще будучи студентомъ-медикомъ, за участіе въ студенческой исторіи, извѣстной подъ именемъ „полунинской“ (по фамиліи профессора Полунина), онъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи въ г. Ярославль, въ распоряженіе губернатора, который, если не ошибаюсь, приходился его близкимъ родственникомъ.

Впослѣдствіи Бутурлинъ хотя и получилъ возможность поселиться въ Москвѣ, тѣмъ не менѣе постоянно считался администраціей политически неблагонадежнымъ и не разъ подвергался обыскамъ и даже высылкамъ. Московскій генералъ-губернаторъ князь Вл. Андр. Долгоруковъ, несмотря на свое добродушіе, относился къ Бутурлину крайне подозрительно и чуть ли не считалъ его главой и вдохновителемъ московскихъ революціонеровъ.

При желаніи Бутурлинъ могъ бы сдѣлать, конечно, блестящую служебную карьеру, но онъ предпочелъ на всю жизнь остаться „неслужащимъ дворяниномъ“, чтобы сохранить свою свободу и независимость. Живя въ Москвѣ, онъ все время вращался въ либеральныхъ кружкахъ и постоянно водилъ знакомство съ лицами, которыя въ глазахъ администраціи считались скомпрометированными въ политическомъ отношеніи.

Очень образованный и начитанный, онъ являлся чрезвычайно интереснымъ собесѣдникомъ. Въ теченіе 80-хъ годовъ

Бутурлинъ часто встрѣчался съ Толстымъ и нерѣдко бывалъ у него въ Хамовникахъ. Левъ Николаевичъ охотно видался съ Бутурлинымъ и нерѣдко вступалъ съ нимъ въ откровенныя бесѣды. Однажды, напримѣръ, Толстой очень подробно разсказалъ Бутурлину чрезвычайно интересную исторію той эволюціи, которую пришлось пережить тогда князю Д. А. Хилкову, обратившемуся изъ лейбъ-казака въ горячаго сторонника раціоналистической секты духоборовъ.

Одно время Толстой часто встрѣчался съ членами кружка „нео-православныхъ", которые группировались около Александра Герасимовича Орфано. „Нео-православными" называли лицъ изъ интеллигенціи,которыя, пройдя черезъ атеизмъ, нигилизмъ и разныя иныя стадіи развитія и не найдя въ нихъ нравственнаго удовлетворенія, вернулись въ православіе, причемъ восприняли это вѣроученіе въ самой ортодоксальной его формѣ, чуть ли не въ духѣ катехизиса Филарета.

Стоявшій во главѣ этого кружка А. Г. Орфано пользовался глубокимъ уваженіемъ всѣхъ, кто только зналъ этого дѣйствительно замѣчательнаго человѣка, христіанина въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ молодости онъ служилъ въ гвардіи, въ Преображенскомъ полку, но вскорѣ оставилъ службу и поселился въ деревнѣ, желая быть полезнымъ населенію. Однако, за это невинное желаніе ему вскорѣ же пришлось жестоко поплатиться. Онъ былъ арестованъ и привлеченъ къ одному изъ политическихъ процессовъ 60-хъ годовъ, причемъ ему пришлось долгое время просидѣть въ одиночномъ заключеніи.

Орфано не вынесъ тяжелыхъ условій заключенія и заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ въ очень серьезной формѣ. Онъ началъ страдать галлюцинаціями, ему были разныя видѣнія, онъ слышалъ голоса давно умершихъ людей и т. д. Подъ вліяніемъ всего пережитаго онъ ударяется въ мистицизмъ и по выходѣ изъ крѣпости увлекается спиритизмомъ, который постепенно приводитъ его къ вѣрѣ, самой горячей, беззавѣтной вѣрѣ въ церковь, со всѣми ея догматами и обрядами.

Съ Л. Н. Толстымъ Орфано познакомился вскорѣ же по переѣздѣ великаго писателя въ Москву. Сколько могу припомнить, знакомство это состоялось черезъ посредство В. Ф. Орлова. Понятно, что Орфано и Толстой не могли сойтись въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ: раціонализмъ Льва Николаевича, его рѣзко отрицательное отношеніе къ церкви отталкивало отъ него Орфано, который искренно идеализировалъ православіе.

Каждый разъ, когда они встрѣчались, что въ началѣ 80-хъ годовъ случалось довольно часто,—между ними постоянно возникали горячіе, страстные споры, до которыхъ въ то время Левъ Николаевичъ былъ большой охотникъ. Около половины 80-хъ годовъ они окончательно разошлись, хотя и не переставали относиться другъ къ другу съ самымъ искреннимъ уваженіемъ. Въ 1886 году Орфано выступилъ въ печати съ критикой религіозныхъ воззрѣній Толстого,

помѣстивъ по этому поводу цѣлый рядъ статей въ „Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія". Нѣсколько позднѣе статьи эти вышли отдѣльной книгой, которая была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ духовенствомъ.

Болѣе близкія отношенія связывали Толстого съ А. К. Маликовымъ, который въ 70-хъ годахъ пользовался большой извѣстностью, какъ основатель религіозно-соціальнаго ученія „богочеловѣковъ". Впослѣдствіи подъ вліяніемъ тяжелыхъ ударовъ судьбы и разныхъ житейскихъ невзгодъ Маликовъ отрекся отъ своего ученія и въ концѣ концовъ примкнулъ къ кружку Орфано, сдѣлавшись „нео-православнымъ". Но объ отношеніяхъ Маликова къ Льву Николаевичу я уже писалъ въ своей статьѣ о «богочеловѣкахъ», а потому здѣсь не буду распространяться на эту тему.

Нѣсколько позднѣе къ кружку Орфано примкнули двое толстовцевъ: М. А. Новоселовъ и А. В. Алехинъ. Изъ нихъ первый и въ настоящее время извѣстенъ какъ горячій ревнитель православія. Его недавняя статья, изобличающая Григорія Распутина и іерарховъ, покровительствующихъ ему, получила громкую извѣстность и послужила поводомъ для запроса въ Государственнной Думѣ.

Вообще необходимо отмѣтить, что среди послѣдователей Льва Николаевича, среди „толстовцевъ" было не мало ренегатовъ.

Иные ему измѣнили
И продали шпагу свою...

Нѣкоторые изъ этихъ отступниковъ сыграли роль предателей и причинили не мало огорченій великому старцу, котораго они избрали мишенью для своихъ злобныхъ нападокъ, грязныхъ клеветъ и инсинуацій.

Но объ этомъ когда нибудь въ другой разъ.

IV.

Воззваніе Толстого по поводу московской переписи.

Кругъ знакомыхъ Толстого особенно быстро разросся со времени участія его въ московской переписи, происходившей въ январѣ 1882 года. Изъ своихъ встрѣчъ и бесѣдъ съ Львомъ Николаевичемъ, изъ которыхъ первыя происходили лѣтомъ 1881 года, я убѣдился, что вопросы экономическаго характера, особенно аграрный вопросъ, а также вопросъ о собственности сильно занимаютъ и интересуютъ его.

Между прочимъ, онъ очень подробно разспрашивалъ меня объ имущественныхъ отношеніяхъ сектантовъ, объ организаціи ихъ общинъ, о попыткахъ сектантовъ заводить у себя коммуны и о тѣхъ причинахъ, которыя вызывали распаденіе этихъ коммунъ. Въ моихъ замѣткахъ, сдѣланныхъ тогда же, немедленно послѣ свиданій съ Толстымъ, мною записаны разные отзывы и заявленія Льва Николаевича, какъ нельзя болѣе характерные для его тогдашняго настроенія,

Вотъ, напримѣръ, что записано у меня послѣ вечера 18-го ноября 1881 года, который я провелъ у Толстого въ Москвѣ. Когда разговоръ коснулся аграрнаго вопроса, Толстой высказалъ слѣдующее мнѣніе, записанное мною съ

буквальной точностью: „Какъ въ 40-хъ годахъ назрѣлъ вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, такъ и теперь назрѣлъ вопросъ о поземельной реформѣ. Какъ тогда было совѣстно владѣть людьми, такъ точно теперь становится совѣстно владѣть земельной собственностью...“

При такомъ настроеніи очень естественно, что Толстой заинтересовался московской переписью и рѣшилъ принять въ ней дѣятельное участіе.

Я живо помню впечатлѣніе, произведенное на москвичей знаменитымъ воззваніемъ Толстого по поводу этой переписи. Воззваніе появилось 20 января 1882 года въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“, издававшихся Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ. Газета эта не пользовалась популярностью въ интеллигентской средѣ. Къ тому же и тиражъ ея былъ самый ничтожный.

И тѣмъ не менѣе къ вечеру уже вся читающая Москва знала о воззваніи Толстого и обсуждала его на всѣ лады. На другой день, конечно, всѣ московскія газеты перепечатали это воззваніе, а на третій оно появилось во всѣхъ петербургскихъ газетахъ.

Воззваніе Толстого ударило по сердцамъ и сильно всколыхнуло москвичей. Даже люди, стоявшіе собственно въ сторонѣ отъ гущи жизни, люди чисто кабинетнаго склада, проводившіе свое время среди книгъ, люди болѣе или менѣе далекіе отъ текущихъ злобъ дня—и тѣ взволновались и вдругъ захотѣли что-то дѣлать, вдругъ ощутили потребность что-то предпринять. Вотъ, напримѣръ, что разсказывала мнѣ тогда-же по этому поводу извѣстная московская писательница Ек. Ст. Некрасова.

„О воззваніи Толстого я узнала въ тотъ же день, но уже вечеромъ: я не получаю „Современныхъ Извѣстій“ и вообще очень мало интересуюсь этой газетой. Я прочитала воззваніе Льва Николаевича—и оно ужасно подкупило меня, подкупило своей простотой, искреннимъ, теплымъ чувствомъ, которымъ оно согрѣто отъ перваго слова до послѣдняго.

— «Я должна отозваться на этотъ призывъ,—сказала я себѣ.—Это обращеніе, это воззваніе ко всей Москвѣ, ко всему обществу, и я, какъ членъ этого общества, нравственно обязана откликнуться на этотъ призывъ, на этотъ крикъ, вырвавшійся прямо изъ сердца. Но какъ же откликнуться? Ахъ, очень просто! Прямо сѣсть на извозчика и поѣхать къ нему, сказать, что я готова сдѣлать все, что будетъ нужно, все, что онъ укажетъ, все, что будетъ признано необходимымъ, чтобы какъ нибудь помочь той ужасающей нищетѣ, о которой онъ говоритъ въ своемъ воззваніи.

„Вѣдь я коренная москвичка, въ сущности я давно знаю, что такое московская нищета, я много разъ слыхала разсказы о разныхъ трущобахъ, о ночлежныхъ домахъ, гдѣ ютится городская нищета. Но, зная все это, я, какъ и всѣ другіе, забывала объ этомъ, пока Толстой не ударилъ своимъ воззваніемъ прямо въ сердце.

„Рѣшено, ѣду. Но ѣхать одной вечеромъ черезъ всю Москву *) неудобно.

*) Въ то время Е. С. Некрасова жила въ своемъ домикѣ, около Мѣщанской.

Я рѣшила заѣхать сначала къ своей хорошей знакомой, Нелидовой *), чтобы вмѣстѣ съ ней отправится къ Толстому. Я не сомнѣвалась, что она отнесется къ моему рѣшенію вполнѣ сочувственно.

„Пріѣзжаю къ ней, она встрѣчаетъ меня словами: „Читали?"—и показываетъ номеръ „Современныхъ Извѣстій"... Черезъ четверть часа мы уже садились на извозчика.—„Въ Денежный переулокъ!" (Въ то время Левъ Николаевичъ жилъ еще въ домѣ князя Волконскаго въ Денежномъ переулкѣ).

„Извозчикъ попался плохой, лошадь чуть-чуть трусила. А вечеръ былъ морозный, холодный. Арбатъ показался мнѣ безконечнымъ.... Вдругъ Нелидова обращается ко мнѣ: „Зачѣмъ мы ѣдемъ?"—„Какъ „зачѣмъ"?—удивляюсь я:—чтобы отозваться на его призывъ, заявить, что мы будемъ рады сдѣлать все, что возможно.„ — „Но вѣдь теперь тамъ, у него, вся Москва",—возразила Нелидова, и эти слова меня поразили. Я сама въ ту минуту думала объ этомъ.

„Навѣрное, тамъ у него теперь вся Москва... непремѣнно, иначе не можетъ быть. Вѣдь не могутъ же люди остаться глухи къ такому обращенію такого человѣка: оно прямо затрагиваетъ чувство каждаго, оно бьетъ по нервамъ.

„И намъ отчетливо нарисовалась сплошная толпа, заполнившая всѣ комнаты графской квартиры, вплоть до его передней и подъѣзда. Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшатъ предложить ему свои услуги, свои средства, свои силы, свои связи, свои деньги...

«Мы повернули извощика и поѣхали домой...»

Съ этого момента, т. е. со времени воззванія, Москва еще болѣе заинтересовывается Толстымъ, его статьями религіозно-этическаго характера. Однако, тутъ неожиданно выростаютъ всевозможныя препятствія со стороны московской цензуры, которая начинаетъ безъ всякой церемоніи кромсать и даже цѣликомъ вырѣзывать изъ журналовъ статьи Льва Николаевича. Увы! Всѣ эти усилія ни къ чему не повели и только наглядно иллюстрировали полное безсиліе цензурныхъ запретовъ. Каждое новое произведеніе Толстого, запрещенное цензурой, немедленно же издавалось въ литографированномъ видѣ или же на гектографѣ и быстро распространялось въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Въ Москвѣ организовались цѣлыя канцеляріи, цѣлые кружки лицъ, поставившихъ себѣ цѣлью распространеніе „нелегальныхъ", т. е запрещенныхъ цензурою сочиненій знаменитаго мыслителя-художника.

Подъ вліяніемъ этихъ сочиненій увлеченіе Толстымъ достигаетъ въ Москвѣ до небывалыхъ размѣровъ. „У насъ только и разговоровъ, что о Львѣ Толстомъ", — говорили тогда москвичи. И, дѣйствительно, ни одно собраніе, ни одна вечеринка, ни одинъ журъ-фиксъ не обходились безъ того, чтобы не затѣялся болѣе или менѣе горячій, болѣе или менѣе продолжительный разговоръ и споръ о Толстомъ.

О немъ говорили въ великосвѣтскихъ салонахъ, въ интеллигентныхъ круж-

*) Псевдонимъ одной московской писательницы.

кахъ, на сходкахъ молодежи, въ семьѣ за чайномъ столомъ, въ вагонѣ желѣзной дороги — словомъ, вездѣ и повсюду. И какъ говорили! Одни съ гнѣвомъ, съ азартомъ, съ ненавистью, чуть не съ проклятіями накидывались на великаго писателя, всячески стараясь развѣнчать его и унизить за его критическое и якобы отрицательное отношеніе къ культурѣ, прогрессу, наукѣ и искусству. Другіе — напротивъ — съ жаромъ, восторженно, какъ святыню, защищали и отстаивали каждый пунктъ его этическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ воззрѣній.

Конечно, Левъ Толстой заставилъ говорить о себѣ не одну Москву, но и Петербургъ, и провинцію, а затѣмъ и весь культурный міръ, но я настаиваю на томъ, что нигдѣ интересъ къ этому писателю и, главнымъ образомъ, къ его произведеніямъ религіозно-соціальнаго характера не былъ возбужденъ въ такой степени и въ такихъ размѣрахъ, какъ именно въ Москвѣ. Это, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ объяснить главнымъ образомъ личной близостью геніальнаго писателя, личнымъ непосредственнымъ вліяніемъ его на москвичей, среди которыхъ онъ началъ проводить большую часть года.

Обаяніе личности Толстого было настолько велико, что даже люди, отнюдь не раздѣлявшіе его взглядовъ и убѣжденій, не могли отказать ему въ своихъ симпатіяхъ, не могли не признавать быстраго распространенія его идей. „Вы хотите знать, что у насъ новаго въ Москвѣ?“ — писалъ одинъ интеллигентный москвичъ, ярый позитивистъ, своему петербургскому пріятелю.—„Могу сообщить вамъ, что всѣ мы здѣсь ужасно потолстѣли....“

На этомъ пока я закончу свои воспоминанія о московскомъ періодѣ жизни Л. Н. Толстого, котораго, узнавши лично, я горячо полюбилъ, какъ человѣка, и передъ которымъ преклонялся, какъ передъ живымъ олицетвореніемъ генія.

А. Пругавинъ.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ В. Г. ЧЕРТКОВА СЪ И. Л. ЩЕГЛОВЫМЪ.

1 янв. 91.

Ваше письмо, дорогой Иванъ Леонтьевичъ, я получилъ одновременно съ цѣлою кипою писемъ, набравшихся за нѣсколько дней. На остальныя письма я нарочно отвѣтилъ спѣша и лаконически для того, чтобы обезпечить себѣ возможность исполнить ваше желаніе и отвѣтить на ваши вопросы. Но теперь, когда приступаю къ этому, мнѣ кажется, что въ душѣ вашей возбуждены вопросы и сомнѣнія, которые удовлетворительно разрѣшаемы лишь изнутри; и что поэтому отвѣты, исходящіе изъ области, лежащей внѣ вашей души, никакъ не могутъ дать вамъ удовлетворенія, но могутъ лишь вызвать рядъ новыхъ вопросовъ. А если ужъ могъ бы кто нибудь вамъ помочь обмѣномъ мыслей, то-конечно, скорѣй Ваня, да при томъ еще въ живомъ личномъ общеніи, нежели я письменно. Но все-жъ таки исполню вашу просьбу и постараюсь отвѣтить по пунктамъ.

Относительно вашихъ разсказовъ ничего не могу прибавить къ тому, что вамъ сказалъ Ваня. То, что я могъ бы сказать, не подходитъ, я знаю, къ условіямъ вашей жизни и можетъ пожалуй только огорчить васъ; а именно: въ „Мирѣ праху“ не чувствуется той непосредственности, которая бываетъ, когда говоришь то, чего не можешь не высказать, что и высказываешь, уступая непреодолимой внутренней потребности всего своего существа. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ не бываетъ ничего лишняго, и бываетъ то художественное единство, та цѣльность, неизбѣжность каждой черточки, попадающей все въ ту же общую мишень, которыя и составляютъ всю неотразимую силу истиннаго худож. творчества—того, которое, какъ справедливо говоритъ Левъ Николаевичъ, такъ рѣдко потому именно, что оно есть „откровеніе новаго познанія жизни, которое по непостижимымъ для насъ законамъ совершается въ душѣ художника и своимъ выраженіемъ освѣщаетъ тотъ путь, по которому идетъ человѣчество“. Въ этомъ творчествѣ есть мѣсто и юмору, и сатирѣ; но и творчество, выражающееся въ этой формѣ, должно все-жъ таки оставаться творчествомъ, т. е. вызываться тѣмъ же процессомъ, который такъ мѣтко и глубоко разобранъ тѣмъ же Л. Н-мъ: „Невидимое, неощущаемое, непонимаемое прежде, доведенное до такой степени ясности, что оно становится доступно людямъ, и есть вообще истинное произведеніе духовной дѣятельности и, въ частности, произведеніе искусства“. Т. е. недостаточно показать смѣшную сторону отрицательнаго явленія, а необходимо, чтобы отрицательность этого явленія была бы **нова** для читателя, чтобы открытіе того, что явленіе это отрицательное, было сдѣлано художникомъ самимъ во время его творческой работы. А смѣяться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ люди или кружекъ людей уже раньше смѣялись, не будетъ художественнымъ юморомъ или сатирою и потому обременяетъ изложеніе и ослабляетъ общее впечатлѣніе. Вотъ такого-то юмору черезчуръ много въ „Миръ праху“; а не то я хочу сказать, чтобы слѣдовало вообще изгонять смѣхъ. Смѣхъ имѣетъ свое мѣсто и въ жизни, и въ искусствѣ. Христіанское пониманіе жизни вовсе не одностороннее: оно не исключаетъ ничего такого, что въ себѣ не содержитъ положительнаго зла. Но оно ставитъ все на свое мѣсто. Когда я слышу обвиненія христіанства въ односторонности, въ подгибаніи всего подъ одну мѣрку, въ уменьшеніи разнообразія красокъ жизни, то мнѣ всегда представляется такой примѣръ: человѣкъ съ палитрой и кистью въ рукахъ брызгаетъ по полотну то одной, то другой краской и любуется ихъ разнообразіемъ и пестротой—попадаются на кисть то темныя краски, то яркія, и сообразно съ этимъ чередуются впечатлѣнія, получаемыя человѣкомъ. Но вотъ подходитъ другой и говоритъ, что вовсе не такъ слѣдуетъ обращаться съ красками, а сознательно, впередъ представивъ себѣ въ своемъ воображеніи то, что хочетъ изобразить на полотнѣ; и начинаетъ нарочно подбирать тѣ или другіе тона и краски и размѣщать ихъ не зря, а въ опредѣленномъ порядкѣ. На полотнѣ выростаетъ постепенно осмысленное изображеніе. Но первый человѣкъ возмущается тѣмъ, что видитъ. Онъ говоритъ, что этой предвзятой тенденціей суживается жизнь, все подгибается подъ одно, стѣсняется свобода и ограничивается разно-

образіе красокъ. И онъ правъ. Жизнь суживается, п. ч. она осмысливается. Когда человѣкъ пишетъ осмысленное слово, то онъ не можетъ пускать въ ходъ всѣ буквы: число буквъ, изображаемыхъ имъ на бумагѣ, ограничивается, потому что употребляются они со смысломъ, для опредѣленной цѣли, а не зря. Въ этомъ и всякая сознательная, осмысленная жизнь: она изъ обширнаго хаоса подбираетъ матеріалъ, нужный ей для своего проявленія. И смыслъ жизни, сущность ея не въ томъ матеріалѣ, въ которомъ она воплощается, не въ краскахъ, въ которыя она окрашивается, а въ томъ, что выражается этими матеріаломъ и красками. Съ этой точки зрѣнія и смѣхъ осмысленный имѣетъ свое мѣсто въ худож. произведеніяхъ; а также и простой дѣтскій неосмысленный смѣхъ, вызываемый однимъ весельемъ, имѣетъ свое мѣсто, но уже не въ худож. произведеніи, а въ самой жизни—въ выпадающія отъ времени до времени минуты беззаботности и игривости. Въ искусствѣ, напр. хоть живописи, я вовсе не стою за мрачное или отрицательное содержаніе, а стою за содержаніе и отдаю предпочтеніе болѣе значительному содержанію надъ менѣе значительнымъ. Если же при этомъ приходится останавливаться преимущественно на картинахъ обличительнаго содержанія, то это единственно потому, что въ числѣ содержательныхъ картинъ онѣ попадаются чаще другихъ, вѣроятно п. ч. большинство сознательныхъ художниковъ держится на томъ духовномъ уровнѣ, на которомъ зло и неправда видны; но добро и правда еще не видны достаточно ясно и несомнѣнно для олицетворенія ихъ въ худ. образахъ. „Бѣдная невѣста“ Клодта—картина прекрасная, и если „Боярская свадьба“ К. Маковскаго мнѣ противна по своей похотливости, за то многія юмористическія картинки В. Маковскаго мнѣ очень нравятся и нашли бы свое мѣсто въ моихъ изданіяхъ, еслибъ я уже успѣлъ издать все болѣе значительное. Отчего же не оживить стѣны своей комнаты чѣмъ нибудь веселымъ, лишь бы только и оно имѣло смыслъ и при томъ хорошій. Я воспользовался бы юмористичными картиночками Маковскаго, такъ какъ онѣ уже существуютъ; но еслибъ засталъ Маковскаго за ихъ произведеніемъ, и онъ спросилъ бы меня, то я сказалъ бы ему, что напрасно онъ такими пустяками отвлекаетъ себя отъ болѣе серьезнаго отношенія къ жизни, на способность его къ которому свидѣтельствуетъ, напр., его картина „Осужденный“. Что касается до красоты, то я не только ея не отрицаю, но въ ней все, полагаю; но только мы дожили до того уровня сознанія, при которомъ ищешь внутреннюю, а не внѣшнюю красоту. Если можно было бы художественно, т. е. такъ, чтобы вызвать сознаніе единства жизни, любовь, изобразить навознаго жука, копошащагося въ кучѣ нечистотъ, то въ такомъ произведеніи была бы истинная, внутренняя красота; а въ „Боярской свадьбѣ“ внутренней красоты нѣтъ, а есть только при внѣшнемъ блескѣ—внутреннее безобразіе, п. ч. ничто не можетъ быть безобразнѣе для посторонняго глаза той завязки физіологическаго совокупленія, при которой картина эта приглашаетъ зрителя участвовать. Разъ вы называете чувственность паденіемъ, какъ вы это дѣлаете въ вашемъ письмѣ, то я съ вами вполнѣ согласенъ. Согласенъ и съ тѣмъ, что люди падшіе часто способны подняться выше такихъ, которые не извѣдали разврата. Но, разумѣется, это нисколько не дѣлаетъ паденіе явленіемъ желательнымъ или такимъ, противъ котораго не слѣдовало бы бороться до послѣдней капли силы. Порицать же людей чувственныхъ никакъ нельзя; можно только порицать самую чувственность. Полное цѣломудріе неосуществимо, какъ внѣшнее предписаніе, а имѣетъ значеніе лишь тогда, когда вытекаетъ изъ внутренней потребности. Воздержаніе отъ прелюбодѣянія и можно, и должно налагать на себя, хотя бы и внѣшнимъ образомъ, даже и тогда, когда внутреннее настроеніе требуетъ противнаго. Напр., если похоть такъ овладѣла человѣкомъ, что, воздерживаясь отъ прелюбодѣянія, онъ отдается онанизму, то даже и это лучше, чѣмъ прелюбодѣяніе. Но если человѣку представляется возможность пожизненнаго сожительства съ одной женщиной на началахъ нормальной физіологіи, то какъ ни хорошо и желательно полное цѣломудріе, но такая семейная жизнь, конечно, лучше онанизма или постоянныхъ похотливыхъ вожделѣній. Это, впрочемъ, я высказываю свое личное мнѣніе и только потому, что вы коснулись этого вопроса. Вообще, мнѣ кажется большой ошибкой смотрѣть на христіанское отношеніе къ жизни, какъ на исполненіе какихъ бы то ни было правилъ или предписаній, хотя бы самому на себя налагаемыхъ. Все дѣло въ сознаніи человѣка. Сознаніе же отдѣльныхъ людей бываетъ безконечно разнообразно; а потому и правильный образъ жизни для различныхъ людей безконечно разнообразенъ. Главное—стараться жить по своей совѣсти, а совѣсть свою постоянно просвѣщать свѣтомъ разумѣнія. Какая степень освобожденія себя отъ чувственности при этомъ воспослѣдуетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—этого никто сказать не можетъ; но несомнѣнно то, что движеніе будетъ именно въ направленіи освобожденія себя отъ чувственности. При этомъ вспоминаю слова опять того же Л. Н-ча въ одномъ частномъ письмѣ. Приведу ихъ вамъ; но оговорюсь при этомъ,

что я такъ часто въ этомъ письмѣ ссылаюсь на его слова не потому, чтобы считалъ ихъ авторитетными (напротивъ того, я не признаю никакого авторитета, кромѣ собственнаго сознанія человѣка), а потому, что приводимыя мною его слова сжатѣе и сильнѣе, чѣмъ я могъ бы сдѣлать, выражаютъ то самое, что хочется сказать вамъ въ отвѣтъ на ваше письмо:

„... Надо каждому жить по своей совѣсти, и не выше своей совѣсти, а немного ниже ея. Жить самое лучшее такъ, чтобы было немного ниже своей совѣсти, съ тѣмъ, чтобы догонять свою совѣсть въ то время, какъ она будетъ впередъ уходить, какъ фонарь, который несешь впереди себя на палкѣ. Это самое лучшее. Тогда человѣкъ недоволенъ собой, не отвѣчаетъ требованіямъ совѣсти, кается и идетъ впередъ,—живетъ. Жить много ниже своей совѣсти дурно, отчаиваешься догнать ее и замираешь. Жить выше ея нехорошо, потому что можетъ случиться то, что съ Петромъ и съ пѣтухомъ и, что еще хуже, что если отречешься, то дойдешь до своей совѣсти и остановишься".

Что касается до самомнѣнія въ стремленіи освободиться отъ власти плоти, то самомнѣніе могло бы здѣсь быть лишь въ томъ случаѣ, еслибъ мы жили во плоти вѣчно. Тогда можно было бы разсуждать такъ: мнѣ дана моя плотская жизнь для того, чтобы, живя ею, я служилъ бы человѣчеству; на это служеніе можетъ идти вся моя жизнь, и возможность этого никогда не прекратится. Чего же мнѣ больше? Если я этимъ недоволенъ и ищу чего-то другого въ области трансцендентальной, считая такое служеніе человѣчеству слишкомъ скромнымъ для себя удѣломъ, то въ этомъ несомнѣнно сказывается мое самомнѣніе. Но дѣло то въ томъ, что мы здѣсь, въ нашей матеріальной оболочкѣ, вовсе не вѣчно, а только на одно мгновеніе; и все человѣчество такъ же непрочно, какъ мыльный пузырь. А потому надо быть очень близорукимъ или легкомысленнымъ для того, чтобы ограничивать свой кругозоръ и задачу жизни лишь однимъ только служеніемъ этому человѣчеству. Тѣмъ болѣе, что намъ даны средства разумѣнія для проникновенія въ область, не ограниченную ни временемъ, ни пространствомъ и дающую полное удовлетвореніе всѣмъ нашимъ духовнымъ потребностямъ; и при томъ способствующую не меньшему, а большему успѣху нашему въ дѣлѣ служенія человѣчеству. Мнѣ кажется, что предстоящая и съ каждымъ мгновеніемъ приближающаяся плотская смерть наша служитъ прямымъ и неопровержимымъ указаніемъ на то, что мы должны стремиться къ полному нашему духовному господству надъ нашимъ тѣломъ. Для разумной жизни все, неразрывно съ ней связанное, разумно; и потому для такой жизни и смерть разумна, и не только своя, но и неизбѣжное прекращеніе въ свое время и всего рода человѣческаго. А для того, чтобы это было разумно, необходимо, чтобы представляемая нами линія жизни проходила черезъ точку смерти, а не упиралась бы въ нее; а это возможно только при стремленіи къ полной власти надъ своею плотью и независимости отъ плотскихъ наслажденій. Впрочемъ, предметъ этотъ обширный и лучше его не касаться въ предѣлахъ письма.

Ну, вотъ, я не то, что отвѣтилъ вамъ по пунктамъ на ваши вопросы, но высказалъ вамъ тѣ мысли, которыя они во мнѣ вызвали. Я увѣренъ, что вы не найдете въ моихъ словахъ никакого разрѣшенія какихъ бы то ни было сомнѣній. Напротивъ того, скорѣе у васъ можетъ возникнуть рядъ дальнѣйшихъ вопросовъ. Но, какъ я и сказалъ раньше, вопросы, подобные затронутымъ вами, разрѣшаются отвѣтами, исходящими изнутри души. Это же письмо я вамъ написалъ лишь для того, чтобы помѣняться съ вами мыслями.

Ну, будьте же здоровы и бодры духомъ. Не унывайте, не останавливайтесь. „Tout chemin mène à Rome" для тѣхъ, кто дѣйствительно ищетъ истины; а потому я думаю, что и вы, и я грѣшный—мы будемъ понемногу приближаться къ ней. *В. Чертковъ.*

Что касается до „ироніи жизни" и до паденія тѣхъ, кто мысленно возвышался, то, во-первыхъ, мы склонны идеализировать мыслителя и, сначала вообразивъ его на высшей ступени практическаго осуществленія добра въ его жизни, а потомъ узнавъ ту ступень, на которой онъ дѣйствительно находится, вообразить, что онъ упалъ на эту ступень съ той, на которой мы его вообразили и на которой онъ въ дѣйствительности никогда не былъ. И это можетъ случиться какъ разъ тогда, когда онъ только что поднялся ступенью выше противъ той, еще низшей, на которой раньше былъ. А во-вторыхъ, я не совсѣмъ знаю, кого вы разумѣете подъ „возвышеннѣйшимъ мыслителемъ". Если такого человѣка, у котораго возвышенныя мысли выростаютъ изъ глубины его души, то такой можетъ по временамъ останавливаться въ своемъ духовномъ ростѣ, можетъ временно не увеличивать своей власти надъ своимъ тѣломъ; но терять ту, которая уже имъ добыта, наврядъ ли онъ можетъ. Я, по крайней мѣрѣ, такихъ случаевъ не знаю. И въ общей сложности практическая его жизнь всегда идетъ впередъ. Но бываютъ мыслители, которые играютъ мыслью, у которыхъ она исходитъ изъ головы, безъ органической связи съ сердцемъ и всей духовной природой ихъ. Ну, на такихъ дѣйствительно надежда плоха. Дѣло не въ возвышенности мыслей, а въ искреннемъ стремленіи къ добру и правдѣ.

3 февр. 91.

Получилъ я сегодня ваше письмо, дорогой Иванъ Леонтьевичъ, и, признаюсь, мнѣ было жаль увидѣть изъ него, какое впечатлѣніе вы вынесли изъ моихъ отвѣтовъ на поставленные вами вопросы. А я, наоборотъ, когда писалъ ихъ вамъ, радовался, потому что мнѣ казалось, что ужъ въ такой формѣ мы никакъ не можемъ смотрѣть различно. Ну, что же дѣлать. Приходится согласиться на то, чтобы не соглашаться во взглядахъ на нѣкоторые вопросы. Настаивать, конечно, было бы наивно съ моей стороны. Но противъ одного вашего выраженія я не могу не протестовать. Вы говорите о моемъ несправедливомъ будто бы отношеніи къ „б ѣ д н о м у ч е л о в ѣ ч е с т в у". Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ, вы не имѣете права приписывать своему взгляду больше жалостливости къ человѣчеству, а какъ разъ наоборотъ. Легко ли и скоро ли осуществимо выраженное мною отношеніе къ чувственности и красотѣ — это вопросъ, который я не берусь рѣшать, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что господствующее въ настоящее время отношеніе человѣчества къ этимъ вопросамъ приноситъ съ собою не счастье, а несчастье, и всякія личныя и общественныя бѣдствія; а также и то, что еслибъ новый взглядъ на эти вопросы, который я постарался въ общихъ чертахъ выяснить (но, вѣроятно, сдѣлалъ это неуспѣшно), получилъ бы всеобщее распространеніе, то прекратилось бы много зла, нынѣ торжествующаго, и человѣчество стало бы, во всякомъ случаѣ, счастливѣе. Наслажденія было бы, конечно, меньше, но счастья, истиннаго счастья было бы несомнѣнно больше. Вотъ почему мнѣ кажется, что въ д а н н о м ъ в о п р о с ѣ я, при своемъ взглядѣ, имѣю больше права говорить о „бѣдномъ человѣчествѣ", нежели вы, не соглашаясь со мною и отстаивая, хотя бы и въ нѣсколько уменьшенныхъ дозахъ, то отношеніе къ чувственности и внѣшней красотѣ, которое уже причинило человѣчеству столько несчастія.

Такъ какъ мы съ вами сошлись въ осужденіи тѣхъ пріемовъ, при которыхъ была отпечатана обложка къ вашей книжкѣ „Первое сраженіе", то, получивъ на этихъ дняхъ коекакіе оттиски изъ Петербурга, посылаю вамъ при семъ пробные оттиски съ рисунковъ къ вашему разсказу для того, чтобы вы могли убѣдиться, что и рисунки, и клише исполнены хорошо и что поэтому при второмъ изданіи вполнѣ возможно отпечатать рисунки какъ слѣдуетъ. Эти оттиски такъ хороши, что вамъ, вѣроятно, пріятно будетъ сохранить ихъ у себя.

Жена получила присланныя вами комедіи ваши и очень благодаритъ васъ за вниманіе и шлетъ вамъ сердечный привѣтъ.

Желаю вамъ всего, всего хорошаго.

В. Чертковъ.

У меня явилось сомнѣніе, не доставилъ ли я уже вамъ въ свое время пробные оттиски съ рисунковъ къ вашему разсказу? А потому вышлю вамъ то, о чемъ выше пишу, лишь въ томъ случаѣ, если вы мнѣ сообщите, что у васъ этого еще нѣтъ.

22 февр. 91.

Иванъ Леонтьевичъ, увидавъ изъ вашего письма отъ 16-го, насколько вы дорожите рисункомъ Кивененко, я вмѣстѣ съ оттисками, о которыхъ писалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ, высылаю въ ваше полное распоряженіе и самый оригиналъ, которому больше подобаетъ красоваться въ рамкѣ, чѣмъ маленькому воспроизведенію.

Еслибъ вы сгладили шероховатость указываемаго вами мѣста въ нашей передѣлкѣ вашего разсказа, то мы воспользовались бы новою редакціею для слѣдующаго изданія книжки.

Вопросъ о вѣчности, дѣйствительно, важенъ. Въ безсмертіе я несомнѣнно вѣрю, но выраженіе в ѣ ч н о с т ь д у х а вѣрнѣе передаетъ то, что я чувствую, нежели б е з с м е р т і е д у ш и, которое, впрочемъ, я не отрицаю, если и не утверждаю, такъ какъ безсмысленно отрицать то, что недоступно нашему наблюденію. Я не только вѣрю въ вѣчную жизнь, но, если можно такъ выразиться, и въ жизненность нашего отношенія къ ней. Этимъ я хочу сказать, что пониманіе вѣчной жизни во мнѣ живетъ, т. е. двигается впередъ, растетъ, развивается, и движеніе это меня удовлетворяетъ. Еслибъ сразу знать, что тамъ, за смертью, хорошо, то, пожалуй, еще охладѣешь въ этой теперешней жизни, и не хватитъ энергіи для исполненія своей задачи здѣсь. А такъ представленія о вѣчной жизни постепенно и послѣдовательно слагаются въ связи съ тѣмъ, что приходится здѣсь переживать,—въ особенности со смертью плотскою любимыхъ существъ. И я думаю, что время ясно и несомнѣнно знать, что тамъ дальше, назрѣетъ для меня какъ разъ ко времени плотской смерти. Говорить же о томъ уровнѣ моего теперешняго пониманія вѣчной жизни мнѣ очень трудно, такъ какъ пришлось бы говорить почти исключительно сравненіями, аллегоріями, ибо точныя выраженія, сложившіяся въ нашей временной и пространственной жизни, едва ли могутъ выразить ту жизнь, которая выступилась изъ узкихъ предѣловъ пространства и времени.

Ваня еще не вернулся сюда. Когда увижу его, то передамъ ему ваше желаніе имѣть его псаломъ.

Ну, пока до свиданія или слѣдующаго письма.

В. Чертковъ.

ПЕРЕВОРОТЪ ВЪ ФИЗИЧЕСКОМЪ МІРОПОНИМАНІИ.

На глазахъ нашего поколѣнія, какъ извѣстно, происходитъ грандіозный переворотъ въ области всего положительнаго знанія, того, что можно назвать естествознаніемъ въ обширномъ смыслѣ. Этотъ переворотъ или кризисъ особенно чувствуется въ основѣ всего естествознанія—въ физикѣ—и по своему характеру едва ли даже имѣетъ себѣ аналога въ прошломъ. Неожиданныя открытія послѣдняго времени, сдѣланныя въ соприкасающихся между собою областяхъ физики и химіи, привели къ ряду блестящихъ идей, прямо ошеломляющихъ натуралиста добраго стараго времени. Нѣкоторые факты, обнаруженные въ недавнемъ прошломъ, оказались совершенно необъяснимыми съ точки зрѣнія старыхъ ученій. Поэтому явилась необходимость въ пересмотрѣ, въ переоцѣнкѣ цѣнностей тѣхъ основныхъ положеній, на которыхъ зиждется зданіе естествознанія. И вотъ самые основные законы, на которые опирается познаніе природы, вдругъ зашатались, заколебались на глазахъ у всѣхъ. Принципы, недавно казавшіеся всеобъемлющими, универсальными, имѣющими силу всегда и вездѣ, начали считаться только условными, относительными, дѣйствительными лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Однимъ словомъ, прежняя архитектура мірозданія ломается и на ея мѣсто возводится новая, хотя всѣ линіи ея еще не вполнѣ выяснены. Но наука неуклонно стремится впередъ къ вершинѣ человѣческаго знанія, откуда открываются широкія перспективы. Мы переживаемъ очень бурный моментъ, когда реформируются старыя научныя понятія и создаются новыя мысли и идеи.

Въ настоящей статьѣ я задался цѣлью изложить въ общихъ чертахъ нѣкоторыя новыя идеи въ области физики.

Какъ извѣстно, до средины прошлаго столѣтія въ наукѣ господствовало механическое міровоззрѣніе Ньютона. Конечною цѣлью научнаго изслѣдованія считалось объясненіе всѣхъ процессовъ природы движеніемъ элементарныхъ частицъ или атомовъ; полагали, что съ установленіемъ особенностей этихъ частицъ и съ опредѣленіемъ дѣйствующихъ между ними силъ можно будетъ найти связь между явленіями природы. Самые выдающіеся ученые поэтому принимали за нѣчто очевидное, что физика необходимо должна рано или поздно войти въ область механики.

Однако, давно уже было обнаружено, что ограничиться однѣми только частицами осязаемой матеріи при объясненіи разнообразныхъ процессовъ, совершающихся въ природѣ, невозможно. Уже

явленія свѣта настойчиво потребовали предположенія о существованіи особаго рода вещества, отличнаго отъ обыкновенной матеріи. Эта гипотетическая всепроникающая среда, періодическія измѣненія свойствъ которой образуютъ источникъ безконечно разнообразныхъ явленій свѣтовыхъ, электрическихъ и магнитныхъ, названа была міровымъ эѳиромъ.

Слѣдуя механическимъ представленіямъ Ньютона, цѣлый рядъ великихъ ученыхъ занимался изслѣдованіемъ свойствъ эфира и состояніемъ напряженія въ немъ. Такъ, Христіанъ Гюйгенсъ предложилъ теорію колебательнаго движенія эѳира для объясненія явленія свѣта Михаэль Фарадэй высказалъ мысль, что электрическія и магнитныя явленія являются своеобразными деформаціями и пертурбаціями этого же эѳира, который служитъ носителемъ свѣта въ теоріи Гюйгенса. Джемсъ Максвелль теоретически разработалъ эту мысль, создавъ геніальную электромагнитную теорію свѣта. Генрихъ Герцъ воспомнилъ изслѣдованія Максвелля, показавъ эмпирически способъ полученія электрическихъ лучей, подчиняющихся вполнѣ законамъ оптики. Открытые экспериментальной физикой атомы электричества, названные **электронами** и считающіеся основнымъ началомъ вещества, стали въ наукѣ трактоваться, какъ элементарные источники электрическихъ напряженій въ эѳирѣ. Такимъ образомъ объясненіе всѣхъ явленій природы было сведено къ опредѣленію свойствъ эѳира и состоянія его напряженія.

Несмотря, однако, на основательное знакомство ученыхъ съ законами тѣхъ явленій, сущность которыхъ, повидимому, кроется въ различныхъ измѣненіяхъ внутри эѳира, свойства самого эѳира остаются совершенно неизвѣстными. Попытки великихъ ученыхъ Максвелля, Гельмгольца, лорда Кельвина, Лоренца, Лярмора и другихъ построить „физику эѳира“, выяснить внутреннюю сущность электрическихъ и магнитныхъ явленій (свѣтовыя представляютъ лишь частный ихъ случай) какими либо чисто механическими процессами въ эѳирѣ, оказались тщетными. Вопросы о строеніи эѳира, о плотности эѳира, объ упругихъ свойствахъ его, о продольныхъ эѳирныхъ волнахъ, объ относительной скорости земли и эѳира и т. п. — оставались неразрѣшенными, несмотря на всѣ усилія экспериментаторовъ и теоретиковъ.

Лѣтъ шесть-семь тому назадъ возникъ и началъ развиваться въ наукѣ новый основной законъ природы—**принципъ относительности**, давшій физикѣ новое направленіе. Этотъ новый законъ, въ основу котораго легли изслѣдованія Альберта Эйнштейна и Германа Минковскаго, вноситъ коренной переворотъ въ основныя представленія не только физики и родственныхъ ей астрономіи и химіи, но и въ теоріи познанія. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря принципу относительности, оказывается, что длина, время, масса и энергія суть не абсолютныя величины, какъ въ этомъ до сихъ поръ были убѣждены, а имѣютъ различныя значенія въ зависимости отъ состоянія движенія системы, къ которой онѣ относятся. Эти выводы изъ принципа относительности кажутся намъ не

менѣе парадоксальными, чѣмъ казался для людей, привыкшихъ къ абсолютному верху и абсолютному низу, тотъ выводъ ученія о движеніи земли, что черезъ каждые пол оборота ея мы имѣемъ небо низко подъ ногами, а землю — надъ собою.

Въ чемъ же заключается сущность принципа относительности?

На основаніи опытовъ и неудачи всѣхъ попытокъ, которыя были сдѣланы для опредѣленія абсолютной скорости движенія въ пространствѣ, Эйнштейнъ заключилъ, что и въ дальнѣйшемъ подобныя попытки будутъ терпѣть неудачу, и онъ установилъ, какъ новый «основной законъ природы», что абсолютное равномѣрное поступательное движеніе не можетъ быть ни измѣрено, ни даже открыто.

Иначе говоря: нѣтъ никакихъ средствъ обнаружить абсолютное равномѣрное поступательное движеніе черезъ пространство или черезъ какой-либо эѳиръ, который, по предположенію, заполняетъ пространство. Понятія «абсолютнаго покоя» и «абсолютнаго движенія» вообще не имѣютъ никакого физическаго смысла. Единственное движеніе, имѣющее физическое значеніе, это движеніе одного тѣла относительно другого. Такимъ образомъ, два подобныхъ тѣла, имѣющія относительныя движенія по параллельнымъ путямъ, образуютъ совершенно симметричную систему: если мы вправѣ разсматривать первое тѣло, какъ покоющееся, а второе, какъ движущееся, то мы столь же вправѣ принять, что второе въ покоѣ, а первое движется.

Второе основное обобщеніе, сдѣланное Эйнштейномъ, названо имъ „закономъ постоянства скорости свѣта“ и не менѣе замѣчательно, чѣмъ первое обобщеніе. Этотъ законъ гласитъ, что скорость свѣта въ свободномъ пространствѣ одна и та же для всѣхъ наблюдателей, независимо отъ движенія источника свѣта или самого наблюдателя.

Эти два закона, взятые вмѣстѣ, и составляютъ принципъ относительности. Въ болѣе общей формѣ мы можемъ его высказать слѣдующимъ образомъ:

Всѣ явленія должны происходить по совершенно одинаковымъ физическимъ законамъ, какъ для неподвижнаго наблюдателя, такъ и для наблюдателя, находящагося въ равномѣрномъ поступательномъ движеніи.

Этотъ принципъ обобщаетъ цѣлый рядъ фактовъ и не противорѣчитъ ни одному. Къ тому же изъ него вытекаетъ цѣлый рядъ выводовъ, которые, хотя и кажутся намъ парадоксальными, очень замѣчательны сами по себѣ.

Рѣшительную роль въ принятіи принципа относительности, по убѣжденію его сторонниковъ, сыгралъ знаменитый опытъ Майкельсона и Морлея, сдѣланный въ 1887 году и впослѣдствіи нѣсколько разъ повторенный. Несмотря на все остроуміе постановки и выполненія этого опыта, не удалось обнаружить относительную скорость земли въ эѳирѣ. Между тѣмъ, какъ слѣдуетъ, напримѣръ, изъ классическихъ опытовъ Физо, эѳиръ не могъ оставаться непод-

вижнымъ. Результатомъ подобныхъ опытовъ явилось то, что Эйнштейнъ, а за нимъ цѣлый рядъ другихъ выдающихся ученыхъ, какъ, напримѣръ, Планкъ, Кэмпбелль, Классенъ, Корбино, Лауэ и т. д., начали высказывать въ самой рѣзкой формѣ мысль, что современная наука должна совершенно исключить изъ своего инвентаря понятіе объ эѳирѣ, съ которымъ она совершенно ничего сдѣлать не можетъ и которымъ фактически нигдѣ не пользуется.

Итакъ, какъ ни смѣлымъ и маловѣроятнымъ это сначала кажется, первымъ слѣдствіемъ принципа относительности является отсутствіе мірового эѳира! Мы, конечно, можемъ продолжать называть эѳиромъ ту среду, въ которой происходятъ электромагнитныя явленія. Но это будетъ уже пустой звукъ, и мы ничего не потеряемъ, если замѣнимъ слово „эѳиръ" словомъ „пустое пространство" или вакуумъ.

Установленными приходится нынѣ считать существованіе электроновъ и вызываемыя ими электромагнитныя явленія; на нихъ должна быть построена наука о природѣ. Ко всему этому примыкаютъ новыя, еще не вполнѣ выработанныя Максомъ Планкомъ идеи объ энергіи, какъ о самодовлѣющемъ субстратѣ, испускаемомъ тѣлами и распространяющемся въ видѣ частицъ или „атомовъ" въ пространствѣ со скоростью свѣта. Эти идеи въ высшей степени поразительны, такъ какъ онѣ, несомнѣнно, представляютъ возвращеніе къ старой, давно оставленной теоріи истеченія, данной Ньютономъ.

Принципъ относительности заставляетъ не только отказаться отъ признанія возможности существованія абсолютнаго пространства, но и абсолютнаго времени. Знаменитый физикъ Антонъ Лоренцъ, открывшій въ 1895 г. понятіе относительности времени и примѣнившій это понятіе въ электродинамикѣ, не дѣлалъ отсюда черезчуръ радикальныхъ выводовъ. Только Эйнштейнъ впервые отважился провозгласить въ качествѣ универсальнаго постулата относительность всѣхъ обозначеній времени. Наконецъ, геніальному молодому математику Минковскому, скончавшемуся въ 1909 г., удалось облечь эту теорію въ стройную математическую систему.

Согласно принципу относительности, время исчисленія для каждаго наблюдателя зависитъ отъ его движенія, и секунду надо опредѣлить такъ, чтобы скорость свѣта сохраняла постоянное значеніе. Такимъ образомъ, абсолютное время не имѣетъ физическаго смысла, такъ какъ оно зависитъ отъ абсолютнаго пространства. Такъ какъ абсолютное пространство никоимъ образомъ не можетъ быть констатировано, то, слѣдовательно, мы не можемъ говорить объ абсолютной одновременности двухъ событій, но только объ относительной. Отсюда прямой логическій выводъ: величина времени такъ же относительна, какъ и величина скорости.

Революціонизирующее въ этомъ новомъ воззрѣніи состоитъ въ томъ, что каждый наблюдатель получаетъ свою собственную мѣру времени, когда онъ,

разсматривая свою систему неподвижной, представляетъ себѣ данныя явленія свободными отъ противорѣчій; другой наблюдатель отсчитываетъ другое, также свое собственное, время. Обѣ мѣры времени не совпадаютъ и не могутъ быть выражены въ абсолютномъ времени. „Позже" и „раньше" для этихъ наблюдателей могутъ имѣть различныя значенія. То, что для одного „раньше", для другого можетъ быть „позже", и наоборотъ. Но если намъ извѣстно движеніе наблюдателей другъ относительно друга, то обѣ мѣры времени мы можемъ однозначно преобразовать одну къ другой, и тогда оба наблюдателя будутъ однозначно сноситься другъ съ другомъ. Отсюда слѣдуетъ, что указаніе времени имѣетъ физическій смыслъ только тогда, когда принята во вниманіе скорость движенія самого наблюдателя, дѣлающаго это указаніе.

Этотъ выводъ на первый взглядъ кажется очень страннымъ, даже невѣроятнымъ. Однако, такою же невѣроятною казалось 500 лѣтъ тому назадъ и утвержденіе, что направленіе, которое мы называемъ вертикальнымъ, не есть постоянное и что въ теченіе сутокъ оно описываетъ въ пространствѣ конусъ. Дѣло не въ странности понятія, а въ его плодотворности, и въ этомъ смыслѣ принципъ относительности, какъ онъ еще ни молодъ, сулитъ намъ богатыя перспективы.

Согласно вышеизложенному, отнынѣ мы уже не можемъ разсматривать время и пространство отдѣльно и независимо другъ отъ друга; эти два столь различныя понятія принципомъ относительности связываются въ одно понятіе: мы приходимъ къ представленію о пространственно-временной (временно-путевой) кривой. Разбирая этотъ глубоко интересный вопросъ, Минковскій пришелъ къ поразительно смѣлой идеѣ, которую онъ высказалъ въ 1908 г. въ своей знаменитой рѣчи на съѣздѣ естествоиспытателей въ Кельнѣ: „Отнынѣ пространство и время, разсматриваемыя отдѣльно и независимо, обращаются въ тѣни, и только ихъ соединеніе сохраняетъ самостоятельность."

Доступный нашимъ наблюденіямъ физическій міръ, согласно этимъ новымъ взглядамъ, обладаетъ четырьмя совершенно равноцѣнными измѣреніями. Три изъ нихъ мы называемъ пространствомъ, четвертое—временемъ, причемъ измѣреніе времени совершенно равноцѣнно съ тремя измѣреніями пространства; соединенныя вмѣстѣ, онѣ образуютъ міръ четырехъ измѣреній. Я себѣ здѣсь позволю указать на одинъ фантастическій разсказъ Уэллса: въ основѣ его „машины времени" заключается сходная идея. Въ этомъ четырехмѣрномъ мірѣ опытные факты могутъ быть представлены болѣе соотвѣтственно, чѣмъ въ пространствѣ трехъ измѣреній; въ немъ, только какъ частные случаи, примѣнимы, съ одной стороны, чистая механика, съ другой—геометрія.

И въ то время, какъ до сихъ поръ мы привыкли эти обѣ науки трактовать отдѣльно и независимо одна отъ другой, теперь, съ новой точки зрѣнія, онѣ намъ представляются нераздѣльными, ибо, какъ

выразился Минковскій, „никто не можетъ замѣтить мѣсто иначе, какъ въ извѣстное время, и время, иначе, какъ находясь на извѣстномъ мѣстѣ“. Это математическое соотношеніе между измѣреніями времени и пространства представляетъ собою постоянную величину, которое имѣетъ значеніе предѣльной скорости. Въ видахъ согласія съ опытомъ слѣдуетъ признать, что наибольшая изъ достижимыхъ скоростей есть скорость свѣта.

„Едва ли нужно подчеркнуть,—справедливо говоритъ Планкъ,—что это новое пониманіе идеи времени предъявляетъ самыя высокія требованія къ способности абстракціи и къ силѣ воображенія физиковъ. Оно превосходитъ по своей смѣлости все, что до сихъ поръ было сдѣлано въ спекулятивномъ естествознаніи и даже въ философской теоріи познанія. Не-Эвклидова геометрія есть дѣтская игра въ сравненіи съ нимъ. И все же принципъ относительности въ противоположность не-Эвклидовой геометріи, привлекавшей до сихъ поръ вниманіе только въ области чистой математики, съ полнымъ правомъ требуетъ для себя реальнаго физическаго объясненія. Съ революціей, произведенной этимъ принципомъ въ области физическаго міропониманія, по своей глубинѣ и широтѣ можетъ сравниться только переворотъ, который произошелъ благодаря введенію міровой системы Коперника“.

Вотъ почему принципъ относительности возбуждаетъ къ себѣ такой исключительный интересъ какъ физиковъ, такъ математиковъ и философовъ [1]).

Приведемъ еще нѣсколько выводовъ изъ принципа относительности.

Масса, т. е. количество частицъ, изъ которыхъ состоитъ вещество, согласно „закону постоянства массъ“, открытому Лавуазье, до сихъ поръ представлялась чѣмъ-то неизмѣннымъ, постояннымъ. Но вотъ новый принципъ гласитъ: *масса нѣкотораго тѣла не есть величина абсолютная, но лишь относительная; она постоянна только для наблюдателя, двигающагося вмѣстѣ съ нею; для покоющагося же наблюдателя масса мельчайшей пылинки можетъ оказаться безконечно большой!*

Благодаря этимъ идеямъ наши представленія о законахъ механики зашатались въ самомъ фундаментѣ своемъ.

---

[1]) Мнѣ бы здѣсь хотѣлось обратить вниманіе на тотъ интересный фактъ, что еще задолго до Минковскаго нашъ соотечественникъ М. Аксеновъ пришелъ почти къ тому же, что и онъ, представленію о времени, хотя и совершенно другимъ, чѣмъ Минковскій, путемъ. Минковскій развилъ и обосновалъ свое поразительно стройное воззрѣніе на почвѣ новѣйшихъ физическихъ данныхъ, Аксеновъ же высказалъ свои идеи изъ философскихъ соображеній. Конечно, нечего говорить о вліяніи на Минковскаго взглядовъ русскаго мыслителя, такъ какъ они остались почти совершенно безызвѣстными и не были приложены къ физикѣ, но остается безсомнѣннымъ любопытный фактъ, что Аксеновъ еще въ 1896 г. говорилъ, что время есть четвертое измѣреніе, и вообще выводилъ идеи, болѣе или менѣе напоминающія идеи Минковскаго. Не менѣе любопытно и то, что и теперь еще физики ничего не знаютъ объ этомъ фактѣ.

Механика Ньютона учила, что подъ вліяніемъ постоянной силы движущееся тѣло пріобрѣтаетъ всегда одно и то же ускореніе, какъ бы велика ни была скорость, которою это тѣло уже обладаетъ. Согласно же новымъ воззрѣніямъ, вытекающимъ изъ признанія принципа относительности, это ускореніе, обусловленное постоянною силою, для чрезвычайно большихъ скоростей становится все меньше и меньше, и есть предѣлъ, котораго не можетъ перешагнуть наростаніе скорости: никакая скорость въ мірѣ не можетъ быть больше скорости свѣта.

Какъ извѣстно, всѣ формы энергіи приверженцы механическаго міровоззрѣнія стараются свести къ движеніямъ хотя бы невидимыхъ и неощутимыхъ массъ. Во всѣхъ случаяхъ остается справедливымъ „принципъ сохраненія энергіи". Но принципъ относительности говоритъ, что самая энергія движенія также не является для насъ абсолютной величиной, а можетъ имѣть только относительное значеніе, такъ какъ опредѣляется массою и скоростью,—законъ сохраненія энергіи строго дѣйствителенъ только для наблюдателя, двигающагося вмѣстѣ съ носителями этой энергіи; энергія тѣла зависитъ отъ скорости и растетъ вмѣстѣ съ послѣдней.

Главнымъ пунктомъ провѣрки принципа относительности служитъ измѣнчивость массы. Поэтому опытныя изслѣдованія надъ соотношеніемъ между массой и скоростью имѣютъ громадное значеніе. Такіе опыты были произведены, несмотря на крайнюю трудность ихъ выполненія, Кауфманомъ, Бухереромъ и Гунка. Всѣ они примѣнили существенно различные методы изслѣдованія, но все-таки пришли къ одинаковому заключенію: масса измѣняется, и притомъ измѣненія въ точности соотвѣтствуютъ принципу относительности.

Однимъ изъ поразительныхъ выводовъ новѣйшихъ изслѣдованій является то, что всякая энергія обладаетъ извѣстной, пропорціональной, или какъ бы эквивалентной ей, инерціей или массой, т. е. главнѣйшимъ свойствомъ матеріи. Такимъ образомъ, если нѣкоторая часть пространства, занятая веществомъ или пустая—все равно, содержитъ опредѣленное количество энергіи, то это равносильно тому, какъ если бы въ этой части пространства находилось опредѣленное количество массы. Отсюда Эйнштейнъ, исходя изъ принципа относительности, заключаетъ, что масса какого угодно тѣла зависитъ отъ того запаса энергіи, который въ немъ содержится. Поэтому, когда тѣло пріобрѣтаетъ энергію въ какой бы то ни было формѣ, оно всегда пріобрѣтаетъ пропорціональное количество массы; отношеніе пріобрѣтаемой энергіи къ пріобрѣтаемой массѣ равно квадрату скорости свѣта.

Такимъ образомъ, если мы примемъ, что тѣло потеряетъ всю свою энергію, то оно должно потерять и всю свою массу. А если такъ, то масса и энергія становятся такими же эквивалентными

или равнозначными другъ другу величинами, какъ, напримѣръ, теплота и механическая работа; и достаточно, по мнѣнію Эйнштейна, сдѣлать одинъ только шагъ, чтобы разсматривать массу, какъ концентрацію колоссальныхъ количествъ энергіи. Законъ сохраненія массы сливается, такимъ образомъ, съ закономъ сохраненія энергіи. Эти идеи прекрасно гармонируютъ съ представленіями В. Вина и Ленарда, развитыми ими на основаніи современной электронной теоріи.

Далѣе приходится принять, что электромагнитные процессы, т. е. свѣтъ, теплота, электричество и магнетизмъ, не нуждаются ни въ какомъ носителѣ, что электромагнитная энергія существуетъ и распространяется въ видѣ самостоятельныхъ образованій, подобныхъ элементамъ матеріи. Все это, какъ нетрудно видѣть, значительно сотрясаетъ наши привычныя представленія.

Нарождающійся принципъ относительности въ связи съ окрѣпшей въ наукѣ электронной теоріей логически приводитъ къ тому воззрѣнію, что слѣдуетъ уже для электромагнетизма искать не механическое объясненіе, а для образованія матеріи и для механическихъ явленій создать электромагнитную теорію.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ матеріи удалось, какъ извѣстно, выдѣлить частицу, названную электрономъ и познаваемую не какъ матерія и не какъ энергія, а какъ источникъ той и другой; по своей природѣ эта реальность представляетъ собою, повидимому, чистое электричество: масса и инерція этого электрона имѣетъ всецѣло электромагнитное происхожденіе; механика въ такомъ случаѣ есть лишь особый видъ явленій электромагнетизма, какъ свѣтъ, теплота, магнетизмъ и т. п. Приходится, слѣдовательно, электромагнетизмъ брать за основную точку для того, чтобы построить теорію физическихъ явленій и даже теорію самой матеріи.

Иначе говоря, мы должны признать, какъ это ни страннымъ и смѣлымъ должно казаться, что ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ является элементарнымъ и основнымъ и изъ него выводятся законы механики.

Эти въ высшей степени поразительныя идеи, какъ всякій видитъ, производятъ въ физикѣ полный переворотъ. Онѣ заставляютъ насъ отказаться отъ стараго механическаго міровоззрѣнія и воздать новое, электромагнитное міровоззрѣніе, электромагнитную картину міра.

Новыя воззрѣнія еще не установились окончательно, и мнѣнія во многихъ пунктахъ еще расходятся. Окончательное ихъ подтвержденіе могутъ дать намъ только тщательныя опытныя изслѣдованія. Но, какъ бы то ни было, мы должны признать, что мы въ настоящее время стоимъ на порогѣ новаго міровоззрѣнія, именно электромагнитнаго міровоззрѣнія, и что мы ни въ коемъ случаѣ не вернемся къ механическому міровоззрѣнію. Будемъ поэтому надѣяться, что прогрессирующая наука,

раньше или позже, введетъ насъ глубоко въ область познанія природы, что она покажетъ намъ единственно правильное направленіе къ нашей завѣтной цѣли—къ свѣту и истинѣ.

Г. А. Гурьевъ.

НОВЫЕ „ПОМѢЩИКИ".

I.

Безконечные споры о значеніи общины, объ ея вредѣ и пользѣ для развитія хозяйства, продолжавшіеся въ теченіе пятидесяти лѣтъ, закономъ 9 ноября—14 іюня можно считать ликвидированными. Теперь приходится имѣть дѣло съ фактомъ быстраго разрушенія крестьянской общины и лишь наблюдать результаты этого процесса, имѣющаго огромное соціально-экономическое значеніе, приходится наблюдать величайшую революцію соціальныхъ отношеній, происходящую въ тишинѣ, незамѣтно, въ самыхъ глубинахъ народной жизни.

Городской житель, можетъ быть, и не подозрѣваетъ, что въ деревнѣ рядомъ съ нимъ происходитъ ожесточенная соціальная борьба, въ которой принимаютъ участіе милліоны людей. Борьба ожесточенная, потому что въ ней идетъ вопросъ о существованіи; борьба со своими побѣдителями и побѣжденными, въ которой побѣдители не щадятъ, а побѣжденные не ждутъ пощады; борьба, которая отразится не только на горожанахъ, но и поведетъ, въ концѣ концовъ, къ общей передвижкѣ соціальныхъ отношеній въ странѣ.

Происходящіе теперь раздѣлы общинной земли, переходы на отруба и проч. многимъ представляются чуть ли не случайнымъ явленіемъ, вызваннымъ тѣмъ, что министръ Столыпинъ пришелъ къ остроумной мысли, чтобы въ общественной борьбѣ, происходившей въ 1905—6 годахъ, сдѣлать „ставку на сильныхъ" и провести законъ 9 ноября. Другіе видятъ уже болѣе глубокія причины происходящаго теперь процесса соціальной борьбы—причиной считаютъ классовую борьбу, борьбу землевладѣльцевъ за сохраненіе своего господства и стремленіе ихъ внести эту борьбу въ среду крестьянства.

Несомнѣнно, это послѣднее объясненіе болѣе правильно, но оно еще не освѣщаетъ вопроса, почему среди крестьянъ началась междоусобная борьба, почему лозунгъ „ставка на сильныхъ" былъ подхваченъ въ деревнѣ, почему крестьяне-общинники, которыхъ и справа, и слѣва считали чуть ли не коммунистами, ухватились за законъ 9-го ноября и сами стали расшатывать общинные устои? Очевидно, въ самой общинѣ, въ періодъ ея „прочнаго" существованія, уже имѣлись на-лицо центробѣжныя силы, которыя должны были разорвать общинную оболочку, какъ только въ ней появилась трещина. Изъ старой общины должны были вылупиться новыя соціаль-

ныя отношенія, и вопросъ лишь заключался въ томъ, кто будетъ акушеромъ, кто окажетъ содѣйствіе развитію новыхъ соціальныхъ отношеній въ деревнѣ, назрѣвавшихъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Волею бабушки-исторіи акушерами явились землевладѣльцы и Столыпинъ, выказавшіе такое же акушерское искусство, какое проявляютъ деревенскія повитухи, вытрясающія изъ рожениць ихъ злополучное потомство....

II.

Періодическія голодовки и хроническое недоѣданіе вплоть до настоящаго времени могли казаться такими „истинсо-русскими" сторонами нашей общентвенности, какъ почти поголовная безграмотность и невѣжество, какъ забитость и беззащитность однихъ и безнаказанность другихъ. Голодовка кажется такой же національной особенностью крестьянскаго хозяйства, какой являются лапти въ національномъ костюмѣ. Разумѣется, не община являлась причиною голодовокъ, но въ этомъ своеобразномъ русскомъ „бытовомъ" явленіи община играла своеобразную роль. И для того, чтобы понять совершающійся въ настоящее время процессъ ломки соціальныхъ отношеній, нужно взглянуть на ту роль, которую въ нихъ играла крестьянская земельная община.

Капиталистическія отношенія, проникавшія послѣ крѣпостной реформы въ деревню, непосильные налоги, ее обременявшіе, встрѣчали тамъ примитивное крестьянское хозяйство, которое едва доставляло средства, необходимыя для существованія крестьянъ. Крестьянамъ приходилось продавать продукты земледѣлія, сокращая свое потребленіе, уменьшая количество скота въ хозяйствѣ и т. д.

Для того, чтобы получить больше продуктовъ со своего надѣла, крестьяне должны были переходить къ болѣе интенсивному хосяйству, а такому переходу мѣшала бѣдность и... земельная община.

Болѣе зажиточные крестьяне, которые могли бы вести раціональное хозяйство, были лишены этой возможности, потому что община требовала обязательнаго сѣвооборота, потому что болѣе бѣдные общинники не могли и не хотѣли измѣнять систему хозяйства.

Создавалась своеобразная круговая порука—вести земледѣльческое хозяйство такъ, какъ вели наиболѣе бѣдные, наиболѣе отсталые и невѣжественные крестьяне. Это было неизбѣжнымъ результатомъ общиннаго землевладѣнія.

Но при такихъ условіяхъ общинное землевладѣніе имѣло и нѣкоторыя очень важныя преимущества.

Крестьянское населеніе размножалось и новымъ нарождающимся членамъ общины она обезпечивала такое же количество земли, какъ и старымъ членамъ. Правда, эта земля обезпечивала полуголодное существованіе; правда, каждый новый членъ общины, получая надѣлъ, тѣмъ самымъ сокращалъ надѣлы остальныхъ ея членовъ; но все-таки новыя поколѣнія крестьянъ могли держаться за земледѣліе, оставаться на мѣстѣ въ деревнѣ. Это видимое преимущество общины, въ концѣ концовъ, и привело къ острому кризису. „Растяжимость" общины, возможность на данной площади земли увеличивать количество земледѣльческихъ

хозяйствъ удерживали крестьянъ на данной территоріи въ большемъ количествѣ, чѣмъ она могла прокормить при данной системѣ хозяйства, при данныхъ соціальныхъ отношеніяхъ. Община представляла какъ бы резиновый мѣшокъ, который, несмотря на сопротивленіе стѣнокъ, вмѣщаетъ въ себя новое и новое количество воды. Изъ бутылки съ твердыми стѣнками излишняя вода просто выливается черезъ край. Резиновый мѣшокъ растягивается... пока не лопнетъ.

Изъ создавшагося положенія былъ только одинъ выходъ, при которомъ крестьяне могли бы избѣжать бѣдственнаго положенія. Этотъ выходъ могъ быть только въ расширеніи ихъ землепользованія и сокращеніи налоговъ. При такихъ условіяхъ крестьяне могли бы улучшить свое хозяйство и постепенно перейти къ болѣе интенсивной культурѣ. Но такой выходъ былъ невыгоденъ для землевладѣльцевъ, сдѣлавшихся—благодаря благопріятному для нихъ соотношенію общественныхъ силъ—господами положенія. Вмѣсто расширенія крестьянскаго землепользованія въ резиновомъ мѣшкѣ-общинѣ была сдѣлана просто дыра, въ которую и стало выливаться его содержимое...

III.

Послѣ изданія закона 9 ноября у крестьянъ земли не прибавилось.

Брали и берутъ съ нихъ налоговъ всякаго рода не меньше прежняго. У крестьянъ даже не прибавилось такихъ нематеріальныхъ благъ, какъ права гражданина, образованіе и т. д. Даже магъ и чародѣй при такихъ условіяхъ не можетъ сдѣлать голоднаго крестьянина сытымъ помѣщикомъ, безлошаднаго хозяина—хозяйственнымъ мужичкомъ. А между тѣмъ, повидимому, такое чудо сдѣлано Столыпинымъ указомъ 9 ноября 1906 года и третьей Государственной Думой закономъ 14 іюня 1910 года.

Въ чемъ же дѣло? Неужели возможно изъ ничего создать народное богатство и благополучіе милліоновъ людей? Вѣдь, несомнѣнно, нѣкоторыя крестьянскія хозяйства послѣ изданія закона 9 ноября — 14 іюня процвѣли или процвѣтутъ, несомнѣнно, техника и культура нѣкоторыхъ крестьянскихъ хозяйствъ повышается.

Для того, чтобы уразумѣть это „чудо", нужно опять вернуться къ разсмотрѣнію условій крестьянскаго хозяйства при существованіи общины.

Благодаря указаннымъ выше условіямъ общиннаго быта, въ крестьянской общинѣ искусственно поддерживалось не только равенство землевладѣнія, но въ нѣкоторой степени и равенство бѣдности и нищеты. Крестьяне, получавшіе главную часть своего заработка отъ отхожихъ промысловъ, отъ сельско-хозяйственнаго найма и проч., такъ-же держались за земледѣльческое хозяйство, какъ и болѣе зажиточные крестьяне. Земельный надѣлъ отчасти пополнялъ бюджетъ такихъ полу-рабочихъ, полукрестьянскихъ семей. Когда промыслы въ городѣ давали достаточный заработокъ, крестьянинъ окончательно переселялся въ городъ и бросалъ свое земледѣльческое хозяйство. Но большинство еще держалось за землю, обезпечивающую

хотя бы полуголодное существованіе. Съ другой стороны, хозяйственный крестьянинъ въ общинѣ долженъ былъ вести такое же некультурное, обыкновенно трехпольное, хозяйство, какъ и его болѣе бѣдные сосѣди. Такимъ образомъ, въ рамкахъ общины накоплялись центробѣжныя силы, искавшія изъ нея выхода, но выхода въ разныя стороны. Крестьянская бѣднота могла найти выходъ только или при ускореніи темпа экономическаго развитія страны, когда рабочія руки могли найти заработокъ въ развивающейся индустріи, или при расширеніи крестьянскаго землепользованія, когда масса крестьянскихъ хозяйствъ могла упрочить свое земледѣльческое хозяйство. При отсутствіи этихъ условій для слабаго крестьянскаго хозяйства оставался одинъ выходъ—выдѣлиться изъ общины, продать свою землю и хотя бы на годъ быть сытымъ на вырученныя отъ продажи земли деньги. За этотъ единственный выходъ и ухватились новые „помѣщики". Они стали продавать свои надѣлы и превращаться въ чистыхъ пролетаріевъ.

Для хозяйственныхъ крестьянъ оказался отрытымъ другой выходъ: имъ также нужно было выйти изъ общины и расширить свое землевладѣніе, но расширить его оказалось возможнымъ только покупкой земли. А рядомъ продаются надѣлы хозяйственно слабыхъ сосѣдей. Естественно, что эти надѣлы скупаютсч болѣе зажиточными хозяевами, которые такимъ образомъ округляютъ свои владѣнія и дѣлаютъ возможнымъ веденіе прочнаго, болѣе раціональнаго хозяйства.

Такимъ образомъ бѣднѣйшіе слои крестьянскаго населенія оказались въ такомъ же выигрышѣ, въ какомъ оказывается путникъ, у котораго отобрали кошелекъ „въ обмѣнъ" за его жизнь. Когда путникъ на предложеніе отдать „жизнь или кошелекъ" предпочитаетъ лишиться кошелька, чтобы сохранить жизнь, то его можно поздравить съ хорошимъ выборомъ, но, несмотря на удачность выбора, онъ еще не дѣлается богаче отъ „права" подѣлиться своимъ кошелькомъ. Точно также и новые „помѣщики", получивши „право" продать свои надѣлы и отправиться на всѣ четыре стороны, въ сущности, пріобрѣтаютъ очень не много,—только большую „легкость" передвиженія. Не обремененные никакой собственностью, они могутъ бродить по всему пространству обширной Россіи въ поискахъ за заработками и уже получили отъ хозяйственныхъ крестьянъ названіе „шатуновъ". Это новое „сословіе", появившееся въ Россіи вмѣстѣ съ закономъ 9 ноября, отличается своеобразными особенностями. Отъ городскихъ рабочихъ оно отличается полной неприспособленностью къ городской жизни, отсутствіемъ спеціальной подготовки къ работѣ на фабрикахъ и заводахъ и т. д. Отъ крестьянъ это „сословіе" отличается отсутствіемъ земли и средствъ для веденія хозяйства. Кромѣ того, у этого „сословія" есть своя особенность.

У каждаго изъ его представителей не видно никакого будущаго: голодъ—единственная перспектива, рисующаяся каждому такому „помѣщику". И, тѣмъ не менѣе, какъ общественная категорія, эта

группа имѣетъ будущее въ томъ смыслѣ, что, по мѣрѣ проведенія закона 9 ноября въ жизнь, она численно будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться. Уже въ концѣ 1910 года насчитывалось четверть милліона проданныхъ надѣловъ, т. е. еще до голода 1911 года болѣе шестой части всѣхъ выдѣлившихся крестьянъ обезземелилось. При этомъ процессъ обезземеленія идетъ съ каждымъ годомъ быстрѣе и быстрѣе. До перваго августа 1908 года было зарегистровано 15 тыс. продажъ надѣльной земли, до 1 марта 1910 года—уже 129 тыс., а въ концѣ 1910 года—245 тыс. случаевъ продажи.

Въ теченіе 1911 года продажа надѣловъ вслѣдствіе голода колоссально возросла, и новое сословіе численно растетъ быстрѣе всѣхъ другихъ сословій. Нужно замѣтить, что оффиціальныя данныя о продажѣ надѣльныхъ земель далеко не даютъ еще представленія о дѣйствительномъ процессѣ обезземеленія крестьянъ. Большая часть сдѣлокъ по продажѣ надѣловъ не попадаетъ къ нотаріусамъ, между тѣмъ, какъ оффиціальный подсчетъ имѣетъ въ виду только нотаріальныя сдѣлки. Голодный 1911—12 годъ удвоилъ количество безземельныхъ...

IV.

Корреспонденты изъ южныхъ степныхъ губерній пишутъ, что примѣненіе закона 9 ноября вызвало появленіе бездомной и безземельной голытьбы, которую мѣстные жители называютъ „шатунами". „Шатуны", которымъ, по предположенію начальства, надлежало сдѣлаться новыми помѣщиками, „бросаютъ" насиженныя мѣста и бродятъ со своимъ скарбомъ по степнымъ дорогамъ въ поискахъ мѣста, гдѣ можно бы „приткнуться" и начать новую „жизнь"... Но „приткнуться" никуда не удается, и „шатуны" посылаютъ своихъ женъ и дѣтей „въ кусочки" или, доведенные до отчаянія голодомъ и безработицей, принимаются грабить осѣдлое населеніе. Совершенное отсутствіе надежды и вѣры въ лучшее будущее рѣзко отличаетъ „шатуновъ" отъ переселенцевъ, которые когда-то колесили по степнымъ дорогамъ въ поискахъ свободныхъ земель. Какъ ни тяжело было положеніе переселенца, но онъ рѣдко доходилъ до того отчаянія, которое составляетъ характерную черту „шатуновъ".

Самая картина процесса обезземеленія рисуется въ такомъ видѣ: „Мѣстные богатѣи и кулаки при помощи водки склонили мужиковъ къ составленію приговора о выходѣ на отруба, и немедленно вслѣдъ за этимъ началась распродажа земли за безцѣнокъ. Деревенская бѣднота, вѣчно нуждающаяся въ рублѣ и кругомъ задолжавшая, поддалась большому соблазну получить разомъ крупныя, сравнительно, деньги—и въ нѣсколько недѣль было продано въ селѣ до двухсотъ надѣловъ по безобразно низкимъ цѣнамъ—отъ 40 до 80 рублей за десятину".

Оставшіеся, въ концѣ концовъ, безъ земли и безъ денегъ крестьяне и превращаются въ „шатуновъ". „Легче намъ помереть, безъ земли намъ не жить"—говорятъ обезземелившіеся. Но и зажиточные крестьяне, скупившіе за безцѣнокъ надѣлы, въ свою очередь жалуются, что имъ „житья не стало,—либо убьютъ, либо сожгутъ". Такъ была рѣшена проб-

лема экономическаго подъема земледѣльческаго населенія.

Неудачность такого рѣшенія заключается вовсе не въ томъ, что община была разрушена; она во многихъ мѣстахъ до настоящаго времени поддерживалась насильственно и неизбѣжно должна была разрушиться. Но опека надъ крестьянами и въ тотъ періодъ, когда община насильственно сохранялась, и теперь, когда она насильственно разрушается, одинаково тяжело отражается на крестьянахъ. Насильственное удерживаніе ихъ около земли для многихъ изъ нихъ было такъ же тяжело, какъ теперь обезземеленіе. Крестьянское хозяйство можно было поднять только расширеніемъ крестьянскаго землепользованія. Законодательство и прибѣгло къ своеобразному „расширенію": когда десять хозяйствъ лишаются земли, а одно хозяйство скупаетъ эти земли, то, конечно, землевладѣніе хозяйства, скупившаго надѣлы, расширяется; но какъ быть съ обезземелившимися десятью хозяйствами? Имъ предоставляется полная возможность вымирать съ голоду, такъ какъ теперь, при новыхъ условіяхъ, они оказываются лишними на жизненномъ пиру. Не предвидя такихъ возможностей и не зная теоріи и практики мальтузіанства, новые „помѣщики" оказываются обремененными женами и дѣтьми. Всему этому „излишнему" населенію грозитъ перспектива вымиранія, чтобы расширить землевладѣніе болѣе удачливыхъ и счастливыхъ сосѣдей...

V.

Существуютъ различные способы очищать землю отъ тѣхъ обитателей, которыхъ болѣе сильные находятъ лишними на жизненномъ пиру. Все зависитъ „отъ мѣста и времени". Говорятъ, итальянцы очищаютъ оазисы Триполи наиболѣе простымъ способомъ, — вырѣзаютъ арабское населеніе. Этотъ способъ, къ которому прибѣгаютъ культурные европейцы, примѣнимъ только къ немногочисленнымъ туземцамъ новой колоніи. Въ Англіи въ XVI столѣтіи землевладѣльцы насильственно сгоняли арендаторовъ съ земель, чтобы разводить овецъ, а съ созданными такими путями безработными расправлялись довольно сурово, чтобы заставить ихъ работать. Совершающійся въ настоящее время въ Россіи соціальный переворотъ не сопровождается такими грубыми эксцессами, но по своимъ размѣрамъ и по своему значенію онъ едва-ли не превосходитъ всѣ бывшія до сихъ поръ въ Европѣ соціальныя „реформы". Процессъ обезземеленія, который уже до настоящаго времени охватилъ, вѣроятно, не менѣе милліона душъ (если считать, что около полумилліона надѣловъ продано), продолжается, не ослабѣвая. Болѣе бѣдные крестьяне „добровольно" очищаютъ мѣсто болѣе сильнымъ и „добровольно" будутъ во что бы то ни стало, за какую угодно плату, искать работы подъ угрозой голода. При такихъ условіяхъ всякія репрессіи по отношенію къ безработнымъ излишни: голодъ является достаточной репрессіей.

Казалось бы, указъ 9 ноября, давая осязательныя преимущества выдѣляющимся изъ общины крестьянамъ, давалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточныя гарантіи того, что процессъ образованія новыхъ

„помѣщиковъ" пойдетъ успѣшнѣе. Но третья Государственная Дума въ данномъ случаѣ обнаружила чисто юношеское нетерпѣніе. Установивши первой статьей новаго закона, что общества, не имѣвшія передѣловъ въ теченіе послѣднихъ 24 лѣтъ, теперь владѣютъ землей не на общинномъ, а на личномъ правѣ, Государственная Дума однимъ ударомъ превратила около 3.700 тыс. крестьянскихъ хозяйствъ изъ общинниковъ въ личныхъ собственниковъ. Если къ этому числу прибавить около 1.700 тыс. хозяйствъ, выдѣлившихся изъ общины на основаніи закона 9 ноября, то получится болѣе пяти милліоновъ хозяйствъ, въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ перешедшихъ отъ общиннаго къ частному землевладѣнію. Съ 3.700 тыс. хозяйствъ Государственная Дума поступила наиболѣе рѣшительно: болѣе десяти милліоновъ крестьянъ и не подозрѣваютъ, что они въ одинъ день по волѣ думскаго большинства превратились въ частныхъ землевладѣльцевъ, въ „помѣщиковъ". Они продолжаютъ голодать, какъ-будто ничего не случилось!

Не только городъ, но и деревня сначала не замѣтитъ тѣхъ процессовъ, которые въ ней начинаютъ происходить подъ вліяніемъ новыхъ соціальныхъ условій. Гдѣ происходилъ выходъ изъ общины, тамъ было ясно, что бѣднякъ выдѣляется ради того, чтобы продать свою землю, зажиточный крестьянинъ —для того, чтобы улучшить хозяйство. Но въ общинахъ, превратившихся неожиданно для себя въ общество частныхъ собственниковъ, процессъ измѣненія соціальныхъ отношеній будетъ происходить менѣе замѣтно. Подъ вліяніемъ голода и нужды то тотъ, то другой крестьянинъ продастъ свой надѣлъ, и всѣ такого рода продажи будутъ мало замѣтны и не попадутъ даже въ регистрацію, такъ какъ будутъ производиться въ видѣ домашней сдѣлки.

Было бы реакціонной утопіей надѣяться насильственными мѣрами остановить этотъ процессъ огромной мобилизаціи земельной собственности.

Нельзя его остановить запретительными мѣрами, потому что голодъ и экономическая необходимость являются наиболѣе сильными факторами въ существующихъ соціальныхъ отношеніяхъ. Только повышеніе общаго экономическаго благосостоянія могло бы ослабить процессъ обезземеленія населенія и тѣ гибельныя послѣдствія, которыя связаны съ быстрымъ развитіемъ этого процесса. Разсчитывать же на мѣропріятія, направленныя къ повышенію благосостоянія массы крестьянскаго населенія, при современномъ правительственномъ курсѣ было бы болѣе, чѣмъ наивно.

Процессъ разложенія общины при данныхъ соціальныхъ отношеніяхъ неизбѣженъ и продолжается, не останавливаясь, несмотря на то, что уже теперь около половины бывшихъ общинниковъ превратилось въ частныхъ собственниковъ и теперь продолжается укрѣпленіе земли въ частную собственность, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ.

До 1 октября 1911 года по 38 губерніямъ общее количество домохозяевъ, заявившихъ требованія объ укрѣпленіи земли въ личную собственность, достигло 2.233,419 человѣкъ; при этомъ наиболь-

шее количество выдѣляющихся крестьянъ относится къ земледѣльческимъ черноземнымъ губерніямъ, а именно:

въ Самарской	166.077	домохозяевъ
Екатеринославской	143.091	"
Харьковской	119.648	"
Орловской	110.851	"
Херсонской	112.595	"
и т. д.		

Такимъ образомъ, новыхъ „помѣщиковъ" нарождается много, но, какъ мы замѣтили, многіе выдѣляются для того, чтобы продать землю, а многіе, не имѣя достаточно средствъ для веденія хозяйства, принуждены будутъ въ ближайшіе годы ликвидировать свое хозяйство.

VI.

Продавая свои надѣлы, не всѣ крестьяне-продавцы теряютъ надежду завести свое собственное земледѣльческое хозяйство. Многіе надѣются, переселившись въ другое мѣсто, въ Сибирь, тамъ обосноваться, тамъ найти болѣе благопріятныя условія для веденія хозяйства.

Но, повидимому, очень многимъ приходится въ этомъ разочаровываться. По крайней мѣрѣ, за послѣднее пятилѣтіе изъ Сибири вернулось обратныхъ переселенцевъ 257.000 душъ. Т. е. четверть милліона крестьянъ-переселенцевъ окончательно разорилось, истративши на переселеніе и на обратный путь все, что имѣли.

Казалось бы, такое явленіе, какъ полное разореніе четверти милліона населенія въ теченіе пяти лѣтъ, разореніе, вызванное трудностью обосноваться на новыхъ мѣстахъ въ Сибири, должно бы было побудить правительство облегчить переселенцамъ организацію хозяйства на новыхъ мѣстахъ. Но... правительство продолжаетъ дѣлать „ставку на сильныхъ", вынуждая слабыхъ очищать мѣста для сильныхъ.

Новой мѣрой, которая ускоритъ процессъ разоренія переселенцевъ и увеличитъ количество безземельныхъ, является недавно внесенный правительствомъ въ Государственную Думу законопроектъ „о продажѣ переселенческихъ участковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Азіатской Россіи". Этотъ новый законопроектъ имѣетъ въ виду продавать, а не давать даромъ такіе переселенческіе участки, которые легче поддаются колонизаціи, болѣе выгодны, болѣе доступны, т. е. затруднить ихъ пріобрѣтеніе бѣднѣйшими переселенцами и предоставить ихъ только болѣе богатымъ.

Итакъ, четверть милліона крестьянъ возвращаются обратно, потому что имъ оказалось трудно обосноваться на новыхъ мѣстахъ. Но все-таки большинство еще обосновывалось и оставалось въ Сибири. Затруднивши доступъ переселенцамъ въ мѣста болѣе для нихъ удобныя, правительство, дѣйствительно, можетъ съ успѣхомъ добиться цѣли: „оттянуть часть переселенческаго движенія" отъ доступныхъ для переселенцевъ раіоновъ и такимъ образомъ удвоить или утроить количество обратныхъ переселенцевъ. Другую задачу, поставленную правительствомъ: привлечь переселенцевъ на менѣе доступные для нихъ участки,— осуществить, разумѣется, не удастся. Если теперь масса переселенцевъ двигается обратно, имѣя только одну перспективу,—голодъ, то сколько ихъ будетъ

тогда, когда для нихъ будутъ закрыты мѣстности, болѣе доступныя!? Трудно сказать, что скрывается подъ этимъ планомъ закрыть болѣе удобныя мѣста для рядовыхъ переселенцевъ; лицемѣріе или недомысліе. Искренно ли переселенческое вѣдомство думаетъ, что пустынныя степи и непроходимые урманы „какъ бы естественно предназначены для наименѣе обезпеченныхъ семей“, располагающихъ только рабочими силами, а болѣе доступныя для поселеній мѣста, очевидно, „естественно предназначены“ для богатыхъ переселенцевъ?

Казалось бы вполнѣ естественнымъ, что правительство, дѣлая „ставку на сильныхъ“ въ Европейской Россіи, создавши въ ней условія для быстраго обезземеленія массы населенія, дастъ, по крайней мѣрѣ, этому населенію возможность устраиваться въ Сибири, чтобы не вымирать съ голоду, что ему будутъ предоставлены наиболѣе доступныя для поселенія мѣста. Но, оказывается, даже и такого вниманія по отношенію къ разореннымъ слоямъ населенія современная правительственная политика не считаетъ нужнымъ обнаруживать. Напротивъ, все дѣлается для того, чтобы сдѣлать еще болѣе безвыходнымъ положеніе этой части населенія.

Напротивъ, стремленіе насадить вездѣ „хозяйственныхъ мужичковъ“ настолько сильно, что и въ колонизаціонныхъ раіонахъ имѣется въ виду водворять именно ихъ.

По предполагаемому законопроекту, въ наиболѣе удобныхъ для переселенія раіонахъ земли будутъ продаваться участками по 75 десятинъ.

Въ отдаленной Сибири, въ Туркестанѣ будутъ насаждаться хуторяне и, разумѣется, истинно-русскіе, а не инородцы и, кромѣ того, истинно православные, а не сектанты. Такимъ образомъ будетъ насаждаться не только хуторское хозяйство, но и правовѣріе.

———

Человѣкъ удивительно выносливъ и живучъ. Кажется, какихъ только экспериментовъ надъ нимъ не дѣлается—и все-таки онъ „живетъ, размножается и населяетъ землю“. Послѣдній экспериментъ — насажденіе новыхъ „помѣщиковъ“—сопровождается не только обезземеленіемъ сотенъ тысячъ и милліоновъ крестьянъ, но и разореніемъ, голодомъ, болѣзнями и вымираніемъ. Голодъ или—на оффиціальномъ языкѣ—„недородъ“ сталъ обычнымъ явленіемъ нашей деревни. Дѣлается, кажется, все, чтобы доказать, что есть граница и человѣческой выносливости, и, тѣмъ не менѣе, все какъ-будто благополучно: деревня какъ-то существуетъ, а думское большинство—современные законодатели повидимому, даже чувствуютъ себя героями и постоянно говорятъ о своей „плодотворной“ работѣ.

И, тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, несмотря на то, что новыя соціальныя отношенія въ деревнѣ такъ тяжело отзываются на массѣ крестьянъ, нужно ожидать значительнаго экономическаго прогресса въ сельскомъ хозяйствѣ и оздоровленія той затхлой общественной атмосферы, которая создалась за послѣдніе годы. Теперешніе „шатуны“, по крайней мѣрѣ, часть изъ изъ нихъ, въ концѣ концовъ, проникнутъ въ индустрію и

увеличатъ рабочую армію; „хозяйственные мужички“, устроившись на своемъ отрубѣ, все сильнѣе и сильнѣе будутъ чувствовать несоотвѣтствія своего правового положенія съ положеніемъ экономическимъ. Экономическое развитіе приведетъ, въ концѣ концовъ, къ устраненію условій, при которыхъ возможны эксперименты надъ обществомъ, требующіе сотенъ тысячъ жертвъ. Но „пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ“. Плохое утѣшеніе для современниковъ быть только удобреніемъ для будущихъ всходовъ, быть только полоскою, по которой пройдетъ человѣчество къ лучшему будущему...

П. Масловъ.

ДѢЛЬЦЫ И ДѢЯТЕЛИ.

Всего какихъ-нибудь десять лѣтъ тому назадъ, въ до-конституціонной Россіи, межа между общественными дѣятелями и промышленными дѣльцами была проведена особенно глубоко и ясно.

Дѣльцы финансоваго и промышленнаго міра сторонились отъ міра политики и общественной дѣятельности, а общественные и политическіе дѣятели стояли на другомъ берегу. Между этими двумя мірами былъ широкій и глубокій водораздѣлъ.

Среди тѣхъ пестрыхъ обстоятельствъ историческаго времени и мѣста, которыя вызвали обособленіе этихъ двухъ міровъ, главное значеніе принадлежитъ отсталости нашей буржуазіи.

На Западѣ роль творца новыхъ конституціонныхъ формъ жизни, роль борца за нихъ выпала на долю буржуазіи. Ставши экономически богатой, она захотѣла быть и политически властной. И изъ ея рядовъ выходитъ рядъ крупныхъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей. Крупные купцы и фабриканты принимаютъ дѣятельнѣйшее участіе въ политической жизни, видные политики и видные дѣльцы сливаются въ одномъ лицѣ.

Даже въ Германіи, отставшей въ этомъ отношеніи отъ Франціи и Англіи, мы въ сороковыхъ годахъ находимъ тузовъ финансоваго и промышленнаго міра въ первыхъ рядахъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей. Извѣстно, какую видную политическую роль играли въ до-конституціонное время и въ періодъ конституціоннаго формированія крупные рейнскіе промышленники Германіи.

Совершенно иначе складываются отношенія у насъ, въ Россіи. До послѣдняго десятилѣтія представители буржуазіи, не порывавшіе своей связи съ дѣлечествомъ, выступали, какъ крупные политическіе и общественные дѣятели лишь въ видѣ исключенія. Наши общественные и политическіе дѣятели выходили, главнымъ образомъ, изъ рядовъ разночинцевъ, „третьяго элемента“ и дворянства.

Люди промышленнаго дѣла сторонились политики. Отчасти по тому, что исторически у нихъ атрофировались полити-

ческіе инстинкты, отчасти изъ исторически пріобрѣтенной боязни: „не нажить бы намъ хлопотъ."

Въ ту эпоху во всякомъ вмѣшательствѣ въ политику, хотя бы со стороны богатыхъ классовъ и хотя бы съ умѣреннѣйшими политическими цѣлями, русское правительство видѣло дерзкое вмѣшательство не въ свое, а въ правительственное дѣло.

Полное и абсолютное воздержаніе отъ всякой политической и общественной дѣятельности считалось необходимымъ для „ограниченнаго ума подданныхъ."

И не желая навлекать на себя гнѣва правительства, избѣгая непріятностей, наша буржуазія, воспитанная въ страхѣ правительственномъ, бѣжала отъ политики, какъ отъ огня. Дѣльцы финансоваго и промышленнаго міра знали, что ради процвѣтанія и даже цѣлости ихъ предпріятій они должны всячески избѣгать вмѣшательства въ область общественно-политической дѣятельности.

И этой заповѣди они твердо слѣдовали.

Съ наступленіемъ „конституціонной" эры положеніе сильно измѣнилось. Уже „смута" соблазнила многихъ крупныхъ представителей торгово-промышленнаго міра и втянула ихъ въ политику. Въ освободительные дни многіе крупные коммерсанты и фабриканты принимали дѣятельное участіе на авансценѣ оппозиціонныхъ выступленій и порой даже въ тылу революціоннаго движенія. Съ объявленіемъ же конституціи и началомъ успокоительнаго періода весь оппозиціонный пылъ красныхъ фабрикантовъ и коммерсантовъ, хотя и быстро выдыхается, но сильно измѣнившіяся общія условія и, главное, рѣзко измѣнившаяся политика правительства сразу сближаютъ міръ оффиціальной политики и міръ дѣлечества.

Если въ до-конституціонное время правительство, какъ мы отмѣтили, твердо придерживалось по отношенію ко всѣмъ подданнымъ безъ различія состоянія правила, энергично и ясно сформулированнаго Успенскимъ: „не суйся!"—то теперь времена перемѣнились. Правительство съ учрежденіемъ Госуд. Думы должно было выступать уже не политическимъ солистомъ, на чемъ оно прежде настаивало, а съ хоромъ общественнаго мнѣнія. Хоръ этотъ надо было набрать изъ состоятельныхъ элементовъ. Они должны были поставить надежныхъ политическихъ хористовъ.

И пришлось правительству замѣнить старое „не суйся!" призывомъ сплотиться около правительства и составить хоръ правительственныхъ дѣйствій. Для этой цѣли надо было объявить политическую мобилизацію. Это, конечно, была не всеобщая политическая повинность. Мобилизація объявлена была лишь экономически состоятельнымъ элементамъ.

И эти элементы откликнулись на правительственный призывъ. Политикой начали заниматься богатые слои. Изъ ихъ рядовъ стали выходить видные общественные и политическіе дѣятели.

На этомъ пути и на этой почвѣ начала у насъ сплетаться и спутываться та связь между дѣлечествомъ и политикой, которой мы посвящаемъ эту статью.

Объявивъ политическую мобилизацію богатыхъ и экономически сильныхъ слоевъ, правительство сразу открыло

широкій доступъ въ политику различнымъ крупнымъ дѣльцамъ.

Эти крупные дѣльцы сплошь и рядомъ занялись политической дѣятельностью ради того, чтобы заслужить благоволеніе правительства, завязать крупныя связи и съ помощью всего этого расширить свои аферы и нажить состояніе.

Лихорадка обдѣлыванія крупныхъ коммерческихъ затѣй при помощи „политики", наживанія состоянія путемъ политическихъ комбинацій охватываетъ цѣлыя группы дѣльцовъ. Они начинаютъ видѣть въ политикѣ средство нажить состояніе и устроить грандіозныя коммерческія дѣла. Конечно, третья Дума заражается въ лицѣ многихъ октябристовъ и націоналистовъ этой лихорадкой дѣлечества съ помощью политики.

Цѣлый рядъ видныхъ октябристскихъ и націоналистскихъ депутатовъ начинаетъ соединять званіе депутата со званіемъ участника крупныхъ промышленныхъ предпріятій, банковскихъ заправилъ и т. д. Вліятельные депутаты думскаго большинства начинаютъ усердно приглашаться въ правленія крупныхъ банковъ и акціонерныхъ обществъ, въ особенности тѣхъ, которымъ приходится имѣть дѣло съ казенными заказами и домогаться какихъ-либо концессій, субсидій, гарантій и т. д. Уже болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ на это явленіе обратилъ вниманіе журналъ „Голосъ Промышленности".

«Видные члены нашего представительнаго правленія,—писалъ онъ,— приглашаются то въ одно, то въ другое учрежденіе для оздоровленія. Г. Гучковъ приглашенъ въ учетный банкъ; Хвощинскій—въ товарищество вагоностроительныхъ заводовъ, по указанію частнаго банка".

„Думаемъ—продолжалъ, „Голосъ Промышленности",—что какъ дѣятели, занятые въ Госуд. Думѣ, несущіе отвѣтственную роль въ нѣкоторомъ родѣ лидеровъ, они едва ли могутъ удѣлить время, необходимое для использованія даже ихъ полезныхъ для дѣла силъ. Зачѣмъ же они приглашаются? Вѣдь, частныя учрежденія не любятъ давать крупныя вознагражденія тѣмъ своимъ членамъ администраціи, которые не были бы полезны для дѣла. На какую же производительную работу этихъ членовъ Думы разсчитываютъ приглашающія ихъ общества? На ихъ вліянія, какъ членовъ Думы? На ихъ связи и значеніе при проведеніи въ жизнь различныхъ финансовыхъ комбинацій?» (См. «Голосъ Промышленности», 1909 г. № 1).

Всѣ эти вопросительные знаки экономическаго органа, конечно, очень наивны. Тутъ подобаютъ знаки восклицательные, а не вопросительные. Дѣло ясно, какъ Божій день. Стоитъ кому-либо стать виднымъ депутатомъ большинства, пріобрѣсти въ сферахъ большой политическій вѣсъ—и ему со всѣхъ сторонъ начинаютъ дѣлать соблазнительнѣйшія предложенія о вступленіи въ правленіе банка или крупнаго акціонернаго общества, съ огромнымъ окладомъ.

Дѣло тутъ, конечно же, не въ новоявленныхъ дѣловыхъ талантахъ, которые заставляютъ крупныя коммерческія предпріятія такъ настойчиво привлекать крупныхъ депутатовъ большинства. Не

ради этихъ миѳическихъ талантовъ привлекаютъ въ правленія банковъ и акціонерныхъ обществъ депутатовъ—націоналистовъ и октябристовъ.

Сплошь и рядомъ эти мѣста съ жирными окладами служатъ простою синекурою. Депутаты лишь для проформы иногда заглядываютъ въ тѣ банки и предпріятія, гдѣ они числятся членами правленія. Да отъ нихъ не ждутъ и не требуютъ коммерческихъ трудовъ и талантовъ. Всѣмъ ясно, что здѣсь пускаются въ коммерческій оборотъ политическія связи этихъ депутатовъ, что на коммерческихъ вѣсахъ учитывается ихъ удѣльный политическій вѣсъ.

Здѣсь-то мы и подходимъ къ самой сердцевинѣ вопроса о смѣшеніи политической дѣятельности съ коммерческимъ дѣлечествомъ.

Политическія связи стали высоко котироваться на русскомъ коммерческомъ рынкѣ.

И это, конечно, вполнѣ естественно. Съ помощью хорошихъ политическихъ связей у насъ можно дѣлать блестящія промышленныя дѣла. Для этого сплошь и рядомъ достаточно пустить въ оборотъ лишь свои политическія связи.

За оказываемую ему политическую услугу, политическую поддержку правительство всегда готово отплатить экономической услугой, экономической поддержкой. И, напр., депутаты—націоналисты и октябристы, играющіе" роль хора при выступленіяхъ правительства, всегда могутъ надѣяться, что ихъ экономическія дѣла и затѣи будутъ поддержаны всею огромною силою правительства.

Кадетскій депутатъ Головинъ, увлекшись желѣзнодорожными концессіями и отдавъ имъ предпочтеніе передъ думскою дѣятельностью, сложилъ съ себя званіе депутата, находя ненормальнымъ и неудобнымъ подобное совмѣстительство званія депутата съ занятіемъ концессіями.

Но множество депутатовъ думскаго большинства не только не видятъ ничего зазорнаго въ подобномъ совмѣстительствѣ, но даже пользуются своимъ званіемъ депутата, чтобы лучше и шире обдѣлывать свои коммерческія дѣла.

Благодаря этому растетъ и ширится участіе политиковъ въ дѣлечествѣ и дѣльцовъ въ политикѣ, появляется все большая тьма охотниковъ смѣшивать два эти ремесла...

Если въ старое до-конституціонное время для спокойствія души и кармана требовалось полное политическое воздержаніе, полное невмѣшательство въ политическую дѣятельность, то теперь, при объявленной политической мобилизаціи всѣхъ благомыслящихъ, необходимо, наоборотъ, извѣстное политическое оказательство, извѣстный политическій формуляръ, чтобы заслужить экономическое благоволеніе правительства.

Теперь больше, чѣмъ когда-либо, господствуетъ теорія и практика, что богатство должно раздаваться правительствомъ лишь въ награду за благонравіе въ политическомъ поведеніи.

Когда уже болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ пишущій эти строки въ другомъ мѣстѣ указалъ на то, что третья Дума насаждаетъ у насъ панамистскіе нравы, пріучая и поощряя къ нездоровому совмѣстительству званія депутата со званіемъ

дѣльца, то октябристскій „Голосъ Москвы" чрезвычайно обидѣлся за октябристскихъ депутатовъ и, безсильный отрицать указанные мною тогда факты, придумалъ имъ такое объясненіе: видныхъ октябристскихъ депутатовъ такъ нарасхватъ приглашаютъ въ правленія банковъ и акціонерныхъ компаній потому, что все это—люди талантливые, умные и знающіе.

За эти два года накопилось достаточно новыхъ и выразительныхъ фактовъ, показывающихъ, что тутъ дѣло не въ умѣ, не въ талантахъ и не въ знаніи, а въ депутатскомъ званіи.

Октябристскій дѣлецъ, совмѣщающій званіе депутата со званіемъ дѣльца, на вопросъ: благодаря чему же это онъ, „безсиленъ бывши такъ и малъ" неожиданно „въ случай попалъ",—долженъ былъ бы отвѣтить, какъ отвѣтилъ на тотъ же вопросъ Жужу въ баснѣ Крылова:

Чѣмъ служишь ты?—«Чѣмъ служишь?
Вотъ прекрасно!» —
Съ нашмѣшкой отвѣчалъ Жужу:—
«На заднихъ лапкахъ я хожу».

Октябристскіе и націоналистскіе Жужу, попавшіе «въ случай», сплошь и рядомъ добиваются и получаютъ за свою политическую угодливость экономическій эквивалентъ.

Кн. Мещерскій сообщаетъ со словъ компетентнаго лица:

«Дѣло въ томъ, что въ эту партію (націоналистовъ) полѣзли люди, ничего общаго съ любовью къ родинѣ не имѣющіе, разные гешефтмахеры и, съ позволенія сказать, проходимцы, которые знаютъ, что въ оффиціальныхъ сферахъ націоналисты, при благосклонной протекціи октябристовъ, пользуются милостивымъ вниманіемъ и, благодаря этому, не брезгуютъ подчасъ и грязными дѣлишками. Проѣзжая въ вагонѣ почти всю Россію, пришлось наслушаться отъ разныхъ вполнѣ порядочныхъ и заслуживающихъ довѣрія лицъ такихъ вещей, что съ ужасомъ приходилось сходиться въ сознаніи печальной истины, что въ дореформенное время безобразія такъ открыто не творились.

«Оказывается, что націоналисты и октябристы Государственной Думы имѣютъ свободный доступъ во всѣ министерства и даже къ инымъ министрамъ, достигая того, что всякая ихъ просьба и всякая жалоба ихъ безъ провѣрки и безъ изслѣдованія удовлетворяются немедленно. Мало того, что они подсовываютъ своихъ протеже въ разныя вѣдомства и доносами дискредитируютъ должностныхъ лицъ, которыя ихъ капризамъ не потворствуютъ, но принимаютъ на себя, за приличную мзду, хлопоты, напр., о разрѣшеніи новой линіи желѣзной дороги, особливо когда она явно невыгодна для казны. И назывались имена членовъ Думы изъ націоналистовъ, которые прямо и открыто торгуютъ гешефтами и комиссіями». («Гражданинъ», отъ 18-го іюля 1910 г.)

Объясняется это явленіе тѣмъ, что у насъ теперь больше, чѣмъ когда-либо, экономическая жизнь отдана подъ гласный и негласный надзоръ политики. Политика вмѣшивается во всѣ отрасли хозяйственной жизни. Поскольку возможно, она стремится и на область экономической жизни распространить по-

ложеніе объ усиленной охранѣ, исключительномъ положеніи и т. д.

Нашей оффиціальной политикѣ всегда было присуще качество газовъ—стремленіе къ расширенію, къ заполненію всего пространства. Политика у насъ проникаетъ всѣ области. Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдомствѣ котораго находится эта политика, стремится подчинить себѣ всѣ другія вѣдомства, не исключая и министерства финансовъ.

Въ наши дни это стремленіе не только не ослабло, но возросло въ небывалой степени. Знаменитый Столыпинскій проектъ націонализаціи кредита и торговли явился лишь махровымъ проявленіемъ стремленія подчинить хозяйственную жизнь страны указамъ политики.

На этой почвѣ неизбѣжно должно будетъ зародиться и неизбѣжно будетъ широко разростаться смѣшеніе политической дѣятельности съ дѣлечествомъ.

Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ громадную экономическую власть, разсматривая пріобрѣтеніе богатствъ, какъ награду за политическое благонравіе, правительство этимъ толкаетъ дѣльцовъ на путь исканія политическихъ связей и пріобрѣтенія политическаго вѣса, а людей, этими связями и этимъ вѣсомъ располагающихъ,—на путь самостоятельнаго дѣлечества или полученія за свои связи и свой политическій вѣсъ крупнаго экономическаго эквивалента.

Для крупныхъ сдѣлокъ по продажѣ и покупкѣ земли, по полученію концессій, по постройкѣ дорогъ, по полученію ссудъ, и т. д., и т. д. политическія „связи" играютъ у насъ огромную экономическую роль. Съ помощью этихъ связей дѣлаются легкими и быстрыми такія сдѣлки, которыя при отсутствіи связей были бы просто невозможны.

Мы не говоримъ уже о томъ, что отъ цѣлаго ряда земельныхъ и финансовыхъ сдѣлокъ отстранены элементы, не удовлетворяющіе националистическому цензу,—поляки и, въ особенности, евреи. Для нихъ цѣлыя обширныя отрасли хозяйственной дѣятельности являются заповѣдными. Но и въ средѣ исконно-русскаго населенія далеко не всѣмъ открытъ безпрепятственный доступъ къ отраслямъ народнаго и государственнаго хозяйства.

Какъ въ области землевладѣнія, такъ и въ области государственнаго хозяйства для того, чтобы получить въ свои руки крупныя дѣла, надо сплошь и рядомъ „предъявить" или большія политическія связи, или же проявить громкое патріотическое поведеніе, которое будетъ начальствомъ замѣчено и вознаграждено.

Остановимся на свѣжей иллюстраціи. Теперь въ финансовыхъ и экономическихъ кругахъ усердно обсуждается вопросъ о проведеніи новой обширной желѣзнодорожной линіи Москва—Сибирь. Существуютъ два проекта. Одинъ предполагаетъ провести дорогу черезъ Казань, другой черезъ Нижній. Сторонники обоихъ этихъ проектовъ представили правительству подробные разсчеты, подсчеты, цифровыя данныя, отзывы и т. д. Купеческія и промышленныя общества, мѣстное населеніе и т. д. въ свою очередь представили докладныя записки, мнѣнія, заключенія, разсчеты. Прави-

тельственные чиновники въ свою очередь собрали богатый матеріалъ. Осталось бы, кажется, разобраться во всемъ этомъ богатѣйшемъ матеріалѣ и путемъ его изслѣдованія рѣшить вопросъ, какое направленіе болѣе раціонально, болѣе соотвѣтствуетъ интересамъ мѣстнаго населенія и государства.

И энергія концессіонеровъ должна была бы ожесточенной конкурренціей направиться къ тому, чтобы сдѣлать свою магистраль болѣе выгодной, нужной и потому болѣе пріемлемой. Но—увы!—у насъ дѣлечество такъ переплелось съ политикой, что вопросъ о направленіи той или иной желѣзнодорожной вѣтки сразу принялъ ярко выраженный политическій характеръ. Сторонники казанскаго проекта тотчасъ же окрасились въ защитный націоналистическій цвѣтъ и своихъ экономическихъ конкуррентовъ стали обвинять въ отсутствіи политическаго національзма. Такъ какъ во главѣ московскаго проекта стоитъ г. Головинъ, то московскій проектъ былъ названъ „кадетскимъ". И въ качествѣ „кадетскаго" онъ былъ политически опороченъ въ глазахъ правительства, и на этомъ политическомъ пути стремятся уничтожить московскаго конкуррента.

Картина получается въ достаточной степени нелѣпая—вопросъ о преимуществахъ или недостаткахъ того или иного желѣзнодорожнаго проекта начинаетъ разсматриваться и рѣшаться съ точки зрѣнія политической окраски стоящихъ во главѣ проектовъ лицъ! Чисто коммерческіе желѣзнодорожные проекты получаютъ кличку „кадетскаго" или „націоналистическаго" въ зависимости отъ того, стоитъ ли во главѣ кадетъ, или націоналистъ.

И преферансъ отдается, конечно, націоналисту.

Этотъ преферансъ, отдаваемый чисто экономическимъ предпріятіямъ, во главѣ которыхъ стоятъ политически покровительствуемыя лица, направляетъ энергію жаждущихъ обогащенія дѣльцовъ въ сторону политическаго оказательства.

Дѣльцы, мечтающіе о наживѣ, угадывая моментъ, стремятся во что бы то ни стало грубо, аляповато выдвинуть, выкрикнуть свой патріотизмъ, чтобы попасть на хорошій политическій счетъ у правительства и этимъ заслужить добрую концессію, подрядъ или ссуду.

И въ своихъ разсчетахъ они не ошибаются. Все прочнѣе складывается освѣщающая и руководящая практикой теорія, что крупныя промышленныя дѣла должны быть сосредоточены въ рукахъ политическихъ сторонниковъ правительственнаго курса.

Кодификаторъ нашей реакціи, М. Меньшиковъ, по поводу уже упомянутыхъ двухъ проектовъ новой желѣзнодорожной линіи развилъ цѣлую теорію о необходимости лишать экономической благодати всѣхъ лицъ, не заслужившихъ этого своимъ громкимъ націоналистическимъ поведеніемъ.

„До сихъ поръ, — писалъ Меньшиковъ,—при разрѣшеніи концессіи требовались разныя данныя: техническія изысканія и разсчеты, доказательства полезности проектируемаго пути, финансовая солидность предпринимателей, т.е. способность ихъ собрать необходимый капиталъ. Мнѣ кажется, правн-

тельству пора вникнуть и въ морально-политическій цензъ концессіонеровъ (курсивъ мой). Нельзя отдавать государственные пути въ руки представителей нелегальныхъ партій, нельзя давать имъ средства подъ предлогомъ проведенія дороги, устраивать обширнѣйшую еврейско-польскую колонію. Нельзя сдавать врагамъ исключительно важныя въ странѣ позиціи. Нельзя поддерживать капиталъ, хотя бы московскій, ведущій войну съ государствомъ". („Нов. Вр." отъ 19 апр. 1910 г.).

Достаточно было московскимъ купцамъ и промышленникамъ выступить съ извѣстнымъ протестомъ противъ разгрома московскаго университета, чтобы Меньшиковъ и правыя газеты потребовали „лишенія живота" всѣхъ московскихъ фабрикантовъ, жестокой экономической экзекуціи надъ ними вплоть—какъ этого потребовало „Рус. Зн.",—до отобранія у нихъ фабрикъ и заводовъ.

Мы присутствуемъ, такимъ образомъ, при второмъ историческомъ пришествіи, при возвратной горячкѣ фаворитизма. Празднуютъ свое историческое воскресеніе государственные принципы временъ Потемкина, Бирона и прочихъ временщиковъ. Громко раздается требованіе, чтобы правительство принялось экономически казнить и миловать цѣлыя отрасли предпріятій и цѣлыя соціальныя группы въ зависимости отъ ихъ политическаго поведенія. Изъ словъ Меньшикова видно, что на національизаціи торговли и промышленности нынѣшніе „патріоты своего кармана" не остановятся. Отъ національизаціи экономической жизни, т. е. „лишенія живота инородцевъ, они переходятъ, такъ сказать, къ черносотизаціи промышленности и торговли, т. е. лишенію экономической благодати всѣхъ инакомыслящихъ. Меньшиковъ требуетъ экономической экзекуціи надъ ослушнымъ капиталомъ „даже московскимъ".

И патріоты все нетерпѣливѣе требуютъ, чтобы правительство отъ уже заявленнаго по вѣдомству экономики націоналистическаго „а" перешло къ черносотенному „б".

На этой почвѣ создалась и, можно сказать съ каждымъ днемъ разростается практика широкаго и безоглядproperly смѣшенія дѣлечества съ общественною и политическою дѣятельностью.

Дѣльцы, которые не имѣютъ никакого внутренняго влеченія, никакого безкорыстнаго интереса къ общественой или политической дѣятельности, которымъ вполнѣ и исключительно наплевать на всякіе общественно-политическіе вопросы, бросаются въ политику, шумятъ и подчеркиваютъ свой націонализмъ съ исключительною цѣлью этимъ ключемъ открыть себѣ доступъ къ государственнымъ предпріятіямъ.

Съ другой стороны, общественные и политическіе дѣятели, крупные бюрократы, зная, какъ теперь высоко котируются на экономическомъ рынкѣ политическія связи и политическое „положеніе", пускаютъ и первыя, и второе въ экономическій оборотъ.

Эти два теченія все болѣе стираютъ границу между политиками и дѣльцами, все больше сливаютъ ихъ.

Освѣдомленный по части бюрократиче-

скихъ вліяній и настроеній г. Рославлевъ пишетъ въ „С. Петер. Вѣд.":

„Наше желѣзнодорожное строительство въ значительной степени тормозится вмѣшательствомъ въ эту область соображеній національно-политическихъ и узко-стратегическихъ. За послѣдній годъ, изъ множества разсматривавшихся проектовъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, удалось осуществить лишь самое незначительное количество. Новая Подольская ж. д. разрѣшена была къ постройкѣ лишь потому, что иниціаторомъ ея явился могущественный гр. Потоцкій, обласканный премьеромъ. Но и здѣсь, уже послѣ открытія дѣйствій новаго общества и выбора предсѣдателя правленія изъ уважаемыхъ инженеровъ, послѣдовалъ конфликтъ, едва не погубившій все предпріятіе.

«Министръ п. сообщенія, извѣстный своими націоналистическими тенденціями, потребовалъ удаленія вновь избраннаго предсѣдателя-католика и замѣны его православнымъ.

«И вотъ, хотя этого предсѣдателя горячо желала финансовая группа, хотя онъ и занимаетъ отвѣтственный постъ на казенной службѣ и пользуется полнымъ довѣріемъ начальства, его, подъ угрозами министра-патріота, пришлось удалить. Почти всѣ разсматривавшіеся въ совѣтѣ министровъ проекты новыхъ жел. дорогъ встрѣтили тамъ разногласія, основанныя не на экономическихъ, а на постороннихъ соображеніяхъ: продолжается борьба за направленіе верхневолжскихъ путей, гдѣ министерство внутреннихъ дѣлъ отстаиваетъ интересы земствъ и крупныхъ землевладѣльцевъ; продолжается крупное недоразумѣніе съ Южно-Сибирской дорогой, завѣдомо убыточной, но необходимой министерству внутреннихъ дѣлъ въ цѣляхъ переселенія; продолжается грандіозный бой за направленіе Волжско-Уральской дороги, лучшее и кратчайшее направленіе которой оказалось въ рукахъ бывшаго предсѣдателя Госуд. Думы Головина и поэтому, въ качествѣ „кадетскаго проекта", бракуется министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Словомъ, политика играетъ во всю въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ" („С.-Пет. Вѣд." отъ 1-го іюня 1911 г.)

Тотъ же Рославлевъ разсказываетъ, какъ ограничительные законы для лицъ, пріобрѣтающихъ имѣнія въ Запад. краѣ, породили своеобразныхъ помѣщиковъ, которые воистину не сѣютъ и не жнутъ, а наживаютъ громадныя имѣнія исключительно тѣмъ, что отдаютъ напрокатъ свои сановныя имена, на которыя и покупаютъ имѣнія лица, не имѣющія права купить на собственное имя.

Сановныя лица и лица со связями не брезгуютъ выступать въ роли подставныхъ лицъ при земельныхъ покупкахъ, при хлопотахъ о кредитѣ, при оцѣнкѣ въ банкѣ земель и т. д. Они пускаютъ въ ходъ свои связи, отдаютъ въ экономическій оборотъ свое имя и этою своеобразною отдачею въ наемъ своего имени наживаютъ крупныя состоянія.

„Къ сановнику или чиновнику,—разсказываетъ А. Рославлевъ,—имѣющимъ „связи", является комиссіонеръ и предлагаетъ имѣніе „даромъ" (иногда даже на купчую не нужно). Въ имѣніи—лѣсъ, много земли. На лѣсъ уже есть поку-

патели, землю купятъ крестьяне. Задаткомъ за лѣсорубочный договоръ оплачиваются всѣ расходы по покупкѣ и доплата къ долгу банка. А „парцелляція" имѣнія, которую обыкновенно ведетъ комиссіонеръ, оплачиваетъ долгъ банку. Послѣ такой ликвидаціи остается очищенный отъ долговъ центръ имѣнія (иногда въ нѣсколько тысячъ десятинъ); онъ-то и служитъ преміей за „связи". А связи надо имѣть обширныя: прежде всего въ банкѣ (Дворянскомъ и Крестьянскомъ), потомъ—въ лѣсоохранительномъ комитетѣ и, наконецъ, въ нѣдрахъ мѣстной администраціи. Такъ какъ мѣстнымъ губернаторамъ предоставлено дискреціонное право разрѣшать или не разрѣшать покупку земель въ Западномъ краѣ, то даже русское происхожденіе покупателя не вполнѣ гарантируетъ его отъ произвола администраціи: если у покупателя мать или жена—полька или если, по свѣдѣніямъ мѣстной полиціи, онъ „неблагонадеженъ", покупка имѣнія ему можетъ быть и не разрѣшена. На мѣстахъ имѣется цѣлая категорія лицъ, сдѣлавшихъ спеціальность изъ своей покупательской правоспособности. Такъ и говорятъ: «Иксъ, Игрекъ, Зетъ живутъ тѣмъ, что на ихъ имя покупаются имѣнія". Рославлевъ разсказываетъ далѣе, какъ съ помощью „связей" удается добиться совершенно фантастическихъ оцѣнокъ имѣній Крест. банкомъ и выдаваемыхъ подъ нихъ ссудъ:

„Еще въ эту зиму мнѣ случилось познакомиться съ оцѣнщикомъ одного изъ отдѣленій Крест. банка (Сѣв.-Зап. края), пріѣхавшимъ въ С.-Петербургъ спасать шкуру. Оказывается, тамъ одно высокопоставленное лицо имѣетъ много земель скупленныхъ для перепродажи крестьянамъ, а злосчастный оцѣнщикъ не соглашался оцѣнить въ 200 руб. земли, стоящія 100 руб. За это ему предложили выйти въ оставку...

„На моей памяти, безъ малѣйшей затраты (курсивъ мой. П. Б.), куплены большія имѣнія въ Западномъ краѣ многими сановниками, умершими и живыми. Въ Минской губ. пріобрѣтено такимъ образомъ имѣніе покойнымъ Т. Филипповымъ, въ Виленской—Максимовымъ и др." («С.-Пет. Вѣд.» отъ 1 января 1911 г.)

Не правда ли, читатель, какая выразительная картинка нашей націоналистической экономіи? Съ помощью связей, отдачи напрокатъ своего сановнаго имени у насъ наживаютъ громадныя имѣнія, съ помощью связей добиваются совершенно фантастическихъ оцѣнокъ и ссудъ.

Удивительно ли, что люди, воодушевленные лишь однимъ желаніемъ разбогатѣть, бросаются въ политику, стремятся выдвинуться на политическомъ поприщѣ, твердо помня завѣтъ—«симъ разбогатѣешь».

Дѣльцы становятся дѣятелями, отлично учитывая экономическую цѣну и цѣнность политическихъ связей и политическаго положенія.

Спасательный поясъ политическихъ связей не даетъ потонуть въ экономической конкурренціи. Кречинскіе нашихъ дней для того, чтобы у нихъ не „сорвалось", обзаводятся „связями" или людьми со связями—и это служитъ вѣрнымъ громоотводомъ.

И такъ поступаютъ не только отдѣльные дѣльцы, но и крупныя коммерческія учрежденія. Мы уже видѣли, какъ вліятельныхъ думскихъ депутатовъ ласково приглашаютъ въ правленія банковъ и всевозможныхъ акціонерныхъ обществъ.

Въ очень освѣдомленномъ по этому вопросу органѣ замоскворѣцкихъ Сіессовъ мы читаемъ: „Успѣшное сидѣніе чиновниковъ у кормила торгово-промышленныхъ дѣлъ натолкнуло сферы на возможность помѣщать своихъ людей въ большія коммерческія дѣла на значительные оклады въ видѣ наградъ за отличную и усердную службу въ томъ или иномъ вѣдомствѣ, которыя по роду своихъ дѣлъ болѣе всего соприкасаются съ экономическою жизнью страны. Отсюда и пошли во главѣ банковъ и акціонерныхъ предпріятій бывшіе посланники и даже министры, которымъ по старой памяти сферы не отказываютъ въ своемъ могущественномъ вліяніи, и мы видимъ, что предпріятія, въ составѣ правленія которыхъ имѣются сановники, нѣтъ-нѣтъ да и получатъ реализацію гарантированныхъ облигацій, концессій на желѣзную дорогу или оборудованіе порта“. („Утро Россіи“ отъ 19 октября 1910 г.).

Московская газета совершенно справедливо оцѣниваетъ экономическое вліяніе этой бюрократизаціи промышленности.

„Такая экономическая политика,—пишетъ „Утро Россіи“,—несомнѣнно, губительно вліяетъ на свободное развитіе самодѣятельности торгово-промышленнаго класса, и часто, вмѣсто того, чтобы энергично приняться при временныхъ затрудненіяхъ за возстановленіе или развитіе промышленныхъ дѣлъ, руководители ихъ также мечтаютъ залучить въ составъ правленія свадебнаго генерала, отчего могутъ проистечь великія и богатыя милости.“

Намѣчается и еще прелюбопытное явленіе—Госуд. Дума начинаетъ въ лицѣ своего большинства производить экономическія экзекуціи не только надъ политически ослушными депутатами, но даже надъ всею областью или соціальнымъ слоемъ, представителями которыхъ эти депутаты являются.

Чтобы не затягивать статьи и не перегружать ее цитатами, укажемъ на два характерныхъ факта этого рода.

—„Защитники интересовъ винокуровъ,—сообщали „Рус. Вѣд.“,—изъ группы центра и націоналистовъ страшно раздражены тѣмъ обстоятельствомъ, что Дума вчера отклонила законопроектъ о дополнительныхъ кредитахъ для винокуровъ. Особенно негодуютъ они на правыхъ депутатовъ. „Вѣдь, это значитъ не считаться съ требованіями закона!“—кричатъ они. „А вы,—язвятъ ихъ въ свою очередь правые,—зачѣмъ голосовали за формулу Милюкова о провокаціи? Сами себя высѣкли. Молчите лучше“. („Рус. Вѣд.“ 1910. № 281).

Такимъ образомъ депутаты большинства открыто признаютъ право производить экономическія экзекуціи надъ цѣлою соціальною группою, если ея представитель въ Думѣ осмѣлился смѣть свое сужденіе имѣть.

Приведемъ еще одинъ фактъ.

Видный депутатъ центра, представитель Ревеля, очень хлопоталъ о благополучномъ прохожденіи законопроекта объ улучшеніи и расширеніи ревельскаго

порта. Депутатъ принадлежалъ къ думскому большинству, располагалъ очень большими связями—и законопроектъ, такъ интересовавшій ревельцевъ, быстро совершалъ свое путешествіе по всѣмъ думскимъ инстанціямъ. Принятіе его казалось обезпеченнымъ. Была намѣчена ассигновка на улучшеніе ревельскаго порта въ 2½ мил. руб. Депутатъ поздравилъ ревельцевъ, ревельцы поздравили депутата.

Но вдругъ этотъ депутатъ центра выступилъ съ рѣчью противъ финляндскаго законопроекта—и тотчасъ же его оставляютъ въ наказаніе за неблагонравіе въ политическомъ поведеніи безъ законопроекта о расширеніи ревельскаго порта.

Сообщая этотъ фактъ, московское „Утро Россіи“ съ недоумѣніемъ писало:

„Это весьма неожиданное событіе озадачило торгово-промышленныя сферы, интересы которыхъ затронуты плачевнымъ состояніемъ ревельскаго порта.“ („Утро Россіи“. 1910. 13—VI.)

Факты, какъ видитъ читатель, крайне краснорѣчивые. Тутъ уже дѣло идетъ не объ отдѣльныхъ лицахъ и не объ администраціи, а о Госуд. Думѣ, которая экономически казнитъ и милуетъ цѣлые слои и округа за то или иное политическое поведеніе депутата.

„Если хочешь быть красивымъ, поступай въ гусары“ — острилъ, кажется, Кузьма Прутковъ.

Въ приложеніи къ занимающему насъ вопросу эту остроту можно видоизмѣнить въ политическую аксіому: „Если хочешь быть богатымъ, поступай въ націоналисты“.

Депутатъ-націоналистъ, если онъ сумѣетъ выдвинуться и никогда не позволитъ себѣ ослушаться большинства, можетъ разсчитывать не только себя, но всѣхъ родныхъ ему человѣчковъ обогатить.

Мы уже видѣли, что Госуд. Дума не только не искореняетъ это скверное совмѣстительство дѣльца и дѣятеля, но еще больше его укрѣпляетъ и расширяетъ.

П. Берлинъ.

АВГУСТЪ СТРИНДБЕРГЪ.

(Вмѣсто некролога).

Къ улицѣ Королевы (Друттнингъ-гатанъ) въ Стокгольмѣ были обращены въ началѣ этого мѣсяца взоры всего мыслящаго и чувствующаго человѣчества. На ней, въ 85 №, въ новомъ домѣ (постройки 1906—7 гг.) обыкновеннаго стиля „модернъ", на углу спокойной Теньéрсъ-гатанъ и проѣзда къ Теньéрсъ-лунденъ, уютному, тихому скверу, гдѣ подъ-вечеръ и въ полдень—время рекреаціи—играютъ дѣти, въ четвертомъ этажѣ помѣщается нѣкая квартира. Тамъ въ совершенномъ и по-истинѣ гордомъ одиночествѣ доживалъ послѣдніе дни послѣдній великій писатель, одинокая и по-истинѣ совершенная гордость Швеціи,—Августъ Стриндбергъ.

Въ одиночествѣ. До послѣднихъ дней, кромѣ старой, преданной Мины, служанки, съ больнымъ не былъ никто. Днемъ приходилъ къ нему д-ръ фонъ-Фильпъ, его зять, единственный врачъ, съ которымъ Стриндбергъ хотѣлъ имѣть дѣло; днемъ приходили къ нему на полчаса его дочери; а въ остальное время писатель одинъ-на-одинъ велъ свою титаническую борьбу съ безпощаднымъ противникомъ — страшной болѣзнью—ракомъ въ пищеводѣ. Онъ былъ одинъ, когда, приподнявшись на постели и приказавъ придвинуть къ ней рояль, наполнилъ комнату величественными звуками траурнаго марша, слышавшагося на утопающемъ „Титаникѣ" до послѣднихъ секундъ его дыханія—„Nearer to God". Онъ, въ „Черныхъ Знаменахъ" подобравшій такую, казалось, ненаучную коллекцію массовыхъ бѣдствій въ связи съ днями солнечныхъ затменій, увидѣлъ въ самомъ концѣ своей жизни новое, можетъ быть, снова кажущееся, но, во всякомъ случаѣ, самое разительное явленіе такой связи. Солнечному затменію 4 (17) апрѣля предшествовала въ ночь гибель „Титаника" и это же затменіе сопровождало днемъ избіеніе на Ленѣ...

Онъ былъ одинъ—въ обществѣ служанки—когда приказалъ ей прочесть все, что пишутъ о его здоровьи. Стриндбергъ приказалъ,—онъ умѣетъ хотѣть,—не могло быть и рѣчи о неисполненіи его желанія. Стриндбергъ услышалъ: „Силы больного истощены до крайности. Надежды нѣтъ; смерть ожидается со дня на день".

Таковы были тѣ бюллетени, которыя изо-дня въ день давались всѣми газетами Швеціи и Финляндіи, отъ консервативнѣйшихъ „Отечествъ" до „Social-Democraten". Всѣми, кромѣ развѣ его

врага — шведскаго „Новаго Времени“— „Svenska Dagblatt“, не писавшаго ничего. Рѣчь шла о дняхъ, всѣ знали это; и все-таки облегченно вздыхали, когда подъ вліяніемъ прокола опухоли (ракъ былъ соединенъ съ водянкой) Стриндберга днемъ освѣжилъ подкрѣпляющій сонъ, и онъ вдыхалъ свѣжій воздухъ черезъ открытую на балконъ дверь, или когда онъ могъ проглотить, кромѣ молока, выписанный изъ Гельсингфорса русскій бульонъ.

Послѣдніе пять—шесть дней больной не могъ принимать и молока...

Такъ медленно, шагъ за шагомъ, завоевывала смерть свою новую, свою великую жертву. И въ этомъ смыслѣ, не скрывая истины, безстрашный д-ръ фонъ-Фильпъ, въ январѣ спасшій приговореннаго къ смерти тестя, ежедневно давалъ свѣдѣнія во всѣ газеты.

Но незадолго до перваго мая всѣ газеты имѣли возможность ввести еще одну рубрику: „Стриндбергъ и Ранфтъ“. Ранфтъ—директоръ нѣскольких стокгольмскихъ театровъ, лицо всемогущее въ театральномъ мірѣ города. Пьеса, о которой шелъ споръ между поэтомъ и антрепренеромъ, называется „Густавъ Адольфъ“. Эта вещь написана двѣнадцать лѣтъ назадъ, вскорѣ послѣ „Ада“. Самъ Стриндбергъ говоритъ о ней, какъ о свѣтѣ послѣ мрака, какъ о своихъ воскресшихъ вѣрѣ, надеждѣ и любви. Самъ Стриндбергъ сравниваетъ „Густава Адольфа“ съ „Натаномъ Мудрымъ“. Послѣ его смерти (онъ хорошо сознавалъ это), въ дни олимпійскихъ игръ, въ іюнѣ, на аренѣ стокгольмскаго цирка въ Дьюргорденъ (Тиргартенъ) будетъ торжественно поставлена эта глубокая и волнующая, какъ всѣ творенья Стриндберга, а для Швеціи имѣющая, быть можетъ, больше значенія, чѣмъ всѣ другія, драма поэта. Стриндбергъ зналъ, что онъ не увидитъ этой постановки; но онъ видѣлъ ее впередъ, заранѣе, внутренними очами. И на смертномъ одрѣ вникалъ онъ во всѣ ея подробности. За двѣ недѣли до смерти Стриндбергъ телеграфируетъ Ранфту— и всѣ газеты обѣгаетъ эта маленькая, но такая выразительная телеграмма: «Ты не погубишь насъ,—мы, вѣдь, тоже люди. Веннерстенъ (директоръ Театра Народнаго Дома, взявшій на себя эту постановку) рисковалъ деньгами, а я опять и еще разъ слегъ за безплодной работой надъ прохожденіемъ съ нимъ (Arehn — артистомъ Арэномъ) главной роли и надъ постановкою. И все даромъ. Скажи же „да“ на это мое, можетъ быть, послѣднее желаніе. Августъ Стриндбергъ“.

Отъ Ранфта зависитъ отпускъ Арэна, нынѣ числящагося въ одной изъ его труппъ, для игры съ труппою Веннерстена. Къ чести Ранфта надо сказать, что послѣднее желаніе Стриндберга онъ обѣщалъ исполнить...

Послѣднее желаніе...

Мнѣ говорилъ г. Смирновъ, мужъ старшей дочери Стриндберга, лекторъ и библіотекарь Гельсингфорсскаго университета, объ этихъ послѣднихъ заботахъ и желаніяхъ Стриндберга. Когда, ровно за три недѣли до смерти тестя, онъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ и увидѣлъ больного,—г. Смирновъ поразился духовной мощи умирающаго. Съ

такими силами, даже при этой болѣзни, показалось ему, живутъ мѣсяцы. Августъ Стриндбергъ ни разу не пожаловался на боль, ни разу не сказалъ, какъ обыкновенный больной, какъ обыкновенный умирающій: „Какая погода! Какъ грустно уходить въ весенніе дни, какъ жалко покидать землю“.

Тихимъ голосомъ—въ самые послѣдніе дни этотъ голосъ, становясь все тише, совсѣмъ покинулъ его—привѣтливо и ласково совѣтовалъ, какъ и гдѣ гостямъ его развлекаться по вечерамъ, какіе театры стоитъ посѣщать и какъ посѣщать, чтобы не замѣтили глубокаго траура, въ которомъ обѣ его старшія дочери: Каринъ, жена г. Смирнова, и Грета фонъ-Фильпъ, артистка нынѣ Vasa-Театра. За недѣлю до того онѣ схоронили свою мать, погибшую также отъ рака,—рожд. фонъ-Эссенъ, по первому браку граф. Врангель, — первую жену Августа Стриндберга. „Онъ еще думаетъ, что мы можемъ теперь ходить въ театры!“...

Онъ еще думаетъ!.. Онъ самъ еще, когда говорилъ это своимъ дѣтямъ, былъ въ театрѣ; нѣтъ, не „еще“—онъ уже былъ въ театрѣ,—въ циркѣ, на Олимпійскихъ играхъ. И въ его умѣ, въ его мозгу, торжественно ставился „Густавъ Адольфъ“; проходила вся богатая будущая постановка драмы, съ Арэномъ въ роли того короля, чья конная статуя вѣнчаетъ предсердіе стольнаго города Швеціи.

Вотъ умиралъ Толстой. „Совѣсть Земли“ отлетала отъ земли,—и было тяжело, невыносимо тяжело. И разумъ не могъ себѣ дать отчета: почему такъ тяжело? Вѣдь, Толстой задолго до смерти былъ уже не съ нами; такъ давно былъ онъ духомъ своимъ въ другомъ мірѣ. Отчего же было такъ больно?.. Не оттого ли именно, что онъ былъ совсѣмъ уже не нашъ, и земная оболочка была уже послѣднею связью, соединяющею духъ великаго старца съ жителями земли? Порвалась она—и его между нами нѣтъ—навсегда?..

Умиралъ Стриндбергъ—кто воистину былъ преемникъ Толстого на тронѣ, умиралъ тотъ, кто до послѣднихъ предѣловъ нашъ, кто воистину съ нами, а не съ собой, до послѣднихъ мелочей и заботъ нашихъ съ нами,—и было грустно, и хотѣлось плакать. Но чувствовалось, какія это хорошія слезы, какія это легкія слезы... Чувствовалось въ дни смерти Стриндберга, какъ никогда, что смерти нѣтъ, что отходящій отъ насъ не уходитъ. Мы знали и знаемъ, что завяжетъ онъ новыя нити съ нашими сердцами; мы знали, что—незримый, онъ будетъ тутъ, будетъ печалиться нашими горестями, и радоваться,—главное, радоваться,—радоваться нашимъ малѣйшимъ, суетнымъ радостямъ.

Когда умиралъ Стриндбергъ, хотѣлось сказать: „Тише“! На мгновенье тишина. Но только на мгновенье, не болѣе. А затѣмъ—бодрая, обновленная работа, бодрая, новая жизнь!

———

Стриндбергъ умиралъ, а въ Стокгольмѣ жизнь еще била ключемъ. Съ 30 апрѣля на улицахъ мальчишки стали продавать „майскій цвѣтокъ“, это-что у насъ въ Петербургѣ продавали фіалки, съ

благотворительной цѣлью, въ мартѣ. Въ этотъ день на Strandvägen—наша Дворцовая или Французская набережная—въ седьмомъ часу появился карнавалъ. Это студенты пріѣхали изъ Упсалы праздновать весну. Медленно двигались они въ открытыхъ моторахъ по трамвайному пути, осыпая стоящую шпалерами публику и пассажировъ встрѣчныхъ трамваевъ—открытыхъ вагоновъ—мелкими бумажками. Изъ оконъ спускались на проходящихъ длинные „серпантины", и улица оглашалась веселымъ пѣньемъ и гудомъ бумажныхъ трубъ. Тотъ студентъ надѣлъ привязные усы, другой украсился необъятнымъ носомъ. На одномъ моторѣ, внизъ головой, торчала огромная кукла въ полосатомъ больничномъ нарядѣ.

Всѣ эти бѣлыя шапочки студентовъ и студентокъ двигались къ Шкансамъ—зоологическому саду, расположенному на уступистой горѣ. Тамъ съ пѣньемъ взобрались наверхъ, выстроились и стройнымъ хоромъ, вперемежку съ музыкой военныхъ трубачей, исполняли, по знаку усатаго дирижера въ студенческой формѣ, патріотическія и академическія пѣсни. Постояннымъ четверократнымъ „Hurra!" вторили, по дѣтски смѣша толпящуюся публику, утки разныхъ породъ во всѣхъ прудахъ звѣринца. Національныя, пыльно-синія съ желтымъ крестомъ, знамена развѣвались надъ толпой. Тамъ и сямъ мелькали фигуры сторожей, одѣтыхъ средневѣковыми оруженосцами; тамъ и сямъ дѣвочка въ ярко-розовомъ, живописномъ сарафанѣ предлагала сласти. Чѣмъ-то древнимъ, и, казалось, прочнымъ, вѣяло отъ всего празднества, отъ горѣвшихъ, какъ искони, на высокихъ треножникахъ смоляныхъ боченковъ и отъ зажженной горы еловыхъ вѣтвей, величиной и формой напоминавшей стогъ сѣна на огромномъ гранитномъ подножьѣ! Весело было смотрѣть на огромный костеръ, и жутко отъ падавшихъ объятыхъ пламенемъ вѣтокъ; только привыкшіе къ совершенной и ничѣмъ невозмутимой тишинѣ и безопасности, низкорослые олени звѣринца нимало не обращали вниманія ни на дымъ, ни на пламя.

То было 30-го, а перваго мая днемъ этотъ праздникъ продолжался тамъ же. А куда дѣлась вчерашняя „древняя прочность" традиціоннаго праздника буршей! Лишь жалкіе остатки толпы, и то больше женщины и дѣти, пришли сюда перваго мая. Жалкіе остатки студентовъ пѣли свои пѣсни; съ отчаяннымъ, хотя и добродушнымъ, стараньемъ, выводили военные трубачи свои марши. Звучно-пустымъ металломъ гремѣлъ гласъ великолѣпнаго и чиновнаго оратора, трубившаго о величіи страны викинговъ съ того самаго гранитнаго подножія, на которомъ вчера пылалъ еловый стогъ. И тщетно пытались внести передовую ноту въ этотъ тускнѣвшій оркестръ поборницы „женскаго движенія".

Народъ праздновалъ первое мая не здѣсь—не въ аристократическомъ Дьюргорденъ—похожемъ на наши острова, гдѣ растянулись виллы богачей и увеселительные сады вдоль широкаго—„Каменоостровскаго"—проспекта. Народное шествіе съ художественно расписанными знаменами рабочихъ союзовъ—числомъ до 150,—двигавшееся отъ Народ-

наго Дома, избрало перваго мая цѣлью своего пути широкое поле на сѣверо-востокъ отъ города, которое я могъ бы сравнить съ Ходынкой, если бы не слишкомъ навязчивы были эти сравненія.

Въ городѣ въ этотъ день продавали красный первомайскій цвѣтокъ...

Стриндбергу 1-го мая было лучше. Цѣлый день говорилъ онъ съ родными о разныхъ вещахъ. Ему читали телеграммы. Со всѣхъ концовъ Швеціи рабочіе союзы слали „великому поэту народа привѣтъ въ народный день". А тамъ, на полѣ, вождь соціаль-демократіи, редакторъ Яльмаръ Брантингъ, закончилъ свою замѣчательную рѣчь горячимъ напоминаніемъ о значеніи жизни Стриндберга, и ея сохраненія для шведскаго народа.

Чтобы понять и прочувствовать все это, надо знать, что Августъ Стриндбергъ —отнюдь не соціалъ-демократъ. Въ „Развитіи одной души" далъ онъ неподражаемый по силѣ и мѣткости разборъ различныхъ видовъ соціализма. „Какъ средство для взрыва стараго общества, рабочій классъ пользуется нашимъ полнымъ довѣріемъ и довѣріемъ всѣхъ недовольныхъ, но лишь какъ такое средство рабочая партія имѣетъ великую миссію, а отнюдь не въ качествѣ грядущаго четвертаго сословія — рабочей буржуазіи". „Іоаннъ", то-есть самъ Авг. Стриндбергъ, „не хотѣлъ принять участіе въ пересозданіи общества ради пользы одного класса, а стремился къ пользѣ всѣхъ классовъ". Вотъ слова, точно обрисовывающія отношенія Стриндберга къ соціалъ-демократіи. И вотъ, наиболѣе горячій привѣтъ въ концѣ жизни получилъ онъ отъ понявшихъ— если не умомъ, то сердцемъ—все человѣческое значеніе дѣятельности его рабочихъ соціалдемократовъ. И послѣднюю свою телеграмму, послѣднее свое обращеніе во внѣшній міръ—продиктовалъ онъ въ отвѣтъ на два такихъ особенно затронувшихъ его, рабочихъ привѣта.

Вечеромъ, въ тотъ же день, только въ театрѣ Народнаго Дома, того самаго, откуда днемъ выходило первомайское демонстраціонное шествіе, была поставлена драма Стриндберга. Это была премьера, и съ тѣхъ поръ до смерти поэта ежедневно шла тамъ эта „Фрекенъ Жюли"—у насъ почему-то называющаяся „Графиней Юліей", одноактная драма. Манда Бьворлингъ въ заглавной роли, ея партнеръ Фалькъ—превзошли себя въ игрѣ въ этотъ вечеръ. Но на третьи вызовы (чего никогда не бываетъ въ Щвеціи, у этого холоднаго, сдержаннаго народа) вмѣсто исполнителей вышелъ на сцену делегатъ отъ одного изъ рабочихъ союзовъ прерывающимся отъ волненія голосомъ прочиталъ привѣтъ умиравшему... А потомъ на бронзовый слѣпокъ портретнаго бюста Стриндберга, стоящій посреди зрительнаго зала—другой такой же въ National Museum,—былъ возложенъ лавровый вѣнокъ съ красными лентами и надписью—все тою же: „Привѣтъ великому народному поэту въ народный день". И нѣсколько минутъ тихо стояли зрители, обернувшись къ слѣпку...

Хотѣлось сказать, „Да, такъ! Вѣнчайте смѣлѣе и ярче главу умирающаго. Не бойтесь никакихъ похвалъ, ибо ему

онѣ уже не страшны. О, конечно, ему онѣ не нужны, какъ никогда не были нужны, но намъ, всѣмъ намъ, онѣ нужны, какъ выраженіе нашего тайнаго, нашего сокровеннаго чувства, какъ исходъ для него, какъ выходъ для нашего несказаннаго горя, которое такъ близко, которое — что таить—все-таки такъ давитъ насъ".

Хотѣлось обратиться къ Швеціи, сказать ей, какъ трогательно ея простецкое, дѣтски-святое прощаніе съ великимъ писателемъ ея земли, до кого разумомъ она не доросла, но кого сердцемъ она понимаетъ...

Долгое, любовное прощаніе.

Свершилось. Тоже перваго мая, только по старому стилю, Стриндбергъ умеръ. Онъ завѣщалъ, чтобы похороны были раннимъ утромъ, только въ кругу родныхъ; чтобы въ гробъ были положены евангеліе и крестъ; чтобы тѣла его никому не показывали и не было рѣчей надъ могилой. И если нельзя было остановить стотысячную толпу народа, захотѣвшую сказать послѣднее прости тому, „кто никогда не измѣнялъ народу", то въ остальномъ послѣдняя воля Августа Стриндберга была исполнена свято.

В. Пястъ.

РУССКІЙ НАРОДЪ и ВОЙНА 1812 года.

I.

Принимая вызовъ Наполеона, правительство Александра I съ перваго же момента рѣшило сдѣлать эту войну народной. Вслѣдъ за манифестомъ объ открытіи военныхъ дѣйствій былъ обнародованъ другой манифестъ, въ которомъ правительство выражало желаніе видѣть „въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ — Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина". Въ свою очередь, и военный министръ, онъ же главнокомандующій, Барклай-де-Толли при вступленіи русскихъ войскъ въ предѣлы Смоленской губерніи первымъ долгомъ обратился къ населенію черезъ губернатора съ призывомъ „къ вооруженію противъ коварныхъ враговъ нашихъ" и всеобщему возстанію. (Щук. Бумаги 1812, т. VII, 50—51). Но все же собственно народный характеръ война 1812 г. приняла позднѣе— съ момента занятія непріятелемъ Москвы и затѣмъ отступленія великой арміи. Тогда къ регулярнымъ русскимъ войскамъ присоединились народныя ополченія, тогда же начались дѣйствія партизановъ и крестьянъ и тогда же потекли пожертвованія. Однимъ словомъ, тогда народъ принялъ непосредственное и дѣйствительное участіе въ войнѣ, вслѣдствіе чего она и перешла въ исторію съ именемъ отечественной, народной.

Правительство всѣ свои разсчеты строило именно на приданіи войнѣ съ Наполеономъ народнаго характера, потому и спѣшило призвать населеніе къ оружію. По словамъ Александра I, „надобно бы-

ло сильно заинтересовать народъ войной, показавъ ее русскимъ, по прошествіи ста слишкомъ лѣтъ, впервые вблизи, у нихъ на родинѣ; это было единственнымъ средствомъ сдѣлать ее народною и сплотить общество вокругъ правительства, для общей защиты, по его собственному убѣжденію и по собственной его волѣ" (Шильдеръ. Александръ I, т. I, 101). А Барклай-де-Толли въ упомянутомъ воззваніи указывалъ даже, такъ сказать, планъ и тактику народной войны. Онъ предлагалъ населенію „вооруженною рукою напасть на уединенныя части непріятельскихъ войскъ", „дабы ни одинъ непріятельскій ратникъ не скрылся отъ мщенія нашего" и чтобы, когда армія будетъ разбита, „тогда бѣгущихъ непріятелей повсюду встрѣчала погибель и смерть изъ рукъ обывательскихъ". И разсчеты правительства въ общемъ оправдались какъ въ смыслѣ возникновенія народной войны, такъ и самыхъ дѣйствій народа въ этотъ моментъ.

Народъ, дѣйствительно, отозвался на призывъ правительства и принялъ въ войнѣ самое широкое и разнообразное участіе. Каждое сословіе внесло свою лепту. Одни жертвовали достояніемъ, другіе—жизнью. Одни несли на „алтарь отечества" деньги, другіе—вещи: муку, крупу, овесъ (купечество), золото, серебро въ слиткахъ и вещахъ, холсты (напримѣръ, ярославское духовенство): третьи жертвовали обмундировку, упряжь (дворянство), четвертые брали на себя сформированіе цѣлыхъ полковъ, какъ гр. Мамоновъ, гр. Салтыковъ, Демидовъ. Совсѣмъ скромныя пожертвованія въ 3—5 рублей, въ нѣсколько кулей овса или „двухъ серебряныхъ медалей въ 9 золотниковъ" стояли рядомъ съ такими крупными взносами, какъ 5.000 рублей отъ ярославскаго губернатора кн. Голицына, 10.000 „именитаго гражданина Углечанинова" и 20.000 „содержателей мануфактуры Яковлевыхъ", сотни кулей овса, ржи, муки—купцовъ Ярославской губерніи (Щук., VII, 217-225). Крестьяне гр. Мамонова—однѣхъ деревень пожертвовали 8.000 р., другихъ—„положили по 10 р. съ души на лошадей" (Щук., VII, 78-79). Ярославское духовенство пожертвовало 3 п. 34 ф. серебра и 2 ф. 79½ зол. золота и около 6.000 аршинъ холста. Московское дворянство, по свидѣтельству Александра I, обязалось дать въ ополченіе „десятаго съ каждаго имѣнія (до 80.000 ратниковъ), деньгами до трехъ милліоновъ", „купечество же слишкомъ до десяти". Кромѣ того, на московское дворянство и именитыхъ гражданъ положенъ былъ 1 милліонъ на покупку воловъ (Щук., I, 110-113). Смольняне предложили, по словамъ Александра I, выставить 20.000 человѣкъ ополченцевъ. Надо при этомъ имѣть въ виду, что отъ выставлявшихъ ополченіе требовалось, кромѣ полнаго обмундированія и вооруженія, еще обезпечить трехмѣсячное содержаніе ополченцевъ. Ополченія были взяты съ 16 губерній (Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской, Смоленской, Петербургской, Новгородской, Нижегородской, Костромской, Пензенской, Симбирской, Казанской и Вятской) въ количествѣ 208.662 человѣка по одному и 220.000 по другому подсчету. Этими же губерніями, кромѣ того, сдѣланы по-

жертвованія и приняты на себя расходы на военныя надобности въ размѣрѣ около 60 милліоновъ рублей по тѣмъ же подсчетамъ (Михайловскій - Данилевскій, т. II, 31—32; Богдановичъ, II, 31—67). Остальныя губерніи были освобождены манифестомъ 16 іюля отъ сбора ополченія и за незначительными исключеніями (въ видѣ обязательныхъ сборовъ съ нѣкоторыхъ деньгами или натурой) участіе ихъ въ военныхъ расходахъ и тягостяхъ предоставлено было всецѣло ихъ доброй волѣ. Вслѣдствіе этого доля послѣднихъ губерній меньше первыхъ приблизительно вдвое. Онѣ выставили 104.280 человѣкъ и израсходовали не менѣе 25 милліоновъ рублей, по подсчету Богдановича. А всего, по словамъ Богдановича, русскимъ народомъ было выставлено „до 320.000 воиновъ и не менѣе 100 милліоновъ рублей“ (II, 92—93).

При подсчетѣ жертвъ населенія на войну 1812 г. надо принимать въ разсчетъ также еще и то, что войска русскія во время отступленія, а потомъ преслѣдованія непріятеля, проходя владѣніями помѣщиковъ, останавливались на ночлегъ, пользовались содержаніемъ и фуражомъ на счетъ помѣщиковъ. О разнообразіи и размѣрахъ такого рода общественной повинности можетъ дать понятіе примѣръ вотчины кн. А. М. Голицына—с. Гривы съ деревнями, Смоленской губ. За время съ іюня по ноябрь 1812 года на долю этого вотчинника выпало перевозить въ Смоленскъ и другіе пункты провіантъ для солдатъ (до 3 тысячъ слишкомъ пудовъ сухарей) и фуражъ, ставить подводы для курьеровъ, подъ больныхъ и раненыхъ и пожертвовать—печенаго хлѣба 303 пуда, овса 1.268 п., барановъ, куръ, гусей, лошадей, коровъ, телѣгъ, хомутовъ и шубъ, рукавицъ и пр. на обмундированіе плѣнныхъ. Кромѣ того, „во все военное время находилось на границѣ Сычевскаго уѣзда къ Вяземскому уѣзду вооруженныхъ оной же вотчины крестьянъ день и ночь конныхъ“ для охраны, содержаніе которыхъ стоило 2.008 рублей. Вся же кампанія обошлась вотчинѣ, по исчисленію управляющаго, въ 15.399 р. 9 к. (Щук., VIII, 33—35). Для пріюта раненыхъ нѣкоторые помѣщики устраивали у себя лазареты (Щук., VII, 387). То же дѣлали крестьяне и другіе обыватели. Крестьяне с. Мурина гр. Воронцова на однѣ подводы (3.000) подъ солдатъ и другія военныя надобности израсходовали до 6.000 рублей (Щук., VIII, 41—42).

Но самымъ цѣннымъ вкладомъ со стороны населенія въ войну 1812 г. было, конечно, личное участіе, жертва собой, своей жизнью. Мы разумѣемъ поступленія въ ополченія и дѣйствія импровизированныхъ партизанскихъ отрядовъ. Ополченія составлялись, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ (рядовые) и дворянъ (офицерство). Но поступали сюда также и изъ другихъ сословій. Въ числѣ охотниковъ записаться въ ополченія оказались даже чиновники—именно сенатскіе (Щук., V, 124—126)—и нѣмцы, предложившіе составить гражданскую стражу въ Москвѣ (Щук., II, 7). Ополченія принимали непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ—и чѣмъ ближе шло дѣло къ развязкѣ, тѣмъ больше становилось это участіе. О храбрости и доблести ополченцевъ мы имѣемъ свидѣтель-

ства современниковъ-очевидцевъ—и русскихъ, и иностранцевъ. Послѣ взятія Полоцка гр. Витгенштейнъ принесъ въ дневномъ приказѣ „искреннѣйшую благодарность всѣмъ, какъ регулярнымъ войскамъ, такъ особенно дружинамъ петербургскаго ополченія, которыя, бывъ отторжены отъ сельскихъ работъ своихъ и поднявъ въ первый разъ оружіе, оказали чудеса храбрости и мужества“... Такое же впечатлѣніе оставили ополченцы—les hommes a grande barbe (бородачи) и во французскомъ маршалѣ Сенъ-Сирѣ, участникѣ боя („Русск. Ст.“, 1877 г., к. 2, 199—200).

Крестьяне, кромѣ того, что шли добровольно или по волѣ помѣщиковъ въ ополченцы, несли обязанности по охранѣ мѣстныхъ деревень, иногда цѣлой округи, или устраивали собственные отряды, ходили на французовъ даже въ одиночку. Такого рода служба крестьянъ засвидѣтельствована самими помѣщиками. „Крестьяне же были отъ домовъ своихъ не отлучены,—читаемъ въ донесеніи приказчика кн. Голицына,—и многіе побѣги непріятельскихъ небольшихъ партій отражали и тѣмъ спасали всѣ деревни отъ огня рукъ непріятельскихъ“ (Щук., I, 37). „Крестьяне, оживляемые любовью къ родинѣ,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—забывъ мирную жизнь, всѣ вообще вооружаются противъ общаго врага, всякій день приходятъ они въ главную квартиру и просятъ ружей и пороха; то и другое выдаютъ имъ безъ малѣйшаго задержанія, и французы боятся сихъ воиновъ болѣе, чѣмъ регулярныхъ“... (Щук., I, 62—64).

Сначала крестьяне вооружались, чѣмъ попало—косами, вилами, топорами, дубинами, а затѣмъ раздобыли ружья и встрѣчали французовъ огнемъ.

Вотъ въ какія различныя формы вылилось участіе народа въ войнѣ 1812 г.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ народныхъ пожертвованій и выступленій легко и соблазнительно составить себѣ понятіе объ Отечественной войнѣ, какъ единодушномъ порывѣ и сплошномъ подвигѣ народа въ эту тяжелую годину. И для тѣхъ, кто смотрѣлъ на событія изъ прекраснаго далека, Отечественная война и представлялась именно въ такомъ видѣ.

Императоръ Александръ I, послѣ посѣщенія Москвы, вслѣдъ за призывомъ народа къ возстанію противъ непріятеля, пришелъ въ умиленіе и говорилъ, что «нельзя не быть тронутымъ до слезъ, видя духъ, оживляющій всѣхъ, и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ». За обѣдомъ 15 іюля въ Москвѣ-же онъ повторялъ: „этого дня я никогда не забуду“ (Шильдеръ, I, 90). Еще болѣе восторженно отзывалась о чувствахъ русскаго народа, вызванныхъ войной, императрица. „Надо, подобно намъ,—писала она 28 августа,—видѣть и слышать ежедневно о доказательствахъ патріотизма, самопожертвованія и геройской отваги, проявляемыхъ всѣми лицами военнаго и гражданскаго сословій, чтобы не считать ихъ преувеличенными. О, этотъ доблестный народъ наглядно показываетъ, чѣмъ онъ является въ дѣйствительности, и что онъ именно таковъ, какимъ издавна его считали люди, понимавшіе его, вопреки мнѣнію тѣхъ,

которые упорно продолжали считать его народомъ варварскимъ" (ibidem, 114).

Съ тѣхъ высотъ, на которыхъ стояли императоръ и его супруга, русскій народъ въ Отечественную войну и не могъ рисоваться инымъ. Александръ видѣлъ, проѣзжая по улицамъ Москвы, толпы народа, возбужденныя лица, слышалъ крики „ура", ему передавали, докладывали о записанныхъ пожертвованіяхъ. Но онъ не видѣлъ, какъ населеніе той же Москвы разбѣгалось при первыхъ извѣстіяхъ о французахъ, спасая жизнь и забывая объ отечествѣ, не слышалъ народнаго негодованія по поводу войны, народныхъ слезъ и воплей. Въ такомъ же положеніи находилась и императрица. Они видѣли, какъ всегда и вездѣ, первые ряды парадной публики, аванъ-сцену, а кулисы были скрыты отъ ихъ глазъ.

Такъ же судили о русскомъ народѣ въ эти дни и иностранцы, вродѣ наблюдателя изъ главной квартиры Армфельдта, и то же самое приходится сказать и объ ихъ сужденіяхъ.

Изъ устъ Армфельдта вылилась слѣдующая весьма лестная для русскаго народа характеристика:

„Русскій народъ превзошелъ Испанію (въ войнѣ съ Наполеономъ) и покрылъ себя незабвенной и безсмертной славой. Неисчислимы тѣ жертвы, которыя были принесены русскими изъ любви къ Богу, своему дорогому отечеству и обожаемому монарху. Что за народъ эти русскіе. Какимъ духомъ національности воодушевлены они!" („Русск. Ст." 1896 г., сент.. 614—615).

Въ дѣйствительности, русскій народъ въ войну 1812 года—не герой только, но и самый обыкновенный человѣкъ со всѣми свойственными этому существу слабостями и недостатками. Сухіе документы, подлинные акты оффиціальнаго и частнаго происхожденія, сохранившіе намъ память о событіяхъ 12 года, не отвергая и не замалчивая народныхъ подвиговъ, передаютъ и факты другого рода изъ народной войны—и послѣдняя изъ этихъ фактовъ выступаетъ въ другомъ, болѣе широкомъ, масштабѣ и болѣе соотвѣтствующемъ дѣйствительности видѣ, нежели изъ впечатлѣній сторонниxъ, часто поверхностныхъ, наблюдателей.

II.

Война 1812 года завершила пятилѣтнюю дружбу Александра I съ Наполеономъ, начавшуюся съ Тильзитскаго мира 1807 года. Эта дружба, скрѣпленная присоединеніемъ Россіи къ континентальной системѣ, стоила русскому народу очень дорого, въ особенности дворянству и купечеству, вслѣдствіе полнаго застоя въ торговлѣ и вздорожанія жизни. Разрывъ съ Наполеономъ, такимъ образомъ, знаменовалъ конецъ тягостной для страны континентальной системы, и съ этой стороны открытіе военныхъ дѣйствій встрѣчено было всеобщимъ восторгомъ. Болѣе того: настроеніе общества сдѣлалось въ этотъ моментъ настолько воинственнымъ, общее желаніе уничтожить врага столь сильнымъ, что отступленіе русскихъ войскъ, а затѣмъ оставленіе Москвы вызвало раздраженіе не только въ верхахъ общества, но даже и въ его низахъ.

Но даже и въ этотъ моментъ мысль народная невольно обращалась въ дру-

гую сторону—въ сторону предстоявшихъ испытаній, и, по словамъ гр. Ростопчина, торжественныя встрѣчи Александра I народомъ въ Москвѣ „напоминали похороны". Въ концѣ концовъ, народъ долженъ былъ видѣть и дѣйствительно видѣлъ въ войнѣ 1812 года печальную необходимость. И потому, когда непріятель вступалъ въ предѣлы той или другой губерніи, населеніе реагировало на это наиболѣе въ такихъ случаяхъ естественнымъ чувствомъ—отчаяніемъ и страхомъ передъ французами.

„Гдѣ ни проѣзжали мы—разсказываетъ современникъ-очевидецъ про Вологодскую губернію,—вездѣ видѣли страшное отчаяніе. Церкви были полны народа, молились на колѣняхъ, плача и рыдая. Рѣдко проходило, чтобы женщины не падали въ обморокъ или истерику". Напуганное воображеніе невѣжественной массы рисовало себѣ уже картину „второго пришествія" и въ Наполеонѣ видѣло „антихриста" („Древн. и Нов. Россія", № 2, 148—149). Въ такомъ же состояніи находились жители городка Чаусъ, Могилевской губерніи. По впечатлѣнію наблюдателя, мрачное настроеніе проникло даже въ среду солдатъ, „на лицахъ которыхъ замѣтно было уныніе, они вступали и проходили черезъ городъ безъ пѣсенъ, безъ музыки, безъ барабаннаго боя, что еще болѣе наводило страхъ и отчаяніе на мирныхъ жителей" („Русск. Ст.", 1877 г., кн. 3, 688—689).

„Общее отчаяніе,—по свидѣтельству перваго наблюдателя,—было тѣмъ сильнѣе, что никому уже не довѣряли; вездѣ видѣли несомнѣнныя доказательства измѣны" (148—149). Въ воздухѣ чуялось что-то недоброе, ждали внутреннихъ волненій. Генералъ Раевскій, Н. И., въ письмѣ отъ 28 іюня къ гр. А. Н. Самойлову выражалъ опасенія „въ нашемъ краю внутреннихъ безпокойствъ. Матушка, жена, будучи однѣ, не будутъ знать, что дѣлать" („Арх. Раевскихъ", I,152). Современныя письма приказчиковъ своимъ помѣщикамъ полны подобныхъ же опасеній за настроеніе крестьянъ. Но особенно любопытенъ въ этомъ отношеніи прогнозъ народнаго настроенія, дѣлаемый гр. Ростопчинымъ. „Московская чернь" ему представлялась вполнѣ готовой къ мятежу. „Она теперь день и ночь безразлучно смѣшана въ трактирахъ съ людьми, коихъ понятія и свѣдѣнія внушаютъ чрезъ толки дерзость, до сихъ поръ въ народѣ не существующую. При первомъ движеніи съ толпою людей явятся и предводители, готовые на дѣло своимъ собственнымъ движеніемъ, а, можетъ-быть, и обѣщаніями другихъ. Начало будетъ грабежъ и убійство иностранныхъ (противъ коихъ народъ раздраженъ), а послѣ бунтъ людей барскихъ, смерть господъ и разореніе Москвы" („Русск. Арх.", 3 кн., 220—221).

Въ такомъ тревожномъ настроеніи русскій народъ встрѣчалъ Наполеона. И, какъ это вполнѣ понятно и психологически естественно, мысль о себѣ, о собственныхъ интересахъ въ данномъ случаѣ шла впереди мысли объ отечествѣ, объ общихъ интересахъ. Подъ вліяніемъ инстинкта самосохраненія каждый думалъ прежде всего о себѣ. И при первыхъ извѣстіяхъ о непріятелѣ населеніе, объятое страхомъ, разбѣгалось и спѣшило укрыться или въ удаленныхъ отъ

театра военныхъ дѣйствій городахъ, или даже въ лѣсахъ. По всѣмъ дорогамъ тянулись обозы со скарбомъ и людьми, напоминавшіе великое переселеніе или орды кочевниковъ. Изъ г. Чаусъ еще до прихода непріятеля всѣ бѣжали, въ томъ числѣ „гражданскія власти“. Первымъ движеніемъ смольнянъ и москвичей, по полученіи извѣстій о приближеніи французовъ, было тоже бѣгство.

Тѣ же, которые не успѣли или не пожелали бѣжать и оставались на мѣстахъ, ради сохраненія жизни и имущества входили въ соглашеніе съ французами. Увлекались, однимъ словомъ, на путь измѣны и были, дѣйствительно, впослѣдствіи зачислены въ разрядъ государственныхъ преступниковъ, какъ городской голова и нѣкоторые жители Москвы (Щук., II, 11—14)).

Наконецъ, нѣкоторые спѣшили использовать моментъ наступившей смуты и растерянности, вслѣдствіе прихода въ страну непріятеля, съ цѣлью улучшенія своего положенія. Это приходится сказать о крестьянахъ и рабочихъ. Опасенія помѣщиковъ и предсказанія Ростопчина оправдались. Прокламаціи Наполеона возымѣли свое дѣйствіе. Подъ ихъ вліяніемъ пробудилась всегда готовая вспыхнуть у крестьянъ мысль о свободѣ. Кромѣ того, появились и собственные агитаторы среди крестьянъ. Такъ, напримѣръ, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, „какой-то краснобай“, ставъ на телѣгу, говорилъ крестьянамъ, „чтобы они Бонапарта не пугались, что онъ идетъ на Россію за тѣмъ, чтобы освободить крестьянъ, дать имъ волю и уничтожить помѣщиковъ“ („Записки Свербеева“, т. I, 73). Эта агитація подлила масла въ огонь, и потенціальное недовольство крестьянъ своимъ положеніемъ разрѣшилось и вылилось въ разгромы помѣщичьихъ усадебъ и избіенія помѣщиковъ или ихъ управляющихъ. Извѣстія о крестьянскихъ волненіяхъ идутъ изъ разныхъ губерній—изъ Смоленской, гдѣ „во многихъ вотчинахъ въ Дорогобужскомъ, Сычевскомъ, Вяземскомъ уѣздахъ“ крестьяне „выводили чрезвычайные бунты и неповиновеніе къ своему начальству“ (Щук., I, 1, 3, 10, 11; II, 4 и др.), изъ Вологодской и Новгородской губерній, изъ литовскихъ губерній (Щук., V, 71) и изъ другихъ мѣстъ. Между прочимъ, комитетъ министровъ въ своемъ отчетѣ за 1812 годъ констатируетъ также рядъ нарушеній населеніемъ порядка и спокойствія. „Въ Пермской губерніи, при расположеніи заводскихъ работъ по тамошнимъ горнымъ заводамъ, приписные къ онымъ крестьяне оказали неповиновеніе какъ содержателямъ заводовъ, такъ и власти земскаго начальства. Неповиновеніе сіе возродилось отъ различныхъ злонамѣренныхъ внушеній и, переходя изъ одного уѣзда въ другой, внезапно распространилось на 500 верстъ“ (Щук., V, 68). Но если волненія крестьянъ логически вытекали изъ ихъ соціальнаго положенія и имѣли своей цѣлью законное и справедливое желаніе получить свободу и права гражданства, то нашлись люди, которые обратили войну въ средство поживы и разгула и воспользовались народнымъ бѣдствіемъ лишь для того, чтобы погрѣть руки и половить рыбы въ мутной водѣ.

Мы имѣемъ въ виду здѣсь страшные грабежи, сопровождавшіе войну.

Въ Москвѣ „грабители ходили тысячами по улицамъ“, и первою мѣрою Ростопчина послѣ ухода отсюда французовъ была охрана города „отъ грабежа“ (Щук., I, 100, 102 — 103). Въ это время, по словамъ одного оставшагося въ Москвѣ, „можно было бояться русскихъ мужиковъ болѣе, нежели французовъ“ („Русск. Ст.“, 1890 г., янв., 113). „Окрестные помѣщики осаждали французскаго губернатора Витебска, генерала Шарпантье, просьбами защитить ихъ отъ поселянъ, которые прибѣгали относительно ихъ къ грабежу и насилію“ („Ист. Вѣстн.“, 1900 г., т. XXIX, стр. 226). Противъ грабителей приходилось принимать спеціальныя мѣры, охранять отъ ихъ посягательства мирныхъ жителей даже военными силами и обращаться къ общественному содѣйствію въ поимкѣ и преслѣдованіи ихъ („Русск. Ст.“, 1880 г., кн. 28, 779). И— что въ особенности было ужасно—значительный контингентъ грабителей давали солдаты-мародеры и грабежи производили регулярныя войска, какъ бы даже считая это своимъ правомъ. Слѣдующая картина грабежа солдатъ, со словъ приказчика имѣнія, даетъ наглядную картину этого общественнаго бѣдствія:

„Кладовая разбита была,—писалъ названный приказчикъ,—третьяго числа сентября, т. е. во вторникъ, проходящими черезъ Кусково и останавливающимися въ ономъ россійскими военными, и по разбитіи тащили изъ оной съ собою кто что могъ, имѣніе-жъ то становили въ кладовую уже тогда, когда россійскіе военные проходили черезъ Кусково и довольно уже изъ нихъ было ходящихъ по саду и съ начала, т. е. съ понедѣльника начали производить грабежъ въ домахъ, а во вторникъ добрались и до кладовой... а, какъ я уже отъ военныхъ довольно во все то время набрался страху, то и боялся идти къ защищенію той кладовой, ибо во всемъ власть была уже не наша, а войская (войсковая), и упорствовать противу ихъ никто не смѣлъ, потому что въ противномъ случаѣ угрожали смертельными ударами, а къ тому же въ это время безпрестанно окружали меня то конные, то пѣхотные и требовали кто овса и сѣна, другіе хлѣба и квасу, а иные старались, чтобъ изъ дому и изъ послѣдняго что утащить, и таковая ихъ власть продолжалась со второго и по четвертое число сентября“ (Щук., X, 305—306). О грабежѣ солдатъ мы имѣемъ не только частныя, но оффиціальныя извѣстія. Въ приказѣ начальника главнаго штаба генер. Ермолова отъ 22 іюля 1812 года читаемъ: „Прежде прибытія войскъ къ городу Смоленску предшествовавшими оныхъ обозами разграблены селенія, изгнаны жители и вообще всякаго рода чинены были насилія, дѣлающія безчестіе войску. Не одни обозы, но и самыя войска дѣлали ужасныя опустошенія и грабежи“ (Щук., X, 441). Барклай-де-Толли предупреждалъ смольнянъ имѣть „осторожность противу самихъ... воиновъ нашихъ“ въ виду грабежа (Щук., VII, 246). А изъ-подъ желчнаго пера гр. Ростопчина вылилась прямо уничтожающая характеристика нашей арміи съ этой стороны. Въ такія эпохи, какъ 1812 годъ, когда народъ и армія идутъ рука-объ-руку вмѣстѣ защищать страну, они сли-

ваются, и народъ можно характеризовать арміей, и наоборотъ. Поэтому мы и приводимъ характеристику Ростопчина для характеристики народнаго настроенія: „Духъ у солдатъ упалъ. Они и многіе офицеры грабятъ за 50 верстъ отъ арміи. Наказывать всѣхъ невозможно... Безпорядокъ въ войскѣ такъ великъ, что онъ, вѣрно, Бонапарту кажется невѣроятнымъ, а то бы онъ давно могъ истребить насъ“ (Щук., VII, 414). „Неповиновеніе и попущеніе дошло до того, что въ главной квартирѣ въ глазахъ главнокомандующаго грабежъ: жгутъ и все отнимаютъ“ („Русск. Арх.“, 1885 г., кн. 3, 413).

Пьянство, какъ всегда, сопутствовало грабежу. И опять солдаты шли впереди. „1 сентября, въ воскресенье, войска наши, вошедшія въ Москву, разбили питейные дома; простой народъ бросился въ оные, таская вино ведрами, кувшинами, и пьянствовали“ (Щук., V, 151). А 2-го вступили въ Москву французы. То же происходило въ помѣщичьихъ усадьбахъ на пути слѣдованія войскъ. Чтобы, по заявленію самихъ же солдатъ, ничего не доставалось французамъ, они имущество грабили, а вино выпивали. Дворянство Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, возбудило даже ходатайство передъ министромъ финансовъ о воспрещеніи продажи вина „до благополучнаго времени“, такъ какъ „черезъ оное происходятъ отъ многихъ крестьянъ бунты на исполненіе своихъ должностей и даже самыя смертоубійства“ (Щук., IV, 80).

Здѣсь передъ нами уже полная деморализація населенія подъ вліяніемъ войны.

Разъ заговоривъ о деморализаціи, нельзя не упомянуть и о тѣхъ звѣрствахъ, которыя позволялъ себѣ народъ въ эту войну надъ французами и которыя составляютъ очень замѣтную черту въ картинѣ народной войны.

„Разсвирѣпѣлые, одичалые, потерявшіе все, они (рѣчь идетъ о крестьянахъ Смоленской губерніи) не знаютъ ни пощады, ни состраданія. Цѣлыми шайками бродятъ они по сторонамъ большой дороги, день и ночь раздаются въ лѣсахъ ихъ ружейные выстрѣлы, неустанно работаютъ ихъ топоры и пики. Одинокіе мародеры и отсталые, цѣлыя партіи непріятельскихъ фуражировъ попадаютъ въ ихъ руки. Съ плѣнными они расправляются по своему. Сначала, когда французы попадались понемногу, съ ними возились долго, убивали нерѣдко изысканнымъ способомъ: обматывали соломою и сжигали живьемъ, отдавали на потѣху бабамъ и ребятишкамъ. Но вотъ отсталые, измученные французы начали чуть не сами идти въ руки, да и не десятками, а цѣлыми сотнями. Тутъ уже понадобилась иная расправа. Сгоняли плѣнныхъ въ сараи и сжигали тамъ сотнями, топили въ прорубяхъ; зарывали живыми въ землю“ (Надлеръ, „Имп. Александръ I“, гл. II. 231). Одинъ мужикъ разсказывалъ о такомъ случаѣ, какъ подвигѣ: „Наловили это мы ихъ, французовъ, десятка два и стали думать, что бы съ ними подѣлать—свести что ли куда, сдать что ли кому. Да куда поведешь и кому сдать? Вотъ и приговорили міромъ побить ихъ. Вырыли въ перелѣскѣ глубокую яму, повязали имъ, французамъ, руки и пригнали гуртомъ;

стали это они вокругъ ямы, а мы за ними стали, и начали они жалостно талалакать, точно Богу молиться; мы наскоро посовали ихъ въ яму да живыхъ и зарыли. Вѣришь ли, такой живущій народъ: подъ землею съ полчаса ворошились".

Итакъ, какъ видимъ, русскій народъ реагировалъ на вступленіе непріятеля въ страну не въ формѣ только патріотизма, но и въ другомъ видѣ, далекомъ отъ этого почетнаго чувства.

III.

Что касается собственно патріотизма, то, послѣ отмѣченныхъ уже нами жертвъ народа на войну и личнаго участія, нельзя подвергать его сомнѣнію, но, во всякомъ случаѣ, и не слѣдуетъ преувеличивать его, представлять себѣ его непосредственнымъ и безоглядным. О патріотизмѣ русскаго народа въ 1812 году приходится говорить съ оговорками. Даже московскій энтузіазмъ, который отмѣчается всѣми историками войны въ назиданіе потомству, оказывается не совсѣмъ непосредственнымъ. По крайней мѣрѣ, одинъ современникъ передаетъ о чтеніи манифеста 6 іюля московскому дворянству и купечеству и пожертвованіяхъ въ слѣдующихъ любопытныхъ выраженіяхъ:

„Восторженность дворянства при этомъ чтеніи была уже заранѣе подготовлена графомъ Ростопчинымъ, и многіе голоса послѣ приличнаго этому случаю „ура" закричали: „Десятаго, десятаго!" Это значило, что московское дворянство вызывалось поставить одного ратника съ каждыхъ 10 ревизскихъ душъ. Скоро оказалось, что крикуны были дворяне, не имѣвшіе за собой ни одной ревизской души; масса, Servum pecus, постановила свое опредѣленіе—дать десятаго. Въ залѣ, гдѣ собралось купечество, происходило слѣдующее: Обресковъ (губернаторъ), говорившій красно, успѣлъ возбудить пламенную любовь къ отечеству въ нашихъ капиталистахъ и каждаго изъ нихъ, смотря по ихъ богатству, приглашалъ сѣсть за столъ, на которомъ лежалъ листъ бумаги для записыванія пожертвованій на алтарь отечества. Для разрѣшенія ихъ колебаній и простительной мѣшкотности въ такомъ небываломъ дѣлѣ, Обресковъ, сидя подъ ухомъ каждаго, подсказывалъ подписчику тѣ сотни, десятки и единицы тысячъ рублей, какія, по его умозаключенію, жертвователь могъ приносить на этотъ алтарь" („Зап. Свербеева", т. I, 64—65).

Въ изъявленіяхъ готовности дворянъ на жертвы слышатся подчасъ очень высокія ноты, вродѣ намѣренія „лить всю кровь и не пощадить всего достоянія своего". Но это не помѣшало послѣ манифеста 6 іюля нѣкоторымъ изъ числа освобожденныхъ отъ ополченія губерній совсѣмъ ничего не пожертвовать. По крайней мѣрѣ, напримѣръ, Михайловскій-Данилевскій, приводя пожертвованія всѣхъ этого разряда губерній, о Воронежской, Орловской и Тамбовской умалчиваетъ (II, 50). Однимъ словомъ, первый порывъ дворянства въ отвѣтъ на манифестъ 6 іюля оказался скоропреходящимъ и, когда отъ словъ надо было переходить къ дѣлу, картина патріотизма потускнѣла. Для привлеченія общества къ участію въ войнѣ пра-

вительству пришлось не только распространять повсюду воззванія, пользуясь услугами свѣтской и церковной власти, а предводителямъ дворянства увѣщевать дворянъ, но и пускать въ ходъ мѣры понужденія, угрозы и самые взносы изъ добровольныхъ обращать въ обязательные, по принужденной раскладкѣ. Напримѣръ, на Москву на дворянство и купечество было возложено добровольно внести 1 милл. руб. на покупку воловъ. Но такъ какъ собраніе дворянъ для обсужденія этого вопроса оказалось малолюднымъ, то пришлось разложить всю сумму (500.000 р.) „по числу ревизскихъ душъ" на всѣхъ и, въ случаѣ невзноса, употребить „мѣры понужденія черезъ полицію" (Щук., V, 92—93). Купечество отнеслось къ предложенію правительства не лучше. На устроенное головой собраніе изъ приглашенныхъ 42 именитыхъ гражданъ явилось только трое—иностранцевъ (Щук., II, 110). Въ самыхъ поступленіяхъ пожертвованій не мало любопытныхъ для насъ чертъ. Къ числу ихъ принадлежитъ недоимочность. Какъ оказывается, не все то, что подписывалось, вносилось полностью. По Ярославской губерніи дворянствомъ было заявлено пожертвованій на 18.483 р., въ дѣйствительности же поступило 13.002 р. Точно также изъ 344,285 р., подписанныхъ горожанами той же губерніи, внесено 239.099 р. и въ числѣ недоимщиковъ оказались наиболѣе крупные жертвователи,—въ 10, 100 и 200 тысячъ руб. (Щук., VII). Въ число жертвуемыхъ вещей попадалъ никуда негодный хламъ, и правительство въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ составило реестры пригодныхъ предметовъ и установило даже образцы, по которымъ и принимались пожертвованія.

Аналогичными явленіями сопровождалось сформированіе ополченій. „Тутъ, конечно, — замѣчаетъ современникъ,— всякій старался соблюсти свои выгоды: отдавались люди пожилыхъ лѣтъ, не отличнаго поведенія и съ тѣлесными недостатками, допускаемыми, какъ исключеніе для этого времени, въ самыхъ правилахъ о наборѣ ополченцевъ" („Зап. Свербеева", т. I, 74). Особенно въ этомъ отношеніи отличались лифляндскіе дворяне, которые отдали въ ополченіе „престарѣлыхъ, слабосильныхъ и болѣзненныхъ крестьянъ, почти голыхъ и босыхъ, и поставили старыхъ негодныхъ лошадей" (Романовичъ. „Дворянство", 205). Крестьяне предпочитали ставить за себя охотниковъ, покупать людей и сдавать ихъ „въ казаки" и такъ или иначе уклоняться отъ поступленія въ ополченіе (Щук., VII, 80—82). Интересны при этомъ мотивы уклоненія, приводимыя Свербеевымъ: „Они еще до объявленія имъ моимъ отцемъ (сборѣ ополченія) предугадали, что будетъ большой наборъ, и тутъ же заговорили: изъ чего же намъ идти въ охотники? кто хочетъ, тотъ и, пойдетъ, когда будутъ набирать, а то пожалуй, охочіе пойдутъ, а положенныхъ возьмутъ безъ замѣну" („Записки", т. I, 67). И изъ всѣхъ крестьянъ деревни автора пожелалъ идти въ охотники лишь одинъ. А въ Выборгской губерніи даже „крестьяне Петеръ-Кирки не согласились дать добровольно людей въ рекруты" (Щук., VIII, 39). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не спѣшили со сборомъ

ратниковъ, и правительству приходилось, какъ и при пожертвованіяхъ, прибѣгать къ мѣрамъ понужденія. Власти города Дорогобужа, включая сюда и предводителя дворянства, получили 21 іюня 1812 г. высочайшее повелѣніе „строжайше всѣмъ и каждому употребить всѣ усилія къ самопоспѣшнѣйшему составу назначеннаго въ Смоленской губерніи ополченія, подъ опасеніемъ за малѣйшее промедленіе и бездѣйствіе примѣрнаго поступленія съ виновными" (Щук., VII, 46). Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда ополченія были сформированы, выставлены, не все оказывалось благополучнымъ. Изъ полковъ, формировавшихся на свой счетъ Демидовымъ, гр. Салтыковымъ и гр. Мамоновымъ, о двухъ ничего неизвѣстно (не оказались ли они на бумагѣ?), а третій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ раскассированъ. Мѣра эта принята въ виду того, что офицерская молодежь „забуянила, загуляла, самоуправничала, требовала всего, не платя ни за что, рубила, пожалуй, хотя и плашмя, своими саблями своихъ, а не чужихъ". Мамоновъ набиралъ въ свой полкъ людей, что называется, съ бору и сосенки, къ нему поступали отчаянные гуляки или всевозможные оборвыши и пройдохи и купеческіе сынки такого же рода" („Зап. Свербеева", I, 66), въ результатѣ чего и получилась описанная картина. Картина любопытна какъ для характеристики ополченія, такъ и мотивовъ, по которымъ тогда люди шли въ ополченцы. Начальники пензенскаго ополченія не постѣснялись людей, жертвовавшихъ своей жизнью отечеству, морить голодомъ, а деньги, отпускаемыя на продовольствіе ополченцевъ, „исправно" опускать въ свой карманъ („Записки Вигеля", 4, 78).

Отмѣтимъ здѣсь кстати случаи членовредительства съ цѣлью уклоненія отъ военной службы (Щук., IV, 202) и дезертирство какъ въ ополченіяхъ, такъ и въ регулярныхъ войскахъ. Насколько распростанено было послѣдняго рода явленіе,—это лучше всего видно изъ приказа по войскамъ Кутузова. „Сегодня, въ самое короткое время,—читаемъ въ приказѣ, — поймано разбредшихся до 2.000 нижнихъ чиновъ". Ставя это въ вину начальству, главнокомандующій, однако, находитъ, что дезертирство обратилось для солдатъ „почти въ обыкновеніе" („Русск. Арх.", 1875, III, 116, также Щук., I, 97).

Но и этотъ, если такъ можно выразиться, „патріотизмъ съ оговорками", по мѣрѣ того, какъ шли военныя событія и возрастали требованія правительства отъ населенія, никнулъ и слабѣлъ. Среди населенія замѣчалось утомленіе войной и вызванными ею расходами и даже раздраженіе противъ правительства.

„По всему, что вы говорите,—читаемъ въ перепискѣ управляющаго имѣніемъ гр. Воронцова,—губернаторъ только и знаетъ требовать, не входя въ положеніе ни помѣщиковъ, ни крестьянъ. Если впредь случится требованіе невозможныхъ вещей, то вы отзовитесь рапортомъ съ приложеніемъ вѣрнаго рецепта какъ о состояніи имѣнія, такъ и нуждахъ крестьянъ, дабы онъ видѣлъ, что можно и чего не можно выполнить. ...Я надѣюсь, что всѣ теперь уже войска прошли и что вы покойнѣе бу-

дете отъ постоевъ и безчисленныхъ поставокъ фуража и провіанта" (Щук., VII, 386). Раздраженіе чувствуется и въ словахъ нѣкоего Алябьева, человѣка изъ высшаго общества, который такъ выражается о 12 годѣ: „Желѣзный годъ—ополченіе, рекрутчина, лошади, поборы съ крестьянъ и помѣщиковъ" (Щук., V, 278—279). Наконецъ, глухое недовольство и ропотъ замѣчались и въ народныхъ массахъ и прорывались иногда въ открытые выпады противъ правительства, очень напоминающіе петровское время съ его тяжелыми непрерывными войнами. Въ народѣ говорили про Александра I, что, какъ онъ „воцарился, такъ и происходятъ все рекрутскіе наборы" (Щук., IV, 212). Уѣздный стряпчій Ивановскій, придя въ присутствіе, съ злорадствомъ говорилъ, что правительство обременяетъ поборами народъ „съ увѣреніемъ единовременно, но вмѣсто того еще добавили", т. е. введя новые налоги временно, дѣлаетъ ихъ потомъ постоянными и къ нимъ прибавляетъ еще налоги. По поводу пріема пожертвованій по образцамъ и браковки онъ замѣтилъ со злобой: „Думаю, теперь на пожертвованіе никто не отважится и черезъ таковые тяжкіе налоги произойти можетъ въ народѣ не малый ропотъ" (Щук., IV, 221).

Общество утомилось самыми военными дѣйствіями, ему надоѣлъ невольный трауръ и воздержаніе отъ удовольствій—и французы еще не успѣли оставить предѣловъ Россіи, еще лилась кровь русская, дымились развалины селъ и городовъ, а въ высшихъ кругахъ уже начались балы и маскарады. Современникъ событій живо рисуетъ намъ картину этого перехода отъ воздержанія къ безшабашному веселью послѣ полученія извѣстій о побѣдахъ надъ французами въ Пензѣ: „Все оживилось, все радостно зашумѣло у насъ... Губернатору давно уже хотѣлось поплясать; но въ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась тогда Россія, балъ могъ бы почесться верхомъ неприличія. Тутъ показалось ему, что всѣ находятся въ одинаковомъ расположеніи, и онъ всѣхъ, туземныхъ и пріѣзжихъ, поспѣшилъ пригласить на большую вечеринку въ день именинъ жены своей, 24 ноября... Веселѣй и забавнѣе этого бала я не видалъ; онъ былъ вмѣстѣ и раутъ, и маскарадъ безъ масокъ"... „Праздникъ этотъ былъ только сигналомъ другихъ увеселеній, продолжавшихся во всю зиму" („Зап. Вигеля", IV, 70—71). „Итакъ, при свѣтѣ лампъ и люстръ,—съ грустью заключаетъ авторъ записокъ,—примѣтно началъ гаснуть огонь патріотическаго энтузіазма нашего. А кажется, было, чѣмъ питать въ насъ сіе священное пламя! Непріятель, хотя и бѣжалъ опрометью, но еще не выбѣжалъ за предѣлы Россійскаго государства" (ibidem). То же происходило въ Казани. По увѣренію одного корреспондента, тамъ „жить не скучно, будь бы обстоятельства наши не были разстроены. Здѣсь балы и концерты всякую недѣлю, а 12 числа былъ маскарадъ у губернатора, гдѣ было 570 человѣкъ" (Щук., IV, 350—351).

Не менѣе любопытенъ для насъ и эпилогъ войны.

Хотя, по словамъ военнаго историка Михайловскаго - Данилевскаго, при по-

жертвованіяхъ общественныхъ „обыкновенно постановлялось не требовать отъ казны вознагражденій“, однако окончаніе военныхъ дѣйствій сопровождалось массовыми просьбами о вознагражденіяхъ. И въ числѣ челобитчиковъ оказывались не только мелкія сошки вродѣ мелочного торговца или вдовы титулярнаго совѣтника, но и магнаты—князь А. М. Голицынъ и гр. Ворснцовъ. Одни просили о возмѣщеніи разграбленнаго и утеряннаго имущества, другіе оплаты произведенныхъ расходовъ на военныя нужды, третьи о дарованіи годатныхъ и другихъ льготъ по случаю „нашествія иноплеменника“. Появились реестры утраченныхъ вещей включительно до пуховой подушки стоимостью 2 рубля или пары мѣдныхъ кострюлей въ 10 рублей, квитанціи на поставленныхъ ратниковъ, счета расходовъ по снабженію войскъ провіантомъ, леченію раненыхъ, поставкѣ и т. п. (Щук., I, 40—41).

Всѣ такого рода документы вмѣстѣ съ просьбами предъявлялись правительству въ такомъ большомъ количествѣ, что оно, за невозможностью разобраться въ нихъ и удовлетворить просителей, должно было прекратить и выдачу пособій, и пріемъ прошеній (Щук., I, 218).

Вотъ въ какомъ видѣ представляется Отечественная война, если посмотрѣть на нее не издалека, а вблизи, и, не довѣряясь обманчивымъ первымъ впечатлѣніямъ сторонних наблюдателей, обратиться къ нелицепріятному свидѣтельству документовъ, исходившихъ отъ непосредственныхъ участниковъ событій—вольныхъ и невольныхъ.

В. Алексѣевъ.

ОТКЛИКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Просвѣтъ.

Г. Родичевъ—если вѣрить провинціальнымъ газетамъ—объявилъ войну лѣвымъ не на жизнь, а на смерть. Въ пику Пуришкевичу, предсказавшему, что вотъ-вотъ врагъ снова захватитъ „не только интеллигенцію, но и весь народъ, и снесетъ съ лица земли не только дворянство, но и духовенство“, „весьегонскій Дантонъ“ сдѣлалъ столь презрительный жестъ по адресу демократіи, что даже „Россія“ похлопала его по плечу.

Не успѣлъ г. Родичевъ закончить свою „пламенную“ характеристику, какъ, быть можетъ, самому же ему пришлось убѣдиться, что нѣтъ той силы, которая могла бы остановить развитіе демократіи; оно можетъ быть на время парализовано, остановлено, но, когда юридическія формы не соотвѣтствуютъ матеріальному содержанію момента, политическія нестроенія неизбѣжны. Полицейскія рогатки, какъ бы искуссно онѣ не ставились, все-таки цѣли не достигнутъ.

Правда, у г. Родичева есть извиненіе: о томъ, что дѣлается тамъ, внизу, на

днѣ народной жизни, онъ привыкъ судить по кадетскимъ газетамъ. У кадетскихъ же газетъ сюжеты гораздо болѣе пикантные, чѣмъ психологія народныхъ массъ со всѣми ея противорѣчіями. Для того, чтобы получить объективное представленіе о настроеніи лѣвыхъ, ему слѣдовало обратиться совсѣмъ къ другимъ органамъ печати, теперь опять выростающимъ, какъ грибы послѣ дождя, подъ первыми ясными лучами,—тѣмъ, которые тысячами фактовъ и цифръ свидѣтельствуютъ, что эпоха упадка, унынія, развала, эпоха малыхъ дѣлъ и приспособленія къ старому преодолена.

Отовсюду идутъ вѣсти одного и того же порядка. Извѣстна характеристика Пуришкевичемъ даже крестьянскихъ депутатовъ, правыхъ, на которыхъ возлагалъ такія надежды третьеіюньскій блокъ. «Дума,—говорилъ онъ въ «Русскомъ собраніи», — распропагандировала крестьянъ, и они вернутся въ народную массу, какъ вредный элементъ. Лишь немногіе крестьяне остались стойкими русскими людьми». Въ то время, какъ на одномъ полюсѣ хоронятся одинъ за другимъ законопроектъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, законопроектъ о свободѣ стачекъ, законопроектъ правыхъ крестьянъ о принудительномъ отчужденіи земель, на другомъ все это воскресаетъ въ былой широтѣ, съ былой силой и напряженіемъ

Конечно, не деревня даетъ тонъ поворотному моменту, и вѣсти, идущія оттуда, значительны развѣ для тѣхъ, у кого есть очи, чтобы видѣть. Точно такъ же и студенческія потуги далеки отъ того, что представляли университеты въ годы подъема молодыхъ силъ. Разочарованіе въ общественной работѣ, отсутствіе идейной коллективности, спортсменскія настроенія—все это еще слишкомъ живо для того, чтобы роль ея въ начинающемся движеніи была сколько-нибудь значительна. И въ этомъ смыслѣ г. Гредескулъ, говоря, что «врагъ, уже давно покинувшій предѣлы русской политической жизни», «не владѣетъ теперь даже и русскимъ студенчествомъ», въ извѣстной плоскости правъ. Но зато тѣмъ знаменательнѣе то, что дѣлается въ рядахъ городской демократіи: безчисленныя сообщенія съ мѣстъ, написанныя самими рабочими, какія мы находимъ въ лѣвыхъ газетахъ,—поистинѣ столь же неожиданная, сколько красочная картина. «Скоро разсвѣтъ», «не пора ли проснуться», «вѣдь, и мы имѣемъ право на жизнь», «если вы хотите жить, какъ люди, давайте сбросимъ опорки и одѣнемъ сапоги, стыдно намъ, что мы для людей шьемъ сапоги, а сами ходимъ въ опоркахъ»—только слушая всѣ эти восклицанія, исходящія изъ устъ обойщика, сапожника и пр., начинаешь понимать ту незримую постороннему взгляду работу, какая, очевидно, все время шла подъ ледянымъ покровомъ безвременья. Только для человѣка, стоявшаго лицомъ къ лицу съ массой, внимательно, съ неослабнымъ интересомъ отмѣчавшаго всѣ пріобрѣтенія, до поры до времени не использованныя, неожиданнаго въ этомъ нѣтъ.

Надо отдать справедливость труженикамъ, закладывающимъ зданіе народной прессы: они не преувеличиваютъ ни размѣровъ, ни значенія того ручейка,

который пробился на поверхность сквозь всяческія затрудненія, а разсматриваютъ его именно въ тѣхъ берегахъ, въ какихъ онъ протекаетъ. Процессъ, находящійся въ зачаточномъ состояніи, наблюдающійся преимущественно въ крупныхъ центрахъ,—вотъ рамки. Ни въ коемъ случаѣ не закрываетъ глаза рабочая интеллигенція на сѣрую массу, инертную, темную, несмотря на пробуждающіеся верхи. Вотъ въ какихъ краскахъ изображается духовный обликъ низовъ въ цѣломъ рядѣ мѣстъ приложенія труда—конечно, главнымъ образомъ, тамъ, гдѣ норовятъ брать рабочія силы прямо изъ деревни, и первый вопросъ, «какъ въ деревнѣ жилъ», а уже потомъ, послѣ низкаго поклона, слѣдуетъ: „ну, ладно, выходи". Тамъ, гдѣ первое, что рабочій запоминаетъ, это: „иди съ Богомъ", „голодай на здоровье", „въ это глухое время вы лишніе", сыплющіеся, какъ изъ рога изобилія направо и налѣво.

Если судить по рабочимъ корреспонденціямъ, главный недугъ только что пережитой мертвой полосы въ подобной средѣ—„зеленый змій". Напр., на заводѣ „Вулканъ" кузнецы предпочитаютъ „ходить въ казенку и въ портерную, чѣмъ думать о судьбѣ своей, книжками заняться, газету читать, въ союзъ по металлу ходить или на лекціи". Въ столярной мастерской Хорина рабочіе „ищутъ себѣ счастья и свободы на „зеленомъ лугу", „страшно упиваются монополькой" или, какъ только кончаютъ работу, бѣгутъ въ ближайшую чайную играть на билліардѣ. И рабочимъ столярно-мебельной мастерской Жаворонка „нужна монополька, а не согласіе и организація". На шоколадной фабрикѣ Ландрина рабочіе говорятъ: „чѣмъ намъ тратить пять копѣекъ на газету, мы лучше передъ обѣдомъ зайдемъ въ трактиръ, прибавимъ еще шесть копѣекъ и выпьемъ сотку, по крайней мѣрѣ, пообѣдаемъ съ аппетитомъ". На спасской фабрикѣ Максвэль „занимаются изученіемъ астрономіи около казенки" и т. д.

Неизмѣнный спутникъ „зеленаго змія", конечно,—умственная забитость. Рабочіе трубопрокатнаго завода „спятъ непробуднымъ сномъ." „Особенной темнотой отличается у насъ электрическій цехъ." Въ новомъ адмиралтействѣ рабочіе, когда соберутся, то „давай размазывать, кто сколько выпилъ, гдѣ подрались, кто съ ночной феей гулялъ". Интересы булочной Кокорева „вращаются около алкоголя", и здѣсь мало думаютъ, хотя работать имъ приходится по 18 часовъ въ сутки. Рабочіе финляндскаго легкового пароходства „умственно становятся все ниже и ниже". „Нравственно - культурные запросы не удовлетворяемъ, а ждемъ, какъ бы поскорѣе получить получку и пропиваемъ или несемъ куда-либо изъ такого же сорта низменныхъ учрежденій." Рабочіе городской телефонной сѣти не читаютъ не только „Звѣзду", но даже „Копѣйку". Сидя въ чайной во время обѣда, говорятъ развѣ о томъ, „кто какъ пропьянствовалъ и кто какъ гулялъ"

Отсюда—черты, общія стихійной жизни. Между рабочими „нѣтъ никакой дружбы, а есть только вражда" Напр., въ Бѣлостокѣ, гдѣ ненависть рабочихъ другъ къ другу возбуждается на національной поч-

вѣ, христіане - рабочіе не допускаютъ еврейскихъ рабочихъ, причемъ между обоими лагерями дѣло доходитъ до драки. То же—въ Екатеринославѣ. Среди рабочихъ много такихъ, которые только и живутъ языкомъ: имъ за это „хорошо платятъ“. Вотъ, напр., главныям астерскія сѣверно-западныхъ жел. дорогъ: „рабочіе у насъ черносотенецъ на черносотенцѣ, если что скажешь, то мастеру уже извѣстно“. „На фабрикѣ Воронина кляузы, доносы развиты, какъ нигдѣ, очень въ ходу“.

Особая категорія—т. н. „бывшіе люди“. Напр., среди чернорабочихъ общества электрическаго освѣщенія, до того работавшихъ на заводахъ, „есть много сознательныхъ, но большинство изъ нихъ отказывается вести какую бы то ни было борьбу и только гордо вспоминаетъ о своемъ прошломъ. Въ вязальной мастерской Корнилова, „человѣкъ именующій себя сознательнымъ и руководившій когда-то въ былые годы организаціей кружковъ среди приказчиковъ“, теперь, завѣдуя мастерской, ничѣмъ не отличается отъ самаго безсовѣстнаго мастера. Въ товариществѣ „Треугольникъ“ бывшій „политикъ“ штрафуетъ болѣе всѣхъ. На франко-русскомъ заводѣ эти „бывшіе“ умудряются подъ вывѣской заводской библіотеки продавать билеты и устраивать спектакли (случай 10 декабря прошлаго года), гдѣ къ удивленію выпиваютъ по восьми ведеръ водки, а чистый остатокъ въ суммѣ 62 руб. до сихъ поръ не внесенъ въ фондъ заводской библіотеки“. На шоколадной фабрикѣ Ландрина „бывшіе сознательные стали забывать свое пробудившееся сознаніе. Мало того, они даже смѣются и осуждаютъ тѣхъ, кто еще держится своего проснувшагося сознанья и не даетъ ему уснуть, какъ у многихъ бывшихъ передовыхъ рабочихъ“. Въ типографіи Голике и Вильборгъ послѣ 6 час. начинаютъ „дуть на задѣльныхъ самыя выгодныя дѣла. И это дѣлаютъ все бывшіе сознательные, товарищи, бывшіе члены профессіональнаго союза“. Среди этого застоя и тупого равнодушія даже московскіе печатники, московскій „шестой державный гражданинъ“, имѣвшій такое славное прошлое, погрязъ одно время въ „пьянствѣ, ссорахъ да личныхъ дрязгахъ.“

Конечно, разъ такъ, то и зачатки самодѣятельности рабочей, одно время пышно процвѣтавшей, сплошь и рядомъ обрѣтаются въ такихъ отсталыхъ слояхъ въ самомъ печальномъ состояніи. Если есть организація, то члены убываютъ, новыхъ не прибываетъ, всѣ попытки оживить общество кончаются неудачей, рабочіе относятся совершенно индифферентно. Такъ, напр., обстоитъ дѣло съ профессіональнымъ союзомъ арсенальныхъ рабочихъ. Среди рабочихъ электротехниковъ есть данные для созданія профессіональнаго союза, но совершенно нѣтъ кружка, который бы взялъ на себя починъ. Вѣдь, „почти никто изъ „бывшихъ людей“ не ударитъ теперь палецъ о палецъ, чтобъ создать коллективъ для организаціи среди своихъ сослуживцевъ и рабочихъ и войти, какъ составная часть, въ союзъ металлистовъ“. Союзъ рабочихъ по обработкѣ мрамора и гранита стоитъ, „какъ на морѣ маякъ съ разбитыми стеклами и безъ свѣту

и, къ стыду нашему, всѣми забытый“. Точно такъ же на путиловскомъ заводѣ въ союзъ никто и не думаетъ записываться“. Въ обществѣ рабочихъ по производству издѣлій изъ кожи пьянство, развитое среди рабочихъ, тормозитъ всѣ лучшія начинанія: къ концу 1911 г. всѣ члены вышли изъ общества, большинство собраній не могло состояться за неявкой законнаго числа членовъ.

Это въ Петербургѣ. То же и въ другихъ городахъ. Вотъ, напр., тульскій оружейный заводъ. Нѣтъ прилива новыхъ членовъ. „Спитъ рабочая интеллигенція, не предпринимающая ничего къ поднятію духа и популярности умирающаго союза“. Большинство сознательныхъ рабочихъ предпочитаетъ работать въ „похоронной кассѣ“. „Мало того, обстановка и условія, созданныя послѣдними оставшимися вѣрными союзному знамени работниками, сдѣлали невозможными какую бы то ни было идейную работу въ профессіональной орагнизаціи“. То же, что относится къ союзамъ, сохраняетъ силу и по отношенію къ просвѣтительнымъ учрежденіямъ. „У насъ есть библіотека съ массой разныхъ книгъ,—пишетъ булочникъ, а наши булочники только бросаются въ пьянство, въ игру въ карты и на билліардѣ.“ Тѣмъ неохотнѣе идутъ на лекціи.

Нѣтъ солидарности, неимовѣрный гнетъ не прошелъ даромъ для рабочаго, рабочіе вмѣсто того, чтобы подумать надъ своей судьбой, пускаются въ пьянство... Нужна ли болѣе безпощадная характеристика самихъ себя! Но политическія и экономическія депрессіи, ликвидація рабочей самодѣятельности сверху и снизу, всѣ ягодки фабричнаго крѣпостничества съ сверхурочными работами, съ удлиненіемъ рабочаго дня—и не могли дать иного результата въ сѣрой массѣ. Если же авторы-рабочіе предпочитаютъ скорѣе подчеркнуть ту или иную язву своего безвременья, чѣмъ умолчать объ ней, то ясное дѣло: послѣ такого самобичеванія и картина подъема трудовой Россіи не можетъ быть преувеличенной.

На первый взглядъ этому оживленію противорѣчатъ вышеприведенные факты. Но достаточно присмотрѣться къ рабочимъ категоріямъ, къ которымъ они относятся, чтобы понять, что противорѣчія здѣсь нѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ это или отсталыя формы производства, куда берутся преимущественно рабочіе деревенскіе, малограмотные, или чернорабочіе—низшіе слои пролетаріата. Совсѣмъ другое—въ крупныхъ мастерскихъ, въ рабочихъ верхахъ. Если сѣрый рабочій еще таковъ, то не можетъ быть сомнѣнія: вопреки этимъ забитымъ сѣрымъ массамъ, повышеніе культурнаго уровня рабочихъ въ общемъ, наличность рабочей интеллигенціи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова — неопровержимый фактъ. Есть пьянство, есть разочарованіе въ общественной работѣ, есть вражда вмѣсто единенія, но рядомъ съ этимъ идетъ другая работа, недоступная поверхностному взгляду. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ съ другого конца идейную физіономію рабочихъ, съ одного конца столь темныхъ, сѣрыхъ, невѣжественныхъ.

Сводъ отчетовъ общественныхъ библіотекъ за послѣдніе годы далъ любопытный итогъ. Оказывается, что въ то

время, какъ требованія на политическую книгу, вообще, неудержимо падали, самое большее число ихъ предъявляло демократическая часть читателей, та именно часть, которая занимается физическимъ трудомъ. Интересъ къ серьезной книгѣ, къ общественнымъ вопросамъ все крѣпнетъ въ средѣ демократическихъ читателей, кабинетовъ для чтенія. Въ рядахъ рабочихъ, ремесленниковъ, приказчиковъ намѣчается новый типъ читателя, котораго уже не удовлетворяетъ одна газета, одна брошюрка, изъ которой онъ еще не такъ давно черпалъ всѣ свои представленія о мірѣ. То же видимъ изъ отчетовъ народныхъ университетовъ. Гдѣ только съ наукой шли къ рабочимъ, въ районы, населенные рабочими, приказчиками, ремесленниками, народный университетъ становился твердой ногой, создавая постоянный контингентъ слушателей.

Дѣятельность рабочихъ на съѣздахъ—продуктъ этого стремленія къ знанію. Рабочіе выступали не только съ собственными резолюціями, но и докладами еще на женскомъ съѣздѣ. Это были доклады объ условіяхъ женскаго труда, объ охранѣ труда женщинъ, о фабричныхъ инспектриссахъ. На съѣздѣ фабричныхъ врачей были доклады рабочихъ о состояніи медицинской помощи на фабрикахъ и заводахъ, о жилищномъ вопросѣ. Когда организаторы съѣзда предложили автору доклада о жилищныхъ условіяхъ рабочихъ нефтяныхъ промысловъ въ Баку напечатать его въ трудахъ, то, къ удивленію ихъ, оказалось, что въ рукахъ рабочаго были однѣ цифры да выписки изъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ. Не меньшее вниманіе обратилъ на себя докладъ рабочаго на антиалкогольномъ съѣздѣ, составленный на основаніи анкеты о развитіи алкоголизма, доклады рабочихъ на съѣздѣ народныхъ университетовъ о рабочихъ обществахъ самообразованія, объ отношеніи профессіональныхъ союзовъ къ народнымъ университетамъ и т. д.

Конечно, докладчики - рабочіе — отдѣльныя лица, но изъ отдѣльныхъ лицъ состоитъ рабочая демократія. Вотъ, напр., общество имени М. М. Стасюлевича, организовавшее спектакль. Общество, обходящееся „почти безъ всякой помощи интеллигенціи", „весьма серьезно относится къ вопросамъ искусства и къ его значенію для рабочихъ". На одно сообщеніе о темнотѣ, безграмотности, обязательно въ двухъ-трехъ читаешь: „жажда знанія у насъ большая", „гдѣ бы раздобыть книгъ". Одинъ—спеціалистъ по обществамъ самообразованія, другой—дѣятель профессіональной организаціи, третій—корреспондентъ рабочей газеты—и все это рядовые рабочіе. Въ этомъ отношеніи характеренъ разсказъ г. Б. Ш-а, пришедшаго въ помѣщеніе одного изъ профессіональныхъ союзовъ, чтобы купить нѣсколько №№ издаваемаго союзомъ журнала. Чего бы ни коснулся разговоръ, секретарь говорилъ увѣренно, съ видимымъ знаніемъ дѣла. Смущенія передъ интеллигентомъ не только не было ни капли, но, напротивъ, чувствовался простой рабочій, прошедшій огонь и воду и мѣдныя трубы и заставлявшій вѣрить въ то, что онъ доказывалъ. Каково же было удивленіе г. Ш-а, когда впослѣдствіи оказалось,

что этотъ рабочій, такъ обстоятельно знакомый съ своимъ дѣломъ, даже курса начальной школы не кончилъ. „Нѣтъ,—говоритъ,—знаете, я только писать умѣю кое-какъ, а школы никакой не кончилъ. Такъ ужъ сложились въ дѣтствѣ обстоятельства“.

Гдѣ только эта внутренняя работа самоопредѣленія совершалась, тамъ сдвигъ съ мертвой точки ощутителенъ.

И любопытны факты, которыми живая жизнь пробиваетъ себѣ дорогу. Благотворительныя увлеченія послѣдняго времени—„колосъ ржи“, „бѣлый цвѣтокъ“, „синій цвѣтокъ“ и т. д.—конечно, захватили и рабочія массы. Можно увѣренно сказать, что значительная часть благотворительныхъ суммъ составилась изъ грошей рабочихъ, приказчиковъ, низшихъ служащихъ. Но въ то время, какъ масса шла навстрѣчу приглашеніямъ гг. благотворителей, сознательные верхи предостерегали ее отъ „благотворительнаго маскарада“. Напр., на вагоностроительномъ заводѣ бывш. Рѣчкина въ день „колоса ржи“ не успѣли еще расклеить афиши по поводу сбора, какъ уже рабочіе зашумѣли: „куда, кто собираетъ? дойдутъ ли собранныя деньги по назначенію?“. Когда вопросы эти были разрѣшены, то постановили не бросать въ кружки такъ слѣпо, какъ прежде, а собрать по подписнымъ листамъ, сколько возможно. Рабочіе кабельнаго завода, не удовлетворившись сборомъ „колоса ржи“, тоже открыли подписной листъ и т. д. Дѣло въ томъ, что представители рабочихъ письменно въ газетахъ изъявили желаніе принять участіе въ распредѣленіи помощи, требующемъ, по ихъ мнѣнію, самаго строгаго общественнаго контроля, но ихъ заявленіе во вниманіе принято не было. Вотъ, напр., 20 апрѣля прошлаго года, въ день „бѣлаго цвѣтка“, ходили сборщики по заводамъ и собирали рабочіе пятаки. Либеральные писатели рисовали умилительныя картинки съ натуры. Но гдѣ же отчеты въ расходованіи суммъ, распространены ли они среди рабочихъ, приглашены ли представители рабочихъ во всероссійскую лигу борьбы съ чахоткой... Вѣдь, съ тѣхъ поръ прошло не мало времени. Конечно, рабочимъ необходимо организовать сборъ,— разсуждаетъ рабочая интеллигенція,—но если на каждомъ заводѣ, фабрикѣ долженъ быть организованъ сборъ, то онъ долженъ миновать руки „благотворительницъ“ и направляться непосредственно по назначенію, хотя бы, напр., на мѣста въ общества помощи голоднымъ. Такимъ образомъ, вы видите въ рабочей прессѣ цѣлый рядъ отчисленій, организуемыхъ въ рабочей средѣ. Собираютъ въ фондъ ежедневной рабочей газеты, въ пользу голодающихъ, въ пользу пострадавшихъ отъ ленскаго разстрѣла, собираютъ тысячи, сотни, десятки, смотря по важности предмета.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, самые разные слои рабочей демократіи пытаются реагировать на внѣ ихъ стоящіе авторитеты. Кажется, на что ужъ политически невоспитаны приказчики, долгіе годы работавшіе по 17—18 час., не думая ни объ отдыхѣ, ни о лекціяхъ, ни о разумныхъ развлеченіяхъ. И вотъ Государственный Совѣтъ своимъ пятнадцатичасовымъ рабочимъ днемъ, окончательно

закабаляющимъ „раба прилавка", поднялъ на ноги даже самыхъ инертныхъ. Нижній-Новгородъ и Пенза, Самара и Херсонъ, Уфа и Екатеринодаръ, Новороссійскъ и Барнаулъ, Ростовъ и Орелъ, Кіевъ и Сызрань—положительно трудно указать городъ, приказчики котораго не обратились, по преимуществу, къ соціалдемократической фракціи съ тѣмъ или инымъ заявленіемъ по поводу нарушенія ихъ правъ. Приказчики не только подчеркиваютъ, что они остаются вѣрны постановленіямъ III съѣзда торговыхъ служащихъ, въ особенности, требованію восьмичасового рабочаго дня, но проектируютъ созывъ съѣзда, который могъ бы отъ имени всего торговаго пролетаріата реагировать на выходку Государственнаго Совѣта. Правда, нѣкоторая часть приказчиковъ, побывавшихъ въ школѣ кадетскаго благоразумія, обратилась съ челобитной въ Государственный Совѣтъ по старому крестьянскому обычаю, но, такъ или иначе, приказчичье море движется. Вотъ, напр., въ какихъ выраженіяхъ изображаетъ его московскій корреспондентъ: „Давно уже въ Москвѣ не было такого оживленія среди приказчиковъ, какое наблюдается теперь. Еще никогда не приходилось наблюдать такое рѣдкое единодушіе. Передъ лицомъ опасности объединились всѣ". Разумѣется, тѣмъ ярче это стремленіе къ созданію общественнаго рабочаго мнѣнія среди промышленнаго пролетаріата. Соціалдемократическая фракція стала центромъ, объединившимъ тысячи всевозможныхъ обращеній, заявленій, порученій. Рабочіе завода общества безпроволочныхъ телеграфовъ и телефоновъ просятъ фракцію внести запросъ въ Думу о систематическихъ гоненіяхъ на рабочую печать. Рабочіе типографіи Брокгаузъ-Эфронъ просятъ принять мѣры къ выясненію незаконности закрытія общества полиграфическаго производства. Служащіе общества потребителей при путиловскомъ заводѣ привѣтствуютъ законопроектъ о свободѣ коалицій, внесенный фракціей. Безчисленныя обращенія поднимаютъ вопросъ о пересмотрѣ дѣла соціалдемократической фракціи второй Думы и т. д.

Если все это непосредственнаго значенія не имѣетъ, то передъ рабочей демократіей стоятъ уже и чисто практическія задачи. Едва ли я ошибусь, если скажу, что онѣ сводятся къ тремъ пунктамъ: профессіональному объединенію, созданію рабочей прессы и рабочаго дома,—центра, которой соединилъ бы въ одно неразрывное цѣлое различныя формы рабочей самодѣятельности.

„Мы давно не переживали такого бурнаго періода организаціонныхъ рабочихъ проявленій", сообщаетъ рабочій полиграфическаго производства; управленіе союзомъ является настоящей школой для нихъ, рядомъ съ нарожденіемъ рабочихъ руководителей растетъ сознаніе и рядовыхъ членовъ. Передъ металлистами стоитъ задача поднять новый союзъ на должную высоту, въ виду закрытія стараго. Булочники и кондитеры „уже стали понимать союзъ не какъ кассу взаимопомощи", а какъ организацію, ставящую своей цѣлью признаніе рабочаго, какъ человѣка. Въ общество рабочихъ по обработкѣ дерева за послѣдніе 2 мѣсяца поступило 94 члена и т. д. «Надо записываться въ свое рабо-

чее общество, въ рабочій союзъ; вѣдь, какъ стадо овецъ безъ пастуха бродитъ такъ и мы безъ союза»;—эти восклицанія идутъ со всѣхъ сторонъ, и, въ самомъ дѣлѣ, видишь общія собранія профессіональныхъ обществъ, кооперативовъ, обществъ самообразованія, гдѣ интеллигентъ-руководитель совершенно сталъ излишенъ. Видишь, какъ рабочій входитъ во всѣ мелочи организаціонной жизни, разбираясь въ самыхъ сложныхъ комбинаціяхъ. Видишь, какъ эта работа, длительная и упорная, требующая выдержки, дисциплинируетъ, воспитываетъ рядового рабочаго, хотя и до сихъ поръ многіе изъ записавшихся въ союзъ или общество самообразованія, ждавшіе ближайшихъ результатовъ и неудовлетворенные въ своихъ ожиданіяхъ, уходятъ. Умѣніе говорить, управлять собой, привычка къ порядку—внѣ сомнѣнія; переживъ кризисъ и внѣшній, и внутренній, органы рабочей самодѣятельности опять становятся на ноги. Появляются общества, живущія исключительно на свои средства, на членскіе взносы, среди отлива и прилива вырабатывается ядро—тѣ тѣсныя узы, безъ которыхъ никакая коллективная работа не оставляетъ слѣда. Предпринимаются анкеты, дававшія результаты и въ прежніе годы, и что именно существенно,—это отношеніе массы къ анкетамъ. Прежняя боязнь анкетныхъ листковъ исчезаетъ. Наоборотъ, сталкиваясь другъ съ другомъ, рабочіе усваиваютъ себѣ мысль о статистикѣ труда, о ея значеніи для нихъ.

Вторая задача—созданіе рабочей прессы. 15 апрѣля, съ разрѣшенія градоначальника, въ Петербургѣ состоялось собраніе въ 600 чел. Рѣчь шла объ организаціи товарищества для изданія рабочей газеты, причемъ собраніе въ присутствіи полиціи избрало комиссію изъ 8 человѣкъ для дальнѣйшей разработки вопроса—это ли не новое для нашего отечества явленіе! У рабочихъ не мало профессіональныхъ органовъ, каковы „Металлистъ", „Новое Печатное Дѣло", „Голосъ Конторщика" и пр. Въ этомъ году возникаетъ „Кіевскій Печатникъ", „Объединеніе"—журналъ сельскохозяйственныхъ служащихъ. Но теперь, когда рабочее оживленіе растетъ и ширится, когда уже на очереди выборы въ четвертую Государственную Думу, мысль рабочей интеллигенціи вращается около рабочей политической прессы. „Товарищи, вспомните, какъ вы усердно,—пишетъ рабочій экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ,—дѣлали сборы на золотые часы Ушакову! Такъ неужели не можете пожертвовать, кто сколько можетъ, на рабочую газету?!" „Откажемся отъ монопольки,—зоветъ рабочій-электротехникъ,—кто сколько тратитъ каждый мѣсяцъ, и отдадимъ въ фондъ рабочей газеты". „Время слишкомъ тяжелое, чтобы молчать",—добавляетъ металлистъ. „За неимѣніемъ союзовъ, кружковъ, просвѣтительныхъ обществъ духовный голодъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ, а рабочая газета своимъ содержаніемъ, конечно, не будетъ походить ни на одну изъ тѣхъ газетъ и газетокъ, цѣль которыхъ—барышъ или убаюкиваніе и отравленіе сознанія и мысли". Трудно указать лозунгъ, болѣе популярный въ рабочей средѣ. Подобно тому, какъ профессіональный союзъ пред-

ставляется ей панацеей отъ золъ матеріальнаго гнета, такъ газета—даже въ рамкахъ россійской легальности — ей кажется идейнымъ рулемъ, при помощи котораго можно разобраться во всѣхъ противорѣчіяхъ современныхъ отношеній.

Значительно меньше вниманія удѣляется уже рабочему дому, такъ какъ въ этомъ случаѣ „радость была бы, если можно выразиться, академическая". Конечно, въ Западной Европѣ рабочіе дома являются главными очагами рабочей культуры. Но слишкомъ ужъ много препятствій для воплощенія этого „символа мощи сознательнаго пролетаріата". Правда, тѣ же препятствія сторожатъ газету у ея колыбели, профессіональный союзъ при его зарожденіи, но—разъ есть свободныя суммы,—вопросъ въ томъ, куда ихъ цѣлесообразнѣе употребить.

Въ итогѣ рабочее движеніе вновь мѣняетъ свою линію. Ни для кого не тайна та огромная стачечная волна, которая катится съ конца 1910 г., а теперь достигаетъ особенно значительныхъ размѣровъ. Въ свое время мы отмѣчали оборонительный характеръ экономическихъ выступленій рабочихъ, этой борьбы за заработную плату, рабочій день, вѣжливое обращеніе и пр. Затѣмъ оборонительныя стачки переходятъ въ наступательныя требующія уже не возстановленія добытыхъ улучшеній и правъ въ области отношеній труда и капитала, а новыхъ уступокъ духу времени.

Теперь же движеніе переходитъ на третью ступень. Вся вторая половина апрѣля и первая мая прошла въ митингахъ, протестахъ, демонстраціяхъ. Любопытна оцѣнка, которую даетъ этой вспышкѣ „Россія". Она увѣряетъ, что до пятнадцатаго апрѣля не могла въ точности знать, какъ будутъ реагировать на ленскія событія рабочіе Петербурга; что только траурныя забастовки убѣдили ее, насколько рабочіе „смотрятъ на происшедшее здравымъ образомъ". Для того, чтобы должнымъ образомъ принять остроту оффиціозной „Россіи", надо имѣть въ виду, что забастовки протеста по поводу ленскихъ событій, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ другихъ городахъ были единодушны, даже по свидѣтельству оффиціозныхъ газетъ. Развѣ „здравый" взглядъ—въ поразительной дисциплинѣ, напоминающей германскихъ рабочихъ, въ отсутствіи какихъ бы то ни было излишествъ? Точно такъ же „Россія" доказывала 1 мая, что руководители рабочаго движенія лишь навязываютъ русскимъ рабочимъ 1 мая, какъ день, когда соціализмъ торжественно заявляетъ о себѣ міру, но что на самомъ дѣлѣ въ обстановкѣ русской жизни празднованіе международнаго дня безпочвенно. А въ номерѣ отъ 2 мая та же „Россія" заявляетъ, что число рабочихъ, прекратившихъ работу съ утра 1 мая на фабрикахъ, заводахъ, въ мастерскихъ и типографіяхъ, достигло 100.000 въ Петербургѣ. Другая сотня тысячъ бастовала въ Москвѣ, Харьковѣ, „предпочитая,—какъ говоритъ казенная газета,—проведеннымъ въ трудѣ днямъ, дни, проводимые на митингахъ протеста".

Ужъ, въ самомъ дѣлѣ, не подкупила ли „сосѣдняя держава" рабочихъ по случаю предстоящей выборной кампаніи,

не въ силѣ ли здѣсь тѣ „невидимыя пружины", о которыхъ говорилъ г. Литвиновъ-Фалинскій нововременскому сотруднику!

Л. Клейнборть.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II и КОНСТИТУЦІЯ.

(Письмо изъ Германіи).

Императоръ Вильгельмъ II вновь произнесъ одну изъ тѣхъ своихъ краткихъ, но выразительныхъ рѣчей, отъ которыхъ во всей странѣ, точно въ потревоженномъ ульѣ, поднимается сердитый гулъ. Газетные листы и народные ораторы вновь сердито шумятъ о „личномъ режимѣ", о необходимости положить ему конецъ, о натянутыхъ отношеніяхъ между конституціей и Вильгельмомъ II, о неудержимомъ краснорѣчіи императора...

Причиною, поднявшею этотъ шумъ, была рѣчь, произнесенная Вильгельмомъ II въ Страсбургѣ. Обстоятельства дѣла извѣстны русскому читателю изъ газетъ и на нихъ останавливаться не стоитъ. Вильгельмъ II остался недоволенъ свѣжеиспеченнымъ Эльзасъ-Лотарингскимъ ландтагомъ, который мягко и осторожно осудилъ шовинистскія мѣры правительства, лишившаго эльзасскій заводъ казенныхъ заказовъ на вагоны подъ предлогомъ „французскихъ" симпатій его директора.

Эльзасскій ландтагъ прогнѣвалъ императора Вильгельма еще рядомъ мелкихъ постановленій. И вотъ разгнѣванный ослушнымъ ландтагомъ императоръ на торжественномъ обѣдѣ у лотарингскаго статсъ-секретаря въ присутствіи множества оффиціальныхъ лицъ грозно обѣщаетъ эльзасцамъ:

— Если и дальше такъ будетъ продолжаться, то я разнесу въ щепки вашу конституцію и изъ Эльзасъ-Лотарингіи сдѣлаю прусскую провинцію.

Эта-то темпераментная рѣчь императора Вильгельма подняла во всей странѣ возмущенный гулъ общественнаго мнѣнія.

Вновь нѣмецкій императоръ самымъ жестокимъ образомъ разсорился съ конституціей и пригрозилъ тѣмъ, что выполнить онъ можетъ лишь путемъ самаго опредѣленнаго и рѣшительнаго нарушенія конституціи, т. е. путемъ государственнаго переворота. Лишить Эльзасъ-Лотарингію конституціи и обратить ее въ „прусскую провинцію" Вильгельмъ II, конечно, не имѣетъ ни конституціоннаго права, ни фактической возможности.

Это и нѣмцы, и эльзассцы отлично знаютъ. Съ этой стороны гнѣвныя угрозы Вильгельма безсильны. Но онѣ встревожили и разсердили общественное мнѣніе Германіи съ иной стороны. Онѣ показали, что Вильгельмъ по прежнему живетъ въ области грезъ, что онъ

лишь внѣшне примирился съ той ролью, которую отвела ему конституція.

Невольно вспоминаются бурные ноябрьскіе дни 1908-го года. Это были памятные въ новѣйшей политической исторіи Германіи дни, когда въ англійской газетѣ появилось интервью съ нѣмецкимъ императоромъ. Въ интервью этомъ императоръ отъ своего личнаго имени свободно и вольно высказывался по самымъ острымъ и щекотливымъ политическимъ вопросамъ. Съ чисто военною смѣлостью разрубалъ Вильгельмъ запутанные политическіе узлы, затрагивалъ больные вопросы взаимныхъ политическихъ отношеній Германіи и Англіи.

По всей Германіи поднялся невообразимый шумъ. Газеты всѣхъ политическихъ исповѣданій протестовали противъ этого проявленія личнаго режима, противъ этого рѣшительнаго личнаго вмѣшательства императора въ политическую жизнь страны. А когда вопросъ этотъ всталъ передъ рейхстагомъ, въ немъ разразилась небывалая буря. Долго не смолкали гнѣвныя рѣчи, раздазались рѣшительныя требованія поставить преграды личному вмѣшательству императора въ политику. На бѣднаго канцлера Бюлова сыпались жгучіе, какъ горячіе каштаны, упреки. И канцлеръ, блѣдный и взволнованный, просилъ рейхстагъ успокоиться, онъ заявилъ, что не остался бы на своемъ посту, рѣшительно подалъ бы въ отставку, если бы императоръ не далъ ему категорическаго обѣщанія впредь представлять на просмотръ канцлера всѣ подобнаго рода рѣчи и возложить на себя обязанность большей сдержанности и осторожности.

Даже консервативныя партіи оказались тогда въ лагерѣ оппозиціи. Въ сдержанныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ ихъ газеты и депутаты заявляли, что императоръ не можетъ забывать, что Германія страна конституціонная и что помимо этого личное вмѣшательство Вильгельма II въ политическіе вопросы поведетъ только къ тому, что личность главы государства будетъ втянута въ бурный водоворотъ политической полемики и политической борьбы.

Лѣвыя партіи, не говоря уже о соціалъ-демократахъ, шли дальше. Нотаціи и наставленія казались имъ ненадежнымъ средствомъ. Надо было создать „гарантіи", которыя бы сдѣлали невозможными дальнѣйшія импульсивныя выступленія краснорѣчиваго императора по политическимъ вопросамъ.

И благодушная часть либеральной прессы склонна была думать, что эти гарантіи будутъ созданы, что нѣтъ худа безъ добра и политическое выступленіе императора, носящее явный абсолютическій характеръ, поведетъ къ укрѣпленію и расширенію конституціи.

Но—увы!—все ограничилось лишь увѣреніемъ канцлера Бюлова, что императоръ Вильгельмъ II впредь будетъ воздерживаться отъ подобныхъ выступленій.

Стихла ноябрьская буря. Императоръ Вильгельмъ усердно отдался охотѣ, спорту и военнымъ дѣламъ.

Казалось, что онъ, дѣйствительно, далъ и держитъ обѣтъ ораторскаго воздержанія.

Но это только казалось. Долго краснорѣчивый и горячій императоръ Вильгельмъ не выдержалъ. Скоро нѣмецкимъ депутатамъ и газетамъ пришлось вновь шумѣть и негодовать по тому же поводу—проявленія личнаго режима.

Вновь Вильгельмъ II произноситъ рѣчь и вновь эта рѣчь зажигаетъ въ странѣ горячія и негодующія пренія. На этотъ разъ Вильгельмъ произноситъ рѣчь въ Кенигсбергѣ. Онъ высказываетъ въ этой рѣчи столь же глубокое убѣжденіе въ своемъ божественномъ назначеніи, сколь презрительное мнѣніе о „текущихъ“ и преходящихъ политическихъ настроеніяхъ и мнѣніяхъ.

Вильгельмъ II твердо и увѣренно заявилъ, что, Богомъ призванный править страной, онъ не обращаетъ вниманія на политическія воззрѣнія нынѣшняго времени.

И вновь эта рѣчь, точно взорвавшаяся неожиданно ракета, привлекаетъ всеобщее вниманіе. Правительственная печать спѣшила сгладить смыслъ рѣчи императора. Она ссылалась на неточность ея передачи, на невѣрность ея пониманія.

Стихла поднятая буря. Императоръ Вильгельмъ вновь усердно охотился, занимался флотомъ, войскомъ, спортомъ и молчалъ на политическія темы.

Но опять не на долго выдержалъ. Непослушаніе эльзассцевъ его взорвало и прервало „конституціонное молчаніе“. Онъ произноситъ упомянутую страсбургскую рѣчь съ угрозою разнести въ щепки конституцію Эльзасъ-Лотарингіи—и, когда мы пишемъ эти строки, газетные листи Германіи, точно лѣсъ подъ налетѣвшей бурей, грозно шумятъ. Все о томъ-же—о гарантіяхъ, о личномъ режимѣ.

Первые выстрѣлы сдѣлалъ уже и рейхстагъ. Тамъ соц.-дем. депутатъ Шейдеманъ уже подвергъ суровой критикѣ политическое соло императора Вильгельма и осыпалъ сарказмами нѣмецкій парламентъ за то, что онъ ничего, кромѣ безсильныхъ бумажныхъ резолюцій, не принимаетъ противъ проявленій личнаго режима.

Чрезвычайно характерное знаменіе времени; депутатъ Германіи ставитъ нѣмцамъ въ примѣръ... китайцевъ.

Сейчасъ шумъ, поднятый рѣчью Вильгельма, еще не стихъ. Она еще долго будетъ служить предметомъ ожесточенныхъ выступленій, пока не надоѣстъ и не будетъ заглушена новою политическою сенсаціей.

А императоръ Вильгельмъ?

На годъ, на два онъ дастъ зарокъ не произносить политическихъ рѣчей. А черезъ годъ, черезъ два, несомнѣнно, произнесетъ такую же страстную „разносительную“ по отношеніи къ конституціи рѣчь и вновь подниметъ политическую бурю.

Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: прошлое тому порукою. Да и вся романтическая средневѣковая натура Вильгельма II совершенно не мирится съ ролью конституціоннаго монарха.

Вильгельмъ II, несомнѣнно, одна изъ самыхъ яркихъ и колоритныхъ фигуръ политическаго небосклона Европы. Онъ опоздалъ родиться по меньшей мѣрѣ на одно, если не на два, столѣтія. Както даже странно, что на тронѣ Гер-

маніи, прокопченной фабричнымъ дымомъ положительнѣйшей капиталистической цивилизаціи, сидитъ воплощенный романтикъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что онъ „орудіе неба" и что только по непростительной слабости своихъ предковъ онъ разжалованъ въ конституціонные монархи.

По терпѣливому подсчету нѣмецкихъ газетъ, Вильгельмъ II произнесъ на своемъ вѣку около 1000 рѣчей. Наиболѣе яркія изъ этихъ рѣчей — драгоцѣннѣйшій матеріалъ для политическаго автопортрета германскаго императора.

Всѣ эти рѣчи строго выдержаны въ одномъ и томъ же стилѣ политической романтики. Въ одной изъ своихъ рѣчей Вильгельмъ II заявилъ:

„Въ Германіи только одинъ господинъ. Это—я. И я не потерплю рядомъ съ собою никакого другого господина".

Это звучитъ гордо. Но—увы!—въ Германіи, несмотря на ея политическую отсталость, это звучитъ хотя и гордо, но безсильно.

И не даромъ императоръ Вильгельмъ столько разъ сѣтовалъ на „уступчивость" Фридриха IV, который въ 1848 году отказался отъ своихъ божественныхъ правъ и этимъ обрекъ нѣмецкихъ императоровъ на тусклое и сѣрое конституціонное существованіе,

„Если-бы, — раздраженно замѣтилъ однажды Вильгельмъ II, — Фридрихъ IV обладалъ тѣмъ духомъ, какимъ владѣетъ турецкій султанъ, то нынѣ нѣмецкій императоръ сохранилъ бы въ цѣлости свою власть, если бы даже для этого пришлось залить народною кровью всѣ улицы Берлина въ отвѣтъ на мартовскіе дни 1848 года".

Но—увы!—и турецкій султанъ, которымъ такъ любовался Вильгельмъ II, которому онъ такъ искренно, такъ афишированно завидовалъ, даже онъ скоро пересталъ радовать абсолютистское сердце нѣмецкаго монарха. И онъ вынужденъ былъ совершить ту „ошибку" которую Вильгельмъ II не можетъ простить Фридриху IV, — провозгласить конституцію.

А, вѣдь, долгое время глазъ Вильгельма II только и отдыхалъ, что на турецкомъ султанѣ. Онъ такъ искренно и такъ глубоко завидовалъ этому „настоящему монарху", онъ считалъ его своимъ ближайшимъ другомъ, писалъ ему нѣжныя письма., умоляя его не уступать ни одной пяди своей неограниченной власти.

Измѣнилъ и турецкій султанъ. Теперь не на комъ отдохнуть глазу императора Вильгельма II. Въ самой Германіи императору Вильгельму лишь суждены автократическіе порывы, но совершить государственнаго переворота не дано.

Въ очень ужъ прозаическій вѣкъ пришлось жить романтической натурѣ Вильгельма II. По всей странѣ стелется ѣдкій дымъ капиталистической цивилизаціи, отовсюду выкуривая всѣ остатки и пережитки стараго патріархальнаго строя. Подточенныя духомъ времени, рушатся патріархальныя отношенія между отцами и дѣтьми, между рабочими и капиталистами, между правительствомъ и народомъ. Сказочно быстро растетъ городская демократія

соціалистическая армія становится все организованнѣе и многочисленнѣе.

Вильгельмъ II былъ увѣренъ, что онъ раздавитъ „соціалистическую сволочь" сапогомъ исключительнаго закона. Но на это пришлось покинуть надежды. Изъ года въ годъ, отъ выборовъ къ выборамъ, вырастаетъ соціалистическая армія, знаменуя собою общій ростъ демократіи. И въ этомъ чаду и дымѣ капиталистической цивилизаціи Вильгельмъ II сохраняетъ свою мечту о старой королевской власти, не ограниченной конституціей, не терпящей около себя никакой иной власти.

Получается чрезвычайно характерный и, съ точки зрѣнія художника-историка, быть можетъ, даже красивый контрастъ. Сохраняя всѣ блестящіе доспѣхи неограниченной королевской власти, произнося гордыя рѣчи политическаго богословія, исповѣдуя вѣру въ свое божественное происхожденіе и призваніе, нѣмецкій императоръ съ каждымъ историческимъ днемъ становится во все болѣе рѣзкое и непримиримое противорѣчіе со всѣмъ ходомъ развитія нѣмецкой жизни.

Историкъ-художникъ, быть можетъ, и залюбуется этимъ красивымъ и яркимъ контрастомъ, онъ, быть можетъ, увлечется портретомъ императора, нарисованнымъ въ феодальныхъ романтическихъ тонахъ на огромномъ историческомъ фонѣ демократическаго реализма. Но нѣмецкимъ современникамъ не до этого эстетическаго наслажденія.

Каждая новая рѣчь императора поднимаетъ въ ихъ душѣ чувство живѣйшаго и энергичнѣйшаго протеста. Для нихъ стильная и сильная личность императора—не простое затѣйливое украшеніе „въ старомъ стилѣ". Они знаютъ и чувствуютъ ея реальную силу и власть. Они знаютъ и видятъ, что въ поискахъ опоры для своей реакціонной борьбы Вильгельмъ II, попробовавъ въ девяностыхъ годахъ опереться на рабочій классъ и обжегшись, повернулся лицомъ къ уцѣлѣвшимъ обломкамъ и пережиткамъ феодальнаго времени.

И благодаря этому въ личности Вильгельма II, какъ въ фокусѣ, собрались и отразились лучи стараго закатнаго міра феодальныхъ группъ и классовъ, отъ котораго давно уже отреклась молодая Германія.

Этотъ міръ держится зимующими корнями историческихъ традицій и отсталыми, искусственно сохраняемыми формами соціальной жизни.

Романтическій характеръ Вильгельма II представляетъ, такимъ образомъ, очень реальное политическое значеніе для современной Германіи.

Это—знамя, это—собирательная сила для всей отсталой политической и абсилюризму Германіи. Та политическая обстановка и атмосфера, которыми Вильгельмъ II стремится окружить германскую жизнь, служитъ искусственнымъ средствомъ, сохраняющимъ старыя и устарѣвшія идеи и отношенія отъ историческаго разложенія и исчезновенія.

И вотъ поэтому-то каждое новое ораторское выступленіе императора Вильгельма II, въ которомъ онъ открыто выражаетъ свои враждебныя чувства къ конституціи, поднимаютъ во всей Германіи такой раздраженный и громкій

гулъ. Нѣмцы, конечно, не боятся, что императоръ исполнитъ свою угрозу и разнесетъ въ щепки ту или иную разсердившую его сторону нѣмецкой конституціи, о которую ему пришлось больно удариться. Нѣмцы знаютъ, что сдѣлать это Вильгельмъ II не можетъ. Но они отлично знаютъ, что такія рѣчи подрываютъ и во внѣ, и внутри страны довѣріе къ прочности и незыблемости нѣмецкаго конституціоннаго строя.

Рѣчи императора о борьбѣ съ конституцiей каждый разъ по злой ироніи судьбы толкаютъ на болѣе энергичную и настойчивую борьбу за конституцію, за ея расширеніе и укрѣпленіе, за созданіе гарантій, дѣлающихъ невозможнымъ проявленіе личнаго режима.

И каждый разъ послѣ каждой рѣчи Вильгельма, въ которой нашло свое махровое проявленіе стремленіе къ абсолютизму въ Германіи, усиливаются толки о необходимости поскорѣе и прочнѣе расширить конституцію. И прислушиваясь къ этимъ своеобразнымъ результатамъ своихъ противоконституціонныхъ рѣчей, императоръ Вильгельмъ II, вѣроятно, вспоминаетъ злыя слова Мефистофеля — du dlaubst zu schveben und du wirst geschoben— „Ты думаешь двигать, но тебя двигаютъ“. Еще разъ въ его душѣ шевелится недоброе чувство къ Фридриху-Вильгельму IV, который, вмѣсто того, чтобы „залить улицы Берлина кровью“, „малодушно согласился дать конституцію“.

Н. Ножинъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. В. Амфитеатровъ. *Собраніе сочиненій. Т. XIY. Славные мертвецы.—Т. XV. Мутные дни. Изд. тов-ва „Просвѣщеніе“. СПБ. 1912. Цѣна по 1 р. 50 к.*

Всегда и во всемъ фельетонистъ (оговариваемся: ничего худого мы этимъ сказать не хотимъ, и honny soit qui mal y pense), Амфитеатровъ владѣетъ давно утраченнымъ, въ наши дни рѣдко встрѣчающимся умѣніемъ— разговаривать. Онъ настоящій „разговорщикъ“, могущій живо и интересно бесѣдовать, когда угодно и о чемъ угодно, быстро воспламеняющійся, охотно все воспринимающій и, главное, настолько талантливый, что его газетныя и журнальныя бесѣды не блекнутъ долгое время спустя на строгихъ страницахъ книги. „Что не подвластно мнѣ?“—можетъ сказать онъ. Нѣтъ, кажется, такого мелкаго явленія въ общественной, литературной или политической жизни, на которое не отозвался бы Амфитеатровъ всѣмъ пыломъ своего страстнаго, безгранично общительнаго темперамента. Превосходно, хотя не безъ семинарской тяжеловатости, начитанный, много видѣвшій и еще больше слышавшій, Амфитеатровъ сталъ лѣтописцемъ нашихъ дней, но не тѣмъ медлительнымъ лѣтописцемъ, который обращается къ позднему потомку. „Упорствуя, волнуясь и спѣша“, онъ пишетъ для современника, пишетъ съ скоропалительностью экспресса, но при этомъ не терпитъ крушеній, не сходитъ съ рельсовъ факта, вѣренъ тому политическому знамени, подъ которое сталъ во второй половинѣ своей писательской карьеры. Общественная жилка бьется въ немъ сильнѣе, чѣмъ литературная, и критикъ онъ слабый, съ излишнимъ политическимъ уклономъ, но читатель всегда найдетъ въ немъ интереснаго собесѣдника. Нельзя не отмѣтить и недостатка, повидимому, органическаго. Любитъ г. Амфитеатровъ поговорить о себѣ самомъ и фамильярно похлопать по плечу и того, о комъ пишетъ, и читателя. Набросанные имъ портреты современниковъ субъективно-пристрастны, но многими чертами воспользуется когда-нибудь историкъ.

Н. Л.

З. Н. Гиппіусъ. *„Лунные муравьи". Шестая книга разсказовъ. Книгоиздательство „Альціона". Ц. 1 руб.*

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ разсказы Зинаиды Гиппіусъ печатались въ журналахъ самаго крайняго модернистскаго толка—„Вопросахъ Жизни", „Вѣсахъ", „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" и т. п. Съ тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ поворотомъ въ общественности, произошелъ, и нѣкій литературный сдвигъ, въ которомъ намѣтилось, пожалуй, кое-что и хорошее, и плохое... Первое заключается въ томъ, что многіе изъ писателей лѣваго лагеря (Ѳ. Сологубъ, В. Брюсовъ, З. Гиппіусъ, А. Блокъ, Д. Мережковскій, Д. Философовъ), выйдя изъ спеціально-модернистскихъ журналовъ, внесли свѣжую волну литературнаго оживленія въ органы внѣпартійные, нейтральные. Плохое, на мой взглядъ, заключается въ появленіи эстетическаго снобизма, нашедшаго себѣ пріютъ въ журналѣ „Аполлонъ", далеко уступающемъ по своей литературно-художественной цѣнности такимъ своимъ старшимъ предшественникамъ, какими были въ свое время „Міръ Искусства" и даже не всегда художественно объективные „Вѣсы". Въ тѣхъ журналахъ (не говоря уже о „Новомъ Пути", занявшемъ особую, богоискательскую, позицію) чувствовалось присутствіе какой-то эстетической вѣры, какого-то, хотя бы и нѣсколько фанатическаго, горѣнія, убѣжденности—хотя бы и въ самоцѣнности чистаго искусства, чего отнюдь нельзя подмѣтить въ протокольно-индифферентномъ тонѣ апологетовъ снобизма,—и вотъ одна изъ причинъ, почему имя З. Гиппіусъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, встрѣчается теперь въ альманахахъ и въ болѣе распространенныхъ журналахъ. Лично я полагаю, что здѣсь сыграла роль и нѣкоторая эстетическая переоцѣнка, связанная съ именемъ Влад. Соловьева, въ которомъ поэтъ являлся равноцѣннымъ мыслителю; исчезло прямолинейное и эстетически-элементарное дѣленіе на форму и содержаніе,—принята ихъ нераздѣльность, слитность въ подлинныхъ произведеніяхъ искусства. На границѣ этого литературно-эстетическаго перелома развилось беллетристическое дарованіе З. Гиппіусъ; какъ поэтесса, она выявилась и раньше, и опредѣленнѣе... Разсказы З. Гиппіусъ послѣдняго періода, именно шестая книга, проникнуты какой-то очень острой современностью; почти всѣ разсказы затрагиваютъ тѣ или иныя явленія послѣреволюціонныхъ настроеній. Но темы, трактуемыя въ отдѣльныхъ изъ этихъ разсказовъ, какъ ни пронизаны онѣ жгучей современностью, затрагивая мотивы самоубійства, войны, терроризма и т. п., все же всегда стоятъ въ тѣсной связи съ общимъ міровоззрѣніемъ талантливой писательницы—идеями Бога, какъ религіозно-философскаго начала, мятежности, какъ начала творческаго, и искательства, какъ обоснованія правды, смысла жизни. Этимъ темамъ посвящены трогательные, проникнутые глубокимъ и нѣжнымъ чувствомъ, разсказы: „Земля и Богъ", „Приказчикъ", „Онъ—бѣлый", „Лунные муравьи", хотя безспорно лучшими вещами сборника являются прекрасный разсказъ „Женское" и „Нѣтъ возврата", гдѣ элементъ разсказывательный, весьма свойственный прозѣ З. Гиппіусъ, подчиненъ элементу изобразительному, до жути сгущающемуся во второмъ разсказѣ—о вернувшихся съ войны офицерахъ, которымъ уже „нѣтъ возврата" къ обычной нормально-обывательской психикѣ. Сильнымъ оружіемъ г-жи Гиппіусъ въ прозѣ служитъ діалогъ, который чрезвычайно удается ей; бесѣдуютъ-ли у нея плутоватый мужикъ съ барпномъ-интеллигентомъ, „увѣренная" проститутка со слезливымъ студентомъ, простодушные земляки, заброшенные на чужбину, гдѣ и „Христосъ не воскресаетъ", или завсегдатаи трактира „Рекордъ",—вездѣ мы слышимъ здѣсь какія-то подлинныя, настоящія, тѣ самыя „разъ найденныя" для даннаго опредѣленія слова, которыхъ искать такъ настойчиво рекомендовалъ беллетристамъ такой мастеръ слова, какъ Флоберъ. Въ связи съ этимъ и языкъ большинства разсказовъ З. Гиппіусъ—прекрасный, чисто-русскій литературный языкъ, любуясь отдѣльными выраженіями котораго (особенно въ діалогахъ) такъ и хочется сказать: „Гдѣ только удалось автору все это услышать!".

Анастасія Чеботаревская.

17-ый альманахъ издательства „Шиповникъ". *СПБ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.*

Въ прошломъ году театры „Миніатюръ" сдѣлали хорошія дѣла, а въ этомъ, очевидно, уже поднадоѣли и иные окончили сезонъ съ дефицитомъ,—гласитъ текущая театральная хроника. Произведенія Осипа Дымова, талантливаго автора, какъ-то неразсчетливо расточающаго по мелочамъ свое беллетристическое дарованіе, предвосхитили собою именно этотъ театръ „Миніатюръ", одно время показавшійся чуть ли не послѣднимъ „крикомъ" искусства и столь же быстро „поднадоѣвшій" и уже оканчивающій сезонъ съ дефицитомъ. Начиная съ перваго своего сборника блестящихъ новеллъ „Солнцеворотъ", обнаружившаго въ авторѣ и вкусъ, и наблюдательность, и изобразительный талантъ, Дымовъ, однако, не пошелъ дальше болѣе или менѣе удачныхъ изображеній моментовъ, настроеній, случайностей—словомъ, „миніатюръ" жизни. Но пьесы въ театрѣ „Миніатюръ" должны быть исключительно остроумны, акт-

рисы—исключительно изящны, игра—тонка и блестяща для того, чтобы передать остроту и глубину переживаемыхъ „миговъ" и, не превратясь въ докучно-мелькающій синематографъ, закончить сезонъ... безъ дефицита... Но много ли такихъ пьесъ и такихъ авторовъ? И написавшій одну удачную „пьесу-миніатюру" не обязанъ писать ихъ сотнями ежегодно...

Эти соображенія по поводу общаго характера Дымовскаго творчества пришли мнѣ въ голову при чтеніи его романа „Томленія духа", занимающаго вмѣстѣ съ очень милыми стихами Тэффи почти весь 17-ый альманахъ „Шиповника". Мелькаютъ-мелькаютъ на экранѣ лица, лица, гдѣ-то, кажется, и видѣнныя, знакомыя, такъ что приходится даже участвовать въ спорѣ—кого изъ общихъ знакомыхъ имѣлъ въ данномъ случаѣ въ виду авторъ? Но это все—лишь лица, а не образы; не типы, художественно обобщенные, а фотографіи, порою блѣдныя и даже расплывчатыя и потому, вѣроятно, такъ быстро „поднадоѣдающія" читателю. Ибо печально, скорѣе трагично, но непремѣнно задумчиво и углубленно лицо великой Жизни въ подлинныхъ ея переживаніяхъ, не укладывающихся въ моментальные снимки щелкающаго кодака. И въ романѣ Дымова есть такой моментъ, возвышающійся надъ плоскимъ уровнемъ всего повѣствованія. Я говорю объ исторіи любви офицера Щетинина къ актрисѣ Семпрѣченской и послѣдовавшемъ затѣмъ сумасшествіи Щетинина. И языкъ автора становится здѣсь болѣе энергичнымъ и убѣдительнымъ, и неизбѣжность катастрофы чувствуется неминуемо за высочайшимъ взлетомъ земного блаженства, и Печаль подаетъ сестрѣ своей, Радости, руку подъ черной вуалью, и вѣришь и чувствуешь — это настоящее, это моментъ истинно-художественнаго вдохновенія.

Анастасія Чеботаревская.

К. Н. Воиновъ. *„Миніатюры". СПБ. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 1912 г. Цѣна 1 р. 25 к.*

Хотя въ предисловіи къ книгѣ В. М. Дорошевичъ на пространствѣ цѣлаго полулиста хвалитъ лаконизмъ и доказываетъ никѣмъ, впрочемъ, не оспариваемыя права миніатюры на существованіе, сборникъ г. Воинова отъ этого ничего не выигрываетъ. Беззубая и туманная сатира, дешевая мѣщанская мораль, бѣдность воображенія, сѣрый вообще и мѣстами напыщенный языкъ (напр. „міазмы предразсудковъ и ароматъ любви")—вотъ что такое „Миніатюры" г. Воинова. Это сама пошлость и банальность. Несмотря на ихъ внѣшнюю краткость, онѣ кажутся невыносимо длинными, потому что не оправданы ни умомъ, ни талантомъ. **Н. Л.**

А. Marie. *Лирика. Парижъ. 1912.*

А. Marie, повидимому, человѣкъ не безъ дарованія, и можно надѣяться, если только авторъ молодъ, что изъ области неопредѣленныхъ и расплывчатыхъ ощущеній, навѣянныхъ по большей части не жизнью, а книгой, его лирика выйдетъ на широкую и вольную дорогу. Пока что—она чуть не вся состоитъ изъ перепѣвовъ и подражаній (Брюсову, Бальмонту, Блоку), но эти перепѣвы легки и звучны, и вѣрится, что А. Marie суждено обрѣсти когда-нибудь себя и что не вѣчно поэту рифмовать „кубокъ" и „красоту Богъ", наблюдать, какъ „луна изъ серебряной лейки льетъ свой свѣтъ" и, вслѣдъ Бальмонту, выдумывать разныя ненужныя „лирности" и „вечерности". Къ книжкѣ приложено нѣсколько прекрасныхъ рисунковъ Бурделя на мотивы танцевъ Айседоры Дунканъ.

Александръ Бискъ. *„Разсыпанное Ожерелье". Стихи. С.-Петербургъ 1912. Цѣна 80 коп.*

Въ этой маленькой, изящной книгѣ стиховъ нѣтъ самаго главнаго—нѣтъ лица поэта, написавшаго книгу. Даже самое это красивое названіе „Разсыпанное Ожерелье" принадлежитъ не Биску, а взято изъ предпосланнаго книгѣ въ видѣ эпиграфа стихотворенія нѣмецкаго поэта Rainer Maria Rilke—и хорошій переводъ этого отрывка изъ Рильке, пожалуй, лучшее въ книгѣ. Врядъ ли это красивое названіе опредѣляетъ книгу, а книга оправдываетъ его. „Ожерелье" предполагаетъ драгоцѣнные камни. Но стихи Биска не драгоцѣнности, а красивыя разноцвѣтныя стекляшки. Видимо, авторъ черпаетъ свои вдохновенія не изъ жизни, а изъ книги. И, вѣроятно, поэтому его собственные стихи не въ силахъ трогать, волновать, согрѣть душу. Нѣтъ въ нихъ огня непосредственнаго, живого, творческаго вдохновенія. Ровно, безтрепетно теплится заемный огонекъ его вдохновеній и только свѣтитъ, но не грѣетъ. Правда, все это хорошо, изящно, красиво, но какъ-то безразлично, какъ-то все равно.

Пріятно читать эти красивые стихи, но совсѣмъ не жаль разстаться съ ними. Не было духовной необходимости, не было насущной, жизненной потребности вызывать къ жизни эту книгу. Биску было интересно и пріятно писать эти стихи. Читатель не безъ удовольствія прочтетъ его книгу, но потомъ отложитъ въ сторону и забудетъ.

Л. Андрусонъ.

Любовь Столица. *„Лада". Пѣсенникъ. К-во „Альціона". М. 1912 г.*

Трудную и, быть можетъ, неблагодарную задачу взялъ на себя авторъ—выразить пере-

живанія „міровой дѣвичьей души". Конечно, черезчуръ многаго требовала при этомъ Л. Столица: воспѣть не только внѣшнюю оболочку „міровой дѣвичьей души", но коснуться и ея внутренняго Я,—когда заявила въ предисловіи своемъ, что „Ладой", „ея красотою живы радуги и зори; ея дыханіемъ творимы цвѣты и плоды; ея голосомъ веселимы птицы и сердца".

Исполнено только послѣднее обѣщаніе: скопческій напѣвъ пѣсенника тронулъ сердце человѣческое, хоть не глубоко и минутно, а все-жъ тронулъ. „Въ рощѣ березовой" родилась Лада—такая смуглая, сонная и улыбчатая. И, главное, земляная. По крайней мѣрѣ, должна была появиться на свѣтъ-бѣлый такою, если сказала землѣ: „Гляди: здѣсь внука чудная. Твои морщины сгладятся .. Она, вѣдь, вся въ тебя: дѣла творить, любя". Ну, коли земляная Лада, то и слѣдуетъ ожидать, что она пропахла тонкимъ ароматомъ почвы, березоваго лѣса и цвѣтовъ. И, казалось, недалеко было ужъ это. Вырывались такія подлинно-природныя строки: „Виснетъ надо мной съ благодатной выси рясный. мелкій бисеръ, синій-голубой". („Къ дождю"). „Пой, какъ дудка на закатѣ, голубой ты мой касатикъ! Душу трогай жалобой: ныла, тосковала бы" („Къ цвѣтамъ")... „Ахъ, если-бъ къ звѣздамъ добраться, наземь со звѣздъ и т. д."

Но медлительность передвиженья и нѣкоторая неувѣренность въ выборѣ ритма достаточно заглушили и, пожалуй, опустошили свѣжую юность книги. Получились: литературная—правда, безупречная—дѣланность и скучное однообразіе. И тѣмъ больше досадуешь на автора „Лады", что мы имѣли полное право ожидать большаго отъ Л. Столицы, довольно удачно выступившей ранѣе со своею первою книгой стиховъ „Раннія".

Лучшее стихотвореніе въ книгѣ—„Къ тучамъ", осенній пейзажъ, пронизанный горечью разлуки. Нельзя не отмѣтить еще и того обстоятельства, что на „Ладу" Л. Столицы въ значительной мѣрѣ повліяла „Ярь" С. Городецкаго.

Владимиръ Нарбутъ.

Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого. Собралъ П. А. Сергѣенко. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. *М. 1912. Издательство „Окто".*

Богатство содержанія писемъ и занимавшихъ Толстого интересовъ очень велико, но при чтеніи этого сборника, какъ при чтеніи прежнихъ, знакомясь съ письмами Толстого, расположенными въ хронологическомъ порядкѣ, снова и снова ясно наблюдаешь, что это богатство съ годами убывало. Молодой Толстой о многомъ думаетъ, многимъ волнуется, богатырскими шагами подвигается впередъ и вверхъ, все въ немъ мягко и человѣчно, если можно выразиться; старый Толстой—уже не таковъ: узкій проповѣдникъ обрѣтенной истины, успокоившійся въ своемъ аксіоматическомъ мышленіи. Ушли прежніе друзья и собесѣдники, всѣ эти Феты, Тургеневы, Страховы, и мѣсто ихъ заступаютъ какіе-то тусклые непротивленыши—люди, замѣчательные только приверженностью къ растительной пищѣ, и унылые мыслители школы самобытнаго русскаго философа Кифы Мокіевича. Великій художникъ занимается „редактированіемъ мыслей Лао-Тзе" да сочиняетъ по заказу своихъ христіаннѣйшихъ друзей, отъ которыхъ онъ, наконецъ, вынужденъ былъ бѣжать, моральныя статейки. Одинъ фарисей совѣтуетъ ему «окончательно познать истину — отвергнуться отъ самого себя и встать дитятею передъ лицомъ высшей тайны», и Толстой благодаритъ его за „доброе письмо". Другой человѣкъ Божій, студентъ университета (не отказавшійся, замѣтимъ, отъ университета и диплома), увѣщеваетъ: „Откажитесь отъ графсва (sic!), останьтесь безъ копѣйки денегъ и нищимъ пробирайтесь изъ города въ городъ... Приходите тогда и въ нашъ старый добрый Кіевъ, заходите ко мнѣ—и я буду смотрѣть вамъ въ глаза и на вашу сѣдую бороду"... Третій тоже попрекаетъ Толстого „непослѣдовательностью"—и затравленный старикъ не выдерживаетъ и вопитъ: „Если я сбиваюсь и шатаюсь, помогите мнѣ, поддержите меня на настоящемъ пути, какъ я готовъ поддержать васъ, а не сбивайте меня, не радуйтесь тому, что я сбился... Вѣдь, вы не черти изъ болота, а тоже люди"... Четвертый пристаетъ—„какъ любить людей, враговъ душою, не только разумомъ, живя среди нихъ и сталкиваясь на каждомъ шагу съ ихъ обыденной ложью, себялюбіемъ, матеріализмомъ, невоздержанностью и т. д.?.." (Прочіе пороки ближнихъ святая, любвеобильная душа оставляетъ безъ постатейнаго перечисленія). Больно становится за Толстого, когда онъ, современникъ Рѣпина, пишетъ маленькому живописцу Орлову, автору тенденціозныхъ и бездарныхъ картинъ изъ народнаго быта: „я ни одного художника русскаго, взятаго въ цѣломъ, не знаю, равнаго вамъ". Въ этихъ случаяхъ самый слогъ его становится тяжелымъ, вялымъ; измѣна художественному призванію достается ему не дешево.

Но часть переписки, изданная прежде, сохранила намъ множество прекрасныхъ страницъ, полныхъ великаго ума, тонкой наблю-

дательности и душевной широты и щедрости. „Для людей, которымъ предстоитъ упорный умственный трудъ, есть двѣ опасности: журналистика и разговоры", — предостерегаетъ Толстой П. Д. Голохвастова, обнаруживая прекрасное знаніе литераторскаго быта. Ему онъ совѣтуетъ читать повѣсти Пушкина: «Ихъ надо изучать каждому писателю... Не могу вамъ передать того благодѣтельнаго вліянія, которое имѣло на меня это чтеніе... У великихъ поэтовъ, у Пушкина, гармоническая правильность распредѣленія предметовъ доведена до совершенства»....

Интересна художественная и политическая оцѣнка Герцена (въ письмѣ къ Черткову, 1888 г.): „Читаю Герцена и очень восхищаюсь и соболѣзную тому, что его сочиненія запрещены: во-первыхъ, это писатель, какъ писатель художественный, если не выше, то уже навѣрное равный нашимъ первымъ писателямъ, а, во-вторыхъ, если бы онъ вошелъ въ духовную плоть молодыхъ поколѣній, начиная съ 50-хъ годовъ, то у насъ не было бы революціонныхъ нигилистовъ... Если бы не было запрещенія Герцена, не было бы динамита и убійствъ, и висѣлицъ, и всѣхъ расходовъ, усилій тайной полиціи, и всего того ужаса, и всего того зла правительства и консерваторовъ... Очень поучительно читать его теперь. И хорошій, искренній человѣкъ. Человѣкъ выдающійся по силѣ, уму, искренности,— случайно могъ безъ помѣхи дойти по ложному пути до болота и увязнуть, и закричать: не ходите! И что жъ? Оттого, что человѣкъ этотъ говоритъ о правительствѣ правду, говоритъ, что то, что есть, не есть то, что должно быть, — опытъ и слова этого человѣка старательно скрываютъ отъ тѣхъ, которые идутъ за нимъ".... Толстого очень характеризуетъ письмо къ тифлисцу Шульгину, собиравшему для него свѣдѣнія о Хаджи-Муратѣ. Кое-гдѣ встрѣчаются цѣнныя автобіографическія воспоминанія (напр., на стр. 311, о первомъ столкновеніи нравственнаго чувства съ оффиціальной „наукой").

Издатели приложили къ превосходно изданной, въ прочномъ и красивомъ переплетѣ, книгѣ нѣсколько портретовъ Толстого, работы перомъ В. И. Россинскаго, автора альбома „Послѣдніе дни жизни Толстого", и снимковъ съ рукописей, большею частью еще нигдѣ не появлявшихся.

Н. Л.

А. Коллонтай. *По рабочей Европѣ. Силуэты и эскизы. Изъ записной книжки лектора. Изд. М. И. Семенова 1912 г., ц. 1 р. 25 к.*

Тому, кто захотѣлъ бы поближе познакомиться съ внутренней жизнью Германской с.-д. партіи, книжка А. Коллонтай сослужитъ отличную службу. Въ качествѣ разъѣздного агитатора партіи, г-жа Коллонтай имѣла прекрасный случай наблюдать то, что обычно всего легче ускользаетъ изъ кругозора иностранцевъ—работу партійной машины на мѣстахъ (Пфальцъ, Гессенъ-Дармштадскій, Саксонія) будни партіи, тѣ молекулярныя движенія, изъ которыхъ слагается партійная, какъ и всякая другая, жизнь. Если мы и знаемъ програму, организацію германской с.-д-іи, цифры, въ которыхъ выражаются результаты ея дѣятельности, принципы, руководящіе ею въ ея выступленіяхъ, ея вождей,—то мы очень плохо по большей части представляемъ себѣ, какъ эта единственная въ своемъ родѣ организація выглядитъ въ реальной конкретной дѣйствительности, особенно на низахъ.

И вотъ, читая книжку г-жи Коллонтай, вы видите проходящіе передъ вами, какъ въ кинематографѣ, разнообразныя темы: партійныхъ „функціонеровъ"—мѣстныхъ секретарей, кассировъ, предсѣдателей, редакторовъ, организаторовъ, и просто членовъ партіи—молодежи и стариковъ, ревизіонистовъ и лѣвыхъ, фабричныхъ рабочихъ и фермеровъ и т. п. Вы видите ихъ за ихъ ежедневной работой, въ ихъ ежедневной обстановкѣ. Все это-подлинные живые люди, обрисованные выпукло, ярко, правдиво, безъ прикрасъ.

Весьма умѣстно, попутно съ характеристикой внутреннихъ партійныхъ отношеній, авторъ описываетъ условія труда въ нѣкоторыхъ производствахъ, семейную жизнь рабочихъ, отношенія между полами, незавидное положеніе женщины, къ которой даже с.-д. мужчины относятся далеко не какъ къ товарищу, эксплоатацію дѣтскаго труда и, наконецъ, полицейскій режимъ съ его подчасъ самымъ беззастѣнчивымъ произволомъ.

Таково приблизительное содержаніе наиболѣе интересныхъ главъ книги, написанныхъ, повторяемъ, ярко, живо, художественно и, въ нѣкоторыхъ частяхъ, несмотря на весь индивидуализмъ автора, съ большой силой и увлеченіемъ.

Значительно менѣе цѣнна, хотя написана столь же талантливо, глава, посвященная Англіи (собственно, только одному Лондону). Для характеристики англійскихъ отношеній она даетъ нѣсколько штриховъ, правда, уже не новыхъ: проникшій въ самыя нѣдра жизни режимъ свободы, одинаково распространяющійся на богачей и нищихъ, на знатныхъ и пролетаріевъ; проистекающіе отсюда рѣзкіе внѣшніе контрасты; духъ практицизма, умѣніе и готовность извлечь пользу изъ всякаго положенія... Судить о рабочей Англіи вообще по этой главѣ было бы, однако, рискованно.

Но глава эта имѣетъ особое значеніе—въ „экономіи“ книги. Она чрезвычайно выразительно, своимъ колоритомъ, оттѣняетъ условія современной германской политической жизни, поскольку они обрисованы г-жей Коллонтай, и вытекающія изъ этихъ условій характерныя особенности германскаго рабочаго движенія: свойственныя этому движенію по истинѣ героическое упорство, настойчивость, осторожность и—мудрое благоразуміе.

Главу, посвященную Даніи, слѣдовало бы скорѣе озаглавить: „Около международнаго соціалистическаго конгресса“ (Копенгагенскаго). Это—наименѣе интересная и довольно слабая часть книги. Не замѣтно наблюдательности, свойственной вообще автору; тонъ—слишкомъ приподнятый, часто непріятный своей аффектированностью; кое-что могло бы быть, съ пользой для книги, опущено (напр., дама изъ „типовъ и встрѣчъ“)... Есть, однако, нѣсколько интересныхъ бѣглыхъ замѣчаній о Жоресѣ, Вандервельде и др.

Послѣднія десятка полтора страницъ книги говорятъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ авторомъ изъ поѣздки въ Мальме (Швеція).

Въ общемъ, книга г-жи Коллонтай—яркая, умная книга, и можно всякому рекомендовать ее прочитать. **А. Бл..**

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. *Спб. 1912. Т. II-ой. Ц. 3 руб.*

Второй томъ переписки М. Стасюлевича, какъ и первый, перегруженъ и засоренъ множествомъ мелочей, не представляющихъ интереса даже для самаго кропотливаго историка нашей общественности. Тутъ встрѣчаются лаконическія записки вродѣ приглашенія на обѣдъ, которымъ надлежало бы оставаться на визитныхъ карточкахъ, а не перепечатываться для потомства; тутъ чуть ли не перепечатываются и самыя визитныя карточки лицъ, посѣщавшихъ М. Стасюлевича. Но наряду съ этими засаривающими переписку мелочами мы встрѣчаемъ въ вышедшемъ второмъ томѣ очень цѣнныя и интересныя письма.

Большой интересъ для характеристики „смуты“ 1905 г. представляютъ письма В. Спасовича. Этотъ либеральный публицистъ былъ такъ напуганъ громовыми событіями, что ему вездѣ чудилась опасность. Даже „партія демократическихъ реформъ“ казалась ему собраніемъ опасныхъ карбонаріевъ, которые властей не признаютъ.

О думскихъ преніяхъ онъ пишетъ: „Того и гляди, что раздадутъ крестьянамъ всѣ помѣщичьи земли, раздадутъ притомъ даромъ и безъ всякаго за то вознагражденія. Я радъ, что я не въ Петербургѣ и что я не засѣдаю въ Думѣ“. (69).

Объ этихъ же дняхъ смуты М. Стасюлевичъ пишетъ: „Приходятъ самыя мрачныя мысли въ голову: все это напоминаетъ Decadence—и чѣмъ-то грозитъ въ близкомъ будущемъ, такъ что не хочется больше писать!“ (245).

Безконечно характерно, что 10-го января, т. е. на завтрашній день послѣ кроваваго воскресенья, Стасюлевичъ пишетъ Корсакову: „Моя типографія тоже бездѣйствуетъ—и впередъ прошу у публики извиненія, если февральская книжка выйдетъ въ мартѣ“. (245). На слѣдующій день послѣ кроваваго воскресенья Стасюлевичъ безпокоится о неаккуратномъ выходѣ очередной книжки и проситъ извиненія у публики...

Въ другомъ письмѣ отъ 6-го янв. 1906 г. М. Стасюлевичъ пишетъ: „Не только испытывать, но и говорить о томъ, что испытываешь въ это треклятое время, — одинаково больно!! Несомнѣнно, Юпитеръ на насъ разсердился и отнялъ у насъ разумъ—все остальное является уже только какъ послѣдствіе отнятія разума“. (247).

Всю „трагедію переживаемаго нами времени“ М. Стасюлевичъ видѣлъ въ отсутствіи правительства. Въ мартѣ 1905-го г. онъ пишетъ: „Всѣ, съ изумленіемъ оглядываясь вокругъ, спрашиваютъ: гдѣ же правительство?—и нигдѣ не видать его. Вотъ въ чемъ заключается вся трагедія переживаемаго нами времени“.

Въ этомъ настроеніи заключалась „вся трагедія“ русскаго либерализма дней свободы и это-то настроеніе обрекло русскихъ либераловъ на роль резонеровъ на исторической сценѣ.

П. Берлинъ.

Handwörterbuch der Schweizerischen Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung. Herausgeg. von Dr. N. Reichesberg.

Бываютъ нѣкоторыя явленія въ жизни той или другой страны, которыя проходятъ часто незамѣченными широкими кругами публики и которыя, тѣмъ не менѣе, служатъ яркимъ показателемъ высокой культуры или глубокаго варварства данной страны.

Однимъ изъ такихъ показателей является появленіе названнаго выше изданія, организованнаго, кстати сказать, нашимъ соотечественникомъ, профессоромъ Н. Рейхесбергомъ. Кажется необычайно странной возможность такого колоссальнаго изданія политической и экономической энциклопедіи въ такой маленькой странѣ, какъ Швейцарія, когда въ огромной Россіи съ ея полуторастамилліоннымъ населеніемъ еще нѣтъ такого изданія, когда у насъ попытки такого изданія до сихъ поръ терпѣли крушеніе. Неудивительно, что выходъ энциклопедіи былъ встрѣченъ печатью съ ге-

рячимъ сочувствіемъ. а самое изданіе называютъ „національнымъ" дѣломъ. Дать возможность публикѣ ознакомиться въ одномъ изданіи со всѣми сторонами соціально-политической жизни страны и познать свою родину, — дѣйствительно, чрезвычайно важная задача для всякаго искренняго демократа. Иниціатору изданія удалось привлечь всѣ полезныя для дѣла интеллектуальныя силы страны. Въ изданіи приняло участіе болѣе двухсотъ пятидесяти наиболѣе выдающихся ученыхъ, политическихъ дѣятелей, вождей рабочаго движенія, представителей мѣстнаго самоуправленія и т. д. Четырехтомное изданіе, по 1.000 страницъ въ каждомъ томѣ, очень обстоятельно освѣщаетъ всѣ вопросы экономики, права, политики и проч. Аналогичное нѣмецкое изданіе—словарь Конрада—является болѣе универсальнымъ, такъ какъ въ немъ имѣются данныя, относящіяся не только къ Германіи, но и къ другимъ странамъ; за то энциклопедія Рейхесберга даетъ болѣе обстоятельную разработку аналогичныхъ вопросовъ, касающихся Швейцаріи.

П. Масловъ.

„Новый Энциклопедическій Словарь". *Изд. Брокгауза-Ефрона. Т. 6-ой.*

„Энциклопедическій Словарь". *Изд. Граната. 7-ое изд. Т. 10-й.*

Новыя изданія энциклопедическихъ словарей Брокгауза-Ефрона и Граната—отрадный фактъ. Онъ свидѣтельствуетъ о сильномъ и широкомъ стремленіи къ самообразованію. И оба словаря имѣютъ въ виду это стремленіе, давая статьи, которыя служатъ не только для справокъ, но и для самообразованія.

Словарь Брокгауза-Ефрона даетъ болѣе обстоятельныя и обширныя статьи. Благодаря чрезвычайно убористому и вмѣстѣ съ тѣмъ четкому шрифту, словарь Брокгауза-Ефрона даетъ въ каждомъ томѣ очень богатый матеріалъ и въ смыслѣ обстоятельности и полноты статей онъ стоитъ выше словаря Граната. Но онъ за то и дороже. Словарь Граната даетъ статьи болѣе краткія, сжатыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и легче написанныя. Каждый словарь поэтому найдетъ свою публику и оба они заслуживаютъ самаго широкаго распространенія.

Внѣшность обоихъ словарей прекрасна и цѣна очень не высока.

Въ шестомъ томѣ словаря Брокгауза отмѣтимъ интересныя и обстоятельныя статьи проф. Лапшина о Бергсонѣ, В. Водовозова—о Биконсфильдѣ, Л. Слонимскаго—о Бисмаркѣ.

Изъ статей въ десятомъ томѣ Граната отмѣтимъ прекрасную статью К. Тимирязева о витализмѣ, статью Н. Полянскаго о взяточничествѣ и обширную статью П. Милюкова о гр. Витте.

Статья Н. Полянскаго о взяточничествѣ, къ сожалѣнію, не использовала тотъ богатѣйшій матеріалъ для выясненія соціальной и политической роли взятокъ въ Россіи, который доставили послѣдніе ревизіи и процессы.

Обширная статья П. Милюкова о гр. Витте написана въ чрезмѣрно мягкихъ тонахъ.

Авторъ этой обстоятельной статьи очень сдержанъ въ критическихъ замѣчаніяхъ о личности и дѣятельности гр. Витте и очень щедръ на похвалы. Получается благодаря этому диспропорціональность—и характеристика гр. Витте получилась односторонняя и врядъ-ли соотвѣтствующая истинѣ.

Пожелаемъ обоимъ словарямъ широкаго успѣха, вполнѣ ими заслуженнаго.

Я. Б.

СПИСОКЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА.

С. Грузенбергъ. Артуръ Шопенгауеръ. Спб. 1912 г., ц. 1 р. 25 к.

А. Толстой. Повѣсти и разсказы. 1912 г., ц. 1 р. 25 к.

Альманахи из-ства „Шиповникъ". Книга 17, ц. 1 р. 25 к.

В. Зеленко. Олина дача. Спб. 1912, ц. 20 к.

П. Потемкинъ. Герань. Изд. „Сатириконъ", ц. 1 р. 25 к.

Д. Лондонъ. Сынъ волка. Изд. „Прометей", ц. 1 р.

Д. Лондонъ. Приключенія рыбачьяго патруля. Ц. 1 р.

Уптонъ Синклеръ. Деньги. Соб. соч. т. III-й. Изд. „Прометей", ц. 1 р.

Уптонъ Синклеръ. Джунгли. Соб. соч. т. II-ой. Изд. „Прометей", ц. 1 р.

Уптонъ Синклеръ. Испытанія любви. Соб. соч. т. I. Изд. „Прометей", ц. 1 р.

Л. Ждановъ. Въ стѣнахъ Варшавы. 2 т., ц. 1 р. 50 к. за томъ.

Г. Вечерній. Жизнь и религія. И-ство „Зарницы". Спб. 1912, ц. 20 к.

Б. Верхоустинскій. Разсказы, т. I. „Издательское т-во", ц. 1 р. 25 к.

Любовь Гуревичъ. Литература и эстетика. Критич. опыты и этюды. К-во „Русск. Мысль". М. 1912. Ц. 1 р. 75 к.

Редакторъ-издатель **И. М. Розенфельдъ.**

САМОУЧИТЕЛИ РЕМЕСЛЪ И ПРОИЗВОДСТВЪ:

Асфальт. раб. съ 6 рис.—30 к. Багетно-рамочн. произв.—30 к. Бочарное дѣло съ 50 рис.—40 к. Веревоч[...] канатн. произв. съ 52 рис.—30 коп. Водян. двигат. съ 15 рис.—40 к. Вѣтряные двигат. съ 27 рис.—40 к. В[...]жиганіе по дереву съ 24 рис. и 2 черт.—30 к. Выпиливаніе по дереву съ 50 рис. и 1 черт.—30 к. Гончар[...] произв. съ 16 рис. — 30 к. Домашній электротехникъ съ 66 рис. — 30 к. Дрожжевое произв. — 30 к. Дѣтс[...] полезн. рем. съ 81 рис.—40 к. Женскія рукод. съ 48 рис. — 30 к. Жестян. раб. съ 68 рис. — 40 к. Живоп[...] брызгами съ 4 рис. и 1 черт. — 30 к. Зерк. произв. съ 3 рис. — 30 к. Золоч. по дереву и металлу съ 1[...] рис.—30 к. Инкрустаціи и мозаика съ 7 рис.—30 к. Бумажн. произв. съ 7 рис.—30 к. Какъ дѣлать клѣтки [...] 19 рис. и 2 черт. — 30 к. Камен. кладка съ 41 рис. — 30 к. Резиновое произв. съ 15 рис. — 60 к. Керосин. [...] бензин. двигатели съ 20 рис.—40 к. Клеёночн. произв.—30 к. Приготовл. клейстера и гуммiарабика—30 к. Раскройка кожъ съ 50 рис.—30 к. Кожевен. произв. съ 5 рис.—30 к. Колбасн. произв. съ 40 рис.—50 к. Корзиночн. произв. съ 52 рис. — 30 к. Красильщикъ-любитель—30 к. Краснодеревецъ съ 92 рис. — 30 к. Крахмальн. произв. съ 11 рис. — 30 к. Кровельное дѣло съ 86 рис.—30 к. Кузнецъ-люб. съ 46 рис.—30 к. Клееваренное произв. съ 14 рис.—30 к. Лаки и замазки—30 к. Луженіе, паяніе и никел.—30 к. Маляръ-люб.—30 к. Маслобойное произв. съ 23 рис.—25 к. Мукомольное пр. съ 27 рис.—50 к. Мыловаръ-практикъ съ 36 рис. — 40 к. Набивка чучелъ съ 42 рис. — 40 к. Обойщикъ-люб. съ 67 рис.—30 к. Охотникъ-люб. съ 22 рис.—30 к. Переплетчикъ-люб. съ 76 рис. — 30 к. Печное дѣло съ 22 рис.—40 к. Пиротехн.-люб. съ 35 рис. — 40 к. Плетен. сѣтей съ рис.—30 к. Плотникъ-люб. съ 85 рис. — 30 к. Полиров., шлиф. и лакировка — 50 к. Постройка и ремонтъ дорогъ съ 40 рис.—30 к. Постройка лодокъ съ 76 рис.—50 к. Постр. лѣстн. съ 39 рис.—30 к. Починка резинов. галошъ—30 к. Предохр. дерева отъ гніенія—30 к. Пригот. картинъ для волш. фонаря съ 2 рис.—30 к. Приготовл. лампаднаго масла—30 к. Пригот. колесной, сбруйной и копытной мази—30 к. Произв. ваксы—25 к. Произв. непромок. тканей—30 к. Произв. портландъ-цемента съ 25 рис.—40 к. Произв. рогов. и костян. изд. съ 25 рис. — 30 к. Произв. сливочн. и чухонск. масла съ 15 рис. — 30 к. Содовое произв. съ 10 рис. — 30 к. Стеклян. произв. съ 22 рис.—30 к. Пригот. растительн. и животн. красокъ—30 к. Приготовл. минер. красокъ—30 к. Протрава или окраска дерева въ разн. цвѣта—50 к. Прохладит. напитки—30 к. Работы изъ сучьевъ съ 18 рис. и 1 черт.—25 к. Работы изъ папье-маше съ 9 рис. —30 к. Работы изъ проволоки съ 32 рис.—30 к. Ретушеръ-люб. съ 2 рис. — 30 к. Ручные насосы и тараны съ 43 рис. — 30 к. Рѣзчикъ-люб. съ 60 рис.—20 к. Рыбная ловля съ 54 рис.—30 к. Самодѣльн. волшебн. камера съ 5 рис.—30 к. Самодѣльн. волшебн. фонарь съ 9 рис.— 30 к. Сапожникъ-люб. съ 47 рис. — 30 к. Сельск. землем. съ 43 рис.—30 к. Скорняжн. дѣло — 30 к. Слесарь-люб. съ 68 рис. — 30 к. Смолокурен. пр. съ 19 рис.—30 к. Спичечн. пр. съ 17 рис.—30 к. Столяръ-люб. съ 100 рис.—30 к. Сургучное произв. —30 к. Сухіе гальван. элементы съ 9 рис.—30 к. Сыровар. пр. съ 23 рис.—30 к. Технич. черчен. съ 25 рис.—30 к. Тиснен. по кожѣ съ 20 рис. и 1 черт.—30 к. Токарь-люб. съ 72 рис.—30 к. Приготовл. туалетн. мылъ съ 10 рис.—60 к. Устр. небольш. мыловар. завода—30 к. Фотографъ-люб. съ 68 рис.—40 к. Хлѣбопек. дѣло съ 24 рис. — 30 к. Художн.-люб. съ 5 рис.—50 к. Часовщикъ-люб. съ 28 рис.—30 к. Чернильное произв.—25 к. Шорно-сѣдельное дѣло съ 25 рис.—30 к. Штукатурное дѣло съ 22 рис.— 30 к. Щеточн.-люб. съ 39 рис.—25 к. Устр. электр. звонк. съ 50 рис.—30 к. Эмал. пос. съ 6 рис.—25 к. Выс. налож. плат.

БИБЛІОТЕКА ЭЛЕКТРОТЕХНИКА.

Аппаратъ Морзе, устройство и учебникъ телеграфированія, съ 54 рис.—40 к. Аккумуляторы: постройка, уходъ, ремонтъ съ 52 рис.—60 к. Безпроволочный телеграфъ, съ 10 рис.—20 к. Аппаратъ Юза: устройство, уходъ, съ 73 рис.—50 к. Гальваническіе элементы съ одной и двумя жидк., съ 63 рис.—40 к. Гальванопластика, съ 27 рис.—40 к. Громоотводы, съ 13 рис.—30 к. Дешев. освѣщ. съ элем. „Сатурнъ“, съ 4 рис.—30 к. Постр. нов. аккумулятора, съ 5 рис.—30 к. Проводка домашн. телефона, съ 12 рис.—30 к. Постр. маленьк. аккумуляторовъ, съ 28 рис.—30 к. Постр. мал. электрич. двигателя, съ 34 рис.—30 к. Постр. мал. динамо-машины, съ 25 рис.—30 к. Постр. электр. звонка и проводка, съ 13 рис.—30 к. Постр. электростат. приб. и машины, съ 8 рис. — 30 к. Постр. электр. будильника и сторожа, съ 2 рис.—30 к. Постр. элем. Лекланше новѣйш. констр., съ 9 рис.—30 к. Устр. деш. электр. освѣщ. лампочками. съ 35 рис.—20 к. Устр. электрич. приборовъ, двигателей и игрушекъ, съ 152 рис.—80 к. Никелированіе собственноручнымъ приб., съ 8 рис. — 30 к. Устр. сухихъ гальванич. элемент., съ 13 рис.—30 к. Спутникъ электромонтера, съ 25 рис. — 40 к. Аппар. Уитстонъ: устройство, уходъ, съ 39 рис.—50 к. Телеграфъ и телефонъ устр., пров., съ 79 рис.—50 к. Телефонъ безъ проводовъ, съ 10 рис.—40 к. Телефонъ, устройство, разл. примѣн., съ 60 рис.—30 к. Устройство спирали Румкорфа и опыты, съ 20 рис.—30 к. Трехфазный токъ, съ 13 рис.—40 к. Школа молод. электротехника, съ 59 рис.—30 к. Электрическіе звонки и сигнализація: проводка, ремонтъ, съ 76 рис.—30 к. Электрич. освѣщеніе: устройство, новости, съ 100 рис.—40 к. Электродвигатели, устр., съ 36 рис.—40 к. Электротехникъ-любитель: устр. деш. освѣщ., карм. фонарей и мал. аккумуляторовъ, съ 29 рис.—30 к. Электрическія зажигательн. какъ устроить самому, съ рис.—30 к. Электричество въ сельскомъ хозяйствѣ- различн. примѣн. съ рис.—50 к.

Высылается наложеннымъ платежомъ.

Книжный складъ А. Ф. СУХОВОЙ.

С.-Петербургъ, Столярный пер., 9.

Пересылка 1 книги—15к., 2 книги—19 к., 3 кн.—23 к., 4 кн.—27 к. и 5 кн.—31 к. За наложен. платежъ добавляется 10 коп. При выпискѣ на 2 руб. и болѣе пересылка. безплатно. Полный каталогъ болѣе 1000 названій высылается даромъ.

Паровая типографія Л. В. ГУТМАНЪ. Калашниковскій, 13.

Паровая типографія Л. В. ГУТМАНА, Калашниковскій пр., № 13.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

VI

НОВАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНІЕ

1912 г. **Іюнь.**

№ 6.

Главная Контора

напоминаетъ ПОЛУГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ, что имъ слѣдуетъ поспѣшить ПРОИЗВЕСТИ ВТОРОЙ ВЗНОСЪ—2 р. 60 к. Выписывающимъ СОВМѢСТНО „НОВУЮ ЖИЗНЬ“ и „НОВ. ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ“ слѣдуетъ дослать ТРЕТІЙ ВЗНОСЪ—2 р.

Настоящая книга по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ нѣсколько запоздала выходомъ. Слѣдующая, іюльская, книга выйдетъ своевременно въ 20-хъ числахъ іюля.

Отъ редакціи.

Рукописи, присланныя въ редакцію, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и снабжены именемъ и адресомъ автора.

Непринятыя рукописи, менѣе печатнаго листа, возвращенію не подлежатъ, и редакція рекомендуетъ авторамъ оставлять у себя копіи такихъ рукописей. Относительно непринятыхъ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не вступаетъ.

Рукописи болѣе листа, непринятыя для напечатанія, хранятся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. На отвѣтъ и возвращеніе рукописей прилагаются марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по вторн. и субб. отъ 3 до 5 ч.

Отъ конторы

За перемѣну адреса — 50 к. для иногороднихъ, — для городск. подписчиковъ—40 к. Выписывающіе одновременно „Нов. Журн. для Всѣхъ“ и „Новую Жизнь“ платятъ—иногор. 70 к. и городск.—50 к. При новомъ адресѣ слѣдуетъ сообщать прежній свой адресъ съ бандероли.

Такса объявленій въ журналѣ „Новая Жизнь“: послѣ текста — страница—80 р., 1/2 стр. — 45 р. 1/4 стран.—25 р., строка нонпарели (въ одну колон.)—40 к.

На обложкѣ: 2 и 3 стран. 100 р., 1/2 стран. — 60 р., 1/4 стран. 35 руб. строка нонпар. (въ одну колон.)—80 к.; 4-ая стран.—120 р., 1/2 стр.—70 руб. 1/4 стр.—40 р.

Въ Москвѣ подписка принимается въ конторѣ Печковской.

Контора „Новой жизни“ убѣдительно проситъ г.г. подписчиковъ при всѣхъ сношеніяхъ съ ней писать свои адреса какъ можно болѣе четко.

СЛАЩЕ ЯДА.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XVI.

День длится за днемъ, быстро бѣгутъ надъ Шанею недѣли, мѣсяцы. Прошла скучная, дождливая осень—и вотъ опять бодрая, веселая зима. Опять Шаня радуется морозу, покраснѣвшимъ на морозѣ щекамъ, морозному воздуху, которымъ такъ бодро дышится, бѣлому снѣгу, у котораго ясно-синія тѣни, и свѣтло-синему льду.

Иногда, если Марья Николаевна весела и хочетъ побаловать Шаню, велитъ она запрячь лошадей въ санки, и Шаня съ матерью яснымъ вечеромъ, при лунѣ, ѣдутъ по снѣжнымъ дорогамъ за городъ. Санки ныряютъ въ снѣжные сугробы,—весело! Звѣзды крупны и ярки, морозный вѣтеръ въ лицо, колокольчики звенятъ,—хорошо!

Весело кататься по морозу на конькахъ у себя въ саду на прудѣ или на городскомъ каткѣ на рѣчкѣ.

Часто этою зимою собирались у Шани въ саду Дунечка, Томицкій, еще кое-кто изъ подростковъ,—кататься на конькахъ, на салазкахъ. Прудъ былъ расчищенъ, а въ саду устроили ледяную горку.

Шаня съ кѣмъ-нибудь изъ мальчиковъ катится съ горки на салазкахъ и смѣется. Смотритъ на Дунечку, на Томицкаго, видитъ забавно-милыя проявленія ихъ простодушной любви, такой цѣломудренной, чистой и робкой. Сравниваетъ Шаня—и въ сердцѣ словно уколы кинжала.

Пойдетъ вечеромъ въ жаркую баньку. Потомъ, вся горячая, нагая изъ бани выбѣжитъ, въ снѣгу поваляется. Хорошо! И ничего, не простудится Шаня,—здоровая, крѣпкая. Цвѣтетъ на морозѣ, какъ роза. Мать не запрещаетъ,—и сама станетъ на порогъ бани, охваченная радостнымъ послѣ жаркой влаги морозомъ, окутанная облакомъ пара, смотритъ на Шаню и смѣется.

---

*) Кн. 4 и 5 „Новой Жизни“.

Настали святки. Шанька на святкахъ усердно гадала. У матери, у няни, у Дунечки спрашивала, какъ гадать. А какія гаданія и сама знала.

Ночью пошла Шаня въ баньку. Принесли ей туда столикъ, бѣлой скатертью накрытый, и два стула. Поставила Шаня на столикъ зеркала и свѣчи. Сидитъ, дрожитъ, ждетъ.

Тусклыя видѣнія плывутъ въ зеркалѣ. Шаня всматривается и видитъ два черные гроба.

Мгновенный ужасъ охватилъ Шаню,—и пронизала сердце острая боль,—и жестокая радость вдругъ зажглась въ душѣ. Плачетъ Шаня и думаетъ:

„Ну, такъ что жъ! Вмѣстѣ умремъ".

И опять смотритъ въ зеркало—и уже ничего нѣтъ въ холодномъ стеклѣ. Можетъ быть, и не было?

Сидѣли вечеромъ у Шани наверху Дунечка и няня. Гадали на тѣняхъ жженной бумаги. Все выходили Шанѣ какія-то зловѣщія тѣни. Шаня хмурилась и говорила:

— Пусть, пусть! А все-таки онъ будетъ мой!

— Погадаемъ по-иному, Шанечка,—говорила Дунечка.

— Ничѣмъ кручиниться, гадай по-другому,—говорила и няня.—Много тебѣ есть всякихъ гадовъ и загадовъ.

Спрашивали дѣвочки:

— Нянечка, скажи, ты какія еще гаданья знаешь?

Няня разсказывала:

— У насъ вотъ какъ подъ новый годъ гадаютъ. Дѣвушка, которая гадать хочетъ, печетъ наканунѣ пирогъ.

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ Шаня.

Няня взглядываетъ на нее сердито и говоритъ строго:

— А ты слушай. Зачѣмъ да почему,—этого намъ знать не дано, а ты примѣчай, что къ чему. Вотъ, въ самую тебѣ полночь выходитъ дѣвушка на улицу, подойдетъ къ чьему-нибудь дому и подъ окошкомъ слушаетъ, что ей тамъ выпадетъ на долю. И какое она первое имя услышитъ, то ея суженый.

— Это у прохожаго имя спрашиваютъ,—говоритъ Шаня.—Какъ у Пушкина сказано:

Смотритъ онъ—
И отвѣчаетъ: „Агафонъ."

— Нѣтъ,—говоритъ Дунечка,—и подъ окошкомъ можно.

— Ну, а если не имя, а просто разговоръ какой-нибудь услышишь подъ окошкомъ?—спрашиваетъ Шаня.

Нянька говоритъ:

— Услышишь разговоръ, тутъ ты и примѣчай. Скажутъ—иди,—быть тебѣ замужемъ. Скажутъ—сиди,—въ дѣвкахъ засидишься. А хуже всего, коли скажутъ—ляжь: значитъ, смерть тебѣ предвѣщаютъ.

— Нѣтъ, нянечка,—говоритъ Шаня,—это очень страшно. Подойдешь, а тамъ ребятъ укладываютъ спать. Изъ-за того, что они расшалились, спать долго не ложатся, мнѣ про смерть свою думать,—невесело!

— А то еще слушаютъ, какъ собаки ночью лаютъ,—говоритъ няня.

— Страшно, нянечка!

— Откуда собаки лаютъ, оттуда женихъ прiѣдетъ.

— Я это и сама знаю,—говоритъ Шаня.

— А то считаютъ въ плетнѣ колья; три раза по девяти отсчитаютъ и смотрятъ, какой послѣднiй колъ. Такой тебѣ и женихъ будетъ.

— Какъ же, нянечка?

— А такъ: сучковатый колъ—сердитый будетъ женихъ; безъ коры—бѣдный; въ корѣ—богатый.

— Ну, это какъ-то невесело!—повторяетъ Шаня.

Дунечка говорила:

— Подъ подушку портретъ кладутъ, чтобы во снѣ увидѣть.

Няня поправила:

— Не портретъ, кирпичъ изъ бани.

— Ну, кирпичъ! Портретъ лучше,—сказала Шаня.

— Ну, тамъ кирпичъ или портретъ,—говорила равнодушно няня,—не въ томъ главная причина; хоть прядочку его волосъ положь, а только передъ сномъ не молись и крестъ съ шеи сними.

„Да, конечно,—думала Шаня,—не хочетъ Богъ, чтобы знали будущее люди. Гаданье—дѣло врага. Но что же дѣлать, если хочется знать!“.

Такъ Шаня и сдѣлала. Положила подъ подушку Женечкинъ портретъ.

Всю ночь Женя снился, веселый и ласковый. А иногда вдругъ онъ отходилъ и шептался съ какою-то дѣвушкою. Она стройная, а лица не видно.

„Кто же она, эта чужая?—утромъ боязливо думала Шаня.—Манька или барышня, въ которую онъ влюбится?“.

Не лучше-ли и въ правду положить банный кирпичъ? И вотъ на слѣдующiй вечеръ изъ бани Шаня кирпичъ принесла. Положила его подъ подушку. И опять тѣ же сны!

Былъ морозный вечеръ. Полная луна ясно и любопытно смотрѣла на далекую, недоступную ей землю. Изъ ясныхъ звѣздъ складывался все тотъ же дивный и непонятный узоръ.

Началось опять гаданье по старому обряду. Шаня платокъ накинула на голову, выбѣжала на улицу. Снѣгъ хрустѣлъ и блестѣлъ. Улица была пуста и холодна. Домишки, заборы, обледенѣлыя деревья—все было явственно-полуночнымъ, такимъ, чего днемъ не увидишь. Сѣдой морозъ въ бѣлой шубѣ сидѣлъ вдали на скамейкѣ у чьего-то дома, спиною къ Шанѣ, и постукивалъ палочкою по мосткамъ, по стѣнамъ. Потомъ всталъ и завернулъ за уголъ. Гдѣ-то залаяла собака. На бѣломъ снѣгу стали страшны черныя тѣни. И вдругъ стало очень тихо. Шаня ждала и слушала.

Вотъ раздался скрипъ шаговъ по снѣгу. Шаня вздрогнула. По мосткамъ идетъ кто-то. Чужой.

Шанѣ стало страшно. Сердце забилось. Все въ ея глазахъ кружилось и прыгало. Едва различая тихо идущаго человѣка, она подбѣжала къ нему робко. Спросила:

— Какъ ваше имя?

Онъ покачнулся. Тутъ только Шаня увидѣла, что это—черный, мрачный, пьяный мужикъ. Отъ него противно и слащаво пахло водкою. Онъ уставился на Шаню. Она повторила вопросъ. Мужикъ зарычалъ:

— Чортъ съ рогами.

Хрипло захохоталъ. Шанечкѣ стало очень обидно.

— Дуракъ!—крикнула она.

Убѣжала. Мужикъ ворчалъ что-то сердитое.

Шаня прибѣжала домой. Засмѣялась, заплакала. Жалобно говорила:

— Вотъ судьба моя какая,—къ чорту на рога!

Дунечка утѣшала.

— Это гаданье не въ счетъ,—увѣряла Дунечка.—Гаданье въ томъ, что тебѣ скажутъ имя, а разъ не сказали,—надо опять идти.

— Опять идти?—послушно спросила Шаня.

— Иди,—говоритъ Дуня.

Шаня опять накинула платокъ и вышла снова.

На этотъ разъ Шаня была спокойнѣе. И уже все казалось ей обыкновеннымъ и простымъ. Попался пьяненькій писарекъ.

„Опять пьяный!"—съ ужасомъ подумала Шаня.

И сейчасъ же утѣшила себя поговорочкою:

„Пьянъ да уменъ,—два угодья въ немъ".

Подошла, спрашиваетъ:

— Скажите, пожалуйста, какъ ваше имя.

Писарекъ пошатывается, сладко улыбается и говоритъ:

— Коварный измѣнщикъ.

Дѣлаетъ Шанѣ глазки и любезничаетъ:

— Какой помпончикъ! Милашечка! Душечка, гдѣ вы живете? Позвольте васъ проводить.

Шаня опять убѣжала. Дома разсказывала, смѣясь, и сама себя бранила:

— Дура! Охота гадать! Вѣдь, знаю имя, сама знаю, а спрашиваю. Вотъ за это меня и дразнятъ.

ГЛАВА XVII.

День за днемъ, недѣля за недѣлею.

Вотъ насталъ и печальный Шанинъ день, самый печальный, отмѣченный чернымъ, — годовщина разлуки. Шаня постъ на себя наложила, ничего не ѣла, кромѣ хлѣба и воды. Думала:

«Не сама ли я виновата?»

Кается Шаня, плачетъ. Какъ на грѣхъ, погода хорошая, ясная, — послѣдніе морозные дни при яркомъ солнцѣ. Днемъ развеселилась вдругъ Шаня,—Дунечка ужъ очень забавна была съ разсказами о своемъ Лешѣ, и такъ забавно серьезенъ былъ Володя. И вдругъ вспомнила Шаня, что печальный нынче день. Заплакала, удивляя Дунечку.

— Что ты, Шанечка?—спрашиваетъ Дуня.

— Ахъ, Дунечка, не знаешь,—годовщина разлуки.

Поняла Дунечка, утѣшала, сама плакала. Володины глаза съ дикимъ выраженіемъ устремились въ даль. И думалъ опять Володя:

«Зачѣмъ, для чего жить?»

Володя рѣшился умереть. Но такъ трудно! Преодолѣть привычку жить, прервать недоспанный сонъ!

Весна прошла въ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ. Лѣтомъ, какъ зрѣютъ ранніе плоды, созрѣла рѣшимость умереть. Въ сундукѣ, гдѣ хранились старыя, оставшіяся отъ отца вещи, Володя нашелъ револьверъ. Попробовалъ въ лѣсу,—исправенъ. Досталъ патроновъ и пуль.

Прошло еще нѣсколько дней въ мукахъ и волненіяхъ, въ борьбѣ съ животнымъ страхомъ передъ смертью.

Даже замѣтили дома. Спрашивали сестры:

— Что съ тобою, Володя?

— Да такъ, ничего,—отвѣчалъ Володя.—Голова побаливаетъ. Пройдетъ скоро. Пустяки.

Разговоры съ товарищами не утѣшали. Все было страшно умирать. И вдругъ настало холодное спокойствіе.

Въ нежаркое, тихое утро Володя пришелъ къ Шанѣ. У Володи былъ растерянный и жалкій видъ. Привычная, слабая жалость шевельнулась въ Шанином сердцѣ и затихла.

Володя спросилъ:

— Все о Женькѣ думаешь?

— Думаю,—упрямо сказала Шаня.

Покраснѣла. Жалко Володю, да сердцу не прикажешь.

— Брось ты о немъ думать, забудь его, — умолялъ Володя. — Я скоро умру, у меня предчувствіе, но знай, что ничего хорошаго не дождешься.

Шаня опустила палецъ въ стаканъ.

— Смотри,—сказала она, показывая Володѣ дрожавшую въ концѣ пальца каплю воды.

Бросила ее на платье.

— Видишь, — сказала она съ улыбкою странною и вдохновенною: — вобралась и не вернется въ рѣку, пока не умретъ паромъ. Такъ и я — вся въ немъ, и только смерть оторветъ меня отъ него. Безъ него — только въ землю, на землѣ—всегда съ нимъ.

Вотъ сидитъ Володя опять на могилѣ матери. Вся жизнь проходитъ въ его памяти. Мать вспоминается, и ея смерть. Такъ больно сердцу. Заплакать бы,—слезъ нѣтъ.

Ворона пролетѣла и закаркала. Володя посмотрѣлъ вслѣдъ за нею, улыбнулся и сказалъ громко и спокойно:

— Люблю безнадежно, потому и умираю.

Все окрестъ было спокойно, и ликовало ясное небо, и солнце смѣялось, и травы и деревья радовались. Весь міръ замкнулся отъ Володи въ одинъ сіяющій и недоступный кругъ — и Володя былъ среди этого яснаго міра одинъ, какъ въ могилѣ.

Уходящему отъ жизни уже никто не поможетъ!

Подумалъ Володя:

„Написать записку? Но о чемъ? И кому какое дѣло? Не надо открывать людямъ тайну любви, влекущей къ могилѣ“.

А что подумаетъ Шаня?

Пусть думаетъ, что хочетъ. Если она будетъ счастлива, она о немъ забудетъ. А пока...

Володя усмѣхнулся и тихо проговорилъ слова изъ Лермонтовскаго стихотворенія:

Пускай она поплачетъ, —
Ей ничего не значитъ.

Вотъ послѣдняя минута слабости. Володя одинъ въ лѣсу надъ рѣкою, на полянкѣ. Лежитъ въ травѣ. Плачетъ.

Володя пошелъ было одинъ въ лѣсъ, но уже за городомъ догналъ его

и увязался идти съ нимъ двоюродный братъ,—веселый босоногій мальчишка.

Когда пришли въ лѣсъ и добрались до берега рѣки, Володя отправилъ мальчика домой, за удочками. Хотѣлъ подождать, пока мальчикъ убѣжитъ подальше. Легъ въ траву. Полились слезы,—и потянуло къ смерти. Торопливо вытащилъ Володя изъ кармана револьверъ. Выстрѣлилъ себѣ въ ротъ. Звукъ выстрѣла гулко прокатился подъ деревьями.

Мальчикъ услышалъ, испугался, вернулся. Увидѣлъ Володинъ трупъ и быстро побѣжалъ домой. Бѣжитъ и воетъ, никого не видитъ мальчишка. Наталкивается на встрѣчныхъ...

Пришли родные—растерянные, жалкіе. Взяли трупъ, домой свезли обмыли, уложили.

Дунечка прибѣжала къ Шанечкѣ. Свѣтлые волосики растрепаны. Сама испуганная. Кричитъ:

— Володя застрѣлился.

Шаня въ страхѣ и въ смятеніи, блѣдная, плохо понимая, что дѣлаетъ, надѣла шляпу и пошла изъ дому. Что-то ей говорятъ. Хотятъ остановить,— мать, няня. Убѣжала Шаня.

А Володя уже на столѣ. Шаня спрашиваетъ, допытывается,—какъ это случилось. Гарволины смотрятъ на нее съ тихимъ ужасомъ. И догадывается Шаня, что Володя застрѣлился изъ любви къ ней. Это больно мучитъ ея совѣсть и радуетъ ея самолюбіе. И отъ этой гадкой радости ей еще больнѣе.

Володю хоронили, какъ слѣдуетъ. Хоть старый протоіерей законоучитель и говорилъ, что надо зарыть за оградою кладбища, да директоръ гимназіи сумѣлъ добиться разрѣшенія похоронить по-христіански.

Гимназисты пѣли стройно и красиво. Попъ пришелъ чужой, молодой,— свой не захотѣлъ, отговорился нездоровьемъ.

Было много цвѣтовъ. Много молодежи,—учащейся, рабочей.

Шаня всѣмъ казалась интересною. Догадывались, что изъ-за нея застрѣлился Володя. На нее смотрѣли, шептались. Она плакала.

Дни идутъ за днями. Заростаетъ травою Володина могила.

Пришла Шаня на Володину могилу, молится, плачетъ.

На колѣни стала, просила прощенія съ плачемъ, настойчиво:

— Прости, прости, Володя.

Почти увидѣла его голубое тѣло. Какъ бы осѣненіе тѣни надъ ея склоненною головою. И почти успокоилась Шаня,—Володя простилъ.

Проситъ Шаня, чтобы онъ помогъ ея любви.

— Ты самъ любилъ, самъ знаешь, Володя. Прости меня: одно у меня сердце, одна любовь.

Шепчетъ, уткнувшись губами въ свѣжій дернъ могилы, стоя на колѣняхъ.

— Если правда, что вы ходите по землѣ, голубые,—Володя, помоги мнѣ. Не отходи отъ него, напоминай ему обо мнѣ, покажи ему меня во снѣ, такую же чистую и голубую, какъ ты.

Полюбила Шаня ходить на Володину тихую могилу. Носила Володѣ цвѣты. Мечтала Шанечка на Володиной могилѣ.

Дома, одна, достала Шаня Женинъ портретъ, на колѣни передъ нимъ стала. Горько плакала. Шептала·

— Володенька умеръ.

Ей казалось, что у Жени лицо—жестокое. Что онъ повелительно требуетъ жертвъ.

Шанѣ вдругъ стало страшно передъ этимъ портретомъ, какъ передъ ликомъ безпощаднаго. Упала ничкомъ. Шепчетъ отчаянныя слова.

Великая жертва человѣческой жизни принесена ея любви—и уже теперь на вѣки крѣпка ея вѣрность. Таинственный ужасъ смерти приковалъ Шанину душу къ свѣтлому, торжествующему образу Евгенія—и отнынѣ союзъ ихъ нерасторжимъ.

Онъ—добрый, онъ не можетъ не простить.

ГЛАВА XVIII.

Однажды осенью Шаня у Липиной познакомилась съ Марьею Осиповною Грушиною, молодою вдовою чиновника, которая жила не столько на пенсію послѣ мужа, сколько на доходы отъ комиссіонерства, гаданья, сводничества и другихъ услугъ; она ничѣмъ не брезгала, давали бы деньги.

Грушина хвасталась искусствомъ гадать. Шаня просила погадать ей.

— А вы не испугаетесь?—хитро подмигивая, спросила Грушина.

—Я—смѣлая,—бойко сказала Шаня.

Грушина поломалась еще немного и согласилась. Назначила часъ и день,—завтра вечеромъ въ восемь часовъ. Шаня была въ восторгѣ.

— Только я съ подругою приду,—сказала она, думая о Дунечкѣ.

Нельзя же было не взять Дунечку, если идти къ гадалкѣ.

Грушина притворилась испуганною, замахала руками:

— Ой, душенька, Шанечка, лучше вы одна. Вдвоемъ нельзя, ничего не выйдетъ, такое ужъ у меня гаданье.

— Нѣтъ, одной мнѣ страшно,—настаивала Шаня.—Ни за что не пойду одна.

Грушина поохала, повздыхала и, наконецъ, согласилась:

— Ну, ужъ такъ и быть. Только одну подругу приведите,—не больше.

Сговорились и о платѣ,—Шаня принесетъ три рубля.

Былъ темный и пасмурный осеннiй вечеръ. Шаня нетерпѣливо ждала назначеннаго времени. Пришла Дунечка. Дѣвочки отправились вмѣстѣ къ Марьѣ Николаевнѣ проситься. Дунечка говорила:

— Отпустите Шанечку къ намъ вечерокъ посидѣть. Урокъ трудный,— вмѣстѣ учить будемъ, Леша Томицкiй помочь обѣщалъ.

Мать поворчала. Но отпустила.

— Не можете безъ мальчишекъ. Пришла къ намъ, такъ и сидѣла бы, учила бы уроки съ Шанькой. А ты, Шанька, такъ и наровишь улизнуть изъ дому.

Сѣялся мелкiй, холодный дождикъ. Шаня и Дунечка пробирались по темнымъ, грязнымъ улицамъ. Шаня прыгала по мокрымъ месткамъ и напѣвала:

— Гадать, гадать!

Дунечка унимала ее:

— Молчи ты, оглашенная! Еще услышатъ.

— Слышать-то некому,—говорила Шаня безпечно.

Идутъ дѣвочки все дальше. Вѣтеръ воетъ заунывно; дуетъ въ лицо дѣвочкамъ.

Вотъ и мостковъ нѣтъ. Слякоть. Ноги вязнутъ. Башмаки въ грязи, и ногамъ непрiятно отъ сырости.

— Дунечка,—говоритъ Шаня,—я скину башмаки, а то очень непрiятно въ сырой обуви.

— Будетъ холодно,—нерѣшительно говоритъ Дунечка.

Шаня останавливается у фонарнаго столба и, прислонясь къ нему спиною, стаскиваетъ башмаки и чулки. Дунечка за нею дѣлаетъ то же.

Идутъ дальше, шлепая голыми ногами по мокрой глиняной дорожкѣ. Вокругъ уныло и темно. Ставни стучатъ. Рѣдко когда въ окнѣ виденъ огонь. Да и домовъ не много,—больше заборы.

Дѣвочки подбадривали одна другую. Шаня была похрабрѣе. Хотя на душѣ ея было жутко, но она притворялась, что ей ни чуточки не страшно, и посмѣивалась надъ Дунечкою. А сама нѣтъ-нѣтъ, да и вздрогнетъ. Тогда Дунечка принималась дразнить ее:

— Ну, что, пересмѣшница? Надо мною смѣешься, а сама дрожишь!

— Ничуть не дрожу,—пытается спорить Шаня.

Дунечка уличаетъ:

— Зубами стучишь, за три версты слышно.

Шаня смѣется и оправдывается:

— Это я отъ холода.

Дунечка насмѣшливо говоритъ:

— Ой-ли? Такъ-ли? Что-то ты прежде холода не боялась, Шаня! Трусишь, милая!

— Сама больше трусишь,—отвѣчаетъ Шаня. — А холодно,—поневолѣ задрожишь, коли босикомъ шлепаемъ.

Дунѣ, что дальше, то страшнѣе. Дунечка ноетъ жалобно:

— Боюсь я, Шанечка! И зачѣмъ мы идемъ такую даль!

Наконецъ, Шаня сказала сердито:

— Ну, Дунечка, пойдемъ домой, коли ты такъ боишься.

Но на это Дунечка не согласилась:

— Нѣтъ ужъ, чего ужъ! Пошли, такъ чего тутъ! Столько шли, да ни съ чѣмъ домой идти!

Вотъ и мрачное жилье шарлатанки,—старый домъ. Изъ-за забора слышенъ лай собакъ. Дѣвочки взошли на крыльцо, позвонили. Открыла сама Грушина

Она усиленно старалась принять внушительный видъ. Къ ней этотъ видъ мало шелъ, но все-таки нагонялъ страху на простодушныхъ дѣвочекъ.

Ставни хлопали. Вѣтеръ вылъ въ трубѣ. Черный котъ ходилъ и фыркалъ, и казалось, что онъ знаетъ что-то.

Грушина взяла обувь дѣвочекъ на кухню,—посушить. Дѣвочки пошли за нею. Имъ было страшно остаться въ этомъ домѣ однѣмъ. Въ кухнѣ было много таракановъ,—и это также наводило на дѣвочекъ страхъ. Тараканы шевелили усами и шептали о чемъ-то.

Грушина вернулась въ горницу и принялась разсказывать о чертяхъ, называя ихъ „они“. Говорила таинственнымъ полушопотомъ:

— Иногда ночью они вдругъ приходятъ и требуютъ работы.

Шаня спрашивала боязливо:

— Кто они?

— Ну, извѣстно кто!—говорила Грушина, озиралась и поясняла шопотомъ:—Нечистые. Такъ вотъ и лѣзутъ, и пристаютъ, и все надо придумывать имъ дѣло потруднѣе, чтобы отвязались. Не сумѣешь придумать,—разорвутъ на мелкіе кусочки.

Наконецъ, Грушина ушла въ сосѣднюю комнату, шепнувъ дѣвочкамъ:

— Сидите смирно.

Тамъ она принялась говорить вслухъ и сама себѣ отвѣчала измѣненнымъ голосомъ. Дѣвочки дрожали отъ страха и почти не помнили себя.

Грушина пріоткрыла дверь, выглянула и шопотомъ позвала:

— Идите, Шанечка.

У Шани отнялись ноги. На лицѣ застыла блѣдная улыбка.

Грушина взяла Шаню за руку, ведетъ въ сосѣднюю комнату.

— Иди и ты, Дунечка,—шепчетъ Шаня.

Дунечка къ ней прижимается, пошла было за нею.

—Нельзя,—шепчетъ Грушина,—надо одной.

Дунечка дрожала всѣмъ тѣломъ и лепетала:

— Я боюсь остаться одна.

— Ничего, ничего,—шептала Грушина,—они сюда не придутъ. Я ихъ всѣхъ заняла дѣломъ.

И ушли. Дунечка осталась одна. Сидѣла, прижавшись въ уголкѣ дивана, и съ ужасомъ думала:

„А вдругъ они кончатъ раньше, вернутся и нападутъ на меня?“

Въ сосѣдней комнатѣ, куда Грушина ввела Шаню, стоялъ посрединѣ столъ, накрытый бѣлою скатертью, и на немъ, на большомъ листѣ бумаги, стаканъ, наполненный водою.

Грушина принесла кусокъ угля и, шепча невнятно, обвела углемъ черту на полу вкругъ Шани и стола. Заставила Шаню нѣсколько разъ повертываться и бормотала непонятныя слова. Потомъ сказала:

— Ну теперь глядите.

Шаня дрожа наклонилась къ стакану. Страшная рожа глянула на нее. Ужасомъ охолонуло Шанино сердце. Сама не помнила, какъ выбѣжала.

— Шанечка, на тебѣ лица нѣтъ,—говорила Дунечка.

И обрадована, что не одна, и испугана Шанинымъ испугомъ.

Шарлатанка бормотала что-то. Едва помнили дѣвочки, какъ выбрались изъ дому.

Побѣжали по улицѣ молча.

Послѣ гаданья Шаня всю ночь грезила чертями. Володя приходилъ. Говорилъ что-то грустное. Словъ не разобрать.

ГЛАВА XIX.

День за днемъ, годъ за годомъ...

Шаня подростала, изъ шаловливой и дерзкой дѣвчонки превращалась въ красивую смуглую дѣвушку, то бойкую, то задумчивую, то капризную, то нѣжную.

Стали за Шанею ухаживать уже не только одни гимназисты, а и молодые купчики да чиновнички. Но гдѣ же имъ было вытѣснить изъ Шаниныхъ мыслей Евгенія! Всѣ они, сравнительно съ нимъ, такіе презрѣнные, противные, пошлые! Думаютъ о чемъ-то мелочномъ, и слова ихъ такъ пусты!

А все-таки Шаня стала больше прежняго заботиться о своей одеждѣ. Нарядится и думаетъ, понравилось-ли бы это Евгенію. Если почему-нибудь покажется, что это—слишкомъ грубо и безвкусно, то Шаня печалится, плачетъ и долго не знаетъ, какъ поправить дѣло.

Обожаніе Евгенія уже не было такимъ бурнымъ и пламеннымъ, какъ

въ первые годы. Володина смерть покрыла милый образъ облакомъ грусти, и то, что Евгеній писалъ все рѣже, вливало въ Шанину душу томительную горечь. Но зато это умягченное чувство тѣснѣе сплелось со всѣмъ Шанинымъ существомъ.

Страстность, грусть, воспоминанія, надежды, борьба желаній и страховъ, боязливое суевѣріе—все, скованное образомъ Евгенія, сросталось въ Шаниной душѣ въ одно неразрывное цѣлое, и вся Шаня была въ тѣ годы, какъ олицетворенная мечта о далекомъ и солнечно-прекрасномъ героѣ.

Если бы о герояхъ не мечтали юныя дѣвы, то и не было бы на землѣ героевъ, потому что творческій замыселъ раньше и выше жизни; герой возникаетъ раньше, чѣмъ рождается ребенокъ.

Томленія ожиданій въ Шаниной душѣ постепенно замирали и обратились въ твердую увѣренность.

Картины воспоминаній незамѣтно, мало-по-малу, измѣнялись, становились глубже и чище, и сама Шаня очень удивилась бы, если бы какая-нибудь дивная власть показала ей то, что было на самомъ дѣлѣ, рядомъ съ тѣмъ, что мечтательно и такъ сладостно вспоминалось, — такое бы увидѣла она странное несходство.

Можетъ быть, слаще всего—вспоминать то, чего не было.

Письма отъ Евгенія становились все рѣже и короче, и даже суше.

Сначало Евгенію нравилось писать письма Шанѣ, нравилось разсказывать о томъ, что онъ видитъ, что узнаетъ, нравилось наставлять и поучать. Потомъ мало-по-малу эти письма становились ему скучны. Онъ принимался за нихъ, какъ за непріятный урокъ. Откладывалъ со дня на день. На многія Шанины письма такъ и забывалъ отвѣтить.

Подъ конецъ Шаня уже и не ждала писемъ отъ Евгенія. Теперь его письма ей уже не были нужны,—культъ Евгенія опредѣлился въ ея душѣ. Она получала ихъ съ вялою радостью и со смутнымъ страхомъ, который ей самой былъ непонятенъ. Эти письма были почти непріятны ей. Они ломали рамки ея культа, видоизмѣняли и мутили ея коранъ, — вѣдь, Евгеній такъ непостояненъ, что говоритъ то одно, то другое объ одномъ и томъ же предметѣ.

Шаня съ улыбкою и съ недоумѣніемъ вспоминала свои былыя ссоры съ отцомъ и съ матерью изъ-за Евгенія. Иногда, по привычкѣ, хотѣлось ей опять затѣять ссору. Но уже не было повода. И отецъ, и мать были къ этому холодны: Евгенія же здѣсь нѣтъ,—пусть дуритъ дѣвченка. Все равно, потомъ забудетъ

Теперь Шаня уже ни съ кѣмъ не говорила о Женѣ. Это казалось ей кощунствомъ. Если кто заговаривалъ съ нею о Евгеніи, она молчала.

Стали думать, что они поссорились. Дома были рады. Подруги смѣялись Шаня не спорила съ ними.

Дунечка одинъ разъ даже упрекать стала:

— Забыла ты своего Евгенія,—ужъ и не говоришь о немъ.

Шаня улыбнулась и спокойно отвѣтила:

— Ужъ о чемъ, о чемъ, а ужъ о Женичкѣ я никогда не забуду подумать. Проснусь,—первое вспомню его. Засыпаю,—о немъ послѣдняя мысль. Такъ ужъ и знаю,—если близко его глаза увижу, значитъ, засыпаю.

Шаня все больше увлекалась книгами. Сначала брала у знакомыхъ; потомъ, когда отецъ сталъ давать ей побольше карманныхъ денегъ, сама покупала. Прежде больше читала романы; теперь же, покупая и разсчитывая свои деньги, стала читать книги не столь легкаго содержанія.

Книги и разговоры многому ее научили. Уже она улыбалась надъ суевѣріями, которыя въ нее вжились, но не отвергала ихъ. Духовнѣе и чище становились эти темные завѣты давно умершихъ, и выростало изъ нихъ еще неясное чувство таинственной общности міровъ и душъ. Вѣдь, не по глупости же только придумали все это люди, жившіе до насъ. Они знали меньше насъ, и ихъ невѣжественная увѣренность въ своемъ знаніи была еще сильнѣе, чѣмъ у насъ,—но глаза на міръ и у нихъ были раскрыты.

Въ одинъ несчастный для Шани день Самсоновъ перехватилъ письмо Евгенія. Жестоко досталось бѣдной Шанечкѣ! На ея бѣду матери тогда не было дома, такъ что и заступиться некому было.

На другой день отецъ продиктовалъ ей письмо къ Евгенію съ требованіемъ больше не посылать писемъ. Шаня должна была написать, что ее высѣкли за эту тайную переписку и что она раскаивается и дала отцу обѣщаніе забыть Евгенія. Отецъ самъ запечаталъ это письмо и самъ опустилъ его въ почтовый ящикъ.

Шаня и свое письмо написала Евгенію тайкомъ, забѣжавши изъ гимназіи къ Дунечкѣ. Писала, чтобы тому письму не вѣрилъ, что она любитъ его по-прежнему и никогда не забудетъ. Просила, чтобы онъ продолжалъ переписку.

На оба эти письма Евгеній ничего не отвѣтилъ. Видно, обидѣлся.

Вотъ и четыре года прошло, какъ четыре минуты. И уже мечта объ Евгеніи стала таинственно-зовущею. И будущее становилось страшнымъ. Привычныя мысли объ Евгеніи оживлялись нетерпѣніемъ свидѣться съ нимъ.

Въ этомъ году Шаня кончала кое-какъ гимназію. Еще въ началѣ года

родители стали поговаривать о томъ, не отправить-ли Шаню послѣ гимназіи въ Крутогорскъ. Оба они чувствовали, что въ ихъ безпорядочной жизни взрослая дочь стѣсняетъ ихъ. Они думали, что тамъ, у строгаго дяди Жглова, Шанѣ будетъ лучше. И тамъ легче найти для нея жениха.

— Не наша Сарынь, большой городъ, слава Богу.

— Вѣдь, не въ прокъ ее солить.

Вотъ уже близка стала надежда скоро увидѣть Евгенія. Обожаніе Евгенія вспыхнуло въ Шанѣ съ новою, особою силою.

„А вдругъ передумаютъ?" — со страхомъ думала она и боялась даже говорить объ этомъ.

Даже притворялась, что ей не очень хочется ѣхать въ Крутогорскъ, что она боится строгаго дядю Жглова.

Да и на самомъ дѣлѣ Шаня ѣхать въ Крутогорскъ и хотѣла, и не хотѣла. Хотѣньемъ хотѣла, а разумъ говорилъ,—не надо. Разумомъ она хотѣла бы лучше дожидаться Евгенія въ Сарыни. Ей было досадно, что онъ не пріѣхалъ за нею. Но она гордо думала:

„Ну, что-жъ! Счастье не идетъ ко мнѣ,—я пойду за счастьемъ!".

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА XX.

По широкой, многоводной и красивой рѣкѣ уносилъ Шаню быстрый и удобный пароходъ къ тому городу, гдѣ жилъ Евгеній. Шаня первый разъ ѣхала на пароходѣ, и это радовало ее. Ей было немножко страшно, весело и жутко.

Общество было пестрое, веселое, шумное. Кокетливый дичокъ привлекалъ на себя стрѣлы взоровъ, и, такъ какъ Шаня ѣхала одна, то много находилось молодыхъ людей, которые пытались съ нею познакомиться. Но Шанѣ всѣ они очень мало нравились. Они казались ей слишкомъ развязными, глупыми и наглыми, и она ихъ избѣгала.

Познакомилась и разговорилась Шаня только съ одною красивою дамою, одѣтою удивительно. Шаня впервые видѣла такое совершенное сочетаніе человѣка и одежды. Не только платье, но и все—шляпа, зонтикъ, перчатки, ботинки—было словно создано именно для этой дамы, и вотъ именно для этого освѣщенія и для того, чтобы вмѣстѣ быть надѣтымъ. Каждая складочка при каждомъ движеніи ложилась точно такъ, какъ надобно.

Имя этой дамы, конечно, ничего не сказало Шанѣ. Шаня, вѣдь, еще нигдѣ не бывала, кромѣ Сарыни.

Шаня пыталась угадать, кто бы она могла быть, эта Ирина Алексѣевна Манугина. Знатная дама? Или учительница?

На знатную даму она похожа тѣмъ, что одѣта съ такимъ вкусомъ, и видно, что все на ней дорогое. Съ нею ѣдетъ горничная, веселая, красивая, кокетливая, одѣтая, какъ барышня. На учительницу похожа Манушна потому, что такъ много знаетъ, такъ умно говоритъ, такъ интересно разсказываетъ, такъ умѣло спрашиваетъ и такъ внимательно слушаетъ.

Шаня какъ-то невольно разсказала ей о своей любви, о Евгеніи, о томъ, какъ жила и мечтала.

— Вотъ,—говорила Шаня,—не пріѣхалъ за мною рыцарь мой, не пришло ко мнѣ въ мой городишко счастье,—такъ я сама пойду къ милому, счастье возьму сама.

Манугина улыбалась такъ ласково и нѣжно, что вся Шанина душа раскрывалась передъ нею. И говорила Манугина:

— Мнѣ весело смотрѣть на васъ, Шаня. Вы—вся свѣтлая и страстная. Не знаю, будете-ли вы счастливы, но вы достойны счастія. Но, милая Шаня, можетъ быть прекрасною жизнь и безъ того счастія, котораго вы теперь хотите.

И опять онѣ говорили о жизни прекрасной, свободной и достойной, о радостяхъ искусства и красоты, о восторгахъ жизни, творимой по волѣ нашей. Одна мечтала о жизни, еще не зная ея, другая говорила, какъ умудренная и радостнымъ, и горькимъ опытомъ.

Говорили о невинныхъ стихіяхъ, сурово-дружескихъ человѣку, о прекрасномъ тѣлѣ человѣка, созданномъ вмѣстить въ себя радости, и восторги, и темныя муки. О паѳосѣ освобожденія, о радостной наготѣ, о свободной пляскѣ.

Пароходъ шелъ глубокимъ фарватеромъ близъ берега. Шанѣ казалось, что каждый изъ пассажировъ несъ въ своей душѣ гордое сознаніе своей цѣнности и значительности. Казалось ей, что здѣсь каждый думаетъ:

„Для меня эта громада такъ легко и свободно разсѣкаетъ волны.“

Кое-гдѣ мелькали утлыя лодченки. На берегу виднѣлась шумная ватага нагихъ ребятишекъ. Они ждали, когда пароходъ пройдетъ и взволнуетъ воду. Тогда они съ громкими криками бросались противъ волны. Плыли,— и брызги воды изъ-подъ ихъ ногъ многоцвѣтно сверкали на солнцѣ.

Какъ бы въ связи съ ихъ прежнимъ разговоромъ, Манугина сказала:

— Для ребятишекъ пароходъ—только орудіе чувственной игры. Видите, Шанечка, какія маленькія голыя тѣла, и какая громада—нашъ пароходъ, и какія онъ разводитъ волны! Человѣкъ-то, выходитъ, сильнѣе машины, сильнѣе волны.

— Конечно, сильнѣе,—увѣренно сказала Шаня.

Пароходъ подходилъ къ пристани. Ждетъ-ли кто? Получилъ-ли дядя Жгловъ письмо? Самъ встрѣтитъ или свою дочь пришлетъ, Юлію?

Пусть ужъ лучше одна Юлія встрѣчаетъ. Дяди Жглова побаивалась Шаня.

Въ радостной суетѣ пріѣзда Шаня простилась съ Манугиною.

— Приходите ко мнѣ, Шанечка, — приглашала Манугина.—Рада буду васъ видѣть. Научу веселому танцу.

— Спасибо, непремѣнно,—весело говорила Шаня.

Манугина дала ей свою карточку съ адресомъ, сказала, когда можно застать, и отошла. Уже положили сходни, встрѣчающіе смѣшались съ пріѣхавшими, Шанечка вытащила изъ кошелька багажный билетикъ и стояла, ошеломленная толкотнею и шумомъ.

Наконецъ, и она выбралась на пристань. Вотъ знакомое лицо, и шляпа съ розовыми цвѣтками.

Встрѣчала Шаню одна только Юлія, ея двоюродная сестра, дѣвица лѣтъ двадцати пяти, очень милая, но некрасивая, косоватая, улыбчивая, немножко жеманная, полная, чѣмъ-то похожая на Шаню.

— Папа занятъ,—смущенно говорила она.

Усѣлись на извозчика. Размѣстили Шанины чемоданы и узлы. Ѣдутъ по улицѣ. Болтаютъ и смѣются.

Все удивляло Шаню: мощеныя, пыльныя улицы, трехъэтажные каменные дома, широкіе бульвары, красивые памятники, подъемы и спуски улицъ и набережныхъ, золотыя маковки бѣлыхъ церквей, щеголи и нищіе, одежды и экипажи богатыхъ, лохмотья нищихъ, брань пьяныхъ, нарядные городовые въ бѣлыхъ перчаткахъ, желтые вагоны трамвая.

Всю дорогу Юлія болтала. Шаня слушала въ полъ-уха. Думала о своемъ. Все хотѣлось спросить о Евгеніи, о Хмаровыхъ, да не рѣшалась говоритъ на этой шумной улицѣ.

Ѣхали не долго. На широкой улицѣ, обсаженной каштанами, небольшой двухъэтажный домъ, и на немъ вывѣска, на которой написано крупными золотыми буквами на темно-синемъ полѣ: „Нотаріусъ Жгловъ“.

Дядя, какъ всегда, былъ занятъ въ своей конторѣ. Онъ пришелъ не сразу,—только къ обѣду. Встрѣтилъ Шаню очень холодно. Жаловался, что все некогда, много работы.

Онъ былъ бритый, черный. Если, случалось, онъ не побреетъ бороду, то начинаетъ буйно вылѣзать лѣсъ волосьевъ, которые изъ черныхъ быстро начинали становиться рыжими. Онъ былъ похожъ на свою сестру, Шанину мать, но, — странно, — прекрасныя черты лица Марьи Николаевны превращались у дяди Жглова въ угрюмую, безобразную образину.

Послѣ обѣда Юлія шопотомъ жаловалась на капризы отца:

— Все не по немъ. Всѣ-то ему мѣшаютъ.

Вечеромъ Юлія спѣла довольно пріятнымъ голосомъ нѣсколько чувствительныхъ романсовъ. Шаня открыла свою любовь. Юлія была въ восторгѣ.

Отъ Юліи Шаня узнала, что отецъ Хмарова умеръ въ началѣ прошлой зимы. Оставилъ приличную пенсію, небольшой капиталъ, большіе долги. Семья не хочетъ платить долговъ. Говорятъ:

— Это—ростовщическіе долги. Они давно и съ процентами заплачены. Мы васъ къ суду притянемъ за ростовщичество.

Многіе боялись суда и отступались отъ своихъ денегъ.

— Вотъ,—разсказывала Юлія,—пришла къ нимъ разъ вдова-прачка за стирку получить, много ей задолжали. Пришла съ сынишкою, — маленькій такой мальчикъ, пугливый. Думала разжалобить господъ. Думала,—увидятъ мальчика, пожалѣютъ. Вѣдь, всѣ знаютъ, что ребенокъ-то отъ покойника. Ну, только вошелъ Евгеній на кухню, мальчика увидѣлъ,—на прачку ногами затопалъ, говоритъ: „Ты, говоритъ, отцу на шею вѣшалась“.

Шаня ярко вспыхнула. Взволнованно заговорила:

— Не можетъ быть. Евгеній не сталъ бы такъ говорить. Онъ—благородный.

— Не знаю, такъ говорятъ,—отвѣчала Юлія.—За что купила, за то и продаю. Конечно, люди всегда прибавятъ. Ну, прачка въ слезы, говоритъ: „Отольются, говоритъ, вамъ мои сиротскія слезы“.

Жили Хмаровы не по средствамъ. Пускали пыль въ глаза, чтобы выдать замужъ Марію и сдѣлать хорошую партію для Евгенія. У Маріи уже былъ женихъ,—молодой инженеръ Нагольскій, нахальный и фатоватый.

Ни для кого не было тайною, что Нагольскій слишкомъ беззастѣнчиво пользуется всякимъ случаемъ сорвать и украсть. Говорятъ объ этомъ въ обществѣ. Говорятъ, а иногда и возмущаются, рабочіе. Были скандалы. Всплывали, будто-бы, слишкомъ крупныя затраты.

Но мало-ли что говорятъ! И скандалы Нагольскій сбывалъ съ рукъ благополучно. Онъ былъ очень ловокъ и зналъ, когда надо не жалѣть денегъ, зналъ, кому и сколько дать.

Надо было Марію выдать замужъ прилично. Нагольскій знаетъ, что Хмаровы не богаты, но все-таки безъ приданаго не возьметъ. Тысячъ тридцать надобно ему дать и, вообще, не уронить себя передъ нимъ: вѣдь, его считаютъ Хмаровы все-же выскочкою. Когда Маріи отдадутъ эти деньги, то Евгенію останется очень мало. Поэтому искали для него богатую невѣсту, и нашли.

Шаня ярко вспыхнула. Подумала:

„Нѣтъ, никому его не отдамъ“.

— Кто же это?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Да ты не бойся, Шанечка, — утѣшала Юлія, — она еще очень молоденькая, ей теперь еще и шестнадцати лѣтъ нѣту, и ничего значительнаго она изъ себя не представляетъ. Евгеній, какъ только тебя увидитъ, такъ потомъ о ней и думать не захочетъ.

И Юлія продолжала разсказывать. Эта невѣста Евгенія была пятнадцатилѣтняя Катя Рябова, богатая дѣвушка, въ него влюбленная. И Рябовы, и Хмаровы одинаково были рады этой влюбленности. Рябовы, богатые землевладѣльцы, вышедшіе въ дворяне изъ купцовъ, разсчитывали на связи Хмаровыхъ; Хмаровы знали, что Катѣ будетъ выдѣлено очень много денегъ. Рѣшили ждать четыре года, пока Евгеній кончитъ курсъ. А пока и Рябовы, и Хмаровы всячески старались закрѣпить любовь молодыхъ людей: устраивали прогулки, пикники, вечера, старались почаще оставлять ихъ наединѣ, въ наилучшемъ свѣтѣ выставляли достоинства того и другой, поощряли маленькія нескромности.

Варвара Кирилловна постоянно твердила, иногда некстати, что Женечка нѣжно поглядываетъ на Катю.

— Они такъ дружны, — любила повторять Варвара Кирилловна про Евгенія и Катю,—Женечка полюбилъ Катю тихою, но прочною любовью.

Евгеній начинаетъ этому вѣрить. Вѣдь, Катя—миленькая, простодушная, розовая,—и все краснѣетъ, что ни скажи.

А Катя — довольно испорченная дѣвочка. Потому и краснѣетъ. Да и братья Кати Рябовой—испорченные мальчишки.

Хмаровы знали, что Катя—глупенькая, но въ ихъ глазахъ это придавало ей особый шикъ: наивная, милая, женственная,—что можетъ быть лучше для невѣсты, жены, матери!

Евгеній усвоилъ этотъ взглядъ, какъ и всѣ подобные взгляды. У Евгенія, вѣдь, были только взгляды,—то, что люди называютъ убѣжденіями, онъ презиралъ. И самоувѣренный Нагольскій, къ словамъ котораго Евгеній прислушивался очень внимательно, говорилъ:

— Что такое убѣжденія? Я этого не понимаю. По моему—лишнее слово. Я даже не знаю, черезъ ѣ или черезъ е надо писать это слово. Въ словарѣ стоитъ, а въ жизни его не надо. Быть консерваторомъ, либераломъ или соціалистомъ, — это опредѣляется цѣлою тучею разныхъ обстоятельствъ и соображеній. И, собственно говоря, не все-ли равно! Надо быть наверху, — вотъ и все.

Этотъ усвоенный Евгеніемъ взглядъ, что глупость не вредитъ женщинѣ и что наивность ее украшаетъ, позволялъ ему относиться къ Катѣ свысока. Поэтому ему легко было съ Катею. Ея маленькіе капризы пріятно нарушали однообразіе въ ихъ отношеніяхъ и яснѣе показывали все его блистательное мужское превосходство.

Сначала Евгеній поступилъ было на медицинскій факультетъ. Но карьера врача показалась ему непривлекательною. Онъ перешелъ на физико-математическій факультетъ. Примѣръ Нагольскаго подстрекалъ Хмарова идти въ инженеры. Рѣшено было: кончитъ университетъ и поѣдетъ въ Петербургъ поступить въ одинъ изъ институтовъ.

— Вѣрный кусокъ хлѣба!—говорили дома.

А для знакомыхъ велись красивыя рѣчи о преимуществахъ техническихъ знаній.

День быстро ускользнулъ. Вечеромъ дядя Жгловъ въ торжественной процессіи обошелъ весь домъ. Передъ нимъ шла Юлія со свѣчею, сзади кухарка. У самого Жглова въ рукахъ былъ заряженный револьверъ. Заглядывали подъ диваны, подъ кровати, не спрятался-ли воръ. Въ строгомъ, разъ навсегда опредѣленномъ порядкѣ осматривали всѣ замки, запоры и задвижки у дверей и оконъ. Потомъ Жгловъ строго сказалъ:

— Пора спать. Свѣчъ даромъ не жечь, — еще пожару надѣлаете. Въ своей спальнѣ разговаривать не смѣйте, — я сплю недалеко, и мнѣ завтра вставать рано. Я усталъ, весь день работалъ, мнѣ покой нуженъ.

Дѣвицы отправились спать. Шанину постель устроили въ спальнѣ Юліи. Комната, назначенная для Шани, была еще не готова, да и Шанѣ хотѣлось еще поболтать съ Юліею, хоть шопотомъ.

Дѣвицы улеглись, но продолжали разговаривать,—тихо, чтобы Жгловъ не услышалъ. Кровати потихоньку сдвинули рядомъ.

Юлія открыла Шанѣ свои секреты. Она тоже влюблена. Ея возлюбленный—молодой провизоръ. Жгловъ его ненавидитъ и не соглашается на ихъ бракъ. Молодой человѣкъ страшно боится Жглова. Уже пять лѣтъ они любятъ другъ друга. Скоро молодой человѣкъ накопитъ денегъ и откроетъ аптекарскій магазинъ. Юлія думаетъ, что Жгловъ тогда перестанетъ ненавидѣть молодого провизора и выдастъ за него Юлію.

Въ своихъ постеляхъ дѣвицы возились, обнимались, смѣялись. Сначала старались быть тихими, но мало-по-малу забывали о Жгловѣ, заговорили, засмѣялись погромче.

Жгловъ, шлепая туфлями, подошелъ къ дверямъ ихъ спальни и постучался. Послышался его грубый голосъ:

— Спать мнѣ мѣшаете, дѣвочки. Спите. Смотрите, чтобы мнѣ второй разъ не пришлось васъ унимать.

Юлія сильно испугалась. Когда отецъ отошелъ, она, трусливо ухмыляясь, зашептала:

— Онъ у меня крутой. И поколотитъ, коли что не по немъ.

Первое утро въ Крутогорскѣ,—ясное, жаркое. Шаня, волнуясь, опять разспрашивала о Хмаровыхъ. Рѣшилась написать Евгенію. Юлія дѣятельно участвовала въ составленіи письма. Считала себя болѣе опытною и потому давала совѣты:

— Нѣтъ, ты вотъ такъ напиши.

Шаня просила Евгенія придти въ городской Лѣтній садъ къ мостику надъ водопадомъ завтра въ четыре часа. Подписалась: Шаня. Послала письмо въ университетъ, чтобы дома у Хмаровыхъ не знали.

ГЛАВА XXI.

Въ университетской шинельной Евгенію подали письмо отъ Шани. Евгеній сунулъ швейцару серебряную монету, мелькомъ, продолжая разговаривать съ товарищами, взглянулъ на письмо и покраснѣлъ, узнавъ знакомый почеркъ.

Евгеній думалъ въ это время совсѣмъ о другомъ. Мысли о Шанѣ давно уже не приходили къ нему. Это письмо было для него совершенно неожиданнымъ. Выраженіе неожиданности такъ ясно было на его лицѣ, что кто-то изъ товарищей принялся подшучивать надъ Евгеніемъ.

Отъ всего этого въ душѣ его создалось рѣзко-непріятное чувство. Онъ подумалъ съ досадою:

„Ребяческія сантиментальности. И нахальство“.

Потомъ, въ вагонѣ трамвая по дорогѣ домой, пришли воспоминанья. Въ Евгеніи пробудилось нѣжное чувство къ Шанѣ. Кстати, онъ вспомнилъ, что Катя ему надоѣла.

Въ это время Евгеній уже начиналъ тяготиться Катею. Раньше онъ мало чувствовалъ это. Сегодня же, послѣ Шанина письма, вдругъ почувствовалъ это ярко и сильно,—по противоположности между далекою и уже потому милою Шанею и слишкомъ часто близкою Катею.

Евгенія начинало утомлять и досадовать то, что Варвара Кирилловна говорила о предстоящемъ бракѣ его съ Катею слишкомъ много и слишкомъ, увѣренно. Евгеній вспомнилъ, что его самого даже и не спросили ни раз любитъ-ли онъ Катю и хочетъ-ли на ней жениться. Какъ-то это устраивалось само собою, и теперь уже ему казалось, что Катю грубо обрушили на него какъ что-то неотвратимое. А Евгеній, какъ многіе слабохарактерные люди, любилъ воображать себя хозяиномъ и господиномъ своего пожеланія и своихъ поступковъ. Да и сама Катя, притомъ же, слишкомъ тяготила его въ послѣднее время наивными выходками и простодушною увѣренностью въ томъ, что онъ принадлежитъ ей.

„Смотритъ на меня, какъ на свою собственность!“—досадливо думалъ Евгеній.

Онъ рѣшился идти на свиданіе съ Шанею. Конечно, дома онъ никому объ этомъ не сказалъ.

Дома ждали его непріятные разговоры о деньгахъ, о процентныхъ бумагахъ, которыя приходится закладывать, о заимодавцахъ.

— Удивительно, откуда они налѣзли!

Все сегодня досадовало и раздражало Евгенія. Къ чему эти лакеи, экипажи, эти постоянные гости то къ обѣду, то вечеромъ! Конечно, никакихъ денегъ не хватитъ.

Вотъ и сегодня вечеромъ собирается толпа совершенно ненужныхъ людей, съ которыми надо любезно говорить о пустякахъ, о свѣтскихъ новостяхъ, немного позлословить, кое-кому пустить пыль въ глаза словечками, нахватанными изъ Нитше и откуда попало. Ахъ, этотъ легкій разговоръ! Приличныя слова, — злой и колкій смыслъ, и такъ о всемъ и о всѣхъ. Пустая, пошлая болтовня!

Евгеній чувствовалъ себя сегодня какъ-то нервно и неловко. Онъ ходилъ изъ комнаты въ комнату, прислушивался къ разговорамъ и старательно избѣгалъ случаевъ остаться съ Катею.

Бойкія, пустыя барышни сегодня показались Евгенію удивительно прѣсными. Никогда еще лица элегантныхъ кавалеровъ не казались Евгенію такими глупыми и пошлыми, какъ сегодня.

Мечта о смуглолицой, веселой простушкѣ Шанькѣ нѣжно овладѣвала душою Евгенія, и въ свѣтѣ этой мечты такъ ясно видными стали всѣ обманы и мишурности того, что передъ нимъ.

Остановившись въ дверяхъ, онъ услышалъ, какъ Варвара Кирилловна говорила какой-то дамѣ:

— Мой будущій зять, инженеръ Нагольскій, скоро будетъ директоромъ.

Фамильное хвастовство Хмаровыхъ особенно проявлялось въ Варварѣ Кирилловнѣ. Прежде такія упоминанія казались Евгенію очень ловкими и умными и питали въ немъ горделивое сознаніе превосходства ихъ семьи. Сегодня эти слова показались ему фальшивыми и неумѣстными.

Варвара Кирилловна продолжала равговоръ о своихъ будущихъ свойственникахъ. Заговорила о Рябовыхъ. Кто-то сказалъ о Катиномъ отцѣ.

— Евдокимъ Степановичъ—превосходный человѣкъ, но у него простоватыя манеры.

— Но онъ такъ богатъ!—возразила Варвара Кирилловна.

Замѣтивъ чью-то любезно-подавленную улыбку, Варвара Кирилловна спохватилась, что это вышло ужъ слишкомъ наивно, и стала объяснять свои слова:

— Какъ у всякаго человѣка, создавшаго богатство въ значительной степени своимъ собственнымъ трудомъ, это у него просто оригинальность

сознаніе своей силы. Знаете, эта богатырская, черноземная, истинно-дворянская сила, прямота, смѣлость. Сознаніе, что ему многое позволено, что онъ многое можетъ.

Евгеній отошелъ со смутнымъ чувствомъ неловкости и неправды.

Въ другомъ мѣстѣ говорили объ искусствѣ и литературѣ. Привать-доцентъ, магистръ зоологіи Лѣсновъ говорилъ:

— Декадентство-то долговѣчно? Э, полноте, все это ваше декадентство шумное кончится надняхъ.

— Неужели? — спросила съ выраженіемъ привычной насмѣшливости Софья Яковлевна.

— Да,—увѣренно говорилъ Лѣсновъ. — Вѣдь, все это упадочничество происходитъ отъ неправильной нашей жизни,—отъ избытка комнатной жизни. Вотъ отъ этихъ стѣнъ, которыя насъ замыкаютъ, и отъ этихъ потолковъ, которые застятъ отъ насъ дневной свѣтъ.

— Но и защищаютъ кое отъ чего,—сказалъ молодой, румяный офицеръ.

— Слишкомъ ужъ защищаютъ,—отвѣчалъ Лѣсновъ. — Теплицъ мы понастроили себѣ, сдѣлали себѣ бѣлое мѣловое небо и досчатую полированную землю. Вмѣсто солнца и звѣздъ создали электрическія раскаленныя проволочки, вѣтеръ замѣнили вентиляторомъ, а вольный плескъ рѣки—тѣснотою цинковой ванны. Появилось декадентство. Но оно исчезнетъ,—и случится это очень просто и очень скоро, потому что люди все-таки не совсѣмъ ужъ глупы.

— Какъ же это случится? Какое объ этомъ пророчество? — съ насмѣшливою улыбкою спрашивалъ Аполлинарій Григорьевичъ, молодцевато крутя сѣдые усы.

Лѣсновъ спокойно посмотрѣлъ на него, усмѣхнулся и сказалъ:

— А начнется это, пожалуй, съ того, что наши дѣти станутъ всегда ходить босыя...

— Ну ужъ, пожалуйста!—сказала Софья Яковлевна.

Лѣсновъ продолжалъ:

— И станутъ по-дѣтски простодушны, и не будутъ нервными и злыми, какъ теперь. Всѣ внѣшнія чувства разовьются у нихъ нормально, какъ у дикарей.

— Это только потому, что они будутъ ходить босикомъ? — насмѣшливо спросила Варвара Кирилловна.—Не слишкомъ-ли это простой рецептъ?

— Ахъ, это вы про опрощеніе,—съ презрительною гримасою сказалъ Нагольскій и нагло захохоталъ.

— Нѣтъ,—наставительно сказалъ Аполлинарій Григорьевичъ,—исторію нельзя такъ легко повернуть.

Нагольскій, увидѣвъ рядомъ съ собою Евгенія, тихо сказалъ ему:

— Разглагольствуетъ чудакъ. Забавно.

Въ другое время Евгеній отвѣтилъ бы Нагольскому сочувственною улыбкою, но теперь улыбки не вышло, и Евгеній опять ощущалъ какую-то смутную неловкость. Нагольскій посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Стремленіе къ опрощенію имѣетъ достаточное основаніе, — сказалъ Лѣсновъ,—какъ реакція на чрезмѣрную рознь между классами, на пышность однихъ и нищету другихъ, на ужасное невѣжество народа, въ связи съ чѣмъ стоитъ крайній недостатокъ образованныхъ людей.

Нагольскій сказалъ:

— А по-моему, перепроизводство.

Магистръ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него. Нагольскій пояснилъ:

— У насъ, въ Россіи, замѣчается перепроизводство людей съ высшимъ образованіемъ. Это не одинъ я говорю.

Зоологъ засмѣялся.

— Я, признаться, не сразу васъ понялъ, — сказалъ онъ. — Фабричный терминъ въ примѣненіи къ штудированію наукъ нѣсколько неожиданенъ.

Нагольскій съ негодованіемъ говорилъ:

— Въ высшія учебныя заведенія идутъ хамы и жиды!

— Непорядокъ!—сказалъ Аполлинарій Григорьевичъ.

И нельзя было понять, сочувствуетъ онъ Нагольскому или смѣется надъ нимъ.

— А по-моему,—говорилъ Нагольскій,—слѣдуетъ возвысить плату за ученіе съ недворянъ до пятисотъ и даже до тысячи рублей. Дворяне же должны учиться безплатно. И давать еще больше правъ: чинъ статскаго совѣтника при окончаніи курса высшаго учебнаго заведенія.

ГЛАВА XXII.

Чѣмъ ближе становился назначенный Шанею срокъ свиданія, тѣмъ все нетерпѣливѣе Евгеній ждалъ его. И уже онъ все яснѣе чувствовалъ, что опять влюбленъ въ Шаню, влюбленъ нѣжно и радостно, какъ въ тѣ наивные дни, когда они встрѣчались въ Сарыни. Была, конечно, разница,—не въ чувствѣ, а въ мысляхъ объ этомъ чувствѣ и объ ихъ отношеніяхъ. Теперь уже онъ не думалъ, что любовь обязываетъ къ чему-то и что она связываетъ людей навсегда. Любовь—только пріятная интермедія. Существо жизни — удачное прохожденіе курса, дипломъ, карьера, связи, деньги и, какъ узелъ всего этого, приличный и выгодный бракъ.

Собираясь идти въ Лѣтній садъ, Евгеній долго стоялъ передъ зеркаломъ, охорашивался, причесывался волосокъ къ волоску. Мундиръ сидѣлъ на немъ превосходно, и онъ съ удовольствіемъ видѣлъ въ зеркалѣ изящнаго молодого человѣка съ нервнымъ и нѣсколько блѣднымъ лицомъ. Даже кре-

новая повязка на рукавѣ—чувствовалъ онъ—очень шла къ нему. Онъ надушился немного болѣе, чѣмъ слѣдовало бы согласно хорошему тону: онъ думалъ, что простушка Шаня не осудитъ его за этотъ избытокъ сладкаго аромата.

Шаня опоздала на десять минутъ. А Евгеній пришелъ аккуратно въ назначенное время. Онъ самодовольно думалъ, оправдывая передъ самимъ собою свою торопливость:

„Ждетъ меня, дурочка. Конечно, за часъ раньше прибѣжала, волнуется, боится, не знаетъ, захочу-ли я придти. Боится, что я забылъ ее. Не слѣдуетъ на первый разъ томить ее ожиданіемъ".

А самъ все нетерпѣливѣе ждалъ свиданія.

И вотъ пришелъ въ назначенное мѣсто, въ тотъ укромный уголокъ сада, гдѣ меланхолично журчитъ по каменистому руслу ручей, черезъ который переброшенъ легкій бѣлый мостикъ,—пришелъ, а Шани еще нѣтъ.

Евгеній ждалъ нетерпѣливо. Въ душѣ возрастала гнѣвная досада. Онъ разорвалъ досадливо перчатку. На часы посматривалъ. Прохаживался нетерпѣливо и чувствовалъ себя въ глупомъ положеніи. Думалъ:

„Взбалмошная дѣвченка! Заставляетъ ждать! Какая дерзость! Что она о себѣ думаетъ!"

Евгеній уже собирался уйти. Далъ сроку еще пять минутъ, но только что онъ вынулъ часы, какъ увидѣлъ, наконецъ, на поворотѣ дорожки двухъ дѣвушекъ. Онъ сразу призналъ Шаню, не столько по лицу, сколько по всему тому общему, ближе не опредѣлимому впечатлѣнію, которое оставила въ немъ еще тогда, въ Сарыни, Шаня и которое теперь вдругъ опять ожило въ немъ.

Шаня шла къ нему навстрѣчу торопливо, раскраснѣвшаяся, радостно-взволнованная. Пришелъ! Ждетъ! Помнитъ ее! И, значитъ, любитъ!

Шаню въ послѣднюю минуту задержалъ дома дядя скучнымъ разговоромъ. Онъ какъ разъ въ это время зачѣмъ-то поднялся изъ конторы въ квартиру. Увидѣвъ Шаню и Юлію въ передней, онъ сердито оглядѣлъ Шанину нарядную шляпку, перчатки, зонтикъ и подозрительно приглядѣлся къ ея весело-взволнованному лицу. Спросилъ:

— Куда собралась?

— Гулять пойдемъ съ Юліею,—сказала Шаня, невольно робѣя подъ его суровымъ и тяжелымъ взоромъ.

Дядя говорилъ угрюмо, и согласіе звучало въ его устахъ, какъ запрещеніе:

— Гуляй. Погода хорошая. Что тебѣ еще и дѣлать! Да къ обѣду не опоздать! Да вотъ пуговку мнѣ пришей къ сюртуку, — на ниточкѣ держится.

Шаня вспыхнула, — боялась опоздать,—и сказала, собравши всю свою смѣлость:

— Юлія потомъ пришьетъ.

— Нѣтъ, ты пришей, — настаивалъ дядя Жгловъ.—У нея все тяпъ да ляпъ, а у тебя руки золотыя. Да сейчасъ.

Шаня торопливо пришила пуговку. Шить она еще дома научилась. Дядя потрогалъ,—прочно,—угрюмо поблагодарилъ и, наконецъ, отпустилъ. Дѣвушки вышли на улицу. Шаня шла очень быстро,—Юлія едва успѣвала за нею.

Евгеній сразу повеселѣлъ. Забылъ всю свою досаду. Пошелъ быстро навстрѣчу Шанѣ. Юлія, чтобы не мѣшать, свернула на боковую дорожку и сѣла далеко въ сторонкѣ. Евгеній и Шаня вернулись къ мостику. Говорили, смѣясь другъ другу, не успѣвая спрашивать и отвѣчать.

Шаня спросила:

— Женечка, по комъ ты носишь трауръ?

Евгеній сдѣлалъ притворно-грустную мину и сказалъ:

— Отецъ у меня умеръ. Еще въ ноябрѣ прошлаго года.

— Какое горе!—сказала Шаня.

Женя слегка поморщился и отвѣчалъ:

— Что дѣлать! Старые всегда умираютъ раньше молодыхъ. Законъ природы.

„Открытый Дарвиномъ",—припомнилось почему-то Шанѣ. Она улыбнулась. Она видѣла, что Евгеній выросъ, но не измѣнился,—это ее радовало и веселило.

— Все тотъ-же барчукъ изнѣженный,—съ умиленною ласковостью сказала она.

Евгеній смотрѣлъ на нее, любуясь ею. Шаня вела себя все такъ же причудливо, какъ и въ Сарыни. Выросла, похорошѣла — и все такая же бойкая, и такія же быстрыя, рѣзкія манеры. Это кружило голову Евгенію. Многое въ Шаниныхъ манерахъ не нравилось ему. Но для него было нѣсколько неожиданно, что Шаня одѣта съ такимъ вкусомъ, и уже теперь онъ не рѣшался дѣлать ей замѣчаній. Это можно будетъ сказать потомъ, при слѣдующихъ встрѣчахъ. А пока все въ Шанѣ веселило его и какъ-то подбадривало.

Шаня восклицала наивно и радостно:

— Господи, сколько времени мы не видались! Какъ ты похорошѣлъ, Женечка!

Евгеній самодовольно улыбался. Шаня спокойно и увѣренно говорила ему „ты". Онъ сначала сбивался,—то „вы", то „ты". Шаня сердилась, начинала тоже говорить „вы",—Евгенію дѣлалось весело, и онъ переходилъ на „ты".

Евгеній почти все время говорилъ о себѣ. Это была одна изъ его давнихъ привычекъ. Шаня слушала его и всматривалась въ него съ жаднымъ восторгомъ.

Наконецъ, Шаня рѣшилась напомнить ему о ихъ дѣтской любви, — и онъ пассивно поддавался ея настроеніямъ, отдавался ея волѣ, направленной къ творенію любви.

Шаня робко взглянула на Евгенія, сильно покраснѣла и съ волненіемъ, которое ей трудно было скрыть, спросила:

— Помнишь, Женечка, ты обѣщалъ на мнѣ жениться?

Евгеній снисходительно улыбнулся и промолчалъ. Подумалъ:

„Ну, еще это мы посмотримъ".

Шаня говорила робко и нѣжно:

— Конечно, я готова отказаться, если ты не хочешь, если ты полюбилъ другую. Конечно, я тебя никогда не разлюблю, и теперь люблю тебя глубже и чище, чѣмъ тогда, но, вѣдь, я же понимаю, что для тебя это было... что ты на это можешь смотрѣть, какъ на дѣтское.

Евгеній почувствовалъ себя великодушнымъ и благороднымъ.

— Дѣтское! — воскликнулъ онъ досадливо. — Ну, положимъ, я уже не былъ тогда ребенкомъ. Я полюбилъ тебя на всю жизнь и никогда не разлюблю. Я, вообще, очень рано развивался. Какъ Лермонтовъ или Байронъ. Многіе находятъ, что я головою выше всѣхъ моихъ сверстниковъ.

Шаня смотрѣла на него съ восторгомъ. Онъ продолжалъ:

— Ты-то, Шанечка, конечно, была тогда еще совсѣмъ дѣвочкою...

— Ну, положимъ!—недовольнымъ голосомъ протянула Шаня.

Евгеній говорилъ:

— И я не осудилъ бы тебя, если бы ты увлеклась другимъ.

— Придумалъ тоже!

Даже засмѣялась Шаня,—такою нелѣпою показалась ей мысль, что она можетъ полюбить другого. Евгеній продолжалъ, нѣжно пожимая Шанину руку.

— Но я могу любить только тебя, Шаня...

— Милый, милый!—воскликнула Шаня, цѣлуя его щеку.

— И если бы ты мнѣ измѣнила...

— О, я! Никогда!

— Я не знаю, способенъ-ли бы я былъ перенести это горе. Я ждалъ тебя всѣ эти годы. Какъ только я окончу курсъ, мы съ тобою повѣнчаемся.

И въ эту минуту Евгеній совершенно искренно подумалъ:

„Къ чорту всѣ разсчеты! Живемъ только разъ, а карьера и большія деньги не стоятъ того, чтобы на нихъ промѣнять любовь".

Помолчали, прижавшись другъ къ другу, нѣжно и сладко мечтая. По

ихъ счастливымъ глазамъ, устремленнымъ одинаково въ зеленую даль сада, можно было подумать, что они оба мечтаютъ объ одномъ и томъ же.

Шаня вздохнула тихонько, словно пробуждаясь отъ сладкаго сна, и спросила:

— Женечка, отчего ты мнѣ ничего не писалъ въ послѣднее время?

На лицѣ Евгенія вдругъ мелькнула непріятная, жестокая и сладострастная улыбка. Но онъ подавилъ ее и заговорилъ нѣжно:

— Шанечка, зачѣмъ же бы я сталъ лишній разъ навлекать на тебя непріятности! Ты же такая неосторожная, а твой отецъ...

Евгеній не кончилъ и пожалъ плечьми. Шаня ярко покраснѣла. Она сказала зазвенѣвшимъ отъ слезъ и отъ обиды голосомъ:

— Противный! Вѣдь, ты же знаешь, что изъ-за тебя я все снесу охотно и даже радостно.

Евгеній обнялъ ее за талію и нѣжно сказалъ:

— Я знаю, милая Шанечка, что ты у меня герой, но все же подводить тебя подъ побои, подъ розги я не могъ. Твой отецъ такой антикъ, что тебѣ и такъ, и безъ моихъ писемъ, боюсь, попадало не мало.

— Какъ ты не понимаешь,—говорила раскраснѣвшаяся Шаня,—что за твое письмо помучиться — мнѣ было бы большимъ счастіемъ! Пусть бы, пусть бы колошматили, сколько хотятъ, а все-таки я знала бы, что ты о мнѣ думаешь!

Евгеній улыбался. Нѣжно обнялъ ее и сказалъ:

— Милая дѣточка!

— Да, ты на меня смотришь, какъ на ребенка, — сказала Шаня—Вѣдь, это мнѣ обидно!

— Дѣточка, я же тебя люблю,—нѣжно говорилъ Евгеній. — Ты должна была мнѣ вѣрить и ждать.

Опять помолчали.

— Какъ твое рисованіе, Женечка?—спросила Шаня.

Евгеній поморщился, какъ при напоминаніи о чемъ-то непріятномъ, и заговорилъ скучающимъ голосомъ:

— Знаешь, Шанечка, оно мнѣ уже надоѣло. Я думаю, что у меня нѣтъ къ нему влеченія. Конечно, если бы я захотѣлъ, я могъ бы достигнуть отличныхъ результатовъ, но это меня ужъ не забавляетъ. Чтобы научиться дѣйствительно хорошо рисовать, надо корпѣть. А я не изъ карповъ.

Шаня весело хохотала.

— Я изъ рода бѣдныхъ карповъ!—шаловливо запѣла она.

Евгеній, улыбаясь, говорилъ:

— Собственно говоря, въ сущности, живопись — пустяки, и ни на что не нужна.

— Ну, какъ-же? А портреты?—возразила Шаня.

— На то фотографія, — говорилъ Евгеній. — Собственно говоря, живопись—даже ложный видъ искусства. Вдругъ изображено движеніе—и вдругъ оно неподвижно. Даже нелѣпо.

— А я такъ люблю смотрѣть картинки,—простодушно сказала Шаня.

Евгеній снисходительно улыбнулся.

— Дѣтки всѣ любятъ рисуночки да картиночки, — сказалъ онъ съ покровительственною ласкою въ голосѣ.

— Вовсе я не дѣтка!—капризно сказала Шаня.

— Ты—очаровательное созданіе,—сказалъ Евгеній.

— А ты... Знаешь, кто ты для меня?—спросила Шаня.

— Ну, кто?

Шаня сказала восторженно:

— Ты—мой богъ!

Евгеній самодовольно улыбнулся.

— Вамъ, женщинамъ,—сказалъ онъ,—надо передъ кѣмъ-нибудь преклоняться. Вы безъ этого не можете.

Посидѣли съ часокъ. Евгеній взглянулъ на часы, Юлія покашливала, прохаживаясь поодаль. Шаня вздохнула, — пора уже разставаться. Она сказала грустно:

— Когда же мы еще увидимся? И гдѣ?

Евгеній улыбнулся съ видомъ превосходства и сказалъ.

— Я все придумалъ. Слѣдующій разъ мы встрѣтимся въ „Бристолѣ“.

Говорятъ, что во всякомъ большомъ русскомъ городѣ есть гостиница „Бристоль“. Была такая гостиница и въ Крутогорскѣ.

ГЛАВА XXIII.

Раза два-три въ недѣлю Шаня и Евгеній стали встрѣчаться въ гостиницахъ—то въ одной, то въ другой. Выбирали гостиницы подальше отъ центра города. Не ходили въ одну и ту же часто, что бы не примелькаться слугамъ.

Сначала за номеръ, за вино и за фрукты платилъ одинъ Евгеній. Потомъ Шаня настояла, чтобы онъ позволилъ иногда ей платить. Потомъ ей все чаще доставалась честь расплачиваться по счету, и это ее очень радовало. У нея были свои деньги, — то отецъ пришлетъ, то дядя Жгловъ выдастъ часть процентовъ съ ея капитала.

Встрѣчи ихъ въ это время еще были совсѣмъ невинны. Посидятъ, поговорятъ, выпьютъ вина немного, обмѣняются десятками нѣжныхъ и безгрѣшныхъ поцѣлуевъ—и разойдутся.

Недолго нравилась Шанѣ таинственная обстановка этихъ свиданій, —

таинственная, но грязная и пошлая, иногда томительная, какъ кошмаръ въ ясный день,—эта потертая мебель и захватанныя портьеры, эти надоѣдливые звуки чужого пьянаго разгула за стѣною, эти пытливые взоры нагло-услужливыхъ лакеевъ. Иногда такъ гадко все казалось это, что, вернувшись домой, Шаня плакала украдкой.

Мало думала въ эти дни Шаня о томъ, что будетъ съ нею дальше. Вѣдь, Евгеній сказалъ ей:

— Какъ только кончу курсъ, такъ сейчасъ же повѣнчаюсь съ тобою.

Чего же ей больше! Надобно вѣрить и ждать.

Но хотѣлось видѣться съ Евгеніемъ чаще и дольше. Какъ же это устроить? У себя принимать Евгенія нечего было и думать: у дяди Жглова — строгіе порядки въ домѣ. Общихъ знакомыхъ въ этомъ городѣ у нихъ не было. Какъ тутъ быть?

И вдругъ Шаня придумала. Однажды, когда уже срокъ ихъ обычнаго свиданія приходилъ къ концу, Шаня спросила Евгенія:

— Женечка, хочешь, я къ вамъ буду ходить?

Евгеній покраснѣлъ, замялся. Заговорилъ, смущенно глядя въ сторону

— Шанечка, ты сама понимаешь, что я былъ бы страшно радъ этому. Но пока этого еще нельзя. Надо сначала подготовить почву. И я боюсь, что теперь это будетъ очень трудно. Мама вбила себѣ въ голову Богъ знаетъ что. Ты знаешь, съ нею спорить безполезно. Она понимаетъ только языкъ фактовъ. Она воображаетъ, что я женюсь по ея выбору.

— На Катѣ Рябовой?—спросила Шаня, ревниво и досадливо краснѣя.

— Но, конечно, этого никогда не будетъ,—горячо говорилъ Евгеній. — Но все-таки ты, Шаня, сама понимаешь... Мама примирится только съ совершившимся фактомъ, когда она узнаетъ, что мы съ тобою повѣнчались. До тѣхъ поръ мы должны хранить наши отношенія въ самой строгой тайнѣ. Это и тебѣ, и мнѣ дастъ возможность эти годы жить спокойно, и спокойно ждать.

Шаня выслушала его, улыбаясь, и весело сказала:

— Да ужъ я все-таки устроюсь. Мы, женщины, народъ хитрый, и умѣемъ придумывать. Знаешь, что я придумала?

— Ну, что?—опасливо спросилъ Евгеній.

Шаня весело засмѣялась и сказала:

— Я къ вамъ въ бѣлошвейки поступлю. Что, ловко придумано?

Евгеній смотрѣлъ на Шаню съ недоумѣніемъ и страхомъ. Взбалмошная Шанька,—чего только она ни придумаетъ!

Шаня, положивъ руки на плечи Евгенія и глядя въ его глаза ласковыми, смѣющимися глазами, говорила:

— Нѣтъ, ты подумай только, какъ это будетъ хорошо! Мы каждый день

будемъ свободно видѣться. Я знаю,—вамъ нужна бѣлошвейка шить приданое для твоей сестры. А я еще въ Сарыни научилась шить. Лучше любой швейки это дѣло знаю.

Евгеній видѣлъ, что Шаня не шутитъ. Ему стало страшно. Онъ попытался ее отговорить.

— Мама очень строгая и требовательная, — сказалъ онъ. — И она не станетъ много платить. Она скуповата и все норовитъ сдѣлать подешевле.

Шаня засмѣялась.

— Да мнѣ много и не надо.

— Она можетъ узнать тебя,—говорилъ Евгеній,—скандалъ выйдетъ. Она такая несдержанная.

— Ну, гдѣ тамъ узнать! — безпечно возражала Шаня. — А и узнаетъ, такъ не велика бѣда. Уйду—и вся недолга.

Евгеній поспорилъ еще немного.

— Право, Шанечка, это неудобно и опасно. Зачѣмъ подвергать себя такому риску!

— Да чего ты такъ боишься, Женя? — говорила Шаня. — Твоя мама меня только мелькомъ видѣла въ Сарыни, и твоя сестра тоже. Онѣ обѣ обо мнѣ и думать позабыли. А я съ тѣхъ поръ выросла, перемѣнилась. Кромѣ того, я набѣлюсь и волосы водородомъ выкрашу, такъ что ни за что меня не узнать будетъ.

— Нѣтъ, ты этого не дѣлай, Шанечка,—сказалъ Евгеній.—Къ тебѣ это не пойдетъ.

И уже онъ началъ сдаваться. Его зажигала Шанина дерзкая увѣренность, и радостно было думать, что можно будетъ видѣться съ Шанею каждый день.

На другой же день Шаня утромъ пришла къ Хмаровымъ наниматься. Ее заставили ждать очень долго въ полутемной передней. Наконецъ, позвали въ гостиную.

Варвара Кирилловна, важно развалясь въ креслѣ, осмотрѣла Шаню въ лорнетку. Шаня почтительно стояла передъ нею.

— Бѣлошвейка?—коротко спросила Варвара Кирилловна.

— Да, барыня, я — бѣлошвейка, — отвѣчала Шаня очень скромнымъ тономъ.

— Гдѣ училась?

— У мадамъ Аннетъ.

Варвара Кирилловна внимательно смотрѣла на Шаню и чувствовала почему-то смутное безпокойство. Она сказала:

— Что-то у тебя, моя милая, лицо какъ-будто мнѣ знакомое! Мнѣ кажется, что я тебя гдѣ-то видала.

— Мы, бѣдныя дѣвушки, всѣ на одно лицо,—скромно отвѣтила Шаня.

— Ну, не скажи, ты—очень хорошенькая,—сказала Варвара Кирилловна.

Но сейчасъ же она спохватилась, что ужъ слишкомъ снисходитъ къ Шанѣ, и поправилась:

— Недурненькая.

Варвара Кирилловна все старалась припомнить, гдѣ она видѣла эту красивую дѣвушку, и никакъ не могла вспомнить. Шаня на ея разспросы отвѣчала, что жила всегда только въ Рубани и что нигдѣ въ другихъ городахъ не случалось ей бывать. Варвара Кирилловна спросила:

— Какъ тебя зовутъ, милая?

— Меня зовутъ Лизой,—сказала Шаня, слегка краснѣя.

«Бѣдная Лиза», — припомнилось Шанѣ почему-то, и какъ-то неопредѣленно захотѣлось не то засмѣяться, не то заплакать. Отъ этого лицо ея приняло умильное выраженіе и стало совсѣмъ похоже на лицо бѣдной дѣвушки, которая пришла наниматься и боится, что ея не возьмутъ.

— Рекомендація есть?—спросила Варвара Кирилловна.

Шаня была готова и къ этому. Не даромъ вчера она и Юлія такъ внимательно и долго обсуждали всѣ подробности. Шаня вынула изъ сумочки листокъ бумаги, на которомъ Юлія еще вчера написала:

„АТТЕСТАТЪ".

„Симъ удостовѣряю, что предъявительница сего, дочь крутогорскаго мѣщанина Елизавета Ивановна Любимова, жила у меня въ качествѣ домашней портнихи и бѣлошвейки въ теченіе двухъ лѣтъ, обязанности свои исполняла весьма усердно и умѣло, вела себя безукоризненно и своею честностью, скромностью и услужливостью заслуживала полнаго довѣрія и была полезна въ домѣ; отпущена мною 1 сего сентября вслѣдствіе отъѣзда моего за границу. Жена генералъ-маіора В. Страхова".

Варвара Кирилловна внимательно прочла эту бумажку и спросила:

— Сколько же ты хочешь получать?

— Что положите, — все съ тою же скромностью отвѣчала Шаня. — Я очень нуждаюсь въ работѣ и буду рада всякому заработку. У меня больная мать на рукахъ.

— Это мнѣ все равно,—строго сказала Варвара Кирилловна.—У меня не благотворительное заведеніе. Я потребую хорошей работы. Лѣности и плохой работы я поощрять не могу и не считаю нужнымъ.

— Надѣюсь, что вы останетесь мною довольны,—сказала Шаня,—ужъ я постараюсь вамъ угодить.

Варвара Кирилловна подумала, еще разъ внимательно и строго осмотрѣла Шаню съ головы до ногъ и, наконецъ, рѣшила:

— У тебя хорошая рекомендація. Я тебя беру. Смотри, постарайся оправдать рекомендацію твоей генеральши. Начнешь завтра утромъ, въ десять часовъ.

На другой день ровно въ десять часовъ Шаня уже была у Хмаровыхъ. Ее посадили шить въ маленькой проходной комнатѣ между гостиною, столовою и буфетною, окнами на дворъ.

Варвара Кирилловна обращалась съ Шанею высокомѣрно и грубо, какъ и со своими горничными, которыя у нея довольно часто мѣнялись. Она говорила Шанѣ „ты“, называла ее Лизаветою и только изрѣдка, въ видѣ особой милости и ласки, Лизою. Платила скаредно, да и то старалась обсчитать, затянуть платежъ, не додать. Нерѣдко кричала на Шаню, если работа ей не понравится или покажется, что Шаня работаетъ медленно. При этомъ Варвара Кирилловна не стѣснялась въ выраженіяхъ, не избѣгала бранныхъ словъ, и даже иногда казалось Шанѣ, что она готова поколотить ее. Но Шаня старалась изо всѣхъ силъ и работала быстро и хорошо.

Въ тѣ часы, когда Шаня работала, Варвара Кирилловна и Марія въ гостиной и въ столовой говорили по-французски, чтобы швея Лизавета не подслушивала барскіе разговоры. Но настолько-то Шаня знала этотъ языкъ, чтобы понимать ихъ несложныя фразы,—вѣдь, говорили по большей части о пустякахъ.

Чтобы имѣть возможность каждый день ходить къ Хмаровымъ, Шанѣ приходилось дома сочинять разныя сказки. Юлія помогала ей, какъ умѣла.

Дядя Жгловъ не очень-то имъ вѣрилъ. Каждый разъ онъ спрашивалъ Шаню:

— Куда идешь?

Иной разъ велитъ остаться. Тогда приходилось на другой день что-нибудь сочинять для Варвары Кирилловны, чтобы объяснить этотъ неожиданный прогулъ. Это, впрочемъ, не спасало Шаню отъ крика и отъ брани.

Наконецъ, Шаня нашла удобный предлогъ для ежедневныхъ отлучекъ изъ дому,—сказала дядѣ, что учится музыкѣ, танцамъ и рисованію.

Хотя и подозрителенъ былъ дядя Жгловъ, но у него не было времени внимательно слѣдить за дѣвицами. Почти весь день онъ сидѣлъ въ своей конторѣ, а иногда уѣзжалъ куда-то по дѣламъ. Да его даже и тяготило, что у него живетъ Шаня. Онъ думалъ, что она—сорванецъ, избалованная дѣвочка, и что она можетъ имѣть нехорошее вліяніе на скромную Юлію. Чѣмъ меньше она остается дома и чѣмъ меньше бываетъ съ Юліею, тѣмъ, казалось ему, лучше.

Комната, гдѣ у Хмаровыхъ шила Шаня, оказалась удобною для наблюденій: изъ нея видны были и гостиная, и столовая, и все было слышно, что тамъ говорится. Тутъ Шаня видѣла и слышала родственниковъ Хмаровыхъ, Катю Рябову и ея отца, Нагольскаго и многихъ другихъ. Слышала разговоры, довольно откровенные. Въ это время ей пришлось узнать много неожиданнаго.

Если бы она не была такъ ослѣплена любовью къ Евгенію, она уже изъ этихъ разговоровъ поняла бы, что изъ такой семьи не можетъ выйти порядочный человѣкъ. Евгеній и самъ иногда являлся ей съ неприглядной стороны въ своихъ домашнихъ разговорахъ и поступкахъ и въ разговорахъ о немъ домашнихъ.

Но любовь все являетъ въ райскомъ осіяніи.

Евгеній старался почаще бывать около той комнаты, гдѣ шила Шаня, чтобы при случаѣ поболтать съ нею. Но говорить приходилось рѣдко: Варвара Кирилловна думала, что за чужимъ человѣкомъ въ домѣ надобно слѣдить,—какъ бы чего не украла бѣдная швейка,—и потому старалась не оставлять Лизавету безъ присмотра. То она сама, то Марія почти постоянно сидѣли въ гостиной или въ столовой и поминутно заглядывали къ Лизаветѣ.

Но любовь хитра и смѣется надъ помѣхами. Нерѣдко при Варварѣ Кирилловнѣ Шаня ухитрялась передать Евгенію записочку. Всегда Евгеній бывалъ смущенъ этимъ и потомъ упрекалъ Шаню за неосторожность, встрѣтившись съ нею въ саду или въ гостиницѣ.

— Попадешься когда-нибудь,—говорилъ онъ.

— Не попадусь,—самоувѣренно отвѣчала Шаня.

И продолжала свое, — передавала записочки дерзко и ловко, у всѣхъ на глазахъ. Передастъ—и рада. Засмѣется тихонько, пѣсенку замурлычитъ. Варвара Кирилловна и Марія съ негодованіемъ переглянутся. Ихъ оскорбляетъ такая вольность, — не къ лицу она бѣдной дѣвушкѣ. Сдѣлаютъ ей строгій выговоръ.

— Лизавета, какъ тебѣ не стыдно! Ты забываешься. Вспомни, гдѣ ты находишься. Въ барскихъ комнатахъ нельзя вести себя, какъ въ харчевнѣ.

Шаня смиренно проситъ прощенія и даже притворяется испуганною. Потомъ, когда ее перестанутъ бранить, она говоритъ:

— Я хотѣла угодить барышнѣ моей пѣсенкой. Я думала, что имъ понравится. У меня—хорошій голосъ, я въ пріютѣ въ хорѣ пѣла.

Варвара Кирилловна величественно отвѣчаетъ:

— Ты очень глупа, моя милая. Барышня слышала настоящихъ пѣвицъ, о которыхъ ты и понятія не имѣешь. Барышня за-границей была въ самыхъ

лучшихъ театрахъ и всѣхъ знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ слушала. Ей твой пискъ не можетъ быть интересенъ.

Шаня вздыхаетъ съ видомъ завидующей и тихонько говоритъ:

— Счастливые господа! Вездѣ-то побываютъ, все увидятъ, все услышатъ.

— Шей, шей, не лѣнись, — говоритъ Варвара Кирилловна. — Тебя не для разговоровъ нанимали, а для работы.

Идя однажды утромъ къ Хмаровымъ, Шаня увидѣла въ окнѣ магазина очень красивыя и вкусныя на видъ груши. Шаня зашла въ магазинъ, выбрала одну крупную грушу, купила ее и положила въ свою сумочку. Веселая и лукавая улыбка играла на ея румяныхъ губахъ.

Въ комнатѣ, гдѣ шила Шаня, стоялъ маленькій, красивый буфетъ, куда ставили только фрукты и печенье. Шаня любила фрукты и все сладкое. Ей всегда по-дѣтски становилось завидно, когда при ней ѣли сладкое, а ей не давали. Шаня знала, что и сегодня, какъ всегда, у Хмаровыхъ будутъ фрукты. Вдругъ ей захотѣлось сошкольничать. Для того и купила грушу,—„пусть подумаютъ, что у нихъ стащила".

И въ самомъ дѣлѣ, фрукты были сегодня куплены. Варвара Кирилловна положила ихъ въ вазу. Потомъ она и Марія тутъ же у буфетика съѣли по грушѣ. Поговорили, на этотъ разъ по-русски, чтобы слышала Лизавета, о томъ, какія это дорогія и очень вкусныя груши. Потомъ Варвара Кирилловна ушла, а Марія съѣла еще одну грушу и тоже вышла.

Шаня вынула свою грушу и принялась неспѣшно ѣсть ее. Какъ разъ въ это время вернулась Варвара Кирилловна. Взглянула на швею Лизавету, увидѣла, что она не шьетъ, что въ ея рукахъ начатая груша, и остолбенѣла отъ ужаса. Едва вѣря своимъ глазамъ, она грозно глядѣла на дерзкую швею. Та не смутилась и продолжала ѣсть.

Варвара Кирилловна крупными шагами подошла къ буфетику и пересчитала груши. Трагически пожала плечьми. Проговорила негодующимъ голосомъ:

— Одной не хватаетъ!

Подошла къ Лизаветѣ, устремила на нее сверкающій, грозный взоръ и закричала:

— Что за мерзость! Послушай, Лизавета, что же это такое!

— А что?—невиннымъ голосомъ спросила Шаня, обтирая влажныя отъ груши пальцы носовымъ платкомъ.—Я только минуточку, я сейчасъ начну шить, только вотъ грушу доѣмъ.

— Какая наглость! — кричала Варвара Кирилловна. — Таскать чужія

груши только потому, что я не замкнула ихъ на ключъ! Я не обязана угощать всякую дрянь своими грушами!

Шаня улыбнулась.

— Вотъ вы что подумали! — спокойно сказала она.—Да это—моя собственная груша. Шла мимо магазина, соблазнилась, дай, думаю, куплю грушу, хоть разокъ попробую, что за сладости богатые господа кушаютъ.

— Какъ—твоя собственная!— воскликнула Варвара Кирилловна.—Ты мнѣ въ глаза врешь. Здѣсь одной груши не хватаетъ.

Она вся покраснѣла отъ негодованія. О, недаромъ она всегда говоритъ, что въ Россіи—воръ на ворѣ, что русскій простой народъ весь сплошь изворовался и изолгался!

Шаня смотрѣла на нее, наслаждаясь ея бѣшенствомъ, и спокойно сказала:

— Когда вы ушли, барышня взяли еще одну грушу и скушали.

— Ты врешь, скверная дѣвчонка!—закричала Варвара Кирилловна такъ громко, что стекла въ оконныхъ рамахъ тихонько загудѣли.—Сожрала чужую грушу и сваливаешь на барышню, вмѣсто того, чтобы признаться и попросить прощенія. Этакая негодяйка!

Шаня засмѣялась.

— Да что-й-то вы, барыня, не разобравши дѣла, такъ сердитесь, это мнѣ даже смѣшно. Никогда воровкой не была, у родной матери куска сахару не стащила. Спросите у барышни,—вотъ и она идетъ, легка на поминѣ.

Марія вошла. Ей было любопытно узнать, за что ея мать такъ разноситъ Лизавету. Съ удивленіемъ она увидѣла, что мать, взбѣшенная, топаетъ ногами на Лизавету, а та, хоть и покраснѣла сильно, но смѣется. Шаня обратилась къ Маріи:

— Барышня, заступитесь, — барыня меня изъ-за васъ обижаетъ. Онѣ одной груши не досчитались и думаютъ, что это я ее взяла. А это—моя груша, купленная. Скажите, пожалуйста, вашей маменькѣ, что это вы вторую грушу скушали.

Марія вспыхнула и призналась:

— Ну да, когда ты, мама, вышла, я съѣла еще одну грушу.

Варвара Кирилловна смутилась. Но постаралась сохранить гордый видъ. Процѣдила сквозь зубы:

— Извини, пожалуйста, Лиза. Но ты могла бы выбрать другое время, чтобы ѣсть груши. Ты можешь запачкать барышнино бѣлье.

— Я руки вымою,—сказала Шаня.

Она быстро доѣла свою грушу, потомъ засмѣялась и сказала съ простодушнымъ видомъ:

— Ну, что жъ, барыня, я не обидчива. Намъ, бѣднымъ дѣвушкамъ, на

все обижаться не приходится. А ужъ если вы хотите меня приласкать за то, что воровкой меня безъ всякой моей вины поставили, такъ дайте мнѣ одну вашу грушу.

Варвара Кирилловна сдѣлала большіе глаза.

— Это—очень дорогія груши,—внушительно сказала она.

— Ничего, — говорила Шаня, — я и дорогую съѣмъ. Дайте, право, ужъ будьте добренькая, а то, вѣдь, мнѣ очень обидно, что за воровку меня сочли.

Шаня вытащила платокъ и притворилась, что собирается заплакать.

— Нахалка!—пробормотала Варвара Кирилловна.

— Она глупа,—сказала по-французски Марія.

Варвара Кирилловна порылась въ вазѣ, выбрала грушу поплоше и поменьше и подала ее Лизаветѣ, не глядя на швею. Марія стояла въ сторонѣ и строго смотрѣла на глупую Лизу.

Шаня ѣла грушу и говорила:

— Ой, кислая какая! Гдѣ это вы покупали! Моя была гораздо слаще и вкуснѣе.

Варвара Кирилловна сказала по-французски:

— Глупа до святости.

И вышла изъ комнаты. Марія постояла у буфетика, въ замѣшательствѣ глядя на разрумянившуюся глупую Лизу, потомъ медленно подошла къ ней и спросила:

— Лиза, отчего вы такъ покраснѣли?

Шаня быстро глянула на нее, усмѣхнулась, потупилась и сказала тихо:

— А вы думаете, барышня, весело слушать, какъ тебя воровкой честятъ?

— Но у васъ такія красныя щеки,—сказала Марія.

Она осторожно потрогала пальцами Шанину горячую щеку и, вся вдругъ зардѣвшись, спросила дрогнувшимъ голосомъ:

— Надѣюсь, что мама васъ не тронула?

Шаня засмѣялась.

— Нѣтъ, Марія Модестовна, вы во-время подошли.

— У мамы очень нервы разстроены, — говорила Марія, — потому она такая вспыльчивая. Но она очень добрая.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ѳедоръ Сологубъ.

БѢЛЫЙ СЛОНЪ.

Разсказъ.

I.

Случилось великое трясеніе лица Земли въ тѣ дни, когда съ отцомъ моимъ я былъ въ великомъ каменномъ городѣ на берегу священной рѣки. И лишь съ той поры помню я лики и сроки моей жизни.

Черный плащъ въ кровавыхъ пятнахъ—таково было небо тѣхъ страшныхъ дней. Огни и дымы пожаровъ; черные вихри пепла; Солнце—какъ ослѣпленный глазъ. Падали грохочущіе камни величія и славы на головы рабовъ и вельможъ; священныя животныя—и быки, и слоны, и мóнки-обезьяны—кричали, обезумѣвъ, и носились, поражая на-смерть людей. И не мало было людей, которые въ безуміи страха обнажали мечи не только въ ненужной борьбѣ другъ съ другомъ, но и противъ священныхъ животныхъ. Только брамины не позволяли ни рукамъ, ни ногамъ своимъ ускорять движеній: чинно проходили они въ кипящихъ толпахъ и словами священныхъ книгъ тщились успокоить безумцевъ. А тѣ изъ нихъ, бороды которыхъ были бѣлы, стояли подобно каменнымъ изваяніямъ у гопурамовъ своихъ храмовъ. И много-много гопурамовъ, великихъ и тяжкихъ, доходившихъ въ томъ городѣ до семи этажей, разрушились до основанія. Надежнѣйшимъ убѣжищемъ тѣхъ дней были пѣнившіяся волны священной рѣки и поля кукурузы вокругъ города. Лучше всѣхъ знали о томъ брамины и съ перваго часа говорили о томъ мятущимся толпамъ. Сами же не спѣшили уходить. Но развѣ посмѣетъ страхъ свить гнѣздо въ сердцѣ того, кто вышелъ изъ главы Брамы?

Въ первые же часы бѣдствія я потерялъ моего отца и, ища его, носился по чуждымъ улицамъ разрушающагося города, влекомый то своимъ отчаяніемъ, то отчаяніемъ потерявшей разумъ толпы.

Въ городъ пагодъ и дворцовъ ворвался духъ преисподней и прогналъ мудрость и сонъ. День смѣнялся ночью, ночь смѣнялась днемъ. И ночи не были ни чернѣе, ни страшнѣе померкшихъ дней.

— Великъ Будда! Живъ Будда!

— О, Вишну, голубой богъ!

— Криштна! Сынъ Божій! Умоли отца! Криштна! О, Криштна!

— Нѣтъ боговъ! Нѣтъ боговъ! Проклятіе на головы жрецовъ! Смерть браминамъ! Убивайте, убивайте жрецовъ!

— Небо пусто! Небо пусто!

Демоны сомнѣній овладѣли людьми. А свобода дней безначалія сорвала печати молчанія съ устъ учителей запрещенныхъ сектъ. Всегда гонимые и таящіеся, кричали они громче другихъ.

Страшно мнѣ было тогда видѣть впервые сыновъ Дьявола, людей съ великаго острова. На перекресткахъ улицъ разжигали они высокіе костры; сорвавъ одежды свои, показывали народу печати отца своего Дьявола, выжженныя на тѣлахъ ихъ; плясали пляску Дьявола, бія ладонями въ длинные барабаны. Вопили:

— Красноглазый! Красноглазый! Настало царство твое...

А на шеяхъ ихъ висѣло по черному пѣтуху; пѣтушья кровь изъ перерѣзаннаго горла стекала по груди и по животу островитянъ.

Подобно табуну коней, носилась по городу толпа тугастовъ-душителей. Не менѣе семи разъ встрѣчалъ я ихъ за тѣ дни. Длинноволосые, съ глазами, полными огня и крови, выхватывали они дѣтей изъ материнскихъ объятій, душили ихъ и разбивали головы дѣтей о камни.

— Во имя Шивы! Во славу Шивы!

И неслись далѣе. И передній изъ нихъ, нагой и разрисованный известью, потрясалъ большимъ гремящимъ желѣзнымъ колесомъ. Съ воемъ неслись и выхватывали дѣтей, какъ розовыя фламинго выхватываютъ рыбокъ изъ рѣки.

— Во славу Шивы! Джагернаутъ! Джагернаутъ! Радуйся, Кали! Кали-Субадра, богиня смерти...

Я искалъ отца. Я не спалъ, не ѣлъ и не помню, былъ-ли голоденъ. А не разъ проплывало надъ городомъ Солнце. Солнце—какъ ослѣпленный глазъ. Въ тѣ дни Солнце двигалось по черному небу быстрѣе, чѣмъ до того и послѣ. Или такъ казалось устрашившимся взорамъ.

Давно уже былъ я окровавленъ. Сквозь разодранную одежду видѣлъ я многія раны на своемъ тѣлѣ. Вотъ кусокъ камня упалъ на голову. Текшая кровь мѣшала мнѣ видѣть. Побѣжалъ къ рѣкѣ, туда, внизъ. Рокотали волны, священная рѣка гнѣвалась. Съ молитвой обмылъ я свое израненное тѣло и вотъ ослабѣлъ; ноги не держали меня, легъ—упалъ я. Уснулъ-ли? Но вотъ затихъ грохотъ колеблющагося города, и слышу—говоритъ мнѣ мой отецъ:

— Иди отсюда въ домъ нашъ. Здѣсь подстерегаетъ тебя несчастіе.

Сказалъ и замолкъ голосъ отца, а я не дивился тому; вѣроятно, спалъ я. Очнувшись, вскочилъ я быстро, какъ раненый тигръ.

— Отецъ! Отецъ!

Но никого не было вблизи. Никого живыхъ. Тамъ, дальше, около лодокъ суетились воющіе люди. А вкругъ меня лежали лишь трупы людей.

Нѣкоторые были синіе и распухшіе. Священная рѣка изрыгнула ихъ. О, безпримѣрный ужасъ.

И побрелъ я вдоль берега и не зналъ, куда и зачѣмъ. Почему-то я не вѣрилъ уже, что найду отца. Я брелъ, шатаясь, и опять слышалъ гулъ падающихъ камней великаго города, брелъ и шепталъ:

— Вотъ рокъ всталъ между мной и тобой, отецъ мой.

А каменный грохотъ былъ ушамъ моимъ, какъ хохотъ злыхъ пизанчи—духовъ, враждебныхъ всему доброму и живому.

И колеблется Земля. И все трупы у ногъ моихъ. И не разъ осквернился я прикосновеніемъ къ нимъ. И вотъ произошло.

Былъ-ли то ужасъ, было-ли то отчаяніе? Надъ мертвымъ тѣломъ отца моего стоялъ я. Лежало тѣло на спинѣ; ноги по колѣна въ гнѣвныхъ водахъ священной рѣки. Руки—какъ на молитвѣ, а взоръ, мертвый нынѣ взоръ, смотритъ въ небо. Не постигая чувствъ своихъ, и я устремилъ тоску глазъ моихъ въ небо.

Черное небо—Плащъ Сатаны. Погасающее въ дыму Солнце — гнѣвомъ боговъ ослѣпленный глазъ.

Задушила меня скорбь—и палъ я, забывъ законъ Ману, на тѣло отца, на мертвую грудь его лицомъ палъ. И долго-ли такъ? Чувства мои были не жизнь; мысли мои умерли.

— Встань, сынъ мой.

И поднялъ я голову, посмотрѣлъ и всталъ. Предо мною стоялъ незнаемый человѣкъ. Длинна была борода его, не вся еще бѣлая; холщевая одежда не являла признаковъ касты, а голова не прикрыта.

— Утѣшься, сынъ мой. Отчаяніе—смерть. А ты, видишь, ты еще живъ.

И положилъ руку на плечо мое. И ласку почуялъ я и любовь. И лишь ужасы того дня заставили меня забыть неприличіе того поступка. Не умерла скорбь моего сердца, но возвратился я чувствами къ жизни. Предо мною лежалъ трупъ моего отца. Нужно мнѣ было направить душу отца на вѣрный путь, а для блага своей души совершить очистительную жертву.

Сказалъ я слово привѣтствія подошедшему и, опять глядя на трупъ отца, подумалъ:

— Отецъ былъ смертельно раненъ тамъ, въ городѣ. Слыша шаги приближающейся смерти, поспѣшилъ онъ къ священной рѣкѣ, чтобы кинуться въ ея воды: пусть отнесутъ тѣло и душу къ вратамъ рая.

Да. Вотъ и ноги его въ водѣ. Но не успѣлъ онъ: Кали сковала члены его. Что дѣлать теперь? Не найти теперь нассесаларовъ, чтобъ отнесли тѣло въ одну изъ башенъ молчанія, если и не разрушены онѣ трясеніемъ лица Земли. Дагоба—пещера, приготовленная отцомъ близъ родного города нашего, далеко, а дни нынѣ таковы, что она стала еще дальше. Что дѣлать мнѣ?

Опущу тѣло отца въ волны священной рѣки. Пусть донесетъ къ вратамъ рая.

Такъ подумалъ я и поднялъ тѣло отца. Но, вѣроятно, я говорилъ громко слова моихъ думъ.

— Правильно сказалъ ты, юноша.

Тѣло отца поглотили рокочущія волны. А я взглянулъ на говорившаго. Я думалъ—это тотъ-же длиннобородый въ холщевой одеждѣ. Но то говорилъ браминъ. Да, браминъ. И одежда, и головной уборъ, и этотъ священный шнуръ. Да, браминъ. А тотъ, въ холщевой одеждѣ, безъ знаковъ касты, стоялъ рядомъ и забвенно глядѣлъ мимо насъ. Браминъ говорилъ со мною!

Но и болѣе удивился я, когда услышалъ то, что услышалъ.

— Пойдемъ-же, Калаваста; мы еще не кончили нашего спора.

И браминъ взялъ за руку длиннобородаго; того, кого назвалъ:

— Калаваста.

Браминъ взялъ въ свою руку руку того, на одеждѣ котораго не было знаковъ ни одной изъ первыхъ четырехъ кастъ! А тотъ, чье имя Калаваста, отвѣтилъ, и говоръ его былъ простъ:

— Пойдемъ, Магалала. Но спору нашему конца не будетъ, потому что ты знаешь, что ты лжешь, а отъ меня это скрываешь. Пойдемъ, Магалала. Но этотъ юноша мнѣ понравился; пусть идетъ съ нами. Вѣроятно, то былъ его отецъ, и онъ не знаетъ, куда идти теперь и что дѣлать потомъ.

Нѣсколько шаговъ ступили они оба, держась за руки. Можетъ быть, потому держались они за руки, что берегъ еще изрѣдка колебался. И остановились.

Тотъ, чье имя Калаваста, оглянувшись, ласково глядѣлъ на меня изъ-подъ сѣдыхъ косматыхъ бровей. А браминъ, котораго тотъ осмѣливался называть просто по имени, величавый браминъ склонился къ уху того и шепталъ. Тогда тотъ, чье имя Калаваста, громко сказалъ, и я слышалъ:

— И это ложь. Мнѣ неизвѣстно, къ какой кастѣ принадлежитъ юноша, но онъ человѣкъ, и душа его нынѣ страдаетъ. Онъ-же и не глупъ: не суетится, подобно раздавленному червю, какъ всѣ тѣ. А потому пусть идетъ съ нами. И, можетъ быть, не слѣдуетъ ему погибнуть здѣсь. Иди за нами, сынъ мой.

И отвернулся онъ и пошелъ съ браминомъ, глядя передъ собой.

И мнѣ стало хорошо. Вотъ мудрый сказалъ мнѣ:

— Сынъ мой.

Пусть въ простой одеждѣ, но самъ браминъ бесѣдуетъ съ нимъ.

И мнѣ стало стыдно. Лицо мое запылало:

— ...Не суетится, подобно раздавленному червю... какъ всѣ тѣ...

Если-бы онъ видѣлъ меня ранѣе, тамъ, въ узкихъ улицахъ, среди взсбѣ-

сившихся людей и камней, и животныхъ. Я не знаю, можетъ быть, кулаки мои убили не одного человѣка.

Думалъ я такъ и шелъ за тѣми двумя. Какъ песъ шелъ, глаза мои видѣли то растрескавшуюся землю, то спины тѣхъ, которые меня позвали за собой. Шелъ—и мысль моя чудесно вспомнила:

— Иди отсюда въ домъ нашъ. Здѣсь подстерегаетъ тебя несчастіе.

Слова отца, когда я лежалъ-спалъ.

Будто могло со мной случиться горшее.

И, какъ песъ, брелъ я позади тѣхъ, къ кому не смѣлъ приблизиться, и думалъ:

— Вотъ Рокъ-Такдиръ посылаетъ мнѣ случай; я исполню волю отца.

— Иди отсюда... Подстерегаетъ несчастіе.

Какое еще несчастіе? Но вотъ идутъ предо мною двое мудрыхъ мужей. Позвали меня. И плетусь за ними.

Думалъ, какъ велитъ законъ, о текущей въ рай душѣ отца; вспоминалъ, слабостью житейской полный, про домъ нашъ, такъ не ко времени покинутый. Домъ нашъ не богатъ, но семья наша въ кастѣ войчіасъ; мы изъ чрева Брамы.

Смолкъ грохотъ камней. Не колеблется земля подъ ногами. Оглядѣлся. Дымный городъ дворцовъ и пагодъ позади. Далеко. И священная рѣка чуть видна. Впереди горы, далекія горы. Или мы идемъ въ Кугистанъ?

Въ тотъ день мысли мои были, какъ стадо быковъ нанду, гонимое тигромъ; чувствованія же мои стали нѣмы, какъ кожа факира. Какъ песъ, шелъ я за тѣми двумя; тусклы были мои глаза; и будто на веревкѣ вели меня тѣ двое, закинувъ веревку вкругъ моей шеи. А веревкою было мое отчаяніе и то страшное безвѣріе, когда небо становится пустымъ. И шелъ, и не упирался; въ спины новыхъ господъ моихъ глядѣлъ, а слова бесѣды ихъ были для слуха моего, какъ камни, бросаемые въ пропасть; слышалъ я полетъ словъ, но не ударялись они въ мое сознаніе.

Къ ночи подошли мы къ незнаемому городу; прошли по улицамъ его изъ конца въ конецъ, вышли на пустынную дорогу и, когда луна была въ серединѣ своего пути, на четырнадцатомъ созвѣздіи, мы всѣ трое заночевали въ рощѣ. И не дивился я тогда тому, что браминъ и этотъ невѣдомый съ длинными волосами не постучались ни въ одну дверь того города и, какъ паріи, или факиры, или джадугары-колдуны, отходятъ въ сонъ, подложивъ подъ головы листья и мохъ, и вмѣсто стѣнъ безопасности имѣютъ вокругъ себя таящихся змѣй и скорпіоновъ. По привычкѣ всталъ я на молитву и, обративъ взоры на лицо луны, началъ читать Мантру. Но слова разбѣгались изъ памяти, какъ вода изъ дыряваго кувшина; лунное лицо богини Ма близилось и росло въ моихъ глазахъ; колѣни мои согнулись. Я успѣлъ

лишь подумать, но тускло и безъ страха, про маленькихъ змѣекъ-фурзіенъ, такъ любящихъ лунный свѣтъ; а послѣ того, какъ укуситъ фурзіенъ, человѣкъ не успѣетъ сосчитать до 100. Взяла меня подъ плащъ свой богиня ночи и сна, великая Бгавани.

II.

Когда проснулся я, не малый путь уже прошло Солнце. А тѣ двое, Магалала и Калаваста, сидѣли и бесѣдовали невдали. Проснулся, оглядѣлся. Крѣпкій, властный ароматъ плавалъ вокругъ. И увидѣлъ я надъ собою невиданный цвѣтокъ, прекрасный и большой; не меньше лотоса. По листьямъ дерева узналъ я, что то чампа. А чампа цвѣтетъ разъ въ сто лѣтъ. Помыслилъ я о томъ цвѣткѣ, какъ о добромъ знаменіи, и сквозь мракъ горя моего улыбнулся. Тѣло мое просило пищи; и едва то чувство дошло до моего сознанія, длинноволосый Калаваста указалъ мнѣ движеніемъ руки тихимъ и ласковымъ на приготовленные плоды мангловаго дерева и сочныя, столь бодрящія фиги; и ключевою водою была полна легкая мѣдная лотти. Насытился. Умылся. И тогда лишь слова Калавасты и Магалалы—а голоса бесѣды ихъ были спокойны и властны—достигли моего сознанія.

Вотъ сказалъ Магалала, дважды рожденный браминъ:

— Если ты знаешь свою правду, какъ я знаю свою, зачѣмъ тебѣ пытаться разрушить чужой храмъ? Замѣть, я говорю: пытаться. Нашего многовѣковаго дѣла разрушить нельзя.

А Калаваста, незнаемый человѣкъ въ простой одеждѣ и съ непокрытой головой, дерзнулъ отвѣтить:

— Ваши храмы уже разрушаются. Земля не хочетъ держать ихъ на лицѣ своемъ, и ты самъ видѣлъ, какъ падали они.

А дважды рожденный сказалъ, и я дивился спокойствію его голоса:

— Наши пагоды мы строили вѣка не для того, чтобы въ два дня они были разрушены. Упали нѣсколько статуй, нѣсколько воротъ и колоннъ. Въ десять лѣтъ все разрушенное мы возстановимъ съ большимъ еще великолѣпіемъ; люди, которымъ суждено спастись отъ несчастій этихъ дней, въ благодарность богамъ отдадутъ намъ и трудъ свой, и все, что имѣютъ. И потомъ еще самъ ты знаешь, что наши храмы по всей землѣ нашей. Начинатели великаго нашего дѣла завѣщали намъ преумножить число храмовъ до числа звѣздъ въ небѣ. Но мы говоримъ не о храмахъ вещественныхъ. Если даже видишь ты ложь тамъ, гдѣ лишь великая правда, не иди въ чужой храмъ, гдѣ для тебя ложь. Вотъ я не иду въ твой храмъ.

— Мой храмъ—вселенная, гдѣ богъ—единый великій духъ, имя же ему Премудрость. И въ храмъ, гдѣ божествуетъ мой богъ, ты вошелъ ранѣе, чѣмъ родился.

Такъ сказалъ Калаваста; и широкъ и плавенъ былъ жестъ его руки; а обширные рукава его хламиды не колебались складками,—были, какъ мраморные. Сказалъ—и жгучи стали его глаза, и смотрѣли они въ глаза брамина. А тотъ отвѣтилъ и—видѣлъ я—чуть игралъ смѣхъ его тонкими губами, какъ вѣтерокъ играетъ дѣвичьимъ поясомъ. Отвѣтилъ такъ:

— Эта правда объ единомъ—старая-старая сказка для дѣтей! Могли бы этой сказкой удовольствоваться и боги. Но, Калаваста, люди, народъ—не дѣти и не боги. Народъ въ предѣлахъ своей страны—это тигры, ягнята, змѣи и птицы въ одной клѣткѣ. Отгадай, мудрый Калаваста, что произойдетъ въ клѣткѣ въ тотъ день, когда мы выйдемъ изъ нея, мы, избранные Брамой, стражи и свѣтильники разума.

Не тотчасъ отвѣтилъ Калаваста. Но вотъ гордо поднялъ голову.

— Пусть произойдетъ то, что произойдетъ. Дешево стоитъ порядокъ, покоящійся на лжи. Природа не терпитъ лжи, и великій духъ Премудрости рано или поздно разрушаетъ то, что не его правда. А его правда непостижна мудрецамъ, омывшимъ душу свою въ прудѣ лжи, но эта правда чуется каждою живою душой, даже душой ребенка. Ты знаешь паріевъ, Магалала; они не входятъ въ ваши храмы, они не знаютъ не только края тайны вашего ученія, но даже по имени не назовутъ вашихъ боговъ; почему же, скажи, Магалала мудрый, они не тигры, не убійцы, почему они знаютъ, гдѣ добро и гдѣ зло. Ты видѣлъ дѣтей, Магалала. Или не замѣчалъ ты...

— Калаваста, ты говоришь о предметахъ, недостойныхъ мудрости. Какъ рука моя не осквернялась прикосновеніемъ къ паріямъ, такъ и языкъ мой да не осквернится. Но вотъ близится часъ молитвы посвященныхъ. Ты, Калаваста, какъ и я, изъ головы Брамы. Ключъ тайны былъ въ твоихъ рукахъ. И если ты сошелъ съ вѣрнаго пути, это не означаетъ того, что ты не возвратишься на него. А что дано, то не отъемлется. Незримые йакки могучи. Встанемъ же на молитву. Не забылъ же ты, что нынѣ Курдадъ-Саль. Въ день земного рожденія великаго учителя въ дымѣ жертвъ пошлемъ благодарныя молитвы посвященныхъ въ жилище великихъ боговъ.

Я слушалъ бесѣду мудрыхъ и понималъ болѣе, чѣмъ они предполагали. Въ наше время земледѣльцы и купцы—а я изъ касты войчіасъ — не отличались ни знаніемъ священныхъ книгъ, ни тонкостями діалектики. Но братъ моей матери былъ изъ тайной секты Хаккани, и много разъ споры его съ моимъ отцомъ могли-бы дать пищу моимъ сомнѣніямъ. Но тогда любопытство мое дремало. А здѣсь, въ рощѣ, подъ дивнымъ цвѣткомъ чампы, послѣ дней чудесныхъ потрясеній и сквозь черную пелену горя, которую повѣсила вкругъ меня смерть отца, слушалъ я бесѣду мудрыхъ чутко и вдохновенно. Душа моя не хотѣла больше мрака отчаянія и была нынѣ, какъ

священная змѣя передъ флейтой заклинателя, какъ священная змѣя, вкругъ головы которой провели кругъ корнемъ Курказана.

Слушалъ я и горѣлъ. И не мало дивился лишь: какъ могутъ они, мудрые, при мнѣ говорить то, что говорятъ. Но по одеждѣ моей могли меня посчитать принадлежащимъ и къ послѣдней изъ священныхъ кастъ, а въ кастѣ судровъ ремесленники и поденщики рѣдко знаютъ нарѣчія высшихъ кастъ. Многіе изъ судровъ переходятъ въ презрѣнное сословіе паріевъ. Таковъ рокъ. А слуху паріевъ недоступны тайны, потому—думалъ я—не отгоняютъ они меня отъ словъ своей бесѣды.

Когда сказалъ свои слова дважды-рожденный, всталъ онъ, какъ встаютъ на молитву. Но не вылетали слова изъ устъ его. И былъ онъ, какъ камень. Лишь устами его игралъ вѣтеръ, какъ концами пояса дотти.

Магалала, дважды-рожденный браминъ, стоялъ предъ богами—и у ногъ его чуть дымились стебли священнаго растенія тулси. Красоты для глазъ человѣка не имѣетъ. Но въ стебляхъ его живетъ душа единой женщины, страданіями ставшей наравнѣ съ душами мужчинъ. А это чудо изъ чудесъ, и потому тулси всегда угодна богамъ.

Въ дыму тулси стоялъ браминъ Магалала и творилъ нѣмую молитву. Билось мое сердце безмѣрно. Я былъ, какъ малая птица подъ взорами кобры. Тайна, всегда далекая, вотъ она предо мною. Тогда Калаваста всталъ и голосомъ тихимъ сказалъ:

— Великій духъ, единый духъ, имя кому Премудрость, не терпитъ лести. Лесть пріятна неразумному. Славословіе и молитва—лесть. И жертва тоже лесть. Кому творишь ты молитву, мудрый Магалала?

Сказалъ и затихъ Калаваста. И глядѣлъ черезъ вѣтви и листья въ небо.

Тогда не стерпѣлъ Магалала-браминъ. Ранѣе, чѣмъ закончилъ онъ молитву свою и, пепелъ разметавъ, сказалъ гнѣвно:

— Неразумному не надо бы имѣть языка, чтобъ не говорить только ложь. Въ великой книгѣ сказано: „Вотъ я разорвалъ завѣсу, окружающую мой разумъ мракомъ невѣжества, и вотъ я пріобрѣлъ цѣльное и полное познаніе вещей“. Этою клятвой клялся я, и ты тою же клятвою клялся. Зачѣмъ-же пребываешь подъ завѣсою мрака?

— Подъ завѣсою мрака ты пребываешь, не я. А въ той книгѣ сказаны слова правды. Но нужно постичь правду. Она-же вездѣ.

— Но ты былъ подъ лучами великаго свѣта и ушелъ въ тьму. Ты ушелъ въ тьму. Ты ушелъ.

— Я ищу свѣта. Только свѣта. Въ ученіяхъ вашихъ, какъ въ храмахъ Карлисскихъ, какъ въ храмахъ Насикскихъ, какъ въ храмахъ Элорскихъ, дымные огни, и своды тамъ хотя и высоки, но своды тѣ давятъ душу, они

не какъ небо. А жертвенные огни—это не звѣзды неба, не звѣзды, посланныя духомъ Премудрости и по путямъ, ему лишь вѣдомымъ. Душа моя хочетъ свѣта, потому ушелъ я отъ васъ. Ты вспомнилъ сроки великой книги Паваджики. Но лучше-бы тебѣ не вспоминать ихъ. Кто разорвалъ покровъ, окружавшій разумъ мракомъ невѣжества, кто пріобрѣлъ полное и цѣльное познаніе вещей, тому ложь вѣка непереносна. И пусть ложь даетъ богатства, почести и власть, пусть ложь даетъ обманный покой по всей землѣ нашей,—ложь есть только ложь, и не хочу я, прозрѣвшій, ставить свѣтильникъ разума моего въ черную тѣнь, отбрасываемую солнцемъ Премудрости отъ вашихъ идоловъ. Нѣтъ Вишну! Нѣтъ Шивы! Нѣтъ боговъ ни стоголовыхъ, ни многорукихъ. А духу Премудрости, единому въ величіи своемъ, громады храмовъ вашихъ и дымныя жертвы менѣе угодны, чѣмъ разумная работа лѣсныхъ муравьевъ.

— Замолчи, безумный! Или ты пользуешься случаемъ, что мы въ лѣсу, и не могу я однимъ словомъ ввергнуть тебя въ подхрамную тюрьму, чтобъ ждалъ тамъ скорой казни? Но если не уйдешь ты назадъ, въ одиночество твоихъ пещеръ, если узнаю я, что слова дерзкаго безумія твоего слышатъ не только змѣи и скорпіоны, знай, я найду тебя—и умрешь позорной смертью! Пусть ты изъ головы Брамы, пусть твой отецъ—мой отецъ, душа твоя не найдетъ дороги къ покою. Я сказалъ. Ты не пойдешъ со мною. Иди тотчасъ на западъ въ свои дикія горы. Выйдемъ изъ лѣса, и я буду смотрѣть тебѣ вслѣдъ, пока не скроешься.

— Да. Пути наши различны. И хотя сила и премудрость единаго духа, Сааба вселенной, безпредѣльна, я не вѣрю больше, что ты выйдешь изъ своихъ заблужденій ранѣе, чѣмъ покинешь земную твою оболочку.

— Къ чему, Калаваста, говоришь мнѣ слова, которыя долженъ-бы былъ сказать тебѣ я? О, дерзкій грѣшникъ!

— Молчи, браминъ. Если ты и вѣришь въ правду своихъ словъ, то мой грѣхъ губитъ одну лишь мою душу. А если правъ я, ты и подобные тебѣ тысячамъ тысячъ душъ заслонили свѣтъ великой правды. И грѣхъ вашъ плодится, какъ плодится саранча. И черенъ грѣхъ тотъ, какъ чоренъ лингъ вашего каменнаго Махадевы.

— Молчи, безумецъ. Или убью тебя.

— О, ты знаешь, браминъ, что оружіе твое не страшно моему тѣлу.

Дивясь и трепеща, слушалъ я слова этихъ двоихъ, вотъ ставшія бурными. Всталъ и быстрыми и мощными шагами пошелъ къ опушкѣ рощи Калаваста. И не колебались складки холщевой его хламиды, и не развѣвались длинные его волосы. Будто каменный шелъ, гордый, властный. Съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ браминъ. Какъ сказалъ, хотѣлъ знать онъ, куда пойдетъ тотъ. Шаговъ двадцать раздѣляло ихъ. А за браминомъ понуро брелъ я,

несчастный юноша. Но иною, новою уже бѣдою былъ несчастенъ я. Какъ-бы разсѣялся, забылся мракъ горя послѣднихъ дней въ дыму и каменномъ грохотѣ. Вотъ какъ-бы забылъ я, что живетъ мое тѣло. Я ощущалъ глубокіе вздохи моей души, видѣлъ ея страждущій ликъ. Все дыханіе жизни во мнѣ стало жаждой истины, о которой до того дня такъ мало мыслилъ я. Слова величаваго брамина, такъ близко отъ ушей моихъ пролетѣвшія, легли на сердцѣ мнѣ, какъ листы священной книги, въ которой все — стройность мудрости. Но вдохновенная дерзость Калавасты, какъ капли олова, прожгли мое существо. И вотъ впервые увидѣлъ я ликъ моей души. И увидѣлъ ликъ тотъ страждущимъ. Кто онъ, дерзкій, въ простой одеждѣ, съ непокрытой головой? Браминъ говорилъ, что этотъ дерзкій безумецъ также былъ браминомъ. Тогда почему-же... И мысли мои взвивались, крича, какъ птицы надъ горящимъ домомъ. Душа моя кричала мнѣ въ лицо:

— Истина! Гдѣ ты?

И, какъ эхо горъ, ужаснувшіяся мысли мои отвѣчали ей:

— Истина! Гдѣ ты?

Брелъ я, глядя въ спины тѣхъ, брелъ, ими забытый, шепталъ:

— Гдѣ? Гдѣ? Гдѣ?

И чудились мнѣ шопотныя тѣ слова каплями кипящей крови, падающими съ устъ моихъ въ нѣмую траву.

Порѣдѣли деревья. Вотъ изъ рощи вышли на дорогу.

И, не оглянувшись, пошелъ на западъ, въ страну горъ, Калаваста. Пошелъ, не замедливъ шага. А браминъ стоялъ, глядѣлъ въ слѣдъ его—и, когда подошелъ я ближе, увидѣлъ: тою-же будто усмѣшкой дрожали-дергались его тонкія губы. Тогда увидѣлъ меня браминъ.

— Ты здѣсь еще, юноша?

— Вотъ я.

— Куда-же пойдешь ты и гдѣ твоя родина?

— Я издалека, изъ Говардхана. Жили мы вблизи Змѣинаго Поля. Мы пришли—отецъ мой и я—къ берегамъ священной рѣки; мы привели съ собою двадцать коровъ, чтобъ принести ихъ въ жертву богамъ, передъ тѣмъ, какъ взять мнѣ въ жены ту дѣвицу, которую я полюбилъ. И она была съ нами. Имя ей Баніо.

Сказалъ я, будто не я сказалъ. Развѣ помнилъ я до этого срока про мою невѣсту, про любимую Баніо? Но вотъ сказалъ и вспомнилъ, что ее, а не только отца моего искалъ я въ мертвой тоскѣ, бѣгая по разрушающимся улицамъ города. И сиротливый ужасъ этихъ дней—она, она, Баніо, невѣста моя, которой уже передалъ я листья бетеля. Черно стало въ глазахъ моихъ. И какъ черезъ каменную стѣну—слышалъ я голосъ брамина; а стоялъ возлѣ него.

— Отецъ твой тотъ старикъ, котораго ты похоронилъ по закону въ водахъ священной рѣки. А гдѣ-же невѣста твоя?

— Не знаю, гдѣ.

— Ты пойдешь со мною, юноша. Я буду учить тебя.

Сказалъ онъ, и я поднялъ слезный взоръ. Браминъ стоялъ и глядѣлъ вдаль. И съ губъ его слетала улыбка. А вдали, у отроговъ горъ, шелъ едва видный Калаваста.

— Ты пойдешь со мною, юноша. При храмѣ будешь жить ты и, если угодно богамъ, ты кончишь жизнь не какъ неразумный, но какъ прозрѣвшій. Въ великій день палъ на тебя взоръ мой. Великъ день Курдадъ-Саль. Нынѣ ходитъ по всей землѣ Заратуштра, вспоминая день своего послѣдняго рожденія.

Сказалъ браминъ, взглянулъ на меня властно и проникновенно и коснулся плеча моего длинною своею сардою, бѣлымъ стихаремъ, охраняющимъ отъ чаръ Аримана.

Душа моя вошла въ тихость и въ сладость. Склонилъ я голову мою подъ бѣлую сарду дважды-рожденнаго, шепталъ:

— Саабъ мой. На вѣрный путь направь меня, саабъ мой...

Но тогда издалека, оттуда, гдѣ въ мглисто-золотой дали вставали отроги горъ, раздался голосъ:

— Ависина! Иди за мной, Ависина!

Калаваста—а холщевая его хламида чуть бѣлѣла—звалъ меня. И чудно было то, что достигъ его голосъ съ такой силой ушей моихъ, и чудно и страшно было то, что имя мое произнесъ онъ. И вотъ изъ тихаго покоя вырвалась душа моя, и видѣли глаза мои, какъ она, огнемъ запылавшая, ринулась-полетѣла туда, къ сторонѣ горъ. И изъ-подъ сарды брамина бѣжалъ я. Бѣжалъ съ крикомъ:

— Иду! Иду!

Въ спину мнѣ ударилъ, но, не ранивъ меня, упалъ на-земь мѣдный ножъ, брошенный рукою брамина.

— Ависина! Иди за мной, Ависина?

— Иду! Иду, саабъ мой!

И бѣжалъ я, бѣжалъ туда, гдѣ у отроговъ бѣлѣлась хламида Калавасты.

III.

Вотъ ужъ много дней живу я въ пещерѣ, куда привелъ меня Калаваста. По горамъ ходилъ далеко и высоко. Нерѣдко звѣзды неба видятъ насъ приближающимися неспѣшно къ пещерѣ нашей.

— Горы возвышаютъ душу человѣка. Небо здѣсь ближе, и легче душѣ познать истиннаго Бога.

И еще говорилъ Калаваста:

— Иди по краю тропы. Смотри въ пропасть. Душа твоя рождена, чтобъ быть безстрашной, ибо видѣла великую Премудрость.

И еще говорилъ:

— Я былъ неразуменъ, пока слушалъ голосъ лжи. Полюбивъ правду, я прозрѣлъ, и духъ Премудрости обратилъ взоры моей души на души другихъ людей. Нужно такъ, чтобъ всѣ прозрѣли. Но трудна борьба. Насъ мало еще, самаджей, исповѣдующихъ истиннаго Бога. А ихъ такъ много, враговъ правды, на глазахъ которыхъ пелена мрака. Но придетъ срокъ; не долго уже; и выйдемъ мы изъ страны горъ—я и ты, и всѣ тѣ, кого ты видѣлъ здѣсь; и пойдемъ мы туда, гдѣ храмы лжи и лести, пойдемъ туда, гдѣ дворцы тѣхъ, кто именуетъ себя сынами Солнца и Тигра. Придемъ и свергнемъ боговъ лжи и мрака и ихъ слугъ. И каждому изъ насъ найдется дѣло.

Тѣ, о которыхъ говорилъ Калаваста, были, какъ мы, люди, живущіе въ пещерахъ горъ, созерцаніемъ, размышленіемъ и чтеніемъ древнихъ книгъ возвышающіе свои души. Не часто встрѣчались мы. Пища мудрыхъ — одиночество.

Насталъ день, когда и мнѣ сказалъ учитель мой и саабъ:

— Иди отъ меня. Будь одинъ. Настанетъ часъ—и позову.

И былъ я одинъ, и не томился, но радовался. И читалъ я книги, написанныя знаками девангари, древнѣйшаго языка; и смотрѣлъ я въ звѣздное небо—и ходъ свѣтилъ понятенъ былъ мнѣ.

И давно ужъ забылъ я то время, когда учитель мой и саабъ говорилъ мнѣ:

— Слушай, Ависина. Если полюбилъ ты женщину болѣе души своей и болѣе мудрости,—уйди отсюда.

Дни мои и ночи текли, какъ столѣтія, потому что пріучилъ я тѣло мое довольствоваться пищей, которой мало было-бы и для мышенка. И потому еще, что зналъ я тайны дыханія и замиранія. И потому еще, что мудрость не видитъ различія между жизнью и смертью.

Въ постиженіяхъ и ликованіяхъ прозрѣвшей души текли мои годы.

Волосы мои не были еще бѣлы, когда великій Калаваста призвалъ меня.

IV.

Горными тропами, а часто и безъ тропъ, шли мы въ городъ Нерушимаго храма, въ городъ, гдѣ жилъ владыка страны.

— Срокъ насталъ.

Такъ сказалъ Калаваста. И каждому изъ насъ разъяснилъ его дѣло.

— Когда произойдетъ то, что должно произойти, народъ увидитъ, что брамины—хитрые лжецы, а боги ихъ менѣе живы, чѣмъ вчерашняя тѣнь отъ дерева. Насъ немного. Но мы сдѣлаемъ болѣе, чѣмъ Раманъ, великанъ о сга головахъ, о которомъ разсказываютъ жрецы. Пора освободить людей отъ владыкъ. Пусть увидятъ, что рождены, чтобъ быть свободными.

Насъ было менѣе двадцати. И въ день великаго выхода владыки должны мы были совершить каждый свое дѣло разрушенія, чтобъ увидѣлъ народъ, что боги ихъ—камни, что жрецы ихъ—обманщики.

Я долженъ былъ убить Схенъ-Мхена, священнаго бѣлаго слона.

Не скрою, чтобъ безъ охоты шелъ я изъ одиночества, изъ-подъ близкаго неба, въ городъ суеты и грѣха. Конечно, не пугали меня ни трудность дѣла, ни опасность. И если-бы не рѣчи Калавасты, едва-ли пошелъ-бы я. И другіе всѣ наши не вышли-бы изъ горъ. Но говорилъ Калаваста:

— Великому духу Премудрости угодны труды самоусовершенствованія. Но кто увидѣлъ слѣпоту души брата своего и не пытался излечить брата отъ слѣпоты, тотъ, какъ нерадивый слуга, который не дошелъ до того мѣста, куда посланъ. И не будетъ тому полнаго блаженства.

— Кто не думаетъ о другихъ, тотъ лишь украшаетъ гробъ свой.

И послушались мы старости нашего учителя.

Вотъ ужъ прошли мы страну гебровъ-огнепоклонниковъ. И глядя на неугасимый ихъ Берамъ—такъ называютъ гебры бога огня,—сказалъ Калата:

— Хотя и эти ошибаются, но стараются слѣпоту свою излечить свѣтомъ огня. Велика сила огня-разрушителя. И бываютъ сроки, когда разрушеніе больше созиданія.

Передъ нами былъ еще путь двухъ дней, когда раздѣлились мы, чтобъ войти въ городъ Нерушимаго храма не вмѣстѣ и черезъ разныя ворота.

V.

Громадна площадь земли, занимаемая храмомъ, который брамины именуютъ Нерушимымъ. Вокругъ первой его ограды, называемой Андеваліанжамъ, нельзя обойти скорѣе, чѣмъ въ сутки, если не отдыхать ни на мгновеніе. За второю оградою, называемою Ситревида, живутъ брамины со своими семьями. Далѣе, въ Утревиди, живутъ жрецы лже-бога Вишну; они охраняютъ колесницу Вишну, на которой въ день праздника возятъ по городу идола. Всѣхъ оградъ шесть. И только въ ворота первой ограды, въ Андеваліанжамъ, проходъ свободенъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе. Человѣкъ неразумный и непосвященный не дошелъ-бы до вторыхъ воротъ. Мнѣ

нужно было проникнуть за шестую ограду, и безъ труда исполнилъ я это дѣло. Но, вѣдь, заставить людей видѣть не то, что передъ ихъ глазами, или совсѣмъ закрыть ихъ глаза—это далеко не предѣлъ мудрости для того, кто разорвалъ покровъ, окружавшій мракомъ разумъ, для того, кто читаетъ хотя нѣсколько буквъ азбуки мірозданія.

Достигши помѣщенія Схенъ-Мхена, бѣлаго слона, сталъ я въ тайномъ мѣстѣ дожидаться того условленнаго часа, когда всѣ мы, рѣшившіеся, должны свершить свое дѣло разрушенія. Мнѣ виденъ былъ бѣлый слонъ и его охранители. Покой былъ украшенъ, какъ украшаютъ рабы дворцы земныхъ владыкъ. Бѣлый слонъ былъ украшенъ золотомъ, алмазами и всѣми драгоцѣнными камнями, которые таитъ въ нѣдрахъ наша страна. Передъ слономъ дымились благовонія и подъ хоботомъ его стояла громадная ваза съ бананами. Стража обмахивала слона панками изъ перьевъ страусовъ.

Я смотрѣлъ и ждалъ. И опять думалъ:

— Къ чему? Подобаетъ-ли мудрому дѣлать достойное сыновъ суеты?

Но на стѣнѣ огненными знаками рождались слова, сказанныя Калавастою:

— Кто увидѣлъ слѣпоту брата своего и не излечилъ его отъ слѣпоты, тому не будетъ блаженства.

Отведя во тьму глаза дозорныхъ, въ предутренній часъ, когда погасла звѣзда Раху, та, которая въ головѣ Дракона, убилъ я бѣлаго слона, перерѣзавъ ему хоботъ. Завылъ, какъ въ трубу затрубилъ, и сталъ кружиться бѣлый слонъ, и упалъ на свою кровь. И опять проснулось сомнѣніе во мнѣ.

— Нехорошо убить живую тварь. Вотъ душа осквернилась.

Но будто услышалъ я голосъ Калавасты:

— Кто думаетъ лишь о себѣ, тотъ украшаетъ гробъ свой.

Заметались, завыли охранители Схенъ-Мхена, когда возвратилась къ нимъ сила глазъ ихъ. А я, укрывшись опять въ тайномъ мѣстѣ, ожидалъ, когда откроются ворота. Велико было отчаяніе стражи. Нѣкоторые убили себя, павъ на мечи.

Вотъ извнѣ послышался каменный грохотъ. Я подумалъ:

— То Калаваста съ учениками свалили идола Вишну съ его чернаго камня.

Великое смятеніе. Вопли. Загремѣли ворота. Вбѣжали жрецы.

— Живъ-ли Схенъ-Мхенъ?

— Живъ-ли священный слонъ?

Отведя во тьму глаза всѣхъ, пошелъ я, чтобъ выйти изъ храма. У первыхъ воротъ условились мы встрѣтиться, всѣ мы, вышедшіе изъ горъ для великаго дѣла разрушенія. Дымъ начинавшагося пожара стлался низко. Но

скоро дошелъ я до второй ограды. Вокругъ съ криками бѣгали люди первыхъ трехъ кастъ и не видѣли меня.

Вотъ увидѣлъ я ведомаго двумя браминами старца. Онъ былъ слѣпъ и дряхлъ. И ближе подошли они—и узналъ я Магалалу. А онъ, дряхлый слѣпецъ, остановился, и вожаки его остановились; простеръ руку ко мнѣ и закричалъ.

— Еще, еще одинъ! Держите его! Вотъ онъ здѣсь!

И увидѣли меня, и схватили.

VI.

Въ подземной тюрьмѣ мы не говорили словъ. Мудрые передъ смертію молчатъ. Всѣ мы выполнили назначенное. И всѣхъ насъ схватили. Слѣпой Магалала, верховный жрецъ, указалъ на каждаго изъ насъ, и кшатріи заковали насъ въ цѣпи.

Текли дни и ночи великаго примиренія. И въ непроглядномъ мракѣ подземной тюрьмы сіялъ ликующій свѣтъ. Каждый изъ насъ проникалъ въ чудо смерти тѣла, и сверканія мыслей нашихъ соединяли насъ огненной цѣпью. Ни къ пищѣ, ни къ водѣ мы не прикасались.

Застучалъ запоръ однажды. Съ факелами вошли кшатріи-воины. За ними, ведомый двумя браминами,—Магалала, старѣйшій браминъ. Дымомъ наполнилась наша тюрьма. Сѣлъ слѣпой Магалала на камень, сказалъ сопровождавшимъ его, чтобъ вышли. И вышли, и унесли факелы. Помолчалъ слѣпой Магалала и сказалъ:

— Вотъ всѣ вы здѣсь. Этого-ли хотѣлъ ты, Калаваста?

Молчалъ Калаваста. Молчали мы всѣ. Тогда сказалъ Магалала:

— Калаваста, я побѣдилъ тебя. И моя истина—истина; твоя-же истина—ложь. Или полагалъ ты, что тогда, давно, въ дни трясенія лица Земли, я не понялъ твоихъ словъ? Вотъ и ты теперь старъ. Но твоя истина о единомъ духѣ и о томъ, что боги наши мертвы, истиною для тебя осталась съ молоду и понынѣ. А я зналъ эту истину еще тогда, когда на лицѣ моемъ не было бороды. Но слушай: какъ единый великій духъ Премудрости изъ довременнаго хаоса сотворилъ міръ многообразный, стройный и прекрасный, такъ я и тѣ, кто со мною, творимъ изъ простой истины многоликій прекрасный міръ боговъ. У духа Премудрости нѣтъ лица ни человѣчьяго, ни звѣринаго. А безликое для разума несовершеннаго есть хаосъ. Но человѣкъ жаждетъ прекраснаго и стройнаго. А пока человѣкъ не мудръ,—не найти ему прекраснаго въ простотѣ. Всѣ-же люди не могутъ быть мудры. Вотъ ты съ твоими учениками свергъ идола Вишну съ его камня. Во славу единаго великаго духа Премудрости объявилъ я народу, что богъ Вишну разгнѣвался

на скудость жертвъ и требуетъ удесятеренія ихъ. Вы подожгли храмъ. Нерушимый храмъ мало пострадалъ, но народу объявлено, что боги въ гнѣвѣ бросили огонь съ неба. Вы убили бѣлаго слона. Но въ нашей странѣ давно нѣтъ бѣлыхъ слоновъ. Схенъ-Мхена красилъ я сорокъ лѣтъ назадъ. Всѣ свидѣтели его смерти будутъ казнены вмѣстѣ съ вами. Въ Нерушимомъ храмѣ теперь стоитъ новый бѣлый слонъ, и всѣ думаютъ, что это Схенъ-Мхенъ. Смерть его огорчила-бы безмѣрно несчастныхъ немудрыхъ людей: въ немъ, вѣдь, живетъ духъ Брамы. Или это не прекрасная ложь? Вамъ удалось убить владыку страны, и я дивлюсь вашей хитрости. Но лица владыки безъ бѣлилъ и румянъ никто не видалъ, какъ фигуры его безъ царскаго облаченія. Съ того часа у насъ новый владыка, но какъ-бы тотъ-же. Но: много-много будетъ завтра казней. Нельзя жить тѣмъ, кто, имѣя языкъ, видѣлъ неразумные поступки мудрыхъ. А я не почитаю васъ глупцами. Прощай, Калаваста. Близится часъ казни твоей и твоихъ учениковъ. Осуждены-же вы лишь за покушеніе на убіеніе священнаго слона. Лишь за неудавшееся покушеніе. И вы, и всѣ тѣ, которые скоро раздѣлятъ вашу участь на великую радость народа. Прощай, Калаваста. Но помни: когда въ слѣдующемъ воплощеніи своемъ будешь, идя горной тропой, глядѣть на звѣзды неба, малолѣтнему сыну своему скажи, чтобъ глядѣлъ подъ ноги. Кто не думаетъ о меньшихъ братьяхъ своихъ, тотъ лишь украшаетъ гробъ свой. Прощай, Калаваста. Прощайте и вы.

Магалала постучалъ въ желѣзную дверь. Скрипя открылась. Вошли съ факелами. Та-же давняя улыбка—увидѣлъ я—трепетала на его теперь бѣлыхъ губахъ. Взяли его подъ локти, увели.

VII.

Отъ воротъ тюрьмы до Нерушимаго храма въ два ряда стояли слоны и хоботами били въ гонги. Позади вопилъ, неистовствовалъ народъ.

Насъ вывели изъ тюрьмы и, подкрутивъ цѣпи, положили на камни улицы. Насъ, обреченныхъ, было много сотенъ. И одежды подъ цѣпями были различны. Изъ воротъ первой ограды Нерушимаго храма вышелъ бѣлый слонъ, звеня золотомъ и всѣми своими драгоцѣнностями. Вышелъ и пошелъ по тѣламъ людей, умерщвляя ихъ. Будто затряслось лицо Земли: такъ загудѣла толпа.

— Живъ Схенъ-Мхенъ!

— Живъ священный слонъ!

— Брама среди насъ!

Вслѣдъ за бѣлымъ слономъ шелъ въ золотыхъ одеждахъ убитаго

владыки новый владыка и попиралъ красными туфлями тѣла тѣхъ, которые стали уже нѣмы. Лицо владыки было густо набѣлено и нарумянено.

Лежавшій близъ меня Калаваста сказалъ, и я подивился тому:

— Пусть каждый дѣлаетъ свое дѣло. Произойдетъ-же то, чему надлежитъ быть.

Потомъ раздавилъ меня мракъ.

Иванъ Рукавишниковъ.

ПОЦѢЛУЙ.

(Сонетъ).

Когда, въ карету сѣвъ и очутясь вдвоемъ,
Въ объятьи мы слились ожиданно-нежданномъ,
Кругомъ стояла ночь и въ небѣ безтуманномъ
Чуть только дрогнулъ мракъ предъ недалекимъ днемъ.

Насъ мягко вдаль несло невидимымъ путемъ,
И поцѣлуй нашъ росъ въ движеньи непрестанномъ.
Закрывъ глаза, сплетясь въ блаженствѣ несказанномъ,
Мы льнули, таяли, жгли жаломъ, какъ огнемъ.

И время замерло, и не было сознанья...
Когда-жъ вернулась мысль и ожилъ взоръ очей,
Дневной струился свѣтъ на улицы и зданья.

И вѣрилъ я, дивясь внезапности лучей,
Что этотъ свѣтъ возникъ отъ нашего лобзанья,
Что этотъ день зажженъ улыбкою твоей.

Н. Минскій.

СРЕДИ БЕРЕЗЪ.

Повѣсть.

I.

Если свернуть съ тракта вправо сейчасъ же за плохонькой деревенькой и идти все тропкой, то по правую руку пойдутъ озимыя, а по лѣвую—березовая роща, вся молодая и стройная. Въ весеннюю пору тамъ цвѣтутъ фіалки, а лѣтомъ алая земляника укромно прячется подъ большими своими листьями; осенью растутъ подберезовики, важно такъ высятся бобы и веселой мелюзгой желтѣютъ лисички; зимой вьюга наметываетъ теплые сугробы и воетъ надъ ними свои шалыя пѣсни.

Такъ, вотъ, вдоль этой-то рощи можно дойти до низкаго бревенчатаго частокола, а за частоколомъ межъ молодыхъ яблонь, раскоряченныхъ и свернутыхъ какъ-то на сторону, межъ пышныхъ кустовъ смородины, крыжовника и малины, виденъ будетъ приземистый деревянный домъ — широкій, бѣлый, съ крышей конусомъ.

Передъ домомъ грядки съ резедой и настурціей, есть и бѣлыя розы— тѣ, что цвѣтутъ всѣ разомъ одинъ-два дня и сыпятъ потомъ на дорожки душистыя лодьи, скользящія по вѣтру.

Убитая пескомъ дорожка ведетъ на крыльцо. Крыльцо вольное, съ тесаными колонками и затѣйливымъ трельяжемъ, увитымъ цѣпкими стеблями дикаго винограда.

А въ комнатахъ тихо, прохладно; пахнетъ чуть можжевельникомъ, пылью древесной. Если остановишься, то слышно, какъ верещитъ сверчокъ.

Въ гостиной сѣрые чехлы съ низенькихъ раскидистыхъ муаровыхъ креселъ никогда не снимаются, въ дальнемъ углу—старое разбитое піанино; группы и портреты въ запыленныхъ рамкахъ висятъ по стѣнамъ; въ чернильницѣ на письменномъ столѣ давно высохшія чернила. За гостиной свѣтлая столовая, а тамъ дальше — корридоры, переходы, чуланчики, кладовыя и спальни — самого хозяина помѣстья, отставного ротмистра Длуцкаго, „большака“ его Арсенія и дочери Вареньки.

Кромѣ господскаго дома, на черномъ дворѣ стоятъ хатенки спашниковъ, амбаръ, конюшня и два ледника.

Скотные сараи и молотилка — на отлетѣ за широкимъ извилистымъ прудомъ, скрытымъ густою ивою.

Именуютъ это помѣстье—„Березовый Кутъ"; въ немъ триста семьдесятъ десятинъ земли.

Въ сорока верстахъ—уѣздный городъ, въ шестнадцати — полустанокъ Западной дороги. Крупныхъ имѣній по близости нѣтъ; тамъ и здѣсь, точно погорѣлые пни, ютятся у перелѣсковъ бѣлорусскія деревни.

„Березовый Кутъ" достался Длуцкому за женой и въ ту пору былъ гораздо обширнѣе. Но полковая жизнь, выѣзды, пріемы и мундиры, но лихой кавалерійскій кутежъ и пуще всего карты—день за днемъ истощали природныя богатства земли, ничего не давая ей взамѣнъ.

И урѣзываясь, расходясь по клочкамъ, имѣніе это вскорѣ приняло очень ничтожный и плачевный обликъ. Схватились за хозяйство слишкомъ поздно, почти тогда, когда беречь уже нечего было, и то не по собственной охотѣ, а по принужденію.

Какой-то карточный долгъ, не выплаченный въ срокъ, или слишкомъ откровенное безчинство — что-то не совсѣмъ чистое заставило Длуцкаго подать въ отставку и удалиться въ деревню.

Къ тому времени сынъ Арсеній былъ отданъ въ ближайшій корпусъ, а Варя только года три, какъ появилась на Божій свѣтъ.

Началась путанная, безалаберная жизнь съ неумолчнымъ крикомъ на жену и дворовыхъ, водкой и охотою.

Рабочіе за версту ломали передъ бариномъ шапки, но дѣлали все не своему, кое-какъ; въ конюшнѣ стояла пара породистыхъ коней и къ нимъ легкая карета, а корму зимой не хватало и кормили подстилкой; въ саду разводили диковинные цвѣты, въ поляхъ же пахали на вершокъ глубиною и сѣяли чуть ли не послѣ Троицы. Воровали всѣ, кому было не лѣнь; лѣсъ продавался участками прямо такъ — безъ разбору; бывшій за годъ до того управляющимъ Ванька Дроздъ сталъ теперь сосѣдомъ—помѣщикомъ тридцати десятинъ—Иваномъ Васильичемъ.

Жена Длуцкаго вскорѣ расхворалась и умерла, самъ Длуцкій запилъ.

Пилъ онъ сплошь, съ кѣмъ ни попало, водилъ въ домъ дѣвокъ, сквернословилъ — все на глазахъ у подростающей дочки. Арсеній пріѣзжалъ только лѣтомъ, стрѣлялъ голубей, билъ дворовыхъ мальчишекъ и сестренку и прятался отъ пьянаго отца. Варя сидѣла на кухнѣ, гдѣ ее жалѣли бабы, и росла забитой, запуганной дѣвочкой, постоянно вздрагивающей, боящейся темноты, мертвецовъ, людей.

Спать одна у себя въ комнатѣ она не рѣшалась до шестнадцати лѣтъ и всегда просилась къ горничнымъ въ каморку.

Часто въ глухую ночь приходилъ туда пьяный отецъ и, найдя дочь

скверно ругался и выталкивалъ ее за дверь. Дѣвочка стояла въ темномъ корридорѣ, дрожала отъ холода и страха, но къ себѣ въ комнату все-таки не шла.

Читать и писать ее выучилъ Арсеній въ одну изъ добрыхъ минутъ на одиннадцатомъ году ея жизни; ариѳметику постигла она сама по его старой казенной книжкѣ. Зимой читала въ кухнѣ прислугѣ „Житіе святыхъ"—сначала отъ нечего дѣлать, потомъ полюбила это чтеніе.

Перейдя въ седьмой классъ, Арсеній понялъ, что, имѣя такого отца, какъ у него, да еще на плечахъ подростка-сестренку и разоренное имѣніе, нечего думать объ офицерскихъ погонахъ, а нужно вплотную заняться хозяйствомъ.

Недалекій, но смышленный, неостроумный, но сильный и непритязательный, онъ не очень жалѣлъ о потерянной карьерѣ, найдя въ черной работѣ мелкопомѣстнаго хозяина свое призваніе.

„Березовый Кутъ" нѣсколько оправился, поочистился подъ надзоромъ коренастаго, широкоплечаго, грубоватаго панычa.

II.

Уже шесть лѣтъ Арсеній велъ хозяйство—жилъ его доходами самъ, кормилъ отца, сестру, прислугу, кучера и работника.

Съ землей управлялся, отдавая ее половинщикамъ,—это избавляло его отъ лишнихъ хлопотъ и траты на управляющаго.

Онъ загорѣлъ, отчего его коротко-остриженные, свѣтлые волосы казались совсѣмъ бѣлыми, огрубѣлъ еще больше, движенія его стали увѣренными, тяжелыми. Онъ пилъ, но никогда не напивался пьянымъ, сходился съ дворовыми дѣвками, но никогда не превращалъ своего дома въ кабакъ, какъ дѣлалъ это его отецъ, теперь совсѣмъ опустившійся, ни къ чему негодный старикъ.

Онъ почти не говорилъ съ сестрой, а отца презиралъ отъ всей души. Присутствовалъ при доеніи коровъ, считалъ куриныя яйца, выдавалъ самъ, не полагаясь на Варю, муку, крупу, масло, чай и сахаръ на кухню и къ столу, заказывалъ самъ обѣдъ. Ничего не должно было пропадать даромъ и любимой его пословицей было: „надо умѣть драть съ одного вола двѣ шкуры"...

Варѣ шелъ уже восемнадцатый годъ. Она точно замерла и не развивалась послѣдніе годы. Такая же тонкая, блѣдная съ грустными сѣрыми глазами, пугливо опущенными внизъ, тонкимъ, срывающимся голосомъ, длинными руками, она все еще казалась подросткомъ. Это сходство усиливали платья—старыя платья, изъ которыхъ она уже выросла, а потому короткія и

узкія. Братъ изъ экономіи не шилъ ей новыхъ, а ей это было безразлично. Что она дѣлала? Ничего...

Арсеній не довѣрялъ ей даже домашняго хозяйства и тѣмъ обрекъ ее на полную бездѣятельность. Она гуляла, мечтала... Мечтала часами, лежа въ густой травѣ и глядя на небо. Она ничего не знала, что дѣлается за оградой усадьбы, читала только жалкія книженки о Серафимѣ Саровскомъ, Варварѣ Великомученицѣ, Даніилѣ Столпникѣ, о дьяволѣ, искушающемъ насъ... Читала это изъ года въ годъ, знала все почти наизусть и на этомъ возростила свои мечты. Она никогда еще не думала о земной любви, хотя съ дѣтства видала примѣры самой низкой страсти, самыхъ пылкихъ порывовъ. Какъ будто бы слухъ и взоръ ея не сообщались съ ея воображеніемъ. Съ мужчинами она почти не говорила, боясь ихъ грубости, и только сильно сдружилась съ горничной Дуняшей. Дуняша была полною ей противоположностью— и по характеру, всегда живому, веселому, съ хитрецой, и по наружности. Варя разсказывала дѣвушкѣ свои сны, а сны у нея были удивительные, ей же читала Минеи. Страхъ къ темнотѣ у нея остался прежній. Ей стоило большихъ усилій войти въ неосвѣщенную комнату. Послѣдній годъ она начала усиленно поститься, ходила пѣшкомъ въ далекій монастырь, лежащій близъ уѣзднаго города. Ходила босикомъ, хотя было холодно, и вернулась обратно совсѣмъ больною, но просвѣтленною. И тогда же увидѣла во снѣ и предсказала большой пожаръ въ сосѣдней деревнѣ. Дворня считала ее блаженненькой, подтрунивала надъ ней, но относилась къ ней не то съ робостью, не то съ состраданіемъ. Мужики старались не ругаться въ ея присутствіи, а бабы нѣсколько слащаво справлялись о ея здоровьи:

— Ты у насъ хворая, болѣзная,—говорили они, точно припѣвали:—того и гляди помрешь, а намъ-то ужъ тебя такъ жалко, такъ жалко...

Потомъ безконечно тянули о своемъ тугомъ житьѣ.

Варя слушала молча, терпѣливо, подперевъ кулакомъ худой подбородокъ. Что думала она въ такія минуты? Не было ли ей жаль себя, или вотъ этихъ бабъ, или всѣхъ вмѣстѣ—всѣхъ этихъ грубыхъ, порочныхъ людей, отъ брата ея до послѣдняго рванаго мужиченка?..

Каждый годъ у нихъ въ усадьбѣ какая-нибудь изъ дворовыхъ дѣвокъ тяжелѣла. Ходила, переваливаясь съ одной ноги на другую, и несла впереди огромный, уродливый животъ. Указывали то на одного, то на другого изъ рабочихъ, часто шопотомъ говорили о панычѣ, слегка посмѣивались надъ виновницей, но вообще смотрѣли на это, какъ на что-то вполнѣ естественное, и ничуть не возмущались и не удивлялись.

Варя все это видѣла и, конечно, давно научилась понимать: не понять было трудно. Но все-таки она ничего не знала дурного, все нечистое отходило отъ нея. Ей только было грустно, и она молилась. Иногда, лежа въ

травѣ, прислушиваясь къ несмолкаемому шелесту березъ, стрекоту сорокъ глядя на солнечныя пятна, скользящія по бѣлымъ стволамъ деревьевъ, она улыбалась чуть замѣтной улыбкой, той улыбкой, которою улыбаются сонныя дѣти.

Ей казалось, что на ней длинное, черное платье и бѣлый платочекъ на головѣ; что она идетъ среди березъ, чуть касаясь земли, а надъ нею вьются голуби.

Будто идутъ къ ней всѣ эти сѣрые мужики—и она благословляетъ ихъ, прощаетъ имъ все. Какъ сладко прощать!

И въ такія минуты она улыбалась.

Разъ ее побилъ Арсеній, такъ—зря. Она только согнулась и молчала. Тогда онъ ударилъ ее еще разъ и еще разъ. У нея показались слезы, но она все-таки молчала. И она видѣла, какъ испуганно посмотрѣлъ на нее братъ и какъ быстро онъ ушелъ къ себѣ. Больше онъ никогда ея не трогалъ. Только бранился.

— Господи, прости ихъ,—тихо шептала Варя, глядя въ глубокое небо:— а я прощаю...

Или вотъ—она распята на сосновомъ крестѣ. Руки ея раскинуты, а въ ладони вколочены длинные, ржавые гвозди. Она чувствовала тягучую боль въ ладоняхъ—и ей мучительно было сладко.

— За тебя, Господи, за тебя, Свѣтлый.

И вдругъ глаза ея наполнялись слезами, и она плакала, не утирая мокрыхъ, замутившихся глазъ.

Варя ходила босой, спала на доскахъ, голодомъ себя донимала, но въ монастырь идти—монахиней стать не думала. Въ ней жило какое-то смутное предчувствіе, вѣра въ чудесное, въ предопредѣленіе.

Свой былъ у нея Богъ, свои святые—и по своему молилась она имъ. Слѣпо вѣрила тому, что вычитала изъ своихъ книженокъ, но вѣрила и въ примѣты, въ сглазъ, въ чуранье.

Все было такъ печально, такъ таинственно—все, куда хваталъ глазъ. И тощія, голодныя поля, и березовыя рощи, и хвойные лѣса, и сѣрыя деревни, и блѣдное небо—все полно было печальной поэзіей тишины, закинутости, кроткаго ожиданія. Тихими, сѣрыми бороздами вились дороги; скрещиваясь, снова уходили вдаль за косогоры, за синюю грань лѣсовъ. Бурыми комьями лежала по сторонамъ земля, зеленѣли полосы хлѣба, дымились вверху бѣлыя облака, а чуть ниже сумятились стаи воронъ. Вѣяло болотами и лѣснымъ дымомъ. Изъ-за сѣдыхъ мховъ, гдѣ стонутъ кулики и блеютъ бекасы, слабо летѣлъ тонкій пастушечій рогъ.

Варя исходила эти дороги—босая, простоволосая, въ короткомъ ситце-

вомъ платьицѣ, синемъ съ бѣлыми крапинками, пощипывая конецъ коротенькой своей косички, широко глядя вдаль.

Она сидѣла по канавамъ и на пняхъ въ лѣсу, по кочкамъ въ болотахъ—всюду одна со своими угодниками изъ тоненькихъ книжекъ. Такъ изъ года въ годъ, безъ старшаго друга, безъ ласковаго слова, съ однѣми и тѣми же смутными думами.

Откуда же было ей ждать свѣта, котораго чаютъ такъ или иначе всѣ люди? Откуда—какъ не изъ своей вѣры, отъ себя?

III.

Тихимъ майскимъ вечеромъ сидѣла Варя у себя въ комнатѣ, обращенной оконцемъ на березовую рощу.

Подлѣ нея, согнувшись и щелкая прошлогоднія сѣмячки, взгромоздилась на подоконникъ Дуняша. Связанный концами канареечный платокъ ея съѣхалъ ей на шею, русая косичка задорно торчала, выгнувшись впередъ надъ затылкомъ, круглые, голубые глаза чуть-чуть не смѣялись, такъ весело имъ было сидѣть межъ полныхъ, румяныхъ щекъ дѣвушки.

— Ты говоришь, вотъ, что дурное всегда на землѣ было и будетъ,— мягко продолжала Варя начатый ранѣе разговоръ, по обычаю своему склонивъ голову на ладони и не глядя на собесѣдницу.—Но развѣ ты не знаешь, что, познавъ зло, уже тѣмъ самымъ очищаешься отъ него? Если знаешь, что это дурно, совсѣмъ дурно, такъ что непріятно и думать объ этомъ, развѣ ты станешь дѣлать?

Дуня щелкнула сѣмячко, сплюнула кожурку и, облизывая полныя губы, отвѣтила:

— Э, барышня!.. И знаешь, что худо, а дѣлаешь... бѣсъ тянетъ, а, можетъ, и такъ, по слабости...

— А все потому, что точно не знаешь, гдѣ грѣхъ,—волнуясь, перебила Варя.—Ты развѣ гнилой плодъ ѣсть будешь? Нѣтъ, потому что знаешь, что онъ невкусенъ, а ближняго обидишь, потому что не знаешь твердо, что это дурно, не знаешь вѣрно, что заплатишь за это...

— Что же, развѣ не платишь?—покачивая головой, опять возразила Дуняша.—Еще какъ платишься! А дѣлаешь потому, что сладко, потому, что любо... Сколько дѣвокъ съ парнями путаются? Думаете—потомъ не плачутъ? Потомъ не маятся? Всякое бываетъ... А заберетъ шибко—зажалѣешь и думать обо всемъ перестанешь?..

Горничная торопливо щелкала сѣмячки и громко выплевывала шелуху: видно, ее задѣло за живое.

Варя молчала, грустная.

— Да Богъ его разберетъ,—опять начала Дуняша,—что грѣхъ, что нѣтъ... И то правда... Я думаю такъ, что все это одни разговоры. Поглядите, кто лучше живетъ? Хапунъ, сластунъ... Наше время другое, это раньше святыми жить можно было, а теперь... Глядите, панычъ откуда хозяйство на ладъ поставилъ? Двѣ шкуры деретъ—и дѣло. Книжки-то ваши о чемъ пишутъ? о томъ, что вчера было, али о томъ, что за тысячу годовъ случилось?.. То-то—тогда, поди, и жить всѣмъ легче было...

Варя молчала. Она могла много возразить Дуняшѣ, но, наученная жизнью, знала, что это напрасно, что лучше снова и снова всегда и всюду говорить то, что думаешь, но тогда, когда тебя хотятъ слушать, а не возражать.

Живя у земли, она научилась понимать, что здѣсь вѣрятъ только дѣлу, только видимому, только чуду ощутимому, потому что все здѣсь подъ небомъ было явью, было осязаемо.

Въ ней самой жила эта жажда чуда, жажда преображенія, вѣра въ грядущаго Мессію, явленнаго во плоти и крови, творящаго жизнь, воскресеніе, исцѣляющаго слѣпыхъ, претворяющаго воду въ вино.

Онъ училъ бы добру творимымъ добрымъ, училъ бы любви своей любовью.

И—странно—думая о Немъ, она все чаще видѣла себя въ Немъ, у Его ногъ. Она носила Его въ своемъ сердцѣ и почти осязала Его.

— Знаешь, Дуня,—начала она, близко придвинувъ къ горничной лицо свое:—я опять видѣла сонъ... опять Онъ приходилъ ко мнѣ...

— Что вы, барышня?—загорѣлись глаза у дѣвушки.—Ну-те, ну-те, разскажите!

Любопытство взяло верхъ надъ усмѣшкой. Дуняша любила слушать сны, особенно страшные, таинственные. Она не придавала имъ большого значенія, но выслушивала ихъ всегда серьезно, боясь улыбкой смутить Варю.

— Онъ сѣлъ на край моей кровати и положилъ мнѣ на голову свою руку,—волнуясь, продолжала Варя.

Она и теперь чувствовала на себѣ вѣяніе тайны.

— Лицо Его было еще бѣлѣе, чѣмъ въ первый разъ, я не могла смотрѣть на Него... серебряные лучи шли отъ Его волосъ... И Онъ сказалъ...

Варя поднялась, рукой она прижимала лѣвую грудь, глаза лучились восторгомъ и ничего не видѣли передъ собой, кромѣ созданнаго ею образа.

— И Онъ сказалъ—слышишь, Дуня?—сказалъ, что черезъ меня Господь пошлетъ на землю избавленіе, что я буду имѣть сына, угоднаго Богу...

Она опять умолкла, не находя словъ, волнуемая непонятнымъ для нея самой, но сладкимъ чувствомъ благоговѣйнаго изумленія.

Дуняша не двигалась, глядя на нее. Такая вѣра, такая убѣжденность

слышались въ словахъ ея барышни, что на время покорили ея здравый, простой умъ. Она смотрѣла на Варю съ недоумѣніемъ, смѣшаннымъ съ животнымъ страхомъ, всегда чувствуемымъ дѣтьми земли передъ непостижимымъ. Но потомъ круглые глаза Дуняши моргнули и ротъ открылся, готовый разсмѣяться. Она во-время сдержалась и начала старательно утирать концами своего платка курносый носъ.

Громкій окликъ выручилъ ее. Она соскочила съ подоконника и кинулась къ двери.

Звалъ вернувшійся съ поля Арсеній.

Варя почти не замѣтила этого. Глаза ея незамѣтно наполнились слезами, она не вытирала ихъ, но, сложивъ ладонь къ ладони, смотрѣла на шумящія передъ ней березы.

— Опять, чертова кукла, стола не накрыла,—доносился глухой охрипшій голосъ панича.—Разговоры тутъ разговариваетъ, сволочь! Тысячу разъ говорилъ—къ моему приходу чтобы все было... Отецъ, ужинать!

Онъ громыхалъ сапогами, двигалъ съ трескомъ стульями; потомъ остановился у двери сестриной комнаты и распахнулъ ее.

— Ужинать!—крикнулъ онъ и, увидѣвъ заплаканное лицо дѣвушки, досадливо бросилъ:—опять ревешь? Ну, и шушера! Отецъ ревеТъ, сестра реветъ... и чего, спрашивается? Жрутъ всласть, все имѣютъ... Выдать тебя пора, вотъ что!

Онъ повернулся на каблукахъ. Съ высокихъ сапогъ его летѣла пыль.

Ужъ ночь была близко, и Варя чувствовала на себѣ ея тайну. Темнѣющія деревья точно ожили новой жизнью. Ихъ шепотъ сталъ менѣе внятенъ, но болѣе значителенъ. Отовсюду выходили тѣни...

Послѣ ужина Варя пошла въ рощу. Ей хотѣлось побыть одной среди деревьевъ. Трава, вся мокрая отъ росы, холодила босыя ноги, въ лицо дышало тепло ночного лѣса.

Варѣ казалось, что кругомъ нея ходитъ кто-то, посмѣивается въ чащѣ, дышитъ на нее. Она подняла лицо вверхъ, хотѣла перекреститься, но что-то мягкое и пушистое коснулось ея щеки. Она рванулась въ сторону и побѣжала. Потомъ, уже стоя у окна своей комнаты и держась за сильно бьющееся сердце, она поняла, что это была птица козодой. Но все-таки жуть не покидала ее.

Старый домъ затихъ. Только изъ окна Арсенія сквозь щель ставни лился ровный, желтый свѣтъ и зеленилъ траву. Оттуда изрѣдка раздавался голоса панича и чей-то смѣхъ.

Къ Арсенію пришла Гашка—гулящая дѣвка.

IV.

Сирень, поставленная пышнымъ букетомъ въ большой глиняный горшокъ, наполняла комнату знойнымъ, спирающимъ дыханіе, сладкимъ запахомъ.

Войдя, Варя сразу остановилась, испуганно поводя глазами. Она почти чувствовала присутствіе кого-то невидимаго въ комнатѣ каждый разъ, когда входила въ нее ночью. Точно тонкая, гибкая тѣнь мгновенно подымалась со стула передъ столомъ и, овѣвая холодомъ затылокъ дѣвушки, пряталась за ея спиною. Варя творила крестное знаменіе, но, только засвѣтивъ огонь, успокаивалась. Она знала навѣрное, что кто-то живетъ въ пустыхъ, сумеречныхъ комнатахъ. Иногда даже ей видны были неясныя, человѣкоподобныя очертанія, скользящія во тьмѣ.

Озаренная желтымъ пламенемъ свѣчи комната приняла обычный свой тусклый обликъ. Темное окно въ рощу осталось открытымъ. Тамъ бѣлѣли тонкіе стволы березъ.

Варя начала раздѣваться. Сняла голубое съ крапинками платьице и повѣсила его на гвоздь, потомъ разстегнула бѣленькій лифчикъ на слабой неразвившейся груди, расплела волосы и медленно начала ихъ расчесывать. Мягкой, гладкой русой волной легли они ей на колѣни.

Съ сухимъ, едва слышнымъ трескомъ отдѣлялись гребнемъ другъ отъ друга тонкія нити волосъ.

Потомъ быстрыми движеніями худыхъ пальцевъ дѣвушка сплела ихъ вновь въ тонкія змѣи и кольцомъ обхватила ими голову.

Бѣлыя простыни лежали прямо на доскахъ. На оголенныхъ плечахъ дѣвушки видны были синія пятна—такъ жестко ея ложе.

Она встала на колѣни и начала молиться. Положила десять земныхъ поклоновъ, перекрестила себя, подушку, четыре угла комнаты. Передъ тѣмъ, какъ задуть огонь, оглянулась, потомъ легла на спину и долго не смыкала глазъ.

Ей снова вспомнился ея чудесный сонъ: какъ, незамѣтно отдѣляясь отъ стѣны, Онъ неслышно подошелъ къ ней, весь облитый серебрянымъ блескомъ; сѣлъ на край ея кровати и положилъ ей на лобъ нѣжную свою руку.

— Неужели, Господи, это правда?—шептала Варя и чувствовала, какъ шибко начинало при этомъ биться сердце.—Неужели это знаменіе Твое?

Опять слезы выступили на рѣсницахъ. Вся ея душа волновалась при мысли о великой благодати. Вѣра въ нее, еще неясную, жила въ дѣвушкѣ уже давно, окрыляя на подвигъ. Она только не знала, въ чемъ проявится должное. А теперь цѣль была передъ нею, свѣтлая, какъ солнце: родить сына-избавителя. Вдохнуть въ него жизнь, благословить его на подвигъ, котораго ей—слабой женщинѣ—не сдѣлать.

Она заснула со слезами на глазахъ и съ улыбкой радости.

Ей снились опять дивныя рощи, облитыя серебрянымъ свѣтомъ, и золотыя маковки церквей, и тихое пѣніе неслось въ небѣ съ бѣлыми облаками. Тихая рѣка уплывала въ сизую даль, унося съ собой вѣнки изъ васильковъ и ромашки. Улыбающаяся мать кормила полной грудью смѣющагося младенца, а кругомъ тянулась въ высь ярко-зеленая трава. Черная, жирная пашня дышала пряным паромъ, готовая поглотить крупныя ржаныя зерна. Безконечные миръ и благодать разлиты были надъ землей.

Потомъ она шла съ холма на холмъ, чувствуя, какъ тяжелѣютъ отъ усталости ноги, какъ дрожатъ колѣни. Она шла долго, скользя, обрываясь, хватаясь за придорожные кусты, царапая руки. Тропинка становилась все уже, склонъ все круче. Наконецъ, изнеможенная, она упала на колѣни и такъ сползла внизъ.

Тамъ, въ глубинѣ, она увидѣла криницу съ холодной, прозрачной водой. Она наклонилась, желая утишить жаръ и усталость, утолить жажду, но что-то мѣшало ей сдѣлать это. Она порывалась впередъ, тянула руки, нагибала голову, но напрасно. И тогда она услышала голосъ, далекій, какъ будто извнѣ:

— Ты должна исполнить мою волю...

Варя сдѣлала еще одно усиліе и открыла глаза.

Въ блѣдныхъ сумеркахъ ранняго разсвѣта кто-то стоялъ передъ ней, широко разводя руками. Онъ былъ весь бѣлый, безформенный.

Окаменѣвъ, Варя лежала безмолвно съ пересохшимъ горломъ и плотно стиснутыми на груди руками. Она не отрывала глазъ отъ невѣдомаго существа, склоняющагося надъ ней.

— Исполни долгъ свой,—шепталъ глухой голосъ.

Въ безпорядочномъ вихрѣ пронеслось въ головѣ Вари все то, что она видѣла передъ этимъ: и рощи, и поля, и улыбающійся младенецъ.

— Господи,—наконецъ, едва слышно шепнула она запекшимся ртомъ и хотѣла потянуть ко лбу руку, но не могла.

Онъ совсѣмъ приблизился къ ней. Его жаркое дыханіе наполняло ея грудь тоской и ужасомъ. Она вдругъ вскочила, но сейчасъ же опять онъ опрокинулъ ее навзничь.

— Вспомни свой сонъ,—снова сказалъ онъ ей.

Да, она забыла его. Нечеловѣческій страхъ дурманилъ ей голову, путалъ мысли. Только не теперь, только не сейчасъ!

— Господи, Господи... прости, помоги... Господи, помоги!

Она рыдала, не зная, что съ ней, готовая уступить, смириться и вмѣстѣ съ тѣмъ волнуясь отъ жгучаго стыда и отвращенія.

Онъ держалъ ее крѣпко въ своихъ рукахъ, тяжело придавивъ ея грудь.

Въ борьбѣ онъ скинулъ то бѣлье, что скрывало его раньше, и остался въ одной рубахѣ и портахъ.

Нестерпимая боль захватила ей дыханіе, отняла послѣднія силы. Она совсѣмъ не видѣла его лица,—теряя сознаніе, она видѣла передъ собой смутное видѣніе своего сна.

Онъ что-то бормоталъ ей послѣ, неловко сидя съ ней рядомъ на кровати. Хмѣль оставилъ его и ему, видимо, было стыдно, не по себѣ. Онъ уже боялся послѣдствій и просилъ ее простить ему:

— Я, ей Богу, не виноватъ, барышня... вотъ, ей Богу... это все Дунька треклятая... Я не хотѣлъ, а она все толкала... Она сказала, что барышня хочетъ этого... что барышня ждетъ сына...

Онъ чесалъ волосы и смотрѣлъ въ уголъ.

— Она мнѣ и простыню эту дала... будто мертвецъ али привидѣніе... Я ее еще побью за это!

Потомъ, вдругъ опять охваченный страхомъ за свою судьбу, онъ кинулся на полъ къ ней въ ноги и, теребя ея рубашку, плакалъ и говорилъ уже, что онъ любитъ ее, что онъ всегда думалъ о ней, что онъ не виноватъ и чтобы она не жаловалась на него панычу.

Она впервые посмотрѣла ему въ лицо и только теперь ясно поняла, кто съ ней.

Это былъ кучеръ Гаврила, женихъ Дуняши.

У Вари замерло сердце. Она откинулась на подушку и зарыдала. Теперь это были громкія, неутѣшныя слезы, встряхивающія все ея маленькое, худое тѣло. Безысходное отчаяніе пересилило физическую боль, темнило разсудокъ. Голова съ растрепавшимися, сбившимися волосами билась о деревянный край кровати.

Гаврила, пугливо ежась, ступая какъ можно тише, покорно полѣзъ въ окно, черезъ которое вошелъ раньше.

Громко, на всѣ лады, кричали деревенскіе пѣтухи.

Въ кустахъ поджидала парня нетерпѣливая, любопытная Дуняша.

V.

Варя плакала долго, обезсилѣвъ отъ слезъ и усталости. Минуты неподвижной застывшей тьмы чередовались съ минутами остраго, до ужаса жгучаго, сознанія дѣйствительности—и тогда дѣвушкѣ казалось, что сейчасъ наступитъ конецъ, что жизнь должна оборваться.

Вдругъ ей становилось страшно,—страшно, что вотъ сейчасъ придетъ братъ, придетъ отецъ и скажутъ, что они все слышали, что они все знаютъ...

Она зарывалась лицомъ въ подушку и закусывала губу, чтобы заглушить рыданія.

Солнце уже высоко поднялось на небѣ и лучи его свободно заливали всю комнату. Этотъ свѣтъ, это ликованіе неба давили ее.

Она сорвалась съ кровати и шатающейся походкой, ни на что не глядя, дошла до окна и спрыгнула въ рощу.

Уже въ лугахъ трубилъ пастушечій рогъ, во дворѣ стучали ведрами и скрипѣли ворота. Каждый шумъ, каждый звукъ пробудившейся жизни заставлялъ вздрагивать изнывшее тѣло дѣвушки.

Она шла, безсознательно держась въ тѣни, забираясь въ самую чащу. Она еще хорошо сама не знала, что дѣлать. Только бы ничего не слышать, ничего не видѣть.

Яркая, пышная растительность, согрѣваемая щедрыми лучами, топорщилась, развертывалась, подымалась въ высь, заполняла каждый свободный клочекъ земли. Уже къ бѣлымъ, издававшимъ сухой запахъ, березамъ примѣшались осина и ель. Почва стала мягче, рудой мохъ устилалъ землю; повѣяло сыростью болота. Густыми пучками раскрывался папоротникъ, цвѣла земляника.

Подъ ногами захлюпала вода, вѣтви сплелись другъ съ другомъ... Еще нѣсколько шаговъ—и начиналась многоверстная топь. Уже видны были ея сѣдые мхи съ черными окнами—озерами, съ тощими ржавыми сосенками. По ту сторону тянулся песчаный скатъ съ темнымъ боромъ наверху.

Варя въ изнеможеніи опустилась на кочку. Подолъ ея платья намокъ и смялся, ноги были исколоты.

Ее охватило тупое оцѣпенѣніе, безразличіе; глаза высохли, руки упали.

Здѣсь, въ этомъ болотѣ, тихо и медленно погружаясь внизъ, можно исчезнуть навѣки. Сѣрый мохъ затянетъ и скроетъ.

Варя поднялась и шагнула впередъ. Ноги влипали въ грязь, но еще чувствовали подъ собой почву.

Сверху палило солнце; внизу была теплая жижица. Уже Варя ушла по колѣно въ мохъ. Близко къ ней придвинулись огненно-желтые ирисы. Они плавно покачивались ей навстрѣчу, отдавая назадъ солнцу его стрѣлы.

Вблизи деревья качались безшумно, а дальше, въ зеленой глуби, ихъ мѣрное движеніе претворялось въ непрерывную баюкающую пѣсню. Было сладко и усыпляющій покой охватывалъ все тѣло.

Но внезапно жгучая боль снова рванула за сердце. Варя вздрогнула, безпомощно озираясь. Подавленная горемъ, она забыла о Богѣ. Она ни разу не произнесла Его имени; она не молилась Ему сегодня. Боясь людей, боясь шума, она не призвала къ себѣ на помощь Господа—и Онъ покинулъ ее.

Что она хотѣла сдѣлать? Уйти отъ жизни, потому что въ гордынѣ своей думала, что все кончено. Развѣ смѣетъ она дѣлать это?

— Господи, прости,—громко простонала Варя.

Уже тина начала засасывать ее. Она уже не чувствовала подъ собой почвы. Тогда въ отчаянномъ порывѣ она ухватилась за желтые ирисы, склоняющіеся надъ ней, и потянулась впередъ. Жирные, мягкіе стебли обрывались, но все-таки помогли ей. Наконецъ, ползкомъ ей удалось добраться до кочки, на которой она сидѣла раньше.

Тамъ, совсѣмъ безсильная, она хотѣла перекреститься, но не могла: тяжелый внезапный сонъ закрылъ ей глаза. Ей казалось, что она склонилась надъ студеной криницей и утоляетъ жажду.

Она часто просыпалась, плакала, не зная—гдѣ она и что съ ней; потомъ засыпала вновь. Только подъ вечеръ она очнулась совсѣмъ.

Розовыя облака плыли по синему небу, румяня стволы березъ, сѣрые мхи, неподвижныя озера. Густой пряный запахъ цвѣтовъ и травъ подымался вмѣстѣ съ болотными испареніями и дурманилъ голову. Огненные ирисы еще сладостнѣе раскинули свои полные вѣнчики. Руки свѣтились пурпуромъ безпомощно раскинутыя въ широкихъ густо-зеленыхъ стебляхъ травы. Это первое, что увидала Варя при пробужденіи. Потомъ проплыли передъ ея глазами всѣ событія ночи и дня. Опять сжалось сердце, но уже зародилась надежда. Она даже улыбнулась дивной мечтѣ, озарившей ея освѣженную послѣ сна голову.

Развѣ все не въ рукахъ Божіихъ? Развѣ не по Его велѣнію совершилось съ ней все это? Это не тотъ свѣтлый, что приходилъ къ ней въ ея снѣ,—это грубый парень Гаврила—онъ будетъ отцомъ ея ребенка. Но развѣ извѣстны ей пути Господни? Нужна только крѣпкая вѣра!

И Варя старалась провѣрить себя, укрѣпить свою надежду. Да, она знаетъ, что должно совершиться пророчество ея сна. Что оно уже совершилось!

И какъ только она это подумала, ясно осознала въ себѣ,—ее поднялъ восторженный вихрь благодарности и любви. Она упала на колѣни:

— Вотъ, я вся передъ Тобою, Господи,—бормотала она,—я исполню Твою волю и благодарю Тебя за все, все... И еще прошу Тебя,—дай мнѣ испытаніе моей любви къ Тебѣ, дай мнѣ муки, чтобы я доказала мою любовь.

Варя цѣловала сырую землю и благословляла ее.

Бѣлое море тумана распласталось надъ болотомъ.

Варя благословляла и это море. Она стояла въ сырыхъ волнахъ, вздрагивала отъ холода и пѣла псалмы.

Она была, какъ безумная отъ переполнившаго ее восторга. Она даже скинула съ себя платье, не зная, какое самое тяжелое послушаніе принять

на себя. Тучи комаровъ облѣпили ее, истязая ея тѣло жгучими уколами. Варя терпѣла: она нарочно сложила руки ладонь къ ладони и, не двигаясь, продолжала пѣть.

Острый зудъ охватилъ ее всю съ головы до ногъ. Не осталось ни одного живого отъ укусовъ мѣста. Она содрогалась, но терпѣла. Она рада была, что можетъ претерпѣть за Него. Она почти перестала чувствовать себя. Комары впивались въ тонкую бѣлую кожу и неподвижно въ опьяненіи пухли отъ ея алой крови.

VI.

Дунька стороной подглядывала за барышней. Ей некогда было теперь бесѣдовать съ ней, да Варя, видно, и не хотѣла этого.

Надоумивъ во хмѣлю своего любовника «удрать штуку» съ барышней, горничная теперь не то, чтобы каялась, но была недовольна на Гаврилу. Что-то похожее на ревность нѣтъ-нѣтъ да и безпокоило ее.

Парень рѣдко ходилъ теперь къ ней по ночамъ и тоже былъ не въ себѣ. Два раза выпивъ, онъ билъ Дуняшу; при этомъ у него было неподвижное, безразличное выраженіе лица, точно онъ исполнялъ чью-то волю. Дуня смолчала оба раза, боясь скандала, но только на время скрыла свою злость. Она стала слѣдить за кучеромъ. Ей казалось, что онъ льнетъ къ Варѣ: больно тихимъ и смиреннымъ казался при ней.

Гаврила, точно, еще разъ попробовалъ оправдать себя передъ барышней.

Онъ пришелъ къ ней какъ-то, когда она сидѣла въ березовой рощѣ за книжкой. Онъ, какъ и въ прошлый разъ, не смотрѣлъ на нее, теребя въ рукахъ шапку.

— Вы ужъ извините меня,—бормоталъ онъ.

Лицо у него было жалкое, но ничуть не виновное.

Варя сильно смутилась. Сердце забилось часто, точно молотъ, румянецъ покрылъ щеки. Но потомъ она осилила себя: вѣра въ то, что во всемъ случившемся скрыто Провидѣніе, заставила ее подняться, подойти къ Гаврилѣ и положить ему на плечи свои руки.

— Ты меня прости,—тихо сказала Варя, и слезы выступили у нея на глазахъ:—я испугалась и тебя испугала.

Гаврила стоялъ пораженный, даже испуганный. Ему показалось, что надъ нимъ издѣваются, и онъ опять сильно испугался за себя. Но потомъ, взглянувъ на женщину, сообразилъ, что козней отъ нея ожидать нечего; что она попросту глупа и влюбилась въ него. Онъ даже усмѣхнулся и попробовалъ съ неловкостью лѣсного звѣря погладить Варю по спинѣ. Онъ уже чувствовалъ себя господиномъ положенія и набрался смѣлости.

— Ничего, ничего,—сказалъ онъ и почему-то одѣлъ шапку:—я ужотка приду къ тебѣ сегодня.

Онъ намекалъ на ночь и подмигнулъ глазомъ, хитро улыбаясь. Варя съежилась вся подъ его лаской.

— Нѣтъ, милый,—кротко отвѣтила она,—ты не долженъ дѣлать этого... это грѣхъ... Ты исполнилъ волю Господа и долженъ смириться... не надо, милый!..

Но Гаврила понялъ это, какъ проявленіе обычнаго стыда неопытности, и, уходя, опять лукаво подмигнулъ ей глазомъ.

Ночью онъ пришелъ къ ней, какъ впервые, черезъ окно и, несмотря на ея мольбы и слезы, грубо овладѣлъ ею. Онъ, смѣясь, говорилъ, что если она хочетъ сына, то должна покоряться его желаніямъ, иначе она не понесетъ.

Варя покорно смирилась передъ его волей.

Съ тѣхъ поръ онъ часто сталъ ходить къ ней.

Она совершенно не знала радостей плотской любви. Съ брезгливымъ ужасомъ принимала она ласки своего невольнаго любовника, утѣшая себя надеждой на свѣтлое будущее. Но покоряясь, какъ слабѣйшая тѣломъ, Варя пыталась овладѣть душой Гаврилы. Она заставила его исподволь слушать себя. Она читала ему Евангеліе, учила молитвамъ и передавала ему твердую вѣру свою въ свое назначеніе.

Варя съ трепетомъ ждала дня, когда можно будетъ убѣдиться въ томъ, что она стала матерью. Гаврила тоже съ пугливымъ любопытствомъ ждалъ этого дня.

Онъ уже почти вѣрилъ, что его сынъ желаненъ Богу, это даже было ему пріятно. Почему бы и нѣтъ? Его темная мужицкая душа просила чуда, безсознательно уповала въ него, какъ уповаютъ въ него тысячи и тысячи мужицкихъ душъ. Развѣ вся жизнь его, все благосостояніе не были въ рукахъ Божьихъ? А чудо обѣщало счастье, изобиліе плодовъ земныхъ. Онъ твердо зналъ это. И, разъ увѣровавъ въ свое значеніе, онъ ужъ съ жадностью простолюдина ухватился за зароненную въ его душу Варей мысль и носился съ нею. Онъ сталъ опрятенъ, пересталъ пить, въ его поступкахъ появилась степенность зажиточнаго человѣка, онъ уже не могъ разговаривать съ мужичьемъ и Дуняша стала ему противна.

Варя должна была беречься, больше ѣсть—какъ можно больше ѣсть и не изнурять себя. Онъ даже отобралъ отъ нея ея книги.

— Богъ проститъ,—увѣренно говорилъ онъ,—это такъ нужно для здоровья...

Варю трогала такая заботливость—и она не перечила ему. Она сама стала осторожнѣе и постелила подъ простыни сѣнникъ.

Понятно, что все это не могло ускользнуть отъ взора Дуняши. Она все

видѣла, обо всемъ догадывалась по своему, и злоба не давала ей спать спокойно, тѣмъ болѣе, что во всемъ случившемся она чувствовала себя виновной.

Она открыто стала смѣяться надъ Варей. Нарочно, увидѣвъ ее издали, она громко начинала дѣлать товаркамъ двусмысленные намеки о ней, нагло подмигивала. За ней смѣялись другія. Но все-таки всѣ онѣ боялись Арсенія и не рѣшались говорить объ этомъ особенно открыто.

Варя замѣчала недружелюбное къ себѣ отношеніе своей прежней подруги и недоумѣвала. Потомъ вспомнила о томъ, что говорили о Дуняшѣ и Гаврилѣ: они не такъ давно любили другъ друга. Она по волѣ Провидѣнія стала ихъ невольной разлучницей. Мысль эта наполнила сердце молодой женщины печалью. Но она молилась за всѣхъ и гнала отъ себя тяжелыя мысли: въ ту пору она только что почувствовала себя матерью.

Она, видимо, поправилась: пополнѣла въ груди и въ бокахъ, на щекахъ появился румянецъ. Лицо какъ-то просвѣтлѣло все, точно освященное извнутри; глаза раскрылись широко и радостно.

Даже Арсеній замѣтилъ это и похвалилъ ее.

Она испытала уже всю тяжесть первыхъ дней беременности: отвращеніе къ пищѣ, недомоганія, безпричинное безпокойство, тайный страхъ,—но приняла это все, какъ должное, безъ ропота, съ удовлетворенной улыбкой. Все это казалось ей такимъ ничтожнымъ, нестоющимъ вниманія по сравненію съ предстоящей радостью, что она захотѣла бы еще большихъ мукъ, большихъ страданій, дабы оказаться достойной ниспосланной ей милости. Что у нея будутъ благополучные роды и родится мальчикъ, именно мальчикъ, а не дѣвочка,—въ этомъ Варя была твердо убѣждена. Она не могла бы иначе представить себѣ будущаго. Эта вѣра окрыляла, живила, возносила душу такъ высоко, что, несмотря на всю щекотливость и опасность положенія, въ которомъ теперь находилась Варя, она чувствовала себя лучше, чѣмъ когда-либо.

Ея былая робость ушла куда-то, и она вовсе не чувствовала страха. Именно страха у нея не было. Она готова была принять всякое испытаніе и даже хотѣла его,—она не боялась.

Эту бодрость духа она старалась передать Гаврилѣ. Парень охотно вѣрилъ, что сынъ его можетъ стать чѣмъ-то большимъ, почти чудеснымъ, но его смущали предстоящіе роды Вари. Онъ зналъ, какъ можетъ отнестись къ нимъ Арсеній, и, конечно, не могъ радоваться своимъ вѣрнымъ предположеніямъ. Хотя Варя и обѣщала ему скрыть на время имя отца своего ребенка, но онъ понималъ, что если не Варя, то, во всякомъ случаѣ, кто-нибудь другой донесетъ о немъ панычу. Удобнѣе всего было бы сейчасъ попросить разсчетъ и уйти, но время было горячее, Арсеній на это добромъ не согласился

бы, а терять свой заработокъ парень не хотѣлъ. Оставалось ждать „пока что“ и быть ко всему готовымъ. Въ тайнѣ даже отъ себя онъ все-таки надѣялся, что сумѣетъ выпутаться изъ всей этой исторіи, сваливъ всю вину на Варю. Она, молъ, хотѣла имѣть сына и очень просила его, Гаврилу, пособить—онъ и пособилъ. А потомъ—почему бы этому будущему сыну не сотворить сразу чуда и тѣмъ не спасти отца своего?

VII.

Вскорѣ послѣ зажинокъ Дуняша сошлась съ Арсеніемъ и съ тѣхъ поръ стала жить съ нимъ, какъ раньше жила съ Гаврилкой. Она была чистоплотной, здоровой, красивой дѣвушкой и очень нравилась панычу. Гаша ему давно уже надоѣла—и онъ радъ былъ, что нашлась ей замѣстительница. Лишать же себя женщины онъ не хотѣлъ и думалъ даже, что не могъ, такъ какъ былъ полнокровнымъ и очень здоровымъ.

Впервые онъ овладѣлъ Дуняшей утромъ, когда та мыла полъ въ столовой.

Она долго не противилась: во-первыхъ, потому, что достаточно искусилась въ этомъ, во-вторыхъ, потому, что была зла на Гаврилку, въ-третьихъ—Арсеній ей нравился, и она знала, что связь съ нимъ ей можетъ быть выгодна.

Потомъ Дуняша начала понемногу прибирать къ рукамъ домашнее хозяйство. Арсеній поручалъ ей ходить въ кладовыя и выдавать провизію на кухню. Она дѣлала это исправно и исправно же таскала крупу, чай и сахаръ въ деревню къ матери. Теперь, выдавая мѣсячныя „сакрасныя“ Гаврилѣ, она смѣялась ему въ носъ и называла его барышнинымъ прихвостнемъ и панской лизалкой.

Онъ обижался—и они скверно ругались:

— Я тебѣ еще покажу,—кричала тогда Дунька, поднося ему подъ самый носъ кукишъ.—Ты у меня задудишь, обоимъ вамъ достанется на табакъ, паскудники эдакіе!

Гаврила затихалъ, боясь скандала, но уходилъ злой и послѣ огрызался на Варю:

— Все изъ за тебя,—ворчалъ онъ.—Жисть каторжная!

Варя утѣшала его и гладила по русымъ волосамъ. Какъ-никакъ онъ былъ красивѣе паныча, и Дуняша не могла этого не видѣть. Замѣчала это и Варя, все больше привязывавшаяся къ парню.

Справили уже и дожинки; сжали уже ячмень, скосили овесъ, принялись за горохъ. Поставили на току за амбарами высокія изгороди изъ олешника и стали валить цѣпкіе стебли гороха на эти изгороди. Выросли длинныя,

бурыя стѣны одна около другой, точно крѣпости, тучами облѣпили ихъ трескучіе воробьи.

Осина кое-гдѣ покраснѣла, березы еще стояли совсѣмъ зеленыя. Перепадали дожди, ползли по небу мутныя тучи. Зато въ солнечные дни было тепло и ясно, яснѣе, чѣмъ лѣтомъ, и звонкіе голоса дѣвчатъ, ходившихъ съ зари до зари по грибы, раздавались далеко, какъ серебряные колокольчики.

По дорогѣ, подымая розовую пыль, ползли поскрипывающія телѣги то съ хлѣбомъ, то съ горохомъ, то съ овощами. Сѣрые мужики погоняли низенькихъ лошаденокъ и смотрѣли себѣ подъ ноги, слюнявя цыгарки. Бабы уже копали для себя картошку—старая вся вышла.

Несся мѣрный гулъ молотилки.

Въ пыли съ головы до ногъ, черный и потный, стоялъ тамъ Арсеній и кричалъ, надрываясь, чтобы его разслышали за шумомъ сгребающія зерна дѣвки.

Поля были пусты.

По мѣрѣ того, какъ приближалась осень, Варя начинала чувствовать себя все тяжелѣе. Опытный глазъ могъ уже замѣтить ея чрезмѣрную полноту, но братъ ея мало смотрѣлъ на нее и потому ничего не видѣлъ.

Она ходила съ перевальцемъ, сильно откинувъ назадъ корпусъ, и уже съ трудомъ могла обуваться.

Большею частью она сидѣла теперь въ рощѣ и шила тамъ изъ своихъ старыхъ рубахъ приданое ребенку. Туда же приходилъ къ ней въ свободную минуту и Гаврила.

Онъ садился рядомъ съ ней, вынималъ табакъ и крутилъ цыгарку. Рѣдко разговаривалъ, — больше угрюмо молчалъ, слѣдя за быстро двигающимися пальцами Вари и взмахами иголки.

Варя иногда разсказывала ему что-нибудь изъ жизни святыхъ, но онъ слушалъ это не очень охотно. Ему больше нравилось, когда она говорила ему о ребенкѣ или передавала ему свои сны, въ которыхъ было что-нибудь пророческое. Теперь онъ уже не безпокоилъ ее своими ласками, боясь повредить ей, но чувствовалось, что парень привязался къ своей барышнѣ-женѣ.

Въ одинъ изъ такихъ дней, когда Варя съ Гаврилой сидѣли въ березовой рощѣ и тихо бесѣдовали, молодая женщина вдругъ радостно вскрикнула, переставъ работать. Она ясно почувствовала толчекъ въ лѣвой сторонѣ живота.

Толчекъ былъ очень слабый, но ей показалось, что онъ долженъ былъ быть слышенъ Гаврилѣ, и она счастливо посмотрѣла на него. Но парень ничего не зналъ. Тогда она положила его шаршавую загорѣлую руку себѣ на животъ и заставила слушать.

Движеніе не повторилось, но сердце Вари билось скоро отъ охватившей ее радости.

— Шевелится, значитъ?—серьезно и нѣсколько растерянно спрашивалъ ее парень.

— Да, да, милый! — отвѣчала она, все еще держа его руку у себя. — Такъ точно толкнулъ кто... Должно быть, ножкой, а можетъ быть, головкой... И какъ это все странно, непонятно, чудесно!.. Вотъ тутъ, во мнѣ—и вдругъ живое существо... Какъ оно тамъ живетъ? Ему дышать-то, должно быть, трудно!

Она смотрѣла вопрошающе и взволнованно на Гаврилу, хотя и знала, что онъ и не сумѣетъ ей отвѣтить. Рука его все еще лежала на ея приподнятомъ животѣ.

Вдругъ парень неожиданно и какъ-то сразу вскочилъ на ноги.

Варя вздрогнула и оглянулась.

Мелькая между бѣлыми стволами березъ, быстро подвигались къ нимъ Арсеній, за нимъ торжествующая Дуняша. Арсеній съ ожесточеніемъ размахивалъ палкой.

IX.

Отчаявшись вернуть къ себѣ Гаврилу, Дуняша озлоблялась все болѣе и, наконецъ, рѣшила избавиться отъ парня совсѣмъ. Сначала она думала подорвать къ нему довѣріе Арсенія по службѣ, но потомъ сообразила, что въ страдную пору панычъ все равно его не отпуститъ, а потому и прибѣгла къ послѣднему имѣющемуся у нея средству. Стоило разоблачить отношенія кучера къ барышнѣ—и дѣло было бы сдѣлано.

Дуня почти не думала въ это время о Варѣ и о томъ, что вся тяжесть гнѣва Арсенія падетъ на нее. Ей это было безразлично. Даже пріятно было сознавать свою власть надъ ней. Но говорить Арсенію такъ, не доказавъ своихъ словъ наглядно, она не смѣла. Онъ могъ ей не повѣрить—и тогда наказана была бы она. Дуня знала, что Варя часто ходитъ въ березовую рощу, что туда заглядываетъ и Гаврила. Все остальное она себѣ ясно представляла: ей казалось, что между ними обоими еще длится любовная связь.

Воспользовавшись удобной минутой, она кинулась къ Арсенію на молотилку.

— Панычъ, а панычъ!—таинственно позвала она.

Онъ недовольно оглянулся.

— Чего тебѣ?

— Вы послушайте, что я вамъ скажу, — начала дѣвка, отводя его въ сторону:—я раньше не хотѣла говорить вамъ, боялась, что вы очень осерчаете...

— Да что такое? Говори скорѣе, не дури голову!—прикрикнулъ на нее Арсеній.

— А то, что барышня ваша съ кучеромъ Гаврилкой въ рощѣ сидятъ!

— Ну?—не понялъ тотъ.

— Вотъ те ну!—передразнила, все болѣе возбуждаясь, Дуняша. — Сидятъ, сидятъ, да могутъ чего и сдѣлать! Они уже долго такъ-то балуются, а апосля вамъ-же сраму не обобраться!..

Горничная торжествовала. Арсеній совсѣмъ растерялся.

— Что ты мнѣ тутъ врешь, дура?—протянулъ онъ нерѣшительно, но его уже охватило бѣшенство, и онъ готовъ былъ драться.

— Вотъ вамъ крестъ — не вру! —закричала дѣвка.—Да сами идите — увидите!

Онъ пошелъ за ней, взволнованно размахивая палкой.

— А раньше мнѣ сказать это не могла? — кидалъ онъ ей на ходу. — Языкъ у тебя къ горлу прилипъ, что ли?

— Языкъ не прилипъ, а говорить не хотѣла! Мнѣ что? Мое дѣло сторона! Вотъ, когда увидите, такъ сами скажете!..

Онъ перегналъ ее, и она запыхалась, слѣдуя за нимъ.

Арсенію, собственно, было безразлично, что дѣлаетъ сестра, лишь бы не было скандала. Но разъ знаетъ объ этомъ Дунька, то знаетъ и вся дворня, а за дворней—всѣ окружныя деревни. Это ужъ было слишкомъ! „Хоть бы кто-нибудь поприличнѣе,—думалъ онъ,—а то чортъ знаетъ кто—лайдакъ, голоштанникъ какой-то! Конечно, разсчитывать ей на богатаго жениха-дворянина нечего было, но все-таки"...

Всего же больше злило его то, что явилась новая забота: не управились еще толкомъ съ хлѣбами, а надо было ломать голову надъ какой-то глупой дѣвченкой! Родитъ еще, пожалуй, радуйся тогда...

Арсеній стискивалъ зубы и уже съ особеннымъ удовольствіемъ предвкушалъ, какъ палка его походитъ по спинѣ Гаврилы.

Въ ту минуту, когда Варя взяла руку парня и положила ее себѣ на животъ, радостно прислушиваясь къ движенію новой жизни, Арсеній и Дуняша увидѣли ихъ.

— Ты что жъ это, сволочь, тутъ дѣлаешь?—какъ только могъ громче гаркнулъ Арсеній, сразу подскочивъ къ Гаврилѣ.—Такъ-то ты у меня служишь, соб-бака!

Онъ размахнулся и наотмашь ударилъ свободной рукой Гаврилу по уху.

Парень пошатнулся, но молчалъ, тупо глядя въ сторону.

— Что ты дѣлаешь тутъ, говорю!—оралъ Арсеній, возбуждаясь все больше, и снова ударилъ его по щекѣ.

Изъ носа парня пошла густая, почти черная кровь.

Онъ вытеръ ее рукавомъ, подвинулся въ сторону и, не поднимая глазъ, буркнулъ:

— Легче бы...

— Что? Легче, легче?—неистовствовалъ панычъ.—Легче—говоришь? А этого хочешь? этого хочешь?

Онъ схватился за палку и началъ колотить ею по спинѣ парня, точно выбивалъ изъ нее пыль. Тотъ подымалъ только безпомощно руки и пятился задомъ.

Варя, рыдая, кинулась къ брату, схватила его за рукавъ, гладила по головѣ и что-то лепетала жалкое. Онъ отмахивался отъ нея, продолжая свое.

Дуня скрылась за деревьями.

Березы тихо шумѣли, разстилая кружево изъ тѣней и солнца по травѣ. Безпокойно стрекоталъ всполошившійся молодой сорочій выводокъ.

Наконецъ, Арсеній усталъ. Крупный потъ струился по его лбу и открытой шеѣ. Онъ былъ почти удовлетворенъ и уже тише прикрикнулъ на удалявшагося избитаго парня.

— Вонъ! Чтобы сейчасъ забиралъ свои монатки и проваливалъ!..

Потомъ обернулся къ сестрѣ, все еще рыдавшей:

— Нашла, съ кѣмъ связаться, шлюха поганая! Куда я теперь тебя дѣну, а? Замужъ за него выдавать, со двора гнать?

Онъ подошелъ къ ней близко, поднялъ съ травы, на которую она упала, и тряхнулъ за плечо.

— Слушай,—сказалъ онъ ей тихо и пристально глядя въ глаза,—скажи мнѣ правду: ты жила съ нимъ?.. ты беременна?..

Она еле стояла на ногахъ, обезсилѣвшая, глубоко несчастная.

Онъ еще разъ встряхнулъ ее:

— Говори же!

Тогда она сдѣлала надъ собой послѣднее усиліе и почти простонала:

— Да... я беременна...

Онъ выпустилъ ее изъ рукъ, испуганный, растерянный, такъ какъ все еще не вѣрилъ въ возможность этого, и снова стиснулъ кулаки. Она упала опять на траву у его ногъ, чувствуя острую, тягучую, непереносимую боль въ спинѣ. Она извивалась, судорожно хватаясь руками за траву, вырывая ее съ корнемъ.

Арсеній постоялъ надъ ней еще немного, потомъ плюнулъ и, толкнувъ сестру сапогомъ въ голову, быстрыми шагами пошелъ къ дому.

X.

Почти безъ чувствъ, съ трудомъ передвигая ноги и хватаясь руками за стволы деревьевъ, Варя добралась до своей комнаты и упала на кровать.

Боль отнимала у нея всякую способность соображать, всякую возможность борьбы. Она стонала, вытянувшись на сѣнникѣ, съ высоко вздувшимся, тяжело волнуемымъ отъ дыханія животомъ. Въ вискахъ громко стучала кровь, концы ногъ и рукъ коченѣли отъ холода. Какъ и въ тотъ разъ, когда ее взялъ Гаврила, Варя сознавала полную свою безпомощность и такъ же растерянно шептала побѣлѣвшими губами:

— Господи, Господи... прости, помоги... Господи, помоги!

И она увидѣла свой далекій, радостный сонъ. Кто-то свѣтлый въ серебряной ризѣ придвинулся къ ней, утѣшая:

— Я съ тобой, ты не бойся... Ты будешь счастливою матерью и родишь сына. Онъ прійдетъ на землю, чтобы утереть плачущимъ слезы, облегчить страданія, примирить враждующихъ.

Его голосъ звучалъ нѣжно, какъ далекій хоръ ангеловъ. Варя не знала — спитъ-ли она или бодрствуетъ, но ей казалось, что всѣ страданія ея утихли. Потомъ видѣніе исчезло, уступая мѣсто распахнутому настежь окну, березамъ за окномъ, клочку голубого неба. Боль утихла, но слабость осталась еще и не было силъ пошевелить руками.

Варя лежала неподвижно, прислушиваясь къ доносящимся извнѣ шумамъ. Ей ни на минуту не приходило въ голову, что у нея могутъ быть преждевременные роды. Вѣра въ предсказанное никогда не покидала ее.

Она думала о томъ, что братъ ея все уже знаетъ. Скрывать больше нечего. Она радовалась этому. Но что дѣлать, какъ жить дальше? Проститъ-ли ей Арсеній, пойметъ-ли ее?..

Уйти съ Гаврилой?.. Да, да—это лучше. Уйти съ нимъ и ждать ребенка! Ей ничего не надо, она сумѣетъ перенести всѣ невзгоды въ предвидѣніи будущаго. А потомъ, потомъ...

Сердце сильно забилось отъ радостнаго предчувствія. Она не сомнѣвалась, что Гаврила возьметъ ее съ собою. Онъ такъ привязался къ ней, такъ вѣрилъ въ будущее!..

Ей не приходило въ голову, что парень побоится отвѣтственности, испугается нужды, наконецъ, просто захочетъ быть свободнымъ. Она не могла этого предвидѣть, слишкомъ далекая отъ жизни.

Она забылась тихимъ сномъ, мечтая о предстоящей ей новой жизни. Она уже видѣла себя въ лѣсу, съ младенцемъ въ рукахъ. Вокругъ головы его сіялъ огненный вѣнчикъ.

Ночью Варя металась въ бреду; тихо стонала, призывая кого-то. Она опять видѣла криницу, тянулась къ ней и не могла напиться. Жаръ мучилъ ее.

Пришла Дуняша и прикладывала ей къ головѣ холодныя, мокрыя по-

лотенца. Горничной было жаль барышню,—ужъ очень она казалась тихой да блаженной. Ея женское сердце невольно сочувствовало страданіямъ.

Вдругъ Варя поднялась и захотѣла идти. Глаза ея были широко открыты, руки простерты впередъ.

— Что съ вами? что?—испугалась горничная.

— Развѣ ты не видишь?.. Вотъ, вотъ онъ тамъ...

Въ углу, куда смотрѣла Варя, было темно. Пламя свѣчи плавно кружило по фитилю.

Дунямѣ стало страшно. Ей почудилось, что точно тамъ кто-то шевелится въ углу. Она начинала вѣрить въ ясновидѣніе Вари.

Варя опять упала на подушку и закрыла глаза. Она заснула и уже не просыпалась болѣе до самаго утра.

Дуняша тихо и неподвижно сидѣла надъ ней. Она думала о томъ, что сдѣлала, и готова была раскаяться. Только досада на Гаврилу не покидала ея: она все-таки его еще любила. Любовь къ нему не помѣшала ей сойтись съ Арсеніемъ,—она никогда не думала, что это дурно; она, вообще, не придавала этому большого значенія, и не потому, что была особенно распущена, а просто потому, что всѣ здѣсь легко смотрѣли на это.

Успокоившись, она уснула тяжелымъ, крѣпкимъ сномъ, продолжая сидѣть у ногъ Вари на ея кровати и свѣсивъ внизъ голову.

Поутру, очнувшись, Варя попробовала встать. Голова чуть-чуть кружилась, но силы прибыли. Она прошлась по комнатѣ и вышла на дворъ въ тайной надеждѣ увидѣть Гаврилу и сговориться съ нимъ о побѣгѣ. Но въ конюшнѣ, на току, въ рощѣ—его не было.

Солнце, уже холодное, сыпало золото на вянувшую траву, на желтѣющія березы. Варя остановилась, чувствуя, какъ слезы наполняютъ ей глаза. Она еще не знала, но догадывалась, что Гаврила ушелъ уже изъ усадьбы, что онъ забылъ ее, спасая себя, что онъ оставилъ ее навсегда.

XI.

По ночамъ кричали совы. Громоздились высоко на старыя липы и плавали. Темнѣло рано, уже въ восьмомъ часу сѣрая муть крыла небо; потомъ всходила луна, и—странно—небо тогда казалось гигантской аспидной доской, а луна—большимъ несуразнымъ мѣловымъ кругомъ.

Яблоки уже свезли изъ сада,—яблони казались общипанными и снова подняли свои трепанныя вѣтви, но густой кислый запахъ плодовъ все еще наполнялъ садъ и проникалъ въ домъ.

На огородахъ держалась еще капуста. Ее складывали конусами, кочанъ къ кочану, и она одна грустно бѣлѣла на черномъ полѣ опустѣвшихъ грядъ.

Все еще съ четырехъ часовъ утра до восьми вечера стучала молотилка. Съ фонаремъ въ рукѣ, туго подпоясанный, съ надвинутой на уши шапкой, шлепая по грязи тяжелыми сапогами, подходилъ въ половинѣ четвертаго къ окну панича новый кучеръ Степанъ и стучалъ по стеклу двумя согнутыми заскорузлыми пальцами. Онъ ждалъ терпѣливо, прислушиваясь къ тому, что дѣлается за окномъ. Если тамъ не нарушалась тишина, онъ снова стучалъ въ окно и снова ждалъ.

Переминался съ ноги на ногу, зѣвалъ, прикрывъ ладонью ротъ; смотрѣлъ на темное небо, покрытое тяжелыми тучами, съ едва замѣтнымъ проблескомъ разсвѣта, и стучалъ опять.

Наконецъ, раздавалось изъ комнаты какое-то урчанiе, потомъ скрипъ кровати—и хриплый голосъ неизмѣнно спрашивалъ:

— Кто тамъ?

Степанъ поправлялъ фонарь и откликался:

— Я, я... вставайте, панычъ: пора на работу!..

Тогда окно озарялось мутнымъ свѣтомъ свѣчи, безтолково суетилась громадная тѣнь человѣка, то присѣдая, то вытягиваясь; потомъ свѣтъ гасъ опять, открывалось окно и рядомъ съ кучеромъ выростала тѣнь Арсенiя.

— Идемъ...

Теперь уже четыре сапога хлюпали по грязи; желтый огонь фонаря то тутъ, то тамъ выхватывалъ изъ тьмы клочекъ дороги или стволъ дерева—и снова вокругъ дома воцарялась тишина: тишина поющаго вѣтра, ропчущихъ деревьевъ, ползущихъ по небу тучъ—тишина ранняго осенняго утра.

Иногда, проснувшись среди ночи, Варя слыхала условленный стукъ въ окно, потомъ возню по комнатѣ брата, и уже не могла заснуть. Она вставала, одѣвалась, читала утреннюю молитву и садилась къ столу за шитье или Евангелiе.

Въ стѣнѣ верещалъ сверчокъ, въ окна постукивалъ вѣтеръ; диковинные цвѣты на обояхъ казались особенно яркими.

Варя примирилась уже съ мыслью, что не увидитъ болѣе Гаврилу. Нѣсколько дней послѣ его ухода она все ждала, что онъ вернется, но потомъ поняла, что ожиданiе ея напрасно. Онъ ушелъ куда-нибудь далеко, поступилъ на другое мѣсто и забылъ ее. Отъ сознанiя, что ее покинули, Варѣ было больно, но эта боль скрадывалась при мысли о близкомъ будущемъ.

Арсенiй эти дни почти ея не видѣлъ, такъ какъ возвращался домой поздно и сейчасъ же шелъ спать. Дуняша тоже рѣдко навѣщала барышню. Казалось, что всѣ забыли о случившемся и ничего не предпринимали для дальнѣйшаго.

Варѣ же было безразлично, что рѣшатъ сдѣлать съ ней; ее ничто не манило; вся жизнь ея ушла въ надежду имѣть сына. Никогда такъ тихо не

было у нея на душѣ, какъ въ эту пору. Даже послѣ недавней болѣзни своей она перестала видѣть сны и спала крѣпко, сномъ утомившагося за день человѣка. Въ ней проявилась нѣкоторая солидность въ движеніяхъ, увѣренность въ поступкахъ, незамѣтно росло въ ней чувство собственнаго достоинства, гордость матери. Теперь, когда она молилась, она уже не просила Бога, въ восторженномъ самоотреченіи ударяясь головой въ землю, о милости, но бесѣдовала съ Нимъ, какъ съ вѣрнымъ другомъ и заступникомъ, которому вѣришь и знаешь, что Онъ поможетъ въ трудную минуту. Она, не стыдясь, разсказала бы теперь всѣмъ о своемъ материнствѣ, потому что чувствовала за собой силу и право. Въ ней было меньше одухотворенности, но больше святости.

И когда Арсеній пришелъ къ ней уже въ концѣ сентября и сказалъ, что нашелъ ей жениха,—она приняла его спокойно, прямо глядя на него своими углубленными сѣрыми глазами, оттѣненными синевой. Онъ даже смутился и не могъ подыскать нужныхъ словъ. Она показалась ему выше ростомъ, полнѣе, поразила его чѣмъ-то, что было для него непонятнымъ, что было ея чистотой, ея осіянностью.

— Видишь ли, такъ какъ ты должна родить,—говорилъ онъ, запинаясь,— и такъ какъ это въ твоемъ положеніи дѣвицы сдѣлать нельзя, то я рѣшилъ выдать тебя замужъ за Ивана Васильевича, бывшаго отцовскаго управляющаго...

Арсеній не сказалъ, что посовѣтывала ему сдѣлать это Дуняша; что Иванъ Васильевичъ долго не соглашался на такую сдѣлку, долго торговался и, наконецъ, сошелся съ нимъ на двѣнадцати десятинахъ приданаго и ста цѣлковыхъ чистыми деньгами. Обо всемъ этомъ онъ умолчалъ. Не заботился онъ и о томъ, что Ивану Васильевичу уже за пятьдесятъ, что онъ сварливъ и жаденъ.

— Человѣкъ онъ хорошій, зажиточный,—продолжалъ Арсеній, радуясь, что сестра ему не возражаетъ и что не предстоитъ никакихъ длинныхъ объясненій.—У него тридцать десятинъ земли чистенькихъ, безъ долгу, постройки всѣ новыя, шесть штукъ коровъ, пасѣка... Лучшей партіи въ твоемъ положеніи нельзя было бы и придумать. Ребенка онъ обѣщаетъ записать на свое имя... Свадьбу справитъ послѣ Покрова...

Арсеній смолкъ и только, подумавъ немного, спросилъ, точно это было ясно само собой:

— Ты, конечно, согласна?

Варя все такъ-же продолжала стоять, открыто глядя на брата и выставивъ впередъ животъ, отвѣтила тихо, но внятно:

— Да, согласна!

Арсеній совсѣмъ успокоился. Онъ хлопнулъ себя по рукамъ, кивнулъ Варѣ и ушелъ къ себѣ.

А Варя медленно подошла къ своей кровати, медленно и съ трудомъ опустилась на колѣни и, устремивъ глаза на свой маленькій потемнѣвшій образокъ Варвары Великомученицы, отдалась всей душой нѣмой благодарственной молитвѣ.

Потомъ такъ-же тяжело встала, еще разъ перекрестилась и сѣла читать отъ Матѳея святое благовѣствованіе, главу первую, о томъ, какъ родился Христосъ.

Съ трепетной радостью слѣдила она за знаменіями, предшествовавшими рожденію Господа. Она повергала къ ногамъ Его сына своего. Она была счастлива, но не потому, что нашелся ей, по мнѣнію брата ея, разумный и удобный выходъ изъ ея положенія, а потому, что крѣпко вѣрила.

XII.

Давно уже бѣлый снѣгъ наметалъ сугробы, морозный вѣтеръ снесъ послѣдній листъ съ березъ, зимнія ковы сковали рѣки, пруды и тѣ озера въ болотахъ, что вѣроломно манили къ себѣ жаждущаго путника лѣтними полднями своей черной глубью. Замерла жизнь въ поляхъ, затерялись лѣтнія тропы, высоко въ небѣ застыло далекое солнце. По хатамъ пряли ленъ, плели корзины. Тихая тоска овѣяла погорѣлыя бѣлорусскія деревни, тоска заброшенности, тоска смерти и голода. Иногда чудилась въ заунывныхъ всхлипываніяхъ вѣтра скорбная нота охрипшей шарманки—почему-то шарманки, играющей вальсъ. И тогда на глаза наворачивались слезы, вспоминалось далекое, навсегда ушедшее.

Мужики, натощакъ, отдыхали.

Поздней февральской ночью шла по занесенной свѣжимъ снѣгомъ дорогѣ Варя. Она старалась идти быстро, но не могла: тяжесть живота тянула ее къ низу—она задыхалась.

Старый Длуцкій умиралъ въ своемъ помѣстьѣ. Варя узнала это сегодня вечеромъ отъ мужа, ѣздившаго въ „Березовый Кутъ“ за дѣломъ. Она сейчасъ же собралась и пошла. Мужъ не далъ ей лошади, будто бы уставшей, и не задерживалъ жену, хотя зналъ, что ей будетъ трудно пройти по снѣгу двѣнадцать верстъ.

Это былъ низкій, жилистый старикъ, съ сѣденькой бородкой и живыми хитрыми глазками. Онъ хорошо держался на ногахъ, хорошо ѣлъ; хорошо спалъ, хорошо смотрѣлъ за своимъ хозяйствомъ и думалъ прожить еще долго. Варю ругивалъ часто за бездѣлье и за то, что прижила въ дѣвкахъ ребенка; заставлялъ дѣлать черную работу, кидалъ въ печку ея книгу:

— Дрянь все это, дрянь,—взвизгивалъ онъ ржавымъ своимъ, застревающимъ въ ушахъ голоскомъ.—Не къ чему! Не барыня, не богачка!.. Дѣло дѣлай, мужу пособляй, домъ держи.

Варя покорялась ему со смиреннымъ достоинствомъ и молчала. Окружныя бабы завидовали даже ея жизни.

Падалъ снѣгъ. Рѣдкіе мягкіе хлопья его таяли на разгоряченномъ лицѣ женщины, щекотали за шеей. Чуть видная дорога, изгибаясь, уходила за холмы, кой-гдѣ означенная вѣхами. Ползущія тяжело тучи скрывали мѣсяцъ.

Варя куталась въ большой сѣрый платокъ; на ногахъ одѣты были самодѣльныя валенки.

Несмотря на усталость, молодая женщина ощущала удивительный покой: мысль о возможной и скорой смерти отца не приводила ее въ отчаяніе, но вселяла тихія мысли о его жизни. Она вѣрила, что смерть придетъ къ нему, какъ избавительница, какъ успокоеніе. Кромѣ того, она чувствовала скорое приближеніе родовъ. Теперь младенецъ часто безпокоилъ ее своими ударами, она нащупывала на животѣ у себя то ножку его, то головку.

Она ждала родовъ, какъ причащенія,—съ трепетомъ и благоговѣніемъ. Передъ ней уже проходила вся жизнь ея сына,—она благословляла его.

Морозъ значительно ослабѣлъ; вѣтеръ тоже стихъ. Тѣни отъ тучъ бѣжали по бѣлому полю въ ровномъ безшумномъ бѣгѣ; онѣ точно сопутствовали Варѣ.

Уже видна была впереди безлистая березовая роща. Бѣлые стволы сливались со снѣгомъ; бросались въ глаза только черныя пятна и сучья.

Невольно носъ втянулъ живой теплый запахъ хлѣба и прѣлаго дерева.

Вдругъ острая тягучая боль пронизала Варю и приковала ее къ мѣсту. Она схватила женщину и сразу же выпустила. Но Варя поняла, что это не зря, что уже начинается. Она попробовала бѣжать, чтобы скорѣе дойти до дому, но не могла. Ноги ея двигались безпомощно, раскидывая снѣгъ, но не вели ее дальше.

Тогда она оглянулась. За деревьями виденъ былъ домъ. Сплетаясь тонкими вѣтвями, чуть покачивались березы.

Она стояла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ее съ Гаврилой засталъ Арсеній.

Снова тупая боль пригнула ее къ землѣ. Ноги начали дрожать—и она упала. Лицо ея было повернуто къ дому; она видѣла тамъ, въ окнѣ, мутный свѣтъ лампы. Она начала стонать—сначала тихо, рѣдко, потомъ все громче, не переставая. Но несмотря на боль, на стоны свои, вырывающіеся непроизвольно изъ ея груди,—она чувствовала огромное счастье. Это счастье росло

по мѣрѣ того, какъ росли боли. Варя не чувствовала холода, ей было даже жарко. Она сняла съ себя платокъ и постелила его кое-какъ подъ себя.

Огонь ласково подмигивалъ ей изъ ночной туманной мути, потомъ внезапно угасъ. И въ то же мгновеніе Варя поняла, что все уже кончилось. Непонятная слабость заставила закрыть глаза. Она сдѣлала усиліе, чтобы подняться, и протянула впередъ руку. Съ ней лежалъ ребенокъ-сынъ.

Она оторвала его отъ себя и завернула въ свою юбку и платокъ. Потомъ приложила его къ своей груди, нагнулась надъ нимъ, чтобы защитить отъ холода.

Слезы текли у нея изъ глазъ. Ей казалось, что она уплываетъ куда-то вмѣстѣ съ сыномъ, что ее держатъ теплыя, мягкія волны.

Она истекала кровью, сознаніе уходило отъ нея, но она была счастлива. Вѣра всей ея жизни была оправдана.

Оголенныя березы тихо склонились надъ ней. Безграничный покой снизошелъ въ ея душу.

Юрій Слезкинъ.

ПОЭТЪ.

Тутъ, на углу, въ кафэ нескромномъ
Чуть сѣдоватый, чуть хмельной,
Цилиндръ надвинувъ, въ позѣ томной,
Всю ночь сидитъ поэтъ земной.

Друзей мѣняютъ проститутки
Вино мѣняется въ стеклѣ.
Онъ смотритъ, неизмѣнно чуткій
Ко всѣмъ явленьямъ на землѣ.

Старуха-жизнь, играя въ жмурки,
Показываетъ вновь и вновь
Въ винѣ сверкающемъ окурки
И въ твари проданной любовь!

Онъ смотритъ съ доброю усмѣшкой
На простенькія чудеса...
А тамъ Медвѣдица, телѣжкой
Гремя, ползетъ на небеса.

Сергѣй Городецкій.

ПИТТЪ и ФОКСЪ.

Романъ Фридриха Хуха.

(Съ нѣмецкаго).

(*Продолженіе* *).

V.

— Ну, батенька, поздравляю васъ!—съ жаромъ воскликнулъ господинъ фонъ-Зандеръ.—Теперь я могу сказать вамъ чистосердечно: первое время я считалъ васъ не особенно талантливымъ! Но сегодня я выдаю вамъ гарантію на успѣхъ въ будущемъ! Ахъ, да, я и позабылъ: вѣдь, вы вовсе не намѣрены посвятить себя сценѣ—это положительно жаль, въ виду вашего таланта! Изумительно, какіе успѣхи вы сдѣлали въ столь короткое время! Только въ движеніяхъ еще есть нѣкоторая заминка, ну, да, вѣдь, и нельзя же все сразу!

— Да,—съ сожалѣніемъ сказалъ Фоксъ,—но это, по совѣсти, зависитъ отъ этой мышиной норы, вашей гостиной: въ ней положительно нѣтъ никакой возможности, какъ слѣдуетъ, развернуться.

Дома Фоксъ требовалъ, чтобы при его упражненіяхъ присутствовала фрейлейнъ Ниппе. Ему необходимъ былъ живой человѣкъ, къ которому онъ могъ бы обращаться со словами, разсчитанными на публику. А фрейлейнъ Ниппе подъигрывала ему такъ охотно! Въ качествѣ Дездемоны она должна была ложиться на диванъ, противъ чего вначалѣ слабо протестовала. Но изъ любви къ искусству все-таки пошла на это. Скорѣе бы только кончался длинный монологъ! И все-таки, какъ онъ хорошъ! Она лежала и ждала, держа въ рукахъ раскрытую книгу, потому что наизусть она его не знала, онъ былъ слишкомъ труденъ! Безъ пиджака, въ одной рубашкѣ, Фоксъ наклонялся надъ нею, она блаженно закрывала глаза и представляла себѣ поцѣлуй, котораго не получала. Но затѣмъ наступало другое! Фоксъ выкатывалъ глаза, его декламація увлекала и ее, она съ выраженіемъ читала свои реплики, все ближе подходилъ моментъ, и, наконецъ, онъ наступалъ: въ сильномъ волненіи Фоксъ засучивалъ манжеты, двумя тяжелыми шагами подходилъ вплотную къ ней—и начиналась процедура удушенія! Это было утомительно, но за то такъ чудесно! Потрясенная, въ блаженномъ изнеможе-

---

*) См. кн. III, IV и V „Новой Жизни“.

ніи, она лежала недвижимо, пока Фоксъ снова не вопилъ: „Жива? Не умерла?" и снова бросался на нее.

— Еще разъ!—говорила она, быстро переводя духъ.

— Все-таки, еще не совсѣмъ такъ.

— Это меня слишкомъ волнуетъ,—говорилъ Фоксъ.

— Ну, тогда, по крайней мѣрѣ, хоть самый конецъ.

— А это не слишкомъ утомляетъ васъ?

— О, ни мало, я рѣшительно ничего не замѣчаю, вы можете совершенно не стѣсняться и нажимать еще сильнѣе.

Фоксъ не зналъ, отчего это происходитъ; но при фрейлейнъ Ниппе онъ всегда игралъ гораздо лучше, чѣмъ при господинѣ фонъ-Зандерѣ.

— Ну, что же, ты все еще кричишь?—изрѣдка спрашивалъ Питтъ при встрѣчѣ съ братомъ.

— Во всякомъ случаѣ, лучше кричать, чѣмъ ничего не дѣлать, какъ ты!—отвѣчалъ Фоксъ. Питтъ смѣялся, не парируя удара. Фоксъ видѣлъ его теперь все рѣже, Питтъ совершенно зарылся въ юриспруденцію и занимался по цѣлымъ днямъ. Это всего лучше отвлекало отъ тяжелыхъ мыслей.

Его смутная надежда на встрѣчу съ Эльфридой не сбылась. Образъ ея оживалъ все болѣе въ его представленіи, когда онъ снова видѣлъ старыя мѣста; въ первыя недѣли онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ отъ безпокойства, отъ возможности встрѣтиться съ нею самою. Но этого не случилось ни разу; напряженность его смѣнилась глубокой меланхоліей, когда однажды, случайно, черезъ фрейлейнъ Ниппе онъ узналъ, что Эльфриды нѣтъ въ городѣ, что она давно уже въ Парижѣ, въ консерваторіи. Въ первую минуту это извѣстіе поразило его, какъ ударъ. Но потомъ, мало-по-малу, онъ создалъ себѣ культъ этой любви на отдаленіи. По ночамъ, когда, усталаго отъ работы, его тянуло на свѣжій воздухъ, онъ отправлялся къ дому ванъ-Лоо. Или же отыскивалъ скамейку, на которой встрѣтилъ однажды Эльфриду въ мужскомъ костюмѣ, и тихо садился возлѣ того мѣста, гдѣ когда-то сидѣла она. Но, въ концѣ концовъ, все это показалось ему сантиментальнымъ и глупымъ: какая польза отъ этихъ оглядываній на прошлое? Онъ могъ бы съ такимъ же успѣхомъ создать себѣ и культъ Лотты и каждый день поглощать въ кондитерскихъ тарталетки съ вишнями и сбитыми сливками! Что такое сказала фрейлейнъ Ниппе? „Да, да, вамъ обоимъ приходится плохо!" Тогда онъ совершенно не обратилъ на это вниманія. Развѣ Фоксъ несчастливъ въ любви и сдѣлалъ фрейлейнъ Ниппе повѣренной своихъ тайнъ? Питтъ вдругъ вспомнилъ, какъ фрейлейнъ Ниппе покраснѣла при этихъ словахъ. Почему она покраснѣла? Потому-ли, что необдуманно нарушила молчаніе по отношенію къ Фоксу? Это не соотвѣтствовало ея характеру. Очевидно, она какимъ-нибудь образомъ сама себя выдала.—„Должно быть,—

подумалъ онъ,—она когда-нибудь, а, можетъ быть, и частенько, подслушивала у дверей".

А фрейлейнъ Ниппе порой посматривала теперь на Фокса полу-любопытнымъ, полу-вопросительнымъ взглядомъ. То были нѣмые, но краснорѣчивые взоры, словно старавшiеся проникнуть въ тайники его души. Она ожидала, что Фоксъ откроетъ ей свое сердце. Развѣ онъ можетъ нести это бремя одинъ? Неужели ему не нужна сочувствующая душа, которая бы его понимала и совѣта которой онъ бы жаждалъ? Неужели же онъ не имѣетъ къ ней довѣрія?

Фоксъ не замѣчалъ этихъ взглядовъ или же истолковывалъ ихъ превратно. Благодаря совмѣстнымъ драматическимъ репетиціямъ, между ними установился товарищескій тонъ, и онъ иногда добродушно хваталъ ее за плечи и говорилъ: „Молилась ли ты на ночь, Дездемона?" — причемъ она слегка присѣдала и устремляла на него благодарный взоръ. Но на этомъ все и кончалось: этотъ чудесный юноша, видимо, ни о чемъ рѣшительно не тревожился!

— Бѣдная дѣвушка! Что-то теперь будетъ!—шептала она, сидя на диванѣ въ комнатѣ и держа на колѣняхъ только что прочитанное письмо Фокса. Съ нѣкотораго времени фрейлейнъ Ниппе обзавелась вторымъ ключемъ къ письменному столу Фокса, что въ значительной мѣрѣ облегчало ей участіе въ его корреспонденціи. А получаемыя имъ письма становились все тревожнѣе, все отчаяннѣе, въ послѣднемъ даже говорилось, что если онъ ее броситъ, она умретъ, лишитъ себя жизни. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ можно было понять, что Фоксъ пытался ее утѣшить, но что она постепенно утратила вѣру въ эти утѣшенія. Милое, милое дитя! Въ послѣднемъ письмѣ она присылала ему свою фотографію, маленькую, дешевенькую, жалкую фотографію, снятую на какой-нибудь ярмаркѣ, и писала, что эта карточка должна оживить въ его памяти ея черты. И личико было такое милое и хорошенькое, насколько можно было судить по скверной фотографіи. Во всѣхъ четырехъ углахъ почтоваго листа она написала: „Не забудь меня"—нѣтъ, это было въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, тоже лежавшихъ на колѣняхъ фрейлейнъ Ниппе. Въ послѣднемъ не было и слѣда такихъ ребячествъ, оно было серьезно, такъ серьезно, что у фрейлейнъ Ниппе выступили слезы на глазахъ. Опредѣленно не говорилось ни одного слова — и все же, между строкъ, можно было ясно прочесть о страшномъ фактѣ, такъ медленно подготовлявшемся и приводившемъ въ отчаяніе бѣдную дѣвочку.

Фоксъ никому не говорилъ объ этой перепискѣ. Вначалѣ Питтъ иногда спрашивалъ его о Лоттѣ; онъ отвѣчалъ, что отношенія между ними были порваны еще до его отъѣзда.

Первое большое разочарованіе Лотты отъ того, что онъ не пріѣхалъ,

Фоксъ смягчилъ твердымъ обѣщаніемъ вернуться черезъ два семестра. Потомъ письма его стали дѣлаться все короче, и, наконецъ, такъ какъ онъ совершенно уже не зналъ, что ей писать, а она все ждала его отвѣтовъ, онъ сталъ разсказывать ей разные анекдоты и остроты, вычитанные въ юмористическихъ журналахъ. Вначалѣ она была довольна, потому что это смѣшило ее. Она вѣрила въ его обѣщаніе, вѣрила, что онъ вернется, и упрекала себя за свое нетерпѣніе. Вѣдь, Фоксъ нѣсколько разъ писалъ, что не можетъ теперь пріѣхать, потому что его занятія распредѣлены самымъ правильнымъ образомъ, а нѣкоторыя лекціи въ новомъ университетѣ безусловно необходимо прослушать для того, чтобы впослѣдствіи выдержать экзамены съ отличіемъ.

Бабушка находила, что она слишкомъ много занимается, говорила, что надо работать поменьше, а то она стала очень нервна. Лотта, дѣйствительно, стала безпокойна, раздражительна, быстро уставала, но не чувствовала себя больной. Но что же такое съ нею? Что? Однажды госпожа Борнеманъ сказала съ улыбкой:

— Можно бы подумать, что ты въ ожиданіи, — хоть и грѣхъ это говорить!

— Какъ такъ?—только было хотѣла спросить съ любопытствомъ Лотта но даже и не начала фразы: ей вдругъ показалось, что сердце у нея остановилось отъ внезапнаго, леденящаго ужаса.

Первое ея впечатлѣніе было такъ ужасно, что у нея даже закружилась голова. Потомъ она подумала: „это невозможно, вѣдь, вотъ, я еще стою на ногахъ, я еще жива.“ А затѣмъ начался періодъ отчаянія, сомнѣній, совершенной безпомощности, невѣроятнѣйшаго страха передъ невидимымъ существомъ, о которомъ она не знала: есть ли оно въ ней, или его нѣтъ. При первой же возможности, какъ только новый жилецъ уходилъ изъ дому, она прокрадывалась въ прежнюю комнату Фокса и въ страхѣ склонялась то надъ тѣмъ, то надъ другимъ томомъ энциклопедическаго словаря. Всѣ признаки совпадали! И все же, несмотря ни на что, этого не могло, не могло быть! Это настолько ужасно, что не можетъ быть! Она снова начинала сомнѣваться, на минуту все казалось ей отвратительнымъ сномъ, отъ котораго она уже наполовину проснулась; она бранила себя за ребячливость, старалась смѣяться надъ своими страхами, но ужасъ снова вставалъ передъ нею, и въ слѣдующую минуту она уже находилась въ его власти. И, наконецъ, уже не могло оставаться никакихъ сомнѣній. Тогда-то она написала Фоксу, что лишитъ себя жизни, если онъ покинетъ ее. Въ концѣ концовъ, у нея оставалась только одна мысль: уѣхать, уѣхать къ Фоксу; бабушка ничего не должна узнать. Фоксъ долженъ придумать что-нибудь, онъ обязанъ это сдѣлать. Она полагалась на него, какъ на каменную гору, онъ гораздо

умнѣе ея, онъ долженъ былъ предвидѣть это и, навѣрное, все уже знаетъ и самъ!

Она сказала госпожѣ Борнеманъ, что хочетъ уѣхать, потому что слишкомъ переутомлена, и ей необходимо отдохнуть. И такъ какъ въ послѣдніе мѣсяцы, чтобы облегчить себѣ разлуку съ Фоксомъ, она, дѣйствительно, занималась съ чрезмѣрнымъ усердіемъ, госпожа Борнеманъ повѣрила ей на слово. По счастью, ей не пришло въ голову позвать врача: она была убѣждена, что всѣ врачи невѣжественные мошенники, и имѣла этому много доказательствъ въ теченіе своей долгой жизни. Поэтому она только изрѣдка рылась въ своей домашней аптечкѣ, давала Лоттѣ какое-нибудь безобидное средство и варила ей настои изъ травъ. Лотта безпрекословно ѣла и пила все. Какое счастье, что они жили въ такихъ скромныхъ условіяхъ, — она могла оцѣнить это только теперь! Госпожа Борнеманъ жалѣла, что не можетъ проводить ее, но, при всемъ желаніи, это совершенно невозможно изъ-за жильца. Лотта сказала, что на время ея отсутствія можно сдать и ея комнатку, которая, вѣдь, будетъ стоять пустая. «Ну, надо надѣяться, ты не такъ ужъ долго проѣздишь»! — замѣтила въ раздумьи госпожа Борнеманъ, и Лотта согласилась съ нею, совершенно не представляя себѣ, на сколько времени она уѣзжаетъ.

Она достала атласъ и разыскала города, отстоявшіе отъ ихъ города приблизительно на такое же разстояніе, какъ и мѣстопребываніе Фокса, ссображаясь съ платой за проѣздъ. Потомъ назвала маленькій городокъ, почти что мѣстечко. Тамъ жила одна ея школьная подруга, которая много разъ ее приглашала, и будетъ ужасно рада, если она пріѣдетъ; къ тому же тамъ чудесный деревенскій воздухъ. Госпожа Борнеманъ на все соглашалась и проявляла такую довѣрчивость, что Лотта самой себѣ казалась преступницей по отношенію къ ней.

Она написала еще одно письмо Фоксу о томъ, что ей нужно сообщить ему нѣчто, что она можетъ передать только устно, и указывала поѣздъ, съ которымъ пріѣдетъ на слѣдующій день. Какъ только она уѣхала, въ ея комнатку переѣхалъ новый жилецъ, и госпожа Борнеманъ благословила Бога, проявлявшаго къ ней такую явную милость.

Фрейлейнъ Ниппе лично передала это письмо Фоксу, а затѣмъ прочитала его сама за его письменнымъ столомъ. «Итакъ, теперь это уже несомнѣнно!—думала она:—бѣдная дѣвочка, и бѣдный юноша! Такъ молодъ, и уже скованъ такими цѣпями»!

Все утро Фокса не было дома. Фрейлейнъ Ниппе мысленно пробѣгала всѣ стадіи свиданія: «Теперь подходитъ поѣздъ!»—думала она, глядя на часы, и въ воображеніи видѣла, какъ молодые люди падаютъ другъ другу въ объятія. «Теперь они уже сѣли въ экипажъ. Привезетъ ли онъ ее сразу

сюда?“ Она то и дѣло подходила къ окну и выглядывала внизъ, когда проѣзжалъ извозчикъ. Но ни одинъ не остановился у ихъ дома. Наконецъ, раздался звонокъ. Она поспѣшно побѣжала къ двери.

У подъѣзда стояла темноглазая, просто одѣтая дѣвушка, одна. Фрейлейнъ Ниппе сейчасъ же узнала ее.—Дома господинъ Синтрупъ?—спросила дѣвушка негромко и слегка запинаясь.—Развѣ онъ васъ не встрѣтилъ?—съ изумленіемъ спросила фрейлейнъ Ниппе. Отъ волненія, разочарованія на вокзалѣ, отъ страха предстоящаго свиданія, Лотта была до того растеряна, что даже не удивилась освѣдомленности этой незнакомой женщины. Она только покачала головой и усиліемъ воли подавила слезы. Но все-таки сказала, что хочетъ подождать господина Синтрупа. Фрейлейнъ Ниппе сейчасъ же дала Лоттѣ рюмочку вина, подареннаго ей господиномъ Кеннеке ко дню рожденья. Ей хотѣлось приласкать и утѣшить эту бѣдную дѣвушку, однако, по счастью она сообразила, что у нея нѣтъ для этого достаточно мотивовъ. Вѣдь, оффиціально она не должна знать ни о чемъ. Но Лотта чувствовала ея теплое участіе и думала, что это она сама слишкомъ много даетъ себѣ воли. Да и самое худшее уже миновало, она благополучно уѣхала изъ дому, временно нѣсколько успокоилась, а тамъ—о дальнѣйшемъ долженъ ужъ позаботиться Фоксъ.

Въ часъ обѣда фрейлейнъ Ниппе, скромно удалившаяся, снова появилась и принесла ей поѣсть. Дѣвушка по-прежнему сидѣла на томъ же мѣстѣ, какъ она ее оставила! Лотта сначала не хотѣла ничего ѣсть, но фрейлейнъ Ниппе говорила такъ сердечно, что она умолкла и только съ благодарностью смотрѣла на нее.

Опять прошло нѣкоторое время, и, наконецъ, появился Фоксъ. Онъ хотѣлъ наказать Лотту за ея необдуманный, безцѣльный пріѣздъ, который только разсердилъ его, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ помѣшать ему, такъ какъ письмо пришло только утромъ. Эти дѣвченки всегда руководствуются только своимъ чувствомъ, а разумъ оставляютъ по боку! И что она можетъ ему сказать такого, чего не говорила уже тысячу разъ раньше?!

Какъ рисовала себѣ Лотта это свиданіе! А теперь все вышло иначе. У нея едва хватило храбрости подойти къ нему.

— Ну?—сказалъ Фоксъ, заперевъ дверь.—Можешь все-таки поцѣловать меня.—Она побѣдила чувство холодности, охватившее ее при этихъ словахъ, и обняла его обѣими руками.—Ничего! все обойдется!—прибавилъ онъ въ видѣ утѣшенія,—не плачь же, это, вѣдь, совершенно безполезно! Ты представляешь себѣ все гораздо тяжелѣе, чѣмъ нужно. Черезъ полгода ты опять будешь весела и бодра.

— Значитъ, ты угадалъ!—тихо проговорила она. — Значитъ, мнѣ незачѣмъ тебѣ говорить.

— Угадалъ?—переспросилъ Фоксъ.—Да тутъ нечего и угадывать, все ясно само собой!

Ей стало больно отъ этихъ словъ, но она побѣдила себя и повторила:

— Значитъ, мнѣ незачѣмъ говорить тебѣ.

— Ради Бога: къ чему эта торжественность?! И потомъ, я желалъ бы знать: неужели ты, дѣйствительно, только затѣмъ и пріѣхала, чтобы сказать мнѣ то, что я давнымъ-давно и такъ знаю: что ты... что я... ну, да, что мы любимъ другъ друга?—спросилъ онъ почти утвердительнымъ тономъ.—Это положительно ребячество съ твоей стороны, непростительное ребячество!

— Значитъ, ты все-таки не знаешь! — проговорила она, освобождаясь изъ его объятій, и устремила на него изумленный взглядъ.

— Нѣ-ѣтъ, больше ничего не знаю!—отвѣтилъ онъ, вдругъ почувствовавъ, что сейчасъ услышитъ что-то очень для него непріятное. — Умерла твоя бабушка? — Она покачала головой.—Или... можетъ быть, вы потеряли всѣ свои деньги?—Это было-бы, дѣйствительно, фатально,—подумалъ онъ.

Она опять покачала головой, потомъ шепнула ему нѣсколько словъ на ухо. Онъ отшатнулся и уставился на нее, широко раскрывъ глаза и разинувъ ротъ. Объ *этомъ* у него не было никогда даже самой отдаленнѣйшей мысли! Да и какъ это могло быть!

— Ну, вотъ! Это неправда!—выговорилъ онъ, наконецъ, съ тѣмъ недовѣріемъ, съ какимъ молодой мужчина въ первый разъ принимаетъ изъ устъ своей возлюбленной сообщеніе о подобномъ фактѣ, столь чуждомъ его собственнымъ переживаніямъ.

Но тутъ она залилась слезами и стала увѣрять, что это истинная правда. Онъ окинулъ взглядомъ ея фигуру, потомъ сказалъ: — Въ самомъ дѣлѣ?— И, помолчавъ, прибавилъ:—Да, но въ такомъ случаѣ поѣзжай какъ можно скорѣе домой,—дома все-таки лучше.

— Ахъ, нѣтъ, бабушка не должна ни о чемъ знать, бабушка ничего не подозрѣваетъ, она проклянетъ меня!

— Чепуха! бабушки никогда не проклинаютъ. Твоя бабушка—самое большое—поплачетъ часа два, а потомъ примирится съ неизбѣжнымъ.

Но Лотта заявила, что скорѣе согласится броситься въ воду, чѣмъ поѣхать домой.

— Но куда же, въ такомъ случаѣ, ты намѣрена отправиться?

— Не знаю, это ты долженъ мнѣ сказать, за этимъ я сюда и пріѣхала!

Онъ продолжалъ настаивать на томъ, чтобы она вернулась къ бабушкѣ, и весь похолодѣлъ, когда она сказала:

— Нѣтъ, я хочу навсегда остаться съ тобой!

— Это ужъ совсѣмъ не годится, не можешь же ты всюду таскаться за

мной то туда, то сюда. Въ будущемъ году, напримѣръ, я думаю предпринять кругосвѣтное путешествіе!

— Такъ и я тоже могу поѣхать съ тобой!—сказала она, въ полномъ отчаяніи. Еслибъ онъ сказалъ, что собирается на сѣверный полюсъ, она заявила бы точно также: „Я поѣду съ тобой!“

— Но, Боже мой, — воскликнулъ Фоксъ, — что такое ты себѣ воображаешь? Всякій человѣкъ имѣетъ право на свободу!—Онъ совсѣмъ разошелся, послѣднее слово вырвалось полнымъ, звучнымъ тономъ, господинъ фонъ-Зандеръ остался бы имъ доволенъ.—Всякій человѣкъ имѣетъ право на свободу! — повторилъ онъ изъ всегдашней потребности насладиться еще разъ сознательно тѣмъ, что удалось ему случайно. Но во второй разъ вышло уже не такъ хорошо.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросила она робко и неувѣренно.— Вѣдь, ты же не собираешься меня оттолкнуть?

Фоксъ покачалъ головой, нахмуривъ брови, и пошевелилъ губами, словно на языкъ ему попало что-то невкусное.

— Оттолкнуть!—повторилъ онъ.—Что за романическое слово! Такъ и отзывается лѣстницей и тощими цѣпкими руками. Я вовсе и не думалъ о томъ, чтобы тебя оттолкнуть!

— Такъ, значитъ, мы обвѣнчаемся?—быстро и тревожно спросила она.

Фоксъ прошелся по комнатѣ.—Неужели же,—заговорилъ онъ,—любовь непремѣнно должна быть удостовѣрена начальствомъ и скрѣплена печатью и штемпелемъ? Не есть ли она скорѣе нѣчто... нѣчто легкокрылое, какъ мотылекъ, которому малѣйшее грубое прикосновеніе грозитъ стряхнуть радужную пыльцу съ крылышекъ? Я совсѣмъ не хочу сказать,—прибавилъ онъ,— что я на тебѣ не женюсь, это зависитъ всецѣло отъ насъ обоихъ, но если ты постоянно жужжишь мнѣ объ этомъ въ уши, то естественно, что это, въ концѣ концовъ, можетъ раздражать меня.

— Да, вѣдь, я же спросила тебя въ первый, въ самый первый разъ!

— Ну, да, ты сама не знаешь, что иногда говоришь. Во всякомъ случаѣ, теперь не можетъ быть рѣчи ни о какомъ вѣнчаніи. Но если ты меня любишь, по настоящему любишь, то ты сдѣлаешь такъ, какъ я говорю: вернешься къ бабушкѣ.—Логта покачала головой.—Хорошо, тогда я буду считать, что ты меня больше не любишь, и тогда конецъ: тогда мы видѣлись сегодня въ послѣдній разъ.

— Но я же не могу, я не могу!—твердила она.

Фоксъ посмотрѣлъ на часы. „Я долженъ быть жестокъ съ ней, внѣшне жестокъ, — подумалъ онъ,—это будетъ для нея, въ концѣ концовъ, гораздо благодѣтельнѣе, чѣмъ если бы я уступилъ ея чувству, что, въ сущности, было бы для меня гораздо удобнѣе.“

— Мнѣ надо на урокъ!—сказалъ онъ.—Подумай обо всемъ до вечера. рѣшеніе въ твоихъ рукахъ, это я говорю тебѣ самымъ опредѣленнымъ образомъ.

— Что же мнѣ дѣлать? — спросила она. — Я не знаю здѣсь ни одной души. Нельзя ли мнѣ пойти съ тобой? Я могу подождать на улицѣ, пока окончится твой урокъ.

Онъ нашелъ это нелѣпымъ: она должна придумать что-нибудь, что бы ее разсѣяло, и предложилъ ей погулять по городу, осмотрѣть достопримѣчательности, ихъ довольно много на улицахъ и площадяхъ. И такъ какъ ей совершенно некуда было дѣваться, то она согласилась на послѣднее.

— Просто ужасно, — думалъ Фоксъ, разставшись съ Лоттой и шагая по улицѣ,—ужасно, въ какія двусмысленныя положенія попадаешь совершенно помимо своего желанія. Но что же мнѣ дѣлать?! Врачи внушаютъ своимъ больнымъ, что ихъ положеніе не такъ ужъ плохо; и какая благодѣтельная сила заключается въ такихъ внушеніяхъ! Вотъ, теперь Лотта думаетъ, что онъ, дѣйствительно, отправился на урокъ. А на самомъ дѣлѣ, онъ спѣшилъ на свиданіе съ новой ученицей господина Зандера, которую только что спасъ изъ когтей Эйхингера, оказавшагося отъявленнымъ распутникомъ! Отвратительно! По совѣсти, несимпатично и противно! — думалъ онъ.—Переходишь отъ одной любовницы къ другой и подвергаешь себя самому суровому моральному самоосужденію.—Новой своей пріятельницѣ онъ далъ почувствовать свою озабоченность тѣмъ, что былъ крайне односложенъ и по временамъ трагически таращился на кусты.

А Лотта, оставшись одна, безпомощно и нерѣшительно оглянулась по сторонамъ, на длинные ряды ярко-освѣщенныхъ солнцемъ и такихъ чужихъ ей домовъ—и почувствовала себя еще болѣе несчастной и одинокой. Но вотъ, въ концѣ улицы какъ-будто стоитъ какой-то памятникъ, кажется, конная статуя. Надо посмотрѣть, чтобы потомъ сумѣть разсказать Фоксу, если онъ спроситъ. Она, дѣйствительно, подошла къ статуѣ, запомнила имя того, кого она изображала, и фамилію скульптора, а потомъ не знала, что дѣлать. Вдругъ она вспомнила про Питта. Вѣдь, онъ тоже живетъ въ этомъ городѣ. Что, если она пойдетъ къ нему и разскажетъ ему свое горе? Но она не знала его адреса; можетъ быть, его знаетъ дама, у которой живетъ Фоксъ. Она повернула назадъ и позвонила послѣ нѣкотораго колебанія. Ей отворилъ господинъ среднихъ лѣтъ. Она изложила ему свою просьбу, но онъ попросилъ повторить погромче, потому что не понялъ. Тогда она прокричала ему еще разъ свой вопросъ, думая, что господинъ тугъ на ухо.

— Ахъ, вотъ что!—сказалъ господинъ Кеннеке. — Вамъ незачѣмъ такъ кричать, я не глухой.

— Извините, ради Бога,—пролепетала она едва слышно, боясь, что обидѣла его.

Господинъ Кеннеке сказалъ ей названіе улицы и номеръ дома, сначала нужно идти налѣво, потомъ направо, потомъ пройти двѣ улицы, затѣмъ свернуть еще на одну улицу и идти до столба съ афишами.

— Какъ? Сначала направо, потомъ налѣво, потомъ опять направо, и все?

Господинъ Кеннеке добродушно посмотрѣлъ на ея перепуганное лицо.

— Подождите-ка,—сказалъ онъ, вытаскивая часы,—положимъ, мнѣ еще немножко рано на урокъ, но я могу пройти съ вами, мнѣ это по пути. Я сейчасъ выйду!—Она подождала, и, вернувшись, онъ серьезно объяснилъ:—Мнѣ надо было надѣть чистый воротникъ!

Господинъ Кеннеке былъ нѣсколько заинтригованъ, зачѣмъ этой дѣвушкѣ понадобился Питтъ Сюнтрупъ и почему она такъ перепугана и растеряна. Къ обѣду онъ опоздалъ, такъ что его кузина уже ушла, когда онъ вернулся. Но онъ ни о чемъ не спрашивалъ и узналъ только, что она здѣсь впервые.

— Ну, вотъ, здѣсь живетъ господинъ Синтрупъ,—сказалъ, наконецъ, господинъ Кеннеке,—до свиданья фрейлейнъ, поклонитесь отъ меня господину Синтрупу, меня зовутъ Кеннеке.

— А меня Лотта Пфанцъ.

— Странная дѣвушка!—думалъ Кеннеке, идя обратно.—Какъ она печальна. И какая блѣдненькая! Хорошо, что я ее проводилъ, а то, пожалуй, она еще Богъ знаетъ, сколько времени бѣгала бы по жарѣ.

Питтъ былъ до крайности изумленъ, увидѣвъ вдругъ передъ собою Лотту. Вначалѣ она не могла выговорить ни слова и попросила стаканъ воды. Потомъ разсказала ему свою тайну простыми словами, сходившими сами собою, безъ всякаго замѣшательства, съ ея устъ. Наоборотъ, она сразу почувствовала большое облегченіе. Питтъ долго ничего не говорилъ. Взглядъ его былъ устремленъ въ пространство, и передъ нимъ проходило прошлое. Потомъ онъ вернулся къ практическимъ вопросамъ настоящаго.

— Одно ты должна сказать мнѣ,—заговорилъ онъ послѣ короткаго раздумья,—только не обижайся на мой вопросъ и не думай, что я дурного мнѣнія о тебѣ. Ты вполнѣ увѣрена, что не ошибаешься, я хочу сказать— ты, дѣйствительно, увѣрена, что это Фоксъ...

Она не дала ему договорить и прервала, воскликнувъ, что она увѣрена такъ, какъ только можно быть увѣренной въ чемъ-нибудь.

— Кромѣ него я, вѣдь, не любила никого въ жизни!—Она покраснѣла встрѣтившись съ его тихими сѣрыми глазами, и продолжала:—Я хочу сказать... ты, вѣдь, понимаешь меня, ты знаешь, о чемъ я говорю! А теперь онъ

хочетъ во что бы то ни стало, чтобы я ѣхала назадъ къ бабушкѣ и все ей разсказала!

— Да,—сказалъ Питтъ,—я тоже считаю, что это лучше всего. Въ концѣ концовъ, твоя бабушка продѣлала то же самое, когда была молода!

— Но, вѣдь, она была замужемъ!

— Ахъ, да! Да, да, а ты—нѣтъ. Это вѣрно. И все-таки я считаю, что это самое лучшее.—И онъ перечислилъ ей всѣ доводы, указавъ въ заключеніе на то, что если даже теперь все пройдетъ такъ, какъ она хочетъ, тайна все равно когда-нибудь выплыветъ наружу; хлопоты съ судами, заботы о ребенкѣ—все это ей будетъ впослѣдствіи гораздо легче, если она не будетъ скрывать его.

— О, Господи, если это узнается, я никогда не смогу быть учительницей!

Это подѣйствовало на него, и послѣ новаго, болѣе зрѣлаго размышленія, ему показалось, что, дѣйствительно, лучше ей остаться здѣсь.

— Можетъ быть, я смогу найти какое-нибудь мѣсто!—робко проговорила она.

Но онъ разбилъ въ ней эту надежду. Да, кромѣ того, она не имѣла бы тогда тѣхъ удобствъ, на которыя вправѣ разсчитывать.—Это-то пустяки,—прибавилъ онъ:—Фоксъ, само собой разумѣется, обязанъ обставить тебя наилучшимъ образомъ. Дорогонько это обойдется молодчику!—Питтъ улыбнулся, представивъ себѣ недовольное лицо брата, которому теперь придется сократиться относительно разныхъ деликатесовъ и дорогого вина.

— Но онъ сказалъ, что если я его люблю, я должна ѣхать домой, иначе между нами все кончено: это пробный камень моей любви.

— Вотъ что?—оживленно переспросилъ Питтъ.—Этотъ пробный камень положительно интересенъ!—Горькое чувство противъ Фокса поднималось въ немъ все опредѣленнѣе: вотъ что онъ сдѣлалъ изъ этой милой дѣвушки! Правда, разсудокъ его сейчасъ же постарался разсѣять это чувство, и онъ подумалъ: „можетъ быть, и со мной было бы то же."

— Вечеромъ мы пойдемъ къ нему,—сказалъ онъ,—а до тѣхъ поръ ты останешься у меня.

Лотта испытывала глубокую благодарность къ Питту, она положила ему обѣ руки на плечи и тихонько и нѣжно обняла его. Съ той минуты, какъ она его увидѣла и съ нимъ поговорила, ей стало гораздо легче, она чувствовала, что у нея есть защита и что теперь ничто уже не сдѣлается противъ ея воли. Питтъ братски погладилъ ее по щекѣ: онъ чувствовалъ къ ней только жалость, глубокую жалость. Всѣ прочія чувства, все смутное, жгучее тревожное погасло навсегда.

— Куда же мы теперь пойдемъ?—спросилъ онъ и, взглянувъ на нее подумалъ, что угадалъ ея желаніе:—въ кондитерскую?

Она покраснѣла и сказала, что это глупо.

— А я тебя не задерживаю?—поминутно спрашивала она. Она боялась, что стѣсняетъ его, а этого она отнюдь не хотѣла. И послѣ того, какъ они все-таки побывали въ кондитерской, предложила ему идти домой, она же посидитъ на улицѣ, на скамейкѣ.

Но онъ настоялъ на томъ, чтобы она пошла къ нему. И она опять шла съ нимъ рядомъ, и внутреннее волненіе ея стихало все больше и больше.

— Что это у тебя вдругъ стало такое счастливое лицо? — спросилъ Питтъ.

На минуту она забыла все страшное, оно точно стерлось, и она только что собиралась разсказать ему, что-то забавное, но тутъ ужасъ охватилъ ее съ удвоенной силой. — Какъ это возможно! Какъ это возможно! — думала она.

— Ты, можетъ, хочешь заснуть? — спросилъ Питтъ, когда они пришли въ его комнату.

Она отказалась. Смутно ей представлялось, что это причинитъ какія-нибудь хлопоты.

— Можетъ быть, просто полежать?

Нѣтъ, тоже не хочетъ. А впрочемъ, да, ей хочется прилечь, даже заснуть немножко, она чувствуетъ себя, дѣйствительно, немного усталой! Она вдругъ сообразила, что всего меньше стѣснитъ Питта, если ему не нужно будетъ занимать ее. Она легла на диванъ, онъ заботливо прикрылъ ее одѣяломъ, и черезъ нѣсколько минутъ она, дѣйствительно, погрузилась въ глубокій благодѣтельный сонъ. На цыпочкахъ онъ подошелъ къ ней отъ письменнаго стола, за которымъ занимался. Съ дѣтскимъ, чистымъ выраженіемъ лица, она лежала, глубоко и ровно дыша. Онъ отошелъ опять къ своему столу.

Деревянныя жалузи лишь слабо пропускали свѣтъ; было тихо; на оконномъ стеклѣ жужжала муха. Питтъ читалъ римское право, но мысли его отвлекались въ сторону и становились все мечтательнѣе. Онъ прислушивался къ жужжанію мухи на окнѣ, и ему казалось, что за окномъ вовсе не улица, а осѣненный деревьями прудъ, а за нимъ конюшни и амбары. Домъ совсѣмъ маленькій, и самъ онъ сидитъ въ комнатѣ. Не слышно никакого шума, только муха жужжитъ на разогрѣтомъ солнцемъ стеклѣ. Ей хочется на просторъ; ну, къ чему ей это, здѣсь тоже хорошо, и отъ букетовъ на окнахъ струится нѣжный ароматъ. Кто ихъ тамъ поставилъ? Два бѣлокурыхъ мальчугана съ коротко остриженными волосами; они близнецы, его соб-

ственныя дѣти. Вотъ, они стоятъ передъ нимъ, въ короткихъ кожаныхъ штанишкахъ и бѣлыхъ рубашенкахъ, и смѣются, и онъ видитъ ихъ острые передніе зубы. Гдѣ онъ видѣлъ такіе зубы? Въ воздухѣ разлитъ запахъ парного молока, а въ сосѣдней комнатѣ что-то толкутъ въ ступкѣ. Онъ слушалъ отдаленный звонъ и впивалъ ароматъ, а муха все звенѣла на стеклѣ. За окномъ сіяло солнце, деревья тихонько шевелились и сверкали, и совсѣмъ вдали кричалъ пѣтухъ.

— „Обѣдъ готовъ!"—сказалъ знакомый голосъ—передъ нимъ стояла высокая бѣлокурая дѣвушка въ бѣлоснѣжномъ передникѣ. Это Эльфрида? Она смотрѣла на него съ улыбкой, онъ чувствовалъ, что спитъ, и что она не хочетъ его будить, а между тѣмъ, глаза его были открыты, и онъ совершенно явственно видѣлъ бѣлоснѣжный передникъ. Но тутъ издали донесся какой-то звукъ, фигура отступила назадъ — и Питтъ смотрѣлъ на раскрытое римское право. Вдругъ онъ вздрогнулъ.

— Я, кажется, заснулъ!—проговорилъ онъ и, вставая, посмотрѣлъ на часы и въ то время, какъ онъ стоялъ неподвижно, сонное видѣніе опять прошло передъ нимъ съ полной отчетливостью.

— Странно! какъ странно!—сказалъ онъ себѣ. — Что только не таится за предѣлами нашего сознанія,—мы даже и не подозрѣваемъ объ этомъ.

Онъ взглянулъ на Лотту, сдѣлалъ движеніе, какъ-будто стряхивая съ себя что-то, и медленно подошелъ къ ней.

Она не шевелилась. Онъ нѣжно положилъ руку на ея лобъ. Она попрежнему лежала безъ движенія. Онъ окликнулъ ее; она дышала глубоко, все глубже, потомъ вдругъ открыла глаза.

— Пора идти!—тихо сказалъ онъ.

— Итти? Куда?

— Къ Фоксу.

Она съ минуту подумала, потомъ проговорила:—Ахъ, какъ было хорошо! И опять закрыла глаза.—Да, надо,—проговорила она, наконецъ, рѣшительно и поднялась.

Фоксъ нахмурился, увидя входящихъ Питта и Лотту; онъ предчувствовалъ, что дѣло не обойдется безъ бури. Онъ выдвинулъ опять свои прежніе доводы, заговорилъ даже о любви дѣдовъ и внуковъ и правнуковъ, о естественныхъ узахъ родства, о чувствѣ къ родинѣ и родному очагу, находящемъ въ послѣднее время живое выраженіе и въ искусствѣ, о милыхъ сердцу постеляхъ, въ которыхъ мы родились и которыя ждутъ насъ дома, и, наконецъ, когда все это не помогло, воскликнулъ:

— Но, господа, о самомъ главномъ вы и не думаете! А расходы? Кто же станетъ платить, если Лотта останется здѣсь?

— Ты, разумѣется!

— Я?!.

— Ну да, а то кто же?

— Но, милый другъ, вѣдь, это же невѣроятныя суммы! Я не могу, при всемъ желаніи; мы и такъ уже порядочно стоимъ нашему бѣдному отцу!

Между ними завязался споръ.

— Я не хочу этого больше слушать! — проговорила Лотта, безмолвно стоявшая въ углу. — Изъ-за меня торгуются, какъ... какъ не знаю изъ-за кого.

— Да, милый Питтъ, я тоже попросилъ бы тебя нѣсколько болѣе считаться съ присутствіемъ Лотты.

— Я не желаю присутствовать при этомъ!—съ горячностью воскликнула Лотта.

Въ эту минуту въ дверь постучали.

— Ахъ, фрейлейнъ Ниппе!—воскликнулъ Фоксъ, когда она появилась на порогѣ. — Мнѣ надо переговорить объ одномъ важномъ дѣлѣ съ моимъ братомъ—не будете ли вы такъ добры... Лоттхенъ, пройди туда на минутку, не безпокойся, это страшно милые люди, и они очень любятъ, когда къ нимъ приходятъ гости.

— Пойдемте, барышня, пойдемте! — сказала фрейлейнъ Ниппе и потащила за собою Лотту.

Братья остались одни.

— У тебя по меньшей мѣрѣ такія же обязательства, какъ и у меня! — сказалъ Фоксъ.—Правда, она рѣшительно отвергаетъ, что была съ тобой въ близкихъ отношеніяхъ, но это совершенно естественно; всѣ дѣвушки поступаютъ такъ, и я на нее за это нисколько не въ претензіи. Если ужъ приходится нести расходы, то мы должны нести ихъ сообща!—Фоксъ говорилъ съ величайшей убѣжденностью; выдумка, въ которой онъ убѣдилъ себя, владѣла имъ уже настолько сильно, что онъ самъ принималъ ее за правду. Онъ опять уже зналъ, что прежнія его насмѣшки надъ Питтомъ относительно того, что тотъ тщетно домогался благосклонности Лотты, не соотвѣтствовали истинѣ. А такъ какъ правда, вѣдь, противоположность неправды, то онъ и предъявлялъ свои требованія съ паѳосомъ убѣжденнаго моралиста.

Питтъ сначала не обратилъ на это вниманія, но, когда голосъ Фокса принялъ почти проповѣдническій тонъ, онъ подошелъ къ нему, взглянулъ ему прямо въ глаза и спросилъ вполголоса:

— Да ты что: совсѣмъ сошелъ съ ума? Опомнись, что ты говоришь!

Фоксъ неувѣренно вскинулъ на него глаза; этотъ пронзительный, ясный взглядъ привелъ его мало-по-малу въ себя, факты, какими они были въ дѣйствительности, превратились въ его мозгу въ непреложную истину,

властно наложившую на него свою руку, и онъ сказалъ неувѣреннымъ тономъ:

— Ну, да, все, вѣдь, ясно! Не дѣлай же дѣла еще сложнѣе, чѣмъ оно есть. Я, вѣдь, совершенно не отрицаю, что ты правъ, но только нахожу, что тебѣ вовсе незачѣмъ такъ заноситься передо мной. Разумѣется, я буду платить, не понимаю, къ чему тебѣ понадобилось поднимать такой крикъ! Неприлично такъ вопить изъ-за денегъ!

Питтъ соображалъ. Поведеніе брата граничило уже очень близко съ патологіей. Можно ли поручиться, что то же самое не повторится въ какой-нибудь прекрасный день, и тогда Лоттѣ грозятъ большія затрудненія. Это надо предотвратить.

— Пожалуйста, напиши все это.—Онъ досталъ бумаги и перо. Фоксъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ и, глубоко оскорбленный, отказался писать.

— Я унижу себя этимъ.

— Тебѣ вовсе незачѣмъ считать себя униженнымъ передо мною; это простая формальность.

— Передъ тобой? абсолютно нѣтъ! Но передъ Лоттой, передъ родными!

— Родные никогда не увидятъ этой бумажки, и Лотта тоже о ней ничего не будетъ знать. Пиши же, пожалуйста, это только для того, чтобы у тебя лучше сохранилось въ памяти.

Фоксъ все еще продолжалъ отказываться, твердилъ, что это комедія, что слово мужчины не нуждается въ письменной гарантіи, спрашивалъ, поступилъ ли онъ хоть разъ въ жизни безчестно.

— Пожалуйста, напиши.

И, такъ какъ Фоксъ продолжалъ упираться, Питтъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству, въ дѣйствительности котораго былъ увѣренъ:

— Если ты не напишешь, то я добуду гарантіи отъ отца. — Глаза его были устремлены на Фокса съ тѣмъ же острымъ выраженіемъ.

Фоксъ механически взялся за перо, говоря:

— Хорошенькое средство! Это почти что вымогательство!

Питтъ отъ души разсмѣялся, потомъ сталъ было диктовать, но Фоксъ угрюмо заявилъ:

— Пожалуйста! Я самъ знаю, что мнѣ писать! На! Можешь получить эту дрянь!—сказалъ онъ, наконецъ.

Питтъ внимательно прочелъ записку, потомъ тщательно сложилъ и сунулъ въ карманъ.

— Ну, а теперь довольно! — заявилъ Фоксъ диктаторскимъ тономъ. — Лоттѣ объ этомъ тривіальномъ дѣлѣ я скажу лишь пару словъ. Богъ свидѣтель, у меня въ головѣ достаточно другихъ мыслей!—И онъ подумалъ объ

ученицѣ господина фонъ-Зандера, съ которой сегодня возбужденно и остроумно бесѣдовалъ о женскомъ вопросѣ. Поистинѣ, это внезапное погруженіе въ банальнѣйшія житейскія передряги слишкомъ жестоко.

Тѣмъ временемъ Лотта, потрясенная новыми волненіями, разрыдалась въ комнатѣ фрейлейнъ Ниппе. Фрейлейнъ Ниппе была такъ участлива, такъ ласкова, что Лотта испытывала непреодолимую потребность излить свою душу ей, женщинѣ, и разсказала все, все. Едва ли въ этомъ разсказѣ было что-нибудь, чего фрейлейнъ Ниппе еще не знала, но такъ, въ извѣстной послѣдовательности, все же было виднѣе.

— Бѣдная дѣтка!—говорила она, гладя Лотту по рукѣ.—Нѣтъ, къ бабушкѣ вамъ нельзя возвращаться, это совершенно надо исключить, но здѣсь—если вы поселитесь здѣсь, среди совершенно чужихъ людей... ахъ у меня прямо сердце сжимается при мысли о томъ, что такое молодое существо попадетъ къ холоднымъ, безсердечнымъ профессіоналамъ, считающимъ обыденнымъ дѣломъ самыя священныя вещи! Нѣтъ, дѣточка, это не годится! Если бы я могла придумать что-нибудь другое!—Фрейлейнъ Ниппе вдругъ встрепенулась: ей пришла въ голову спасительная мысль.—Вы должны остаться здѣсь, у насъ, я васъ не отпущу до тѣхъ поръ, пока все не окончится благополучно. Правда, я еще не знаю, какъ я найду мѣсто, но оно *должно* найтись.

Лотта схватила ея руку и поцѣловала, а фрейлейнъ Ниппе обняла ее, крѣпко прижала къ себѣ, называя бѣдненькой, запуганной голубкой, спасшейся на ея груди отъ когтей судьбы. Она была такъ горда, такъ счастлива, какъ еще никогда въ жизни.

— Подождите минутку, я сейчасъ пойду къ нимъ и переговорю обо всемъ!—Она выпорхнула изъ комнаты, а черезъ минуту уже стояла, маленькая, но преисполненная собственнаго достоинства, передъ обоими рослыми братьями и сообщала имъ о своемъ твердомъ рѣшеніи.

— Браво, фрейлейнъ Ниппе, браво!—растроганно и горячо крикнулъ Фоксъ, потомъ съ упрекомъ обернулся къ Питту:—Видишь, вотъ какъ ведутъ себя великодушные люди въ серьезныя минуты! Матеріальную сторону,—снова обратился онъ фрейлейнъ Ниппе,—мы обсудимъ съ вами впослѣдствіи подробнѣе.

— Ахъ, это самое послѣднее дѣло,—возразила она,—я думаю, вы, вѣдь, не станете скупится на нее!

— Разумѣется, нѣтъ,—сказалъ Фоксъ торжественно, протестуя противъ самой возможности такого подозрѣнія,—наоборотъ, совсѣмъ наоборотъ,—и когда фрейлейнъ Ниппе предложила ему переговорить объ этомъ съ Лоттой, онъ кивнулъ головой:—Сейчасъ же, разумѣется!—и тотчасъ же пошелъ. Мысль о томъ, что, въ сущности, не особенно пріятно будетъ имѣть теперь

Лотту въ такой непосредственной близости, еще не успѣла придти ему въ голову.

— Ну, Лотточка,—сказалъ онъ,—стало быть, пока что, ты остаешься здѣсь,—онъ протянулъ ей руку,—ты же, знаешь, вѣдь, что я желаю тебѣ добра. А здѣсь тебѣ будетъ всего лучше! Я обдумалъ это, хотя мнѣ будетъ и не легко, можешь, я думаю, сама представить себѣ! Значитъ такъ, Лотта... Что же, ты не хочешь дать мнѣ руку? Не хочешь сказать мнѣ ничего хорошенькаго?

— Спасибо!—сказала она.

VI

Лотта, дѣйствительно, осталась въ домѣ фрейлейнъ Ниппе и господина Кеннеке. Господинъ Кеннеке испытывалъ глубокое состраданіе къ бѣдной дѣвушкѣ и, жертвуя ей частью своихъ удобствъ, утѣшался тѣмъ, что дѣлаетъ доброе дѣло: онъ уступилъ ей свою комнату и поселился въ одной комнатѣ съ Фоксомъ. Вначалѣ тотъ былъ весьма оскорбленъ такимъ положеніемъ дѣлъ. Господинъ Кеннеке предложилъ ему тогда снять себѣ другую комнату. Раздосадованный и чувствуя себя обиженнымъ господиномъ Кеннеке, судьбой и всѣми, Фоксъ съ горечью воскликнулъ:

— Натурально! Это, вѣдь, очень просто, у меня денегъ куры не клюютъ! Я могу хоть сейчасъ снять себѣ цѣлую квартиру съ танцовальнымъ заломъ.

— Но, вѣдь, вы же не можете требовать,—сказалъ господинъ Кеннеке — чтобы я спалъ въ одной комнатѣ съ моей кузиной!

— Я не требую рѣшительно ничего!—отвѣтилъ Фоксъ, подчеркивая и протягивая послѣднія слова.—Если хотите, перебирайтесь въ мою комнату, но, по крайней мѣрѣ, не говорите объ этомъ заранѣе!

Господинъ Кеннеке подавилъ досаду, и на слѣдующій день комната была устроена на двоихъ. Она оказалась биткомъ набитой мебелью.

— Да я рѣшительно никого не могу принять здѣсь!—раздраженно возопилъ Фоксъ, увидя свою комнату въ новой обстановкѣ.

Съ Лоттой онъ видался очень мало; она была довольна, что рѣдко бываетъ съ нимъ, потому что испытывала передъ нимъ страхъ, котораго ничѣмъ не могла прогнать. Со всѣми другими она говорила непринужденно, но какъ только въ комнату входилъ Фоксъ, она сейчасъ же замолкала. Господинъ Кеннеке удѣлялъ ей много своего свободнаго времени и изрѣдка приносилъ ей какихъ-нибудь фруктовъ или маленькіе подарочки. А когда она бывала грустна, когда на нее находили припадки прежняго тяжелаго настроенія, онъ приносилъ книги съ картинками, альбомы съ фотографіями, какія-нибудь игры.

— Зельма, покажи-ка ей, какъ раскладывать пасьянсы! Зельма, не

подарить ли намъ ей билетъ въ театръ? Зельма, по моему, въ будущее воскресенье мы можемъ отправится втроемъ за городъ!

Господинъ Кеннеке былъ такъ ласковъ къ Лоттѣ, такъ добръ! И всегда онъ былъ терпѣливъ, даже когда она раздражалась, сама не зная отчего; и всякій разъ она просила у него потомъ прощенія и говорила: „я, вѣдь, знаю, что вы хорошо ко мнѣ относитесь!“ Въ концѣ концовъ, выходило такъ, какъ будто онъ и Фоксъ помѣнялись ролями, какъ будто Фоксъ былъ посторроннимъ, а онъ—ея естественнымъ покровителемъ и совѣтчикомъ.

Въ глубинѣ души Фоксъ былъ очень доволенъ этимъ, но временами все же чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своихъ правахъ.

Лоттѣ пришлось напрягать всю свою изобрѣтательность, чтобы объяснить госпожѣ Борнеманъ, почему она живетъ не тамъ, гдѣ предполагалось, а въ другомъ мѣстѣ. Тамъ появилась холера, писала она, и тогда дядя ея подруги пригласилъ ихъ всѣхъ къ себѣ въ имѣніе, находящееся неподалеку отъ города, почта доставляется каждый день изъ конторы дяди—она назвала квартиру господина Кеннеке—и проще всѣ письма адресовать на имя самого дяди, господина Кеннеке, потому что иначе почта доставляется въ имѣніе очень неаккуратно, а господинъ Кеннеке привозитъ ее каждый вечеръ съ собой въ экипажѣ. Она сама выдумала эту сложную ситуацію и опять чувствовала себя преступницей, что такъ обманываетъ добрую старую бабушку. Но она уже ступила на путь обмановъ, и приходилось продолжать въ томъ же духѣ. Фоксъ зналъ объ этихъ выдумкахъ и хотѣлъ было обратить ихъ въ предметъ своихъ шутокъ, но Лоттѣ это не нравилось.

— Ну, и не надо!—сказалъ онъ.—Съ нѣкотораго времени тебѣ, повидимому, совершенно безразлично все, что бы я ни затѣялъ.

У него наростало горькое чувство обиды противъ Лотты и, главнымъ образомъ, потому, что она ожидала ребенка. Фоксъ сталъ просить у отца больше денегъ; тотъ упрекалъ его за расточительность, указывая на Питта, не тратившаго и половины того, что получалъ Фоксъ. Эти упреки Фоксъ находилъ несправедливыми и обидными, потому что большая часть денегъ переходила теперь въ руки фрейлейнъ Ниппе. Лотта, правда, была очень скромна въ своихъ потребностяхъ, но, все равно, ему приходилось сокращаться ради нея. Въ концѣ концовъ, онъ не могъ долѣе переносить этого; онъ началъ дѣлать долги, и ресторуаторы и комиссіонеры ссужали его деньгами и товарами безпрекословно, такъ какъ онъ уже много далъ имъ заработать. Какъ все будетъ, когда придется выдавать крупныя суммы для Лотты, онъ пока еще не зналъ. Но объ этомъ онъ сейчасъ и не думалъ. Все меньше и меньше онъ видѣлъ Лотту: „женскій вопросъ“ рѣшительно былъ гораздо интереснѣе ея. Лотта не горевала объ его отсутствіи, даже радовалась, что скоро онъ совсѣмъ уѣдетъ. Въ первое время ей не хотѣлось себѣ въ этомъ

признаться, но все яснѣе и яснѣе она чувствовала, что любовь ея исчезаетъ. Планы ея на будущее никогда не связывались съ Фоксомъ. Ей было больно, что онъ никогда не говорилъ съ нею о ребенкѣ и отдѣлывался замѣчаніемъ: „Еще успѣемъ наговориться, когда онъ родится!“

Тѣмъ отраднѣе было Лоттѣ, что фрейлейнъ Ниппе такъ часто заговаривала съ ней о ребенкѣ. Въ свободные часы она сидѣла у нея и вязала вмѣстѣ съ ней приданое для ожидавшагося маленькаго существа. Одинъ разъ она даже сказала: „У меня такое чувство, какъ будто я сама ожидаю ребенка! Ахъ, какъ должно быть чудесно держать на рукахъ этакую прелестную крошку и знать, что она принадлежитъ только тебѣ одной!“

И Лотта постепенно стала радоваться этой минутѣ. Мало-по-малу на нее сошло спокойствіе, невыразимый страхъ передъ неизбѣжнымъ пропалъ, она не представлялась уже самой себѣ, какъ прежде, какой-то преступной противоположностью убійцѣ, противозаконно дающей жизнь, вмѣсто того, чтобы убивать. Съ Питтомъ она видѣлась не особенно часто. Чувства ея къ нему стали совершенно сестринскими. Въ немъ же нѣжность и холодность смѣнялись, и она это замѣчала, но онъ былъ первымъ человѣкомъ, оказавшимъ ей помощь и защиту, и этого она никогда не могла забыть. Изрѣдка она навѣщала его, ходила съ нимъ гулять и уже не думала о томъ, что тяготитъ его: для этого она стала слишкомъ серьезна, слишкомъ спокойна и увѣрена въ себѣ. Иногда они сидѣли вмѣстѣ на скамейкѣ подъ деревьями, медленно ронявшими уже на землю свою золотую листву, и въ то время, какъ она тихо грѣлась на вечернемъ солнцѣ, онъ думалъ: „Вотъ, скоро она дастъ жизнь новому существу! Какова будетъ его судьба? А если бы это было мое дитя? Какъ, должно быть, печально видѣть себя самого еще разъ на землѣ. И потомъ это дитя выраститъ и тоже увидитъ себя проходящимъ въ жизни въ другомъ образѣ, и такъ пойдетъ дальше, безъ конца, и такъ было съ самаго начала“.

— Ну, Лотта,—сказалъ однажды Фоксъ, стоя передъ нею снова, какъ при первомъ прощаніи, въ красныхъ лайковыхъ перчаткахъ, съ цилиндромъ въ правой рукѣ,—ну, Лотта, будь здорова. Я сегодня уѣзжаю. Я и безъ того уже продлилъ свое пребываніе здѣсь за предѣлы возможнаго, и больше не могу медлить. Родители мои начинаютъ сердиться. Я оставилъ фрейлейнъ Ниппе приличную сумму для тебя. Когда она выйдетъ, она мнѣ напишетъ. Теперь эти суммы будутъ постепенно наростать, я еще не знаю, откуда я ихъ достану, но онѣ будутъ, въ этомъ я тебѣ ручаюсь. Ты не должна ко всему прочему прибавлять себѣ еще заботу о несчастныхъ деньгахъ. Куда ты помѣстишь ребенка, какъ его устроишь,—объ этомъ ты мнѣ, конечно, напишешь,—разумѣется, до востребованія. Я позабочусь обо всемъ, я надежный, приличный отецъ. Да, да, Лотта, въ жизни приходится расплачиваться за

нѣкоторыя ошибки; таково проклятіе дурного поступка, что онъ... ну, и такъ далѣе. Не бойся только, все обойдется благополучно! А что касается до нашего будущаго—твоего и моего, то, при всемъ желаніи, я еще не могу сказать тебѣ ничего опредѣленнаго; я имѣю обширные планы на ближайшіе года, и эти планы требуютъ...

Но Лотта прервала его:

— Я знаю все. Не утруждай себя такъ, Фоксъ.

— Ну, да,—сказалъ онъ, нѣсколько смущенный;—ну, въ такомъ случаѣ, прощай, Лотта!—Онъ съ минуту подержалъ ее за руку, ожидая, что она протянетъ ему губы для поцѣлуя, потомъ взялъ ее обѣими руками за голову и нѣжно и покровительственно прикоснулся губами къ ея лбу.

Такимъ образомъ, Фоксъ, въ самомъ дѣлѣ, очистилъ позицію. „Дома все же лучше всего, что тамъ ни говори!—думалъ онъ, выходя изъ вагона на родной вокзалъ:“ Родина—это гавань, гдѣ можно во всякое время укрыться отъ жизненныхъ невзгодъ.“ А практическое подтвержденіе этого реченія онъ могъ провѣрить, когда, наконецъ, рѣшилъ открыться своей матери, такъ какъ, при всемъ стараніи, никакъ не могъ придумать, откуда ему достать денегъ для Лотты.

— Хорошенькій ты вѣтренникъ, хорошенькій ты фруктъ! — заговорила госпожа Синтрупъ, уснащая свою дальнѣйшую рѣчь новыми образами, заимствованными изъ области кондитерскаго искусства. Но потомъ все-таки согласилась дать Фоксу просимую сумму. Онъ долженъ былъ все разсказать ей, съ самаго начала до конца, и когда уже нечего было больше спрашивать, ни разсказывать, она заявила, что не желаетъ вникать въ детали, ей достаточно самаго факта. Такъ же точно она говорила иногда господину Синтрупу, когда тотъ изъ внутренняго чувства порядочности и изъ потребности характера каялся ей въ своихъ приключеніяхъ.

Лотта жила, ожидая грядущихъ событій; время шло. Уже нѣсколько недѣль госпожа Борнеманъ писала письма съ напоминаніемъ, что уже давно пора возвращаться, курсъ новаго полугодія скоро начинается, и, наконецъ, съ скромной фривольностью, старушка спрашивала, не влюбилась ли Лотта и потому не ѣдетъ. Она была бы такъ рада, если бы Лоттѣ не пришлось служить учительницей! Ахъ, если бы она нашла жениха!

Лотта же ожидала теперь великаго событія со страстнымъ нетерпѣніемъ, какъ ждутъ въ деревнѣ запоздавшей весны, передъ возвращеніемъ въ мрачный городъ, съ его сѣренькой обыденной жизнью, такъ далекой отъ чарующей прелести полей. Весь страхъ ея исчезъ, она преисполнилась какой-то тихой увѣренности и была почти счастлива.

— Теперь вопросъ всего въ нѣсколькихъ недѣляхъ!—сказала фрейлейнъ

Ниппе своему двоюродному брату и уговорилась съ опытной женщиной, такъ какъ считала себя не достаточно свѣдущей для такого рода услугъ.

Лотта много времени проводила одна; она искала одиночества. Она думала о собственномъ дѣтствѣ, о своихъ родителяхъ, уже давно умершихъ, о бабушкѣ, замѣнившей ей все и всѣхъ. И сильнѣе, чѣмъ раньше, въ ней разросталось чувство, что она поступаетъ неправильно, обманывая эту женщину, всегда желавшую ей только добра.

Лотта привыкла къ своему положенію, къ мысли, вначалѣ казавшейся ей такой непостижимой. Все страшное осталось далеко назади и только изрѣдко проступало въ спокойной дѣйствительности, какъ легкая тѣнь. Невольно она переносила это спокойствіе и на свои представленія о бабушкѣ: можетъ быть,—какъ и говорилъ всегда Питтъ,—если когда-нибудь она все узнаетъ, ей будетъ гораздо больнѣе, что Лотта не имѣла къ ней довѣрія, что она пошла къ другимъ, къ чужимъ людямъ. Можетъ быть, если Лотта вернется къ ней теперь, до рожденья ребенка, она приметъ ее, хоть и съ огорченіемъ, но порадуется все же тому, что она побѣдила свой страхъ и довѣрилась ей. Она, вѣдь, мать ея матери! Слезы выступали у нея на глазахъ; тоска по бабушкѣ становилась все сильнѣе, превращалась въ настоятельную потребность уѣхать отсюда, вернуться къ бабушкѣ.

Фрейлейнъ Ниппе отговаривала ее: это преходящее настроеніе; если она послѣдуетъ ему, то, вѣроятно, горько раскается. Она напоминала ей ея прежній страхъ, прежнія опасенія, но Лотта сказала:

— Бабушка не можетъ меня проклясть, она же сама никогда не говорила мнѣ ничего, ничего, значитъ она должна была бы проклясть и себя!

Но фрейлейнъ Ниппе продолжала сомнѣваться и говорила:

— Дитя, я знаю людей лучше, чѣмъ вы. Все это вѣрно и хорошо, но шоры, которыя люди надѣваютъ на глаза другимъ, превращаются въ тяжелые желѣзные панцыри, которыми они облекаютъ свои души, и они безъ милосердія извлекаютъ пламенный мечъ и казнятъ имъ своихъ жертвъ. Не дѣлайте этого, не дѣлайте этого.

Подобныя рѣчи производили на минуту впечатлѣніе на Лотту, но оно быстро ослабѣвало, тоска же ея становилась все сильнѣе и сильнѣе, и, въ концѣ концовъ, ею овладѣло только одно чувство: „Домой! Будь, что будетъ!“

Такъ какъ рѣшеніе ея было непоколебимо, то фрейлейнъ Ниппе вызвалась поѣхать впередъ и подготовить госпожу Борнеманъ. Планъ Лотты сталъ казаться ей ужъ не такимъ непріемлемымъ съ той минуты, какъ она нашла въ немъ роль для себя, и какую роль! Мысленно она уже растрогивалась словами, которыя скажетъ, потомъ выведетъ Лотту изъ-за занавѣски— она даже видѣла передъ собой зеленую портьеру—и сдѣлаетъ благословляю-

щій, символическій жестъ! Но Лотта, поблагодаривъ, отклонила ея предложеніе; она поѣдетъ одна, совсѣмъ одна, только раньше напишетъ.

Господинъ Кеннеке былъ пораженъ этой перемѣной. Онъ выражалъ это, не скрывая, и смотрѣлъ на Лотту грустными глазами. А прощаясь, долго держалъ ея руку обѣими руками и все твердилъ:

— Ахъ, Боже мой, какъ это грустно, ахъ Боже мой, какъ это грустно!— и видъ у него былъ такой, какъ будто онъ хотѣлъ сказать еще много, но больше не могъ выговорить ни слова.

Лотта тоже прослезилась:

— Я такъ вамъ благодарна, такъ благодарна, не знаю, чѣмъ я смогу вамъ отплатить!

— Не стоитъ объ этомъ говорить,—сказала фрейлейнъ Ниппе,—я дѣлала это съ радостью.

Питтъ проводилъ Лотту на вокзалъ. На извозчикѣ она дала ему прочесть письмо, которое написала бабушкѣ, но еще не отправила. Оно начиналось такъ:

„Мать моей матери! Ты познала жизнь въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ ея, и сердце мое довѣрчиво направляетъ къ тебѣ свой страннический посохъ...“

— Правда, это не годится, это звучитъ какъ-то такъ... какъ-то даже невѣжливо!

— Это фрейлейнъ Ниппе сочинила тебѣ это письмо?—спросилъ Питтъ, смѣясь.

— Да, и она говоритъ, что, въ своемъ родѣ, оно—совершенство!

— Совершенно вѣрно!—сказалъ Питтъ.—Она права.

— Она передѣлывала его разъ пять или шесть, и была недовольна, что я не хочу переписать его: для чего же она тогда столько трудилась. Ну, я переписала, чтобы она не обидѣлась, но все-таки не отправила.

— Да, такъ и лучше,—сказалъ Питтъ,—такъ ты увидишь бабушку дома, а то она, можетъ быть, поѣхала бы тебя встрѣчать.

— Прощай Питтъ, и, знаешь что...я...я все-таки люблю тебя гораздо больше, чѣмъ Фокса!—тихо прошептала она и благоговѣйно поцѣловала его въ щеку.

— Что ты тамъ дѣлаешь съ подзорной трубой?—спросила фрейлейнъ Ниппе, вглядываясь между стѣнами заднихъ домовъ въ далекое чистое поле.

— Мнѣ хотѣлось увидѣть поѣздъ, съ которымъ она поѣхала,—чистосердечно признался господинъ Кеннеке,—онъ только что прошелъ.

Лотта приближалась къ цѣли своего путешествія. Увѣренность ея постепенно ослабѣвала. Не послать ли ей все-таки нѣсколько словъ бабушкѣ, которыя бы ее подготовили? Можетъ быть, послать телеграмму? Но она знала, что госпожа Борнеманъ пугалась всякой телеграммы, и, кромѣ того,

хорошо ли это? Боже мой, хоть бы все обошлось благополучно. Бабушка не можетъ принять ее не ласково! А вдругъ она совсѣмъ не захочетъ принять ее? Вдругъ она скажетъ, что Лоттѣ мѣсто на улицѣ, и захлопнетъ передъ нею дверь? Но, вѣдь, она же ея бабушка, мать ея матери!

Такъ смѣнялись въ Лоттѣ противоположныя чувства, а телеграфныя проволоки медленно плыли мимо нея, точно приводимыя въ движенiе двумя различными и враждебными другъ другу силами. Она слѣдила за этой вѣчной, колеблющейся смѣной, связывала ее съ своими собственными страхами и надеждами, потомъ съ усилiемъ отрывала глаза, потому что у нея начинала больно сжиматься грудь. Быстро мелкали поля и деревни, солнце сѣло вдали за бурой пашней, окропивъ тончайшими золотыми брызгами темную землю. Небо все больше краснѣло, весь мiръ точно горѣлъ въ морѣ пламени, тихо, беззвучно, подъ шумъ катящихся колесъ; потомъ все медленно погрузилось въ тусклый, мертвенный сумракъ, очертанiя деревьевъ стали смутны, все превратилось въ неподвижныя, грозныя громады.

— Ахъ, отчего я не тамъ!—думала Лотта.—Никто бы не зналъ меня, ничего не было бы извѣстно, я была бы совсѣмъ одна.—И она снова погружалась въ раздумье и тревогу.

Наконецъ, поѣздъ остановился у послѣдней станцiи. Лотта поспѣшно вышла изъ вагона, взяла извозчика и поѣхала домой. При видѣ знакомыхъ улицъ страхъ все сильнѣе сталъ сжимать ея сердце. Образъ бабушки, измѣненный въ ея воображенiи, постепенно блѣднѣлъ, и все яснѣе выступалъ ея настоящiй обликъ. Когда же извозчикъ, наконецъ, остановился, сердце ея билось такъ сильно, что она не въ силахъ была сразу подняться и выйти изъ экипажа. Вдобавокъ по тротуару шла знакомая женщина; она не должна была ее видѣть.

— Ну, что же, такъ надо!—подумала Лотта, встала и, наклонивъ голову, желая по возможности скрыться, быстро вбѣжала въ домъ. Медленно, нѣсколько разъ останавливаясь, поднималась она по лѣстницѣ. Не уйти ли, не вернуться ли опять на вокзалъ, уѣхать куда-нибудь, лишь бы спрятаться отъ всѣхъ?

Въ нижнемъ этажѣ послышались голоса; она поднялась выше. Вотъ дверь. Вотъ и фарфоровая дощечка бабушки, маленькая овальная пластинка, которую она помнитъ чуть не съ тѣхъ поръ, какъ помнитъ себя. Она долго смотрѣла на нее неподвижнымъ взглядомъ. Страхъ сжималъ ей горло. Возлѣ дощечки прикрѣплена чья-то незнакомая визитная карточка. Она машинально прочитала фамилiю, совершенно машинально прочитала еще разъ сзади напередъ, еще, еще. Сердце у нея билось такъ, что отдавалось въ кончикахъ пальцевъ. Вдругъ изнутри она услышала шаги, шаги бабушки. А что, если она сама отворитъ дверь? Выйдетъ въ шляпѣ и пальто и за-

станетъ Лотту врасплохъ? Почти безсознательно она подняла руку и позвонила. Прошло нѣкоторое время, потомъ она опять услышала тѣ же шаги. Медленно, шмыгая, они приближались къ двери. Вотъ, вотъ,—подошли, остановились.

— Кто тамъ?—спросила госпожа Борнеманъ изнутри.

— Я!—Но слово вышло такъ беззвучно, что она сейчасъ же прибавила громче:—Лотта.

Дверь отворилась, показалось радостно-изумленное лицо госпожи Борнеманъ:

— Ахъ, Лотта, Лотточка, это ты!

Изъ внутреннихъ комнатъ доносились звуки рояля, кто-то игралъ вальсъ. Лотта стояла неподвижно, прижавшись къ притолокѣ. Госпожа Борнеманъ хотѣла было подойти къ ней, но уже съ перваго шага остановилась, радостное выраженіе исчезло съ ея лица, она съ ужасомъ вытаращилась на внучку. Лотта хотѣла сказать что-нибудь, все равно,—что, но слова не сходили съ языка, горло было точно туго перетянуто.

— Боже милостивый!—услышала она вдругъ голосъ бабушки, глухой, точно донесшійся издали.

Госпожа Борнеманъ подошла къ ней и устремила на нее такой взглядъ, что Лотта закрыла глаза. Но сейчасъ же снова открыла ихъ, потому что услышала шумъ, отъ котораго у нея захолонуло сердце: госпожа Борнеманъ безпомощно взмахивала руками и шаталась. Лотта поддержала ее и довела до комнаты. Она посадила старуху въ кресло, а сама упала на диванъ, оглушенная, растерянная, въ состояніи полнаго отупѣнія.

— Этотъ позоръ!—вдругъ громко крикнула госпожа Борнеманъ, и Лотта въ ужасѣ взглянула на нее, потому что голосъ былъ совсѣмъ не похожъ на голосъ бабушки.—Этотъ позоръ!—повторила она и, вдругъ вскочивъ съ кресла, подошла въ упоръ къ Лоттѣ:—Прочь, прочь изъ моего дома, прочь съ глазъ моихъ, тебѣ здѣсь нечего дѣлать, убирайся, ступай, откуда пришла, я не хочу тебя видѣть, вонъ! Понимаешь ты, что я говорю!—Она вытолкнула Лотту изъ комнаты въ переднюю и уже хотѣла изъ передней вытолкнуть на лѣстницу.

— Но, бабушка... Бабушка...—больше Лотта не могла выговорить, но крѣпко уцѣпилась за нее въ смертельномъ испугѣ, такъ что госпожа Борнеманъ едва устояла на ногахъ.

— Что тутъ такое творится? — послышался незнакомый голосъ изъ глубины корридора. Музыка внезапно оборвалась. На минуту воцарилась тишина. Госпожа Борнеманъ преисполнилась новаго страха, Лоттѣ же этотъ голосъ прозвучалъ, какъ помощь, какъ спасеніе въ страшную минуту.

— Ничего не случилось! — отвѣтила госпожа Борнеманъ нетвердымъ голосомъ,—играйте себѣ безъ стѣсненія.

Дверь затворилась послѣ того, какъ жилецъ съ минуту постоялъ на порогѣ, прислушиваясь. Госпожа Борнеманъ оставила Лотту въ передней и, ощупью, шатаясь, вернулась къ себѣ въ комнату. Музыка снова заиграла. Лотта не шевелилась. Ей казалось, что ея уже нѣтъ въ живыхъ. Но не могла же она стоять здѣсь вѣчно! Почти не сознавая, что дѣлаетъ, она заперла входную дверь и подошла къ двери своей комнаты. Но музыка раздавалась какъ разъ изъ-за этой двери, такъ что она выпустила ручку.

— Два жильца! — машинально подумала она. — А я видѣла на двери только одну карточку. — Въ комнату Фокса тоже нельзя; можетъ быть, въ кухню? Нѣтъ, она пойдетъ къ бабушкѣ, разскажетъ ей все, она должна смягчить ее.

Госпожа Борнеманъ лежала на диванѣ, закрывъ лицо обѣими руками.

— Бабушка!.. Бабушка!..

— Ну, да, кричи, сзывай весь домъ,—злобно зашептала госпожа Борнеманъ,—труби о своемъ позорѣ, тебѣ, вѣдь, нѣтъ дѣла до репутаціи семьи, тебѣ все равно, что ты вгонишь свою бабушку въ могилу! О, если бы я знала, когда брала тебя, что ты заплатишь за мою любовь такой гнусной неблагодарностью!—Она осыпала Лотту самой злобной бранью, которую Лотта выслушала съ тупымъ равнодушіемъ. Но когда госпожѣ Борнеманъ этого показалось еще мало, и она стала стараться превзойти самое себя въ своихъ выраженіяхъ, въ Лоттѣ вспыхнуло чувство горькаго негодованія:

— Ты сама тоже виновата!—воскликнула она.—Ты держала меня, какъ ребенка, я ничего не знала, ровно ничего, я даже не подозрѣвала. что я дѣлаю.

Госпожа Борнеманъ на минуту точно окаменѣла. Потомъ снова разразилась:

— Я! я воспитала тебя такой безсовѣстной? Я, которая только и думала о томъ, чтобы тебѣ было лучше! Благодари своего Создателя, что я держала тебя, какъ ребенка, чистой и нетронутой! Развѣ мало я предостерегала тебя отъ мужчинъ, развѣ я тебѣ не говорила мужчины лицемѣры, на словахъ они хороши, но стоитъ только съ ними спутаться—и сейчасъ обнаружится сатана! И ты мнѣ не втирай очковъ, будто ты меня не понимала! Я сама училась въ школѣ и знаю, о чемъ молодыя дѣвушки, къ сожалѣнію, говорятъ черезчуръ много! Одна знаетъ одно, другая другое, и если иногда бываетъ и не совсѣмъ точно, все равно, въ суть-то онѣ всегда попадаютъ! Тебѣ не удастся смыть свой позоръ, грязная ты есть, грязной и останешься, а на твоей бабушкѣ нѣтъ ни одной пылинки!

Лотта хотѣла отвѣчать, но у нея мѣшались мысли.

— Позволь, по крайней мѣрѣ, разсказать тебѣ, какъ это случилось!

Госпожа Борнеманъ задрожала всѣмъ тѣломъ:

— Я не хочу ничего слышать, я и безъ того уже достаточно вижу! Не желаю пачкать свои уши такой грязью!—И когда Лотта все-таки заговорила, она, дѣйствительно, заткнула уши.

Что теперь будетъ? Неужели бабушка, дѣйствительно, прогонитъ ее изъ дому? Госпожа Борнеманъ сидѣла неподвижно, съ закрытыми глазами у Лотты вдругъ потемнѣло въ глазахъ.

— Куда ты?!—властно крикнула госпожа Борнеманъ, услышавъ движеніе Лотты, и злобно посмотрѣла на нее. — Ни съ мѣста! Ни шагу безъ моего позволенья! Что тебѣ нужно въ кухнѣ?

— Мнѣ хочется ѣсть.

— Ѣсть! Нѣтъ, вы только подумайте! Она хочетъ ѣсть, когда ея бабушка чуть не умираетъ по ея винѣ! Ничего ты не будешь ѣсть, а сейчасъ же изволь сѣсть и разсказать мнѣ съ самаго начала, какъ все было!

Лотта сѣла и закрыла глаза.

— Ну, что же, скоро ты?

И Лотта разсказала. Все, что она говорила, представлялось ей теперь невѣроятно грязнымъ и отвратительнымъ, хотя она повторяла почти то же, что уже раньше разсказывала Питту и фрейлейнъ Ниппе. Госпожа Борнеманъ то и дѣло прерывала ее возгласами ужаса и отвращенія.

— Нѣтъ, каковъ негодяй! Вотъ лицемѣръ! Мерзавецъ! И все это на моихъ глазахъ, на моихъ чистыхъ, довѣрчивыхъ глазахъ! А почему ты вдругъ въ послѣднюю минуту вздумала пріѣхать ко мнѣ?

— Я стосковалась по дому и по тебѣ!

Госпожа Борнеманъ язвительно разсмѣялась:

— Если ужъ ты обманывала меня такъ долго, то могла бы продолжать и еще немножко, врядъ ли тебѣ было бы особенно тяжело! Деньги тебѣ понадобились, вотъ и все. Деньги, когда тебѣ приспичило! На это старая бабушка, понятно, еще годится. Теперь мнѣ придется разстатся и съ послѣднимъ—съ книжкой сберегательной кассы! И все изъ-за тебя, негодница.

— Денегъ мнѣ не нужно,—сказала Лотта,—о деньгахъ заботится Фоксъ!

— Не смѣй произносить этого имени! Я не хочу его слышать!—и, забывъ только что сказанное, прибавила:—Разумѣется, объ этомъ она позаботилась! Хладнокровно, за моей спиной! Какъ будто это не мое дѣло—добыть деньги! Я бы иначе проучила этого молодчика! Поѣхала бы къ его отцу! Сколько же онъ тебѣ даетъ, этотъ сударикъ?

— Не знаю,—упавшимъ голосомъ отвѣтила Лотта,—но онъ уже много далъ мнѣ и обѣщалъ дать еще больше.

Госпожа Борнеманъ заявила, что сегодня же ночью сядетъ въ поѣздъ и поѣдетъ къ отцу Фокса. Лотта заклинала ее не дѣлать этого: все, вѣдь, можно уладить и отсюда.

Она совсѣмъ ослабѣла и сказала, что должна непремѣнно съѣсть что-нибудь, иначе съ ней сдѣлается обморокъ.

— Сиди здѣсь!—крикнула госпожа Борнеманъ, поднимаясь съ дивана.— Ни шагу безъ моего позволенья, поняла? Я сама принесу тебѣ, что нужно!

Она принесла Лоттѣ закусить, и та стала жадно ѣсть, не говоря ни слова. Потомъ попросила вина.

Въ слѣдующіе дни госпожа Борнеманъ постепенно успокаивалась, жалобы ея становились менѣе злобными. „Ахъ, Боже, Боже, какой крестъ приходится мнѣ нести на старости лѣтъ"!—вздыхала она. Больше всего она боялась, что о ея позорѣ узнаетъ кто-нибудь изъ сосѣдей. Лотта не смѣла сдѣлать ни шагу изъ дома, даже изъ комнаты. Обоихъ жильцовъ попросили сейчасъ же съѣхать. Госпожа Борнеманъ смиренно умоляла ихъ сжалиться надъ бѣдной старухой: сынъ неожиданно извѣстилъ ее, что возвращается изъ Америки, а онъ—единственная отрада ея жизни, хотя онъ при смерти боленъ, и ей придется за нимъ ухаживать, если же она не сможетъ принять его у себя, она не переживетъ этого горя и позора. Жильцы оказались сговорчивыми и немедленно выѣхали.

— Я чуть сквозь землю не провалилась, когда говорила имъ это. Родная внучка вынуждаетъ меня, честную старуху, лгать на старости лѣтъ!

Лотта ничего не отвѣчала, она теперь всегда молчала, когда госпожа Борнеманъ бранилась; а бранилась она много. Каждый день она перебирала все сначала, хотя тонъ ея постепенно становился все равнодушнѣе. Когда ей нечего было говорить о себѣ, она переходила къ родителямъ Лотты и грозила, что они проклянутъ ее изъ могилы. И потомъ прибавляла:

— Отцу твоему, впрочемъ, лучше бы помолчать, это у тебя отъ него, яблочко отъ яблони недалеко падаетъ. Боже мой, и подумать, что мнѣ пришлось таки выдать за него свою дочь!

Лотта совершенно замкнулась въ себѣ. Больнѣе всего ей было, что самый видъ ея сталъ такъ отвратителенъ бабушкѣ и, помимо ея воли, постоянно напоминалъ ей о несчастьи. Съ большимъ трудомъ заставила она себя сказать бабушкѣ, что уже пора готовиться къ событію. Безмолвная, блѣдная, измученная, она сидѣла въ углу и, только когда темнѣло, медленно и беззвучно, закутавшись въ широкій плащъ и закрывъ лицо густой вуалью, спускалась съ лѣстницы, чтобы немножко подышать свѣжимъ воздухомъ. Она написала фрейлейнъ Ниппе, что все вышло по другому и что единственная ея надежда — умереть во время родовъ вмѣстѣ съ ребенкомъ, потому что впереди она не видитъ ни для себя, ни для него никакой радости. Она не

вѣритъ, что Фоксъ на ней когда-нибудь женится, да и не желаетъ этого, потому что вся ея любовь къ нему исчезла, и она даже не понимаетъ, какъ могла когда-нибудь любить его. Ребенокъ долженъ родиться на дняхъ. И все-таки, несмотря ни на что, она рада ему, онъ одинъ у нея на свѣтѣ, и никто, кромѣ нея, не имѣетъ на него правъ, а онъ, когда выростетъ, можетъ быть, будетъ любить свою бѣдную мать, такъ что она не будетъ чувствовать себя отверженной всѣмъ міромъ.

Фрейлейнъ Ниппе со слезами прочитала это письмо господину Кеннеке, и тотъ воскликнулъ:

— Ахъ, бѣдное дитя, еслибъ я зналъ, чѣмъ можно помочь ей!

Впрочемъ, господинъ Кеннеке отлично зналъ это. Онъ уже много разъ думалъ объ этой помощи, которая даже и не была вовсе ни помощью, ни „добрымъ дѣломъ", потому что онъ сдѣлалъ бы добро прежде всего самому себѣ. Но потомъ у него возникали сомнѣнія: онъ, вѣдь, не зналъ, захочетъ ли Лотта выйти за него, если онъ ее попроситъ, а потомъ—его кузина! Ему представлялось очень дурнымъ, почти что предательствомъ жениться на Лоттѣ и оставить ее одну. Онъ даже не зналъ, какъ у него хватитъ храбрости сказать ей объ этомъ, она такъ добра, такъ ангельски добра къ нему! Она дѣлила съ нимъ тяжкое бремя жизни, неужто же, въ благодарность за все, онъ покинетъ ее?

Но фрейлейнъ Ниппе уже давно проникла въ его мысли. И такъ какъ онъ молчалъ, то заговорила она. Онъ густо покраснѣлъ при первыхъ же ея словахъ.

— Я, вѣдь, знаю,—начала она съ легкой дрожью въ голосѣ, — я, вѣдь знаю, что могу быть тебѣ только сестрой. А въ чемъ же заключалось желаніе всей моей жизни? Вотъ, этими самыми моими руками, я стала бы таскать кирпичи, чтобы построить тебѣ домашній очагъ, таскала бы для тебя десятипудовыя тяжести, работала бы, пока не свалилась бы отъ изнеможенія, съ окоченѣвшими отъ зимней стужи руками... Но рокъ судилъ иначе. Но если я отказалась отъ счастья, то зачѣмъ же отказываться отъ него и тебѣ? Милый, любимый, единственный, бери его! Счастье у порога, на улицѣ Дѣйствительно, можно сказать: на улицѣ! Бѣдная дѣвочка, вѣдь, почти что выброшена на улицу! Вотъ, она сидитъ на камнѣ и умоляюще простираетъ руки, ища поддержки! Будь ей этой поддержкой, будь для нея дубомъ, вокругъ котораго она сможетъ обвиться и подняться! Она согласится, объ этомъ не можетъ быть рѣчи! Есть же въ человѣкѣ благодарность! Я знаю женщинъ: когда насъ покидаетъ возлюбленный, и мы къ тому же ждемъ ребенка, и приходитъ другой, и поддерживаетъ насъ, какъ истинный, добрый другъ, то мы не можемъ не полюбить его. Сначала благодарность, потомъ любовь—одна слѣдуетъ за другой такъ же неизбѣжно, какъ громъ слѣдуетъ

за молніей. Такъ дай же, - закончила она, придавая избранному образу новое значеніе, — дай пройти этой грозѣ, которая вызоветъ къ жизни дремлющій плодъ изъ лона матери-земли, и потомъ озари радугой мира ее и ея судьбу! Я же съ улыбкой удовлетворенія буду взирать на ваше счастье и соединю ваши руки! — Она всхлипнула и прижалась головой къ плечу господина Кеннеке.

— Нѣтъ, я никогда не покину тебя,—сказалъ онъ.

— Но развѣ ты не хотѣлъ бы жениться на ней?

Онъ соображалъ, какъ бы отвѣтить, чтобы не огорчить ее, потому что на языкѣ его уже вертѣлось рѣшительное „да“!

— Эта пауза,—сказала она,—цѣлый томъ, въ которомъ я читаю исторію твоей души. Ты для меня — раскрытая книга, и всѣ страницы ея чисты и бѣлы.

Онъ отказывался сдѣлать какой-нибудь шагъ, потому что такая любовь и доброта трогали его. Тогда она сказала, что онъ совершитъ преступленіе, преступленіе противъ зарождающейся жизни своей любви, которую онъ хочетъ задушить безжалостной рукой. Если онъ не сдѣлаетъ никакого шага, то его сдѣлаетъ она, какъ Богъ святъ!

— А ты?—спросилъ онъ.—Что же будетъ съ тобой? Вѣдь, тебѣ будетъ слишкомъ тяжело остаться одной?

— Я? Разумѣется, я по-прежнему останусь жить съ тобой! Немножко любви будетъ, вѣдь, перепадать и мнѣ, по крайней мѣрѣ, не меньше, чѣмъ теперь. Я ужъ привыкла довольствоваться малымъ и, не моргнувъ, буду смотрѣть, какъ ты станешь цѣловать свою жену!

Господина Кеннеке невольно охватилъ непріятный холодокъ, когда она сказала, что, разумѣется, останется съ нимъ. Но онъ сейчасъ же назвалъ это чувство дурнымъ и низкимъ, онъ даже не понималъ, какъ оно могло появиться.

— Ну чтожъ? если ты, дѣйствительно, думаешь?!...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пер. К. Жихаревой.

И. А. ГОНЧАРОВЪ.

(1812—1912 г.)

I.

Приготовленія къ столѣтнему юбилею Отечественной войны какъ-то совсѣмъ заслонили отъ вниманія русскаго общества другой юбилей, не имѣющій, правда, общенароднаго значенія, но все-таки дорогой современной русской интеллигенціи: столѣтіе со дня рожденія И. А. Гончарова.

Знаменитый творецъ „Обломова“ и по условіямъ своего воспитанія и по характеру своихъ стремленій былъ однимъ изъ „людей 40-хъ годовъ“. Принадлежа, какъ писатель, къ блестящей плеядѣ художниковъ, въ составъ которой входили Тургеневъ, Толстой, Григоровичъ, Островскій и мн. др., окрѣпшій въ атмосферѣ дворянской культуры, Гончаровъ силою своею исключительнаго и оригинальнаго дарованія создалъ себѣ особое и почетное мѣсто въ русской литературѣ, благодаря чему онъ представляетъ собою не только глубокій литературный интересъ, но органически связанъ съ исторіей нашей общественной мысли, нашего національнаго развитія. По своимъ основнымъ убѣжденіямъ Гончаровъ былъ «западникомъ», но особаго свойства: онъ былъ «западникъ—практикъ, цѣнившій жизненную, практическую сторону европейской цивилизаціи. Его пребываніе въ Московскомъ университетѣ въ 1831—34 г. г., о чемъ онъ самъ разсказалъ подробно въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, несмотря на зарождавшееся въ то время среди студенческой молодежи увлеченіе философіей, не отмѣчено ничѣмъ исключительнымъ. Онъ не примыкалъ ни къ одному философскому кружку, не изучалъ ни Сенъ-Симона, ни Фихте, ни Шеллинга, ни Гегеля и остался въ сторонѣ отъ тогдашняго умственнаго движенія. Всегда очень осторожный и нѣсколько мнительный, онъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ занимался университетской наукой, не зналъ „проклятыхъ вопросовъ“ и съ благодарностью и любовью вспоминалъ впослѣдствіи о профессорахъ. Эти воспоминанія особенно дороги были Гончарову еще и потому, что ему удалось лично присутствовать на диспутѣ поэта Пушкина съ профессоромъ Каченовскимъ по поводу „Слова о полку Игоревѣ“, въ достовѣрности котораго сомнѣвался ученый сторонникъ «скептическаго начала» въ русской исторіи, а также посчастливилось видѣть и Лермонтова — такимъ образомъ, быть современникомъ этихъ двухъ корифеевъ нашей литературы.

Изъ университета Гончарова вынесъ глубокое уваженіе къ наукѣ и человѣческой личности, вѣру въ ея творческія силы и «вражду» къ крѣпостному быту, что и роднитъ его съ лучшими представителями эпохи 40-хъ годовъ. Быть можетъ, это равнодушіе къ философіи, ко всякаго рода метафизикѣ и утопіи, этотъ реализмъ мысли и чувства и дали Гончарову возможность не только создать одно изъ крупнѣйшихъ произведеній нашей художественной литературы—знаменитый романъ „Обломовъ", но путемъ художественнаго прозрѣнія закрѣпить въ поэтической картинѣ основныя черты своего времени, крупныя соціально-экономическія перемѣны и нарожденіе новой идеологіи, которая впослѣдствіи вошла, какъ элементъ, въ основу реалистическаго міровоззрѣнія трудовой интеллигенціи 60-хъ годовъ. Купецъ по происхожденію, но воспитанный въ барской обстановкѣ, гдѣ жизнь была «полная чаша», обвѣянный поэзіей комфорта, довольства и покоя родного гнѣзда, Гончаровъ былъ всегда чуждъ всего трагическаго, всего исключительнаго. Титанизмъ страданій и мысли его не волновалъ. Крупныя потрясенія и сильныя страсти были враждебны его спокойной созерцательной натурѣ—вотъ почему въ его произведеніяхъ нѣтъ потрясающихъ коллизій, вотъ почему онъ такой непобѣдимый изобразитель „обломовщины", какъ нашей національной болѣзни. Характерно, что во время своего путешествія по „казенной надобности" въ 1852 г. въ Японію Гончаровъ интересуется не государственными учрежденіями, не общественной и политической жизнью посѣщаемыхъ имъ странъ, а повседневнымъ ихъ бытомъ. Онъ вездѣ цѣнитъ „порядокъ", любитъ „обыденщину", красоту покоя и, если иногда и „философствуетъ", то какъ-то житейски плоско и уравновѣшенно, умѣренно и аккуратно; говоря о прогрессѣ, онъ понимаетъ его, какъ комфортъ, задача цивилизаціи, по его мнѣнію, „вогнать ананасъ на сѣверѣ въ пятакъ"; онъ восхищается Ботаническимъ садомъ въ Капштадтѣ только потому, что все въ немъ «разсажено въ порядкѣ», все „точно щеголевато острижено". Величавыя картины природы его не трогаютъ и даже раздражаютъ: „Богъ съ ними—съ этими воплями природы!" восклицаетъ авторъ. Однажды Гончарову на фрегатѣ «Паллада» пришлось испытать убійственный „классическій" штормъ въ Индійскомъ океанѣ. На приглашеніе капитана фрегата полюбоваться грандіозной картиной радзбушевавшейся стихіи, какъ извѣстно, Гончаровъ, взглянувъ на бушующія волны, отвѣтилъ: «Какой безпорядокъ! Какое безобразіе!" Да, онъ былъ большой поклонникъ «порядка», любилъ нормальный, ровный темпъ жизни и въ природѣ, и въ исторіи, и въ сильныхъ порывахъ человѣческаго ума и чувства, въ рѣзкихъ перемѣнахъ всегда видѣлъ или „безобразіе", или ненавистную ему «театральность». Олицетвореніе корректности, умѣренности и спокойствія, онъ и самъ былъ непосредственнымъ представителемъ порядка, цѣнилъ высоко государственность и, какъ никто изъ русскихъ писателей, долго

несъ государственную службу, въ качествѣ чиновника министерства финансовъ и цензора.

II.

На литературное поприще Гончаровъ выступилъ довольно поздно: ему было уже 35 лѣтъ, когда появился въ печати его первый романъ, „Обыкновенная исторія". Да и вообще творческая работа Гончарова не отличалась интенсивностью: онъ писалъ романъ по 10 лѣтъ, долго вынашивая въ себѣ образы, обдумывая фабулу. „Обломовъ" впервые началъ печататься въ 1849 году, а конченъ былъ въ цѣломъ въ 1859 году, „Обрывъ" появился въ свѣтъ лишь въ 1869 году и создавался въ теченіе 20 лѣтъ. Такая вялость въ работѣ объясняется, съ одной стороны, характеромъ автора, носившаго въ себѣ извѣстную долю „обломовщины", съ другой стороны, взглядомъ его на самый процессъ художественнаго творчества: по его мнѣнію, писать можно и должно, не спѣша, и только о томъ, что въ жизни уже опредѣлилось, кристаллизовалось, такъ сказать, и не гоняться за модными, новыми теченіями, находящимися еще въ періодѣ броженія. „Я — говоритъ Гончаровъ— какъ запряженный волъ, служилъ искусству горестно и трудно."

Литературное наслѣдство, оставленное намъ Гончаровымъ, не велико по объему, но огромно по своему внутреннему значенію. Сила Гончарова не только въ необыкновенной живописи, изобразительности, пластичности его картинъ и образовъ, но еще болѣе въ томъ, что его созданія имѣютъ глубокій обобщающій смыслъ, отличаются обиліемъ и тонкостью психологическаго анализа, пріобрѣтаютъ національное и символическое значеніе, на что въ свое время указалъ Добролюбовъ и самъ авторъ въ статьѣ „Лучше поздно—чѣмъ никогда". Каждый его романъ создавалъ цѣлый „историческій моментъ", порождалъ массу толковъ какъ въ публикѣ, такъ и въ критикѣ, вызывалъ сложный и серьезный процессъ мысли въ самомъ читателѣ. Не даромъ передовая критика съ такой жадностью набрасывалась на его произведенія и придавала имъ значеніе крупнаго общественнаго факта. Достаточно вспомнить статьи: Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, А. Григорьева, Ор. Миллера и др., чтобы понять, что въ каждомъ своемъ романѣ Гончаровъ выдвигалъ значительную и крупную тему, подходилъ къ самымъ основнымъ, животрепещущимъ вопросамъ своего времени. Въ произведеніяхъ Гончарова все было ново и важно: и самая манера писать и внутренній смыслъ изображаемыхъ имъ явленій.

Прежде всего, Гончаровъ нанесъ непоправимый ударъ крѣпостной Россіи, написавъ отходную „дворянскимъ гнѣздамъ" и барству, заклеймивъ весь укладъ русской жизни позорнымъ именемъ „обломовщины". И въ этомъ надо видѣть не только суровый приговоръ дореформенной Руси, не только діагнозъ національной болѣзни, но и начало нашего національнаго обновленія. Самъ нося въ себѣ это общественно-національное зло, Гончаровъ указалъ и выходъ изъ состоянія нашей духовной летаргіи: онъ противоставилъ „обломовщинѣ", какъ системѣ нашего общественнаго существо-

ванія, новый взглядъ на жизнь „новыхъ людей". Въ то время, какъ Тургеневъ въ своихъ романахъ раскрываетъ намъ художественную лѣтопись „дворянскихъ гнѣздъ", пишетъ ихъ культурную исторію, выслѣживаетъ въ нѣдрахъ ихъ развитіе дворянской интеллигенціи и съ болью въ сердцѣ прощается съ „усадебной поэзіей",—Гончаровъ поетъ отходную Обломовкѣ и ея обитателямъ, создаетъ типъ вымирающаго дворянства въ лицѣ Ильи Ильича и самый центръ художественнаго обобщенія переноситъ въ совершенно иную плоскость: онъ противопоставилъ городъ, какъ источникъ современной культуры и общественнаго обновленія, деревнѣ, какъ средоточію классоваго и крѣпостническаго уклада жизни, отравляющаго живыя народныя силы. Этотъ соціологическій „прогнозъ", понятный намъ теперь при нѣкоторой исторической перспективѣ и подтвержденный исторической наукой, дѣлаетъ честь художественной прозорливости Гончарова и придаетъ его романамъ «Обыкновенной исторіи», «Обломову» и «Обрыву» значеніе историческаго откровенія, до котораго не поднялось наше общественное самосознаніе въ то время ни въ лицѣ Тургенева, ни въ лицѣ кого-либо изъ современныхъ ему писателей.

Перемѣстивъ центръ художественнаго обобщенія и сдѣлавъ предметомъ своего наблюденія, главнымъ образомъ, городъ, Гончаровъ отмѣтилъ и тѣ реальныя новыя силы, которыя являются, по его мнѣнію, дѣйствительными двигателями человѣческаго прогресса: въ романѣ «Обыкновенная исторія» прогрессивнымъ дѣятелемъ, разрушителемъ старыхъ традицій и отживающихъ понятій изображенъ Адуевъ-старшій, представитель капитала и бюрократіи, которая въ николаевскую эпоху, какъ извѣстно, была всесильна и вершала судьбы Россіи; въ романѣ «Обломовъ» новымъ человѣкомъ, призваннымъ создать «Живое дѣло», стряхнуть съ русскаго общества мертвящій сонъ и апатію, является Штольцъ, носитель промышленнаго капитала, просвѣщенный либералъ-буржуа, и, наконецъ, въ романѣ «Обрывъ» положительнымъ «героемъ» выведенъ Тушинъ—помѣщикъ, раціонально и экономно ведущій свое хозяйство на новыхъ капиталистическихъ началахъ.

III.

Конечно, какъ художникъ, Гончаровъ былъ занятъ не столько соціологической основой своихъ поэтическихъ созерцаній, сколько идейнымъ значеніемъ тѣхъ или иныхъ художественныхъ образовъ. Съ этой стороны, оцѣнивая его литературную дѣятельность, мы должны сказать, что онъ фиксировалъ въ своихъ романахъ цѣлый умственный переворотъ, отмѣтилъ нарожденіе и смѣну міровоззрѣній и былъ провозвѣстникомъ того позитивизма и реализма мысли, которые сдѣлались лозунгомъ передовой разночинной интеллигенціи въ 60-хъ годахъ: онъ создалъ новую идеологію, и въ этомъ отношеніи русское общество ему многимъ обязано. Тотъ широкій взглядъ на современность, который съ такой полнотой раскрылся въ его „Обыкновенной исторіи", „Обломовѣ" и „Обрывѣ", даетъ намъ возможность точно формулировать идейные итоги, къ которымъ пришелъ

авторъ, помогая русскому обществу разобраться въ путаницѣ цѣлаго ряда вопросовъ. Гончаровъ не только пѣвецъ дореформенной Руси, но для своихъ читателей былъ и „новый человѣкъ". Дореформенную Русь, вліяніе которой онъ такъ болѣзненно испытывалъ на себѣ, онъ глубоко понялъ и изобразилъ, какъ „обломовщину, какъ умственный, нравственный и общественный застой. Это свое пониманіе, прогрессивное вслѣдствіе своего отрицательнаго характера, онъ воплотилъ въ Обломовѣ и Захарѣ, въ Обломовкѣ и ея обитателяхъ, въ „бабушкѣ" и Райскомъ, въ Адуевѣ-младшемъ и его патріархальной семьѣ. Всѣхъ ихъ породила и объединяетъ одна общая родина, „одна великая бабушка"—историческая Русь. При всемъ разнообразіи ихъ индивидуальностей, они дѣти одной культуры, одной общественной полосы: это—люди патріархальнаго барства, люди „мечты и порывовъ". Въ лучшемъ случаѣ это романтики, обезсиленные опытомъ жизни и внутренними противорѣчіями, сентименталисты — мечтатели, эстеты, „рыцари на часъ", на словахъ жаждущіе счастія „всего человѣчества", „всеобщаго блага", но въ жизни—красивыя безполезности, безпомощные нытики и неудачники. Одни изъ нихъ вызываютъ въ авторѣ чувство добродушія, почтительности и даже любви, какъ, напр., бабушка, другіе—явное недоброжелательство и насмѣшку, какъ, напр., Адуевъ-младшій. Съ безпощадной и тонкой ироніей авторъ развѣнчиваетъ въ „Обыкновенной исторіи" Ал. Ф. Адуева, смѣется надъ его вредной сентиментальностью, опошляющимся романтизмомъ, превращая юношу—мечтателя въ практическаго чиновника-карьериста, въ чемъ, очевидно, и заключается обыкновенная исторія такихъ людей. Но обрисовавъ отрицательными чертами этого отпрыска дворянскаго рода, такъ уродливо воспитаннаго въ глуши помѣщичьей усадьбы, Гончаровъ противополагаетъ ему представителя города — Адуева-старшаго, человѣка желѣзной воли, разсудка, поклонника труда, врага всякихъ фантастическихъ плановъ и поэтическихъ химеръ. Онъ—олицетвореніе энергіи и системы. Въ немъ все уравновѣшено, всѣ страсти подчинены требованіямъ трезвой мысли, соображеніямъ разсчета. Управляя канцеляріей, онъ въ то же время является владѣльцемъ завода, гдѣ, насаждая русскую промышленность, не забываетъ отечески посѣчь своихъ рабочихъ. Для него бѣдность—порокъ, преступленіе. Онъ цинично отзывается о тѣхъ, кто изнываетъ подъ гнетомъ нужды, говоря: „Бѣденъ! Какая мерзость." Жизнь для него ясна, размѣрена: она для него—деньги и служебное положеніе, „фортуна и карьера". Онъ цѣнитъ только „дѣловыя отношенія", изъ которыхъ можно извлечь пользу. Высмѣивая племянника, онъ совѣтуетъ ему образумиться, оставить бредни и несбыточныя мечтанья. „Надо дѣло дѣлать!"—вотъ его руководящій принципъ. Эта трезвость мысли, это знаніе жизни и отсутствіе слащаваго сентиментализма были для своего времени „новымъ словомъ" и увлекали читателя. Даже философски образованный, закаленный жизнью знаменитый критикъ В. Бѣлинскій увлекся проповѣдью Гончарова „трезвыхъ людей" и

съ восторгомъ привѣтствовалъ въ своей статьѣ 1848 г. романъ „Обыкновенная исторія".

Не трудно понять источникъ этого преклоненія Гончарова передъ „людьми дѣла", „обновляющаго труда": его происхожденіе, очевидно, фатально влекло его къ идеалу „человѣка труда". Лишенное сословныхъ привиллегій, завоевавъ себѣ общественное положеніе усиліями личной энергіи, купечество исторически закрѣпляло въ своей идеологіи эти основныя психологическія черты, а Гончаровъ въ силу наслѣдственности и семейныхъ и общественныхъ вліяній всю жизнь испытывалъ тяготѣніе къ людямъ, для которыхъ смыслъ жизни въ борьбѣ, трудѣ, въ постоянной напряженной работѣ.

Что касается самого читателя, то онъ, подчиняясь духу времени, искалъ отраженія новыхъ вѣяній въ литературѣ: возникали перемѣны и потрясенія въ самомъ ходѣ исторической жизни, назрѣвала „великая реформа", призывавшая къ активному вмѣшательству, къ строительству жизни: нужны были люди „дѣла", а не „слова".

IV.

Но въ еще болѣе широкія рамки захватилъ Гончаровъ русскую дѣйствительность въ романѣ „Обломовъ": передъ нами не только огромная бытовая картина дореформенной Руси, но въ лицѣ Ильи Ильича Обломова и Штольца даны какъ бы два основныхъ рычага нашей исторической жизни, двѣ коренныя стихіи. Если Обломовъ есть выраженіе косности, покоя, смерти, то Штольцъ—воплощеніе энергіи, движенія жизни. Со всѣмъ напряженіемъ своихъ творческихъ силъ Гончаровъ выписывалъ въ своемъ знаменитомъ романѣ эти два близкіе, дорогіе ему, какъ художнику и человѣку, образа: Обломовъ—„голубь" и мечтатель, баринъ и крѣпостникъ, сладко и дремотно закрывающій глаза передъ зарей новой жизни подъ любовное ворчанье слуги Захара и ласки Агаѳьи Матвѣевны, и Штольцъ — представитель „знанія, энергіи", для котораго «трудъ—образъ, содержаніе, стихія и цѣль жизни», позитивистъ, врагъ всякой метафизики, мистицизма и „проклятыхъ вопросовъ", „грюндеръ" и просвѣщенный дѣлецъ, вѣчно путешествующій по Россіи и Европѣ, составившій себѣ состояніе.

Еще знаменитый критикъ „Современника" отнесся къ излюбленному герою Гончарова съ явнымъ недоброжелательствомъ и с к е п т и ц и з о м ъ: для него Штольцъ не только не былъ человѣкомъ прогресса, носителемъ новыхъ вѣяній, но онъ ему отказалъ въ какомъ бы то ни было общественномъ значеніи. Насъ, умудренныхъ опытомъ и знаніемъ, еще менѣе плѣняетъ этотъ просвѣщенный буржуа. Что прежде всего бросается въ глаза при внимательномъ изученіи этого типа, это отсутствіе у Штольца ясно выраженной и продуманной общественной программы. Его суетливая, полная иниціативы дѣятельность не одухотворена ни высотой общественнаго идеала, ни сознаніемъ общественныхъ задачъ своего времени: Штольцъ весь ушелъ въ личную жизнь, онъ поглощенъ стремленіемъ къ личному счастію. Въ немъ чувствуется какая-то интелектуальная сытость, вну-

треннее довольство—онъ конченый человѣкъ, до котораго не коснулся окрыпляющій духъ святого безпокойства и исканій, тотъ священный недугъ, которымъ страдаютъ чуждые и непонятные ему Фаусты и Манфреды. Онъ никогда не былъ истиннымъ борцомъ, вождемъ общественнаго движенія: это типъ переходной эпохи, всю узость и односторонность стремленій котораго мучительно чувствовала умная, чуткая Ольга Ильинская.

А между тѣмъ, Штольцъ—„грядущая новая сила", носитель идеала самого автора—не даромъ его такъ краснорѣчиво и проникновенно привѣтствуетъ Гончаровъ: „Но вотъ глаза очнулись отъ дремоты, послышались бойкіе, широкіе шаги, живые голоса... Сколько Штольцевъ должно явиться подъ русскими именами!" Ясно, что въ самомъ строѣ мыслей Гончарова, въ его міропониманіи была нѣкоторая недоговоренность, нѣкорая половинчатость утвержденія, туманность жизненной цѣли. Гончаровъ не чувствовалъ, не понималъ, что своею проповѣдью позитивизма и яснаго сознанія реальныхъ условій жизни подготовлялъ „типъ мыслящаго реалиста", полнаго рѣшимости и отрицанія, страстнаго поборника точныхъ наукъ. Человѣкъ умѣренный, золотой середины, зараженный духомъ „мѣщанства", онъ отвернулся отъ своего же родного дѣтища — Марка Волохова, создавъ изъ него каррикатуру. Волоховы и Базаровы—законные преемники Штольца, доводившіе его взгляды, его отношеніе къ дѣйствительности до ихъ естественныхъ результатовъ и логической ясности. Отсюда становится намъ понятенъ и тотъ разладъ между обществомъ и Гончаровымъ, который начался съ романа „Обрывъ" и имѣлъ роковыя послѣдствія для писателя. Гончаровъ—писатель переходной эпохи: онъ—связующее звено между поколѣніями 40-хъ и 60-хъ годовъ.

V.

Романъ „Обрывъ" встрѣченъ былъ русскимъ обществомъ неблагосклонно. Значительная часть критики отнеслась отрицательно къ замыслу автора и къ каррикатурности изображенія „молодого поколѣнія", которое не безъ ехидства было представлено Гончаровымъ въ лицѣ Марка Волохова; тѣмъ болѣе, что „шестидесятникамъ", этимъ ненавистнымъ для автора нигилистамъ, разрушителямъ эстетики, морали и порядка, онъ противоставилъ въ качествѣ положительнаго типа Пушкина, лицо „идеальное", воплощеніе скромности, благородства и мѣщанской дѣловитости. И общество было право. Небывалый общественный подъемъ, новое идейное настроеніе, такъ ярко оформленное молодымъ поколѣніемъ въ лицѣ Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева, этихъ фанатиковъ научной мысли и общественнаго блага, выступившихъ на арену исторической борьбы, все это показало Гончарову, что внутренняя связь его, какъ писателя, съ жизнью и обществомъ порвалась, и онъ съ разочарованіемъ и тоской въ душѣ положилъ свое перо. Повторилась вѣчная, но всегда новая драма, въ основѣ которой лежитъ столкновеніе «отцовъ и дѣтей»; взаимное непониманіе и полная идейная отчужденность: Гончаровъ пре-

вратился изъ участника общественнаго прогресса въ его безучастнаго зрителя и даже болѣе того—въ его врага. Онъ покидаетъ литературную дѣятельность почти навсегда, изрѣдка напоминая о себѣ читателю небольшими очерками и критическими статьями: „Слуги стараго времени", „Литературный вечеръ", „Милліонъ терзаній", „Лучше поздно—чѣмъ никогда" и „Всспоминанія", въ достаточной степени уже оцѣненными исторіей литературы, на которыхъ еще лежитъ печать крупнаго изобразительнаго таланта и точнаго аналитическаго ума. Какая это была мучительная агонія—непрерывное и медленное угасаніе духа и блестящаго дарованія. Какъ писатель. Гончаровъ былъ забытъ еще при жизни. Живя въ полномъ уединеніи въ Петербургѣ, почти не выходя изъ квартиры, порвавъ не только литературную, но и всякую непосредственную связь съ обществомъ и внѣшнимъ міромъ, Гончаровъ умиралъ одинокой смертью мученика, который самъ себѣ, подобно средневѣковому аскету, уготовилъ холодную могилу забвенія, заживо легъ въ гробъ. Кругомъ шла ожесточенная и шумная борьба, смѣнялись поколѣнія, приносились жертвы, раздавались стоны и ликованія, а его уста, скованныя печатью недовѣрія и страха передъ жизнью, молчали. И это угасаніе таланта становится еще болѣе поучительнымъ, если вспомнить, какія подчасъ уродливыя формы оно принимало, какъ медленно опускалась тѣнь духовнаго помраченія на его опустошенную душу. Въ то время, какъ страна въ „эпоху великихъ реформъ" переживала годы воскресенія, сбрасывала съ себя вѣковѣчныя цѣпи рабства и литература звонкими голосами привѣтствовала этотъ весенній потокъ, подъ напоромъ котораго ломались старые устои, въ то время, какъ въ горнилѣ общественнаго сознанія зрѣли великіе проблемы и вопросы, Гончаровъ въ качествѣ публициста и гражданина выступалъ въ старомъ „Голосѣ" со статьями, на тему о „собакахъ, птицахъ и грязи" о „собакахъ, тротуарахъ и извозчикахъ". И когда же? Въ серединѣ 60-хъ годовъ! Внутри страны шла упорная борьба, озаряемая великими надеждами, за границей побѣдоносно и гнѣвно гудѣлъ „Колоколъ" Герцена, а Гончаровъ съ пафосомъ трибуна, во имя своей „аннибаловой клятвы", писалъ: „Я не могу мѣнять своихъ убѣжденій — они святы для меня, и правда всегда будетъ моимъ закономъ. Тротуары, собаки и извозчики, это—общественныя и мои язвы, и я буду бороться, пока дышу. Когда это зло или три зла преодолѣю, тогда только изберу три новыхъ зла—и буду опять бороться!"

Его болѣзненная мстительность довела его до ссоры съ Тургеневымъ, котораго онъ боялся, ненавидѣлъ, обвинялъ въ плагіатѣ и однажды, встрѣтя въ лѣтнемъ саду, публично обозвалъ „воромъ". Кто-то за границей, шутя, между прочимъ замѣтилъ Гончарову, что всѣ его романы начинаются почему-то съ буквы „О". Гончаровъ сталъ умолять своего собесѣдника, чтобы онъ ни въ какомъ случаѣ не говорилъ объ этомъ Тургеневу, который могъ бы, по его мнѣнію, на этотъ счетъ пустить злостный каламбуръ.

15 апрѣля 1891 года И. А. Гончарова не стало: такъ кончилась жизнь чело-

вѣка, который сказалъ свое крылатое и мудрое слово о современникахъ и Россіи, обезсмертилъ ея прошлое силою своей творческой мысли и, не понявъ ея, поникъ безумной головой передъ ея загадочнымъ будущимъ, омраченный „историческимъ мѣщанствомъ" нашей общественности.

Сергѣй Яхонтовъ.

ТВОРЧЕСТВО БЕЗУМЦЕВЪ.

О психологіи творчества наука и по сіе время имѣетъ смутныя представленія, оставляя далеко не разрѣшеннымъ вопросъ о талантѣ, о происхожденіи творческаго импульса, объ индивидуализаціи творчества и о тѣхъ психофизическихъ состояніяхъ, при которыхъ оно происходитъ.

Быть можетъ, въ будущемъ откроютъ законы, по которымъ совершаются процессы художественнаго творчества; пока же законы эти не познаны, всѣ теоріи о творчествѣ не могутъ считаться удовлетворительными.

Что же касается вопроса о творчествѣ безумцевъ, то, надо сознаться, и здѣсь ничего не было сдѣлано, если не считать общеизвѣстныхъ и односторонних взглядовъ психіатровъ, разсматривающихъ творчество безумцевъ едва ли не какъ симптомъ какой-нибудь душевной болѣзни.

Я не задаюсь цѣлью сказать что-нибудь новое въ области психологіи творчоства и ограничусь лишь тѣмъ, что выскажу нѣкоторыя соображенія, возникшія при моемъ знакомствѣ съ творчествомъ безумцевъ.

Какъ извѣстно, безуміе не уничтожаетъ умственныхъ и творческихъ способностей, существовавшихъ въ состояніи душевнаго здоровья. Такъ, напр., ремесленники, художники, писатели, медики и литераторы не утрачиваютъ своихъ способностей въ состояніи безумія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда высшая степень слабоумія или какая-нибудь другая болѣзнь мозга не разрушитъ этихъ способностей. По формѣ выраженія и по содержанію, творчество такихъ безумцевъ мало чѣмъ отличается отъ творчества, бывшаго до безумія. Совсѣмъ другое дѣло, когда безуміе открываетъ сокровенные тайники человѣческой души, въ которыхъ обнаруживаются скрытыя до того, совершенно новыя спосособности, граничащія со способностями геніевъ и крупныхъ талантовъ. Человѣкъ, не бравшій кисти въ руки, превращается въ художника, не бывшій до безумія музыкантомъ, поэтомъ, скульпторомъ начинаетъ въ безуміи изобрѣтать музыкальные инструменты, превращается въ композитора, въ скульптора, въ поэта и т. д. То, что было лишь потенціальной способностью, безуміе развиваетъ въ кинетическую, давая широкій просторъ творчеству, исторгнутому изъ темныхъ нѣдръ. Въ силу какихъ причинъ происходитъ подобная метамор-

фоза—неизвѣстно, но интересно отмѣтить, что точно такая же метаморфоза происходитъ и въ состоянiи гипнотическаго сна. Такъ, напр., Vogt'у удалось путемъ опыта доказать, что въ гипнозѣ усиленiе душевныхъ способностей значительно выше нормы у интеллигентныхъ лицъ (медиковъ, философовъ). По этому же поводу Gilles de la Tourette замѣчаетъ: „Мы видѣли въ состоянiи сомнамбулизма бѣдныхъ, необразованныхъ, обычно абсолютно неспособныхъ дѣвушекъ, все поведенiе которыхъ совершенно мѣнялось, какъ только онѣ засыпали. Обыкновенно скучныя, онѣ въ этомъ состоянiи дѣлались живыми, возбужденными, иногда даже богато одаренными.“ Ломброзо тоже отмѣтилъ тотъ фактъ, что безумiе возвышаетъ умъ необразованныхъ людей надъ общимъ уровнемъ и въ значительной степени развиваетъ ихъ интеллектуальныя способности.

Несмотря на приведенные взгляды психологовъ и психiатровъ о душевныхъ способностяхъ въ состоянiи безумiя и гипноза, творчество безумцевъ считалось патологическимъ и, слѣдовательно, менѣе цѣннымъ, чѣмъ творчество душевно-здоровыхъ. Но доказать что творчество безумцевъ—патологично, а другихъ — нормально, не удалось, да и врядъ ли можетъ удаться, такъ какъ процессы творчества вообще не поддаются экспериментально - психологическому изслѣдованiю и, слѣдовательно, познать психологiю творчества нельзя иначе, какъ путемъ самонаблюденiя и путемъ опроса самихъ творящихъ.

При сравненiи творчества безумцевъ съ творчествомъ нашихъ патентованныхъ талантовъ я замѣчалъ, что въ большинствѣ случаевъ продукты творчества первыхъ и послѣднихъ равновелики. Если творчество безумцевъ и не имѣло такой же цѣны, какъ творчество нашихъ патентованныхъ талантовъ, то это произошло совсѣмъ не въ силу того, что творчество безумцевъ, дѣйствительно, не имѣло никакой цѣны, а просто потому, что однимъ ихъ творчество совершенно не было знакомо, другимъ же оно было извѣстно въ освѣщенiи психiатровъ, взгляды которыхъ на творчество безумцевъ лишили возможности дать этому творчеству настоящую цѣну.

Нижепомѣщенный матерiалъ, состоящiй изъ различныхъ родовъ творчества безумцевъ, можетъ лишь свидѣтельствовать, правъ ли я въ своихъ воззрѣнiяхъ на душевную природу безумцевъ и на ихъ творчество.

Начиная съ прозаическихъ произведенiй безумцевъ, замѣчу, что произведенiя этого рода заключаются въ ихъ дневникахъ и исповѣдяхъ, въ повѣстяхъ и разсказахъ, критическихъ и философскихъ статьяхъ. По внѣшнему своему виду произведенiя безумцевъ иногда не обладаютъ тѣми художественными достоинствами, какiя свойственны произведенiямъ талантливыхъ профессiоналовъ. Но это и неудивительно, если принять во вниманiе, что творчество безумца въ большинствѣ случаевъ является настоящимъ вдохновеннымъ творчествомъ, создавшимся импульсивно, ненадуманно и съ наименьшей тратой своей душевной энергiи. Для достиженiя художественнаго эффекта безумецъ не

прибѣгаетъ къ нѣкоторымъ техническимъ пріемамъ и пишетъ искренно и правдиво, оставаясь болѣе свободнымъ и индивидуальнымъ въ проявленіи своего творчества, чѣмъ профессіоналъ, зараженный „школой" и тенденціей и заботящійся не столько о глубинѣ содержанія своего произведенія, сколько о выработкѣ стиля, интересной фабулы и т. п.

Такъ, напр., авторъ разсказа, помѣщеннаго ниже подъ заглавіемъ „Мой домъ", принадлежитъ къ типу наиболѣе загадочныхъ людей, съ тяжелой дегенеративной наслѣдственностью. Онъ рѣдко съ кѣмъ говоритъ, предпочитая оставаться замкнутымъ и одинокимъ. До больницы онъ никогда не проявлялъ литературныхъ дарованій, въ больницѣ же, несмотря на тяжелую обстановку (онъ въ буйномъ отдѣленіи), обнаружился не только литературный талантъ, но и талантъ выразительнаго рисовальщика.

Я помѣщаю начало его разсказа, написаннаго въ видѣ дневника.

МОЙ ДОМЪ.

Отрывки изъ дневника.

21-го іюня.

Всѣхъ въ каретѣ насъ четверо: я и еще другой больной и двое служителей, сопровождающихъ насъ.

Въ каретѣ тѣсно, колѣна наши соприкасаются, и мы при толчкахъ не можемъ даже покачиваться, такъ какъ тѣла наши, встрѣчаясь, препятствуютъ этому и, только на минуту, стискиваются еще сильнѣе. На дворѣ теплый весенній день и въ каретѣ, гдѣ отъ дыханія и испаренія тѣлъ воздухъ тяжелый, спертый, дѣлается невыносимо жарко. Голова кружится. Во всемъ тѣлѣ выступаетъ липкая влага. Въ глазахъ мутнѣетъ. Хотѣлось бы встать, расправить затекшіе члены, которые тоскливо замираютъ и болятъ, но они такъ сжаты, что трудно и порою невозможно даже пошевелиться. Все тѣло охватываетъ какое-то изнеможеніе.

„Скорѣе бы хоть пріѣхать",—думается мнѣ...

Я смотрю въ окно. Тяжелое чувство постепенно замираетъ, смѣняется другимъ—радостнымъ, громаднымъ, всеобъемлющимъ чувствомъ, говорящимъ мнѣ:

„Какъ хорошо".

Тамъ, вверху, синѣетъ небо, плывутъ бѣлыя тучки, напоенный свѣтомъ воздухъ сверкаетъ и дрожитъ. Впереди виднѣется узкая лента шоссейной дороги. Ее обступаетъ хвойный лѣсъ, прерывающійся по временамъ широкими просѣками. Внизу, у дороги, зеленѣетъ и колышетъ своими стебельками молодая травка, киваютъ головками цвѣточки—красные, бѣлые, синіе, желтые...

„Какъ хорошо",—говорю я себѣ.

Я смотрю на вѣтви деревьевъ—и хочется взобраться туда, въ ихъ тѣнь, и посидѣть, полежать на травѣ. Тамъ, на воздухѣ, въ лѣсу, гдѣ такъ тепло, такъ привольно, такъ легко дышится, на воздухѣ, который напоенъ лѣсными ароматами,—какъ хорошо. Это такъ близко, нѣсколько шаговъ, но для меня все равно, что тысяча верстъ... Я не свободенъ, и только глаза мои свободно могутъ наслаждаться зелеными деревьями, небомъ, солнцемъ, а руки и ноги,

которыя такъ тоскуютъ по свободѣ, уныло замерли и стиснуты, какъ въ тискахъ.

Какъ хорошо...

Насъ везутъ въ психіатрическую больницу, находящуюся верстахъ въ 15—16-ти отъ большого города. Проходитъ около часа. Лѣсъ кончается. На смѣну ему выступаютъ поля широкія, изумрудныя, то спускающіяся въ овраги, то убѣгающія вдаль, къ синѣющему лѣсу. Вотъ и поля кончаются. Впереди видны какія-то постройки. Мы приближаемся и ѣдемъ вдоль высокого забора, изъ-за котораго выглядываютъ одноэтажныя деревянныя строенія—павильоны больницы, какъ объясняетъ одинъ изъ служителей. Онъ называетъ отдѣльныя зданія:

— Это десятый павильонъ... А это двѣнадцатый... Домъ смотрителя... Здѣсь живетъ главный врачъ... Это контора больницы...

Карета останавливается. Я выхожу первымъ и въ то время, когда служители съ трудомъ вытаскиваютъ другого больного, успѣваю бросить взглядъ на окружающее. „Такъ вотъ онъ мой домъ-то",—жутко отзывается въ сердцѣ...

* * *

Авторъ другого произведенія еще совсѣмъ молодой человѣкъ, у котораго психіатры опредѣлили „раннее слабоуміе" (dementia praecox). Судьба наградила его многими талантами: онъ—художникъ, музыкантъ, поэтъ, очень начитанный и говоритъ на трехъ иностранныхъ языкахъ.

Несмотря на всѣ достоинства, въ его литературныхъ произведеніяхъ проглядываетъ что-то такое, что невольно заставляетъ обращать на него вниманіе въ большей степени, чѣмъ на другихъ.

Для спеціалистовъ приведенное ниже произведеніе этого безумца покажется типичнымъ произведеніемъ слабоумнаго. Многіе также найдутъ нѣкоторыя мѣста его произведенія нелѣпыми, но, тѣмъ не менѣе, я привожу отрывки изъ его „Посланія хорошенькой женщинѣ". Это „посланіе" написано подъ впечатлѣніемъ зарождающейся любви къ одной дѣвушкѣ, отданной на излеченіе въ ту же больницу отъ чрезмѣрно-повышеннаго полового чувства.

„Посланіе хорошенькой женщинѣ"—своеобразная „пѣсня пѣсней", вырвавшаяся изъ-за стѣнъ „Сумасшедшаго дома". Съ первыхъ же страницъ читателя удивляетъ неуравновѣшенность чувства автора, рѣзкая смѣна настроеній и неожиданные переходы отъ страсти къ экстазу, отъ грусти къ паѳосу. Въ „Посланіи" много красивыхъ поэтическихъ сравненій, но вниманіе читателя цѣликомъ поглощается нелѣпымъ окончаніемъ каждой главы. Этотъ нелѣпый конецъ поражаетъ своей безсмысленностью и требуетъ нѣкотораго поясненія, что я и сдѣлаю, предварительно ознакомивъ читателя съ „Посланіемъ хорошенькой женщинѣ".

* * *

ПОСЛАНІЕ ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНѢ.

I.

Бросаю за окно лимонныя сѣмена и втайнѣ думаю: авось, либо у меня подъ окномъ выростетъ лимонная роща...

Когда я сижу съ вами, Валерія Ни-

колаевна, у меня такія побужденія: вдругъ ни съ того, ни съ сего закричать неестественнымъ голосомъ:

— Валя!

И, сохраняя страшный взглядъ очей, броситься на васъ и сжать васъ въ своихъ объятіяхъ...

Блѣдно, но откровенно!

Я хотѣлъ бы сказать больше. Меня подмываетъ увлечь васъ куда-нибудь и насладиться вашимъ тѣломъ, вашимъ лобзаніемъ,—увлечь, пока не увлекся самъ. Или: задушить васъ съ своихъ богатырскихъ объятіяхъ, поцѣловать въ засосъ, расцѣловать васъ, цѣловать, цѣловать и цѣловать безъ конца, замучить васъ до смерти поцѣлуями... Горячими, страстными, нѣжными, влюбленными... Сжечь васъ единымъ поцѣлуемъ, единымъ лобзаніемъ... Сжечь ее! Сжечь на кострѣ моей страсти. И если двупламенный факелъ,—объятіе и поцѣлуй—не сожжетъ тебя, то ты не колдунья и не святая, ибо тѣ горѣли... Ты простая смертная... Зачѣмъ не горишь ты? Не сгоришь отъ лобзанія и не сгоришь отъ стыда? Зачѣмъ же ты прельшаешь меня, бѣднаго художника, своими граціозными формами? Зачѣмъ ты такъ близка ко мнѣ своимъ дѣвственнымъ тѣломъ? Зачѣмъ? Уйди! Или ты хочешь соблазнить меня? Или ты, силою притворнаго цѣломудрія, хочешь вырвать изъ меня съ корнемъ всѣ зрѣющіе въ нѣдрахъ моей души геройскіе порывы, всѣ прозябающія въ ней благія начинанія, всѣ всосанные мной съ молокомъ матери чистые порывы и побужденія? О, скажи, такъ-ли? Скажи, царица души моей, не скрывай! И если ты не рѣшишься покинуть меня послѣ того, то я отрекусь отъ тебя, отвернусь. Что ты хочешь? Влюбить меня въ себя? О, нѣтъ! Ты хочешь жить со мной? Хочешь исправиться? Хочешь поискать утерянную добродѣтель? Долго ли ты будешь искать? Не разоришь ли ты меня въ первый же день послѣ свадьбы? Не обезумѣю ли я отъ твоей измѣны, отъ твоей блажи, отъ твоихъ нарядовъ, отъ твоихъ излишествъ? Нѣтъ, нѣтъ. Еще разъ нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Уйди отъ меня, свѣтлая фея „Капризъ", исчезни душистый полевой цвѣточекъ, сгинь съ глазъ, красавица, не имѣющая ни дома, ни крова! Прощай, мой ангелъ, мой идеалъ, мое сокровище, мое блаженство, царица души моей, повелительница сердца моего, радость моя, восхищеніе мое, губительница сердецъ, покоя моего, души моей! Прощай! О tempora, o mores! Дайте, пожалуйста, папиросочку.

II.

Не жалѣя бумати, продолжаю на ту же тему. Не уходи, побудь со мною! Къ чему краса твоя? Ты скажешь: „если я тебѣ нравлюсь,—не пиши мнѣ посланій, согрѣши со мной, насладись мной! А если ты этого не можешь, то что-жъ ты можешь?" А знаешь ли ты, что я и такъ грѣшу съ тобой? Знаешь ли ты, что я въ тебя влюбленъ до безумія? Знаешь ли ты, что ты безсознательно калѣчишь мою душу, заставляя ее сгорать и возрождаться черезъ тебя и для тебя? Не уходи, не сказавъ мнѣ слова ласковаго въ утѣшеніе! Кому польза отъ красы твоей? Ты скажешь: „я не боюсь быть проданною; если ты, первый изъ поклон-

никовъ, не сумѣлъ воспользоваться случаемъ, то найдутся цари и князья, которые сумѣютъ оцѣнить меня“. А знаешь ли ты, что и за стѣнами палатъ и дворцовъ ты не скроешься отъ назойливаго преслѣдованія моего? Знаешь ли ты, что и туда будетъ проникать всевидящая любовь моя? Знаешь ли ты, что не избѣжишь ревниваго взгляда, немолчнаго ропота укоризны моей? Не уходи, не взглянувъ на досугѣ голубинымъ взоромъ очей своихъ въ свое будущее! Долговѣчна ли краса твоя? Нѣтъ. Не долговѣчна. Она завянетъ. Но ты скажешь: „если ты знаешь, что краса моя недолговѣчна, отчего же ты тѣмъ сильнѣе не стремишься поймать моментъ и сжать меня въ своихъ объятіяхъ; сжимая, лобзать и сжимать и лобзать до тѣхъ поръ, пока я не закричу: больно! „А знаешь ли ты, что уста твои ядъ, что тѣло твое тлѣнно и скуетъ меня позоромъ? Знаешь ли ты, что не осмѣлюсь броситься въ твои объятія даже и тогда, когда ты, подобно Венерѣ, поникнешь дивными кудрями своими ко мнѣ на плечо? Знаешь ли ты, что я бѣгу тебя, ища тебя? Нѣтъ?... Не знаете... Ну, такъ я вамъ скажу: у нея есть одинъ маленькій недостатокъ, у нея есть одно маленькое дите, что не стоитъ о такихъ пустякахъ и говорить .. Да, да, да! Но за то—сорокъ тысячъ приданаго! Знаю! Знаю! Пришлите телеграмму! Дайте отбой!

III.

Что ты шепчешь стыдливо: я „твоя“! Что ты стыдливо потупила взоръ? Не зарождается ли въ тебѣ то нѣжное чувство—то чувство, которое я испыталъ не разъ? То чувство, которое по своему существу такъ близко къ сладострастію? То чувство, которое во многихъ изъ насъ выродилось, превратилось въ эротоманію, сатиріазисъ, нимфоманію, которое есть ничто иное, какъ половое влеченіе самца и самки? Нѣтъ, Боже, сохрани тебя отъ этого зла! Ты—пѣсня. Не удивляйся. Ты вся соткана изъ мелодій! Не порочь же своего цѣломудрія, не грязни своего воображенія, не черни своей ясной души и не суши раньше времени своей тѣлесной красоты. То обаяніе, которое ты приносишь съ собою и которымъ ты пропитываешь все, тебя окружающее, должна бы, по возможности, стараться сохранить, не тратить всуе, зря, попусту. Это обаяніе заключаетъ въ себѣ музыку и вотъ—ты для меня пѣсня... Ты, ты... Вездѣ и всюду. Ахъ, зачѣмъ я не Моцартъ!? Я убаюкалъ бы тебя нѣжной мелодіей. Я принесъ бы тебѣ тихую серенаду. Я увлекъ бы тебя звонкой лирой. Ты картина. Дивная, божественная, чудная картина. Геніальная кисть нарисовала твой образъ на листахъ великой книги природы. Не рви изъ нея этого листа, не марай своей чести, которая краситъ тебя, какъ и всѣ прочія твои качества.

Тотъ художникъ, который создалъ столь великолѣпное твореніе, каковымъ являешься ты, велитъ мнѣ преклониться передъ величіемъ своего произведенія и признаться, не утаивая своихъ мыслей, что ты для меня—картина. „Мадонна“... Это ты—„Джіоконда“... Это опять ты. „Форнарина“... Это тоже ты. Ты, ты... Во всемъ. Ахъ, зачѣмъ я не Рафаэль!? Я нарисовалъ бы твой дѣвичій, утренній

сонъ. Я похитилъ бы свѣтъ луны, чтобы озарить имъ ночь твоихъ очей. Я направилъ бы на тебя лучъ солнца, который очертилъ бы твой стройный станъ. „Амуръ и Психея", воплотись въ насъ.

Ты—риѳма. Ты рѣзвишься и играешь, хохоча свѣтлымъ, звонкимъ смѣхомъ! О, не томи меня думой, что ты настолько рѣзва и вѣтренна, что, даже вселяя веселость въ другихъ, сама лишилась невинности! Нѣтъ, ты должна быть моей музой, была ею и будешь ею.

Ты, ты... Одна и всегда ты. Ахъ, зачѣмъ я не Пушкинъ? Я воспѣлъ бы твои прелести. Я излилъ бы весь пылъ моей страсти въ пламенныхъ, звучныхъ стансахъ. Я списалъ бы съ твоихъ словъ признанія—признанія тѣ, что такъ мило шепчутъ твои алыя уста и отъ которыхъ вѣетъ на меня интересною страницею романа. „Признаюсь откровенно вамъ: такихъ не видывалъ я дамъ". И если всего этого тебѣ недостаточно, то я... я сойду съ ума. А знаете, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка.

* * *

Прочтя это произведеніе, многіе спросятъ: намѣренно ли авторъ заканчиваетъ каждую главу фразами, не ассоціированными съ предыдущими и не имѣющими никакого отношенія къ ранѣе высказанному?

Подвергая анализу это произведеніе, я убѣждаюсь, что заключительныя строки каждой главы написаны ненамѣренно. Невозможность поставить послѣднія строки каждой главы въ связь съ предыдущими, говоритъ намъ только объ отсутствіи необходимыхъ намъ для пониманія „Посланія" ассоціацій, изъ чего, конечно, не слѣдуетъ отрицать существованіе скрытыхъ ассоціацій, обусловливающихъ появленіе заключительныхъ фразъ каждой главы, не выраженныхъ въ силу того, что скорость всѣхъ психическихъ процессовъ у автора была значительнѣе, чѣмъ скорость механическаго процесса письма. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если проанализировать хотя бы двѣ заключительныя фразы послѣдней главы. Такъ, напр., между фразой: „И если всего этого тебѣ недостаточно, то я... сойду съума" и слѣдующей за нея фразой: „А знаете, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка"—на первый взглядъ не улавливается связи. Но эта связь будетъ на-лицо, если прослѣдить внутреннія (невыраженныя авторомъ) ассоціаціи. Эти внутреннія ассоціаціи таковы: авторъ, находясь въ сумасшедшемъ домѣ, пишетъ записки; фраза „я съ ума сойду" ассоціируется съ записками въ сумасшедшемъ домѣ или съ записками сумасшедшаго, что въ свою очередь ассоціируется съ записками сумасшедшаго Гоголя, заканчивающимися фразой: „У алжирскаго бея подъ носомъ шишка". Такимъ образомъ, внутреннія ассоціаціи протекли въ такомъ порядкѣ: Записки + „я съ ума сойду" + записки сумасшедшаго + „записки сумасшедшаго" Гоголя + „У алжирскаго бея" и т. д.

Все это произведеніе является результатомъ вдохновеннаго творчества которое, широкимъ потокомъ хлынувъ изъ нѣдръ его души, исключило всякую возможность контроля надъ нимъ со сте-

роны автора, вслѣдствіе чего и не были исправлены всѣ эти пробѣлы въ ассоціаціяхъ. Творчество было бы типичнымъ для слабоумнаго въ томъ случаѣ, если бы и дальнѣйшія его произведенія, явившіяся не плодомъ его вдохновенія, а плодомъ размышленія, включали бы въ себѣ пробѣлы въ ассоціаціонной дѣятельности, но этого нѣтъ.

Поэтическія произведенія безумцевъ порою мало чѣмъ отличаются отъ такихъ же произведеній нашихъ профессіоналовъ. Чтобы дать представленіе о поэзіи безумцевъ, приведу два стихотворенія. Одно изъ нихъ написано подъ впечатлѣніемъ встрѣчи на танцевальномъ вечерѣ въ психіатрической больницѣ, съ посвященіемъ

ВАЛЕНТИНѢ.

Твой гибкій станъ кружилъ я въ вихрѣ вальса...
И въ этомъ вихрѣ всѣ кружились мы.
Ахъ, никогда-бы съ нимъ я не разстался,
Не выпустилъ-бъ изъ рукъ своей мечты!
Любили-ли танцоры—я не знаю...
Кружились-ли?.. Кружились мы одни...
Пылалъ, любилъ лишь я, не уставая
Сжимать тебя и прижимать къ груди.
Мнѣ грустно лишь одно—что холодно и гордо,
Хоть вѣжливо, со мной разсталась ты.
Быть можетъ, этотъ залъ съ его толпой притворной...
Въ другомъ же мѣстѣ—обнялись бы мы...

Другое стихотвореніе принадлежитъ перу молодой поэтессы.

Что жизнь моя? Одинъ звенящій,
Невнятный шорохъ камыша:
Имъ убаюканъ лебедь спящій—
Моя усталая душа...
Вдали мелькаютъ торопливо
Въ исканьяхъ жадныхъ корабли...
Но тихо въ заросляхъ залива:
Тамъ дышитъ грусть и гнетъ земли.
Но звукъ, изъ трепета рожденный,
Скользнетъ въ шуршаньи камыша—
И дрогнетъ лебедь пробужденный—
Моя тревожная душа.
И унесется въ міръ свободы,
Гдѣ вторятъ громамъ вздохи бурь,
Гдѣ блещетъ солнце, плещутъ волны,
Сверкаетъ вѣчная лазурь.

Къ сожалѣнію, я не располагаю мѣстомъ, чтобы дать болѣе широкое представленіе о творчествѣ безумцевъ. Замѣчу только, что нѣтъ той области искусства, въ которую не проникла бы душа безумца.

Николай Вавулинъ.

ВѢКЪ МОНИЗМА.

Старая истина о томъ, что явленія исторической важности остаются непонятыми современниками и оцѣниваются лишь послѣдующими поколѣніями, которыя могутъ лучше и полнѣе изучить и понять прошлое,—казалось бы, должна уже потерять силу въ нашъ вѣкъ. Въ наше время желѣзныхъ дорогъ и безпроволочнаго телеграфа, свободы печати и парламентаризма, ни одно сколько-нибудь значительное явленіе общественной жизни не остается незамѣченнымъ, каждое выдающееся событіе подвергается всестороннему изученію и освѣщенію, обсуждается и въ ученыхъ обществахъ, и съ парламентской трибуны, находитъ себѣ тысячеголосый откликъ на страницахъ періодической прессы и въ народныхъ собраніяхъ. И все же законъ исторической перспективы сохраняетъ силу и теперь и часто пестрымъ покровомъ кипучаго разнообразія повседневныхъ явленій затушевываетъ для широкой публики рѣзкіе контуры и скрываетъ истинные размѣры событій, успѣвшихъ серьезно заинтересовать научные и философскіе круги и вызвать къ жизни цѣлую литературу.

Такое крупное общественное явленіе представляетъ собою мало извѣстное въ Россіи, давно уже зародившееся, но только теперь обнаружившее могучій ростъ монистическое движеніе, которое, по словамъ одного изъ наиболѣе выдающихся его теоретиковъ—В. Оствальда, стремится воплотить въ себѣ тенденцію развитія современнаго человѣчества. Корни этого движенія, подготовленнаго и обусловленнаго небывалымъ развитіемъ наукъ и прикладныхъ знаній въ XIX вѣкѣ, заложены въ глубокой потребности людей привести въ соотвѣтствіе общественныя отношенія съ новыми научными воззрѣніями, преобразовать на новыхъ началахъ формы и укладъ современной жизни.

Теоретическая разработка основъ философіи единства — монизма—совершалась безсознательно тѣми изслѣдователями природы, которые въ серединѣ девятнадцатаго столѣтія выдвинули цѣлый рядъ новыхъ идей, объединившихъ огромную массу накопившагося научнаго матеріала и составившихъ содержаніе современной науки. На основѣ этого матеріала и стало вырабатываться современное монистическое міровоззрѣніе, какъ законченная философская система. Но это теченіе научно-философской мысли не ограничивается обычными предѣлами научныхъ дисциплинъ, оно стремится выйти на широкую арену общественно-политической жизни, стать не только міросозерцаніемъ людей науки,

но и научнымъ жизневоззрѣніемъ широкихъ круговъ, могущимъ намѣтить новые идеалы общественной жизни и создать новыя нормы поведенія людей.

Этотъ фактъ аппелляціи къ широкимъ кругамъ общества свидѣтельствуетъ о жизненности новаго явленія и объясняетъ вызываемый имъ глубокій интересъ.

Происходившій въ августѣ прошлаго года первый конгрессъ монистовъ въ Гамбургѣ показалъ, что въ широкихъ слояхъ современнаго общества назрѣла потребность въ совершенно новой духовной пищѣ, которая въ прежнее время доставлялась религіей, искусствомъ, національнымъ чувствомъ и т. д., стало насущнымъ требованіе о выработкѣ и распространеніи научнаго міросозерцанія. Но въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не о популяризаціи знаній въ старомъ смыслѣ слова, которая существовала во всѣ времена и мало имѣетъ общаго съ новымъ явленіемъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы измѣнить теперешнее положеніе науки, какъ явленія, стоящаго внѣ внутренней жизни отдѣльныхъ людей, чтобы превратить ее въ жизненную силу, которая, удовлетворяя самые разнообразные запросы чувства и разума, явилась бы основой и руководящимъ началомъ человѣческой дѣятельности во всѣхъ серьезныхъ и важныхъ вопросахъ жизни. Монизмъ, представляя собою философскій синтезъ теоретическихъ пріобрѣтеній науки о природѣ, стремится спаять въ гармоническое единство не только душу отдѣльнаго индивидуума, но объединить въ одну семью и болѣе широкіе круги людей и охватить все человѣчество. При такихъ условіяхъ понятенъ громадный интересъ, возбуждаемый въ обществѣ монистическимъ движеніемъ, понятно желаніе ознакомиться съ его научнымъ содержаніемъ, его теоретико-познавательными основами и его жизненными идеалами. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется важнымъ разсмотрѣть отношеніе къ новому движенію тѣхъ общественныхъ силъ, которыя почувствовали въ монистическомъ теченіи своего серьезнаго врага, съ практической дѣятельностью послѣдователей новаго теченія объединившихся въ „Союзъ монистовъ", и охарактеризовать взаимоотношенія монизма и другихъ демократическихъ организацій современнаго общества.

Эти вопросы и станутъ предметомъ изложенія дальнѣйшихъ строкъ.

Научныя основанія современной формы монистической философіи созидались одновременно съ установленіемъ самыхъ широкихъ научныхъ обобщеній, съ открытіемъ самыхъ крупныхъ естественныхъ законовъ—закона всемірнаго тяготѣнія, который способствовалъ укрѣпленію взгляда о единствѣ физическихъ силъ, дѣйствующихъ на всемъ протяженіи доступной изученію вселенной, закона вѣчности матеріи и всеобъемлющаго начала сохраненія энергіи, получившаго полное развитіе и обоснованіе во второй половинѣ прошлаго вѣка. Дольше отстаивало свои позиціи противоположное монизму дуалистическое міровоззрѣніе въ области біологическихъ наукъ, гдѣ еще и до сихъ поръ встрѣчаются приверженцы взгляда объ особомъ характерѣ, присущемъ жизненнымъ явленіямъ. Но и здѣсь вѣра въ принципіальную обособленность явленій

жизни была въ корнѣ подорвана эволюціоннымъ ученіемъ, установившимъ филогенетическое единство всего животнаго и растительнаго міра и выдвинувшимъ неизбѣжный вопросъ о возникновеніи жизненныхъ явленій изъ взаимодѣйствія физико-химическихъ силъ безъ вмѣшательства какихъ-либо принципіально отличныхъ отъ нихъ факторовъ. Еще болѣе упорную борьбу съ дуализмомъ приходится вести монистическому воззрѣнію въ психологіи, соціологіи и исторической наукѣ вслѣдствіе громадной сложности изучаемыхъ явленій, съ одной стороны, а съ другой стороны—въ виду болѣе тѣсной и непосредственной связи этихъ наукъ съ вопросами практической политики, затрагивающими интересы вліятельныхъ общественныхъ группъ.

Научное обоснованіе монизма и разработка его общихъ методовъ рѣшенія коренныхъ проблемъ естественно-научнаго знанія обстоятельно и всесторонне произведено въ трудахъ творца этого ученія, какъ философской системы, Эрнста Геккеля *) и его послѣдователей, на воззрѣніяхъ которыхъ мы не будемъ здѣсь останавливаться. Приведемъ лишь теоретико-познавательные взгляды монизма, чтобы показать его противоположность критическому идеализму (неокантіанцы) и распространенному среди современныхъ физиковъ феноменализму (Махъ).

Въ краткихъ словахъ основныя воззрѣнія Геккеля можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ*). Наше познаніе о природѣ или о тѣлесномъ внѣшнемъ мірѣ слагается изъ посредственнаго опыта, обусловленнаго дѣятельностью нашихъ чувствъ. А именно—внѣшній міръ путемъ всевозможныхъ физическихъ и химическихъ процессовъ воздѣйствуетъ на наше тѣло; органы чувствъ воспринимаютъ эти внѣшнія раздраженія, превращаютъ ихъ въ другія формы тѣлесныхъ явленій и проводятъ ихъ далѣе по чувствительнымъ нервамъ къ мозгу, гдѣ они, наконецъ, превращаются въ субъективныя ощущенія и представленія. Непосредственно намъ даны, такимъ образомъ, всегда лишь наши собственныя ощущенія. Но мы не можемъ все-же вслѣдствіе этого, подобно критическому идеализму, подвергать сомнѣнію или тѣмъ болѣе отрицать дѣйствительное существованіе внѣшняго тѣлеснаго міра. Кто поступаетъ такъ, тотъ сбиваетъ съ пути все наше познаніе природы, превращаетъ жизнь въ сонъ и неизбѣжно приходитъ къ взгляду Фихте, что „существуетъ только одно, это одно—моя душа или мое Я“. Но естествознаніе неизбѣжно всегда „реалистично“, т. е. оно разсматриваетъ предметы своего изученія, какъ дѣйствительно существующія вещи, которыя дѣлаются познаваемыми въ той или иной степени благодаря дѣятельности нашихъ чувствъ и нашего мышленія. Все наше дѣйствительно цѣнное знаніе реальной природы и состоитъ изъ представленій, которыя соотвѣтствуютъ дѣйствительно существующимъ вещамъ.

*) Въ особенности, въ „Міровыхъ загадкахъ“ и „Чудесахъ жизни“, имѣющихся въ русскомъ переводѣ.

*) W. w. Schnehen. Erkenntnislehre u. Naturwissenschaft („Der Monismus“. 1912, № 69).

Эти воззрѣнія монизма на природу нашего познанія кореннымъ образомъ противорѣчатъ взглядамъ критическаго идеализма, считающаго міръ естествознанія міромъ (субъективно-идеальныхъ) явленій и признающаго лишь трансцендентную реальность вещей въ себѣ, въ которыя можно вѣрить, но которыхъ нельзя познать. Такъ-же далекъ монизмъ или критическій реализмъ отъ феноменализма (Маха и другихъ), согласно которому для естествознанія существуетъ и можетъ существовать лишь міръ процессовъ чувственнаго воспріятія и ощущеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно отличіе научнаго или критическаго реализма отъ некритическаго или наивнаго реализма повседневной жизни, для котораго тона, звуки и тому подобныя чувственныя воспріятія представляютъ реальныя свойства предметовъ тѣлеснаго міра.

Научно-философскій монизмъ уже вышелъ изъ своего юношескаго періода „бури и натиска" и является теперь установившимся и опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ нѣкоторой, болѣе или менѣе значительной, части образованнаго общества. Въ центрѣ интересовъ сторонниковъ монизма стоитъ теперь этическая проблема, которая и была выдвинута на первый планъ всей работы происходившаго въ Гамбургѣ перваго конгресса монистовъ. Наиболѣе важной и насущной задачей монизма была признана разработка „научной этики", т. е. такой системы этическихъ нормъ, которая не только отвѣчала бы потребностямъ и запросамъ современнаго человѣка, но и была построена на единственной основѣ пріемлемой для современнаго человѣка, именно на научной основѣ.

Практическій монизмъ, создавшійся въ видѣ реакціи противъ клерикальнаго вліянія на жизнь, во внѣшнихъ формахъ воспринялъ многія черты изъ обихода своего противника и часто старается „лить новое вино въ старые мѣхи". Такъ, проф. Геккель мечтаетъ объ особой „монистической религіи", извѣстный химикъ проф. Оствальдъ выступаетъ въ качествѣ „свѣтскаго проповѣдника" и въ своихъ „воскресныхъ проповѣдяхъ" разрабатываетъ вопросы монистической этики. Другіе заняты сочиненіемъ „десяти (!) заповѣдей разума".

Основные взгляды на сущность и происхожденіе этики являются, какъ было сказано, предметомъ „свѣтскихъ проповѣдей" и статей В. Оствальда, который считаетъ задачей этики регулированіе взаимоотношенія людей другъ къ другу (и къ близкимъ къ человѣку группамъ высшихъ животныхъ). Это воззрѣніе,—замѣчаетъ Оствальдъ,—находится въ противорѣчіи съ религіознымъ обоснованіемъ этики, согласно которому этика есть результатъ извѣстнаго отношенія между человѣкомъ и Богомъ. Такой взглядъ характеризуется, какъ пережитокъ антропоморфизма. По цѣлямъ и пріемамъ своего изслѣдованія научная этика разсматривается, какъ спеціальная область общей соціологіи, какъ глава прикладной соціологіи, имѣющая своимъ предметомъ регулированіе взаимныхъ отношеній людей.

Это положеніе этики въ іерархической системѣ наукъ объясняетъ и ея особенно-

сти, какъ науки, и превратности ея исторического развитія.

Уже давно установлено, что наука въ началѣ культурнаго развитія человѣчества представляла нѣчто цѣлое, находившееся въ вѣдѣніи класса жрецовъ. Затѣмъ медленно, въ теченіе культурнаго развитія, одна наука за другой освобождались отъ мистическаго тумана, въ которомъ держало ихъ жреческое сословіе, и становились профессіей особо выдѣлившагося класса общества. И каждый разъ, когда какая-нибудь наука дѣлала попытки освободиться изъ-подъ власти духовенства, послѣднее вступало въ энергичную борьбу за свое вліяніе, пытаясь помѣшать или, по крайней мѣрѣ, замедлить этотъ процессъ освобожденія. Всѣ науки при своемъ зарожденіи окутаны покровомъ тайны и даже въ самой трезвой изъ наукъ—математикѣ—можно теперь найти слѣды окутывавшаго ее когда-то мистическаго тумана. И теперь еще можно встрѣтить не мало суевѣрныхъ представленій среди широкихъ круговъ населенія въ особенности въ области медицины. Но въ общемъ почти всѣ науки уже совершенно освободились отъ всякаго мистицизма; по крайней мѣрѣ, такое освобожденіе принципіально высказано и признано, хотя не вездѣ еще проведено съ достаточной полнотой и послѣдовательностью. Только одна крупная область соціологіи—мораль или этика—въ настоящее время всецѣло находится во власти мистическаго метода, такъ какъ всѣ религіи заявляютъ на нее свои рѣшительныя притязанія.

Такимъ образомъ, — говоритъ Оствальдъ,—намъ приходится теперь быть участниками послѣдней фазы той великой борьбы, которая развертывалась въ теченіе всего времени культурнаго развитія. Въ то время, какъ всѣ остальныя науки уже одержали полную побѣду въ этой борьбѣ, научной этикѣ въ наши дни приходится еще вести великую борьбу за свое освобожденіе. Великая задача тѣхъ изслѣдователей, которые стали на точку зрѣнія чистой науки и съ этой точки зрѣнія разрабатываютъ этику,—разъ навсегда добиться освобожденія этической науки отъ связывающихъ ее путъ.

Стремясь создать цѣлостное міросозерцаніе, монизмъ вызвалъ къ жизни обширную литературу, гдѣ и въ прозѣ, и въ стихахъ, въ научныхъ трактатахъ и беллетристическихъ произведеніяхъ выстраивается грандіозное, полное свѣта и воздуха, зданіе дѣйственнаго жизневоззрѣнія новаго человѣчества. Вотъ нѣкоторыя изъ «десяти заповѣдей разума» *), въ которыхъ наиболѣе ярко проглядываютъ космологическія воззрѣнія монизма.

1. Вѣчно мірозданіе, вѣчно измѣняющееся по желѣзнымъ законамъ. Слѣпо дѣйствуютъ всюду грозныя силы природы. Ничто не рождается, ничто не умираетъ, всегда лишь одно превращается въ другое.

6. Дѣлай добро ради добра! Не вреди своему ближнему! Имѣй состраданіе ко всему живому, такъ какъ все живущее представляетъ такую-же частицу великой міровой души, какъ и ты самъ.

Другой авторъ приводитъ свои „десять

*) W. Ludowici. Die 10 Gebote d. Vernunft „Der Monismus“. (1912, № 67).

священныхъ заповѣдей свободомыслящаго“ въ болѣе полное соотвѣтствіе съ традиціонной формой, влагая въ нихъ, конечно, совершенно новое содержаніе.

Особенный интересъ пріобрѣтаетъ приложеніе монистическихъ взглядовъ къ соціологіи, гдѣ они бросаютъ новый свѣтъ, съ біологической точки зрѣнія, на факты изъ области экономики. До сихъ поръ вопросы экономическаго развитія разсматриваются изолированно отъ развитія обще-біологическаго, что приводитъ къ цѣлому ряду погрѣшностей, которыя обыкновенно и не замѣчаются изслѣдователями, связанными своими тѣсными методологическими рамками.

„Мы не замѣчали до сихъ поръ,—говоритъ Р. Гольдшейдъ *),—что всѣ наши экономическія издержки черпались изъ одной и той-же біологической массы. Во всей нашей практической дѣятельности мы какъ бы руководились вѣрою въ своего рода соціальное perpetuum mobile и полагали, что мы можемъ непрерывно повышать техническую производительность безъ постоянно возрастающихъ вкладовъ капитала для органическихъ цѣлей; мы не давали курицѣ, несущей золотыя яйца, необходимаго корма. Все соціальное зло мы считали неизбѣжнымъ побочнымъ явленіемъ процесса развитія, не думая о томъ, въ какомъ объемѣ тѣневыя стороны соціальной жизни лежатъ въ самой природѣ вещей, въ какой мѣрѣ ихъ слѣдуетъ отнести на счетъ пассива нашей культуры.

„Мы переоцѣнивали продуктивность нашего труда, потому что не включали въ балансъ косвенныхъ органическихъ издержекъ, сопровождающихъ наши техническія завоеванія. Дуализмъ техническаго и органическаго мѣшалъ намъ до сихъ поръ болѣе глубоко заглянуть въ экономію труда, въ экономику всего процесса развитія. Если мы зададимъ себѣ вопросъ, что сдѣлано нашей культурой для самого человѣка, какъ вліяетъ она на развитіе его организма и его личности, какое воздѣйствіе она оказываетъ на накопленіе не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ богатствъ, то мы убѣдимся, что монистическій способъ разсмотрѣнія можетъ бросить совершенно новый свѣтъ на эти явленія. Онъ можетъ открыть намъ связь между людьми, показать, какъ выгоды одного обусловлены ущербомъ другого, какъ развитіе однѣхъ группъ вытекаетъ изъ упадка другихъ, онъ можетъ вскрыть намъ глубокіе корни человѣческой солидарности и натолкнуть насъ на новые методы разрѣшенія соціальныхъ проблемъ.

„Какъ скоро мы поставимъ рядомъ товарную и человѣческую экономику, которая изслѣдуетъ отношенія между созиданіемъ цѣнностей и творческими силами, мы пріобрѣтаемъ совершенно новый взглядъ на весь процессъ біологическаго развитія и развитія культуры вообще, мы протягиваемъ связующія нити между естественными и гуманитарными науками, открываемъ одну общую исходную точку зрѣнія для разсмотрѣнія всѣхъ человѣческихъ проблемъ“.

Съ этой точки зрѣнія становится само собой разумѣющимся, что требо-

*) R. Soldscheid. Monismus u. Menschenökonomie (Das monistu Iahrhundert, 1912 № 1).

ваніе экономно обращаться съ энергіей природы и положить предѣлъ невѣроятной расточительности въ этомъ отношеніи нашей культуры (энергетическій императивъ Оствальда) необходимо заключаетъ въ себѣ постулатъ прежде всего стремиться къ бережливости по отношенію къ человѣческимъ видамъ энергіи, по отношенію къ физическимъ и душевнымъ силамъ человѣка".

Эти взгляды монизма даютъ возможность заглянуть въ біологическіе источники соціальныхъ противорѣчій и намѣтить идеалы новыхъ, болѣе гармоническихъ и совершенныхъ формъ общественной жизни.

* * *

Само собой разумѣется, что мощное монистическое движеніе не могло не обезпокоить клерикаловъ, въ лицѣ которыхъ монизмъ встрѣтилъ непримиримѣйшихъ враговъ. Строго говоря, проникнутый раціонализмомъ протестантизмъ относится довольно индифферентно и терпимо къ инакомыслящимъ и даже гораздо болѣе фанатичный католицизмъ умѣетъ дѣлать, гдѣ нужно, примѣненіе изъ своего принципа „tolerari posse". Такъ дѣло обстоитъ, пока монисты ограничиваются теоретической проповѣдью своей философіи всеединства. Другое дѣло, когда монисты начинаютъ выступать со своими практическими требованіями отдѣленія церкви отъ государства и школы отъ церкви.

Теоретическіе противники монизма въ противовѣсъ „союзу монистовъ", о которомъ рѣчь впереди, объединились въ оюзъ имени Кеплера для идейной борьбы съ опаснымъ ученіемъ. По соображеніямъ мѣста здѣсь не представляется возможнымъ останавливаться на умозрѣніяхъ философовъ Кеплеровскаго союза, выдвинувшихъ и горячо отстаивающихъ тезисъ: „естествознаніе само по себѣ, а міровоззрѣніе само по себѣ"; произведемъ только сопоставленіе именъ сотрудниковъ органа союза Кеплера „Наше Знаніе" и органа союза монистовъ „Вѣкъ Монизма", чтобы дать нѣкоторое представленіе о научныхъ величинахъ, сгруппировавшихся около того и другого союза. Въ органѣ Кеплеровскаго союза принимаютъ участіе: проф. Деннертъ, Тейдтъ, д-ръ Фоссъ, д-ръ Брассъ, проф. Мюллеръ, Грунеръ, Штигельманъ и др., тогда какъ въ органѣ союза монистовъ встрѣчаются такія имена, какъ: Геккель, Оствальдъ, Аррепіусъ, Лёбъ, Бельше, Унольдъ, Форель, Махъ, Мечниковъ, Ферворнъ, Уордъ и множество другихъ.

Не останавливаясь на практической дѣятельности союза и успѣхахъ движенія, итоги которымъ подведены на первомъ конгрессѣ монистовъ въ Гамбургѣ осенью 1911 года, отмѣтимъ отношеніе союза къ очереднымъ вопросамъ политической жизни.

Хотя въ своемъ уставѣ союзъ опредѣленно исключаетъ изъ своей программы партійную политику, однако, это далеко не означаетъ политическаго индифферентизма монистовъ. Такъ, наканунѣ послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ союзъ выступилъ съ энергичнымъ воззваніемъ, въ которомъ, охарактеризовавъ враждебное культурному развитію воздѣйствіе клерикализма на современную жизнь, приглашаетъ своихъ членовъ выполнить свой гражданскій долгъ и

„отдать свой голосъ только противнику черно-синяго блока и такимъ образомъ помочь освобожденію нѣмецкаго народа отъ клерикальнаго ярма".

По своей соціальной основѣ монистическое движеніе является движеніемъ демократической интеллигенціи, и именно той ея части, которая слабѣе всего связана съ классовымъ раздѣленіемъ общества и болѣе всего страдаетъ отъ недостаточнаго развитія въ немъ демократическихъ началъ. Это та часть интеллигенціи, которая рѣшительнѣе всѣхъ другихъ ея группъ стремится воплотить въ жизнь завоеванія современной научной мысли и которая является носительницей наиболѣе прогрессивныхъ тенденцій развитія буржуазнаго общества.

Такимъ образомъ, монизмъ ближе всего подходитъ къ другому, еще болѣе мощному и глубокому движенію современности—къ соціалистическому движенію, и сліяніе его съ послѣднимъ теоретически вполнѣ мыслимое и въ той же степени вѣроятно, въ какой возможенъ и вѣроятенъ переходъ демократической интеллигенціи на точку зрѣнія пролетаріата

В. Познеръ.

СОЦІАЛЬНАЯ ОСНОВА АНТИСЕМИТИЗМА.

I.

Антисемитизмъ поражаетъ своей живучестью. Не одинъ историкъ останавливался въ недоумѣніи передъ этимъ вѣчнымъ сопутствіемъ „вѣчнаго народа", передъ постоянно повторяющимися враждой и гоненіями, для которыхъ трудно подыскать сколько-нибудь состоятельные побудительные мотивы.

Корни антисемитизма теряются въ глубокой древности, и весь ходъ исторіи сплетается съ развѣтвленіями этого исключительнаго соціальнаго явленія. На антисемитизмѣ спекулировали разные классы, стоявшіе у власти или добивавшіеся власти; антисемитизмъ крашивалъ собою господствующую политику цѣлыхъ эпохъ. Гдѣ его соціальная основа? Какой соціальный источникъ питаетъ его?.

Вѣчность и исключительность—плохая протекція для изученія соціальнаго явленія съ точки зрѣнія науки.

Человѣческій умъ успокаивается на вѣчномъ и исключительномъ, не поддающемся сопоставленіямъ, и ограничивается либо простымъ описаніемъ явленія, точнымъ его регистрированіемъ, либо, въ лучшемъ случаѣ, сведеніемъ его къ чему-то лежащему внѣ области исторіи. Вѣчность и исключительность еврейскаго вопроса толкаетъ часто и поверхностныхъ наблюдателей, и ученыхъ изслѣдователей въ болѣе, чѣмъ сомнительныя области антропологически-расовыхъ построеній. Даже экономисты, не признающіе никакого значенія за расовыми особенностями народа въ его хозяйственной жизни, нерѣдко попадаютъ въ расовою трясину, когда имъ приходится отыскивать объясненіе для еврейскаго вопроса (напримѣръ, Вернеръ Зомбартъ въ его послѣднемъ трудѣ: „Евреи и

хозяйственная жизнь"). Создается логичеекій карточный домикъ, съ виду стройный и во всѣхъ своихъ частяхъ надлежащимъ образомъ оборудованный, но разсыпающійся при первомъ прикосновеніи критики. При разныхъ варіаціяхъ расовая трактовка еврейскаго вопроса покоится на слѣдующихъ, внѣшне какъ будто правильныхъ, разсужденіяхъ: евреевъ преслѣдовали и ненавидѣли во всѣ времена, на разныхъ широтахъ и долготахъ нашей планеты, при разныхъ историческихъ обстоятельствахъ, при разныхъ формахъ правленія, при господствѣ разныхъ соціальныхъ принциповъ; колыбель еврейскаго народа лежитъ въ египетскомъ рабствѣ; древняя Греція угнетала евреевъ, древній Римъ ихъ преслѣдовалъ; черезъ всѣ средніе вѣка идетъ непрерывная цѣпь гоненій на евреевъ; не снятъ былъ съ очереди еврейскій вопросъ и въ новое время, не прекратились вражда и преслѣдованія даже въ наше время, въ теченіе вѣковъ противъ евреевъ выдвигались самыя абсурдныя обвиненія, въ оправданіе преслѣдованій давались евреямъ въ разныя времена различныя характеристики, другъ другу противорѣчащія. Значитъ, антисемитизмъ не зависитъ отъ общихъ условій соціальной жизни. Приходится элиминировать случайные историческіе измѣнчивые моменты и искать причины антисемитизма въ чемъ-то лежащемъ по ту сторону исторіи. Если при разныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ одно явленіе неизмѣнно повторяется, то слѣдуетъ, очевидно, искать причины этого явленія въ чемъ-то лежащемъ внѣ этихъ обстоятельствъ. Поиски скоро увѣнчаются успѣхомъ, ибо по ту сторону исторіи можно найти все, что угодно. Находятъ расовую сущность евреевъ, такъ или иначе опредѣляемую, объявляютъ ее чуждой всѣмъ другимъ народамъ, наводятъ на нее научный глянцъ, связывая ее съ климатическими условіями родины еврейскаго народа,— и задача рѣшена.

Внимательное разсмотрѣніе вопроса быстро, однако, обнаруживаетъ несостоятельность этого построенія. Многовѣковая неизмѣнность антисемитизма только кажущаяся. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего общаго между рабствомъ евреевъ въ Египтѣ на зарѣ исторіи и національными войнами грековъ и римлянъ противъ независимой Іудеи и противъ попытокъ возстановитъ потерянную независимость. Равнымъ образомъ нѣтъ ничего общаго между греко-римскимъ „еврейскимъ вопросомъ", носившимъ національно-политическій характеръ, и средневѣковыми преслѣдованіями, изгнаніями и инквизиціей, имѣвшими, по крайней мѣрѣ, внѣшне, свою основу въ религіозной нетерпимости. Эта религіозная нетерпимость была, правда, лишь внѣшней формой, за которой скрывались болѣе глубокія соціальныя причины вражды христіанскаго населенія къ еврейскому. Но національно-политическій элементъ въ средневѣковомъ антисемитизмѣ совершенно отсутствуетъ. Въ современномъ антисемитизмѣ отсутствуетъ также религіозный элементъ. Въ состояніи ли расовая теорія объяснить различныя проявленія антисемитизма? Почему, при остающемся неизмѣннымъ національно-расовомъ „нѣчто", реакція на „нѣчто", юдофобія, принимала въ разныя времена

и у разныхъ народовъ различныя формы? Почему, напримѣръ, въ средніе вѣка и даже въ новое время правительства и церковь старались обращать евреевъ въ христіанство и содѣйствовали ассимиляціи ихъ съ христіанскимъ населеніемъ, а современные антисемиты противодѣйствуютъ ассимиляціи? Развѣ эти и другія „странности“ изъ еврейской исторіи становятся хоть на волосъ болѣе понятными отъ принятія гипотезы вѣчнаго національно-расоваго психологическаго строя евреевъ?

Не стоило бы тратить много словъ для доказательства научной безплодности расовыхъ теорій, если бы не исключительность еврейскаго вопроса, создающая ему также исключительное положеніе въ области научнаго изслѣдованія. Эта исключительность, видимо, не давала ученымъ изслѣдователямъ вопроса сосредоточить свое вниманіе на выясненіи особенностей экономической жизни евреевъ. Можно сказать, что экономическая жизнь евреевъ осталась совсѣмъ незамѣченной. Даже въ обширныхъ компендіяхъ по исторіи евреевъ, какъ, напр., въ 13- томной „Исторіи евреевъ“ Греца, почти ничего не говорится объ экономическомъ положеніи и о формахъ хозяйственной дѣятельности евреевъ въ ту или другую эпоху.

Въ послѣднее время этотъ существенный пробѣлъ начинаетъ пополняться. Труды Каро, Шиппера, Штобе, Зомбарта и множество монографій объ исторической роли евреевъ въ хозяйственной жизни средневѣковья и новаго времени, несмотря на научную слабость дѣлаемыхъ авторами выводовъ, даютъ ключъ къ дѣйствительному научному пониманію еврейскаго вопроса. Собранные матеріалы открываютъ возможность обобщеній и разсмотрѣнія антисемитизма, какъ соціальнаго явленія, имѣющаго свою основу въ характерѣ окружающей соціальной обстановки и видоизмѣняющагося сообразно измѣненіямъ соціальной обстановки.

II.

Приступая къ описанію эволюціи антисемитизма, къ выясненію различныхъ фазъ его историческаго развитія, мы должны прежде всего точнѣе опредѣлить его историческое начало и существенные его признаки. Плохую услугу оказываетъ научной разработкѣ вопроса чрезмѣрное расширеніе понятія антисемитизма. Національныя войны разныхъ народовъ древняго міра противъ евреевъ, порабощеніе покоренныхъ евреевъ, правовыя ограниченія, вытекавшія изъ этого порабощенія, усмиреніе неоднократныхъ возстаній евреевъ, налоги на усмиренныхъ— все это находится въ весьма отдаленной связи съ антисемитизмомъ среднихъ вѣковъ и съ антисемитизмомъ нашихъ дней. Національная борьба, покореніе и порабощеніе имѣли, конечно, мѣсто не только по отношенію къ евреямъ. Но по отношенію къ другимъ народамъ вражда народовъ-покорителей прекращалась къ тому времени, когда прекращались со стороны покоренныхъ народовъ попытки къ политической независимости. По отношенію же къ евреямъ именно въ то время, когда о національно-политической борьбѣ уже не могло быть и рѣчи, выросла новая форма вражды, ли- [illegible] я всякаго національнаго харак-

тера, — явленіе исключительное, не имѣющее примѣра въ историческихъ судьбахъ другихъ народовъ. Это именно исключительное явленіе мы называемъ антисемитизмомъ. Начало его относится, такимъ образомъ, не къ глубокой древности и даже не къ раннему средневѣковью, когда антиеврейская политика Византіи и германскихъ государствъ диктовалась стремленіемъ усмирить все еще рвавшееся къ борьбѣ за независимость покоренное племя. Начало антисемитизма относится къ эпохѣ тѣхъ огромныхъ соціальныхъ потрясеній, которыя вызвали странствованія народныхъ массъ въ поискахъ гроба Спасителя. До этого времени евреи занимались въ разныхъ странахъ Европы земледѣліемъ, ремеслами и торговлей—и нигдѣ не замѣчалось острой вражды къ нимъ христіанскаго населенія. Кризисъ, вызванный малоземельемъ, разрѣшился бурей Крестовыхъ походовъ, съ самаго начала сопровождавшихся повсемѣстными еврейскими погромами. Нафанатизированныя обездоленныя народныя массы, искавшія враговъ Христовыхъ на Востокѣ, находили такихъ же враговъ у себя дома. Выгоды, рисовавшіяся въ видѣ награды за побѣду надъ иновѣрными мусульманами, достигались до нѣкоторой степени разгромомъ осѣвшихъ въ Европѣ иновѣрныхъ—евреевъ. У евреевъ отнимались земли и имущества, еврейское земледѣліе совершенно уничтожилось, а изъ ремеслъ и торговли евреи вытѣснялись упрочившимся къ тому времени феодально-монопольнымъ строемъ хозяйства.

Послѣ распаденія Карловской имперіи началъ складываться феодально-монопольный строй хозяйства. Здѣсь не мѣсто разбирать причины, содѣйствовавшія установленію феодализма и монополизаціи хозяйственной жизни. Достаточно сказать, что закрѣпощеніе хозяйства было прямымъ послѣдствіемъ хозяйственныхъ потрясеній первой половины средневѣковья. Феодальный строй складывался не сразу, и процессъ его образованія протекалъ въ постепенномъ регламентированіи всѣхъ областей хозяйства, въ постепенномъ превращеніи всѣхъ отраслей экономической дѣятельности въ монопольныя статьи. Феодальный договоръ, закрѣпленный церковными авторитетами, регламентировалъ и монополизировалъ сельское хозяйство сверху до низу. Цеховой строй въ точности распредѣлялъ и предусматривалъ всѣ отправленія ремесленной жизни. Гильдейскіе уставы купеческихъ цеховъ монополизировали также почти всѣ отрасли торговли, преимущественно внутренней. Все это освящалось церковью и считалось незыблемой гарантіей противъ опасностей хозяйственныхъ потрясеній. Конкурренція была устранена изъ всѣхъ областей хозяйства. И по мѣрѣ упроченія и расширенія феодально-монопольнаго порядка евреи вытѣснялись изъ разныхъ отраслей труда, вытѣснялись въ силу того, что они оставались внѣ освященнаго церковью феодально-цехового договора. И чѣмъ больше отраслей труда охватывалъ феодально-цеховой регламентъ, тѣмъ меньше становился для еврея просторъ въ выборѣ занятій. Въ началѣ евреи занимались тѣми немногочисленными ремеслами, которыя оставались

непредусмотрѣнными регламентомъ, и торговлей. Но съ XII вѣка, когда цеховой регламентъ охватилъ всѣ отрасли ремесла и торговля вошла въ общій монопольный строй и стала исключительнымъ занятіемъ членовъ купеческихъ гильдій, евреи становятся по нуждѣ новаторами въ хозяйственной жизни: они вынуждены были отыскивать новыя ремесла и новыя формы обмѣна. Каждое новое ремесло, изобрѣтенное евреями, каждый новый товаръ, каждая новая форма торговли нарушали покой патріархально-цеховой семьи. На новый товаръ смотрѣли, какъ на преступную фальсификацію стараго, находящагося въ обиходѣ, товара. На новую форму торговли, облегчающую сбытъ товаровъ по болѣе дешевой цѣнѣ, смотрѣли, какъ на ненавистную и всѣми презираемую конкурренцію, несущую съ собой гибель для многихъ честныхъ членовъ христіанской цеховой семьи. Въ поискахъ гонимыхъ за новыми занятіями гибли поколѣнія, но оставшіеся изощрялись въ нахожденіи новыхъ формъ для приложенія своего труда. Ихъ новыя обрѣтаемыя занятія протекали безъ установленныхъ нормъ, и въ мірѣ сплошныхъ монополій образовывались маленькіе оазисы экономической дѣятельности на основѣ свободной конкурренціи. Оазисы эти росли и множились, врѣзываясь все глубже и глубже въ средневѣковую пустыню.

Два міра съ противоположными интересами, противоположными стремленіями, противоположными общественными воззрѣніями и симпатіями представляетъ намъ средневѣковая Европа. Въ одномъ изъ нихъ господствуютъ монополія и опека. Земля раздѣлена между хлѣбопашцами, находящими защиту у владѣтельныхъ князей и отправляющими имъ извѣстныя повинности. Ремесла распредѣлены по цехамъ, которые опекаютъ своихъ членовъ, не даютъ имъ конкуррировать между собой и устанавливаютъ опредѣленныя нормы труда и продажи. Торговля регламентирована гильдейскими уставами, и каждый членъ гильдіи знаетъ и обязанъ вести опредѣленный видъ торговли, для опредѣленнаго круга покупателей, по опредѣленнымъ цѣнамъ. Каждый смотрѣлъ на свой промыселъ, какъ на свою монополію, и требовалъ охраненія ея сверху отъ чужого вторженія. И посреди этого общаго закрѣпощенія образовался маленькій мірокъ, вынужденный строить свое существованіе на совершенно другихъ основаніяхъ. Монополія ему чужда, такъ какъ его ничѣмъ не надѣляютъ. Опеки онъ не знаетъ, такъ какъ въ ней ему отказываютъ. Здѣсь ростутъ и крѣпнутъ взгляды свободной конкурренціи и свободы промысловъ. Симпатіи этого мірка на сторонѣ раскрѣпощенія экономической дѣятельности. Антагонизмъ между этими двумя мірами неизбѣженъ, онъ обостряется по мѣрѣ выясненія на практикѣ жизни непримиримости этихъ двухъ формъ хозяйства, онъ измѣняется въ своихъ проявленіяхъ въ зависимости отъ измѣненій въ господствующемъ соціальномъ строѣ.

Съ того времени до нашихъ дней соціальная основа антисемитизма осталась та-же. Онъ постоянно является сопутствующимъ общественнымъ чаяніямъ, требованіямъ и симпатіямъ тѣхъ слоевъ

населенія, которые тяготѣютъ къ монополіи и къ государственной опекѣ. Исторически выдрессированные представители свободной конкурренціи, евреи, естественно, представляются имъ носителями того зла, которое они видятъ въ экономическимъ прогрессѣ и въ торжествѣ свободныхъ формъ общежитія. И классовый инстинктъ ихъ не обманываетъ.

III.

Экономисты единодушно отмѣчаютъ весьма существенное значеніе евреевъ для развитія капитализма. Но объясненіе этого явленія они видятъ либо въ особой расовой предрасположенности евреевъ къ товарному хозяйству, либо въ томъ, что евреи, будучи разсѣяны по всему средневѣковому міру, имѣли бо̀льшую возможность сноситься съ отдаленными странами, преимущественно съ Востокомъ, либо, наконецъ, въ томъ, что евреи будто первые являются обладателями крупныхъ денежныхъ капиталовъ. Научная несостоятельность расовыхъ объясненій не требуетъ особыхъ доказательствъ. Разсѣянность же евреевъ является главнымъ слѣдствіемъ ихъ экономической дѣятельности. Къ тому же торговыя сношенія съ Востокомъ поддерживались въ средніе вѣка и представителями другихъ народностей. Во всякомъ случаѣ, разсѣянность евреевъ по всему міру могла лишь до извѣстной степени облегчить ихъ внѣшнюю торговлю, но не служить побудительнымъ факторомъ въ новаторской экономической дѣятельности евреевъ. Что же касается утвержденія, что въ рукахъ евреевъ впервые накопились крупныя денежныя богатства, то этотъ фактъ, если его считать исторически доказаннымъ, самъ нуждается въ объясненіи. Между тѣмъ, о происхожденіи еврейскихъ капиталовъ въ раннее средневѣковье существуютъ лишь самыя рискованныя догадки*)

Сведеніе такого многозначительнаго соціальнаго явленія, дающаго о себѣ знать безпрерывно въ продолженіе многихъ вѣковъ въ разныхъ странахъ, къ такому сомнительному источнику едва ли можетъ почитаться научно обоснованнымъ объясненіемъ.

Яснѣе всего вырисовывается картина піонерской экономической дѣятельности евреевъ, если принять за исходную точку зрѣнія средневѣковый феодально-монопольный строй. Приглядываясь къ различнымъ занятіямъ евреевъ въ разныя эпохи, мы можемъ, не рискуя ошибиться, постоянно утверждать, что это были тѣ занятія, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ оставались непредусмотрѣнными феодально-цеховымъ регламентомъ. Первый пробѣлъ въ этомъ хозяйственномъ регламентѣ должны были, естественно, образовать торговля рѣдкими товарами и изготовленіе и продажа предметовъ роскоши. Средневѣковый купецъ и средневѣковый ремесленникъ обыкновенно не знали даже о существованіи этихъ предметовъ, спросъ на ко-

*) Зомбартъ въ своемъ „Современномъ капитализмѣ" предполагаетъ, что евреи успѣли перенести денежныя цѣнности изъ древняго міра и спасти ихъ отъ разгрома при нашествіи варварскихъ племенъ. Шипперъ считаетъ еврейскіе капиталы продуктомъ аккумуляціи земельной ренты, доказывая, что въ раннее средневѣковье евреи владѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обширными земельными участками.

торые предъявлялся лишь со стороны верхнихъ ступеней феодальной лѣстницы. Къ тому же случайность ихъ доставки изъ отдаленныхъ странъ, рѣзкія колебанія въ ихъ стоимости и ихъ малораспространенность были неблагопріятными моментами для установленія прочныхъ торгово ремесленныхъ нормъ. Естественно, что евреи первые занялись торговлей предметами роскоши и доставленіемъ рѣдкихъ товаровъ изъ восточныхъ странъ. Предметы роскоши близко соприкасаются съ драгоцѣнными металлами, всегда служившими главнымъ матеріаломъ для изготовленія предметовъ украшенія. Отсюда—піонерство евреевъ въ торговлѣ драгоцѣнными металлами, отсюда—ихъ выдающаяся роль въ монетномъ дѣлѣ, имѣвшая колоссальное значеніе для дальнѣйшаго развитія хозяйства, отсюда—торговыя сношенія евреевъ съ владѣтельными князьями. Отсюда, вѣроятно, берутъ начало и тѣ крупные денежные капиталы въ рукахъ евреевъ въ раннее средневѣковье, которые являются загадочными для многихъ историковъ-экономистовъ.

Съ образованіемъ купеческихъ гильдій, когда евреи были вытѣснены изъ товарной торговли, начинается такъ назыв. еврейское ростовщичество. Короли выдаютъ евреямъ привиллегіи на отдачу денегъ въ ростъ. Эта профессія такъ широко распространялась, что служила источникомъ дохода для огромной массы еврейскаго населенія. Господствующее объясненіе еврейскаго ростовщичества въ средніе вѣка сводится къ слѣдующему: евреи играли роль губки, которая, благодаря королевскимъ привиллегіямъ, высасывала деньги изъ христіанскаго населенія и которую короли отъ времени до времени выжимали въ свою пользу. „Короли и территоріальные князья,—говоритъ И. Шипперъ въ своей замѣчательной монографіи *), — покровительствуя еврейскимъ заимодавцамъ, никогда не справлялись, какую пользу извлекаютъ ихъ подданные отъ еврейскихъ носителей денежнаго хозяйства. Въ ихъ интересахъ было лишь имѣть въ своемъ распоряженіи во всякое время большой фондъ свободнаго капитала, накопившагося въ рукахъ евреевъ, на который они могли бы притязать въ случаѣ нужды.“ Что короли весьма безцеремонно обращались съ еврейскимъ имуществомъ и часто требованіемъ подарковъ, выкуповъ отъ обвиненій въ колдовствѣ, налогами, а то и просто конфискаціей переводили еврейскіе капиталы въ свою казну,—несомнѣнные историческіе факты. Однако, трудно предположить, что съ этой именно цѣлью выдавались евреямъ привиллегіи на ростовщичество. Это была бы слишкомъ дальновидная политика для средневѣковыхъ королей.

Въ средневѣковомъ хозяйствѣ былъ кредитъ, хотя весьма мало развитой. Но этому соотвѣтствовала мало развитая промышленность, главная потребительница кредита. Процентная норма была невысока: обыкновенно платили 5—6% годовыхъ, рѣдко ссуды выдавались на 10%. Это не удивительно. Хотя предложеніе денегъ было незначительное, но и спросъ на деньги былъ ничтожный.

*) И. Шипперъ. „Возникновеніе капитализма у евреевъ Западной Европы“. Перев. съ нѣм. СПБ. 1910 г.

Между тѣмъ, евреямъ выдавались королевскія привиллегіи на взиманіе страшно высокихъ процентовъ. Въ Германіи процентъ на еврейскія ссуды составлялъ 50. Во Франціи постановленіемъ Филиппа II отъ 1206 г. узаконена была для евреевъ отдача денегъ въ ростъ на 43%, а впослѣдствіи этотъ размѣръ процента былъ удвоенъ. Статутъ 1243 г. нормировалъ для евреевъ Прованса размѣръ процента въ 300%. Привиллегія Фридриха II евреямъ Австріи отъ 1244 г. установила 173%. Постановленіе фрейзингскаго епископскаго капитула отъ 1259 г. говоритъ о 120%. Какимъ образомъ могъ себѣ найти широкій сбытъ такой дорого стоющій еврейскій кредитъ при существованіи обычнаго дешеваго средневѣковаго кредита? Экстра-ординарные моменты особо стѣсненныхъ обстоятельствъ, при которыхъ люди прибѣгаютъ къ ростовщическимъ ссудамъ, также не могли быть массовымъ явленіемъ при средневѣковомъ строѣ всеобщей опеки. Еврейское ростовщичество представляется поэтому совершенно непонятнымъ явленіемъ.

Мы склонны поэтому къ предположенію, что такъ назыв. еврейское ростовщичество было не что иное, какъ замаскированное участіе евреевъ въ гильдейской торговлѣ. Вытѣсненіе евреевъ изъ всѣхъ отраслей торговли по необходимости должно было вызвать какую-нибудь фикцію для обхода регламента *). Еврейская ссуда въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, скрывала въ себѣ товарищескій договоръ. Этимъ объясняются высокіе проценты, этимъ и объясняется покровительство королей еврейскимъ заимодавцамъ.

Силою вещей еврейское участіе въ торговлѣ получило такимъ образомъ очень рано бумажное выраженіе въ видѣ заемнаго письма. Послѣднее должно было получить абстрактный характеръ, независимо отъ ея держателя. Заемное письмо, выдаваемое еврею, было замаскированнымъ товарищескимъ договоромъ, легко отчуждаемымъ и закладываемымъ. Этотъ эмбріонъ акціи естественнымъ образомъ развился въ разнообразныя формы бумагъ на предъявителя.

Такимъ образомъ, закрѣпощеніе ремесла и торговли привело къ результатамъ, противорѣчащимъ закрѣпощенію. Экономическая дѣятельность обезличивается, въ феодальный строй врѣзываются буржуазные порядки.

Совершенно естественно, что антисемитизмъ, стоявшій на стражѣ монопольнаго строя, видѣлъ въ такъ назыв. еврейскомъ ростовщичествѣ наиболѣе опасную угрозу этому строю. Естественно, что еврейское ростовщичество, превращавшее торговлю въ доступное всѣмъ занятіе, особенно волновало цѣпко держащееся за монополію христіанское населеніе и возбуждало особенно острую ненависть къ евреямъ. И въ зависимости отъ прочности монопольно-хозяйственныхъ учрежденій, въ зависимости отъ того, стояла ли еврейская экономическая дѣятельность особнякомъ или находила подражаніе въ окружающей христіанской сре-

*) Это наше предположеніе подкрѣпляется многими фактами изъ исторіи средневѣковаго обмѣна. Но мы не можемъ здѣсь подробнѣе останавливаться на этомъ.

дѣ, въ зависимости отъ необходимости оборонительной или наступательной политики для защиты монопольнаго строя—соотвѣтственнымъ образомъ мѣнялась политика антисемитизма.

IV.

Въ своемъ чистомъ средневѣковомъ видѣ антисемитизмъ носилъ религіозный характеръ. Внѣшнее его проявленіе было таково, что евреи преслѣдовались лишь постольку, поскольку они не внимали увѣщеваніямъ церкви найти спасеніе души въ ученіи Христа. Всѣ правовыя ограниченія были направлены къ тому, чтобы побудить евреевъ принять христіанство. Въ то время это дѣлалось искренно. Тогдашняя антисемитская политика была настоящей церковно-прозелитской политикой. Обращавшіеся въ христіанство евреи принимались безъ оговорокъ въ общую феодальную семью. Пріемы воздѣйствія были самые простые: предоставленіе матеріальныхъ выгодъ послушнымъ и кары для строптивыхъ. Это фаза наивнаго, простого антисемитизма. Наивность и простота, безсознательно для самихъ антисемитовъ, диктовались тогдашними соціальными условіями.

Феодально-монопольный строй былъ еще проченъ, и ничто его не колебало. Никакія отступленія и уклоненія отъ него въ христіанской средѣ не имѣли мѣста. Новаторская экономическая дѣятельность евреевъ не находила еще себѣ подражанія. Евреи были опасны для господствующаго строя лишь постольку, поскольку они были безправны, поскольку они стояли по ту сторону феодальной стѣны, поскольку борьба за существованіе толкала ихъ къ изобрѣтенію новыхъ занятій. Ввести евреевъ внутрь феодальной стѣны можно было только обращеніемъ ихъ въ христіанство. Въ сущности, это былъ одинъ только актъ. Войти въ цехъ значило войти въ церковь—и обратно. Еврейскій вопросъ въ то время потому носилъ чисто религіозный характеръ, что феодально-монопольный строй весь былъ проникнутъ господствовавшими религіозными представленіями. Процессъ упроченія феодализма сопровождался процессомъ формированія и упроченія средневѣковой церкви. И католическая церковь такъ же приспособлялась къ феодально-экономическому строю, какъ приспособлялись къ нему всѣ общественныя учрежденія. По нуждѣ являясь новаторами въ своей экономической дѣятельности, евреи, обратившись въ христіанъ, теряли все свое новаторство и сливались съ окружающимъ населеніемъ въ общей феодальной семьѣ. Противъ крещеныхъ евреевъ, по какимъ бы побужденіямъ ни происходило крещеніе, даже въ случаѣ насильственнаго крещенія, антисемиты того времени ничего не имѣли. Крещеные евреи—члены той или другой феодально-цеховой корпораціи; слѣдовательно, они дѣйствительные христіане, независимо отъ искренности или неискренности ихъ религіозныхъ чувствъ; слѣдовательно, они безвредны. Это было элементарное и вмѣстѣ съ тѣмъ радикальное рѣшеніе еврейскаго вопроса.

Но когда начался процессъ распаденія феодально-монопольнаго строя, когда пріемы еврейской промышленности,

еврейской торговли и еврейскаго кредита начали распространяться и въ христіанской средѣ, когда возникли свободные торговые итальянскіе города и число свободныхъ ремеслъ въ Германіи, Франціи и Испаніи начало быстро расти, тогда антисемитизмъ усложнился и первоначальная его наивная простота исчезла. Внѣшняя форма угнетенія евреевъ не измѣнилась. По-прежнему правовыя ограниченія прекращались съ переходомъ еврея въ христіанскую вѣру. Но принятіе господствующей религіи уже не всегда означало присоединеніе къ той или другой монопольной корпораціи. Крещеный еврей въ большинствѣ случаевъ оставался при своемъ старомъ занятіи. Обращеніе евреевъ въ христіанство перестало быть надежнымъ средствомъ для охраненія цѣлости монополіи отъ „пагубнаго" вліянія еврейской свободной конкурренціи. Мало того: крещеные евреи становились полноправными гражданами и съ большимъ успѣхомъ могли вести свои дѣла, и вліяніе ихъ на окружающее населеніе возрастало.

Антисемитизмъ поздняго средневѣковья долженъ былъ отказаться отъ своей прямолинейной политики. Формально оставаясь церковнымъ, онъ изыскивалъ средства для противодѣйствія переходу евреевъ въ христіанство. Нужно было поставить новообращенныхъ въ худшее положеніе, чѣмъ оставшихся вѣрными своей религіи. Эту миссію выполняла инквизиція.

По первоначальному своему назначенію, судилище для еретиковъ—инквизиціонный трибуналъ былъ использованъ антисемитской церковью и антисемитской королевской властью для преслѣдованія крещеныхъ евреевъ. Формальнымъ поводомъ для преслѣдованія было подозрѣніе новообращенныхъ въ тайномъ соблюденіи завѣтовъ своей старой религіи. Но это было лишь формальнымъ предлогомъ. По господствующему среди историковъ мнѣнію, главнымъ стимуломъ для инквизиціонныхъ расправъ были экономическія выгоды, конфискація имуществъ осужденныхъ въ пользу церкви или королевской казны. Намъ однако, кажется, что экономическія выгоды здѣсь играли второстепенную роль. Настоящей цѣлью инквизиціи было преслѣдованіе крещеныхъ, ухудшеніе ихъ положенія даже сравнительно съ положеніемъ безправныхъ евреевъ. Экономическія выгоды могли извлекаться и изъ конфискаціи еврейскихъ имуществъ, какъ это практиковалось раньше. Направивъ конфискаціонную практику на имущество крещеныхъ евреевъ, церковь и королевская власть пошли вразрѣзъ съ прежней своей прозелитской политикой, предоставлявшей матеріальныя выгоды обращавшимся въ христіанство евреямъ. Замѣчательно, между, прочимъ, то, что въ моменты наибольшаго свирѣпствованія инквизиціи значительно послаблялись преслѣдованія противъ евреевъ.

Это—вторая фаза антисемитизма, антисемитизма раздвоеннаго, формально церковнаго и по существу не желающаго перехода евреевъ въ христіанство. Отъ элементарнаго радикальнаго рѣшенія еврейскаго вопроса онъ отказался. Монопольныя учрежденія уже неспособны

были поглощать всѣхъ новообращенныхъ и въ то же время они быстро распадались и болѣе, чѣмъ раньше, нуждались въ охранѣ. Антисемитизмъ въ этой фазѣ также стоитъ на стражѣ существующаго, но это существующее уже значительно подорвано. Уже нѣтъ надежды вернуть старый, не терпѣвшій исключенія монопольный строй. Антисемитская политика сводится къ тому, чтобы хозяйственныя проявленія свободной конкурренціи оставались только исключеніями и не поглощали собою всего строя хозяйства. Антисемитизмъ уже не охватываетъ всѣхъ слоевъ населенія, хотя онъ остается соціальной идеологіей доминирующихъ круговъ. Нарождаются, между тѣмъ, и другіе классы, существованіе которыхъ связано со свободной экономической дѣятельностью. Антисемитская политика требуетъ установленія такого порядка, при которомъ евреи находились бы по возможности вдали отъ христіанскаго населенія. Не всегда съ этимъ совпадаютъ потребности королевской политики. Въ результатѣ получаются постоянныя колебанія. То евреямъ даются привиллегіи на занятіе свободными профессіями, то ихъ замыкаютъ въ гетто, то ихъ—въ наиболѣе обострявшіеся моменты—изгоняютъ изъ страны.

Дальнѣйшее развитіе привело къ окончательному распаду феодально-монопольнаго строя. Многовѣковой споръ капитала съ монополіей, индивидуальной свободы съ государственной опекой покончень въ передовыхъ странахъ. Исторія произнесла свой безповоротный приговоръ по тяжбѣ капитала съ монополіей, и вся общественная жизнь преобразована такъ, какъ того требуетъ безпрепятственное дѣйствіе капитала. Побѣдное шествіе капитализма загнало антисемитизмъ въ темные уголки злобной и безплодной реакціи. Антисемитизмъ свилъ себѣ гнѣздо въ тѣхъ слояхъ общества, которые не мирятся съ современнымъ развитіемъ хозяйства и мечтаютъ о возвращеніи хоть частицы старой системы монополій. И какая бы форма монополіи и опеки ни наполняла общественную идеологію этихъ реакціонныхъ элементовъ—форма ли опекаемаго и монополизированнаго земледѣлія, или форма опекаемаго цехового ремесла,—антисемитизмъ входитъ, какъ составная часть, въ эту идеологію.

Но при отсутствіи всякихъ монопольныхъ учрежденій, при отсутствіи того, что можно было бы охранять, антисемитизмъ окончательно порвалъ со своими старыми традиціями. Ни религіозный, ни націоналистическій прозелитизмъ не присущъ антисемитизму современному. Это третья фаза антисемитизма, въ которой онъ и формально, и по существу противодѣйствуетъ сліянію евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ. Откровенность къ нему вернулась снова, но въ другой формѣ.

Mutatis mutandis антисемитизмъ въ Россіи прошелъ такой же путь развитія. И у насъ была пора, когда антисемитская политика видѣла рѣшеніе еврейскаго вопроса въ сліяніи евреевъ съ кореннымъ населеніемъ и всячески содѣйствовала этому сліянію. Это было тогда, когда старый порядокъ государственной опеки казался незыблемымъ. Затѣмъ наступила пора колебаній. А въ наши

дни антисемитизмъ хотя называется націоналистическимъ, но въ немъ нѣтъ ни грана національзма. Онъ питается только злобой къ евреямъ, какъ абсолютно невоспріимчивымъ ни къ какой монопольно - крѣпостнической идеологіи. Онъ противодѣйствуетъ ассимиляціи евреевъ, и ассимилировавшіеся евреи въ его глазахъ еще большее зло, чѣмъ неассимилировавшіеся.

Ходячій афоризмъ говоритъ, что еврейскій вопросъ можетъ служить пробирнымъ камнемъ прогресса. Въ этомъ афоризмѣ заключена гораздо болѣе глубокая истина, чѣмъ обыкновенно думаютъ. То или другое отношеніе со стороны государства и общества къ евреямъ свидѣтельствуетъ о тяготѣніи къ монопольному строю или объ окончаніи всѣхъ счетовъ со старымъ порядкомъ. Историческія параллели: безправіе евреевъ и господство принципа монополіи и государственной опеки, съ одной стороны, равноправіе евреевъ и торжество принципа свободной конкурренціи и индивидуальной свободы, съ другой,—не случайныя совпаденія, а полны внутренняго смысла.

И. Давидсонъ.

ТРЕТЬЯ ДУМА.

Третья Дума—Дума „патріотическая и національная" закончила свое существованіе. И теперь можно подвести итоги дѣятельности «богатырей мысли и дѣла», призванныхъ къ государственному строительству закономъ 3 іюня. Третья Дума—первое народное представительство въ Россіи, прожившее полный срокъ и дожившее до естественнаго конца своихъ полномочій. Пять лѣтъ—срокъ немалый; кое-что за это время сдѣлать можно было бы; а, между тѣмъ, даже друзья третьей Думы вынуждены признать полное ея банкротство. Пять лѣтъ большинство буквально толкло воду въ ступѣ. Никакого реальнаго улучшенія въ жизнь страны Дума не внесла и ни одной крупной реформы не провела. Не только все осталось по старому, но во многихъ областяхъ жизни наступило ухудшеніе сравнительно даже съ доктябрьскимъ режимомъ.

Система и методы управленія остались тѣ же: положеніе объ усиленной охранѣ фактически продолжаетъ регулировать всю жизнь обывателя вплоть до ѣзды на велосипедѣ и куренія табаку; дѣятельность охранныхъ отдѣленій не только не сократилась, но и расширилась; рабочія организаціи продолжаютъ терпѣть гоненія. Словомъ, къ какой бы области жизни мы ни обратились, мы не уловимъ разницы между старымъ и обновленнымъ строемъ, а если разница и есть, то не въ пользу обновленнаго строя. Культурныя организаціи преслѣдуются и даже оказаніе помощи голодающимъ считается

чѣмъ-то въ высшей степени подозрительнымъ.

Ни одной реформы не только въ области политической, но и въ области экономической, Дума не провела. Налоговая система осталась неизмѣнной. Проекты подоходнаго налога, реформы налога на наслѣдство и промысловаго налога оставлены третьей Думой въ наслѣдство четвертой; сама же она повысила только налогъ на табакъ, ввела новый налогъ на гильзы и измѣнила налогъ на городскія недвижимости.

Положеніе „инородцевъ" ухудшилось и травля евреевъ (въ особенности), поляковъ, армянъ и т. д., не говоря уже о финляндцахъ, стала однимъ изъ символовъ новой націоналистической вѣры.

Не сдѣлавъ, такимъ образомъ, реально ничего для страны, не добившись никакихъ улучшеній въ системѣ управленія Россіей, третья Дума не сумѣла даже охранить своихъ правъ отъ посягательствъ власти. Въ области финансовой она отказалась отъ теоретически принадлежащаго ей права разсматривать вопросы о гарантіи частныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій, примирилась съ правительственнымъ толкованіемъ ст. 96 Зак. Осн., урѣзывающимъ въ значительной степени права законодательныхъ учрежденій въ сферѣ военнаго и морского хозяйства и законодательства, фактически одобрила неслыханное извращеніе смысла ст. 87 Зак. Осн. П. А. Столыпинымъ—проведеніемъ въ порядкѣ этой статьи закона о западномъ земствѣ. Наконецъ, третья Дума не сумѣла отстоять свой авторитетъ и передъ Гос. Совѣтомъ, переставшимъ совершенно считаться съ мнѣніями и рѣшеніями нижней палаты и, въ сущности, превратившимъ двухпалатную систему въ однопалатную. Нѣтъ ни одного сколько-нибудь серьезнаго проекта, который не былъ бы передѣланъ Совѣтомъ до полной неузнаваемости.

Понятно, что при такихъ условіяхъ авторитетъ Думы въ странѣ сведенъ къ нулю и голосъ народнаго представительства не отзывается эхомъ въ сердцахъ обывателей. На Думу махнули рукой. И если присмотрѣться къ думской работѣ за истекшія пять лѣтъ, то нужно будетъ признать, что въ томъ маразмѣ, до котораго дошла третья Дума, виновата она сама, виновато отвѣтственное за ея политику большинство, поставившее своимъ девизомъ лакейство передъ властью и угодничество передъ сильными міра сего.

Всей храбрости октябристовъ хватило только на то, чтобы въ первые дни созыва третьей Думы отвергнуть при помощи оппозиціи внесеніе въ адресъ слова „самодержавіе". Въ эти первые дни октябристы много говорили о своемъ конституціонализмѣ, признавали манифестъ 17 октября установленіемъ конституціоннаго строя въ Россіи, отвергали призывы правыхъ итти вмѣстѣ съ ними; но стоило придти П. А. Столыпину и дать въ своей деклараціи 17 ноября „сторожевой окрикъ", какъ весь конституціонализмъ октябристовъ исчезъ, знамя 17 октября было свернуто и выброшено подальше—и началась „совмѣстная" работа съ правительствомъ по водворенію порядка въ Россіи. Октябристы побоялись даже упоминать о мани-

фестѣ 17 октября и голосовали противъ предложенной прогрессистами по поводу декларации формулы перехода, въ которой имѣлось упоминаніе объ этомъ манифестѣ. Большинство примирилось весьма охотно съ двусмысленнымъ терминомъ «представительный строй», который къ концу дѣятельности Думы превратился въ „такъ называемый представительный строй" (опредѣленіе г. Коковцова), и послѣ 5 лѣтъ существованія Думы нашъ государственный строй остается безъ паспорта и какой это строй—никто въ точности не знаетъ. Послѣ деклараціи Столыпина и образованія „центра" изъ октябристовъ и умѣренно-правыхъ все пошло, какъ по маслу. По настоянію правительства оппозиція была исключена изъ комиссіи обороны и „патріотизмъ" сталъ монополіей большинства, увидѣвшаго свою основную задачу въ травлѣ оппозиции и инородцевъ. Попробовали было октябристы обидѣться на слова г. Коковцова: „у насъ, слава Богу, парламента нѣтъ", но по приказу г. Столыпина пришлось предсѣдателю Думы Хомякову извиниться съ предсѣдательской трибуны передъ министромъ финансовъ—и впредь октябристы перестали обижаться. Приняли формулу объ учрежденіи анкетной желѣзнодорожной комиссіи въ законодательномъ порядкѣ и дали торжественную клятву ни въ какую иную не идти, а сами затѣмъ послали своего представителя Герценвица въ правительственную комиссію; внесли формулу (черезъ Алексѣенко), въ которой категорически заявлялось, что постройка частныхъ желѣзныхъ дорогъ съ правительственной гарантіей подлежитъ вѣдѣнію Думы, а затѣмъ, по приказу начальства, не постѣснялись передернуть, нарушить Наказъ и голосовать противъ своей же формулы; продержали въ комиссіи проектъ к.-д. о расширеніи бюджетныхъ правъ Думы 4 года, а затѣмъ, хотя и приняли этотъ проектъ въ урѣзанномъ видѣ, но безропотно примирились съ тѣмъ, что Гос. Совѣтъ проектъ этотъ отвергъ; отказались отъ права распоряженія 10-милліоннымъ фондомъ на непредвидѣнныя надобности, голосуя противъ заключенія своей же бюджетной комиссіи; совершенно не использовали своихъ контрольныхъ правъ; охотно исключили, по первому требованію Щегловитова, Колюбакина и Косоротова и даже не отстояли свободы думской трибуны въ дѣлѣ награжденнаго за свое усердіе вице-губернаторствомъ Гололобова съ Кузнецовымъ. Я уже выше указалъ на примиреніе большинства съ лишеніемъ Думы принадлежащаго ей по закону права законодательства въ огромной области военно-морского хозяйства путемъ одностороннято толкованія ст. 96 Зак. Осн. Противъ примѣненія ст. 87 въ вопросѣ о земствѣ въ 6 западныхъ губерніяхъ Дума, правда, протестовала, но подтвердить свой протестъ отклоненіемъ этого закона, когда онъ былъ внесенъ въ Думу, не посмѣла. При такомъ легкомъ отношеніи къ своимъ правамъ со стороны самой Думы мудрено ли, что съ ея правами перестали считаться и правительство, и Гос. Совѣтъ и что права эти попирались, не вызывая никакого протеста большинства.

Оставаясь равнодушной къ попранію

своихъ правъ, Дума не проявила особеннаго усердія и въ защитѣ правъ гражданъ. Свободы, обѣщанныя манифестомъ 17 октября, такъ и остались въ области обѣщаній—и Думой не было сдѣлано абсолютно ничего, чтобы эти свободы осуществить, и многое, чтобы и тѣ обрывки свободъ, которые сохранились съ 1905 г., уничтожить. Правда, Дума провела 3 проекта, направленные къ осуществленію свободы совѣсти, но одинъ изъ этихъ проектовъ (объ уничтоженіи ограниченій, связанныхъ со снятіемъ или лишеніемъ сана) не былъ утвержденъ Монархомъ, а два другихъ (о старообрядческихъ общинахъ и о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое) были похоронены Гос. Совѣтомъ. Думское большинство не только примирилось съ гибелью этихъ проектовъ, но, увидавъ, куда вѣтеръ дуетъ, само повернуло фронтъ. Въ области свободы печати, свободы собраній и свободы союзовъ не было проведено ни одного проекта, а всѣ запросы оппозиціи о конфискаціяхъ газетъ, штрафахъ, запрещеніяхъ касаться отдѣльныхъ вопросовъ, нарушеніи правилъ 4 марта 1906 г. о собраніяхъ, преслѣдованіяхъ профессіональныхъ рабочихъ организацій, закрытіи культурныхъ и просвѣтительныхъ обществъ, т. е. о всей практикѣ репрессій, гоненій и усмотрѣнія, которыми ознаменовалось пятилѣтіе третьей Думы, большинство регулярно отклоняло, признавая, такимъ образомъ, всю эту практику законной, цѣлесообразной и нужной.

Оградить неприкосновенность личности Дума, какъ извѣстно, поручила Гололобову и Замысловскому, и эти теплые ребята при содѣйствіи г.г. Зуева и Макарова сочинили такіе проекты „прикосновенности“ личности въ любой моментъ и по любому мотиву исключительнаго положенія, что даже у октябристовъ — и у тѣхъ отъ ужаса въ зобу дыханье сперло. Проекты эти были, къ счастью, похоронены, но вмѣстѣ съ тѣмъ осталось въ силѣ жандармское дознаніе въ порядкѣ ст. 1035.

Законопроектъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ былъ проведенъ въ нарочито исковерканномъ видѣ, чтобы умилостивить Гос. Совѣтъ, но старцы верхней палаты все-таки похоронили его.

Въ области внутренней политики большинство поспѣшило взять подъ свое покровительство Азефа и всѣхъ остальныхъ провокаторовъ, а противъ усиленной охраны, хотя и протестовало (платонически—формулами), но когда лѣвые внесли запросъ о незаконности положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, то его поспѣшили похоронить въ комиссіи.

Осталась въ силѣ и административная ссылка, ибо правительство высказалось за нее. Зато большинство очень щедро ассигновало деньги на усиленіе полиціи и поспѣшило учредить сотню сыскныхъ отдѣленій. Торжественно обѣщавъ при обсужденіи адреса Думы демократизовать избирательное право въ органы мѣстнаго самоуправленія, октябристы ограничились—да и то подъ давленіемъ кадетовъ — введеніемъ стараго земства въ губерніяхъ Ставропольской, Астраханской и Оренбургской, а что касается городского самоуправленія, то

проекты распространенія городового положенія на города Карсъ и Новочеркасскъ были похоронены Совѣтомъ. Похороненнымъ въ нѣдрахъ Совѣта оказался и единственный сносный проектъ мѣстнаго самоуправленія, прошедшій въ Думѣ,—проектъ волостного земства.

Какъ Дума патріотическая и національная, третья Дума очень много занималась національнымъ вопросомъ и своеобразнымъ устроеніемъ окраинъ въ истиннорусскомъ стилѣ; и своей дѣятельностью въ этомъ направленіи она достигла многаго: она возбудила къ себѣ справедливую ненависть всѣхъ національностей, создала условія для національныхъ раздоровъ, національной розни и національнаго недовольства. Въ самыя худшія времена доoктябрьскаго режима „инородцы" и не принадлежащія къ русскому племени національности не подвергались такой травлѣ, какъ при третьей Думѣ, выдвинувшей лозунгъ „Россія для русскихъ", понимая подъ „русскими" не весь народъ, населяющій территорію имперіи, а русскихъ чиновниковъ и русскихъ помѣщиковъ. Она объявила всѣ нерусскія народности врагами русскаго государства, на самыя скромныя и самыя справедливыя культурно-національныя стремленія поляковъ, татаръ, армянъ и т. д. она смотрѣла, какъ на сепаратистскія стремленія и посягательство на цѣлость Россіи. Сѣмена ненависти и вражды, посѣянныя третьей Думой, не скоро удастся вырвать и не скоро, послѣ печальнаго опыта пятилѣтняго законодательства третьей Думы, удастся найти общій языкъ для всѣхъ населяющихъ Россію народностей.

Съ неслыханнымъ нарушеніемъ наказа, зажиманіемъ рта оппозиціи, чуть ли не въ одинъ часъ былъ проведенъ законъ объ общеимперскомъ законодательствѣ съ Финляндіей, разрушившій въ корень вѣковую конституцію Финляндіи. А за этимъ закономъ послѣдовали и законы о возмѣщеніи изъ финляндской казны 20 мил. марокъ взамѣнъ личнаго отбыванія финляндцами воинской повинности и объ уравненіи въ правахъ русскихъ съ финляндцами, причемъ послѣдній законъ сдѣлалъ подсудными петербургской палатѣ финляндскихъ чиновниковъ. Такого презрѣнія къ чужой культурѣ и чужимъ правамъ не проявляли даже Плеве и Бобриковъ.

Шесть западныхъ губерній были надѣлены своеобразнымъ земствомъ, построеннымъ на пресловутой куріальной системѣ, съ предоставленіемъ преобладающаго значенія въ земствѣ русскимъ помѣщикамъ.

За этими помѣщиками было обезпечено большинство и въ земскомъ собраніи, и въ управѣ; евреи, составляющіе значительную часть населенія, были лишены совершенно избирательныхъ правъ—и все во имя своеобразнаго охраненія истинно-русскихъ началъ. Самый принципъ мѣстнаго представительства былъ извращенъ въ этомъ законѣ о земствѣ. Для того, чтобы нанести ударъ полякамъ, былъ проведенъ законъ о выдѣленіи Холмщины изъ Царства Польскаго, законъ, который, по словамъ самихъ авторовъ его, есть только декла-

рація, знамя, голая обложка, который ничего не даетъ населенію и лишь создастъ нѣсколько сотъ новыхъ чиновниковъ и рядъ новыхъ ограниченій для поляковъ. Правда, для вознагражденія поляковъ Думой былъ проведенъ проектъ городского самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ, но законъ этотъ, давъ лишь случай польскому коло обнаружить его истинную сущность, его антисемитизмъ и шовинизмъ, ничѣмъ, кромѣ болѣе приличной внѣшней формы, не рознящіеся отъ антисемитизма и шовинизма Шульгина и Маркова, не прошелъ въ Гос. Совѣтѣ „за недостаткомъ времени". Коло получило заслуженный урокъ, но и населеніе Польши оказалось наказаннымъ неизвѣстно, за чьи грѣхи.

Само собою разумѣется, что „при національно-патріотическомъ" настроеніи Думы евреи оказались наилучшимъ объектомъ для оказательства патріотическихъ чувствъ, и не только правые, но и октябристы спѣшили всячески проявить свой антисемитизмъ. Евреи были лишены избирательныхъ правъ въ волостное земство изъяты изъ дѣйствія закона о застройкѣ, даже принятъ дикій штрафъ въ 300 руб. съ семей евреевъ, уклоняющихся отъ воинской повинности. А сколько жестокихъ издѣвательствъ надъ еврейскимъ народомъ было разсѣяно въ думскихъ рѣчахъ и запросахъ представителей большинства! Немудрено, что и администрація, подталкиваемая и поощряемая Думой, обратила свое сугубо благосклонное вниманіе на евреевъ и старается отравить имъ и безъ того нелегкое существованіе. Преслѣдованіе евреевъ стало догматомъ новой государственности.

Въ началѣ первой сессіи Гос. Думы октябристъ Ковалевскій съ гордостью заявилъ, что третья Дума перейдетъ въ исторію, какъ „Дума народнаго просвѣщенія". Это гордое предсказаніе осуществилось въ такой же степени, какъ и другія предсказанія. Проектъ о всеобщемъ обученіи и положеніе о начальныхъ училищахъ были въ такой степени исковерканы Совѣтомъ, что Дума предпочла отъ нихъ отказаться, и они были отвергнуты. Такимъ образомъ, эти два кардинальныхъ проекта всеобщаго обученія не осуществились, и Дума ограничилась лишь ассигнованіями денегъ на пособія земствамъ и городамъ.

Въ области упорядоченія средняго образованія Думой не было сдѣлано абсолютно ничего. Она лишь спокойно присутствовала при томъ, какъ ранѣе Шварцъ, а потомъ г. Кассо разгромили родительскіе комитеты, снова ввели экзамены, привлекли чиновъ полиціи къ надзору за учащимися и т. д. Не болѣе плодотворной была дѣятельность Думы и по отношенію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, пережившимъ при явномъ попустительствѣ Думы грандіозный разгромъ 1910—11 гг. И единственная заслуга третьей Думы въ области высшаго образованія — это основаніе Саратовскаго университета, да и то Саратовъ обязанъ своимъ университетомъ больше Столыпину, бывшему саратовскому губернатору, чѣмъ Думѣ.

Во что сумѣлъ съ благословенія третьей Думы обратить судъ г. Щегловитовъ — объ этомъ говорить не при-

ходится. Стоитъ только вспомнить процессъ Лопухина, карьеру Лыжина, увольненія независимыхъ судей, превращеніе сената въ послушное орудіе министра юстиціи, чтобы понять роль Думы въ этомъ подавленіи правосудія въ Россіи.

Реформа мѣстнаго суда была усиліями Шубинскаго и октябристовъ протащена, но въ какомъ видѣ и цѣной какихъ униженій передъ Гос. Совѣтомъ! Волостной судъ, осужденный жизнью и наукой, судъ, отъ котораго открещивались сами крестьяне, остался; предсѣдатель мирового съѣзда назначенный; огромный имущественный цензъ; подчиненіе мирового суда надзору палатъ,—что въ этомъ мировомъ судѣ общаго со старымъ, пользовавшимся заслуженными симпатіями мировымъ судомъ. А, между тѣмъ, это основной багажъ третьей Думы, это ея гордость; и для полученія мирового суда въ такомъ видѣ октябристы поступились всѣмъ: достоинствомъ Думы, принципами, интересами населенія.

Изъ трехъ проектовъ улучшенія уголовной юстиціи: условнаго освобожденія, условнаго осужденія и введенія защиты въ обрядъ преданія—закономъ сталъ только первый, да и то по мотивамъ совершенно удивительнымъ: необходимость освободить въ тюрьмахъ мѣсто для политическихъ, которыхъ расплодилось столько, что ихъ некуда стало сажать; остальные два проекта, въ которыхъ такой практической надобности не было, были провалены Гос. Совѣтомъ.

Проектъ отмѣны смертной казни, внесенный трудовиками въ самомъ началѣ первой сессіи, такъ и не успѣлъ за 5 лѣтъ дойти до Думы даже по вопросу о желательности, а судебная комиссія нашла позорный институтъ смертной казни весьма необходимымъ для благоденствія обновленной Россіи.

Довольно благодушно Дума отнеслась и къ другому „бытовому явленію" обновленнаго строя—стрѣльбѣ по заключеннымъ въ тюрьмахъ, но зато она очень старательно принимала всѣ проекты, направленные къ усиленію уголовной репрессіи за конокрадство, поврежденіе чужого имущества и т. д.

Таковы результаты работъ Гос. Думы въ области водворенія порядка и новыхъ условій жизни въ обновленной Россіи. Не болѣе удачны были ея работы и въ области улучшенія экономическаго быта населенія. Дума яро поддерживала аграрную политику правительства, заключавшуюся въ насажденіи хуторовъ и отрубовъ и разрѣженіи крестьянскаго населенія путемъ переселенія. Для такъ называемаго землеустройства и переселенія Дума денегъ не жалѣла и не остановилась даже передъ экспропріаціей киргизскихъ земель. Къ землеустроительной политикѣ былъ привлеченъ и крестьянскій банкъ, продававшій свои земли крестьянамъ при непремѣнномъ условіи разселенія на хутора. Благодаря этому убытки банка стали быстро возростать, а отъ усерднаго переселенія пришлось отказаться за отсутствіемъ свободныхъ земель и въ виду угрожающаго увеличенія обратныхъ переселенцевъ.

Вся эта хуторская шумиха, проведеніе закона 9 ноября и законопроекта о землеустройствѣ не спасли, однако, Россію отъ хроническаго бѣдствія — голодовокъ, и третья Дума и начала, и кон-

чила свою дѣятельность милліонными ассигнованіями на кормленіе голодающихъ. Изъ экономическихъ мѣръ приходится отмѣтить врядъ ли благодѣтельную отмѣну порто-франко на Дальнемъ Востокѣ и поощреніе сельско-хозяйственнаго машиностроенія; обѣ эти мѣры проникнуты крайнимъ протекціонизмомъ и очень выгодны для промышленниковъ, но не для населенія.

Съ большими урѣзками и затрудненіями прошло въ Думѣ нѣсколько соціальныхъ законопроектовъ. Одинъ изъ нихъ— объ отдыхѣ приказчиковъ — застрялъ въ Совѣтѣ, и шансы стать законами имѣютъ только проекты страхованія рабочихъ на случай увѣчья и болѣзни. Но и эти проекты весьма далеки отъ европейскаго законодательства по страхованію рабочихъ и распространяются на очень ограниченное число рабочихъ, занятыхъ лишь въ крупныхъ предпріятіяхъ.

Не жалѣла денегъ Дума и на военную и морскую оборону, считая вопросы возсозданія арміи и флота своей монопольной спеціальностью. Но по истеченіи 5 лѣтъ и послѣ ассигнованія многихъ сотенъ милліоновъ Гучкову пришлось издавать „крики отчаянія“ и заявлять, что состояніе артиллеріи внушаетъ опасенія за безопасность Россіи. Въ морскомъ дѣлѣ положеніе не лучше. А Амурская дорога—одинъ изъ многихъ патріотическихъ подвиговъ третьей Думы—поглотивъ 300 милліоновъ, Богъ вѣсть еще когда будетъ закончена. Закончила свою дѣятельность въ области оборонъ Дума ассигнованіемъ 430 мил. руб. на Балтійскій флотъ.

Наконецъ, въ области бюджета роль Думы свелась къ повѣркѣ титуловъ и механическому ассигнованію денегъ.

Таковы результаты дѣятельности законопослушной, патріотической и работоспособной Думы. Невелики и небогаты эти результаты. И будущій историкъ Россіи произнесетъ надъ третьей Думой суровый судъ. Онъ скажетъ, что это была Дума антинародная, Дума, жертвовавшая интересами населенія въ угоду власти, Дума, запятнавшая себя холопствомъ и угодливостью, не сумѣвшая обéречь ни своего достоинства, ни своихъ правъ.

Л. Немановъ.

ГУСТАВЪ ЭРВЕ.

(Письмо изъ Парижа).

Среди плеяды дѣятелей французской общественности совершенно исключительное мѣсто занято этимъ человѣкомъ, имя котораго стало символомъ—въ глазахъ французской буржуазіи и широкихъ слоевъ—мѣщанства.

Эрве — это звучитъ для современныхъ потомковъ якобинцевъ и жирондистовъ такъ же, какъ нѣкогда звучало имя Марата.

Если въ Парижѣ спросить любого „добраго республиканца", кто такой Эрве, отвѣтъ будетъ столь же кратокъ, какъ и категориченъ.

Эрве—врагъ отечества, разрушитель арміи и ея дисциплины, исчадіе анархіи и воплощеніе всѣхъ мыслимыхъ покушеній на современный соціальный укладъ.

Характеристика эта варьируется во всѣхъ газетныхъ перепѣвахъ объ Эрве съ большимъ или меньшимъ уклономъ отъ истины, но всегда съ большой долей самой добросовѣстной клеветы, изобличающей, впрочемъ, все чистосердечное негодованіе ея авторовъ.

Эрве, несомнѣнно, многимъ напоминаетъ Марата, особенно на трибунѣ. Но только не внѣшностью, какъ это можетъ казаться по газетнымъ отзывамъ, но формой краснорѣчія.

Небольшого роста, плотный, въ неизмѣнной курткѣ, застегнутой на двѣ пуговицы, съ небольшой генриховской бородкой, Эрве скорѣе напоминаетъ всѣмъ своимъ обликомъ добродушный типъ „хорошаго малаго" вольной богемы Латинскаго квартала, чѣмъ знаменитаго трибуна эпохи революціи, съ его развѣвающимся плащемъ и горностаевымъ воротникомъ.

Въ рѣчахъ Эрве, такъ же, какъ и во внѣшности его, нѣтъ маратовской бури. Эрве говоритъ чрезвычайно плавно, даже черезчуръ спокойно для француза, рѣчь его даже добродушна, но это добродушіе все чаще и чаще прорѣзывается зигзагами самаго ядовитаго сарказма по адресу противниковъ.

Но нѣчто иное, чѣмъ наружность, сближаетъ Эрве и Марата.

Это иное—во-первыхъ, демагогія; во-вторыхъ, самое рѣшительное, абсолютно-безкомпромиссное доведеніе до конца заключеній построенныхъ имъ силлогизмовъ; и, въ третьихъ—та опять таки демагогическая фамильярность обращенія съ рабочей народной аудиторіей, классическій и знаменитый образецъ которой былъ созданъ Маратомъ.

Эрве—демагогъ въ самомъ типичномъ смыслѣ этого слова.

„Мы не боимся учиться у своихъ враговъ—говоритъ Эрве,—іезуиты были правы, утверждая, что цѣль оправдываетъ средства".

Цѣль Эрве не столько созданіе классоваго сознанія, сколько возбужденіе классовой ненависти. Для питанія послѣдней Эрве, конечно, находитъ въ соціальныхъ условіяхъ современной Франціи, какъ и другихъ странахъ, достаточно матеріала.

Къ сожалѣнію, очень часто онъ отмѣчаетъ и освѣщаетъ именно то, что нерѣдко умаляетъ подъ его искреннимъ, страстнымъ перомъ высокую проповѣдь идеи классовой борьбы и вытекающихъ изъ нея результатовъ, унижая ее до простой аппелляціи къ низменнымъ чувствамъ, превращающимъ народъ въ „чернь".

Приведу образчикъ, одинъ изъ безконечно многихъ.

На Пэръ-Лашезъ, извѣстномъ парижскомъ кладбищѣ, была кощунственно ограблена могила артистки Лантэльмъ, утонувшей во время прогулки по Рейну. Она была похоронена вмѣстѣ со своими брильянтами и драгоцѣнностями. Парижская пресса посвятила много вниманія ограбленію могилы. По этому же поводу Эрве написалъ передовую въ своемъ органѣ „La Guerre Sociale" („Соціальная война").

„Мнѣ страшно жаль Лантэльмъ,—писалъ онъ,—которой не даютъ покойно пребывать въ мѣстѣ послѣдняго упокоенія. Но не возмутительно ли, что въ то время, какъ ея драгоцѣнности стоимостью въ нѣсколько десятковъ тысячъ покоятся въ могилѣ, сотни тысячъ бѣдняковъ умираютъ съ голоду."

Далѣе Эрве, по обыкновенію, въ талантливо агитаціонныхъ строкахъ высчитываетъ, сколько женщинъ и дѣтей могло бы пропитаться на стоимость брильянтовъ. И въ заключеніи Эрве, касаясь поступка грабителей, пишетъ, что онъ не только извиняетъ ихъ, понимая, что они это сдѣлали изъ нужды, но и одобряетъ ихъ.

Защищаетъ ли, дѣйствительно, Эрве въ данномъ случаѣ грабителей, не останавливающихся предъ оскорбленіемъ могилы? Ничуть не бывало.

Его заключеніе есть лишь аберрація ненависти къ богачамъ, способнымъ закопать на нѣсколько десятковъ тысячъ цѣнностей, не подумавъ о томъ, что на эти богатства, кинутыя въ прахъ, могутъ быть накормлены тысячи голодныхъ.

И Эрве знаетъ, что его читатели всецѣло съ нимъ.

Онъ такой же демагогъ въ своихъ непосредственныхъ обращеніяхъ къ народнымъ массамъ.

Его рѣчь всегда пересыпана популярными словечками парижскаго „арго",

зачастую онъ прибѣгаетъ къ словамъ, рѣдко употребительнымъ въ салонахъ. Онъ знаетъ великолѣпнымъ образомъ психологію своей аудиторіи, и во всякой его шуткѣ больше ненависти, чѣмъ смѣха, больше сарказма, чѣмъ ироніи...

Когда Эрве на трибунѣ, ясно ощущаешь, что весь онъ невидимыми нитями связанъ съ залой, составляя съ нею единое цѣлое.

Когда прерываютъ на собраніи Жореса — а на французскихъ собраніяхъ всегда прерываютъ самыхъ популярныхъ ораторовъ,—къ нему обращаются на „вы".

Но когда прерываютъ Эрве, ему любовно-фамильярно кидаютъ „ты", и онъ отвѣчаетъ тѣмъ же, всегда при этомъ обращаясь непосредственно къ прервавшему — конечно, если онъ его замѣтилъ. Этотъ необычайно-остроумный пріемъ, индивидуализирующій слушателей, мѣшаетъ имъ превратиться въ просто слушающую аморфную массу, которая, выслушавъ, уйдетъ. Нѣтъ, слушатели Эрве участвуютъ активно съ нимъ въ самомъ процессѣ обсужденія, превращая собраніе въ нѣчто живое, нѣчто дѣйственное...

Сила Эрве, однако, не въ одной его демагогіи, или скорѣе не столько въ ней, сколько въ его прямолинейности, доходящей подчасъ до парадоксальности.

Его силлогизмы просты и ясны, но ихъ ясность нерѣдко граничитъ съ наивностью. Тѣмъ не менѣе, въ ихъ простотѣ и наивности построенія—вся сила. Они мѣтко бьютъ, такъ какъ хорошо воспринимаются мало - сознательными элементами, пораженными неожиданной очевидностью аргументаціи.

Война,—разсуждаетъ Эрве,—въ наши дни является зломъ, порожденнымъ капиталистическимъ строемъ. Пролетаріатъ, отдавъ свою кровь, не выгадаетъ ничего. Завоюетъ ли Германія Францію или Франція Германію — французскій, какъ и нѣмецкій рабочій одинаково останутся въ капиталистической кабалѣ.

Буржуазные идеологи дѣлаютъ различіе между наступательной и оборонительной войной, но Эрве не признаетъ его. „Когда вспыхиваетъ война,—пишетъ онъ,—никто не знаетъ, кто ея истинный виновникъ. Объ этомъ узнаютъ много лѣтъ спустя. Отличіе оборонительной войны отъ наступательной въ политикѣ есть такая же ложь, какъ и другія громкія слова".

„Plutôt l'insurrection, que la guerre"— „лучше инсуррекція, чѣмъ война",—вотъ тактическая формула, провозглашаемая Эрве. Даже—въ случаѣ, возьмемъ, войны-Франціи съ Германіей. Послѣднее обстоятельство ничего не измѣняетъ, ибо, какъ мы видѣли выше, французскому пролетарію мало дѣла до того, займетъ ли въ Елисейскомъ дворцѣ мѣсто Фальера—Вильгельмъ II.

Въ томъ же порядкѣ идей или, скорѣе, парадоксовъ разсуждаетъ Эрве, воспринимая синдикалистскую теорію аполитизма и антипарламентаризма.

Эрве—антипарламентаристъ, замѣняя вмѣстѣ съ синдикалистами парламент-

скую борьбу „прямымъ воздѣйствіемъ“ (action directe), подобно тому, какъ защиту отечества онъ замѣняетъ инсуррекціей.

Мы набросали схему, основныя черты теоріи, которая нынѣ хорошо извѣстна подъ именемъ „эрвеизма“.

Какъ встрѣченъ былъ „эрвеизмъ“ во Франціи?

Нельзя отрицать, что въ рабочихъ кругахъ, особенно подъ вліяніемъ антипарламентской и антимилитаристской агитаціи синдикалистовъ, „эрвеизмъ“ сразу завоевалъ самыя широкія симпатіи.

Но совершенно иначе къ нему отнеслись, понятно, широкіе круги буржуазіи и мелкаго мѣщанства, живущаго подъ вѣчнымъ страхомъ возможнаго нашествія нѣмецкаго „кайзера“.

Тѣмъ не менѣе, даже въ отношеніи буржуазіи къ „эрвеизму“ нетрудно различить два періода, совершенно неодинаково отразившихся на судьбѣ самого Эрве.

„Эрвеизмъ“ въ значительной мѣрѣ явился не только псевдо-логическимъ заключеніемъ соціалистической пропаганды противъ милитаризма во чтобы то ни стало, но и своеобразной реакціей на милитаристскій шовинизмъ періода дрейфусовскаго дѣла. До извѣстной степени въ эту эпоху вся Франція — по крайней мѣрѣ, ея подавляющее большинство, обезпечившее побѣду республиканцевъ-радикаловъ,—была анти-милитаристской. И Эрве могъ съ полнымъ правомъ сказать прокурору въ первомъ же изъ своихъ многочисленныхъ процессовъ, что, взявъ себѣ псевдонимомъ „Un sans patrie“ (нѣкій безъ отечества), онъ, подобно голландскимъ „гезамъ“, демонстративно подхватилъ кличку, которая дана была реакціонерами всѣмъ дрейфусарамъ.

— Въ это время вы также были „un sans patrie“,—сказалъ онъ въ своей рѣчи генеральному прокурору И это вѣрно.

Но вскорѣ въ средѣ самой республиканской и радикальной буржуазіи начинаетъ пробуждаться такъ называемый „прогрессивный націонализмъ“.

У власти очутилась, наконецъ, радикальная партія. Въ 1905 г. одинъ изъ вождей ея, Клемансо, становится предсѣдателемъ совѣта министровъ. Къ этому времени блокъ между радикалами и соціалистами, образовавшійся для спасенія республики во время дѣла Дрейфуса разрушенъ и, по классическому выраженію Клемансо, радикалы „стали по ту сторону баррикадъ“.

Мало-по-малу съ 1905 г. во Франціи все болѣе и болѣе подымается волна буржуазной, чисто классовой реакціи, и „эрвеизмъ“ не видитъ ужъ болѣе передъ собою той сравнительно добродушно-насмѣшливой терпимости, съ какой онъ встрѣченъ былъ въ началѣ.

И, дѣйствительно, въ 1901 г. за крайне рѣзкую статью-прокламацію, обращенную къ новобранцамъ и напечатанную въ революціонной солдатской газетѣ „Pioupiou de l'Vonne“ *), Эрве былъ преданъ суду. Его защищалъ нынѣшній

*) Pioupiou—популярное названіе солдатъ.

министръ юстиціи, тогда еще соціалистъ, небезызвѣстный Аристидъ Бріанъ. Судъ присяжныхъ—буржуазный по своему составу—оправдалъ Эрве.

Но ужъ въ 1905 г. за подписаніе рѣзкой антимилитаристской прокламаціи Эрве былъ осужденъ на четыре года тюремнаго заключенія—также судомъ присяжныхъ. Тѣмъ не менѣе, когда въ лицѣ Клемансо радикалы окончательно утвердились у власти, былъ принятъ палатой законъ объ амнистіи, и послѣ полугодового заключенія Эрве былъ освобожденъ.

Начинается пресловутая марокккская эпопея.

Въ цѣломъ рядѣ статей Эрве обвиняетъ французскія войска въ грабительствѣ, мародерствѣ и проч.

Его привлекаютъ за оскорбленіе арміи—и судомъ присяжныхъ въ 1908 г. онъ приговоренъ къ году тюрьмы.

Въ то же время „орденъ адвокатовъ" исключилъ Эрве „за антипатріотическій образъ мыслей, несовмѣстный съ достоинствомъ адвоката".

По выходѣ изъ тюрьмы и во время заключенія Эрве продолжалъ свою агитацію противъ Марокко въ „La Guerre Sociale". На него косились, но не трогали.

Наконецъ, при министерствѣ того же Аристида Бріана его удалось привлечь къ отвѣтственности по дѣлу, впрочемъ, ничего общаго съ политикой не имѣющему.

Нѣкій Ліабефъ, рабочій, имѣвшій возлюбленной проститутку, былъ обвиненъ полиціей нравовъ, что онъ сутенеръ. Ліабефъ—человѣкъ съ обостреннымъ чувствомъ чести—рѣшилъ отомстить своимъ обвинителямъ и, желая выстрѣлить въ ложно обвинившаго его полицейскаго, убилъ другого. Полиціи нравовъ не удалось доказать, что Ліабефъ былъ сутенеромъ, тѣмъ не менѣе, за убійство полицейскаго онъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Въ пользу спасенія Ліабефа отъ гильотины началась агитація, во главѣ которой сталъ Эрве.

Агитація приняла столь широкіе размѣры, что Фальеръ заколебался и готовъ былъ подписать помилованіе. Но префектъ Парижа, пресловутый Лепинъ, поставилъ ультиматумъ: казнь Ліабефа или отставка. Ліабефъ былъ казненъ...

Эрве привлеченъ былъ къ отвѣтственности, обвиненный въ восхваленіи въ печати преступныхъ дѣяній.

Судъ присяжныхъ, несмотря на защиту цѣлаго ряда свидѣтелей-писателей, начиная Анатолемъ Франсомъ и кончая Рошфоромъ, отстаивавшихъ право свободы публициста, былъ приговоренъ къ высшей мѣрѣ наказанія: къ тремъ годамъ тюрьмы.

Отсюда, взявъ свой старый псевдонимъ, „un sans patrie", Эрве продолжаетъ писать въ „La Guerre Sociale".

Послѣ двухъ съ половиной лѣтъ заключенія Эрве вновь осужденъ за статью о Марокко еще на два года и вскорѣ за тѣмъ за другую статью еще на годъ.

Шесть лѣтъ тюрьмы сдѣлали изъ Эрве истиннаго Бланки третьей республики.

Образовался—въ текущемъ году—комитетъ для борьбы за амнистію, куда вошли представители цвѣта парижской интеллигенціи, буквально всѣхъ направленій, имѣющій своимъ предсѣдателемъ

старѣйшину парижскихъ журналистовъ Рошфора. Присутствіе послѣдняго и участіе нѣсколькихъ ему подобныхъ въ достаточной мѣрѣ доказываетъ, до какой степени достигло возмущеніе французкихъ журналистовъ въ виду систематическаго преслѣдованія публициста. Министръ Пуанкарэ подъ давленіемъ прессы согласился помиловать Эрве, но Эрве отказался отъ помилованія президента. Онъ требуетъ амнистіи для него и другихъ заключенныхъ по дѣламъ печати. И отказъ Эрве послужилъ началомъ широкой агитаціи въ пользу общей амнистіи.

Есть всѣ основанія думать, что она закончится успѣхомъ.

Но самъ Эрве пережилъ въ тюрьмѣ удивительную эволюцію, которая являетъ собою почти полный отказъ не только отъ существа „эрвеизма", но и отъ формъ его пропаганды.

Друзья Эрве выпустили въ настоящій моментъ сборникъ его статей и рѣчей, подъ названіемъ „Mes crimes"—„Мои преступленія". Этому сборнику Эрве предпослалъ предисловіе, которому справедливо придаютъ значеніе манифеста.

Можно сказать, что послѣ предисловія Эрве—онъ ужъ на добрую половину не Эрве.

„Между 1904 и 1905 гг.,—пишетъ Эрве,—соціально-политическія условія во Франціи глубоко измѣнились. Причиной этого измѣненія явился внезапный разрывъ блока между радикалами, соціалистами и революціонерами, объединенныя силы которыхъ дали взоможность во время дѣла Дрейфуса одержать побѣду надъ другимъ блокомъ: клерикаловъ, націоналистовъ и монархистовъ.

„Этотъ разрывъ я всегда разсматривалъ, какъ истинную катастрофу, одинаково пагубную какъ для республиканской и демократической идеи, такъ и для соціалистической.

„Конечно, когда-либо между радикальной партіей, защитницей частной собственности, и соціалистической партіей долженъ былъ фатально произойти разрывъ, но въ 1905 г. не былъ ли онъ слишкомъ преждевременнымъ и опаснымъ?

„На кого падаетъ отвѣтственность за него?

„Съ одной стороны, конечно, на радикальную партію, съ другой—въ томъ виноваты: рѣшеніе международнаго соціалистическаго конгресса въ Амстердамѣ, ярко выраженное насильственное поведеніе революціонеровъ въ духѣ генеральной конфедераціи труда и шумъ, поднятый вокругъ того, что зовется „эрвеизмомъ".

„Уступка, которую сдѣлалъ Жоресъ во имя соціалистической дисциплины на Амстердамскомъ конгрессѣ была истолкована г. Клемансо, какъ безусловная капитуляція передъ марксистскимъ доктринерствомъ, какъ объявленіе войны радикальной партіи. Эта уступка была первой причиной разрушенія блока".

Характеризуя свою собственную дѣятельность, Эрве заключаетъ:

Употребленіе слова „анти-патріотизмъ" было не меньшей ошибкой. Слово это—ложное и опасное. Его слишкомъ легко эксплоатировать во вредъ намъ въ странѣ, гдѣ республиканцы

1792 г. и 1793 г. называли себя патріотами. Слово анти-патріотъ точно въ томъ смыслѣ, что мы ненавидимъ современныя отечества, отечества привиллегированныхъ, но оно совершенно ложно въ обычномъ смыслѣ слова, ибо, если мы добьемся превращенія нашей республики въ соціальную, мы будемъ ея наиболѣе ярыми защитниками и наиболѣе отъявленными изъ патріотовъ.

„Рѣзкость этого выраженія имѣетъ свое объясненіе. Опасность войны была возможна. Надо было дѣйствовать быстро и сильно повліять на общественное воображеніе. Когда въ своемъ распоряженіи не имѣешь крупной прессы, приходится пользоваться способами рекламныхъ афишъ, достигающихъ успѣха путемъ преувеличенія въ тонѣ и въ формѣ".

Какъ краснорѣчивы и какъ характерны приведенныя строки Эрве, этого крайняго изъ крайнихъ, возстающаго противъ „марксистскаго доктринерства" на защиту буржуазно-соціалистическаго блока!

Во имя чего? Эрве даетъ отвѣтъ:

„Въ настоящее время очевидны послѣдствія преждевременнаго разрыва блока послѣ семи лѣтъ борьбы между республиканцами-радикалами и республиканцами-соціалистами.

„Съ одной стороны, обезумѣвшая буржуазія, какъ въ 1848 г. перепуганная краснымъ призракомъ, ищущая „правительства, которое управляетъ". (Слова бывшаго министра Кайо. *Л. Г.*).

„Съ другой—народныя массы, отчаявшіяся и деморализованныя, благодаря банкротству радикаловъ, не вѣрящія ничему и никому, одинаково недовѣрчиво относящіяся какъ къ „политикамъ" соціалистической партіи, такъ и „антиполитикамъ" генеральной конфедераціи труда. Массы не разбираются ни въ рѣшеніяхъ соціалистической партіи, ни въ глухомъ антагонизмѣ между послѣдней и конфедераціей, куда подъ покровомъ нейтральности синдикатовъ проникли многочисленные агенты бонапартизма, проповѣдующіе вмѣстѣ съ синдикализмомъ ненависть къ республикѣ и презрѣніе къ партіи. Можно подумать, что мы вернулись къ 1851 г. въ періодъ, предшествовавшій бонапартовскому перевороту".

Эрве заканчиваетъ двойнымъ призывомъ: къ соц. партіи и конфедераціи труда—слить и объединить политическую и экономическую борьбу французскаго пролетаріата—и къ радикальной партіи—подняться выше классовыхъ предразсудковъ во имя демократіи.

Переданное нами здѣсь въ главнѣйшихъ выдержкахъ предисловіе Эрве къ „Mes crimes" вызвало понятную сенсацію какъ въ кругахъ французскаго пролетаріата, такъ и внѣ его.

Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого предисловія сгущены краски, то въ общемъ оно довольно вѣрно рисуетъ состояніе французскаго рабочаго движенія и внутреннее положеніе Франціи, переживающей серьезнѣйшій кризисъ, выходъ изъ котораго всѣ демократическіе элементы ищутъ въ настоящее время въ коренной избирательной реформѣ.

Оставимъ въ сторонѣ оцѣнку Эрве рѣшеній Амстердамскаго конгресса и пользы блока.

Насъ интересуетъ эволюція Эрве лишь въ томъ смыслѣ, что она характеризуетъ его не только, какъ демагога, но и какъ человѣка, обладающаго большимъ политическимъ чутьемъ. Какъ таковой, онъ не могъ во имя одной лишь законной классовой ненависти пройти мимо фактовъ, полныхъ краснорѣчивой очевидности.

По своимъ результатамъ эта эволюція можетъ быть очень значительной въ виду несомнѣннаго огромнаго вліянія Эрве на широкія рабочія массы.

И кто знаетъ, не идетъ ли онъ большими шагами къ „марксистскому доктринерству“ въ его послѣдней нѣмецкой формаціи? Въ пользу подобнаго предположенія сильно говоритъ то обстоятельство, что почти нѣтъ статьи, гдѣ бы Эрве не выражалъ теперь своего глубокаго преклоненія предъ методами германской с-д., противъ которой онъ всего лишь въ 1907 г. съ такой рѣзкостью выступалъ на Штутгартскомъ международномъ конгрессѣ, обозвавъ ее „мелко-буржуазной партіей“ и „избирательной машиной“...

Л. Герасимовъ.

ОТКЛИКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

„Купецъ идетъ“.

Третья Дума дожила послѣдніе дни. И — пока подводятся ея итоги — партіи пересматриваютъ свои программы, провѣряютъ старыя позиціи, намѣчаютъ новыя. На одномъ флангѣ съѣзды—объединеннаго капитала, союза русскаго народа; для нихъ и свобода собраній. На другомъ—конференціи: съ одной стороны, ка-детовъ, прогрессистовъ, съ другой — соціалдемократовъ, трудовиковъ. Идутъ банкеты—октябристскіе, кадетскіе, прогрессистскіе. Словомъ, выборы на носу. И политическій лагерь, раскрашенный во всѣ цвѣта, выпрямляется во весь ростъ, напрягаетъ всѣ свои притягательныя силы.

Еще не время подводить итоги этой мобилизаціи, но опредѣлить и взвѣсить тѣ силы, отъ которыхъ будетъ зависѣть результатъ борьбы, тѣ измѣненія, которыя, такъ или иначе, оформились во взаимныхъ отношеніяхъ, уже пора. Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ Думѣ, Государственномъ Совѣтѣ, земствахъ — вездѣ укрѣпилась гегемонія реакціоннаго дворянства, а вмѣстѣ съ ней старый лозунгъ временъ крѣпостного права. Правда, это былъ блокъ помѣщиковъ и верхнихъ слоевъ буржуазіи, но такой, при которомъ вѣсы склонялись не на сторону послѣдней: даже по выраженію г. Коковцова, было „однобокое увле-

ченіе" интересами привиллегированныхъ дворянскихъ группъ. Есть ли шансы на такой же исходъ избирательной борьбы—той, которая сосредоточится на ступеняхъ привиллегированныхъ курій сейчасъ? Или политическое разслоеніе стало рѣзче, классовыя различія яснѣе?

„Рано или поздно такъ должно произойти", — говорили еще въ прошлую кампанію:—„рано или поздно буржуазныя партіи не только со своимъ лѣвымъ, но и со своимъ правымъ крыломъ неизбѣжно вступятъ въ конфликтъ съ партіями, желающими возстановить крѣпостной режимъ". Третья Дума этого предсказанія не оправдала. Въ буржуазныхъ организаціяхъ ея оказалось столько представителей дворянства не обуржуазившагося, а самаго дикаго, и на такихъ видныхъ роляхъ, что о процессѣ разслоенія можно было говорить лишь съ оговорками. Можетъ быть, сейчасъ стоимъ наканунѣ чисто-классовыхъ организацій буржуазнаго характера?

Едва ли ошибемся, если скажемъ: да, прежній блокъ имущихъ обреченъ на распадъ. Общественнымъ силамъ буржуазіи предстоитъ въ этой кампаніи развернуться болѣе широко, стать на свои ноги,—это первое, что бросается въ глаза въ настоящій моментъ въ отличіе отъ прошлой избирательной кампаніи. И лучшее доказательство этого—„новый курсъ", который уже мѣсяца два возвѣщенъ г. Коковцовымъ.

И П. А. Столыпинъ велъ въ Думу партію г. Гучкова. Но и на умѣ, и на языкѣ у него были „130.000" помѣщиковъ, постановленія съѣздовъ объединеннаго дворянства. Ихъ идеологомъ, ихъ политикомъ онъ былъ—и если бы онъ нашелъ нужнымъ развить свою предвыборную платформу на какомъ-нибудь собраніи, то это было бы, конечно, собраніе зубровъ. Г-нъ Коковцовъ обращается къ московской биржѣ, къ представителямъ промышленности и торговли въ Петербургѣ—и рѣчь его такова: „Да, раньше на первый планъ выдвигалось земледѣліе и сельское хозяйство, но это было и быльемъ поросло. Это однобокое увлеченіе уже прошло. Развитіе торговли, промышленности и сельскаго хозяйства должны идти параллельно".

Конечно, министръ началъ съ указаній на враговъ, общихъ всему режиму 3 іюня—и помѣщику, и капиталисту, и бюрократу; на моментъ, одинаково страшный и Пуришкевичу, и Крестовникову: „конецъ 1905, 1906 и начало 1907 г. г.", на „недобрыя тѣни прошедшаго времени". И любопытно признаніе, дѣлаемое министромъ финансовъ хотя бы заднимъ числомъ: оказывается, „величайшему испытанію" подвергла революція наше денежное обращеніе. Оказывается, оно въ самомъ дѣлѣ „было наканунѣ своего разрушенія". Уже поднимался вопросъ о томъ, чтобы отъ золотого рубля перейти къ бумажному, былъ уже заготовленъ именной указъ правительствующему сенату... Конечно, наши промышленники помнятъ общую опасность, и Дума четвертаго созыва будетъ той же или даже еще болѣе покойной работы, чѣмъ Дума третьяго созыва. Не „оппозиціей же ради оппозиціи". А затѣмъ: „Вы спрашиваете меня, будетъ ли торгово-промышленный классъ имѣть въ 4-ой Думѣ большее предста-

вительство, нежели въ Думѣ третьяго созыва? Я этого, конечно, не знаю, но открыто желаю, чтобы въ четвертой Думѣ торгово-промышленный классъ громче поднималъ свой голосъ". Именно теперь, какъ никогда болѣе, интересы буржуазіи русской совпадаютъ съ тѣмъ направленіемъ, которое обезпечиваетъ здоровую жизнь государству. Пусть капиталъ только и дѣлаетъ, что вопіетъ о ставкахъ, ставкахъ и ставкахъ: и самъ министръ финансовъ былъ и будетъ убѣжденнымъ поборникомъ покровительственной системы, хотя она и вызываетъ со стороны многихъ столь ожесточенныя нападки.

Вотъ что г. Коковцовъ заявилъ въ апрѣлѣ въ Москвѣ. То же въ маѣ повторилъ въ Петербургѣ. И пусть,—какъ признавался еще въ 1906 г. покойный Столыпинъ русско-американскому журналисту Тверскому,—русскій кабинетъ даже въ его теперешней объединенной формѣ не есть власть; пусть онъ только „отраженіе власти" наряду съ тѣми давленіями и вліяніями, подъ гнетомъ которыхъ онъ дѣйствуетъ, наряду съ „недосягаемымъ для etatus in etatu",—нельзя все же не признать за любезностью премьера значеніе чрезвычайно важнаго симптома.

Третьеіюньскій блокъ не сдѣлалъ никакихъ шаговъ въ дѣлѣ приспособленія къ условіямъ буржуазнаго развитія, никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ уступокъ даже верхнимъ слоямъ буржуазіи. И власть, и доходы служили тому, что на языкѣ „Торговли и Промышленности" или „Торгово-Промышленной Газеты" именуется „аграрнымъ засильемъ", „засильемъ помѣщиковъ". И теперь союзники-конкурренты не въ ладу. Третье іюня само по себѣ прочно, но третьеіюньскій блокъ въ состояніи распада.

И что прежде всего облегчаетъ положеніе, это меланхолія „реакціонныхъ воробьевъ". Глухо звучитъ ихъ чириканье въ пустомъ пространствѣ. Въ то время, какъ значительные слои буржуазіи (тѣ самые, что при вторичныхъ выборахъ по первой городской куріи въ Москвѣ взамѣнъ выбывшаго октябриста выбрали уже кадета, а послѣ разгрома московскаго университета выразили свое неудовольствіе) пристрастія къ правительственнымъ кандидатамъ не питаютъ, правые—безъ новаго золотого дождя вянутъ, сохнутъ, компрометтируютъ другъ друга. По всей линіи черной, идетъ распадъ и разложеніе.

Нельзя сказать, чтобы правые дремали. Въ ихъ распоряженіи и субсидіи отъ правительства, хотя и не столь пышныя, какъ въ былые дни, и свобода слова, печати. Они со всѣмъ жаромъ засѣдаютъ, докладываютъ, представляютъ вѣрнѣйшіе рецепты спасенія отечества. Но ничего изъ этого не выходитъ. Кажется, сколько-нибудь существенной разницы въ ихъ программахъ нѣтъ, а все-таки даже около столь важнаго пункта, какъ предстоящіе выборы, объединеніе не создается. Вчера дворяне Крупенскіе добились исключенія Пуришкевича изъ дворянскаго сословія; сегодня Пуришкевичъ въ отместку за то, что не можетъ выставить свою кандидатуру въ 4-ую Думу, строитъ партію для провала

Крупенскаго. И все такъ. Полнѣйшая свобода дѣйствій означаетъ: девять собраній созванныхъ и три состоявшихся фактически — то, что видимъ, напр., въ Москвѣ. Двери открыты,—иди, руководи... А не идутъ „спасители отечества“, хоть ихъ и милліоны.

Читателю, вѣроятно, памятенъ мартовскій съѣздъ объединеннаго дворянства, такъ волновавшійся по вопросу о привлеченіи въ свою среду новыхъ лицъ и родовъ и въ то же время не нашедшій дворянина, который бы взялъ на себя почетное званіе предсѣдателя ихъ совѣта. „Ясно, что землевладѣльческое дворянство дальше сведется на нѣтъ“,—шамкалъ гр. Стембокъ-Ферморъ. Теперь засѣдалъ въ маѣ съѣздъ союза русскаго народа. Ставилъ своей цѣлью объединеніе черносотенныхъ организацій, а кончился еще большимъ развалом черного стана.

Организаторы съѣзда, выступая отъ имени русскаго народа, а не отъ однихъ помѣщиковъ - крѣпостниковъ, представленныхъ на дѣлѣ, постарались привлечь крестьянъ позажиточнѣе, священниковъ и т. д. Конечно, съѣздъ имѣлъ полное основаніе вынести резолюцію благодарности епископамъ за труды на пользу союза. Приказъ высшей духовной власти мѣстному духовенству принять активное участіе въ избирательной кампаніи съ извѣстной опредѣленной цѣлью—выбирать, кого прикажутъ, привелъ къ тому, что въ программы свыше 40 епархіальныхъ съѣздовъ былъ включенъ вопросъ объ отношеніи духовенства къ предстоящимъ выборамъ, и большинство ихъ единогласно высказалось за поддержку союза русскаго народа и націоналистовъ. Недаромъ и самый съѣздъ союзниковъ водворился въ домѣ оберъ-прокурора св. синода на Литейномъ и однимъ изъ заправилъ его явился В. М. Скворцовъ, состоящій, какъ извѣстно, чиновникомъ особыхъ порученій при В. К. Саблерѣ. Зато крестьяне-союзники... смертельно ранили и съѣздъ, и союзническое духовенство, которое вожди достойно благодарили.

Какъ разъ по поводу увеличенія содержанія сельскимъ батюшкамъ Коханчикъ, поддерживаемый крестьянскими возгласами съ мѣстъ, вдругъ заявляетъ: „И безъ того жирѣютъ“... „Ну, если ужъ жалованье большое положить, то землю церковную отдать малоземельнымъ крестьянамъ“. Крики „вѣрно!“ заглушаютъ оратора, но тутъ графъ Коновницынъ буквально вопитъ, топая ногами на оторопѣвшихъ крестьянъ, что землю причтамъ давали крупные землевладѣльцы-дворяне и отбирать ее они не позволятъ.

— О землѣ говорить нельзя... Опять?.. Который ужъ разъ?—заявляетъ Марковъ 2-ой, отчаянно звоня.

— А о чемъ же можно, только объ евреяхъ?—слышится вопросъ изъ рядовъ наэлектризованныхъ крестьянъ.

Предсѣдатель опять отчаянно звонитъ и... начинаетъ говорить о „жидахъ“. Тогда крестьяне поднимаются со своихъ мѣстъ и уходятъ. Удалившись же, составляютъ протестъ (за подписью 23 крестьянъ), по которому выходитъ, что руководители союза, никѣмъ не избранные и крестьянамъ неизвѣстные, стремятся лишь повергнуть крестьянъ „подъ ярмо господъ помѣщиковъ и профессоровъ“.

Но ярмо уже было до 19 февраля 1861 года!.

Не помогаетъ и попытка спасти дѣло: отказавшись отъ старой формы, бросить всѣ эти палаты и союзы и образовать новую партію—„консервативно-монархическую". Перевести лавочку на другое имя не трудно, но все тѣ же они—и политическаго банкротства не предупредить ни крайнимъ правымъ, какъ будто критикующимъ правительство справа, ни націоналистамъ, осуществляющимъ ту же волю объединеннаго дворянства, но потоньше, безъ скандаловъ.

Націоналисты начинаютъ выступать въ маскѣ безпартійности, полуприкрыто. Безпартійность, конечно, не лозунгъ, а щитъ, который долженъ прикрыть имя ихъ и провести ихъ черезъ предстоящія испытанія. Затѣмъ, конечно, обманувъ избирателей, они маску сбросятъ и выйдутъ въ настоящемъ своемъ видѣ. Такъ дѣйствуютъ, напр., ковенскіе націоналисты. Но, къ сожалѣнію, фокусы эти—отреченіе отъ своего знамени, чужая вывѣска и пр.—прозрачны. И союзникамъ, и націоналистамъ—обѣимъ партіямъ, подѣлившимъ между собой старый лозунгъ временъ крѣпостного права, стараго правящаго класса,—трудно кого-либо обмануть. Законъ 3 іюня обезпечиваетъ большинство за помѣщиками; правительственныя распоряженія, въ которыхъ недостатка никогда не было,—другая сторона привиллегій дворянъ. Это такъ, но, помимо того, возлагать надежды на дворянскую засуху—рискованно.

Правда, „правые" и въ 3-ей Думѣ не были руководящей партіей: это были агитаторы, апеллировавшіе отъ имени помѣщиковъ къ „народу", идеологи контръ-революціи. Политика же режима 3 іюня, главнымъ образомъ, проведена была при помощи октябристовъ, принявшихъ на себя отвѣтственность за все—травлю Финляндіи, надругательство надъ Холмщиной, реакціонный воинскій уставъ. Это для нихъ П. А. Столыпинъ подтягивалъ союзниковъ, нажималъ на законъ—и они, въ свою очередь, нажимали на „оппозицію", подтягивали программу.

Въ концѣ концовъ, октябристы, ничѣмъ по существу не отличаясь отъ лѣвыхъ націоналистовъ, отлично выполняли бы роль правительственной партіи и въ четвертой Думѣ. Для этого надо бы только помазать предварительно избирателя оппозиціонностью, продѣлать ту же игру въ оппозицію, какую мы видѣли въ 1907 г. Но въ томъ-то и бѣда, что октябристы тѣмъ отличаются отъ правыхъ или націоналистовъ, что, кромѣ помѣщика, ихъ партія обслуживала и верхніе слои буржуазіи—крупнаго фабриканта, старозавѣтнаго купца. И вотъ теперь буржуазія русская рѣшила: плохо что-то, очень плохо звучалъ ея голосъ даже въ думскомъ центрѣ.

Даже г. Крестовниковъ, столь огорченный въ свое время протестомъ крупныхъ московскихъ купцовъ противъ г. Кассо, недоволенъ 3-ей Думой, гдѣ преобладали помѣщики и, благодаря этому „аграрному засилью", изъ попытокъ приспособить полу-крѣпостническій, полу-феодальный строй къ условіямъ капиталистическаго развитія ничего, кромѣ кон-

фуза, не выходило. „Нельзя не отмѣтить, что вопроса непосредственно экономическаго характера, промышленности и торговли,—жаловалось московское купечество устами этого Г. А. Крестовникова г. Коковцову,—Государственная Дума 3-го созыва касалась весьма мало“. Изданіе совѣта съѣздовъ „Вопросы промышленности и торговли въ законодательныхъ учрежденіяхъ“, недавно появившееся, констатируетъ то же: „признаніе «государева дѣла» въ торговлѣ и промышленности настолько же намъ чуждо, какъ и экономическій патріотизмъ и имперіализмъ современнаго европейца“. Что же касается самого совѣта всероссійской организаціи нашихъ крупныхъ капиталистовъ, то онъ, подводя итоги дѣятельности 3-ей Думы наканунѣ съѣзда своихъ представителей, отнесся къ ней прямо неодобрительно. Совѣтъ „принялъ резолюцію объ отрицательной дѣятельности Г. Думы“. 3-я Дума, видите ли, „всегда не только равнодушно, но даже враждебно относилась къ интересамъ торговли и промышленности“.

Правда, на самомъ съѣздѣ рѣзкихъ выпадовъ не было. Только польскій крупный капиталистъ г. Жуковскій выразилъ рѣзко недовольство третьей Думѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы слышали увѣренія со стороны гг. Авдакова и Крестовникова, съ одной стороны, гг. Коковцова и Тимашева—съ другой, въ единодушіи. Но центральный органъ октябристовъ уже спѣшитъ объяснить, въ чемъ дѣло: „аграрное направленіе“, видите ли, повидимому въ серьезъ смѣняется „болѣе равномѣрнымъ покровительствомъ“. „Если политическое представительство торгово-промышленнаго класса въ законодательныхъ учрежденіяхъ и на мѣстахъ,—читаемъ мы,—пока еще не соотвѣтствуетъ тому „сдвигу“, который, несомнѣнно, происходитъ теперь въ настроеніи правящей бюрократіи; если господство аграрныхъ элементовъ продолжаетъ оставаться безраздѣльнымъ, то, повидимому, недалеко уже то время, когда возросшее соціальное значеніе торгово-промышленнаго класса найдетъ себѣ соотвѣтствующее выраженіе и въ сферѣ политическаго вліянія“.

Будетъ ли на самомъ дѣлѣ союзъ г.г. Коковцова и Тимашева съ объединеннымъ капиталомъ рѣшающимъ, прочно ли „благораствореніе воздуховъ“ новаго курса—покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, преобладаніе обезпечено дворянамъ самимъ избирательнымъ закономъ, законъ же остается тотъ же и для 4-ой Думы; значитъ, съ этой стороны ждать гг. Крестовниковымъ милости нельзя.

Такъ настроены столпы первой буржуазной куріи. Но, вѣдь, среди значительныхъ слоевъ буржуазіи добиваются уступокъ еще того большихъ. Какихъ нехорошихъ вещей наговорилъ г. Коковцову въ бытность его въ Москвѣ одинъ изъ братьевъ Рябушинскихъ! На одномъ полюсѣ говорятся другъ другу комплименты, а на другомъ лукавые аршинники переходятъ и въ оппозицію. Средняя городская буржуазія какъ будто начинаетъ освобождаться отъ того страха передъ народнымъ движеніемъ, который смягчалъ въ ея глазахъ «безраздѣльное господство аграрныхъ элементовъ».

Вотъ эта-то трещина, расширяющаяся

съ каждымъ днемъ приближенія къ выборамъ, и ставитъ крестъ надъ партіей г. Гучкова. И старается же она показать сейчасъ, что чаша вѣсовъ ея всегда склонялась на сторону промышленниковъ! Такъ подъ шумъ ресторанныхъ рѣчей и пріободришь себя. Торжественно, очень торжественно московскіе октябристы въ ресторанѣ „Яръ" разъясняли „своимъ людямъ" заслуги третьей Думы, столь раздѣланной за стѣнами „Яра" ихъ прежними избирателями. Конечно, тотъ же г. Шидловскій говоритъ то же самое, что мы уже знаемъ изъ его интервью съ сотрудникомъ „Вечерняго Времени". Первая заслуга гг. Шидловскихъ: благодаря имъ, „наши палаты вошли въ сѣть правительственныхъ учрежденій"; вѣдь, и сама партія была партіей „послѣдняго правительственнаго распоряженія". Вторая заслуга—земельная реформа, принудительное отчужденіе надѣловъ бѣдноты въ пользу кулаковъ; они избавятъ дворянство отъ аграрнаго движенія. Третья заслуга... но тутъ законодательная пробка,—лѣвые со своими митинговыми запросами!

Лидеръ октябристовъ все-таки въ огорченіи: его партія провалится. Люди первой куріи, крупные буржуа, разочаровались въ нихъ. Средній буржуа научился критически смотрѣть на нихъ. А черносотенному дворянину они сами по себѣ ни къ чему. Какъ быть? И вотъ начинаются курьезы.

Въ свое время октябристы обратились къ... приказчикамъ съ предложеніемъ союза. Теперь друзья Пуришкевича заигрываютъ съ... евреями. Неужели пять лѣтъ существованія Думы „не научили самую практическую націю оцѣнивать обѣщанія?"—восклицаютъ они. Не изъ-за прекрасныхъ же глазъ центральнаго комитета к.-д. поддерживаютъ эту партію евреи, а только изъ-за своихъ практическихъ интересовъ. Такъ не умнѣе ли будетъ отдать эту поддержку октябристамъ, которые, „не разсыпаясь въ любезностяхъ передъ еврействомъ, могли бы дѣйствительно пойти на извѣстныя уступки въ удовлетвореніи части притязаній еврейства и могли бы свои обѣщанія выполнить". Конечно, на много разсчитывать нельзя, но „все же... лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ". („Гол. М." № 116).

Нѣтъ, октябристы „выбиты изъ сѣдла". Партіи, вознесенной 1-ой городской куріей, за которой шелъ капиталъ, но которой руководили дворяне и министры, приходитъ смерть. И свидѣтельствуетъ это лучше всего партія прогрессистовъ,—новая партія, появленіе которой въ 1-ой куріи можетъ имѣть рѣшающее вліяніе на выборы. Политическое значеніе новой группы, уже имѣвшей свое совѣщаніе въ Москвѣ, именно въ томъ и состоитъ: на октябристскомъ пепелищѣ создается настоящій буржуазный либерально-монархическій центръ.

Въ сущности, этотъ центръ и въ земствѣ, и въ городскомъ представительствѣ, и въ промышленныхъ сферахъ опредѣлился давно. Открытое выступленіе на историческую сцену общественныхъ классовъ Россіи въ 1905—06 гг. создало изъ него опредѣленную величину. Но все же до сихъ поръ идейно-политической средой, опредѣлявшей тѣ или иныя программы имущихъ классовъ, былъ земско - дворянскій слой, и уже къ нему примыкалъ, такъ или иначе, отечествен-

ный буржуа. Въ 1906—07 гг. на крутомъ поворотѣ буржуазія русская къ тому же въ такой мѣрѣ была перепугана событіями, что сама же бросилась въ объятія дворянскихъ реакціонеровъ, своими же голосами благословила „аграрный ражъ". Теперь впервые видимъ самостоятельное политическое знамя буржуазіи, стремленіе жить своимъ умомъ, занять на выборахъ классовую позицію. „Купецъ выступаетъ на политическую арену",—возвышаетъ голосъ лейбъ-органъ московскихъ капиталистовъ.—„Онъ идетъ не для того, чтобы „пофлиртовать" въ своихъ „сословныхъ" интересахъ съ представителями той буржуазной интеллигенціи, которая до сихъ преобладала въ прогрессивныхъ рядахъ активной политики. Купецъ идетъ потому, что онъ, во-первыхъ, сознавалъ свое крупное значеніе въ политико-экономической жизни страны, а, во-вторыхъ — извѣрился въ отдаленной даже плодотворности совмѣстной работы правительственныхъ элементовъ съ господствовавшимъ у насъ до сихъ поръ представительствомъ чисто потребительскихъ, безпочвенно-отвлеченныхъ интересовъ". Это, конечно, не точно. „Идеологія" новой партіи вырабатывалась на памятныхъ совѣщаніяхъ „миллионовъ людей и науки". Въ партію прогрессистовъ входятъ тѣ самые крупные тузы, съ которыми гг. Струве, Кизеветтеръ устраивали свои бесѣды. Точно также называть представительство помѣщиковъ представительствомъ безпочвенно-абстрактныхъ интересовъ—болѣе, чѣмъ самоувѣренно. Но что вѣрно, то вѣрно. Представители капитала европеизируются, и эти европейцы составляютъ ядро новой партіи.

Прогрессисты не идутъ противъ 3 іюня, но имъ нужна умѣренно-либеральная цензовая конституція, „культурные пріемы управленія", какъ почтительно выразился г. Рябушинскій. Ихъ демократизмъ недалеко заведетъ ихъ отъ октябристовъ. Открывъ свою кампанію „безпартійнымъ блокомъ", они подчеркиваютъ „необходимость осуществленія идей манифеста 17 октября". Но за идеи эти распинались и октябристы. Говорятъ о „защитѣ народно-хозяйственныхъ интересовъ,"— не интересы ли это буржуазіи? Говорятъ о борьбѣ съ „лженаціонализмомъ",—не во имя ли это „великодержавности"? И т. д. Пока-что даже г. Рябушинскій на съѣздѣ объединеннаго капитала не пошелъ дальше нападокъ на С. Ю. Витте за его рѣчи противъ капитала въ Государственномъ Совѣтѣ. Но, безспорно, новая партія можетъ замѣтно ослабить нынѣшнее реакціонное большинство.

Буржуазная оппозиція и выливается въ формѣ, отвѣчающей существу капитала. Ожидать сколько-нибудь радикальныхъ плановъ отъ вліятельныхъ купцовъ и фабрикантовъ вмѣсто попытки поторговаться и сойтись на раздѣлѣ политическихъ привиллегій съ первенствующимъ сословіемъ — конечно, въ обратномъ соотношеніи — наивно. Но этимъ купцамъ, заводчикамъ уже мало закулисныхъ учрежденій, въ которыхъ отстаивались ихъ интересы. Имъ уже нуженъ такой политическій режимъ, при которомъ они непосредственно воздѣйствуютъ на власть, сами будутъ на-

правлять судьбы страны. Уже это для дворянско-чиновничьей реакціи — переворотъ, лишающій ее привычныхъ позицій.

Новая партія будетъ расти именно насчетъ октябристовъ,—писалъ я. Но ясное дѣло: опасность грозитъ и кадетскимъ мандатамъ первой куріи. Прогрессисты сильно ослаблятъ кадетскіе ряды, отвлекутъ избирателя постольку, поскольку партія к.-д. являлась лѣвымъ крыломъ этого либерально-буржуазнаго центра.

И прогрессисты торгуются. Смотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ, напр., Д. Н. Шиповъ, одинъ изъ вождей партіи, требователенъ. Октябристы, конечно, уже покорены подъ нози. Теперь необходимо, чтобы „кадеты безпристрастно пересмотрѣли и измѣнили свою тактику". Кажется, что же иного и дѣлала наша „отвѣтственная опозиція", какъ не пересматривала, не измѣняла свою тактику. Анъ нѣтъ! Вотъ и еще кадетскіе грѣхи: 1) утопичная и несвоевременная постановка аграрнаго и отчасти рабочаго вопросовъ; 2) провозглашеніе ультра-либеральныхъ лозунговъ; 3) избраніе... исключительно пути борьбы съ властью. Для того, чтобы кадеты были признаны въ первой куріи, они должны подчеркнуть свою буржуазную сущность иными жестами.

Такъ-то притиснуты и кадеты съ возникновеніемъ новаго буржуазнаго центра притяженія, претендующаго на столь смежный районъ вліянія. Первое время они были такъ смущены, что извѣстная часть партіи собиралась вести предстоящую избирательную кампанію подъ лозунгомъ безпартійности. Но затѣмъ, впрочемъ, все-таки нашли выходъ. Еще недавно, на предпослѣдней конференціи, состоявшейся зимой 1911 года, к.-д. говорили исключительно объ избирательныхъ соглашеніяхъ направо: съ октябристами. Тогда, повидимому, они были того мнѣнія, что третьеіюньскій режимъ, какъ стоитъ, такъ и будетъ стоять крѣпко. Но вотъ зашевелилась демократическая волна—и вспомнили наши законодатели, что не менѣе, чѣмъ голоса крупной и средней буржуазіи, нужны имъ голоса мелко-буржуазные, приказчичьи и т. д. И теперь—на нынѣшней весенней конференціи — уже рѣчь идетъ о соглашеніи и направо, и налѣво. Мы, молъ, за соглашеніе и съ прогрессистами и съ лѣвыми—на словахъ полѣвѣемъ, на дѣлѣ поправѣемъ.

Остались вѣрны своимъ тактическимъ пріемамъ. Правда, петербургскіе кадеты опасались, какъ бы слишкомъ тѣсное единеніе ихъ съ прогрессистами „не вызвало смятенія" въ умахъ обывательскихъ массъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія к.-д. партіи. Г. Колюбакинъ даже находилъ, что сколько-нибудь тѣсное соглашеніе съ прогрессистами не желательно, но на это г. Шингаревъ замѣтилъ: „черезчуръ бояться за чистоту кадетскихъ принциповъ нѣтъ нужды". Г. Котляревскій даже распинался за болѣе тѣсное сближеніе съ прогрессистами. У него даже „вырвалось слово: предвыборное сліяніе". Ну, лѣвые кадеты не такъ многочисленны, чтобы нельзя было ублаготворить ихъ параднымъ словечкомъ. Съ другой стороны, не всѣ же прогрессисты такъ прямолинейны, какъ Д. Н. Шиповъ. Такъ, глядишь, сдѣлка

съ одной стороной, сдѣлка съ другой, улыбка октябристамъ второго разряда, улыбка и трудовикамъ.

Не успѣлъ еще наладиться, какъ слѣдуетъ, романъ съ Рябушинскими и Четвериковыми, какъ кадеты уже увѣряютъ, что всѣмъ, чѣмъ богаты послѣдніе, богата и партія народной свободы. А разъ, за пустыми исключеніями, во всѣхъ заявленіяхъ трудовиковъ «почти нѣтъ ни одной черты, которая съ такимъ же правомъ не могла бы быть въ заявленіяхъ партіи народной свободы», то отчего же не выбирать кадетовъ вмѣсто трудовиковъ?

Это погоня за двумя зайцами: съ одной стороны—за прогрессистами, съ другой—за „тѣми элементами оппозиціи, которымъ свойственно живое чувство дѣйствительности“. То к.-д.'у кажется, что для него важнѣе всего перебросить мостъ къ первой куріи, и онъ рисуетъ себѣ радужныя перспективы своей сдѣлки съ буржуазными цензовиками прогрессизма, готовится охранять благо лицевого нашего парламентаризма, того самаго, который былъ продемонстрированъ въ Лондонѣ. То, наоборотъ, прогрессисты не страшны, а вотъ... городскіе демократическіе слои поглядываютъ косо. „Программы у безпартійныхъ прогрессистовъ нѣтъ, — разсуждаетъ уже кадетскій діалектикъ,—но у каждаго изъ членовъ группы можетъ быть своя собственная программа. Когда дойдетъ очередь до ихъ выставленія, группа прогрессистовъ и распадется, вѣроятно“. Конечно, это плохое разсужденіе, но „мелкій и средній людъ“ второй куріи все лѣвѣетъ, и вмѣстѣ съ нимъ уже хладнокровный, уравновѣшенный Милюковъ дѣлаетъ лѣвый „жестъ“, стоящій ему исключенія на 10 засѣданій. Кажется, не такъ давно подобную фразу бросилъ съ думской трибуны Ф. И. Родичевъ, и никто иной, какъ П. Н. Милюковъ, уговаривалъ его извиниться, никто иной, какъ онъ, принялъ участіе въ оваціи, устроенной тогда право-октябристскимъ большинствомъ Столыпину. Теперь же родичевскія фразы произноситъ самъ П. Н. Милюковъ, котораго въ излишней пылкости обвинишь менѣе всего.

И такъ, мобилизація политическихъ силъ — въ виду предстоящихъ выборовъ—началась подъ знакомъ: „купецъ идетъ“. Союзники съ націоналистами. По ихъ настоянію въ правительственныхъ сферахъ уже обсуждается вопросъ объ исключеніи изъ списковъ многочисленныхъ категорій евреевъ. Ну, отъ этого развалъ спасителей отечества, дезорганизація ихъ рядовъ не уменьшается. Октябристы, чтобы не оставить послѣ себя пустого мѣста, уйдутъ частью въ тотъ черный блокъ, который составился между правыми партіями и вѣдомствомъ православнаго вѣроисповѣданія, частью— въ блокъ прогрессистовъ съ кадетами. Благодаря послѣднему, политическая безформенность, та неразбериха, въ которой до сихъ поръ пребывалъ буржуазный избиратель, проясняется. Позиціи либерализма становятся опредѣленнѣе.

Это безспорный выигрышъ для избирателя. Нѣтъ большаго вреда для него, чѣмъ вредъ тумана, этой расплывчатости, затушевывающей, въ концѣ концовъ, все значеніе открытой борьбы.

При низкомъ уровнѣ политическаго развитія и буржуазной, и небуржуазной массы, это равносильно спекуляціи на тѣхъ или иныхъ демократическихъ требованіяхъ, игрѣ въ двойную бухгалтерію.

Опредѣлились эти политическія группировки — блокъ правый и блокъ либеральный—именно съ точки зрѣнія шансовъ при данной избирательной системѣ. Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ—это споръ конкуррентовъ-союзниковъ о третьеіюньскихъ привиллегіяхъ. Но въ избирательной кампаніи важнѣе идейно-политическое содержаніе ея. И если третья группировка—лѣвый блокъ, который, такъ или иначе состоится, претендовать на „шансы" не можетъ, то не малый диссонансъ въ третьеіюньскія взаимныя отношенія внести можетъ.

Въ то время, какъ кадеты увѣряютъ, что соглашенія на выборахъ съ трудовиками могутъ понадобиться имъ развѣ только въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, „весьма при томъ немногочисленныхъ", конференція трудовиковъ высказалась за соглашеніе въ первую очередь съ соціалдемократами. Правда, послѣдовательностью буржуазная демократія никогда не отличалась. И сейчасъ трудовики никакого опредѣленнаго лозунга по отношенію къ кадетски-прогрессистской оппозиціи не даютъ, но если они, вообще говоря, склонны къ колебаніямъ между либерализмомъ и рабочей демократіей, то едва ли постановленіе ихъ должно радовать буржуазный центръ.

Трудовая группа считаетъ себя выразительницей интересовъ крестьянства. Правда, трудовики были очень слабы въ третьей Думѣ, изображая типъ ликвидированной партіи, все же нельзя отрицать, что когда-то это безспорно была партія весьма популярная въ крестьянствѣ. Если же принять во вниманіе, что ни соціалисты-революціонеры, ни народно-соціалисты пока-что признаковъ жизни не подаютъ, то, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, трудовая партія, несмотря на свою расплывчатость, противорѣчивость даже на то, что она колебалась не разъ въ самыхъ вопросахъ, касавшихся „трудового крестьянства", станетъ центромъ притяженія для широкихъ демократическихъ слоевъ.

Во всякомъ случаѣ, конференція трудовиковъ лишній разъ подчеркнула одно: буржуазная демократія эмансипируется отъ кадетски-прогрессистской указки.

Въ Россіи, значитъ, въ настоящій моментъ двѣ буржуазіи. Одна, о которой говорилось выше—„купецъ идетъ", которая дѣлитъ политическія привиллегіи съ другими столпами третье-іюньскаго режима. Другая — широкій слой мелкихъ, среднихъ хозяевъ, крестьянъ, для которыхъ вопросъ жизни не въ дѣлежѣ привиллегій, а въ томъ, чтобы эти привиллегіи уничтожить.

И до сихъ поръ исторія освобожденія Россія сплошь характеризовалась борьбой этихъ двухъ буржуазныхъ тенденцій. Тѣмъ болѣе это жгучій вопросъ настоящаго момента, не менѣе жгучій, чѣмъ попытка Рябушинскихъ и Четвериковыхъ пройти клиномъ между правительствомъ и реакціоннымъ дворянствомъ.

Л. Клейнбортъ.

НА ЗАПАДѢ.

Венгерскій диктаторъ.—Выборы въ Бельгіи.

Когда наша статья увидитъ свѣтъ, сенсація, вызванная скандаломъ въ венгерскомъ парламентѣ, уляжется и въ значительной степени забудется, вытѣсненная новою злобою историческаго дня. Но исторія не забудетъ этихъ дней массоваго выбрасыванія депутатовъ изъ венгерскаго парламента, она запомнитъ циничные жесты и слова гр. Тиссы, она увѣковѣчитъ образъ депутата Ковача, стрѣлявшаго въ президента, стрѣлявшаго въ себя и избиваемаго депутатами.

Конечно, историки докажутъ, что „все это ужъ было когда-то“ и, въ противоположность словамъ гр. А. Толстого, они помнятъ—когда. Иные заглянутъ въ историческій plusquamperfectum—давно прошедшее время и вспомнятъ Наполеона, другіе не станутъ ходить за примѣромъ въ отдаленную исторію и изъ недавняго прошлаго Австро-Венгріи вспомнятъ попытку президента Аброгамовича такимъ же полицейскимъ способомъ зажать ротъ оппозиціи.

Но, однако, и на этомъ историческомъ фонѣ „прецедентовъ“ поступокъ гр. Тиссы выдѣляется ярко и рѣзко.

Наполеонъ врядъ-ли можетъ идти въ счетъ—какъ никакъ, недаромъ, вѣдь, прожило человѣчество съ тѣхъ поръ цѣлый вѣкъ, а Аброгамовичъ, позволившій себѣ удалить двухъ-трехъ депутатовъ, жестоко за это поплатился.

Гр. Тисса не только цинично и безцеремонно, точно изъ собственныхъ помѣщичьихъ хоромъ грубившихъ ему мужиковъ, велѣлъ вывести изъ парламента 38 депутатовъ оппозиціи, но, сверхъ того, онъ, попирая ногами парламентскій наказъ, провелъ ненавистный венгерскому народу военный законопроектъ и послѣ всего этого чувствуетъ себя героемъ и спасителемъ отечества.

На внѣшнемъ обликѣ событій мы не будемъ долго останавливаться, напомнивъ лишь его наиболѣе выпуклыя черты. Уже давно, долгіе годы тянется борьба между австрійскимъ правительствомъ и венгерскимъ парламентомъ изъ-за военныхъ законопроектовъ. Австрійское правительство склонно смотрѣть на венгерскую армію, какъ ему подчиненную, обязанную формироваться и передвигаться по указу и указаніямъ австрійскаго императора.

Съ такимъ отношеніемъ къ венгерской арміи демократическіе элементы Венгріи никогда не могли и не хотѣли примириться. Борьба изъ-за вопроса о главенствѣ надъ арміей то затихала и смягча-

лась, то разгоралась и обострялась, но она никогда не исчезала. Обѣ стороны упорно отстаивали свои позиціи, отлично понимая, что отступить отъ этой позиціи--это значитъ признать себя побѣжденнымъ.

Въ извѣстномъ и нашумѣвшемъ приказѣ по арміи, изданномъ въ мѣстечкѣ Хлопы и отсюда получившемъ названіе Хлопскаго, императоръ Францъ-Іосифъ рѣзко и рѣшительно заявилъ, что въ вопросахъ, касающихся арміи, онъ никогда не поступится ни единою пядью своихъ правъ.

Венгерская оппозиція тогда же отвѣтила адресомъ на имя короны, въ которомъ столь же рѣшительно и твердо заявляла, что Венгрія не знаетъ званія „верховнаго вождя арміи", что первоисточникомъ всѣхъ венгерскихъ правъ, а съ ними и правъ короны, является воля народа, что австрійскій императоръ занимаетъ престолъ Венгріи не по унаслѣдованному праву, а въ силу договора націи съ носителемъ короны.

Обѣ стороны непримиримо стояли на этихъ противоположныхъ позиціяхъ. Правительство безсильно было сломить оппозицію, главнымъ образомъ, благодаря тому, что борьба давно перебросилась изъ стѣнъ парламента въ широкую народную массу и вызвала бурное народное движеніе. Попытки правительства заставить парламентъ принять военные законопроекты ни къ чему не привели. Парламентъ отказался утвердить бюджетъ и военный проектъ, и этимъ самымъ правительство лишилось права на взиманіе налоговъ и созывъ рекрутовъ. Когда гр. Куэнъ попытался въ парламентѣ объяснить программу правительства,—ему не дали говорить, оппозиція заглушила его слова. Многіе провинціальные комитеты по сбору налоговъ прекратили взиманіе налоговъ, новобранцы не являлись къ сбору, среди старыхъ солдатъ, которыхъ не отпускали, несмотря на истекшій срокъ службы, начиналось сильное броженіе, мѣстами перешедшее въ бунты.

И правительство передъ этимъ поднимающимся народнымъ движеніемъ уступило и отступило. Такъ было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Теперь вновь передъ венгерскимъ парламентомъ остро сталъ военный законопроектъ. Австрійская корона давно усиленно муссировала слухи о предстоящихъ крупныхъ войнахъ, возможности близкихъ столкновеній и настаивало на необходимости увеличенія венгерской арміи на 36 тыс. человѣкъ.

Оппозиція рѣшительно возстала противъ этого законопроекта. Она сплоченно и твердо объявила войну гр. Тиссѣ, типичному политику - царедворцу, типичному придворному политику, который уже не разъ спотыкался въ попыткахъ сломить оппозицію и услужить коронѣ.

Гр. Тисса не новичекъ на политической сценѣ Венгріи. Онъ уже былъ министромъ-президентомъ и уже тогда его сильная и стильная фигура обрисовалась во всѣхъ деталяхъ. Богатый и знатный феодалъ, глубоко презирающій народъ, какъ неразумное стадо, заядлый реакціонеръ, всѣми силами своей придворной души ненавидѣвшій оппозицію и постоянно кипѣвшій въ нетерпѣніи нанести ей предательскій ударъ, онъ

рѣшилъ идти напроломъ и или сломить оппозицію, или, наоборотъ, поставить крестъ надъ своею парламентскою карьерою.

Одна такого рода попытка, продѣланная въ несравненно меньшемъ масштабѣ и съ несравненно болѣе робкимъ размахомъ, не удалась ему и вынудила его къ оставленію мѣста министра-президента.

Но гр. Тисса не изъ числа людей, которые складываютъ оружіе при первой неудачѣ, да и могущественная поддержка феодальной знати заставляла его продолжать борьбу.

Съ помощью явнаго злоупотребленія Наказомъ и фальсификаціи онъ добивается избранія себя въ президенты парламента.

Парламентская оппозиція встрѣчаетъ эти выборы взрывомъ негодованія. На гр. Тиссу со всѣхъ сторонъ, точно горячіе каштаны, летятъ жгучія оскорбленія. Но онъ относится и къ нимъ съ невозмутимымъ равнодушіемъ. Онъ твердо рѣшилъ быстро подняться по крутой лѣстницѣ политической карьеры и занять пустующее амплуа диктатора Венгріи.

Это незаконное избраніе гр. Тиссы, его вызывающее поведеніе по отношенію къ народной массѣ, его все болѣе разнузданныя замашки диктатора волнуютъ и разгорячаютъ не только парламентскую оппозицію, но и народную массу.

На избраніе или, вѣрнѣе, самоизбраніе гр. Тиссы въ президенты парламента рабочіе Венгріи отвѣчаютъ всеобщей забастовкой.

Комитетъ рабочей партіи выпускаетъ воззваніе, въ которомъ приглашаетъ отвѣтить однодневной забастовкой на новое назначеніе гр. Тиссы. „Парламентъ,— гласитъ это воззваніе,—перестал̀ъ считаться съ закономъ, перестанемъ же и мы держаться за этотъ законъ".

Читателю извѣстно, къ чему повела эта борьба съ гр. Тиссой, перебросившаяся изъ стѣнъ парламента въ народную массу и здѣсь зажегшая уличные безпорядки. Кровавыя столкновенія съ войсками, убитые и раненые—таковъ былъ тотъ кровавый чередъ событій, который повлекло за собою самоизбраніе гр. Тиссы президентомъ парламента.

Когда на улицахъ шла кровавая борьба, когда въ парламентъ врывалось съ улицы потрясающее эхо кровавыхъ столкновеній, гр. Тисса въ отвѣтъ на требованіе оппозиціи прервать засѣданіе съ циничнымъ хладнокровіемъ отвѣтилъ: „Парламентъ не истеричка. Онъ долженъ продолжать свои обычныя занятія."

За короткое время своего пребыванія на посту президента парламента гр. Тисса успѣлъ обогатить чрезвычайно обширный лексиконъ историческихъ пошлостей и политическаго цинизма весьма цѣнными изреченіями.

Въ его лицѣ феодальная знать, которой такъ вольготно и весело живется въ современной Венгріи, достигла вершины самодовольства и самоувѣренности. И какъ только гр. Тисса убѣдился, что гнѣвная вспышка народнаго гнѣва въ странѣ подавлена и раздавлена, такъ тотчасъ же онъ пересталъ церемониться съ парламентомъ. Справившись съ помощью войскъ съ народомъ, гр. Тисса уже не сомнѣвался, что съ помощью

десятка полицейскихъ онъ справится съ депутатами.

Побѣда надъ венгерскими рабочими преисполнила гр. Тиссу горделиваго презрѣнія къ парламенту.

„Реакціонеры—не краснобаи, они люди дѣла,“—давно писалъ Лассаль. И гр. Тисса, несомнѣнно, не краснобай, а человѣкъ дѣла. Онъ попробовалъ свои силы на венгерскихъ рабочихъ и, убѣдившись, что этихъ силъ у венгерской реакціи еще достаточно, твердою рукою выбросилъ за дверь парламента оппозицію.

Цѣлый годъ тянулась, разгораясь и стихая, борьба за военный законопроектъ. Цѣлый годъ правительство прибѣгало то къ однимъ, то къ другимъ путямъ и орудіямъ подчиненія оппозиціи. Но оппозиція, подъ талантливымъ руководствомъ депутата Юста, оставалась непреклонной. О ея сопротивленіе разбивались всѣ сердитые натиски и всѣ льстивые происки реакціи. Оппозиція выражала готовность уступить правительству въ области военнаго законопроекта, но при условіи расширенія избирательныхъ правъ, давно обѣщаннаго правительствомъ.

Въ Венгріи господствуетъ совершенно устарѣлая избирательная система, лишающая избирательныхъ правъ 5/6 всего населенія. Венгерскій народъ давнымъ-давно переросъ эту устарѣлую избирательную систему, онъ давнымъ-давно выдвинулъ требованіе ея измѣненія. И когда правительству нужно было сломить феодальную фронду, оно выразило согласіе расширить избирательное право. Напуганные этимъ дворяне пошли на уступки—и правительство положило въ долгій ящикъ уже возвѣщенную реформу.

Теперь оппозиція вновь выдвинула этотъ вопросъ. Гр. Тисса отлично, конечно, понималъ, что дать всеобщее избирательное право—это значитъ положить конецъ господству помѣщиковъ и знати въ парламентѣ Венгріи.

И какъ только удалось подавить народное движеніе, гр. Тисса сталъ искать и скоро нашелъ предлогъ сломить оппозицію въ парламентѣ.

Во время остраго столкновенія съ оппозиціей, во время стоявшаго въ парламентѣ общаго гула и шума гр. Тисса скороговоркою произноситъ: „ставлю на второе и третье голосованіе законопроектъ о военной реформѣ“.

Слова эти были произнесены среди такого шума, что ихъ не разслышали даже стенографисты.

Но гр. Тиссѣ только это и нужно было. По знаку его руки правительственное большинство поднимается. Тисса объявляетъ военный законопроектъ принятымъ.

Просто, какъ „здравствуйте“,—какъ говорятъ французы. Но это тапростота, которая, по пословицѣ, не только хуже воровства, но и есть самое доподлинное и настоящее политическое воровство, или, вѣрнѣе, мошенничество.

Оно было тотчасъ же на мѣстѣ преступленія оцѣнено по достоинству. Въ гр. Тиссу полетѣли такія крѣпкія ругательства, какъ „мошенникъ, измѣнникъ, негодяй, подлецъ.“

Но гр. Тисса не смущенъ. Онъ вполнѣ спокоенъ. Въ то время, когда воздухъ парламента густо насыщается бранью

по его адресу, гр. Тисса поспѣшно, боясь упустить благопріятную минуту, проводитъ военный законопроектъ черезъ остальныя формальности и цинично торжествуетъ побѣду.

На ближайшемъ послѣобѣденномъ засѣданіи оппозиція устраиваетъ гр. Тиссѣ форменный кошачій концертъ. Самыя отборныя и буквально заборныя ругательства градомъ сыпятся на него. Онъ пробуетъ говорить, но трещотки, свистки сиренъ, которыя принесли съ собою депутаты, заглушаютъ его голосъ.

Гр. Тиссу это мало смущаетъ. Онъ вѣдь „не истеричка". Онъ и не краснобай. Говорить ему незачѣмъ. Онъ предпочитаетъ дѣйствовать. Брань на вороту не виснетъ—и къ брани гр. Тисса относится хладнокровно. Но рука полицейскаго на вороту тяжело виснетъ. И очень скоро у ворота оппозиціонныхъ депутатовъ оказывается тяжелая рука полицейскаго.

Изъ возмущеннаго протеста оппозиціи гр. Тисса сдѣлалъ лишь одинъ выводъ—необходимо вывести протестантовъ. И ихъ одного за другимъ вывели изъ парламента.

Депутатъ-священникъ негодующимъ громкимъ голосомъ предаетъ проклятію гр. Тиссу и все его потомство.

Парламентъ превращается въ котелъ клокочущихъ политическихъ страстей. Страшно напряженная атмосфера разряжается выстрѣломъ депутата Ковача въ гр. Тиссу. Какъ извѣстно, гр. Тисса остался невредимъ, себя же Ковачъ опасно ранилъ, и озвѣрѣвшее большинство набросилось на полумертваго депутата и принялось его избивать.

Не вѣрится, что все это происходило въ цивилизованной въ странѣ двадцатомъ вѣкѣ Этотъ гр. Тисса, съ его цинизмомъ, съ его надутымъ самодовольствомъ, эта полиція, выводящая изъ парламента нѣсколько десятковъ депутатовъ, этотъ величавый образъ священника, проклинающаго въ парламентѣ его президента со всѣмъ потомствомъ, наконецъ, этотъ депутатъ Ковачъ, стрѣляющій въ президента, затѣмъ въ себя и избиваемый стадомъ послушныхъ Тиссѣ депутатовъ...

Точно читаемъ старую исторію изъ эпохи Борджіа, а не еще пахнущія типографской краской газеты.

Газеты передаютъ, что гр. Тисса со скрещенными на груди руками и саркастическою улыбкою наблюдалъ за бушевавшимъ вокругъ ураганомъ политическихъ страстей. Но кто слѣдилъ за новѣйшей эволюціей Венгріи, тотъ, конечно, знаетъ, что гр. Тисса не принадлежитъ къ числу тѣхъ „послѣднихъ смѣющихся", которые по французской пословицѣ только одни „хорошо" посмѣются.

Та Венгрія, которая вскормила и вспоила людей типа гр. Тиссы,—та Венгрія умираетъ. Венгрія, въ которой нынѣ приходится дѣйствовать гр. Тиссѣ, это совсѣмъ не та Венгрія, въ которой онъ родился и въ которой сложилось его міровоззрѣніе.

На смѣну Венгріи тихихъ забитыхъ темныхъ деревень, съ покорнымъ крестьянствомъ и властными боярами, пришла Венгрія шумныхъ, требовательныхъ городовъ съ прояснившимся сознаніемъ, съ измѣнившимся бытомъ.

Всѣ наблюдатели отмѣчаютъ быстрый ростъ политической и экономической

зрѣлости венгерскаго народа. Патріархальныя отношенія исчезаютъ вмѣстѣ съ патріархальнымъ бытомъ.

Драматическія событія, разыгравшіяся въ венгерскомъ парламентѣ и на историческую минуту приковавшія къ нему вниманіе всего міра, конечно, не пріостановятъ, а чрезвычайно ускорятъ процессъ политическаго возмужанія венгерскаго народа. Связь между борьбою въ парламентѣ и борьбою внѣ парламента, какъ это показываютъ событія въ Венгріи, развѣтвится и укрѣпится.

Гр. Тисса могъ бы со спокойною увѣренностью вывести депутатовъ оппозиціи изъ стѣнъ пармамента, если бы за этими стѣнами разстилалась „безглагольна, недвижима мертвая страна". Но это время политической безглагольности и недвижимости для Венгріи миновало. Выведенные изъ стѣнъ парламента опозиціонные депутаты были подхвачены широкою волною народнаго возбужденія.

Общіе выборы въ Бельгіи, прошедшіе съ небывалымъ напряженіемъ всѣхъ политическихъ силъ страны, неожиданно закончились крупною побѣдою клерикальной партіи. Этого не ожидали—и неудивительно, что клерикалы чувствуютъ себя политическими именинниками, а вся оппозиція не можетъ оправиться отъ ошеломившаго удара.

Эти силы долго и упорно готовились къ борьбѣ. Бельгійскіе клерикалы не выражали ни малѣйшаго желанія уйти на политическій покой и признать свою пѣсню спѣтой. Напротивъ, они въ послѣдніе годы проявили кипучую дѣятельность. Разъѣзжали по всей сельской Бельгіи, изъ которой ѣдкій дымъ капиталистической цивилизаціи еще не выкурилъ патріархальный укладъ жизни и религіозныя настроенія.

Клерикалы слишкомъ хорошо понимали, что школа представляетъ ключъ къ овладѣнію поколѣніемъ будущихъ гражданъ. И они ведутъ упорную и настойчивую борьбу за обладаніе школой. Они выдвигаютъ школьный законопроектъ, который расширяетъ и укрѣпляетъ власть духовенства надъ школой.

Либералы и соціалисты принимаютъ этотъ вызовъ, брошенный клерикалами всей свѣтской цивилизаціи. Они объявляютъ безпощадную войну клерикальному школьному законопроекту. Но внесеніе этого законопроекта убѣждаетъ оппозицію въ большемъ—оно показываетъ, что клерикалы отъ обороны переходятъ къ нападенію, что они черною ратью окружаютъ со всѣхъ сторонъ школу, этотъ ключъ ко всей позиціи свѣтской культуры. И тогда всѣ бельгійскія партіи объявляютъ общій походъ противъ клерикаловъ. Сразу сильно повышается атмосфера политической борьбы. Подъ знамена борьбы съ клерикальнымъ владычествомъ стягиваются пестрые, соціально разношерстные элементы—свободомыслящая буржуазія и соціалистическая демократія.

Въ этой высокой атмосферѣ разгорѣвшихся политическихъ страстей начались въ Бельгіи всеобщіе выборы.

Либералы и соціалисты соединились въ одну армію для войны съ клерикализмомъ. Они вступили въ избирательную борьбу, вѣрные девизу: идти врозь, вмѣстѣ бить. Они рѣшили вмѣстѣ „бить"

клерикаловъ. Въ своей побѣдѣ они не сомнѣвались, разногласія существовали лишь насчетъ размѣровъ этой побѣды. Оптимисты ожидали и уже радостно привѣтствовали полный и неизлечимый разгромъ клерикализма. Объединившись, соціалисты и либералы не сомнѣвались, что ихъ соединенная армія нанесетъ клерикаламъ такой ударъ, отъ котораго они уже никогда не оправятся.

Скептики не раздѣляли этихъ побѣдоносныхъ убѣжденій. Они знали, что клерикализмъ въ Бельгіи держится слишкомъ глубокими многовѣковыми историческими корнями, чтобъ его можно было сразу однимъ могучимъ взмахомъ избирательной кампаніи вырубить изъ бельгійской жизни. Но и оптимисты, и скептики не сомнѣвались, что клерикалы получатъ жестокій историческій урокъ и послѣ избирательной кампаніи ряды ихъ сильно порѣдѣютъ.

И вдругъ со всѣхъ концовъ Бельгіи начинаютъ приходить извѣстія о побѣдѣ клерикаловъ. Эти отдѣльныя вѣсти, точно бѣгущіе съ горъ ручейки, сливаются въ широкій потокъ торжествующаго избирательныя побѣды клерикализма.

Клерикалы одержали если не полную, то частичную побѣду надъ соединенными силами либераловъ и соціалистовъ и вышли изъ жаркой избирательной кампаніи не только безъ убыли, но съ значительной прибылью: Въ новомъ парламентѣ клерикалы не только не будутъ слабѣе, чѣмъ прежде, но они усилятся и въ ихъ рукахъ до ближайшей избирательной кампаніи сосредоточивается власть.

Если учесть еще моральное значеніе побѣды клерикаловъ въ то время, когда всѣ увѣренно разсчитывали на ея пораженіе, то станетъ понятнымъ, почему съ такою печалью и такимъ гнѣвомъ встрѣтили акты избирательной кампаніи бельгійскіе либералы и соціалисты.

Вѣдь, они шли въ бой, въ худшемъ случаѣ, надѣясь оттѣснить клерикаловъ съ господствующихъ позицій, а въ душѣ лелѣя надежду разбить всю черную рать.

Клерикалы Бельгіи торжествуютъ. Ликующе разсказываетъ ихъ пресса объ одолѣніи врага. Умиленно повѣствуетъ она о благочестивой Бельгіи, которая осталась вѣрна завѣтамъ Бога и отцовъ, которая отвернулась отъ безбожныхъ либераловъ и соціалистовъ, которая ввѣряетъ свою политическую судьбу своимъ духовнымъ пастырямъ.

Въ чемъ же дѣло? Неужели прокопченная фабричнымъ дымомъ Бельгія вдругъ впала въ политическое благочестіе, вдругъ покорно преклонила колѣна передъ черною сутаною?

Если такъ рисуютъ Бельгію въ видѣ кающейся Магдалины иные клерикальные органы, то это, конечно, не значитъ, что дѣло и на самомъ дѣлѣ обстоитъ такъ.

Избирательная кампанія, закончившаяся въ Бельгіи побѣдою клерикаловъ, тѣмъ и интересна для посторонняго, иностраннаго наблюдателя, что она вскрываетъ сложные двигательные мотивы политическихъ чувствованій и голосованій.

Мы уже знаемъ, что для побѣды надъ клерикалами объединили свои силы и слили свои избирательные голоса либералы и соціалисты. Отъ этого объ-

единенія ждали полной или частичной побѣды надъ клерикалами.

Но, разсчитывая на эту побѣду, позабыли о томъ, что подобныя политическія соединенія элементовъ, не обладающихъ соціальнымъ сродствомъ, производятъ не только сложеніе и умноженіе силъ, но наряду съ этимъ ихъ вычитаніе и дѣленіе—и эти два послѣднихъ дѣйствія могутъ при извѣстныхъ условіяхъ дать болѣе крупную отрицательную величину, чѣмъ два первыхъ политическихъ дѣйствія—положительную.

А бельгійскіе клерикалы это отлично поняли и широко использовали въ своей избирательной кампаніи. Они поняли, что если передъ избирателями умѣло использовать и кричаще разрисовать опасность полоненія либераловъ соціалистами, то мелкіе собственники прежде всего испугаются за участь своей собственности и для ея охраны предпочтутъ поддержать клерикаловъ.

Если познакомиться съ избирательными воззваніями бельгійскихъ клерикаловъ, то мы легко убѣдимся, что они составлялись въ разсчетѣ на перепуганныхъ собственниковъ, а не на кающихся въ атеизмѣ Магдалинъ.

Клерикалы и въ воззваніяхъ, которыми они точно густымъ дождемъ наводняли страну, и въ иллюстрированныхъ плакатахъ рисовали побѣду соціалистовъ надъ либералами сначала для уничтоженія церкви, а затѣмъ и для уничтоженія собственности. Избирательный союзъ либераловъ съ соціалистами рисовался кричащими словами и красками, какъ постепенное приближеніе загробнаго для собственниковъ царства соціалистовъ.

Этотъ психологическій разсчетъ былъ сдѣланъ бельгійскими клерикалами вполнѣ вѣрно. Значительная часть бельгійскихъ избирателей изъ числа мелкихъ собственниковъ такъ была напугана перспективой пришествія царства соціалистовъ, что она шарахнулась направо и попала въ объятія къ клерикаламъ.

Объ этомъ съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ прежде всего цифры избирательной статистики. Достаточно всмотрѣться въ эти цифры, чтобы увидѣть, что клерикалы пріобрѣли голоса не насчетъ соціалистовъ, а насчетъ либераловъ. Либеральная армія дала тѣхъ дезертировъ, тѣхъ перебѣжчиковъ въ клерикальный лагерь, которые обезпечили неожиданную побѣду клерикаламъ.

Внимательные наблюдатели подтверждаютъ это свидѣтельство цифръ. Они разсказываютъ, какъ запуганные размалеванной клерикалами перспективою торжества соціалистовъ мелкіе собственники, боясь, что голосъ, поданный за либераловъ, усилитъ союзную армію либераловъ и соціалистовъ, предпочитали меньшее, чѣмъ соціалисты, зло и перебѣгали къ клерикаламъ.

На эту психологію мелкаго собственника, въ глазахъ котораго союзъ либераловъ съ соціалистами казался противоестественнымъ, грубымъ нарушеніемъ вѣрности собственности, на нее-то и былъ разсчитанъ избирательный маневръ клерикаловъ.

И мы видимъ, что въ этомъ разсчетѣ они не ошиблись.

Побѣда клерикаловъ на выборахъ бы-

ла встрѣчена въ Бельгіи шумными народными манифестаціями, принявшими форму, такъ называемыхъ, уличныхъ безпорядковъ. Мѣстами происходили кровавыя столкновенія съ полиціей и въ продолженіи нѣскольихъ дней по всей городской Бельгіи, потухая въ одномъ мѣстѣ, вспыхивали въ другомъ красные огни демонстрацій противъ клерикаловъ и клерикализма. Эти демонстраціи выдвинули основное требованіе—всеобщее и равное избирательное право. Его нѣтъ въ Бельгіи. Тамъ существуетъ множественное голосованіе, которое не даетъ возможности бельгійской демократіи сдѣлать голосъ народа голосомъ парламента. Отсутствіе равнаго избирательнаго права на-руку клерикальнымъ элементамъ, съ его помощью укрѣпляющимъ свое господствующее въ парламентѣ положеніе.

И въ отвѣтъ на поднявшую голову реакцію въ Бельгіи, какъ и въ Венгріи, раздается громко на всю страну требованіе всеобщаго и равнаго избирательнаго права.

Въ Бельгіи побѣдила на выборахъ клерикальная реакція. Бельгійскіе клерикалы на годъ впередъ упрочили свое господствующее политическое положеніе. Бельгійскіе органы печати пишутъ о наступившемъ реакціонномъ затменіи.

Все это, конечно, такъ. Но не слѣдуетъ къ бельгійскимъ событіямъ прикидывать нашъ національный русскій аршинъ. Клерикальная реакція вездѣ одна и та же—она стремится по мѣрѣ возможности все подчинить своей власти и своими черными крыльями закрыть солнце. Но мѣра возможности въ различныхъ странахъ различна. И присматриваясь къ клерикальной реакціи въ Бельгіи, мы должны признать, что ея побѣда объясняется не одною только ея реакціонностью и непросвѣщенностью массы. Бельгійскіе клерикалы представляютъ любопытный образецъ реакціи, понявшей духъ времени и сумѣвшей не только гипнотизировать темную народную массу, но и сдѣлаться ей необходимою. Бельгійскіе клерикалы всю сельскую, а частью и городскую Бельгію покрыли густою сѣтью своихъ экономическихъ организацій. Они сумѣли найти тотъ соціальный слой населенія, который увидѣлъ въ реакціонныхъ идеалахъ клерикаловъ якорь своего соціальнаго спасенія. Клерикальная партія Бельгіи явилась своего рода „мысомъ доброй надежды“ для тѣхъ промежуточныхъ слоевъ и группъ населенія, которые и отъ капиталистовъ отстали, и къ рабочимъ не пристали. Это отчасти землевладѣльцы, а, главнымъ образомъ—пестрая и разношерстная масса лавочниковъ, мелкихъ собственниковъ, ремесленниковъ.

Вся эта масса, разоряемая быстрымъ развитіемъ капиталистическаго хозяйства, съ вѣрою и надеждою обратилась къ клерикаламъ, которые обѣщали имъ не только религіозное утѣшеніе, но и соціальныя мѣры борьбы съ прогрессирующимъ оскудѣніемъ.

Бельгійскіе клерикалы для одыхъ организовали обширныя и мѣстами, надо имъ отдать справедливость, превосходныя кооперативныя общества, союзы взаимопомощи, кассы и т. д.

Съ одной стороны, идя навстрѣчу интересамъ сельскихъ, городскихъ потре-

бителей, бельгійскіе клерикалы основывали кооперативныя общества, сближавшія производства съ потребителемъ и удешевившія этимъ всѣ товары и продукты, а съ другой стороны, памятуя о своей кліентурѣ изъ среды лавочниковъ и торговцевъ, клерикалы всячески хлопотали о мѣрахъ борьбы съ чрезмѣрностями капитализма и объ искусственныхъ средствахъ экономическаго поддержанія и оживленія тѣхъ промежуточныхъ мелкихъ хозяйственныхъ звеньевъ, которые разобщаютъ и отдаляютъ производителя отъ потребителя.

У бельгійскихъ клерикаловъ, такимъ образомъ, какъ у дядюшки Якова, воистину товару про всякаго. Мелкій людъ Бельгіи ищетъ и часто находитъ у клерикальной партіи помощь въ случаѣ острой, но устранимой экономической бѣды.

Конечно, общія мѣры, которыя эта партія прописываетъ противъ капитализма, слишкомъ напоминаютъ знахарскія или домашнія лечебныя снадобья. Но отдѣльнымъ группамъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ клерикальная партія, несомнѣнно, оказываетъ хотя и временное экономическое облегченіе. А если еще прибавить, что свое соціальное леченіе отъ капиталистическаго разоренія клерикальная партія производитъ подъ религіознымъ наркозомъ, то станетъ яснымъ, почему къ этимъ соціальнымъ гомеопатамъ идетъ неприхотливая и темная кліентура.

У бельгійскихъ клерикаловъ для этихъ политическихъ прихожанъ припасено не только религіозное утѣшеніе для загробной жизни, но и рядъ не слишкомъ помогающихъ, но все же поддерживающихъ силы и дающихъ иллюзію выздоровленія законодательныхъ мѣръ.

И побѣда клерикальной партіи въ Бельгіи не означаетъ, конечно, что надъ этой страной нависнетъ реакціонная тьма, что произойдетъ въ ней полное солнечное затменіе на все то время, пока у власти будетъ стоять реакція.

Бельгія слишкомъ далеко ушла въ своемъ политическомъ и экономическомъ развитіи, чтобы было возможно въ ней что-либо подобное. Побѣда клерикаловъ въ парламентѣ поведетъ въ Бельгіи лишь къ тому, что разгорится болѣе ожесточенная и рѣшительная борьба противъ клерикаловъ внѣ парламента.

Въ такихъ странахъ, какъ Бельгія, всякое торжество реакціи въ парламентѣ неизбѣжно отзовется эхомъ болѣе рѣшительной борьбы съ реакціей вн парламента.

И съ этой стороны побѣда клерикаловъ знаменуетъ, несомнѣнно, наступленіе дней политическаго оживленія во всей странѣ. Уже и теперь бельгійская и иностранная печать отмѣчаетъ ростущіе симптомы подобнаго оживленія. Бельгійскіе клерикалы, конечно, сдѣлаютъ все для нихъ возможное, чтобы закрѣпить завоеванныя позиціи, но въ странѣ, дошедшей до такого высокаго градуса экономической и политической зрѣлости, всякое реакціонное дѣйствіе всегда вызываетъ болѣе сильное противодѣйствіе. И для Бельгіи, вѣроятно, наступаетъ моментъ чрезвычайно ожесточенной политической и соціальной борьбы.

П. Берлинъ.

РОССІЯ ЗА БЛИЖАИШИМЪ РУБЕЖОМЪ.

(Письмо изъ Галиціи).

Хотя Россія и отгорожена отъ Галиціи государственной границей, военными кордонами и таможенными заставами, тѣмъ не менѣе галичанамъ—какъ полякамъ, такъ и украинцамъ—приходится очень часто имѣть дѣло съ Россіей и ея вліяніями. Послѣднія распространяются на разнообразныя области галиційской жизни и выступаютъ въ различныхъ формахъ. Въ западной части Галиціи и, вообще, среди мѣстнаго польскаго населенія русскія вліянія очень слабы. Слабъ здѣсь и интересъ къ русской жизни. Среди же украинскаго элемента русскія вліянія весьма сильны, причемъ они порождаютъ явленія совершенно своеобразнаго характера, не наблюдаемыя ни у одной изъ прочихъ славянскихъ народностей Австріи. Полагая, что для русскихъ читателей можетъ быть интересно отношеніе къ Россіи ближайшихъ зарубежныхъ славянъ, я займусь имъ въ настоящемъ письмѣ.

Галиційскимъ полякамъ не приходится входить въ непосредственное соприкосновеніе съ русскимъ элементомъ. Поэтому отношеніе къ Россіи складывается тутъ подъ вліяніемъ мнѣній, господствующихъ въ русской Польшѣ. Притомъ каждая общественно-политическая группа галиційскаго населенія руководится взглядами, которыхъ придерживается родственная ей по духу и стремленіямъ закордонная сфера.

Слѣдуетъ, однако-же, оговориться, что къ оффиціальной Россіи все польское населеніе Галиціи, начиная съ соціалистовъ и кончая консервативно-клерикальными кругами, относится вполнѣ отрицательно, съ нескрываемой ненавистью. Это чувство вызывается не одной только симпатіей къ закордоннымъ землякамъ, но и весьма практическими соображеніями чисто мѣстнаго характера. Дѣло въ томъ, что оффиціальная Россія даетъ себя чувствовать и полякамъ-галичанамъ. Галиція въ качествѣ провинціи, расположенной вдоль русской границы, а также въ качествѣ пристанища десятковъ тысячъ выходцевъ изъ Царства Польскаго и Россіи, является ареной дѣятельности и военныхъ, и не военныхъ шпіоновъ. Постоянная охота мѣстныхъ полицейскихъ органовъ за этими элементами довольно непріятна и для коренныхъ галиційскихъ жителей, которымъ нерѣдко приходится расплачиваться и за свою неосторожность, и за чрезмѣрное усердіе австрійскихъ по-

лицейскихъ ищеекъ. Судебныя разбирательства по дѣламъ Декерта, Рабиновича, Дырча, Милобендскаго, Пѣхоцинскаго и другихъ русскихъ военныхъ лазутчиковъ и агентовъ варшавской и кіевской „охраны", осужденныхъ краковскимъ и львовскимъ судами, не мало способствовали усиленію непріязненныхъ чувствъ къ Россіи Столыпиныхъ и Скалоновъ.

Особенно сильно недружелюбье по отношенію къ оффиціальной Россіи именно въ тѣхъ кругахъ галиційской интеллигенціи, которыя имѣютъ возможность вліять самымъ успѣшнымъ образомъ на общественное мнѣніе страны. Я имѣю здѣсь въ виду публицистовъ, литераторовъ и издателей. Всѣ они находятся въ непосредственной зависимости отъ русскихъ цензурныхъ условій.

Дѣло въ томъ, что публицисты и беллетристы, живущіе въ Галиціи, пишутъ не только для галиційскихъ читателей, но, вообще, для всѣхъ поляковъ. Между тѣмъ, русскія цензурныя условія сплошь и рядомъ не допускаютъ въ предѣлы Царства Польскаго и Литвы книгъ, изданныхъ въ Галиціи. И тиражъ сочиненія, а также гонораръ, получаемый за него авторомъ, находится въ прямой зависимости отъ того, получитъ ли оно доступъ въ предѣлахъ Россіи. Бываетъ и такъ, что автору романа или публицистическаго и даже шуточнаго произведенія не найти издателя, если предполагается, что книжка будетъ въ Россіи нелегальной. А слѣдуетъ помнить, что такой „нелегальной" являются не только изданія, имѣющія въ виду „ниспроверженіе" или „отторженіе", но и популярнѣйшія произведенія польскихъ классиковъ—Мицкевича, Словацкаго, Красинскаго и т. д. Въ предѣлы Россіи не допускаются всѣ польскія ежедневныя газеты изъ Галиціи, историческіе матеріалы, относящіеся къ эпохѣ возстаній, и т. д. Русскія цензурныя условія отразились даже на дѣятельности такого консервативнаго учрежденія, какъ краковская академія наукъ, именно ея антропологическаго отдѣленія.

Послѣднее въ теченіе многихъ годовъ издавало сборники сырого, необработаннаго матеріала по антропологіи, археологіи и этнографіи подъ заглавіемъ: „Собраніе извѣстій по антропологіи края". Въ этомъ сборникѣ помѣщались не только польскіе, но и украинскіе, литовскіе, латышскіе и бѣлорусскіе матеріалы. И вотъ, въ одинъ прекрасный день эти сборники потеряли возможность проникать безвозбранно въ предѣлы Царства Польскаго. Изъ нихъ въ цензурномъ комитетѣ (это было въ 1905 г.) столи вырѣзать не-польскій этнографическій матеріалъ—не вслѣдствіе его нецензурности, а потому, что въ помѣщеніи его на страницахъ изданія, занимающагося изслѣдованіемъ антропологіи „края", была усмотрѣна пропаганда „исторической Польши". Не даромъ, однако, въ академіи наукъ засѣдаютъ люди мудрые. Они рѣшили измѣнить заглавіе сборника и, назвавъ его „Матеріалами и трудами по антропологіи, этнографіи и археологіи", возстановили его право проникать въ предѣлы Царства Польскаго, хотя въ немъ попрежнему печатались—рядомъ съ польскими—украинскіе, литовскіе и бѣлорусскіе матеріалы.

Конечно, польское общество въ Галиціи строго и послѣдовательно отличаетъ оффиціальную Россію отъ неоффиціальной, оппозиціонной. Однако, къ послѣдней галиційскіе поляки относятся крайне шаблонно, не обнаруживая ни болѣе глубокого пониманія ея, ни основательнаго знакомства съ ней. Основные взгляды на тѣ или другія проявленія русской политической жизни принимаются тутъ на вѣру въ томъ видѣ, въ какомъ они были выработаны въ Царствѣ Польскомъ. Консервативныя газеты въ Галиціи относятся къ русскимъ политическимъ теченіямъ такъ, какъ „угодовцы" въ Царствѣ Польскомъ-- національ-демократы слѣдуютъ указаніямъ Дмовскаго и другихъ руководителей думскаго коло, наконецъ, соціалъ-демократы руководятся взглядами П. П. С.

Если мы теперь обратимся къ другимъ проявленіямъ русской жизни, къ проявленіямъ культурно-художественнаго порядка, то мы сразу же столкнемся съ почти полнымъ незнакомствомъ съ ними, мѣстной польской публики. И тутъ слѣдуетъ подчеркнуть одинъ чрезвычайно характерный фактъ. Несмотря на громадное количество выходцевъ изъ Царства Польскаго, живущихъ въ Галиціи, польская публика въ Галиціи только въ очень незначительной степени имъ обязана тѣми крохами знакомства съ русской культурной жизнью, которыми она обладаетъ. На галиційской почвѣ какъ нельзя лучше видно, сколь поверхностно то обрусеніе, которое насаждается оффиціальной Россіей въ Царствѣ Польскомъ. Закордонный полякъ, воспитанный въ русской школѣ, хорошо владѣющій русскимъ языкомъ и знающій русскую литературу, попадая въ Галицію, сразу же освобождается отъ всѣхъ русскихъ вліяній. Тутъ онъ не чувствуетъ совсѣмъ потребности ни въ русской книжкѣ, ни въ русскомъ журналѣ. Любопытно, напр., что въ многочисленныхъ краковскихъ кофейняхъ публика не спрашиваетъ русскихъ газетъ. Вслѣдствіе этого только въ двухъ изъ нихъ имѣется... „Новое Время". Хорошо обставленная читальня „Народнаго университета", рьяно посѣщаемая выходцами изъ Царства Польскаго, вполнѣ довольствуется одной „Рѣчью". Даже въ здѣшнихъ редакціяхъ, на половину заполненныхъ закордонными поляками, русская газета — рѣдкость. Съ русскими толстыми журналами вы не встрѣтитесь тутъ нигдѣ. Ихъ нѣтъ ни въ университетской читальнѣ, ни въ читальнѣ академіи наукъ.

Во Львовѣ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Тамъ чаще можно встрѣтиться съ русской газетой, съ русскимъ журналомъ и т. д., что объясняется, съ одной стороны, интересомъ къ русской жизни со стороны украинцевъ, а съ другой--присутствіемъ значительнаго количества польскихъ выходцевъ не изъ Царства Польскаго, а изъ Украйны, Литвы, съ Кавказа, изъ Сибири и т. д. Тамъ поляки болѣе органически, нежели въ Царствѣ Польскомъ, связаны съ русской культурой и поэтому, пріѣзжая въ Галицію, они еще довольно продолжительное время живутъ этой культурой. Напримѣръ, у польскихъ студентовъ университета и политехникума во Львовѣ вы довольно часто встрѣтите вывезен-

ный изъ Россіи какой-нибудь медицинскій или техническій учебникъ. Въ Краковѣ, гдѣ преобладаютъ студенты изъ Царства Польскаго, русскіе учебники въ гораздо меньшемъ ходу.

Зато въ самые послѣдніе годы среди пребывающей въ Галиціи польской молодежи изъ предѣловъ Россіи въ довольно значительномъ количествѣ распространяется русская военная литература—разнообразныя руководства по тактикѣ и т. п. изданія петербургской фирмы Березовскаго. Это результатъ сильнаго увлеченія военными науками среди широкаго круга польской соціалистической и радикально-патріотической молодежи. Такъ какъ подобныхъ руководствъ на польскомъ языкѣ почти не имѣется, а нѣмецкія—для молодежи изъ Россіи малодоступны, появился спросъ на русскія изданія.

Какъ я уже говорилъ, роль выходцевъ изъ Царства Польскаго въ дѣлѣ ознакомленія галиційской публики съ умственной жизнью Россіи крайне ничтожна. Если въ Галиціи существуетъ извѣстный интересъ къ русской литературѣ, то онъ вызванъ, съ одной стороны, вліяніемъ Запада, а съ другой—событіями 1905—1906 г.г. Какъ это ни курьезно, большая часть переводовъ произведеній русскихъ писателей, появляющихся въ Галиціи, дѣлается... съ нѣмецкихъ переводовъ. Толстой, Чеховъ, Короленко, Л. Андреевъ переведены на польскій языкъ въ Галиціи съ нѣмецкаго.

Громадную популярность снискала себѣ русская литература въ разгаръ освободительнаго движенія, за которымъ вся галиційская публика слѣдила съ искреннимъ энтузіазмомъ. Въ 1905, 1906 и 1907 г.г. фельетоны польскихъ газетъ въ Галиціи заполняются почти исключительно произведеніями русскихъ писателей. М. Горькій, Л. Андреевъ, Арцыбашевъ, Купринъ становятся популярнѣйшими авторами. Русская литература входитъ въ моду. Появляется по нѣскольку изданій нѣкоторыхъ произведеній Л. Андреева. На краковской и львовской сценѣ восторженно принимаются пьесы Чехова и Горькаго, прежде совершенно неизвѣстныя польской публикѣ въ Галиціи.

Съ 1907-го года интересъ къ русской литературѣ падаетъ. Въ фельетонахъ галиційскихъ газетъ переводы съ русскаго по падаютсявсе рѣже и рѣже, и въ настоящее время польскаяпублика въ Галиціи интересуется однимъ только русскимъ писателемъ (опять-таки западно-европейское вліяніе!)--Мережковскимъ. Его трилогія читается въ польскомъ переводѣ нарасхватъ, а „Павелъ I“ не сходитъ съ репертуара краковской сцены. Эта пьеса постоянно привлекаетъ массу публики, особенно благодаря мастерской игрѣ выдающагося артиста Сольскаго, выступающаго въ заглавной роли.

Кромѣ „Павла I“, на краковской сценѣ успѣшно идутъ: „Смерть Іоанна Грознаго“ Ал. Толстого, двѣ-три пьесы Островскаго (особенно „Доходное мѣсто“), „Вишневый садъ“ и „Дядя Ваня“ Чехова, „Дѣти Ванюшина“ и, наконецъ, „Ревизоръ“, даваемый обыкновенно для самой широкой публики по удешевленнымъ цѣнамъ.

Съ русской беллетристикой и драма-

тической литературой польская публика въ Галиціи до извѣстной степени знакома. Но, напр., о современной русской поэзіи она не имѣетъ рѣшительно никакого понятія. Точно такъ же ей совершенно незнакомы ни русская живопись, ни русская скульптура, а изъ русскихъ композиторовъ извѣстенъ одинъ лишь П. Чайковскій, произведенія котораго здѣсь исполняются въ концертныхъ залахъ—опять-таки подъ вліяніемъ популярности этого композитора на Западѣ.

Съ умственной жизнью Россіи польскую публику Галиціи ознакомляютъ до извѣстной степени два учрежденія: „Славянскій клубъ“ въ Краковѣ и „Народный университетъ имени А. Мицкевича“, имѣющій свои отдѣленія въ различныхъ городахъ Галиціи.

Что касается „Славянскаго клуба“, то онъ обладаетъ специфическимъ характеромъ, лишающимъ его возможности влiять на широкіе круги польскаго общества. Въ немъ группируются профессора и литераторы клерикальнаго направленія, усиливающіеся создать спеціальный польско-католическій панславизмъ съ ярко выраженной австрофильской окраской, въ противовѣсъ русско-православному панславизму. Однимъ изъ главныхъ руководителей „Славянскаго клуба“ является проф. М. Здзѣховскій (уроженецъ Минской губ.). На засѣданіяхъ этого учрежденія читаются рефераты—между прочимъ, и на русскія темы, преимущественно о религіозныхъ теченіяхъ въ русскомъ обществѣ. Особенное вниманіе посвящается личности и взглядамъ Владиміра Соловьева. Однако, на этихъ засѣданіяхъ бываетъ только весьма ограниченный кругъ публики. Точно также и органъ „Славянскаго клуба“—„Славянскій Міръ“—не оказываетъ болѣе серьезнаго вліянія вслѣдствіе своей малой распространенности и безпочвенности пропагандируемыхъ имъ идей польско-католическаго панславизма.

Иначе обстоитъ дѣло съ живой, разсчитанной на очень широкія массы, работой „Народнаго университета“. Среди многихъ сотенъ организуемыхъ имъ лекцій, которыя посѣщаются учащейся молодежью, конторскими и торговыми служащими, рабочими и т. д., нерѣдки рефераты на русскія темы, преимущественно литературныя. Благодаря дѣятельности „Народнаго университета“, галицiйская публика не только Кракова или Львова, но и многихъ захолустій, ознакомляется съ главными теченіями современной русской литературы, со взглядами Толстого, съ характеромъ творчества Л. Андреева, М. Горькаго, Мережковскаго и т. д. Большую часть лекцій по русской литературѣ читаетъ К. Чапинскій—опять-таки выходецъ не изъ Царства Польскаго, а изъ Литвы (г. Чапинскій—уроженецъ Минской губ.).

Вотъ и все, что можно сказать объ отношеніи галицiйскихъ поляковъ къ Россіи.

Л. Василевскій. (Плохоцкій).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Г. Гауптманъ.—„*Во власти океана*“. Романъ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Ц. 1 р. 75 коп.

Новый романъ Гауптмана посвященъ изображенію одного изъ тѣхъ кризисовъ, которые незаурядные люди, по мнѣнію автора, обязательно „переживаютъ каждое десятилѣтіе своей жизни. Во время такихъ кризисовъ организмъ либо освобождается отъ всего болѣзненнаго, что въ немъ накопилось, либо остается побѣжденнымъ. Такая побѣда болѣзнетворныхъ началъ надъ организмомъ человѣка часто равносильна его физической смерти, иногда—только духовной“. Важнѣйшіе изъ этихъ кризисовъ наступаютъ обыкновенно на границѣ между третьимъ и четвертымъ десяткомъ.

Герой романа, самъ врачъ, полагаетъ, что такіе кризисы—„завершеніе юношескаго развитія и начало настоящей зрѣлости, которое у интеллигентнаго нѣмца наступаетъ не ранѣе 30 лѣтъ“.

Фридрихъ фонъ-Каммахеръ уже пережилъ на своемъ вѣку нѣсколько крушеній. Отецъ предназначалъ его къ военной службѣ, но мальчику былъ ненавистенъ корпусъ, и его пришлось перевести въ классическую гимназію. Фридрихъ сдѣлался врачемъ - бактеріологомъ, мечталъ о тихой семейной жизни, скромной практикѣ среди бѣдняковъ, въ деревнѣ. Но жена и мать ея не хотятъ и слышать о деревнѣ, когда можно хорошо зарабатывать въ Берлинѣ. Жена хрупкая и съ дурной наслѣдственностью, уже чувствуя въ себѣ зародыши душевнаго недуга, не хочетъ быть матерью, и каждый разъ во время ея беременности семейная жизнь супруговъ обращается въ адъ. На 8-мъ году супружества Анжела, истощенная родами и уже совсѣмъ больная, принуждена поступить въ лечебницу, и Фридрихъ, вѣчно терзаемый сомнѣніемъ и чувствомъ вины передъ женой, остается одинъ.

Научная карьера тоже не дается: ученая работа, которою онъ надѣялся составить себѣ имя, раскритикована въ пухъ и прахъ, признана чуть не шарлатанствомъ. А тутъ еще грызетъ и мучитъ душу нелѣпая, безразсудная страсть къ молоденькой танцовщицѣ въ жанрѣ Дунканъ, Ингигердъ—исковерканному, съ дѣтства изломанному существу, на видъ ребенку, въ дѣйствительности эгоистической и корыстной женщинѣ, всѣ недостатки которой Фридрихъ видитъ, но не можетъ стряхнуть съ себя влеченія къ ней. И вслѣдъ за Ингигердъ онъ ѣдетъ въ Америку на большомъ океанскомъ пароходѣ „Роландъ“.

Описаніе этого плаванія и катастрофы, завершающей его—здѣсь Гауптманъ словно предвосхитилъ гибель „Титаника“,—занимаютъ половину романа и, по правдѣ говоря, самую интересную. Пестрая толпа пассажировъ, наполняющая пароходъ, контрасты нарядной публики перваго класса съ палубными пассажирами-переселенцами, самая гибель „Роланда“, съ проявленіями грубаго эгоизма и, наряду съ этимъ, подвигами самоотверженія и тутъ же ужасающей и необходимой жестокости, заставляющей спасенныхъ отталкивать отъ бортовъ лодки своихъ тонущихъ братьевъ, чтобы не перегрузить утлаго суденышка, и различное дѣйствіе пережитаго нервнаго шока на разныя натуры—все это описано выпукло и ярко.

Великолѣпно очерчены отдѣльные типы, спасенный безрукій артистъ, Ингигердъ, кружокъ художниковъ въ Нью-Іоркѣ и, пожалуй, слабѣе всѣхъ самъ герой, красивый и сильный по внѣшности, но неврастеникъ, для котораго потрясеніе заканчивается, хоть и не сразу, нервной горячкой. А жена его, тѣмъ временемъ, отравляется въ лечебницѣ.

Въ этомъ послѣднемъ кризисѣ—спасеніе для Фридриха. Болѣзнь возвращаетъ ему вѣру въ жизнь, въ себя, любовь къ родинѣ и сближаетъ его съ милой дѣвушкой, полу-соотечественницей, миссъ Эвой Бернсъ, молодой скульпторшей, умной и сильной духомъ, которая и становится его женой и матерью его осиротѣвшимъ дѣтямъ. И они вмѣстѣ возвращаются въ Германію. Мятущаяся душа приходитъ къ тихой пристани.

Берешься за этотъ романъ съ большими ожиданіями и—нѣсколько разочаровываешься. Въ немъ очень много умствованій—больше, чѣмъ мудрости, очень много интеллигентскихъ разговоровъ, типично-интеллигентской философіи. Этой своею склонностью къ интеллигенскимъ разговорамъ и умствованіямъ Гаупт-

манъ, пожалуй, ближе къ нашимъ русскимъ писателямъ, чѣмъ нѣмецкимъ.

Чувствуется, что Гауптманъ самъ—такая же мятущаяся душа, доискивающаяся смысла жизни и, быть можетъ, на мигъ обманутая надеждою найти его въ тихой, семейной, почти обывательской жизни, скрашенной творчествомъ—Фридрихъ обрѣтаетъ въ себѣ талантъ скульптора—и любовью женщины, близкой по духу. Но чувствуется и другое,—что авторъ много выше своего героя, шире по захвату, крупнѣе по задачамъ и стремленіямъ, и едва ли та тихая пристань, къ которой приходитъ Фридрихъ, удовлетворила бы самого Гауптмана. Ибо мятущійся духъ—та искра Божія, которая горитъ въ душѣ избранника, и ни въ какой тихой пристани ей не погаснуть.

Легкій, живой, порою даже легковѣсный романъ „Во власти океана" представляетъ собою попытку соединить разработку психологической темы съ изображеніемъ быта. Но, можетъ быть, именно это мало свойственное Гауптману сочетаніе и мѣшаетъ цѣльности впечатлѣнія и дѣлаетъ „Атлантиду" *) скорѣй читабельнымъ, чѣмъ захватывающимъ романомъ. Отъ Гауптмана ждешь большаго и это не удовлетворяетъ. И думается, что это—не послѣднее слово о смыслѣ жизни, сказанное крупнѣйшимъ изъ современныхъ нѣмецкихъ писателей. И съ нетерпѣніемъ ожидаешь, что онъ скажетъ дальше, къ чему придетъ этотъ искатель въ своемъ плаваніи по Атлантидѣ жизни.

Переводъ весьма недуренъ. Книга издана красиво, опрятно и недорого, принимая во вниманіе ея огромность—болѣе 400 большихъ страницъ.

З. Ж.

Проклятый родъ. *Романъ Ивана Рукавишникова. Часть I—Семья желѣзнаго старика; II—Макаровичи. III—На путяхъ смерти. Изданіе „Освобожденія".*

„Вы заключили союзъ со смертью и съ преисподнею сдѣлали заговоръ"... ...„И поздняя старость ихъ будетъ безъ почета, а, если скоро умрутъ, не будутъ имѣть надежды и утѣшенія въ день суда; ибо ужасенъ конецъ неправеднаго рода"...

Эти цитаты изъ Библіи могли бы служить эпиграфомъ къ роману Ив. Рукавишникова, огромному, растянутому, неровно написанному, но все же представляющему одну изъ значительнѣйшихъ литературныхъ цѣнностей послѣдняго времени. Мнѣ не нравится названіе его: оно какъ-то тенденціозно предвосхищаетъ заранѣе замыселъ и тему автора; не нравится и внѣшность,—начиная съ обложки и кончая утомительной манерой нанизыванія діалоговъ, съ постоянными повтореніями и злоупотребленіями двойными глаголами; порою не нравится и языкъ. Какъ „роману", этому произведенію не хватаетъ стройности плана, извѣстной „архитектурности"; скорѣе это обширная художественная хроника...

Но все-же многое и, пожалуй, гораздо большее и главное мнѣ въ этомъ романѣ—н р а в и т с я. И нравится не такъ, какъ большинство быстро позабывающихся, на мгновенье обрадовавшихъ книгъ,—романъ этотъ волнуетъ, мучаетъ, захватываетъ, возмущаетъ и снова влечетъ къ своимъ то яркимъ, то тусклымъ, то властнымъ, то безсильнымъ страницамъ и строкамъ. Въ чемъ же тайна этого страннаго и жуткаго очарованія, этого успѣха и неуспѣха одновременно?

Я думаю, что тема, захваченная Рукавишниковымъ слишкомъ глубоко и широко, какъ-то ужъ очень размашисто-раскидисто, говоря его же стилемъ, вмѣстѣ съ самой острой современностью ставящая и общіе, в ѣ ч н ы е вопросы—вопросы творчества, искусства, любви и смерти (двѣ послѣднихъ области особенно влекутъ къ себѣ автора),—такая тема не можетъ уже сама по себѣ не волновать и не интересовать современнаго читателя. Страницы, посвященныя любви одного изъ Макаровичей—Виктора къ Надѣ и къ другимъ женщинамъ, странная, почти болѣзненная страсть экстатической Ирочки къ Валѣ, моменты подъема творчества у того же Виктора, мучительно-свѣтлое влеченіе робкаго Семена къ Рансѣ, юношеская греза Антошика,—всѣ эти страницы, относящіяся къ лучшимъ, сильнѣйшимъ въ романѣ, полны чарующихъ музыкальныхъ образовъ, плѣняющихъ то тихою грустью, то буйнымъ паѳосомъ, то безнадежной мечтательностью, всегда поэтичными и художественно-яркими. Какъ видно изъ самаго заглавія,—тема романа—исторія заволжскаго купеческаго рода—обширна и по замыслу, и по исполненію. Огромный, почти стихійный размахъ, подлинное знаніе быта, яркіе до рельефности типы—Корнута, Виктора, Макара, создаютъ въ романѣ атмосферу художественной н а п р я ж е н н о с т и, волнующей и захватывающей читателя... Мнѣ думается также, что авторъ не ограничился исторіей рода „желѣзнаго старика", изобразивъ безсиліе и никчемность потомковъ его вплоть до третьяго поколѣнія,—я думаю, здѣсь вышла бы натяжка, ибо представители этого рода изжили—и не всѣ недостойно—всю самую жгучую современность; нѣтъ, хочется думать, что это символическая картина всего ч е л о в ѣ ч е с т в а, съ его трепетно-без-

---

*) Въ оригиналѣ романъ называется „Atlantis".

сильными устремленіями даже въ высшемъ своемъ проявленіи—творчествѣ, охарактеризованномъ словами Виктора (вѣроятно, и автора?): творчество—эти муки сомнѣнія; оно не даетъ ничего, ибо только ищетъ. Не соглашаясь со многими пессимистическими теоріями автора—Виктора, мы должны отмѣтить множество оригинальныхъ и интересныхъ сужденій, высказываемыхъ авторомъ отъ лица того же индивидуалиста Виктора, касающихся вопросовъ искусства, творчества, соціальныхъ и иныхъ отношеній... Высказано это порою бѣгло, нервно-торопливо, почти захлебываясь, но и самая форма эта, въ которой не вмѣщается огромное содержаніе,—какой-то символъ времени, дѣлающій романъ Рукавишникова несомнѣнно одной изъ интересныхъ и характерныхъ книгъ нашего времени.

Анастасія Чеботаревская.

К. Леонтьевъ. *Собраніе сочиненій. Томы II и III. Изд. В. Саблина. М., 1912 г. Цѣна по 1 р. 75 к.*

Герой прискорбнаго, до сихъ поръ нераспутаннаго историческаго недоразумѣнія, связавшаго дѣло беззавѣтнаго романтика-анархиста съ грязнымъ и продажнымъ лагеремъ правыхъ и этимъ самымъ удалившаго его на многіе годы съ поля зрѣнія русскаго читателя—Константинъ Леонтьевъ начинаетъ все болѣе и болѣе привлекать вниманіе. И въ добрый часъ! Теперь-то, быть можетъ, выявится своеобразный и привлекательный ликъ этого страннаго человѣка и писателя. Рѣшающее слово о Леонтьевѣ еще не сказано, хотя о немъ писали Милюковъ, Вл. Соловьевъ, Розановъ, С. Трубецкой, Н. Бердяевъ; изученіе его едва только начинается; но и тому, кто хоть немного знаетъ Леонтьева, вѣрится, что есть нѣкая высшая гармонія, примиряющая мучительныя противорѣчія этого „нестерпимо-сложнаго" ума и характера, что есть пророческая правда въ его историческихъ предвидѣніяхъ... Первое полное изданіе его произведеній, предпринятое въ Москвѣ, познакомитъ массоваго читателя съ богатымъ міромъ леонтьевскаго творчества; мысль Леонтьева, раньше интересовавшая небольшой, но разношерстный по политическимъ взглядамъ и симпатіямъ кружокъ, станетъ общественнымъ достояніемъ. А Леонтьевъ вполнѣ этого стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ — и какъ основоположникъ оригинальной исторической концепціи, и какъ критикъ-эстетикъ, и какъ публицистъ, и какъ одинъ изъ талантливѣйшихъ художниковъ слова. Издатель хорошо дѣлаетъ, что начинаетъ собраніе съ беллетристическихъ вещей Леонтьева. Эта часть его литературнаго наслѣдія, самая популярная, привлечетъ къ Леонтьеву вниманіе широкой публики. Въ особенности хорошъ его эпосъ, его разсказы изъ жизни христіанъ въ Турціи, написанные, если не считать немногихъ, слишкомъ явныхъ и потому самому „невредящихъ", тенденціозныхъ мѣстъ, съ изумительной объективностью. Кто любитъ разсказъ, кто цѣнитъ чуждое морализма и всякаго иного мудрствованія простое и ясное повѣствованіе о дѣлахъ и людяхъ, тотъ не можетъ не плѣниться прелестью эпоса, этого плавно баюкающаго, вкуснаго и сладкаго разсказыванія. Недаромъ такъ упивались разсказами Леонтьева Толстой, Иванъ Аксаковъ. Эпосомъ Леонтьевъ-беллетристъ не исчерпывается. Въ его романахъ изъ русской жизни, менѣе удачныхъ, впрочемъ, есть широкія картины общества 50—60-хъ годовъ. Лучшая же и самая глубокая изъ его художественныхъ вещей—повѣсть „Ай-Бурунъ" („Исповѣдь мужа"), въ которой онъ съ простотой истинно-свободнаго духа, гуманностью и смѣлостью, до которой далеко не только Чернышевскому, но и самому автору „Живого трупа", поставилъ и рѣшилъ вопросъ о положеніи честной замужней женщины, которая любитъ другого, но уважаетъ и не хочетъ оскорбить и опозорить мужа. Отъ распространенія сочиненій Леонтьева можно ждать только добра. Не надо лишь пугаться его „страшныхъ словъ": его крайности—крайности честнаго и страстно ищущаго истину ума, который многое продумалъ до конца и другихъ заставляетъ не безплодно задумываться о началахъ и концахъ. Трудно покуда судить о достоинствахъ редакціи, но при всемъ нашемъ уваженіи къ художественному таланту Леонтьева или, вѣрнѣе, именно по этой причинѣ мы исключили бы изъ собранія „Египетскій голубь"—его самую блѣдную, слабую и притомъ безсильно оборванную на серединѣ вещь. Новое собраніе обѣщаетъ много новаго, не говоря уже о томъ, что въ немъ (намѣчено двѣнадцать томовъ) будетъ дано все напечатанное до сихъ поръ и разбросанное на протяженіи четырехъ десятковъ лѣтъ по разнымъ изданіямъ. Идти за Леонтьевымъ некуда, онъ самъ растерялся на своемъ трагически-извилистомъ пути, но въ общеніи съ этимъ глубокимъ, могучимъ, вполнѣ критическимъ умомъ всякій мыслящій умъ получаетъ драгоцѣнные духовные импульсы и подчасъ высокія наслажденія.

Н. Лернеръ.

Arthur Meyer. Ce que je peux dire. Paris 1912.

Если забыть о тонѣ, какимъ написана книга этого стараго прислужника французскаго роялизма, то несомнѣнно прочтешь ее съ захватывающимъ интересомъ. Мемуары редактора „Gaulois", выпущенные

имъ подъ приведеннымъ выше заглавіемъ: „Что я могу разсказать“, представляютъ собою въ сущности исторію одного изъ наиболѣе выдающихся литературно-политическихъ салоновъ знаменитой въ закулисныхъ политическихъ кругахъ графини Луанъ. Этотъ салонъ, по справедливому выраженію автора, дѣлалъ академиковъ, министровъ, создавалъ политическіе союзы, творилъ многое изъ того, что опредѣляло внутреннюю жизнь Франціи во вторую половину второй имперіи и въ эпоху третьей республики вплоть до нашихъ дней, ибо г-жа Луанъ умерла всего четыре года тому назадъ, а ея вліяніе кончилось только съ ея смертью.

Во Франціи болѣе, чѣмъ въ какой либо иной странѣ, „салоны“, руководимые женщинами, выдающимися красотой или умомъ, а чаще всего и тѣмъ, и другимъ, играли и играютъ по сію пору колоссальную роль. Ведя свое начало еще съ XVIII вѣка, они неоднократно властно вмѣшивались въ ходъ французской исторіи. Салоны были мѣсторожденіемъ будущихъ политическихъ партій, а съ другой стороны раздробленность послѣднихъ во Франціи въ значительной мѣрѣ объясняется наличностью салоновъ, придававшихъ извѣстную стойкость и оформленность отдѣльнымъ мелкимъ теченіямъ, группировкамъ и вожделѣніямъ.

Стѣны салона г-жи Луанъ видѣли наиболѣе выдающихся людей Франціи. Непремѣнными посѣтителями ея пятницъ бывали: Эрнестъ Ренанъ, Флоберъ, Гюи-де-Мопассанъ, Галева, Мейерберъ, Анатоль Франсъ, Вальдекъ-Руссо, Рошфоръ, цѣлая галлерея политиковъ, писателей, дипломатовъ.

Дѣло Дрейфуса лишило ее многихъ посѣтителей. Дрейфусары покинули ее, ибо г-жа Луанъ сдѣлалась душой воинствующаго націонализма, и историкамъ этой грандіозной эпопеи, поколебавшей было на одинъ моментъ самое существованіе третьей республики, придется посвятить салону г-жи Луанъ особенное вниманіе.

Для насъ, русскихъ, она представляетъ также большой интересъ. Здѣсь была подготовлена почва пресловутаго альянса. Для характеристики закулисной стороны этого дипломатическаго акта книга Мейера даетъ много поучительнаго.

Л. **Герасимовъ.**

СПИСОКЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА.

Н. Розановъ. О повѣсти Л. Андреева „Сашка Жегулевъ“. Владикавказъ. 1912.

П. Кохманскій. Половой вопросъ. М. 1912 г. Ц. 80 к.

Украина. Сборникъ повѣстей и разсказовъ малороссійскихъ писателей въ переводѣ Н. Шадурскаго. Плоцкъ. 1911 г. Ц. 90 к.

Повѣсти и разсказы малороссійскихъ писателей въ переводѣ Н. Шадурскаго. Плоцкъ. 1911 г. Ц. 1 р. 20 к.

Н. Русовъ. Озеро. Романъ въ двухъ частяхъ. М. 1912. Ц. 1 р.

Популярная библіотека „Звѣзда“: Л. Толстой. Живой трупъ. **Ф. Ленцъ.** Смѣшная публика. **Параллели,** сборникъ. **Додре.** Мадонна. **Геденстернъ.** Новая лошадь. **Микшатъ.** Таинственная исторія. **Мейеръ.** Пажъ Адольфа. **Килландъ.** Битва при Ватерлоо. **М. Прево.** Исторія пташечки. **Зудерманъ.** Индійская лилія. **В. Михайловъ.** Отголоски декабристскаго движенія во франц. литературѣ. **С. Кавелина.** Новыя данныя къ характеристикѣ Никитина. **Готвальтъ.** Отечественная война. Цѣна каждаго выпуска 10 коп.

Амфитеатровъ. Собр. сочин. т.т. XIV и XV. Изд. „Просвѣщеніе“. Ц. 1 р. 50 к. за т.

Алавердянцъ. Гр. И. Ѳ. Паскевичъ-Эриванскій. Спб. 1912. Ц. не обозн.

Ан—скій, С. Сочиненія, т. II-ой. Изд. „Просвѣщеніе“. Ц. 1 р. 25 к.

Аппельи и Дотевиль. Курсъ теоретической механики. Пер. подъ ред. Шатуновскаго. Изд. „Матезисъ“. Одесса 1912. 2 т. по 2 р. 50 к. т.

Д'Аннунціо. Собр. сочин. Изд. „Шиповника“. т. XII. Ц. 1 р. 50 к.

Брихничевъ, Іона. Апостолы реформаціи. М. 1912. Ц. 30 к.

Его-же. Апостолы гуманности и свободы. Ц. 20 к.

Его-же. Капля крови. Стихотворенія. Ц. 20 к.

Блокъ, А. Собр. стихотвореній. Кн. III-ья. Изд. „Мусагетъ“. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Быкова. Смутное время на Руси. М. 1912. Ц. 50 к.

Бискъ, А. Разсыпанное ожерелье. Спб. 1912. Изд. М. Семенова. Ц. 80 к.

Балтрушайтисъ. Горная тропа. Вторая книга стиховъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Бальмонтъ, К. Полное собр. стиховъ. Изд „Скорпіонъ“ М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Боголюбова, О. Сказки усталаго сердца. Спб. 1912. Ц. 60 к.

Брюсовъ В. Зеркало тѣней. М. 1912. Ц. 2 р.
Вихертъ. Введеніе въ геодезію. Изд. „Матезисъ". Ц. 35 к.
Вериго, М. Какъ занять дѣтей дошкольнаго возраста. Спб. 1912. Ц. 1 р.
В. И. Анкета о положеніи писчебумажной промышленности въ Россіи. Оттискъ изъ „Вѣст. Фин".
Вундтъ. Проблема психологіи народовъ. М. 1912. Ц. 85 к.
Волжанинъ. Сумракъ. Разсказы. К-ство „Современникъ". Ц. 1 р. 25 к.
Вяткинъ, Г. Подъ сѣвернымъ солнцемъ. Стихи. Томскъ 1912. Ц. 75 к.
Венгеровъ, С. Сочиненія т. III. Изд. „Прометей". Ц. 1 р. 50 к.
Горнфельдъ, А. Г. О толкованіи художественнаго произведенія. Спб. 1912. Ц. 40 к.
Гушка А. Представительныя организаціи торгово-пром. класса въ Россіи. Спб. 1912. Ц. 1 р. 20 к
Гликманъ, С. Varia. Кіевъ 1911. Ц. не обоз.
Гюи-де-Мопассанъ. Полное собр. соч. Изд. „Шиповника" т. XXVIII и XXIX. Ц. 1 р. за т.
Дидовъ. Бредъ безумія. Драма. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
Дружининъ, М. Поэзія. Спб. 1912. Ц. 50 к.
Европейскіе классики. Изд. „Окто": Гомеръ Ц. 3 р. 50 к. Шекспиръ 2 т.
„Знаніе". Сборникъ. Книга 38-ая. Ц. 1 р.
Зомбартъ. Крещеніе евреевъ. М. 1912. Ц. 85 к.
Ивановъ, В. Cor ardens. Часть вторая. М. 1912. Изд. Скорпіонъ. Ц. 2 р.
Итальянскія сказки. Пер. М. Андреевой подъ ред. М. Горькаго М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
Корвинъ-Милевскій, Гр. О реформѣ римско-католич. духовенства въ Сѣверо-Зап. краѣ. Спб. 1912 г. Ц. 30 к.
Корвинъ-Милевскій. Жажду справедливости для угнетеннаго литовскаго дворянства. Спб. 1912. Ц. 25 к.
Конъ. Пространство и время съ точки зрѣнія физики. Изд. Матезисъ. Ц. 40 к.
Коганъ. Фейга. Моя душа. Книга стиховъ съ пред. Ю. Айхенвальда. М. 1912. Ц. 75 к.
Коллонтай, А. По рабочей Европѣ. Силуэты и эскизы. Изд. М. Семенова. Ц. 1 р. 35 к.
Клюевъ, Н. Братскія пѣсни. М. 1912. Ц. 60 к.
Крашенниковъ, Н. Мечты о жизни Ц. 1 р. 25 к.
Его же Барышни. М-ское К-ство Ц. 1 р. 25 к.
Лондонъ. Джекъ. Собр. сочин. Изд. „Прометей", т. II.
Лебедь-Юрчикъ. Распредѣленіе дохода и оплата труда въ сахарной промышленности. Липоль. Ц. 75 к.
Лоджъ. Міровой эфиръ. Изд. „Матезисъ". Ц. 80 к.
Мейстеръ Экхартъ. Проповѣди и разсужденія. Изд. „Мусагетъ". М. 1912. Ц. 3 р.
Митрофановъ. Наумъ. Разсказъ изъ народной жизни. Воронежъ. 1912. Ц. 15 к.
Мюлау, Е. Исповѣдь глупой женщины. Ц. 1 р.
Новиковъ, Н. Катехизисъ истинно-русскаго человѣка. Спб. 1912. Ц. 20 к.
Новый полный слов. иностр. словъ. Подъ ред. Бодуэнъ-де-Куртенэ. 2-ое изд. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
Осиповичъ, Н. Собр. сочин. Изд. „Просвѣщеніе", т. 3-й. Ц. 1 р. 25 к.
Острогорскій. Разсказы. Спб. 1912. Ц. 75 к.
Оссовскій. Мечты и думы. Кисловодскъ. 1912. Ц. 40 к.
Отчетъ о состояніи варшавскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за 1910—1911 г. Варшава.
Образовательныя поѣздки въ средней школѣ. Изд. II-ое. Спб. 1912. Ц. 1 р. 75 к.
Пойтингъ. Давленіе свѣта. Изд. „Матезисъ". Ц. 50 к.
По, Эдгаръ. Собраніе сочин. т. IV-ый. М 1912. Ц. 2 р.
Пругавинъ А. „Братцы" и „Трезвенники". Изд. „Златоцвѣтъ". М. 1912 г. Ц. 40 к.
Роланъ. Жизнь Бетховена. Пер. съ фр. Изд. М. Семенова. Ц. 1 руб.
Соловьевъ, Вл. Собр. сочин. т. IV. Изд. „Просвѣщеніе". Ц. 2 р.
Соловьева, П. Тайная правда. Разсказы. Изд. М. Вольфа. Ц. 75 к.
Сванте-Аррениусъ. Судьба планетъ. Пер. съ нѣм. Изд. „Наука". Ц. 30 к.
Его же. Вселенная Изд. „Наука". Ц. 75 к.
Твенъ, М. Избранные разсказы. Изд. „Шиповника". Ц. 1 р. 25 к.
Тотоміанцъ. Кооперація въ русской деревнѣ. М. 1912. Ц. 2 р. 60 к.
Трейтлейнъ, Т. Методика геометріи. Изд. „Обновленіе школы". Ц. 60 к.
Юшкевичъ, П. Міровоззрѣніе и міровоззрѣнія. Изд. Карбасникова. Ц. 1 р. 25 к.
Изданія **„Польза".** Гофманъ. Щелкунчикъ и Мышиный царь. Жуковскій. Наль и Дамаянти. Михаэлисъ. Опасный возрастъ. Вассерманъ. Исторія юной Ренаты Фуксъ. Его же Маски Рейнера. Диккенсъ. Давидъ Копперфильдъ. Гюи де-Мопассанъ. Ивета. Лоти. Испанскій рыбакъ. Сувестръ. У камелька. Верга. Исторія одной малиновки. Дюма. Дама съ камеліями. К. Мендэсъ. Лесбія. Э. Пименова. Наполеонъ. Цѣна за каждый выпускъ 10 коп. Пшибышевскій. Сильный человѣкъ, ц. въ пер. 75 к. М. Криницкій. Молодые годы Долецкаго. ц. 75 к.
Шарковъ, В. Учебникъ русской исторіи. Съ портр. и рис. Изд. Козмана. Ц. 75 к.
Флеровъ. Впечатлѣнія дѣтства. М. 1912. Ц. 35 к.

Редакторъ-издатель **И. М. Розенфельдъ.**

Типографія Л. В. ГУТМАНА, Калашниковскій пр. 15.

НАПРАВЛЯЙТЕ

всѣ Ваши заказы на книги и журналы въ книжный складъ и книгоизд. „ПРОВИНЦІАЛЪ".

С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 14-152. — Телефонъ № 475-43.

Требуйте безплатно подробные каталоги, циркуляры и проспекты льготныхъ условій платежа. **Всѣ заказчики** пользуются правомъ на **безвозмездное наведеніе складомъ справокъ** по всѣмъ ихъ дѣламъ въ Петербургѣ какъ въ административныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, такъ и торгово-промышленнаго характера. Складъ пополняетъ всевозможныя школьныя. народныя, домашнія и общественныя библіотеки.

ГЛАВНЫЕ ВЫИГРЫШИ

въ главномъ тиражѣ 5-го класса Правительственной лотереи Царства Польскаго при Государственномъ Банкѣ въ Варшавѣ, отъ 28 мая до 7 іюня,

ПАЛИ НА НИЖЕСЛѢДУЮЩІЕ НОМЕРА:

Руб. **75,000** № 15522
„ **40,000** „ 14113
„ **20,000** „ 5859
„ **15,000** „ 6838
„ **10,000** „ 8620

По **8000** руб.—№№: 5153, 8277, и 13540.
По **4000** руб.—№№: 509, 7695, 9486, 9531, 11044, 19506, 20207 и 20680.
По **2000** руб.—№№: 113, 1169, 2210, 3018, 3082, 4262, 6534, 6576, 8214, 9533, 9810, 10140, 10194, 10358, 11876, 12310, 13474, 13747, 13748, 18964, 20527, 21126, 21447, 22813.

Обо всѣхъ остальныхъ выигрышахъ можно узнать въ Варшавской конторѣ Банкирскаго Дома Л. В. Ландау и Ко. (Варшава, Братская 18). На отвѣтъ слѣдуетъ приложить 7 коп. марку.

Выигрыши уплачиваются Банкирскимъ Домомъ по полученіи билетовъ немедленно по мѣсту жительства выигравшаго безъ всякихъ формальностей.

Типографія Л. В. ГУТМАНА, Калашниковскій пр., 13.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

VII

НОВАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНІЕ

1912 г. **Іюль.**

№ 7.

Отъ редакціи.

Вслѣдствіе ряда неблагопріятныхъ, отъ редакціи независящихъ, обстоятельствъ и вслѣдствіе перемѣны типографіи настоящій, іюльскій номеръ, запоздалъ выходомъ въ свѣтъ. Августовская книга „Новой Жизни“ выйдетъ въ концѣ этого мѣсяца, слѣдующія же книги будутъ выходить аккуратно между 15—20 числомъ каждаго мѣсяца.

Отъ редакціи.

Рукописи, присланныя въ редакцію, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и снабжены именемъ и адресомъ автора.

Непринятыя рукописи, менѣе печатнаго листа, возвращенію не подлежатъ, и редакція рекомендуетъ авторамъ оставлять у себя копіи такихъ рукописей. Относительно непринятыхъ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не вступаетъ.

Рукописи, болѣе листа, непринятыя для напечатанія, хранятся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. На отвѣтъ и возвращеніе рукописей прилагаются марки.

Отъ конторы.

За перемѣну адреса—50 к. для иногороднихъ,—для городск. подписчиковъ—40 к. Выписывающіе одновременно «Нов. Журн. для Всѣхъ» и «Новую Жизнь платятъ—иногор. 70 к. и городск.—50 к. При новомъ адресѣ слѣдуетъ сообщить прежній свой адресъ съ бандероли.

Такса объявленій въ журналѣ «Новая Жизнь». послѣ текста—страница—80 р., 1/2 стр.—45 р., 1/4 стр. 25 р., строка нонпарели (въ одну колон.)—40 к.

На обложкѣ: 2 и 3 стран.—100 р., 1/2 стран.—60 р., 1/4 стран. 35 р., строка нонпар. (въ одну колон.)—80 к., 4-ая стран.—120 р., 1/2 стр.—70 р., 1/4 стр.—40 р.

Въ Москвѣ подписка принимается въ конторѣ Печковской.

Контора «Новой Жизни» убѣдительно проситъ г.г. подписчиковъ при всѣхъ сношеніяхъ съ ней писать свои адреса какъ можно болѣе четко.

СЛАЩЕ ЯДА.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *). *Часть третья.*

ГЛАВА XXIV.

Разговоры въ домѣ Хмаровыхъ, которые Шанѣ приходилось каждый день слышать, сначала были ей очень любопытны. Передъ нею въ этихъ разговорахъ раскрывались занятныя подробности совершенно новаго для нея быта. Потомъ, дома, она пересказывала ихъ Юліи, и обѣимъ дѣвушкамъ многое казалось смѣшнымъ и страннымъ; чужое рѣдко нравится.

Но вскорѣ все, что у Хмаровыхъ слышала Шаня, стало такъ досадно ей и такъ надоѣло и опротивѣло, что она старалась ни во что не вслушиваться. Но невольно слушала, и хоть отрывки западали въ ея память, и каждый день вливалъ въ ея душу злость и досаду.

Очень много сплетничали и злословили, говорили о чужихъ дѣлахъ, свадьбахъ, похоронахъ, карьерахъ, деньгахъ. Въ каждомъ словѣ дышала твердая увѣренность въ томъ, что надобно пріобрѣтать связи и пользоваться ими.

Сидѣло однажды въ гостиной Хмаровыхъ нѣсколько человѣкъ гостей. До Шани долетали отрывки разговора.

— Вы, конечно, читали?—спросилъ приватъ-доцентъ Лѣсновъ.

— Какъ вы сказали?—переспросилъ Нагольскій.—Какъ имя автора?

— Рабле,—сказалъ Лѣсновъ.

— Нѣтъ, не читалъ,—говорилъ Нагольскій. —Я современныхъ французскихъ беллетристовъ не читаю. Такъ безнравственно, что внушаетъ величайшее отвращеніе.

Лѣсновъ засмѣялся.

— Ну, это вы хватили совсѣмъ изъ другой оперы,—сказалъ онъ со своею обычною рѣзкостью.

За эту рѣзкость очень не долюбливали его въ домѣ Хмаровыхъ. А принимали его и даже ухаживали за нимъ, потому что Варварѣ Кирилловнѣ казалось, что присутствіе молодыхъ ученыхъ сообщаетъ оттѣнокъ серьезности ея салону. И, кромѣ того, при случаѣ онъ можетъ быть полезенъ Евгенію.

Шаня думала:

«Да этотъ Нагольскій меньше меня знаетъ. Почему же такіе люди, какъ онъ, считаютъ себя образованными? Это—узкіе спеціалисты, и за предѣлами своего маленькаго круга каждый изъ нихъ ничего не видитъ».

---

*) См. «Новая Жизнь» кн. 4, 5 и 6.

Она задумалась и не слышала того, что говорили дальше. Потомъ ея вниманіе привлекъ гудящій голосъ Рябова:

— Мужикъ—каналья. На него нуженъ-съ, я вамъ доложу, кнутъ. Вы мнѣ повѣрьте-съ. Я мужичью натуру досконально знаю. У меня мужикъ вотъ гдѣ сидитъ.

Шаня, и не видя, представила живо, какъ грузный, краснолицый Рябовъ колотитъ себя громаднымъ кулакомъ по толстой шеѣ. Ей стало забавно. Засмѣялась, вспомнила, что могутъ услышать, постаралась подавить смѣхъ и закашлялась. Варвара Кирилловна вышла изъ гостиной. Приблизясь къ швеѣ Лизаветѣ, она сдѣлала сердитое лицо и свирѣпо прошептала:

— Прошу потише. Кашлять и сморкаться и, вообще, проявлять себя можешь въ кухнѣ. А здѣсь гостиная рядомъ.

Потомъ, отвернувшись отъ Шани, мигомъ перекроила свое лицо на любезное и вышла къ гостямъ, извиняясь за отлучку.

Послышался тоненькій, притворно-наивный Катинъ голосокъ:

— Вѣдь, ужъ, кажется, доказано Дарвиномъ, что мужики происходятъ отъ обезьянъ.

Засмѣялись и восклицали:

— Но это прелестно!

— Восхитительно!

— Она очаровательна!

Катя восклицала обиженнымъ голосомъ:

— Неужели я опять сказала глупость? Но это Женечка меня подвелъ. Я не виновата.

— Катя, вы меня не совсѣмъ такъ поняли,—сконфуженнымъ голосомъ сказалъ Евгеній.—Я говорилъ вообще о происхожденіи человѣка. Генеалогіею мужиковъ я не особенно заинтересованъ.

Томнымъ голосомъ произнесъ молодой поэтъ Кошуринъ:

— Мужикъ—собака, рыдающая о властелинѣ.

Шаня живо представила изумительный галстукъ молодого Кошурина, его жирныя, вихляющія бедра, оскаръ-уайльдовскую прическу, мягкія, блѣдноватыя губы и большіе порочные глаза, которыми Кошуринъ прельщалъ дамъ и пугалъ дѣвицъ.

Студентъ Сосницкій непререкаемымъ тономъ самоувѣреннаго и жирнаго пошляка говорилъ:

— Законъ наслѣдственности абсолютно доказываетъ наше превосходство надъ мужиками. Мы десятками поколѣній изощряли свои способности въ области высшихъ, духовныхъ интересовъ, которые все это время оставались мужикамъ совершенно чуждыми.

Катина мать, Наталья Александровна, дама очень добродѣтельная, лимонно-желтая, съ длиннымъ лицомъ и кислыми собачьими глазами, томно говорила:

— Отъ этихъ людей нельзя ждать благодарности. Что ни дай—имъ все мало. Благодѣтельствовать имъ—тяжкій подвигъ.

— Земли мало и знаній мало,—сказалъ Лѣсновъ.—При такихъ условіяхъ трудно мужику развернуться. Поневолѣ единственная забота лишь о томъ, чтобы насытиться.

Сухимъ доктринерскимъ тономъ Лѣснову отвѣтилъ Леонидъ Ивановичъ Варнавинъ, безукоризненно-корректный молодой чиновникъ на очень хорошей и видной служебной дорогѣ, женатый на дочери Аполлинарія Григорьевича:

— Смѣю думать, что никто никому не мѣшаетъ богатѣть. Нищіе—значитъ, лѣнивые или умственно-отсталые. А неравенство всегда было и должно быть въ человѣ-

ческомъ обществѣ. Иначе было бы совершенно немыслимо правильное распредѣленіе функцій въ какой бы то ни было общественной или государственной организаціи. Таково, по крайней мѣрѣ, то мнѣніе, котораго я придерживаюсь.

— Совершенно съ вами согласенъ,—сказалъ Аполлинарій Григорьевичъ.

Студентъ Сосницкій говорилъ:

— Только сильное, здоровое имѣетъ право на существованіе. Нищета, какъ проказа, отвратительна.

Кошуринъ воскликнулъ:

— Пусть прокляты всѣ неудачи, всѣ мертвые и Сатана! Скалы же—вѣчные стражи.

Когда гости ушли, Варвара Кирилловна опять сдѣлала выговоръ Шанѣ за нарушеніе тишины въ барскихъ комнатахъ.

Однажды Шаня услышала у Хмаровыхъ имя Томицкаго. Она стала прислушиваться.

Еще когда Шаня была въ Сарыни, Томицкій, окончивъ гимназію, повѣнчался съ Дунечкою. Къ общему изумленію и товарищей, и учителей, онъ не пошелъ въ университетъ. Онъ поселился верстахъ въ десяти отъ Сарыни въ своемъ небольшомъ имѣньицѣ, доставшемся ему отъ недавно умершей матери. Тамъ онъ намѣревался жить просто и справедливо, работать и служить народу.

Письма, которыя Шаня получала отъ Дунечки, дышали счастіемъ и радостью. Правда, иногда Дунечка жаловалась въ этихъ письмахъ на чрезмѣрную строгость своего Алеши, который въ образѣ ихъ жизни не допускаетъ никакихъ отклоненій отъ согласно принятыхъ ими обоими принциповъ. Но и самыя жалобы эти были свѣтлы и веселы; онѣ разрѣшались бодрыми выраженіями увѣренности въ правотѣ избраннаго ими пути и горячими словами о готовности смѣло и весело идти по этому пути и творить жизнь свободную, чистую и справедливую. Получая эти письма, Шаня испытывала и большую радость—за Дунечку, и горькую печаль—за себя, по сравненію. Она еще не знала, что сравнивать никогда не слѣдуетъ.

Въ гостиной разговаривали недовольными, возмущенными голосами.

— Вотъ вамъ образецъ совершенно неприличнаго брака,—говорила Варвара Кирилловна,—молодой человѣкъ Томицкій, Женинъ товарищъ по Сарынской гимназіи. Онъ, знаете, изъ очень хорошей семьи, и въ Петербургѣ у него есть очень вліятельные родственники.

— Его мать—урожденная баронесса Пуппендорфъ,—пояснилъ Аполлинарій Григорьевичъ.

Варвара Кирилловна продолжала:

— И вотъ намъ пишутъ о немъ ужасныя вещи. Можете себѣ представить, онъ женился на какой-то мѣщанкѣ или даже, кажется, на крестьянкѣ, словомъ, на дѣвушкѣ безъ всякаго воспитанія и безъ связей, и поселился съ нею въ деревнѣ. Словомъ, нѣчто ужасное.

— У нея даже имя простонародное, Авдотья, кажется,—сказалъ Аполлинарій Григорьевичъ.

Тономъ ко всѣмъ благожелательной барышни сказала Марія:

— Однако, она все-таки кончила гимназію тамъ-же, въ Сарыни.

— И что же, онъ ухитряется быть счастливъ?—насмѣшливо спросилъ Варнавинъ.

Варвара Кирилловна говорила:

— Да, онъ пишетъ своимъ роднымъ, что совершенно счастливъ. Но это—чисто-

животное счастіе. Отказаться отъ карьеры, пренебречь связями и служить народу,—какая глупость!

— Оба работаютъ въ полѣ, какъ простые люди,—съ выраженіемъ благовоспитаннаго ужаса сказала Марія.—И даже, кажется, обходятся одною прислугою.

— Ну, какая тамъ прислуга! Имъ приходится обрѣзывать себя во всемъ,—вставилъ Аполлинарій Григорьевичъ.

Рябовъ грубо захохоталъ и сказалъ громко и увѣренно:

— Это они, видите-ли, опростились. Знаю я такихъ, достаточно насмотрѣлся. Какъ же, цѣлыя колоніи устраиваютъ. Одѣваются, какъ простые мужики и бабы. А мужицкаго дѣла по-настоящему не знаютъ, и все у нихъ идетъ вкривь и вкось. Что жъ, эти ваши Томицкіе снимаютъ землю въ аренду или у какого-нибудь хозяйственнаго мужичка батрачатъ?

Аполлинарій Григорьевичъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, у Томицкаго есть имѣньице маленькое, по наслѣдству. У его дѣда, барона Пуппендорфа, было одиннадцать дочерей, и онъ далъ каждой изъ нихъ въ приданое по клочку земли.

— Это имѣніе даетъ гроши,—сказала Варвара Кирилловна.—Этотъ молодой человѣкъ въ десять разъ больше могъ бы имѣть на службѣ.

— Еще бы! При его связяхъ!—сказала Марія. —Баронъ, его дядя, очень многое можетъ сдѣлать.

Шаня подумала:

«Такая молоденькая, а объ связяхъ и протекціяхъ до тонкости все понимаетъ».

— Получаютъ съ имѣнія какую-нибудь тысячу рублей въ годъ,—говорила Варвара Кирилловна.—И они еще ухитряются тратить половину своихъ денегъ на этихъ ужасныхъ мужиковъ!

Сердитымъ тономъ оскорбленной добродѣтели сказала Наталья Александровна:

— Эта госпожа Авдотья, или какъ тамъ ее зовутъ, можетъ быть, совершенно на мѣстѣ въ своей обстановкѣ. Но я удивляюсь, что родственники несчастнаго молодого человѣка ничего не предпримутъ для его спасенія. Надо бы написать его дядѣ, барону Пуппендорфу.

Варвара Кирилловна очень часто жаловалась и домашнимъ, и гостямъ на свои нервы, на мигрени и на прочія свои несчастія.

Когда не было гостей, изъ столовой нерѣдко слышались яростные крики,—Варвара Кирилловна бранила прислугу. Иной разъ Шанѣ слышались даже звуки пощечинъ. Когда потомъ раскраснѣвшаяся и смущенная горничная торопливо, съ виноватымъ или сердитымъ видомъ, пробѣгала черезъ комнату, гдѣ Шаня шила, Шанѣ казалось, что на ея щекѣ еще видны бѣловатыя на ярко-красномъ полоски.

Евгеній разговаривалъ съ прислугою небрежно-повелительнымъ тономъ, иногда покрикивалъ довольно грубо—и это тоже досадовало Шаню.

Въ ясный морозный день въ началѣ зимы Шаня услышала, какъ Марія въ гостиной говорила Варварѣ Кирилловнѣ по-французски:

— Я забыла разсказать вамъ вчера, мама, объ одной забавной встрѣчѣ. Можете себѣ представить, мама,—на каткѣ я встрѣтила вчера вечеромъ, знаете, кого? Нашу швею. Катается подъ звуки музыки.

— Не можетъ быть! Вотъ эту дурочку?—съ удивленіемъ спросила Варвара Кирилловна.

И опять Шаня, и не видя, живо представила, какъ Варвара Кирилловна таращитъ въ знакъ удивленія свои тупые, злые глаза и какое у нея при этомъ становится глупое лицо. Съ жаднымъ любопытствомъ Шаня приготовилась слушать, что о ней будутъ говорить. Марія отвѣчала матери:

— Ну, да, эту бѣдную дѣвушку. Она катается очень недурно, одѣта, какъ барышня,—скромно, но очень хорошо. Если она сама на себя шьетъ, то ее можно будетъ употребить, какъ портниху для платьевъ попроще, тѣмъ болѣе, что беретъ она сравнительно недорого. И коньки у нея очень хорошіе, и очень изящная обувь. Не понимаю, откуда она беретъ на все это деньги!

— Все это ей совсѣмъ не къ лицу,—съ негодованіемъ, по-русски, сказала Варвара Кирилловна.

Марія продолжала по-французски:

— Она увидѣла меня и нисколько не смутилась. Какъ будто это самая обыкновенная вещь. Улыбается и кланяется, точно знакомая. Удивительно развязная особа!

— Это необходимо прекратить,—рѣшила Варвара Кирилловна.—Отъ этихъ катаній для бѣдной дѣвушки одинъ только шагъ къ полному паденію. Если она у меня работаетъ, я обязана позаботиться объ ея нравственности.

Варвара Кирилловна съ величественнымъ видомъ вошла въ проходную комнату.

— Лизавета,—строго сказала она,—я слышала, что тебя видѣли вчера вечеромъ на каткѣ въ Лѣтнемъ саду.

— Да,—сказала Шаня,—я иногда хожу туда кататься, въ свободное время.

— Во-первыхъ,—еще строже сказала Варвара Кирилловна,—когда съ тобою говоритъ барыня или барышня, ты должна встать.

Шаня послушно встала. Варвара Кирилловна говорила:

— А, во-вторыхъ—я считаю это совершенно неприличнымъ.

— Но почему же, барыня?—съ удивленіемъ, слегка усмѣхаясь, спросила Шаня.

Варвара Кирилловна, мгновенно придя въ ярость отъ этого вопроса и отъ этой улыбки, которые показались ей дерзкими, закричала:

— Изволь молчать, когда съ тобою говорятъ! И не улыбаться! Шутить съ тобою я не намѣрена и я безъ твоихъ дурацкихъ вопросовъ скажу тебѣ, что считаю нужнымъ. Ты кто? Я тебя спрашиваю: кто ты такая? Какъ ты смѣешь молчать, негодная, когда тебя спрашиваютъ?

Варвара Кирилловна затопала ногами.

— Я—бѣлошвейка,—сказала Шаня.

Варвара Кирилловна запальчиво кричала:

— Ты—бѣлошвейка, пока ты сидишь смирно и шьешь, а когда ты по каткамъ хвосты треплешь, ты—негодяйка!

— Барыня,—начала было Шаня, краснѣя.

Варвара Кирилловна кричала:

— Молчать! Ты должна помнить, что ты—бѣдная дѣвушка, и тратить деньги на глупыя забавы тебѣ не слѣдуетъ. А самое главное, лѣзть кататься туда, гдѣ катается барышня,—это съ твоей стороны дерзость. Ты должна знать свое мѣсто и не забываться. Увидѣвши барышню, ты должна была немедленно уйти. На будущее время не смѣй ходить на этотъ катокъ. Ты слышишь, что я тебѣ говорю? Не смѣй ходить, не смѣй!

— Не буду,—сказала Шаня.—Я не знала...

Ей хотѣлось засмѣяться, и она стояла раскраснѣвшаяся, потупивъ глаза, дергая бѣлый полотняный поясокъ своего передника. Варвара Кирилловна кричала:

— Молчать! И кислой физіономіи не корчить! Какъ руки держишь! Руки по швамъ держать! Стоять прямо! На полу искать нечего,—глядѣть прямо на меня!

Шаня вытянулась, опустила руки, посмотрѣла прямо на Варвару Кирилловну. И теперь она была спокойна, и только любопытство было въ ней, что еще придумаетъ сказать эта странно-грубая, душевно распустившаяся женщина. Варвара Кирилловна продолжала кричать:

— Если мать позволяетъ тебѣ транжирить свои гроши на катанье, такъ ты можешь отправляться на катокъ на рѣку,—тамъ дешевле за входъ берутъ. И какая наглость!.. Какая-то ничтожная швейка, которой вся цѣна—грошъ, прямо идетъ туда, гдѣ господа катаются! Для чего это тебѣ понадобилось? Богатымъ молодымъ людямъ глазки дѣлать? Думаешь своею смазливою рожицею прельстить кого-нибудь? И что ты на меня уставилась своими коровьими глазищами! Не умѣешь стоять почтительно, когда тебя бранятъ! Глаза опусти, голову наклони, вотъ такъ!

Варвара Кирилловна шлепнула своею ладонью по сложеннымъ на затылкѣ Шанинымъ косамъ и потянула Шанину голову впередъ и внизъ. Видъ швеи Лизаветы, стоящей съ опущенными руками и склоненною головою, наконецъ, удовлетворилъ ее. Она сказала строго:

— Впередъ чтобы этого никогда не было! А не то я позову твою мать, и тогда мы съ тобою поговоримъ иначе.

Не дожидаясь отвѣта, Варвара Кирилловна повернулась къ Шанѣ спиною и вышла. Шаня тихонько смѣялась, уткнувшись носомъ въ платокъ,—не изъ тѣхъ, обшитыхъ кружевцами и надушенныхъ, что она брала, когда шла на свиданіе съ Евгеніемъ, а изъ простыхъ полотняныхъ, приличныхъ швеѣ Лизаветѣ.

ГЛАВА XXV.

Дома Шаня отводила душу болтовнею съ Юліею. Конечно, пока дяди Жглова не было дома. При немъ же громкіе разговоры не допускались. Вѣдь, въ домѣ у Жглова все должно быть строго и чинно. Шаня и такъ часто нарушала всѣ заведенные дядею порядки. За это отъ дяди ей нерѣдко доставалось. Дядя Жгловъ не стѣснялся въ проявленіяхъ своего гнѣва.

Иногда, выходя утромъ изъ подъѣзда дядиной квартиры, Шаня чувствовала на себѣ чей-то тяжелый взоръ. Нахмурясь, взглядывала она невольно въ крайнее къ подъѣзду окно дядиной конторы и видѣла тамъ зеленое лицо, красные глаза и высокій воротничекъ молодого человѣка, который казался ей гнуснымъ. Ихъ взоры на минуту встрѣчались,—влюбленный взоръ зеленолицаго молодого человѣка и сердитый Шанинъ взоръ. Сердитый, но не равнодушный. Это давало какую-то надежду гнусному юношѣ, и онъ улыбался, противно растягивая синія губы, показывая рѣдкіе, зеленые зубы и длинными, тощими пальцами съ желтыми широкими ногтями потрагивая поддѣльную жемчужину булавки, воткнутой въ красный галстукъ.

Шаня всегда послѣ этого досадовала на себя, зачѣмъ она поддалась очарованію змѣинаго взгляда этихъ слезящихся глазъ съ воспаленными вѣками. Мерзкій осадокъ весь день оставался въ Шаниной душѣ, и ей даже казалось иногда, что эта встрѣча взоровъ предвѣщаетъ ей какую-нибудь непріятность; и въ самомъ дѣлѣ, такъ случалось не разъ. Случай любитъ играть душою человѣка.

Шанѣ такъ противенъ былъ этотъ зеленолицый юноша, такъ даже страшно было

вспоминать его появленія въ окнѣ, что она долго не рѣшалась спросить о немъ Юлію. Наконецъ, однажды, когда Шаня и Юлія вмѣстѣ вышли изъ квартиры, Шаня тихонько толкнула Юлію локтемъ, едва замѣтнымъ движеніемъ головы показала ей на гнуснаго юношу и тихонько спросила:

— Кто это, уродъ красноглазый?

Юлія улыбнулась. Когда онѣ отошли немного отъ дома, Юлія сказала:

— Это—конторщикъ, у папы служитъ. Его фамилія Гнейсъ, а товарищи его Гнусомъ кличутъ.

— Вотъ-то по шерсти и кличка,—сказала Шаня.—Ужасно гадкій! И все на меня смотритъ, свои гнилые глаза пялитъ. Пройти подъ окномъ нельзя безъ того, чтобы онъ не окатилъ своимъ взоромъ, какъ изъ ведра.

— Влюбился,—смѣясь, сказала Юлія.—Онъ очень влюбчивъ и всегда имѣетъ предметъ. Погоди, скоро письма получать станешь.

По вечерамъ Шаня часто ходила въ театръ, иногда съ Юліей, а иногда и дядя Жгловъ ѣхалъ съ дѣвицами. Но уже это было довольно скучно, потому что дядя Жгловъ бывалъ всѣмъ недоволенъ: піесы онъ находилъ или неинтересными, или безнравственными, актеровъ и актрисъ—бездарными; одна актриса Манугина удостаивалась иногда его снисходительныхъ похвалъ.

А Шаня была въ восторгѣ отъ крутогорскихъ театровъ; ей нравились и опера, и драма, и фарсъ, и даже циркъ и кинематографъ.

Раза два-три Шаня встрѣчалась въ театрѣ съ Евгеніемъ. Но онъ не любилъ такихъ встрѣчъ: слишкомъ много знакомыхъ, и могутъ узнать дома, что онъ въ театрѣ встрѣчается съ какою-то молодою дѣвицею. Случалось даже, что, завидѣвъ издали Шаню, Евгеній уходилъ изъ театра. Да и Шанѣ эти встрѣчи мало нравились: приходилось разговаривать съ Евгеніемъ, какъ съ чужимъ.

Иногда Шаня вечеромъ отправлялась къ своей новой пріятельницѣ, Манугиной. Отъ Юліи еще въ первый день Шаня узнала, что Манугина—первая актриса здѣшняго драматическаго театра.

Манугина принимала Шаню очень радостно и привѣтливо: Шаня понравилась ей съ первой встрѣчи. Скоро Шаня хорошо была знакома съ жизнью и съ обстановкою Манугиной.

Манугина жила одна. Занималась съ большою страстью драматическимъ искусствомъ и танцемъ. Она была страстною поклонницею Айседоры Дунканъ и ея танцевъ. Портреты Айседоры Дунканъ висѣли у нея на стѣнахъ, лежали въ альбомахъ.

Манугина дома носила тунику и сандаліи. И выходныя платья она шила часто въ стилѣ античныхъ одеждъ, и волосы причесывала, какъ у античныхъ статуй. Въ піесахъ современнаго репертуара она всегда была одѣта съ такимъ рѣдкимъ для провинціи вкусомъ, что крутогорскія дамы старались не пропустить ни одной піесы съ ея участіемъ.

Объ ея любовникахъ говорили мало, да и то, что все-таки, по привычкѣ злословить, говорили, было, повидимому, невѣрно. А ухаживали за Манугиной многіе.

Все у Манугиной нравилось Шанѣ очень и казалось чрезвычайно красивымъ. Даже горничная Марина, та самая, которую Шаня видѣла первый разъ на пароходѣ, казалась совсѣмъ особенною, какую можно встрѣтить только въ этомъ красивомъ и пріятномъ домѣ.

Марина, вывезенная Манугиной изъ Москвы, старалась подражать барынѣ въ на-

рядахъ и въ манерахъ. Марина была очень хорошенькая. Ея кавалеры увѣряли ее, что она красивѣе барыни, но Марина такъ любила свою барыню, что этимъ комплиментамъ не вѣрила.

Марина очень любила наряжаться въ барынины платья. Когда Манугина уходила изъ дому, Марина надѣнетъ ея матине, или кимоно, или тунику, садится передъ зеркаломъ ея туалета и закуриваетъ ея папиросу. Въ креслѣ мягко и уютно, синій дымокъ вьется, въ зеркалѣ отражается миленькое, смугленькое личико лукаво улыбающейся черноглазой плутовки,—Марина мечтаетъ о поклонникахъ, какъ у ея барыни, и такъ проводитъ иногда цѣлые часы.

Манугина знала это, но не сердилась.

— Я ее давно знаю,—говорила Манугина,—она честная, очень преданная мнѣ, за меня готова въ огонь и въ воду. Услужлива очень, и очень опрятна.

Всѣ свои ношенныя выходныя платья она дарила, конечно, Маринѣ. Продавать ихъ Марина не любила и дѣлала это только въ крайнемъ случаѣ, хотя всегда эти платья были мало ношены и охотницъ ихъ купить было очень много.

Однажды вечеромъ Шаня застала у Манугиной маленькую актрису изъ того-же театра, гдѣ служила и Манугина. Смазливенькая, маленькая, тоненькая, сильно раскрашенная Зина Анилина, бойко работая злымъ язычкомъ и поблескивая злыми глазками, сплетничала. На лѣвой щекѣ подъ глазомъ у нея былъ синякъ, почти не видный подъ слоемъ бѣлилъ, румянъ и синьки. Зина была сегодня зла, потому что ея любовникъ, актеръ Крахмальчикъ, по сценѣ Марсъ-Райскій, напившись пьянъ, избилъ ее звѣрски. Насплетничавъ на кого только было можно изъ товарищей, Зина принялась сплетничать на Марину:

— Она ваши платья носитъ, ваши папиросы куритъ, а вы ничего этого не знаете. Вообще, вы ее ужасно избаловали.

Манугина спокойно возразила:

— Ну, она моихъ платьевъ не пачкаетъ и меня безъ папиросъ не оставляетъ.

— Еще бы оставляла!—воскликнула Зина Анилина.

Манугина посмотрѣла на нее такъ спокойно, что актриса сконфузилась и принялась поправлять свои кудерьки. Манугина сказала:

— Зато она не разъ мнѣ на свои деньги обѣдъ готовила, жалованья ждала по полугоду и никогда не грубила.

Потомъ, обратившись къ Шанѣ, Манугина сказала:

— Наша актерская жизнь въ провинціи рѣдко обходится безъ голодовки. Вотъ въ такое время и оцѣнишь достоинства моей Маришки.

— Развѣ вамъ случалось нуждаться въ деньгахъ?—спросила удивленная Шаня.

И вдругъ покраснѣла, потому что вопросъ показался ей нескромнымъ. Манугина замѣтила Шанино смущеніе, ласково улыбнулась ей, погладила ея руку своею нѣжною, бѣлою ладонью и сказала:

— Всего бывало. Случалось, что и мои антрепренеры прогорали. А заложить не всегда что находилось. Выручала не разъ Маришка. И ужъ не знаю, какъ она ухитрялась, откуда она добывала деньги, но только всегда провизіи принесетъ, папиросъ купитъ, пудры достанетъ, квартирную хозяйку подождать упроситъ,—словомъ, какъ только можетъ, скраситъ безвыходное положеніе. Да, моя Маришка—кладъ.

Когда Манугина говорила объ этомъ, лицо ея стало утомленнымъ и немолодымъ. Шанѣ стало грустно и страшно. Вспомнились нянькины слова:

— Нищета можетъ завязаться и тамъ, гдѣ ея совсѣмъ не ожидали.

Она сказала грустно:

— А я думала, что у васъ, Ирина Алексѣевна, всегда денегъ безъ счета. Вы—такая талантливая.

— Одного таланта, голубушка, мало,—спокойно сказала Манугина.

Зина Анилина улыбалась криво и злобно. Думала съ завистливою радостью, что хоть и талантлива Манугина, да непрактична, и на казенную сцену никогда не попадетъ. Она посидѣла еще немного и, выпустивъ весь ядъ свой, ушла.

Манугина и Шаня много разговаривали. Объ искусствѣ и о жизни. О красотѣ, спасающей міръ. О тѣлесной наготѣ, очищающей душу.

Шаня однажды разсказала Манугиной, какъ она представляла себѣ прежнюю себя въ образѣ разныхъ Шанекъ. Манугиной очень понравился этотъ разсказъ. Она говорила:

— Душа ваша, милая Шанечка, мѣняла личины свои по своей прихотливой волѣ, мѣняла и будетъ мѣнять. И для васъ радостна эта легкая игра, это восхитительное созиданіе все новыхъ и новыхъ образовъ. Впрочемъ, и всѣ мы всегда носимъ маску. Никто не видитъ нашего настоящаго лица. Нашего лика мы никому не показываемъ и не можемъ показать. Мы иногда и сами его не знаемъ. Но маски наши мы хотимъ носить такъ, чтобы онѣ, скрывая внѣшнее нашей души, всю случайную накипь настроеній этого дня, обнажали то, что живетъ въ душѣ, чего, можетъ быть, я и сама не знаю. И нагота человѣческаго тѣла —лучшая и таинственнѣйшая изъ человѣческихъ личинъ, и лучше всего объясняетъ мою душу и другимъ, и мнѣ.

— Развѣ тѣло не обманываетъ?—спрашивала Шаня.—Развѣ нѣтъ красивыхъ змѣй?

— Нѣтъ, Шаня,—говорила Манугина,—нагое тѣло обманывать не можетъ. Порокъ души скажется и въ тѣлѣ. Нагое тѣло никогда не лжетъ тому, для кого внятенъ языкъ тѣла. Не лгутъ и другія личины, если человѣкъ умѣетъ ихъ выбирать и носить.

— Какъ же маска откроетъ мою душу?—спросила Шаня.

— Въ жестѣ и въ танцѣ, и совершеннѣе всего—въ движеніяхъ нагого тѣла. Чистое движеніе, это и есть языкъ души. Движенія тѣла, закутаннаго одеждою, это все равно, что рѣчь того человѣка, у котораго завязанъ ротъ. Душа выражется не въ чертахъ лица, не въ очертаніяхъ всей фигуры, а только въ движеніи. Черты лица, это—геометрія, отвлеченная схема; это для души то же, что карта для страны. Если вы знаете только карту Франціи, то вы еще не знаете самой Франціи. Если вы захотите узнать ее, вы должны познакомиться съ ея динамикою, съ ея голосами, цвѣтами и запахами. Говоръ француженки вамъ дастъ лучшее представленіе о Франціи, чѣмъ ея географическая карта.

Шаня призадумалась. Потомъ, огда Манугина замолчала, Шаня сказала:

— Вотъ вы, Ирина Алексѣевна, говорите,—для кого внятенъ языкъ тѣла, тому этотъ языкъ не солжетъ. Я и прежде это чувствовала, но не понимала этого, пока отъ васъ не услышала, а теперь какъ-то вдругъ поняла. Теперь я поняла, что тамъ, въ Сарыни, когда мы съ Евгеніемъ ловили раковъ въ рѣкѣ и потомъ онъ въ моей лодкѣ сидѣлъ съ обнаженными ногами, его слишкомъ бѣлыя и медленныя ноги говорили мнѣ, что онъ меня любитъ, но боится любви. А теперь безпокойные жесты его слишкомъ мягкихъ рукъ мнѣ говорятъ, что онъ слабъ для дѣйствительной любви и что я должна взять его сама.

Манугина выслушала ее, улыбаясь. И радостно, и печально было ей слушать эту ѣвушку, для которой пока всякій языкъ говоритъ о любви. Она грустно думала:

«А мы, уставшіе любить? Уже не жадные къ жизни? О чемъ намъ говоритъ языкъ обнаженнаго тѣла? Не о совершенствѣ-ли красоты, уводящемъ отъ жизни? Не объ искусствѣ-ли, которое подобно смерти? Не о томъ-ли, что и самая жизнь дана всѣмъ намъ только какъ матеріалъ для созиданія высокихъ образовъ?»

И разсѣянно говорила она:

— Да, Шаня, у тѣла есть свой языкъ и есть свой ритмъ. Бьется сердце, дышитъ грудь,—пока живу, вся въ трепетномъ ритмѣ.

Шаня посмотрѣла на нее внимательно, почувствовала ея грусть, но причины этой грусти не поняла. И спросила:

— Если вы, Ирина Алексѣевна, такъ любите танецъ, то почему же вы не поступили въ балетъ?

Манугина невесело засмѣялась. Сказала:

— У меня больше способностей къ драмѣ. Я люблю говорить, люблю ритмъ рѣчи моей сочетать съ ритмомъ движеній моихъ и чужихъ. А современнаго балета я не люблю. Все нелѣпо въ немъ, въ этомъ ложномъ, неестественномъ видѣ искусства. Условность его далеко выходитъ за предѣлы необходимой для театральнаго искусства условности.

— Красиво,—нерѣшительно сказала Шаня.

— И лживо,—оживленно говорила Манугина.—Трико, юбочки—все выдаетъ себя не за то, что есть. Трико даетъ видимость нагого тѣла,—гладкая, сладкая, розовая поверхность.

— Не похоже на скучную жизнь,—сказала Шаня,—и тѣмъ хорошо.

— Нѣтъ, Шаня,—возражала Манугина,—къ сожалѣнію, похоже. По существу похоже. То же лицемѣріе и тотъ же обманъ, какъ и въ жизни. Какъ на жизни нашей, такъ и на современномъ балетѣ лежитъ печать неизгладимой банальности. Если бы онъ былъ не похожъ на жизнь, это было бы хорошо. Но онъ не выше, не совершеннѣе жизни, а еще ниже нея.

— Какъ же танцовать?—спросилъ Шаня.—Развѣ только въ театрѣ мы хотимъ видѣть танецъ? Вѣдь, мы и сами хотимъ танцовать. Чтобы самой было весело и чтобы мой милый радовался. Какъ пляшутъ деревенскія дѣвицы въ хороводѣ. Можетъ быть, такъ, какъ эта милая плясунья на этой гравюрѣ.

Шаня смотрѣла на висѣвшее на стѣнѣ изображеніе Айседоры Дунканъ. Тогда Манугина съ одушевленіемъ принялась разсказывать о ней Шанѣ. Говорила съ восторгомъ:

— Танцы Дунканъ—для меня откровеніе. Я обожаю Айседору Дунканъ.

Слушала Шаня, заражалась ея восторгомъ. Хотѣла приблизиться, принять больше, усвоить. Часто повторяла, цѣлуя прекрасное лицо и тонкія руки Манугиной:

— Какъ радостно мнѣ все это, что вы говорите!

Манугину трогала Шанина страстность и эта милая открытость Шаниной души всему, что говорила ей Манугина, всему, что Манугиной было дорого.

Манугина охотно учила Шаню танцамъ. Хотѣла давать ей уроки даромъ, но Шаня увѣрила ее, что ей будетъ удобнѣе платить. Шаня говорила:

— Иначе дядя будетъ подозрѣвать что-то неладное и не отпуститъ, пожалуй, иной разъ. А если я буду брать у него деньги на уроки, то у меня будетъ возможность чаще уходить изъ дому и днемъ какъ будто на урокъ. А вы знаете, какъ для меня это важно.

Шаня уже съ самаго начала откровенно разсказывала Манугиной о своихъ отношеніяхъ къ Евгенію, дѣлилась съ нею всѣми своими радостями и печалями, какъ бы-

вало прежде съ Дунечкою. Только на Дунечку она смотрѣла сверху внизъ, подчиняла ее себѣ, а Манугина была первая въ Шаниной жизни женщина, передъ которою она искренно и свободно преклонилась.

Вечеромъ, наканунѣ того дня, когда Шаня пошла наниматься швеею къ Хмаровымъ, она пошла къ Манугиной и разсказала ей свой замыселъ; показала написанный Юліей аттестатъ. Манугина весело смѣялась и подбадривала Шаню.

— Скучна жизнь безъ авантюръ и мистификацій,—говорила она.

Давала Шанѣ совѣты, какъ держать себя въ домѣ Хмаровыхъ. Научила ее словечкамъ и манерамъ крутогорской швеи. Вмѣстѣ съ Шанею обдумала, какъ ей слѣдуетъ одѣваться, чтобы смахивать на швейку, которая сама себѣ мастеритъ наряды.

— Вообще-то, Шанечка, лгать и обманывать не слѣдуетъ,—говорила Манугина,—но въ дѣлахъ любви упраздняется мораль. Съ геніемъ Рода не заспоришь. Воля его сильнѣе всѣхъ людскихъ нормъ, а ложь, продиктованная любовью, правдивѣе всякой иной земной правды.

Манугина заботилась и вообще о Шанином туалетѣ. Подъ ея руководствомъ Шаня сшила себѣ нѣсколько стильныхъ костюмовъ и туникъ; туники сшила сама, платья заказывала у той же портнихи, которая шила здѣсь для Манугиной.

Танцовала на ея урокахъ Шаня въ туникѣ, но чаще нагая.

Шаня была не единственною ученицею Манугиной. На урокахъ Шаня часто встрѣчала Марусю Каракову. Это была очень богатая купеческая дѣвица, красивая, соблазнительно-пышная, бѣлотѣлая, со щеками, рдѣвшими, какъ піоны, вся напоенная знойнымъ соблазномъ. На Марусю глядя, даже и женщины соблазнялись и начинали улыбаться и краснѣть.

У Маруси Караковой было множество ухажнвателей. Каждому казалось, что Маруся поощряетъ его ухаживанія, каждый сватался—и каждый получалъ отказъ.

Маруся Каракова старательно холила свое бѣлое тѣло. Оно было ей драгоцѣнно. Потому и замужъ не торопилась,—боялась увяданія, утраты дѣвственной чистоты формъ. Кромѣ того, Маруся презирала мужчинъ, ухаживающихъ за богатыми дѣвушками. Въ лѣнивомъ тѣлѣ Маруси Караковой жилъ острый и мечтательный умъ. Она была влюблена въ плѣнительный образъ, созданный ея мечтою, образъ, въ которомъ сочетались яркія черты героевъ изъ прочитанныхъ ею романовъ и разрозненныя черты благородства и доблести, которыя порою проносились передъ ея глазами въ жизни.

Танцами Маруся Каракова хотѣла спастись отъ излишней полноты и потому танцовала очень усердно.

У Манугиной Шаня знакомилась со многими интересными людьми.

Вообще, въ Крутогорскѣ Шаня узнала не мало людей и многому отъ многихъ научилась.

ГЛАВА XXVI.

Шаня дома, готовясь къ урокамъ у Манугиной, находила время усердно танцовать. Танцовала въ своей комнатѣ, если дядя Жгловъ былъ дома, или въ гостиной, если онъ былъ въ конторѣ. Она ничего не умѣла дѣлать на-половину и, за что бралась, дѣлала съ увлеченіемъ. Юліи нравились эти ея танцы, и она подолгу смотрѣла на нихъ, любуясь.

Однажды дядя Жгловъ, удивившись слышнымъ сквозь потолокъ въ его конторѣ быстрымъ, ритмичнымъ и мягкимъ шагамъ чьихъ-то легко-пляшущихъ ногъ, поднялся въ квартиру посмотрѣть, кто это пляшетъ. Но такъ ужъ и зналъ, что это Шаня ша-

литъ,—Юлія не посмѣла бы прыгать надъ головою отца. И точно,—Жгловъ увидѣлъ пляшущую Шаню въ алой туникѣ, босую. Посмотрѣлъ угрюмо, подумалъ, усмѣхнулся и сказалъ:

— Экономно. Не много матеріи надо. И для здоровья не вредно.

Шаня такъ увлеклась своимъ танцемъ, что и не видѣла дяди, хотя испуганная Юлія усердно дѣлала ей знаки. Только тогда, когда дядя Жгловъ заговорилъ, Шаня остановилась. Она засмѣялась и сказала:

— Ну, дядя, это вовсе не для экономіи.

— А для чего же?—спросилъ дядя Жгловъ.

Юлія, видя, что отецъ не сердится, осмѣлѣла и сказала:

— Это очень красиво, папочка.

— Почаще такъ ходи, Шанька,—рѣшилъ дядя Жгловъ.—Да и Юліи такую сшей. Это мнѣ выгоднѣе.

— Смотрите, дядя, мы и на такихъ костюмахъ сумѣемъ разорить васъ,—весело сказала Шаня.

На дворѣ дома дяди Жглова была своя баня. Это напоминало Шанѣ Сарынь и радовало очень.

Въ декабрѣ, въ субботу, какъ всегда, топили баню. Какъ все въ домѣ дяди Жглова, и банный обрядъ совершался торжественно и чинно.

Сначала, въ седьмомъ часу вечера, отправился самъ дядя Жгловъ. Пробылъ въ банѣ долго,—любилъ париться. Дѣвицы ждали. Дядя Жгловъ вернулся и сѣлъ въ столовой пить старый арбузный медъ съ гвоздикою и чай съ имбирнымъ вареньемъ и ѣсть макъ-сбоину для пріятнаго сна и домашнія оладьи. Красный и взъерошенный, онъ былъ угрюмо-доволенъ и любовался мрачною, солидною обстановкою своей столовой.

Тогда Шаня и Юлія отправились въ баню; какъ и осенью хаживали онѣ въ баню босыя, такъ и теперь пошли, снявши обувь дома. Такъ дядя Жгловъ съ дѣтства пріучилъ Юлію. Онъ и самъ купался въ рѣкѣ, пока она не замерзнетъ. А Шаня и дома любила побѣгать по снѣгу босикомъ.

Вечеръ былъ тихій, звѣздный, морозный. Снѣгъ на дворѣ лежалъ бѣлый, такой хрупкій, забавно-холодный и нѣжный. Его леденящія прикосновенія къ быстро-бѣгущимъ нагимъ стопамъ заставляли все тѣло вздрагивать. Было весело и холодно, и такъ радостно и мило краснѣли бѣгущія по неширокому двору ноги.

Съ громкимъ смѣхомъ вбѣжали дѣвушки въ переднюю баню. Проворно раздѣлись. Имъ было безпричинно смѣшно. Радовалъ переходъ отъ сухого мороза къ влажному теплу и уютъ этого замкнутаго покоя.

Но вотъ заплескались о нагія тѣла теплыя и холодныя струи, и тогда въ этомъ нагрѣтомъ и грѣшномъ воздухѣ, гдѣ пахло влажными банными листьями, Шанѣ стало томно и стыдно. Нагота ихъ тѣлъ, эта полезная для омовенія и стыдливо сокрытая отъ чужихъ взоровъ нагота сегодня раздражала и соблазняла Шаню. Казалось почему-то, что изъ-подъ полка смотритъ на нее кто-то сѣрый, влюбленный, липкій и поганый; казалось, что въ парной полумглѣ блестятъ красные глаза, смѣются синія губы распяленнаго рта и лязгаютъ зеленые зубы гнусной твари. Стыдъ, подымаясь отъ мокраго, скользкаго досчатаго пола, вился около заалѣвшихся Шаниныхъ колѣнъ, томилъ и дразнилъ, и былъ сладокъ. Жутко возрастало желаніе отдаться тому, кто придетъ и возьметъ, кто бы онъ ни былъ: Евгеній или гнусный юноша.

Миленькая Юлія была сегодня слишкомъ весела, можетъ быть, потому, что ея провизоръ, аккуратный и бережливый молодой человѣкъ, накопилъ уже порядочно денегъ и началъ присматривать себѣ аптекарскій магазинъ; тѣ, которые передавались, были для него еще слишкомъ дороги, но все-таки надежды возрастали. И вотъ Юлія неумолчно болтала о своемъ провизорѣ, плескалась водою на Шаню, похлопывала, пощипывала ее. И отъ этихъ шалостей, и отъ этой болтовни вожделѣнія еще больнѣе и неотступнѣе мучили Шаню. Мечтался образъ Евгенія. Его глаза мерещились,—смѣялись, дразнили и жгли. И рядомъ съ нимъ по мокрому полу стлался гнусный образъ зеленолицаго, синегубаго юноши.

Охваченная порывомъ внезапной страстности, Шаня обняла Юлію. Прижималась къ ней. Дико хохотала. Щекотала и цѣловала Юлію, цѣловала ея миленькое лицо и руки, и все ея тѣло, бѣлое, стройное, сильное тѣло молодой и здоровой дѣвушки.

Юлія сначала смѣялась и весело отвѣчала на Шанины ласки. Потомъ ихъ порывистость и страстность вдругъ встревожили ее.

— Что ты, Шанечка?—испуганно спросила она.

Шаня опустилась на мокрыя, теплыя доски пола, обхватила колѣни Юліи, прильнула къ нимъ головою, такъ что ея распущенныя косы обвились вокругъ нихъ, и затихла.

— Что съ тобою, Шанечка?—спрашивала Юлія, склонившись къ ней.

Шаня вдругъ заплакала. Говорила, горько плача:

— Ахъ, Юлія, все еще далекъ день моего счастія! Такъ тяжело, такъ трудно ждать!

Евгеній и Шаня по-прежнему встрѣчались въ гостиницахъ, но уже теперь, когда Шаня могла каждый день видѣть Евгенія, обстановка этихъ встрѣчъ ее менѣе раздражала.

Иногда въ началѣ зимы встрѣчались на каткѣ въ Лѣтнемъ саду. Это было мѣсто, гдѣ зимою собиралась молодежь хорошаго общества. Здѣсь играла музыка, по вечерамъ зажигалось электричество въ разноцвѣтныхъ фонарикахъ и время отъ времени устраивались состязанія на призы. Сравнительно высокая входная и абонементная плата ограждала этотъ хорошо устроенный катокъ отъ вторженія демократическаго элемента; для людей побѣднѣе были катки подешевле и попроще.

Шанѣ здѣсь очень нравилось; она даже познакомилась здѣсь кое съ кѣмъ изъ молодежи. Но послѣ разговора съ Варварою Кирилловною Шаня перестала ходить на катокъ Лѣтняго сада.

Шаня пришла въ гостиницу «Неаполь», у Турьихъ воротъ. Ея платье было очень красиво,—Манугина обдумала его покрой. Но этотъ нарядъ Евгенію не понравился. Онъ сказалъ, презрительно оглядѣвъ Шаню съ головы до ногъ:

— Съ чего это ты вздумала нарядиться такъ странно?

— Тебѣ развѣ не нравится?—съ удивленіемъ спросила Шаня.

— Совсѣмъ не нравится,—сердито сказала Евгеній.—Увѣряю тебя, что это никому не можетъ понравиться.

У него было такое выраженіе лица, точно Шаня кровно обидѣла его.

— Почему, Женечка?—спрашивала Шаня.

Такъ обидно ей стало. Она такъ старалась, такъ любовались и она, и Манугина этимъ платьемъ, такъ шла его золотисто-желтая ткань къ Шанину лицу,— вдругъ Женечкѣ не нравится!

Евгеній досадливо говорилъ:

— Но это не въ модѣ,—такъ не носятъ. Ты не имѣешь ни малѣйшаго понятія о томъ, какая теперь мода. Здѣсь не Сарынь, чтобы носить платья, которыя уже лѣтъ пять, какъ вышли изъ моды.

Мода! Вотъ противное слово, презирать которое научила Шаню Манугина. И Шаня бурно разсердилась. Кричала:

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до моды! Выдумки парижскихъ портнихъ мнѣ вовсе не интересны. А ты ничего не понимаешь. Тебѣ нравится только банальное. У тебя совершенно нѣтъ вкуса.

Евгеній побагровѣлъ отъ злости. Онъ свирѣпо закричалъ:

— Это у меня-то нѣтъ вкуса! Ну, ужъ это слишкомъ! Это просто дерзость. Послѣ этого я не желаю съ тобою разговаривать. Оставайся со своимъ мѣщанскимъ вкусомъ, а меня оставь въ покоѣ.

Евгеній принялся натягивать перчатки, дѣлая видъ, что собирается уходить. Онъ былъ увѣренъ, что Шаня испугается и станетъ просить прощенія. И точно—Шаня испугалась. Начала ласкаться къ Евгенію. Кое-какъ нѣжными словами успокоила его. И потомъ осторожно и ласково:

— А это платье, Женечка, ты напрасно похаялъ. Право, напрасно. Ты въ него не вглядѣлся хорошенько. Это платье Манугиной очень нравится.

— Манугиной?—спросилъ Евгеній.

Евгенію льстило, что Шаня знакома съ извѣстною въ городѣ актрисою. Имя Манугиной было для него ручательствомъ, что это хорошо. Теперь онъ внимательнѣе присмотрѣлся къ Шанину платью и вдругъ увидѣлъ его въ новомъ свѣтѣ. Вѣдь, онъ привыкъ мѣнять свои мнѣнія, когда этого требовалъ признаваемый имъ авторитетъ; актриса же Манугина была безспорнымъ авторитетомъ въ области дамскаго наряда.

Евгеній сказалъ нерѣшительно:

— Да, пожалуй, если позабыть, что это не модно, то, конечно, это не дурно. Къ тебѣ, Шанечка, идетъ,—и это главное. Впрочемъ, ты, Шаня, такая красавица, что къ тебѣ все идетъ.

Шаня вдругъ вспомнила красные глаза и гнилые зубы гнуснаго конторщика, который сегодня утромъ опять сумѣлъ-таки приклеить Шанинъ взоръ къ своему противному, змѣиному сверканію гноящихся глазъ. Вотъ, посмотрѣлъ гнусъ, и она опять поддалась, взглянула,—и вотъ, такъ и вышло: Женечкѣ ея платье не понравилось, она сама не сдержалась, сказала Женечкѣ дерзость, обидѣла его. Шанѣ стало грустно. Она слегка поблѣднѣла, вздохнула легонько, сейчасъ же испугалась,— Евгеній не любитъ вздоховъ и кислыхъ физіономій,—и сказала:

— Слушай, Женя, я сегодня видѣла сонъ.

— Весьма интересно!—иронически процѣдилъ сквозь зубы Евгеній.

— Правда, точно пророческій,—говорила Шаня.—Вотъ я тебѣ разскажу.

— Глупости,—пробормоталъ Евгеній.

Его уже начинала раздражать легкая тѣнь печали на Шаниномъ лицѣ.

— Нѣтъ, ты послушай,—говорила Шаня.—Это очень интересно. Будто мы съ тобою гуляемъ въ такомъ большомъ, прекрасномъ саду. Вездѣ цвѣты, цвѣты.

— Удивительно, въ саду цвѣты, а не рѣпа!—насмѣшливо говорилъ Евгеній.

Шаня слегка покраснѣла, смущенно улыбнулась и продолжала:

— И мы цѣлуемся такъ нѣжно и такъ сладко, какъ будто моя душа переливается въ тебя и твоя въ меня. И вдругъ приходитъ царевна въ золотой діадемѣ и въ красной порфирѣ. Въ рукѣ у нея золотая лилія, на ногахъ у нея золотые башмаки, а на плечѣ

у нея сидитъ золотая змѣйка-скоропейка. Лицо у царевны бѣлое, красивое, но страшное, злое, такое гордое, и глаза горятъ зеленымъ огнемъ. Мнѣ сразу стало страшно. И вдругъ ты отходишь къ ней. И вы съ нею ушли по какой-то длинной золотой дорогѣ. А я бѣгу за тобою, и не догнать, запыхалась.

Шаня заплакала. Евгеній, чѣмъ-бы утѣшать Шаню, вдругъ разсердился. И даже обидѣлся. Закричалъ:

— Какъ тебѣ не стыдно, Шаня, вѣрить въ сны! Ты бы хоть послѣдила, сколько сновъ сбудется, и увидѣла бы, какой это вздоръ.

Шаня, плача, говорила:

— Что жъ такое! Ну, и пусть не всякій сонъ сбудется, пусть: я, можетъ быть, Бога успѣю умолить или послѣ хорошаго сна нехорошее согрѣшу.

Евгеній сердито ходилъ по комнатѣ и ворчалъ:

— Невѣжество! Предразсудки! Набита глупостями и невѣжествомъ, какъ гранитный камень.

Эти слова разсмѣшили Шаню. Смѣясь сквозь слезы и вытирая глаза тоненькимъ платочкомъ, отороченнымъ кружевцами и слегка надушеннымъ убигановскою цвѣтущею кобеею, она спросила:

— А ты что жъ, никакимъ примѣтамъ не вѣришь? Вѣдь, сны и всѣ указанія отъ Бога. И развѣ можетъ въ душѣ человѣка быть что-нибудь такъ—ни съ того, ни съ сего? Вотъ, остаешься одна сама съ собою, отдѣляешься отъ всего внѣшняго міра, и видишь сонъ, и такъ глубоко его переживаешь, просыпаешься взволнованная, и все это ни къ чему, такъ, пустяки? Не можетъ этого быть.

Злобно и насмѣшливо кривя губы и какъ-то тупо въ эту минуту ненавидя Шанинъ голосъ, Евгеній сказалъ:

— Доморощенная философія!

— Да какъ же ты живешь, если ты только въ своего Дарвина вѣришь?—спросила Шаня.

— У меня есть умственные и общественные интересы,—высокомѣрно говорилъ Евгеній.—Я не могу унизиться до языческихъ суевѣрій.

— Умственные и общественные интересы,—повторила Шаня задумчиво.

Въ раздумьи она покачала головою, усмѣхнулась и спросила:

— Въ чемъ же они состоятъ, эти твои интересы?

Евгеній взглянулъ на нее, презрительно усмѣхнулся и отвѣчалъ:

— Ну, этого ты не поймешь!

— А я хочу понять, и пойму,—упрямо сказала Шаня.—Читать по-печатному и я умѣю.

— Ну, этого мало,—важно сказалъ Евгеній.—Надо поучиться.

— И поучусь,—сказала Шаня.—И Дарвинъ, и Кантъ, и Марксъ, поди-ка, человѣческимъ языкомъ писали, а не ангельскимъ.

Евгеній наставительно сказалъ:

— Шанечка, тебѣ рано такія книги читать. Ты въ грамматикѣ не очень сильна, иногда въ буквѣ ѣ ошибаешься.

Шаня возражала:

— Нешто въ буквѣ ѣ дѣло?

— Ну, все-таки, знаешь-ли... И это что за слова—нешто, поди-ка! Что это за лексиконъ, которымъ ты пользуешься?

Шаня покраснѣла и говорила:

— Это—вздоръ, твоя грамотность. Вотъ Нагольскій въ буквѣ ѣ не ошибается, а имени Рабле не слыхивалъ, думаетъ,что это—нашъ современникъ.

— Онъ—не словесникъ,—досадливо говорилъ Евгеній.—У него совсѣмъ другая спеціальность. Ты бы съ нимъ въ области физико-математическихъ наукъ поговорила. Здѣсь онъ—широко образованный человѣкъ. Вообще, у тебя обо всемъ ужасно наивныя сужденія.

— Да и совсѣмъ я не такая неграмотная,—обиженнымъ тономъ говорила Шаня.—Я кое-что читала и все-таки, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, гимназію кончила.

— То-то вотъ, съ грѣхомъ пополамъ,—съ презрительною гримасою сказалъ Евгеній.—А читала ты что-же? Приключенія Рокамболя? Или «Петербургскія трущобы?

Книги, которыми самъ Евгеній въ гимназіи зачитывался. Тонъ его словъ показался Шанѣ такимъ обиднымъ,что она заплакала. Евгеній съ видомъ недоумѣнія пожалъ плечами. Не рѣшилъ еще, что лучше сдѣлать: прикрикнуть на Шаню построже или приласкать ее. Всхлипывая, Шаня говорила.

— И если хочешь знать, Женечка, я даже очень грамотна, я тебѣ ни одного обиднаго слова не скажу.

И тогда Евгенію стало неловко. Лаская Шаню, онъ смущенно говорилъ:

— Ну, ну, Шанечка, не надо плакать!

Шаня вытерла слезы, стараясь не вздохнуть, и все-таки нечаянно вздохнула, точно всхлипнула, и сказала:

— А дѣло все-таки не въ грамотности. А вотъ, что думаютъ всѣ эти умные и ученые господа, вотъ—что узнать надо. Вѣдь, не о буквѣ же ѣ?

ГЛАВА XXVII.

Шаня рѣшилась хоть отчасти усвоить себѣ эти умственные и общественные интересы, о которыхъ говорилъ ей Евгеній и которыми, повидимому, онъ такъ дорожилъ. Она начала серьезно заниматься своимъ образованіемъ. Опять набросилась на чтеніе. Говорила себѣ:

«Я непремѣнно должна стать рядомъ съ моимъ Евгеніемъ. Иначе ему со мною будетъ скучно. Не все же намъ говорить о любви да цѣловаться. Въ жизни все должно быть вмѣстѣ—и радость, и горе, и трудъ».

Шаня искала встрѣчъ и разговоровъ съ учащеюся молодежью, актерами, литераторами, молодыми учеными. Ласковая, живая, щедрая, она легко находила себѣ друзей и пріятельницъ: ее цѣнили и за то, что она была пріятна въ обхожденіи, и за то, что у нея всегда можно было перехватить денегъ.

Читала Шаня въ эти дни очень много и очень разныя книги: романы знаменитыхъ писателей, стихи, книги историческія, философскія и научныя, книги объ искусствѣ. Помогали ей въ выборѣ книгъ Манугина и приватъ-доцентъ Лѣсновъ, съ которымъ познакомила ее тоже Манугина. Какъ на качеляхъ, Шаня качалась между міровоззрѣніями матеріалистическими, идеалистическими и скептическими.

Когда уже очень трудно было Шанѣ разобраться въ сумятицѣ идей и образовъ, она шла въ одну изъ многочисленныхъ крутогорскихъ церквей и тамъ горячо молилась. Лампады и мерцающія свѣчи озаряли ея душу тихимъ свѣтомъ нездѣшняго утѣшенія, а кроткій взоръ Христа Распятаго говорилъ ей, что любви надлежитъ быть униженною и распятою и что душа, пострадавшая до конца, спасется. Въ этой земной области или въ иныхъ чертогахъ будетъ ликовать душа, страдающая нынѣ,—въ дому Единаго Сущаго обителей много.

Уже предчувствовала Шаня, что путь любви ея—стезя тернистая. Все внимательнѣе присматривалась къ Евгенію. Все настойчивѣе хотѣла понять его.

Вотъ онъ говоритъ о своихъ умственныхъ и общественныхъ интересахъ. Но что же его интересуетъ въ особенности? И самъ онъ,—что такое онъ? Что въ немъ отъ него самого и что наноснаго, чужого, что надо одолѣвать? И куда пойдетъ онъ, когда станетъ мужемъ и гражданиномъ? Туда-ли, гдѣ топаетъ ногами, перекосивъ свирѣпое лицо, яростная барыня Варвара, или туда, гдѣ бѣдная швея Лиза исколола иглою пальцы золотыхъ своихъ рукъ?

Казалось иногда Шанѣ, что въ Евгеніи живетъ двойная душа. Одинъ Евгеній—милый и любитъ ее. Другой, изъ породы Хмаровыхъ, далекъ отъ нея. Все Хмаровское въ Евгеніи было ненавистно Шанѣ,—его гордость, самоуваженіе, хвастовство, презрительность. И отчего же такъ сильно въ Евгеніи это Хмаровское? Но любовь сдѣлаетъ чудо,—вѣрила Шаня,—и преобразитъ его, изведетъ изъ его душевной глубины новаго человѣка?

Вспоминая, Шаня сравнивала тогдашняго Женю и теперешняго Евгенія. Иногда удивлялась тому, что онъ такъ мало измѣнился, а иногда объясняла это тѣмъ, что онъ и тогда былъ выше своихъ сверстниковъ.

Приходили къ Шанѣ и прежнія Шаньки,—по ночамъ, во снѣ, а иногда и днемъ мечтались. Глупыя Шаньки, беззаботныя, веселѣе смѣйтесь, утѣшайте бѣдную Шаню!

Когда Евгеній обижалъ Шаню, это было Хмаровское, чужое,—и Шаня терпѣливо сносила обиды. Думала, вотъ проснется въ Хмаровской оболочкѣ свѣтлый Евгеній—и опять Шанѣ будтеъ съ нимъ хорошо. А теперь надобно потерпѣть.

Шанино смиреніе, ласковыя Шанины улыбки только придавали Евгенію смѣлости. Онъ умножалъ свои грубости. Его раздражалъ громкій и веселый Шанинъ голосъ, бѣсили ея простоватыя словечки и слишкомъ живыя движенія. Онъ все рѣзче обрывалъ Шаню, все язвительнѣе смѣялся надъ нею. И вдругъ Шаня вспыхивала гнѣвомъ и начинала кричать на Евгенія.

Евгеній недоумѣвалъ. Пожималъ плечами и спрашивалъ съ удивленіемъ, хорошо сдѣланнымъ:

— Что ты, Шанечка? Изъ-за такого пустяка ты такъ сердишься!

— Тебѣ все пустяки,—съ горькимъ упрекомъ говорила Шаня.—Тебѣ и вся-то я пустякъ. Ты меня не любишь! Скажи мнѣ прямо, что ты меня разлюбилъ!

Евгеній ее кое-какъ успокаивалъ и увѣрялъ въ своей любви.

Потомъ Шаня, вспоминая, изъ-за чего они поссорились, что сердило Евгенія, упрекала себя за свой громкій голосъ, за свои привычки. Давала себѣ самой обѣщанія вести себя такъ, какъ нравится Евгенію, говорить потише, избѣгать рѣзкихъ движеній, не напѣвать простонародныхъ пѣсенекъ и не употреблять словъ не-книжной рѣчи. И такъ настойчиво слѣдила за собою, что мало-по-малу ей удавалось передѣлывать свои манеры. Уроки Манугиной также очень помогали ей въ этомъ.

Иногда Шаня принималась при Евгеніи издѣваться надъ Катею Рябовою:

— Красавица, нечего сказать! Умница!

Это сердило Евгенія. Его самолюбіе бывало больно поражено, когда Шаня позволяла себѣ порицать то, что имѣетъ отношеніе къ нему, Евгенію Хмарову. Вѣдь, все, относящееся къ Хмаровымъ, должно быть, несомнѣнно, перваго сорта. Евгеній съ досадою говорилъ:

— Вѣдь, ты же знаешь сама, Шаня, что я къ ней глубоко равнодушенъ и никогда на ней не женюсь.

И дома многое теперь сильно раздражало Евгенія. Вѣдь, онъ любилъ Шаню, хотя

и со свойственною ему вялостью чувства, но все же искренно. Притомъ же онъ привыкъ подчиняться чужому мнѣнію, если оно высказывалось авторитетно. И потому Шанины сужденія, которыя она высказывала всегда рѣзко и рѣшительно, ложились въ его душу, что-то колебали въ ней. Точно снопы яснаго свѣта ложились на домашнее—и оно тогда казалось затхлымъ, душнымъ, покрытымъ пылью ветхихъ, неумныхъ и недобрыхъ предразсудковъ. Да и въ университетѣ, хотя Евгеній и держался больше товарищей побогаче, все же демократическія идеи липли къ нему, какъ взвѣваемая вѣтромъ или носимая пчелами цвѣточная пыльца липнетъ къ рыльцу дальняго цвѣтка.

Когда ужъ очень становилось противно домашнее, Евгеній думалъ:

«А ну ее къ чорту, карьеру проклятую! Была бы только Шанька!»

И тогда онъ казался себѣ необычайно благороднымъ и великодушнымъ, даже до смѣшного, почти Донъ-Кихотомъ. И потомъ, встрѣчаясь съ Шаней, онъ говорилъ ей:

— Для тебя я всѣмъ въ жизни готовъ пожертвовать—и семьей, и карьерой, и всѣмъ.

И все же они нерѣдко ссорились, а иногда и расходились, не помирившись.

Евгеній во время ссоръ то горячился, кричалъ, топалъ ногами, то принималъ саркастическій видъ и говорилъ язвительныя слова. Особенно онъ любилъ упрекать Шаню ея мѣщанскимъ воспитаніемъ. Случалось иногда, что онъ толкнетъ, щипнетъ Шаню. На эти толчки и щипки Шаня ужъ и не обижалась, даже почти радовалась имъ: послѣ нихъ Евгенію было стыдно, и онъ становился очень нѣженъ.

Шаня, оставшись послѣ ссоры одна, иногда горько задумывалась. Спрашивала сама себя:

«Любитъ-ли онъ меня? Да и можетъ-ли онъ кого-нибудь любить? Какой-то онъ холодный и гордый, точно Печоринъ,—думала Шаня.—Володя, Володя, хоть бы ты научилъ его любить меня!»

Но, утѣшая, утѣшали мечты, создавая Шанѣ великолѣпные романы.

Шаня каждый разъ показывала Евгенію выученные ею танцы. Для этого, отправляясь въ гостиницу, брала съ собою костюмъ. Иногда во время танца она сбрасывала тунику и танцовала нагая.

Евгеній улыбался, и лицо у него было похотливое. Онъ старался скрыть свои вожделѣнія и дѣлалъ видъ эстетически любующагося красотою тѣла и танца. Это ему плохо удавалось. Въ первый же разъ Шаня замѣтила павіанье выраженіе его лица, и это ее не столько смутило, сколько испугало. Какъ будто мертвецъ показалъ ей вдругъ свое лицо, распаленное гнуснымъ тлѣніемъ могилы. Шаня поспѣшила кончить танецъ. Бросилась за ширму и торопливо одѣлась.

Вздрагивающимъ отъ волненія голосомъ Евгеній выражалъ свои эстетическіе восторги, а лицо его было смущенное, и щеки раскраснѣлись, и дрожащіе пальцы неловко пощипывали черные усики.

Дома, вспоминая похотливое лицо Евгенія, Шаня опять живо перечувствовала этотъ стыдъ и этотъ внезапный испугъ. Чего она испугалась—этого она еще и сама ясно не понимала, но ей больно и стыдно было вспоминать объ этомъ. Хотѣла пріискать какое-нибудь объясненіе или оправданіе, но всѣ мысли тонули въ быстромъ и знобкомъ смущеніи стыда.

На слѣдующій разъ ей не хотѣлось повторять это. Даже туники не принесла. Надѣялась, что Евгеній не напомнитъ о танцѣ, что языкъ его будетъ скованъ тѣмъ-же смущеніемъ стыда. Но Евгеній напомнилъ.

Онъ такъ былъ взволнованъ Шанинымъ танцемъ, что нѣсколько дней ходилъ самъ не свой и съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда опять увидитъ Шаню. И вотъ, однажды сдѣланное надобно было повторять. Евгеній упросилъ. Да и сама Шаня вдругъ подумала, что не повторить еще стыднѣе: выдетъ, какъ будто она тогда сдѣлала недолжное и теперь устыдилась. Въ Шаниной душѣ загорѣлась яркая жажда невозмутимой побѣды. Она проворно раздѣлась, перевязала сорочку лентою и танцовала.

Потомъ Евгеній каждый разъ, когда Шанѣ танцовать не хотѣлось, упрашивалъ ее, принимался самъ раздѣвать ее и капризничалъ и злился, если она не соглашалась. Приходилось каждый разъ уступать ему.

ГЛАВА XXVIII.

Опять сонъ разстроилъ Шаню. Она была не въ духѣ. Комната въ отелѣ «Венеція» была сегодня ей особенно противна, и вино было кислое, и фрукты невкусные, и Шаня думала сердито:

«Гнусу бы въ такихъ комнатахъ своихъ любовниковъ принимать».

Шаня слушала разсѣянно, что говорилъ Евгеній. А ему хотѣлось развлечь ее, чтобы она поскорѣе развеселилась и показала ему опять свой танецъ,—танецъ и себя. Чѣмъ же? Конечно, разсказами о себѣ, о своихъ дѣлахъ и встрѣчахъ.

Евгеній разсказывалъ все это съ очень большимъ количествомъ самыхъ мелкихъ подробностей: все, относящееся къ нему самому, всегда казалось ему значительнымъ и интереснымъ. Онъ сталъ уже обижаться и сердиться на то, что Шаня проявляетъ очень мало интереса къ его рѣчамъ. Думалъ сердито:

«Плохое воспитаніе сказывается. Даже со мною не умѣетъ быть любезною».

Лицо его становилось обиженнымъ, какъ у ребенка, и онъ уже нервно покручивалъ черные усики.

Наконецъ, Евгеній упомянулъ въ разговорѣ имя Нагольскаго. Шаня вспыхнула, вскочила съ мѣста и горячо заговорила;

— О, этотъ вашъ Нагольскій! Видѣть его наглую физіономію противно, слушать о немъ гадко!

— Что съ тобою?—съ удивленіемъ спросилъ Евгеній.

Шаня продолжала, сверкая быстрыми глазами, хмуря черныя брови:

— Нагольскій! Рабочихъ обсчитываетъ, казну обворовываетъ, съ подрядчиковъ беретъ взятки, строитъ непрочно и дорого. Разбогатѣть поскорѣе хочетъ.

Евгеній, досадливо краснѣя, говорилъ:

— Какъ можно это говорить! Никто этого не видѣлъ. Кого онъ тамъ обсчитывалъ! Что за вздоръ! Этакъ и всякаго можно оклеветать. Нельзя же подбирать всякую грязь на улицѣ. Это недостойно порядочного человѣка. Да и что значитъ—казну обворовываетъ?

— Казенныя деньги въ свой карманъ тайкомъ таскать, вотъ что это значитъ,—пояснила Шаня и захохотала.

Евгеній презрительно фыркнулъ. Развалясь въ обитомъ краснымъ, потертымъ, съ грязными пятнами, бархатномъ креслѣ, точь въ точь, какъ Варвара Кирилловна, когда она нанимала швею Лизавету, Евгеній говорилъ циничнымъ тономъ, заимствованнымъ у того же Нагольскаго:

— Казна! Скажите, пожалуйста! Кто же изъ нея не тащитъ! Она для того и существуетъ, чтобы платить. Мы не въ святые записались, чтобы благодѣтельствовать

казнѣ. И что такое казна? Тамъ, если я не ошибаюсь, довольно много денегъ, на всѣхъ хватитъ.

Евгеній самодовольно засмѣялся.

— Деньги-то это чужія,—съ тихою злостью сказала Шаня.

Тонъ Евгенія, этотъ «Хмаровскій» наглый тонъ, больно поражалъ и сердилъ ее.

— Дурацкая философія!—уже раздражаясь, говорилъ Евгеній.—Почему же эти деньги чужія, если онѣ лежатъ въ моемъ карманѣ? Вѣдь, не изъ чужого кошелька онѣ вытащены,—онѣ выданы изъ казначейства съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей.. Попробуй-ка ты украсть, какъ ты выражаешься, сама увидишь, что это совсѣмъ не такъ просто.

— Что и говорить,—сказала Шаня,—воровать не всякій сумѣетъ. Нагольскаго на это взять.

— И, наконецъ,—досадливо краснѣя, говорилъ Евгеній,—прошу тебя, Шаня, не забывать, что Нагольскій, каковъ бы онъ ни былъ, нашъ будущій родственникъ, и я прошу тебя выражаться осторожнѣе. Это даже неделикатно съ твоей стороны и не дѣлаетъ чести твоему воспитанію, если ты позволяешь себѣ такъ отзываться о нашемъ будущемъ родственникѣ.

— Жаль мнѣ тебя, Женечка,—насмѣшливо сказала Шаня.

Блѣднѣя отъ злости, но стараясь сдержаться, Евгеній спросилъ голосомъ, который ему казался ледянымъ, но былъ просто злой:

— Почему же тебѣ меня жаль?

Съ тѣмъ внѣшнимъ спокойствіемъ, которое иногда овладѣвало Шанею, когда она была очень зла или когда ей было очень трудно, Шаня отвѣчала:

— Потому и жаль, что ты обзаводишься такою роднею.

— Ну, знаешь,—высокомѣрно сказалъ Евгеній,—ужъ если мы, Хмаровы, принимаемъ Нагольскаго въ нашу семью, то этимъ все сказано!

— Что сказано-то?—презрительно спросила Шаня.

— А то, что, значитъ, мы не вѣримъ всѣмъ этимъ гнусностямъ о немъ.

— Напрасно не вѣрите. Не хочется вамъ вѣрить,—рѣзко сказала Шаня.

Евгеній покраснѣлъ. Онъ горячо говорилъ, волнуясь и дрожа:

— Да, не вѣримъ, потому что не имѣемъ основанія и не имѣемъ права этимъ гнусностямъ вѣрить.

Дрожащею рукою онъ налилъ въ свой стаканъ бѣлаго вина и сразу выпилъ цѣлый стаканъ. Шаня подумала:

«Охота глотать такую кислятину!»

Она сказала сердито:

— Всѣ знаютъ объ его дѣлахъ. Всѣ, кого ни спроси.

— Мы живемъ не въ разбойническомъ государствѣ,—говорилъ Евгеній.—Если бы Нагольскій былъ такимъ, какъ ты его изображаешь, то что же дремлетъ правосудіе?

Онъ посмотрѣлъ на Шаню побѣдоносно. Шаня спокойно отвѣтила:

— Правосудіе всегда дремлетъ. У него на глазахъ повязка. А вотъ почему люди не тянутъ этого господина въ судъ,—это ужъ у нихъ надобно спросить.

Евгеній убѣждающимъ тономъ заговорилъ:

— Пойми, что никому изъ порядочнаго общества не льстило бы родство или даже простое знакомство съ уличеннымъ воромъ.

— То-то вотъ, съ уличеннымъ. А пока не поймапъ—не воръ? Такъ, что-ли?—спрашивала Шаня.

— Ну, это у тебя прямо психопатія какая-то, —сердито отмахнувшись отъ Шани рукою, сказалъ Евгеній.

Онъ неровною походкою, притоптывая каблуками, заходилъ по рыжему, пыльному ковру. Шаня стояла у окна—ей противно было сѣсть на кресло или на диванъ—и невесело смотрѣла на Евгенія. Онъ остановился передъ Шанею и заговорилъ тономъ наставника:

— Человѣкъ, себя уважающій, никогда не позволитъ себѣ обвинять другихъ безъ достаточныхъ...

Шаня перебила его.

— Да развѣ можно себя уважать!—запальчиво крикнула она.

— Отчего же нельзя?—съ удивленіемъ спросилъ Евгеній, пожимая плечами.

— Себя!—говорила Шаня.—Себя уважать! Да, вѣдь, себя такъ хорошо знаешь, и сколько гадостей сдѣлалъ—и уважать! Какія зеленыя глупости!

Евгеній возразилъ съ достоинствомъ:

— Ты забываешь, что не всѣ способны дѣлать гадости.

— Ну, это надо подъ стекляннымъ колпакомъ жить, чтобы ничего худого не дѣлать,—спокойно возразила Шаня.—Уважаютъ только чужихъ, далекихъ.

— А отца, мать?

— Вздоръ какой!—рѣшительно сказала Шаня.—Отца, мать нельзя уважать, ихъ можно только почитать. Уважать ихъ иногда и не за что,—обыкновенные, слабые люди,—а все-таки къ нимъ совсѣмъ особенное чувство.

Евгеній пожалъ плечами, презрительно усмѣхнулся и высокомѣрно сказалъ:

— Я положительно не понимаю, какъ же можно не уважать себя. Это значитъ —совсѣмъ потерять чувство собственнаго достоинства! Только низкіе люди себя не уважаютъ.

Шаня досадливо спросила:

— Да зачѣмъ же надобно себя уважать? Жалованья, что-ли, больше дадутъ?

— Да, и жалованья больше дадутъ,—упрямо и тупо спорилъ Евгеній.

— Ну,—недовѣрчиво протянула Шаня, призадумалась было, да вдругъ захохотала.—Вотъ развѣ что такъ! Ну, вотъ ты себя и уважай, какъ на службу поступишь, а мнѣ жалованья не надобно.

Евгеній спросилъ съ обидою въ звукѣ голоса:

— Ты, Шаня, и меня не уважаешь?

Шаня пылко воскликнула:

— Ты—мой богъ, я тебя обожаю. Я готова пожертвовать для тебя всѣмъ, отдать тебѣ всю мою жизнь, всю кровь мою по капелькѣ для тебя изъ моего тѣла выточить. Коврикомъ подъ твоими ногами разостлаться готова,—наступи на мои плечи, топчи меня своими ногами.

Въ страстномъ порывѣ Шаня бросилась на колѣни передъ Евгеніемъ и склонилась головою къ его ногамъ. Евгеній досадливо поморщился. Сказалъ:

— Ну, зачѣмъ эти излишества! Было бы гораздо лучше, если бы ты со мною поменьше спорила и побольше вѣрила бы мнѣ.

— Я тебѣ вѣрю,—говорила Шаня, прижимаясь къ нему нѣжно,—но въ тебѣ много чужого, во что ты самъ не вѣришь, отъ чего ты самъ откажешься. Вѣдь, ты и самъ видишь, что это за люди—Нагольскіе и Рябовы. Не равняешь же ты себя съ какимъ-нибудь Нагольскимъ!

Евгеній самодовольно усмѣхнулся. Мысль, что онъ гораздо выше Нагольскаго,

который всегда подавлялъ его своею развязностью и самоувѣренностью, была пріятна ему. Онъ сказалъ:

— Я съ тобою отчасти согласенъ, Шаня, но, живя въ свѣтѣ, надо кое на что закрывать глаза. Марія привыкла жить сравнительно широко. Нагольскій ей нравится, у него всегда будутъ деньги, онъ очень ловокъ. А у насъ такъ много расходовъ.

Шаня сказала съ дѣтскою важностью:

— Надобно сберегать что-нибудь на черный день.

Евгеній возразилъ съ гримасою презрѣнія:

— Это—такое мѣщанство: копѣечку къ копѣечкѣ прикладывать. Пусть этимъ твой отецъ занимается, а мы, Хмаровы, къ этому не привыкли.

ГЛАВА XXIX.

Однажды вечеромъ, послѣ театра, Евгеній съ товарищами былъ въ ресторанѣ. Заняли отдѣльный кабинетъ. Въ ожиданіи заказаннаго ужина пили водку и закусывали.

Въ сосѣднемъ кабинетѣ ужинали Манугина, Зина Анилина со своимъ Крахмальчикомъ, Маруся Каракова, нѣсколько актеровъ и два мѣстныхъ литератора. Манугина сегодня играла въ непріятной для нея піесѣ и, хотя премьера и она сама имѣли большой успѣхъ у публики, все же настроеніе Манугиной было подавленное. Она говорила:

— Мнѣ было бы пріятнѣе, если бы меня освистали за участіе въ этомъ балаганѣ. Но нашей ужасной публикѣ вотъ именно это и надо.

Настроеніе Манугиной передавалось и ея собесѣдникамъ. Бесѣда плохо клеилась.

Разговоръ студентовъ за стѣною становился все болѣе шумнымъ. Манугина вслушалась и вдругъ сказала:

— Тихо! Будемъ подслушивать. Я слышала сейчасъ тамъ за стѣною знакомое имя и хочу послушать, въ чемъ дѣло.

— Подло,—сказалъ молодой актеръ Крахмальчикъ.—Дурная русская привычка—подслушивать.

Онъ уже давно не былъ основательно пьянъ, не билъ свою Зину, и потому чувствовалъ себя необычайно благороднымъ. Поглядывая украдкой въ исчерченное множествомъ царапинъ зеркало, онъ думалъ, что сегодня онъ похожъ на молодого испанскаго гранда, и жалѣлъ, что не носитъ усовъ и эспаньолки.

Маруся Каракова поглядѣла на него, усмѣхнулась и сказала:

— Неблагородно, но зато интересно.

Зина Анилина молчала, сидя на диванѣ у той стѣны, за которою слышались голоса студентовъ, смѣялась беззвучно и поблескивала злыми глазками. Она всегда подслушивала разговоры Крахмальчика съ дамами и теперь уже начинала подслушивать, не дожидаясь общаго согласія.

Немножко, для вида, поспорили и согласились. Только актеръ Бенгальскій, дюжій молодецъ, ворчалъ:

— Ничего нѣтъ хуже—чужого секрета. Знаешь, а сказать никому нельзя.

— Студентики собрались,—шепталъ Крахмальчикъ.—По тембру голоса слышно, что все отборные бѣлоподкладочники, реакціонный и несимпатичный элементъ.

Актеръ Крахмальчикъ никогда не упускалъ случая показать, что онъ имѣетъ вполнѣ опредѣленныя убѣжденія.

Изъ-за дверей доносился чей-то сюсюкающій, хвастливый голосъ:

— Вчера мы здорово выпили съ княземъ Борькой и съ барономъ Сашкой. И Фогельшнель съ нами былъ. Очень было весело.

— Что это за птица—Фогельшнель?—спрашивалъ Нагольскій.

— О, передъ нимъ блестящая карьера!—завистливо отвѣчалъ чей-то молодой голосъ.

— А сегодня онъ будетъ?—спросилъ кто-то.

— Обѣщалъ,—отвѣчалъ тотъ же завистливый голосъ.

— А съ кѣмъ онъ теперь въ связи?

— У него теперь Дина Митъ изъ «Олимпіи».

— Невредная дѣвочка.

— Съ большимъ шикомъ.

Послышался хвастливый голосъ Евгенія:

— Ну, что Дина Митъ! Вотъ моя Шаня,—отдай все, да и мало.

— Откуда?

— Мѣщаночка одна, изъ Сарыни. Влюблена въ меня, какъ кошка, а хороша,—куда до нея Динѣ Митъ! Масса природнаго вкуса, изящества, граціи, сложена, какъ Венера, а танцуетъ, какъ вакханка. У Манугиной уроки беретъ исключительно съ тою цѣлью, чтобы для меня танцовать.

И полился ликующій разсказъ, прерываемый возгласами пріятелей—то недовѣрчивыми, то завистливыми, то насмѣшливыми.

Евгеній и теперь, какъ въ гимназіи, любилъ поговорить съ товарищами о своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Онъ не стѣснялся разсказывать и о Шанѣ. Не мало привиралъ при этомъ. Не разъ и прежде онъ, особенно за попойками въ ресторанахъ, хвастался передъ своими товарищами Шанею, ея красотою, оригинальностью, остротою всѣхъ ея воспріятій и проявленій, но болѣе всего этого—стройностью и прелестью ея дѣвственнаго тѣла. Съ какимъ-то скотскимъ удовольствіемъ разсказывалъ онъ своимъ пьянымъ собутыльникамъ объ ея маленькихъ, интимныхъ примѣтахъ. Не говорилъ прямо, но намекалъ на то, что ихъ отношенія зашли ужъ далеко.

Кто-то спросилъ пьянымъ голосомъ:

— Послушай, Евгеній, ты ее очень любишь?

Евгеній отвѣчалъ внушительно:

— Человѣкъ нашего вѣка долженъ удѣлять любви меньше времени, чѣмъ надѣванію перчатокъ.

Упившійся молодой человѣкъ тянулъ:

— Нѣтъ, я только хочу констатировать фактъ. Любишь или не любишь—и больше ничего.

— Ты, Евгеній, намъ ее, конечно, покажешь?—спросилъ кто-то наглымъ голосомъ.—Какъ она танцуетъ-то?

Хохотали. Евгеній говорилъ:

— Ну, что-жъ, это можно устроить. Только я долженъ, предупредить, что она пока очень стыдлива, дичокъ еще.

— Ничего, можно такъ, что она и не узнаетъ,—посовѣтовалъ Нагольскій.

— А по-моему, все или ничего!—провозгласилъ упившійся молодой человѣкъ.

— Бѣдная моя Шанечка,—тихо сказала Манугина,—нашла, въ кого влюбиться! Она за него душу готова отдать, а онъ объ ней говоритъ въ пьяной компаніи. И какъ говоритъ, низкій человѣкъ!

— Съ пьяныхъ глазъ,—презрительно оттопыривая губу, сказалъ Крахмальчикъ,—

похвастать захотѣлось мальчику. Ну, что жъ! Дѣлаетъ ей рекламу. Впослѣдствіи ей пригодится,—дорога извѣстная.

— Нѣтъ, Марсъ-Райскій, вы ошибаетесь,—сказала Манугина,—моей Шанечкѣ такая реклама не нужна.

— Но почему же не нужна?—возразилъ Крахмальчикъ.—Свободная по убѣжденіямъ своимъ женщина въ наши дни кѣмъ же еще можетъ быть, какъ не гетерою?

— Она хочетъ любить одного,—сказала Манугина.

— Ну, этимъ всѣ начинаютъ!—пренебрежительно сказалъ Крахмальчикъ.

Зина Анилина молчала, блестѣла злыми глазами и съ наслажденіемъ прислушивалась къ болтовнѣ Евгенія. Бенгальскій становился все мрачнѣе.

— Прохвостъ!—сказалъ онъ сквозь зубы.

Тяжело поднялся и направился къ заставленной столикомъ двери въ сосѣдній кабинетъ. Манугина смотрѣла на него, улыбаясь. Но видя, что онъ уже поднялъ кулакъ, чтобы стукнуть въ дверь, она сказала:

— Бенгальскій, лучше бы обойтись безъ скандала.

— Надо проучить молодчика,—сказалъ Бенгальскій.—Но вы правы. Не надо вмѣшивать васъ въ эту исторію. Я обойду изъ корридора.

Бенгальскій вышелъ. Зина Анилина затрепетала отъ восторга, сѣла на столикъ и прильнула ухомъ къ двери, чтобы не пропустить ни одного звука. Крахмальчикъ пожималъ плечами и ворчалъ:

— Чисто русскій способъ разрѣшенія инцидентовъ.

Черезъ минуту въ сосѣднемъ кабинетѣ стало вдругъ тихо, и только слышался мѣрный, глубокій голосъ Бенгальскаго:

— Вы, господинъ студентикъ, поговорите лучше о чемъ-нибудь другомъ; ваши розсказни слышны въ сосѣднихъ кабинетахъ, а ваши сосѣди не желаютъ слушать гнусностей о вашей невѣстѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нашей компаніи съ нею хорошо знакомы. Если я сегодня еще разъ услышу имя вашей невѣсты, то вы будете имѣть дѣло со мною, а это для васъ едва-ли будетъ пріятно.

Бенгальскій повернулся и вышелъ. Онъ славился въ городѣ своею колоссальною силою и рѣшительностью своего характера, и потому никто не возразилъ ему ни слова. И уже только тогда, когда онъ ушелъ, молодые люди очнулись и зашипѣли.

— Ужасно несимпатичная физіономія,—сказалъ упившійся молодой человѣкъ.

— Объ него не стоитъ пачкать рукъ,—сказалъ Евгеній дрожащимъ голосомъ, но такъ, чтобы его словъ не было слышно за стѣною.

— Да, эта дрянь не стоитъ дворянскаго плевка,—сказалъ и Нагольскій съ такою же осторожностью.

— Нѣтъ, ему это надо припомнить,—сказалъ студентъ съ птичьимъ и писклывымъ голосомъ.—Онъ, вообще, слишкомъ многое себѣ позволяетъ.

ГЛАВА XXX.

Рябовы были талантливые сплетники и столь-же талантливые собиратели сплетенъ. Притомъ же у нихъ было большое знакомство въ городѣ. Удивленные и обезпокоенные тѣмъ, что Евгеній въ послѣднее время сталъ какъ-то слишкомъ нервенъ и безпокоенъ, бывалъ очень неровенъ съ Катею и даже, видимо, избѣгалъ частыхъ встрѣчъ съ нею, они принялись слѣдить за нимъ. Скоро они узнали, что Евгеній часто встрѣчается съ какою-то дѣвицею въ разныхъ гостиницахъ.

Преждевременной тревоги Рябовы не подняли. Они выслѣдили Шаню, узнали,

кто она и гдѣ живетъ, и какъ она ходитъ подъ чужимъ именемъ къ Хмаровымъ, и еще многія иныя подробности, и, наконецъ, рѣшились открыть глаза Варварѣ Кирилловнѣ.

Рябовы хотѣли было держать это въ тайнѣ отъ Кати, но дочка оказалась въ родителей и узнала часть секрета. Тогда ужъ сказали ей все, но запретили говорить объ этомъ съ Евгеніемъ.

Однажды вечеромъ, когда Хмаровы были у Рябовыхъ, Наталья Александровна отозвала Варвару Кирилловну въ кабинетъ къ своему мужу. Тамъ она и Евдокимъ Степановичъ Рябовъ, горячась и перебивая другъ друга, разсказали ей, что швея Лизавета совсѣмъ не Лизавета, а та самая Александра Самсонова, которая была знакома съ Евгеніемъ еще въ Сарыни.

Варвара Кирилловна была ошеломлена этимъ открытіемъ. Какъ всегда, свое огорченіе она выразила въ формахъ преувеличенныхъ и неестественныхъ. Рыдая театрально и закатывая глаза подъ лобъ, она разыграла патетическую сцену. Рябовы утѣшали ее и соболѣзновали. Но подъ ихъ утѣшеніями сквозило злорадство:

— Вы такъ добры и довѣрчивы.

— Съ этими людьми нельзя такъ, имъ нельзя вѣрить ни на грошъ!

— Но она принесла мнѣ аттестатъ отъ генеральши Страховой,—говорила Варвара Кирилловна.

— Надо было справиться у генеральши.

Варвара Кирилловна восклицала:

— Могла ли я думать, что за мою доброту и великодушіе мнѣ такъ отплатятъ! Такою низостью! Такою черною неблагодарностью!

Условились Евгенію пока ничего не говорить. Только позвали Марію, чтобы дать ей необходимыя указанія относительно того, какъ держать себя пока съ братомъ и съ этою ужасною особою. А вмѣстѣ съ Маріею пришла и Катя: вѣдь, она уже знала, о чемъ говорятъ въ отцовомъ кабинетѣ. Евгеній былъ сегодня съ нею любезенъ, но она чувствовала его скрытую холодность, и ей было больно, что во весь вечеръ онъ ни разу не пошутилъ съ нею.

Увидя входящихъ барышенъ, Варвара Кирилловна ахнула, схватилась за сердце, вскочила съ кресла, пошатнулась, опять сѣла и, собравъ такими штуками на себѣ общее вниманіе, воскликнула трагическимъ голосомъ:

— Бѣдныя мои дѣвочки! Если бы вы знали, какое горе, какой стыдъ!

— Я уже знаю,—тоненькимъ голоскомъ сказала Катя и заплакала.

— Мама, ради Бога, что случилось?—спрашивала Марія съ видомъ испуганной.

Разсказали и ей.

Марія, подражая матери, плакала и ломала руки, и повторяла:

— Какой ужасъ! Какой ужасъ!

Потомъ она обняла Катю и нѣжно цѣловала ее. Катя плакала, закрывая лицо платочкомъ въ сложенныхъ горсточкою рукахъ, и говорила:

— Я ему все прощу, все прощу, только бы онъ меня не оставилъ, только бы онъ ко мнѣ вернулся, только бы онъ прогналъ эту ужасную дѣвушку. Она ему не пара. Онъ съ нею не будетъ счастливъ. Если бы она была изъ нашего круга, я бы сама благословила ихъ любовь и ушла бы въ монастырь. Но я не хочу отдать его дѣвушкѣ низкаго происхожденія, обманщицѣ.

— Ангелъ! Золотое сердце!—восклицали Варвара Кирилловна и Марія.

Наталья Александровна, тронутая словами дочери, заплакала, а Евдокимъ Степановичъ тяжело запыхтѣлъ и грузно отошелъ въ сторону, показывая дамамъ покраснѣвшую толстую шею.

Варвара Кирилловна изливалась въ жалобахъ и въ плаксивыхъ стенаніяхъ.

— Это—горе всей семьи.

Потомъ, забывши всѣ свои дворянскіе этикеты, принималась бранить Шаню самыми грубыми словами. Рябовы—папа и мама—отъ нея не отставали. Катя стукнула кулачкомъ по столу и воскликнула, рыдая:

— Я бы ее на кусочки разорвала, эту низкую обманщицу!

Наконецъ, кое-какъ успокоились, обмыли заплаканные глаза и вышли къ гостямъ, весело щебеча: вѣдь, надобно было, чтобы Евгеній пока ничего не зналъ.

На другой день утромъ Шаня вошла въ комнату, гдѣ она шила. Тамъ сидѣла у окна Варвара Кирилловна. Она ничего не дѣлала, и усиленно заботилась лишь о томъ, чтобы сохранить на своемъ угрюмомъ лицѣ наиболѣе свирѣпое выраженіе. И отъ того, что она сидѣла здѣсь, въ этой и безъ того маленькой комнатѣ стало тѣсно, душно и неудобно. Шанѣ вспомнился тяжелый сонъ, приснившійся ей нынче, и стало скучно и тоскливо. Вспомнилась почему-то Володина могила, и словно кто-то безпощадный сказалъ ей:

— Вѣдь, я же умеръ!

И кто-то издѣвающійся прибавилъ:

— А ты что за барыня!

Горничная Дарья, проходя порою мимо барыни, трепетала; она служила недавно и еще не надумалась требовать разсчета. Изъ гостиной слышался чей-то тихій говоръ,— Марія разговаривала со своимъ двоюроднымъ братомъ Алексѣемъ, пятнадцатилѣтнимъ гимназистомъ, сыномъ Аполлинарія Григорьевича.

Шаня взглянула на Варвару Кирилловну и сразу почувствовала что-то неладное. Если бы въ кухнѣ—швеѣ Лизаветѣ велѣно было ходить по черному ходу, черезъ кухню—Шаня обратила вниманіе на язвительную улыбку горничной Дарьи, она еще и тогда поняла-бы, что готовится что-то. Но этого она не замѣтила. Шаня же и всегда, приходя къ Хмаровымъ, бывала немножко взволнована и смущена радостью возможнаго свиданія съ Евгеніемъ, и успокаивалась, только усѣвшись за шитье.

Величественно и строго встрѣтила ее Варвара Кирилловна,—встала, выпрямилась, какъ жрица передъ торжественнымъ жертвоприношеніемъ, закинула голову назадъ.

«Точно сглазить хочетъ!»—подумала Шаня.

Она поклонилась,—Варвара Кирилловна не отвѣтила на ея поклонъ. Повернулась къ ней спиною съ преувеличенною грубостью и спросила горничную Дарью, выглядывавшую изъ дверей буфетной:

— Молодой баринъ дома?

— Ушли-съ, съ полчаса какъ ушли-съ,—отвѣчала Дарья, дѣлая видъ, что убираетъ что-то въ буфетной.

Шаня подошла къ своему столику и собиралась было приняться за работу. Столикъ сегодня стоялъ не на мѣстѣ, и полотно на немъ было необычно тяжелое. Едва только Шаня взяла его въ руки, какъ послышались тяжелые шаги. Шаня подняла голову, увидѣла надвигающуюся на нее грозную фигуру и невольно дрогнула отъ вдругъ раздавшагося крика.

— Что это значитъ?—накинулась Варвара Кирилловна на Шаню.—Какъ ты осмѣлилась втереться въ нашъ домъ подъ чужимъ именемъ? Гдѣ у тебя стыдъ? гдѣ совѣсть?

— Въ чемъ дѣло?—спросила Шаня, усмѣхаясь.

Ясно было, что ея настоящее имя открыто, и, какъ всегда въ трудныя минуты, Ша-

ня почувствовала себя спокойною. Съ холоднымъ любопытствомъ, какъ посторонняя зрительница, смотрѣла она на покраснѣвшее отъ злости лицо Варвары Кирилловны, на ея быстро двигавшіяся и кривившіяся тонкія губы, въ углахъ которыхъ забавно вскакивали сѣроватые пузырьки пѣны.

Варвара Кирилловна кричала:

— И ты еще имѣешь наглость спрашивать? Ты воображала, что безъ конца можешь очки мнѣ втирать, что этотъ маскарадъ такъ и пройдетъ для тебя безнаказанно? Нѣтъ, голубушка, маска съ тебя сорвана. Ты еще въ Сарыни вѣшалась на шею моему сыну. Ты и здѣсь хочешь повто́рить ту же исторію: пользуясь его добротою и мягкимъ характеромъ, хочешь приворожить его къ себѣ. Но ты ошибаешься. Тебѣ не удастся выйти замужъ за моего сына. Моему сыну не надо такой шлюхи! Онъ слишкомъ гордъ для этого!

Шаня пыталась сказать что-нибудь,—Варвара Кирилловна кричала все громче, сыпала упреки и угрозы. Кричала, наступая на Шаню:

— Кто я, а кто ты? Да знаешь ли ты? Знаешь ли ты, что я съ тобою могу сдѣлать? Знаешь ты, какъ поступаютъ съ такими потаскушками?

Сыпались язвительныя, грубыя слова.

— Отчего вы не скажете мнѣ этого при вашемъ сынѣ?—крикнула Шаня.

— А,—завопила Варвара Кирилловна,—ты, тварь поганая, хочешь, чтобы сынъ за тебя заступался, чтобы онъ пошелъ противъ матери! Ты хочешь поссорить сына съ матерью! Отъ такой подлой дѣвки, какъ ты, только этого и можно было ждать!

— Спросите Евгенія, онъ скажетъ вамъ, что я его невѣста,—сказала Шаня.

Варвара Кирилловна кричала:

— У него есть настоящая невѣста, онъ ее любитъ, и она его, а съ тобою онъ только забавляется, какъ съ уличною тварью.

— Вы ошибаетесь,—спокойно сказала Шаня.

Но опять кричала Варвара Кирилловна:

— Онъ не станетъ портить свою карьеру, связавшись съ такою дрянью, съ такимъ ничтожествомъ! И какъ ты могла подумать, что такой изящный, благовоспитанный молодой человѣкъ, генеральскій сынъ, польстится на какую-то грубую мужичку, на дочь какого-то торгаша!

Шаня хотѣла было уйти, но Варвара Кирилловна загородила выходъ въ буфетную. Шаня повернула въ другую сторону, намѣреваясь пройти черезъ столовую или черезъ гостиную. Но Варвара Кирилловна съ бѣшеными криками забѣжала впередъ, ухватила Шаню цѣпкими руками за рукавъ и не выпустила Шаню, пока не излаяла до обиды и до слезъ.

Изъ дверей буфетной выглядывали лакей, кухарка, горничная. Они смѣялись и вставляли грубыя замѣчанія. Сами не разъ оскорбляемые этою взбалмошною барынею, всячески злословящіе ее въ своихъ бесѣдахъ, они теперь разжигали въ себѣ безсмысленную жестокость и, вѣрныя чада толпы, искренно сочувствовали той, которая обижала.

Въ гостиной сидѣли и съ удовольствіемъ слушали Марія и Алексѣй. Перешептывались, заглядывали украдкою въ дверь, и по ихъ лицамъ было видно, что этотъ безобразный скандалъ доставляетъ имъ большое удовольствіе. Когда Варвара Кирилловна загибала слишкомъ крѣпкое выраженіе, щеки Маріи слабо вспыхивали, и губы складывались въ жестокую усмѣшку, и ея лицо становилось совсѣмъ некрасивымъ и злымъ. Алексѣй хихикалъ и смотрѣлъ глазами наблудившаго щенка. Слова, которыя

нельзя произносить въ порядочномъ обществѣ, потому что стыдно, тѣшили теперь ихъ слухъ, потому что отъ нихъ должно было быть больно чьей-то душѣ.

Наконецъ, Шаня, выведенная изъ терпѣнія, ярко раскраснѣвшаяся, обливаясь слезами, закричала:

— Не смѣйте говорить мнѣ такихъ словъ! Вы своего сына не уважаете, если мнѣ говорите слова, которыя повторить стыдно. Вы—барыня, пожилая женщина, постыдитесь вашихъ слугъ, которые слушаютъ васъ. Перестаньте глумиться надо мною. Отпустите меня сейчасъ же, иначе я разобью стекла въ окнахъ вашей гостиной и позову прохожихъ на помощь.

Варвара Кирилловна, не ожидавшая такой внезапной вспышки, сначала старалась перекричать Шаню, прыгала передъ нею, дергала ее за рукава и визжала:

— Молчать! Какъ ты смѣешь кричать въ моемъ домѣ! Молчать!

Но, услышавъ Шанину угрозу выбить стекла и вынести скандалъ на улицу и всмотрѣвшись, наконецъ, въ засверкавшіе отъ злости Шанины глаза, свирѣпая барыня испугалась. Ей показалось вдругъ, что Шаня можетъ ее ударить. Она выпустила Шаню изъ своихъ рукъ, отскочила отъ нея къ дверямъ гостиной и величественно, показывая пальцемъ на дверь буфетной, закричала:

— Вонъ! Чтобы нога твоя никогда не переступала нашъ порогъ.

Потомъ, обернувшись къ дверямъ буфетной, Варвара Кирилловна закричала:

— Дарья!

Горничная выбѣжала впередъ, угодливо и подло ухмыляясь. Варвара Кирилловна кричала ей уже хриплымъ отъ натуги голосомъ:

— Выведи эту нахалку! И впередъ не пускать ее и на порогъ.

Горничная подошла, глупо ухмыляясь, къ Шанѣ и протянула руку, чтобы взять Шаню за рукавъ. Шаня оттолкнула Дарью и быстро побѣжала черезъ буфетную и по корридору.

Приставленная въ полутемномъ корридорѣ къ стѣнѣ половая щетка попалась Шанѣ подъ ноги, своею длинною палкою ударила ее по плечу, и Шаня, споткнувшись, едва удержалась, чтобы не упасть. Въ это время Дарья шмыгнула мимо Шани, прижимаясь къ другой стѣнѣ, обогнала Шаню и побѣжала передъ нею въ кухню, громко топая по полу громадными въ стоптанныхъ туфляхъ ступнями. Широко распахнула передъ Шанею выходную дверь.

Шаня выбѣжала черезъ ворота на улицу. Было стыдно и досадно, и какъ-то странно радостно послѣ этого гама и грубой брани очутиться на улицѣ, среди бодраго движенія и шума, и вздохнуть холоднымъ воздухомъ, въ которомъ уже растворено предчувствіе близкой весны. Шанины щеки пылали, и передъ глазами съ еще необсохшими отъ слезъ рѣсницами все казалось плывущимъ въ красноватомъ туманѣ. И вдругъ Шанѣ стало неудержимо смѣшно.

Шаня пошла къ Манугиной и не застала ея дома: актриса была въ театрѣ на репетиціи. Домой возвращаться сейчасъ не хотѣлось, чтобы не попасться на глаза дядѣ: тогда пришлось бы объяснять, почему такъ рано возвращается съ урока.

Хотѣла было Шаня зайти къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, да сообразила, что въ этотъ ранній часъ врядъ-ли кого удастся ей застать. Шаня зашла въ музей, въ книжный магазинъ, сдѣлала еще кое-какія покупки и, наконецъ, вернулась домой, даже не глядя на часы. Чувствовала, что надобно непремѣнно разсказать кому-то о томъ, что съ нею случилось.

Она пришла домой необычно рано. Юлія удивилась. Шаня сказала растерянно:

— Можешь себѣ представить, Юлія,—выгнали.

Юлія всплеснула руками. Воскликнула:

— Шанечка, да что ты! Что ты говоришь!

Шаня начала разсказывать. Засмѣялась, заплакала. Юлія бросилась обнимать ее, цѣловать и утѣшать, но уже опять Шаня смѣялась. Разсказала о своемъ изгнаніи весело, въ лицахъ. Юлія слушала и ахала. А Шаня, разсказавши, уже была утѣшена. Говорила:

— Знаешь, Юлія, я и рада. Что хорошаго было! Точно ходила воровать. А теперь, по крайней мѣрѣ, дѣло на чистоту.

— Они теперь тебѣ мстить станутъ,—опасливо сказала Юлія.—Папѣ нажалуются или твоему отцу напишутъ.

— Боюсь я очень!—досадливо сказала Шаня.—Пускай говорятъ, кому хотятъ, имъ же хуже, надъ ними же смѣяться всѣ въ городѣ будутъ.

— Достанется тебѣ,—говорила Юлія.

— И пусть достанется,—отвѣчала Шаня, упрямо хмуря свои тяжелыя брови.— За каждую лишнюю минутку, чтобы на милаго взглянуть, я все вынести готова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ѳедоръ Сологубъ.

СОНЕТЪ.

Въ моемъ лицѣ ты не ищи веселья:
Мои глаза встрѣчали смерти взоръ:
Кто видѣлъ разъ послѣдній съ жизнью споръ,
Тому весь міръ—лишь временная келья.

Прошли года, но помню и досель я
Раскрытый ротъ, застывшій крикъ, укоръ,—
Укоръ, мой сонъ тревожащій съ тѣхъ поръ,—
И мысль о тьмѣ, и ужасъ подземелья...

И днемъ, когда въ цѣлительныхъ лучахъ
Душа ослѣпнетъ и сольется съ тѣломъ,
Вдругъ тѣнь мелькнетъ въ сознаньи опустѣломъ,
И крикъ—застывшій крикъ—встаетъ въ ушахъ.

Какъ жить самой? Тамъ кто-то не живетъ.
Здѣсь кто-то и сейчасъ на вѣкъ уйдетъ.

Л. Вилькина.

ОДИНОЧЕСТВО.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Когда Павла Павловича Валежникова покинула жена, онъ подалъ въ отставку, бросилъ городскую квартиру, болѣе громоздкія вещи продалъ, а все необходимое и все, что принадлежало «Клавденькѣ», перевезъ на окраину города въ собственный деревянный домикъ, доставшійся ему отъ покойной матери.

Здѣсь Валежниковъ рѣшилъ зажить вдали отъ городской сутолоки, отъ крикливыхъ интересовъ повседневной жизни, а, главное, вдали отъ любознательныхъ, назойливыхъ, сочувствующихъ, безпокойныхъ и нелѣпыхъ друзей.

Павелъ Павловичъ переѣхалъ въ осенній, теплый, полусолнечный день. Къ вечеру самое главное было уже сдѣлано: вещи разставлены, комнаты убраны, печка вытоплена и окна занавѣшены.

Въ хлопотахъ день пробѣжалъ скоро, и лишь съ наступленіемъ сумерекъ, когда укладчики, получивъ разсчетъ и на чай, укатили въ городъ, Валежниковъ впервые ощутилъ нѣмую безжизненную тишину и то пустынное, огромное, глухое одиночество, къ которому онъ такъ стремился въ послѣднее время.

Это одиночество долженъ былъ раздѣлить съ Валежниковымъ его старый, вѣрный, понятливый пудель—единственное живое существо во всемъ домѣ.

Вечеромъ погода испортилась. На улицѣ передъ окнами зашатались полуобнаженные тополи и зашуршалъ вѣтеръ сухими листьями.

Валежниковъ зажегъ въ столовой висячую лампу, накормилъ пса, самъ перекусилъ и, неслышно ступая по толстымъ мягкимъ коврамъ, вышелъ въ боковую комнату, предназначенную для кабинета и спальни, освѣтилъ ее двумя свѣчами, досталъ съ этажерки тетрадь въ черной клеенчатой обложкѣ, сѣлъ за письменный столъ и мелкимъ, тонкимъ, женскимъ почеркомъ исписалъ цѣлую страницу. Потомъ онъ внимательно перечиталъ написанное, рукой провелъ по влажнымъ глазамъ, вздохнулъ, нагнулся къ пуделю, растянувшемуся на коврѣ, нѣжно погладилъ черную, круто-завитую шерсть собаки и спросилъ:

— Цезарь, гулять хочешь?

Пудель забавно на бокъ склонилъ голову, чуть-чуть приподнялъ правое ухо, выразительно посмотрѣлъ прямо въ глаза Валежникову, вскочилъ, зачихалъ, запрыгалъ и завертѣлся на одномъ мѣстѣ.

— Хорошо, хорошо. Не нервничай, сейчасъ идемъ.

Въ десятомъ часу въ домикѣ уже погасли огни. На дворѣ скулилъ вѣтеръ, а съ темнаго, невидимаго, осенняго неба мягко и рѣдко слетали, кружась, легкія, одинокія пушинки перваго снѣга и бѣлыми точками ложились на черную остуженную землю.

II.

На другой день Павелъ Павловичъ проснулся рано, затопилъ печь, вскипятилъ самоваръ, напился чаю, а потомъ сѣлъ за письменный столъ. Здѣсь онъ замѣтилъ оставленную на столѣ тетрадь съ исписанной имъ вчера страницей и сталъ читать.

«Моя мечта,—читалъ Валежниковъ,—сбылась: я ушелъ изъ жизни во имя моей большой, близкой, многогранной печали. Здѣсь никто не прикоснется къ ней. Съ сегодняшняго дня я обвѣю тишиной и одиночествомъ мою тоску по тебѣ, моя дорогая, и одинъ буду пить сладкій ядъ воспоминаній. Отнынѣ мой домъ—обитель живой неугасимой печали, и здѣсь я буду молиться тебѣ, моя Клавденька... тебѣ и мукамъ моимъ»...

Дальше Валежниковъ не сталъ читать: ему стало стыдно, и онъ густо покраснѣлъ.

«Сентиментально и глупо»,—отчеканилъ онъ въ умѣ своемъ и аккуратно вырвалъ страницу, скомкалъ и бросилъ въ печку.

И долго послѣ того шагалъ Павелъ Павловичъ взадъ и впередъ по небольшой квадратной комнатѣ, пока случайно не увидѣлъ себя въ зеркалѣ.

Валежниковъ остановился, выпрямился и сосредоточенно сталъ себя осматривать.

Въ зеркальной дверцѣ бѣльевого шкафа четко отражалась во весь ростъ сухая, длинная, костлявая фигура Валежникова.

Привычнымъ движеніемъ руки онъ откинулъ упавшіе на уши длинныя мягкія пряди русыхъ волосъ, и тогда онъ увидалъ лицо свое, продолговатое, сухощавое, небритое, съ сухими, лихорадочно поблескивающими глазами. Сѣрое лѣтнее пальто просторно висѣло на немъ, и весь онъ, сутулый, тощій и безкровный, имѣлъ видъ человѣка, только что вышедшаго изъ больницы.

Павелъ Павловичъ тонкими костлявыми пальцами раздвинулъ широкіе густые усы, криво улыбнулся и хотѣлъ было сбросить съ себя пальто, замѣнявшее ему халатъ, чтобы пойти умыться; но въ это время изъ сѣней донесся злобный, торопливый лай Цезаря и незнакомый женскій голосъ.

— Цыцъ, окаянный!—кричалъ этотъ женскій голосъ.—Только посмѣй укусить, арапъ проклятый! Такъ тебѣ зонтикомъ глаза и выколю, паршивый...

Валежниковъ бросился вонъ изъ комнаты, застегивая на ходу пальто и лѣвой рукой закрывая открытую шею.

— Что такое?.. Цезарь, пшелъ на мѣсто! Войдите. Не бойтесь: онъ не кусается...

Въ комнату вошла дама высокаго роста, въ длинномъ до полу манто цвѣта бордо, украшенномъ двумя рядами свѣтлыхъ большихъ перламутровыхъ пуговицъ.

— Чѣмъ могу служить?—сурово спросилъ Валежниковъ, но тутъ же устыдился собственной невѣжливости и добавилъ, смягчивъ тонъ:—садитесь, прошу васъ.

— Merci. А я, сосѣдушка, зашла къ вамъ поругаться,—начала безъ всякихъ предисловій незнакомая дама.—Вѣдь, это возмутительно. Вашъ песъ чуть было на части не разорвалъ мою киску. Десять лѣтъ живетъ у меня эта кошка. Кроткая, тихая, мухи не обидитъ. И вдругъ этотъ вашъ лохматый чортъ... Вы простите меня: я люблю сказать, такъ ужъ сказать...

Дама перевела духъ, откашлялась и продолжала:

— Я—вдова Антонова. Живу вотъ здѣсь, рядышкомъ. Мой домишка за вашимъ плетнемъ. Меня зовутъ Софья Николаевна.

Дама протянула Валежникову руку въ черной лайковой перчаткѣ съ починенными пальцами.

Съ трудомъ сдерживая накипавшую досаду, Валежниковъ отвѣтилъ слабымъ пожатіемъ и невнятно пробормоталъ свою фамилію.

— Ну, вотъ, теперь мы знакомы,—сказала громкимъ, сочнымъ, сытымъ голосомъ Антонова.—И прошу васъ, сосѣдушка, держать собаку на привязи, или поднять заборъ, или надѣть ей намордникъ. А иначе буду съ вами ругаться. Ужъ вы меня извините: люблю сказать, такъ ужъ сказать.

— Непремѣнно исполню ваше требованіе,—съ явнымъ раздраженіемъ проговорилъ Павелъ Павловичъ и нервно передернулъ плечами.—Непремѣнно исполню,—повторилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ.

Антонова осталась довольна.

— Вы надолго сюда? Вамъ не будетъ здѣсь скучно? Вѣдь, вы, кажется, женаты? Дѣтей нѣтъ у васъ?..

— Послушайте, госпожа Антонова, что вамъ, собственно, отъ меня надобно? На какомъ основаніи ворвались вы ко мнѣ и пристаете съ глупыми разспросами? Убирайтесь, ради Бога, къ чорту...

Все это произнесъ Валежниковъ про себя, мысленно, а вслухъ онъ сказалъ:

— Простите, пожалуйста. Я хотѣлъ умыться. Я еще не умывался. А мой песъ, будьте покойны, не тронетъ вашей кошки. Я его одного выпускать больше не стану. Извините...

Антонова вдругъ почувствовала, что краснѣетъ, и поднялась съ мѣста, а когда взглянула на изможденное, запущенное и злое лицо Валежникова и поймала его недовольный взглядъ, хотя онъ, изъ вѣжливости, и кривилъ ротъ въ улыбку,—она поняла, что поступила нетактично, и вся залилась стыдомъ. И когда Софья Николаевна встала, она показалась Валежникову ниже ростомъ.

— Простите, я помѣшала... Пожалуйста... До свиданія...

Все это она пролепетала уже на ходу, стараясь скорѣе выбраться изъ чужихъ стѣнъ.

Павелъ Павловичъ, проводивъ Антонову, постоялъ немного, прислушался, словно боялся возвращенія непрошенной гостьи, облегченно вздохнулъ и отправился на кухню умываться.

III.

Начался день, холодный, пасмурный, унылый день. Сквозь потныя окна глядѣла осенняя сѣрая муть, и сумерки прятались по угламъ небольшихъ комнатъ, теплыхъ и уютно обставленныхъ самимъ Валежниковымъ.

Въ десятомъ часу постучался мальчикъ изъ лавки съ корзиной на головѣ. Павелъ Павловичъ принялъ провизію, провѣрилъ счетъ и отправился на кухню стряпать обѣдъ.

Валежникову это дѣло было хорошо знакомо. Когда онъ былъ холостымъ, онъ жилъ въ центрѣ города, снималъ неболшую квартирку въ четыре комнаты съ кухней и велъ хозяйство самолично, безъ помощи мужской или женской прислуги. Самъ готовилъ нехитрый, но вкусный и свѣжій обѣдъ, самъ убиралъ и мылъ посуду. Въ комнатахъ всегда было опрятно и свѣтло. Никогда у него не коптѣли лампы, и ни одна картина не висѣла криво.

Валежниковъ любилъ свою одинокую жизнь, дорожилъ независимостью и, казалось, не мечталъ о семейной жизни. Павелъ Павловичъ слылъ за убѣжденнѣйшаго холостяка и о немъ говорили, что онъ страдаетъ женобоязнью.

И вдругъ этотъ упорный холостякъ, застѣнчивый и робкій съ женщинами, внезапно влюбился, женился, мирно прожилъ три года съ женой, а теперь, покинутый любимой

женщиной, спрятался сюда, на окраину, и здѣсь рѣшилъ вступить въ борьбу съ самимъ собою и съ собственнымъ сердцемъ, непокорнымъ и бунтующимъ.

Первый день прошелъ довольно сносно, быстро и бездумно. Вечеромъ было хуже: всѣ мысли вертѣлись вокругъ Клавденьки. А сейчасъ ужъ совсѣмъ плохо. Работа не спорится,—неотступно преслѣдуютъ думы, маленькія, злыя, колючія думы. Онѣ, эти думы, нервируютъ, волнуютъ и озлобляютъ. Озлобляютъ именно тогда, когда необходимо быть добрымъ и великодушнымъ.

Валежниковъ хочетъ быть добрымъ во что бы то ни стало. Быть такимъ добрымъ, какимъ онъ былъ въ тотъ день, когда Клавденька заявила ему, что уѣзжаетъ отъ него.

Это было утромъ, передъ тѣмъ, какъ идти ему на службу. Павелъ Павловичъ хорошо запомнилъ этотъ моментъ. Клавденька стояла у дверей въ столовой и обѣими руками держалась за спину стула. Круглое лицо ея съ капризнымъ, слегка вздернутымъ носикомъ, было безкровно, и только большіе прозрачные свѣтло-голубые глаза тепло лучились, чуть замѣтно трепетали темныя рѣсницы да учащенно подымалась и опускалась круглая высокая грудь.

Павелъ Павловичъ заглянулъ женѣ въ глаза и вздрогнулъ. Потомъ поднялъ взглядъ на мягко-взбитую корону волосъ золотисто-пепельнаго цвѣта, ощутилъ зябкую дрожь въ колѣняхъ, почувствовалъ горячую острую боль въ вискахъ и опустился на стулъ.

— Хорошо, Клавденька, поѣзжай съ Богомъ.

Сказалъ и самъ удивился. Фраза вырвалась нечаянно, помимо его воли. И не скажи онъ этого, могла-бы произойти страшная, безобразная сцена. Но разъ эта фраза уже была произнесена, Валежниковъ вынужденъ былъ продолжать въ томъ же тонѣ.

И во весь тотъ день, до самаго часа разлуки, Валежникова не покидала доброта, и онъ совершалъ чудеса. Помогалъ укладываться, трогательно заботился о времени, чтобы Клавденька не опоздала на поѣздъ, припоминалъ всякія мелочи, необходимыя для дороги, и упросилъ ее взять съ собою его англійскій пледъ.

Клавденька не выдержала и разрыдалась. И сквозь рыданія она чемъ-то молила Валежникова, кажется, просила его не быть такимъ добрымъ, просила прощенія, а онъ упивался собственной нѣжностью, заботливо освѣдомился о деньгахъ и, несмотря на протесты, почти насильно вложилъ въ сумку жены все, что оказалось при немъ.

Въ самую послѣднюю минуту Павелъ Павловичъ увидалъ фотографическую карточку Семена Аркадьевича, забытую на рабочемъ столикѣ, радостно схватилъ ее и поднесъ женѣ.

— Клавденька, а портретъ-то его забыла? Возьми, веселѣе будетъ ѣхать.

И самъ вложилъ карточку въ саквояжъ.

А когда Клавденьки не стало, онъ рвалъ на себѣ волосы, буйствовалъ, проклиналъ и плакалъ.

Вотъ такимъ блаженнымъ хочетъ быть Валежниковъ и теперь, но не можетъ. Съ утра какое-то непонятное раздраженіе живетъ въ немъ и рождаетъ угрюмость, недовольство и злобу.

И зачѣмъ онъ затѣялъ эту стряпню? Кому нуженъ обѣдъ? Ему? Но онъ ѣсть не въ состояніи: ни малѣйшаго аппетита. Похлебка Цезаря готова—и ладно. Надо заняться другимъ.

И Павелъ Павловичъ покидаетъ кухню. За нимъ, понуря голову, слѣдуетъ Цезарь.

IV.

Сегодня недѣля, какъ Павелъ Павловичъ переселился изъ города. За это время онъ о многомъ передумалъ, перебралъ въ умѣ сотни плановъ относительно новаго образа жизни, но ни къ чему опредѣленному не пришелъ.

Тишина и одиночество, сулившія ему душевный миръ, не оправдали надеждъ. Валежниковъ потерялъ почву подъ ногами. Ночи проводилъ онъ безъ сна и тщетно боролся съ медлительнымъ тягостнымъ временемъ. Днемъ онъ ничего не могъ дѣлать и запустилъ квартиру до неряшливости. На кухнѣ стояла неубранная грязная посуда, въ столовой валялись объѣдки и обглоданныя кости, на мебели, на гравюрахъ, на зеркалѣ плотно слежалась пыль и всюду были разбросаны мелкія вещи, письменныя принадлежности, книги, жилетки, галстуки, сапоги...

Этотъ безпорядокъ мучилъ Валежникова и даже пугалъ его, но приняться за что-нибудь онъ положительно не былъ въ силахъ.

Полная безграничная апатія всецѣло овладѣла имъ и окунула его въ бездонную лѣнь, гдѣ все живетъ во снѣ, гдѣ нѣтъ желаній, просвѣтовъ, грезъ...

Каждый вечеръ садился Валежниковъ писать, обуреваемый желаніемъ высказаться, желаніемъ запечатлѣть на долго свои горячія быстрыя мысли, но по утрамъ написанное раздражало его,—и онъ сжигалъ страницу за страницей.

Сегодня онъ прочиталъ вотъ что: «Мой другъ дѣтства, мой товарищъ отнялъ у меня жену, и я хочу ему простить, но ревность ежеминутно отрываетъ отъ души частицу доброты моей и мечетъ искры ненависти. И предо мною стоитъ врагъ, наглый, счастливый, самоувѣренный врагъ, владѣющій отнятой у меня радостью, живущій принадлежавшими мнѣ восторгами. И нѣтъ больше друга, нѣтъ человѣка, а есть звѣрь, лютый, кровожадный звѣрь. И ревность моя расплавленнымъ оловомъ вливается въ сердце мое и зоветъ меня къ мести»...

— Какой вздоръ!—почти кричитъ Валежниковъ и встаетъ съ мѣста.

«Отнялъ у меня жену,—мысленно повторяетъ Павелъ Павловичъ и чувствуетъ, что краснѣетъ.—Какъ будто жену можно отнять. Подумаешь, какое имущество—жена. Отнять... Пусть попробуетъ кто Цезаря отнять у меня, разъ онъ самъ не пойдетъ».

Павелъ Павловичъ бѣгаетъ по комнатѣ и по лицу его, обросшему, впалому, но оживленному и нервному, видно, какъ онъ волнуется и какіе вихри кружатъ въ мозгу.

Спустя немного, Валежниковъ снова садится за столъ, хватаетъ перо и лихорадочно заноситъ въ тетрадь свои мятущіяся мысли.

Черезъ нѣсколько минутъ Павелъ Павловичъ бросаетъ перо и все написанное вырываетъ изъ тетради, комкаетъ и бросаетъ въ печь.

Валежниковъ усталъ и угасъ. Медленно бродитъ онъ по комнатамъ и чувствуетъ себя совершенно разслабленнымъ.

На одной изъ нижнихъ полокъ томы энциклопедическаго словаря поставлены неправильно: вслѣдъ за 23 полутомомъ стоитъ 39. Валежниковъ это замѣтилъ еще третьяго дня и каждый разъ, когда глаза его останавливаются на книгахъ, онъ испытываетъ непріятное чувство, близкое къ физической боли, но апатія окончательно обезсилила его, и онъ не можетъ рукъ поднять, чтобы переставить книги.

Скулитъ Цезарь, гулять просится. Собака лежитъ у дверей. Черная, круглая, кудрявая голова покоится на переднихъ лапахъ и временами песъ повизгиваетъ, коротко и нерѣшительно.

— Цезарь!

Собака вздрагиваетъ, быстро вскакиваетъ на широкія мягкія ноги, всѣмъ корпу-

сомъ поворачивается въ сторону Валежникова, медленно и томно потягивается, раскрываетъ красную пасть, зѣваетъ съ подвываніемъ, потомъ встряхивается, точно изъ воды вышла, и однимъ прыжкомъ достигаетъ хозяина.

— Обрадовался, шельма? Ну, ладно, пойдемъ. Да тише ты, съ ногъ свалишь! Ну, ну, хорошо. Не надо въ лицо лизать. Эхъ, ты, мой вѣрный другъ...

Въ мягкой сгущенной коврами тишинѣ голосъ Валежникова звучитъ глухо и чуждо.

— Дай лапу. Такъ. Сиди смирно. Вотъ такъ. Эге, братъ, сѣдѣешь. Плохи, Цезарь, дѣла наши. Запустилъ я тебя, голубчикъ. Кудри на глаза падаютъ. Не хорошо. Выстричь-бы надо. Эхъ... Ну, идемъ гулять.

Рано установилась зима. Сегодня морозно и ясно. Наканунѣ выпавшій въ изобиліи снѣгъ уже слежался и хруститъ подъ ногами. Гдѣ-то далеко должно быть, за городомъ свѣтитъ солнце, и его недолгіе холодные огни горятъ на полянѣ и розовѣетъ снѣгъ. Но какая тишина, какое безмолвіе кругомъ! На снѣгу сохранились и вчерашніе слѣды Цезаря—продолговатыя ямки. И больше ничего, на чемъ могъ-бы остановиться глазъ. Вонъ за сараемъ зябко съежились оголенныя деревца, и изъ-подъ голубого снѣга торчатъ черныя палки полуразрушеннаго плетня.

Оторвана дверь сарая и еле держится на проржавленномъ крюкѣ. Дрова покрыты снѣгомъ. Вотъ почему такъ трудно растапливать печь. Погребъ совсѣмъ развалился. Запустѣніе, убожество и мертвое молчаніе.

Какой просторъ для тоски!

Вонъ тянутся пригородные огороды. Безконечная, бѣлая, застывшая пустыня. А налѣво, за плетнемъ, нахохлился убогій домишка Антоновой и лукаво подмигиваетъ двумя оконцами, озаренными невидимымъ солнцемъ. Кладбище безъ могилъ. Тоска...

— Цезарь, домой!

V.

Часы бьютъ два. Валежниковъ лежитъ въ постели и борется съ безсонницей. Голова отяжелѣла и камнемъ врылась въ подушки, все тѣло болитъ отъ усталости, а сна нѣтъ. Часто поворачивается онъ то на лѣвый, то на правый бокъ, пробуетъ лежать на спинѣ, дѣлаетъ попытки уснуть лицомъ внизъ, но всѣ старанія тщетны: сонъ сползаетъ съ глазъ, и торопливо бѣгущія мысли, ненужныя, нелѣпыя, уродливыя мысли безпокоятъ и настойчиво зовутъ къ бодрствованію.

Павелъ Павловичъ нервничаетъ, злится, упорно силится отогнать докучливыя думы, примѣняетъ старинныя средства: считаетъ до ста или безконечно повторяетъ одно какое-нибудь слово,—но и это не помогаетъ. Тогда Валежниковъ идетъ на крайность: встаетъ, зажигаетъ свѣчу, одѣвается и намѣревается шагать по комнатамъ до тѣхъ поръ, пока усталость не свалитъ его съ ногъ. Вчера это помогло.

Большимъ чернымъ клубкомъ свернулся Цезарь подлѣ кровати на коврѣ, крѣпко спитъ и временами даже похрапываетъ, а Валежниковъ съ угрюмымъ, измученнымъ и озлобленнымъ лицомъ бѣгаетъ по комнатѣ и рядомъ съ нимъ скользитъ по полу, по стѣнѣ и потолку его нѣмая тѣнь, моментами вырастающая до чудовищныхъ размѣровъ.

— Ужасная тишина. Надо убрать ковры. Они глушатъ и крадутъ звуки, и оттого такъ тихо.

Валежниковъ вдругъ останавливается, прислушивается, и по блѣдному лицу его въ этотъ моментъ прыгаетъ, дергается больной нервъ отъ подбородка до лѣвой брови.

Изъ столовой доносится ровное, безконечное и короткое тиканье стѣнныхъ часовъ.

Павелъ Павловичъ старается припомнить, слыхалъ-ли онъ и раньше это тягостное и отчетливое выстукиваніе маятника, или же только сейчасъ впервые онъ это слышитъ. Во всякомъ случаѣ, прислушиваться не слѣдуетъ: нервы раздражаются. Необходимо отвлечь вниманіе.

Валежниковъ ускоряетъ шагъ—не помогаетъ. Изъ столовой льется безпрерывное тиканье, маленькими гвоздиками вбивается въ черепъ и падаетъ глубоко въ уши.

Тогда Павелъ Павловичъ хватаетъ съ полки книгу и шумно перелистываетъ ее, а изъ столовой прибѣгаютъ сухіе, короткіе, безжизненные стуки и терзаютъ нервы.

Теперь Валежниковъ понимаетъ, почему такъ тихо: это часы отбиваютъ время и тишину.

«Тикъ-такъ... тикъ-такъ»...

— Съ ума сойти можно.

Павелъ Павловичъ беретъ свѣчу, отправляется въ столовую, влѣзаетъ на стулъ, открываетъ продолговатую дверцу часового футляра и съ злобной радостью останавливаетъ маятникъ.

— Вотъ теперь постучи!

Павелъ Павловичъ пишетъ. Двѣ свѣчи горятъ, и желтый свѣтъ трепетно разливается по бѣлымъ страницамъ раскрытой тетради. Болитъ голова, во рту сухо и шумитъ въ ушахъ. Странный шумъ—точно вода падаетъ вблизи.

Валежниковъ пишетъ карандашемъ и, какъ всегда, догоняетъ собственныя мысли, короткія, безостановочныя и перемѣнчивыя.

«Ежемѣсячно я высылаю въ Петербургъ деньги. Безъ нихъ Клавденька бѣдствовала бы, потому что Семенъ Аркадьевичъ еще не пристроился. Деньги каждый разъ сопровождаю маленькой просьбой не безпокоиться, не благодарить и не затруднять себя письмами. Вотъ какъ я мщу. Добротой и великодушіемъ хочу отравить ихъ жизнь. Я знаю Клавденьку: она горда и совѣстлива. И я думаю, что стрѣлы мои попадаютъ въ цѣль. Ахъ, если бы я былъ въ этомъ увѣренъ.

Но, Боже, какъ тяжело мнѣ!»

Валежниковъ встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, садится на кроватъ и крѣпко сжимаетъ голову руками. Тоже самое дѣлаетъ и тѣнь его на розовыхъ обояхъ.

Мѣрно дышетъ у кровати спящій Цезарь. Весь домъ наполненъ неподвижной, каменной тишиной. Догораютъ свѣчи. Нервная судорога пробѣгаетъ по лицу Валежникова. Онъ совсѣмъ ослабъ и хочетъ спать, но лечь боится.

Опять дергается нервъ и мелкой дрожью трепещетъ лѣвое вѣко, точно крыло бабочки. Къ болѣзненно мигающему глазу тянутся отъ свѣчей золотые иглистые лучи и ломаются объ рѣсницы прыгающаго вѣка.

Въ усталой, больной головѣ вянутъ мысли. Нѣтъ больше напряженныхъ думъ. Лѣниво осыпаются и кружатся обрывки неясныхъ воспоминаній. Изъ углубленія подсвѣчника выскакиваетъ желто-зеленый язычекъ и гаснетъ. Темнѣетъ. Въ безформенную массу сливаются предметы и падаютъ въ тишину.

Павелъ Павловичъ засыпаетъ.

Бѣлый холодный свѣтъ зимняго дня давно уже проникъ сквозь плотно занавѣшенныя окна, а Валежниковъ еще спитъ. Онъ лежитъ на кровати совершенно одѣтый, какъ былъ наканунѣ.

Лежитъ Павелъ Павловичъ навзничь. Голова запрокинута и въ полуоткрытый ротъ заглядываютъ кончики свалявшихся усовъ. Серебрянной пылью поблескиваетъ сѣдина на давно небритомъ подбородкѣ, и неподвижнымъ комкомъ возвышается кадыкъ на длинной тонкой шеѣ.

Войди сейчасъ посторонній человѣкъ и взгляни на тощую фигуру Валежникова, вытянутую во всю длину кровати, на желтое сухое лицо и синія впадины закрытыхъ глазъ, онъ, навѣрно, принялъ бы Павла Павловича за покойника.

Цезарь съ нетерпѣніемъ ждетъ пробужденія Валежникова. Старый песъ хорошо выспался за ночь и поднялся чуть свѣтъ. Теперь Цезарь хочетъ гулять, а владѣющій имъ человѣкъ не встаетъ.

Собака неслышно бродитъ по комнатамъ, частенько останавливается у входныхъ дверей, тычется носомъ въ самый уголъ порога, нюхаетъ, скулитъ и снова возвращается въ спальню. Здѣсь пудель садится на задъ и круглыми, слезящимися глазами, прячущимися въ черныхъ кудряхъ, внимательно смотритъ на спящаго Валежникова.

Временами Цезарь подымаетъ мягкую лохматую лапу и осторожно царапаетъ край постели, не прикасаясь къ спящему; дѣлаетъ онъ это съ удивительной нѣжностью и кротостью. И въ каждомъ движеніи собаки и въ покорномъ взглядѣ ея преданныхъ глазъ чувствуется безграничное благоговѣніе звѣря къ человѣку.

Проснулся Павелъ Павловичъ внезапно,—какъ будто его подняла посторонняя сила. Вскочилъ онъ, осмотрѣлся, къ чему-то прислушался, протеръ глаза и тяжело опустился на стулъ.

Цезарь усиленно завилялъ хвостомъ, смѣшно приподнялъ край верхней губы, точно хотѣлъ разсмѣяться, а потомъ не выдержалъ и залаялъ отъ нетерпѣнія и безграничной животной радости.

Валежниковъ понялъ, что нужно собакѣ, и заторопился. Наскоро умылся, кое-какъ оправился и вышелъ съ пуделемъ во дворъ.

Сегодня нѣтъ солнца. Грузное молочно-сѣрое небо и матово-бѣлый снѣгъ четко выдвигаютъ темные курганы надворныхъ пристроекъ. Въ застывшей безвѣтреной тишинѣ спятъ долгимъ сномъ деревья, густо осыпанныя снѣжной бахромой, и до мельчайшихъ подробностей вырисовывается черный мелкокудрый и подвижной Цезарь, жадно глотающій свѣжій прѣсный воздухъ, насыщенный запахомъ снѣга и льда. Песъ кружитъ, вытягивается, безъ устали машетъ хвостомъ и чернымъ шершавымъ носомь обнюхиваетъ холодную, мертвую поляну. И въ каждомъ движеніи собаки, рвущейся впередъ, чувствуется здоровая полнота звѣринаго счастья, бездумнаго, беззаботнаго счастья, полнаго восторгами данной минуты и неомраченнаго боязливыми мыслями о будущемъ.

А Валежникову, послѣ сна, холодно. Онъ зябко ежится и нехотя слѣдуетъ за Цезаремъ. Собака тянетъ къ ручью. Павелъ Павловичъ осторожно спускается съ горки, стараясь попадать ногами въ глубокіе слѣды, оставленные имъ же наканунѣ.

На полдорогѣ Валежниковъ останавливается. Направо, въ десяти шагахъ по ту сторону плетня, стоитъ Антонова съ широкой деревянной лопатой въ рукахъ. Павелъ Павловичъ хочетъ повернуть назадъ, но уже поздно: сосѣдка успѣла поймать его глазами и показываетъ веселые, бѣлые, смѣющіеся зубы:

Изъ вѣжливости приходится подойти и поздороваться.

— Вотъ видите, какое мое вдовье положеніе: сама должна дорогу прокладывать.

Антонова говоритъ это весело и разсыпаетъ вокругъ себя звонкій благодушный смѣхъ. На кругломъ румяномъ лицѣ ея, когда она смѣется, образовываются двѣ ямочки, и въ одну изъ нихъ проваливается черная родинка.

Цезарь успѣлъ уже обнюхать край шерстяной коричневой юбки и подвижными ноздрями прикоснуться къ резиновымъ носкамъ сѣрыхъ ботовъ, отороченныхъ чернымъ мѣхомъ.

— Зачѣмъ вамъ эта дорожка?—спрашиваетъ Павелъ Павловичъ, исключительно для того, чтобы сказать хоть пару словъ.

— Затѣмъ, чтобы ходить по ней. Вѣдь. передній кусокъ мнѣ не принадлежитъ. А владѣлецъ поставилъ заборъ, да еще гвозди понатыкалъ. Вонъ этотъ заборъ, видите? у самой дороги. Такой мошенникъ. Это онъ нарочно. Хочетъ насильно заставить меня прикупить передній участокъ. Не дождется. Не такая я дура, чтобы на послѣднія денежки пріобрѣтать всякую дрянь.

Антонова, повидимому, обрадовалась собесѣднику и разговорилась, а Валежниковъ уже мнется, хочетъ уйти; ему холодно, но не рѣшается оборвать сосѣдку.

А Софьѣ Николаевнѣ холодъ—ни почемъ. Ее согрѣваетъ внутренняя теплота. Изъ черной драповой кофты, тѣсной и туго застегнутой, выпираются круглыя плечи, высокая грудь и мягкая выпуклая спина. Отъ большой грузной фигуры Антоновой, густо налитой горячей кровью, вѣетъ зрѣлой, чистой, свѣжей силой тридцатилѣтней женщины.

— А я, сосѣдушка, хотѣла къ вамъ еще вчера зайти. У меня просьба. Да побоялась. Больно вы прячетесь, точно соціалистъ какой, прости Господи. Ужъ вы меня извините: люблю сказать—такъ сказать...

— Какая просьба?—перебиваетъ Антонову Валежниковъ.

— А вотъ какая. Хочу попросить у васъ разрѣшенія ходить черезъ вашъ дворъ. Это ближе и удобнѣе.

— Пожалуйста, сколько угодно.

— Вотъ спасибо. Очень, очень вамъ благодарна. Теперь пусть хоть какія угодно крѣпости строитъ этотъ старый жуликъ... А я, господинъ Валежниковъ,—вдругъ мѣняетъ тонъ Софья Николаевна,—жду вашего визита. Нехорошо вдову обижать. Грѣшно.

Антонова смѣется всѣми зубами, втыкаетъ лопату въ снѣгъ и оправляетъ на головѣ вязаный платокъ цвѣта кремъ.

— Да, да, непремѣнно зайду... Теперь я еще очень занятъ,—торопливо говоритъ Валежниковъ и хочетъ откланяться, но сосѣдка опомниться ему не даетъ.

— Ну, полноте, какія тамъ у васъ занятія, разъ не служите. Вотъ что, сосѣдушка, будьте-ка безъ церемоній и пойдемте ко мнѣ сейчасъ. У меня кофе готовъ. На плитѣ стоитъ. Угощу васъ свѣжими заварными булочками. Горяченькія, только что изъ духовой вынула. А ужъ сливки какія! Нигдѣ такихъ не найдете. Идемте. Недалеко, вѣдь.

Антонова рукой показываетъ на свой домикъ, и бровью, и глазами, и улыбкой приглашаетъ Валежникова.

— Идемте безъ всякихъ церемоній,—роняетъ она напослѣдокъ и рѣшительно поворачиваетъ къ себѣ.

Павелъ Павловичъ, скрѣпя сердце, слѣдуетъ за сосѣдкой, а въ душѣ проклинаетъ свою деликатность.

Домикъ Антоновой состоитъ изъ двухъ комнатъ, кухни и передней. Опрятныя, теплыя и сухія комнаты прибраны съ большой старательностью. На каждой вещи лежитъ печать заботливой и любящей руки. Цвѣты, иконы и картины въ узенькихъ

рамкахъ украшаютъ первую комнату, а изъ полуоткрытой двери виденъ уголокъ спальни: кусокъ пунцоваго атласнаго одѣяла, гора бѣлоснѣжныхъ подушекъ, пышно взбитыхъ, и красный абажуръ лампы на комодѣ.

На полу чистенькія дорожки, на окнахъ тюлевыя занавѣски. Типичное мѣщанское «гнѣздышко», тихое, скучное, опрятное, гдѣ все—«какъ у людей» и «не хуже, чѣмъ у другихъ».

— Пальто можете здѣсь повѣсить. У меня передняя теплая,—задушевнымъ гостепріимнымъ голосомъ говоритъ Антонова, и не безъ усилія сдираетъ съ мягкихъ полныхъ плечъ тѣсноватую кофту.

Цезарь, выпущенный изъ рукъ, съ волочащеюся цѣпью, уже проникъ въ комнату и съ чисто-собачьимъ любопытствомъ обнюхиваетъ уголъ, каждый стулъ.

У стѣны за печкой Цезаря встрѣчаетъ котъ, обыкновенный среднихъ размѣровъ котъ, бѣлый съ черными пятнами на спинѣ, усатый и съ маленькимъ розовымъ носомъ.

Сознаетъ-ли Цезарь, что онъ въ гостяхъ, или просто далекъ отъ какихъ-либо воинственныхъ мыслей, но въ данную минуту онъ къ коту относится совершенно миролюбиво, доказательствомъ чего можетъ служить его слегка повиливающій хвостъ.

Но совсѣмъ иначе чувствуетъ себя котъ. Черное лохматое чудище съ безглазой круглой головой и бренчащей цѣпью наполняетъ ужасомъ чутко насторожившагося кота. Онъ плотно прижимается къ стѣнѣ, въ пучокъ собираетъ всѣ четыре лапы и все выше и круче подымаетъ гибкую спину и вѣеромъ развертываетъ ощетинившуюся шерсть. Въ круглыхъ зеленыхъ глазахъ сверкаютъ искры, а изъ открытаго рта выползаетъ шипѣніе.

Котъ становится большимъ и страшнымъ, но старый песъ знаетъ, что это одна только кошачья комедія, и ничуть не боится. Но понюхать этого маленькаго звѣря надо же.

И Цезарь, не обращая вниманія на угрожающее шипѣніе кота, преспокойно исполняетъ свое желаніе.

Когда Антонова съ Валежниковымъ входятъ въ комнату, котъ уже сидитъ на стулѣ со спрятанными подъ себя лапами и прищуренными дремлющими глазами равнодушно слѣдитъ за собакой, безпокойно снующей по комнатѣ.

Софья Николаевна заботливо усаживаетъ Валежникова въ кресло (единственное въ домѣ) и безпрерывно извиняется. Извиняется за свой будничный нарядъ, за неудобную мебель и за то, что у нея все просто, безъ всякихъ затѣй.

На полнощекомъ лицѣ Антоновой еще горитъ морозъ, и радость играетъ въ ея круглыхъ, просторно-сѣрыхъ глазахъ.

— Сейчасъ принесу кофе. Одну минуточку... Ужъ вы извините, у меня по-вдовьи, по простецки: сама барыня, сама слуга.

— Не безпокойтесь, ради Бога... Зачѣмъ?..—пробуетъ протестовать Валежниковъ, но Софья Николаевна и слушать не хочетъ.

Кофе, дѣйствительно, вкусное и пахнетъ ванилью. Хороши и булочки.

— Ну, какъ вамъ мое кофе нравится?—съ наивной простотой спрашиваетъ Антонова и рдѣетъ отъ счастья, когда Валежниковъ выражаетъ свое удовольствіе и удивленіе.

«Вотъ такая отъ мужа не уйдетъ»,—думаетъ въ это время Павелъ Павловичъ.

— А булочки? Вы любите заварныя?

— Прекрасныя булочки. Я такихъ никогда не ѣлъ,—говоритъ Валежниковъ, и вдругъ ощущаетъ въ себѣ какое-то непріятное чувство, сжимающее сердце.

Павелъ Павловичъ вспоминаетъ, что со вчерашняго дня не былъ у Клавденьки и рѣшительно встаетъ съ кресла.

— Куда вы? Еще стаканчикъ,—отъ всего сердца упрашиваетъ Антонова.

— Спасибо, не могу, я очень спѣшу... Спасибо...

Софья Николаевна съ грустью покоряется, вздыхаетъ и проситъ извиненія. Провожаетъ она гостя до самыхъ дверей, осыпаетъ его пожеланіями и просьбами захаживать.

Придя домой, Валежниковъ быстро идетъ въ столовую, достаетъ изъ кармана ключъ и открываетъ боковую комнату.

Тамъ почти темно: единственное окно плотно занавѣшено тяжелой гардиной. Эта комната представляетъ собою нѣчто вродѣ маленькаго домашняго музея. Здѣсь хранятся вещи, принадлежавшія Клавденькѣ. Тутъ ея рабочій столикъ, ея большой портретъ, написанный масляными красками, нѣсколько юбокъ, кофточекъ, картонка съ лѣтней шляпой, множество бездѣлушекъ, перчатки, вѣеръ и крохотные ботинки на тоненькихъ каблучкахъ...

Валежниковъ оставляетъ дверь широко-открытой, чтобы было свѣтлѣе, и пристально всматривается въ портретъ жены. Клавденька сидитъ въ креслѣ съ длинными пышно распущенными золотисто-пепельными волосами, и добрая, радостная улыбка освѣщаетъ молодое, свѣжее, красивое лицо.

Павелъ Павловичъ долго смотритъ на портретъ, точно на-вѣки хочетъ запечатлѣть его въ своей памяти, потомъ подходитъ къ столику, беретъ въ руки вѣеръ, тихо подноситъ его къ губамъ и вдругъ чувствуетъ, что слабѣетъ,—и опускается на стулъ.

Смертная тоска овладѣваетъ Валежниковымъ. Тяжелый горькій комъ подкатывается къ горлу и душитъ его. Павелъ Павловичъ уже знаетъ это душевное состояніе и боится его. Онъ сейчасъ находится на днѣ человѣческой скорби, гдѣ нѣтъ просвѣтовъ, желаній, надеждъ...

VII.

Цезарь бросился на кухню, подбѣжалъ къ дверямъ, насторожился, заворчалъ—и вдругъ залился неудержимымъ лаемъ, торопливымъ и захлебывающимся.

Валежниковъ вышелъ изъ комнаты.

«Сейчасъ что-то случится,»—подумалъ Павелъ Павловичъ съ непонятнымъ для него самого волненіемъ.

Почтальонъ принесъ письмо отъ Клавденьки. Валежниквъ узналъ ея почеркъ, какъ только взглянулъ на конвертъ.

— Наконецъ-то!

И поднялось настроеніе. Множество разнообразныхъ ощущеній зарождалось въ ожившемъ сердцѣ, и голова закружилась отъ стремительнаго натиска мыслей. Въ глазахъ зрачки загорѣлись и въ комнатахъ стало свѣтлѣй.

«Его Высокородію Павлу Павловичу Валежникову». Не забыла, какъ зовутъ.

Эта маленькая легкая иронія, промелькнувшая въ умѣ, сдѣлала больно самому же Валежникову.

Павелъ Павловичъ неоднократно подноситъ продолговатый розовый конвертъ къ свѣту, намѣреваясь вскрыть его, но каждый разъ его что-то останавливаетъ. Что именно—онъ и самъ не знаетъ.

Зачѣмъ торопиться? Прочтешь, все узнаешь и не станетъ радостно-волнующаго ожиданія невѣдомаго. Въ подобныхъ случаяхъ надо умѣть владѣть собою. Письмецо можно аккуратненько положить на столъ, пройтись да подумать хорошенько. Какъ

знать, можетъ быть, содержаніе письма таково, чть лучше его и совсѣмъ не читать. Это было-бы чрезвычайно интересно: вернуть письмо обратно да еще съ приписочкой: «сіе письмо возвращается непрочитаннымъ». И конецъ всему. Окончательный и безповоротный шагъ. А тамъ—забвеніе и свобода.

Валежниковъ тяжко вздыхаетъ,—и болѣзненная улыбка кривитъ лицо.

Но о чемъ пишетъ Клавденька? И почему она вздумала писать теперь, послѣ шестимѣсячнаго молчанія? Не станетъ же она описывать, какъ живетъ съ Семеномъ Трирѣчнымъ и какъ они вдвоемъ проводятъ время въ шумномъ, многолюдномъ и веселомъ Петербургѣ.

Ну, а вдругъ это просто-на-просто благодарственное письмо, гдѣ жена благодаритъ покинутаго мужа за деньги и кротость? Тогда ужъ лучше совсѣмъ не читать.

Странно ведетъ себя Цезарь. Давеча онъ чуть было не разорвалъ почтальона, а сейчасъ присмирѣлъ и выражаетъ кокое-то безпокойство. Растянется по серединѣ комнаты, полежитъ минутку и снова встаетъ и понуро бродитъ по всѣмъ комнатамъ, точно ищетъ кого-то.

— Что съ тобой, Цезарь? Здоровъ-ли ты? А ну-ка, носъ... Нѣтъ, ничего, носъ холодный. Что ты? Скучаешь? Эхъ ты, безъязычный другъ!

Валежниковъ нѣжно проводитъ рукой по спинѣ собаки и заглядываетъ ей въ глаза.

Цезарь нехотя, исключительно только изъ собачьей деликатности, повиливаетъ хвостомъ. Когда Валежниковъ говоритъ, песъ смѣшно склоняетъ голову то на одну, то на другую сторону и чуть-чуть приподнимаетъ длинныя, черныя, лохматыя уши.

Мимо оконъ промелькнула фигура Антоновой. Цезарь услыхалъ шаги, насторожился и поскакалъ къ дверямъ. Павелъ Павловичъ идетъ открывать. Теперь эта крикунья не помѣшаетъ ему. Напротивъ—она даже нужна сейчасъ: при ней легче будетъ побѣдить свое нетерпѣніе и отложить письмо Клавденьки до вечера.

Цезарь встрѣтилъ Антонову довольно дружелюбно, безъ лая, безъ ворчанья. Самъ Валежниковъ удивился.

— Смотрите, мой Цезарь ужъ не лаетъ на васъ.

— Меня животныя очень любятъ. Животныя и дѣти,—сейчасъ же выпалила Антонова и прибавила:—а я, сосѣдушка, зашла къ вамъ на счетъ прачки. Не нужна ли вамъ? Хорошая, добросовѣстная женщина.

— Пожалуйста. Буду очень благодаренъ. Да зайдите въ комнаты. Снимите ротонду... Позвольте, я помогу.

Антонова украдкой бросаетъ на Валежникова особенный, чисто-женскій взглядъ и настораживается. Онъ ей кажется оживленнымъ и даже интереснымъ. Но и она не дура: пусть не очень-то разсчитываетъ, если у него что на умѣ имѣется.

Ротонду она, однако, снимаетъ и направляется въ столовую.

— Собралась сегодня въ театръ,—сообщаетъ она,—видите, какъ разрядилась. Съ кумой сговорилась. У ней и переночую. Тоже вдовушка. Интересная. Брюнеточка.

Антонова смѣется, кокетничаетъ и большими, на половину обнаженными, руками оправляетъ пышно-взбитую прическу, опоясанную красной лентой. Софья Николаевна, повидимому, любитъ красный цвѣтъ: на ней пунцовый шелковый лифъ, крѣпко стянутый у таліи и черная юбка.

— Ахъ, Боже мой! Сейчасъ скатерть сползетъ!—восклицаетъ она, какъ только входитъ въ столовую, и тутъ же сама оправляетъ ее.

— Да что это у васъ, сосѣдушка, такой безпорядокъ? Вотъ вы всѣ такіе, мужчины:

женщинъ въ грошъ не ставите, а безъ нихъ живете какъ... какъ Богъ знаетъ кто. Ужъ вы меня извините: люблю сказать—такъ сказать.

Валежниковъ добродушно улыбается, занятый своей собственной думой, и ничуть не конфузится.

— Да, это вѣрно: я запустилъ хозяйство,—говоритъ онъ,—Былъ, знаете, очень занятъ. Но это пустяки. Возьмусь за дѣло—живо порядокъ наведу. Садитесь.

— Merci. Да я на минуточку. Скоро стемнѣетъ, и тогда я побоюсь одна. Сейчасъ встрѣтила моего хозяина-душегуба и обрадовала его: сказала ему, что получила отъ васъ разрѣшеніе ходить черезъ ваше имѣніе. Позеленѣлъ, разбойникъ, отъ злости. Ахъ, еслибы вы знали, Палъ Палычъ, какой это негодяй... Будь я мужчина—собственными руками избила-бы этого прохвоста до полусмерти. Ужъ вы извините: люблю сказать—такъ сказать.

— Вотъ не думалъ я, что вы такая злая,—все тѣмъ же полуироническимъ тономъ говоритъ Валежниковъ.—Это не хорошо, Софья Николаевна. Вредно для собственнаго здоровья.

— Да, я злая, когда меня кто обидитъ. За меня некому заступиться. Вы думаете, у меня враговъ нѣтъ? Сколько хотите. Однихъ родственниковъ покойнаго мужа,—какъ собакъ нерѣзанныхъ... извините меня.

— А вы не пробовали добротой да покорностью расправляться съ врагами?

Валежниковъ смѣющимися глазами глядитъ на Антонову. Та въ свою очередь недоумѣнно смотритъ на него.

— Я не понимаю, какъ это—добротой?

— А очень просто: обидѣлъ васъ кто—попросите прощенія у обидчика, отнялъ у васъ кто подушку—несите ему и самоваръ...

— Полноте смѣяться,—перебиваетъ Антонова.—Нашли тоже глупенькую. Нѣтъ ужъ, извините, такихъ дураковъ на всемъ свѣтѣ не сыщете. Чтобъ я отдала самоваръ... Никогда. Глаза выцарапаю...

— Напрасно. Вамъ же легче будетъ.

Антонова ничего не поняла, но на всякій случай показала зубы и ямочки на щекахъ, а потомъ спохватилась, подняла руку къ высокой выпирающей груди, вытянула изъ лифа черные часики и поднялась со стула.

— Ай, батюшки, уже пять. Сейчасъ стемнѣетъ...

Валежниковъ молчалъ. Онъ какъ-то сразу погасъ и насупился.

Когда Антонова ушла, Павелъ Павловичъ подошелъ къ часамъ, навелъ стрѣлку на пять и толкнулъ маятникъ.

VIII.

Послѣ ухода Антоновой загадочное письмо Клавденьки снова завладѣло Валежниковымъ. Впрочемъ, оно все время не выходило у него изъ памяти.

Теперь узенькій, продолговатый, розовый конвертикъ, пахнущій жасминомъ (любимые духи Клавденьки), опять у него въ рукахъ.

Казалось бы, чего проще: вскрыть конвертъ, прочесть письмо—и дѣлу конецъ. И вырвался-бы человѣкъ изъ плѣна боязливыхъ догадокъ, тяжелыхъ сомнѣній и нелѣпыхъ предположеній. Но въ томъ-то и дѣло, что одинъ видъ этого письма вызывалъ въ Павлѣ Павловичѣ непонятное чувство боязни.

И борьба съ самимъ собою продолжалась.

Моментами Валежниковъ начиналъ уговаривать себя и весь этотъ страхъ передъ письмомъ называлъ глупымъ ребячествомъ, и тогда рука его тянулась къ розовому конвертику, но мигъ одинъ—и онъ снова во власти страха.

«Сіе письмо возвращается непрочитаннымъ... Вотъ что надо сдѣлать,»—твердитъ про себя Валежниковъ и, по обыкновенію, мечется по комнатѣ.

— Ахъ, Цезарь, какой ты противный сегодня! Все подъ ноги попадаешься. Пошелъ на мѣсто!

Собака поджимаетъ хвостъ и опускаетъ голову такъ низко, что черные лохматые концы ушей касаются пола. Пудель обидѣлся и медленнымъ шагомъ направился къ кабинету.

На полдорогѣ песъ останавливается, поворачиваетъ голову въ сторону Валежникова и темными, поблескивающими глазами, прячущимися въ густой мелко-кудрой шерсти, спрашиваетъ и, можетъ быть, проситъ о чемъ-то, и при этомъ пудель пробуетъ даже постоять на трехъ ногахъ, а одну переднюю сгибаетъ въ полукольцо, но напрасно: человѣкъ, владѣющій имъ, уже забылъ о немъ, носится по комнатѣ и раздуваетъ пыль. И Цезарь, ничего не дождавшись, входитъ въ кабинетъ, ложится на коверъ, вытягивается, голову кладетъ на переднія лапы и испускаетъ глубокій, протяжный вздохъ.

Павелъ Павловичъ смотритъ на часы—уже полночь.

Слава Богу, время тронулось. Теперь и до утра протянуть можно. А тамъ...

Но тутъ мысль Валежникова внезапно обрывается и совершенно неожиданное предположеніе стрѣлой вонзается въ мозгъ.

А что если это письмо не отъ Клавденьки, а о Клавденькѣ?

Павелъ Павловичъ бросается въ кабинетъ.

Торопливыми, трепетными пальцами, сухими и тонкими, разрываетъ онъ конвертъ и алчными глазами впивается въ исписанный листокъ бумаги.

«Дорогой и милый Павликъ»... Что это? Мистификація или обманъ зрѣнія? Неужели Клавденька такъ обращается къ нему?.. Да, она... Но дальше, дальше что?

Павелъ Павловичъ жадно ловитъ строки, буквы, слова и торопится. Ему хочется сейчасъ, сію минуту узнать, войти въ содержаніе письма и въ то же самое время онъ внутренно коритъ себя за то, что такъ долго, такъ ужасно долго откладывалъ чтеніе.

Вотъ что пишетъ Клавденька:

«Дорогой и милый Павликъ, не удивляйся, что пишу тебѣ такъ: моему сердцу ты милъ и дорогъ, а что говоритъ сердце, то говорю и я. Ты, вѣдь, знаешь, что я всегда жила сердцемъ, а не умомъ. Завтра покидаю Петербургъ навсегда. Гдѣ буду жить—сама не знаю. Но прежде хочу повидать тебя, если ты ничего противъ этого не имѣешь. Ахъ, Павликъ, я совсѣмъ, совсѣмъ не умѣю писать. Хотѣлось о многомъ разсказать, а какъ сѣла за столъ, мысли спутались, сама страшно волнуюсь—и ничего не выходитъ. Нѣтъ, ужъ лучше сама все разскажу, когда пріѣду, если позволишь. Я уже три мѣсяца живу одна. С ъ н и м ъ все кончено. Сейчасъ такая тоска, что умерла бы я съ радостью. Устала жить. Мнѣ кажется, что я живу на свѣтѣ давно, давно, когда еще людей не было. Надоѣло все... Выѣзжаю завтра. До скораго свиданія. К. Валежникова».

Слово «Валежникова» трижды подчеркнуто.

Вотъ и все. Но для Павла Павловича и этого достаточно. Коротенькое письмецо совершенно опрокинуло логику и зажгло Валежникова.

Пылаетъ голова и мечется сердце.

Радость и тревога, злорадство и жалость,—обидныя воспоминанія, надежды, сомнѣнія—все сплетается и падаетъ въ бездну острыхъ, неясныхъ, быстрыхъ ощущеній. И среди огненнаго круга вспыхивающихъ и гаснущихъ чувствованій одна только мысль четко и ясно горитъ передъ Валежниковымъ: мысль о томъ, что Клавденька одна. Совершенно одна.

Завтра Клавденька будетъ здѣсь. Завтра комнаты будутъ освѣщены ея глазами и старыя стѣны услышатъ ея голосъ.

Павелъ Павловичъ обходитъ всю квартиру, мимоходомъ наводитъ порядокъ, зажигаетъ лампы—въ столовой, на кухнѣ и въ прихожей.

Уже не рано, а спать не хочется и нѣтъ усталости. Валежниковъ будетъ работать до утра, пока не приведетъ домъ въ надлежащій видъ.

Какъ хорошо стало при сильномъ освѣщеніи! Нѣтъ рѣзко обозначенныхъ тѣней и черная тьма не прячется по угламъ.

Валежникову надо о чемъ-то вспомнить. Но о чемъ? Недавно, сію минуту, онъ думалъ объ этомъ и забылъ. Случайно Павелъ Павловичъ замѣчаетъ себя въ зеркалѣ и находитъ забытое: онъ хотѣлъ побриться. И Валежниковъ сейчасъ же принимается за дѣло. Изъ кожанаго чемоданчика достаетъ всѣ принадлежности для бритья, а затѣмъ отправляется на кухню.

Тамъ онъ зажигаетъ спиртовку, чтобы согрѣть воду.

Спустя немного Павелъ Павловичъ стоитъ въ кабинетѣ передъ столомъ, точитъ бритву и думаетъ о Клавденькѣ. Моментами онъ видитъ ее и живетъ предстоящей встрѣчей.

Онъ, конечно, на вокзалъ не поѣдетъ. На это у него хватитъ выдержки и здраваго смысла. И Клавденька явится сама. На ней будетъ черная шляпа съ широкими полями и каракулевое полупальто, такъ хорошо обрисовывающее ея фигуру.

Но что она скажетъ? Съ чего начнетъ?

Валежникову становится жаль Клавденьки, и онъ сравниваетъ ее съ перелетной птицей, обезсилѣвшей на полпути.

Три мѣсяца живетъ одна...

— Ну, а тѣ, первые три мѣсяца?—неожиданно задаетъ себѣ вопросъ Валежниковъ, и мысли его рѣзко мѣняютъ направленіе.

Душа замыкается и никого уже не жаль.

— Можно, конечно, пренебречь мѣщанской моралью, старозавѣтными устоями и простить увлеченіе, но девяносто два дня и девяносто двѣ ночи все же прожила Клавденька съ Семеномъ Трирѣчнымъ. Жила, какъ съ мужемъ... Вотъ это—какъ вырвать изъ памяти? Какъ забыть?

Павелъ Павловичъ до боли стискиваетъ зубы.

Онъ хочетъ думать о другомъ, но уже не можетъ и собственное безсиліе пугаетъ его. Взглядъ Валежникова падаетъ на широкое, сверкающее лезвіе бритвы, находящейся въ его рукѣ. Онъ вздрагиваетъ, роняетъ бритву на столъ, а самъ выбѣгаетъ изъ кабинета. И тотчасъ вспоминаетъ, что мысль о бритвѣ не впервые приходитъ ему на умъ. Утромъ, когда онъ находился въ комнатѣ Клавденьки, эта самая мысль прочно гнѣздилась въ немъ, но письмо и приходъ Антоновой отвлекли его вниманіе.

Но почему эта мысль такъ пугаетъ? Развѣ необходимо сейчасъ же исполнить то, что приходитъ на умъ?

Павелъ Павловичъ опускается на стулъ и дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы вырвать изъ головы назойливую мысль. Но уже не можетъ: она безповоротно владѣетъ имъ.

Валежниковъ сознаетъ это, и смертельный страхъ терзаетъ сердце.

— Я обреченъ,—шепчетъ въ безнадежной тоскѣ Валежниковъ и покорно опускаетъ голову.

И опять стало тихо и одиноко, какъ вчера. Только маятникъ безъ устали тикаетъ и чеканитъ тишину.

Павелъ Павловичъ на мгновеніе закрываетъ глаза—и передъ нимъ разверзается темная бездна, безбрежная, холодная жуткая бездна. Въ ужасѣ поднимаетъ онъ голову и озирается.

— Въ домѣ есть кто-то.

При этой мысли тысячи раскаленныхъ иглъ вонзаются въ черепъ и стынетъ сердце.

Валежниковъ вскакиваетъ и, полный ужаса, бѣжитъ къ дверямъ. Вотъ онъ уже въ одной курткѣ и безъ шапки. Свѣтитъ полная луна, и снѣгъ кажется розовымъ. Четко лежатъ на свѣтломъ снѣгу узорчатыя тѣни деревъ. Крѣпкій морозъ строгъ и неподвиженъ.

Павелъ Павловичъ бѣжитъ къ калиткѣ и вдругъ останавливается.

— Куда я? Зачѣмъ? Къ людямъ? Но, вѣдь, всѣ нити порваны?.. Кому я нуженъ?..

Валежниковъ полными слезъ глазами глядитъ на темное небо, осыпанное звѣздами, и мысленно взываетъ къ спасенію. Но въ этотъ моментъ напряженный слухъ его, среди студеной поздней тишины, улавливаетъ чьи-то легкіе, крадущіеся шаги, и Валежниковъ въ безумномъ страхѣ прислоняется къ стѣнѣ. И сердце падаетъ, и отъ внезапно наступившей слабости сгибаются колѣни.

— Цезарь! Фу, какъ ты напугалъ меня. Идемъ домой.

Собака тихо слѣдуетъ за Валежниковымъ и на ходу обнюхиваетъ слѣды его.

— Это еще не обязательно,—говоритъ самому себѣ Валежниковъ, входя въ кабинетъ.—Я могу написать все, что мнѣ угодно, а потомъ раздумать и уничтожить

Онъ садится за столъ и трепетной рукой отодвигаетъ въ сторону бритву. Затѣмъ онъ беретъ чистый почтовый листъ бумаги и размашистымъ, не своимъ почеркомъ пишетъ: «Мое духовное завѣщаніе въ пользу жены моей, Клавдіи Владимировны Валежниковой хранится у нотаріуса И. К. Сомова. Соборная улица, д. 23».

Павелъ Павловичъ поставилъ точку.

— Такъ суждено,—вдругъ отчетливо выговариваетъ Валежниковъ и приписываетъ еще одну строку: «Симъ удостовѣряю, что собственной рукой перерѣзалъ себѣ горло».

И когда бритва уже была въ его рукѣ, Павелъ Павловичъ вторично вспомнилъ о Клавденькѣ.

Послѣдней его мыслью было: успѣетъ ли онъ упасть на кровать. Но онъ не успѣлъ.

Валежниковъ покончилъ съ собою, стоя передъ столомъ. Онъ запрокинулъ голову, крѣпко сжалъ въ правой рукѣ бритву и, съ силой вдавливая холодное острое лезвіе, дважды провелъ взадъ и впередъ по шеѣ. Въ тотъ же моментъ онъ лѣвой закрылъ широкую рану, выпрямился, повернулся лицомъ къ кровати и сдѣлалъ шагъ. Въ это время широко-раскрытые глаза остановились, а черезъ руку и сквозь пальцы торопливой струей выползала теплая кровь, и короткій хрипъ вырвался изъ перерѣзаннаго горла.

Валежниковъ хотѣлъ было сдѣлать еще одинъ шагъ, но вдругъ покачнулся и сталъ валиться на бокъ. Падая, онъ залилъ кровью край подушки и стукнулся головой о подножіе книжной полки. Такъ и остался лежать подлѣ кровати съ приподнятой головой, опиравшейся затылкомъ о книги.

Цезарь подбѣжалъ, понюхалъ кровь и отскочилъ прочь. По спинѣ собаки пробѣжала зыбь, а потомъ она заскулила.

Тотъ, кого звали Павломъ Валежниковымъ. и мысли котораго еще жили здѣсь, лежалъ на полу и кровь его красной змѣей доползала къ порогу.

Цезарь уже нѣсколько разъ выбѣгалъ во дворъ, благо двери были открыты, и вновь возвращался. Животная безудержная тоска томила собаку, и она себѣ мѣста не находила. То растянется у ногъ трупа, поскулитъ, то вскочитъ, метнется въ одну сторону, въ другую—и снова выбѣжитъ во дворъ.

А тамъ горитъ луна и въ темной выси разноцвѣтные огоньки-точки ведутъ широкій, безпредѣльный хороводъ. Молчитъ студеная ночь, и нѣтъ признаковъ жизни въ этомъ бѣломъ, мертвомъ одиночествѣ.

И Цезарь, какъ бы сознавая, что на землѣ не къ кому обратиться, не передъ кѣмъ излить свое горе, поднимаетъ голову, устремляетъ глаза на мѣсяцъ и протяжно, надрывно воетъ.

И далеко по бѣлой спящей равнинѣ разносятся рыданія осиротѣлаго звѣря.

Весь этотъ кошмаръ, созданный горячимъ болѣзненнымъ воображеніемъ Валежникова, развертывается и проходитъ передъ нимъ такъ отчетливо, такъ подробно, что моментами Павелъ Павловичъ испытываетъ ощущеніе человѣка, истекающаго кровью.

Но вотъ кошмаръ разсѣялся, и Валежниковъ облегченно вздохнулъ. Постепенно улеглись нервы. Павла Павловича стало клонить ко сну.

Проснулся Валежниковъ чуть свѣтъ. Вскочилъ, быстро одѣлся и заторопился на вокзалъ. На лицѣ и въ испуганныхъ глазахъ еще остались слѣды вчерашней бури. Но на душѣ было спокойно, и Павелъ Павловичъ почувствовалъ себя такъ, какъ будто черезъ него промчался поѣздъ, а онъ остался живъ и невредимъ.

А. Свирскій.

---

* * *

Я на зарѣ приду опять
Тебя въ уста поцѣловать
И въ безконечные глаза,
Гдѣ голубѣетъ бирюза.

Къ тебѣ пойду я по лѣсамъ
И лѣсу душу я отдамъ—
Тамъ ярко выглянетъ цвѣтокъ,
Открывши красный лепестокъ.

Еще пустыней я пойду,
Храня дрожащую звѣзду,
Звѣзду любви въ груди моей—
И буду съ ней зари свѣтлѣй.

Какъ потревоженная мѣдь,
Свободный вѣтеръ будетъ пѣть,
Ему скажу я: «Милый братъ,
Чему такъ пламенно ты радъ?».

— Я пѣть хочу!—отвѣтитъ онъ,
— Про долгій мигъ, счастливый сонъ,
Про сладкій ядъ: опять, опять
Страдать, пылать и возлетать...

Смотри! Всѣ птицы вознеслись
Вверхъ, въ незапятнанную высь,
Всѣ птицы смотрятъ съ высоты,
Какъ тихимъ свѣтомъ свѣтелъ ты.

И буйный вѣтеръ всѣхъ сторонъ
Отвѣситъ мнѣ земной поклонъ,
Я улыбнуся: «Милый братъ,
Откуда этотъ царскій садъ?

«Я шелъ пустыней, шелъ—и вдругъ
Цвѣты волшебные вокругъ
Льютъ въ ясный воздухъ ароматъ,
Дрожатъ, смѣются и молчатъ...».

Отвѣтитъ вѣтеръ:—Ты идешь
— И ты цвѣтешь, и ты цвѣтешь...
— И тамъ и здѣсь, и здѣсь и тамъ,
— Любя, далъ жизнь твоимъ цвѣтамъ.

Б. Верхоустинскій.

Питтъ и Фоксъ.

Романъ ФРИДРИХА ХУХА.

(Съ нѣмецкаго).

Продолженіе *)

VII.

Питтъ оставался въ городѣ, семестръ за семестромъ, и никакими средствами нельзя было убѣдить его поѣхать на каникулы домой. Онъ постоянно писалъ, что готовится къ экзаменамъ и долженъ много заниматься. Однако, экзаменовъ онъ не сдавалъ, господинъ Синтрупъ сердился, но жена утѣшала его: Питтъ чудакъ, отшельникъ, и, въ концѣ концовъ, совершенно безразлично, есть онъ или нѣтъ, потому что онъ все равно по цѣлымъ днямъ сидѣлъ бы въ своей комнатѣ, какъ и раньше, когда былъ гимназистомъ. Ей лично тоже безразлично, видитъ она его или нѣтъ, потому что разлука не можетъ, вѣдь, повліять ни на ея материнскія, ни на сыновнія чувства Питта. Такимъ образомъ, Питтъ жилъ бы почти совсѣмъ оторваннымъ отъ семьи, если бы не дѣловыя поѣздки отца, повторявшіяся теперь съ большой регулярностью.

— Ну, а какъ же твоя Эльфрида?—спрашивалъ господинъ Синтрупъ, по скрытой ассоціаціи мыслей, откидываясь поудобнѣе въ креслѣ и вдругъ начиная пересчитывать наличность своего кошелька. «Она вовсе не моя!»—обыкновенно отвѣчалъ Питтъ, на что господинъ Синтрупъ неизмѣнно возражалъ: «Жаль, жаль, мой милый, ты не умѣешь ловить счастье!»

Питтъ не забывалъ Эльфриду; его чувство къ Лоттѣ сдѣлалось совсѣмъ братскимъ за то время, какъ она ожидала ребенка; потомъ стало еще холоднѣе, а когда однажды онъ увидѣлъ ее на улицѣ, въ дамской шляпкѣ, возлѣ дѣтской колясочки, ему показалось страннымъ, какъ это онъ могъ любить ее или даже воображать, что любитъ ее.

Въ сердцѣ его опять установился полный штиль, и только слабая свѣтлая полоска мерцала на горизонтѣ при мысли о былой жизни съ Эльфридой. Чувство это было одновременно и горько, и сладостно, и онъ могъ отдаться ему, не утрачивая своего душевнаго покоя. Но однажды сумеречное состояніе его было рѣзко нарушено.

Произошло это въ фойе театра. Онъ стоялъ, разсѣянно прислонившись къ колоннѣ, какъ вдругъ увидѣлъ Эльфриду. Возлѣ нея стоялъ молодой артистъ, очень изящно одѣтый по заграничной модѣ, и разговаривалъ съ ней съ видомъ интимной довѣрчивости. Она посвѣжѣла, пополнѣла, движенія ея стали увѣреннѣе, свободнѣе, и вся она дышала жизнью. Она смѣялась и прежде, чѣмъ обернуться къ своему спутнику, случайно скользнула взглядомъ въ томъ направленіи, гдѣ стоялъ Питтъ, но сейчасъ же отвернулась отъ него. Въ слѣдующую минуту она опять взглянула на него вопро-

*) См. «Новая Жизнь», кн. 3, 4, 5 и 6.

сительно и съ изумленіемъ. Питтъ стоялъ неподвижно, но тоже отвернулся. Онъ чувствовалъ, что она идетъ къ нему.

— Господинъ Синтрупъ!—проговорила она негромко и ласково.—Неужели это вы?—Онъ сдѣлалъ шагъ и устремилъ на нее неподвижный взглядъ, машинально взявъ ея протянутую руку.—Какъ я рада, что наконецъ-то встрѣтилась съ вами! Мы такъ давно не видались! Такъ давно, что мнѣ кажется, будто съ тѣхъ поръ прошла цѣлая жизнь!

— Мнѣ не кажется,—наконецъ, отвѣтилъ онъ.

— Вамъ—нѣтъ? Неужели вы такъ мало пережили за это время?—Она не дождалась его отвѣта.—А я такъ много, такъ много! Жизнь чудесна! Теперь я пріѣхала на двѣ недѣли домой, потомъ опять въ Парижъ учиться. Вы помните, какъ я играла? Теперь моя игра представляется мнѣ такой жалкой, совсѣмъ дѣтской. У меня не было никакого представленія о музыкѣ!

Зазвонилъ электрическій звонокъ, публика устремилась къ зрительному залу. Молодой человѣкъ издали смотрѣлъ на Эльфиду.

— Да,—повторила она, торопясь,—тогда я играла, какъ дитя—да я и была наполовину ребенкомъ. У васъ, вѣдь, былъ братъ гимназистъ? Должно быть, онъ тоже скоро будетъ студентомъ?

— Онъ ужъ давно въ университетѣ,—сказалъ Питтъ.

— Неужели? Ахъ, какъ время летитъ! Послушайте, господинъ Синтрупъ, можетъ быть, вы навѣстите насъ разокъ? Правда, вашего друга Гаральда вы не увидите, онъ добился своего и сдѣлался морякомъ. А Гедвига въ прошломъ году вышла замужъ. Но я пробуду здѣсь еще недѣли двѣ, и мы будемъ очень рады, если вы придете!—Звонокъ зазвонилъ вторично.—Я здѣсь съ моимъ другомъ, который тоже ѣдетъ обратно въ Парижъ. До свиданья, надѣюсь, что вы придете.—Она протянула руку.

— Прощайте, Эльфрида,—сказалъ онъ.

Она взглянула на него, какъ будто эти слова донеслись до ея слуха изъ какого-то далекаго, полузабытаго міра, но потомъ лицо ея приняло прежнее привѣтливое выраженіе, она кивнула ему и пошла къ своему спутнику, который вопросительно смотрѣлъ на Питта, но тотчасъ же вѣжливо отвернулся, какъ только встрѣтился съ его глазами. Съ почти формальнымъ поклономъ онъ пропустилъ ее впередъ въ дверяхъ, но взглядъ его съ безсознательной, нѣжной лаской скользнулъ по ея плечамъ и шеѣ.

Питтъ сейчасъ же ушелъ изъ театра. Безцѣльно шелъ онъ по улицамъ, пока, наконецъ, рѣшительно повернувшись, не зашагалъ въ опредѣленномъ направленіи и скоро оставилъ за собою дома города. Онъ шелъ по старой тополевой аллеѣ; вѣтеръ шумѣлъ въ верхушкахъ, но стволы стояли спокойно, недвижимо. Безмолвно мелькали они передъ нимъ. Холодный ночной воздухъ обвѣвалъ его лобъ и успокаивалъ мысли. Зачѣмъ ему идти къ ванъ-Лоо? Чтобы снова повторился короткій, тривіальный, пустой эпилогъ ихъ дружбы. Онъ чувствовалъ, что только теперь окончательно потерялъ Эльфриду. Безсильная зависть охватила его, зависть къ человѣку, занявшему то мѣсто, которое могъ бы занять онъ самъ. Онъ не хотѣлъ больше видѣть Эльфриду; съ этимъ эпизодомъ его жизни должно быть покончено разъ навсегда. Но что будетъ съ нимъ? Куда заведетъ его жизнь? Эта сѣрая жизнь, такая призрачная и въ то же время заключенная въ такія чудовищно-осязательныя, реальныя формы? Онъ остановился и оглянулся по сторонамъ. Надъ нимъ шумѣли тополя, а въ груди его стучало сердце, вѣчно живое сердце, независимо отъ его воли отмѣчавшее ритмъ времени, въ которомъ онъ самъ носился, какъ гонимая вѣтромъ соринка. Ему стало почти жутко отъ этого стука, такого явственнаго въ ночной тиши и похожаго на неустанную работу машины, существующей не по своей волѣ, а ради неизвѣстныхъ цѣлей. Вдали мерцали огни

города, откуда-то донесся протяжный крикъ локомотива, пронизавшій шорохъ листвы. Почти безсознательно онъ подошелъ къ одному изъ стволовъ, обнялъ его и прижался лицомъ къ холодной шершавой корѣ. Мысли его разсѣялись, и, идя обратно, онъ все время смотрѣлъ на темныя вершины тополей, и ему казалось, будто онѣ поднимаются все выше, выше къ небу, а звѣзды спускаются въ ихъ темную листву.

Утромъ онъ проснулся съ чувствомъ, что ночью велъ себя очень сентиментально, и ему показалось, будто все это пережилъ не онъ самъ, а прочиталъ въ какой-то книгѣ. И только позднѣе онъ понялъ, что все это дѣйствительно произошло съ нимъ и что онъ самъ является въ мірѣ активнымъ лицомъ. Не пойти ли ему все-таки къ Эльфридѣ только для того, чтобы что-нибудь сдѣлать, а не пропускать все мимо себя, какъ призрачное видѣніе?

Но дни проходили, а онъ все не рѣшался. Потомъ онъ случайно встрѣтился съ Эльфридой и ея другомъ на улицѣ. Они шли въ паркъ, и Эльфрида предложила ему прогуляться съ ними. Онъ хотѣлъ отвѣтить отрицательно, но сказалъ «съ удовольствіемъ» и пошелъ рядомъ съ ней. Въ паркѣ они сѣли въ бесѣдкѣ, спросили мороженаго, и Эльфрида, и ея спутникъ потѣшались надъ тѣмъ, какъ здѣсь все противно. Питтъ почти все время молчалъ, и другъ Эльфриды, дивившійся про себя, какіе унылые и необщительные люди нѣмцы, велъ разговоръ на довольно ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ съ иностраннымъ акцентомъ; иногда онъ запинался, взглядывалъ на Эльфриду и произносилъ какую-нибудь изысканно-изящную французскую фразу, и тогда сразу выступалъ словно совсѣмъ другой человѣкъ. Вначалѣ Эльфрида была очень разговорчива и оживлена, но потомъ сдѣлалась разсѣянной. Питтъ чувствовалъ, какъ глаза ея останавливаются на немъ съ тихимъ вопросомъ, и онъ отвѣчалъ на этотъ взглядъ грустной улыбкой. На обратномъ пути она шла ближе къ нему, и у выхода изъ парка вдругъ остановилась и сказала по-французски своему другу: «Иди домой, а я еще немножко погуляю съ господиномъ Синтрупомъ, я такъ давно съ нимъ не видалась». Онъ хотѣлъ что-то возразить, но она посмотрѣла на него рѣшительнымъ взглядомъ, который Питтъ видѣлъ у нея раньше. Питтъ ничего не говорилъ, и только, когда другъ Эльфриды, прощаясь, сталъ увѣрять его, что необычайно радъ знакомству съ прежнимъ товарищемъ Эльфриды, разсѣянно отвѣтилъ: «да, да».

О чемъ они потомъ говорили съ Эльфридой—онъ не могъ вспомнить. Разговоръ шелъ, повидимому, о самыхъ безразличныхъ вещахъ, но, когда они прощались, Эльфрида была очень блѣдна.

— Увижу ли я васъ еще?—спросилъ Питтъ.

— Не знаю,—отвѣтила она.

Онъ больше не видалъ ея. На другой день онъ получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она кратко сообщала, что рѣшила немедленно уѣхать со своимъ другомъ въ Парижъ.

Теперь произошло то же, что и при первой разлукѣ, только наоборотъ: теперь Эльфрида покидала его. Она чувствовала, что для нея Питтъ еще не отошелъ въ область прошлаго, и боялась, что прежній водоворотъ опять увлечетъ ее, если она поддастся ему. Мысль эта радовала Питта, и безсильное чувство зависти, столь антипатичное ему самому, исчезло. И все-таки онъ чувствовалъ, что дверь, раньше бывшая только полуоткрытой, теперь на минуту вдругъ распахнулась совсѣмъ, но прежде, чѣмъ онъ рѣшился войти въ нее, захлопнулась, оставивъ его снаружи. Раньше, думая объ Эльфридѣ, онъ всегда утѣшался мыслью: «Вѣдь, только отъ меня одного зависитъ вернуться къ ней!» Возможность такого шага была очень успокоительна; и, можетъ быть, ему никогда не понадобилось бы приводить его въ исполненіе. «Будь я другимъ чело-

вѣкомъ,—думалъ онъ,—я сейчасъ же бросилъ бы все, полетѣлъ бы за ней и выломалъ бы эту дверь». Но онъ чувствовалъ, что у него не хватитъ на это силы и потомъ, когда вопросъ будетъ поставленъ рѣшительно: хочетъ ли онъ, дѣйствительно, имѣть возлѣ себя Эльфриду на всю жизнь? Онъ понималъ, что для нея это вопросъ всей жизни. Хватитъ ли у него вообще силы и храбрости на это? Не испытываетъ ли онъ уже сейчасъ, при одной мысли объ этомъ, тайной боязни? «Я—слабый человѣкъ,—думалъ онъ, —кажется, я не способенъ ни на какое сильное чувство!» Потомъ опять ему казалось, что все обойдетя легко и само собой. Этотъ разладъ въ чувствахъ не давалъ ему покоя.—Хоть бы разъ испытать что-нибудь яркое и сильное,—часто восклицалъ онъ,—что-нибудь такое, что встряхнуло бы меня всего и очистило бы отъ той пыли, которая насѣла на меня за всѣ эти вялые, тусклые годы! Тогда выяснится, есть ли во мнѣ что-нибудь крупное, жизнеспособное, или же я просто калѣка съ переломанными членами.

Онъ началъ искать. Стряхнулъ съ себя свою мертвую замкнутость и вступилъ въ общеніе съ людьми, главнымъ образомъ, съ артистами, художниками, такъ какъ полагалъ, что въ этомъ кругу скорѣе всего найдетъ то, что ему нужно.

Сколько борьбы, тепла, довѣрчивости увидѣлъ онъ вдругъ вокругъ себя, сколько силы и отваги, стремящейся побороть жизнь. Неужели онъ былъ слѣпъ до сихъ поръ? Всѣ думали только о двухъ вещахъ: о любви и о своихъ задачахъ. Питтъ съ завистью смотрѣлъ на такія пары. У каждаго находились теплое участіе и интересъ къ надеждамъ и цѣлямъ другихъ. Тутъ было прочное единеніе.

Онъ много бывалъ въ мастерскихъ, на пирушкахъ художниковъ и художницъ, встрѣчался со множествомъ лицъ, почти насильственно старался сойтись съ нѣкоторыми ближе, но отступалъ при первыхъ же попыткахъ, такъ какъ у него не было въ этомъ внутренней потребности. Одинъ только разъ ему показалось, будто въ жизнь его вторгается новое переживаніе: душа его преисполнилась невѣдомой дотолѣ энергіей. Но она ослабѣла, такъ какъ ему досталась не самая дѣвушка, а только ея портретъ, который она ему подарила и который вдругъ сталъ казаться ему гораздо красивѣе и цѣннѣе оригинала.

Опять прошло много недѣль, онъ уже пересталъ мечтать о возможности попасть въ какой-нибудь новый потокъ, какъ вдругъ однажды его охватило сильное чувство, заставившее его метаться не то отъ счастья, не то отъ несчастья. Казалось, что судьба его рѣшена. Посвистывая, стоялъ онъ въ своей комнатѣ, разсѣянно бралъ въ руки то одно, то другое, и думалъ: «Что это, что такое со мною? Неужели же это возможно! Неужели одинъ единственный взглядъ, одна единственная встрѣча можетъ такъ перевернуть человѣка? Неужели нужно было столько метаться, бродить впотьмахъ, чтобы потомъ вдругъ сразу увидѣть яркій свѣтъ? Какъ непохожа эта дѣвушка на Эльфриду. Быстрая, съ энергичными движеніями и взглядомъ, ясная и увѣренная во всемъ, бѣлокурая, стройная, съ блестящими волосами, гораздо золотистѣе, чѣмъ у Эльфриды. Эльфрида по сравненію съ нею казалась совсѣмъ незначительной, блѣдной. Что, если бы когда-нибудь онѣ сошлись вмѣстѣ!» Ее звали Герта, и ему казалось, что у этой сильной сѣверной дѣвушки и не могло быть иного имени. Завтра онъ опять увидитъ ее, завтра она начнетъ писать его портретъ. Онъ плохо спалъ отъ волненія, и нѣсколько успокоился только тогда, когда увидѣлъ ее въ яркомъ свѣтѣ мастерской, въ длинной бѣлой рабочей блузѣ, съ открытой бѣлоснѣжной шеей, гордо поддерживавшей бѣлокурую головку; ни слѣда робости, натянутости не было во взглядѣ ея большихъ синихъ глазъ, и казалось, будто они давнымъ-давно знали другъ друга, и только случай временно разлучилъ ихъ.

Герта была родомъ изъ сѣверо-западной провинціи Германіи и принадлежала къ старинной дворянской семьѣ, крѣпко державшейся старыхъ традиціи. Но она сумѣла отвоевать себѣ свободу и, противъ воли отца, сдѣлалась художницей. Сначала онъ съ ней поссорился, но затѣмъ, видя ея успѣхъ, постепенно примирился. Счастью его не хватало теперь только, чтобы дочь вернулась домой и вышла замужъ. Но она не стремилась къ этому, хотя самая мысль не была ей непріятна, такъ какъ она любила свой родной городъ, и конечная цѣль ея жизни рисовалась ей въ видѣ картины семейнаго счастья, какъ оно изображается на холстахъ голландскихъ мастеровъ. Однако, эта цѣль была еще далеко. У нея было много сильныхъ увлеченій, но всѣ они заканчивались разочарованіями, не сломившими, впрочемъ, ея сильной натуры. Наконецъ, она познакомилась съ Питтомъ Синтрупомъ, и его мечтательная нерѣшительность, пассивность и податливость его характера привлекли ея жадно стремящуюся къ жизни душу. Питтъ, впервые встрѣчившій такую дѣвушку, тоже былъ охваченъ новымъ чувствомъ. Онъ разсказалъ ей всю свою жизнь, и въ то время, какъ она напряженно слушала его, въ ней все сильнѣе росло желаніе пробудить этого человѣка къ жизни, чего до сихъ поръ не удалось еще никому. Они видѣлись ежедневно, и пока онъ еще думалъ, что окончательное рѣшеніе ихъ судьбы состоится только въ далекомъ будущемъ, для Герты все уже было рѣшено. Тогда наступили дни тѣсной и страстной близости.

Для Питта началась новая жизнь. Прошлое словно исчезло, невѣдомая бодрость и свѣжесть охватили его, въ жизни его явилось какъ будто настоящее содержаніе, наступила пора счастья, уравновѣшенности, яснаго спокойствія, о какомъ онъ даже не смѣлъ мечтать. Въ первые дни онъ ходилъ, какъ во снѣ. Все казалось ему непостижимымъ: неужели же, дѣйствительно, возможно, что онъ можетъ назвать эту дѣвушку своей, что онъ любитъ и любимъ! До сихъ поръ съ чувствомъ любви у него связывалось только представленіе о грусти и самоотреченіи, теперь же онъ чувствовалъ, что по сравненію съ нею все мелко и незначительно. Съ какой гордостью являлся онъ повсюду со своей избранницей!

Сколько времени продлится ея тѣсная связь съ Питтомъ—Герта не знала сама, ее манило всецѣло овладѣть судьбой этого человѣка, котораго она во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ считала ниже себя, а теперь, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ, желаніе это еще усилилось. Сама она не представляла себѣ жизни безъ труда, безъ творческой работы. Они пробыли на югѣ всего дня два-три, потомъ она снова вернулась къ своей работѣ. Питтъ постепенно привыкъ во всемъ подчиняться ей. Она потребовала, чтобы и онъ взялся за работу, и онъ повиновался.

Она заставила Питта при первой же возможности держать экзамены. Онъ отговаривался тѣмъ, что не увѣренъ въ своихъ знаніяхъ. Она сообразила, сколько семестровъ онъ уже провелъ въ университетѣ, потомъ заявила, что если у него нѣтъ этой увѣренности теперь, то ея не будетъ никогда. Надо попробовать; въ худшемъ случаѣ, онъ провалится, а это не такая ужъ бѣда. Она поговорила съ однимъ изъ его профессоровъ, съ которымъ была знакома и встрѣчалась въ обществѣ. Отъ него она узнала; что Питтъ считается въ университетѣ однимъ изъ самыхъ толковыхъ студентовъ, легко разрѣшаетъ самые запутанные казусы, но, къ сожалѣнію, считаетъ всю юриспруденцію пустякомъ. Тогда она употребила все свое вліяніе, чтобы расшевелить его, и Питту очень нравилось, что его подгоняютъ; для видимости онъ продолжалъ протестовать, чтобы заставить ее настаивать еще сильнѣе. Ему нравилось слушать ея горячія убѣжденія, и, наконецъ, онъ съ улыбкой сказалъ: «Ну, что-жъ,—Господи благослови!» И черезъ два мѣсяца сдалъ экзаменъ, а затѣмъ скоро получилъ и докторскій дипломъ,

такъ какъ Герта сказала, что не бѣда, если онъ поработаетъ и еще немножко. Но потомъ началась борьба изъ-за дальнѣйшихъ плановъ. Адвокатомъ онъ не хотѣлъ быть и вообще не желалъ заниматься юриспруденціей, но не могъ придумать и ничего другого. Это открытіе было для нея ново, она смѣялась и называла Питта сумасшедшимъ. Затѣмъ стала уговаривать его каждый день, и кончилось тѣмъ, что Питтъ объявилъ, что онъ согласенъ на все.

— Что же будетъ съ нами дальше?—спрашивалъ онъ иногда.—Я думаю, ты снимешь себѣ отдѣльную квартиру, и мы будемъ навѣщать другъ друга, когда намъ придетъ охота.

— Не будемъ загадывать,—отвѣтила она,—до тѣхъ поръ выяснится, останемся ли мы надолго другъ съ другомъ, или нѣтъ; и если да, то, конечно, намъ придется сдѣлать тотъ шагъ, который дѣлаютъ большинство людей, желающихъ жить вмѣстѣ.

Питтъ невольно скорчилъ гримасу, какъ будто попробовалъ чего-то невкуснаго.

— Развѣ эта мысль такъ ужасаетъ тебя?—спросила она.

— О, нѣтъ,—быстро отвѣтилъ онъ,—вовсе нѣтъ, я поморщился по старой привычкѣ.

Герта часто заговаривала о возможности такого плана, и иногда, какъ бы въ шутку, рисовала картины ихъ будущей жизни. Говорила, что они выстроятъ себѣ красивый домъ, она уже выбрала для него чудесное мѣсто. Во второмъ этажѣ будетъ огромная мастерская, съ видомъ на широкую равнину. Она часто говорила и о людяхъ, съ которыми имъ придется встрѣчаться, о своихъ родителяхъ, родныхъ и знакомыхъ. Питтъ мысленно видѣлъ тогда длинный рядъ портретовъ предковъ, о которыхъ она разсказывала, и удивлялся тѣсной связи ея съ родиной и со всѣмъ, относящимся къ ней. Онъ самъ совершенно не имѣлъ такой связи, и при ея словахъ его нерѣдко охватывало смутное неудовольствіе. Къ нѣкоторымъ людямъ, о которыхъ она говорила особенно часто, онъ питалъ положительное отвращеніе.

— Какъ это можно испытывать такія сильныя родственныя чувства?—сказалъ онъ разъ.

— Это зависитъ отъ родныхъ,—отвѣтила она.

Онъ согласился, хотя и зналъ, что тутъ замѣшаны другія, болѣе глубокія различія. Но ничего не сказалъ, потому что чувствовалъ, что если они начнутъ объ этомъ спорить, и онъ признаетъ, что Герта права, то согласіе это можетъ быть только поверхностнымъ. И вообще вопросъ этотъ касался области, которой онъ не хотѣлъ трогать, которую хотѣлъ какъ можно скорѣе забыть.

— Ты бы хотѣлъ, должно быть,—сказала она какъ-то,—чтобы мы заперлись въ своемъ домѣ и никого въ него не впускали?

Онъ улыбнулся, но въ ту же минуту его пронизало какое-то мучительное ощущеніе при мысли объ этомъ домѣ, въ которомъ они жили бы одни. Онъ еще даже не зналъ его, онъ былъ для него такимъ же чуждымъ, какъ и любой другой домъ. Герта, конечно, тоже не знала его, но говорила о немъ такъ, какъ будто уже жила въ немъ. Она показала ему портреты своихъ родителей, сестеръ и братьевъ: все это были бѣлокурые, рослые люди, въ которыхъ чувствовалась порода. Всѣ были похожи другъ на друга, какъ листья на деревѣ. Ей захотѣлось видѣть портреты и его родныхъ, и Питтъ извлекъ изъ ящика нѣсколько завалявшихся фотографій, данныхъ ему матерью при отъѣздѣ въ университетъ. «Ты не похожъ на отца,—сказала Герта,—и на мать тоже; въ кого это ты такимъ уродился?» Она написала съ него второй портретъ, лучше перваго. Ему казалось, что, несмотря на большое сходство, въ немъ слишкомъ большая

аффектированность. Но онъ не высказалъ этого, а только смотрѣлъ на него, поглощенный своими мыслями.

— Лучше было бы,—сказалъ онъ, наконецъ,—если бы у людей не было тѣла, а одна только голова! Отъ сколькихъ волненій и ужасовъ они избавились бы!

— И это ты говоришь мнѣ?!—воскликнула она, съ изумленіемъ смотря на него, и встрѣтилась съ его тихимъ, какъ будто не видѣвшимъ ее взглядомъ.—Неужели же ты хотѣлъ бы, чтобы мы оба были безтѣлесными? Развѣ тебѣ не дорого мое тѣло?—Онъ не отвѣчалъ.—Какой ты городишь вздоръ! Я больше всего на свѣтѣ люблю свое тѣло, оно мнѣ неизмѣримо дороже моей головы и всѣхъ сидящихъ въ ней мыслей и творческихъ идей. И я скорѣе отказалась бы отъ всего, чѣмъ согласилась бы имѣть самый крошечный физическій недостатокъ. Ты говоришь, какъ старикъ. Стыдись!

Онъ засмѣялся и пожалъ плечами, а увидѣвъ ее передъ собою такою цвѣтущею, съ устремленнымъ на него укоризненнымъ взглядомъ, подумалъ: «Боже мой, конечно, она права, и какъ я благодаренъ за то, что она не безтѣлесна!»—и страстно обнялъ ее.

— Вотъ, видишь, какой ты глупый!—Она крѣпко обхватила его руками и такъ долго держала его, не давая шевельнуться, что мысли его смѣшались, и онъ, уставъ стоять, медленно освободился изъ ея объятій.

— Послушай,—сказала она однажды,—завтра пріѣзжаютъ мои родители; они ѣдутъ въ Италію и пробудутъ здѣсь только одинъ день. Я хотѣла бы, чтобы ты познакомился съ ними.

Питта покоробило.

— Что подумаютъ твои родители?—уклончиво сказалъ онъ.

— Они подумаютъ правду —сказала Герта,—они знаютъ, что я не дитя и живу по своимъ собственнымъ принципамъ. И они примирились съ этимъ. Кромѣ того, мать моя уже знаетъ о тебѣ, она знаетъ обо всемъ, что меня касается, и мнѣ было бы гораздо тяжелѣе въ жизни, если бы я не держалась всегда за нее.

Питтъ былъ чрезвычайно изумленъ этимъ открытіемъ.

— Я думалъ, что твоя мать полна всякихъ предразсудковъ,—сказалъ онъ.

Герта засмѣялась.

— Когда ты ее узнаешь, ты проникнешься къ ней большимъ уваженіемъ. Мнѣ кажется, ты слишкомъ мало уважаешь женщинъ. Вотъ, передъ моимъ отцомъ,—продолжала она,—ты ужъ постарайся. Впрочемъ, ты, можетъ быть, и о немъ имѣешь ложное представленіе. У него очень широкіе взгляды на вещи и на людей. Только къ самымъ близкимъ онъ относится, какъ обыкновенный буржуа. По отношенію къ себѣ-то я его, впрочемъ, ужъ отучила отъ этого. Послѣди за собой, когда будешь разговаривать съ нимъ, для тебя самого будетъ полезно, если ты произведешь на него хорошее впечатлѣніе. Вѣдь, я могу на тебя положиться, ты не наговоришь глупостей? —Онъ не отвѣчалъ, и она тревожно спросила:—Ты, вѣдь, теперь совершенно увѣренъ въ себѣ, не правда-ли?

Питтъ не любилъ такихъ вопросовъ. Герта же часто задавала ихъ. И тогда она казалась ему всякій разъ чужою. Онъ обнялъ ее, поцѣловалъ въ блестящіе душистые волосы и сказалъ:

— Будь спокойна, я ужъ постараюсь не осрамиться передъ твоимъ отцомъ!

Дома Питтъ медленно, нерѣшительно переодѣлся, подошелъ къ зеркалу, долго смотрѣлся въ него—и рѣшительно сбросилъ съ себя сюртукъ, надѣлъ свое обычное платье и ушелъ на нѣсколько часовъ гулять, вмѣсто того, чтобы отправиться знакомиться съ родителями Герты.

Этимъ онъ жестоко оскорбилъ ее.—Неужели у тебя не было абсолютно никакого

желанія познакомиться съ ними?—Онъ покачалъ головой.—По временамъ я тебя совершенно не понимаю!

— И я тебя тоже!—отвѣтилъ онъ, не глядя на нее.

— Имъ труднѣе руководить, чѣмъ я предполагала,—подумала она,—съ нимъ надо большое терпѣніе, и нельзя требовать слишкомъ многаго заразъ. Я всегда говорю черезчуръ много, вмѣсто того, чтобы направлять его безъ словъ.

У нея была потребность отъ времени до времени слышать отъ него подтвержденіе, что онъ внутренно совершенно измѣнился. Она преисполнялась гордостью при мысли о томъ, что ей удалось поднять этого колеблющагося человѣка и вселить въ него увѣренность въ своихъ силахъ. Это сознаніе составляло часть ея любви, которая вслѣдствіе этого пріобрѣла нѣсколько товарищескій характеръ; повсюду и во всемъ она являлась руководительницей, и онъ такъ привыкъ повиноваться ей, что ее вдвойнѣ поражало, когда онъ иногда настаивалъ на своемъ.

Каждое утро, не взирая на погоду, она приходила за нимъ и уводила его гулять; онъ бывалъ уже совсѣмъ готовъ къ ея приходу; раннее вставаніе принесло ему пользу, онъ удивлялся, какъ могъ раньше просыпать такъ большую часть жизни. Черезъ часъ они разставались, она шла работать, онъ тоже. Работа не радовала его, но и не была непріятна. Память, нѣсколько было притупившаяся за послѣднее время, снова стала свѣжа и гибка, какъ въ раннемъ-раннемъ дѣтствѣ.

Иногда онъ ловилъ себя на томъ, что глубоко вздыхаетъ, уставившись въ какой-нибудь уголъ. Онъ улыбался.—Какъ крѣпко сидятъ въ насъ старыя привычки!—думалъ онъ,—ужъ если я и теперь не доволенъ и не счастливъ, то не имѣю никакого права на счастье!

— Послушай,—сказала ему однажды Герта,—кажется, ты опять начинаешь лѣнтяйничать. Вчера ты заставилъ меня ждать цѣлыхъ четверть часа передъ домомъ и сегодня тоже. Знаешь, это не годится. Если такъ будетъ дальше, то придется тебѣ приходить за мной! Ты долженъ привыкнуть къ правильному распредѣленію дня, безъ этого ничего не достигнешь въ жизни.

Онъ рѣшилъ впредь избѣгать такихъ проступковъ, и по вечерамъ, разставаясь съ нею, съ удовольствіемъ думалъ объ утрѣ. Но все чаще случалось, что утромъ онъ просыпался съ чувствомъ: «Боже, опять намъ надо быть вмѣстѣ! Вѣдь, мы же только что видѣлись!» Иногда онъ съ трудомъ удерживался отъ желанія предложить, чтобъ они ходили гулять черезъ день, но онъ зналъ, что она упрекнула бы его въ отсутствіи энергіи. Случалось, что онъ сходилъ внизъ почти съ неудовольствіемъ, но какъ только видѣлъ эту дѣвушку, стоявшую передъ нимъ, какъ стройное молодое дерево, не обращая вниманія на вѣтеръ и дождь, и вспоминалъ, что она принадлежитъ ему одному, когда онъ ощущалъ въ своей рукѣ ея крѣпкую теплую руку, онъ забывалъ о чувствѣ, владѣвшемъ имъ до того. Онъ безпрестанно повторялъ себѣ, что долженъ благодарить за то, что это прелестное существо принадлежитъ ему. И все же, когда они вмѣстѣ шли по полямъ, ему часто хотѣлось быть гдѣ-нибудь далеко отъ нея. Временами ея присутствіе даже угнетало его. Онъ старался отогнать это чувство, но оно настойчиво возвращалось. Тогда онъ становился разсѣянъ и молчаливъ, и она, не понимая, спрашивала, что съ нимъ. Онъ не отвѣчалъ, и видъ у него былъ такой, какой бываетъ у человѣка, которому грозитъ тяжкая болѣзнь.

— Оставь меня одного!—сказалъ онъ разъ, остановившись посреди дороги,—я не знаю, что со мною, но я долженъ остаться одинъ.—Когда же она повернулась и пошла прочь, онъ остановилъ ее:—нѣтъ, нѣтъ, останься, если ты уйдешь, мнѣ будетъ еще страшнѣе!

Эти настроенія повторялись и по вечерамъ, яснѣе, опредѣленнѣе.

— Вѣдь, завтра мы опять увидимся, тебѣ пора спать!

Она посмотрѣла на него, широко раскрывъ глаза: онъ хочетъ уходить сейчасъ, въ ту минуту, когда ей такъ страстно хочется побыть съ нимъ еще? Онъ колебался и оставался или уходилъ, смотря по своему побужденію.

— Я не знаю,—говорила она, въ раздумьи смотря на него,—иногда я чувствую тебя совсѣмъ близкимъ, а иногда мнѣ кажется, что въ дѣйствительности ты совсѣмъ далекъ отъ меня.—Онъ горячо возражалъ ей, потому что слова ея пугали его, такъ какъ высказывали то, что онъ самъ чувствовалъ и не хотѣлъ чувствовать.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ однажды, идя рядомъ съ нею,—что мы видимся черезчуръ часто, наше чувство можетъ притупиться.

Она не поняла.

— Мое чувство нисколько не притупляется. И какъже, по твоему, будетъ потомъ, когда мы станемъ жить вмѣстѣ?

И при этихъ словахъ что-то, выроставшее медленно и постепенно, сразу вырвалось на свѣтъ.

Какъ и когда началось это страшное—онъ не зналъ; онъ отрицалъ его передъ самимъ собою, но оно заявляло о себѣ все сильнѣе и сильнѣе и не давало побѣдить себя. И съ мучительной ясностью онъ вдругъ увидѣлъ то, что давно подозрѣвалъ, но чему не желалъ вѣрить: счастье его достигло апогея и теперь медленными шагами идетъ на убыль. Время перваго блаженства, когда все было такъ непостижимо, такъ ново, давно миновало, дивный даръ обратился въ привычку. Иногда ему казалось, что все съ самаго начала было заблужденіемъ, что въ сущности онъ всегда оставался одинъ... Но онъ съ отчаяніемъ гналъ эту мысль. Что же будетъ, если, дѣйствительно, все такъ и есть, какъ онъ думаетъ, и онъ опять останется одинъ?

При слѣдующемъ свиданіи съ Гертой онъ вначалѣ не могъ взглянуть ей въ глаза, ему казалось, что у него на лбу печать его позора.

— Да что такое? Что съ тобой?—спрашивала она, когда онъ молча сидѣлъ противъ нея, уставившись глазами въ уголъ. Онъ взглядывалъ на нее, какъ раненый звѣрь.

Медленно она начала догадываться о правдѣ.

— Ты разлюбилъ меня?—спросила она однажды.—Онъ не отвѣтилъ.—Ты самъ этого не знаешь?

— Я люблю тебя такъ, какъ не любилъ никого въ жизни!—сказалъ онъ, ища въ этихъ словахъ опоры.

— Такъ что же это такое? Что тебя такъ угнетаетъ?

— Не знаю,—сказалъ онъ.—Я думаю, что это страхъ передъ будущимъ, какимъ ты его иногда рисуешь, тамъ, въ вашемъ городѣ—домъ—твоя семья—мы сами—связанные навсегда...

Она похолодѣла.

— И этого-то ты такъ боишься? Этого можетъ и не быть никогда!—сказала она тихо, и взглядъ ея принялъ полу-печальное, полу-усталое выраженіе.

— Да,—воскликнулъ онъ, вскакивая,—но, вѣдь, это можетъ пройти. Ты знаешь, какой я. Все это случилось со мной такъ быстро, я не могу такъ сразу измѣнить своей натуры, ты уже положила на меня столько труда и терпѣнія, такъ потерпи же еще. Ты сама отлично знаешь, какъ сильно ты меня измѣнила, этого не могъ бы добиться никто, кромѣ тебя.

Она подошла къ нему и, когда руки ея обвились вокругъ его шеи, онъ почувствовалъ, что все дурное исчезло и позабыто.

Но на слѣдующій день повторилось то же. «Если я несчастливъ теперь, значитъ, я не имѣю права на счастье!» Эти слова, которыя онъ столько разъ повторялъ себѣ, уже утратили свою силу и представлялись ему напыщенными и безсодержательными. Онъ жилъ, какъ въ тяжеломъ снѣ. «Ужъ не сошелъ ли я съ ума?—спрашивалъ онъ себя.—Какъ и когда началось все это? Неужели же я, дѣйствительно, разлюбилъ ее?» Но даже и эти монологи утратили свою непосредственную честность, онъ слушалъ ихъ, какъ чужую рѣчь, и уже пересталъ разбирать, что въ немъ искренно и что нѣтъ.

Герта все болѣе и болѣе начинала понимать правду. Для нея наступило время борьбы, вѣчнаго самоотреченія, работы надъ собой и безконечнаго терпѣнія. Она все еще надѣялась, что тяжелое настроеніе Питта пройдетъ. Иногда она сама думала, что лучше имъ видѣться порѣже, и говорила ему, чтобы онъ не приходилъ нѣсколько дней. Когда они послѣ этого встрѣчались, любовь разгоралась въ ней вдвое сильнѣй, тогда какъ на него отдаленіе дѣйствовало обратно. Мало-по-малу гордость ея начала страдать. Она чувствовала, что и этотъ эпизодъ кончится, и не благодаря ей, а благодаря Питту, и это вернуло ей силы. Натура ея все больше возставала противъ его натуры, по существу столь ей чуждой.

— Я знаю,—сказала она однажды,—что ты меня больше не любишь, ты отрицаешь это, говоришь, что твое чувство ко мнѣ не измѣнилось, и ты только боишься того времени, когда мы, можетъ быть, будемъ связаны. Я не хочу сказать, что могу жить съ человѣкомъ, котораго люблю, только въ томъ случаѣ, если впослѣдствіи буду прочно связана съ нимъ; ты знаешь по моей прежней жизни, что я такъ не думаю. Но жить съ человѣкомъ, который въ послѣдующей совмѣстной жизни со мной видитъ только что-то страшное, ужасное, для котораго все остальное не можетъ перевѣсить внѣшнихъ непріятностей жизни, потому что только о нихъ и можетъ быть рѣчь, этого я не могу. Про такого человѣка я могу опредѣленно сказать: «его любовь не такая, какая мнѣ нужна!»

— Да, только одно это и есть!—воскликнулъ онъ.—Только страхъ передъ будущимъ! Ты называешь это внѣшними непріятностями, а для меня онѣ неотдѣлимы отъ всей жизни вообще!

Она еще наполовину вѣрила ему, потому что ей страстно хотѣлось вѣрить. Можетъ быть, этотъ ужасный, безумно прорывающійся страхъ передъ послѣдующей, связанной, буржуазной жизнью, который онъ, казалось, превозмогъ благодаря ея любви,—можетъ быть, дѣйствительно, онъ только послѣдняя вспышка догорающаго пламени? Можетъ быть, все еще наладится?

Нѣкоторое время еще они продолжали жить вмѣстѣ, повидимому, въ прежней близости, но Питтъ все болѣе и болѣе утрачивалъ свою естественность и сталъ казаться ей каррикатурой прежняго Питта. Здоровая натура ея все сильнѣе стала стремиться сбросить это бремя, тяготившее ее все больше. И, наконецъ, она приняла рѣшеніе, которое взвѣшивало уже давно: оборвать все однимъ ударомъ.

Онъ молилъ, заклиналъ ее, она осталась непреклонна. Онъ упрекалъ ее за то, что она больше не любитъ его.

— Наоборотъ!—воскликнула она:—именно потому, что я тебя такъ сильно люблю, я и хочу положить всему конецъ. Я не хочу, чтобы то, что мнѣ дорого, превращалось въ пошлую привычку, которой подчиняются, потому что она установилась. Многія связи даже кончаются при такихъ условіяхъ бракомъ. О немъ мы не говоримъ уже давно, но такъ, какъ все идетъ теперь, дальше идти не можетъ, я слишкомъ хороша, чтобы вести такую жизнь.

— Я люблю тебя такъ, какъ вообще способенъ любить человѣка!—воскликнулъ

онъ, и съ быстротой молніи въ немъ мелькнула мысль: «Какая глупая фраза! Я схожу съ ума! Боже мой, что же это? Ахъ, я не вѣрю въ Бога!»

— Какъ ты вообще способенъ любить человѣка!—воскликнула Герта.—Это, къ сожалѣнію, правда.—Мысли его мѣшались, онъ на минуту даже прикинулъ ея ростъ къ высотѣ комнаты, хотя глаза его и выражали отчаяніе.—Счастье для тебя только самообманъ,—продолжала она.—Ты вообще не способенъ любить. Я не раскаиваюсь, что сошлась съ тобой, но я знаю: какъ ни дороги мнѣ эти воспоминанія, они никогда не овладѣютъ мною, я слишкомъ сильна, чтобы не побѣдить ихъ. Я жалѣю тебя всѣми силами души, но я не могу оставаться съ тобою. Не знаю, выйду ли я когда-нибудь замужъ, но одно несомнѣнно: ты не послѣдній въ моей жизни, для этого во мнѣ слишкомъ сильна жажда жизни.

Все въ ней дышало силой и красотой. Онъ всецѣло отдался власти этой минуты, мучительное страданіе терзало его, и онъ почти съ наслажденіемъ ощущалъ это страданіе. «Я не безчувственъ,—думалъ онъ,—о Боже, иначе я не могъ этого испытывать!» Онъ бросился къ ней и прижался къ ея груди, преисполненный страха передъ раскрывшейся передъ нимъ пустотой. Онъ чувствовалъ ея объятіе, но руки ея обнимали его уже не съ прежней силой.

— Я не могъ уйти отъ тебя,—съ жаромъ воскликнулъ онъ,—ты должна остаться со мною. Ты увидишь, что ошиблась, я не такой, какъ ты думаешь, клянусь тебѣ, я другой, только подожди немного. Вѣдь, это безуміе!

Онъ прижался щекой къ ея головѣ, глядя черезъ ея плечо въ пространство, и встрѣтился со своими собственными глазами, смотрѣвшими на него изъ висящаго напротивъ зеркала. Герта молчала, и онъ нѣсколько успокоился.—Не рѣшай, по крайней мѣрѣ, ничего,—продолжалъ онъ, не отрываясь отъ своего отраженія въ зеркалѣ,—во всякомъ случаѣ, не сейчасъ, когда ты не все уяснила себѣ—И между словъ вдругъ проскользнула мысль: «а, вѣдь, она не подозрѣваетъ, что я вижу ее сзади»!—Подожди хоть день, два, три. Не позволяй мнѣ видѣть тебя эти три дня, а потомъ позови, и тогда я безпрекословно подчинюсь всему, что ты рѣшишь.—Губы въ зеркалѣ сомкнулись: до этого момента Питту казалось, будто это говоритъ тотъ, другой, въ зеркалѣ, а не онъ самъ, хотя онъ и зналъ, что говорилъ онъ. Онъ отвелъ глаза, взглянулъ въ глаза Гертѣ и, словно очнувшись отъ тяжелаго сна, охваченный вдругъ безумнымъ ужасомъ, крѣпко прижался къ ней и залился слезами. Онъ ощущалъ ея тѣло и съ внезапной страшной отчетливостью почувствовалъ: «Это жизнь, настоящая живая жизнь, и она уходитъ отъ меня, единственное живое, что у меня есть!»

Она провела рукой по волосамъ.—Ты правъ,—сказала она.—Можетъ быть, тогда все будетъ по другому.—Но тутъ же подумала: «Нѣтъ, все кончено. Если бы онъ, дѣйствительно, сильно любилъ меня, онъ не умолялъ бы меня, а просто заставилъ бы меня остаться съ нимъ. Черезъ три дня я должна буду сказать ему то же, что и сегодня?»

Онъ выпрямился, она протянула ему руку и проводила до дверей. Они долго смотрѣли въ глаза другъ другу, какъ будто хотѣли заглянуть одинъ другому въ душу, и оба на минуту ощутили ужасъ передъ открытымъ и одновременно замкнутымъ міромъ. И вдругъ она страстно охватила его руками, и онъ почувствовалъ на губахъ ея жаркій поцѣлуй.

На улицѣ напряженное состояніе его разрѣшилось. Какъ будто онъ былъ боленъ и только что перенесъ кризисъ. Непосредственная опасность миновала, и, какъ часто бываетъ при такихъ кризисахъ, что больной, прощавшійся съ жизнью, которая въ ту минуту, какъ ему грозитъ потерять ее, представляется ему драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ, принимаетъ эту самую жизнь, когда она ему возвращается, какъ нѣчто само

собой разумѣвшееся,—такъ и мысли Питта быстро приняли обычное направленіе. Что черезъ три дня Герта останется при своемъ рѣшеніи—этому онъ не вѣрилъ. А онъ самъ? Онъ постарается, чтобы она была довольна имъ. Они поговорятъ, и онъ скажетъ ей, что для нихъ обоихъ будетъ лучше, если они будутъ видѣться не такъ часто.

Но, несмотря на всѣ успокоительныя мысли, онъ все же чувствовалъ какую-то пустоту и подумалъ: «Да что же, въ сущности, измѣнилось противъ прежняго?»

Прошелъ день, второй, начался третій. Неужели Герта приняла его предложеніе буквально? За эти дни имъ овладѣло глубокое угнетеніе. «Это виновата погода—вѣчный туманъ!»—подумалъ онъ, хотя очень любилъ именно туманную погоду.

Вечеромъ онъ пошелъ къ ней по темнымъ улицамъ, озареннымъ красноватымъ мерцаніемъ фонарей, огни которыхъ словно плавали мутными клубами въ сѣромъ сумракѣ.

А вдругъ она осталась при прежнемъ рѣшеніи?

На звонокъ дверь отворила какая-то старуха. Шмыгающей походкой она прошла въ комнату и возвратилась съ письмомъ, оставленнымъ для него барышней.

— А гдѣ же она сама? Развѣ я не могу повидать ее?—быстро спросилъ Питтъ.

— Уѣхала!—отвѣтила старуха и, такъ какъ ей нечего было прибавить, шагнула назадъ и заперла дверь.

У него было такое чувство, какъ будто кто-то грубой ладонью ударилъ его въ лобъ. На лѣстницѣ подъ лампой онъ прочелъ письмо, прочелъ его во второй, въ третій разъ. Онъ не испытывалъ ни боли, ни печали, но его охватило какое-то тупое, равнодушное, призрачное-жуткое чувство. Какъ лунатикъ, вышелъ онъ, наконецъ, на улицу. Онъ не видѣлъ, куда идетъ, шагалъ, не останавливаясь, какъ будто ходьба была единственное, что онъ еще могъ дѣлать на свѣтѣ. Тусклые фонари постепенно остались позади, онъ очутился въ безконечномъ, нѣмомъ туманѣ. Наконецъ, онъ наткнулся ногой на что-то твердое, сѣлъ на скамейку и долго сидѣлъ такъ, устремивъ взглядъ въ пространство.

VIII.

Покинувъ съ протестомъ городъ, въ которомъ жили господинъ Кеннеке и Лотта, Фоксъ Синтрупъ долго кочевалъ изъ одного университета въ другой. Наконецъ, онъ основался въ большомъ городѣ, который ему очень нравился. Онъ мало занимался, но съ теченіемъ времени сдѣлался большимъ гастрономомъ и знатокомъ винъ. Кромѣ того, поддерживалъ дружескія связи съ выдающимися личностями.

Фоксъ зналъ и могъ теперь все; онъ очень много читалъ, много слушалъ, и кое-что потруднѣе заучилъ наизусть изъ напечатанныхъ статей.—Боже мой, у людей «искусство» прямо не сходитъ съ языка, а что такое, собственно, искусство?—Онъ пригвождалъ собесѣдника взглядомъ, и затѣмъ съ видимымъ напряженіемъ ума рождалось какое-нибудь сложное опредѣленіе, которое онъ наканунѣ прочиталъ и зазубрилъ. Онъ пописывалъ и самъ, и въ газетахъ, дѣйствительно, изрѣдка попадались статьи, подписанныя его фамиліей. А раньше вышло въ свѣтъ нѣсколько брошюръ по политическимъ вопросамъ его сочиненія, но, понятно, анонимно, потому что: «Вы, вѣдь, понимаете!..» Въ писательствѣ его сомнѣвались, но при случаѣ, когда его навѣщали пріятели, онъ показывалъ имъ темную каморку, гдѣ грудами лежали запыленныя брошюры, и говорилъ съ сокрушеніемъ: «Да, отъ писательства не разбогатѣешь, особенно, когда есть талантъ».—Брошюры онъ скупилъ по дешевой цѣнѣ въ складахъ, гдѣ онѣ завалялись. Онъ писалъ также статьи о старинныхъ авторахъ; правда, онѣ

не появлялись въ печати, но рукописи хранились у него дома, и онъ ихъ читалъ при случаѣ, при чемъ слушателей поражало замѣчательное проникновеніе въ стиль и языкъ эпохи. Да оно было и неудивительно, потому что «статьи» свои онъ цѣликомъ списывалъ изъ какихъ-нибудь затерявшихся, никому неизвѣстныхъ книгъ. Его старанія сохранять уваженіе людей и постоянно увеличивать его постепенно дошли до смѣшного и требовали гораздо больше труда и изворотливости, чѣмъ прежнія его дѣтскія мистификаціи. И такъ какъ Фоксъ, въ сущности, былъ очень неповоротливъ и лѣнивъ, то это стоило ему большихъ усилій и работы надъ собой. Онъ сдѣлался своей собственной жертвой.

Фоксъ былъ уже старымъ, даже очень старымъ студентомъ, потому что давно уже долженъ былъ сдать экзамены, и господинъ Синтрупъ постоянно указывалъ ему въ своихъ письмахъ на то, что Питтъ давнымъ давно уже «служитъ на пользу родинѣ». Фоксъ утѣшалъ его указаніями на свою блестящую карьеру и на свои «безумныя» способности. И господинъ Синтрупъ утѣшался, такъ какъ вѣрилъ всему и вдобавокъ получалъ печатныя и рукописныя подтвержденія этихъ талантовъ. Но Фоксъ тратилъ невѣроятное количество денегъ, такъ что господинъ Синтрупъ частенько спрашивалъ себя, чѣмъ все это кончится. Фоксъ былъ желаннымъ гостемъ въ большихъ ресторанахъ, такъ какъ извѣстно, что ему ни по чемъ знатно угостить большую компанію, когда онъ въ духѣ. Съ гордостью замѣчалъ онъ, что кончикъ его носа начинаетъ багровѣть, и сокрушеннымъ голосомъ объяснялъ, что это отъ пристрастія къ бургундскимъ винамъ, что и соотвѣтствовало истинѣ. Иногда онъ и самъ горевалъ о своихъ большихъ тратахъ, и основываясь на томъ, что въ розницу покупать дороже, чѣмъ оптомъ, приказывалъ доставлять себѣ цѣлые транспорты закусокъ и изъ тѣхъ же соображеній завелъ собственный винный погребъ. Все это или почти все забиралось въ кредитъ, потому что его считали хорошимъ и надежнымъ кліентомъ. Повсюду онъ производилъ впечатлѣніе лица, вполнѣ достойнаго довѣрія, и самъ считалъ себя чѣмъ-то вродѣ почетнаго члена общества.

По опредѣленнымъ днямъ его аккуратно посѣщала теперь одна дѣвица, занимавшая въ остальное время вполнѣ безупречную и приличную должность. Она была молода и довольно миловидна и получала отъ него ежемѣсячное содержаніе на туалеты, которые всегда были опрятны и нарядны. Она не любила Фокса, но онъ ей нравился. Онъ никогда не спрашивалъ ее о ея прошломъ, но пригрозилъ, что если замѣтитъ что-нибудь подозрительное, то произойдетъ нѣчто ужасное. Отъ предковъ по материнской линіи въ жилы его перешла корсиканская кровь, и опасно доводить ее до кипѣнія.

Дѣвица очень уважала его, и такъ какъ обладала не особенно пылкимъ темпераментомъ, то ей не трудно было соблюдать его приказанія.

— Я не охотникъ до женщинъ съ темпераментомъ,—говорилъ Фоксъ,—куда лучше, когда имѣешь дѣло съ такой, которая ждетъ, пока ты самъ придешь въ настроеніе! У нихъ нѣтъ капризовъ, и на нихъ можно всегда положиться; а когда приходится съ ними разставаться, то это обходится безъ волненія и воплей.

Фоксъ былъ не особенно вѣренъ дамѣ своего сердца, но она и не претендовала на это послѣ того, какъ при первой же просьбѣ соблюдать вѣрность, онъ кратко отрѣзалъ: «Мужчины полигамичны»—Она не поняла и попросила объяснить.

Даже и по отношенію къ этой дѣвицѣ Фоксъ не довольствовался отъ природы данными ему свойствами, но съ ней онъ никогда не пускалъ въ ходъ сложныхъ средствъ, а дѣйствовалъ самыми грубыми, вполнѣ достигавшими цѣли, такъ какъ она вѣрила всему, не интересуясь ничѣмъ.

— «Пожалуй, она чуть-чуть туповата»,—думалъ иногда Фоксъ. Онъ видѣлъ, что

не удастся поднять ее до себя, но это, въ концѣ концовъ, не бѣда: жена Гете по развитію тоже была гораздо ниже олимпійца, съ которымъ онъ, впрочемъ, отнюдь себя не сравнивалъ,—а на дѣвицѣ этой онъ все равно никогда не женится. Она прекрасно знала это и находила вполнѣ понятнымъ.

Такъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ велъ широкую и ничѣмъ не омрачаемую жизнь, какъ вдругъ однажды отецъ написалъ ему, что онъ понесъ большіе убытки, и что Фоксу необходимо немедленно сдать экзамены. Онъ и такъ уже Богъ знаетъ сколько лѣтъ содержитъ его, и теперь терпѣніе его лопнуло. Фоксъ оказался вынужденнымъ пригласить соотвѣтствующихъ субъектовъ, которые натаскали бы его къ экзаменамъ. У него шумѣло въ головѣ отъ зубренія, дѣвица должна была спрашивать его пройденное и, если онъ ошибался, то виновата была она. Послѣ такихъ усиленныхъ занятій, онъ испытывалъ непреодолимую потребность отдохнуть и развлечься. Эти развлеченія сдѣлались очень часты. Легкія вина на него уже не дѣйствовали, онъ сталъ пить крѣпкія, на утро не могъ заниматься, и все-таки не могъ не пить; одно только вино отчасти помогало ему справляться съ тяжелой работой и съ мрачными мыслями, постепенно овладѣвавшими имъ. Онъ чувствовалъ, что безпечальному житью его скоро наступитъ конецъ, тѣмъ болѣе, что и кредиторы его зашевелились и становились все смѣлѣе и смѣлѣе.—Почти безъ перерыва онъ курилъ крѣпкія сигары, руки его начинали дрожать, взглядъ сталъ стекляннымъ. Винные пары, кавардакъ юридическихъ статей и синій дымъ перемѣшивались въ его головѣ. Наступилъ день экзамена. Фоксъ провалился и былъ исключенъ.

На слѣдующій день господинъ Синтрупъ сидѣлъ на диванѣ и просматривалъ биржевые курсы. Ему подали странное письмо: конвертъ былъ разорванъ, безъ марки, и съ помѣткой: запечатанъ на почтѣ. Буквы на адресѣ стояли вкривь и вкось, и также было написано самое письмо, на которомъ засохла какая-то липкая жидкость. Господинъ Синтрупъ разразился негодующими возгласами. Вошла госпожа Синтрупъ еще совсѣмъ заспанная, и узнала, что Фоксъ исключенъ и, мало того: написалъ это письмо совершенно пьяный! Совершенно пьяный! Онъ увѣдомлялъ о своемъ позорѣ, какъ о милой шуткѣ! И тутъ же сообщалъ о своихъ долгахъ!

А Фоксъ въ это время лежалъ на постели, безсмысленно уставившись въ потолокъ, и вспоминалъ, что такое онъ писалъ старику—должно быть, что-нибудь ужасное.

На другой день къ нему явился господинъ Синтрупъ. Вначалѣ онъ былъ такъ раздраженъ, что едва могъ говорить; потомъ гроза разразилась. Фоксъ далъ ей пройти, смиренно, не оправдываясь. Потомъ господинъ Синтрупъ потребовалъ списокъ его долговъ, потребовалъ счета. Дрожащими руками Фоксъ рылся въ ящикахъ и вытаскивалъ одну бумагу за другой, потомъ отвернулся и только слушалъ, какъ отецъ издавалъ носомъ короткіе и злобные звуки, напоминающіе чиханіе собаки.—Наконецъ, господинъ Синтрупъ всталъ, подошелъ вплотную къ Фоксу и устремилъ на него пронизывающій взглядъ.

— Посмѣешь ли ты взглянуть мнѣ въ глаза? Развѣ отецъ подавалъ тебѣ подобные примѣры? Въ твоемъ возрастѣ я давно уже самъ зарабатывалъ себѣ хлѣбъ, а раньше, когда получалъ деньги отъ родителей—такъ я считалъ каждый грошъ, три раза прикидывалъ прежде, чѣмъ истратить его, рѣдко разрѣшалъ себѣ выпить бутылку пива, а когда хотѣлъ побаловать себя селедкой, такъ дѣлилъ ее на два раза. А ты, а ты? Посмотри на своего брата Питта. Онъ тоже неблестящій образецъ, и тоже довольно долго проторчалъ въ университетѣ, но за то въ отношеніи денегъ—онъ идеалъ порядочности! Никогда не истратилъ лишняго пфеннига противъ того, что ему давалось!

— Этого ты не знаешь,—довольно рѣзко возразилъ Фоксъ, сердясь, что ему ставятъ въ примѣръ брата.—Можетъ быть, у него еще больше долговъ, чѣмъ у меня!— Но въ ту же минуту онъ вспомнилъ, что еще недавно просилъ и получилъ отъ Питта довольно крупную сумму. Слова его показались ему недобросовѣстными по отношенію къ брату, и онъ прибавилъ:—Я вовсе не думаю, что оно такъ и есть, но, если бы оказалось такъ, если бы у него было долговъ вдесятеро больше, чѣмъ у меня? Что бы ты сказалъ тогда?

— Превосходная логика!—язвительно замѣтилъ господинъ Синтрупъ.

— Нѣтъ, отвѣть мнѣ, пожалуйста. Предположимъ, что у Питта такіе огромные долги, что, по сравненію съ ними, мои окажутся совсѣмъ маленькими?

— Ерунда!—закричалъ господинъ Синтрупъ.—Покажи мнѣ сначала эти колоссальные долги, а тамъ мы и поговоримъ. Пока же я знаю только о твоихъ.—Онъ яростно стукнулъ кулакомъ по счетамъ. Тутъ были сигарные ящики по пятидесяти, по семидесяти марокъ. А количество закусокъ и разныхъ деликатесовъ, истребленныхъ Фоксомъ—преимущественно безъ участія дѣвицы,—было такъ громадно, что господинъ Синтрупъ въ негодованіи кричалъ, что у него дома за цѣлый годъ не выходитъ столько, хотя жена его тоже большая любительница всякой гастрономіи.

— Что же ты думаешь? Можетъ, воображаешь, что я заплачу за все?!

— Н-нѣ-тъ,—протянулъ Фоксъ, прижатый въ уголъ, хотя въ сущности не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній.

Господинъ Синтрупъ былъ выбитъ изъ своего патетическаго настроенія этимъ короткимъ сухо произнесеннымъ словомъ, потомъ снова придалъ своему голосу значительность и продолжалъ:

— Отнюдь не намѣренъ этого дѣлать, и плохо бы тебѣ пришлось, не будь у тебя такой баловницы матери. На этотъ разъ ты спасенъ. Она уплатитъ твои долги и вычтетъ эту сумму изъ твоей части наслѣдства.

Фоксъ въ изумленіи взглянулъ на него, этого онъ не ожидалъ. Но въ ту же секунду онъ почувствовалъ себя опять на прежней высотѣ, и представился себѣ такимъ же дѣловымъ человѣкомъ, какъ отецъ, потому что деньги, вѣдь, брались изъ его собственныхъ, которыя впослѣдствіи перешли бы къ нему по праву и закону.

— Ну, что-жъ,—сказалъ онъ, поднявъ брови и устремивъ черезъ плечо выразительный взглядъ на отца,—я думаю, что это устраиваетъ дѣло къ общему удовольствію всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Только, пожалуйста, не будемъ больше говорить объ этомъ! Да и вообще,—прибавилъ онъ,—не такъ уже велика была бы и жертва, еслибъ ты заплатилъ мои долги: самое большее черезъ два года, я бы все возвратилъ тебѣ!

— Это прелестно!—язвительно воскликнулъ господинъ Синтрупъ,—должно быть, изъ колоссальныхъ окладовъ? Но, пока что, ты просто глупый мальчишка, живущій на счетъ своихъ родителей!

Фоксъ густо покраснѣлъ:

— Прошу тебя не выражаться такъ, я уже въ такомъ возрастѣ, что могъ бы самъ имѣть дѣтей и не могу позволить, чтобы со мной обращались, какъ съ ребенкомъ. У графа Цицевича, напримѣръ...

— Не смѣй мнѣ совать этихъ старыхъ выдумокъ!—крикнулъ господинъ Синтрупъ такимъ повелительнымъ тономъ, чтъ Фоксъ невольно почувствовалъ себя совсѣмъ маленькимъ. — Господинъ Синтрупъ раздраженно ходилъ по комнатѣ, послѣдовало довольно продолжительное молчаніе, потомъ онъ всталъ противъ Фокса и, раскрывъ

ротъ для заключительной рѣчи, впился въ него пронизывающимъ взглядомъ. Фоксъ хотѣлъ выдержать этотъ взглядъ и попытался отвѣтить такимъ же, обѣ пары глазъ скрестились, какъ бы безмолвно пробуя свои силы, и, наконецъ, побѣдилъ господинъ Синтрупъ.

— Мое рѣшеніе непреклонно,—сказалъ онъ:—ты провалился, проболтавшись нѣсколько лѣтъ. Я даю тебѣ еще одинъ годъ для подготовки, послѣдній, если ты провалишься во второй разъ, то все между нами кончено. Ты не получишь отъ меня ни одного пфеннига, и можешь поступать хоть въ лакеи, мнѣ рѣшительно все равно. Да будетъ это тебѣ извѣстно! Кредиторамъ твоимъ будетъ теперь уплачено, они представятъ счета мнѣ, и я предупрежду ихъ, чтобы впредь они не оказывали тебѣ кредита, такъ какъ въ будущемъ я ни за что не отвѣчаю. А затѣмъ, прощай.

Фоксъ безмолвно проводилъ его до передней, и, когда господинъ Синтрупъ въ дверяхъ еще разъ обернулся, такъ какъ его любящему отцовскому сердцу было грустно разстаться съ сыномъ безъ единаго ласковаго слова, и устремилъ на него полу-строгій, полу-ободряющій взглядъ, на лѣстницѣ появилась Фоксова дѣвица. Господинъ Синтрупъ ея не видѣлъ, но она сейчасъ же догадалась, что это отецъ Фокса, немедленно повернула назадъ и исчезла, рѣшивъ придти въ болѣе благопріятное время.

Оставшись одинъ, Фоксъ погрузился въ мрачное раздумье. Ему казалось, что судьба жестока къ нему. Что долги его заплатили—это было естественно, но что отецъ такъ грубо сказалъ, что больше за него не заплатитъ ни гроша—это было безсердечно и низко. А что онъ вдобавокъ собирается предупредить его поставщиковъ—этому онъ даже не могъ подобрать названія! Правда, старикъ—его отецъ, но въ остальномъ они равны, и господину Синтрупу слѣдовало бы только благодарить Бога за то, что онъ—отецъ Фокса! При другихъ обстоятельствахъ—онъ бы просто вызвалъ его на дуэль, просто на просто вызвалъ бы на дуэль!

Итакъ, теперь предстоитъ работать и экономить!

Для начала Фоксъ еще разъ накупилъ себѣ разныхъ тонкихъ лакомствъ, какъ для поминальнаго пира; наѣвшись до отвала, онъ пришелъ къ заключенію, что ему не трудно будетъ отказаться впредь отъ всѣхъ этихъ прелестей. Попыхивая великолѣпной гаванной, легко было думать, что можно обойтись безъ дорогихъ сигаръ. И отъ дорогого вина въ будущемъ придется тоже отказаться. Это показалось ему легче, потому что у него оставался еще небольшой запасъ въ погребѣ. Онъ покончилъ съ нимъ въ короткое время, чтобы очистить мѣсто. И вотъ наступилъ моментъ, когда это будущее дѣйствительно началось. Съ чувствомъ ведомой на закланіе жертвы, онъ купилъ цѣлый ящикъ самыхъ дешевыхъ сигаръ, зажегъ одну и съ нескрываемымъ ожесточеніемъ уставился на тлѣющій кончикъ ея.—Да, вѣдь, это же мерзость, чистѣйшая мерзость!—проговорилъ онъ вслухъ оскорбленнымъ тономъ и отставилъ ящикъ.—Одна хорошая настоящая гаванна не разоритъ меня! А этотъ ящикъ можетъ остаться для гостей.—За первой гаванной послѣдовала вторая, потомъ третья и такъ далѣе, съ тою разницей, что теперь онъ покупалъ ихъ поштучно. А когда вино было допито, онъ сталъ покупать его отдѣльными бутылками. Единственной, на комъ отозвалась эта экономія, оказалась дѣвица. Фоксъ пересталъ угощать ее виномъ, а давалъ только чай, субсидіи же на туалеты совершенно прекратились. Билетовъ въ театръ ей тоже не перепадало. Фоксъ объяснилъ ей, что у отца его произошла заминка въ дѣлахъ, но онъ надѣется, что время стѣсненій скоро пройдетъ. Дѣвица не была подготовлена къ такой перемѣнѣ. Фоксъ, правда, неоднократно обращался къ ней за деньгами, и она охотно давала ему, но это случалось только, когда у него бывали одни

сотенные билеты, и, во всякомъ случаѣ, суммы были ничтожны. Теперь же она сообразила, какъ обстоитъ дѣло, и однажды преспокойно заявила, что не желаетъ больше имѣть съ нимъ ничего общаго. Онъ упрекалъ ее, говорилъ, что истинная любовь превозмогаетъ все, но она отвѣтила, что нѣтъ, этого она не можетъ превозмочь, и на всѣ его доводы сохраняла тотъ же упрямый и злобный видъ. А когда онъ сказалъ: «Ну, такъ до свиданья въ будущую пятницу!»—она угрюмо промолчала. Въ ближайшую пятницу она не пришла.—«Ну, чтожъ!—подумалъ Фоксъ,—не хочетъ,—дѣло ея. Слѣдующую съ самаго начала надо будетъ держать построже».

И, дѣйствительно, появилась вторая дѣвица, похуже лицомъ, чѣмъ первая, но гораздо живѣе, даже черезчуръ живая. Вначалѣ Фоксъ молчалъ, предполагая: «Авось, она угомонится!» но она такъ и не угомонилась. Фоксъ не любилъ чрезмѣрной оживленности. Да и вообще, первая дѣвица была гораздо пріятнѣе! Онъ написалъ ей сентиментальное письмо, а самъ подъ рукой сталъ высматривать третью, предоставивъ судьбѣ рѣшить, которая изъ трехъ обоснуется у него. На слѣдующей недѣлѣ первая пріятельница вернулась, и, получивъ деньги на «туалеты», заявила, что прошлое забыто и погребено. Вторая дѣвица покинула поле дѣйствій такъ же внезапно, какъ и появилась, прихвативъ съ собой нѣсколько цѣнныхъ предметовъ, но безъ признаковъ какой-либо обиды. Первая, основная дѣвица нашла пару шпилекъ своей соперницы, но сейчасъ же поняла, что Фоксъ, естественно, долженъ былъ кѣмъ-нибудь замѣнить ее, и сунула шпильки въ свои волосы.

Фоксъ жилъ теперь почти такъ же, какъ раньше. Онъ избѣгалъ старыхъ кредиторовъ и нашелъ новыхъ, о занятіяхъ почти не было рѣчи, развѣ только въ письмахъ домой. Надъ головой его снова собиралась гроза, но и на этотъ разъ онъ былъ спасенъ, благодаря печальному, въ сущности, событію: госпожа Синтрупъ внезапно скончалась, оставивъ распоряженіе, чтобы часть материнскаго наслѣдства, которую они получили бы въ будущемъ, была выплачена имъ теперь же. Господинъ Синтрупъ разсказывалъ, что его жена умерла скоропостижно отъ удара. Подробности же были весьма прискорбны. Однажды, послѣ званаго обѣда, госпожа Синтрупъ сидѣла на диванѣ и спала. Проснувшись, она вспомнила, что отъ обѣда осталось много салата изъ омаровъ. Она скушала его, аппетитъ ея возбудился, и она припомнила, что осталась и цѣлая половина марципановаго торта. Она скушала и его. Потомъ вспомнила, что сегодня пекли свѣжій черный хлѣбъ, приказала принести себѣ большой ломоть, жирно намазала его масломъ и тоже скушала, хотя уже и черезъ силу. Вотъ тутъ-то съ ней и приключился первый ударъ, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ второй. Она сознавала, что пришелъ ея конецъ, и сдѣлала послѣднія распоряженія, къ великому огорченію господина Синтрупа, не видѣвшаго въ этомъ ничего хорошаго для своихъ сыновей.

Фоксъ былъ искренно огорченъ, а узнавъ затѣмъ о завѣщаніи, и потрясенъ такой добротой. Правда, ему сейчасъ же пришло въ голову, что, пожалуй, доброта-то ужъ не такъ велика—вѣдь, онъ все равно получилъ бы эти деньги впослѣдствіи—но онъ прогналъ эту мысль и сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, это, дѣйствительно, великодушно. Это былъ послѣдній благородный поступокъ, съ которымъ она разсталась съ жизнью!» И отпраздновалъ память матери совсѣмъ одинъ въ ресторанѣ. Онъ занялъ маленькій кабинетъ, заказалъ бутылку шампанскаго и два бокала, заперъ дверь, налилъ оба бокала, долго глубокомысленно смотрѣлъ на нихъ и, наконецъ, проговорилъ: «Въ память о тебѣ, мама!» Потомъ выпилъ свой бокалъ и, не зная, что дѣлать со вторымъ, выпилъ и его. Потомъ тяжело вздохнулъ и подумалъ: «Да, все, все теперь кончено! Какъ она меня любила! Еслибъ кто-нибудь меня сейчасъ увидѣлъ! Сынъ, въ одиночествѣ приносящій дань памяти покинувшей его матери!» И слезы выступили у него на глазахъ.

Серьезно, не глядя по сторонамъ, онъ вышелъ, наконецъ, изъ кабинета, и лакеи съ изумленіемъ поглядѣли ему вслѣдъ, думая, что онъ сошелъ съ ума.

Съ экзаменами было покончено разъ навсегда, господинъ Синтрупъ былъ въ отчаяніи, но Фоксъ развязно написалъ ему, что ему должно быть безразлично, что онъ дѣлаетъ, разъ онъ живетъ теперь не на его деньги, и сослался на Питта, который тоже бросилъ службу и отправился путешествовать.

Господинъ Синтрупъ былъ крайне огорченъ: что будетъ съ его сыновьями! А онъ такъ работалъ ради нихъ, и все напрасно! Да и самъ онъ тоже не совсѣмъ еще покончилъ съ жизнью! Въ немъ поднималось раздраженіе противъ судьбы. Дѣловыя поѣздки его становились все чаще и чаще, и все чаще заканчивались совсѣмъ недѣловымъ образомъ. Ужъ не жениться ли ему вторично? Маузи, вѣдь, сама говорила ему: «Не горюй обо мнѣ, это безцѣльно и глупо. Человѣкъ живетъ и умираетъ; когда его не было, никто о немъ и не думалъ, такъ что же тутъ особеннаго?»—Да, Маузи сама сказала такъ и даже напомнила ему, что онъ и во время ихъ долгой совмѣстной жизни не всегда былъ ей вѣренъ.—Для начала онъ взялъ экономку,—и скоро объ немъ и объ этой пріѣзжей, пышной и полной дамѣ, въ глазахъ которой отражались вовсе не однѣ хозяйственныя добродѣтели, пошли самые подозрительные слухи. Знакомые стали сторониться его, и только нѣсколько холостяковъ являлись въ домъ, интересуясь новымъ положеніемъ вещей.

Питтъ путешествовалъ, Фоксъ нашелъ, что и ему тоже необходимо прокатиться заграницу. Но въ то время, какъ Питтъ разумно тратилъ свои деньги, высчитывая, на сколько времени ихъ можетъ хватить, Фоксъ моталъ ихъ зря, такъ какъ ѣздилъ не одинъ.

Черезъ два мѣсяца Фоксъ вернулся.—«Люди разные,—сказалъ онъ своей дѣвицѣ,—братъ мой все еще бродитъ по свѣту, а я сказалъ себѣ, что дома все же лучше: имѣешь собственный уголъ, и потомъ... ну да, я прямо стосковался по тебѣ! Такой, въ лучшемъ смыслѣ слова, непритязательной особы, какъ ты, не найти! Я тебѣ все время былъ вѣренъ, духовно вѣренъ, съ самаго начала до конца, клянусь Богомъ! А теперь мы славно заживемъ вмѣстѣ, вѣдь, правда?»—Онъ обнялъ дѣвицу за талію, и она сказала: «Ахъ, не дави же меня такъ, Робертъ!» Его прозвище «Фоксъ» было ей неизвѣстно.

Вокругъ него образовался цѣлый кружокъ лицъ, льстившихъ ему и пользовавшихся его деньгами. Они окружали Фокса, какъ штабъ, и онъ иногда говорилъ своей пріятельницѣ: «Право, дѣло вовсе не въ томъ, чтобы бывать непремѣнно у министровъ; настоящую аристократію, аристократію ума можно найти и въ другомъ мѣстѣ. Я прямо удивляюсь, откуда у моихъ знакомыхъ столько истинной скромности, такое чистосердечное признаніе значительности другого лица—я имѣю въ виду себя».

Мало-по-малу Фокса стали обстоятельно обсасывать. Пріятели его уже не довольствовались однимъ угощеніемъ, а брали и деньги. Онъ давалъ ихъ и никогда не получалъ обратно. Часто онъ пробовалъ отказать, но не могъ: слишкомъ ужъ пріятно было сунуть руку въ жилетный карманъ и позвякивать тамъ золотушками, какъ будто это были простые мѣдяки, слишкомъ пріятно было въ это время сознавать, что другой говоритъ себѣ: «Да, ему хорошо, для него ничего не значитъ имѣть на пару золотыхъ меньше».

Нѣкоторое время Фоксъ могъ вести такую привольную жизнь, но затѣмъ снова настала пора заботъ. Онъ подсчиталъ, сколько времени можетъ еще просуществовать, а затѣмъ Питтъ получилъ письмо, въ которомъ Фоксъ выражалъ увѣренность, что у Питта найдется нѣкоторая сумма для брата, и Питтъ послалъ ему крупную сумму.

хотя и сознавалъ, что этимъ приближаетъ конецъ своего собственнаго привольнаго существованія. Но онъ подумалъ: «этихъ денегъ, можетъ быть, хватило бы мнѣ на лишнихъ полгода, будемъ считать, что онѣ уже прожиты».

Фоксъ протянулъ еще два мѣсяца, а затѣмъ начались прежнія бѣды. Онъ давно уже надѣлалъ долговъ, еще тогда, когда могъ былъ платить наличными, и, какъ и въ первый разъ, кредиторы его начали безпокоиться, сначала по одиночкѣ, потомъ всѣ вмѣстѣ и все настойчивѣе. Ему удалось совершить новые займы, которые онъ употребилъ частью на уплату старыхъ долговъ. И въ заключеніе онъ ввелъ въ свою дѣятельность строго продуманную систему: одинъ кредиторъ долженъ былъ замѣнять другого. Всѣ составляли замкнутое цѣлое, слабо колебавшееся то въ ту, то въ другую сторону, когда Фоксъ перемѣщалъ центръ тяжести. Но постепенно отъ этой щепки, на которой онъ носился, стали отламываться отдѣльные куски, она становилась все меньше и меньше, и ему перестали давать взаймы.

— Что же теперь будетъ?—думалъ онъ все чаще и чаще. Просить еще разъ отца о помощи казалось ему безцѣльнымъ, такъ какъ онъ даже не зналъ хорошенько, совсѣмъ онъ порвалъ съ нимъ отношенія или нѣтъ. Если въ первый разъ кредиторы были дерзки и надоѣдливы, то теперь они набросились на него, какъ стая собакъ. Каждый хотѣлъ урвать свою частицу изъ общаго разоренія. Поступки Фокса сдѣлались лихорадочны и несообразны. Онъ посылалъ своимъ поставщикамъ букеты цвѣтовъ, какъ примадоннамъ. Распродавалъ свои вещи; золотые часы и брилліантовый перстень, старыя фамильныя драгоцѣнности переселились въ ломбардъ. Наконецъ, онъ все же рѣшилъ написать отцу — въ худшемъ случаѣ, онъ могъ только отказать. Онъ просилъ у него поддержки на годъ и объ уплатѣ долговъ. За это онъ обязывался сдать экзамены, а деньги должны были считаться займомъ. Отвѣтъ господина Синтрупа представлялъ собою сплошной крикъ ярости. Фоксъ даже не узналъ его почерка, утратившаго свой обычный дѣловой и каллиграфическій характеръ. Письмо кончалось такъ: «Или я отдамъ тебя приказчикомъ въ магазинъ въ какомъ-нибудь городѣ, гдѣ ни тебя, ни меня не знаютъ, и заплачу твои долги, или все останется такъ, какъ есть, и ты можешь отправляться, куда угодно, и я не желаю ничего о тебѣ знать!»

Чувство глубокаго угнетенія, вначалѣ владѣвшее Фоксомъ, смѣнилось яростнымъ негодованіемъ, превратившимся въ его отвѣтѣ въ холодную, вѣжливую сдержанность: отъ поступленія въ приказчики онъ отказывается, относительно же своихъ будущихъ плановъ позволяетъ себѣ умолчать, такъ какъ не предполагаетъ въ своемъ отцѣ интереса къ нимъ, и даже, еслибъ таковой и существовалъ, не видитъ возможности его удовлетворить. Письмо онъ послалъ заказнымъ и рѣшилъ отвѣтъ отослать нераспечатаннымъ. Онъ хотѣлъ показать отцу, что значитъ полное достоинства поведеніе! Но отвѣта не получилось и тогда онъ подумалъ: «Ну, это, навѣрное, штуки той особы, которая у него живетъ! Безъ нея старикъ былъ бы совсѣмъ другимъ».

Что же оставалось дѣлать? Бѣжать? Куда? Выходъ этотъ казался ему безумнымъ.—Но развѣ въ безуміи не кроется иногда смыслъ, и даже глубокій смыслъ, который не легко обнаружить? Такъ ли ужъ безумно, если я уѣду отсюда? Развѣ я не могу достигнуть своего въ любомъ мѣстѣ? И лучше тамъ, гдѣ меня никто не знаетъ, чѣмъ въ этой проклятой дырѣ!—Онъ вспомнилъ, что и въ романахъ часто описываются такіе поворотные пункты, когда нельзя предугадать, что произойдетъ дальше и гдѣ это случится. Онъ чувствовалъ, что онъ пришелъ именно къ поворотному моменту своей жизни. «Исповѣдь» свою онъ напишетъ впослѣдствіи; кажется, и Руссо служилъ одно время лакеемъ, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ?—Онъ готовъ принять всякую долж-

ность, исполнять самую черную работу—въ увѣренности, что жизнь вознаградитъ его за это тѣмъ щедрѣе.

Пришедшая въ пятницу дѣвица уже не застала его: хозяйка въ слезахъ разсказала ей, что въ воскресенье поѣхала на дачу, а когда вернулась, то жилецъ ея исчезъ вмѣстѣ со своими сундуками и прочимъ имуществомъ. Она сейчасъ же послала отцу его телеграмму, но господинъ Синтрупъ отвѣтилъ, что сынъ его совершеннолѣтній, и онъ не отвѣчаетъ за его поступки. Дѣвица не стала тратить времени на слова и пошла въ комнату Фокса, посмотрѣть, не оставилъ ли онъ чего-нибудь, чѣмъ бы она могла попользоваться, но даже бутылка ликера, стоявшая всегда въ углу за роялемъ, даже и та не была забыта Фоксомъ: она стояла пустая, совершенно пустая, и когда дѣвица поднесла ее къ носу, изъ горлышка потянуло затхлымъ, кисловатымъ запахомъ отстоя.

IX.

Фоксъ Синтрупъ сидѣлъ въ вагонѣ четвертаго класса и ѣхалъ въ маленькій захолустный городокъ. Вотъ, это истинно-романтическое отсутствіе цѣли, неопредѣленное блужданіе въ пространствѣ!—Теперь надо смѣло взглянуть въ глаза нуждѣ!—говорилъ онъ себѣ. Онъ вспомнилъ, что у него осталась еще одна настоящая гаванна, спасенная отъ крушенія, нашелъ ее въ карманѣ, нѣсколько помятую, но все же годную. Она прогнала окружавшій его тяжелый воздухъ. Что же онъ будетъ дѣлать въ этомъ городишкѣ, куда поѣздъ несетъ его съ быстротой семи метровъ въ секунду? Петръ Великій работалъ на корабельныхъ верфяхъ. Но тамъ нѣтъ моря.—Надо какъ-нибудь использовать свои знанія. Поступить писцомъ къ авдокату? Все возмутилось въ немъ при этой мысли. Но въ Америкѣ даже аристократы служатъ лакеями! Это вѣрно! Графъ Цицевичъ, напримѣръ!—Въ самомъ дѣлѣ, не поступить ли ему писцомъ, попутно подготовиться къ экзаменамъ, а потомъ похлопать отца по плечу и сказать: «Вотъ, видишь, мой милый, обошлось и безъ тебя!» Фоксъ уже былъ убѣжденъ, что черезъ годъ будетъ адвокатомъ—ему уже шелъ 29-й годъ—и потомъ двинется впередъ гигантскими шагами.

На утро онъ прибылъ къ цѣли своего путешествія. Вотъ вокзалъ, построенный изъ унылыхъ красныхъ кирпичей. Передъ нимъ, серьезно поклевывая червяковъ, бродили куры. При видѣ ихъ, ему почему-то невольно вспомнилась его дѣвица. Онъ совершенно позабылъ проститься съ нею! Ну, она тоже относится къ прошлому. Немногіе пассажиры разошлись. Фоксъ оглянулся по сторонамъ.—Зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?—проговорилъ онъ вполголоса,—вѣдь, это же совсѣмъ пакостный городишка!—Онъ подумалъ, не поѣхать ему въ ближайшій большой городъ—но какъ быть съ деньгами? Онъ пересчиталъ свою наличность. Не хватитъ! Не могу же я проѣздить всѣ свои деньги зря.—Все это онъ говорилъ такъ, какъ будто обращался къ кому-то другому, заманившему его въ это болото, и онъ упрекалъ его за глупость и безсмысленность этого шага. Онъ выбралъ лучшую гостиницу, полагая, что это произведетъ хорошее впечатлѣніе на адвокатовъ, къ которымъ онъ пойдетъ. Въ тоненькомъ адресномъ календарѣ онъ нашелъ четырехъ представителей этой профессіи, обошелъ всѣхъ четверыхъ, и всѣ сказали, что свободныхъ мѣстъ у нихъ нѣтъ.—Такъ создайте его для меня! Я выдающаяся сила! Имѣю университесетское образованіе! Я не простой писецъ! Гораздо выше!—Одинъ далъ ему золотой. Фоксъ взялъ, сначала не понявъ, въ чемъ дѣло, внимательно посмотрѣлъ на него, а затѣмъ устремилъ на адвоката такой выразительный взглядъ, что тотъ расхохотался и добродушно взялъ монету обрат-

но. Другой—послѣдній изъ четвертыхъ, посовѣтовалъ ему обратиться въ судъ: тамъ какъ разъ освободилось мѣсто швейцара. При этихъ словахъ Фоксъ сразу выросъ въ длину и ширину.—Если бы вы знали,—сказалъ онъ, сопровождая свои слова печальнымъ, укоризненнымъ взоромъ,—кто передъ вами, вы бы не сказали мнѣ этого!—Адвокатъ съ изумленіемъ взглянулъ на него, потомъ тоже расхохотался. И вотъ Фоксъ снова очутился на улицѣ, на этой отвратительной захолустной улицѣ и думалъ: «Что же дальше?» Передъ однимъ домомъ было большое скопленіе народа, множество дѣтей тѣснилось у воротъ, минутами вся толпа отливала назадъ, и тогда выходили господинъ или дама, чрезвычайно нарядно одѣтые. Группы взрослыхъ стояли на противоположной панели и тоже смотрѣли съ интересомъ въ эту сторону, а изъ всѣхъ оконъ ближайшихъ домовъ обитатели ихъ переговаривались со стоящими внизу.—«Германъ Штейнертъ директоръ театра» —прочиталъ Фоксъ на вывѣскѣ у двери.—Дрянь!—презрительно подумалъ онъ,—такъ низко я еще не палъ!—Потомъ онъ пошелъ дальше и злился, встрѣчая на каждомъ углу тѣхъ же самыхъ людей.

— Я могъ бы поселиться здѣсь въ качествѣ учителя музыки!—подумалъ онъ вдругъ, услышавъ скверный рояль, звуки котораго, вырываясь изъ какого-то окна, наполняли всю улицу.—Для этого нужно имѣть только рояль и апломбъ. За рояль можно и не заплатить, а апломбъ у меня есть. Ужъ я сумѣю устроиться! Подсяду просто вечеромъ къ столику мѣстной знати: вѣрно, она вся ютится въ какомъ-нибудь кафе. Мысль поступить въ писцы показалась ему теперь нелѣпой. А вдругъ въ числѣ завсегдатаевъ гостиницы окажутся тѣ четверо адвокатовъ, и они узнаютъ его. Тогда репутація его погибла! Онъ зашелъ въ парикмахерскую, велѣлъ сбрить себѣ бороду и усы и, увидѣвъ въ зеркалѣ свое гладкое лицо, съ тревогой подумалъ, не повредилъ ли себѣ этимъ для полученія какой-нибудь должности, при которой необходимо имѣть бороду.

Когда онъ вечеромъ вернулся въ свою гостиницу, горничная остановилась на порогѣ и впилась въ него глазами.

— Когда же начинается театръ?—спросила она, наконецъ, медленно и съ любопытствомъ.

— Театръ?—Фоксъ поднялъ брови и вытаращилъ на нее глаза.

Она фыркнула.

— Вѣдь, вы—комикъ?—спросила она, весело блестя глазами.

— Комикъ? Убирайтесь вонъ!—сказалъ Фоксъ.

Онъ тщательно переодѣлся, ничто не должно было напоминать о его прежнемъ положеніи.

— Когда начинаются спектакли?—скромно спросилъ лакей, прислуживая ему за столомъ.

— Сегодня!—съ досадой отвѣтилъ Фоксъ. Лакей принялъ это за шутку. Послѣ обѣда Фоксъ спросилъ швейцара, гдѣ собираются мѣстные аристократы. Швейцаръ сначала нѣсколько удивился, потомъ сказалъ и прибавилъ:

— Господину Штейнерту везетъ! Ему чуть было не пришлось отказаться отъ всѣхъ комедій и фарсовъ. Вчера его комикъ телеграфируетъ ему, что не можетъ пріѣхать, а сегодня онъ уже нашелъ другого. Онъ можетъ спокойно начинать сезонъ. Вотъ ужъ истинно дѣловой человѣкъ!

— А почему вы знаете, что я—комикъ?

— Да, вѣдь, вы сами изволили сказать дѣвушкѣ!

Фоксъ пожалъ плечами; не стоило объяснять этимъ людишкамъ, что онъ правительственный чиновникъ—нѣтъ, что же онъ въ сущности такое?—писецъ, камерный

виртуозъ—Фоксъ и самъ не зналъ въ эту минуту, что онъ такое. Онъ вышелъ на улицу. Пусть себѣ думаютъ, что хотятъ. Это все изъ-за бороды! Боже, что за проклятая мостовая! И какое ужасное освѣщеніе! Онъ замѣтилъ, что почти во всѣхъ домахъ темно.—Въ которомъ же часу здѣсь ложатся спать?—подумалъ онъ, невольно останавливаясь. Да тутъ кто-то храпитъ въ нижнемъ этажѣ! За гардиной! Я ясно слышу сквозь окно! Положительно, кто-то храпитъ!—Вдругъ онъ очутился передъ указаннымъ ресторанномъ. А швейцаръ разсказывалъ ему такъ, какъ будто онъ находится Богъ вѣсть гдѣ. Два шага!

Въ ресторанѣ сидѣли одни бородатые мужчины, большинство въ очкахъ. Большая комната была пропитана запахомъ скверпаго табаку. За нѣкоторыми столиками играли въ карты. Всѣ подняли головы при входѣ Фокса и съ любопытствомъ оглядѣли его. Ну, надо показать себя! Быстрымъ широкимъ движеніемъ онъ сбросилъ плащъ, сѣлъ за свободный столикъ и побарабанилъ пальцами. Потомъ спросилъ лакея, не оставилъ ли баронъ фонъ-Штрамбахъ для него письма: фонъ-Синтрупъ, камерный виртуозъ. Лакей отвѣтилъ отрицательно, съ почтительнымъ сожалѣніемъ въ голосѣ.

— Нѣтъ!—воскликнулъ Фоксъ и вскочилъ со стула. Потомъ сейчасъ же приказалъ отправить телеграмму: «Барона Штрамбаха нѣтъ. Временно остается прежнее». Адресована она была все тому же старому другу, военному министру. И Фоксъ мысленно усмѣхнулся, потому что добрый старичекъ уже часто получалъ отъ него разныя вѣсти, а на этотъ разъ его ночью поднимутъ съ постели телеграммой.—Онъ достигъ желаемаго результата. Въ одну минуту въ ресторанѣ стало извѣстно все, и лакей подошелъ къ нему съ порученіемъ отъ мѣстныхъ аристократовъ, попросить его пожаловать къ ихъ столику. Его деликатно спросили о военномъ министрѣ, Фоксъ объяснилъ, что баронъ Штрамбахъ его другъ, и разсказалъ, что онъ здѣсь по поводу «одного крайне прискорбнаго дѣла», въ которомъ дѣйствуетъ, какъ довѣренное лицо. А у военнаго министра прелестная дочь, которой онъ давалъ уроки музыки. Его спросили, не думаетъ ли онъ дать здѣсь концертъ. Фоксъ покачалъ головой и отвѣтилъ, что концертировалъ до сихъ поръ только въ большихъ городахъ.—Ахъ, какъ жаль, страшно жаль! Тутъ рядомъ есть рояль, можетъ быть, вы доставите намъ великое удовольствіе, если это не черезчуръ навязчиво съ нашей стороны?—Фоксъ скорчилъ сокрушенную мину: вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ не прикасался къ клавишамъ, впрочемъ, нервы его теперь значительно поправились.—«Ну, вотъ, видите! Разъ вамъ теперь лучше...»

Фоксъ поломался еще немножко, потомъ исчезъ съ покорно-привѣтливымъ лицомъ, и тотчасъ же изъ сосѣдней комнаты загремѣли звуки баллады изъ «Летучаго Голландца», которую Фоксъ зналъ наизусть.

Титулъ камернаго виртуоза, при содѣйствіи полнаго отсутствія критики, сдѣлалъ свое дѣло. Фоксъ вышелъ изъ сосѣдней комнаты съ такимъ видомъ, словно только-что взялъ горячую ванну, и былъ встрѣченъ громкими «браво». Онъ бранилъ отвратительный рояль. Одни защищали рояль, другіе говорили, что у нихъ дома имѣется лучшій.

— Если вы пробудете здѣсь нѣкоторое время, вы обязательно должны оказать намъ честь!

Фоксъ изъявилъ полную готовность, если пробудетъ здѣсь долго, что весьма сомнительно.—Онъ не прочь и взять нѣсколько уроковъ, отъ гонорара онъ отказывается, такъ какъ у него положительно потребность обучать талантливую молодежь музыкѣ. Онъ сказалъ это тому самому адвокату, который утромъ совѣтовалъ ему поступить швейцаромъ въ судъ, и тотъ кивнулъ и отвѣтилъ: «Браво, это настоящая филантропія! Жаль, что у меня нѣтъ дѣтей, а то я бы сейчасъ отдалъ ихъ учиться къ вамъ, разумѣется, не безплатно, объ этомъ не можетъ и быть рѣчи».

— Поговорите съ моей женой. Наша Гретхенъ, правда, уже беретъ уроки, но мы оба не совсѣмъ довольны. Конечно, не безплатно—если только вы не предъявите чрезмѣрныхъ требованій.—Фоксъ сказалъ, что онъ попробуетъ, а насчетъ гонорара всегда можно столковаться, все дѣло въ самой Гретхенъ, настолько она талантлива.

Онъ подождалъ новыхъ предложеній, а самъ въ это время думалъ: «Почему же никто больше не обращается ко мнѣ? Вѣдь, теперь всякая скотина учится на рояли»— Но нашелся еще только одинъ тощій судейскій, да и тотъ отступилъ передъ заявленіемъ Фокса о безплатномъ преподаваніи.

Фоксъ нахмурился и рѣшилъ пока оставить совсѣмъ эту тему. Еслибъ у него было хоть столько денегъ, чтобы прожить мѣсяца два безъ уроковъ, онъ устроился бы потомъ, въ этомъ у него не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Даже если бы и обнаружилось, что онъ знаетъ всего семь пьесъ. Вѣдь, при преподаваніи собственная виртуозность не играетъ роли, лучшіе виртуозы часто какъ разъ плохіе учителя—и наоборотъ! Нельзя же сразу попросить авансъ у отца Гретхенъ!—Онъ придумалъ новый планъ раздобыть денегъ, и притомъ сейчасъ же.—Господа играютъ?—спросилъ онъ. Началась игра, ставки были самыя минимальныя. Онъ разсказалъ объ офицерскихъ клубахъ, въ которыхъ онъ бывалъ, тамъ золотыя монеты такъ и летаютъ; развѣ здѣсь всегда играютъ только на мелочь?—Всегда!—былъ отвѣтъ, и одинъ пожилой чиновникъ мрачно покосился на него черезъ очки и ворчливо выразилъ надежду, что легкомысленный духъ всегда останется чуждъ этому городу.—«Ну, съ этими господами не на что разсчитывать!—подумалъ Фоксъ,—копѣечники, мелочные, дрянные людишки! И какую рань здѣсь собираются спать!» Ресторанъ уже совсѣмъ опустѣлъ. Что ему здѣсь дѣлать? И что будетъ завтра? Смутно онъ видѣлъ себя опять въ поѣздѣ, по дорогѣ къ отцу.—Вдругъ онъ замѣтилъ, что двое изъ четверыхъ его адвокатовъ отошли въ уголъ и тихонько переговариваются; одинъ внимательно повернулъ голову по направленію къ Фоксу, потомъ взглянулъ на своего коллегу и отрицательно мотнулъ головой. На Фокса это подѣйствовало очень непріятно. Онъ простился со своей компаніей и снова очутился на улицѣ.

Передъ гостиницей стоялъ швейцаръ, поджидавшій пріѣзжихъ съ вечерняго поѣзда, и разговаривалъ съ однимъ изъ адвокатовъ. Фоксъ молча поклонился и быстро пошелъ въ подъѣздъ, но замѣтилъ, какъ оба посмотрѣли ему вслѣдъ.—Комната его выходила на улицу. Въ этой трущобѣ, гдѣ въ одиннадцать часовъ царила мертвая тишина, каждое слово, сказанное на улицѣ, разносилось на далекое разстояніе. Фоксъ не зажегъ огня и осторожно пріотворилъ окно.—Какъ?—спрашивалъ господинъ внизу,—развѣ онъ комикъ?—Да, я могу сказать это навѣрное; онъ пріѣхалъ сегодня утромъ, днемъ сбрилъ бороду, да и горничной онъ самъ сказалъ!—Ну вотъ, видите. Я узналъ его съ перваго взгляда. Господинъ аптекарь, господинъ аптекарь! Поздравляю васъ съ учителемъ музыки для вашей Гретхенъ!—Кучка запоздавшихъ завсегдатаевъ пивной шла по улицѣ.—Тш!—сказалъ швейцаръ и осторожно глянулъ наверхъ, но, не увидѣвъ огня въ запертомъ окнѣ, успокоился.—Но что все это значитъ?—спросилъ одинъ, выслушавъ разсказъ о визитахъ Фокса къ адвокатамъ.—Ужъ не сумасшедшій ли онъ? Что это значитъ?—повторилъ одинъ изъ четверыхъ.—Очень просто: мистификація! Онъ хотѣлъ съ перваго же дня пріобрѣсти популярность въ городѣ, и я долженъ сказать, что роль свою онъ выполнилъ образцово. Комикъ можетъ себѣ иногда позволить то, что не дозволено другимъ. Говорю вамъ: какъ онъ сегодня посмотрѣлъ на золотой, который я ему далъ: я чуть не лопнулъ со смѣху! А вечеромъ онъ разыгралъ нервно-больного артиста—чуточку онъ толстоватъ, но что-жъ подѣлать! И онъ, вѣдь, великолѣпно

игралъ! Я хочу сказать, на рояли! Чудесный малый! На его первый выходъ я возьму себѣ самое лучшее мѣсто, обязательно! Онъ—оригиналъ.»

Наконецъ, подъѣхалъ пустой омнибусъ, и говорившіе разошлись, продолжая смѣяться.

Молча зажегъ Фоксъ свѣчу, молча, неподвижно взглянулъ въ зеркало, и молча отвѣтило зеркало на его взглядъ. Молча онъ раздѣлся, взобрался на кровать, натянулъ одѣяло и уставился въ бѣлый горизонтъ простыни, простиравшійся у его носа.

— Что же теперь дѣлать?—думалъ онъ, по привычкѣ попробовавъ покрутить усы, которыхъ уже не было. Вся душа его рвалась къ какому-нибудь поступку, который вернулъ бы ему самоуваженіе. Онъ яростно плюнулъ черезъ кровать до противоположной стѣны. Но этимъ вопросъ не рѣшался. «Уѣхать!—подумалъ онъ наконецъ, —уѣхать съ первымъ же поѣздомъ Но куда?»

Вдругъ его охватила страшная злоба противъ отца; онъ вскочилъ съ постели и сталъ расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ. «Все я терпѣлъ, все, но это зашло уже слишкомъ далеко! Я буду судиться! Отецъ обязанъ прилично содержать меня!» Но онъ самъ чувствовалъ нелѣпость своихъ словъ. И вдругъ остановился посреди комнаты: а что, если онъ завтра пойдетъ къ директору, что если онъ, дѣйствительно, сдѣлается актеромъ? Тогда, вѣдь, все уладится, онъ восторжествуетъ надъ этимъ мѣщанскимъ обществомъ! Директору нуженъ актеръ, иначе онъ не можетъ ставить извѣстныхъ пьесъ. Фоксъ не сказалъ: комедій и фарсовъ, потому что пока игнорировалъ слово «комикъ».—Вообще: почемъ знать, можетъ быть, выслушавъ какую-нибудь роль, которую я разучивалъ съ Зандеромъ, онъ возьметъ меня на амплуа героевъ? Можетъ, у него нѣтъ и героя, кто это знаетъ? А немножко поиграть на сценѣ—что-жъ, развѣ этого не дѣлалъ Вильгельмъ Мейстеръ? А адвокату онъ разсмѣется въ лицо и когда-нибудь вечеромъ войдетъ опять въ ресторанъ и скажетъ: «Господа, это тоже была мистификація, потому что, въ сущности, я и не актеръ, но отецъ мой настолько дальновиденъ, что не хочетъ прямо со школьной скамьи запрягать своего сына въ работу, а предоставляетъ ему свободу развить въ себѣ и другіе таланты и способности, и изучить свѣтъ. Этотъ воспитательный принципъ имѣетъ прообразы и въ воспитательныхъ романахъ Гете». Вотъ, какъ онъ скажетъ о своемъ отцѣ, который, видитъ Богъ, не заслужилъ этого.

Проходя утромъ мимо швейцара, онъ подтянулъ уголки рта и звучнымъ голосомъ спросилъ: «А вы слышали, какъ ловко я провелъ вчера здѣшнихъ господъ?»

— Блестяще, прямо блестяще!—ухмыльнулся швейцаръ.

Сознаніе собственнаго достоинства снова вернулось къ Фоксу. Онъ явился къ директору Штейнерту, еще молодому на видъ, гладко выбритому господину съ черными глазами, въ роговомъ пенснэ. Кромѣ него, въ комнатѣ находилась еще старая дама съ густыми каштановыми волосами, причесанными на ровный, какъ по линейкѣ, проборъ.—Сообщеніе швейцара подтвердилось: господинъ Штейнертъ былъ въ затрудненіи, правда, агентамъ были посланы телеграммы, но сезонъ уже начался, лучшія силы были заняты, а взять начинающаго дирекція боялась. Фоксъ заявилъ, что онъ вполнѣ законченный актеръ, обучался у господина фонъ-Зандера. При этой фамиліи господинъ Штейнертъ сдѣлалъ легкій поклонъ, такъ какъ зналъ ее по газетнымъ объявленіямъ. Далѣе Фоксъ прибавилъ, что принадлежитъ къ весьма почтенной семьѣ и несравненно образованнѣе большинства актеровъ.

— Ну, теперь слушайте!—И началъ произносить роль, которую разучивалъ и безъ конца репетировалъ съ Зандеромъ, и потому всего лучше помнилъ. Благодаря урокамъ пѣнія, голосъ его сталъ ровнѣе, и господинъ Штейнертъ прервалъ его на

половинѣ фразы замѣчаніемъ, что онъ уже довольно слышалъ, талантъ у него несомнѣнный, внѣшнія данныя даже блестящія, но—«вѣдь, намъ нуженъ комикъ, а не герой!»—Да, я не комикъ,—сказалъ Фоксъ самымъ сухимъ тономъ, и устремилъ на Штейнерта тотъ же полуукоризненный, полунегодующій взглядъ, такъ разсмѣшившій горничную.

— Это не бѣда!—процѣдила вдругъ старая дама сквозь рядъ чрезвычайно бѣлыхъ зубовъ, протяжнымъ, пѣвучимъ голосомъ, видимо, весьма обширнаго діапазона,—это не бѣда! Онъ не комикъ, но можетъ имъ сдѣлаться. Когда вы вошли въ комнату,—она повернулась къ Фоксу,—когда вы поставили свою шляпу на комодъ,—одно это движеніе,—говорю вамъ:—я чуть не разсмѣялась. Повѣрьте мнѣ: у меня чутье на людей! Я уже тридцать лѣтъ состою при театрѣ! Достаточно вамъ только ступить на сцену, и вся публика покатится со смѣху. Я вовсе не хочу обидѣть васъ!—продолжала она, замѣтивъ оскорбленный взглядъ Фокса,—наоборотъ: истинные комики теперь рѣдки! Оставайтесь у насъ.—Господинъ Штейнертъ возразилъ, что Фоксъ не знаетъ нужныхъ ролей.—Такъ онъ ихъ выучитъ!—сказала дама своимъ упрямымъ жалобнымъ голосомъ.—Актеры запоминаютъ быстро, а у насъ нужно работать энергично, къ этому всѣ ужъ привыкли. Вы должны знать: мой мужъ и я мы стоимъ за идеальное въ искусствѣ!—Фоксъ съ изумленіемъ взглянулъ сначала на нее, потомъ на Штейнерта: неужели она его жена?—«И потомъ, Германъ, вѣдь, роли ему нужно выучить не на завтра и не на послѣзавтра, а только къ будущей недѣлѣ. Мы открываемъ театръ классической пьесой, значитъ, онъ намъ не понадобится,—а водевиль только въ воскресенье. До тѣхъ поръ много времени, а кромѣ того, будутъ и репетиціи!—Господинъ Штейнертъ по-прежнему сомнѣвался.—Да и публика здѣсь не такъ требовательна, какъ въ столицѣ! Словомъ,—тонъ ея сталъ нетерпѣливъ и рѣзокъ,—мнѣ нравится этотъ молодой человѣкъ! Онъ будетъ расти вмѣстѣ со своими задачами. Вѣдь, мое мнѣніе тоже имѣетъ нѣкоторое значеніе,—голосъ ея снова сталъ пѣвучъ,—и я настойчиво рекомендую тебѣ этого юношу, отнюдь, впрочемъ не желая какимъ-либо образомъ вліять на твое рѣшеніе,—закончила она самымъ елейнымъ тономъ. Господинъ Штейнертъ бросилъ на нее украдкой злобный взглядъ, котораго она не замѣтила, и проговорилъ—«Хорошо, Ида, попробуемъ. Вы согласны?—обратился онъ къ Фоксу.

Въ душѣ Фокса боролись правительственный чиновникъ и актеръ. Въ томъ, что онъ легко выучитъ и будетъ безупречно играть всѣ роли, не было сомнѣнія. Но выступать на потѣху людямъ?! Однако, Мольеръ и Шекспиръ тоже были актерами, и оба создали сами множество комическихъ ролей. А онъ имѣетъ передъ ними то преимущество, что не дастъ на потѣху своего стариннаго имени, а прикроетъ его псевдонимомъ.

— А какъ относительно гонорара?—спросилъ онъ.—Господинъ Штейнертъ обмѣнялся взглядомъ съ женой и назвалъ затѣмъ сумму, на которую едва-едва можно было просуществовать впроголодь. Фоксъ снова заколебался.—Германъ, мы могли бы прибавить ему еще пять марокъ!—Господинъ Штейнертъ пристально глянулъ на нее сквозь пенснэ.—Итакъ, вамъ прибавляется еще пять марокъ!—сказалъ онъ Фоксу,—сюртукъ, фракъ, смокингъ и прочее у васъ имѣются?—Фоксъ подавилъ крѣпкое словцо и отвѣтилъ:—разумѣется!—господинъ Штейнертъ досталъ два контракта, подписалъ одинъ и отдалъ оба Фоксу съ просьбой внимательно проштудировать ихъ дома и возвратить ему послѣ обѣда второй контрактъ со своей подписью.—Да, вѣдь, онъ можетъ прочитать его и сейчасъ! Къ чему эти церемоніи!—Но Фоксъ унесъ контрактъ съ собой въ гостиницу.—Шестьсотъ марокъ неустойки за нарушеніе контракта! Значитъ, такъ легко удрать мнѣ не удастся, а то придется имѣть дѣло съ полиціей.

Хорстъ Зигмариненъ—таковъ былъ избранный имъ псевдонимъ, имя было звучное и вызывало представленіе о выпущенной дворянской частицѣ.

И вотъ, Фоксъ сдѣлался актеромъ. Онъ переѣхалъ въ маленькую меблированную комнату и тамъ принялся зубрить, готовясь къ «Теткѣ Чарли».—Идіотская пьеса! Ни капли настоящаго юмора!—На слѣдующее утро состоялось первая репетиція.

— Да, вѣдь, это сарай!—воскликнулъ Фоксъ, увидѣвъ «театръ»—сарай безъ дверей! Гдѣ же дверь?!—Театръ помѣщался въ нежиломъ и заброшенномъ домѣ съ сѣрымъ, облупившимся фасадомъ, такъ какъ только въ немъ имѣлась большая зала.

Старая дама давно уже была на сценѣ, она руководила всѣмъ, замѣняла режиссера; повидимому, отъ нея зависѣло все. Фоксъ сталъ произносить свою роль тономъ лейтенанта. Господинъ Штейнертъ былъ въ отчаяніи.—Такъ не годится, вы должны взять болѣе женственный, дамскій тонъ!. — Но госпожа Ида сказала:—Оставь его, Гераманъ! Какъ разъ это-то и эффектно. Это дѣйствуетъ прямо необычайно! Эта сухость, дѣловитость прямо неподражаемы! А ты представь себѣ еще къ этому парикъ и женское платье, публика лопнетъ со смѣха!—Фоксъ вернулся домой въ весьма угнетенномъ настроеніи. Все здѣсь было ему противно, и актеры, и актрисы! Что за компанія! Ни съ кѣмъ изъ нихъ онъ не скажетъ внѣ стѣнъ театра ни слова—это рѣшено!

О дамахъ смѣшно даже и говорить! Одѣты, какъ самыя послѣднія швейки. Всѣ были на «ты», къ нему тоже обращались на «ты», онъ ничего не могъ съ этимъ подѣлать!

Приближалось представленіе «Тетки Чарли». Фоксъ вызубрилъ свою роль, заткнувъ уши, какъ школьникъ. Директорша съ большимъ бріо сыграла на рояли вступительный галопъ, потомъ супругъ ея поднялъ занавѣсъ, причемъ для того, чтобы привести его въ движеніе, долженъ былъ самъ подвѣситься на веревкѣ. Фоксъ не испытывалъ ни малѣйшей театральной лихорадки. Сквозь дырку въ занавѣскѣ онъ заглянулъ до начала представленія въ зрительный залъ и испытывалъ только презрѣніе къ этой мѣщанской толпѣ, пьющей пиво, курящей и радующейся перерыву въ своей тупой будничной жизни.

Когда онъ вышелъ на сцену, мѣстами раздались аплодисменты, такъ какъ его узнали; тощій чиновникъ и отецъ Гретхенъ, которыхъ все это время изрядно поддразнивали знакомые, было шикнули, но это только дало поводъ къ новымъ рукоплесканіямъ. Фоксъ выступилъ впередъ, какъ знаменитый гастролеръ, и поклонился.—Назадъ — зашипѣлъ директоръ, полуиспуганно, полу-радостно,—вы нарушаете ансамбль!—Когда же Фоксъ, какъ бы въ разсѣянности, взглянулъ на своихъ партнеровъ, точно говоря: «Ахъ, вы еще здѣсь, я совсѣмъ позабылъ о васъ!»—снова разразились аплодисменты. До момента переодѣванія публика была спокойна, но когда онъ уже въ женскомъ платьѣ началъ метаться то туда, то сюда, спотыкаясь и пугаясь въ платьѣ, и бросая злобные взгляды, какъ взбѣшенный котъ, преслѣдуемый собаками, то успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Публика приняла то, что было въ дѣйствительности неумѣлостью, за утонченное искусство, и завсегдатаи ресторана говорили: «да, такъ играть, какъ онъ, можетъ только необычайно геніальный человѣкъ!» Въ концѣ Фоксъ нѣсколько разъ выходилъ раскланиваться. Директорша выразила ему свою признательность, съ пафосомъ говорила, что пророчество ея сбылось, и привлекла его голову на свою грудь, отъ которой пахло непровѣтреннымъ платьемъ.—«Эти актеры,—подумалъ Фоксъ, въ скобкахъ посылая директоршу къ чорту,—ни въ чемъ не умѣютъ соблюдать границъ!» «Тетку Чарли» повторили сейчасъ же еще разъ, а затѣмъ перешли къ дальнѣйшимъ пьесамъ.

Фоксъ принималъ каждую роль съ подавленнымъ протестомъ, и игралъ съ плохоскрываемымъ отвращеніемъ. Вначалѣ онъ достигалъ того же хорошаго результата,

но, въ концѣ концовъ, его стали находить скучнымъ. Господинъ Штейнертъ сталъ давать ему преимущественно роли въ шаржахъ и все болѣе и болѣе убѣждался, что не пріобрѣлъ въ Фоксѣ хорошаго сотрудника. Фоксъ былъ этимъ очень доволенъ, подчеркивалъ Штейнерту, что онъ собственно «герой», и не питалъ никакого раздраженія противъ молодого актера, котораго господинъ Штейнертъ выпустилъ для пробы въ его роли, но и въ шаржахъ Фоксъ игралъ точно также, и директоръ постоянно упрекалъ его.—Послушайте,—говорилъ онъ ему,—вы вездѣ играете, какъ въ «Теткѣ Чарли», нельзя же такъ! Но Фоксъ не принималъ вину на себя. Съ раздраженіемъ смотрѣлъ онъ на его черноглазое лицо съ привязанной бѣлокурой германской бородкой и возражалъ:

— Достаньте раньше другія декораціи! Въ вашемъ «Теллѣ» все точь-въ-точь, какъ въ «Теткѣ Чарли». Какая же тутъ возможна иллюзія!? И костюмы все одни и тѣ же. Половины дѣйствующихъ лицъ у васъ не хватаетъ, что же можно требовать отъ одного!

Дѣйствительно, во всемъ царила система самой невѣроятной экономіи. Для грима и переодѣванія существовало только двѣ уборныхъ, одна для мужчинъ, другая для дамъ, и только у дамъ было зеркало, которое госпожа Штейнертъ каждый разъ послѣ спектакля уносила домой, такъ какъ оно составляло ея частную собственность. Цѣльныхъ костюмовъ тоже не было, отдѣльныя части ихъ примѣнялись въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Какъ въ лавкѣ старьевщика, каждый выискивалъ себѣ то, что казалось ему нужнымъ или достойнымъ вожделѣнія, и старая красная бархатная мантія съ истертымъ золотымъ галуномъ составляла предметъ серьезныхъ ссоръ между дамскимъ персоналомъ. У одного директора имѣлись собственные костюмы, которыми никто не смѣлъ пользоваться.

Такое же смѣшеніе, какъ въ костюмахъ, существовало и въ отношеніяхъ между актерами: только директоръ и его семья вели строго замкнутый образъ жизни, Фоксъ зналъ теперь въ точности его исторію. Госпожа Штейнертъ была вдовой театральнаго директора, подходящаго ей по годамъ. Еще при его жизни, господинъ Штейнертъ, поступившій въ театръ, съ успѣхомъ домогался расположенія ихъ дочери. Директоръ умеръ, и господинъ Штейнертъ предложилъ вдовѣ, что онъ женится на ея дочери и одновременно займетъ директорское мѣсто ея мужа. Но мать заявила, что путь къ этому мѣсту лежитъ только черезъ бракъ съ нею самою. Тогда онъ рѣшилъ жениться на ней. Но госпожа Штейнертъ не могла помѣшать ему сохранять вѣрность ея дочери. Вначалѣ она возмущалась, но потомъ постепенно примирилась, такъ какъ онъ не пренебрегалъ и ею, особенно въ первое время брака. Только въ послѣдніе годы отношенія между супругами нѣсколько охладѣли, и госпожа Штейнертъ вознаграждала себя тѣмъ, что забрала себѣ право рѣшающаго голоса во всемъ; мужъ ея былъ директоромъ только по имени, на дѣлѣ же ворочала всѣмъ она.

Когда она увидѣла въ первый разъ Фокса, въ старѣющее сердце ея словно упалъ солнечный лучъ, а Фоксъ, обязанный ей благодарностью за то, что она сразу прозрѣла его талантъ и доставила ему ангажементъ, относился къ ней всегда съ рыцарской вѣжливостью. Когда они бывали одни, она часто гладила его руку и называла его «сыночкомъ», что, впрочемъ, ему не особенно нравилось. Онъ всегда первый получалъ свое жалованье, и такъ какъ ему не хватало его до конца мѣсяца, она выдавала ему авансъ, подчеркивая значительнымъ тономъ, что дѣлаетъ это только для него.—Поистинѣ, благородная женщина!—думалъ онъ. Она приглашала его иногда къ себѣ, когда оставалась одна, и угощала ликеромъ, до котораго сама была большая охотница. Она жаловалась ему на свою горькую судьбу, на свое одиночество. Онъ думалъ: «Бѣдная женщина!» и гладилъ ея руку, но потомъ уже не могъ высвободить своей, такъ какъ она крѣпко зажимала ее.

— Я съ удовольствіемъ прибавила бы вамъ жалованья,—сказала она однажды, —я сдѣлаю для васъ все, только пожалѣйте меня немножко!—Она подсѣла къ нему совсѣмъ близко и положила голову къ нему на плечо. Фоксъ осторожно отодвинулся, всталъ и сказалъ изысканно-любезнымъ тономъ:

— Сударыня, вы, дѣйствительно, нуждаетесь въ бережномъ отношеніи. Можетъ быть, вы хотите немножко отдохнуть! Разрѣшите мнѣ поэтому удалиться!—Она сейчасъ же поняла.

— Да, да,—протянула она своимъ пѣвучимъ голосомъ, смѣривъ его выразительнымъ взглядомъ,—вы правы, и я благодарна вамъ за то, что вы уходите, гостямъ это невсегда пріятно говорить. До свиданья,—вечеромъ увидимся въ театрѣ.

Но съ тѣхъ поръ его уже перестали угощать ликеромъ, а когда онъ въ слѣдующій разъ попросилъ аванса, она равнодушно покачала головой и сказала:

— Нѣтъ, это невозможно, при всемъ моемъ желаніи, это невозможно, мужъ и такъ уже упрекаетъ меня, что я слишкомъ выдѣляю васъ, и остальные актеры недовольны. Мой мужъ директоръ, я должна повиноваться ему!—Увы мнѣ!—подумалъ Фоксъ,—теперь я понимаю!—Если подсчитать всѣ ваши авансы,—продолжала она,—то вамъ врядъ ли придется получить что-нибудь за весь остатокъ сезона. Я даже боюсь, что вы должны будете доплатить мнѣ. Я все записывала и могу доказать это чернымъ по бѣлому вашими расписками.—Вотъ какъ она заговорила теперь, а раньше—и не только въ послѣдній разъ на диванѣ,—она намекала ему, что хочетъ увеличить его окладъ, и ему даже казалось, что это совсѣмъ уже рѣшено, хотя и на словахъ только. Онъ не могъ разобрать, что же собственно составляетъ авансы, а что прибавку, и сказалъ ей объ этомъ. Она изумленно посмотрѣла на него, потомъ разсмѣялась:

— Какъ вы наивны! Еслибы я сегодня выиграла милліонъ, я сейчасъ же раздѣлила бы его между вами и всей остальной труппой, потому что у меня нѣтъ никакихъ потребностей, и я люблю своихъ актеровъ, какъ мать. Но отдавать вамъ преимущество передъ другими—этого у меня никогда и въ мысляхъ не было!

— Но вы же сами говорили мнѣ...

— Словомъ,—прервала она, и голосъ ея сталъ вдругъ почти по-мужски низокъ и суровъ,—словомъ, я не желаю вести подобныхъ разговоровъ. Прежде, чѣмъ требовать преимуществъ передъ другими, покажите сначала свои собственныя преимущества! Мой мужъ совершенно правъ: вы портите намъ сборы. Повсюду только и слышно: «Сучный Зигмарпненъ»! И въ газетахъ пишутъ тоже самое!

— Это не моя вина!

— Чья же?

— Того, кто его написалъ! Это зависитъ отъ вкуса того человѣка, а вовсе не отъ меня. Никто не можетъ вылѣзть изъ своей кожи!

— Вотъ въ томъ-то и дѣло!—воскликнула она,—вы постоянно торчите въ своей кожѣ, а публикѣ предоставляете выходить изъ себя!

— При такомъ тонѣ я не вижу возможности продолжать бесѣду!—заявилъ Фоксъ и удалился съ ледянымъ поклономъ, а госпожа Ида крикнула ему вслѣдъ:

— Въ васъ нѣтъ никакихъ стремленій къ идеальному!

Фоксъ снова очутился у поворотнаго пункта своей жизни. Здѣсь негдѣ было занять ни гроша, у дирекціи онъ былъ въ долгу; какъ актеръ, онъ сталъ уже почти невозможенъ—онъ самъ понималъ это—необходимъ былъ какой-нибудь спасительный прыжокъ. Прежде всего достать денегъ, чтобы имѣть средства осуществить хоть какой-нибудь планъ. Къ отцу онъ не могъ обратиться, прежніе друзья отреклись бы отъ него,—оставался одинъ Питтъ.

Въ послѣднее время братья мало переписывались, но Фоксъ зналъ, что Питтъ довольно давно уже занимаетъ новую выгодную должность. Не написать ли ему о своемъ бѣдственномъ положеніи и не попросить ли денегъ? Но ему было стыдно. Вдругъ онъ вспомнилъ, что у Питта осталась цѣлая куча его рукописей, которыя онъ передалъ ему при своемъ отъѣздѣ. Питтъ долженъ непремѣнно помѣстить ихъ въ какомъ-нибудь журналѣ и сейчасъ же переслать гонораръ. «Правда, писалъ онъ въ концѣ своего письма,—мнѣ живется чудесно, но ты, вѣдь, знаешь, что у артистовъ—широкая натура, и деньги быстро плывутъ въ ихъ рукахъ!» Гонораръ получился изумительно быстро, и гораздо болѣе крупный, чѣмъ онъ разсчитывалъ. Питтъ писалъ, что онъ чувствуетъ, что Фокса театръ не особенно удовлетворяетъ, и спрашивалъ, не желалъ ли бы, онъ заняться литературой, кстати, онъ можетъ случайно помочь ему получить очень хорошее мѣсто. Фоксъ ухватился за эту возможность обѣими руками. Прошло нѣсколько дней, затѣмъ Питтъ телеграфировалъ: «Пріѣзжай немедленно.» Фоксъ держалъ телеграмму въ рукахъ: слова звучали, какъ зовъ освобожденія, и онъ подумалъ: «Питтъ славный малый, ей Богу, чудесный малый, хотя, вѣроятно, этимъ приглашеніемъ я обязанъ своимъ собственнымъ статьямъ, но все-таки онъ здорово все устроилъ!»

Онъ справился съ путеводителемъ и узналъ, что скорый поѣздъ отходитъ какъ разъ вечеромъ, во время послѣдняго акта. Онъ долженъ былъ играть. Вотъ такъ сюрпризъ получится, когда его не будетъ!

— Господинъ Зигмариненъ! Скорѣе, скорѣе, сейчасъ ваша реплика!—кричалъ директоръ. Фоксъ умышленно запоздалъ.—Синтрупъ,—сказалъ онъ,—моя фамилія Синтрупъ, редакторъ Синтрупъ.

— Бросьте эти штуки. Сострите когда-нибудь на сценѣ, и я буду доволенъ. Ну, живѣе!—Фоксъ мямлилъ и игралъ хуже обыкновеннаго. За кулисой госпожа Штейнертъ махала обѣими руками, чтобы ускорить темпъ.—Ахъ ты, старое пугало,—думалъ Фоксъ,—посмотримъ, какую рожу ты скорчишь сегодня, — и говорилъ свою роль, точно, того и гляди, заснетъ. Въ антрактѣ на него накинулись съ упреками, которые онъ выслушалъ съ усмѣшкой.

— Да вы пьяны!?—спросилъ вдругъ господинъ Штейнертъ,—рекомендую вамъ послѣдить за собой, иначе я спою вамъ другую пѣсенку!

— Я прикажу васъ отодрать!—сухо отвѣтилъ Фоксъ.

— Боже милостивый, онъ помѣшался,—вскрикнула жалобно госпожа Штейнертъ. Директоръ бросился на него.

— Ну, ну, дѣтки, не волнуйтесь,—я пошутилъ,—сказалъ Фоксъ и засмѣялся.— Раздался звонокъ, госпожа Штейнертъ поспѣшила къ роялю, а ея мужъ къ занавѣсу. Начинался послѣдній актъ, Фоксъ появлялся только въ концѣ. Онъ быстро переодѣлся въ пустой уборной, такъ какъ всѣ были заняты на сценѣ, умышленно не снялъ фальшивую бороду,—изъ вычесанныхъ волосъ директорши—потомъ вышелъ изъ театра.

Представленіе шло, онъ долженъ былъ появиться съ минуты на минуту; одинъ изъ актеровъ продекламировалъ: «Но кто же приближается быстрыми шагами?» и всѣ дѣйствующія лица устремили взоры на раскрытую дверь. За сценой послышались разговоры, поспѣшные шаги, затѣмъ наступила мертвая тишина, и—занавѣсъ упалъ. Въ театрѣ чуть не началась паника, но директоръ вышелъ къ рампѣ и съ полнымъ самообладаніемъ заявилъ, что одному изъ участвующихъ сдѣлалось внезапно дурно, такъ что необходимо сдѣлать маленькую паузу, а затѣмъ вся сцена будетъ повторена сначала. —Уважаемая публика,—закончилъ онъ,—тѣмъ временемъ можетъ насладиться матеріальными благами, которыя въ такомъ совершенствѣ изготовляетъ нашъ почтенный рестораторъ!

Онъ удалился за занавѣсъ, и тутъ начались лихорадочные поиски Фокса Синтрупа. Обыскали всѣ щелки.—Поищите его на площади!—приказалъ директоръ,—можетъ быть, ему, дѣйствительно, стало скверно, и онъ вышелъ освѣжиться...—Онъ самъ помчался по лѣстницѣ.—Германъ, Германъ! ты простудишься,—закричала его жена,—Боже мой, здѣсь такъ жарко, ты весь въ поту,— она понеслась за нимъ съ шалью.

Маленькая площадь съ скучными одноэтажными домами была уныла и безмолвна, только пестрая вывѣска стекольщика Кулемана хлопала на вѣтру.

— Бѣги къ нему на квартиру, а я сбѣгаю въ пивную,—крикнулъ директоръ,—надо найти его. Черезъ пять минутъ мы вернемся.

Тѣмъ временемъ въ зрительномъ залѣ, неизвѣстно откуда и какъ, распространился слухъ, что Зигмариненъ внезапно сошелъ съ ума и бѣснуется на площади. Двое любопытныхъ подошли къ двери, за ними послѣдовало еще нѣсколько, потомъ вся толпа густой массой устремилась къ лѣстницѣ и выбѣжала на площадь. Въ отдаленіи поблескивала каска полисмена.— «Тамъ, тамъ, онъ побѣжалъ за уголъ, городовой видѣлъ, какъ кто-то побѣжалъ за уголъ!»—Одна группа устремилась въ указанномъ направленіи, другіе закричали: «Да, вѣдь, это самъ директоръ». Тѣмъ временемъ, остальные актеры, увидѣвъ, что публика разошлась, тоже бросились изъ театра. На маленькой площади царили теперь небывалый шумъ и оживленіе, и сонные дома все чаще поблескивали усталыми, открывавшимися то тутъ, то тамъ глазами.— «Вотъ онъ, вотъ онъ!» —крикнулъ кто-то, указывая въ переулокъ. Дѣйствительно, тамъ бѣжала темная фигура. По пятамъ за нею неслась другая, высокая, тощая, женская, придерживавшая обѣими руками волосы.—«Директорша поймала его! Директорша поймала его».—Вся толпа хлынула туда. Полицейскіе—ихъ появилось уже двое—энергично протискались сквозь толпу къ полузадохшимся директору и его женѣ.—«Его нѣтъ, мы не нашли его!»—воскликнулъ директоръ.—«Деньги, деньги назадъ!—крикнуло нѣсколько голосовъ,—представленіе было прервано».—Директоръ громко заявилъ, чтъ билеты дѣйствительны на слѣдующее представленіе, въ отвѣтъ на что на площади зааплодировали, какъ въ театрѣ. Потомъ всѣ поспѣшили въ театръ, за верхнимъ платьемъ.

Сначала никто не зналъ дѣйствительныхъ обстоятельствъ дѣла: извѣстно было только, что господина Зигмаринена нѣтъ ни въ пивной, ни на квартирѣ, потому что окна его не освѣщены. Только одна изъ актрисъ, съ которой Фоксъ успѣлъ все-таки подружиться, подозрѣвала истину: Фоксъ утромъ подарилъ ей одну марку! На другой день догадка ея подтвердилась: Фоксъ нарушилъ контрактъ и бѣжалъ изъ города. Можно бы преслѣдовать его судомъ и водворить обратно черезъ полицію, но ни одинъ разумный директоръ не сталъ бы расходоваться ради эфемерной надежды взыскать шестьсотъ марокъ неустойки съ такой голытьбы, какую представляютъ его актеры, а что касается до водворенія черезъ полицію, то, послѣ первой вспышки гнѣва, господинъ Штейнертъ понялъ, что, въ сущности, долженъ радоваться, что избавился отъ такого артиста. Этотъ взглядъ раздѣляла и оффиціальная пресса, въ лицѣ своей представительницы, «Ежедневной Газеты», помѣстивъ передовицу, посвященную событію минувшей ночи. Статья была озаглавлена. «Ночное привидѣніе на нашей площади»—и заканчивалась слѣдующими словами: «Мы не можемъ выразить дирекціи нашего сожалѣнія по поводу этой потери, такъ какъ въ нашихъ глазахъ она обозначаетъ лишь отрицательный выигрышъ. Нашъ высокоуважаемый директоръ никогда не рѣшился бы пригласить этого артиста, если бы не былъ вынужденъ повиноваться обстоятельствамъ, а не собственному влеченію. Этимъ мы напоминаемъ нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей объ одномъ обстоятельствѣ, которое не желаемъ преподносить большому кругу читателей, ибо, чуждые всякому стремленію къ провинціальнымъ сплетнямъ, привыкли

предлагать нашимъ уважаемымъ абонентамъ лишь истинно-достойную ихъ пищу. Но невольно возникаетъ вопросъ, и мы обращаемся къ четыремъ представителямъ нашего высокаго правосудія: какъ и когда началась мистификація? Имѣли ли мы дѣло съ ищущимъ мѣсто писцомъ, съ піанистомъ, съ актеромъ, или же лишь—съ ловкимъ мошенникомъ?!»

X.

Разставшись съ Гертой, Питтъ пережилъ долгій періодъ. Онъ рвался къ ней, призывалъ ее, а потомъ опять какъ будто бы совсѣмъ не ощущалъ ея отсутствія. Онъ воображалъ, что, утративъ Герту, лишился всего, но въ то же время отлично сознавалъ, что любовь его не была страстью. То, что онъ могъ испытать, онъ испыталъ, и если прежде въ своей неспособности любить онъ утѣшался тѣмъ, что еще не встрѣтилъ человѣка, который оплодотворилъ бы его сухую [illegible]щу, то теперь онъ зналъ, что никогда не найдетъ такого человѣка, что его собств[illegible]ная холодность всегда будетъ держать его вдали отъ всѣхъ, и что онъ всегда [illegible]ается одинокимъ. Но, въ такомъ случаѣ, почему же чувство всегда влекло его къ людямъ, почему онъ ощущалъ свое одиночество, какъ нѣчто ужасное? Пытаться ли ему снова разорвать туманъ, окутавшій его существо, плотный и вѣчный, какъ туманъ, оку[illegible]щій небесныя тѣла? Онъ совершенно замкнулся въ себѣ и думалъ: «Лучше неиз[illegible]сѣрая пустыня, чѣмъ такая, въ которой минутами вспыхиваютъ проблески свѣта, для того, чтобы потомъ опять исчезнуть».

Онъ всецѣло отдался работѣ. Но работа эта казалась ему тягостной и безсодержательной, такъ какъ его нимало не интересовала судьба другихъ людей, ихъ жалобы и стремленія къ осуществленію своихъ правъ. Все это представлялось ему смѣшнымъ и ничтожнымъ. Неужто такъ будетъ продолжаться вѣчно?—думалъ онъ иногда и мечталъ бросить все—и куда-нибудь уѣхать. Но что же тогда? Какъ онъ будетъ жить? Нѣкоторое время онъ еще крѣпился, и вдругъ однажды, когда онъ сидѣлъ на диванѣ и думалъ о томъ, что должна же наступить какая-нибудь перемѣна, пришло извѣстіе о смерти его матери. Рѣшеніе его сейчасъ же созрѣло: онъ бросилъ всѣ свои дѣла и отправился путешествовать. Онъ не ожидалъ ничего, кромѣ разсѣянія, но и этого ему было достаточно. Нѣсколько лѣтъ онъ блуждалъ по разнымъ странамъ, беря отъ мимолетныхъ переживаній то, что они давали, и, наконецъ, вернулся въ свой городъ такимъ же, какимъ изъ него уѣхалъ. Но, что онъ вернулся именно сюда, было для него такъ естественно, что онъ объ этомъ даже и не раздумывалъ. Несмотря на то, что онъ пережилъ здѣсь немного счастливыхъ дней, городъ этотъ былъ все же какъ бы его родиной, и, чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ настойчивѣе манилъ онъ его къ себѣ. Въ день пріѣзда, онъ пошелъ къ дому ванъ-Лоо, долго смотрѣлъ на него и думалъ: «Вотъ, онъ все еще стоитъ здѣсь». Денегъ у него оставалось столько, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ могъ прожить, не нуждаясь, даже и послѣ непредвидѣнной отсылки крупной суммы Фоксу; что будетъ, когда выйдутъ эти деньги, онъ не зналъ, но съ нѣкотораго времени, въ качествѣ конечнаго освобожденія, ему все чаще стала представляться мысль: «Жизнь имѣетъ для меня такъ мало цѣны, что мнѣ будетъ не слишкомъ тяжело разстаться съ нею». Это былъ послѣдній выходъ, и онъ наполовину успокаивалъ его, хотя онъ и подозрѣвалъ, что никогда не прибѣгнетъ къ нему, такъ какъ не чувствовалъ въ себѣ силы ни для какого энергичнаго поступка.

Онъ не дѣлалъ ничего, много читалъ философскія сочиненія, какъ и въ прежнія времена, и искалъ развлеченія въ литературныхъ и драматическихъ кружкахъ.

— Боже милостивый,—подумалъ онъ однажды, глядя изъ окна вслѣдъ молодой дѣвушкѣ, только что вышедшей отъ него,—неужели и эта присоединится къ образамъ прошлаго? До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, я не проявлялъ такого плохого вкуса!

Эта молодая дѣвушка была фрейлейнъ Эльза Гейне, дочь очень богатаго банкира, съ которой онъ познакомился въ одномъ изъ кружковъ. Она была маленькаго роста, брюнетка, и почти всегда одѣвалась въ красныя платья изъ тонкой дорогой матеріи. Въ купеческой и банкирской средѣ, находившейся въ дружескихъ отношеніяхъ съ ея отцомъ, ее считали надменной и вольнодумной, и были убѣждены, что она непремѣнно опозоритъ свою семью, выйдя замужъ за какого-нибудь заѣзжаго литератора.

Фрейлейнъ Гейне заинтересовалась Питтомъ Синтрупомъ, отличавшимся такимъ совершеннымъ германскимъ типомъ и такой тонкой ироніей, что она казалась почти серьезностью. Она замѣтила, что въ этомъ человѣкѣ что-то есть, чего ей еще не встрѣчалось въ другихъ, и рѣшила заняться его изученіемъ.

Она была чрезвычайно начитана и умѣла вовлекать его въ бесѣды по разнымъ литературнымъ вопросамъ, и онъ, наполовину искренно, наполовину притворно не могъ не признать за нею ума, поскольку онъ направлялся на вещи, не касавшіяся ее самой. Она много разспрашивала его о его жизни, не вообще, а такъ составляя свои фразы и такъ ставя вопросы, что ему достаточно было отвѣчать только да и нѣтъ. Такимъ образомъ она узнала очень многое, такъ какъ Питтъ не видѣлъ никакой причины дѣлать тайну изъ своихъ «да» и «нѣтъ», а иногда даже съ любопытствомъ ждалъ какого-нибудь новаго вопроса, интересуясь, какъ она его формулируетъ. Она приходила къ нему все чаще, сначала развлекала и занимала его, потомъ жестоко надоѣла. Она сказала ему, что любитъ его, прибавивъ, что находитъ лишнимъ скрывать это, что имѣемъ такое большое значеніе для ея собственнаго я, и что—вообще говоря—является такимъ крупнымъ факторомъ въ жизни каждаго индивидуума. Онъ засмѣялся и заявилъ, что не отвѣчаетъ ей взаимностью, но она сказала, что это ее не удивляетъ, къ однимъ любовь приходитъ скорѣе—это темпераменты вакхическіе—къ другимъ медленнѣе—для послѣднихъ она не подобрала болѣе точнаго опредѣленія.—Онъ сталъ съ нею невѣжливъ, даже грубъ; она не обижалась: «Я люблю эту грубость, —говорила она,—пріятно слышать естественную рѣчь, когда ежедневно приходится слышать самые лестные комплименты. Въ концѣ концовъ, это надоѣдаетъ».—Сколько же лѣтъ вы ихъ слушаете?—спросилъ Питтъ.—Когда онъ становился уже черезчуръ грубъ, она ухарски хлопала его по плечу.

Теперешняя его жизнь представлялась ему безуміемъ; она сложилась такъ, что казалась совершенно лишенной всякихъ перспективъ. Фрейлейнъ Гейне приставала къ нему, чтобы онъ вновь занялся адвокатурой, указывая на то, что при его необычайныхъ способностяхъ онъ скоро будетъ зарабатывать уйму денегъ. Но при болѣе серьезномъ размышленіи она признала сама, что онъ не годится для этой профессіи. Она часто ломала себѣ, голову, придумывая, не можетъ ли сама достать или создать для него какую-нибудь должность, и однажды явилась къ нему сильно взволнованная.

— Не садитесь,—сказалъ Питтъ,—стулья только-что покрашены.

Бросивъ на стулъ бѣглый взглядъ, она отвѣтила; «Грубіянъ!» и сѣла. Затѣмъ изложила ему свое предложеніе. Дѣло касалось принятія должности редактора.

Отецъ ея былъ собственникомъ и основателемъ коммерческой газеты, дававшей въ видѣ приложенія литературные фельетоны. Теперешній редакторъ этого отдѣла неожиданно отказался отъ своего мѣста, и его нужно замѣнить другимъ. Господинъ Гейне ничего не смыслилъ въ литературѣ и искусствѣ, и его дочь имѣла на него огромное вліяніе въ этихъ вопросахъ. Она указала ему на Питта Синтрупа, какъ на восходящую

звѣзду. Господинъ Гейне пожелалъ имѣть реальныя доказательства этого, и она дала ему рецензію и статьи, написанные Фоксомъ, которые она какъ-то взяла у Питта, чтобы духовно познакомиться и съ этимъ братомъ. Господинъ Гейне прочелъ эти статьи, въ которыхъ, наряду со многимъ непонятнымъ, заключалось и многое изъ того, что онъ часто думалъ, возвращаясь изъ театра, и сказалъ, что такой человѣкъ можетъ для него подойти: немножко тумана не мѣшаетъ при разсужденіяхъ о художествѣ Онъ самъ, положимъ, плюетъ на это, но это модно и привлекаетъ публику. Эльза ничего не сказала Питту объ этихъ подсунутыхъ статьяхъ, потому что тогда онъ могъ бы испортить весь ея планъ.—Питтъ состроилъ презрительную мину и отказался. Она не смутилась.—

— Такому человѣку, какъ вы,—сказала она,—необходима дѣятельность, къ которой онъ относился бы, какъ къ побочному занятію, къ игрѣ, но которая давала бы ему деньги для жизни. Ручаюсь вамъ, что работы вамъ тамъ будетъ не много.

Питтъ сталъ слушать внимательнѣе.

— Нѣтъ,—продолжала она, тряхнувъ головой и постукивая зонтикомъ по полу,—я вамъ ручаюсь! Вамъ придется только ежедневно проглядѣть штуки двѣ рукописей; вы, вѣдь, сразу по первымъ же фразамъ увидите, хорошая ли это вещь, или нѣтъ. И тогда вы просто примете, или отвергнете ее, вотъ и все. Для всей черной, канцелярской работы имѣется помощникъ редактора. Ну, такъ что же, вы согласны? Пойдемте сейчасъ къ моему отцу.—Онъ не отвѣчалъ, тогда она встала, принесла его шляпу, влѣзла на столъ и надвинула на него сверху шляпу. Онъ быстро сдвинулъ ее и бросилъ на столъ. Фрейлейнъ Гейне подошла къ нему вплотную, такъ что подбородокъ ея чуть не касался его груди, съ улыбкой взглянула на него и сказала: — Ну, что же, мы все еще не можемъ рѣшиться?

— Я не желаю путаться въ это дѣло,—сказалъ Питтъ,—поищите себѣ лучше подходящаго человѣка изъ вашей клики!—Она сухо засмѣялась и отвѣтила своимъ глухимъ, точно запыленнымъ голосомъ:—Я приду завтра и надѣюсь, что къ этому времени вы поумнѣете!

Питту было очень непріятно это предложеніе. Еще если бы оно исходило отъ кого-нибудь другого—но именно отъ фрейлейнъ Гейне.—Но, въ концѣ концовъ, это, вѣдь, ни къ чему не обязывало. Окладъ, названный ею, былъ такъ высокъ, что онъ, при своихъ скромныхъ потребностяхъ, могъ жить, совсѣмъ не нуждаясь, и если бы онъ принялъ эту должность, то положеніе его снова было бы обезпечено на два-три года. Въ сущности, ему было рѣшительно все равно, быть редакторомъ или нѣтъ. Стало быть, онъ могъ имъ и быть, разъ это давало ему деньги удобнымъ и нехлопотливымъ образомъ.

На слѣдующій день онъ проснулся отъ сильнаго стука въ дверь.

— Ахъ, это опять вы!—сказалъ онъ, увидѣвъ фрейлейнъ, Гейне. Онъ успѣлъ уже окончательно позабыть о вчерашнемъ разговорѣ.

— Ну да, опять я,—отвѣтила она, раздвигая губы, какъ будто намѣревалась сказать что-то чрезвычайное.—Ну, что же, вы рѣшились? Да проснитесь же, наконецъ, какъ слѣдуетъ!

Питтъ раскрылъ глаза, сразу вспомнилъ все и нерѣшительно согласился. Пока онъ говорилъ, она смотрѣла на него, закинувъ голову, насмѣшливо-значительнымъ взглядомъ, какъ бы говоря: «Дитя, понимаешь ли ты хоть теперь, какъ сильно я люблю тебя!»

Подъ вечеръ Питтъ сдѣлалъ визитъ ея отцу. Маленькій, сѣденькій, выхоленный и размѣренный въ своихъ движеніяхъ старичекъ, разговаривая, курилъ сигару и выпускалъ густые облака дыма, какъ хорошая фабрика.

Вошла фрейлейнъ Эльза и привѣтствовала Питта сердечными словами. Онъ

поклонился въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ. Она боялась, какъ бы отецъ во время разговора не упомянулъ о статьяхъ Фокса, но господинъ Гейне этого не сдѣлалъ. Это показалось бы ему столь же безцѣльнымъ, какъ если бы онъ вздумалъ тратить слова на какія-нибудь собственныя свои прошлыя дѣла. Пока онъ говорилъ объ отдѣльныхъ деталяхъ своей газеты, фрейлейнъ Эльза изрѣдка вставляла пояснительныя замѣчанія, на которыя Питтъ отвѣчалъ легкимъ церемоннымъ наклоненіемъ головы. Но мысли его блуждали, и когда господина Гейне позвали къ телефону, фрейлейнъ Эльза покровительственно обратилась къ нему: «Вы слишкомъ мало довѣряетэ себѣ! Развейте программу. Бросьте нѣсколько лозунговъ!»—и потрясла его за руку.

— Что вы выдумали!—отвѣтилъ Питтъ,—возьмите сейчасъ же прочь вашу руку.

Господинъ Гейне возвратился, оба сейчасъ же приняли свѣтскій тонъ, но когда разговоръ снова вернулся къ газетѣ, фрейлейнъ Эльза встала, и въ ожиданіи дѣйствія своихъ словъ, сдѣлалась похожа на маленькую, готовую выстрѣлить пушку.

— Я хотѣлъ бы теперь развить свою программу!—сказалъ Питтъ, но господинъ Гейне розразилъ, что относительно деталей ему лучше обратиться къ главному редактору, которому онъ предоставилъ рѣшающій голосъ.

— Только, пожалуйста, не задавайтесь черезчуръ большими надеждами,—сказалъ главный редакторъ Вольфъ, господинъ съ густыми черными усами и гладко выбритыми синими одутловатыми щеками, когда Питтъ изложилъ ему всевозможныя точки зрѣнія на литературный органъ.—Литературный отдѣлъ у насъ пока нѣкотораго рода придатокъ, и такимъ долженъ до поры до времени остаться, какъ ни желательно мнѣ было бы предоставить болѣе обширное поприще для вашей энергіи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Пер. **Н. Жихарева.**

ПРОЧЬ.

Я люблю сѣдыя башни,
Какъ сосуды съ черной кровью.
И люблю я жнивья, пашни,
Рощи тою-же любовью.

Міръ ласкаетъ, міръ тревожитъ,
Жизнью мучаетъ меня.
И никто мнѣ не поможетъ,
Не создастъ иного дня
Для меня.

Смотритъ Солнце въ море, въ рѣку.
Смотритъ въ лужи городскія.
И гадаютъ человѣку
Звѣзды жребіи людскіе.

Жизнь открыла всѣ секреты,
Всѣ начала, всѣ концы.
Всѣ постигли жизнь: поэты,
Судьи, воины, купцы,
Мертвецы.

Не люблю я.. Не хочу я
Этой сказки *дважды два.*
Нѣчто зная, нѣчто чуя,
Не люблю я васъ, слова;
Человѣчья ложь—слова.

Не люблю тебя, Земное.
И, понявъ, бросаю прочь.
Ухожу въ мое, больное.
Да, въ больное... Пусть въ больное...
Въ неизвѣданную ночь.

Тамъ иное.
Да? Иное?

Гадко крикнула сова:
— Ну, а если дважды два?

— Да? Едва-ли...

Иванъ Рукавишниковъ.

Нравы и типы современной деревни.

(Деревенская хроника).

ДЕРЕВЕНСКІЙ ИНТЕЛЛИГЕНТЪ.

I.

— Но разсудите-же, наконецъ, вы сами, разсудите, пожалуйста, а потомъ и говорите; потомъ оказывайте вашъ протестъ, сколько угодно; потомъ я буду молчать, слова не скажу... Разсудите: начинается эта земельная исторія,—я ѣду къ нимъ. Такъ и такъ, молъ, товарищи, деревня наша хорошо вамъ извѣстна, народъ, можно сказать, хорошій, стойкій народъ, а главное дѣло, молъ, придерживается къ партіи; скажете, молъ, вы словечко и по вашему словечку и будетъ исполнено. Слушаетъ, папироску покуриваетъ...

— Всѣ, говоритъ, пойдутъ за партіей?

— Всѣ, говорю; а коли останется два-три человѣка, они не могутъ имѣть никакой силы».

Походилъ, походилъ по комнатѣ, сѣлъ около меня и началъ... Говорилъ, говорилъ про крестьянъ, про землю — все хорошо, понятно говорилъ, а вижу я, что насчетъ дѣла ничего онъ не высказалъ.—Да какъ-же, говорю, о нашемъ-то дѣлѣ, покупать, то есть намъ землю, или нѣтъ?

Опять началъ ходить, а потомъ подходитъ ко мнѣ: этотъ вопросъ,—говоритъ, —у насъ еще не обсуждался, но такъ какъ мнѣ извѣстны взгляды товарищей, то могу сказать тебѣ, что земли покупать не надо.

— Не надо?

— Ни въ какомъ случаѣ! Заявите прямо, что покупать не желаете и другимъ купить не позволите...

— Такъ,—говорю,—на этомъ и стоять?

— Стойте,—говоритъ,—и не поддавайтесь... Съ мѣста,—говоритъ,—не трогайтесь... Потому что, если никто этой земли покупать не будетъ, то должна отойти она вамъ даромъ въ самомъ скоромъ времени.

— Спасибо, говорю.—Поблагодарилъ его; ѣду къ нашимъ. Такъ и такъ,—говорю,—ребята, земли этой покупать ни въ какомъ случаѣ намъ не слѣдуетъ, потому что,—говорю—если всѣ мы забастуемъ, то останется земля эта никчемной и перейдетъ намъ въ самомъ скотомъ времени.

— А какъ, говорятъ, сказали тебѣ тамъ?

— А тамъ, говорю, сказали тоже самое. И по всей Россіи, говорю, никакой покупки произведено не будетъ.

— Ну, а какъ, говорятъ, переводки земли не произойдетъ, что мы будемъ дѣлать тогда?

А тогда, говорю, будетъ видно. Но только не можетъ того дѣла быть, чтобы земля осталась не при комъ; и если

говорю, никто покупать ее не будетъ, то долженъ будетъ этотъ банкъ раздать намъ землю въ самомъ скоромъ времени.

Подумали, подумали мужики, «хотя, говорятъ, дѣло это намъ и не совсѣмъ подходяще, но разъ вся Россія пойдетъ, какъ одинъ человѣкъ, то обособляться намъ нѣтъ никакого смысла». Проѣзжаетъ этотъ чиновникъ. «Покупаете, говоритъ, братцы?»—«Нѣтъ, говоримъ, ваше благородіе, пообождемъ. Какъ будутъ люди, такъ и мы. А пока впередъ другихъ не сунемся». Началъ онъ насъ усовѣщевать; стоимъ мы, какъ одинъ человѣкъ, и никто не изъявляетъ желаній. Поговорилъ онъ, постращалъ, подъ конецъ дѣла, видя нашу крѣпость, махнулъ рукой и уѣхалъ. Хорошо. Начали ждать мы, что выйдетъ.

Недѣльки, эдакъ, черезъ полторы пріѣзжаетъ ко мнѣ барышня. Такъ и такъ, говоритъ, пріѣхала къ вамъ отъ такого-то, на словахъ, говоритъ, никакой передачи не будетъ, а есть вотъ вамъ письмо, изъ него увидите вы, что надо вамъ дѣлать. «Это, спрашиваю, въ земельномъ дѣлѣ?»

«Ничего, говоритъ, не знаю». Ладно. Читаю письмо. Прочелъ и вижу, что находитъ на меня столбнякъ; понимать—понимаю все, а вѣрить не хочется. Пишетъ онъ мнѣ, что разсудивъ земельное дѣло, партія рѣшила, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земли нѣтъ вовсе,—вродѣ хоть-бы нашего мѣста,—покупать землю надо, но денегъ, вишь, можно не платить.

— Какъ-же это такъ?—говорю этой барышнѣ,—вѣдь мы, говорю, дали полный отказъ, а теперь произошло измѣненіе. Подумайте вы, говорю, какое теперь наше положеніе? Возьмите хоть меня,—говорилъ я народу одно, а теперь поверну въ другую сторону,—кто-же мнѣ дастъ довѣріе и могу-ли я свое уваженіе поддержать?—«Мнѣ, говоритъ, не извѣстно, должно быть, такъ рѣшилъ комитетъ». Комитетъ-то, говорю, комитетъ, но каково можетъ быть мое положеніе? Смутилъ я крестьянъ не покупать земли, а теперь долженъ повернуть оглобли... «Ничего, говоритъ, на это сказать не могу». Съ тѣмъ и уѣхала. Остался я одинъ, началъ обдумывать это дѣло, то-есть, какъ мнѣ теперь подойти къ мужикамъ. Думалъ, думалъ—ничего не выходитъ. Вижу—дѣло плохое; заныло мое сердце, такая охватила злоба на городскихъ товарищей, что и сказать вамъ не могу. Перечить, однако, не захотѣлось—разъ рѣшено для всѣхъ, то, слѣдовательно, и мы должны этого поддерживаться. Собираю мужиковъ. Вотъ, говорю, какое дѣло, мужички: произошла у насъ маленькая ошибочка, дѣйствительно, говорю, землю покупать не слѣдуетъ, но въ тѣхъ мѣстахъ, говорю, гдѣ земли нѣтъ вовсе, тамъ покупать разрѣшается; такъ что ваше дѣло теперь рѣшить—должна у насъ произойти покупка, или нѣтъ? Загалдѣли, зашумѣли, начали ругаться.. Это, говорятъ, подвохъ какой-то: то не покупай, то покупай... По нашему-то, говорятъ, надо взять землю, да мы какъ во всѣхъ мѣстахъ, желаемъ...—Такое, говорю, исключеніе дано для малоземельныхъ, то-есть, для тѣхъ, говорю, кому нѣтъ иного выхода. Толковали день; другой, третій—рѣшили землю взять. Меня-же послали къ этому чиновнику въ городъ, чтобы сказать, что беремъ, молъ, землю. Поѣхалъ. Дня черезъ три пріѣзжаетъ чиновникъ съ земскимъ и еще съ какимъ-то молоденькимъ парнишкой, долго говорили съ нами и велѣли послать въ городъ выборныхъ, чтобы сдѣлать, что полагается, по формѣ. Выбрали мужики и меня. Долго мы ѣздили, хлопотали, писали; въ концѣ дѣла сказали намъ, что можемъ мы къ осени землю запахивать. Успокоился я немного; мужики тоже поприбодрились. Всѣ видимъ, что въ петлю лѣземъ, да дѣло такое, что нѣтъ иного выхода. Да и народъ у насъ, какъ

извѣстно вамъ, больше мордва, такой народъ, что гору готовъ вести, лишь-бы не безпокоили его разными вопросами. Согласный народъ, крѣпкій, коли на что пойдетъ, да разжечь-то его трудно. А здѣсь видитъ, что все скоро кончится, хоть и будетъ онъ платить, да лямку тянуть,—за то думать не придется. Вотъ и рады, что мыслей-то никакихъ теперь не надо будетъ питать; сѣлъ снова въ спокойное мѣсто и кряхти. Чудной народъ! надоѣло мнѣ съ нимъ хлопотать страшно. Богъ съ ними, думаю, пора и мнѣ честь знать. Началъ я устраиваться: за тюрьму-то, какъ извѣстно вамъ, все хозяйство свое я распустилъ, за что ни хватишься—ничего нѣтъ. Продалъ корову, купилъ кое-что. Семку въ училище опредѣлилъ... Говорилъ за это время и съ мужиками, какъ и что; о неуплатѣ денегъ тоже вся рѣчь, такъ-же и другіе разговоры были. Прошло такъ мѣсяца, навѣрное, три. Когда бывалъ въ городѣ, заходилъ и къ нему, да не было его все, такъ и не пришлось мнѣ съ нимъ свидѣться. Вдругъ, вечеромъ какъ-то, подъѣзжаетъ на велосипедѣ. Обрадовался я ему ужасно.—Здравствуйте!—Здравствуйте. Ну, какъ и что?—Начинаю разсказывать ему о нашихъ дѣлахъ; сидитъ, молчитъ. Правильно-ли, говорю, поступили?—Ваше, говоритъ, дѣло. Разъ рѣшили такъ, то такъ тому и дѣлу быть... Но по партіи-то вѣрно-ли будетъ?.—Тутъ онъ мнѣ отлилъ пулю. «Партія, говоритъ, не можетъ устраивать крестьянскія сдѣлки. Не можемъ-же мы взять на себя объѣздку, деревень и толкованіе съ крестьянами. какъ поступать имъ въ томъ, или другомъ случаѣ. Наше, говоритъ, дѣло другое»... Вотъ тебѣ разъ! Что вы скажете на эти слова? То не покупай, то покупай, то дѣлай, какъ знаешь, а мы въ сторонѣ... Какое-же мы послѣ этого можемъ имѣть уваженіе среди мужиковъ? Да насъ грязной метлой надо гнать за это изъ деревни! Подождите—и будутъ еще гнать...Да и стоитъ,стоитъ...

Взволнованный Илья Кузьмичъ, боясь, что его перебьютъ и не дадутъ высказать всего, что у него накипѣло на сердцѣ, говорилъ часто, угрожающе постукивалъ по столу согнутыми пальцами, то вскакивая съ лавки, то снова садился, опираясь на колѣни руками.

За столомъ сидѣли два крестьянина, учительница земской школы, псаломщикъ и я, проживающій въ это время въ деревнѣ С-но у Ильи Кузьмича.

Кончивъ свою тираду о «партійныхъ» передрягахъ, Илья Кузьмичъ немного успокоился, провелъ нѣсколько разъ рукой по волосамъ и—ожидая возраженій—началъ прихлебывать чай.

— Товарищъ, о которомъ вы говорите, по-моему совершенно правъ,—нарушила минутное, молчаніе учительница...

— Правъ?!..

— Да, правъ... Не можетъ-же, въ самомъ дѣлѣ, партія разослать людей по деревнямъ и селамъ для устройства крестьянскихъ сдѣлокъ—вы сами, Илья Кузьмичъ, понимаете, что при теперешнемъ положеніи не хватитъ ни силъ, ни опыта...

— Но позвольте, дорогой товарищъ, кто у васъ этихъ людей проситъ?

— Но какъ-же иначе?

— Да зачѣмъ намъ ваши люди?!.. Наладили, прости Господи, одно слово, а какой толкъ въ этомъ словѣ—неизвѣстно. Вы намъ скажите, какъ понимать дѣло и какъ его сдѣлать, а уже мы здѣсь, въ деревнѣ, и безъ вашихъ людей обойдемся... О чемъ теперь пишутъ? То, другое, третье и—все пустяки, все ерунда... Привезли вотъ вы мнѣ листочки о Думѣ, а по-моему одинъ это смѣхъ и никому не нужно. Вѣдь, знали вы, что принятъ, къ примѣру, земельный законъ, вотъ и должны были намъ его растолковать, на всѣ вопросы отвѣтить: выдѣляться изъ міра или нѣтъ? Покупать землю или пообождать? Если покупать, то какъ: черезъ банкъ-ли съ вы-

платой? всѣмъ-ли міромъ? товариществами-ли? Прямо-ли у помѣщика, или пообождать, когда у него банкъ возьметъ, а потомъ ужъ у банка? Кабы все это было намъ разъяснено, не надо-бы и людей вашихъ. Знали-бы мы, что дѣлать, и поняли-бы, почему это хорошо... А то, что-же это такое? Одинъ мужикъ такъ говоритъ, другой по-своему, шумъ, гвалтъ, а мы стоимъ да помалкиваемъ—разбирайтесь, молъ, мужички, а мы пока что пообождемъ...

— Но, вѣдь, всѣ эти вопросы чрезвычайно сложны и рѣшить ихъ, не изучивъ ряда отдѣльныхъ случаевъ, невозможно.

— А для мужика не сложные? Мужикъ, значитъ, будетъ рѣшать, а вы глядѣть, да учиться... Хорошо! Очень великолѣпно! Мужикъ, пока рѣшаетъ, можетъ быть, въ могилу съ голоду пойдетъ, а вамъ стоять, да посматривать... За то, молъ, потомъ, когда вы рѣшите, мы скажемъ вамъ, правильно или нѣтъ вы поступили... Хорошо! Да зачѣмъ-же вы, позвольте васъ спросить, послѣ этого намъ нужны? Стоять да ушами хлопать?!..

— Правильно!—поддакнулъ угрюмый крестьянинъ Кондратичъ.

— Но, вѣдь, вы, Илья Кузьмичъ, больше ругаетесь, чѣмъ доказываете. Что-же и какъ по-вашему надо дѣлать?

— По-моему? Въ томъ-то и дѣло, что не спрашивали вы меня, а я васъ спрашивалъ... Приноситъ мнѣ недавно учитель Иванъ Ивановичъ книжку. Почитай, говоритъ, Илья Кузьмичъ, здѣсь о крестьянскихъ волненіяхъ извѣстный, говоритъ, писатель составилъ. Начинаю читать: «мужики такого-то села сожгли имѣніе, захватили свиней барскихъ, сѣли на току, развели костры, начали пить водку и жареной свининой закусывать. Напились, проспались и снова за то-же дѣло. Итакъ вплоть до пріѣзда казаковъ». Что это такое? Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ это такъ бывало? Что вы мужика-то за свинью, что-ли, считаете, въ видѣ той, которую онъ ѣлъ на току? Прочиталъ я эту книжку до половины и бросилъ. Вижу, не знаютъ люди мужика и знать его не хотятъ. Что кому придетъ въ голову, тотъ то и пишетъ. А подъ конецъ дѣло и выходитъ такъ, что того, что намъ надо, никто сказать не можетъ, а того, что мы есть —никто не знаетъ... А по-моему, если ужъ люди, дѣйствительно, желаютъ намъ добра, то пусть узнаютъ все по-настоящему, тогда и у нихъ будетъ о насъ правильное понятіе и намъ они хорошій совѣтъ могутъ оказать.

— Но какъ-же сдѣлать-то это?

— Очень даже просто. Взять хоть-бы вотъ эти хутора. Поѣхалъ, вонъ, господинъ Столыпинъ по губерніи, объѣхалъ хуторскіе поселки и начался крикъ по всей Россіи—хорошо, великолѣпно, блестяще; все, однимъ словомъ, въ порядкѣ. Онъ на этихъ хуторахъ-то, можетъ, часъ какой пробылъ, да и назадъ, а крику-то надѣлалъ на цѣлый годъ. Всѣ кричатъ—хорошо! А что хорошаго? Никто не знаетъ. Прекрасно — и все тутъ. Вотъ вы бы вслѣдъ за Столыпинымъ то и отправились туда, посмотрѣли-бы, дѣйствительно-ли тамъ такой земной рай, а потомъ и описали-бы все это въ книжечкѣ. Если тамъ все великолѣпно, то и намъ, значитъ, надо попытать. А не все хорошо—то опроверженіе этому крику вы-бы дать могли.

Илья Кузьмичъ замолкъ. Молчали нѣкоторое время и мы.

— Вотъ, хутора эти—прямо заноза въ глазу... Столыпинъ осмотрѣлъ, самъ наиглавнѣйшій министръ—великолѣпно. Значитъ—вали, робя, на хуторокъ. А вотъ въ тринадцати верстахъ отъ насъ есть хутора эти самые: хохлы осѣли на землю. Былъ я у нихъ разовъ пятокъ—Господи твоя воля! Да у насъ вонъ самый заваляшій мужикъ, какой-нибудь Микиша Ломаный лучше ихъ живетъ. Разселились они каждый на своей зе-

млѣ; у всѣхъ землянки; ни хлѣва у него, ни двора; обнесъ усадьбу загородкой въ двѣ жердочки, да землянку вырылъ—вотъ и хуторъ. На десять дворовъ одинъ колодезь. Баба бѣдная, версты за полторы за водой-то хлыщетъ. Огородикъ-бы завелъ съ водой— не сподручно. Пріѣхали ни съ чѣмъ: топоръ понадобится—бѣгаютъ изъ двора во дворъ. Богъ, говоритъ, дастъ, укрѣпимся. Держи руки шире! Укрѣпитесь! Вотъ вамъ и хутора... А зимой занесетъ ихъ—такъ и откопать некому. А господину-то Столыпину и здѣсь было-бы хорошо!..

— Да! Бывалъ и я у нихъ—горе!— замѣтилъ Кондратичъ.

— Мы то бывали, а вы вотъ, барышня, только по газеткамъ. Скажите мнѣ: много-ли вы о деревнѣ написали, много-ли мужику растолковали и окажется въ конецъ дѣла, что разъ—два, да и обчелся. Во время забастовокъ вы приходили къ намъ, говорили,—мы васъ слушались. А теперь, когда намъ пришлось свое-то дѣло обмозговывать,—мы къ вамъ, а вы—рѣшайте, какъ хотите... Вотъ я и говорю: посмотритъ, посмотритъ мужикъ, что нѣтъ ему ниоткуда выясненія, никто теперь, въ трудную-то минуту, къ нему не идетъ, да и отшатнется отъ васъ на вѣки-вѣчные. Меня хоть теперь взять; вѣрилъ я вамъ, любилъ лучше дѣтей родныхъ и оказывалъ всякую преданность, а теперь сомнѣваюсь я о васъ, потому что не даете вы намъ никакихъ рѣшеній...

Самоваръ былъ выпитъ, Илья Кузьмичъ сказалъ все, что у него «накопилось», учительница перешла къ вопросу о травлѣ, преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ; Кондратичъ полушопотомъ разсказывалъ своему сосѣду о какомъ-то бычкѣ. Разговоръ былъ исчерпанъ; всѣмъ было какъ-то тяжело, какъ-то не по себѣ...

— Молочка не хотите-ли, господа?— предложилъ Илья Кузьмичъ.

Псаломщикъ выпилъ молока, и мы начали прощаться.

— Да, такое-то дѣло, господа-товарищи! Ни взадъ, ни впередъ, что называется... Вышибся мужикъ изъ колеи, а новой еще не пробилъ, вотъ и колеситъ по кочкамъ... Надо что-то дѣлать, а что—никому неизвѣстно... А вы... Ну, да что я на васъ напалъ! Такъ, вѣдь, это! Вы не подумайте... Горько на душѣ-то — вотъ и вертишь языкомъ-то. Понимаю я тоже, что и вамъ не легко...

II.

Илья Кузьмичъ особенно гордится тѣмъ, что всѣ его дѣды и прадѣды возросли и умерли въ деревнѣ, несмотря на то, что «хорошіе были случаи въ городѣ»; если-бы, хоть при отцѣ вотъ взять, въ городъ-то мы перешли, то купцами теперь «могли-бы быть». Илья Кузьмичъ любитъ деревню и особенно любитъ С—но; любитъ его «неизвѣстно почему», любитъ, несмотря на то, что с-цы «народъ самый нестоющій», способный на разные «подвохи», и что съ Ильей Кузьмичемъ они часто «шутили самыя неосновательныя шутки». «Ненадежный народъ с—цы,—часто говоритъ Илья Кузьмичъ: если упрутся, то еще ничего себѣ, а сдвинетъ ихъ кто-нибудь на свою сторону—пиши все пропало. Тогда они тоже упрутся— только на иной ладъ. Одно слово—мордва»!...

Дѣйствительно, за послѣднія пять лѣтъ С—но дало цѣлый рядъ такихъ примѣровъ. Большей частью С—но населено мордвой. Этотъ забитый и терпѣливый народъ, народъ безъ прошлаго, безъ всякихъ традицій, до такой степени сжился со своей нуждой и вѣчными гореваніями, что жизнь свою— грязную и полуголодную,—считалъ самой нормальной, положенной отъ Бога крестьянству—жизнью. Страш-

ная отсталость, полная безграмотность, вѣчная голодная нужда до такой степени обезличили с—цевъ, до такого крайняго предѣла отупѣнія сковали ихъ мысль, что долгое время движенія крестьянъ ближайшихъ селъ и деревень не производили на С-цевъ никакого впечатлѣнія. Кругомъ жизнь кипѣла и бурлила; ежедневно ставились и рѣшались новые и новые вопросы, а с—цы по прежнему безропотно и терпѣливо тянули свою каторжную лямку, а самые умные изъ нихъ на вопросъ—какъ-же думаете вы?—обычно отвѣчали: «да что ты станешь дѣлать съ нашимъ народомъ? Съ нимъ какой можетъ быть поступокъ: взялъ стягъ, загналъ ихъ всѣхъ куда-нибудь во дворъ, а ужъ оттуда и гони, куда надо. А иначе съ нашимъ народомъ поступать невозможно». Помѣщица Бородина, «полная владѣлица» всѣхъ земель, окружающихъ С—но, «твердо вѣрила въ свой народъ», по-своему умѣла его понять и—когда крестьяне сосѣднихъ селъ совершили нѣсколько нападеній на ея лѣсъ и грозили «добраться до хоромъ»,—г-жа Бородина созвала с—цевъ и предложила имъ такую сдѣлку: они будутъ защищать ее, а она за услуги ихъ дастъ имъ по десятинѣ земли на дворъ. С—цы думали не долго. Предложеніе было заманчиво; чувство солидарности съ крестьянами другихъ деревень отсутствовало; широкихъ замысловъ ихъ они не понимали и не хотѣли понять и вотъ — предложеніе было принято. Съ кольями, топорами и вилами въ рукахъ с—цы появлялись у воротъ усадьбы, какъ только проносился слухъ, что мужики той или иной деревни «идутъ». Окрестные крестьяне ненавидѣли с—цевъ до глубины души; но безпрестанныя угрозы и мелкія столкновенія дѣлали с—цевъ лишь болѣе дѣятельными и вѣрными защитниками госпожи Бородиной. Мужики сосѣднихъ деревень грозили, что соберутся вмѣстѣ и разнесутъ все С—но вмѣстѣ съ ихъ барыней», и неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта исторія, если-бы въ это время не вернулся съ войны Илья Кузьмичъ.

Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, онъ положительно «вышелъ изъ себя».

— Ахъ, вы мошенники!—кричалъ онъ, бѣгая изъ одной избы въ другую. —Что-же это вы надѣлали? А?!

— Будетъ тѣ, что ужъ ты больно-то!.. Ишь... крикунъ...

— Я не крикунъ... Съ вами не кричать, а бить васъ надо.

Но с—цы «уперлись» и сдвинуть ихъ было трудно. Отдѣльные крестьяне согласились съ Ильей Кузьмичемъ, присоединились къ его ругани, но скоро махали рукой, рѣшая, что «такому дубью хоть колъ на головѣ теши и то никакого проку не выйдетъ». Однако, Илья Кузьмичъ самъ былъ человѣкъ характера твердаго; война его научила многому, и онъ рѣшилъ во что бы то ни стало «обтесать» с—цевъ и «прояснить имъ глаза». На каждомъ сходѣ, на каждомъ маленькомъ собраніи, при каждой встрѣчѣ съ мужиками онъ «долбилъ имъ головы», дѣйствуя то руганью, то лаской, то разсужденіемъ.

— Экій неугомонный человѣкъ, ей-Богу! Помолчалъ-бы хоть немного, право слово..

— Да какъ съ вами замолчишь-то, когда вы счастья своего понять не умѣете. Говоришь, говоришь вамъ и все отъ васъ, какъ отъ стѣны горохъ.

— Ты-бы толкомъ говорилъ, коли что... А то идетъ, какъ собака нивѣсть что...

— Много въ васъ вобьешь толкомъ-то. Барыня... Госпожа Бородина..

Пользуясь всякимъ случаемъ, Илья Кузьмичъ насѣдалъ на крестьянъ и «не давалъ имъ житья». Всякое извѣстіе изъ города, изъ газетъ онъ использовалъ для своей агитаціи. А извѣстій

въ то время приходило много, одно было неожиданнѣе другого.

— Вотъ какъ Кондольцы-то дѣйствуютъ, вотъ это молодцы, вотъ это по-моему. Имѣютъ люди настоящее понятіе, одинъ стоитъ за другого и всѣмъ будетъ хорошо... Братцы! Да одумайтесь вы, Христа ради, взгляните на себя.. Что мы, въ полѣ обсѣвокъ, что-ли? Хуже другихъ, что-ли, мы? Всѣ люди, какъ люди, а мы, какъ Богъ знаетъ что...

— Да ты-то откуда больно ума-то понабрался? Нашелся то-же... учитель!

— Я-то набрался, милый мой! Съѣздилъ-бы ты за десять тысячъ верстъ-то, такъ тоже-бы не съ пустой головой вернулся... Я получилъ свое понятіе и все очень хорошо себѣ представляю... Видалъ тоже людей поумнѣе насъ съ тобой—всю картину они доподлинно мнѣ изобразили и во все я головой моей вникъ. А вы вотъ не больно-то вникаете, ваши головы обухомъ прошибать надо...

Какъ ни странно, но постоянный «зудъ» Ильи Кузьмича возымѣлъ дѣйствіе. Отъ простого отмахиванія, ругани и ироническихъ замѣчаній многіе начали переходить къ внимательному прислушиванію, на многихъ стало «находить раздумье».

— Кто е знаетъ, кабы не ошибиться, ребята...

— И то сказать, вонъ за сколько верстъ человѣкъ таскался, какъ не повстрѣчать умныхъ людей?! А мы здѣсь чего видимъ... Подумать-бы надо...

— Мозговатая голова—что и говорить, другой разъ такое слово скажетъ, что прямо тебя за сердце и щипнетъ.

— Народъ-то у насъ больно пришибленный... Ты ему хоть говори—хоть не говори, а онъ все на своемъ...

— Дойдутъ! — торжествовалъ, слыша такія сужденія, Илья Кузьмичъ, —до всего дойдутъ! Образумятся! Мужикъ сѣръ, а умъ-то у него не чортъ съѣлъ!

Чѣмъ болѣе «образумливались» мужики, тѣмъ болѣе «донималъ» ихъ Илья Кузьмичъ, тѣмъ болѣе онъ входилъ въ себя, развертывался, а иногда и торжествовалъ. Пріѣхавъ какъ-то въ это время ко мнѣ въ сосѣднее село, онъ съ милой счастливой улыбкой вбѣжалъ въ избу; на лицѣ его сіяло торжество; поспѣшно пожимая мои руки, онъ лукаво подмигивалъ; ясно было, что онъ привезъ какую-то интересную новость...

— Ну, что?

— Да ничего...

— Говорите скорѣе, полно вамъ...

— А вы угадайте!

— Да говорите-же!

Добродушная улыбка все время не сходила съ его лица...

— Ей-Богу, вы не повѣрите.

— Ну, полно, въ чемъ дѣло?

— Наши-то, шагъ впередъ сдѣлали... Сегодня на газету денегъ собрали... Ей-Богу—вотъ и деньги съ собой привезъ—8 руб. Вы ужъ, пожалуйста, выпишите намъ какую получше да попонятнѣе... Чтобы о деревнѣ побольше...

— Да какъ-же это они такъ?

— Разсказываю я имъ про другія мѣста, какъ тамъ дѣла идутъ. Они слушаютъ, кто вѣритъ, а кто—вранье, молъ... Я, говорю, въ газетахъ самъ читалъ... Начался здѣсь разговоръ. Въ конецъ того рѣшили газету выписать, чтобы все знать и обложили по 2 коп. съ человѣка. Теперь дѣло пойдетъ; только ужъ вы, пожалуйста, газетку-то получше...

Такъ постепенно раскачивалъ Илья Кузьмичъ с—цовъ. Велика была его задача и долго еще пришлось-бы трудиться Ильѣ Кузьмичу, если-бы жизнь и «постороннія причины», эти лучшіе агитаторы нашего отечества, не помогли ему скоро и рѣзко «открыть глаза» с—цамъ.

Какъ только крестьянскія волненія начали понемногу утихать, господа помѣщики немного оправились, вылѣзли изъ своихъ норъ и тотчасъ-же выпустили когти. Г-жа Бородина поблагодарила с—цевъ, заявивъ, что она вѣрна своему слову и даетъ имъ по десятинѣ земли на одинъ годъ.

— То-есть, какъ-же это?

— Обѣщаньице ваше, барыня, было, чтобы отдать намъ земельку на вовсе, безъ платежа... Вы ужъ не обижайте мужичковъ-то, а мы за васъ Бога помолимъ.

— Это за какую-же милость-то, позвольте узнать? За то, что вы не ограбили меня? За это вы цѣлы остались. Посмотрите вонъ, какъ въ другихъ деревняхъ разбойниковъ-то проучиваютъ.. Вамъ того-же, что-ль, хочется? Ну да будетъ; отфорсили.

Началась брань, взаимныя угрозы. Г-жа Бородина грозила «немедленно призвать казаковъ», а крестьяне кричали, что «за такой обманъ и подвохъ сотрутъ ее съ лица земли вмѣстѣ съ хуторомъ».

— Чего, робя, съ ней долго-то разговаривать? Возьмемъ землю, да и все! Мы себя на всѣ уѣзды опозорили, а она нако вотъ—отлила пулю! На годъ! Ишь ты какъ свиснула! Да подавись ты своимъ годомъ-то!

Илья Кузьмичъ бѣгалъ отъ одной взволнованной группы къ другой.

— Что, братцы? Не говорилъ я вамъ? Подождите теперь, не горячитесь... Обсудимъ все толкомъ, что намъ дѣлать.

— Въ судъ на нее, шлюху!

— Жди тамъ суда! Позвать вонъ мужиковъ изъ Березовки—они ей и зададутъ судъ.

— Подождите, все дѣло испортите. Слушайтесь теперь меня. Завтра привезу я изъ города человѣка,и разъяснитъ онъ намъ это дѣло. Малый онъ съ головой и въ такихъ дѣлахъ дошлый. Одинъ день—не Богъ вѣсть что, а, можетъ, онъ что и посовѣтуетъ.

Согласились обождать обѣщаннаго «человѣка». Рано утромъ Илья Кузьмичъ поѣхалъ въ городъ, а къ вечеру прибылъ и «человѣкъ». Бесѣдъ было много, и самымъ внимательнымъ слушателемъ былъ Илья Кузьмичъ. То и дѣло онъ вставлялъ свои реплики и похвалы.

— Вѣрно!

— Все до единаго слова правильно!

— А мы-то, мы-то дураки... А?!.

— Вотъ, вѣдь, учить-то насъ некому!..

— Ахъ, Господи...

Приблизительно одинаковыя реплики слышались и со стороны другихъ крестьянъ. И если по временамъ, когда «человѣкъ» затрагивалъ слишкомъ острые вопросы, многіе морщились и неодобрительно качали головами, Илья Кузьмичъ обязательно посматривалъ на нихъ и замѣчалъ:

— И это вѣрно! Подождите, дойдете и до этого.

«Человѣчекъ» на годъ землю брать не совѣтовалъ, доказывая, что скоро вся земля перейдетъ крестьянамъ.

— Вотъ слышите!—кричалъ Илья Кузьмичъ,—а вы-то, вы-то, какъ поступали!...

«Сговориться нужно,—говорилъ человѣчекъ, — выяснить все, а тогда мы будемъ знать, когда начать и какъ дѣйствовать».

Много разговоровъ надѣлалъ пріѣздъ человѣчка. Провожая его, всѣ просили пріѣхать еще, не забывать ихъ. А какая-то старуха сунула ему на прощанье двѣ масляныя лепешки.

— Закусишь дорогой-то. Возьми!

«Человѣчекъ» взялъ лепешки, поблагодарилъ и уѣхалъ.

Довольный и веселый, Илья Кузьмичъ ходилъ по селу и разъяснялъ непонятныя детали произнесенныхъ «человѣчкомъ» рѣчей.

— Начинаютъ вникать! — говорилъ,

онъ, потирая руки.—Некому имъ существо дѣла-то было растолковать; тоже люди, вѣдь, человѣчья душа-то.. Услышали вотъ правильное-то слово и мякла душа-то, а какъ наберутся въ голову-то побольше разныхъ мыслей, то и вовсе просвѣтлятся... Я вотъ тоже болванъ-болваномъ былъ, а какъ начали мнѣ въ голову-то взваживать разныя разсужденія, то стало яснымъ для меня всякое число... Прежде тоже ругался, когда темь-то изъ меня вышибали, а теперь благодарю...

III.

Ежегодно въ С—нѣ бываетъ ярмарка; вѣрнѣй, не въ самомъ С—нѣ, а около него, куда на громадную поляну между двумя лѣсами г-жи Бородиной съѣзжаются крестьяне окрестныхъ деревень съ хлѣбомъ, скотомъ и домашними издѣліями изъ дерева. Обычно хлѣба привозятъ довольно много, такъ что всевозможные скупщики и ссыпщики считаютъ выгоднымъ выстраивать здѣсь временные амбары, куда и ссыпаютъ крестьянскій хлѣбъ. Рядомъ съ этими амбарами обычно появляется цѣлая улица лавочекъ и палатокъ, принадлежащихъ тѣмъ-же скупщикамъ,—съ различными товарами, такъ что, въ большинствѣ случаевъ, скупщики выдаютъ вмѣсто денегъ ярлыки, которые и реализуются въ лавченкахъ.

Въ хорошіе годы народу стекается нѣсколько десятковъ тысячъ; ярмарка тянется недѣлю и больше, и с—цы извлекаютъ изъ нея кое-какую выгоду: бабы пекутъ аладьи, мужики запрягаютъ лошадей и развозятъ по ярмаркѣ воду или снопы травы, громко выкрикивая: «лошадей поить, вода ключевая холодная». «Травы зеленой, свѣжей!» Грязныя лачуги и землянки с—цевъ подмываются, чистятся и сдаются подъ квартиры пріѣзжимъ. Въ результатѣ каждый извлекаетъ выгоду въ 3—5 руб., которая является значительнымъ подспорьемъ въ скромномъ крестьянскомъ бюджетѣ.

Въ дни ярмарки С—но оживаетъ: то и дѣло по улицамъ проходятъ веселыя толпы подгулявшихъ крестьянъ; тянутся безконечныя вереницы обозовъ съ товарами и хлѣбомъ; ребятишки толпятся около балагановъ и каруселей; настроеніе с—цевъ за эти дни поднимаются; они начинаютъ какъ-бы гордиться; «вотъ, молъ, мы всетаки не хуже другихъ; у насъ ярмонка; другое и богатое село, а, подикось, поищи тамъ ярмонку-то». Такъ что къ ярмаркѣ начинаютъ готовиться за мѣсяцъ, за два, а по окончаніи ея о ней говорятъ долгое время.

Но въ 1906 году произошло такое событіе, которое испортило все ярмарочное настроеніе. Совершенно неожиданно «для охраны ярмарки» прислана была сотня казаковъ, которые и размѣстились въ лачугахъ с — цевъ. Помимо нежелательнаго сосѣдства грубыхъ и нахальныхъ гостей, с—цы лишились возможности использовать свои жилища подъ квартиры пріѣзжихъ торговцевъ. За нѣсколько дней до ярмарки начались конфликты и столкновенія. Жалобы не вели ни къ чему; озлобленность крестьянъ ежедневно росла. Когда открылась ярмарка, и казаки стали хозяйничать на ней, напали на казаковъ.

Началось нѣчто невѣроятное. Казаки стрѣляли въ многочисленную толпу, въ казаковъ летѣли горшки, ведра, оглобли и другіе предметы, которые крестьяне бросали изъ наваленныхъ торговцами грудъ; многихъ казаковъ стаскивали съ лошадей и били, чѣмъ попало; торговцы запрягали лошадей и увозили оставшіеся товары. Въ результатѣ три казака были убиты, многіе избиты, а остальные ускакали въ городъ. Ярмарка не состоялась, окрестные крестьяне поспѣшно разъѣхались, торговцы тоже, и все обрушилось на с—цевъ.

26 человѣкъ было арестовано и предано военному суду за убійство казаковъ. Избитый Илья Кузьмичъ спасся какимъ-то чудомъ.

Разбирая оставшіеся отъ грабежа пожитки, бабы выли; увезенныхъ въ тюрьму считали погибшими. Трудно представить себѣ болѣе душу раздирающую картину, чѣмъ была въ то время въ С-нѣ. Вой въ каждой избѣ, вой на улицѣ бабъ, собравшихся въ кучки, истерическіе крики перепуганныхъ ребятишекъ; группы оживленно толкующихъ крестьянъ; группы крестьянъ, растерянно посматривающихъ на разоренную деревню и безнадежно всплескивающихъ руками.

Съ перевязаной полотенцемъ израненной головой, съ синяками подъ глазами и кровоподтеками па всемъ лицѣ,—Илья Кузьмичъ, стараясь вызвать улыбку на своемъ страдающемъ лицѣ, бѣгалъ отъ одной группы къ другой и утѣшалъ крестьянъ.

Молчаливый мужикъ Кондратичъ, рѣдко съ кѣмъ-либо говорившій и большую часть времени проводившій въ своей кузницѣ, вдругъ вышелъ впередъ, взглянулъ на толпу нахмуренными глазами и грубо сказалъ:

— Вѣрно! Правду ты говоришь Кузьмичъ. Грѣшенъ я, думалъ—подкупили тебя... А теперь вотъ всѣмъ ясно... Мы ее, бабу-то Бородину, защищали, но не токмо, какого удовольствія за это не получили, но избили насъ смертнымъ боемъ... Уцѣлѣлъ ты на наше счастье и должны мы теперь тебя слушать и оберегать...

Пріѣхавъ вскорѣ послѣ этого ко мнѣ, Илья Кузьмичъ, не оправившійся отъ полученныхъ побоевъ, долго разсказывалъ о всей этой исторіи.

Пугливая растерянность, охватившая за послѣднее время русское общество, тогда была лишь въ зачаточномъ состояніи. Правда, первая Дума была уже разогнана, реакція расправляла крылья, но все-же у большинства была увѣренность, что «это лишь на недолго», что крупныя перемѣны произойдутъ въ самомъ скоромъ времени. Поэтому всѣ ожидали чего-то, думали, что не нынѣ—завтра кто-то что-то совершитъ; или, по крайней мѣрѣ, что-то начнетъ, а остальныхъ призоветъ на помощь. Увѣренность эта особенно сильна была (сильна она и до сихъ поръ) среди крестьянъ, которымъ часто говорили, что нужно ждать и готовиться.

Пытливый умъ Ильи Кузьмича не мирился, однако, съ этимъ общимъ рѣшеніемъ вопроса. Въ каждый свой пріѣздъ ко мнѣ онъ засыпалъ меня сотней вопросовъ, касающихся всевозможныхъ деталей.

— Вы не думайте, что я не вѣрю... Нѣтъ! Мнѣ просто больно—ошибки-бы опять не вышло. Вотъ что! Дали-бы вы мнѣ книжечекъ, чтобы составить понятіе. И мужики тоже одолѣваютъ. Говорятъ, Бородиха-то продать землю хочетъ... Всѣ побаиваются... Вотъ поэтому-то я и говорю.

Съ тѣми-же вопросами онъ обращался и къ другимъ знакомымъ, къ которымъ «имѣлъ довѣріе», и у нихъ бралъ книжки, читалъ по цѣлымъ ночамъ, но, какъ видно, это его не удовлетворяло, не рѣшало его вопросовъ, и съ каждымъ днемъ онъ становился болѣе и болѣе озабоченнымъ.

— Вѣдь, вотъ мы мужики-то, ей Богу... Умъ-то у насъ больно тугой... Не могу никакъ я вникнуть. Ну, скажемъ такъ, какъ вы говорите—рано, или поздно, ну, а какъ поздно? Вѣдь, ждать-то намъ теперь никакъ невозможно. Сами вы понимаете наше положеніе. Теперь-бы намъ хоть маленькое какое рѣшеньице!..

И когда ему на подобныя тирады отвѣчали общими разсужденіями, онъ становился печальнымъ и угрюмымъ; торопливо прощался, бралъ новыя книги и уходилъ.

— Не то что-то. Не могу доискаться настоящаго смысла... Сосать меня начинаетъ... Да и мужички тоже...

Вскорѣ Илья Кузьмичъ былъ арестованъ, шесть мѣсяцевъ просидѣлъ въ тюрьмѣ и высланъ на годъ въ Вологодскую губернію.

IV.

Изъ-тюрьмы Илья Кузьмичъ не писалъ никому ничего. С-цы, «оставшіеся сиротами», начали падать духомъ. Всѣ боялись, что дѣло его окончится «скверно»: «ужъ слишкомъ видный онъ у насъ человѣкъ». О томъ, какъ чувствовалъ себя Илья Кузьмичъ въ тюрьмѣ, я узналъ лишь изъ письма, которое онъ послалъ мнѣ изъ ссылки.

— Когда меня ввели въ вагонъ, я ни о чемъ какъ-то не думалъ; нѣтъ, нѣтъ, рванетъ за сердце мысль, что одни теперь наши мужики остались и некому ихъ поддержать, а потомъ опять какъ-то забудусь. И такъ всю дорогу. О себѣ начну думать—ничего не выходитъ, къ мужикамъ мысли тянетъ, а о нихъ подумаю—такая начинается тоска, что хоть петлю на шею. Пропадутъ—думаю: только одумываться началъ народъ, только увидалъ вдалекѣ вѣрную-то дорогу и опять остался безъ поводыря. Ну, думаю, какъ-нибудь, чай, устроится городскіе помогутъ, да и на Кондратича была у меня надежда большая, хоть въ мысляхъ онъ и не совсѣмъ еще разобрался, а твердость характера имѣетъ... Такъ въ этихъ думахъ и ѣхалъ, а въ тюрьмѣ посадили меня въ большую казарму, народу было много и все хорошій народъ: нашихъ мужиковъ 9 человѣкъ, 6 человѣкъ изъ мастеровыхъ, 4 студента, а одинъ пожилой ужъ господинъ, который служилъ докторомъ въ Б-мъ уѣздѣ. Поздоровался я съ нашими, обрадовались было, а потомъ еще пуще затосковали; поговорилъ съ посторонними господами, вижу—народъ все хорошій, веселый; начали меня обо всемъ разспрашивать. Начались у меня съ ними каждодневные разговоры; молодымъ-то я скоро надоѣлъ, потому, больно много у меня накопилось мыслей, а тамъ, пожилой-то, на все мнѣ отвѣчалъ, все разсказалъ; о французской и другихъ революціяхъ далъ понятіе. Очистилась моя голова, а сердце затосковало еще больше.—Ну, думаю, сгибнутъ с-цы какъ мыши подъ пустымъ амбаромъ, потому, какъ извѣстно вамъ, положеніе наше такое, что не можетъ быть большого промедленія. Говорилъ я съ пожилымъ и на этотъ счетъ, но онъ прямо сказалъ, что не берется что-нибудь намъ посовѣтовать и что на волѣ это виднѣе и тамъ, навѣрное, объ этомъ разсужденіе идетъ. Читали мы вмѣстѣ съ нимъ книжки; онъ прочитаетъ какое мѣсто и съ нашими дѣлами сравненіе производитъ. «Видишь, говоритъ, похуже на него было, а подъ конецъ того дѣла правда вышла на чистоту».—«Если-бы, говорю, возможно было намъ ждать, то имѣлъ-бы я теперь болѣе разсужденіе, но наши мѣста меня мучатъ и, если разъяснить все это мужикамъ, то будетъ у нихъ большое огорченіе, потому что ждутъ всѣ со дня на день и при нынѣшнемъ положеніи никакое дѣло не мило». Такъ и жилъ я все время. Только скажу вамъ, что каждый день я началъ чего-то ждать; засыпаю вечеромъ и жду, чтобы утро скорѣе, потому что кажется мнѣ, что на завтра что ни на есть должно случиться. И такъ каждый день. Жду, жду—вижу, что ничего не случается, а все жду. Газетку намъ передавали, какъ получишь, бывало, ее, такъ и вопьешься глазами, читаешь и видишь, что идетъ дѣло все хуже да хуже; горько станетъ. А все-же чего-то ждешь... Объ мужикахъ нашихъ доходили до меня вѣсти, что хотѣла Бородиха опять ихъ опутать, но не поддались они; много мы здѣсь этому радовались. Теперь живу въ Никольскомъ уѣздѣ; жить

здѣсь осталось 7 мѣсяцевъ 16 дней; затѣмъ опять пріѣду къ вамъ. Мѣста здѣсь землистыя, и хотя не всѣ наши хлѣба родятся, но мужикъ сытъ; деревеньки маленькія; лѣпится 5—10 дворовъ, но избы большущія и для скотины полное удобство». И т. д.

Въ С-ню письмо Ильи Кузьмича перечитывалось нѣсколько разъ и всякій разъ слушалось съ глубокимъ вниманіемъ.

— Вишь ты, въ какую даль закинули человѣка... Поживи-ка тамъ, попробовай!

— А мѣста, говоритъ, землистыя!

— Что-же, что землистыя, коли роду нѣтъ. Земли ѣсть не станешь...

— Може, свой какой хлѣбъ есть. Въ другихъ мѣстахъ, говорятъ, разна пища бываетъ.

— Онъ-же разсказывалъ, вонъ, про японцевъ-то... Хлѣба нѣтъ, а есть гаолянъ; его и жрутъ.

— Да!

Послѣ небольшого молчанія:

— Сколько терзали человѣка, а все о насъ не забываетъ. Тянетъ въ свои-то мѣста.

— Что ты думаешь? На чужой сторонѣ и весна не красна!..

—Скорѣе бы пріѣзжалъ ужъ, а то дѣла-то наши... Земля-то Бородихина, слышу, переходитъ къ банкѣ. Сядемъ мы тогда, братцы, по самою шею.

— Слышалъ, чай, 7 мѣсяцевъ и 16 денъ осталось.

— Время долгое...

— Какъ-нибудь дотянемъ.

Такъ какъ въ оригиналѣ письма были названы фамиліи крестьянъ, съ которыми сидѣлъ Илья Кузьмичъ, то каждое чтеніе письма вызывало много воплей.

— Съ моимъ-то, голубчикомъ, вмѣстѣ жили... Бѣдная моя головушка!..

— Что-то съ нашими-то будетъ...

— Защити ты ихъ, Господи!..

— Будетъ вамъ, бабы! Экій вы, ей Богу, народъ! И безъ васъ тошно.

Такъ жили с-цы, перебиваясь изо дня въ день; каждый день ожидали чего-то; разочарованные въ минувшемъ днѣ, ложились спать, рано поднимались на другой день, снова ждали, бесѣдовали, слушали газеты, комментировали рѣчи депутатовъ второй Думы и глубоко надѣялись. Этой надеждой на скорое лучшее они только и жили; она помогала имъ переносить тяжелыя жизненныя условія; довольствоваться кускомъ черного хлѣба; надежда эта и связанные съ ней запутанные и неясные вопросы заставляли послѣдній грошъ отдавать на покупку книги и газеты, въ которыхъ думали найти слова, сразу разъяснявшія все.

Всѣ планы улучшенія жизни, исполненіе общихъ желаній въ С-нѣ связывалась съ пріѣздомъ Ильи Кузьмича. Въ своихъ частыхъ изъ ссылки письмахъ онъ подбодрялъ крестьянъ, доказывалъ имъ необходимость торжества ихъ правового дѣла; въ каждомъ изъ этихъ писемъ я находилъ грустныя, пессимистическія нотки, частыя оговорки: «но если даже сила насъ на время и сломаетъ, зато погибнемъ мы за правое дѣло, какъ погибъ Христосъ и его апостолы». Я понималъ, что—увѣренный въ торжествѣ «крестьянскаго дѣла»— онъ не вѣритъ уже въ скорое наступленіе этого торжества. Но мысль крестьянъ останавливалась на самой увѣренности; и пессимистическія нотки писемъ оставались для нихъ незамѣтными.

Кое-кто пробовалъ доказать с-цамъ, что Илья Кузьмичъ умный человѣкъ, но все-же возлагать на него такихъ надеждъ не слѣдуетъ; что дѣло не въ немъ, а въ общихъ условіяхъ и т. д. С-цы слушали такія слова скептически.

— Человѣка вы этого мало знаете.

— Тогда онъ сразу насквозь увидѣлъ Бородиху-то. Съ перваго слова заявилъ, что обманетъ. Все по его словамъ и вышло.

— Мы, милый другъ, тоже раньше сомнѣвались, да все по его словамъ вышло.

— Не забудь ты то, что за сколько тыщъ верстъ его въ Японіи-то таскали. Какихъ только людей не видалъ онъ въ тѣхъ мѣстахъ... Извѣстно, что не въ емъ одномъ сила, а только скажетъ онъ намъ, какъ поступать; разъяснитъ...

— Говорятъ, вонъ, въ городахъ забастовка собирается, а мы хоть-бы что. А онъ въ этомъ дѣлѣ все-бы намъ растолковалъ.

И если кто-либо изъ проѣзжихъ пытался растолковать о «собирающейся забастовкѣ», то это толкованіе никого не удовлетворяло.

— Не то!

— Подходите вы не съ этой стороны

— Суть дѣла, милый другъ, здѣсь захватить надо!

— Да, вѣдь, ничего иного не скажетъ и Илья Кузьмичъ!—начиналъ сердиться толкователь.

— А вотъ увидимъ!

— Не долго ужъ осталось, пріѣдетъ.

А затѣмъ, чтобы успокоить «толкователя», кто-либо добавлялъ:

— Мы не къ тому, что вы неправду говорите, много хорошаго и въ вашихъ словахъ, а только жизни вы нашей—крестьянской—не знаете, потому и упускаете самую суть. Намъ надо знать, какъ сейчасъ намъ быть, сегодня вотъ, завтра, а вы все даете отсрочку.

Пріѣзжій уѣзжалъ, а с-цы снова ходили другъ къ другу, толковали о его словахъ и ждали Илью Кузьмича. Еслибы въ это время кто-либо сумѣлъ имъ неопровержимо доказать неосуществимость ихъ надеждъ и наивность разсчетовъ на Илью Кузьмича, они сразу опустились-бы, потеряли желаніе жить, и пьянство, которое въ это время сократилось до минимума,—развилось-бы со страшной силой; или-же послѣ нѣсколькихъ дней полнаго безсилія и неопредѣленности крестьяне распродали-бы свои земли, свой скарбъ и двинулись «на вольные заработки». С-цы позже другихъ крестьянъ столкнулись съ необходимостью борьбой рѣшать вопросы жизни; но они не въ силахъ были учесть опытъ сосѣднихъ деревень, да и нельзя еще тогда этого было сдѣлать. Увѣренность, что все должно измѣниться—окрѣпла, стала непоколебимой. Съ тѣмъже упорствомъ, съ какимъ крестьяне защищали Бородину,—теперь они стояли на новой точкѣ зрѣнія, и сдвинуть съ нея ихъ могли лишь изъ ряду вонъ выходящія событія.

V.

Около кузницы Кондратича собралась группа лицъ. Опершись на громадный молотъ, Кондратичъ выслушивалъ бабу, съ широкимъ, изрытымъ оспой, лицомъ. Высокая, мускулистая баба производила внушительное впечатлѣніе, и къ ней не шелъ какъ-то тоненькій, плаксивый голосъ, которымъ она разсказывала о своихъ дѣлахъ.

— Посуди самъ, Кондратичъ, какъ намъ теперь жить? Матери 80 лѣтъ, я—дѣвка, помощи никакой нѣтъ. Всѣ говорятъ: подождите, подождите, а землю, между прочимъ, всѣ запахали, только мы сидимъ ни при чемъ. Вышла я нынѣ съ сохой на твоей лошади, помаялась, помаялась—ничего не выходитъ. Чтоже мы зимой-то станемъ дѣлать?

— Замужъ выходить надо!—пошутилъ кто-то изъ толпы.

— Да женихъ-то, вишь, для меня не выросъ...

— Вырости-то выросъ, да заплутался: пошелъ къ тебѣ, а зашелъ въ другую избу.

— Не больно мнѣ ваши женихи-то и нужны: у меня четыре брата, было-бы кому землю-то спахать.

— Да въ томъ-то и дѣло, что теперь ихъ нѣтъ.

— Такъ міръ помочь долженъ: не за воровство они пошли туда.

Два брата этой дѣвушки служили въ солдатахъ, а два сидѣли въ тюрьмѣ по дѣлу убійства казаковъ.

— Что-же, мужички, пошлите завтра, у кого лошади свободны—не великъ, вѣдь, трудъ.

— Гдѣ онѣ теперь, лошади-то?—заволновался худой, тощенькій старичекъ.— Это ранѣ было по пяти лошадей, а теперь и одна не въ каждомъ дворѣ.

— Устаетъ скотина! Кормъ плохой—съ свово-то поля чуть дождешь.

— Вѣдь, ты спахалъ ужъ, дядя Микифоръ?—спросила дѣвушка.

— Спахать—спахалъ, это вѣрно. Да разѣ другихъ дѣлъ мало... Вонъ глину надо мять, кизики... У Ивана, вонъ, лошадь стоитъ...

— Возьми, пожалуй, мою—только на ней пахать съ подпорками надо.

— Эхъ, народъ!—махнулъ рукой сердито кузнецъ.—Говорятъ одно, а дойдетъ до дѣла, начинается табунъ. Словно гору своротить надо... Ладно, Аксинья, я завтра выѣду.

— Да что ты, чудакъ, нѣшто я што... Жалко мнѣ, что-ль... Я такъ, вѣдь!—засуетился старикъ Никифоръ,—коли не Васька, такъ я самъ выѣду... Помогу!

— Ну, вотъ и все!

— Поможемъ, поможемъ... Не тужите, бабы!..—загудѣли мужики.— Чего тутъ! Пособимъ...

Вдругъ—громадная волна пламени какъ-то сразу вырвалась изъ-подъ крыши крайней избы, моментально обвила ее со всѣхъ сторонъ и заволновалась, поднимая къ небу гигантскіе языки...

— Пожаръ!—одновременно крикнула вся толпа и—застывъ на минуту на мѣстѣ,—бросилась къ избѣ.

Вѣтеръ рвалъ снопы крыши и разбрасывалъ ихъ во всѣ стороны. На глазахъ безпомощной толпы загорались и сгорали избы... Люди кричали, таскали рухлядь, въ бушующее пламя плескали ведра полу-грязи, выкачанной изъ колодцевъ. Началась обычная трагедія деревенскаго пожара. Сгорѣло 15 избъ, въ томъ числѣ и изба Ильи Кузьмича. Молчаливая жена его и сынишка Семка сидѣли на вытащенномъ изъ огня сундукѣ съ рухлядью и плакали.

Къ ряду старыхъ бѣдъ прибавилась новая, которую нужно было поправлять въ первую очередь...

Жена Ильи Кузьмича послала ему письмо съ подробнымъ описаніемъ несчастья; и можно представить себѣ изумленіе с-цевъ, когда недѣли черезъ три отъ Ильи Кузьмича получилось письмо, въ которомъ онъ просилъ жену продать корову, лишніе пожитки и ѣхать къ нему. Рѣшеніе это мотивировалось тѣмъ, что въ с-нѣ жить теперь нечѣмъ, а въ Никольскомъ уѣздѣ они какъ-нибудь устроятся. Впослѣдствіи Илья Кузьмичъ говорилъ мнѣ, что онъ просто хотѣлъ испытать с-цевъ, серьезно-ли они стали «на новой точкѣ». «Если выпишутъ они меня безпремѣнно,—думаю,—то значитъ всякое согласіе моимъ словамъ давать будутъ»... Такъ это, или нѣтъ—неизвѣстно, но письмо Ильи Кузьмича взволновало с-цевъ ужасно.

— Жену, вишь, выписалъ... А мы-то какъ-же теперь?

— Ждали, надѣялись...

— Такъ нельзя...

— Мыслимое-ли дѣло!

— Написать ему надо, братцы, что міръ, молъ, не согласенъ тебя отпустить. Пріѣзжай, молъ, потому міру ты требуешься.

— Написать и есть! Такое теперь дѣло, что не обойтись намъ безъ знающаго человѣка. Ждали столько время и вдругъ—на тебѣ! Остаюсь!..

Подумавъ немного, Кондратичъ сдѣлалъ такое предложеніе: написать Ильѣ Кузьмичу, что такъ какъ онъ нуженъ міру, то устроиться ему міръ поможетъ, а, если онъ останется,—то мужики оста-

нутся, какъ овцы безъ пастуха, и не будутъ знать, что имъ дѣлать. Тѣмъ болѣе земля Бородиной уже перешла въ банкъ, пріѣзжалъ чиновникъ и предлагалъ с-цамъ купить ее у банка. Жену Ильи Кузьмича уговорили подождать отвѣта, а такъ какъ у той ѣхать въ Вологодскую губернію не было ни малѣйшаго желанія, то она очень охотно согласилась.

Илья Кузьмичъ не заставилъ себя долго ждать (а ждали его съ большимъ нетерпѣніемъ) и мѣсяца черезъ полтора пріѣхалъ въ С-но.

Пріѣзду его всѣ были безконечно рады; устроили настоящій пиръ, разспрашивали, плакали...

— Теперь пойдутъ наши дѣла!

— Самъ Господь тебя послалъ, Ильичъ! Онъ—кормилецъ...

— Совсѣмъ старикомъ сталъ!..

— Тамъ постарѣешь!..

— Сколько тебѣ теперь лѣтъ-то, Ильичъ?

— Сорокъ три, никакъ...

— Меньше, ты мнѣ ровесникъ!..

— Ну, какъ-же теперь? Что-же намъ дѣлать-то?

— Подождите, братцы, дайте оглядѣться, отдохнуть малость... Говорили мнѣ о нашихъ дѣлахъ, а все-таки надо самому все посмотрѣть...

— Какъ-же, какъ-же... Все тебѣ разскажемъ!..

— Отдохни, отдохни... Приглядись!..

Илья Кузьмичъ поселился у Кондратича. Первые дни онъ чувствовалъ себя великолѣпно. Ходилъ по полямъ, лугамъ. Остановившись передъ самымъ обыкновеннымъ кустомъ или цвѣткомъ, долго осматривалъ его, съ нѣжностью трогая руками. «Господи! Цвѣточекъ-то, кустикъ-то, полянка-то... Вотъ, вотъ... Какъ сейчасъ, помню»... Съ людьми въ эти дни онъ былъ безконечно нѣженъ и ласковъ: каждаго утѣшалъ, подбодрялъ «Подождите, братцы, подождите! Возьметъ и наша... Дайте немного опомниться народу, передохнуть ему дайте, а затѣмъ ужъ онъ вамъ покажетъ»... Такое состояніе, однако, продолжалось недолго. Скоро Илья Кузьмичъ поѣхалъ въ городъ, отыскалъ знакомыхъ и долго съ ними бесѣдовалъ. Судя по тому, что вернулся онъ хмурый и разстроенный,—видно было, что бесѣды не удовлетворили его. «Опять тоже!—ворчалъ онъ:— Это мы, братецъ мой, давно слышали. Спой что-нибудь поумнѣе... Обширность Россіи, соединеніе силъ... Все такъ... А теперь ты скажи мнѣ—покупать, или не покупать землю!»

Волненіе Ильи Кузьмича было вполнѣ понятно. Пособивъ Ильѣ Кузьмичу наскоро сбить кое-какую избенку, с-цы чаще и чаще стали лѣзть къ нему, «какъ съ ножемъ къ горлу», чаще и чаще ѣздилъ онъ въ городъ и возвращался оттуда одинаково разстроеннымъ...

Пріѣхавъ въ эти дни какъ-то ко мнѣ, Илья Кузьмичъ тщетно старался улыбнуться. Глубокое горе лежало на его лицѣ, и трудно было скрыть это горе.

— Придется, видно, подлецомъ оказаться!

— Въ чемъ-же дѣло?

— Да какъ въ чемъ? Знаю много и въ тоже время ничего не знаю; къ дѣлу ничего не могу приложить... Вамъ-то это «частичный вопросъ», а мнѣ лучше петля, чѣмъ передъ ними подлецомъ оказаться. Ждалъ меня народъ, надѣялся, выписалъ изъ такой дали, теперь помогъ деньгами, а я за все это только одно и твержу: «подождите, братцы». Они на меня надѣялись, я на городскихъ надѣялся, а въ конецъ дѣла оказалось—и меня надули, и я надулъ.

— Вы преувеличиваете, Илья Кузьмичъ!

— Чего преувеличиваю! Пріѣхалъ сегодня въ городъ, захожу туда-сюда—нѣтъ никого: кто въ арестѣ, кто разбѣжался. А должно было быть самое настоящее собраніе по нашему дѣлу. Я

какъ поѣхалъ, такъ и сказалъ:—Ну, мужички, теперь, молъ, пріѣду съ отвѣтомъ, а вотъ, поди, теперь да и думай»...

— Послушайте-ка, Илья Кузьмичъ,— сказалъ я,—вѣдь, вы хорошо понимаете, что съ настроеніемъ одной вашей деревни никакихъ вопросовъ не рѣшишь; въ нашемъ одномъ уѣздѣ восемь волостей, и каково тамъ настроеніе—мы не знаемъ, или знаемъ плохо; какъ они тамъ думаютъ, что надѣются предпринять?— Все это было-бы очень важно. Вотъ вы и скажите с-цамъ—давайте посмотримъ, что въ другихъ деревняхъ? Какъ они покупаютъ землю, или нѣтъ? Какіе у нихъ планы на будущее? Тогда вопросъ будетъ яснѣе и можно будетъ что-либо сказать...

Моя мысль окрылила Илью Кузьмича. Поспѣшно простившись со мной, онъ побѣжалъ въ С-но. Два дня выяснялъ онъ с-цамъ «необходимость посмотрѣть, какъ у людей» и с-цы, наконецъ, убѣдились, что «съ этого именно и надо было начать». Явился вопросъ, какъ это выполнить?

— Извѣстно, Кузьмича послать!

— Пусть походитъ, поспрошаетъ... Онъ привыкши къ этому дѣлу; что стоить будетъ, мы ужъ какъ-нибудь соберемъ.

— Такъ и мнѣ думается!—присоединился Кондратичъ.—Собрать тамъ поскольку съ души и послать... Посмотритъ, поговоритъ съ другими мужиками и къ намъ!

— Согласенъ-ли, Илья Кузьмичъ?

— Согласиться не долго, да какъ я пойду? Посудите сами—уѣздъ большой, дороги некудыщія, ни родныхъ, ни знакомыхъ въ деревняхъ нѣтъ—скоро-ли я обойду полъ-уѣзда? А хоть-бы и обошелъ, кто мнѣ что будетъ говорить?

— Поѣзжай ты теперь на Кондаль,— замѣтилъ старикъ Микифоръ,—живетъ тамъ мой своякъ, затѣмъ въ Федорово, туда Груньке выдана, изъ Бобровки Аграфенина невѣста, въ другихъ, чай, мѣстахъ найдется у кого кто. А пойдешь гдѣ на лошади—гдѣ какъ... Потрудись ужъ для міра-то...

Послѣ нѣкотораго выясненія деталей плана, Илья Кузьмичъ согласился; дня черезъ два съ котомкой за плечами, съ корзиной, въ которой лежали ножи, топоры, ножницы, замки и другія мелочи крестьянскаго обихода,—онъ прощался съ односельцами.

— Торговецъ-то, торговецъ-то! А?!— толкалъ молодой парень своего сосѣда и заливался звонкимъ хохотомъ.

— Глядите, глядите — и поясъ съ крючками... Чистый купецъ!..

— А вы тово,—сказалъ кузнецъ,— не больно болтайте-то; вы, бабы, особенно; вамъ, вѣдь, лыки-то привязывать надо; сгубите человѣка; понимать надо!..

— Ужъ это первое дѣло!

— По моему, такъ чуть кто пикнетъ, взять возжи, да при всемъ народѣ шкуру-то спустить раза два, вотъ другимъ и не будетъ повадно,—предложила сестра четырехъ братьевъ, которой міръ обработалъ-таки землю, поэтому она теперь душой и тѣломъ предана была мірскимъ дѣламъ.

— Вѣрно, Аксинья!

— Говорятъ вотъ «у бабъ волосъ дологъ, а умъ коротокъ», а вотъ поди-ко ты...

— Да!

— Ну, прощайте, братцы!..

— Съ Богомъ, Кузьмичъ! Дай тебѣ Господи путь добрый...

— Поосторожнѣй въ случаѣ чего...

— Какъ-нибудь! А вы, братцы, въ случаѣ чего жену не оставьте...

— Будь покоенъ! Отъ себя оторвемъ кусокъ, а твоимъ отдадимъ.

— На этотъ счетъ ужъ успокойся!..

— Спасибо вамъ! До счастливаго свиданія!

— Тебѣ спасибо! Трудное дѣло берешь на себя!..

Долго въ слѣдъ уходившему Ильѣ Кузьмичу крестьяне кричали—«съ Бо

гомъ!» — «добраго пути!» — и махали шапками.

Опираясь на суковатую дубовую палку, Илья Кузьмичъ отправился «знакомиться съ настроеніемъ уѣзда!»..

VI.

Мѣсяца черезъ три послѣ этого Илья Кузьмичъ и Кондратичъ сидѣли у меня. Илья Кузьмичъ разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ.

— Въ какую деревню ни приду—вездѣ одно и тоже. «Житья, говорятъ, нѣтъ, надо что-нибудь дѣлать!» А что дѣлать? — никому неизвѣстно. Какъ же вы,—спрашиваю,—будете?

— Ждемъ,—говорятъ,—какъ другіе, потому мы всегда поддержать готовы и всѣ на усыгинцевъ! Усыгинцы, — говорятъ, всегда впереди всѣхъ шли, имъ теперь и надо давать команду. Иду къ усыгинцамъ.—Такое,—говорю,—дѣло, братцы! Приходитъ наше терпѣніе къ концу, надо что-нибудь дѣлать! Послали меня мужички изъ С-на спросить—не будетъ ли какого совѣта. Дѣйствительно, есть у нихъ мужики разсуждающіе; понимаютъ все очень хорошо; тѣ прямо мнѣ и заявили—одно, говорятъ, дѣло большое, а другое—поменьше. Большое дѣло только вся Россія разработать можетъ, а земельная часть—это,—говоритъ,—дѣло наше. Въ этомъ дѣлѣ надо намъ столковаться и дѣлать всѣмъ, какъ одному человѣку—коли покупать землю, такъ покупать всѣмъ, кому она требуется; а коли не брать, то держаться крѣпко и другимъ не позволять.— Какъ-же, говорю,—можетъ совершиться этотъ уговоръ?—А это, говоритъ,— когда городскіе со всей Россіи свѣдѣнія соберутъ, и всѣмъ по одинаковому объявятъ. Пока-же,—говоритъ,—надо крѣпиться: не соглашаться и не отказываться; въ случаѣ пріѣдетъ чиновникъ—говорить: «дѣло не шуточное, подумаемъ». А если, — спрашиваю, — изъ другихъ мѣстъ пріѣзжать начнутъ?—Тогда,—говоритъ,—нужно ихъ добромъ образумливать, а не послушаютъ, немного и попугать можно.—А городскіе, — спрашиваю,—бываютъ у васъ?—Раньше,—говоритъ,—наѣзжали часто, а теперь давно уже не были.—Вижу я, что вездѣ люди больше ждутъ, а чего—не знаютъ и сами. Меня-же давно уже сомнѣніе начало брать, что ничего мы не дождемся и получится у насъ одна каша. Нужно сказать вамъ, что захватилъ я съ собой кое-какія книженки и въ деревняхъ мужикамъ для прочтенія оставлялъ. Даю и усыгинцамъ.—«Книжки, говорятъ,—хорошія; у насъ онѣ тоже есть, но только самая сущность въ нихъ изложена, а теперешнихъ нашихъ дѣлъ не касаются».

— Такъ,—говорю, — раздавать мнѣ ихъ, или нѣтъ?

— Не мѣшаетъ,—говорятъ,—только дѣйствуй съ опаской.

Хорошо. Иду дальше. Въ какую деревню ни приду—у каждой своя исторія и все—ждутъ. Горе взяло меня! Да чего,— говорю,—вы ждете-то?

— Какъ—чего? Какое ни на-есть измѣненіе должно быть! Будетъ извѣстіе— вотъ мы поступимъ.

Въ Крюковѣ разсказываютъ мнѣ такую вещь—взяли они у банка землю еще въ 902 г.; платили до 905, а потомъ три года не заплатили. Должна была земля эта отъ нихъ отойти, а безъ нея имъ никакой жизни, какъ извѣстно, нѣтъ. Что дѣлать? Подумали, подумали, собрали деньги за всѣ три года—повезли. Не берутъ!

—Не берутъ?—переспросилъ Кондратичъ.

— Не берутъ! Сроки,—говорятъ,— упущены и, если хотите теперь этой землей владѣть, переходите по новому правилу на хутора; тогда и съ недоимки вашей можетъ быть скидка. Когда пришелъ я къ нимъ, у нихъ по этому дѣлу разговоръ шелъ. Услыхали, что я пришелъ, бѣгутъ ко мнѣ.—Какъ, — говорятъ,— намъ быть въ нашемъ дѣлѣ?—Я,—гово-

рю,—самъ пришелъ у васъ спросить.— Пробылъ я у нихъ три дня, все время они толковали, но ни къ какому концу не пришли. Тоже рѣшили пообождать.

Много интересныхъ «исторій» разсказалъ намъ Илья Кузьмичъ. Обошелъ онъ добросовѣстно весь уѣздъ, даже въ нѣкоторыя «интересныя» мѣста сосѣднихъ уѣздовъ заходилъ, но, по его словамъ, «вездѣ находилъ одно и то же».

— Такая послѣ этого на меня напала тоска, что поспѣшилъ я скорѣе домой. Иду, утѣшаю себя тѣмъ, что народъ все-таки стоитъ дружно. Есть кое-гдѣ такіе, которые стараются, какъ бы самимъ поскорѣе вывернуться, а большинство все-таки согласно. Мучило меня то, что никогда отвѣта они не дождутся и будутъ—спустя время—дѣлать, какъ Богъ кому на душу положитъ. Прихожу къ нашимъ. Встрѣтили хорошо. Рады. Началъ я имъ все передавать, народъ, молъ, вездѣ согласный, но рѣшенія еще нѣтъ. Надо, молъ, пообождать и намъ.— Долго-ли ждать-то?—Нѣтъ,— говорю,—потому что дѣло неотложное. Вижу, особой радости въ нихъ нѣтъ... Прошло такъ съ недѣлю; въ это время ходили ко мнѣ каждый день, то то спросятъ, то другое,—я объяснялъ. А потомъ вдругъ доходитъ до меня слухъ, что земскому мое путешествіе извѣстно, и онъ требовалъ отъ міра послать меня въ Сибирь.—Что-же, говорю, вы, братцы, отъ меня скрываете? Ходилъ я по вашему приказанію, исполнялъ все честь-честью и вдругъ такое дѣло?—Не въ этомъ, говорятъ, суть вопроса; жалко намъ тебя, Кузьмичъ, Богъ знаетъ какъ, и не выдадимъ мы тебя никогда, но грозитъ земскій, то есть, если тебя не исключимъ,—поставитъ къ намъ казаковъ, и самъ ты долженъ это разсудить. Напуганъ народъ—помнишь тогда, что казаки-то дѣлали? Жалко тебя, а какъ вспомнятъ ярмарку-то, то и задумываются.—Да есть-ли, —говорю,— теперь такіе законы, чтобы человѣка исключать изъ міра?—Это,—говоритъ,— намъ не извѣстно, а только земскій такое требованіе предъявилъ. Вотъ такъ штука, думаю. Знаю я нашихъ мужиковъ хорошо—не постояный народъ. Просить ихъ все-таки,—думаю,—не буду. Пусть рѣшаютъ сами. Устроютъ мнѣ такую «каверзу», дѣло ихъ; уѣду въ Сибирь, и въ Сибири люди живутъ...

— Не сдѣлаютъ этого... Что ты!— замѣтилъ кузнецъ.

— Пусть рѣшаютъ, а только зла я имъ не желалъ... Теперь вотъ сходъ у нихъ идетъ. Мы нарочно ушли съ Кондратичемъ; пусть сами поступаютъ, какъ совѣсть имъ подскажетъ...

— Такъ сейчасъ они о васъ рѣшаютъ?

— Обо мнѣ. Знаю я, что откажутся; по глазамъ ихъ видѣлъ: ласковы ужъ больно.

А на сходѣ въ это время никакъ не могли рѣшить, что отвѣтить земскому.

— Можно ли погубить такого человѣка!..

— А казаки-то?

— Что казаки? Умирать, такъ всѣмъ умирать... Сами-же заварили кашу, а теперь, нако вотъ, возьмите человѣка. Скушайте!

— Не мыслимо!

— На казаковъ жалобу можно найти. Валяй въ городъ, дѣдушка Микифоръ!

— Охъ, робя! Силушки нѣтъ!..

— По-моему, вотъ что, мужички: пойти просить Кузьмича, чтобы самъ онъ согласіе далъ. Міръ, молъ, не желаетъ тебя наказать, но ты самъ послужи ему разъ, міру; спаси насъ. Выдь! Когда-же дѣла наши успокоятся, опять примемъ мы тебя, какъ дорогого гостя,— предложилъ Никифоръ.

— Охъ, не хорошо!

— Получше придумай!

— Нечего придумывать-то!

— Не такой человѣкъ, Кузьмичъ, чтобы не понять! Самъ уйдетъ!..

— Не забывайте, мужички, что выписали мы его сами, и всѣ тогда говори-

ли, что безъ него намъ никакъ невозможно! Теперь-же сами человѣка гонимъ!

— Не гонимъ, а просимъ! Придетъ время, опять выпишемъ...

— Попросить-бы тебя палкой по шеѣ!.

— Попробуй!..

Сходъ разбился на двѣ части. Говорили по-русски и по-мордовски. Толковали долго и, въ концѣ концовъ, приняли-таки предложеніе старика Никифора.

Самъ Никифоръ и еще два старика пошли «увѣдомить» Илью Кузьмича.

— Согласенъ,согласенъ,дѣдушка...Чего тутъ! Нынѣ-же къ вечеру, выѣду въ городъ... жену только ужъ не оставьте...

— Ты того, Кузьмичъ... Пойми! Не поминай! Видимъ, что виноваты передъ тобой, да, вѣдь,дѣло-то такое!.. Ахъ ты, Господи!

— А о семьѣ не безпокойся! Послѣдній кусокъ отдадимъ...

— Спасибо, спасибо...

— Ахъ ты, дѣло-то какое!.. А?!

— Ну, чего тутъ! Сдѣлано дѣло! спасибо вамъ...

Илья Кузьмичъ не выдержалъ; наклонился надъ столомъ и заплакалъ. Заплакали и старики.

— Будетъ ужъ! Эхъ!..

— Кузьмичъ! Ты... того...

— Ѣду, ѣду... Спасибо!..

— Ахъ ты, жизнь наша горькая!..

— Плюнуть-бы надо! А? Дѣдушка Микифоръ!

— Плюнуть, братцы!..

— И то!.. Все равно ужъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ!—запротестовалъ Кузьмичъ,—все будетъ хорошо. Выѣду въ городъ, тамъ и заарестуюсь... Дѣло привычное...

Старики ушли. Кузьмичъ поспѣшно и нервно собрался и къ вечеру уѣхалъ въ городъ... Возвращавшіяся съ работы бабы разсказывали, что то и дѣло Кузьмичъ оглядывался на С-но и рукавомъ отиралъ глаза. А встрѣтивъ ихъ, бабъ—велѣлъ сказать мужикамъ, что не сердится на нихъ и прощается съ ними «на вѣчно».

Хмурые и унылые ходили крестьяне по улицамъ С-на. Всѣхъ грызло нехорошее чувство сдѣланной неправды. При встрѣчахъ старались объ этомъ не говорить, а если разговоръ начинался, то скоро переходилъ въ ссору; вину одинъ сваливалъ на другого и, въ концѣ концовъ, оказывалось, что никто не желалъ высылки Кузьмича, что человѣкъ онъ необходимый, что съ теперешними дѣлами безъ него никакъ не справиться.

— Я прямо сказалъ, что умирать, такъ всѣмъ умирать,—всѣ слышали!

— Ты?! Да ты первый кричалъ, что согласиться!

— Я кричалъ?! Я?! Да какъ у тебя повернулся языкъ сказать такое слово?!..

— Оба вы хороши—сгубили человѣка!

— Мы, что-ль, одни?

— Горлопаны! Вамъ-бы орать только!

— Ты хорошъ! При Кузьмичѣ хвостомъ юлитъ, а безъ него—соглашайтесь, ребята!—И т. д., и т. д.

Внимательно прислушивающійся къ этимъ толкамъ, Кондратичъ отозвалъ въ сторону нѣкоторыхъ серьезныхъ мужиковъ и долго съ ними бесѣдовалъ.

— Приговоръ-отъ гдѣ?

— Да здѣсь еще...

— Не забрали?

— Нѣтъ. У писаря никакъ.

Снова долгій разговоръ вполголоса и, наконецъ, къ вечеру новый сходъ по какимъ-то формальнымъ основаніямъ, найденнымъ писаремъ, приговоръ отмѣнилъ, и Кондратичъ поскакалъ за Ильей Кузьмичемъ. Съ тѣмъ въ это время произошли новыя приключенія: ни въ тюрьмѣ, ни въ полиціи до полученія приговора его не хотѣли арестовать и совѣтовали ѣхать обратно въ деревню.

Кондратичъ отыскалъ его у одного изъ знакомыхъ «человѣчковъ», которому онъ разсказывалъ о своихъ неудачахъ.

Встрѣчу Ильѣ Кузьмичу с-цы устроили тріумфальную; версты за три отъ села всѣ расположились по большой дорогѣ и нетерпѣливо посматривали въ сторону города...

— Ѣдутъ!..

— Оба?

— Оба!..

Толпа побѣжала навстрѣчу быстро катившейся телѣгѣ... Начались объятія, крики. Илья Кузьмичъ забылъ «все»... Крестьяне забыли и о земскомъ, и о казакахъ; у всѣхъ какъ-бы камень спалъ съ души...

— Словно затменье какое на насъ нашло тогда! Ей Богу! Подумать страшно.

— Ладно... Всяко бываетъ на свѣтѣ...

— Жизнь-то, говорятъ, пережить—не поле перейти...

— Ну, слава Богу!..

— Все теперь по-хорошему...

Всю дорогу до села крестьяне оживленно бесѣдовали и строили различные планы. Дѣдушка Микифоръ подпрыгивалъ, догоняя другихъ, стараясь ввернуть словцо. Илья Кузьмичъ говорилъ на высокія темы крестьянской солидарности; о необходимости крѣпко стоять одному за всѣхъ и всѣмъ за одного. На радостяхъ крестьяне немного подвыпили, повеселѣли еще больше; забыли на минуту о всѣхъ своихъ нуждахъ и горестяхъ. До самаго утра по деревнѣ ходили группы оживленно-разговаривающихъ людей. Прислушиваясь къ толкамъ крестьянъ, видно было, что разговариваютъ они о лучшемъ будущемъ, о свѣтлыхъ дняхъ и въ разговорахъ своихъ чаще всего поминаютъ имя—Илья Кузьмичъ.

VII.

На предложенія Крестьянскаго банка нужно было дать тотъ или иной, но окончательный отвѣтъ. Чиновникъ заявилъ, что ему надоѣло ждать и выслушивать одно и то-же: «подумаемъ!» О томъ, какъ этотъ вопросъ былъ послѣ долгихъ мытарствъ рѣшенъ, разсказано въ началѣ настоящихъ замѣтокъ. Однако, весь вопросъ этимъ не исчерпанъ: большая часть с-цевъ должна «сѣсть» на хутора, ликвидировавъ свои хозяйства въ С-нѣ. Вотъ на это-то согласныхъ нѣтъ ни одного. Закупленная земля обрабатывается, переселеніе откладывается съ мѣсяца на мѣсяцъ. Но всѣ понимаютъ, что рано или поздно откладывать будетъ нельзя—новый вопросъ такъ или иначе придется рѣшать.

Илья Кузьмичъ твердо стоитъ на томъ, что переселяться не слѣдуетъ; въ этомъ съ нимъ согласны всѣ; больше другихъ думаетъ онъ надъ вопросомъ, какъ помочь бѣдѣ

Въ городъ, однако, онъ ѣздитъ гораздо рѣже; всѣхъ знакомыхъ ему «человѣчковъ» разсажали давнымъ-давно по тюрьмамъ, а новые знакомые больше отговариваются тѣмъ, что «ничего неизвѣстно». Однако, время отъ времени онъ навѣщаетъ и ихъ, ведетъ рагзоворы, подобные описанному въ началѣ, забираетъ книги и читаетъ ихъ по цѣлымъ ночамъ.

— Своимъ умомъ, видно, надо до всего доходить; эдакъ лучше будетъ дѣло-то.

Увлекаясь той или иной мыслью, Илья Кузьмичъ немедленно сообщаетъ ее односельцамъ, вмѣстѣ съ ними разбираетъ и выясняетъ. Это онъ называетъ «шлифовкой мордвы». По вечерамъ часто можно встрѣтить около кузницы группу крестьянъ, а среди нихъ оживленно-разсказывающаго Илью Кузьмича.

Послѣ этого уронилъ голову на руки и зарыдалъ окончательно.

— Что съ вами?

— Написался, видите; ругайте теперь...

— Отчего вы плачете-то?

— Душа болитъ—вотъ и плачу. Мужичковъ жалко; мучаются, страдаютъ, ждутъ, а въ результатѣ—одна кабала за другой... Горько! Надѣются на по-

мощь все, помощи-то, видно, ни откуда не будетъ...

— Эхъ, какъ вы ослабли!

— Не ослабъ, а силъ не хватаетъ. Думаешь, думаешь,—голова идетъ кругомъ, а все никакого толку. Вотъ на хутора надо идти, а что я подѣлаю... А они все надѣются.

Много въ этотъ вечеръ пришлось мнѣ выслушать отъ Ильи Кузьмича упрековъ въ «измѣнѣ», «подвохѣ» и прочемъ.

— Когда мы нужны были, къ намъ всѣ шли, а теперь, какъ намъ надо помочь— никого нѣтъ. Подождите! Народъ пойметъ! Хватитесь, да поздно будетъ. Вамъ литература нужна, книги... А мужику ничего не нужно? Мужикъ дѣлай, какъ хочешь, а вы будете смотрѣть? Такъ, вѣдь?!. А потомъ скажете, въ какихъ случаяхъ мужикъ ошибался... Да еще— «почему вы плачете?»—О васъ плачу! Васъ мнѣ жалко! Куда вы кинулись? Что вамъ надо? Слѣпые вы, что ль, коль не видите, что мужикъ изъ силъ выбивается? Своего ума у него не хватаетъ! А вы куда свой умъ дѣваете? Образованные вы люди!..

Горько и мнѣ было слушать слова Ильи Кузьмича; много въ нихъ правды. Не возражая ему, я старался успокоить его, переводя разговоръ на другую тему...

Такъ живетъ теперь Илья Кузьмичъ, полный неразрѣшимыхъ вопросовъ, ежедневно выдвигаемыхъ общей и мѣстной жизнью. Громадныхъ усилій, мучительнаго напряженія мысли стоитъ ему выясненіе того, что многіе съ небольшими затратами труда получаютъ на гимназической скамьѣ. Вѣчно нервный, вѣчно суетливый, отзывчивый ко всему, онъ старается вобрать въ себя всѣ деревенскія невзгоды, скорѣе рѣшить всѣ кровные вопросы деревенскаго существованія и—представивъ крестьянамъ все въ ясной и очищенной формѣ, — немедленно двинуть ихъ по вѣрному пути къ лучшему будущему.

Рѣшительный и энергичный, онъ одновременно агитаторъ и вождь; досадно, что настоящая жизнь не даетъ возможности развернуться его способности, принуждая примѣнять ихъ, главнымъ образомъ, въ мелкихъ дѣлахъ тревожныхъ деревенскихъ буденъ. За то смѣло можно сказать, что всѣ свои способности, большую часть своихъ силъ онъ отдаетъ с-цамъ. Учась самъ, онъ учитъ и ихъ. Живя впроголодь, онъ думаетъ объ опредѣленіи Семки въ гимназію. Выучится—все понимать будетъ; ему ужъ и въ городъ ѣздить не придется!

— Поживи ты для себя-то хоть немножко, — часто за послѣднее время говоритъ Ильѣ Кузьмичу жена.

— Подожди немножко! Устроимъ вотъ дѣла и поживемъ!

С-цы понимаютъ, что онъ живетъ для нихъ; и въ трудную минуту, при всякой новой надвигающейся на нихъ тучѣ,— обычно говорятъ:

— Что-же? Устроится какъ-нибудь у насъ Ильичъ!..

Ив. Коноваловъ.

Бѣлые павлины нашей скуки.

У каждаго литературнаго періода—свой тупикъ. Онъ трагиченъ, когда онъ—свое собственное отрицаніе. Но чаще всего, онъ веселъ и свѣтелъ; онъ сверкаетъ и звенитъ, приноситъ съ собою радость и золото; красуются женщины и пѣнятся вина. Это тупикъ успѣха, длительный и безпринципный. Тупикъ литературы послѣднихъ лѣтъ — б е л л е т р и с т и к а.

Она разлилась, какъ море счастья, и блаженствуетъ въ ней все, что спаслось отъ погромовъ. Услаждаетъ беллетристика, пьянитъ она; и кажется, что насталъ успѣхъ. Но беллетристика, собственно, даже—не успѣхъ, не радость; она—не золото и сама по себѣ ни въ коемъ случаѣ не чья-то побѣда надъ косностью прежнихъ вкусовъ или надъ какимъ-то дикимъ укладомъ убѣжденій. Тутъ другое. Беллетристика можетъ быть и пораженіемъ. Тупикъ—беллетристика, тупикъ даже скорѣе трагическій. Но въ томъ-то и дѣло, что не видятъ, не понимаютъ люди этой трагедіи, и тѣшатся они беллелтристикой, какъ Абдулъ Гамидъ, бывало, тѣшился игрушками. Словно наемная ласка беллетристика, и какъ наемную ласку ослѣпленные люди зовутъ любовью, такъ современную беллетристику принимаютъ теперь за литературу, за искусство, за идею, даже чуть-ли не за партійную борьбу, за проповѣдь новыхъ началъ въ политикѣ и жизни.

Многолика она; разными цвѣтами переливается и вьется беллетристика и не такъ легко ее узнать. Но страшно, когда передъ глазами не литература и запросы самой жизни, не философскія и религіозныя исканія, не партійныя борьба, но—что?.. Вотъ сверкнулъ лучъ, проникающій въ суть и правду,—и ясно видишь?—все это для время провожденія.

Нѣтъ отрады слаще пытки вашей,

п а л а ч и!—простонала трудная, отверженная, оклеветанная смѣхомъ и негодованіемъ тупыхъ сердецъ, новая поэзія. Носился обликъ Прекрасной Думы-и среди вихря снѣговыхъ масокъ изъ бурь непонятныхъ словъ «немыслимаго знанія» все яснѣе видѣлась Она, Царица-Незнакомка, желанная и неразгаданная. Достигала новая поэзія «прекрасной ясности», преодолѣвъ муки мастерства и таинственной мудрености искусства. Словно неумолимый паломникъ отъ загадокъ одного вѣка къ еще болѣе труднымъ загадкамъ другого, отъ временъ проникновенности до-рафаэловой живописи, къ нездоровой пестротѣ сантиментальнаго XVIII вѣка, чувствительнаго и чувственнаго шли и не знали отдыха творцы новой поэзіи. И чтоже? Развѣ не беллетристикой закончились поиски и увлеченія? Развѣ не сталъ современный разсказъ разсказомъ-modern зачастую крикливымъ и безвкуснымъ, какъ отдѣлка кондитерской въ декадентскомъ стилѣ? Развѣ скорбь отверженной души современной поэзіи не стала

«маской» напускной и почти всегда вовсе никому ненужной?

Грозно насупившійся философъ съ лицомъ русскаго капрала отравилъ мысли своими прорицаніями. Началось святое смятеніе. Оскорбило сначала и очистило катарсисомъ своихъ трагическихъ правилъ ницшеанство. А развѣ теперь можно привести хотя бы одну строку изъ всей его «веселой науки», не боясь заговорить такимъ тономъ, что не лучше любого прежняго чтецадекламатора? Беллетристика, а не ницшеанство! Беллетристика, которой упивается весь этотъ сбродъ нынѣшнихъ переоцѣнивателей цѣнностей, обрадовавшихся философскому разрѣшенію не отдавать долговъ и дѣлать пакости всякому, кто оказалъ услугу?! Смерть быта и переоцѣнка цѣнностей, «Океаны», гдѣ свирѣпствуютъ хогоржи въ глупо-театральныхъ позахъ и, косясь на полицейскихъ, чтобы не попасть въ участокъ—вотъ поистинѣ жалкое изъ жалкихъ вырожденіе великихъ подвиговъ мысли въ беллетристику.

Въ беллетристику уже давно, на слѣдующій же день послѣ того, какъ сказались самые первые подземные толчки революціи, стали вырождаться всѣ тѣ стремленія, ради которыхъ когда-то до дыръ дочитывались марксисткія и народническія брошюрки, ради которыхъ валомъ валили въ тюрьмы всякіе храбрые и робкіе, стойкіе и слабые, умные и глупые, большіе и маленькіе бѣлинскіе.

Что грѣха таить? Въ самые, что ни есть дни свободы, беллетристикой уже стало митинговое краснорѣчіе. Беллетристикой вѣяло отъ программъ партій, и самой настоящей, самой доподлинной беллетристикой оказалось политиканство заправскихъ политическихъ дѣятелей, какъ только явилась малѣйшая возможность что-нибудь дѣлать—тѣмъ дѣятельнѣе и дѣйствительнѣе казались дѣянія политическихъ дѣятелей правыхъ и лѣвыхъ, крайнихъ и умѣренныхъ партій, тѣмъ яснѣе отпечатывалась на нихъ веселенькая обложка, эта вожделѣнная марка политики-modern и партійности-modern.

И вотъ она ликуетъ и гордится. Вотъ она вздулась, всю страну, даже колокольни новыхъ и старыхъ церквей, даже самую религію, посмотрѣвшую на насъ только-что своими глазами великомученницы и давшую заглянуть въ эти глаза свои, залила беллетристика. Вышли рѣки изъ береговъ. Ничего настоящаго, реальнаго, осязаемаго больше не осталось вовсе. Все кругомъ блещетъ фантастическимъ блескомъ искусственности, нездоровымъ и упоительнымъ, и сама только-что вновь понятая, великая, потому что она мать и дитя всѣхъ духовныхъ усилій людей, религія оказалась въ лонѣ и холѣ современнаго времяпровожденія.

Стихи, передовыя статьи, философскіе трактаты, морализированье «вѣховцевъ» и «безъ-заглавцевъ», «народниковъ» изъ «Русскаго Богатства» и маститыхъ либераловъ изъ «Вѣстника Европы», взаимные попреки и взаимныя отрицанія, марксизмъ, азефіада и національныя самоопредѣленія, думскіе дебаты и черносотенныя разоблаченія, вѣдь, все это не настоящее, вѣдь все это не на самомъ дѣлѣ, только троньте пальцемъ, переборите страхъ передъ призраками—и разсыпется; увидите, вы, расхохочетесь надъ всѣмъ этимъ, когда ясно станетъ, что все это такое.

Кто читаетъ разсказъ и романъ, теряетъ время. Никогда такъ быстро не летитъ оно, какъ за чтеніемъ, даже дряннымъ. Спросите любого тюремнаго сидѣльца. Но время—деньги, и идетъ великій торгъ на потерянное время, потому что оно все равно приноситъ проценты, всѣмъ,—вблизи или вдали стоящимъ отъ современной литературы, слышится шуршанье процентныхъ бу-

магъ. Беллетристика — времяпрепровожденіе, т. е. доходный обмѣнъ цѣнностей, переливаніе изъ пустого въ порожнее, котируемое на биржѣ, дѣльное съ точки зрѣнія дѣлъ. Красятъ нарядныя обложки пустоту современной литературы, но пустота эта полна значенія, потому что ее можно продать. Литературный торгъ нашихъ дней превысилъ всѣ ожиданія; будущность русской литературы оцѣнили иностранные капиталисты и издаютъ русскія книги, платятъ русскимъ гонораръ.

Тутъ наша европеизація. Японскія пушки выстрѣлили изъ насъ дочиста все византійски-восточное, и тогда стали мы европейцами, а европеецъ любитъ и цѣнитъ беллетристику, потому что часто сытъ и часто, отчетливо, умѣло и быстро сдѣлавъ всѣ дѣла свои, вспоминаетъ объ отдыхѣ. О, прежняя, давняя завѣтная русская литература не была беллетристикой. Въ этомъ ея варварская прелесть, въ этомъ ея геніальная малограмотность. Глѣбъ Успенскій смѣялся, когда ему предлагали написать романъ. Ему казалось, что романъ непремѣнно долженъ начинаться описаніемъ какой-нибудь графини, ведущей свѣтскій разговоръ со своимъ поклонникомъ, полулежа на кушеткѣ...

Однако, на кого это я ополчился? Я чувствую, что долженъ теперь назвать имена. Интересно только то что ad hominem. Иначе—не все ли равно? Но я не назову никого. Ad hominem у меня въ запасѣ только похвалы.

Мнѣ даже хочется сосредоточиться теперь на произведеніяхъ такихъ двухъ очень крупныхъ современныхъ писателей, которыхъ немыслимо не хвалить. Они безупречны. Д. С. Мережковскій печаталъ всю зиму въ «Русской Мысли» свой романъ «Александръ I», а рядомъ съ нимъ въ той же спасающей культуру, «Русской Мысли» шелъ и романъ В. Я. Брюсова «Алтарь Побѣды». Оба романа еще не кончены. Но развѣ мы не знаемъ такъ хорошо и подробно обоихъ этихъ поэтовъ, развѣ не сроднились мы съ ихъ творчествомъ и пріемами мастерства настолько, чтобы быть способными судить о ихъ романахъ, не дожидаясь конца? Что они дадутъ намъ, эти концы? Развязку? Боже мой, развѣ нуждаются въ развязкахъ культурные и эстетически высоко образованные читатели? To plot interest. Варварство. Развязки ждутъ не дождутся читатели какихъ-нибудь уголовныхъ романовъ.

Кто прислушивался къ толкамъ о Валеріи Брюсовѣ, тотъ знаетъ, что онъ занятъ давнымъ-давно поэзіей угасавшаго Рима. И такъ понятно, что долженъ Брюсовъ любить именно Римъ. Не Элладу, эту пеструю быль, безпорядочно создававшую вымыслы изъ оргій и игръ, военныхъ пѣсней, уличныхъ остротъ, поэтическихъ сказаній о былыхъ подвигахъ и религіозныхъ мистерій. Особенно поздняя предхристіанская Эллада—какая-то растерянная и безпорядочная, неуловимая даже съ этнографической точки зрѣнія. Вились раздушенныя кудри изнѣженныхъ юношей, собиравшихся въ Аѳины учиться вѣковой мудрости философовъ и словесной лжи софистовъ. Кто — они? Какія пестрыя одежды на ихъ холеныхъ тѣлахъ? Откуда черезъ Седмиградье Асіи, по одной изъ семи дорогъ, черезъ богатую конями Каппадокію, или суровую Ликію, изъ ославянѣвшихъ и полу-кельтскихъ Ѳракіи и Иллиріи—всѣ эти нарѣчья и говоры, варваризмы, легенды, пѣсни, ухватки плясокъ, товары, рабы, мысли и ученья? Слишкомъ пестро все это для воображенія Валерія Брюсова, возлюбившаго порядокъ. Римъ—знающій, воспринявшій греческую культуру, чтобы превратить ее въ логически связанныя одна съ другой новеллы, Римъ—выработавшій литературный языкъ

такой ухищренный, что онъ сталъ прикладной логикой; дѣловой и понятный, памятующій о законахъ, повелѣвающій Римъ—былъ строгъ и строенъ.

Въ своемъ «Алтарѣ Побѣды» В. Брюсовъ даже усугубилъ эту стройность и строгость. Разноплеменный Римъ читатель знаетъ только по описанію общественныхъ игръ; да, вотъ тутъ какого только нѣтъ народа! Тутъ—даже такіе «жители дикихъ острововъ», что убираютъ головы перьями птицъ. На улицахъ и торжищахъ, въ частной жизни у Брюсова нѣтъ вовсе Рима, уже задавленнаго иберійцами и готами, греками изъ Южной Италіи и латинизованными нубійцами изъ Африки. Не кишитъ кораблями Средиземное море, не снуютъ по торгамъ и форуму евреи, занесшіе сюда Христово ученіе. Вдали въ Медіоланѣ остается и другая пестрота, новая и дѣятельная, та, что создаетъ новую культуру, новое искусство и государственность византійскаго императорства. Только однимъ глазкомъ въ романѣ Брюсова удается посмотрѣть эту роскошь и причудливую, сказочную, недостаточно до сихъ поръ изученную византійскую цивилизацію. Ясно и просто самое гейневское раздѣленіе на язычниковъ и христіанъ. Ясно и просто оно и у Брюсова. Язычники — это сенаторскія семьи, матроны и щеголи, высоко философски образованные политическіе дѣльцы. Они полны традицій древняго Рима, точно еще живъ Катонъ. Только съ отноской со звѣздочкой подъ страницей говорятъ они ссылками на классическихъ писателей, до сихъ поръ преподаваемыхъ въ школахъ: на Квинтильяна, Авла Геллія, Саллюстія и Ливія. Они люди такого хорошаго вкуса, что, очевидно, презираютъ философію Цицерона и разсужденія современныхъ имъ академиковъ, Филона или другихъ писателей, столь интересовавшихъ ихъ современника, блаженнаго Августина. Нечего и говорить, что изъ презрѣнія ни словомъ не обмолвливаются римляне Валерія Брюсова о поэтахъ того времени, подобныхъ, напр., ученику Августина, Лиценцію, воспѣвавшему Пирама и Тисби. О христіанахъ мы мало узнаемъ. О нихъ что-то не слыхать; только сыщиковъ подсылаютъ они къ римлянамъ, только тамъ они при императорѣ въ Медіоланѣ развѣ встрѣтится какой-нибудь священникъ-учитель и сообщитъ кое-что изъ свѣдѣній по исторіи церкви. Но уже хорошо извѣстно то, что думалъ о христіанахъ Гейне: они жалостливы, ничего не понимаютъ въ искусствѣ и, вообще, еще демократы; Ренанъ, а за нимъ другіе—всѣхъ ихъ считали даже рабами!

Герой романа — Юній, конечно, язычникъ, хотя и увлекся, кромѣ великолѣпной язычницы Гесперіи, какой-то христіански-манихейской пророчицей Реей, напоминающей немного прикрашенную и снѣдаемую страстью русскую курсистку за самый разгаръ революціи.

Мнѣ ни на минуту не приходитъ въ голову уменьшить достоинства «Алтаря Побѣды». Тысячу разъ—нѣтъ. Романъ прекрасенъ. Онъ строенъ и полонъ движенія, самыя словоупотребленія, не допускающія того, чтобы, напримѣръ, латинское vestitor было переведено жалкимъ современнымъ словомъ—портной, или licerna просто словомъ лампа, подымаютъ на самыя выси знанія и отмѣннаго художественнаго воображенія. Уже лѣтъ пятьдесятъ, какъ это великое мировое сотрясеніе, давшее человѣчеству новую религію—первые вѣка христіанства, влекутъ къ себѣ такихъ художниковъ, какъ Бульверъ, Ибсенъ, Сенкевичъ, Анатоль Франсъ, Мережковскій. Надо осмыслить противоположеніе язычества и христіанства, эстетизма и морали Такъ возникли всѣ эти столькіе историческіе романы изъ первыхъ вѣковъ христіанства. За

конно, логично, согласно всѣмъ требованіямъ высшей эстетической культуры появленіе «Алтаря Побѣды», и оттого читать его—удовольствіе высокаго порядка. Среди произведеній послѣдняго времени онъ займетъ большое мѣсто.

Романъ Мережковскаго «Александръ I», временно прерванный вслѣдствіе какого-то страннаго приключенія съ его рукописью на таможнѣ въ Вержболовѣ, нисколько не менѣе удаченъ, съ точки зрѣнія артистической законченности, чѣмъ прежніе романы Мережковскаго. Такъ же точно, какъ въ «Петрѣ I», и тутъ главный герой самъ монархъ, а рядомъ съ нимъ, другой герой, вымышленный, причемъ жизнь этого послѣдняго героя такъ сложилась, что онъ очень много видитъ и слышитъ, и обо всемъ этомъ послѣдовательно разсказано читателю.

Заговорщики, сектанты, хлысты, историческія личности, извѣстные писатели той эпохи, выдержки изъ историческихъ актовъ, воспоминаній и писемъ, кое-гдѣ перевоплощеніе на современный языкъ стиля эпохи, все тоже, все стольже учено, умно, красиво и красочно. «Дневникъ придворной дамы» въ «Петрѣ I» и дневникъ самой императрицы въ «Александрѣ I» оживляютъ, переносятъ еще по новому уголъ зрѣнія. Наводненіе, бунтъ, судъ, личныя душевныя муки и личная семейная жизнь монарха—все, какъ нужно и должно, и все это всякій полюбившій по прежнимъ романамъ Мережковскаго, его умѣлое мастерство, точка въ точку находитъ и въ новомъ романѣ. Тутъ мы тоже на высяхъ творчества и художественнаго воспріятія.

Ахъ, никогда не надо сравнивать двухъ художественныхъ произведеній. Къ чему? Не все-ли равно, похоже или не похоже,—было бы хорошо. Я сравниваю для похвалы. «Александръ I»—даже усовершенствованіе. «Петръ I», если не ошибаюсь, больше заинтересовалъ читателей, произвелъ большее впечатлѣніе, но Александръ I» положительно лучше. И я скажу кстати, что и «Алтарь Побѣды» Брюсова лучше, чѣмъ его «Огненный Ангелъ». Что касается до «Александра I»—вотъ въ чемъ лучшее мастерство. Романъ о Петрѣ Великомъ былъ художественнымъ опытомъ. Въ основѣ его—теза, завѣтная и основная теза всей писательской дѣятельности Мережковскаго. Спорили Венера съ Мадонной въ сознаніи Мережковскаго. Христіанство и православіе, Русь святая, славянофильство, споры съ Михайловскимъ и черезъ него со всей русской интеллигенціей, съ одной стороны, а съ другой, язычество, свободомысліе, западъ, воскресшіе боги въ эпоху возрожденія, теорія искусства для искусства и, какъ-то переплетаясь съ нею, напротивъ, писаревское отрицаніе искусства и русская интеллигентщина—такова была дилемма. Въ заключительной части трилогіи, т. е. именно въ «Петрѣ I», надо было подвести итоги. Тутъ долженъ былъ окончательно высказаться Мережковскій.

Пропасть или побѣдить, установить новый верстовой столбъ на пути русскаго культурнаго развитія, и отсюда основать новую партію, уже не народниковъ, послѣдователей Михайловскаго, и не марксистовъ, а «религіозно-философцевъ» долженъ былъ, наконецъ, этимъ романомъ Мережковскій. И что-же? Новой партіи не возникло Но пропасть Мережковскій тоже не пропалъ, потому что романъ о Петрѣ Великомъ—превосходный романъ. Да, привели уже въ «Петрѣ и Алексѣѣ» трудныя, долгія, горячія, полемическія, но искреннія, много стоившія труда и усилій философско-общественныя увлеченія Мережковскаго къ художеству и только къ художеству. Но Петръ Великій —это былъ еще поистинѣ опытъ, и посколько это былъ не только узко-художественный, но и идейный, онъ былъ благотворенъ для самого Мережковскаго. Переродилась

завѣтная дилемма, выявилась новая теза. Произошелъ въ ней переворотъ. «Петръ I» примирилъ Мережковскаго съ русской интеллигенціей. Алексѣй, противникъ Петра, этотъ про-славянофильскій герой его, черезъ котораго долженъ былъ ликъ русской Мадонны низвергнуть Венеру, самъ оказался низверженъ, а о Петрѣ I пришлось сказать: онъ первый русскій интеллигентъ, и отсюда, если не онъ со Христомъ, то Христосъ съ нимъ. Примирилъ Петръ I съ русской интеллигенціей настолько, что даже зашевелилъ по его выходѣ Мережковскій локтями, постарался пробраться въ станъ интеллигенціи, закричалъ ей, точно милости запросилъ, изступленно закричалъ: «я вашъ, развѣ вы не видите, что я вашъ, берите меня въ славный «станъ погибающихъ за великое дѣло любви», не брезгуйте, пригожусь. Изъ стана кадетскаго, куда какъ-то попалъ, изъ художества, изъ эстетизма, изъ религіозно-философскаго общества сталъ рваться Мережковскій въ «станъ погибающихъ».

Теперь, съ выходомъ въ свѣтъ «Александра I»—совсѣмъ не то. Развѣ вы не чувствуете, что совсѣмъ пересталъ метаться, что никуда не стремится больше Мережковскій. Нѣтъ тезы въ его романѣ. Не мѣшаетъ она вовсе самому чистому художественному воспріятію. Настоящее искусство! Тутъ опять схожденіе съ Валеріемъ Брюсовымъ. Побѣдила, въ концѣ концовъ, новая богиня. Не Венера она. Нѣтъ. Но забыта ради ея русская Мадонна. Словно нѣкая, высѣченная на бѣломъ мраморѣ, вязью красиво-огибающая античный цоколь, мудреная надпись, дорогая сердцамъ филологовъ и эстетовъ, вьются у подножья богини Минервы оба романа и «Алтарь Побѣды» Валерія Брюсова, и «Александръ I» Мережковскаго. Обходятъ читатели драгоцѣнный цоколь, читаютъ они надпись, наслаждаются цѣломудренными прелестями богини мудрости, сестры Аполлона, и подъ звуки пѣсенъ возродившихся музъ каждый мигъ этого созерцанія родится прекрасный и радостный. Не торопится читатель идти дальше; зачѣмъ, куда спѣшить? не на бѣгу же читать надписи; время проводится за ними не малое, ради разбора вязи, но хотя время это потерянное, скажутъ непосвященные, читатели знаютъ ему цѣну, потому что оно даетъ наслажденіе самое великолѣпное изъ всѣхъ.

Валерій Брюсовъ только что издалъ еще новый сборникъ стиховъ «Зеркало пѣсней». Онъ напоминаетъ по своимъ достоинствамъ великолѣпный Urbi et Orbi. И вотъ въ немъ, среди стольких стиховъ звучныхъ, стройныхъ, совершенныхъ самымъ изощреннымъ мастерствомъ и мудрыхъ, какъ сама земля богини-дѣвственницы, — такое обращеніе къ музѣ:

Я измѣнялъ и многому и многимъ,
Я покидалъ въ часъ битвы знамена,
Но день за днемъ твоимъ велѣньямъ строгимъ
Душа была вѣрна.

Заслышавъ зовъ, ласкательный и властный,
Я трудъ бросалъ, вставалъ съ одра, больной,
Я отрывалъ уста отъ ласки страстной,
Чтобъ снова быть съ тобой.

Въ тиши полей, подъ нѣжный шопотъ нивы,
Овѣянъ тѣнью тучекъ золотыхъ,
Я каждый трепетъ, каждый вздохъ счастливый
Вмѣстить стремился въ стихъ.

Во тьмѣ желаній, въ мукѣ сладострастья,
Ввѣряя жизнь безумью и судьбѣ,
Я помнилъ, помнилъ, что вдыхаю счастье,
Чтобъ разсказать тебѣ!

Когда стояла смерть, въ одеждѣ черной,
У ложа той, съ кѣмъ слиты всѣ метчы,
Сквозь скорбь и ужасъ, я ловилъ упорно
Всѣ миги, всѣ черты.

Измученъ долгимъ искусомъ страданій,
Лаская пальцами тугой курокъ,
Я счастливъ былъ, что изъ своихъ признаній
Тебѣ сплету вѣнокъ.

Не знаю, жить мнѣ много или мало,
Иду я къ свѣту иль во мракъ ночной,—
Душа тебѣ быть вѣрной не устала,
Тебѣ, тебѣ одной!

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы каждая строка этихъ стиховъ была продумана и проникла въ самое сердце, нашла тамъ отзвукъ, заставила ясно и живо представить себѣ поэта во всѣхъ изображенныхъ здѣсь положеніяхъ. Какъ это такъ измѣнять знаменамъ, быть предателемъ ради искусства? Какъ это даже среди ласкъ любви, даже у постели больного, когда этотъ больной самый близкій человѣкъ, думать объ искусствѣ и, мало того, воспользоваться для искусства этимъ горькимъ опытомъ страданья за любимаго человѣка? Тутъ не «тугой курокъ» страшенъ. Богъ съ нимъ; если бы не было его, не убыло бы впечатлѣнія. Что-то очень важное для жизни, такое, что необходимо понять всякому образованному человѣку—въ конкретномъ изображеніи того, въ чемъ состоитъ художественный подвигъ. Часто говорятъ о жертвахъ ради искусства. Самъ Брюсовъ это не разъ выражалъ въ превосходныхъ стихахъ. Здѣсь, въ этомъ стихотвореніи, все наглядно. Огромный, непосильный безкорыстный, такой напряженный, что словно лопаются мускулы души отъ усилій и кровь бросается горломъ, трудъ—трудъ художника. Художнику совсѣмъ никогда, ни ночью, ни днемъ нѣтъ и не можетъ быть отдыха, хотя поэты всѣхъ вѣковъ и называли свой трудъ досугомъ. Да, досугъ для окружающихъ. Кажется, ничего-то человѣкъ не дѣлаетъ. Но дѣлаетъ художникъ, ни на минуту не переставая и всѣмъ рѣшительно, всѣмъ, что есть дорогого, жертвуя этой внутренней мучительной работѣ надъ не простыми, неясными, такими, что надо какъ-то изловчиться, чтобы передать ихъ другимъ, мыслями и представленіями.

Вотъ что такое «настоящее искусство»: превращеніе жизни, порывовъ, ненависти, политики, вѣры, научной работы и любви въ беллетристику; настоящимъ великимъ подвигомъ оказывается беллетристика, если въ такихъ мучительныхъ корчахъ рождается она. Не смѣйте противопоставлять этому подвигу никакой другой, какъ бы вы его высоко не ставили, потому что никакой—ни древній, ни современный великомученикъ и подвижникъ нисколько не цѣннѣе ни для человѣка, ни передъ лицомъ вѣчной правды, чѣмъ Шекспиръ. Безъ вотъ такого, какъ это выразилъ Брюсовъ, каторжнаго труда, безъ вотъ такой непосильной 999 людямъ изъ тысячи, а, можетъ быть, 999,999 изъ милліона, неустанной работы, ничто подобное не достижимо, —и стараться не зачѣмъ,—а «настоящее» искусство составляетъ численностью одну самую незначительную песчинку изъ всего того, что мы въ каждодневномъ обиходѣ называемъ искусствомъ, за что мы очень уважаемъ, чтимъ, платимъ всѣ вмѣстѣ, соединившись въ коллективъ читателей, безумно огромныя деньги, кланяемся, прославляемъ и все такое. *Искусство—свято, и отсюда настоящая беллетристика тоже свята.* Если же принять во вниманіе ту самую простую и самую банальную мысль, что не будь второстепенной каждодневной беллетристики—не было бы и отличной, настоящей, что для созданія того, что мы зовемъ «великимъ искусствомъ», каждый писатель имѣетъ полное право потратить всю жизнь на писанье плохихъ вещей, потому что тутъ цѣль оправдываетъ всѣ средства,—немедленно прошу начать уважать всѣхъ членовъ безъ исключенія этой оравы удачниковъ и неудачниковъ, составляющей литературно-артистическій міръ.

Но что это я? Въ началѣ статьи беллетристикой я назвалъ какое-то современное бѣдствіе, а теперь она превознесена до святости. Что-же, неужели такъ вышло оттого, что зашла рѣчь о послѣднихъ романахъ Валерія

Брюсова и Мережковскаго? Конечно, нѣтъ.

Одновременно съ «Алтаремъ побѣды» и «Александромъ I» въ плохомъ, очень скромномъ, изданіи появилась книжка К. Ф. Жакова «Сквозь строй жизни». Она тоже не закончена. Скоро выйдетъ второй томикъ. Книга эта разсказываетъ о зырянскомъ мальчишкѣ, сынѣ кустаря-рѣзчика, крестьянина Олонецкой деревни, какъ онъ родился въ родной избушкѣ, какъ бѣгалъ съ дѣтворой въ засаленной рубашкѣ, какъ бралъ его съ собой отецъ на заработки и послѣ, какъ мальчишка этотъ, его назвали Феофилактомъ, захотѣлъ учиться, потому что разбирало его ретивое при мысли, что другіе знаютъ грамотѣ и могутъ отвѣчать на разные мудреные вопросы вродѣ того, сколько верстъ до солнца, а онъ ничего этого не знаетъ. Просто отъ рукъ отбился малецъ. Не захотѣлъ учиться у отца столярничать. «Какъ могу я работать, когда вонъ сколько, говорятъ, верстъ до солнца!» Урезонивалъ отецъ. Но побѣжалъ мальчикъ съ товарищемъ домой съ заработка,—что-то чуть ли не сотню верстъ отмахалъ черезъ дебри лѣсныя,—и поступилъ таки въ школу. Дальше, больше сталъ учиться. Выросъ здоровымъ парнемъ, любовишки пошли на деревнѣ, на кулачки дрался, на тальянкѣ сталъ наигрывать—парень, какъ парень,—но надо ему непремѣнно и дальше проникнуть въ науку, и прошелъ парень черезъ учительскую семинарію, кончилъ ее, только въ учителя не попалъ, а когда невтерпежъ стало дома, ушелъ на заработки на заводы. Этимъ пока окончился разсказъ, но дальше пойдетъ какая-то сказка правдивая. Доучился парень до университета, тамъ по окончаніи сдаетъ магистерскіе экзамены и вотъ, наконецъ, сохранивши всю свою наивную лѣсную непосредственность, припрятавъ для душевныхъ потребностей гармонику, оказывается профессоромъ ни больше, ни меньше, какъ философіи.

Все это вовсе не вымыселъ и никакой во всемъ этомъ нѣтъ тезы, какъ бывало прежде у народниковъ, а просто это такъ было. Разсказалъ магистръ финской филологіи при петербургскомъ университетѣ, бросившій, однако, языкознаніе ради философіи, К. Ф. Жаковъ—свою собственную жизнь. Все это на самомъ дѣлѣ, совершенно въ той же мѣрѣ, какъ на самомъ дѣлѣ типично - зырянская, очень многимъ студентамъ разныхъ частныхъ курсовъ знакомая фигура К. Ф. Жакова съ длинными космами курчавыхъ русыхъ волосъ, съ такими ясными, смотрящими по-дѣтски глазами и въ потертомъ не въ мѣру широкомъ сюртукѣ, дѣлающемъ его похожимъ на ремесленника.

Не сказка, а быль; только расписана она по-беллетристически.

Но ужъ какая это беллетристика, эта желтенькая книженка. Гдѣ ужъ тамъ рядомъ съ «Алтаремъ Побѣды» и «Александромъ I»! Что интереснаго въ томъ, какъ будущіе учителя—семинаристы дрались въ уѣздномъ городкѣ съ мѣщанами, что интереснаго, какъ напивался до-пьяна парень съ жаромъ къ наукѣ въ груди. А тутъ еще прерывается безыскуственный разсказъ какими-то уже слишкомъ легко возникающими, безъ всякихъ прикрасъ, лирическими отступленіями, взятыми въ скобки. Чѣмъ-то стариннымъ и захолустнымъ вѣетъ отъ скромной книжечки. Ни дать, ни взять все ея искусство, какъ тѣ иконостасы подъ ампиръ, что съ любовью и гордостью, считая себя великимъ мастеромъ, точилъ и покрывалъ дешевой позолотой деревенскій столяръ-зырянинъ, отецъ дошлаго парня, для Богомъ и людьми забытыхъ погостовъ среди непроѣздныхъ дорогъ въ топи болотистаго лѣса. А только

акъ свѣжо и весело отъ этой книжки:
чаровываютъ простыя чувства, зоветъ
ъ себѣ эта всамдѣлишная жизнь-
казка. Велика и причудлива мать-Ра-
ея. Бываютъ же такіе случаи. Бод-
ость какая-то пляшетъ въ мозгу, ког-
а подумаешь, что только всего двад-
ать пять лѣтъ тому назадъ гдѣ-то
амъ на сѣверѣ неизвѣстны были ни
сходъ изъ деревень, ни аграрный во-
росъ, ни пауперизація кустарей, ни
азвалъ деревни, и могъ непосред-
твенно мечтать о знаніи и добиться зна-
ія, явиться въ столицу и стать про-
ессоромъ такъ-таки совсѣмъ что ни
а есть деревенскій парень. Ни къ
ему это заглавіе претенціозное и
скусное по самому своему смыслу.
'амъ дальше, когда пойдутъ город-
кія скитанія и полу-студенческая,
олу-пролетарская нужда—тамъ, од-
ако, вѣроятно, оправдается заглавіе.
[о какая безвкусица! Да, безвкуси-
ей не хитро обругать книжку такую
ѣсную, захолустную но именно это
замѣчательно въ этой книгѣ, что
росто не подступиться къ ней ни съ
акими нашими выспренними, моля-
цимися музѣ, какъ ненасытной вла-
ычицѣ, требованіями, ненужныя они
ікія-то тутъ эти требованія хоро-
аго вкуса и приличнаго тона.

Нашъ вкусъ вовсе не обязателенъ
ѵже для насъ самихъ. Развѣ знаемъ
ы сегодня, какое нынѣшнее уродство
анетъ завтра красотой? Все зыбится.
овыя формы жизни создаютъ новыя
обованія. Развѣ можно предвидѣть,
ікія небывалыя сочетанія красокъ,
овъ, линій, звуковъ превратитъ въ
асоту геній завтрашняго дня? Развѣ
безвкусенъ лубокъ, несмотря на то,
о онъ прелесть? И разсказъ Жакова
дошломъ корнѣ въ топяхъ зырян-
аго края вьется по цоколю какой-то
нервы. Она варварская. Это какая-
многогрудая, въ причудливомъ го-
вномъ уборѣ, простымъ ножемъ изъ
дерева грубо вырѣзанная многорукая
Анантисъ; но это все-таки богиня; а
чѣмъ изощреннѣе вкусъ, тѣмъ больше
должно быть умѣнья различать отдѣл-
ку хорошей художественной учебы,
часто лишенной всякакого генія, отъ
истиннаго великолѣпія. Прекрасна
первобытность, наивная и непосред-
ственная, свѣжая, какъ утренняя зорька.
Надо любить первобытность и ненави-
дѣть ремесленность академической
выучки, потому что не можетъ народ-
ная пѣснь быть безвкусицей, но гадка
салонная музыка торговцевъ слащавой
банальщины. Изгибаются проселки по
пустошамъ и порубамъ, среди зеленыхъ
полосъ озимей и черныхъ паровыхъ
полей. Грустная природа у насъ на сѣ-
верѣ. Комары, мошкара, болота...
Тянутся лѣсныя просѣки къ болоти-
стымъ озеркамъ. Длинныя песчаныя
отмели на рѣкахъ и виднѣются за ними
сѣрыя, жалкія деревеньки. Ужъ какая
тутъ красота! Но нѣтъ конца преле-
стямъ матери природы; даже убогая—
она прекрасна .Жалокъ и смѣшонъ тотъ,
кто на этихъ деревенскихъ поселкахъ
не отыщетъ праздничной радости для
глаза даже въ самую глухую осеннюю
пору. Жалокъ, кто предпочитаетъ са-
мой природѣ, какая бы ни была она,
разукрашенные всѣми причудами уб-
ранства городскіе тупики искусства.

Распустили бѣлые павлины свои кра-
сивые длинные хвосты по сѣрымъ за-
борамъ, окаймляющимъ насъ скукой.
Безрадостно, нудно живется; нѣтъ ис-
хода; застыли борьба и дѣятельность,
никакихъ вопросовъ больше не возни-
каетъ, за которые стоило бы постоять
грудью; споры замолкли. И вотъ ве-
ликую задачу о взаимныхъ отношеніяхъ
художества и морали, о паденіи пре-
краснаго язычества Эллады и Рима, о
первыхъ успѣхахъ Христова ученія
воплотилъ Валерій Брюсовъ въ белле-
тристику. Пусть потѣшатся. Другую,
еще болѣе близкую огромную задачу

для всякаго живого сердца: судьбы родины, первое движеніе къ европейской свободѣ во времена декабристовъ, либеральную немощь Александра I, Аракчеевщину, стремившуюся заковать и безъ того порабощенный народъ, желѣзнымъ кольцомъ военныхъ поселеній — все это воплотилъ Мережковскій въ беллетристику. Пусть потѣшатся.

Безхитростный разсказъ профессора-зырянина тоже беллетристика. Онъ даже, если хотите гораздо больше беллетристика, чѣмъ романы Валерія Брюсова и Мережковскаго, потому что ни на какое великое искусство, ни на академизмъ, ни на возсозданіе высокоученаго художества онъ не претендуетъ. Вотъ въ чемъ, однако, различіе. Подумаемъ хоть о немъ. Вѣдь, почти и думать-то отучились мы на лонѣ нашей сѣрой скуки; такъ только перебираемъ кое-какія старыя мыслишки... Я такъ спрошу: *черезъ воспроизведенія искусства къ самой жизни, пестрой и неразгаданной, къ природѣ, къ правдѣ черезъ искусство, или жизнь, правду, природу используемъ мы для «изящныхъ искусствъ»?* Вотъ сквозь книжную ученость мелькнулъ въ «Алтарѣ Побѣды» живой знакомый намекъ на художника-богача съ тщательно-расчесанной длинной бородой. Есть какъ разъ такой на свѣтѣ богачъ, который тщится быть художникомъ, и терпѣть не можетъ его Валерій Брюсовъ.—Этотъ намекъ въ его романѣ, почти-что неумѣстный, оживилъ, потому что блеснула правда. А когда одѣваютъ рабыни красавицу Гесперію передъ играми въ театрѣ, когда спорятъ за ужиномъ римляне-упадочники о цѣляхъ своего заговора противъ императора, щеголяя точными цитатами изъ классическихъ авторовъ, —холодомъ вѣетъ мнѣ тогда; чтобы утѣшиться, вспоминаю я разсказъ о своей жизни современника героевъ Валерія Брюсова блаженнаго Августина и бытовыя подробности, разсѣянныя въ его первыхъ, еще философскихъ, трактатахъ. Мало того, вспоминается мнѣ все, что случилось читать у Гарнака или Ревиля; на умъ приходятъ самыя житія святыхъ, другіе историческіе памятники. И разгорается воображеніе; черезъ образы Брюсова всматриваться хочется въ самое жизнь, самое великую проблему о христіанствѣ и язычествѣ. Тогда даже мѣшаетъ мнѣ романъ. Даже сержусь на него, какъ на цвѣтное окно въ гостиницѣ у Рейнскаго водопада, черезъ которое мнѣ навязчиво предлагаютъ смотрѣть на брызги и струи обезумѣвшей рѣки.

Прочтите книжку профессора-зырянина. Не бойтесь ея рыночной обложки, ненужныхъ лирическихъ отступленій, взятыхъ въ скобки, ея недодѣланнаго, словно газетная статья, кое-какого стиля.

Свято искусство, оттого свята и беллетристика; святость того и другого въ достиженіи великаго мастерства. Но у всякаго періода художественнаго развитія есть свой тупикъ, и горе тѣмъ, кто замѣшкается въ его красивой нѣгѣ и холѣ. Проклятое это ремесло быть проповѣдникомъ, потому что всякая удачливая проповѣдь, какъ и всякое удачное пророчество, всегда прорицаетъ лишь о дѣлахъ минувшаго. Только такую слушаютъ проповѣдь, которая наставляетъ въ чувствахъ уже проснувшихся, въ мысляхъ, уже рожденныхъ временемъ и дѣлами его. Какъ звать изъ тупика искусства, если нѣтъ никакой дороги на просторъ, если никто ея не вѣдаетъ и не видитъ? Но надо звать; ради самого искусства и самихъ художниковъ отъ времени до времени надо заходить туда, въ ихъ тупикъ, опрокидывать кресла, на которыхъ они разсѣлись, наговорить кучу непріятностей, поссориться, заспорить, прослыть человѣкомъ дурного тона и отвратительнаго вкуса, кри-

чать: «Читайте сами памятники историческіе, пойдите въ лѣсъ, въ поле, въ кабачекъ или на площадь, гдѣ люди; смотрите: вонъ лошади и собаки, рабы, деревья; вонъ стаи птицъ орутъ своей многоязычной чепухой такъ, что не слыхать своего собственнаго голоса; не поворачивается черная земля подъ плугомъ, а тамъ, въ древнемъ книгохранилищѣ, сидитъ книгочій и переворачиваются пергаментныя страницы древнихъ писмянъ, чтобы родилась новая, болѣе настоящая правда о прошломъ, были забыты общераспространенныя представленія, навѣянныя беллетристикой».

Наряжусь я газетчикомъ, вбѣгу въ тупикъ беллетристики, разгоню я бѣлыхъ павлиновъ нашей скуки, закричатъ они своимъ отвратительнымъ крикомъ. Если нѣтъ у меня новостей, не могу я, словно во время опернаго антракта, когда выходитъ публика въ кафэ, отвлечь отъ прелестей Глюка и Моцарта извѣстіемъ о побѣдѣ соціалъ-демократовъ на выборахъ, то все равно буду придумывать старыя и новыя новости, шевелить, сердить, юношить и тревожить...

Евгеній Аничковъ.

КРАХЪ ДУШИ.

(В. Винниченко. „На вѣсахъ жизни", романъ.—IX сборникъ „Земли".

Романъ Винниченко, напечатанный въ новомъ очередномъ сборникѣ «Земли»—картина парижской политической эмиграціи. Въ немъ приковываетъ вниманіе самый сюжетъ и яркая художественная индивидуальность, которой онъ, безъ сомнѣнія, запечатлѣнъ.

Со стороны сюжета нѣтъ или почти нѣтъ подобнаго произведенія, хотя трудно указать уголокъ въ Европѣ, гдѣ бы не было уже русскаго эмигранта, не слышалось русской рѣчи.

Дни свободы было совсѣмъ очистили эти «тихія пристани», и лишь единичныя личности не тронулись со старыхъ пепелищъ—по привычкѣ ли къ насиженному мѣсту, или по тому чувству скептицизма, которое такъ рѣдко покидаетъ революціонера. Но прошло 7 лѣтъ—побывайте-ка въ томъ-же Парижѣ теперь. Хаотическое бѣгство, вызванное ударами военной диктатуры, достигло такой степени, что по отдѣльнымъ наслоеніямъ нынѣшней политической эмиграціи можно было бы воспроизвести всѣ этапы недавней борьбы. Броненосецъ «Потемкинъ« и форты Свеаборга, вооруженныя возстанія и всеобщія стачки, первыя думы и совѣты рабочихъ депутатовъ—положительно это какая-то живая хронологія. Даже сама власть, какъ рыбакъ передъ значительнымъ уловомъ, перестающій обращать вниманіе на бреши въ сѣти, стала высылать вмѣсто «гиблыхъ мѣстъ» заграницу, точно офиціально утвердивъ двѣ Россіи: одну—«великую», другую—малую, лежащую за чертой ея. И вотъ, что мы знаемъ объ этомъ мірѣ? Гдѣ художникъ, который хоть пытался развернуть передъ нами эти тысячи жизней, эту оторванную отъ почвы «нелегальную» малую Россію? Попытка Винниченка чуть-ли не первая.

Были статьи въ періодическихъ изданіяхъ, но теперь и ихъ не встрѣтить. Еще въ первые годы реакціи въ полосу свѣта попали политическіе заключенные, ссыльные. Послѣднее же время и политическіе заключенные и ссыльные такъ же забыты, какъ эмигранты, затерянные за чуждымъ гостепріимнымъ рубежемъ. Въ этомъ отношеніи интересъ романа Винниченко прежде всего интересъ сюжета, своевременно выдвигаемаго. Нужно, настоятельно нужно—особенно сейчасъ, послѣ пережитыхъ событій—приковать вниманіе читателя къ революціонной интеллигенціи, къ ея судьбамъ.

Конечно, самъ по себѣ сюжетъ—ничто внѣ художественнаго мастерства, художественнаго темперамента. И картина эмигрантской жизни, развертываемая г. Винниченко, живетъ жизнью лишь въ лучахъ художественнаго таланта. Г. Винниченко пишетъ сильно, свѣжо. Это не этнографъ, прибѣгающій къ трафарету, тенденціозный, кое въ чемъ фальшивящій. Художественная фальшь ему такъ

же противна, какъ дешевая чувствительность. Писатель большого темперамента, онъ ненавидитъ и ординарность. Но дерзкій и рѣзкій въ области самаго священнаго, самаго незыблемаго, онъ въ тоже время вовремя ставитъ точку. Его сфера, чисто субъективная: личныя переживанія—прежде всего. Можно безъ ошибки сказать: крестнымъ отцомъ г. Винниченка былъ Достоевскій. Но въ то же время, онъ достаточно крѣпокъ для того, чтобы не сбиться съ линіи художественнаго объективизма, достаточно уменъ, чтобы сохранить самостоятельную индивидуальность. Если къ этому прибавить достоинства самаго письма Винниченко—умѣнье въ двухъ словахъ сказать то, для чего иной разъ требуется страница, разнообразіе красокъ, образовъ, сравненій, прекрасный языкъ,—то будетъ ясно: интересъ романа Винниченко прежде всего—интересъ сюжета. Но большой важности сюжетъ нашелъ себѣ и большой силы художественнаго мастера, именно того, какой ему нуженъ.

Однако, тутъ же долженъ оговориться: не съ художественной стороны имѣю я въ виду подойти въ своей замѣткѣ къ роману «На вѣсахъ жизни». Пусть литературные критики анализируютъ художественную цѣнность его. Меня же г. Винниченко занимаетъ не какъ художникъ, а лишь какъ правдоискатель съ опредѣленными соціальными запросами, подошедшій со своимъ ножемъ къ революціонеру-эмигранту послѣ того, какъ уже нещадно попотрошилъ «бывшаго человѣка» самой Россіи. Съ этой же стороны г. Винниченко не только не выигрываетъ—но лишь теряетъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше.

Въ свое время пишущій эти строки самъ безстрашно описывалъ политическую эмиграцію. И тогда «группа брянскихъ марксистовъ» писала по его адресу «будучи увѣрены, что у многихъ читателей статья ваша вызоветъ настроенія и мысли, подобныя тѣмъ, какія она вызвала у насъ, мы рѣшили обратиться къ вамъ со слѣдующимъ письмомъ. Мы знаемъ, что политическая эмиграція такъ же, какъ и политическая ссылка, представляетъ собой въ настоящее время совсѣмъ не то, чѣмъ они были въ дореволюціонный періодъ. Это понятно. Понятно такъ же и то, что необходимо открыто и смѣло вскрывать эти язвы, какъ бы ни было подчасъ тяжело и больно. Но въ статьѣ настолько незамѣтна демаркаціонная черта, отдѣляющая свѣтлые оазисы отъ массовой эмиграціи, настолько все задернуто общимъ чернымъ флеромъ, что у читателя остается впечатлѣніе полной безнадежности. Мы не вѣримъ, что бы ихъ не было, мы знаемъ, что онѣ есть. И если въ душѣ самого автора не изсякли свѣтлыя струи; если онъ хочетъ звать къ строительству жизни, а не способствовать усиленію чувства растерянности, то мы полагаемъ, что онъ долженъ еще вернуться къ задѣтой имъ темѣ». Да, такимъ поводомъ вновь задѣть тему, точнѣе, съ другой стороны задѣть ее—является для меня романъ «На вѣсахъ жизни».

Вѣдь, какъ ни безспорно художественное значеніе романа, вы въ каждой страницѣ чувствуете публистическую жилку. Герои Винниченко,—какъ это, конечно, и надлежитъ революціоннымъ интеллигентамъ—только и говорятъ о вѣрѣ, о Богѣ, о революціи, о морали, объ инстинктахъ пола. Если выбросить разсужденія, отъ романа ничего не останется. И, наоборотъ, если разсужденія собрать воедино, то получится сборникъ передовицъ на разныя темы. Я этимъ не хочу сказать, что художественныя задачи отодвинуты на задній планъ въ романѣ; наоборотъ, всѣ вопросы, волнующіе героевъ, неотдѣлимы отъ творческаго замысла произведенія, но тѣмъ поучительнѣе съ того угла зрѣнія, съ кото-

раго мы имѣемъ въ виду сейчасъ подойти къ роману Винниченко—угла зрѣнія публициста.

«На вѣсахъ жизни» для меня, публициста, «документъ» нашихъ дней, дней разочарованія и мрака, краха души и конца энтузіазма:—лишній приговоръ интеллигенціи, которая, растерявъ остатки идейнаго своего величія, съ особой яркостью оголила свои личныя трещины, свое личное убожество. Такихъ «документовъ» наше время покаянія, «переоцѣнки цѣнностей» имѣетъ уже не мало. И если одни, начиная съ Антонія Волынскаго, выступаютъ въ качествѣ прокуроровъ революціонной интеллигенціи, ея нигилистическаго нутра и соціалистической фальши, а другіе—въ качествѣ свидѣтелей, знающихъ по опыту партійное генеральство, честолюбіе, мелочность «товарищей», (сами-де были и въ организаціяхъ, и въ ссылкѣ, и заграницей) то, конечно, «на вѣсахъ жизни»—разсказъ свидѣтеля.

Авторъ не изъ тѣхъ, для кого борьба съ героическимъ нигилизмомъ есть борьба за обыкновенную обывательскую мораль, проклятіе политики во имя культуры—оправданіе мѣщанскаго нутра. В. Винниченко не пришелъ «судить», даже слово «товарищъ» не пишетъ въ ковычкахъ. Онъ просто анализируетъ. Но все же суровость его такъ велика, мягкости такъ мало, что его развѣнчаніе равносильно приговору.

Характеризуя эмиграцію въ рѣзкихъ чертахъ, пишущій эти строки менѣе всего хотѣлъ сѣять сѣмена чернаго романтизма. И по характеру, и по духу—писалъ я тогда — современный эмигрантъ не членъ прежней колоніи, въ которой состояли лишь обыватели, не интересовавшіеся политикой. Развернувшаяся борьба вынесла на берега эмиграціи всѣ слои обывательскаго населенія, и ручейки ея, столь же многочисленные, какъ и мутные, собрали въ себя много ненужнаго мусора. Событія бурныхъ лѣтъ, набѣжавшій революціонный шквалъ и смѣнившій его натискъ реакціи сказались на эмиграціи такъ же, какъ и на самой Россіи, и это цѣлая нація по разнородности интересовъ и взглядовъ, положеній и стремленій, состоящая наполовину изъ случайныхъ элементовъ, которые, такъ или иначе, почувствовали на себѣ оглушительный ударъ. Вотъ этого-то массовика, обывателя-эмигранта, средняго человѣка эмиграціи я имѣлъ въ виду, подчеркивая, что «отдѣльныя струи столь же чисты и свѣтлы, какъ «прежде». Для меня было несомнѣнно, что выводъ изъ моихъ наблюденій можетъ быть одинъ: да, все вѣрно, все это имѣется на лицо, но, очевидно, если яркій свѣтъ несла интеллигенція изъ эмигрантскихъ центровъ прежде, то достаточно стаять слою льда, сковавшаго Россію, чтобы критическій періодъ кончился и здѣсь. «Эмигрантскій эмбріонъ въ его цѣломъ заключаетъ въ себѣ эмбріонъ общерусской проблемы, отражая всѣ ея детали и боли, какъ солнце отражается въ каплѣ воды»—потянетъ свѣжимъ воздухомъ оттуда, потянетъ и отсюда. Разъ же такъ, разъ рѣчь не только о большомъ прошломъ, но и большомъ будущемъ, то никакая правда настоящая не страшна. Это не «черный флеръ», не «безнадежность».

А вещи познаются сравненіемъ. И вотъ лучшая иллюстрація моей мысли —картина Винниченко. Вотъ это «тьма», не крахъ души, болѣе или менѣе временный, а именно параличъ. Не потому, чтобы сама по себѣ картина была чернѣе. Не въ отдѣльныхъ фактахъ, не въ отдѣльныхъ краскахъ здѣсь дѣло, а въ чемъ-то иномъ, чѣмъ вѣетъ со всѣхъ страницъ романа. Вы читаете и чувствуете, какъ съ самаго начала опутываетесь какой-то паутиной, и въ этой

паутинѣ вянетъ какая-то традиція, блекнетъ какая-то перспектива. Еще не отдавая себѣ отчета, куда идетъ авторъ, если есть ему, куда идти, уже чувствуете потребность бороться съ нимъ, не поддаваться ему, Тонка паутина, ко орую онъ плететъ,—и вотъ, наконецъ, цѣлый домъ, въ которомъ нельзя найти выхода.

Характерной чертой этого домика является то, что его жильцы далеко не обыватели - эмигранты. Всѣ они не только говорятъ, но и думаютъ хорошо. О смыслѣ жизни о соціальной неправдѣ, о свободѣ. Не только думаютъ, но и чувствуютъ тонко. Да вотъ—чѣмъ выше по рангу герой или героиня Винниченко, тѣмъ гуще та «смѣсь хорошести и мерзости», о которой говорится въ разныхъ мѣстахъ.

Несомнѣнно, собственныя свои идеи и соображенія, симпатіи и антипатіи авторъ предподноситъ читателю черезъ Мери. Эта эс-эрка, просидѣвшая, конечно, сколько полагается, въ тюрьмѣ прежде, чѣмъ попасть въ Парижъ, черезъ годъ уже послѣ того приходитъ къ заключенію: «все глупости! И революціи наши, и соціализмы, и морали». Впрочемъ, чрезвычайно тонкая, одаренная натура. И вотъ эта дѣвушка обрѣтаетъ на улицѣ «великолѣпные французскіе, породистые, бархатные глаза». Ахъ, ты, каналія, поди же!.. «Monsier, вы женаты?»—Я, молъ, не проститутка и денегъ съ васъ не возьму. Привела француза въ «комнату любви», «куреніе устроила». — Раздѣвайтесь.— Мери хочетъ «упиться всѣмъ, что есть, хочетъ все узнать, все воплотить, разрушить и осмѣять». Несомнѣнная симпатія автора и Ѳомы. Это—бывшій партійный дѣятель, удалившійся отъ міра сего въ мрачную мастерскую невѣдомо для чего. И это, если вѣрить автору, человѣкъ недюжинныхъ данныхъ. Но что же онъ дѣлаетъ на деньги, унаслѣдованныя отъ убитаго мужиками отца? Продаетъ любимую дѣвушку Таню поляку Гломбинскому, бывшему революціонеру, а теперь «аристократу духа». Гломбинскій долженъ убѣдить Таню позировать передъ нимъ голой. Затѣмъ увлечь и сдѣлать своей содержанкой. За все это Ѳома уплатилъ Гломбинскому пятьсотъ франковъ. Можете — беритесь, не можете—не надо.— Затѣмъ вотъ голодный Аркадій пишетъ въ холодной мансардѣ, въ которой ютятся товарищи, свою шестигрудую женщину, а онъ, Ѳома, торгуетъ у него картину съ тѣмъ условіемъ, чтобы тутъ же на глазахъ всѣхъ разорвать и сжечь. Дѣлается это, видите ли, съ цѣлью убѣдиться въ непродажности Тани и продажности Аркадія; человѣкъ, продавшій революцію за искусство, тѣмъ самымъ позволяетъ думать, что онъ вообще способенъ продавать, какъ и женщина, промѣнявшая его, Ѳому, на жандармскаго офицера.

Таковы Ѳома и Мери, обезпеченные матеріально, которымъ не приходится бѣгать по Парижу, высуня языкъ, въ погонѣ за работой. Далѣе же по истинѣ мертвая точка, мертвая петля. Адольфъ—Альфонсъ. Онъ спрашиваетъ: развѣ не есть всякій обѣдающій въ то время, какъ мы голодаемъ, нашъ должникъ? И на этомъ основаніи, встрѣтивъ какъ-то эксплуататора-буржуа въ новой шляпѣ, съ палкой съ серебрянымъ набалдашникомъ, «беретъ его за шиворотъ» и встряхиваетъ, какъ дурно ведущаго себя щенка, и съ негодованіемъ кричитъ: «презрѣнный негодяй! Возврати мнѣ деньги, которыя ты занялъ у меня!»—Аркадій, о которомъ уже была рѣчь — «застарѣлый принципъ». Какъ «жалкій мозговикъ», онъ сперва кидается на Ѳому съ кулаками, а потомъ самъ же продаетъ ему, за его франки свои картины. «Что я?—пишетъ онъ. — Какое-то недоразумѣніе, парадоксъ, нелѣпица; когда во мнѣ нѣтъ и капли крамолы, когда я всей

душой жажду мирнаго, спокойнаго житія, когда я самъ готовъ хватать и сажать въ тюрьму всѣхъ нарушителей покоя,—въ это время я гдѣ-то въ Парижѣ лежу на чердакѣ и дрожу отъ холода во имя... во имя чего?» Онъ «откусываетъ себѣ куски пальцевъ»... —Шурка—мазохистъ, Аннетъ, кокотка изъ эмигрантской среды, бьетъ его по щекамъ и заставляетъ бросить въ глаза своей невѣстѣ въ лицо «нелѣпое площадное ругательство». Вынесъ эту ужасную болѣзнь онъ изъ тюрьмы, и, когда его одолѣваетъ «муть», «сизые сны», ищетъ спасенія въ молитвѣ. Косоротовъ пьетъ, играетъ въ карты, на скачкахъ и, когда предлагаетъ «за пять франковъ всѣ три тома» своего Маркса, то «отчаянные большевики» недоумѣваютъ: зачѣмъ онъ намъ?

Еще эффектнѣе «аристократы духа», называющіе открыто соціализмъ, народъ и пр. игрой въ бирюльки. Аннетъ, кокотка, группируетъ вокругъ своей особы этихъ «бывшихъ». Жена поэта-богоборца мечтаетъ имѣть любовника зулуса, готтентота и эскимоса. Негръ съ Замбези у нея уже былъ, «Стамескинъ и еще одинъ» заманиваютъ Ладю, эту «кроткую матовую дѣвочку» и насилуютъ ее. Поэтъ-богоборецъ бьетъ по физіономіи женинаго любовника. Гломбинскій прямо заимствованъ у Крестовскаго.

Конечно, «гуляй-душисты» уже прямо хватаютъ бутерброды и сосиски на вечерѣ, провозглашая съ гикомъ и свистомъ по адресу остальныхъ товарищей: «долой буржуазію долой интеллигенцію»!

Даже внѣшность этихъ людей характерна. У Адольфа «рыкающая морда», «свиные глаза», мягкій «наглый носъ», онъ «хлюпающе похрапываетъ». У Аркадія «рожа уныло-грустная, меланхолическая», жидковатые волосы, острый носикъ, на щекахъ «поэтическая желтизна». У Ѳомы сверлящій взглядъ, походка такая же жесткая, какъ и голосъ. Во всей фигурѣ такая жесткость, точно костей Ѳомѣ не надо. У Гломбинскаго ярко-красныя губы подъ золотистыми усами, а движенья мягкія, скользящія, смѣется натянуто, фальшиво. У Шурки тусклый, гнилой взглядъ, полная согбенность, потираніе рукъ. Шурка все время хихикаетъ и т. д. вплоть до гуляй-душистовъ, съ ихъ «красными потными мордами».

«Добродѣтельный идіотъ», «какъ бы не дать кому въ морду», «если бы этимъ глазамъ дать свойство молніи, то всѣ спорившіе моментально попадали бы мертвыми подъ столъ», «хотѣлось впиться ногтями, рвать, трепать и сладострастно скрипѣть зубами», «сладострастно выть»—вотъ выраженія, въ которыхъ изображаются взаимныя отношенія героевъ и героинь. И если нѣсколько фигуръ сохранили еще старую складку, то отъ этого черный цвѣтъ не нарушается.

Таня, когда приходила на партійное собраніе, боялась, «какъ бы не дать кому въ морду», до того ее раздражало мелочное, больное тщеславіе «генераловъ», эта «неизлѣчимая, застарѣлая, грязная болѣзнь въ родѣ чесотки, которую больные только раздражаютъ чесаніемъ». Хотя Таня плохо разбиралась во фракціонныхъ тонкостяхъ, но выходила съ собраній съ такимъ чувствомъ, съ какимъ выходятъ со свиданія съ больными или заключенными. Александръ сидитъ около Мери; его активность проявляется развѣ въ томъ, что онъ благодаритъ надъ гробомъ Остана тѣхъ, кто въ наши времена еще не... хохочетъ, не танцуетъ на костяхъ павшихъ. Даже о школѣ, налаженной Таней и Александромъ, ничего въ центральныя учрежденія не сообщается, ибо эти учрежденія... «разрушатъ все».

Вотъ—картина. Точно пріютъ, населенный калѣками и уродами. Точно

легіонъ тѣхъ бѣсовъ, о которыхъ писали вѣхисты, ворвался въ организмъ эмигрантской интеллигенціи и трясетъ его въ конвульсіяхъ. Отказъ отъ прошлаго, тряпичность, злоба, покаяніе, оправданіе обывательщины — это еще блѣднѣетъ передъ настоящими «пороками». Недаромъ же Таня увѣряетъ, что въ каждомъ здѣсь есть свой Шурка. Вмѣсто краснаго фонаря соціализма ирисъ-фонарь Аннетъ, вмѣсто правды революціонера мракъ бездорожья, разгулъ страстей, мечта черная—переходъ отъ краснаго къ черному уже въ такой степени незамѣтенъ, что не всегда отличишь одинъ отъ другого.

Безспорно, уже сами по себѣ эти штрихи—штрихи художника, для котораго революціонная интеллигенція кончена. Но, повторяю, все-таки не въ фактахъ дѣло, а въ томъ, какъ эти факты преподносятся. Романъ Винниченко именно изъ тѣхъ, гдѣ то, о чемъ умалчивается, гораздо важнѣе, чѣмъ то, что подчеркивается. Для художника важнѣе всего художественный критерій, мѣрило, которымъ онъ мѣряетъ вещи. И вотъ именно для того, чтобы уяснить себѣ это мѣрило, спросимъ себя, о чемъ же г. Винниченко умалчиваетъ?

Прежде всего онъ умалчиваетъ о прошломъ. Читателю остается совершенно неяснымъ, чѣмъ были его герои и героини, какое дѣло, дѣло какой важности дѣлали прежде того, чѣмъ очутились въ эмигрантскомъ тупикѣ. Конечно, это не надо понимать буквально. Кое-что авторъ сообщаетъ. Такъ, мы узнаемъ, чтъ у Ѳомы былъ другъ, близкій другъ, оказавшійся провокаторомъ, который все время именно его, Ѳому, сажалъ; затѣмъ жена, которую онъ хотѣлъ выписать за-границу, но которая за это время уже успѣла сойтись съ жандармскимъ офицеромъ, ведшимъ его дѣло. Мери же когда-то «мечтала» о томъ, чтобы ее засадили навѣки въ Шлиссельбургъ, а когда попала, въ самомъ дѣлѣ, въ тюрьму, то любила... сумерничать. Феня, когда сидѣла въ тюрьмѣ, вела «тридцатилѣтнюю войну» за форточку. Вообще всѣ, безъ исключенія, сидѣли въ тюрьмахъ, побывали и въ ссылкѣ—это принадлежность такая же неукоснительная, какъ «соціализмъ», «народъ» и т. д. Но, согласитесь, эти указанія, если и нужны были автору во внѣшнихъ цѣляхъ, не даютъ все-таки представленія о томъ, чѣмъ были эти люди прежде, что дѣлали въ Россіи. Между тѣмъ, извѣстно, что многіе, очень многіе очутились за рубежемъ, не сдѣлавъ рѣшительно ничего, чтобы выдѣлило ихъ сколько-нибудь надъ уровнемъ средняго россійскаго обывателя. Просто случай, статистическая средняя. Наоборотъ, другіе очутились тамъ, оставивъ послѣ себя замѣтный слѣдъ, опредѣленные результаты, которые учтетъ, можетъ быть, въ свое время историкъ общественности. И напрасно стали бы вы спрашивать у Винниченко, кто былъ напр., его Шурка въ прошломъ: молчитъ авторъ съ умысломъ. Г. Винниченко не говоритъ о героическомъ порывѣ потому, что не видитъ уже героическаго порыва и въ прошломъ интеллигенціи; не говоритъ о самоотверженной борьбѣ, потому что и въ прошломъ интеллигенція была для него та же ложь, дряблость, мѣщанское нутро, съ одной стороны, та же власть тѣла и счастье сильныхъ—съ другой. Какъ теперь, такъ и прежде великія идеи опошлялись мелкими людьми, и если было больше революціонныхъ фразъ, революціонныхъ жестовъ, то такъ же ходили въ публичные дома, пили въ кабакахъ, вели интриги. Надо ли послѣ этого что-либо упоминать изъ прошлаго, кромѣ внѣшнихъ датъ!

Та же тьма, что сейчасъ, тѣ же бѣсы. Но когда темно, когда одна мертвая ти-

шина ползетъ со всѣхъ сторонъ, то не только оборачиваться назадъ нѣтъ нужды, но и передъ собой смотрѣть. И персонажи Винниченко—трупы, живые трупы еще больше потому, что они и безъ будущаго. Большой художникъ Винниченко, а все-таки трупный запахъ начинаетъ ощущаться, какъ только вы, осмотрѣвъ весь этотъ городъ калѣкъ и уродовъ, построенный имъ, задаете себѣ вопросъ: что же дальше? Этотъ вопросъ тѣмъ острѣе, что кто бы ни былъ читатель—партійный, безпартійный, демократъ, либералъ—онъ не можетъ не знать, что черная година, наступившая для интеллигенціи сейчасъ, отнюдь не первая. Кто не помнитъ восьмидесятые годы послѣ 1 марта, когда демократическая интеллигенція стала объектомъ травли со всѣхъ сторонъ! Правда, были хуже времена, но не было подлѣе. Нынѣшній походъ противъ «тупого и смраднаго явленія русской жизни», лѣвой интеллигенціи, объявившей недавно своей «принудительной монополіей» борьбу за счастье народа, объединилъ воедино такихъ людей, какъ Антоній Волынскій, съ одной стороны, вѣхисты и декаденты—съ другой, бывшіе революціонеры, съ третьей. Но это обстоятельство не измѣняетъ факта: много разъ въ исторіи русской общественности «соціальный перепугъ» смѣнялся вѣяньемъ духа живого, и какъ только начинало таять все то темное, низменное, что накоплялось въ самыхъ разныхъ уголкахъ жизни русской за это безвременье, вѣра въ живую мощь лѣвой интеллигенціи, въ то культурное наслѣдство, которое она передавала и передаетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, воскресала съ новой силой. Читатель—говорю я—не можетъ этого не знать, не можетъ не воскликнуть: что же дальше? Или «конецъ интеллигенціи»?

Конечно, конецъ интеллигенціи... Таня ѣдетъ въ Россію потому, что туда ѣдетъ Мери, Ѳома—потому, что ѣдетъ Таня. Феня—потому, должно быть, что Ладя сошлась съ Фаддеемъ послѣ того, какъ ее изнасиловалъ Стамескинъ и т. д. Но прочтите только ихъ разговоры: нѣтъ не только энтузіазма, вѣры во что-нибудь, нѣтъ и цѣли сколько-нибудь опредѣленной. Чисто личная психологія, да еще какая! Таня ѣдетъ въ Россію, въ концѣ концовъ, для того, чтобы за ней слѣдовалъ Ѳома... идя на смертную казнь. «Да, рискуя своей жизнью»,—заявляетъ она. Ибо только «такъ» она можетъ повѣрить, что Ѳома ее цѣнитъ... послѣ опыта съ Гломбинскимъ и 500 франковъ! Ни одного слова ни о какихъ идеалахъ, ни о какой общественной дѣятельности. Мечтая о паспортѣ, о Россіи, передъ смертью, Остапъ хоть такъ рѣшалъ· займусь коопераціей. Остальные даже о «коопераціи» не говорятъ. Ѣдутъ «подыхать», подобно Мери. Все равно конецъ, пусть же будетъ конецъ въ излюбленномъ отечествѣ. Ни слова даже о томъ, что тамъ, въ отечествѣ, оставлено. Какъ-будто никакихъ задачъ, никакого общественнаго строительства и не было, и не будетъ! Какъ-будто засуха, пережитая страной, остановила навсегда прежнія полосы подъема и упадка, и Россія застыла навсегда въ тискахъ равнодушія, апатіи, усталости!

Ни одного луча солнечнаго, яркаго, ни одного кустика зеленаго, даже дымки золотой—одна черная краска... И это тѣмъ рѣзче бьетъ въ глаза, что романъ «На вѣсахъ жизни» появился послѣ вполнѣ отчетливыхъ признаковъ, что мертвая точка въ Россіи перейдена, въ самомъ дѣлѣ, и просвѣтъ Россіи уже несетъ живые лучи и въ эмигрантскіе центры. Какъ разъ въ то время, когда писался и печатался романъ Винниченко, и въ настроеніи эмигрантовъ назрѣваетъ неуклонный и рѣшительный подъемъ. Индивидуалистическія увлеченія вообще, проблема пола въ частности таютъ отъ дуновенія чистаго воздуха. Авантюристы, случайно втянутые въ эми-

грацію, въ свое время сообщившіе ей свои черты, или растворяются въ общей эмигрантской массѣ, или находятъ себѣ иные выходы, а вмѣстѣ съ нимъ и эксцессы и уродства исчезаютъ. Огромные залы, биткомъ набитые публикой,—токъ между Россіей и эмигрантскими центрами, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе интенсивный—все это съ ясностью говоритъ о томъ, что г. Винниченко отчасти и попросту запоздалъ со своими безымянными героями. Не вырожденіе, не окостенѣніе уже видите тамъ, гдѣ они должны бы быть по Винниченко, а... кустики зеленые, лучи солнечные, яркіе.—Ну, гдѣ кустики зеленые, тамъ будетъ садъ, гдѣ лучи солнечные, тамъ будетъ солнце.

Г. Винниченко нашелъ себѣ милаго истолкователя въ лицѣ критика «Русскихъ Вѣдомостей». Обыкновенно время, слѣдующее за общественными потрясеніями, представлялось, какъ потеря идеаловъ, лишеніе вѣры, переходъ къ опустошенію души и т. д. Не совсѣмъ такъ, по автору «На вѣсахъ жизни», пишетъ г. Игнатовъ. Что было въ прошломъ? Была ли вѣра, были ли широкіе и свѣтлые идеалы, которыми жилъ когда-то теперешній бѣднякъ. «Ничего подобнаго. Былъ диванъ, на которомъ лежалъ Обломовъ, и этотъ диванъ давалъ опору и замѣнялъ «мировоззрѣніе», «идеалы», «вѣру». Почему-либо оказывался негоднымъ диванъ, бѣжали къ другому, всей тяжестью наваливались на него. Назывался ли диванъ «эс-эрство», или «эс-декство», или просто жупелъ, или еще какъ-нибудь—это было все равно, лишь бы диванъ былъ мягокъ, удобенъ и устойчивъ». «Я ничего не говорю отъ себя,—подчеркиваетъ г. Игнатовъ — я сужу о прошломъ персонажей г. Винниченко по тому настоящему, которое онъ представилъ. Здѣсь опустошенныя души, огромная духовная нищета,—нѣтъ просвѣта, нѣтъ стремленій, нѣтъ какихъ бы то ни было желаній, кромѣ самыхъ элементарныхъ и низменныхъ. Это—люди, привыкшіе къ покою и потерявшіе его,—не новаторы, не люди борьбы, не предвозвѣстники новой святыни, въ битвѣ утерявшіе свои великія знамена, свою страстную вѣру. Дивана, только спокойнаго дивана искали они въ томъ, что называли своими «убѣжденіями», а когда диванъ вытащили изъ-подъ нихъ, и они почувствовали себя на голомъ полу, они превратились въ озлобленныхъ, бѣшеныхъ Обломовыхъ».

Именно такъ: диванъ. И вотъ тутъ-то выступаетъ то мѣрило, которымъ г. Винниченко мѣряетъ своихъ уродцевъ и калѣкъ. Это тотъ самый аршинъ, личный и потому произвольный, о которомъ писалъ еще покойный Шелгуновъ, обороняясь отъ кампаній противъ интеллигенціи.

Пусть мнѣ по совѣсти скажутъ—говоритъ г. Винниченко устами Мери—меньше ли стала сумма страданій въ нашемъ столѣтіи? «Есть ли прогрессъ у того горячаго воздуха? Впередъ или назадъ движется онъ? Ничего подобнаго. Движется, вотъ и все. То вверхъ, то внизъ, то влѣво, то вправо. А гдѣ-то есть точка, отъ которой онъ не можетъ уйти и къ которой вѣчно стремится. То есть, къ равновѣсію». Такъ въ природѣ, такъ и у людей. Отъ «равновѣсія», видите ли, не уйдете. Если кто-нибудь здѣсь заплакалъ, то кто-то тамъ уже засмѣялся. Одинъ дохнетъ, зато другой родится. Нельзя—равновѣсіе, пустота требуетъ заполненія, — говоритъ авторъ. Но если равновѣсіе предполагаетъ соотношеніе силъ, то отцомъ этихъ силъ является случай. «Нѣкто въ сѣромъ» рѣетъ передъ его глазами и онъ апеллируетъ къ этому случаю, его величеству господину случаю, и, все время не выходя изъ интимныхъ границъ чисто индивидуальныхъ переживаній. Вотъ Мери повторяетъ въ сотый разъ: «Ну, мы, напримѣръ, эмигранты: такъ-какъ природа не любитъ покоя и чрезъ

мѣрнаго отклоненія, то и заполняетъ намъ пустоту—кому картами, кафе, виномъ, кому—любовью, кому Богомъ, кому сатаной... кто что выноситъ лучше». Когда она это повторяетъ, развѣ не приходятъ вамъ въ голову «чертовы качели» Сологуба? На «Чертовыхъ качеляхъ» и качаетъ авторъ свои персонажи. Такъ даже сама по себѣ картина утрачиваетъ въ своей цѣльности.

Нити, связывающія ее, оказываются то и дѣло слишкомъ тонкими. И прежде всего психологія Винниченко оказывается надуманной. Вся «игра», начиная съ змѣй «мрачнаго бандита» и кончая сценой у Аннетъ, надумана. Когда Таня—уже послѣ объясненія—спрашиваетъ Ѳому:

— Зачѣмъ же вы вчера... вчера... давали Гломбинскому деньги? Значитъ, вы еще вчера вѣрили, что меня можно сдѣлать содержанкой?

Ѳома отвѣчаетъ:

— Далъ потому, что не вѣрилъ. Давалъ и раньше потому, что не вѣрилъ. Его хотѣлъ унизить тѣми деньгами.

Это ли не Сологубовы качели?

Основной недостатокъ романа «На вѣсахъ жизни»—съ той точки зрѣнія, съ которой,—конечно, я къ нему подхожу—отсутствіе чувства соціальности. В. Винниченко не новичекъ даже въ русской литературѣ. Всѣмъ памятно, какъ онъ литературную дѣятельность началъ, памятна и та плоскость, по которой онъ все далѣе и далѣе катится. Идея «честности съ собой»,—вѣрность влеченіямъ своихъ инстинктовъ, индивидуальная свобода, противопоставляемая коллективному началу, узамъ общественности—всѣмъ этимъ пахнетъ въ романѣ не менѣе, чѣмъ... запахомъ трупнымъ. Въ этихъ-то цѣляхъ съ такой роскошью и подчеркивается «тираннія» коллективной жизни: «за волосы, чортъ его...» «дайте мнѣ его, я его задушу». Пощечинъ, дракъ, скандаловъ разсѣяно столько въ романѣ, что «идіотъ», «идіотка», «болванъ», звучатъ ласкательными именами. Правда, на стр. 130 Мери поучаетъ Таню въ такихъ выраженіяхъ:

— Вотъ, допустимъ,—я этого не желаю, а только допускаю,—допустимъ, что вы себѣ раздобыли катарчикъ, испортили нервы, потрепались немножко съ мужчинами,—что вы думаете, будете и тогда такъ добродѣтельны, что просвѣщать ближнихъ станете съ горящими глазами? Сла-а-бо. Такъ точно, какъ и эти «бывшіе люди», какъ вы называете, будете кисленько, иронически улыбаться и говорить: «когда я была соціалдемократкой». И тоже будете «индивидуалисткой, аристократкой духа», тоже будете ловить моменты любви.

Такимъ образомъ, выходитъ какъ-будто, что оборотная сторона индивидуализма, аристократизма духа—«катарчикъ», «испорченные нервы», «мужчины». Однако, тутъ же слѣдуетъ вопросъ: а почему? добродѣтель потеряли? «подлой» сдѣлались? И отвѣтъ: для равновѣсія грузъ полегче давай, а то и никакого не надо.

— Съ «грузомъ» дѣло яснѣе, чѣмъ съ «добродѣтелью». Добродѣтель вещь порхающая, неуловимая. Капризная, лицемѣрная, фальшивая. А «грузъ»—есть грузъ. Ясно, просто, понятно и утѣшительно.

Автору даже въ голову не приходитъ, что именно его величество господинъ случай—вещь порхающая, неуловимая. Именно «нѣкто въ сѣромъ»—вещь капризная и фальшивая. Автору даже въ голову не приходитъ, что ясности и утѣшенія надо искать именно тамъ, гдѣ нѣтъ ни нѣкоего сѣраго, ни случая.

Л. Клейнбортъ.

КИТАЙСКАЯ СМУТА.

> «Вся страна кипитъ, умы народа въ смятеніи и души послѣднихъ 9 императоровъ гнушаются ѳиміама нашихъ жертвъ».
>
> Изъ императорскаго эдикта 17 окт. 1911 г.
>
> «Намъ помогаютъ сами боги»...
>
> Изъ письма китайскаго диктатора Ли-Юань-Хуна.

Мнѣ пришлось пережить важнѣйшіе моменты китайской революціи въ Ханькоу, т. е. въ самомъ центрѣ возникновенія и наиболѣе бурнаго ея проявленія, въ самомъ пеклѣ военныхъ дѣйствій.

По обязанности корреспондента телеграфнаго агентства я внимательно слѣдилъ за событіями революціи, а какъ редакторъ «Обозрѣнія Китайской Прессы» (Ханькоуское изданіе и восточникъ по образованію могъ непосредственно по китайскимъ газетамъ наблюдать за развитіемъ революціоннаго движенія въ Китаѣ за послѣднее двухлѣтіе.

Первое, что бросается въ глаза—это *фатальность*, неотвратимость революціонной развязки.

Стихійность — это вторая наиболѣе яркая черта китайской революціи.

Стихійна китайская революція въ смыслѣ ея безыскуственности. У такого положительнаго народа, какъ китайцы, отчетливо было видно, какъ революція дѣлала революціонеровъ, а не наоборотъ. *Обстоятельства* и *время революціонировали Китай*, или, какъ выражается Учанскій диктаторъ: «сами боги помогли революціонерамъ». Только этой своеобразной помощью боговъ, на которыхъ, кстати сказать, китайцы весьма мало полагаются, только стихійностью движенія можно объяснить тѣ сказочныя телеграммы, вполнѣ соотвѣтствующія китайской дѣйствительности, о китайскихъ городахъ, сдававшихся безъ боя сотнѣ студентовъ-революціонеровъ.

Мы попробуемъ нѣсколько детальнѣй разобраться въ этихъ восточныхъ сказкахъ, *обстоятельствахъ* и *назрѣвавшихъ народныхъ симпатіяхъ* къ революціи, помогшихъ реализироваться мечтамъ молодого Китая.

Въ Китаѣ послѣднее время въ рядахъ младокитайцевъ господствовало убѣжденіе, что только «*Ураганъ излѣчитъ Китай*». Подъ такимъ именно заглавіемъ лѣтомъ 1911 года въ китайской Ханькоуской газетѣ «Да-цзянъ бао» появилась яркая и весьма характерная для настроенія китайцевъ статья. Для автора статьи—вопросъ о неизбѣжности и близости революціи является безповоротно рѣшеннымъ. Авторъ только не вполнѣ увѣренъ въ народныхъ массахъ. По его мнѣнію, народныя массы слишкомъ еще слабо реагируютъ на критическое положеніе Китая. «Китайцы, говорится въ статьѣ, въ какомъ-то забытьѣ, обморочномъ состояніи; они не чувствуютъ, что *день гибели близокъ*. Если не произвести великой встряски,

то не разбудить 400 милліонный народъ, мирящійся со своимъ рабствомъ. Постепеновщины, мирной эволюціи въ Китаѣ быть не можетъ—это очевидно!.. Граждане!—восклицаетъ авторъ въ концѣ статьи—смѣлые духомъ патріоты! неужели вы еще надѣетесь на мирный ходъ реформъ!? *Государство въ опасности* Смѣло впередъ! и Хуань-ди, основатель Китая, не обвинитъ насъ въ рабствѣ! *).

Такія разсужденія, подчеркивавшія готовность идти на открытыя выступленія, были основнымъ мотивомъ китайской прессы, и репрессіи со стороны правительства направленія статей не мѣняли.

Эта неуклонная рѣшимость произвести радикальную политическую революцію у такого по-восточному сдержаннаго и консервативнаго народа—весьма знаменательна. Эта рѣшимость должна была основываться на очень вѣскихъ данныхъ—сообразно основнымъ чертамъ характера китайскаго народа. Психологическая суть китайскаго характера, какъ мнѣ кажется, заключается въ выраженіи, часто повторяемомъ сынами Поднебесной: «мань-мань-ди», что значитъ: не спѣши. Спѣшить, суетиться, рѣзвиться, по Конфуцію, этому яркому выразителю китайской души, не полагается даже дѣтямъ. Взрослымъ предписывается строго обдумывать свои даже незначительные поступки, чтобы не «потерять лица» послѣ. Китайцы отчетливо и ясно ставятъ свои практическія требованія въ политической жизни и осторожно, съ опаской и съ оглядкой, проводятъ ихъ въ жизнь. Китаецъ проходитъ и проходитъ реалистическую школу въ своей юности. Религіозная идея искупленія, воспринятая европейскими народами и вносящая оттѣнокъ подвижничества въ жизнь и политическіе перевороты Европы, слабо прививается Китаю.

*) См. № 14 «Долина Янъ-цзы»—обозрѣніе китайской прессы, нашъ переводъ статьи.

Такой сдержанный, разсчетливый народъ на открытыя революціонныя выступленія не могли подбить одни прокламаціи, агитаторскія рѣчи. Только сознаніе серьозной опасности момента могло сдѣлать революцію въ Китаѣ популярной, а популярность дѣлала революцію стихійной.

Самой большой угрозой, болѣзненно ощущаемой каждымъ китайцемъ, является *раздѣлъ Китая*. Указаніе на четыре ужасныхъ для китайца призрака—«ванъ-го», четыре исчезнувшихъ государства: Іудею, Египетъ, Индію, Корею—было самымъ неопровержимымъ аргументомъ всѣхъ революціонныхъ статей и разсужденій. Въ приведенномъ мною отрывкѣ изъ китайской газеты авторъ даже не счелъ нужнымъ пояснить, что онъ разумѣетъ подъ «близкимъ днемъ гибели», такъ какъ идея о раздѣлѣ Китая, какъ наиболѣе часто трактуемая, для китайца становилась понятна съ одного намека. Раздѣлъ Китая иностранными государствами означалъ для китайца потерю своей родины, и китайцу представлялся тѣмъ же самымъ, чѣмъ «свѣтопредставленіе» является въ умахъ русскихъ сектантовъ, то-есть концомъ существованія. Для китайца,—кости котораго не могутъ быть погребены ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ родины его ближайшихъ предковъ, гдѣ бы китаецъ ни умеръ,—потерять свое государство, свою родину—равносильно смерти. Новѣйшія культурныя наслоенія не коснулись органической привязанности китайца къ пепелищу его предковъ, гробамъ родителей. Когда Сун-ятъ-сэну, испытанному и закаленному лидеру революціонеровъ, бывшему кандидату на постъ президента Китайской республики, былъ воспрещенъ англійскими властями въѣздъ въ Гонконгъ въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Китай, то ему въ море на лодкѣ былъ высланъ гробъ съ прахомъ его матери, чтобы онъ могъ послать свое послѣднее «про-

сти» своей горячо любимой родинѣ въ лицѣ выносившей его матери.

Страшная тѣнь погибшихъ государствъ преслѣдовала китайцевъ всюду и, какъ «memento-mori», какъ библейское «мэнэ-тэкэлъ-фаресъ», вписывалось неопровержимымъ пророчествомъ кистью патріотовъ на страницахъ ежедневной китайской прессы. Иностранцы, пользуясь слабостью Китая, завладѣвали со всѣхъ сторонъ территоріальными правами китайцевъ и раздѣлъ Китая не былъ только бредомъ воспаленнаго воображенія китайскихъ патріотовъ, и останавливалъ на себѣ вниманіе и иностранной прессы.

Идея гибели родины черезъ раздѣлъ Китая легко усвоялась народными массами, такъ какъ являлась сродни постояннымъ антидинастическимъ настроеніямъ въ Китаѣ. Антииностранныя чувства были особенно подогрѣты въ Китаѣ за послѣднія 4—5 лѣтъ. Это открыто высказывалось въ китайской прессѣ и выражалось въ открытыхъ массовыхъ протестахъ противъ иностранныхъ займовъ, обезпечивающихъ иностранцамъ господствующее положеніе въ Китаѣ. Только изъ тактическихъ соображеній вожаки революціи всю враждебность къ иностранцамъ направили противъ иностранной въ Китаѣ династіи Манчжуровъ, объявивъ ихъ главнымъ врагомъ Китая. Иностранцы, представители государствъ, поставлены были подъ защиту неприкосновенности. Смертная казнь грозила каждому китайцу за покушеніе на жизнь или нарушеніе имущественныхъ правъ иностранцевъ. *Большая гроза надвигалась на иностранцевъ, живущихъ въ Китаѣ, но манчжуры сыграли роль спасительнаго для иностранцевъ громоотвода*, и манчжурская династія и манчжурская народность поглотили весь разрядъ напряженной атмосферы. Весь Китай образовалъ два стана: станъ «Хань-жэнь», (потомковъ Ханей)—настоящихъ китайцевъ и станъ «Ци-жэнь», — манчжуровъ, къ послѣднимъ были зачислены и китайцы, оставшіеся на сторонѣ правительства. Лозунгъ былъ простъ и ясенъ: «Долой манчжуровъ! Да здравствуютъ китайцы»! «Долой Ци-жэнь! Да здравствуетъ Хань-жэнь!» Иностранная Манчжурская династія вмѣстѣ съ взяточниками министрами распродаетъ китайскія земли иностранцамъ: долой эту династію для блага народа, долой всѣхъ манчжуровъ, смерть всѣмъ манчжурцамъ!

И вотъ благодаря такой концепціи идей, вмѣстѣ съ поднятіемъ революціоннаго флага въ городахъ начинается рѣзня, охота и травля манчжуровъ. Въ одномъ г. Учанѣ въ первые дни революціи было перерѣзано до 800 манчжуровъ. Только протесты иностранцевъ прекратили огульное избіеніе манчжуровъ, мирныхъ гражданъ.

Націоналистическое движеніе на тему «нашихъ обижаютъ» поддерживается легко массами всюду и весьма понятнымъ становится въ такой патріархальной, замкнутой странѣ, какъ Китай, гдѣ чужеземцы допускаются только въ открытые порты и концессіи, а доступъ внутрь страны имъ доселѣ строго воспрещается. Почему полуслившіеся за два вѣка совмѣстной жизни съ китайцами манчжуры и Манчжурская династія попали въ зубы націоналистическаго движенія, которое сами манчжуры такъ ловко въ нужный для нихъ моментъ раньше направляли, какъ показало боксерское возстаніе,—на европейцевъ,—можно объяснить исключительно нехозяйственной дѣятельностью Манчжурской династіи, ея дряхлостью и неспособностью въ качествѣ современныхъ правителей страны. Манчжуры открыто тормозили ходъ реформъ, необходимыхъ странѣ, отдавали народъ на разграбленіе взяточникамъ чиновникамъ и благодаря удаленію изъ состава правительства способныхъ и сравнительно честныхъ государственныхъ дѣятелей совершенно утратили пониманіе народной жизни.

Митинги, протестующіе противъ желѣзнодорожной политики правительства, *по провинціямъ; анархія въ Сычуани безпорядки въ связи съ наводненіемъ, попытка революціоннаго возстанія въ Кантонѣ*—вотъ что было въ 1911 году на моихъ глазахъ ближайшими *подготовительными этапами, репетиціями революціи и* вотъ что содѣйствовало быстрому *стихійному* распространенію революціи въ Китаѣ

Откровенно скажу, что насколько я теперь чувствую себя увѣреннымъ, называя post factum указанныя событія репетиціями революціи, настолько же я, присутствуя при этихъ репетиціяхъ, чувствовалъ себя безпомощнымъ въ рѣшеніи вопроса, когда же состоится и состоится-ли вообще самый спектакль. Важность этихъ событій была ясна и раньше революціи для каждаго наблюдателя, но кто-бы могъ предсказать дальнѣйшій ходъ событій, моментъ революціи, исходя изъ этихъ фактовъ? Революціонная атмосфера въ Китаѣ чувствовалась, отдаленные раскаты революціи уже слышались, но все-таки *лавина революціи разлилась по Китаю* стихійно и почти *неожиданно*. Описывая уже самую революцію, послѣ начала ея, корреспондентъ въ Китаѣ освѣдомленнѣйшей изъ газетъ—лондонскаго «Times», на страницахъ послѣдней высказываетъ свое недоумѣніе по поводу рѣшимости китайцевъ поднять революцію, когда только черезъ два года въ Пекинѣ долженъ былъ открыться общекитайскій парламентъ съ отвѣтственными предъ нимъ министрами. Корреспондентъ «Times» готовъ былъ обвинить вожаковъ революціи въ отсутствіи чувства перспективы и созидательнаго дара. Но успѣхи революціи, широкіе планы революціонеровъ показали, что знамя возстанія не было поднято опрометчиво или несвоевременно.

Быть можетъ, соціальныя науки и выработаютъ когда-нибудь чувствительный и точный барометръ соціальныхъ ураганов и катастрофъ, если только соціальныя катастрофы въ будущемъ будутъ имѣть мѣсто, но теперь по соннику приходится гадать, когда и какъ какая-либо страна перейдетъ къ новымъ политическимъ формамъ. Въ этихъ участившихся государственныхъ переворотахъ мы нащупываемъ только самый общій факторъ—факторъ міровοго хозяйства, налагающій неизбѣжно свою печать на современныя государства, втянутыя въ міровой обмѣнъ. Но воздѣйствіе этого фактора, этой великой силы, направляется по столь сложной сѣти параллелограмовъ силъ и подъ давленіемъ различныхъ противодѣйствій идетъ по такой кривой, что точный, правильный прогнозъ этихъ путей почти не представляется возможнымъ. Въ общемъ, воздѣйствіе фактора міровοго хозяйства отчасти выражается въ томъ, что отдѣльныя страны, по мѣрѣ того, какъ начинаютъ располагать одинаковыми средствами культуры, одинаковыми средствами производства, начинаютъ тяготѣть къ однѣмъ и тѣмъ же формамъ политической, соціальной и даже частно-семейной жизни,

Китай, весьма плотно населенный, развившій давно эмиграцію въ большихъ размѣрахъ, уже не прокармливаетъ своего многомилліоннаго населенія своимъ хлѣбомъ. Имѣя всѣ данныя сдѣлаться первоклассной промышленной страной по своимъ природнымъ богатствамъ, по воспріимчивости и смышленности населенія, Китай, подталкиваемый иностранцами, втянутый въ міровое хозяйство, не обошелся безъ опередившей и доказавшей свое превосходство Китаю заграничной культуры. Молодой Китай за послѣднее время всѣми фибрами своего существованія потянулся къ заграничнымъ порядкамъ, свободному укладу жизни, отшатываясь отъ стѣснительныхъ при новыхъ условіяхъ формъ патріархальнаго быта, деспотическаго строя. Проживш ій почти изолированно тысячелѣ-

тія, Китай упорно и страстно отстаивалъ неприкосновенность своей культуры, долго не хотѣлъ поддаться нивеллирующимъ новымъ теченіямъ. Болѣе 400 лѣтъ общенія съ иностранцами потребовалось Китаю, чтобы онъ самъ взялся за спѣшное переустройство своей жизни на иностранный ладъ. Не разъ битый иностранцами, Китай почувствовалъ необходимость создать армію и флотъ, равные по силѣ и подготовкѣ иностраннымъ силамъ. Послѣ многихъ чувствительныхъ уроковъ Китай долженъ былъ создавать стратегическіе желѣзнодорожные пути, современное вооруженіе и т. д., словомъ, Китай не могъ обойтись безъ современной промышленности, техники и современнаго образованія, чтобы поставить на должную высоту одну только защиту своей территоріи, не говоря еще о другихъ вопросахъ государственной важности, хотя бы торговлѣ, которая также предъявляла Китаю современныя требованія. Не имѣя возможности у себя дома сразу обезпечить высшее спеціальное образованіе для подготовки дѣятелей новаго типа, нужныхъ странѣ, Китай, убѣжденный врагъ всего иностраннаго, поневолѣ направилъ учащуюся молодежь за-границу и, главнымъ образомъ, въ Японію, гдѣ китайскіе студенты, благодаря сходству іероглифической письменности, на усвоеніе языка затрачивали minimum времени. *Заграничное воспитаніе было однимъ изъ самыхъ сильныхъ нивеллирующихъ средствъ для молодого Китая, и оно ускорило паденіе стараго строя.* Нужно упомянуть, что на нивеллировку Китая, на поднятіе китайцевъ на высшую ступень положили много силъ сами иностранцы, всего менѣе, конечно, заботясь о китайцахъ. Стремясь расширить свое вліяніе и обезпечить наибольшую легкость коммерческихъ операцій въ Китаѣ, иностранцы сами насаждали тамъ всѣ виды школъ включительно до университетовъ, тратя громадныя суммы на образованіе китайцевъ, на обученіе ихъ иностраннымъ языкамъ и наукамъ. Китаю давали современное образованіе, прививали всѣ новинки науки и техники за дозволеніе снабжать китайскіе рынки иностранными товарами, за допущеніе иностранныхъ капиталовъ на предпріятія въ самомъ Китаѣ. *Китай старательно втаскивали на высшую* и *одинаковую со всѣми ступень культуры*, давали ему школы, учителей въ школы, инструкторовъ въ войска, инженеровъ на фабрики, чиновниковъ въ таможни и даже административныя учрежденія. Китай сопротивлялся сдвигу своей освященной вѣками культуры, не довѣрялъ «заморскимъ чертямъ», непрошеннымъ пришельцамъ въ ихъ китайскую обѣтованную землю. Китаю казалось возможнымъ прожить изолированно, безъ непрошенныхъ гостей и ихъ культуры, и Китай не разъ учинялъ погромы иностранцевъ, пока не вошло въ силу новое поколѣніе, воспитанное при содѣйствіи иностранцевъ на уваженіи къ иностранной культурѣ, и вопросъ о нивеллированіи «таинственнаго», «недвижнаго», «своеобразнаго» Китая,—какъ его принято характеризовать съ каѳедры и въ книгахъ,—былъ рѣшенъ безповоротно.

Младокитайцы за послѣдніе годы владѣли общественнымъ мнѣніемъ, китайской прессой. Въ предпринятомъ мною минувшимъ лѣтомъ обслѣдованіи направленія китайскихъ газетъ (Ханькоускихъ и Шанхайскихъ по преимуществу *) въ рубрикѣ:—«редакторъ» можно видѣть общій для всѣхъ газетъ отвѣтъ: по имени такой-то, «получившій образованіе въ Японіи», или указываются другія иностранныя государства.

Младокитайцы были и въ рядахъ арміи. «Вся революція въ Китаѣ—военный бунтъ,—говорилъ мнѣ, впрочемъ, нѣсколько преувеличивая, помощникъ русскаго военнаго агента въ Шанхаѣ,—

*) № 14 «Долина Янъ-цзы» (обозрѣніе китайской прессы). Ханькоуское изданіе.

войска переходятъ на сторону революціонеровъ вслѣдъ за офицерами, которые набрались революціонныхъ идей за время обученія въ Японіи и Европѣ». По ироніи судьбы китайское правительство гордилось именно новой арміей, которую оно старательно создавало себѣ на погибель. Напоказъ всему свѣту осенью 1911 года назначены были грандіозные маневры всей новой китайской арміи, обученной по-иностранному, несостоявшіеся изъ-за революціи.

Интересно отмѣтить, что на ряду съ реформированной арміей съ 1910 года усиленно рекрутируется и создается самостоятельная *«народная армія» — «гоминь-цзюнь»*. Народъ, боясь возрастающаго опаснаго господства иностранцевъ въ Китаѣ и не довѣряя своему правительству, прогрессъ страны и защиту своей родины слилъ въ одну задачу, въ одно общее для всѣхъ патріотовъ дѣло, рѣзко отграниченное отъ правительственныхъ реформъ и начинаній. Отчаявшись получить что-либо доброе «изъ Назарета»—пекинскаго правительства, младокитайцы за годъ до революціи спѣшно занялись организаціей народнаго ополченія въ цѣляхъ надежной и вѣрной защиты народныхъ интересовъ и своей родины отъ посягательства иностранцевъ на территорію Китая, какъ это открыто заявлялось. Иниціатива народнаго ополченія исходила отъ китайскихъ студентовъ въ Японіи. Львиная доля средствъ на содержаніе народнаго ополченія жертвовалась китайской буржуазіей. Помимо образованія отрядовъ добровольцевъ по провинціямъ, рѣшено было ввести военныя упражненія во всѣхъ школахъ. Отряды народнаго ополченія стали быстро организоваться въ различныхъ городахъ. Молодежь пылко отдалась военной подготовкѣ. Въ школахъ учениками подавались по начальству петиціи о сокращеніи обычныхъ уроковъ и увеличеніи часовъ гимнастики, полевыхъ военныхъ пріемовъ.

Военное министерство, бывшее не въ силахъ доселѣ привить пресловутый «воинскій духъ» мирному земледѣльческому народу, готово было взять милитаристское движеніе въ странѣ подъ свое покровительство, но правительство in corpore относилось подозрительно къ формирующейся народной арміи— и мѣстами преслѣдовало ее. Опасенія правительства оказались основательными. Съ первыхъ же шаговъ революціи китайскіе «потѣшные» оказались въ рядахъ революціи въ качествѣ или городской стражи по поддержанію порядка въ перешедшихъ на сторону революціи городахъ, или въ качествѣ отрядовъ дѣйствующей противъ правительства арміи съ бравурными названіями: «гань-сы туань»—отрядъ не боящихся смерти, «цзюэ-сы туань»—отрядъ обрекшихъ себя на смерть и т. д. Загипнотизированные этими названіями, незнакомые съ условіями современныхъ сраженій, отряды молодежи не въ примѣръ прочимъ революціоннымъ войскамъ иногда проявляли хотя мало-цѣлесообразную, но большую отвагу, наступая подъ усиленнымъ огнемъ на непріятеля, что не мѣшало этимъ юнымъ войскамъ въ паникѣ бѣжать въ менѣе серьозные моменты.

Новаторство по линіи передѣлыванія всего китайскаго на иностранный ладъ коснулось всѣхъ сторонъ китайской жизни. *Новаторство стало органической потребностью китайца* и отразилось даже на домашнемъ обиходѣ. Возьмемъ хотя бы *костюмъ*. Китайцы, побывавшіе за-границей, прошедшіе сквозь строй полууловимой насмѣшливой улыбки иностранцевъ надъ архаическимъ длиннополымъ китайскимъ костюмомъ, надъ «свинымъ хвостикомъ»—косицей на затылкѣ китайца, — съ поспѣшностью арестанта при первой возможности освобождались отъ смѣшныхъ и непріятныхъ принадлежностей туалета, чтобы и внѣшній видъ принять «приличный»—иностранный.

Можно полагать, что для Китая представляется нелегкой задачей догнать иностранцевъ въ политическомъ и соціальномъ отношеніи, и *трудно ожидать*, чтобы *Китай могъ* теперь *дать* еще непримѣненныя нигдѣ новыя *формы соціальнаго и политическаго творчества*, хотя мнѣ сообщали въ Шанхаѣ, что въ небольшихъ кружкахъ интеллигентовъ-китайцевъ намѣчаются нѣкоторые частные опыты въ соціалистическомъ духѣ. У большинства же весь вопросъ сводится къ формѣ правленія: быть-ли республикѣ и гдѣ ей быть, только-ли на югѣ, а сѣверъ оставить конституціонной монархіей, или республику, на манеръ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, учредить во всемъ Китаѣ. Въ Китаѣ, издавна имѣющемъ облеченныхъ большими полномочіями вице-королей по провинціямъ, съ открытыми послѣднее время по провинціямъ провинціальными парламентами, переходъ къ «Соединеннымъ Штатамъ Китая» не будетъ затруднителенъ. Какъ мнѣ приходилось отмѣчать въ печати и раньше, Пекинское правительство въ дѣлѣ собиранія слабо-объединеннаго Китая наталкивалось на упорное сопротивленіе со стороны мѣстныхъ властей, привыкшихъ по традиціямъ чувствовать себя почти полными хозяевами въ своихъ провинціяхъ.

Говорятъ, баталисты-художники плачутся: война при современной военной техникѣ потеряла поэзію и прежнюю экспрессію лицъ и положеній. Мнѣ кажется, романтики оказались-бы не въ лучшемъ положеніи, если-бы взяли темой китайскую революцію: *китайская революція не изобилуетъ рыцарскими положеніями и въ ней весьма ощутителенъ меркантильный привкусъ*.

Откуда этотъ меркантилизмъ въ революціи, ассоціирующейся у насъ скорѣе съ высокимъ общественнымъ приливомъ благородства и безкорыстія, я не берусь рѣшать. Насколько здѣсь играетъ роль XX вѣкъ со всемогуществомъ золота, насколько здѣсь отразилась практическая складка китайскаго характера—разобраться весьма трудно, хотя то и другое, несомнѣнно, оказывало свое вліяніе.

Революція есть прежде всего война и, какъ таковая, требуетъ большихъ денегъ. Въ войнѣ добавочныя деньги требуются на чрезвычайныя сооруженія, передвиженія, содержаніе увеличенной арміи и флота и т. п. *Въ китайской гражданской войнѣ мы встрѣчаемъ особый видъ военныхъ расходовъ на торговлю военными силами арміи и флота*. Революціонеры назначили довольно высокую плату солдатамъ и офицерамъ за переходъ изъ арміи имперіалистовъ на свою сторону и даже за простое дезертирство изъ правительственной арміи, чѣмъ не мало офицеровъ и солдатъ воспользовалось. Для удержанія солдатъ на своей сторонѣ обѣ стороны конкуррировали въ назначеніи ежемѣсячной платы солдатамъ, улучшеніи ихъ стола. Денежныя вознагражденія обѣщались и давались за удачный исходъ сраженія. По словамъ англійской ханькоуской газеты «Centra China Post», за отобраніе отъ революціонеровъ Ханьяна, долго неудававшееся, солдатамъ со стороны манчжурскаго правительства было обѣщано три милліона долларовъ, что произвело на солдатъ больше впечатлѣнія, чѣмъ неоднократныя на тотъ же предметъ указы императора. Правительственная армія стала болѣе энергично атаковать и бомбардировать Ханьянъ до тѣхъ поръ, пока обѣщанное не было заработано. Революціонеры со своей стороны подкупили повара главнокомандующаго правительственной арміи генерала Фына, чтобы отравить послѣдняго. Ядъ (белладонна) былъ всыпанъ въ кушанье генерала, поваръ благополучно бѣжалъ въ Учанъ къ революціонерамъ, но отравленіе, причинивъ 3-хдневное страданіе, другихъ серьоз-

ныхъ послѣдствій для генерала Фына не имѣло.

Въ Нанкинѣ, древней хорошо укрѣпленной столицѣ Китая, долго шелъ торгъ изъ-за сдачи города. Командиръ гарнизона въ Нанкинѣ Чжанъ требовалъ съ революціонеровъ отступного до 50 милліоновъ долларовъ. Революціонеры предлагали значительно меньше. Рѣшили помѣриться оружіемъ, а въ антрактахъ сраженій торгъ опять возобновлялся. Чжанъ сбавлялъ, революціонеры набавляли по всѣмъ правиламъ биржевого искусства. Но генералъ Чжанъ, оказалось, переоцѣнилъ свое положеніе и свой гарнизонъ. Онъ буквально потерялъ тамъ голову, не получилъ денегъ, не удержалъ города, которымъ завладѣли-таки революціонеры.

Городъ Ханькоу (китайская часть) послѣ взятія его имперіалистами былъ отданъ солдатамъ на разграбленіе и сожженъ. Многіе правительственные солдаты, поживившись на славу добычей, переодѣвались и бросали съ спокойнымъ сердцемъ армію.

Хунаньцы, революціонеры, когда по прибытіи въ Учанъ были посланы на боевыя позиціи по защитѣ г. Ханьяна, выражали свое неудовольствіе, что ихъ хунаньское солдатское жалованье меньше хубэйскаго, а они должны сражаться наравнѣ съ хубэйцами, да еще иногда и въ болѣе опасныхъ мѣстахъ. Бывали случаи, что они бросали позиціи въ особенно важный моментъ. Изъ-за разногласій между революціонерами на этой почвѣ городъ Ханьянъ былъ покинутъ революціонерами наканунѣ занятія его имперіалистами. Въ отступавшіе отряды революціонеровъ было приказано стрѣлять своимъ же, но это не остановило бѣжавшихъ недовольныхъ: отстрѣливаясь по оставшимся товарищамъ въ Ханьянѣ, они уходили.

Этой психологіей наемной китайской арміи, усвоившей взглядъ на свою службу, какъ на всякій другой хлѣбный заработокъ, объясняется, почему прежній государственный строй Китая такъ легко разсыпался, не оказавъ серьознаго сопротивленія аморфной китайской революціи. Въ особенностяхъ китайской арміи, ея духа мы находимъ нѣкоторое поясненіе начальныхъ шаговъ революціи и ея темпа впослѣдствіи.

Въ Учанѣ, главномъ городѣ провинціи Хубэй, гдѣ и началась революція, еще лѣтомъ 1911 года наблюдалось броженіе между солдатами, которымъ жалованье за недостаткомъ денегъ въ Хубэйской казнѣ было уменьшено ежемѣсячно на цѣлую треть. Изъ оставленныхъ двухъ третей вознагражденія офицеры ухитрялись задерживать въ своихъ карманахъ немалую долю. Изъ-за неполной уплаты солдатскаго жалованья солдаты въ августѣ мѣсяцѣ вырѣзали семью Учанскаго полковника. Самъ полковникъ избѣгъ жестокой расправы, заблаговременно скрывшись изъ дому. Дезертирство изъ Хубэйской арміи приняло значительные размѣры. Движеніе въ арміи скоро слилось съ революціоннымъ.

Обѣ стороны въ бояхъ особаго пыла не обнаруживали, за исключеніемъ юныхъ революціонеровъ, о которыхъ я упоминалъ раньше. Первое время стрѣльба и стычки производились только днемъ и въ промежутки между пріемами пищи, т. е., если стычка начиналась послѣ утренней закуски, то она продолжалась не далѣе 11—11$^1/_2$ часовъ, когда китайцы завтракаютъ,—и приблизительно съ 1—2 до 5—6 часовъ, т. е. до китайскаго обѣда. Иностранцы начали иронизировать надъ такой системой сраженій, обѣ стороны тогда положили за правило производить безпрерывную ночную канонаду, почти безвредную для врага и часто весьма опасную для нейтральныхъ иностранныхъ концессій, страдавшихъ больше, чѣмъ днемъ, отъ плохо направленныхъ ружейныхъ и орудійныхъ выстрѣловъ сражающихся сто-

ронъ. Словомъ, революція не дала картины стремительнаго урагана. Революція въ Китаѣ напоминаетъ скорѣе разливъ вскрывшейся рѣки, постепенно затопляющей окрестности по мѣрѣ таянія снѣговъ. Въ этой революціи наблюдалась съ обѣихъ сторонъ большая осмотрительность, осторожность, большая экономизація силъ, столь характерная вообще для психологіи китайца. Китаецъ даже въ толпѣ владѣетъ собою, остается самимъ собою. Когда я бродилъ среди настроенной чрезвычайно революціонно толпы, охотящейся за головами манчжуровъ, или въ моменты, относящіеся къ сраженіямъ, то эта толпа предо мною вырисовывалась, какъ одно китайское лицо, только нѣсколько разъ умноженное. Вопреки даннымъ науки психологіи толпы, я не могъ отмѣтить наростанія особыхъ свойствъ толпы надъ элементами индивидуальной психологіи китайца.

Другая любопытная черта революціонныхъ дней—это отсутствіе на аренѣ революціи крупныхъ, замѣтныхъ демагоговъ, увлекающихъ народъ за собою. Напротивъ, самъ народъ, вѣрнѣе, наиболѣе активная часть народа находитъ вождей на мѣстахъ и вручаетъ имъ диктаторскую палочку чуть не подъ угрозой смерти. При успѣхахъ революціи чиновничество поспѣшно исчезало съ горизонта города; задержаннымъ чиновникамъ ставили ультиматумъ: рѣшить въ непродолжительный срокъ—остаться на службѣ подъ революціоннымъ флагомъ, въ противномъ случаѣ, сдавши чиновничью печать, отправляться изъ города, иногда и прямо къ праотцамъ. Подъ угрозой смерти былъ посаженъ на диктаторское мѣсто извѣстный революціонными посланіями правительственнымъ командирамъ бригадный генералъ Ли-юань-хунь. Къ этому диктатору поневолѣ, послѣ взятія Ханьяна имперіалистами и по упадкѣ духа на другой сторонѣ, революціонеры не преминули назначить почетную стражу, чтобы Ли-юань-хунъ... не сбѣжалъ. Большинство высшихъ чиновъ провинціи оказались активными революціонерами при тѣхъ же обстоятельствахъ, когда ихъ честью просили не покидать города, выразительно аргументируя передъ физіономіей оружіемъ.

Иностранная пресса недоумѣвала: кто же настоящіе вожди революціи и гдѣ они? Послѣ захвата г. Учана на сторону революціи стали переходить другіе города и вездѣ вводились однотипные порядки по одному плану, кѣмъ-то, видимо, старательно ранѣе обдуманному при глубокомъ знаніи народа и мѣстныхъ условій. Схема распространенія революціи большею частью была такова. Городъ безъ сопротивленія допускалъ отряды пришедшихъ революціонныхъ войскъ, или признавалъ авторитетъ мѣстныхъ сорганизовавшихся революціонеровъ. Иногда бывали мѣстныя небольшія стычки, какъ въ Учанѣ, въ арсеналѣ въ Шанхаѣ. Въ нѣкоторыхъ городахъ при захватѣ города бывали значительныя сраженія, какъ, напр., въ Нанкинѣ. Насколько я знаю, имперіалисты отобрали у революціонеровъ послѣ продолжительныхъ сраженій только два города, находящихся рядомъ: Ханькоу и Ханьянъ. Городъ, поднявшій революціонный флагъ, объявлялся на военномъ положеніи и за преступленія полагалась смертная казнь по военнымъ законамъ. Во главѣ города становился диктаторъ, юрисдикцію котораго могли признать и сосѣдніе города и мѣстечки. Набиралась городская милиція для поддержанія порядка, вербовались и обучались революціонныя войска. Первое время истреблялись поголовно,—не щадя женщинъ и дѣтей, — манчжуры. Была попытка сразу же ввести революціонныя кредитки, обезцѣнивъ правительственные кредитные билеты выпускомъ фальшивыхъ кредитокъ правительственнаго банка. Но обезцѣнились сразу всѣ

кредитные билеты, звонкая монета поднялась въ цѣнѣ.

Получилось такое затрудненіе на рынкахъ, что по ходатайству коммерсантовъ денежныя новшества, какъ мѣра мало пригодная безъ предварительной подготовки,—были отмѣнены. Чиновничество было оставляемо или прежнее, если чиновники соглашались на признаніе революціи, или назначались новые изъ уважаемыхъ населеніемъ въ округѣ гражданъ и лицъ, извѣстныхъ революціонною дѣятельностью.

Конечно, не по вдохновенію боговъ революція использовала всѣ для нея выгодные моменты жизни Китая. Различныя революціонныя общества, какъ въ самомъ Китаѣ, такъ особенно за-границей разрѣшали раньше вопросы о реформахъ и переворотѣ въ Китаѣ. Возможно, что многое изъ того, что теперь произошло въ Китаѣ, было намѣчено и осуществилось при содѣйствіи членовъ этихъ обществъ. Я только хочу отмѣтить, что крупныхъ дѣятелей революціи не было замѣтно на аренѣ революціи. Какъ на узелъ нитей революціи, обыкновенно указываютъ на Сунъ-Ятсэна, о которомъ много пишутъ, котораго прочили въ президенты Китайской республики. Но первые мѣсяцы революціи онъ продолжалъ оставаться заграницей и, судя по телеграфнымъ о немъ сообщеніямъ, переѣзжалъ изъ страны въ страну въ поискахъ денегъ на революцію, которыя ему удалось найти въ Америкѣ. Только послѣ взятія Нанкина Сун-ят-сэнъ появляется въ Китаѣ. Другой дѣятель революціи Хуанъ-синъ, командовавшій нѣкоторое время революціонной арміей въ сраженіяхъ подъ Ханькоу и Ханьяномъ, появился въ Учанѣ, когда три города: Учанъ, Ханьянъ и Ханькоу были въ рукахъ революціонеровъ. Сдавъ Ханьянъ имперіалистамъ Хуанъ-синъ уѣхалъ въ Кантонъ.

Въ заключеніе долженъ упомянуть объ одной замѣтной фигурѣ китайской исторіи послѣднихъ лѣтъ, играющей и теперь весьма видную и весьма характерную для китайца роль. Это—Юань-ши-кай. На китайскомъ языкѣ есть весьма мѣткое названіе людей, умѣющихъ ловко приспособляться при всѣхъ обстоятельствахъ, умѣющихъ своевременно повернуть лыжи въ выгодную для нихъ сторону. Названіе такихъ людей по-китайски «ци-цянъ-данъ», что буквально значитъ: «изъ партіи осѣдлавшихъ стѣну», съ которой удобно спрыгнуть въ нужный моментъ въ любую сторону. Цицинданство—въ характерѣ китайцевъ, а Юань-ши-кай — типичнѣйшій «ци-цянъ-данъ». Юань-ши-кай былъ опорой молодого императора — реформатора Гуань-сюй, что не помѣшало ему въ 1898 году, наканунѣ крупныхъ реформъ въ Китаѣ, измѣнить императору и «спрыгнуть со стѣны» на сторону консервативной дворцовой партіи во главѣ съ вдовствующей императрицей Цзы-си. Послѣ смерти императрицы, при настоящемъ царствованіи, Юань-ши-кай попалъ въ опалу, что не помѣшало ему съ началомъ революціи опять «взобраться на стѣну» и играть крупную роль. Вызвавъ Юань-ши-кая изъ опальнаго пребыванія въ Хэнаньской провинціи, его родины, Манчжурскій Пекинскій дворъ надѣлилъ его высшими полномочіями, высшими титулами и почестями, видя въ немъ единственнаго спасителя и опору въ критическомъ положеніи. Революціонеры со своей стороны подсаживали его «на стѣну», провозглашали его своимъ главой и предлагали ему президентство китайской республики.

Юань-ши-кай «осѣдлалъ стѣну». Онъ принялъ правительственныя полномочія и повелъ переговоры съ революціонерами. Въ Пекинѣ въ него летѣли бомбы, но въ президенты его все таки намѣтили. Самъ Сун-ят-сэнъ, кандидатъ въ президенты, неоднократно повторялъ, что онъ уступитъ Юань-ши-каю президентское кресло весьма охотно.

Такого рода приспособляемость—«ци-

цянданство»—наблюдается у дѣятелей въ Китаѣ съ обѣихъ сторонъ. Наибольшая прямолинейность дѣйствій у Сун-ятсэна объясняется тѣмъ, что онъ полтора десятка лѣтъ стоитъ внѣ закона и спрыгивать въ разныя стороны съ позиціи ему не приходится. Только стихійность революціи и безпримѣрная слабость Манчжурскаго правительства удерживали революціонеровъ-«цицяндановъ» подъ революціоннымъ флагомъ, изъ-подъ котораго они готовы были разбѣжаться при первой неудачѣ революціи. Бывали случаи, что только въ ожиданіи успѣховъ имперіалистовъ цицяндане-революціонеры обращались въ бѣгство. Мнѣ припоминается одинъ слишкомъ осторожный «цицяндань», генералъ Чжанъ, командующій одной изъ частей революціонныхъ войскъ. Оцѣнивъ боевую слабость революціонеровъ, онъ ухитрился затеряться на цѣлый день критическаго сраженія подъ Ханькоу. Революціонеры, дѣйствительно. были оттѣснены изъ Ханькоу, но на голову разбиты не были, такъ что слишкомъ явный цицяндань былъ изловленъ и привлеченъ къ отвѣтственности.

Вообще, китайцы ведутъ революцію, какъ хорошіе коммерсанты, дипломаты безъ особаго яркаго вдохновенія, но дѣловито. Въ этомъ рыцарскаго, быть можетъ, немного, но за то есть нѣкоторый залогъ, что за вешнимъ революціоннымъ разливомъ въ Китаѣ вода проникнетъ во всѣ кропотливые китайскіе полевые водопроводы, и возможно, что поля дадутъ нужную Китаю жатву.

Гр. Софокловъ.

Обремененные.

Недавно гр. С. Ю. Витте чрезвычайно огорошилъ и огорчилъ промышленниковъ. Они привыклм считать гр. Витте чуть не своимъ крестнымъ отцомъ. Они привыкли видѣть въ Витте покровителя и бюрократическаго угодника крупной промышленности. Самъ гр. Витте пріучилъ ихъ къ этому. Въ теченіе одиннадцатилѣтняго пребыванія на посту министра финансовъ онъ ревностно разводилъ отечественную промышленность и покровительствовалъ крупнымъ промышленникамъ. Онъ осыпалъ ихъ золотымъ дождемъ всяческихъ милостей, призывалъ ихъ къ единенію и объединенію, не останавливался передъ крупными потерями во славу русской промышленности.

Промышленники привыкли считать его «своимъ» министромъ.

Но, очевидно, отставка испортила посаженнаго отца нашей крупной промышленности.

Онъ въ самую горячую минуту, когда крупнымъ промышленникамъ угрожаетъ подоходный налогъ, страхованіе рабочихъ и прочія напасти, когда имъ необходимо демонстрировать свою экономическую худобу и маломошнсcть, — въ это самое время гр. Витте произноситъ въ Госуд. Совѣтѣ рѣчи, въ которыхъ доказываетъ, что крупнымъ русскимъ промышленникамъ живется прекрасно, что доходы они получаютъ очень высокіе, что противъ соціальнаго законодательства они всегда систематически устраивали обструкцію.

Рѣчь гр. Витте (22-го апр.) чрезвычайно разсердила и взволновала именитыхъ промышленниковъ. Тутъ же, въ Гос. Совѣтѣ, послы нашей именитой промышленности, гг. Авдаковъ и Ротвандъ, прочли гр. Витте нотацію и отпустили по его адресу нѣсколько колкихъ замѣчаній.

Они въ противовѣсъ гр. Витте настаивали на чрезвычайно низкой доходности нашихъ промышленныхъ предпріятій, находили, что она ниже, чѣмъ въ Германіи, и по адресу гр. Витте раздраженно говорили устами г. Авдакова:

— «Прокламація, прочитанная гр. Витте, никакого отношенія ни къ промышленности, ни къ обсуждаемому законопроекту не имѣетъ. Такого рода прокламаціи въ «смутные годы» можно было встрѣтить повсюду: и среди промышленниковъ, и среди рабочихъ, и среди крестьянъ. Я считаю необходимымъ протестовать противъ такого способа доказательства неправоты промышленниковъ».

Съ легкой руки гр. Витте вопросъ о доходахъ нашихъ промышленниковъ былъ перенесенъ и въ общую, и въ спеціальную печать. Органы, защищающіе интересы промышленниковъ, двинули набранную съ бору и съ сосенки рать цифръ, призванныхъ доказать, что россійскій промышленникъ еле-еле

сводитъ концы съ концами и, если онъ занимается промышленностью, то, — видитъ правительство, — не столько ради доходовъ, сколько изъ любви къ отечеству и народной гордости.

Правительственный вѣстникъ нашей объединенной буржуазіи—«Промышленность и Торговля»—принялся за публикацію изготовленныхъ ей статистиками цифръ, подтверждающихъ чрезвычайно низкую доходность нашихъ промышленныхъ предпріятій и преслѣдующихъ опредѣленную цѣль — получить оффиціальное свидѣтельство о бѣдности и съ его помощью быть освобожденнымъ отъ платы за спеціальную политику и принятымъ въ закрытое учебное заведеніе протекціонизма на казенный счетъ.

Вопросъ, поднятый въ Госуд. Совѣтѣ, представляетъ очень большой и живой интересъ. Интересно, прежде всего, само по себѣ выяснить, какова доходность русскихъ промышленныхъ предпріятій. Выясненіе этого вопроса имѣетъ не одинъ только академическій экономическій интересъ. Опредѣленіе высоты доходности имѣетъ очень большое значеніе и для оцѣнки нашего промышленнаго протекціонизма, и для установленія сколько-нибудь раціональнаго подоходнаго налога.

Къ сожалѣнію, при нынѣшнемъ состояніи нашей статистики выяснить этотъ вопросъ во всей его полнотѣ нѣтъ никакой возможности. Остаются многіе пробѣлы, отчасти объясняемые несовершенствомъ и неполнотою статистическихъ данныхъ, а отчасти тѣми потемками «коммерческой тайны», которыми наши промышленники тщательно окружаютъ свои предпріятія. Но наша небольшая статья, разсчитанная на широкаго журнальнаго читателя, и не можетъ, конечно, даже еслибы существовали достаточно достовѣрныя и полныя данныя, претендовать на ихъ исчерпывающее изслѣдованіе.

Для нашихъ цѣлей достаточны и тѣ данныя, какія имѣются, для того, чтобы убѣдиться, что нашимъ промышленникамъ плакаться не приходится, и если они обиваютъ министерскіе пороги съ просьбою о выдачѣ имъ свидѣтельства о бѣдности, то дѣлаютъ они это по скверной исторической привычкѣ къ попрошайству.

Когда просматриваешь данныя заинтересованной печати, мобилизованныя для доказательства низкой доходности нашихъ фабрикъ и заводовъ, то въ глаза бросается, прежде всего, ловкій статистическій фокусъ: рѣчь все время идетъ о дивидендахъ, а не о доходахъ, объ акціонерныхъ компаніяхъ, а не о промышленности вообще. А это разница—и пребольшая.

Прежде всего—акціонерныя компаніи.

Акціонерныя компаніи у насъ еще далеко не такъ распространены, какъ на Западѣ. Акціонерное законодательство у насъ до-нельзя отсталое. Какъ оно было выработано тридцать лѣтъ тому назадъ, такъ съ незначительными измѣненіями оно существуетъ и донынѣ, своими омертвѣвшими формами тормозя развитіе живой жизни. У насъ до сихъ поръ не введена явочная система—и акціонерныя общества для своего учрежденія должны восходить на Высочайшее разрѣшеніе.

Уставы нашихъ акціонерныхъ обществъ переполнены всяческими колючими изгородями, главная цѣль которыхъ—«не пущать» въ россійскую промышленность иностранцевъ и инородцевъ.

При этихъ условіяхъ неудивительно, что акціонерныя компаніи развиваются у насъ несравненно медленнѣе, чѣмъ на Западѣ, и многія крупныя предпріятія вынуждены избѣгать ихъ.

Судить обо всей русской промышленности по акціонернымъ компаніямъ поэтому не приходится. Газета «Рос-

сія», по поводу упомянутыхъ преній въ Госуд. Совѣтѣ прямо указывала на то, что у насъ акціонерныя компаніи не только не могутъ быть взяты, какъ типичный образецъ промышленныхъ обществъ, но какъ разъ они-то не типичны.

«Общеизвѣстно, — писала газета «Россія»,—что у насъ большинство выгодныхъ предпріятій остается въ единоличной семейной или полутоварищеской собственности. Въ акціонерную же форму преобразовываются или для того, чтобы сплавить пошатнувшееся дѣло, или же чтобы разводненіемъ акціонернаго капитала и вздутіемъ апорта снять сливки съ предпріятія, оставивъ акціонерамъ въ лучшемъ случаѣ лишь нормальную промышленную доходность на капиталъ».

Для интересующаго насъ вопроса это указаніе очень важно. Оно показываетъ, что нельзя пользоваться отчетами акціонерныхъ обществъ, какъ показателями высоты доходности русскихъ промышленныхъ предпріятій вообще, ибо акціонерныя общества далеко не служатъ въ этомъ отношеніи типичными образцами.

А, между тѣмъ, заинтересованные органы, стараясь доказать бѣдность нашихъ промышленниковъ, весьма охотно прибѣгаютъ именно къ акціонернымъ обществамъ и этимъ, конечно, затемняютъ, а не выясняютъ вопросъ.

Но этого мало. Прибѣгая къ отчетамъ акціонерныхъ обществъ, эти органы совершаютъ и дальнѣйшій статистическій подлогъ: они подставляютъ дивидендность вмѣсто доходности и отождествляютъ первое со вторымъ.

А эта статистическая подмѣна разсчитана на отводъ глазъ. Дивидендность и доходность—вещи очень различныя. Изъ своего дохода акціонерныя общества извѣстную и весьма значительную часть отчисляютъ въ «запасъ», въ «вознагражденіе директорамъ», на «расширеніе дѣла» и т. д. И только остающаяся часть причисляется къ дивиденду и распредѣляется между акціонерами. Такимъ образомъ, дивидендность предпріятія составляетъ лишь часть доходности предпріятія и дивидендность всегда ниже, а иногда и значительно ниже доходности.

Промышленные органы все это, конечно, отлично знаютъ, ибо имъ приходо-расходная книга ясна, но они избираютъ акціонерныя предпріятія вмѣсто всѣхъ промышленныхъ предпріятій, а дивидендность вмѣсто доходности именно потому, что они отлично вѣдаютъ, что творятъ.

Но читательская публика не замѣчаетъ, что они творятъ, и принимаетъ фальсифицированныя цифры за настоящія.

Къ сожалѣнію, «настоящихъ» цифръ, какъ мы уже отмѣчали, не добыто въ сколько-нибудь исчерпывающемъ количествѣ. Тѣ же цифры, которыя публикуетъ министерство финансовъ, относятся къ акціонернымъ компаніямъ и къ дивидендамъ и, слѣдовательно, изображаютъ доходность русскихъ промышленныхъ предпріятій въ сильно уменьшенномъ размѣрѣ.

Оказывается, однако, что и при этихъ сильно преуменьшенныхъ доходахъ жить можно недурно. Даже по даннымъ генеральнаго штаба объединенной буржуазіи — совѣта съѣздовъ, ниточная мануфактура въ 1910 г. выдала въ дивидендъ 14,95%, въ 1909 г.—16,66, въ 1908 г.—22,23%, а за девятилѣтіе въ среднемъ—не менѣе 16,23%.

Хлопчато - бумажная промышленность, по даннымъ министерства финансовъ, дала въ 1909 г. 12,1% на основной капиталъ. Нефтяная промышленность—6,3%. Желѣзодѣлательная промышленность—7,5 и т. д.

При этомъ не слѣдуетъ забывать, что здѣсь все время рѣчь идетъ не о доходности, а о дивидендности, раз-

ницу между которыми мы уже выше разъяснили. Не слѣдуетъ забывать, что, выдавъ такой высокій сравнительно дивидендъ, всѣ эти акціонерныя общества не оставили въ обидѣ директоровъ и заправилъ, выдавъ имъ весьма солидныя наградныя, и затѣмъ значительная часть прибыли была отчислена въ запасъ, въ погашеніе и т. д. Часть прибыли, ежегодно зачисляемая въ погашеніе, достигла въ общей суммѣ очень большой цифры, часто превышающей основной капиталъ. А между тѣмъ, эта скопившаяся сумма не вычитывается — и проценты продолжаютъ насчитываться на весь капиталъ, какъ бы его и не погашали.

Акціонерныя компаніи располагаютъ весьма солидными запасными капиталами. Напр., въ хлопчато-бумажной промышленности наряду съ акціонернымъ капиталомъ въ 370,4 мил. руб. числится въ капиталѣ погашенія 295,6 мил. и въ запасномъ капиталѣ 74,9 мил. руб. Такимъ образомъ, акціонерныя общества не только даютъ недурный дивидендъ, не только щедро каждый годъ сверхъ жалованья вознаграждаютъ своихъ директоровъ и заправилъ, но, кромѣ того, они откладываютъ солидныя суммы, которыя при ликвидаціи дѣла попадутъ въ карманы акціонеровъ.

Конечно, наряду съ перечисленными предпріятіями, дающими такую солидную прибыль, у насъ существуютъ предпріятія, дающія очень низкую прибыль и даже убыточныя.

Но существованіе подобныхъ предпріятій, которыя, несмотря на убыточность, не исчезаютъ съ лица земли капиталистической, лишній разъ показываетъ, чтъ у насъ еще не перевелись казеннокоштные фабрики и заводы, существующіе казенной благотворительностью.

Эти заводы живутъ или казенными подачками, или же влачатъ жалкое существованіе отъ казеннаго заказа къ казенному заказу. Получивъ казенный заказъ, они оживаютъ, наживаютъ громадныя деньги! И затѣмъ вновь коротаютъ скучные дни безъ казенныхъ заказовъ въ ожиданіи новыхъ.

Если оставить въ сторонѣ этихъ экономическихъ приживалокъ, если брать крупные заводы, доказавшіе свою жизнеспособность, то, какъ мы видимъ, нашимъ промышленникамъ жаловаться не приходится. Но это не значитъ, что они не жалуются. Они жалуются —и даже очень жалобно.

Мы приведемъ чрезвычайно показательную иллюстрацію того, на что и когда жалуются наши промышленники.

Въ 1908 г. совѣтъ съѣздовъ промышленности и торговли выпустилъ записку о цѣнахъ на русскій сахаръ. Оперируя съ явно фальсифицированными данными, эта записка приходитъ къ такому общему выводу:

«Отсюда видимъ, — читаемъ мы на 7 стр.,—что ни средній дивидендъ, ни средняя чистая прибыль за разсматриваемое пятилѣтіе (1901—06 гг.) никогда не превышали по имперіи 11% на акціонерный капиталъ. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, чтобы русскій потребитель страдалъ отъ капиталистической алчности сахарозаводчика, но, наоборотъ, страдательнымъ элементомъ въ послѣднее время сталъ сахарозаводчикъ, капиталы коего перестали приносить сколько-нибудь удовлетворительный доходъ». («Торгово-Промышленная Газета» 1912 г. № 105).

Читая объ этомъ бѣдномъ «страдательномъ элементѣ», невольно вспоминаешь безсмертнаго Митрофанушку: «бѣдная маменька, какъ она устала, бивъ папеньку».

Но этотъ эпизодъ хорошо показываетъ, при какихъ условіяхъ плачутся наши промышленники и когда счи-

таютъ они себя «страдательнымъ элементомъ».

Какъ разъ недавно вышла чрезвычайно солидная и обстоятельная работа Лебедь-Юрчика о положенiи нашей сахарной промышленности. Она позволяетъ намъ нескромно заглянуть въ приходорасходную книгу «страдательныхъ элементовъ», страдающихъ сахарною болѣзнью...

Лебедь-Юрчику удалось ознакомиться съ 150 печатными отчетами 15-ти сахарныхъ заводовъ за десятилѣтнiй перiодъ съ 1898 по 1908 г., съ 1500 выписками изъ бухгалтерскихъ книгъ къ этимъ отчетамъ и т. д.

На основанiи этого тщательно провѣреннаго и обширнаго матерiала Лебедь-Юрчикъ нарисовалъ картину тѣхъ «страданiй» русскихъ сахарозаводчиковъ, о которыхъ говоритъ упомянутая записка совѣта съѣздовъ. Изъ обширныхъ статистическихъ таблицъ, разработанныхъ Лебедь-Юрчикомъ, видно, что за послѣднее десятилѣтiе Бершадскiй сахарный заводъ приносилъ 192,892 руб. въ годъ чистой прибыли, что составляло 21% на весь вложенный въ дѣло капиталъ; Степановскiй заводъ приносилъ 211,714 р. чистой прибыли въ годъ, что составляло 12%; Гоноровскiй заводъ — 162,829 р. или 20%; Корделевскiй—124.547 или 21%; Ялтушковскiй—177.456 р. или 13%. Нѣкоторые отдѣльные заводы, какъ, напр., Вышневчиковскiй, въ теченiе ряда лѣтъ приносили по 40%. Въ среднемъ, обслѣдованные г. Юрчикомъ сахарные заводы приносили въ послѣднiе годы 21,2% прибыли.

Надо замѣтить, что въ эту прибыль не входитъ, конечно, вознагражденiе директорамъ - распорядителямъ, являющимся часто тѣми же предпринимателями. Это вознагражденiе на сахарныхъ заводахъ чрезвычайно высоко. «Денежное вознагражденiе директоровъ-распорядителей, — по словамъ нашего автора,—въ 20, 30, 40, 50 тысячъ рублей въ годъ—явленiе обычное».

Вотъ этихъ-то сахарозаводчиковъ, которые получаютъ по сотнѣ тысячъ въ годъ чистаго дохода, которые выдаютъ своимъ директорамъ-распорядителямъ по 50 тысячъ годового жалованья, ихъ-то совѣтъ объединенной буржуазiи причисляетъ къ «страдательнымъ элементамъ».

Средняя годовая прибыль въ 21%, поднимающаяся въ отдѣльныхъ случаяхъ до 40%, причисляется, очевидно, къ жалкому заработку.

Теперь посмотримъ, какъ живется на этихъ самыхъ сахарныхъ заводахъ, приносящихъ сотни тысячъ прибыли, тѣмъ элементамъ, которыхъ совѣтъ съѣздовъ, конечно, не причислитъ къ страдательнымъ,—рабочимъ и работницамъ.

У Лебедь-Юрчика мы читаемъ: «Какъ сахарные заводы, такъ и казармы при нихъ для рабочихъ построены въ большинствѣ случаевъ 30—40—60 лѣтъ тому назадъ, когда производство было въ 2—3 раза менѣе, чѣмъ теперь. Сахарные заводы, понуждаемые конкурренцiей, перестраивались, улучшались и вообще приспособлялись къ требованiямъ современной техники и прогресса, казармы же, за рѣдкимъ исключенiемъ, оставались тѣ же, вслѣдствiе чего въ нихъ помѣщается теперь двойное, а иногда и тройное число рабочихъ противъ предположеннаго числа ихъ при постройкѣ казармъ. Это явленiе особенно рѣзко обращаетъ на себя вниманiе вслѣдствiе крайней испорченности воздуха въ казармахъ. Выйдя изъ помѣщенiй съ высокою температурою распаренными, рабочiе вносятъ въ казарму испаренiя тѣлъ, обуви и одежды. Кромѣ этихъ испаренiй, воздухъ насыщается еще удушливымъ дымомъ махорки. Изнуренные 12-часовымъ напряженнымъ трудомъ и одур-

маненные казарменнымъ воздухомъ, рабочіе засыпаютъ. Спятъ они на нарахъ. Постелью служатъ мѣшки, набитые соломой, на которыхъ поочередно спятъ рабочіе,—сперва одна смѣна, а потомъ другая. И въ казармахъ, и въ постели масса паразитовъ».

При такихъ-то условіяхъ приходится жить рабочимъ сладкой промышленности.

За этотъ трудъ, длящійся къ тому же всего нѣсколько мѣсяцевъ въ году, рабочіе пользуются отъ 29 до 49 коп. въ день.

Еще хуже и въ моральномъ, и въ матеріальномъ отношеніи положеніе работницъ, которыхъ очень много на сахарныхъ заводахъ.

«Во многихъ отдѣленіяхъ завода,—читаемъ мы у Юрчика,—гдѣ бываетъ почти тропическая жара — 30—70°, мужчины работаютъ голыми, закрываясь ниже пояса фартуками. Въ такомъ же почти видѣ работаютъ и женщины, закрывая свое тѣло отъ груди до колѣнъ холщевымъ фартукомъ. Такія условія работы женщинъ способствуютъ порчѣ ихъ нравовъ. Мелкіе служащіе, приказчики, старосты изъ среды рабочихъ, отъ которыхъ зависятъ нѣкоторыя льготы и облегченія въ трудѣ, назойливо дѣлаютъ недвусмысленныя предложенія работницамъ, особенно если онѣ красивы. Утомленныя работой, напуганныя угрозой назначенія на болѣе тяжелую работу или увольненія, соблазняемыя подарками, пріятнымъ обращеніемъ — работницы гибнутъ массами. По окончаніи производства онѣ, заработавъ 20—25 руб., возвращаются домой нерѣдко беременными и больными венерическими болѣзнями». (Лебедь-Юрчикъ. Распредѣленіе дохода и оплата труда въ сахарной промышленности. Ямполь, 1912 г., стр. 52—61).

За такую работу работницы получаютъ отъ 20 до 30 коп. въ день.

Обратимся теперь къ даннымъ объ умственномъ развитіи рабочихъ на сахарныхъ заводахъ.

Изъ 420 опрошенныхъ авторомъ бѣлоруссовъ-рабочихъ, 355 душъ, т. е. 84,5%, оказались безграмотными Изъ этихъ рабочихъ 19 показали, что они говорятъ на «мужицкомъ» языкѣ, 9—на православномъ, а 13 человѣкъ не могли дать никакого отвѣта на вопросъ, къ какому народу они принадлежатъ и на какомъ языкѣ говорятъ.

Среди рабочихъ Кіевской губерніи процентъ неграмотныхъ оказался ниже. Но и здѣсь онъ достаточно высокъ—61,6%. И здѣсь 15 душъ показали, что они говорятъ «мужицкимъ» языкомъ, 12 душъ—православнымъ и 7 душъ совсѣмъ не знали, кто они и на какомъ языкѣ говорятъ. (Ср. Лебедь-Юрчикъ, стр. 70, 71).

Среди нашихъ крупныхъ сахарозаводчиковъ много націоналистовъ. Одинъ изъ запѣвалъ нашего барабаннаго націонализма—гр. Бобринскій—является крупнымъ кіевскимъ сахарозаводчикомъ. Что бы ему заняться пробужденіемъ національнаго самосознанія среди своихъ русскихъ рабочихъ? Вѣдь, оказывается, что многіе изъ нихъ даже не знаютъ, кто они, къ какой національности принадлежатъ, на какомъ языкѣ говорятъ...

Мы заглянули лишь въ одинъ уголокъ нашей отечественной промышленности—тотъ уголокъ, гдѣ сосредоточились «страдательные элементы», по выраженію совѣта съѣздовъ, русской промышленности. Мы видимъ, что доходы здѣсь достигаютъ 40%, а въ абсолютныхъ цифрахъ—сотенъ тысячъ.

Такъ что если сахарные магнаты страдаютъ отъ чего-либо, то только отъ денежнаго ожирѣнія. Но этотъ уголокъ промышленности поучителенъ для интересующаго насъ вопроса о прибыляхъ нашихъ промышленни-

ковъ вотъ въ какомъ отношеніи: онъ показываетъ, что какъ бы эти прибыли ни были высоки, нашему промышленнику они покажутся недостаточными, ибо русская экономическая исторія вызвала у него хроническое расширеніе желудка.

Это расширеніе желудка, постоянно требующее чрезвычайно высокихъ прибылей, представляетъ очень серьезную болѣзнь хозяйственнаго организма страны.

Эта болѣзнь вызываетъ промышленную апатію, усыпляетъ экономическую энергію, дѣлаетъ излишнимъ переходы къ болѣе производительнымъ формамъ труда.

Избалованный такими громадными прибылями, капиталъ неохотно, лишь при нуждѣ, идетъ въ предпріятія, дающія обычный въ Европѣ процентъ прибыли и требующія напряженія экономической энергіи, промышленнаго творчества.

Наши промышленники тщательно скрываютъ отъ нескромнаго посторонняго глаза размѣры получаемыхъ ими прибылей.

Они боятся, что выясненіе высокаго размѣра этихъ прибылей разрушитъ басню о бѣдственномъ положеніи крупныхъ русскихъ промышленниковъ.

Мы видимъ, что они имѣютъ полное основаніе для подобной скрытности. Особенно ярко сказалось это на примѣрѣ сахарной промышленности.

Но для русскаго народнаго хозяйства установленіе высокой прибыльности нашихъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій имѣетъ очень важное значеніе.

Оно показываетъ, что высокая стѣна протекціонизма обогащаетъ промышленниковъ, разоряя потребителей; оно показываетъ далѣе, что наша налоговая система совершенно устарѣла, далеко отстала отъ доходности промышленныхъ предпріятій, что у насъ—кому много дано, съ тѣхъ казною мало взыскивается.

П. Берлинъ.

О выборныхъ перспективахъ.

Предстоятъ выборы въ IV Госуд. Думу. Что принесутъ они съ собой? Дадутъ ли и для четвертой думы то же послушное правительству октябристско-правое большинство, которое третью думу довело до крайней степени униженія, превративши ее въ простой придатокъ къ бюрократическому механизму?

Послѣдніе мѣсяцы говорятъ о начинающемся вновь общественномъ подъемѣ. Будемъ ли мы среди этого подъема въ лицѣ четвертой думы имѣть также и болѣе чуткій, болѣе отзывчивый на общественныя требованія аппаратъ, чѣмъ какой имѣли въ лицѣ третьей думы?

Для многихъ тутъ не существуетъ даже никакого вопроса. Вопросъ этотъ для нихъ просто рѣшается ссылкой на избирательный законъ 3-го іюня, который будто бы никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ тѣхъ, которыя далъ для III думы, дать не можетъ.

Избирательный законъ 3 іюня, несомнѣнно, достаточно уродливъ и совершенно недемократиченъ.

Крестьянство, рабочіе и городская демократія выбираютъ меньшее количество выборщиковъ, чѣмъ землевладѣльцы и зажиточные элементы города, объединенные въ I городской куріи. Дума, избранная на основаніи такого избирательнаго закона, не можетъ быть особенно чуткой къ рѣшительнымъ демократическимъ требованіямъ, но ей вовсе не обязательно быть только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ бюрократіи. IV дума достаточно связана избирательнымъ закономъ 3 іюня, чтобы не стать организующимъ центромъ для рѣшительной демократіи, но стремиться къ ограниченію власти всесильной бюрократіи, къ установленію минимума законности и осуществленію элементарныхъ политическихъ правъ для населенія можетъ и IV дума.

III дума выбиралась въ моментъ перелома, когда революція была уже побѣждена, но призракъ революціи еще стоялъ передъ напуганнымъ воображеніемъ имущихъ классовъ. Еще свѣжо было въ памяти землевладѣльцевъ огромное крестьянское движеніе, сопровождавшееся пожарами и разгромами, еще свѣжи были въ памяти промышленниковъ грандіозныя забастовки, останавливавшія временами всю экономическую жизнь страны, и, наконецъ, угнетающе на настроеніе всѣхъ имущихъ слоевъ города дѣйствовала продолжающаяся эпидемія экспропріацій, разбоевъ, выступавшихъ подъ флагомъ революціи или получавшихъ революціонный ярлыкъ отъ полиціи.

Такова была общественная атмосфера во время выборовъ въ III думу. Послѣ этого прошло 5 лѣтъ. Паника среди имущихъ слоевъ улеглась, а начинающееся на почвѣ промышленнаго подъема движеніе рабочихъ массъ служитъ яркимъ показателемъ безплодности репрессій.

И въ этотъ моментъ какъ разъ во-

время на сценѣ появляется новая партія прогрессистовъ. Она ведетъ свою родословную отъ группы прогрессистовъ, дѣйствовавшей въ III думѣ, но свой составъ она пополнила вліятельными московскими промышленниками, импонируя именами ихъ широкимъ слоямъ промышленной буржуазіи. Группа прогрессистовъ, дѣйствовавшая въ III думѣ, шла рука объ руку съ кадетами, а часто и съ болѣе лѣвыми группами противъ послушнаго правительству октябристско-праваго большинства, но именно въ земельномъ вопросѣ, кадетское рѣшеніе котораго прежде всего и больше всего оттолкнуло отъ кадетовъ большинство землевладѣльцевъ, прогрессисты рѣзко отгородили себя отъ кадетства, вмѣстѣ съ октябристами выступая противъ принудительнаго отчужденія и за законъ 9 ноября. Въ то же время новая партія прогрессистовъ не пишетъ на своемъ знамени ни всеобщаго избирательнаго права, ни постепеннаго осуществленія 8-мичасового рабочаго дня. Дѣйствительное осуществленіе манифеста 17 октября—вотъ что является ихъ основнымъ лозунгомъ.

Въ чемъ же тогда отличіе ихъ отъ октябристовъ? Не въ программныхъ требованіяхъ. Они большаго не требуютъ, чѣмъ писали въ своей программѣ октябристы. Отличіе ихъ существенно въ тактикѣ. Тактика октябристовъ находилась въ кричащемъ противорѣчіи съ программой. Тактика прогрессистовъ находится въ большемъ соотвѣтствіи съ ихъ программными требованіями. Они объявляютъ рѣшительную борьбу правымъ и націоналистамъ, ищутъ на выборахъ союза и поддержки со стороны болѣе лѣвыхъ группъ, главнымъ образомъ, кадетовъ, и вмѣстѣ съ ними хотятъ добиться большинства въ IV думѣ. Кадеты достаточно, правда, скомпрометированы въ широкихъ кругахъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ, но прогрессисты, вѣдь, хотятъ опереться на нихъ только для достиженія конституціоннаго минимума, только для достиженія тѣхъ элементарныхъ конституціонныхъ началъ, которыя обѣщаны манифестомъ 17 октября. Съ другой сторны—кадеты, охотно идя на встрѣчу прогрессистамъ, подчеркиваютъ, что «рѣчь идетъ, вѣдь, теперь не объ осуществленіи одной изъ радикальныхъ программъ, продиктованныхъ общественнымъ настроеніемъ въ виду политической конъюктуры 1905 и 1906 г. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы устранить положеніе, одинаково невыносимое для всѣхъ элементовъ дѣйствительно о б щ е с т в е н н ы х ъ, т. е. сходящихся на одномъ основномъ требованіи—свободы условій для сколько-нибудь широкаго общественнаго почина... Нужно устранить то, что мѣшаетъ развиваться и дѣйствовать этому общественному почину,—то, что обращаетъ нашъ квази-«обновленный» строй въ новое изданіе стараго режима—безправія и произвола» (Ежегоднимъ «Рѣчи», ст. П. Милюкова, с. 95).

Всѣ призраки, которые пугали имущіе классы, отходятъ, такимъ образомъ, пока въ сторону. Прогрессивно-кадетское большинство въ думѣ не означаетъ ни принудительнаго отчужденія, ни движенія въ сторону осуществленія прогрессивно-подоходнаго налога или 8-мичасового рабочаго дня. На его знамени стоятъ теперь тѣ скромныя и умѣренныя требованія, съ которыхъ начинало земское и банкетное движеніе конца 1904 года.

Удастся ли прогрессистамъ въ союзѣ съ кадетами одержать подъ этимъ знаменемъ побѣду на выборахъ?

Чтобы получить представленіе о шансахъ оппозиціи, необходимо оглянуться назадъ и посмотрѣть, какъ силы оппозиціи и правительственныхъ партій располагались на прошлыхъ выборахъ.

Всѣ партіи мы разобьемъ на три группы: правыхъ, отнеся къ нимъ націоналистовъ и группу правыхъ октяб-

ристовъ, центръ или октябристовъ, и оппозицію.

Чтобы получить наглядное представленіе о силѣ различныхъ партій, въ различныхъ частяхъ Россіи, мы разобьемъ Россію на 4 группы районовъ.

Къ I группѣ мы относимъ районы, въ которыхъ оппозиція завоевала почти безраздѣльное господство. Это исключительно окраины—Сѣв. Кавказъ и Закавказье, Сибирь, Пріуралье, Литва и Польша. Кромѣ спеціальныхъ представителей отъ русскаго населенія и 1 представителя отъ Терскаго казачьяго войска, всѣ остальные депутаты (68 изъ 75) тутъ принадлежатъ къ оппозиціи.

Ко II-ой группѣ отнесены тѣ районы, въ которыхъ оппозиція завоевала не менѣе 30% всѣхъ депутатовъ по району. Эти районы—Сѣверный, Прибалтійскій, Московско-промышленный, Приволжскій, Нижневолжскій и Донская область.

Къ III-ей группѣ отнесены районы—Средневолжскій, центрально земледѣльческій, Новороссійскій и Малороссійскій. Оппозиція тутъ играетъ менѣе значительную роль: процентъ ея колеблется по районамъ отъ 23,3% (въ Средней.) до 3,1% (въ Малор). Но замѣтную роль тутъ играетъ центръ (такъ же, какъ во II гр,) особенно въ Малор. районѣ, гдѣ онъ располагаетъ 68,8% всѣхъ депутатовъ.

Къ IV группѣ отнесены Бѣлоруссія, Юго-Западный районъ и Бессарабія, отличающіеся очень слабой ролью оппозиціи и еще болѣе слабой ролью центра.

Между правыми, центромъ и оппозиціей депутаты по четыремъ нашимъ группамъ районовъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ*).

*) Данныя о депутатахъ взяты изъ «Ежегодника Рѣчи»..

Группы районовъ	Общее число депут.	Изъ нихъ въ %% прих. на правыхъ	центр.	оппов.
I	75	9,3	—	90,7
II	138	18,8	42,0	33,2
III	136	41,9	44,9	13,2
IV	75	88,0	4,0	8,0
По всей Россіи	424	36,8	28,8	34,4

Изъ этой интересной таблички мы видимъ, какъ при движеніи отъ I группы къ IV-ой растетъ непрерывно процентъ правыхъ среди депутатовъ и падаетъ процентъ оппозиціи. Въ I-ой группѣ вліяніе правыхъ совершенно ничтожно; очень небольшой процентъ депутатовъ (188) имѣютъ они и во II гр.; въ III гр. вліяніе ихъ уже велико—они имѣютъ 2/5 всѣхъ депутатовъ, а въ IV-ой пользуются почти безраздѣльнымъ господствомъ.

Полное господство правыхъ въ IV-ой группѣ дало поводъ г. Герасимову въ «Ежегодникѣ Рѣчи» пріурочить вліяніе правыхъ къ западнымъ губерніямъ. Даже изъ приведенной таблички мы видимъ, что г. Герасимовъ не совсѣмъ правъ: вліяніе правыхъ очень велико и въ III гр. (центральной и южной чернз. Россіи), соперничая тамъ съ вліяніемъ центра. Но въ дѣйствительности ихъ вліяніе среди избирателей коренной Россіи еще сильнѣе. Въ этомъ мы убѣдимся, если возьмемъ данныя о выборщикахъ.

Мы воспользуемся данными, собранными г. Смирновымъ («Выборы въ 3-ю Гос. Думу»—«Вѣстн. Нар. Своб.» № 43-44). Мы ограничимся данными только по 47 губ. Европ. Россіи, т. е. безъ окраинъ и Прибалтійскаго края въ виду малой достовѣрности данныхъ по этимъ частямъ Россіи.

Группируя данныя по 47 губ. по четыремъ нашимъ группамъ районовъ, *)

*) Въ I гр. остаются Литовскій и Пріуральской районы. II гр. лишается только Прибалтійскаго района. III и IV гр. остаются съ тѣмъ-же составомъ.

получаемъ такое распредѣленіе выборщиковъ по партіямъ (безъ безпартійныхъ)

Группы район.	Общее число выборщ.	Изъ нихъ въ %%. Прав.	Центр.	Оппов.
I	396	25,5	8,8	65,7
II	1438	34,2	25,7	40,1
III	1616	46,4	22,1	31,5
IV	870	60,4	9,0	30,6

Относительная сила центра среди выборщиковъ оказывается значительно меньше, чѣмъ среди депутатовъ, что вполнѣ естественно въ виду промежуточнаго положенія октябристовъ между правыми и оппозиціей, позволявшаго имъ оппозицію побѣждать въ союзѣ съ правыми, а правыхъ въ союзѣ съ оппозиціей.

Въ общемъ въ противоположность выводу г. Герасимова мы видимъ, что не только въ IV группѣ, но и во всей Россіи правые пользуются значительно большимъ вліяніемъ, чѣмъ октябристы. Имѣя абсолютное большинство среди выборщиковъ въ IV гр., они являются относительно самой сильной партіей въ III группѣ, и играютъ замѣтную роль во II группѣ. Но есть и общая черта между обѣими нашими табличками, группирующими данныя о депутатахъ и выборщикахъ: при движеніи отъ I группы къ IV роль правыхъ непрерывно растетъ, а роль оппозиціи непрерывно падаетъ. Смыслъ и значеніе этого факта мы поймемъ тогда, когда выяснимъ себѣ, на какіе слои опираются различныя партіи.

Оппозиція прежде всего имѣетъ опору въ рабочей и II городской куріи. Въ рабочей куріи она пользуется почти исключительнымъ господствомъ, во II гор. куріи рѣзкимъ преобладаніемъ. Рѣзкое преобладаніе оппозиціи во II гор. куріи наблюдается по всѣмъ группамъ районовъ: въ I гр. оппозиція охватываетъ 91,2% всѣхъ выборщиковъ II гор. куріи, во II гр. 76,6,% въ III-ей—77,%, въ IV-ой—80,7%. Такимъ образомъ, не только въ рабочей, но и во II гор. куріи оппозиціи особенно расширять свои кадры дальше уже некуда. Борьба ея за господство въ думѣ такимъ образомъ рѣшится въ остальныхъ трехъ куріяхъ —землевладѣльческой, крестьянской и I городской кур. Посмотримъ же, какъ въ этихъ куріяхъ распредѣлялись силы различныхъ партій на прошлыхъ выборахъ.

Группы районовъ.	% отношеніе выборщиковъ по куріи землевладѣльческой.		
I	26,5	13.0	60,5
II	45,5	35.1	19,4
III	62,3	29.7	8,0
IV	78,8	7,7	13,5
47 гуг.	57,4	25.6	17,0
Крестьянской куріи.			
I	32.6	5,4	62,3
II	37,5	10,6	51,9
III	30,2	10,4	59.4
IV	66,3	16,4	17,3
47 губ.	41,9	11,5	46,6
I-ой гор. куріи.			
I	32,8	6,6	60.6
II	22,7	30,6	46,7
III	29,6	18,1	52,3
IV	16,7	4,6	78,7
47 губ.	25,0	19,7	55,3

Изъ этой таблицы мы видимъ, что октябристы не имѣютъ своей куріи, въ которой они пользовались бы преобладаніемъ. Ни въ одной куріи, ни по одной группѣ районовъ они не имѣютъ большинства среди выборщиковъ. Наибольшее число сторонниковъ они имѣютъ среди землевладѣльцевъ, но повсюду вліяніе ихъ среди землевладѣльцевъ значительно меньше, чѣмъ правыхъ. Послѣ землевладѣльческой куріи наибольшимъ вліяніемъ они пользуются въ I городской куріи, но и тамъ повсюду ихъ вліяніе значительно меньше, чѣмъ вліяніе оппозиціи, а въ трехъ группахъ районовъ изъ четырехъ (кромѣ II-ой) меньше, чѣмъ и правыхъ.

Что касается правыхъ, то таблица говоритъ о нихъ, какъ преимущественно землевладѣльческой партіи. Но замѣтнымъ вліяніемъ правые пользуются также среди крестьянъ и зажиточныхъ элементовъ города.

Имѣя передъ собой послѣднюю таблицу, мы можемъ теперь понять, почему среди депутатовъ и среди общей массы выборщиковъ при движеніи отъ I группы районовъ къ IV роль правыхъ непрерывно растетъ, роль оппозиціи непрерывно падаетъ. Если мы возьмемъ первыя три группы районовъ, то увидимъ, что непрерывный ростъ правыхъ и непрерывное паденіе оппозиціи отъ I группы къ III объясняется исключительно различнымъ настроеніемъ землевладѣльцевъ въ этихъ группахъ районовъ. Непрерывное усиленіе роли правыхъ и паденіе роли оппозиціи наблюдается только въ землевладѣльческой куріи и не наблюдается ни въ крестьянской, ни въ I городской куріи. Чѣмъ же объясняется ростъ реакціоннаго настроенія среди землевладѣльцевъ при движеніи отъ I къ III?

Если мы присмотримся къ II группѣ районовъ, то найдемъ почти во всѣхъ губерніяхъ этой группы (поволжскихъ, центрально-земледѣльческихъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ) одну общую черту—въ нихъ происходило въ 1905—1906 г.г. сильное крестьянское движеніе, имѣвшее притомъ въ значительной степени погромный характеръ. Въ общемъ по газетнымъ свѣдѣніямъ, сгруппированнымъ Соваренскимъ (въ сборникѣ «Борьба общественныхъ силъ») весной и лѣтомъ 1906 года, когда крестьянское движеніе достигло своей высшей точки, оно охватило въ этой части Россіи приблизительно $^{3}/_{5}$ всѣхъ уѣздовъ.

Во II группѣ районовъ, охватывающей сѣверныя и промышленныя нечерноземныя губерніи, 5 приволжскихъ губерній (Нижег., Казан., Самар., Оренб. и Астрахан.) и Донскую область, крестьянское движеніе было значительно слабѣе, охвативши не больше т р е т и уѣздовъ этой части Россіи. Движеніе въ этой части Россіи почти нигдѣ не имѣло разгромнаго характера, въ большинствѣ случаевъ ограничивалось только порубками и только мѣстами проявлялось въ стачкахъ.

Наконецъ, въ I группѣ районовъ, объединяющей крайній западъ (Литву) и крайній востокъ (Пріуралье) Европейской Россіи, крестьянское движеніе было слабѣе всего, а въ Литвѣ, кромѣ того, оппозиціонное настроеніе землевладѣльцевъ питалось также и польскимъ ихъ происхожденіемъ.

Въ общемъ, мы видимъ, что реакціонное настроеніе среди землевладѣльцевъ при переходѣ отъ I группы къ III растетъ въ прямомъ отношеніи со степенью той паники, которая должна была охватить землевладѣльцевъ подъ вліяніемъ крестьянскаго движенія *) Это же возрастаніе реакціонности среди землевладѣльцевъ было въ свою очередь основной причиной, обусловившей какъ возрастаніе значенья правыхъ отъ I гр. къ III такъ и ослабленіе роли оппозиціи въ общей массѣ выборщиковъ.

Что касается IV группы, то еще

---

*) Чтобы строже обосновать зависимость между реакціонностью землевладѣльцевъ и силой крестьянскаго движенія, можно прослѣдить ее и по отдѣльнымъ характернымъ районамъ. Наиболѣе широкимъ и интенсивнымъ характеромъ отличалось крестьянское движеніе въ Средневолжскомъ районѣ (Сарат., Симб. и Пенз. губ.) и мы имѣемъ тамъ среди землевл. выборшиковъ—75,5% правыхъ и 11,9% оппозиціи. Въ другомъ районѣ съ чрезвычайно сильнымъ движеніемъ—центр.-земледѣльческомъ мы получаемъ 61,8% правыхъ выборщ. въ землевл. куріи и 6,7% оппоз. Совсѣмъ другая картина получается въ Моск.-пром. районѣ, гдѣ крестьянское движеніе было гораздо слабѣе—45,2% правыхъ выборщ. и 23,8% опп. А въ Приур. районѣ, гдѣ крест. движеніе было совершенно ничтожнс—28% земл. выборщ. —правыхъ и 62,9 оппоз.

большая роль правыхъ и нѣкоторое ослабленіе роли оппозиціи въ ней по сравненію съ III группой объясняются особыми условіями, дѣйствовавшими въ этой части Россіи—именно національной рознью. Національная рознь питала здѣсь националистически-правое настроеніе среди русскихъ элементовъ края. Она заставляла православныхъ священниковъ въ землевладѣльческой куріи соединяться подъ националистическимъ знаменемъ съ русскими землевладѣльцами противъ поляковъ, и въ результатѣ мы имѣемъ въ землевладѣльческой куріи рѣзкое преобладаніе правыхъ при очень слабомъ центрѣ. Правда, та же національная рознь обусловила ничтожную роль правыхъ и рѣзкое преобладаніе оппозиціи въ I гор. куріи, но за то правые взяли реваншъ въ крестьянской куріи. Въ то время, какъ въ первыхъ трехъ группахъ районовъ большинство крестьянъ идетъ за оппозиціей, а за правыми идетъ только 30—37 % крестьянъ, въ IV гр., наоборотъ, только 17,3 крестьянъ оказались принадлежащими къ оппозиціи, а 66,3% или 2/3 къ правымъ. Очевидно, подъ предводительствомъ православныхъ священниковъ, тутъ шло очень успѣшно натравливаніе темнаго крестьянства на инородцевъ—евреевъ и поляковъ. Именно успѣхъ реакціонеровъ среди крестьянства и обусловилъ большое значеніе ихъ въ IV группѣ районовъ по сравненію съ III, только этотъ успѣхъ и далъ имъ тутъ абсолютное большинство среди выборщиковъ и позволилъ имъ провести въ думу почти исключительно своихъ представителей. Но сплоченіе подъ однимъ знаменемъ двухъ такихъ противоположныхъ по своимъ экономическимъ интересамъ слоевъ, какъ землевладѣльцы и крестьяне, врядъ ли можетъ быть прочнымъ, отпаденье же части крестьянъ отъ правыхъ при новыхъ выборахъ можетъ замѣтно усилить оппозицію и въ этой части Россіи.

Хотя, вообще говоря, на особенное усиленіе среди крестьянства оппозиція сейчасъ разсчитывать не можетъ. Среди крестьянства нѣтъ сейчасъ основаній ожидать особеннаго интереса къ выборамъ. Земельная реформа, на проведеніе которой крестьяне надѣялись при выборахъ въ I и II думы, теперь отошла въ сторону. Улучшенія своего положенія отъ думы крестьяне не ждутъ и во многихъ случаяхъ будутъ относиться безучастно къ выборамъ. Во всякомъ случаѣ, и усиленія реакціонности среди крестьянъ нѣтъ никакихъ основаній ожидать. Движеніе 1905—1906 гг.. наложило неизгладимый отпечатокъ на крестьянъ, а крайній разгулъ произвола въ послѣдніе годы, насиліе стражниковъ и наемныхъ черкесовъ врядъ ли могли способствовать ослабленію оппозиціонности среди крестьянъ. Въ общемъ, въ крестьянской куріи не произойдетъ, вѣроятно, сколько-нибудь существеннаго перераспредѣленія силъ между партіями. И шансы оппозиціи на побѣду, главнымъ образомъ, поэтому могутъ строиться на возможности усилиться среди землевладѣльцевъ и I городской куріи.

То положеніе, которымъ мы начали нашу статью,—что результаты выборовъ въ III думу были очень сильно обусловлены паникой, охватившей имущіе классы послѣ революціи, по отношенію къ землевладѣльцамъ блестяще подтвердились и фактическимъ нашимъ анализомъ. Паника землевладѣльцевъ была тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе было въ той или другой части Россіи крестьянское движеніе, а въ зависимости отъ степени этой паники росъ процентъ и правыхъ вмѣстѣ съ октябристами въ общей массѣ выборщиковъ.

Партія октябристовъ самымъ существованіемъ своимъ была въ значительной степени обязана этой паникѣ. У нея были два лица. Одно говорило объ осуществленіи манифеста 17 октября, другое—о тѣсномъ союзѣ съ властью для

борьбы съ революціей. Лѣвѣе октябристовъ стояли партіи, которыя не писали на своемъ знамени борьбы съ революціей и, кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ стремились итти дальше манифеста 17 октября, пугая землевладѣльцевъ своимъ демократизмомъ. Естественно, что подъ вліяніемъ паники болѣе передовые землевладѣльцы, неспособные голосовать за правыхъ, предпочитали оппозиціи октябристовъ. Теперь паника улеглась, банкротство октябристовъ, ихъ фактическая измѣна манифесту 17 октября—несомнѣнны; съ другой стороны, встаетъ умѣренная партія прогрессистовъ, ограничивающая свои стремленія манифестомъ 17 октября, а кадеты, которые такъ напугали массу землевладѣльцевъ своимъ принудительнымъ отчужденіемъ, теперь благоразумно прячутъ его въ карманъ, ставя на очередь только проведеніе въ жизнь элементарныхъ конституціонныхъ началъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ прогрессисты, несмотря на свой союзъ съ кадетами, должны массами привлекать къ себѣ тѣ болѣе передовые элементы среди землевладѣльцевъ, которые прежде голосовали за октябристовъ.

Еще болѣе рѣшительно должно быть вытѣсненіе октябристовъ прогрессистами въ I городской куріи, гдѣ огромное большинство избирателей (домовладѣльцы, представители купеческаго капитала) прямо не сталкивались съ рабочимъ движеніемъ и гдѣ паника послѣ революціи должна была быть значительно меньше, чѣмъ среди землевладѣльцевъ. И, дѣйствительно, мы видимъ, что въ этой куріи и на прошлыхъ выборахъ значительное большинство въ I и IV группахъ районовъ, болѣе половины выборщиковъ въ III группѣ и около половины во II голосовали за оппозицію. Банкротство октябристовъ въ дѣлѣ проведенія своей программы будетъ поэтому, навѣрное, въ I гор. куріи учтено наиболѣе сильно. Выступленіе же московскихъ промышленниковъ въ рядахъ новой прогрессивной партіи должно, конечно, также содѣйствовать поднятію ея авторитета и значенія среди зажиточныхъ элементовъ города.

Въ общемъ, мы съ большой вѣроятностью можемъ предположить, что значительная часть прежнихъ октябристскихъ избирателей перейдетъ къ оппозиціи и что, слѣдовательно, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ оппозиція на прошлыхъ выборахъ была среди выборщиковъ сильнѣе правыхъ, ей удастся провести въ думу исключительно своихъ представителей.

Такихъ губерній всего 15: во II гр. районовъ изъ 21—11, въ III изъ 15—3, въ IV изъ 8—1 *)

Если въ этихъ губерніяхъ оппозиція получитъ среди выборщиковъ абсолютное большинство, то она можетъ выиграть 65 депутатскихъ мѣстъ, принадлежащихъ теперь центру и правымъ. При этихъ условіяхъ изъ 424 депутатовъ (кромѣ безпартійныхъ) въ оппозиціи окажется 211 или почти половина. Но, кромѣ того, большіе шансы усилиться существують для оппозиціи въ губерніяхъ Московской и Саратовской, гдѣ оппозиція на прошлыхъ выборахъ была такъ же сильна, какъ правые, затѣмъ въ Калужской, Смоленской, Симбирской, Рязанской и Черниговской, гдѣ она была почти такъ же сильна. Наконецъ, въ твердынѣ правыхъ—въ Бѣлорусскомъ и Юго-Западномъ районахъ, гдѣ проходили исключительно правые въ думу, среди выборщиковъ они имѣли въ нѣкоторыхъ губерніяхъ только незначительное большинство, напр., въ Минской губ. 65 правыхъ выборщиковъ приходились на 24 центра и 40 оппозиціи, въ Кіевской 75 правыхъ противъ 2 центра и

*) Эти губерніи: во II гр.—Астрах., Самар., Нижег., Владимир., Костр., Твер., Яросл., С.-Пет., Новг., Олон. и Арханг, въ III—Ворон., Екатер, и Таврич.; въ IV—Гродненская.

59 оппозиціи. Достаточно, чтобы правые здѣсь кое-гдѣ потеряли абсолютное большинство среди выборщиковъ, какъ результаты выборовъ получатся существенно иные. Происходившіе въ прошломъ году земскіе выборы въ этихъ губерніяхъ указываютъ на сильное полѣвѣніе тамъ избирателей.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что шансы оппозиціи на полученіе большинства въ новой думѣ очень значительны и побѣда ея на предстоящихъ выборахъ весьма вѣроятна.

Само собою разумѣется, что рѣшительной демократіи нѣтъ никакихъ основаній чрезмѣрно преувеличивать значеніе этой побѣды. Дума съ умѣренно-либеральнымъ большинствомъ будетъ во многихъ случаяхъ рѣзко расходиться съ чаяніями и стремленіями рѣшительной демократіи. Но съ такой думой у демократіи будутъ, во всякомъ случаѣ, и серьезныя точки соприкосновенія, между тѣмъ, какъ съ теперешней ихъ почти совсѣмъ не было. Сходящая со сцены III дума, несмотря на свое конституціонное обличіе, фактически цѣликомъ находилась въ лагерѣ враговъ обновленія Россіи. Она своимъ существованіемъ помогала бюрократіи поддерживать конституціонный обманъ, сохраняя подъ конституціонной внѣшностью черты стараго режима. Если новая дума своими попытками провести въ жизнь манифестъ 17 октября сорветъ предъ лицомъ наиболѣе умѣренныхъ слоевъ населенія конституціонную маску съ теперешняго режима, то и это будетъ имѣть извѣстное значеніе.

Но IV дума, кромѣ того—по всѣмъ признакамъ — будетъ дѣйствовать въ атмосферѣ наростающаго общественнаго движенія, и это общественное движеніе своимъ давленіемъ можетъ подвинуть IV думу влѣво, можетъ заставить ее считаться и съ болѣе рѣшительными демократическими требованіями. При такихъ условіяхъ IV дума можетъ стать серьезной общественной силой, и ея рѣшительная оппозиція бюрократіи можетъ привести послѣднюю въ то положеніе одиночества и изолированности, при которомъ уступки общественному мнѣнію дѣлаются неизбѣжными.

Н. Череванинъ.

Два декаданса.

(Письмо изъ Франціи).

I.

«Кризисъ репрессіи» — вотъ чѣмъ больна современная Франція: эту мысль на различные лады развивала вся буржуазная пресса въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ нынѣшняго «сезона». Клерикальные, либеральные и радикальные органы различно объясняли происхожденіе и причины этого «кризиса», но въ констатированіи послѣдняго всѣ были между собой согласны. Репрессія общества противъ неподчиняющихся его законамъ индивидуумовъ ослабѣла, перестала оказывать должное дѣйствіе на волю недисциплинированныхъ элементовъ; и виною всего этого является потеря органами суда и власти увѣренности въ томъ, что за ихъ дѣйствіями стоитъ воля всего здороваго большинства націи. Ибо большинство это, сбитое съ толку теоріями «ложнаго гуманизма», перестаетъ видѣть въ судьѣ, полицейскомъ и палачѣ жрецовъ религіи соціальнаго самосохраненія. Литература, наука, политическая пропаганда подточили устои этой религіи: общество привыкло слышать о невмѣняемости преступниковъ, о жестокости профессіональныхъ судей, о произволѣ полицейскихъ, о постоянныхъ судебныхъ ошибкахъ; привыкло волноваться о судьбѣ ихъ жертвъ, смѣяться надъ «красными тогами» судей, надъ промахами и грѣшками полиціи. Въ результатѣ — ужасы «эксовъ», совершенныхъ «анархистской» шайкой Бонно-Гарнье, съумѣвшей вызвать панику среди обывателей. Вотъ они, плоды «сентиментальнаго» отношенія къ преступникамъ и преступленію.

Литература, разумѣется, виновата прежде всего. C'est la faute à Voltair, c'est la faute à Rousseau,*) это уже давно было сказано. И, стремясь ковать желѣзо, пока горячо, французскіе «октябристы» спѣшатъ требовать отвѣта и отъ фернейскаго отшельника, и отъ женевскаго изгнанника. Вольтера совсѣмъ таки удалось сконфузить, и не будетъ больше сардонически смѣяться его маска: отнынѣ такъ непочтительно воспѣтая имъ «Pucelle» —Жанна д'Аркъ — будетъ вторично канонизирована; послѣ того, какъ папа ее призналъ святой, республиканцы всѣхъ партій рѣшили объявить ее національной героиней—на предметъ поощренія культивируемаго нынѣ милитаристскаго духа и барабаннаго патріотизма—и сдѣлать день ея вступленія въ Орлеанъ днемъ національнаго празднества. Сдѣлать аналогичную непріятность Руссо, правда, не удалось: напротивъ, вопреки протестамъ «истинныхъ французовъ», парламентъ двухстолѣтнюю годовщину его рожденія также сдѣлалъ національнымъ праздникомъ, и оффиціальный міръ чествовалъ ее рѣчами, спектак-

*) То Вольтеръ, то Руссо всему виной!

лями, открытіемъ памятника въ Пантеонѣ и т. д. Но за то «истинные французы» всласть излили свою душу. На улицахъ «camelots du roi»—кричали: «долой Руссо! долой чужестранцевъ!» («метековъ»), а въ палатѣ депутатовъ господинъ Морисъ Барресъ, «безсмертный» представитель квартала, занятаго прославленнымъ Золя «чревомъ Парижа», краснорѣчиво протестовалъ противъ извлеченія республикой изъ мрака забвенія имени того, кѣмъ клялись республиканцы 1793 года. Отъ Руссо,—сказалъ этотъ видный представитель литературы, — ведутъ происхожденіе Кропоткинъ и Жанъ Гравъ, которые «не могутъ снять съ себя отвѣтственности за Гарнье и Бонно». И эти перлы черносотенной расцѣнки литературы теперь красуются на расклеенныхъ по улицамъ прокламаціяхъ націоналистовъ. А редакторъ вліятельной націоналистской газеты «Eclair» пишетъ съ великолѣпнымъ презрѣніемъ сытаго мѣщанина къ «неудачникамъ»: «отъ скольких бѣдствій избавилось бы человѣчество и особенно наша родина, еслибъ во время поняли бѣднаго «одинокаго», галлюцинирующаго бродягу, который былъ неспособенъ устроить собственную свою жизнь и котораго безуміе современниковъ превратило въ спасителя общества, воспитателя толпы и верховнаго законодателя!»

Но, кромѣ литературы, виноваты и сами судьи, проникающіеся, какъ выразился бы Марковъ 2-ой, «слюнявымъ гуманизмомъ». Лишь изрѣдка судьи примѣняютъ законъ, допускающій ссылку на поселеніе (rélégetions) рецидивистовъ по отбытіи ими наказанія въ тюрьмѣ или на каторгѣ. Къ «случайнымъ» преступникамъ щедро примѣняютъ законъ объ условномъ осужденіи и нерѣдко—законъ о досрочномъ освобожденіи. Пользуясь закономъ объ обязательномъ присутствіи защиты при предварительномъ слѣдствіи, профессіональные преступники упорно отказываются отвѣчать на щекотливые вопросы слѣдователя, берутъ назадъ показанія, данныя ими сыскной полиціи при первомъ соприкосновеніи съ нею, и даютъ отпоръ всякимъ попыткамъ слѣдователя «давить» на ихъ волю. И въ то же время различныя «лиги правъ человѣка» и имъ подобныя интеллигентскія группы фанатиковъ законности и гуманности поднимаютъ шумъ по поводу суроваго режима въ тюрьмахъ и дисциплинарныхъ батальонахъ и добиваются нахлобучекъ тюремщикамъ со стороны министровъ. Если еще прибавить, что, благодаря агитаціи противъ смертной казни, Фалльеръ въ теченіе трехъ лѣтъ не давалъ работы гильотинѣ и послѣднюю удалось съ трудомъ отстоять при пересмотрѣ уголовнаго кодекса, то мудрено ли, что преступный міръ, привыкшій смотрѣть на судъ, какъ на забаву, а на тюрьму, какъ на гостиницу, становится все болѣе наглымъ и дерзкимъ?

Слѣдовательно, надо «подтянуть». Объ этомъ въ своихъ рѣчахъ въ муниципалитетѣ и особенно при погребеніи убитыхъ агентовъ полиціи не устаетъ заявлять болѣе болтливый, чѣмъ умѣлый, полицейскій диктаторъ Лепинъ. Объ этомъ кричатъ публицисты, депутаты, сенаторы, члены магистратуры, объ этомъ, наконецъ, много говорили и на состоявшемся недавно конгрессѣ французскихъ криминалистовъ въ Греноблѣ.

Въ ожиданіи рѣшительныхъ «реформъ» въ области «подтягиванія», полиція, подъ аплодисменты печати, стала дѣйствовать «своими средствіями». Полицейскій агентъ накрылъ злоумышленника, спускавшагося съ крыши дома. Увидавъ полицейскаго, воръ побѣжалъ. Полицейскій выстрѣлилъ и уложилъ человѣка на мѣстѣ. «Браво!»—кричитъ пресса и на всѣ лады рекомендуетъ полиціи брать примѣръ съ это-

го агента. Другой агентъ пытается арестовать двухъ подозрительныхъ лицъ. Одинъ изъ заподозрѣнныхъ дѣлаетъ движеніе, какъ будто за оружіемъ. Агентъ выхватываетъ револьверъ и въ упоръ убиваетъ... другого. Первый успѣлъ скрыться, а пресса громко кричитъ: «молодецъ!» и настаиваетъ, чтобы полиція всегда такъ поступала. Частныя лица начинаютъ брать примѣръ съ полиціи. Крестьянинъ подстерегъ двухъ солдатъ, рвавшихъ вишни съ его деревьевъ. Двумя выстрѣлами изъ двустволки крестьянинъ кладетъ на мѣстѣ обоихъ «похитителей». Буржуазная пресса очень любитъ «армію», но вишни, какъ объектъ частной собственности, дороже всякихъ «идеологическихъ» цѣнностей. И ни одной слезы, ни одного звука негодованія по поводу этого инцидента. И т. д., и т. д.

Дѣло «перевоспитанія» общества, излеченія его отъ «слюняваго гуманизма» нельзя было, однако, вести столь партизанскимъ методомъ, какъ одиночное убійство отдѣльнымъ полицейскимъ отдѣльнаго вора. Необходимы были предпріятія крупнаго размѣра, нужны были возвышающія душу зрѣлища, свидѣтельствующія о возстановленіи престижа власти. Въ ожиданіи, пока инсценируемый судебными властями процессъ о «злоумышленномъ сообществѣ» экспропріаторовъ пошлетъ на гильотину разомъ десятокъ или болѣе человѣкъ, Лепинъ рѣшилъ теперь-же поставить на сцену блестящую феерію «торжества правосудія».

Полиція узнаетъ, что долго скрывавшійся неуловимый Бонно, организаторъ и руководитель ряда грабежей и убійствъ, нашелъ убѣжище въ одномъ автомобильномъ гаражѣ подъ Парижемъ, гдѣ поселился вмѣстѣ съ хозяиномъ гаража Дюбуа. Чтобы схватить этихъ двухъ человѣкъ, Лепинъ стягиваетъ сотни вооруженныхъ людей и при свѣтѣ факеловъ, на глазахъ многотысячной публики, при щелканіи кинематографическихъ аппаратовъ, открываетъ форменную осаду жалкаго зданія. Дюбуа былъ убитъ въ самомъ началѣ осады, Бонно отстрѣливался до тѣхъ поръ, пока полиція не взорвала динамитомъ наружную стѣну и, ворвавшись черезъ брешь, не разстрѣляла его изъ револьверовъ и ружей. Въ умирающаго уже анархиста разъяренные полицейскіе всаживали свои пули. Когда уже его тѣло выносили, чтобы бросить въ телѣгу, толпа кинулась на него съ намѣреніемъ растерзать въ клочки и едва была удержана отъ этого. А на обратномъ пути въ Парижъ побѣдителей встрѣтили артиллерійскія орудія, вызванныя по телеграфу воеводой Лепиномъ и лишь случайно опоздавшія.

Еще красивѣе обставлена была облава на послѣднихъ уцѣлѣвшихъ членовъ шайки—Гарнье и Валле, настигнутыхъ спустя двѣ недѣли также подъ Парижемъ, въ снятой ими дачѣ. Опять громадные отряды войска, толпа зрителей, кричащая «смерть имъ!», кинематографы, автобомили съ нарядными дамами, снующіе репортеры, Тартарены-добровольцы, вышедшіе съ охотничьими ружьями и прокрадывающіеся въ травѣ къ дачному домику, чтобы выпустить нѣсколько пуль въ стѣны; опять хлопаніе бутылокъ закусывающихъ группами чиновъ полиціи, стрѣльба изъ ружей, трескъ разрывающихся динамитныхъ патроновъ. А за стѣной совсѣмъ юный анархистъ Гарнье одинъ разстрѣливаетъ свои патроны (Валле былъ вскорѣ уже убитъ) и, истекая кровью, ждетъ момента, когда будетъ взорвана стѣна и его придутъ «брать». Впрочемъ, его пришли не взять, а добить. Вопреки протестамъ армейскаго офицера и солдатъ, полицейскіе всадили нѣсколько пуль въ уже полумертвое и незащищающееся тѣло и вытащили на улицу трупъ при канни-

бальскихъ крикахъ изнервничавшейся толпы (осада длилась цѣлую ночь).

На этотъ разъ полиція перестаралась. Послѣ короткаго колебанія почти всѣ газеты закричали, что такого рода феерiи лишь создаютъ рекламу преступникамъ и подрываютъ уваженіе къ власти. И, дѣйствительно, все возможное было полиціей сдѣлано, чтобы позволить вульгарнымъ и жестокимъ бандитамъ эффектно умереть и тѣмъ ослабить въ памяти народа впечатлѣніе, оставленное ихъ кровавыми дѣлами.

Явилось ли это случайнымъ совпаденіемъ, или нѣтъ,—но вскорѣ послѣ упомянутыхъ подвиговъ Лепина присяжные департамента Сены, вообще пользующіеся репутаціей суровости, вынесли оправдательный приговоръ, оскорбившій реакціонеровъ въ ихъ самыхъ лучшихъ чувствахъ. Трое подростковъ-апашей судились за покушеніе на ограбленіе и убійство старухи-художницы, немощной и глухой, жившей уединенно въ окрестностяхъ Парижа. Старуха спаслась только благодаря проявленной ею недюжинной храбрости и присутствію духа. Передъ судомъ предстали типичные питомцы улицы, юные, но уже крайне порочные и не отдающіе себѣ отчета въ значеніи своихъ поступковъ. Защита могла ходатайствовать лишь о признаніи смягчающихъ обстоятельствъ. Но потерпѣвшая выступила въ необычной роли. Обратившись къ присяжнымъ, она сказала, что собиравшіеся безжалостно убить ее апаши—жертвы безпризорности, что она жалѣетъ ихъ, умоляетъ не губить ихъ окончательно заключеніемъ въ тюрьму и беретъ на себя обязательство пріютить у себя и усыновить одного изъ нихъ. Эти простыя слова разбили все «очарованіе» грозной прокурорской рѣчи, и присяжные, какъ сказано, оправдали всѣхъ подсудимыхъ. Но русскому читателю было бы трудно представить себѣ ушатъ тѣхъ гнусностей, который былъ по этому поводу излитъ какъ «христіанскими», такъ и «свободомыслящими» газетами. Не малая доля ихъ вылита на голову старухи. Серьезные органы печати, какъ Le Temps, дѣлаютъ ее заранѣе отвѣтственной за всѣ будущія убійства одинокихъ старухъ, владѣющихъ какимъ-либо имуществомъ. Дама, вѣроятно, думавшая, что она поднялась на высоту дѣйствительно христіанскаго милосердія, выставляется павшей до уровня эстетическаго аморализма... И такъ какъ жестокость, разнузданная фанатизмомъ собственности, естественно охватываетъ всю психологію, то присяжныхъ начинаютъ «разносить» за мягкость и въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ не затронуты классовые интересы и предразсудки, въ которыхъ обычно отъ суда и не требуютъ суровости. Тѣ-же сенскіе присяжные вслѣдъ затѣмъ оправдали явно невмѣняемую женщину, зарѣзавшую своего мужа, съ которымъ жила не въ ладахъ, и этотъ приговоръ снова вызвалъ взрывъ негодованія въ парижской печати.

Отъ нападокъ на присяжныхъ одинъ шагъ до предложенія реформировать самый судъ присяжныхъ. Возбуждается вопросъ о сліяніи коллегіи присяжныхъ съ коллегіей судей такъ, что бы послѣдніе участвовали въ рѣшеніи вопроса о виновности, а присяжные—въ примѣненіи наказанія. Но это еще одна изъ самыхъ «приличныхъ» изъ числа мѣръ, предлагаемыхъ для борьбы съ «кризисомъ репрессіи». Болѣе умѣренные изъ «реформаторовъ» требуютъ назначенія максимальной мѣры наказанія за преступленія противъ собственности и личности, отмѣны досрочнаго освобожденія, драконовскихъ наказаній для носящихъ при себѣ оружіе, неукоснительной высылки подъ полицейскій надзоръ всѣхъ рецидивистовъ, возстановленія дѣйствія устарѣлаго закона 30-ыхъ годовъ о «сообществѣ

злоумышленниковъ», позволяющаго казнить и ссылать на каторгу всякаго, кто, соприкасаясь въ мірѣ уголовнаго подполья съ участниками того или иного громкаго преступленія, можетъ быть съ нѣкоторой натяжкой зачисленъ въ «пособники, укрыватели или попустители» (это уже примѣнено въ дѣлѣ Бонно-Гарнье для привлеченія по очень грознымъ статьямъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, вращавшихся въ кругу анархистовъ и экспропріаторовъ).

Затѣмъ съ большой горячностью отстаиваютъ предложеніе отнять у президента республики право миловать присужденныхъ къ смерти преступниковъ: помилуйте, это не демократическая, монархическая привилегія, ставящая главу правительства надъ закономъ и судомъ! Но этого всего мало. Необходимо ввести для рецидивистовъ кнутъ и, позабывъ о «Руссо и Вольтерѣ», присуждать къ тѣлесму наказанію по судебному приговору. Заикались и объ американскихъ опытахъ съ кастраціей преступниковъ, хотя, надо признаться, объ этомъ «институтѣ» французскіе реакціонеры говорили далеко не съ такимъ смакованіемъ, какъ это имѣло мѣсто въ нашей отечественной «Русской Мысли».

Для иллюстраціи того, въ какомъ тонѣ и направленіи ведется эта пропаганда усиленной репрессіи, я могу изложить содержаніе статьи публициста Нозьера въ уравновѣшенномъ и академически-чопорномъ Le Temps.

«Почему, — спрашиваетъ авторъ, — наши судьи такъ заботятся о достиженіи абсолютной справедливости... почему они такъ стѣсняются соображеніями о правосудіи?.. Мнѣ кажется, все это происходитъ отъ смѣшенія понятій: однимъ и тѣмъ же словомъ (юстиція) мы обозначаемъ какъ нашъ туманный идеалъ, такъ и совокупность мѣръ, принимаемыхъ для защиты публики отъ злоумышленниковъ». Между тѣмъ, «правосудіе трибуналовъ не можетъ походить на справедливость философовъ. Послѣднее есть игра ума, первое—такая же реальность, какъ кнутъ или гильотина».

Если помнить, что земное «правосудіе» можетъ преслѣдовать только утилитарную цѣль сомозащиты общества, то тщетно пытаться соразмѣрить преступленіе съ наказаніемъ, о чемъ стараются криминалисты, когда принимаютъ въ разсчетъ мотивы преступленія, обстановку его совершенія и личность преступника. Вниманіе къ послѣдней несовмѣстимо съ утилитарными цѣлями правосудія. «Прежде, когда наука еще не занималась съ такимъ вниманіемъ нервами преступника, задача судьи была менѣе трудна: изслѣдовались факты и не пытались проникать въ мистическій міръ, представляемый каждымъ индивидуумомъ». Между тѣмъ, стоитъ только углубиться въ этотъ міръ, и неизбѣжно придешь къ безотвѣтственности каждаго преступника: вѣдь, здоровый человѣкъ не совершитъ убійства,—либерально заявляетъ авторъ.

Глубокая основа «кризиса репрессіи» въ томъ и заключается, что судьи, сбитые съ толку соображеніями о вліяніи среды, о давленіи экономической нужды, о наслѣдственности и моральной невмѣняемости, боятся формалистическимъ примѣненіемъ карательныхъ нормъ закона погрѣшить противъ «абсолютной справедливости». Тогда какъ—до нельзя просто разрѣшился бы этотъ кризисъ, еслибъ люди разъ на всегда поняли, что «соціальная защита» ничего общаго не имѣетъ съ идеалами справедливости и что судъ существуетъ ни для чего иного, а именно для дѣла соціальной защиты! Казнили, напримѣръ, преступника, и врачи, по вскрытіи мозга, нашли, что это былъ абсолютно невмѣняемый человѣкъ, идіотъ. Какой скандалъ,

какой шумъ въ печати! Напрасный шумъ: вы доказали, что казненный былъ идіотъ? Отлично: тѣмъ вѣрнѣе было его уничтожить, ибо онъ представлялъ собой постоянную опасность для общества. Можно доказать, что всѣ бандиты—люди ненормальные, и именно поэтому ихъ надо истребить безъ пощады. А воздаяніе каждому по дѣламъ его предоставимъ небесному правосудію, миссіи котораго не должно узурпировать наше земное правосудіе.

Авторъ предвидитъ возраженіе: вѣдь, обезвредить преступника можно, не прибѣгая къ смертной казни, путемъ его изоляціи. Однако, нѣтъ такихъ тюремъ, изъ которыхъ нельзя было бы бѣжать. Да и дорого стоитъ содержать въ тюрьмѣ «больныхъ» людей. И, наконецъ, жестокія мѣры репрессіи, можетъ быть, являются единственнымъ цѣлительнымъ средствомъ для преступной воли потенціальныхъ злоумышленниковъ: эти «неврастеники», иронизируетъ Нозьеръ, «при видѣ смертной казни или испытавъ на себѣ наказаніе кнутомъ, быть можетъ, обрѣтутъ въ себѣ силу сдержать свои порочныя наклонности. Это, конечно, жестоко и несправедливо. Но не дѣло судей щеголять справедливостью—мы поручили имъ защищать общество и больше ничего». И т. д., и т. д.

Эта типичная въ данный моментъ злобная и циническая болтовня весьма характерна для господствующихъ въ извѣстныхъ кругахъ общества настроеній. Когда во внутренней политикѣ буржуазія получаетъ возможность «поставить точку» соціальнымъ реформамъ (а это бываетъ при длительной слабости рабочаго движенія) и когда во внѣшней политикѣ она обречена на почти никакой идеологіей неприкрытый захватъ и разграбленіе колоній —тогда и во всѣхъ другихъ сферахъ общественной жизни наизбѣжно наступаетъ тотъ декадансъ, который характеризуется прежде всего утратой вѣры въ какіе бы то ни было принципы и который, поэтому, самъ становится факторомъ, разлагающимъ идейное вліяніе господствующаго класса на народныя массы.

Возьмемъ того-же Нозьера. Своими циничными разсужденіями онъ разрушаетъ цѣлый рядъ «полезныхъ фикцій», безъ которыхъ не можетъ обойтись защищаемое имъ общество. Ибо сведите вопросъ репрессіи къ вопросу о простой «защитѣ общества» и вы вызовете самыя «соблазнительныя» мысли о томъ, какое общество защищается той или иной системой уголовной репрессіи. Безспорно: съ точки зрѣнія современной научной мысли, идея «искупленія» преступнаго акта или моральнаго возрожденія преступника наказаніемъ представляетъ собой юридическую фикцію. Но такія фикціи необходимы классовому обществу, которое не можетъ сбросить съ себя флеръ, скрывающій отъ массъ его истинную природу. Признать открыто, что всѣ или почти всѣ преступники являются «соціально-больными индивидуумами», значитъ либо объявить ихъ всѣхъ подлежащими истребленію, либо признать необходимость ихъ леченія и въ случаѣ безнадежности—изоляціи въ условіяхъ, исключающихъ всякій элементъ ненужной суровости ненужнаго мучительства. Но послѣднее слишкомъ дорого оказалось бы для классового общества, которое не находитъ средствъ для примѣненія завоеваній научной педагогіи и общественной гигіены даже къ дѣлу воспитанія соціально-здоровыхъ дѣтей, къ дѣлу борьбы въ школѣ съ условіями, дѣлающими ихъ «соціально-больными»; которое не находитъ средствъ для дѣйствительной борьбы съ развращающими вліяніями проституціи, алкоголизма и другихъ соціальныхъ язвъ, создающихъ почву для преступленій; которое не можетъ предотвращать даже такія—съ криминалистиче-

ской точки зрѣнія наиболѣе «случйныя», съ соціологической наиболѣе закономѣрныя—преступленія, какъ убійство новорожденныхъ, производство аборта, и т. д. Пока общество обречено держать трудящіяся массы въ условіяхъ, недостойныхъ человѣка, оно вынуждено позвѣрски третировать всѣ элементы, упавшіе на соціальное «дно»—всѣхъ выбитыхъ изъ трудовой колеи несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ или вліяніями больной наслѣдственности либо среды; оно не можетъ установить для нихъ уровня существованія выше самаго нисшаго уровня, на которомъ стоятъ наиболѣе несчастные слои трудящагося населенія; оно не можетъ, слѣдовательно, «лѣчить» ихъ истинно-человѣчными средствами. Нозьеры съ умиленіемъ вспоминаютъ о временахъ, когда въ Англіи вѣшали почти каждаго вора: они забываютъ лишь, что отъ этого удовольствія пришлось отказаться именно потому, что населеніе стало привыкать смотрѣть на вора, какъ на жертву, а въ судьѣ видѣть убійцу. Соціальные низы, способные на моментъ крайне озлоблятьcя противъ преступниковъ, въ концѣ концовъ, слишкомъ близко наблюдаютъ ту лабораторію, въ которой общество фабрикуетъ бациллы преступности, чтобы оставаться недоступными столь раздражающей Нозьеровъ «гуманитарной» пропагандѣ, чтобы даже инстинктивно не возмущаться противъ реакціонныхъ тенденцій въ дѣлѣ репрессіи. Поэтому,—и особенно въ демократизированномъ обществѣ—господа положенія вынуждены вступать въ компромиссъ съ «духомъ времени», вынуждены сохранять для прикрытія этого компромисса оболочку юридическаго мистицизма, какъ въ другихъ случаяхъ—мистицизма религіознаго. Лишь общество, свободное отъ классовыхъ противорѣчій, сможетъ и должно будетъ встать на точку зрѣнія соціальной самозащиты въ борьбѣ съ атавистическими проявленіями больной души индивидуумовъ, искалѣченныхъ современной цивилизаціей, только въ этомъ обществѣ такая точка зрѣнія не будетъ вести ни къ жалкимъ палліативамъ, ни къ циничному попиранію элементарныхъ требованій человѣчности. Чтобы быть въ состояніи вести въ соціальномъ масштабѣ борьбу съ «внутреннимъ врагомъ»—съ атавистическими наклонностями и наслѣдственными недугами духа,—общество должно обрѣсти свою коллективную волю, а обрѣсти оно ее можетъ, лишь разбивъ индивидуалистическія основы своего экономическаго бытія.

Пока-же всѣ попытки подходить къ вопросу о борьбѣ преступности съ точки зрѣнія мѣщанскаго «здраваго смысла» могутъ лишь скандализировать жрецовъ юридической науки и жрецовъ оффиціальнаго правосудія, свидѣтельствуя о полномъ распадѣ идейныхъ устоевъ господствующаго класса, о ясно выраженномъ декадансѣ его общественно-политической мысли.

II.

Съ другого рода декадансомъ мы встрѣчаемся въ томъ мірѣ, изъ котораго вышли «автомобильные бандиты».

Трудно въ этой средѣ отличить анархистовъ, дошедшихъ до вульгарнаго бандитизма, отъ простыхъ профессіональныхъ грабителей, додумавшихся до подобія анархистской идеологіи. Среди мужчинъ и женщинъ, замѣшанныхъ въ кровавыя дѣла Бонно и Гарнье, есть тѣ и другіе. Нѣсколько лѣтъ назадъ самого Бонно встрѣчали въ Женевскомъ народномъ домѣ среди анархистовъ, систематически дезорганизовывавшихъ рабочее движеіе пропагандой «индивидуальныхъ актовъ», саботажа и т. д. Въ прошломъ нѣкоторыхъ членовъ шайки имѣется осужденіе за акты саботажа, послѣдовавшіе въ громадномъ количествѣ за пораженіемъ французской желѣзнодорожной стачки. Съ другой стороны, на трупѣ убитаго Гарнье

была найдена записная книжка, въ которой послѣдній передъ лицомъ смерти занесъ рядъ автобіографическихъ замѣтокъ, нѣчто вродѣ исповѣди. Изъ нея вытекаетъ, что отвращеніе къ труду и недовольство тяжелыми условіями жизни рабочаго сначала толкнуло протестующую натуру Гарнье на мелкія уголовныя преступленія; лишь обозленный преслѣдованіями, уже отверженный обществомъ, онъ додумывается до объявленія ему «войны» и вырабатываетъ свою собственную идеологію анархиста-индивидуалиста.

Такъ или иначе, передъ нами цѣлый рядъ личностей—обвиненіе захватило въ свою сѣть нѣсколько десятковъ,—пришедшихъ къ признанію грабежа и воровства единственнымъ или главнымъ средствомъ этой «войны противъ общества». На собраніяхъ, устраивавшихся въ разное время анархистами и революціонными синдикалистами, эти люди встрѣчались между собой, знакомились, сходились на отрицаніи всѣхъ способовъ соціальной борьбы, рекомендованныхъ синдикалистскими и анархо-коммунистическими сектами, и сближались между собой на почвѣ симпатіи къ единственному методу, «прямого дѣйствія»—методу «индивидуальнаго присвоенія».

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ редакція издаваемой въ Парижѣ газеты «Anarchie» стала пунктомъ притяженія для этихъ экспропріаторскихъ элементовъ. Газета отрицала все—не только политическую борьбу и парламентаризмъ, но и синдикальное движеніе и стачки. Она призывала къ войнѣ не только съ буржуазнымъ обществомъ, но и съ тупой рабочей народной массой, которая является главнымъ врагомъ «революціонера». Подъ эгидой этой газеты устраивались рефераты на болѣе или менѣе парадоксальныя темы о «правѣ» убивать, воровать и т. д. Время отъ времени въ бюро редакціи полиціей производились обыски по дѣламъ о сбытѣ фальшивой монеты, о мелкихъ кражахъ и порой лица, причастныя къ редакціи, привлекались къ обвиненію въ подобныхъ дѣлахъ. Принимая во вниманіе ту необычную для французскихъ властей терпимость, съ которой онѣ давали существовать этому открытому сборному пункту анархистскаго экспропріаторства (сама газета «Anarchie» рѣже привлекалась къ суду на основаніи такъ наз. преступныхъ законовъ 1893 года о преступленіяхъ въ печати, чѣмъ соціально-революціонная Guerre voccale и органы идейнаго анархизма), можно предположить, что для охранной полиціи этотъ пунктъ представлялъ удобное поле наблюденія... если не экспериментальное поле для провокаціи. Ибо послѣдняя, повидимому, играла не малую роль въ развитіи экспропріаторской эпопеи Бонно и К-о. Одинъ изъ главныхъ обвиняемыхъ, которому предстоитъ предстать по дѣламъ шайки предъ судомъ, Каруи, въ теченіе долгаго времени находился у анархистовъ подъ сильнымъ подозрѣніемъ въ сношеніяхъ съ полиціей. Вообще полиція, безсильная предупредить хоть одинъ набѣгъ шайки, какимъ-то образомъ сразу узнавала вѣроятныхъ участниковъ каждой экспропріаціи: очевидно, она имѣетъ достаточно «информаторовъ» въ этомъ лагерѣ. Не могъ также не навести на самыя странныя сопоставленія тотъ фактъ, что уже послѣ того, какъ произошла битва нѣсколькихъ сотъ полицейскихъ съ Бонно, когда парижское населеніе еще не оправилось отъ паники, полиція хватала подозрительныхъ лицъ, гдѣ только могла, и, по обыкновенію, усилила обычныя репрессіи противъ стачечниковъ, синдикалистской и антимилитаристской пропаганды,—въ это самое время немногіе уцѣлѣвшіе приверженцы газеты «L'Anarchie», въ помѣщеніи которой, какъ выяснило слѣдствіе, постоянно вращались члены шайки и издательница и нѣсколько служащихъ

которой были арестованы, устраиваютъ открытый митингъ для прославленія дѣяній Бонно и на этомъ митингѣ проповѣдуютъ право на убійство не только капиталистовъ, но и тѣхъ рабочихъ—банковыхъ артельщиковъ, кассировъ, шофферовъ—которые-де виноваты уже тѣмъ, что, перенося сокровища капиталистовъ, поддерживаютъ могущество послѣднихъ! Не только этотъ митингъ не запрещается, не только при выходѣ съ него слушатели не подвергаются обычному набѣгу полицейскихъ, но и прокуратура не привлекаетъ ораторовъ къ суду за «подстрекательство», что она такъ охотно дѣлаетъ въ другихъ случаяхъ.

Корреспондентъ берлинскаго «Vorwärts'a», собралъ нѣкоторый матеріалъ о пребываніи парижскихъ анархистовъ въ Бельгіи, гдѣ Бонно, Каруи и рядъ другихъ членовъ шайки пребывалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и гдѣ они, вмѣстѣ съ Льежскими «компаньонами», совершили много «громкихъ актовъ». Онъ утверждаетъ, что нетрудно прослѣдить, какъ провокаторскую струю въ бельгійской экспропріаторской эпопеѣ, такъ и ея связь съ нѣкоторыми подвигами русскихъ экспропріаторовъ въ Зап. Европѣ (дѣло Гартенштейна, арестованнаго съ бомбами въ Бельгіи и «Гундсдичское» покушеніе русскихъ анархистовъ на кассира въ Лондонѣ). Отмѣчая, что Бельгія уже давно служила излюбленнымъ мѣстомъ дѣйствія русскихъ «генералъ-провокаторовъ» (Гартингъ, Яголковскій), корреспондентъ склоненъ даже думать, что провокація русскихъ играла, вообще, существенную роль, по крайней мѣрѣ, въ первоначальной стадіи формированія шайки Бонно.

Надо замѣтить, что здѣшняя реакціонно-націоналистическая пресса пыталась использовать дѣло Бонно и Ко въ интересахъ травли противъ иностранцевъ и спеціально противъ русскихъ, среди которыхъ имѣется здѣсь не мало анархистовъ. Однако, къ счастью для русской эммиграціи, среди многихъ десятковъ лицъ, прямо или косвенно замѣшанныхъ въ дѣло, имѣется лишь трое причастныхъ къ Россіи. Говорю именно «причастныхъ», ибо двое, съ русскими фамиліями — арестованный служащій въ «Anarchie» Кибальчичъ и скрывшійся наборщикъ Городецкій — натураризованные французы, родившіеся уже во Франціи, а родившійся въ Россіи анархистъ, убитый вмѣстѣ съ Бонно, носитъ французскую фамилію Дюбуа.

Если ни о какомъ обостреніи преступности во Франціи не можетъ быть и рѣчи—ибо не было никакихъ глубокихъ соціальныхъ кризисовъ, которые бы его могли вызвать, если, поэтому, реакціонный шумъ о «кризисѣ репрессіи» не имѣетъ подъ собой никакой реальной почвы, то несомнѣнно, что въ послѣднее время относительно - незначительное количество индивидовъ подъ вліяніемъ какого-то закономѣрнаго процесса бросилось на путь «принципіально» обоснованной уголовщины. Хотя и ограниченное относительно узкимъ кругомъ индивидовъ, явленіе носитъ закономѣрный неслучайный характеръ и постольку можно говорить о нѣкоемъ «кризисѣ». Но это не кризисъ современнаго общества, а новый кризисъ того анархизма, который какъ бы автоматически создается з а м е д л е н н ы м ъ развитіемъ классовыхъ противорѣчій, временно расцвѣтаетъ и неизбѣжно лопается, какъ мыльный пузырь, оставляя послѣ себя различные продукты соціальнаго разложенія.

Какъ только пролетаріатъ Франціи сталъ оправляться послѣ версальскаго кровопусканія 1871 года, въ немъ, рядомъ съ организованнымъ соціалистическимъ и профессіональнымъ движеніемъ и въ разрѣзъ съ ними, стало развиваться теченіе анархо-коммунистическое. Неудачи не опиравшихся на со-

лидную организацію стачекъ, слабые успѣхи политическаго движенія, его оппортунизмъ и пышно развернувшаяся парламентская коррупція питали анархистскія тенденціи. Въ то время—80-ые годы—анархизмъ былъ бунтарско-максималистскимъ, онъ питался жаждой непосредственнаго возмущенія и немедленной реализаціи коммунистическаго идеала. Крапоткинъ, Гравъ, Луиза Мишель были его провозвѣстниками. Скоро обнаружившееся безсиліе революціоннаго анархизма привело къ первому анархистскому кризису: ставъ в н ѣ рабочаго движенія, добровольно распылившіяся анархистскія единицы вступили на путь единичнаго демонстративнаго террора. Послѣдовали террористическіе акты Равашоля (впрочемъ, уже соединявшаго ихъ съ экспропріаціями), Вальяна, Анри, Казеріосанто и т. д. На моментъ эти одиночки показались массамъ выразителями ихъ соціальнаго возмущенія, но только на моментъ. «Пропагандисты дѣйствіемъ» могли содѣйствовать усиленію политическаго индифферентизма въ широкихъ массахъ и апатичнаго отношенія къ организованной классовой борьбѣ; зажечь несознательныя массы энтузіазмомъ они не могли. Они вскорѣ сошли со сцены, но разбуженные ими неуравновѣшенные, авантюристскіе и достаточно темные элементы массъ не исчезли: разочарованные въ революціи, эти—на границѣ Lumpenproletariat'а стоящіе индивидуалистическіе элементы оказались вполнѣ «созрѣвшими» для того, чтобы къ концу 90-хъ годовъ образовать боевые отряды антисемитской и націоналистской демагогіи, пытавшейся использовать смутное недовольство мелкобуржуазнаго «народа» для государственнаго переворота.

Новый толчокъ, данный рабочему движенію именно обороной республики противъ враговъ справа, вновь оживляетъ анархистскую струю въ немъ: ибо условія соціальнаго существованія французскаго пролетаріата все еще препятствуютъ объединенію его движенія въ обычной для болѣе экономически - развитыхъ странъ формѣ. Теперь анархизмъ изъ бунтарскаго становится «революціонно - синдикалистскимъ». Онъ пытается опереться на романтическія тенденціи въ профессіональномъ движеніи и достигнуть своей цѣли въ роли передового отряда, «иниціативнаго меньшинства» идущихъ къ генеральной стачкѣ милліоновъ. Его выразителями становятся участники повседневной профессіональной борьбы Пуже, Ивето и другіе. Но и здѣсь, на новомъ пути, его ожидаетъ кризисъ. Рабочіе, привыкшіе ожидать «генеральной стачки» со дня на день, пріучаются видѣть въ ней метафорическую формулу конечной цѣли и обращаютъ вниманіе на повседневную профессіональную борьбу и ея цѣли; оправившіеся отъ перваго, вызваннаго воодушевленіемъ, натиска рабочихъ, капиталисты реорганизуютъ свои защитныя силы и переходятъ отъ обороны къ наступленію; синдикализму приходится убѣдиться въ слабости своихъ силъ, романтическій элементъ вытѣсняется въ движеніи реалистическимъ: анархистскіе энтузіасты съ горечью констатируютъ, что профессіональное движеніе та же «гроза», что и политическое. И пробужденные анархо-синдикалистской пропагандой индивидуалистически-авантюристскіе элементы, убѣдившись, что массы уже перестали увлекаться актами «саботажа» и «прямого воздѣйствія» единицъ, отходятъ опять въ сторону, но съ тѣмъ, чтобы на этотъ разъ броситься въ борьбу съ обществомъ уже не д л я массъ, какъ это дѣлали Вальянъ и Анри, а п р о т и в ъ массъ, которыя объявляются виновными въ добровольномъ несеніи капиталистическаго ига. Кругъ, въ которомъ анархизмъ могъ вращаться, питая себя иллюзіей какой-то общности цѣлей съ диженіемъ массъ, замкнулся. «Пропагандитсы дѣйствіемъ»

могутъ пропагандировать теперь только одно: война всѣхъ противъ всѣхъ! каждый за себя!

Счастливо избѣгшіе на моментъ полицейскихъ капкановъ, Гарнье и Валле, эти законченные образцы новѣйшаго анархизма, рѣшаютъ почить на лаврахъ многочисленныхъ экспропріацій. Они снимаютъ подъ Парижемъ красивую виллу и поселяются тамъ, чтобы на покоѣ пожить жизнью мелкихъ рантьеровъ на добытыя «эксами» деньги. Но для мѣшанской идилліи нужна хозяйка, и Гарнье буквально похищаетъ, угрожая браунингомъ, свою бывшую сожительницу, поселяетъ ее въ виллѣ и—гибнетъ жертвой этой послѣдней авантюры: то ли измученная постоянными угрозами женщина нашла способъ извѣстить полицію, то ли съ самаго начала слѣдившіе за нею сыщики протянули отъ нея нить къ роковой виллѣ... Дѣло кончилось кровавой бойней.

Шайка разсѣяна. Но индивидуалистско-авантюристскіе элементы, взбудораженные анархистской пропагандой и въ своей массѣ темные и слѣпые, остаются на «окраинахъ» современной цивилизаціи, ожидая того, кто поведетъ ихъ «прямо къ цѣли», къ «индивидуальному присвоенію» безъ лишнихъ прикрасъ, безъ риска столкновенія съ уголовнымъ закономъ. И, какъ въ концѣ 90-хъ годовъ, посѣвы анархизма въ люмпен-пролетаріатѣ пожала націоналистско-антисемитская демагогія, такъ теперь демагогія монархистская и имперіалистская. «Истинно-французская» реакція нагло поднимаетъ голову, используя въ своихъ интересахъ и панику, сѣемую въ имущихъ классахъ эксцессами анархизма, и темные, неосознанные инстинкты возмущенія массъ черствой и бездушной политикой буржуазныхъ республиканцевъ.

Л. Мартовъ.

ПУШЕЧНАЯ ДИНАСТІЯ.

Столѣтній юбилей знаменитой пушечной династіи Крупповъ былъ отпразднованъ въ Германіи съ необычайною помпою.

На празднество явился самъ императоръ Вильгельмъ, который, конечно, не упустилъ случая произнести краснорѣчивую рѣчь.

Вся рѣчь эта была сплошнымъ и восторженнымъ дифирамбомъ королю пушекъ—Круппу. Германскій императоръ славилъ во вѣки вѣковъ знаменитую пушечную династію, говорилъ о ея великихъ заслугахъ передъ отечествомъ, о ея роли въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ Германіи.

Около императора возсѣдала жена Круппа 3-яго и, здороваясь съ нею и ея матерью, императоръ почтительно поцѣловалъ имъ руки.

На празднествѣ былъ представленъ, конечно, весь звѣздный бюрократическій міръ Германіи. Поѣзда шли биткомъ набитые. Весь городъ былъ роскошно иллюминованъ и разукрашенъ, цвѣтами и коврами. Газеты, захлебываясь отъ восторга и сбиваясь, подсчитывали, сколько на своемъ вѣку пушекъ вылилъ Круппъ, сколько милліоновъ онъ на нихъ заработалъ.

А въ оффиціальныхъ рѣчахъ были все тѣ же перепѣвы національнаго гимна.—Дорогой фатерландъ, будь спокоенъ, у тебя есть Круппъ съ его непобѣдимыми пушками...

Этотъ восторженный культъ Круппа въ нынѣшней оффиціальной Германіи показываетъ, какъ измѣнилась страна поэтовъ и мыслителей за эти сто лѣтъ существованія Крупповскихъ заводовъ.

Сто лѣтъ тому назадъ вся Германія дрожала передъ Наполеономъ, ея троны шатались отъ политическаго землетрясенія, но и историческая миссія рисовалась ей меньше всего въ видѣ страны пушекъ. Тогда бѣдный разорившійся купецъ Круппъ, научившійся у англичанъ способу изготовленія стали, открылъ свою маленькую полу-кузницу, полу-мастерскую, гдѣ, не покладая рукъ, работалъ съ утра до ночи. Но, увы, тогдашняя Германія, философическая и слабая, не замѣтила работъ этого упорнаго гнома, и онъ умеръ, оставивъ безъ средствъ жену и 14-лѣтняго сына.

Но съ чисто тевтонскимъ упорствомъ Круппъ 2-ой взялъ отцовскій молотъ и продолжалъ его дѣло. Онъ самъ былъ и предпринимателемъ, и рабочимъ, и доставщикомъ. Его окрылила идея дать Германіи новыя пушки изъ стали, которую онъ научился изготовлять, храня свой секретъ.

Съ этихъ поръ начинаетъ восходить звѣзда Крупповской династіи.

Въ Германіи настали новыя времена и запѣли новыя пѣсни. Экономическій подъемъ и милитаристское увлеченіе сразу предъявили на Крупповскія пушки огромный спросъ. Маленькая мастерская-кузница Круппа 1 превращается въ огромный огнедышащій заводъ Круппа 2-ого. Круппу 2-му надо воздать должное. Онъ самъ, видно, былъ выкованъ изъ той стали, которой славились его пушки. Человѣкъ сильный и стильный, онъ работалъ, во все лично вмѣшиваясь, замышляя все новыя предпріятія, все шире раздвигая рамки производства.

Онъ создаетъ настоящій фабричный городъ, разростающійся съ каждымъ годомъ. У него своя электрическая станція, свои угольныя копи, свои всевозможные фабрики и заводы. Мы ниже въ цифрахъ увидимъ, какое государство въ государствѣ представляютъ нынѣшніе крупповскіе заводы.

И характерно, что Круппъ не переходитъ къ акціонерной формѣ, а сохраняетъ свои заводы въ своемъ единоличномъ владѣніи.

Владѣніе такою важною „національною" отраслью производства, съ помощью которой Германія разбила Францію, хозяйничанье надъ многотысячнымъ рабочимъ населеніемъ,—это дѣлаетъ Круппа 2-го крупною политическою величиною. Ему постоянно оказываетъ знаки вниманія и благоволенія императоръ Вильгельмъ. Къ его словамъ и взглядамъ внимательно прислушиваются министры, наконецъ, съ нимъ постоянно совѣтуются въ вопросахъ и вооруженія страны, и внутренняго мира — соціальной политики.

Въ этой послѣдней области Круппъ былъ непоколебимымъ и убѣжденнымъ сторонникомъ просвѣщеннаго абсолютизма. У себя въ Эссенѣ онъ создалъ цѣлый рядъ просвѣтительныхъ рабочихъ учрежденій. Прекрасныя школы, театры, библіотеки, образцовые дома для рабочихъ, всевозможныя кассы. Все это Круппъ построилъ на крохи, удѣленныя отъ многомилліонныхъ прибылей. Онъ готовъ былъ и на дальнѣйшія дѣла благотворенія для „своихъ" рабочихъ. И въ обмѣнъ отъ нихъ онъ требовалъ лишь одного:—вѣрноподданства. Но за этимъ-то вѣрноподданствомъ и все дѣло стало. Эти сами по себѣ прекрасныя учрежденія превращались въ золотую клѣтку, какъ только отъ рабочихъ требовали патріархальныхъ, сыновнихъ чувствъ — мы ваши отцы, вы наши дѣти.

Рабочіе считали Круппа просвѣщеннымъ деспотомъ. Круппъ считалъ рабочихъ неблагодарными, испорченными соціалъ-демократической пропогандой.

Но все же у Круппа были „свои" рабочіе, преданные ему съ лестью. Онъ ихъ любилъ и жаловалъ. У Крупповъ въ династіи была нелюбовь къ организованнымъ рабочимъ и любовь къ „желтымъ", къ „дикимъ".

Умеръ Круппъ 2-ой. Еще болѣе расширившіеся и прославившіеся изготовленіемъ орудій смерти заводы, перешли къ Круппу 3-ьему.

Это уже былъ человѣкъ совершенно въ иномъ стилѣ. Разслабленный пото-

мокъ стальныхъ пушечныхъ королей, онъ разъѣзжалъ по Европѣ, ища новыхъ, еще неизвѣданныхъ, еще дѣйствующихъ наслажденій. Милліоны, золотою струею притекавшіе къ нему со всѣхъ концовъ міра, позволяли ему испытать всѣ наслажденія жизни и по горло пресытиться ими. Пресыщенный, онъ все же искалъ чего-либо остраго, небывалаго. и его болѣзненная фантазія придумывала эротическіе замыслы. Онъ осуществилъ ихъ, удалившись на о-въ Капри, и здѣсь погрузился въ тщательно придуманный, обдуманный утонченный развратъ.

А въ Германіи его выставляли по прежнему образцомъ и хранителемъ чистоты „нѣмецкаго“ духа, старой патріархальной культуры. Быть можетъ, онъ и умеръ бы отъ разврата, оплакиваемый, какъ образецъ національной добродѣтели, если бы соціалъ-демократическая печать не напечатала сенсаціонныхъ разоблаченій о его времяпрепровожденіи на Капри.

Скандалъ разразился необычайный. Круппъ 3-ій не перенесъ этого позора. Да ему грозилъ и судъ. Онъ покончилъ съ собою, жалкій выродившійся наслѣдникъ стальныхъ королей пушекъ.

Мужского потомства онъ не оставилъ. Дѣло перешло къ мужу его дочери, бывшему дипломату съ длинной фамиліей: von Bohlen und Halbach. Имп. Вильгельмъ, чтобы не угасла династія Крупповъ, разрѣшилъ присоединить къ этой длинной фамиліи еще одну: Круппъ.

Такъ была спасена историческая фамилія Крупповъ.

Что же представляютъ нынѣшніе крупповскіе заводы.

Форменное государство въ государствѣ.

Вотъ цифры.

На заводахъ Круппа работаетъ свыше 71 тысячи рабочихъ. Если сюда причислить семейства рабочихъ, то получится населеніе въ 250 тысячъ человѣкъ!

Въ числѣ предпріятій Круппа имѣются угольныя копи, желѣзные рудники, сталелитейные заводы, судостроительныя верфи, типографіи и т. д.

Оборотъ предпріятій превышаетъ полъмилліарда, чистая годовая прибыль перевалила за 28 милліоновъ марокъ (марка=48 коп.). Огнедышащіе заводы Круппа пожираютъ ежедневно 3.000 тоннъ угля!

Таковы Крупповскія предпріятія, такова „національная“ пушечная фабрика Германіи. Она организована, надо ей отдать справедливость, образцово. При фабрикѣ имѣются превосходныя мастерскія и лабораторіи, гдѣ работаютъ за высокое вознагражденіе крупныя научныя силы. Круппъ не жалѣетъ денегъ на оплату труда этихъ лицъ, часто имѣющихъ крупное имя въ наукѣ, съ однимъ только условіемъ — все, что они откроютъ и изобрѣтутъ въ его лабораторіяхъ и мастерскихъ — составляетъ собственность фабрики.

Для всякаго интересующагося современной техникой заводы Круппа представляютъ громадный интересъ и при осмотрѣ многому положительному учатъ.

Но это съ технической стороны. Со стороны же соціальной огнедышащіе заводы Круппа и ихъ нынѣшній пышный

юбилей представляютъ чрезвычайно поучительное зрѣлище, вскрывающее всю противорѣчивость нынѣшней культуры.

Десятки тысячъ рабочихъ, сотни инженеровъ, десятки выдающихся людей науки напряженно день и ночь думаютъ и работаютъ надъ тѣмъ, чтобы придумать и изготовить орудіе, которымъ бы лучше можно было убивать людей.

И какое ликованіе на всемъ заводѣ, а отъ него по всей оффиціальной Германіи, когда удается изготовить сталь немного прочнѣе прежней, когда удается нѣмецкимъ пушкамъ придать еще болѣе истребительную силу.

Мускулы десятковъ тысячъ рабочихъ, нервы сотенъ инженеровъ, умъ, а порою и геній ученыхъ все это собрано на заводы Круппа и изо дня въ день, часто и ночью, не зная отдыха, занято главнымъ призваніемъ Круппа—изготовленіемъ орудій для истребленія людей.

И въ то время, когда Круппъ создаетъ новую пушку, пробивающую самую крѣпкую изъ существующихъ броней, начинается на другихъ заводахъ, а частью на заводахъ самого Круппа лихорадочная работа мускуловъ и ума надъ изобрѣтеніемъ и изготовленіемъ новой брони, которую бы не пробивала новая пушка. А когда этого удается достигнуть, начинаютъ лихорадочно изобрѣтать и изготовлять новую пушку, которая пробивала бы новую броню. Такъ пушка съ броней играетъ въ какую-то адскую чехарду и на огнедышащихъ заводахъ Круппа во славу этихъ пушекъ и броней расплавляются милліоны народныхъ денегъ, превращаясь въ желѣзо и кровь.

Курьезнѣе всего, что на однихъ и тѣхъ же заводахъ Круппа приходится разрѣшать задачу придумыванія и изготовленія брони, непроницаемой для пушечныхъ выстрѣловъ, и пушки, пробивающей всякую существующую броню. Такъ и чередуются на манеръ русской скороговорки: „хвостъ вытащилъ—носъ увязъ, носъ вытащилъ—хвостъ увязъ". Броню выдумалъ, пушку надо новую придумать, новую пушку придумалъ, надо броню выдумать.

Этотъ изобрѣтенный милитаризмомъ своеобразный perpetuum mobile является источникомъ все растущей дѣятельности Крупповскихъ заводовъ и растущаго обогащенія ихъ владѣльцевъ.

По поводу столѣтняго Крупповскаго юбилея нѣмецкія патріотическія газеты съ восторгомъ, путаясь въ длинныхъ, многозначныхъ цифрахъ, подсчитывали, сколько пушекъ за эти столѣтія выпустилъ Круппъ и какъ на землѣ весь родъ людской спѣшитъ обзавестись Крупповскими пушками, уплачивая нѣмецкому фабриканту коллосальную дань.

Статистика, что и говорить, поучительная.

Но куда поучительнѣе и выразительнѣе была бы она, если бы эти газеты подсчитали, во что обошлось народамъ это ухлопываніе денегъ на Крупповскія пушки и сколько человѣкъ за эти сто лѣтъ были отправлены на тотъ свѣтъ. И эту статистику, было бы весьма своевременно поднести юбиляру.

Торжественный праздникъ его, впрочемъ, и безъ того былъ испорченъ. Въ самый разгаръ празднествъ пришло извѣстіе,

что неподалеку, въ шахтѣ Лотрингенъ, произошелъ взрывъ, унесшій сотни жертвъ.

Когда прославляли за шампанскимъ благодѣянія Круповъ и имъ подобныхъ королей промышленности, императору принесли телеграмму о взрывѣ на шахтѣ Лотрингенъ.

Контрастъ получился ошеломляющій, точно театрально устроенный и подстроенный.

Празднество было прервано. Министръ, а затѣмъ и Вильгельмъ II умчались на автомобиляхъ къ мѣсту катастрофы. И отъ „пира явствъ" имъ пришлось сразу перейти туда, гдѣ „гробъ стоитъ", отъ міра ликующихъ фабрикантовъ въ міръ погибающихъ рабочихъ, задавленныхъ обвалившейся шахтой.

Это заставило вспомнить, что на ряду съ прославленнымъ и чествуемымъ Круппомъ существуютъ еще рабочіе на его шахтахъ, раскаленныхъ, огнедышащихъ заводахъ, постоянно рискующіе жизнью.

Кончился праздникъ крови и желѣза. Точно у древнихъ римлянъ, къ концу торжества появилась смерть, но только не бутафорская, а самая доподлинная. Была ли это иронія судьбы, пославшей смерть туда, гдѣ „пиръ былъ явствъ"? Было ли это напоминаніемъ о бренности всего существующаго? Или, быть можетъ, прославленіе ремесла истребленія людей людьми невольно вызвало появленіе смерти?

И удивительно: люди, прославлявшіе пушки, восторгавшіеся ими, видѣвшіе въ ихъ дальнобойности и разрушительности славу и величіе Круппа, какъ они переполошились и поблѣднѣли, когда не отдаленный призракъ, а близкій образъ смерти сталъ передъ ними.

Но что эта катастрофа на станціи Лотрингенъ, сама по себѣ такая ужасная, въ сравненіи съ тѣми безконечными смертями, которыя разнесли по всему лицу земли капиталистической празднующія свой столѣтній юбилей Крупповскія пушки.

П. Славинъ.

Памяти Н. Ѳ. Анненскаго.

Похороны за похоронами...

Умеръ Николай Федоровичъ Анненскій, оставивъ большое пустое мѣсто въ рядахъ русской интеллигенціи.

Невольно вспоминаются грустныя слова, сказанныя Н. К. Михайловскимъ у гроба Н. Шелгунова:—похоронъ много, крестинъ нѣтъ.

Быстро рѣдѣютъ ряды старой русской интеллигенціи. Н. Ф. Анненскій былъ однимъ изъ послѣднихъ могиканъ старой русской интеллигенціи, воспитанной на идеяхъ эпохи великихъ реформъ.

Жизнь Н. Ф. Анненскаго—это обычная жизнь крупнаго радикальнаго русскаго писателя. Конечно же, тутъ были и ссылки въ мѣста столь и не столь отдаленныя, были аресты, были обыски, неутвержденія, разъясненія и даже казацкія избіенія (во время извѣстной демонстраціи на Казанской площади).

Но сквозь строй всѣхъ этихъ мытарствъ Н. Ф. Анненскій прошелъ не только ни на шагъ не отступивъ, ничего не уступивъ въ своихъ убѣжденіяхъ, но, что особенно для покойнаго характерно, что безконечно въ немъ было обаятельно, ни на гранъ не очерствѣвъ душою, не ставъ суше, эгоистичнѣе, недовѣрчивѣе.

Неисчерпаемый горячій инстинктъ вѣры, не знающая годовъ и сроковъ отзывчивость ко всему доброму и прекрасному, неизбывная любовь и ко всему человѣчеству, и къ каждому человѣку, позволили Н. Ф. Анненскому пройти всю тяжелую жизнь русскаго писателя, не озлобившись и не очерствѣвъ ни душою ни умомъ, не разочаровавшись въ своихъ идеалахъ молодости.

Безграничная любовь къ живой человѣческой личности свѣтилась и въ его прекрасныхъ, добрыхъ глазахъ, когда онъ говорилъ съ какимъ-либо изъ множества лицъ, обращавшихся къ нему по тысяча и одному дѣлу, и въ его немногочисленныхъ публицистическихъ статьяхъ и въ его всегда нервныхъ, горячихъ ораторскихъ выступленіяхъ.

Прирожденный ораторъ, всегда экспромтомъ находившій такія прекрасныя, отъ сердца къ сердцу идущія, слова, никогда изъ-за словъ и пустяковъ не обострявшій разногласій, Н. Ф. Анненскій былъ бы украшеніемъ Госуд. Думы, и онъ имѣлъ всѣ шансы быть въ Думѣ представителемъ лѣваго Петербурга. Но его, конечно, поспѣшили разъяснить», лишивъ избирательныхъ правъ.

По своимъ убѣжденіямъ Н. Ф. Анненскій былъ народникомъ. Но и народничество его, какъ и все у этого человѣка въ жизни, не носило догматическаго, герметически-закупореннаго убѣжденія. Онъ всегда внимательно всматривался въ жизнь и внималъ ея урокамъ.

Какъ бы про Н. Ф. Анненскаго были сказаны Н. Шелгуновымъ слова:—«Матеріалисты неба и идеалисты земли».

Матеріалистомъ неба и идеалистомъ земли началъ и кончилъ онъ свою долгую и славную литературно-общественную дѣятельность.

Изумительно цѣльный, недѣлимый человѣкъ, онъ нераздѣльно сливалъ свое литературное слово съ общественнымъ дѣломъ, жизнь съ убѣжденіемъ. Какъ человѣкъ и какъ писатель, онъ былъ единое и нераздѣльное цѣлое. И въ этомъ была одна изъ самыхъ обоятельныхъ и притягательныхъ его чертъ.

Человѣкъ горячихъ и страстныхъ убѣжденій, легко воспламеняющійся, онъ, однако, за формулами и идеями никогда не забывалъ живыхъ дюдей, всегда умѣлъ политическую страстность соединять съ партійнымъ и личнымъ безпристрастіемъ. И характерно, что на всѣхъ крупныхъ литературныхъ и общественныхъ собраніяхъ послѣднихъ лѣтъ постоянно въ роли предсѣдателя мелькала импозантная и вмѣстѣ съ тѣмъ такая милая, вся свѣтящаяся какою-то лучистою добротою фигура Н. Ф. Анненскаго.

Тяжелую утрату понесла русская интеллигенція. Долго съ тоскою будетъ она вспоминать, что его нѣтъ, и съ благодарностью, что онъ былъ.

П. Б.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Тэффи. И стало такъ... Юмористическіе разсказы. Изданіе М. Г. Корнфельда. С.-Петербургъ. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Въ концѣ минувшаго вѣка, въ одномъ изъ своихъ прекрасныхъ писемъ къ женщинѣ, любимой имъ «наравнѣ съ отечествомъ», Гамбетта, писалъ приблизительно слѣдующее относительно юмора: «Вообще, никогда не слѣдуетъ **искать** повода къ смѣху; послѣдній долженъ непроизвольно самъ зарождаться и вырываться наружу; смѣхъ только хорошъ и здоровъ тогда, когда онъ—порожденіе благопріятныхъ обстоятельствъ, что весьма рѣдко въ наше мрачное время, въ нашей несчастной странѣ»...

Г-жа Тэффи, имя которой знакомо читающей публикѣ по ея книгамъ и газетнымъ фельетонамъ, въ высшей степени выгодно отличается отъ своихъ собратій по ремеслу и перу—именно этимъ, весьма цѣннымъ даромъ: она не **ищетъ** повода къ смѣху, не намѣчаетъ въ утренней газетѣ или вечернемъ листкѣ какого-либо злободневнаго, случайнаго фактика, часто не стоящаго выѣденнаго яйца, и не обрушиваетъ на эту невинную жертву весь запасъ своего вольнаго и невольнаго юмора, какъ-то свойственно весьма и весьма многимъ изъ профессіональныхъ нашихъ остряковъ. Замѣтьте, что пресловутыя, уже ставшія трафаретными темы и сюжеты присяжныхъ остряковъ, совсѣмъ не влекутъ ее, и она отлично обходится и безъ дачнаго мужа, и безъ мужниной тещи, и безъ лѣтняго флирта, и безъ личныхъ несовершенствъ какихъ-либо общественныхъ или частныхъ своихъ знакомыхъ. Темою ея неистощимыхъ по мягкому, всегда незлобивому, почти элегическому юмору, тонко-наблюдательныхъ и по существу остроумныхъ разсказовъ, служитъ всегда—не личность, **но обычность**, обыденность, повседневность сѣрой, будничной жизни, жалкой въ своей неизбѣжной повторности, драматичной въ основѣ своей,—an und für sich. Описываетъ ли она «фабрику красоты», предлагающую за внушительную цѣну приборъ для «омолаживанія вѣкъ» и подчеркивающій эти «омоложенныя» вѣки на «старой харѣ», «уютныя», тихія меблированныя комнаты съ сосѣдними храпами всѣхъ сортовъ: густымъ генеральскимъ, игривымъ, съ присвистомъ, съ переливами, меланхолическимъ, зловѣщимъ и т. д.: принижающій тонъ домашняго обращенія «своихъ», знающихъ, сколько вамъ лѣтъ и сколько у васъ денегъ,—«чего валяешься»,—«что это у тебя носъ вспухъ»—«ничего изъ твоихъ затѣй никогда не выйдетъ»—или образецъ свѣтскаго краснорѣчія—«осенью идетъ дождь»—или магазинный ажіотажъ «въ сезонъ», когда продавщицѣ ничего не стоитъ «водрузить надъ блѣднымъ, измученнымъ лицомъ пожилой женщины, яркій зеленый колпакъ съ угрожающими перьями» или сознательныя терзанія механически «визитерствующихъ» Богъ вѣсть почему и для чего дамъ,—вездѣ мы видимъ у г-жи Тэффи подлинный художественный юморъ, чистый, незлобивый **смѣхъ**—но никогда злорадствующую насмѣшку или самодовлѣющее хихиканье.. Съ какой-то тонкою, художественною тактичностью и женственной мягкостью она не рѣшается признать своихъ персонажей, очутившихся въ смѣшномъ положеніи, виновниками даннаго грустнаго или комическаго инцидента: нѣтъ, она всегда словно хочетъ найти для нихъ «смягчающія» обстоятельства въ окружающемъ, въ условіяхъ, въ антиноміи трагичности и комичности самой жизни, смѣющейся и плачущей почти одновременно... Нѣтъ—мы не гадкіе, не злые, не глупые,—а только жалкіе, несчастные, запуганные, слабые, смѣшные... какъ бы повторяетъ она на каждой страницѣ разсказовъ, весьма близкихъ по элегическому тону и глубокой человѣчности сюжетовъ къ лучшимъ образцамъ «Чеховскаго» юмора.

Анастасія Чеботаревская.

Сборникъ Т-ва «Знаніе«. Кн. XXXIX-ая. СПБ. 1912 г. Ц. 1 р.

Разсказъ Горькаго «Случай изъ жизни Макара», посвященъ злободневной темѣ о самоубійствахъ. Но сквозь эту, какъ бы случайную тему, просвѣчиваетъ другая, гораздо болѣе важная—коренная горьковская тема: о дряблости и никчемности нашей интеллигенціи, о томъ вредѣ, который она вноситъ въ жизнь...

Жилъ-былъ душевный парень, рабочій Макаръ. Жажда знанія, поиски лучшей жизни столкнули его съ просвѣтителями-интеллигентами. И вотъ,—какъ спознался онъ съ интеллигентами и ихъ книжками, такъ все хоршее пошло на смарку, неизвѣстно, куда дѣвалась его бодрсть, здоровье и вѣра въ себя. «Книжка постепенно становилась мѣриломъ его отношеній къ людямъ и какъ-бы пожирала въ немъ чувство единства со средою, въ которой онъ жилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ изсякало это чувство,—таяли выносливость и бодрость»... «Онъ почувствовалъ, что въ груди у него образовалось темное, холодное зіяніе, откуда, какъ изъ глубокой ямы, по жиламъ растекается, сгущая кровь, незнакомое тревожное чувство усталости, скуки, острое недовольство собою и людьми». Чувство связи со своими у Макара исчезло, а съ людьми новаго круга онъ также не могъ найти языка для общенія.— «Никуда я не гожусь, никому не нуженъ».— пришелъ онъ къ заключенію и «рѣшилъ застрѣлиться». Убить себя ему не удалось и, лежа въ больницѣ, онъ пережилъ сложный обратный процессъ обновленія и возвращенія къ жизни. Произошло это отъ того, что онъ отдохнулъ отъ интеллигентовъ и снова почувствовалъ человѣка въ пришедшихъ навѣстить его товарищахъ. Вотъ какой поучительный «случай» произошелъ съ Макаромъ!

Какъ всегда, интеллигенты взяты Горькимъ глупые, нелѣпые и скучные. Неудивительно, что они нагнали на Макара тоску. Всякій разъ, когда они его кому-нибчудь представляли, они полу-шопотомъ добавляли: —«Самоучка... Тотъ самый... Изъ народа»... Ну, а у «самоучки» изъ народа неужели совсѣмъ нечего было противопоставить этимъ интеллигентамъ? Значитъ, въ самомъ дѣлѣ, мало у него было самобытнаго, своего, если его такъ скоро могли истощить «ночи безъ сна, волнующія книги, горячія бесѣды»... Казалось бы, онъ—этотъ здоровый, выносливый человѣкъ, любящій трудъ, долженъ былъ чувствовать, что жизнь не въ безсонныхъ ночахъ, не въ горячихъ разговорахъ, а—сама по себѣ... Но этого нѣтъ. Дѣло въ томъ, и какъ Горькій этого не чувствуетъ, —что его герой—существо совершенно разсузочное, все у нео отъ разума больше, чѣмъ въ любомъ «интеллигентѣ». И такимъ онъ всегда былъ: и тогда, когда «въ каждомъ человѣкѣ хотѣлъ вызвать веселую улыбку, бодрое настроеніе» и когда «рѣшилъ застрѣлиться». Въ образѣ этомъ нѣтъ цѣльности, много назуманнаго, точно такъ же, какъ во всемъ замыслѣ Горькаго нѣтъ цѣльности, чувствуется усталость и желаніе преодолѣть какую-то докучливую преграду, отдѣляющую его отъ творчества. Это послѣднее отчасти удается. Въ разсказѣ есть живыя, хорошія страницы, гдѣ проглядываетъ—хотя и въ туманѣ—прежнее лицо Горькаго.

Большая, растянутая повѣсть Сургучева «Губернаторъ», довольно слаба. О ней не стоило бы и говорить, еслибъ авторъ ея не былъ симпатичнымъ писателемъ съ «задатками». Это, кажется, первый опытъ большого произведенія. Но оно большое только по количеству страницъ и производитъ особенно непріятное впечатлѣніе отсутствіемъ той простоты, которая характерна для первыхъ разсказовъ Сургучева. Напротивъ, въ «Губернаторѣ» чувствуется въ сюжетѣ искусственность и надуманность, а въ пріемахъ непріятная пестрота стилей реалистическаго и модернистскаго. Очень замѣтно у Сургучева вліяніе Андреева съ его роковыми проблемами, сводящимися къ трепету человѣка передъ жизнью. Разсказъ недаромъ носитъ тоже названіе, что и разсказъ Андреева; въ немъ много отголосковъ безнадежной андреевской философіи; роднитъ оба разсказа и пророческій торжественный тонъ, который такъ не идетъ къ обычно спокойной, повѣствовательной манерѣ Сургучева. Для реалистической повѣсти въ «Губернаторѣ» слишкомъ мало матеріала, а длинные вставочные эпизоды (напр., дуэль полицiймейстера) еще больше ее ослабляютъ. Для философскихъ же задачъ и обобщеній, хотя бы въ духѣ Андреева, у автора мало силъ.

Въ сборникѣ «Знанія», кромѣ произведеній Горькаго и Сургучева, помѣщено еще нѣсколько хорошихъ стихотвореній Черемнова—свѣжихъ и музыкальныхъ.

Е. Колтоновская.

Вопросы экономической жизни въ обсужденіи «собранія экономистовъ». Составилъ Д. Н. Бородинъ. Спб. 1912. 2 тома. Ц. 4 р.

Выпущенные г. Бородинымъ два тома отчетовъ петербургскаго собранія эконо-

мистовъ представляютъ чрезвычайно цѣнный матерьялъ для характеристики теченій русской общественной мысли, вообще, и экономической—въ особенности.

За двадцать лѣтъ существованія «собранія экономистовъ» всѣ сколько-нибудь крупные общественно-экономическіе вопросы русской и европейской жизни обсуждались на его засѣданіяхъ. И всѣ сколько-нибудь крупныя теченія общественной мысли были въ немъ представлены. Съ докладами и рѣчами выступали и лѣвые представители народничества, и марксизма, и В. М. Пуришкевичъ, и А. Прозоровъ, и А. Гурьевъ и т. д., и т. д.

Всѣ толки и безтолковости (В. Пуришкевичъ!) русской общественной мысли представлены въ этомъ двухтомномъ отчетѣ, изданномъ собраніемъ экономистовъ.

Для будущаго историка русской экономической мысли отчетъ, опубликованный г. Бородинымъ, послужитъ превосходнымъ матерьяломъ. По этому матерьялу можно прослѣдить не только группировки теоретической экономической мысли, но и политическія кристаллизаціи различныхъ экономическихъ группъ Россіи. Между вторымъ и первымъ томомъ замѣчается характерная разница. Первый томъ, обнимающій первые годы существованія собранія экономистовъ, носитъ болѣе опредѣленно выраженный интеллигентскій характеръ. Видное мѣсто занимаютъ въ немъ знаменитые народническо-марксистскіе турниры на нему—быть въ Россіи капитализму или не быть.

Во второмъ томѣ уже въ значительномъ количествѣ появляются экономисты двадцатаго числа, вродѣ Литвинова-Фалинскаго и А. Гурьева, и крупные промышленники—Авдаковъ, Вольскій, Ротвандъ.

По этому второму тому легко можно прослѣдить зарожденіе того сближенія «науки» съ промышленниками, которое нашло себѣ такое яркое выраженіе въ московскихъ экономическихъ бесѣдахъ на квартирѣ г. Рябушинскаго.

Любопытны выступленія экономистовъ двадцатаго числа въ эпоху смуты.

Какія рѣчи произносилъ тогда пресловутый А. Гурьевъ!

А Литвиновъ-Фалинскій! Нынѣ онъ доказываетъ, что это выдумки лѣвыхъ газетъ, будто у насъ рабочее законодательство суффлируется рабочими безпорядками, а въ собраніи экономистовъ тотъ же Литвиновъ-Фалинскій самъ доказывалъ, что у насъ въ области рабочаго законодательства «почти всѣ законы писались послѣ забастовокъ, писались на-спѣхъ и являются уступками рабочимъ; санитарно-гигіеническая сторона въ нихъ мало разработана и вся сила сосредоточена на политической точкѣ зрѣнія—успокоеніи рабочихъ» (т. II, стр. 472).

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на этомъ чрезвычайно интересномъ отчетѣ, запротоколившемъ всѣ основные этапы въ развитіи русской экономической жизни и мысли за послѣднія двадцать лѣтъ.

П. Берлинъ.

Эрнстъ Кассиреръ.—«Познаніе и дѣйствительность». Переводъ Б. Столпнера и П. Юшкевича. Изд. «Шиповникъ». Ц. 3 р. СПБ. 1912.

Трудъ Э. Кассирера является одною изъ попытокъ (раціоналистическаго) реформированія логики, ведущихъ свое начало отъ Гуссерля, съ которымъ у автора «Познанія и дѣйствительности» много общаго. Не случайно, конечно, что эти вылазки противъ аристотелевской логики происходятъ изъ лагеря математиковъ. Открытіе исчисленія «безконечно малыхъ» и теоріи функцій, несомнѣнно, должно было, съ одной стороны, указать, какъ говоритъ Кассиреръ, «на существованіе такой основной формы понятія, для которой въ логикѣ не имѣется даже яснаго наименованія и признанія», а съ другой—намѣчало и путь реформы классической теоріи «образованія понятій»—путь, аналогичный введенію въ математику декартовыхъ началъ.

Кассиреръ такъ и поступаетъ. Противъ логики «родового» понятія (образованнаго по способу **вычитанія** частныхъ признаковъ) онъ выдвигаеетъ логику **математическаго понятія** о функціи, охватывающай **всѣ** отдѣльные случаи, къ которымъ она можетъ быть примѣнима.

Обоснованію этого, богатаго послѣдствіями, положенія и примѣненію его къ различнымъ областямъ знанія посвящена книга Кассирера—одно изъ интереснѣйшихъ сочиненій по чистой логикѣ. Несмотря на трудность и отвлеченность вопроса, изложеніе автора отличается большой ясностью и точностью.

Переводъ превосходенъ.

Вад. Лѣс.

Барбэ д'Оревильи. Дэндизмъ и Джорджъ Брэммель. Перев. М. Петровскаго, вступит. статья М. Кузмина. М. Издательство «Альціона». 1912. Цѣна 1 р. 50 к.

О «великомъ дэнди» существуетъ цѣлая литература; есть двухтомная біографія, написанная Дженомъ строго-документально, почти lege artis. Старыя, еще сороковыхъ годовъ, статьи Барбэ д'Оревильи не столько говорятъ о самомъ Брэммелѣ, сколько о дэндизмѣ, какъ соціально-психологическомъ и историческомъ явленіи. Брэммель не только не былъ хорошимъ человѣкомъ, но даже порядочнымъ человѣкомъ въ узкомъ смыслѣ слова его назвать нельзя. Его блестящая жизнь просто была жалка, въ ней было много униженій и мелкихъ подлостей, и не было какъ разъ того, на чемъ горячо настаивалъ д'Оревильи—цѣльности, легкости. «Брэммель былъ одной изъ самыхъ рѣдкихъ индивидуальностей, давшей себѣ единственно трудъ—родиться»... Увы, это былъ далеко не единственный трудъ Брэммеля. Десятичасовое сидѣнье за туалетнымъ столикомъ; выдумываніе перчатокъ, которыя изготовлялись «четырьмя художниками-спеціалистами (?), тремя для кисти руки и однимъ для большого пальца»; старательное протираніе фрака кускомъ остро отточеннаго стекла, чтобы онъ казался изношеннымъ,—какія долгія и нелегкія заботы. А потомъ—какая вѣчная, зоркая слѣжка за самимъ собою, какое упорное стараніе быть замѣченнымъ... И все это продѣлывалось съ удивительной серьезностью, съ тѣмъ видомъ дѣловитаго достоинства, надъ которымъ ядовито посмѣялся самъ склонный къ дэндизму Байронъ, сказавши, что предпочелъ бы быть Брэммелемъ, чѣмъ Наполеономъ. По-истинѣ дэндизмъ слишкомъ дорого стоилъ Брэммелю, именно потому, что не былъ его натурой, и д'Оревильи нехотя показалъ это. Вліяніе на общество, т. е. на «большой свѣтъ», у Брэммеля было, да и странно было бы, если бы эта бѣшеная энергія осталась невознагражденной, но чего стоило само это общество? Дэнди были Байронъ, нашъ Пушкинъ и его Онѣгинъ, дэнди былъ Чаадаевъ; ихъ дэндизмъ былъ легокъ и простъ, какъ сущность натуры, и мало замѣчался и цѣнился ими. Въ сравненіи съ ними «великій дэнди» пропитаннаго «cant»'омъ общества—бездарный ремесленникъ, Сальери дэндизма, а тѣ—Моцарты. Но насколько неправильна у д'Оревильи оцѣнка Брэммеля, настолько хороши и мѣтки его литературныя и общественныя наблюденія, его саркастическія замѣчанія о многомъ. Издана книжка красиво, но переводъ грубъ и деревяненъ; вступительная статейка очень плоха и малограмотна.

Н. Л.

Петръ Масловъ. Теорія развитія народнаго хозяйства. Введеніе въ политическую экономію и соціологію.

Въ первой части авторъ даетъ картину измѣненія системъ хозяйства, причемъ въ основу этого измѣненія кладетъ фактъ паденія производительности послѣдовательныхъ затратъ труда на ту же площадь и ростъ населенія (ст. 64—65). Можно подумать, что въ одномъ случаѣ Масловъ раздѣляетъ точку зрѣнія Мальсуса. Такое предположеніе будетъ ошибочно. Противоядіемъ факта паденія производительности послѣдовательныхъ затратъ труда онъ выставляетъ развитіе техники (стр. 352). Въ связи съ измѣненіемъ системъ хозяйства онъ изучаетъ теорію ренты. Читатель имѣетъ передъ глазами не абстрактное построеніе теоріи, но эта экономическая категорія зарождается въ извѣстный моментъ хозяйственнаго развитія и постепенно облекается въ плоть и кровь.

Во второй части авторъ изучаетъ постепенное расширеніе организаціи общественнаго хозяйства, считая опредѣляющей причиной этого расширенія состояніе и развитіе производительныхъ силъ (172). Знаніе экономическихъ данныхъ Россіи и непосредственное изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ даетъ автору возможность дать болѣе точную классификацію и ясную картину ступеней хозяйственнаго развитія. Извѣстный экономистъ-историкъ Бюхеръ, оперируя данными экономической эволюціи Запада, средневѣковое хозяйство укладываетъ въ схему городского хозяйства. Классификація Бюхера узкая, такъ какъ, напр., Россія, гдѣ ремесло развивалось въ деревняхъ, не вмѣщается въ его схему, что даетъ П. Маслову право называть эту ступень болѣе точнымъ именемъ—раіоннаго хозяйства.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ системъ хозяйства и расширеніемъ его общественной организаціи, происходящей подъ вліяніемъ развитія производительныхъ силъ, совершается распредѣленіе и перераспредѣленіе этихъ силъ между земледѣліемъ и промышленностью, между различными отраслями промышленности и между различными странами. Опираясь на американскую промышленную перепись и на бюджетныя данныя рабочихъ и крестьянъ, авторъ въ третьей, самой интересной, части своего труда даетъ яркую картину этого процесса, почти не затронутаго политической экономіей.

Вопросъ о цѣнности онъ поставилъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о развитіи народнаго хозяйства и раскрылъ эту проблему въ ея дѣйствіи. Такимъ путемъ онъ дока-

залъ жизненную силу положенія, что трудомъ опредѣляется цѣнность товаровъ. Въ данномъ случаѣ, онъ безусловно является духовнымъ наслѣдникомъ Д. Рикардо и К. Маркса.

Въ заключеніе не можемъ не замѣтить, что авторъ г. рѣшитъ нѣкоторымъ повтореніемъ. Но, говоря это, мы выходимъ изъ области науки и вступаемъ въ область эстетики.

Горячо рекомендуемъ вниманію читателей трудъ Маслова, который также издается на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Пр.-доцентъ В. Тевзая.

---

1) Жанъ Родъ—Современный Китай. Переводъ съ французскаго. **2) Вильгельмъ Грубе**—Духовная культура Китая. Перев. съ нѣмецк. **3) В. Берарь**—Персія и персидская смута. Перев. съ франц. **4) Гольдцигеръ**—Лекціи объ Исламѣ. Перев. съ нѣмец. («Современное человѣчество», Библіотека Обществознанія подъ общей редакц. І. М. Бикермана). Изданіе Брокгауза-Ефрона, СПБ., 1912 годъ. Цѣна книги 2 руб.

Выходомъ въ свѣтъ этихъ книгъ восполняется важный пробѣлъ въ нашей научно-популярной литературѣ. Міръ человѣчества разнообразенъ въ своихъ культурныхъ проявленіяхъ до безконечности. Народы Востока хотя и живутъ самодовлѣющей жизнью и какъ будто бы отмежеваны отъ міра европейской цивилизаціи высокой китайской стѣной, тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія эволюціи космической, Востокъ и Западъ заполняютъ друга друга, они координируются между собою и создаютъ гармонію человѣческой культуры. Иногда кажется, что Востокъ чуждъ нашей цивилизаціи, что онъ не только ея антиподъ, но и ея разрушитель. Однако, это только такъ кажется, ибо мы слишкомъ мало проникли въ духъ тысячелѣтней восточной цивилизаціи, развивающейся въ своей собственной орбитѣ, но направляющейся къ единой съ нашей цѣли. Пріобщеніе Китая къ европейской современной цивилизаціи, выступленіе Персіи на путь западно - европейскаго конституціонализма—все это въ свое время было отмѣчено, какъ побѣда Запада надъ Востокомъ, какъ универсальное признаніе преимущества перваго надъ вторымъ. Но вчитавшись хорошо въ книгу бытія восточныхъ народовъ, мысленно пройдя съ ними всѣ этапы ихъ культурнаго развитія, мы увидимъ, что не о «побѣдѣ» и «преимуществѣ» можетъ идти здѣсь рѣчь, а о логическомъ завершеніи извѣстнаго цикла историческихъ событій на той или другой ступени государственной жизни.

Слѣдуетъ привѣтствовать починъ издательской фирмы «Брокгаузъ-Ефронъ», рѣшившей въ новую серію «Современное человѣчество» включить какъ разъ тѣ книги, которыя введутъ читатели in medias res міровыхъ историческихъ проблемъ. Впрочемъ, согласно программѣ «Современнаго Человѣчества», читателю будутъ предложены изслѣдованія, касающіяся не только Востока, но и Запада также, причемъ выдвинутъ будетъ на первый планъ философскій синтезъ міровой эволюціи. Такимъ образомъ, читатель получитъ возможность, если не исчерпывающимъ образомъ, то, во всякомъ случаѣ, достаточно полно изучить міръ современной культуры въ его разнообразныхъ проявленіяхъ. Что касается первыхъ книгъ, вошедшихъ въ серію «Современнаго Человѣчества», и заглавіе которыхъ выписано нами выше, то всѣ онѣ принадлежатъ перу первоклассныхъ европейскихъ ученыхъ или знатоковъ даннаго вопроса. Противъ выбора, такимъ образомъ, ничего не приходится говорить, какъ ничего не приходится говорить и о качествѣ переводовъ, тщательно прородактированныхъ и стоящихъ на высотѣ литературной техники. Единственно, о чемъ можно пожалѣть—это о высокой цѣнѣ каждаго выпуска, что сдѣлаетъ библіотеку «Современнаго Человѣчества» не очень доступной.

Н. Борецкій-Бергфельдъ.

І. Шастенъ—Тресты и синдикаты. Перев. съ франц. И. К. Брусиловскаго.« Современное Человѣчество» подъ общ. ред. **І. М. Бикермана.** Изд. Брокгаузъ-Ефрона, СПБ. 1912, стр. XVI+306. Ц. 2 р.

Среди частныхъ проблемъ міровой цивилизаціи наиболѣе значительную роль играютъ такія, которыя относятся къ организаціи матеріальной культуры, къ эволюціи экономическихъ формъ общественности. Тресты и синдикаты являются какъ разъ той разновидностью нашей экономической жизни, къ которой человѣчество прибѣгало на протяженіи почти всей исторіи. Они существовали въ древности и въ средніе вѣка, они господствуютъ и въ наше время. Но, конечно, каждая эпоха составляетъ особую ступень экономическаго развитія общества и въ соотвѣтствіи съ этимъ и мѣняется роль трестовъ и синдикатовъ. Шастенъ, собственно, даетъ исторію этого экономическаго «института», показываетъ, какое вліяніе онъ ока-

залъ на промыленное развитіе отдѣльныхъ странъ Европы. Это—съ одной стороны; съ другой-же—имъ достаточно подробно выяснено и взаимоотношеніе между синдикальной организаціей промышленности и такими сторонами послѣдней, какъ конкурренція, заработная плата, цѣны на производства. Не оставилъ безъ вниманія Шастенъ и взаимоотношенія между промышленными синдикатами и индивидомъ и государствомъ. Все это изложено исчерпывающимъ образомъ и обосновано огромнымъ фактическимъ матеріаломъ. Книга Шастена интересна не только, какъ вкладъ въ спеціальную литературу по экономическимъ вопросамъ, но и какъ пособіе, необходимое всякому, кто пожелалъ бы ознакомиться съ современнымъ экономическимъ развитіемъ общества. Поэтому появленіе ея надо считать вполнѣ умѣстнымъ. Переводъ сдѣланъ хорошо и, несмотря на то, что текстъ книги пестритъ ссылками и цифровыми данными, усвоеніе предмета, уловленіе, такъ сказать, сути всего изслѣдованія и въ русскомъ изданіи доступно среднему читателю.

Н. Б—ій.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію для отзыва.

Астори, Е. Англія, Уэльсъ и Ирландія. Изъ личныхъ замѣтокъ. М. 1912 г. Ц. 60 к.

Ан-скій, С. Сочиненія, т. III-ій. **Изд. «Просвѣщеніе»**. Ц. 1 р. 25 к.

Айзманъ, Д. Собр. сочин., т. 4-ый **Изд. «Просвѣщ.»**. Ц. 1 р. 25 к.

Буличъ, Н. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія. **Изд. М. Стасюлевича.** Ц. 2 р.

Бетъ. Искусство судебной рѣчи. М. 1912. Ц. 50 к.

Гарборгъ. Учитель. Изд. В. Саблина. Ц. 1 р.

Гауптманъ. Красный пѣтухъ. Извозчикъ Геншель. Ц. 1 р. **Изд. В. Саблина.**

Его же. Ткачи. Заложница короля Карла. **Изд. В. Саблина.** Ц. 1 р.

Его же. Бобровая шуба. Пага пляшетъ. **Изд. В. Саблина.** Ц. 1 р.

Гальперинъ, М. Мерцанія. Стихи. **Изд. «Графика».**

Дѣдушкинъ подарокъ. Вторая и третья книги **Изд. В. Саблина.** Ц. 35 и 50 к.

Златовратскій. Н. Собр. сочин. **Изд. «Просвѣщ.»**, т. III и IV. Ц. 1 р. 50 к. за томъ.

Іенсенъ. Ледникъ. **Изд. Саблина.** Ц. 1 р.

Ковалевскій М. Учебникъ русской исторіи. **Изд. В. Саблина.** Ц. 60 к.

Немировичъ-Данченко, В. Собр. сочин., т. 7-й и 8-ой. Ц. 1 р. 50 к. за томъ. **Изд. «Просвѣщ».**

Новѣйшій русскій букварь. Изд. В. Саблина. Ц. 20 коп.

Мачтетъ, Г. Собр. сочин., т. IX. **Изд. «Просвѣщ».** Ц. 1 руб.

Муйжель, В. Собр. сочин., т. V и VI. Ц. 1 р. за томъ. **Изд. «Просвѣщ.»**

Отечественная война въ изображеніи русскихъ писателей. **Изд. Саблина.** Ц. 2 р.

Стерманъ и Шруфъ. Новый практическій учебникъ франц. языка. **Изд. Саблина.** Ц. 80 коп.

Стебловъ. А. Историч. обзоръ русской литературы. **Изд. Саблина.** Ц. 1 р. 50 к.

Шапиръ, О. Собр. сочин., т. X-ый. **Изд. «Просвѣщ.»** Ц. 1 р. 50 к.

Штекль. Исторія средневѣковой философіи. **Изд. В. Саблина.** Ц. 1 р. 85 к.

Успенскій, С. Катехизисъ въ разсказахъ. **Изд. В. Саблина.** Ц. 25 к.

Чеховъ. Н. Народное образованіе въ Россіи съ 60-хъ г.г. **Изд. «Антикъ».** Ц. 1 р. 60 к. **Изд. «Польза».**

Жоржъ Сандъ. Маленькая Фадетта. Ц. 20 к. **Шиллеръ.** Разбойники, ц. 20 к. **Г. Сенкевичъ.** Старый слуга Ганя, ц. 20 к. **В. Жуковскій.** Рустемъ и Зорабъ, ц. 10 к.. **Гюи де-Мопассанъ.** Домъ Телье, ц. 10 к. **В. Реймонтъ.** Мужики, ц. 40 к. **М. Меллъ.** Разсказъ о рабѣ-евреѣ ц. 10 к. Пѣсни каторги. Соб. В. Гартевельдъ, ц. 10 коп.

Редакторъ-издатель **И. М. Розенфельдъ.**

Типографія «Ш. БУССЕЛЬ» Спб., Лиговская 117.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

VIII

НОВАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНІЕ

1912 г. **Августъ.**

№ 8.

Отъ редакціи.

Рукописи, присланныя въ редакцію, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и снабжены именемъ и адресомъ автора.

Непринятыя рукописи, менѣе печатнаго листа, возвращенію не подлежатъ, и редакція рекомендуетъ авторамъ оставлять у себя копіи такихъ рукописей. Относительно непринятыхъ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не вступаетъ.

Рукописи, болѣе листа, непринятыя для напечатанія, хранятся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. На отвѣтъ и возвращеніе рукописей прилагаются марки.

Отъ конторы.

За перемѣну адреса—50 к. для иногороднихъ,—для городск. подписчиковъ—40 к. Выписывающіе одновременно «Нов. Журн. для Всѣхъ» и «Новую Жизнь платятъ—иногор. 70 к. и городск.—50 к. При новомъ адресѣ слѣдуетъ сообщить прежній свой адресъ съ бандероли.

Такса объявленій въ журналѣ «Новая Жизнь». послѣ текста—страница—80 р., 1/2 стр.—45 р., 1/4 стр. 25 р., строка нонпарели (въ одну колон.)—40 к.

На обложкѣ: 2 и 3 стран.—100 р., 1/2 стран.—60 р., 1/4 стран. 35 р., строка нонпар. (въ одну колон.)—80 к., 4-ая стран.—120 р., 1/2 стр.—70 р., 1/4 стр.—40 р.

Въ Москвѣ подписка принимается въ конторѣ Печковской.

Контора «Новой Жизни» убѣдительно проситъ г.г. подписчиковъ при всѣхъ сношеніяхъ съ ней писать свои адреса какъ можно болѣе четко.

СЛАЩЕ ЯДА.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

ГЛАВА XXXI.

Евгеній въ этотъ день вернулся домой рано. Кабинетъ его былъ направо изъ передней, но онъ пошелъ налѣво, черезъ залъ и гостиную, заглянулъ по привычкѣ въ проходную комнату и удивился, что Шани нѣтъ на ея обычномъ мѣстѣ. Горничная Дарья суетливо прошла мимо Евгенія, и у нея было какое-то странное выраженіе лица. Евгеній подумалъ, что что-то случилось.

— Барыня и барышня дома? — спросилъ онъ.

— Дома, у себя-съ,—отвѣчала Дарья какимъ-то ненатуральнымъ тономъ, пытливо и быстро глянула на Евгенія, и поспѣшно ушла изъ гостиной.

Евгеній прошелъ въ столовую. Тамъ сидѣлъ передъ стаканомъ давно налитаго чая Алексѣй. Было странно, что онъ сидитъ одинъ, словно ждетъ чего-то. Поздоровались и вышли въ гостиную.

— Развѣ у васъ въ гимназіи сегодня нѣтъ уроковъ?—спросилъ Евгеній.

Алексѣй отвѣчалъ съ непріятною, насмѣшливою улыбкою:

— Исполняемъ христіанскія обязанности. Сегодня у насъ исповѣдь назначена. А я пришелъ поболтать съ кузиночкою и попалъ на семейную сцену.

— Что такое? что за сцена?—живо спросилъ Евгеній.

Алексѣй посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ.

— А ты развѣ ничего не знаешь?—спросилъ онъ.

— Меня же не было дома,—сказалъ Евгеній.

— Дѣло, видишь-ли, въ томъ,—понижая голосъ почти до шопота, заговорилъ Алексѣй,—что тетя какимъ-то способомъ, кажется, при помощи Рябовыхъ, проникла въ одинъ твой секретъ амурнаго свойства. Она узнала, что швейка Лиза вовсе не Лиза, и что ты съ нею былъ знакомъ еще въ Сарыни.

---

*) Кн. 4, 5, 6 и 7 „Нов. Жизни“.

— Ахъ, чортъ возьми!—съ досадою воскликнулъ Евгеній.

Алексѣй торопливо, вполголоса, принялся разсказывать о томъ, какъ Шаню выгнали. Онъ увлекся разсказомъ, и забылъ, что это—непріятная для Евгенія исторія. Говорилъ, радостно хихикая:

— Ушла, какъ оплеванная. Это надо было видѣть. Всѣ свои фасоны растеряла.

Евгеній такъ смутился, что долго слушалъ молча, не догадываясь, что тонъ Алексѣя неприличенъ. Наконецъ, сказалъ:

— Однако, Алексѣй, ты поосторожнѣе. Она очень порядочная дѣвушка, и я ее люблю.

Алексѣй сдѣлалъ большіе глаза.

— Любить серьезно!—воскликнулъ онъ.—Но въ наше время это смѣшно. Фа! любить! ерундища какая!

Евгеній сдѣлалъ серьезное лицо и тономъ старшаго говорилъ Алексѣю:

— Эти взгляды у тебя теперь—явленіе наносное. Ты отъ нихъ избавишься, когда станешь посерьезнѣе.

— Едва-ли! Не считаю нужнымъ,—возразилъ Алексѣй.

— Но если ты при нихъ останешься,—сказалъ Евгеній,—и съ ними выростешь, то ты будешь изряднымъ пошлякомъ.

Въ эту минуту Евгеній, словно покрытый лакомъ Шаниныхъ мыслей и настроеній, чувствовалъ себя человѣкомъ съ широкими свѣтлыми взглядами, и гордился своимъ превосходствомъ надъ Алексѣемъ.

Алексѣй презрительно улыбнулся и сказалъ:

— Всякій порядочный человѣкъ скажетъ тебѣ то же самое, что и я, можешь быть въ этомъ увѣренъ.

— Всякій пошлякъ, можетъ быть,—сердито сказалъ Евгеній.

— Да и ты самъ современемъ придешь къ тому же,—говорилъ Алексѣй.—А теперь ты ослѣпленъ любовью.

— Да,—сказалъ Евгеній самодовольно,—любовь имѣетъ свои права. Если бы ты зналъ, какая она красавица!

—Я ее видѣлъ сегодня,—сказалъ Алексѣй.—Вполнѣ одобряю твой вкусъ. Правда, она очень хороша. Очаровательная цыганка. Кокетка,—ее бранятъ, а она и тутъ глазками стрѣляетъ.

— У нея глаза свѣтлые, проницательные, какъ у орла,—съ восторгомъ говорилъ Евгеній.—А волосы,—черные, длинные, локонами падаютъ, когда она ихъ распуститъ, закрываютъ ея щеки! А на щекахъ какой нѣжный румянецъ! А губы, полныя, алыя, какъ вишни! Увидѣть ее и не придти въ восторгъ,—да это надо ничего, ничего не понимать!

— Что-то ты ужъ очень ее расхваливаешь! Ужъ не хочешь ли ты на ней жениться?—спросилъ Алексѣй, улыбаясь насмѣшливо.

Алексѣй подражалъ отцу и потому любилъ ироническія слова и насмѣшливыя улыбки.

— Да, женюсь,—отвѣчалъ Евгеній.—Она меня любитъ, и будетъ ждать, пока я кончу свое ученье и устроюсь.

Алексѣй съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Ну, а какъ же тогда Катя Рябова?

Евгеній пожалъ плечами. Сказалъ:

— Ну, что жъ Катя! Это—вкусъ моей мамы, а не мой. Не могу же я жениться по чужому выбору. Было бы нелѣпо въ такомъ серьезномъ вопросѣ дѣйствовать по чужой указкѣ.

— Что жъ, она имѣетъ что-нибудь, эта, твоя избранница?—спросилъ Алексѣй.

— Тридцать тысячъ,—сказалъ Евгеній.

Алексѣй захохоталъ.

— Не густо,—сказалъ онъ откровенно-издѣвающимся тономъ.—Послѣ Катиныхъ капиталовъ это ужъ слишкомъ мизерно.

Евгеній покраснѣлъ. Сказалъ:

— Она небогата, да, но я самъ пробьюсь.

— Очень пріятно!—иронически воскликнулъ Алексѣй.—Это, что называется, промѣнять кукушку на ястреба. Катя Рябова и богата, и мила.

— И глупа,—сказалъ Евгеній.

— Да, и глупа,—согласился Алексѣй.—Умные люди говорятъ, что это—также не малое достоинство въ женѣ. А главное, богата.

— Я—Хмаровъ,—гордо сказалъ Евгеній.—Хмаровы не торговали своею честью.

— Честь тутъ не при чемъ,—отвѣчалъ Алексѣй.—Помни, что воспитаніе кладетъ рѣзкія преграды между людьми. Воспитаніе и происхожденіе.

Евгеній разговаривалъ съ Алексѣемъ, а самъ тревожно прислушивался къ тишинѣ, царившей въ квартирѣ. Эта тишина угнетала его, напоминая о неизбѣжности непріятныхъ объясненій.

Алексѣй скоро ушелъ. Евгеній пошелъ къ матери—объясняться. Ему казалось, что его положеніе будетъ лучше, если онъ самъ начнетъ этотъ разговоръ.

Онъ засталъ у матери Марію. Мать набросилась на Евгенія съ упреками. Марія сидѣла въ сторонѣ съ притворно-кроткимъ лицомъ и смотрѣла на Евгенія упрекающими глазами.

Варвара Кирилловна кричала:

— Это ни на что непохоже! У тебя сестра—невѣста, а ты вводишь въ домъ какую-то потаскушку! Вводишь ее обманомъ.

Евгеній сначала оправдывался:

— Я ее отговаривалъ. Она сама это придумала. Мнѣ самому это не нравилось. Но ей хотѣлось почаще меня видѣть.

— Ты бы у меня спросилъ,—кричала Варвара Кирилловна,—хочу ли я видѣть въ своемъ домѣ эту подлую шлюху!

Наконецъ, Евгеній разозлился и тоже началъ кричать:

— Мама, я васъ прошу не говорить о ней такихъ словъ. Вы меня оскорбляете. Шаня—моя невѣста.

Варвара Кирилловна трагически захохотала.

— Ха-ха-ха! Давно-ли?

— Я—не маленькій,—запальчиво кричалъ Евгеній.—Я не хочу быть подъ вашею опекою до сорока лѣтъ.

Варвара Кирилловна застонала, заломила руки, и съ видомъ жестоко оскорбленной ушла въ свою спальню, съ силою захлопнувъ за собою дверь. Марія смотрѣла на Евгенія съ притворнымъ ужасомъ. Сказала пренебрежительно:

— Евгеній, какъ тебѣ не стыдно! Ты кричишь, какъ мѣщанинъ. Ты отъ нея заразился, отъ этой ужасной дѣвицы.

Евгеній сказалъ язвительно:

— Ну, ужъ это съ больной головы на здоровую. Кричу не я.

Марія встала и оскорбленнымъ тономъ сказала:

— Прошу тебя въ моемъ присутствіи не осуждать нашу бѣдную мамочку. Злословить ее ты можешь съ этою своею подругою. А я не хочу слышать обидныхъ словъ о моей мамочкѣ.

Евгеній пожалъ плечами и сказалъ:

— Не понимаю, изъ чего ты заключила, что я хочу злословить. Я и вообще-то не хочу говорить съ тобою на эту тему.

Въ тотъ же день передъ обѣдомъ пришелъ Аполлинарій Григорьевичъ. Онъ узналъ отъ Алексѣя о сегодняшнемъ событіи, обезпокоился,—больше всего на свѣтѣ онъ боялся скандала,—и захотѣлъ поговорить съ Варварою Кирилловною. Прямо прошелъ къ ней.

Выслушавъ разсказъ Варвары Кирилловны объ изгнаніи Шани, Аполлинарій Григорьевичъ неодобрительно покачалъ головою.

— Напрасно вы такъ рѣзко поступили,—сказалъ онъ.—Этого не надо было дѣлать.

Варвара Кирилловна вспыхнула. Такого отношенія она не ожидала. Она очень гордилась своимъ подвигомъ и была увѣрена, что Аполлинарій Григорьевичъ ее одобритъ. Она горячо заговорила:

— Нѣтъ, эту дерзкую тварь, эту негодную обманщицу надо было вы-

гнать, и надо было пробрать ее такъ, чтобы она хорошенько почувствовала, чтобы она это на всю жизнь запомнила.

— Зачѣмъ же это?—говорилъ Аполлинарій Григорьевичъ.—Не надо гнать никого и никогда. Это совершенно безполезно.

— А что же прикажете мнѣ дѣлать? терпѣть?—насмѣшливымъ тономъ спрашивала Варвара Кирилловна.—Разыгрывать изъ себя смиренную христіанку, которая подставляетъ обѣ щеки, если ее хотятъ ударить по одной? Сказать ей: дѣлай, голубушка, что тебѣ угодно? Я такъ не могу, я—мать. Я знаю, что вы всегда противъ меня. У васъ страсть спорить со мною. Что бы я ни сдѣлала, ни сказала, по вашему все не такъ.

Аполлинарій Григорьевичъ, досадливо хмурясь и покручивая длинные сѣдые усы, сказалъ:

— Евгеній самъ прогналъ бы ее, дайте срокъ. А теперь вы только масла въ огонь подлили. Теперь эта Шанечка вамъ должна быть глубоко благодарна. Евгеній теперь полетитъ къ ней утѣшать ее, и мы не можемъ теперь даже предвидѣть, чего она отъ него потребуетъ. Можетъ быть, она заставитъ его теперь же повѣнчаться съ нею.

Варвара Кирилловна посмотрѣла на Аполлинарія Григорьевича растерянно и нерѣшительно сказала:

— Противъ этой мерзавки можно и другія мѣры принять. Я къ губернатору поѣду.

— Полноте!—досадливо сказалъ Аполлинарій Григорьевичъ.—Гонимая любовь! жертвы! Вообще, не понимаю, къ чему было разводить эту романтичность! Надо было только слѣдить внимательно и ждать, что покажетъ время.

Варвара Кирилловна пылко возражала:

— Какъ можно такъ рисковать! Что вы мнѣ говорите! Я лучше васъ знаю сердце моего сына. Я—мать.

— И потому ослѣплены,—сказалъ Аполлинарій Григорьевичъ.—Вы теперь поставили Евгенія въ такое положеніе, что онъ считалъ бы себя безчестнымъ, если бы бросилъ ее. Вѣдь, онъ, навѣрное, считаетъ, что вы ее обидѣли, и сочувствуетъ, конечно, ей, а не вамъ.

Варвара Кирилловна заплакала, почти непритворно, и говорила:

— Онъ—такой пылкій и благородный, это—правда, но онъ не захочетъ огорчить свою мать.

Аполлинарій Григорьевичъ насмѣшливо усмѣхнулся и махнулъ рукою. Сказалъ:

— Я Евгенія тоже хорошо знаю. Одна только надежда на то, что на сильную любовь пороху не хватитъ, и что на смѣлый поступокъ изъ-за любви онъ не рѣшится. Еще разъ говорю,—надо внимательно слѣдить и ждать.

— Да развѣ вы не боитесь, что она его оберетъ?—воскликнула Варвара Кирилловна.

Аполлинарій Григорьевичъ безпомощно развелъ руками.

— Конечно,—сказалъ онъ,—объ этомъ слѣдуетъ подумать. Но надо очень осторожно дѣйствовать.

Всѣ Хмаровы были очень скупы, и Аполлинарій Григорьевичъ не составлялъ исключенія. Послѣднія слова Варвары Кирилловны заставили его призадуматься. Конечно, будетъ очень прискорбно, если эта авантюристка завладѣетъ Женинымъ капиталомъ. Онъ и такъ невеликъ, и изъ него еще разсчитывали позаимствовать на приданое Маріи.

Варвара Кирилловна говорила:

— Можетъ быть, онъ и не отдастъ ей сразу всѣхъ денегъ,—онъ, вѣдь, такъ заботится о сестрѣ и готовъ отдать ей все, что можетъ. Но эта тварь, конечно, вовлекаетъ его въ расходы, требуетъ подарковъ. Всѣ эти люди— такія продажныя и низкія твари! Вѣдь, мы не знаемъ, какихъ онъ надавалъ ей подарковъ. До послѣдняго времени все это было въ тайнѣ отъ насъ. Мнѣ даже трудно повѣрить, что Евгеній могъ быть со мною такимъ неискреннимъ. Эта негодяйка его научила. Онъ раньше былъ такой довѣрчивый и чистый. Она его совершенно испортитъ, если дать ей волю.

— Да, надо постараться это прекратить,—задумчиво говорилъ Аполлинарій Григорьевичъ.—Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но, ради Бога, осторожность!

И они еще долго и взволнованно бесѣдовали. Какъ заговорщики.

ГЛАВА XXXII.

Евгеній стремился поскорѣе увидѣть Шаню,—утѣшить ее. Аполлинарій Григорьевичъ былъ правъ: Шанино изгнаніе повысило температуру страсти въ Евгеніи. Кромѣ того, Евгеній былъ раздраженъ тѣмъ, что Варвара Кирилловна такъ круто обошлась съ Шанею, совершенно не считаясь съ его самолюбіемъ. Теперь уже ему захотѣлось поставить на своемъ.

Раньше, оставаясь наединѣ съ собою, Евгеній или совсѣмъ не думалъ о томъ, чѣмъ кончится его любовь къ Шанѣ, или думалъ мало, короткими, незначительными мыслями. Просто отдавался пріятному и жуткому потоку любви и неопасныхъ приключеній.

Но теперь Евгеній искренно рѣшилъ жениться на Шанѣ, какъ только кончитъ курсъ и получитъ мѣсто. Жениться, чтобы поставить на своемъ и переупрямить мать.

Евгеній трусливо злился на мать. Въ немъ все возрастала мелкая, безсильная злость противъ матери и противъ сестры. Это чувство обрадовало

его. Онъ культивировалъ его въ себѣ. Чувствовалъ, что иначе ему трудно бороться съ семьею.

Послѣ изгнанія Шани Евгеній чувствовалъ себя виноватымъ передъ нею. Жалѣлъ ее, но и заранѣе злился,—боялся, что и она сочтетъ его въ чемъ-то виноватымъ и станетъ упрекать.

И боялся Евгеній свиданія съ Шанею, и чувствовалъ, что необходимо съ нею повидаться. Написалъ ей,—назначилъ свиданіе въ гостиницѣ „Венеція". Написалъ, что онъ въ отчаяніи отъ того, что случилось, выражалъ надежду, что Шаня не станетъ винить его въ происшедшемъ чрезвычайно-непріятномъ событіи, увѣрялъ, что онъ нѣжно и страстно любитъ ее, что она—его единственная радость.

Въ назначенный день онъ пришелъ въ гостиницу рано. Сильно боялся, что сегодня Шаня не придетъ.

Шаня въ этотъ разъ и въ самомъ дѣлѣ запоздала болѣе, чѣмъ на часъ. Опять дядя Жгловъ задержалъ. Потомъ непріятный разговоръ на улицѣ съ Гнусомъ.

Гнусъ уже не разъ писалъ ей любовныя письма. Шаня ему не отвѣчала. Потомъ онъ нѣсколько разъ пытался заговаривать съ нею и для этого подстерегалъ ее на улицахъ. Сначала былъ робокъ, и говорилъ о своемъ чувствѣ намеками.

На дняхъ Гнусъ и на словахъ признался ей въ любви. Шаня выслушала его молча. Она быстро шла по улицѣ, Гнусъ семенилъ за нею. Сердце ея сжималось отъ темнаго, предвѣщательнаго страха, и она думала:

— „Не къ добру дался мнѣ этотъ Гнусъ, ой, не къ добру!"

Когда Гнусъ кончилъ, она сказала, стараясь говорить строго, но спокойно, чтобы не обозлить его:

— Простите, Гнейсъ, вы мнѣ совсѣмъ не нравитесь. И, пожалуйста, прекратите ваши ухаживанія. Они меня очень стѣсняютъ.

— Я все-таки буду надѣяться,—сказалъ Гнусъ.—Я—преданный и честный человѣкъ, и если вы меня полюбите, я всю жизнь молиться на васъ буду. Я вамъ докажу, что могу быть достойнымъ вашей любви. Со мною вы будете счастливы во всѣхъ отношеніяхъ.

Шаня пошла быстрѣе, Гнусъ понемногу отсталъ.

Сегодня онъ опять догналъ ее на улицѣ, когда она шла въ „Венецію". Сказалъ:

— Я все знаю.

— Что вы знаете?—досадливо спросила Шаня.

Гнусъ радостно улыбался, растягивая свой ужасный зеленозубый ротъ,

и зеленое лицо его сегодня казалось Шанѣ особенно противнымъ. Онъ говорилъ, отъ радостнаго волненія брызгая слюною:

— Насчетъ того, что у васъ непріятность была у Хмаровыхъ.

— Вамъ-то что за дѣло!—крикнула Шаня.

Гнусъ говорилъ:

— Полюбите меня, Александра Степановна, господину Хмарову не позволятъ на васъ жениться. Вы увидите, онъ не посмѣетъ за васъ заступиться, онъ покорится желаніямъ своей маменьки, которая нашла для него невѣсту съ грандіознымъ приданымъ. Полюбите меня, я васъ на рукахъ носить буду.

— Подите прочь!—крикнула Шаня.—Вы мнѣ противны съ вашимъ шпіонствомъ!

Лицо Гнуса покрылось бурыми пятнами. Онъ оскалилъ неровные, желто-зеленые зубы, и зашипѣлъ, свирѣпо моргая красными вѣками:

— Вашему дяденькѣ скажу!

Шаня остановилась передъ Гнусомъ, засверкала глазами и съ тихою злобою сказала:

— Если вы посмѣете это сдѣлать, мой женихъ убьетъ васъ, какъ собаку!

Гнусъ немного попятился, испуганный сверканіемъ ея глазъ и гнѣвнымъ дрожаніемъ ея губъ, но, услышавъ ея слова, онъ погано ухмыльнулся и сказалъ очень тихо:

— Не убьютъ-съ. Бѣлоручка-съ господинъ Хмаровъ, и къ героическимъ поступкамъ не склоненъ.

Шаня отвернулась отъ Гнуса и бросилась бѣжать. Гнусъ крикнулъ ей въ догонку:

— Подумайте! Я подожду.

Евгеній сидѣлъ въ пустомъ кабинетѣ гостиницы „Венеція“, томился скучнымъ ожиданіемъ, нервничалъ и злился.

Наконецъ, онъ рѣшилъ, что сегодня уже не придетъ Шаня. Онъ вышелъ изъ комнаты. Хмурый и злой, шелъ онъ по коррилору, слабо освѣщенному далекимъ свѣтомъ изъ окна.

И вдругъ, когда уже онъ подходилъ къ лѣстницѣ, по ковру лѣстницы послышались быстро-взбѣгающіе, легкіе, знакомые шаги,—и вотъ передъ нимъ Шаня, какъ нечаянная радость. Онъ воскликнулъ:

— Шанечка, наконецъ-то! Ужъ я думалъ, что не дождусь. Что ты такъ поздно?

Шаня была обижена тѣмъ, что Евгеній не хочетъ ее подождать, хотя

они еще не видѣлись съ того времени, какъ ее выгнали. Она обрушилась на Евгенія съ гнѣвными упреками.

— Вотъ какъ, Женечка, ты ужъ домой собрался! Торопишься! Со мною ужъ некогда посидѣть! Катя ждетъ?

Евгеній смущенно оправдывался:

— Да нѣтъ, Шанечка, какъ ты можешь это думать! Я думалъ, ты ужъ не придешь.

Повелъ ее въ кабинетъ, помогалъ ей снять ея отороченную мѣхомъ кофточку. Шаня, все болѣе раздражаясь, говорила:

— Ты знаешь, что я у дяди точно въ клѣткѣ живу. Мало ли что можетъ меня задержать! Я не могу минута въ минуту, по хронометру!

Евгеній бормоталъ что-то. Шаня, не слушая его, кричала:

— Я не могу! Я испытала, какъ это пріятно, когда выгоняютъ,—я не хочу, чтобы меня еще и дядя изъ своего дома выгналъ. Хорошаго чуть.

Заплакала. Смущенный Евгеній лепеталъ что-то, какія-то жалкія объясненія.

— Это—ужасно непріятный инцидентъ,—говорилъ онъ.—Я въ страшномъ отчаяніи.

Шаня вдругъ глянула на Евгенія, засмѣялась сквозь слезы, и принялась бойко и зло высмѣивать его. Смѣялась и говорила:

— Ты, пожалуйста, не воображай, что ужъ я совсѣмъ погибаю отъ того, что меня выгнали. Я на дняхъ съ княземъ Паучинскимъ познакомилась. Хорошій князь! Вотъ выйду за князя, и буду княгинею.

Евгеній, обидчиво краснѣя, говорилъ:

— Мы и не князья, только Хмаровы, да нашъ родъ не хуже многихъ княжескихъ.

Но лицо у него было такое сконфуженное, и весь онъ держался такъ неловко и виновато, что скоро Шанѣ стало жаль его.

— Ну, ладно,—сказала она, вытирая слезы,—я на тебя ужъ не сержусь. Но если бы ты видѣлъ, Женечка, въ какую у васъ передѣлку я попала!

И она весело принялась описывать торжественную сцену своего изгнанія. Представила въ лицахъ грозную позу Варвары Кирилловны и показала, какая она сама была испуганная, униженная, умоляющая.

Евгеній чувствовалъ себя очень неловко. Онъ принужденно улыбался, хмурился, бормоталъ:

— Ну, это ты преувеличиваешь.

— Ну, это не можетъ быть.

— Ну, это у нея нервы.

Ему было стыдно думать, что Шаня станетъ смѣяться надъ его матерью.

Насмѣшекъ надъ представителями великолѣпнаго рода Хмаровыхъ Евгеній не выносилъ.

Но Шаня и сама чувствовала, что насмѣшки надъ матерью обидятъ Евгенія. И потому Шаня не осмѣивала ея. Все смѣшное обратила на себя и на Дарью. И тогда Евгенію стало радостно, и онъ опять почувствовалъ жалость къ Шанѣ и нѣжность.

Опасенія Хмаровыхъ, будто Шаня разоритъ Евгенія, отберетъ его деньги, введетъ въ расходы, потребуетъ подарковъ, были, конечно, совершенно неосновательны. И потому, что Шаня ничего не требовала, а больше любила дарить, и потому, что Евгеній не склоненъ былъ кому бы то ни было давать то, что можно истратить на себя.

Только одинъ разъ въ эту зиму Евгенію пришло въ голову, что надобно подарить что-нибудь Шанѣ. Но опять повторилось то же, что съ нимъ уже было въ Сарыни. Онъ пошелъ покупать Шанѣ браслетъ, но по дорогѣ часть денегъ оставилъ въ ресторанѣ съ товарищами,—никакъ нельзя было отказаться,—а на остальныя совершенно невзначай купилъ себѣ жемчужную булавку въ галстухъ.

А Шаня дарила Евгенію охотно и часто. Любила дарить. Большое удовольствіе доставляло ей выбирать вещицы для подарковъ и соображать, что можетъ особенно понравиться Евгенію.

Шанины деньги иногда бывали нужны Евгенію. Случалось даже нерѣдко, что Евгеній самъ просилъ у Шани:

— Шанечка, дай мнѣ, пожалуйста, рублей сорокъ. Въ долгъ, до будущаго вторника.

Иногда отдавалъ эти деньги. Чаще же дѣлалъ видъ, что забылъ. Думалъ:

— „Это доставляетъ ей удовольствіе. И стоитъ ли мнѣ съ нею считаться! Если у меня будетъ лишнія, а ей понадобятся, я ей дамъ“.

Въ первое время въ Крутогорскѣ Шаня деликатничала и боялась оскорбить Евгенія своими подарками. Потомъ каждый разъ она бывала рада, что онъ беретъ, рада до восторга тому, что онъ снисходитъ до ея подарковъ, потомъ бывала рада, что можетъ подарками угодить ему, потомъ уже немножко свысока стала смотрѣть на эти подачки. Какое-то странное совершалось въ ней понемногу передвиженіе чувства: прежде ее радовало, что Евгеній стоитъ надъ нею на недосягаемой вышинѣ, потомъ, приближаясь къ нему, она все болѣе и болѣе убѣждалась, что этой высоты нѣтъ, но отъ этого ея любовь къ маленькому Евгенію становилась еще горячѣе, чѣмъ была ея дѣтская любовь къ солнечно-ясному и высокому герою.

Впрочемъ, ощущая въ сердцѣ своемъ эти приливы нѣжности, почти материнской, къ Евгенію, въ эти дни Шаня еще не отдавала себѣ отчета въ томъ, что смотритъ на Евгенія сверху внизъ и многое въ немъ презираетъ. Простосердечно думала она, что все между ними остается по-прежнему. Вѣдь, было же для нея несомнѣнно, что любовь ея безмѣрна, и что въ этой любви, какъ и въ самомъ внѣшнемъ мірѣ, она раскрываетъ съ каждымъ днемъ все новыя и новыя возможности. И развѣ не величайшее въ мірѣ счастіе—быть хоть въ чемъ-нибудь сильнѣе любимаго и потому имѣть возможность ему служить!

А Евгеній, чѣмъ больше бралъ у Шани денегъ, тѣмъ больше начиналъ ее ненавидѣть. У Евгенія очень рано въ любовь къ Шанѣ вкрадывалась ненависть и постепенно нарастала.

И все-таки онъ ее любилъ. Вѣдь, ненависть—только степень любви. Тотъ, кто, какъ Шаня, вовлекаетъ въ любовь, пламенѣя, горитъ во всѣхъ ея огняхъ, а тотъ, кто въ любовь вовлекается, какъ Евгеній, безсильно корчится на ея холодѣющихъ граняхъ.

ГЛАВА XXXIII.

Варварѣ Кирилловнѣ сначала казалось, что все очень легко и просто устроится: стоитъ только Шаню выгнать, на Евгенія воздѣйствовать совѣтами и изъявленіями гнѣва и горя—Евгеній опомнится, вернется къ Катѣ, и эти непріятности забудутся, и все пойдетъ по-прежнему.

Но вышло не такъ просто. Болѣе всего безпокоило Варвару Кирилловну то, что отношенія къ Рябовымъ стали очень холодны и никакъ не налаживались на прежній ладъ.

Рябовы, разоблачивъ Шанинъ секретъ, съ тѣхъ поръ не пріѣзжали къ Хмаровымъ ни разу. Варвара Кирилловна не рѣшалась ѣхать къ нимъ первая. Правда, встрѣчались довольно часто у общихъ знакомыхъ. Разговоры при этомъ велись безразличные.

Аполлинарій Григорьевичъ, встрѣчаясь съ Рябовыми, порою пускалъ въ ходъ разныя дипломатическія хитрости, но Рябовъ отмалчивался или отдѣлывался неопредѣленными фразами:

— Ну, тамъ время покажетъ.

— Поживемъ, увидимъ,—надъ нами не каплетъ.

— Катя еще такъ молода.

И спѣшилъ прекратить разговоръ.

Хмаровыхъ мучило сомнѣніе—окончательный-ли это разрывъ, или только временное охлажденіе.

Думать о томъ, что съ Катею Рябовою все кончено, для Варвары Кирилловны и для Маріи было даже страшно. Это казалось имъ скандаломъ, который ставитъ ихъ въ смѣшное, постыдное положеніе.

Варвара Кирилловна не разъ при Евгеніи заводила разговоръ о Рябовыхъ и всегда при этомъ принимала такой обиженный и несчастный видъ, что Евгеній начиналъ злиться.

— Рябовы у насъ уже давно не были и все не ѣдутъ,—съ сокрушеніемъ говорила она и при этомъ значительно смотрѣла на Евгенія.

Евгеній иногда промолчитъ, иногда иронически спроситъ:

— Ну-съ, такъ что же изъ того?

— Но, вѣдь, это скандалъ!—патетически говорила Варвара Кирилловна.

Евгеній начиналъ злиться. Кривилъ губы, пощипывалъ усы. Спрашивалъ насмѣшливо:

— Развѣ? Да неужели?

Варвара Кирилловна, шагая по комнатѣ крупными шагами, говорила:

— Всѣ въ городѣ знали, что у тебя съ Катею вполнѣ опредѣленныя отношенія, всѣ смотрѣли на васъ, какъ на жениха и невѣсту,—и вдругъ что же это такое происходитъ! Скандалъ!

Евгеній принимался демонстративно посвистывать, напѣвалъ притворно-весело:

Тетушку Аглаю
Я не уважаю
За ея такія
Качества плохія.

И уходилъ небрежною походкою. А у себя въ кабинетѣ предавался злости,—съ искаженнымъ лицомъ свирѣпо мялъ и рвалъ какія-то бумажки и швырялъ книги на полъ. Но при этомъ старался не шумѣть.

Не только Варвара Кирилловна, но и Аполлинарій Григорьевичъ настойчиво внушали Евгенію, что разрывъ съ Рябовыми былъ бы великимъ скандаломъ.

— Это страшно невыгодно!—говорилъ Аполлинарій Григорьевичъ.—И, кромѣ того, я не понимаю, какъ можно вооружать противъ себя такихъ вліятельныхъ людей, какъ Рябовы!

— Гдѣ въ наше время можно найти такую хорошую невѣсту!—вторила ему Варвара Кирилловна.

— Богата и влюблена,—говорила Марія.—И она такая милая, простодушная! Мы съ нею такъ подружились!

Отъ своихъ знакомыхъ Хмаровы старались все это скрыть. Дѣлали видъ, что все остается по-прежнему.

— Отстанетъ же онъ, наконецъ, отъ этой сволочи,—говорила Варвара Кирилловна Аполлинарію Григорьевичу.

— Конечно,—поддакивалъ Аполлинарій Григорьевичъ.—Слѣдуетъ надѣяться, что Катя отъ него не уйдетъ. А самъ Евгеній къ рѣшительнымъ поступкамъ врядъ-ли способенъ. Въ немъ слишкомъ много мягкости и деликатности.

И точно, встрѣчаясь съ Катею, Евгеній разговаривалъ съ нею по-прежнему. Катя вспыхивала отъ радости. Но уже не смѣла, какъ прежде, приставать къ Евгенію съ разговорами. Дома внушили ей, что она должна быть съ нимъ сдержанна и холодна.

Въ семьѣ Рябовыхъ шла упорная борьба.

Рябовъ хотѣлъ прекратить знакомство съ Хмаровыми. Такъ какъ большая часть его громаднаго состоянія была нажита имъ самимъ и только меньшая часть досталась ему по наслѣдству отъ отца, то онъ еще не привыкъ къ своимъ средствамъ и имѣлъ еще преувеличенное понятіе о значеніи своихъ денегъ и о томъ почтеніи, которое должны воздавать ему люди за то, что у него много денегъ. Поэтому охлажденіе Евгенія къ Катѣ казалось ему непростительною дерзостью.

Катя плакала, увѣряла, что не разлюбитъ Евгенія никогда, что умретъ отъ любви.

Евгеній скоро началъ тяготиться тѣми неловкими отношеніями со всею семьею и съ родными, въ которыя онъ сталъ послѣ Шанина изгнанія.

Его слабой натурѣ было не подъ силу выносить эту напряженную атмосферу. Онъ сталъ искать примиренія.

Варвара Кирилловна видѣла, что Евгенію тягостно ея неудовольствіе. Вслѣдствіе свойственной ей душевной распущенности, она не сумѣла быстро и ловко использовать это настроеніе Евгенія. Она грубо куражилась надъ нимъ и дѣлала рядъ безтактностей.

Эти безтактности опять бросали Евгенія къ Шанѣ.

Оставшись наединѣ съ Евгеніемъ, Аполлинарій Григорьевичъ убѣждалъ его:

— Жениться на какой-нибудь мѣщаночкѣ тебѣ, Хмарову, можно развѣ только въ томъ случаѣ, если у невѣсты громадный капиталъ, не какія-нибудь жалкія тридцать тысячъ, а что-нибудь вродѣ полумилліона.

— Не все же думать только о деньгахъ,—говорилъ Евгеній.—Я на это неспособенъ.

Но Аполлинарій Григорьевичъ хорошо зналъ цѣну этихъ пышныхъ словъ. Онъ не смущался и говорилъ:

— Деньги—облагораживающая сила. Въ нихъ скристаллизовались трудъ

и генiй. Говорятъ, что деньги не пахнутъ. Это невѣрно,—пахнутъ, да еще какъ! Благоухаютъ! Въ деньгахъ есть ароматъ изящества. Милліардеры роднятся съ самыми знатными родами.

— Не одинъ же только у нихъ разсчетъ,—возражалъ Евгеній,—ему сопутствуетъ и любовь. Пока мнѣ нравилась Катя—я былъ не прочь. Но жениться на деньгахъ!

— Во всякомъ случаѣ,—отвѣчалъ Аполлинарій Григорьевичъ,—деньги притягиваютъ къ себѣ все, чѣмъ наша жизнь красна, всѣ утѣхи и радости. Вѣдь, ты не можешь не согласиться съ тѣмъ, что достоинство человѣка только возвышается отъ гордаго пользованія благами жизни. Несчастные, бѣдняки—это, мой другъ,—увы!—канальи, и пренесносные, озлобленные на весь міръ. Несчастіе—первый анархистъ.

Какъ всегда, подчиняясь чужому, властно высказанному мнѣнію, но въ то же время все еще покорный Шанину вліянію, Евгеній сказалъ:

— Это—вѣрно, но я не собираюсь быть несчастнымъ.

— Великая разрушающая сила скрыта въ несчастіи,—продолжалъ Аполлинарій Григорьевичъ.—Собственно говоря, всѣхъ неудачниковъ слѣдовало бы вѣшать... ну, или хоть ссылать-бы, что-ли. Это было бы и гуманно. Если ихъ жизнь плоха, то смерть для нихъ—благо. Надѣюсь, это вполнѣ ясно!

Евгеній выпрямился и сказалъ съ надменною усмѣшкою:

— Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что и своими собственными силами сумѣю пробиться въ свѣтѣ и никогда не буду жалкимъ неудачникомъ. У меня есть незаурядныя способности и я умѣю работать,—это тебѣ всѣ скажутъ. И я сумѣю сдѣлать себѣ карьеру.

Аполлинарій Григорьевичъ недовѣрчиво усмѣхнулся. Сказалъ:

— Своими собственными силами только выскочки пробиваются. А тебѣ это какъ будто бы и не къ лицу. Ты—Хмаровъ.

Евгеній, щеголяя своими новыми идеями, поверхностно прилипшими къ нему, сказалъ:

— Ну, дядя, въ наше демократическое время это имѣетъ очень мало значенія. Никому не интересно, что «наши предки Римъ спасли». Я не хочу быть поликарпомъ, но не хочу быть и смѣшнымъ гусемъ.

Гнусъ всѣ настойчивѣе преслѣдовалъ Шаню. Теперь уже онъ каждый день встрѣчался ей на улицѣ. Все смѣлѣе и откровеннѣе говорилъ о своей любви. Все чаще грозилъ доносомъ.

Однажды, встрѣтивъ Шаню на улицѣ, онъ долго шелъ за нею. Въ его длинной рѣчи чередовались два мотива:

— Полюбите меня.

— Скажу вашему дяденькѣ.

Шаня не отвѣчала ему ни слова. Вдругъ Гнусъ заговорилъ о другомъ. Сказалъ:

— Вы разбили мое сердце. Вы окончательно погубили меня и испортили всю мою жизнь. Теперь я—самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ. Если вы меня оттолкнете окончательно, что мнѣ дѣлать! Я не могу оставаться у вашего почтеннаго дяденьки на службѣ и принужденъ буду лишиться должности и куска хлѣба, потому что иначе, видя васъ ежедневно изъ окна проходящею мимо безъ малѣйшаго вниманія къ моимъ страданіямъ и вздохамъ, я не выдержу такихъ мученій и въ одинъ ужасный день впаду въ состояніе невмѣняемаго аффекта и убью себя или васъ. Но я не хочу васъ убивать, и какъ же я могу остаться безъ куска хлѣба! У меня маменька больная, и сестеръ воспитывать надо. Я знаю, что вы — богатая особа и имѣете собственный капиталъ, и для васъ не составитъ большой разницы удѣлить часть этого капитала для обезпеченія своего спокойствія.

Шаня остановилась и съ удивленіемъ смотрѣла на Гнуса. Лицо его приняло особенно отвратительное выраженіе откровенной, ничѣмъ не прикрытой, жадности и страха, какъ у человѣка, дѣлающаго опасный шагъ и опасающагося, какъ бы не сорвалось. Онъ дрожалъ, воспаленныя рѣсницы его часто мигали и на уголкахъ синегубаго рта закипала зеленоватая, противная пѣна. Дрожащимъ голосомъ, торопясь, онъ заканчивалъ свое требованіе:

— Дайте мнѣ хоть шесть тысячъ,—и я оставлю это мѣсто и постараюсь забыть мою несчастную любовь. Вы видите, что я назначаю за мое молчаніе умѣренное вознагражденіе.

Кончилъ и смотрѣлъ на Шаню трусливо и нагло. Шаня закричала:

— Слушайте, Гнейсъ, дѣлайте, что хотите, жалуйтесь, кому вамъ угодно, но откупаться отъ васъ деньгами я не стану. И даю вамъ честное слово — если вы еще разъ посмѣете подойти ко мнѣ на улицѣ, я обломаю мой зонтикъ о вашу голову.

Она поспѣшно пошла прочь. Гнусъ стоялъ, подгибая колѣни, весь вдругъ ослабѣвшій и взмокшій, и шипѣлъ что-то.

Шаня пришла къ Манугиной красная и взволнованная.

— Что случилось, Шанечка?—спросила Манугина.

Шаня разсказала про встрѣчу и про разговоръ съ Гнусомъ, и было ей противно и смѣшно. Она говорила:

— Этотъ гнусный человѣкъ смотрѣлъ на меня, какъ на выгодную для себя невѣсту, а теперь хочетъ заработать шантажемъ.

Манугина, улыбаясь грустно, сказала:

— Онъ тебя любитъ, Шаня. Въ гнусномъ сердцѣ этого человѣка смѣшались любовь и жадность, и самая любовь стала страстью овладѣть добычею.

Изъ такихъ людей выходятъ семейные деспоты. Повѣрь, Шаня, что и многіе мужчины любятъ не иначе. Овладѣть, воспользоваться—вотъ основа мужской любви.

— Мой Евгеній любитъ меня иначе,—сказала Шаня.

Манугина недовѣрчиво покачала головою. Спросила Шаню:

— Шанечка, скажи мнѣ, что ты чувствуешь къ Хмарову,—страсть или любовь?

Шаня, ни на минуту не задумываясь, сказала:

— И то, и другое, и еще многое, чего я не умѣю назвать. Такое широкое, такое сложное чувство! Я страстно люблю Евгенія . . . Да нѣтъ, это только блѣдныя слова—страсть, любовь!

Манугина улыбнулась, покачала головою. Сказала:

— Шанечка, страсть и любовь—совсѣмъ не одно и то же.

— Какая же разница?—спросила Шаня.

Манугина говорила:

— Любовь хочетъ отдаваться безъ конца, жертвовать всѣмъ; страсть хочетъ взять.

Шаня призадумалась. Сказала:

— Любовь—голубая, страсть—красная. Да?—спросила она.

— Да, Шанечка, — улыбаясь, сказала Манугина. — Любовь — эфиръ, страсть—огонь. Человѣкъ любитъ, звѣрь страстенъ. Любовь прощаетъ. Страсть требуетъ. Гдѣ ревность и угрозы, тамъ страсть, а не любовь.

Шаня мечтательно говорила:

— Володина любовь—голубая, эфирная. А любовь Евгенія? Цвѣтущая роза? Ахъ, какіе злые шипы у этой розы! Вотъ полюбила-жъ именно его! Поди-жъ ты!

Подумала Шаня и рѣшительно сказала:

— Въ любви есть творческая сила. Я люблю—и эта моя любовь міры подвинетъ. Его-ли, милаго моего, не зажжетъ, не преобразитъ! Любовь—кольцо, а у кольца нѣтъ конца.

ГЛАВА XXXIV.

Многое въ жизни нашей дѣлается не потому, что это приводитъ къ какой-нибудь цѣли, а такъ,—съ размаха, по инерціи, только потому, что дѣло начато. Вообще, жизнь наша мало разумна, да не особенно и хочетъ быть разумною. Съ нея достаточно того, что она заковала себя въ ряды причинностей; роскошь цѣлесообразности она всегда готова уступить мірамъ инымъ. Поэтому не всегда мы догадываемся во-время, что вотъ этотъ рядъ дѣйствій уже не нуженъ, и что можно его, наконецъ, оставить.

Такъ было и съ Шанею, когда она ходила къ Хмаровымъ. Правда, она видѣла Евгенія каждый день, но разговаривать съ нимъ ей приходилось рѣдко, да и то урывками, крадучись. Времени затрачивалось много, но почти безполезно. Шаня видѣла это, видѣла, что ея разсчеты не оправдываются, и все-таки не догадывалась, что лучше не тратить времени на ежедневныя скучныя посѣщенія этого непріятнаго дома.

Потомъ, послѣ того, какъ Шаню уличили, она, успокоившись отъ первыхъ волненій и видя, что Хмаровы, больше всего боящіеся скандальныхъ толковъ среди знакомыхъ, не пытаются ей мстить, сама на себя дивилась, какъ это она не сумѣла во-время прекратить работу швеи Лизаветы. Уже въ ея предпріимчивой головѣ складывались,—жаль, что слишкомъ поздно,—планы новыхъ мистификацій, съ помощью которыхъ можно было забавно исчезнуть съ горизонта Хмаровыхъ.

Шаня сразу почувствовала, какъ теперь стало хорошо и удобно. Ходить шить не надобно,—времени сразу стало гораздо больше и настроеніе сдѣлалось гораздо болѣе легкимъ и спокойнымъ.

Шаня жадно торопилась воспользоваться каждою свободною минутою своего времени. Дѣлать что-нибудь, двигаться, узнавать, быть съ людьми, не сидѣть на мѣстѣ—въ жизни такъ много неизвѣстнаго, любопытнаго, влекущаго! И такъ много волнующаго въ широкомъ мірѣ умственныхъ и общественныхъ интересовъ!

Шаня познакомилась съ нѣсколькими молодыми адвокатами, учеными и учителями. Часто бесѣдовала съ ними. Съ нѣкоторыми она знакомилась у Манугиной, у Маруси Караковой, у другихъ знакомыхъ. Къ другимъ приходила сама,—побесѣдовать.

Всѣхъ неутомимо разспрашивала Шаня, жадно впивала въ себя всѣ эти обыкновенныя слова и фразы, которыя пока еще казались ей умными и новыми.

Въ это время Шаня жадно читала историческія книги. На это чтеніе натолкнули ее разговоры съ Евгеніемъ и разговоры въ домѣ Хмаровыхъ. Шаню въ это время болѣе всего занимала роль дворянства въ исторіи. Ей хотѣлось понять основательно, чѣмъ именно гордятся Хмаровы, Кошурины и другіе дворяне, насчитывающіе много поколѣній предковъ. И вотъ она познакомилась съ истиннымъ смысломъ дворянской чести и на Западѣ, и у насъ. Теперь уже рыцарскіе подвиги и рыцарскія доблести не казались ей верховнымъ благомъ жизни, лучшимъ ея украшеніемъ. Рыцарскія доблести живутъ въ легендахъ, и легенды эти прекрасны, а изнанка рыцарскихъ дѣяній жива и нынѣ, и теперь-то уже начинала Шаня это видѣть.

Теперь Шаня перестала думать, что мѣщанство—низшее состояніе людей сравнительно съ рыцарскимъ. Мѣщанинъ, строющій буржуазное государство,

и рыцарь, цѣпляющійся за остатки обветшалаго строя, казалось ей теперь, стоили другъ друга.

Шаня часто заговаривала съ Евгеніемъ на тему о дворянскихъ доблестяхъ и заслугахъ и очень злила его своими разсужденіями и примѣрами. Евгеній пытался спорить съ нею, но довольно неудачно. Знаній въ этой области у него было мало, а хитрая Шаня выбирала, конечно, тѣ эпизоды, о которыхъ она только-что читала, и ошеломляла его подробностями пикантными и мало кому извѣстными. Ей даже нравилось поддразнивать его тѣмъ, что вотъ она знаетъ изъ книгъ кое-что, чего онъ не знаетъ, читала то, чего онъ не читалъ. И нравилось самой для себя имѣть ощутимую мѣру своего восхожденія.

Познавъ на себѣ самой горечь Хмаровскихъ завѣтовъ, Шаня радовалась той широтѣ знанія, которая даетъ силу эти завѣты презрѣть, страстно отвергнуть ихъ. Надо же и въ душѣ милаго эти завѣты разрушить.

Иногда Шаня спроситъ:

— Женечка, читалъ ты курсъ русской исторіи Ключевскаго?

Или о другой исторической книгѣ. Евгеній сердито отвѣчалъ:

— Ну, есть мнѣ время это читать. Развѣ ты не знаешь, что я занимаюсь математикой? Это отнимаетъ у меня такъ много времени, что объ исторіи некогда думать.

Евгеній, правда, занимался усердно; но такъ какъ у него были хорошія способности, то все-таки времени-то у него хватило бы. Но онъ вообще мало что читалъ, кромѣ учебниковъ, легкихъ романовъ и очень модныхъ книгъ.

Однажды Евгеній преувеличенно-спокойнымъ и небрежнымъ тономъ сказалъ Шанѣ:

— Шанечка, я надѣюсь, что ты не откажешься завтра поужинать съ нами въ ресторанѣ.

Шаня съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Съ кѣмъ это—съ вами?—спросила она.

— Ну, кое-какіе товарищи мои соберутся,—говорилъ Евгеній, растягивая слова,—графъ Лапчистый, Фогельшнель, Соснищевъ, а не изъ студентовъ будутъ Нагольскій, Кошуринъ. Вообще, своя компанія, и будетъ очень мило. Они всѣ хотятъ съ тобой познакомиться.

— А другія дамы будутъ?—спросила Шаня.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Евгеній,—будетъ своя, студенческая компанія. Къ чему же дамы! Мы съ тобою встрѣтимся, если хочешь, гдѣ-нибудь недалеко отъ твоего дома, и я тебя провожу.

Евгеній говорилъ все увѣреннѣе. Ему казалось, что Шаня соглашается.

и уже онъ обдумывалъ, какъ бы половчѣе сказать ей, чтобы она взяла съ собой тунику для танца. Но Шаня отрицательно покачала головою и сказала:

— Нѣтъ, Женечка, мнѣ не хочется туда итти. Ну, что я тамъ буду дѣлать! Они выпьютъ—и мнѣ будетъ неловко. Одна среди мужчинъ. Да и зачѣмъ же это?

— Ну, вотъ, что за вздоръ!—возражалъ Евгеній.—Все это славные малые и изъ самаго хорошаго общества. Ты увидишь, тебѣ будетъ очень весело. Ты, кстати, можешь протанцовать передъ нами одинъ изъ твоихъ очаровательныхъ танцевъ. Мы всѣ будемъ очень благодарны тебѣ.

Шаня покраснѣла и сказала:

— Ну, едва-ли это будетъ кстати. Я такъ еще плохо танцую... И неужели ты, Женечка, думаешь, что кабинетъ ресторана и компанія веселящихся юношей—подходящая обстановка для моего перваго выступленія?

— Но ты уже танцовала!—сказалъ Евгеній съ досадою.—И въ такомъ же кабинетѣ ресторана.

— Для тебя только,—возразила Шаня.—Вотъ выучусь, какъ слѣдуетъ, тогда, если хочешь, буду и для другихъ танцовать или въ гостиной, или на сценѣ.

— Дурацкіе предразсудки!—сердито крикнулъ Евгеній.

Но тотчасъ же опять принялъ ласковый тонъ, и сталъ всячески упрашивать Шаню притти на завтрашній ужинъ.

— Если не хочешь танцовать, хоть такъ приди,—говорилъ онъ.—Вѣдь, въ обществѣ всѣ показываютъ свои таланты. Кто что можетъ. Кошуринъ стихи прочтетъ. Это очень интересно.

Евгеній думалъ, что стоитъ только привести Шаню въ ресторанъ, а ужъ тамъ ее уговорятъ танцовать. Но Шаня рѣшительно отказалась. Евгеній былъ въ жестокой досадѣ.

Онъ часто, выпивая съ товарищами въ ресторанахъ, хвастался Шанею. Многіе изъ его друзей уже видѣли Шаню. Хвалили ея наружность и, къ большому удивленію Евгенія, ея манеры и отмѣнный вкусъ, съ которымъ она одѣвалась.

— Если бы вы видѣли ея танцы, вы бы еще и не то сказали,—самодовольно говорилъ Евгеній.

Товарищи приставали къ Евгенію съ просьбами показать имъ Шанинъ танецъ.

Кошуринъ говорилъ:

— У меня дома есть черная комната. Стѣны, полъ, потолокъ—все черное. Тамъ стоитъ черный алтарь. На немъ—черныя свѣчи. Пусть она пляшетъ нагая въ моей черной комнатѣ. Это будетъ до необычайности, до непредви-

димости чуждая струя. Потомъ ее можно будетъ помучить, бичевать, напримѣръ. Или можно будетъ совершить надъ нею черную мессу. Вѣдь, она блудница?

Слово «блудница» въ примѣненіи къ Шанѣ покоробило Евгенія. Онъ сказалъ досадливо:

— Ну, какая тамъ блудница! Она вполнѣ порядочная барышня.

— Но съ душою вакханки, — настаивалъ Кошуринъ. — Я вижу сквозь черныя стѣны будущаго, какъ тускло мерцаютъ ея глаза и какъ на ея тѣлѣ кровь...

— Она не согласится,—сказалъ Евгеній.—Она еще очень скромная и никогда ни при комъ не танцовала, кромѣ только меня и своей учительницы.

— Я ее склоню,—возразилъ Кошуринъ.—Въ вѣчномъ стремленіи перехода я могу это сдѣлать. Мнѣ стоитъ только поговорить съ нею и подвергнуть ее дѣйствію моего неотразимаго взора.

Товарищи смѣялись, но смотрѣли на Кошурина опасливо. Кошуринъ продолжалъ:

— Я уже склонилъ двухъ студентовъ лишить себя жизни.

— Зачѣмъ?—спросилъ Соснищевъ.

— Имъ незачѣмъ было жить,—объяснилъ Кошуринъ.—Души ихъ опустѣли, потому что они утратили познаніе единой истинной реальности. Теперь одна барышня задумывается о томъ же.

— У нея тоже душа опустѣла?—спросилъ съ наглымъ смѣхомъ Фогельшнель.

— Нѣтъ, напротивъ,—говорилъ Кошуринъ,—она обрѣла полноту истиннаго познанія, и сухое теченіе вещей уже для нея скучно и ненужно. Только я еще не рѣшилъ, что пойдетъ къ ней больше—застрѣлиться или отравиться. Сначала мнѣ казалось, что красивѣе всего ей будетъ повѣситься. Но потомъ я откинулъ эту мысль. Высунутый языкъ не пойдетъ къ ней.

— Да и ни къ кому не пойдетъ,—съ глупымъ хохотомъ сказалъ Соснищевъ.

— Нѣтъ,—возражалъ Кошуринъ,—есть собаки, облеченныя человѣческою душою. Высунутый языкъ—неложный знакъ ихъ вѣчной жажды.

Вести Шаню въ квартиру Кошурина Евгеній не захотѣлъ. Боялся чего-то или ревновалъ. А показалъ бы Шанинъ танецъ Евгеній съ великимъ удовольствіемъ. Потому такъ огорчилъ его Шанинъ отказъ.

Евгеній рѣшился перехитрить Шаню и показать ее своимъ друзьямъ такъ, чтобы она этого не знала. И друзья согласились.

— Что-жъ!—сказалъ Соснищевъ.—Если нельзя смотрѣть, будемъ подсматривать.

— Я бы предпочелъ смотрѣть!—презрительно сказалъ графъ Лапчистый,

блѣдный, высокій молодой человѣкъ съ водянистыми глазами и надменною усмѣшкою вялаго рта.

Этотъ юноша смотрѣлъ сверху внизъ почти на все человѣчество. Ему казалось, что графскій титулъ, дѣйствительно, имѣетъ возносящую силу. Почти всѣ окружающіе его поддавались гипнозу его самоувѣренной презрительности и смотрѣли на него, какъ на стоящаго выше.

Такъ смотрѣлъ на него и Евгеній. И потому онъ очень дорожилъ тѣмъ, чтобы графъ пришелъ смотрѣть на Шаню. А то было-бы обидно,—всѣ пришли, а графа только не было.

Евгеній уговаривалъ графа:

— Я васъ очень прошу притти, графъ. Потомъ, когда она привыкнетъ, въ ней уже не будетъ этой граціи стыдливой дѣвушки, воображающей, что она одна. Вы увидите, что она вамъ очень понравится. Вы не будете жалѣть потеряннаго времени.

Шаня и Евгеній вечеромъ были въ ресторанѣ.

Въ сосѣднемъ кабинетѣ было тихо. Тамъ таились пріятели Евгенія. Ждали зрѣлища.

Кошуринъ тихо говорилъ:

— Сегодня, если хотите, мнѣ близко безуміе всего. Но грустно быть близко, дѣйствительно себя забывая, и горько проникнуть въ сухое теченіе вещей.

Въ стѣнѣ и въ дверяхъ были заранѣе проверчены отверстія. Гнусно притаившаяся компанія прильнула къ этимъ щелямъ. Тотъ, кто вошелъ-бы теперь въ кабинетъ, увидѣлъ бы словно повѣшенную на стѣнѣ гирлянду плоскихъ затылковъ, однообразно причесанныхъ на прямой проборъ.

Всѣ замерли и смотрѣли. Графъ Лапчистый, очутившись носомъ къ стѣнѣ, уронилъ съ лица скучающее и презрительное выраженіе, и губы его улыбались нѣжно и ласково, какъ губы милаго ребенка, который смотритъ на что-то пріятное и близкое ему.

Шаня танцовала съ увлеченіемъ. Ей казалось, что она слышитъ звуки дивной музыки, уносящей душу ея въ блаженный рай. И тусклыя стѣны кабинета исчезли, сожженныя быстрымъ круженіемъ танца. Море свѣта струилось вокругъ нея и—казалось ей—гдѣ-то невдали шумѣли, о пустынный берегъ плещась, морскія широкія волны.

Шаня сбросила тунику. Ея обнаженное, слегка похудѣвшее и оттого еще болѣе обольстительное, тѣло казалось стремительнымъ и воздушно-легкимъ.

Поблѣднѣвшій отъ волненія Кошуринъ, томно мерцая большими отъ атропина глазами, шепталъ:

— Мы когда-то кружились въ звѣздныхъ вихряхъ. Мы когда-то молчали въ мертворожденныхъ камняхъ.

— Молчите и теперь,—презрительно сказалъ графъ Лапчистый.

Сказалъ тихо, но не тише, чѣмъ всегда говорилъ,—не далъ себѣ труда шептать.

Сосницевъ угодливо фыркнулъ. Трепетъ улыбки пробѣжалъ по всей гирляндѣ затылковъ и по всей цѣпи согнутыхъ черныхъ и синихъ плечъ: нельзя-же не улыбаться, когда шутитъ графъ.

Въ это время Шаня остановилась, какъ схваченная въ стремительномъ бѣгѣ чьею-то холодною рукою. Ее поразилъ странный шорохъ гдѣ-то близко, за стѣною. Шаня метнула быстрый взглядъ на Евгенія и замерла въ страхѣ. Ей показалось, что она видитъ отвратительное лицо Гнуса. Это длилось только секунду,—опять передъ нею было восторженно улыбающееся лицо Евгенія,—и Шаня подумала, что у нея закружилась голова отъ пляски и потому видится то, чего нѣтъ, и въ глазахъ двоитъ.

А этотъ шорохъ? Послышался? Нѣтъ, она слышитъ его и теперь,—шорохъ за стѣною, шопотъ, смѣхъ. Но все это тихое, не такъ, какъ бываетъ чужой разговоръ въ сосѣдней комнатѣ. Что-то таящееся и потому страшное.

Шаня вдругъ догадалась о чемъ-то. Она багрово покраснѣла. Задрожала.

— Тамъ смотрятъ,—сказала она тихо.—Тамъ кто-то есть.

— Ну, вздоръ какой,—увѣренно сказалъ Евгеній.—Кому тамъ быть! Вѣдь, ты слышишь, что совершенно тихо.

Шаня побѣжала за ширму и тамъ поспѣшно одѣвалась, не слушая и не слыша, что говоритъ Евгеній. Она вся утонула въ одномъ широкомъ и жуткомъ ощущенiи стыда. Руки ея дрожали, но движенія были привычно-ловкими и скорыми. Одѣлась. Евгеній уговаривалъ ее:

— Посиди хоть немного. Выпей вина.

— Голова болитъ,—тихо сказала Шаня.—Нѣтъ, не удерживай, я не могу. Мнѣ надо на воздухъ.

Евгеній проводилъ Шаню до дому. Шаня шла быстро, почти бѣжала, и почти ничего не говорила. На углу своей улицы обняла и поцѣловала Евгенія и побѣжала домой.

Евгеній вернулся къ товарищамъ. Друзья встрѣтили его хоромъ похвалъ, какъ будто-бы онъ былъ авторомъ этой очаровательной плясуньи.

Особенно понравилась Шаня графу Лапчистому. Но графъ Лапчистый не говорилъ Евгенію комплиментовъ. Онъ молча смотрѣлъ на Евгенія, и въ безстрастномъ взглядѣ его водянистыхъ глазъ отражалось высокомѣрное презрѣніе.

— Что вы скажете, графъ, о моей Шанѣ?—наконецъ, спросилъ Евгеній.

— Что скажу—процѣдилъ надменный юноша.—Этотъ самородокъ такъ хорошъ, что его надо было смотрѣть открыто. Вообще женщинъ или уважаютъ—и тогда за ними не подсматриваютъ, или... ну, или ихъ просто заставляютъ.

— Но ее не заставишь, она упрямая,—оправдывался смущенный Евгеній.

— На упрямыхъ есть хлыстъ,—спокойно возразилъ графъ Лапчистый и заговорилъ съ Фогельшнелемъ.

Евгеній хихикалъ и съ очень глупымъ видомъ потиралъ руки.

А Шаня ночью бредила. Бормотала:

— Шанекъ-то сколько нашло!

Испугала Юлію.

А утромъ проснулась блѣдная, съ испуганною душою. Вспоминала, не понимая, что именно случилось, и такъ страшно было именно то, что лицо Гнуса назойливо вставало въ памяти вмѣстѣ съ лицомъ Евгенія, и казалось, что оба эти лица похожи.

ГЛАВА XXXV.

Хотя Хмаровы и старались держать въ секретѣ отъ своихъ знакомыхъ исторію съ Шанею, но скоро по городу стали ходить непріятные слухи о какомъ-то скандалѣ въ домѣ Хмаровыхъ. Разсказывали, что госпожа Хмарова застала своего сына въ ту минуту, когда онъ цѣловался со швейкою въ укромномъ уголкѣ своей квартиры; говорили, что молодой человѣкъ, испуганный грознымъ видомъ и зычнымъ голосомъ матери, убѣжалъ, оставивъ свою возлюбленную въ рукахъ возмущенной дамы; говорили, что барыня и швейка подрались, что на помощь къ Хмаровой прибѣжали ея дочь и горничная и что онѣ совмѣстными силами избили швейку. Говорили и о томъ, что швейка—самозванка, что она—дочь богатаго купца.

Дошли бы, наконецъ, эти слухи и до дяди Жглова стороною, хотя онъ и былъ занятъ своею конторою и рѣдко гдѣ бывалъ, такъ что городскія новости не всегда приходили къ нему во-время. Впрочемъ, на этотъ разъ Гнусъ скоро освѣдомилъ его.

Улучивъ удобное время,—передобѣденный часъ, когда кліентовъ въ конторѣ нотаріуса Жглова не было, Гнусъ воровскою походкою, стараясь, чтобы товарищи не увидѣли, куда онъ идетъ, прокрался къ дверямъ хозяйскаго кабинета, постоялъ, прислушался, оглядѣлся во всѣ стороны, пригнулся къ замочной скважинѣ и уже послѣ того робко стукнулъ. Изъ-за двери послышался угрюмый голосъ Жглова:

— Кто тамъ? Что намно? Войдите.

Гнусъ медленно открылъ дверь и втиснулся въ комнату. Жгловъ глянулъ на него изъ-за газетнаго листа и опять спросилъ:

— Что намно?

Затворивъ за собою дверь такими движеніями, словно собирался приклеить ее, Гнусъ подошелъ къ патрону, подобострастно изгибаясь, и сказалъ тихимъ, но все же гнуснымъ голосомъ:

— Имѣю сообщить вамъ, Петръ Николаевичъ, нѣчто очень важное. Прошу великодушно простить, что осмѣлился обезпокоить въ краткія минуты отдохновенія. Движимый личною преданностью къ вашей особѣ и будучи вамъ глубоко и многимъ обязанъ, счелъ своимъ долгомъ довести до вашего свѣдѣнія объ очень прискорбныхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ отношеніе къ живущей въ вашемъ почтенномъ домѣ и подъ вашимъ высокимъ покровительствомъ молодой и прекрасной особѣ.

Дядя Жгловъ положилъ на столъ газету и сталъ смотрѣть на гнуснаго конторщика, не говоря ни слова. Гнусъ, дрожа отъ страха и отъ злости, брызгаясь зеленоватою слюною, разсказалъ длинно и многословно и такимъ заученнымъ тономъ, словно читалъ по книжкѣ, какъ и зачѣмъ Шаня ходила къ Хмаровымъ и какъ ее оттуда выгнали. Онъ собралъ вѣрныя свѣдѣнія: познакомился въ городскомъ народномъ домѣ съ горничною Дарьею, угостилъ ее лимонадомъ и выспросилъ. Потому разсказъ его былъ достаточно точенъ.

Жгловъ молчалъ. Когда Гнусъ кончилъ, Жгловъ молча взялся опять за газету и по его, какъ всегда, угрюмому лицу нельзя было понять, какъ подѣйствовалъ на него этотъ разсказъ. Гнусъ, съ чувствомъ раздавленнаго и все-таки счастливо-злого червяка, подлыми движеніями выбрался изъ кабинета.

Въ тотъ же день вечеромъ дома произошла непріятная сцена. Пришлось Шанѣ отвѣчать на суровые дядины разспросы.

— Что же это значитъ, Шанька? Правду ли я слышалъ? Тебя, дочь почтеннаго купца, мою племянницу, выгнали изъ дома какихъ-то захудалыхъ дворянишекъ? И выгнали за какія-то любовныя шашни? Правда это или нѣтъ?

Шаня ярко покраснѣла.

— Кто это вамъ сказалъ?—спросила она.

— Ну, ужъ это не твое дѣло,—отвѣчалъ дядя.—Да и не въ томъ дѣло, кто сказалъ, а ты отвѣчай, правда-ли.

— Это, конечно, вамъ Гнусъ наговорилъ,—сказала Шаня и заплакала.—Онъ меня давно своими любезностями преслѣдуетъ, воображаетъ, что я могу его полюбить. А такъ какъ я его отшила, такъ онъ мнѣ и мститъ. Охота вамъ слушать такого низкаго человѣка!

— Да ты мнѣ зубы не заговаривай,—прикрикнулъ дядя Жгловъ,—ты

говори прямо, выгнали тебя или нѣтъ. Вертѣться нечего, а то и за косы возьму.

— Дядя, я вамъ все разскажу по порядку,—горестно вздохнувъ, сказала плачущая Шаня.

И принялась разсказывать, стараясь сказать побольше словъ и какъ можно меньше подробностей,—только самое необходимое.

Дядя Жгловъ становился все болѣе и болѣе угрюмымъ и сердитымъ, и Шанѣ казалось, что волосы его топорщатся и потрескиваютъ и что изъ черныхъ глазъ его сѣются маленькія, острыя искры. Онъ то бранилъ Шаню, то принимался издѣваться надъ нею.

Шаня сначала храбрилась. Она говорила съ видомъ нашалившей школьницы, которая дерзитъ инспектору, дивя своею смѣлостью подругъ:

— Никому до моихъ знакомствъ нѣтъ дѣла. Я ужъ не маленькая. Не въ куклы же мнѣ играть.

— А вотъ я отцу напишу,—сурово сказалъ дядя Жгловъ.—Онъ тебѣ покажетъ, какая ты не маленькая. Онъ тебѣ пропишетъ, такъ ты узнаешь, какъ такія дѣла дѣлать.

— Я не боюсь,—сказала Шаня.—Я сама ему обо всемъ напишу.

Но дядина угроза заставила Шаню призадуматься. Положимъ, отецъ, все равно, узнаетъ,—Сарынь не за горами, и слухомъ земля полнится,—но раздраженный дядя Жгловъ можетъ представить все въ такомъ ужасномъ свѣтѣ, что отецъ придетъ въ ярость.

Шаня стала смиренно оправдываться:

— Что жъ такое, дядечка, мы съ Женечкой еще въ Сарыни были знакомы. Онъ еще тогда къ намъ ходилъ.

— Знаю я, какъ онъ къ вамъ ходилъ!—съ сердитымъ смѣхомъ сказалъ дядя Жгловъ.—Въ саду по кустамъ отъ родителей прятались, а въ домъ его и на порогъ не пускали.

— Онъ—мой женихъ,—обидчиво краснѣя, говорила Шаня.—Онъ на мнѣ женится, какъ только кончитъ курсъ.

— Нѣтъ у него другихъ невѣстъ?—сердито говорилъ дядя Жгловъ.— Охота ему съ тобой связываться!

— Другихъ ему и не надобно,—отвѣчала Шаня.

— И очень даже надобно,—возразилъ дядя Жгловъ.—Онъ на дочкѣ Рябова женится, а за нею милліоны, не то, что твои тридцать тысячъ.

— Однако, сколько лѣтъ прошло,—говорила Шаня,—а онъ все меня любитъ. И никогда не разлюбитъ. Наша любовь до гроба.

— Ахъ ты, полудурье ты этакое!—презрительно сказалъ дядя Жгловъ.— Любовь до гроба, а изъ дому тебя, однако, выгнали.

— Такъ онъ же чѣмъ виноватъ, дядечка!—жалобнымъ голосомъ гово-

рила Шаня.—Вѣдь, это его мать сдѣлала, а не онъ. У него мать такая строптивая,—онъ и самъ на нее жалуется.

— Мать выгнала, а сынъ что же, не могъ заступиться? Не посмѣлъ?—насмѣшливо спрашивалъ дядя Жгловъ.

— Его дома не было,—досадливо сказала Шаня.—Онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Дядя Жгловъ напустился на Юлію, которая сидѣла въ сторонкѣ и уже заранѣе дрожала отъ страха.

— А ты, потворщица, все знала, по глазамъ вижу, что знала. Не даромъ вы по ночамъ шептались, спать мнѣ мѣшали. Хорошему тебя твой провизоришка учитъ,—отъ отца секреты заводить. Все знала, зачѣмъ же мнѣ ты не сказала? Зачѣмъ покрывала? Думаешь, доброе дѣло ей сдѣлала? Срамиться ей помогала, только и всего.

Юлія трепетала и плакала, и у нея было такое лицо, какъ у ребенка, который знаетъ, что его собираются сѣчь. Только повторяла совсѣмъ подѣтски:

— Виновата, никогда больше не буду.

— Виновата!—злобно повторилъ Жгловъ.—А съ виноватыми что дѣлаютъ, знаешь?

— Наказываютъ,—покорно и жалобно отвѣчала Юлія.

— Дура!—грозно говорилъ Жгловъ.—Этакая дылда выросла, а ума не вынесла.

Тогда и Шаня, зараженная испугомъ Юліи, совсѣмъ смирилась. Еще она не знала, что сдѣлаетъ съ нею дядя Жгловъ, и не думала о томъ, но уже боялась грозы и бѣды и старалась умилостивить дядю милліономъ ласкъ и поцѣлуевъ. На колѣни передъ дядею стала, прощенья просила. Говорила:

— Ужъ теперь я и сама вижу, что мнѣ къ Хмаровымъ не слѣдовало обманомъ ходить. Впередъ я не буду этого дѣлать. Всегда буду поступать прямо и открыто.

Но дядю Жглова не тронула внезапная Шанина кротость.

— Нѣтъ, матушка,—сказалъ онъ,—ужъ я на тебя насмотрѣлся. Обманывай другихъ, а я тебѣ не повѣрю. Знаю, что ты за зелье. Тебѣ здѣсь, вижу, ужасно весело, ну, такъ я по другому рѣшилъ.

Дядя помолчалъ и сказалъ внушительно и строго:

— Поѣзжай-ка ты, матушка, къ родителямъ въ Сарынь. Мнѣ за своею достаточно смотрѣть. Не моя печаль чужихъ дѣтей качать.

Вотъ ужъ этого Шаня никакъ не ожидала. Приказаніе ѣхать теперь домой показалось ей такимъ нелѣпымъ и неожиданно-жестокимъ. Какъ же теперь уѣхать изъ этого города, гдѣ такъ легко и пріятно знать, что Ев-

—

геній такъ близко, что онъ ее любитъ, что вотъ завтра можно увидѣть его и говорить съ нимъ. Уѣхать? Ни за что!

Но уже привыкла Шаня къ тому, что дядю Жглова не переспоришь. Она горько заплакала. Говорила:

— Дядечка, миленькій, я не хочу ѣхать домой. Мнѣ тамъ дѣлать нечего. Какъ же я теперь вдругъ уѣду! Позвольте мнѣ у васъ остаться. Я ничего худого не буду дѣлать, повѣрьте мнѣ.

Горько плакала Шаня, дядины руки цѣловала. Но, какъ она ни просила, дядя Жгловъ былъ неумолимъ. Онъ говорилъ:

— Нѣтъ ужъ, голубушка, я тебя у себя не ни за что не оставлю. Ты еще тутъ такихъ дѣловъ надѣлаешь, что мнѣ потомъ твоя мать глаза выцарапаетъ, да и на людей глядѣть стыдно будетъ.

— Ничего я тутъ не надѣлаю,—горестно говорила Шаня.

— Да, не надѣлаешь, потому что домой поѣдешь,—съ угрюмою насмѣшкою отвѣтилъ дядя.—Изволь-ка сейчасъ же домой писать, что возвращаешься.

— Мнѣ стыдно ни съ того, ни съ сего ѣхать домой! Что дома скажутъ!—сердито говорила Шаня.

— Да что скажутъ!—возразилъ дядя.—Скоро лѣто будетъ, что тутъ въ городѣ дѣлать! Всѣ на дачи ѣдутъ, и ты отправляйся провѣтриться. У насъ лѣтомъ въ городѣ жарко будетъ, господа хорошіе на дачи разъѣдутся, а кто на теплыя воды или заграницу. И твой Хмаровъ не останется въ городѣ.

— Теперь еще рано на дачу ѣхать,—сказала Шаня, цѣпляясь за этотъ предлогъ, чтобы хоть отсрочить поѣздку.

Но дядя невозмутимо отвѣчалъ:

— Кому рано, а кому и пора. Состояніе твоего здоровья требуетъ немедленнаго отъѣзда. Собирайся—и конченъ разговоръ.

Дядя Жгловъ заставилъ Шаню немедленно приготовляться къ отъѣзду и собирать свои вещи. Нечего было дѣлать Шанечкѣ, — приходилось уѣзжать.

Проклятый Гнусъ! Изъ-за него приходится разставаться съ Евгеніемъ. Какъ охотно Шаня отомстила бы Гнусу! Но что она могла сдѣлать въ эти немногіе дни до отъѣзда?

Сказать бы Евгенію? Изобьетъ его Евгеній, какъ собаку, а Гнусъ и жаловаться не посмѣетъ.

Но почему-то вспоминались Шанѣ тѣ слова, которыми отвѣтилъ ей Гнусъ на ея угрозу сказать Евгенію. Эти слова обезволивали Шаню, и было почему-то стыдно думать о нихъ, и потому Шаня гнала отъ себя мысль о томъ, чтобы разсказать Евгенію о подлыхъ поступкахъ Гнуса. Оправдывая въ этомъ себя, думала:

«Развѣ можно допустить, чтобы мой Евгеній встрѣтился съ Гнусомъ! Пусть ужъ одна я несу на себѣ смрадное обаяніе его взоровъ и пусть благородная рука Евгенія не опоганится объ это подлое лицо».

Назначенъ былъ уже и день Шанина отъѣзда съ однимъ изъ первыхъ пароходовъ, идущихъ вверхъ по рѣкѣ.

Наканунѣ отъѣзда Шаня пришла еще разъ въ гостиницу «Неаполь» увидѣться съ Евгеніемъ. Она пришла, полная гнѣва и досады. Говорила:

— Я вырвусь оттуда. Я натворю тамъ такихъ чудесъ, что только держись. Проживу тамъ только лѣто. Не больше, какъ лѣто. Ахъ, Женечка, и на лѣто какъ мнѣ грустно разставаться съ тобою! Боюсь я, что тебя здѣсь заставятъ съ твоею Катею жениха разыгрывать. Вѣдь, ты—такой деликатный, не захочешь ее обидѣть, а они этимъ и воспользуются.

Евгеній вяло утѣшалъ Шаню. Говорилъ:

— Конечно, Шанечка, мнѣ и самому очень грустно, что я тебя нѣсколько мѣсяцевъ не увижу. И особенно досадно, что это приходится на лѣто, когда у меня больше свободнаго времени. Но ты не бойся,—я люблю только тебя и ни о комъ, кромѣ тебя, и думать не могу.

Евгенія томило какое-то неопредѣленное, тягостное чувство. Онъ и самъ не могъ-бы дать себѣ отчета въ томъ, что именно чувствуетъ. Ему казалось, что кончается какая-то полоса его жизни, и онъ не зналъ, печалиться ему или радоваться. И грустно было ему думать, что Шаня можетъ и не вернуться, и какъ-то невольно радовало ощущеніе внезапной свободы. Эта сумятица въ его чувствахъ даже радовала его и наполняла его странною, тщеславною гордостью, потому что казалась ему доказательствомъ сложности, глубины и значительности его переживаній. Самая вялость его, съ которою онъ относился къ предстоящей разлукѣ, казалась ему признакомъ твердаго характера и желѣзнаго самообладанія.

А Шаня, смущенная его принужденнымъ видомъ, хмурымъ лицомъ и холодными рѣчами, наконецъ, спросила:

— Женечка, ты сердишься на меня?

— Ну, вотъ, вздоръ какой,—отвѣчалъ Евгеній.—За что же мнѣ на тебя сердиться!

— Женечка, я, право, во всемъ этомъ не виновата,—говорила Шаня.—Я ужъ такъ просила дядю, чтобы онъ меня здѣсь оставилъ. Да, вѣдь, онъ у насъ упрямъ, крутъ, съ нимъ ничего не подѣлаешь. Ужъ коли что скажетъ, такъ ни за что отъ своего слова не отступится, лучше и не проси. Ужъ ты на меня не сердись, Женечка!

Евгенію было пріятно, что Шаня словно проситъ его о прощеніи, хоть онъ и понималъ, что она ни въ чемъ не виновата и просто смущена его холодностью. Онъ рѣшился снизойти къ ея простымъ чувствамъ и проявить нѣжность и растроганность. Онъ ласково обнялъ ее и сказалъ притворно-взволнованнымъ голосомъ:

— Глупенькая, да развѣ я могу на тебя сердиться! Вѣдь, ты же знаешь, какъ я тебя люблю! Правда, я тебя отговаривалъ отъ этой затѣи выдать себя за швейку, а ты меня не послушалась, изъ-за этого и вышли всѣ эти непріятности. Но все-таки развѣ я подумаю когда-нибудь тебя въ этомъ упрекать! Вѣдь, я понимаю твои побужденія и очень цѣню твою любовь.

Шаня говорила:

— Тамъ, въ этой затхлой Сарыни, и жить нельзя. Тамъ почти нѣтъ живыхъ людей. Тамъ люди, какъ летучія мыши.

— Ну!—недовѣрчиво сказалъ Евгеній.—Почему же именно, какъ летучія мыши?

— Летучія мыши только одну сотую часть своей жизни пользуются ею, а остальное время спятъ, вися внизъ головою. Такъ и тамъ почти всѣ люди. Имъ только ѣсть и спать, для того и живутъ. Людишки. Живыхъ людей по пальцамъ перечесть.

Евгеній засмѣялся. Обнялъ Шаню и заговорилъ съ нею нѣжно и ласково. И Шаня немножко утѣшилась.

Условились переписываться опять черезъ Дунечку. Дунечка со своимъ мужемъ жила недалеко отъ города, и письма будутъ получаться скоро и вѣрно.

Өедоръ Сологубъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Сентябрь.

Иду,—и долгими слезами
Омытое горитъ лицо,
И подъ нетвердыми шагами
Скрипитъ подгнившее крылцо.

Въ саду плетеная рѣшетка
Упала. Осень, это ты
Къ моимъ ногамъ сметаешь кротко
Свои засохшіе листы.

И. Эренбургъ.

АРАХНА.

Новелла **Т. Щепкиной-Куперникъ.**

Пещера въ глубинѣ долины, окруженной горами: мрачное жилище ЗАВИСТИ. На порогѣ сидитъ ЗАВИСТЬ. Блѣдно лицо ея исхудало ея тѣло. Грудь ея позеленѣла отъ желчи, языкъ пропитанъ ядомъ. Шипя и извиваясь, ползаютъ кругомъ нея ея вѣрныя змѣи; въ глубинѣ прислужницы ЗАВИСТИ кипятятъ въ котлахъ какую-то смѣсь. ЗАВИСТЬ время отъ времени вздыхаетъ, и стонетъ, и закрываетъ лицо руками. Тщетно стараются прислужницы обратить ея вниманіе на ихъ работу: не смотритъ богиня никому въ глаза, не слушаетъ ихъ рѣчи.

ПРИСЛУЖНИЦА.

Зелье готово, богиня! Не забыли мы яда Эхидны;
Пѣны изъ Цербера пасти, ярости слезъ ядовитыхъ...

ЗАВИСТЬ только качаетъ головой, чтобы ее оставили въ покоѣ.

2-ая ПРИСЛУЖНИЦА.

Долго варилось оно: развели его свѣжею кровью,
Долго мѣшали въ котлѣ зеленой цикуты стволомъ.
Трудъ нашъ окончили мы.

1-ая ПРИСЛУЖНИЦА.

Попробовать зелье изволь?

ЗАВИСТЬ.

Уйдите, оставьте меня!

1-ая ПРИСЛУЖНИЦА второй:

Разгнѣвана чѣмъ-то Богиня;
Горько вздыхаетъ она, стонетъ и змѣй не ласкаетъ.

Продолжаютъ шептанье.

ЗАВИСТЬ.

Доколѣ, доколѣ, о, боги, буду томиться тоской?..
Доколѣ цѣлительный сонъ будетъ бѣжать моихъ глазъ?
Сохну, подобно травѣ, горящей на легкомъ огнѣ;
Таю, какъ таетъ на солнцѣ случайно забытая льдина;
Мучусь и мучу другихъ, но радости въ этомъ не знаю!..

Тяжело стонетъ. ПРИСЛУЖНИЦЫ, желая отвлечь ее отъ мрачныхъ думъ, опять подходятъ къ ней.

ПРИСЛУЖНИЦА.

Богиня! Давно тебя ждутъ у дверей твои вѣрные слуги:
Трепетъ, Боязнь и Печаль, наводящее ужасъ Безумье.
Явишься-ль къ нимъ? Повели одежды твои приготовить.

ЗАВИСТЬ.

Что мнѣ до нихъ? Прочь!...

Прислужницы съ трепетомъ удаляются.

ЗАВИСТЬ **поднимаетъ руки къ небу.**

За что живу я въ безмолвіи мрака?
Что-жъ не заглянетъ ко мнѣ Юнона, царица боговъ?
На бѣлыхъ своихъ голубяхъ не спустится съ неба Венера?
Гдѣ-жъ моя сила и власть? Почему имъ Олимпъ уготованъ?
Долго-ли, долго-ль, о, боги, я буду томиться тоской?..

Падаетъ на землю въ безсиліи отчаянія. Прислужницы въ это время замѣтили вдалекѣ приближающуюся Аѳину и въ тревогѣ бѣгутъ къ Зависти.

ПРИСЛУЖНИЦА.

Богиня! Аѳина спѣшитъ, русая дѣва сюда:
Ее на высокихъ горахъ стража узрѣла твоя.

ЗАВИСТЬ, **поднимаясь съ земли.**

Боги! Иль вняли мольбѣ сестры злополучной своей?
Сами послали ко мнѣ „мудрую дѣву“ Аѳину!
—Плащъ мой и жезлъ мой—скорѣй! Вѣнецъ мнѣ подайте сюда!..

Прислужницы спѣшатъ исполнить ея повелѣніе.

Русая дѣва Аѳина! Не ты-ли терзаешь мнѣ душу?
Богиня и я, вѣдь, какъ ты. Что-же такъ свѣтелъ твой ликъ?
Чтутъ тебя въ храмахъ высокихъ, курятъ тебѣ ѳиміамъ:
Древо-оливу твою считаютъ священной; вѣнчаютъ
Ею героевъ чело на празднествахъ мира веселыхъ.
Чѣмъ же я хуже тебя? Почему я забыта въ печали?
Почему ты прекрасна лицомъ, убранствомъ и свѣтлымъ оружьемъ?
Но не напрасно тебя боги послали сюда!
Надо-жъ и мнѣ испытать радости злой упоенье.

Прислужницы набрасываютъ на нее расшитую змѣями мантію и надѣваютъ вѣнецъ. Она поднимается во весь ростъ и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу спускающейся съ горъ свѣтлой и стремительной, подобно разливающемуся весеннему потоку, Аѳинѣ.

Стой, свѣтлоокая, стой! Бурно стремительный шагъ
Ты укроти хоть на мигъ: помедли въ жилищѣ моемъ.

АѲИНА, пріостанавливаясь.

Мрачно жилище твое; солнце не свѣтитъ въ него,
Нѣтъ у тебя и огня... Не преграждай мнѣ дороги!
Спѣшно стремлюсь наградить бранною славой героя,
Храбрымъ побѣду несу: ты-же, гдѣ явишься только,
Губишь цвѣтущія нивы, хлѣбъ сожигаешь дыханьемъ...
Ты по костямъ у людей черный свой ядъ разливаешь,
Терніи въ сердце вонзаешь, смущаешь змѣинымъ шипѣньемъ!
Медлить съ тобою нельзя мнѣ: Зависть—Аѳинѣ не другъ.

ЗАВИСТЬ.

Такъ! Презрѣна я тобой, русая дѣва Аѳина!
Другомъ меня не считаешь,—мимо поспѣшно идешь.
Горе! Не вѣдаешь ты, какъ о тебѣ сокрушаюсь.

АѲИНА, которая хотѣла идти, при этихъ словахъ останавливается.

АѲИНА.

Ты сокрушаешься, ты? Иль я сокрушенья достойна?

ЗАВИСТЬ.

Да, сокрушаюсь я сердцемъ, видя, какъ чтутъ тебя мало.
Грозно ты смотришь? Но нѣтъ: не берись за копье понапрасну.
Больно мнѣ слушать, какъ смертная смѣетъ боговъ оскорблять.

АѲИНА.

Что эта рѣчь означаетъ? Кто оскорбляетъ меня?

ЗАВИСТЬ.

Нѣтъ, не хочу я тебя собственной скорбью тревожить.

АѲИНА.

Нѣтъ—говори! Если ты начала ядовитыя рѣчи,
Ты ихъ окончить должна.

ЗАВИСТЬ.

Какъ я рѣшусь продолжать?
Дружбы не хочешь моей, въ участье мое ты не вѣришь...
Мнѣ-ли тебѣ повторять, какъ оскорбляютъ Аѳину?

АѲИНА.

Какъ оскорбляютъ меня? О, говори. Знать должна я:
Можно-ль богинѣ терпѣть оскорбленья отъ смертныхъ спокойно?..

ЗАВИСТЬ.

Слушай, коль хочешь ты знать: есть меонянка дивной красы...
Но для чего говорить? все равно мнѣ Аѳина не вѣритъ.

АѲИНА.

Вѣрю, богиня, тебѣ! Молви скорѣе—что знаешь?
Проситъ Аѳина тебя!..

ЗАВИСТЬ.

Если ужъ проситъ Аѳина...
Знай: не красою та дѣва снискала великую славу,—
Въ Лидіи всѣ города цѣнять искусство ея.
Пурпуромъ краситъ фокейскимъ отецъ ея—бѣлую шерсть;
Она-жъ тонкорунную ткетъ; работа ея совершенна!
Можно-бъ подумать, что ты искусную дѣву учила.

АѲИНА.

Сама и пряду я, и тку; искусство мнѣ дорого это.
Но оскорбленья въ томъ нѣтъ, если и юная дѣва
Тщится въ искусствѣ своемъ учиться у мудрой богини.

ЗАВИСТЬ.

Если-бъ хотѣла она признать твою мудрость, богиня!
Но дерзкая дѣва твердитъ, что не уступитъ тебѣ:
На состязанье тебя гордо она вызываетъ!..

АѲИНА.

На состязанье меня смѣетъ она вызывать!..

ЗАВИСТЬ.

Кругомъ-же, любуясь ея неизрѣченнымъ умѣньемъ,
Жены и дѣвы твердятъ, что искуснѣй Аѳины она.

АѲИНА.

Кто эта дерзкая, кто?

ЗАВИСТЬ.

Назвать не рѣшаюсь ее!

АѲИНА.

О, назови, назови! Дерзкую должно мнѣ знать!

ЗАВИСТЬ.

Будешь-ли вѣрить ты мнѣ, мудрая дѣва Аѳина?
Можетъ быть, дружбу мою снова отвергнешь съ презрѣньемъ?..

АѲИНА.

Полно, былое забудь: докажи свою дружбу мнѣ правдой.

ЗАВИСТЬ.

Имя той дѣвы—Арахна, добраго Идмона дочь.

АѲИНА.

Гдѣ эта дѣва живетъ?

ЗАВИСТЬ.

Въ городѣ маломъ - Гипепахъ,
Но говорятъ, что онъ будетъ славой Арахны великъ.

АѲИНА.

Немедля въ Гипепы иду, сама я увѣрюсь во всемъ.

ЗАВИСТЬ.

Видъ измѣни свой, богиня, иначе ты правды не узришь;
Вотъ лохмотья тебѣ—явись чужестранкою старой,
Дерзкую дѣву провѣрь и накажи по заслугамъ!

АѲИНА.

Счастливъ, кто славы вѣнецъ изъ рукъ Аѳины пріемлетъ;
Горе тому, кого ждетъ за преступленіе кара.
Если-же правду я слышу, то берегись, Арахнея,—
Но не позволю тебѣ я божество презирать!..

Поднимается на воздухъ и стремительно исчезаетъ.

ЗАВИСТЬ.

А, свѣтлокудрая дѣва! Вотъ ты во власти моей!
Гдѣ справедливость твоя? Гдѣ твоя мудрость, богиня?

Прислужницамъ:

Кровью дымящійся факелъ въ руки мнѣ дайте скорѣй?
Пурпурный плащъ мой сюда! Опояшьте любимой змѣею.
Я прослѣжу за тобой—узнаешь ты Зависти силу!
Змѣи, со мною, за мной—шипите, свивайтесь клубами!
Черныя мысли навѣйте на душу воинственной дѣвы,
Мракомъ и ядомъ зловѣщимъ разсудокъ ея отуманьте!
Змѣи, со мною, за мной—вслѣдъ за великой богиней!..

Съ хохотомъ бѣжитъ, въ сопровожденіи змѣй, потрясая факеломъ, дымъ отъ котораго сгущается черными клубами и заволакиваетъ все. Когда онъ разсѣивается, видна цвѣтущая поляна; бѣлый домъ АРАХНЫ въ глубинѣ; яркое утро. Кипарисы. Изъ каменной ограды бьетъ фонтанъ. ОДНА ДѢВУШКА черпаетъ изъ него воду, ДРУГАЯ только что умылась, надѣваетъ одежды и выжимаетъ волосы, ДВѢ ДРУГІЯ уже въ тѣни дерева разматываютъ нити.

1-ая ДѢВУШКА.

Миртисъ, ужъ солнце высоко: лѣнивица, что же ты медлишь?

2-ая ДѢВУШКА.

Косы не сохнутъ мои, никакъ не могу я ихъ выжать.

3-ья ДѢВУШКА, у фонтана.

Емкій наполненъ кувшинъ; снесу его матери милой
И за работу возьмусь.

Уходитъ въ домъ, потомъ возвращается съ покрываломъ, которое принимается мыть.

4-ая ДѢВУШКА.

Стучитъ ужъ челнокъ Арахнеи!..

1-ая ДѢВУШКА.

Всѣхъ раньше Арахна встаетъ, всѣхъ раньше она за работой.

2-ая ДѢВУШКА.

Трудолюбивѣй пчелы милая наша Арахна!

3-ья ДѢВУШКА.

Янта торопится тоже.

4-ая ДѢВУШКА.

Счастливая Янта, не даромъ
Нити спѣшимъ мы смотать: ей обѣщала Арахна
Къ свадьбѣ одежду соткать!

2-ая ДѢВУШКА.

Если бы мнѣ удалось
Выпросить тоже у ней! Я-бы прекраснѣе стала;
Вѣрно, сильнѣе тогда любилъ бы меня Гіацинтъ!..

3-ья ДѢВУШКА.

Гдѣ ей работать для насъ? Гдѣ ей досуги найти?
Знатныхъ лидіянокъ много тщетно ее умоляютъ!

1-ая ДѢВУШКА.

Злату чего не достичь—сдѣлаетъ дружба, быть можетъ:
Сердцемъ Арахна добра, корысти не знаетъ она.

2-ая ДѢВУШКА.

Дѣвы, смотрите, идетъ къ намъ чужестранка сѣдая!

Появляется АѲИНА въ образѣ старухи.

АѲИНА.

Здравствуйте, юныя дѣвы! Путницѣ дайте напиться!

3-ья ДѢВУШКА, подавая ей кувшинъ, зачерпнувши воды.

Пей, почтенная мать, жажду свою утоли.

АѲИНА.

Дѣвы, повѣдайте мнѣ, гдѣ я?

2-ая ДѢВУШКА.

Въ Гипепахъ, о, мать.

1-ая ДѢВУШКА.

Ты издалека, навѣрно?

АѲИНА.

Да, издалека я, дѣвы.

4-ая ДѢВУШКА.

Сядь, отдохни среди насъ: ты утомилась, навѣрно?

3-ья ДѢВУШКА.

Не подкрѣпишься-ли ты молокомъ, плодами и медомъ?

АѲИНА.

Нѣтъ, мои милыя дѣвы, но доброта ваша мнѣ
Пріятнѣе сладкаго меда; чтите вы старость—я вижу.
Боги пошлютъ вамъ за то успѣянье въ вашемъ трудѣ.
Рано вы всѣ за работой; я слышу и стукъ челнока.

4-ая ДѢВУШКА.

Это Арахны челнокъ, она раньше всѣхъ за работой.

АѲИНА.

Кто это, дѣвы, Арахна?

1-ая ДѢВУШКА.

Ты не слыхала о ней?
Женщинамъ Лидіи цѣлой слава извѣстна ея.

АѲИНА.

Чѣмъ же прославилась такъ эта Арахна, о, дѣвы?

3-ья ДѢВУШКА.

Ткать тонкорунную шерсть чудно умѣетъ она.

4-ая ДѢВУШКА.

Не только одежды прекрасны, что сотканы нашей Арахной,
Но какъ работаетъ дѣва—также пріятно на видъ:
Свиваютъ ли грубую шерсть въ клубокъ ея тонкіе пальцы,
Тянутъ ли длинную нить, веретеномъ ли стучатъ—
Равно прекрасна она—лицомъ и станомъ прекрасна.

2-ая ДѢВУШКА.

Чтобы взглянуть на нее, изъ виноградниковъ Тмола
Часто Дріады выходятъ, Нимфы Пактола изъ водъ
Золотоносныхъ всплываютъ и золотомъ дарятъ ее.

1-ая ДѢВУШКА.

Поступь богини у ней, и искусство тоже богини!

АѲИНА.

Но покажите-же мнѣ искусную вашу Арахну?
Я ужъ стара и сѣда, а рада увидѣть ее.

ДѢВУШКИ стучатъ въ дверь Арахны.

Эй, Арахнея, сюда! Выйди, подруга, скорѣе!..

АРАХНА изъ дома:

Кто прерываетъ мой трудъ?..

ДѢВУШКИ.

Здѣсь чужестранка сѣдая
Хочетъ тебя повидать—выйди съ работой своей.

1-ая ДѢВУШКА.

И докажи ей, что мы хвалимъ тебя не напрасно.

АРАХНА, выходя изъ дома.

Милыя дѣвы мои, ваша хвала дорога мнѣ,
Но не въ урочный вы часъ отъ работы меня оторвали.
Ждать работа не любитъ—ревнива къ минутамъ досуга.

1-ая ДѢВУШКА.

Арахна, мы просимъ тебя—искусствомъ твоимъ мы горды.

АРАХНА.

Лишь покорствуя просьбѣ любви, исполню я ваше желанье.

АѲИНА.

Ужъ не царевна-ли ты, по рѣчамъ и поступи гордой?..

АРАХНА.

Я не царевна, о, нѣтъ, но въ домѣ своемъ—я царица;
Я царица въ работѣ своей—и ею горжусь я не даромъ:
Слава въ искусствѣ моемъ царскихъ вѣнцовъ мнѣ милѣе.

Аѳинѣ:

Хочешь ты видѣть, я слышу, работу Арахны? Изволь.

Прислужницы, по знаку ея, выносятъ ткани.

АѲИНА.

Слышала я, что искусство, дѣва, твое велико. (Смотритъ).
Можно подумать, что ты у Паллады самой научилась...

АРАХНА.

Я оставляю Палладѣ искусство божественной дѣвы.
Сама у себя я учусь, въ урокахъ ея не нуждаюсь.

АѲИНА, сдерживая гнѣвъ.

Дерзкія рѣчи!.. Внемли: старость всегда осторожна.
Выслушай мудрый совѣтъ и пренебречь имъ не мысли.
Славы великой въ искусствѣ ткать тонкорунную шерсть
Ты межъ людьми ужъ добилась, но—не разгнѣвай богини!..
Первенство ей уступи, а въ своихъ безразсудныхъ словахъ
У богини прощенья моли—она раскаянье приметъ!..

У АРАХНЫ выпадаетъ ткань изъ рукъ.

АРАХНА.

Долго на свѣтѣ живешь... Отъ старости ты одряхлѣла...
Пусть же невѣстка и дочь совѣты твои принимаютъ,
Я-же доселѣ жила безъ всякихъ совѣтовъ, уроковъ—
Не приходила Аѳина мнѣ помогать за работой,
Не приводила она видѣній красивыхъ и легкихъ
Мнѣ на послушную ткань; что-жъ не придетъ и теперь!
Хочетъ поспорить со мной—я не боюсь состязаній!

АѲИНА, сбрасывая лохмотья и показывая свой лучезарный ликъ.

Пришла она!..

ДѢВУШКИ.

Горе, о, горе, это Паллада сама!..

2-ая ДѢВУШКА.

Прости ей, богиня, прости!

3-ья ДѢВУШКА.

Будь милосердна къ бѣдняжкѣ!

1-ая ДѢВУШКА.

Пади на колѣни, Арахна, моли у богини прощенья.

АРАХНА, зардѣвшись.

За что мнѣ прощенья молить? Вины за собою не знаю.
Славнымъ искусствомъ горжусь,—готова я въ немъ состязаться.
Иль преступленье—любить свято искусство свое?
Иль преступленье—желать въ немъ совершенства достичь?

АѲИНА.

Такъ!.. Состязанья ты хочешь... Не откажусь отъ него!
Дайте станокъ и основу! Дайте утокъ мнѣ сюда!

Ея приказаніе исполняютъ прислужницы Арахны.

Платье свое подвязать дайте скорѣе мнѣ поясъ!..
Такъ—за работу скорѣй! Судьями будете вы.

ОБѢ поспѣшно принимаются за работу. ЗАВИСТЬ появляется и тихонько становится за спиной АѲИНЫ и смотритъ на работу. ВСѢ ДѢВУШКИ въ страхѣ ждутъ конца состязанія.

АѲИНА.

Дайте нити золотыя,
Дайте тонкіе шелка!..
Пусть скользитъ быстрѣе мысли
Бѣгъ послушный челнока.
Краски радуги блестящей
И лазури красоту
Въ бѣлоснѣжную основу
Переливами вплету.
Вытку я тотъ споръ старинный
За названіе земли,
Что на холмѣ Кекропійскомъ
Небожители вели...
Возсѣдаютъ полукружьемъ—
Зевсъ великій посреди;
Здѣсь—себя изображаю
Я съ Эгидой на груди...
Посейдонъ своимъ трезубцемъ
Ударяетъ по скалѣ...
Выбѣгаетъ конь ретивый—
Даръ его родной землѣ.
Но на землю опустила
Я блестящее копье—
И изъ нѣдръ земли богатой
Вышло дерево мое!
Плодородную маслину
Я дала странѣ родной!
И побѣду возгласили
Небожители за мной!
Мой—тотъ городъ величавый,
Лучшій городъ всей страны.
Гордымъ именемъ Аѳины
Называть его должны.
По угламъ изображу я,
Какъ наказаны судьбой
Тѣ, кто вздумалъ выше бога
Ставить смертный образъ свой:
Гемъ и гордая Родописъ,
За кощунство съ давнихъ поръ

Обращенныя богами
Въ двѣ вершины снѣжныхъ горъ...
Двѣ соперницы Юноны,
Превратившіяся въ птицъ...
И Киниръ осиротѣлый
Вотъ—во храмѣ павшій ницъ,
И лобзаетъ онъ ступени
Въ тщетной горести своей—
Камни, бывшіе недавно
Тѣломъ милыхъ дочерей...
Пусть примѣръ и поученье
Арахнея здѣсь найдетъ:
Кто равняется съ богами —
Отъ боговъ наказанъ тотъ.
По краямъ-же тонкой ткани
Вытку четкою каймой
Серебристую оливу—
Символъ мира, символъ мой!

АРАХНА.

Дайте нити золотыя,
Дайте тонкіе шелка!
Пусть скользитъ быстрѣе мысли
Бѣгъ послушный челнока.
Въ бѣлоснѣжную основу
Краской радуги вплету
Я былыхъ сказаній тѣни
И видѣній красоту.
Вытку я морскія волны,
Бѣлой пѣны жемчуга,
Рощи лавровъ, кипарисовъ
И высокихъ горъ снѣга.
Вытку я боговъ забавы —
Какъ, богинь своихъ презрѣвъ,
Боги свѣтлаго Олимпа
Обольщали смертныхъ дѣвъ.
Вотъ—красавица Европа,
Свѣтлокудра и легка,
Крѣпко держится за шею

Бѣлоснѣжнаго быка.
Этотъ бымъ—самъ Громовержецъ,
Богъ боговъ, гроза небесъ:
Подъ ярмо прекрасной дѣвы
Клонитъ выю самъ Зевесъ!
А она—робѣетъ, плачетъ,
И подругъ ей милыхъ жаль...
Но ее уносятъ волны,
Мчатъ въ лазоревую даль...
Вотъ и лебедь бѣлоснѣжный,
Что объятьемъ мощныхъ крылъ
Очарованную Леду
Охватилъ и покорилъ.
Вытку я еще Данаю,
Какъ раскинулась она
На своемъ дѣвичьемъ ложѣ,
Въ сладкій сонъ погружена.
Какъ была она прекрасна
Лучезарной красотой
Въ мигъ, когда съ небесъ къ ней въ лоно
Дождь спустился золотой.
И твою любовь я вытку,
Дна морского властелинъ,
Что подплылъ къ Мелантѣ юной,
Какъ играющій дельфинъ.
Вытку я и Аполлона,
Подъ личиной пастуха
Обольстившаго ту дѣву,
Что къ любви была глуха.
И тебя—Либеръ, податель
Новыхъ радостей и силъ,
Какъ лозою виноградной
Эригону ты обвилъ.
Я на тонкой цѣнной ткани
Это все изображу
И края каймой узорной,
Какъ гирляндой, окружу.
Я совью въ ней плющъ съ цвѣтами.
Листья нѣжные плюща
Будутъ четко выдѣляться,

Какъ живые трепеща.
Оттого цвѣтовъ такъ много
Я въ кайму мою вплету,
Что я здѣсь изобразила
И любовь, и красоту!

Кончаютъ ткать.

ЗАВИСТЬ, **взглянувъ на работу Арахны:**

Истинно чудо чудесъ работа прекрасной Арахны!
Ни слова сказать не могу—Аѳину она превзошла.

АѲИНА.

Вздыхаешь, коварная Зависть? Дай-же взглянуть мнѣ на чудо...

Смотритъ и, про себя, не можетъ удержать восклицанія:

Горе дерзкой, горе! Искусство ея велико!

Дѣвушкамъ:

Что-же скажете вы? Чье выше искусство?.. Молчите?..

ДѢВУШКИ **со страхомъ:**

Работа богини прекрасна... Но ей не уступитъ Арахна.
Истина выше всего. Работа Арахны—прекрасна.

АРАХНА.

Ты видишь, богиня! Не тщетно искусствомъ своимъ я горжусь.
Милости я не прошу: мнѣ справедливость дороже.
Если ты можешь—хули!..

Аѳина молчитъ.

Ты видишь, богиня, ты видишь!..

АѲИНА.

Дерзкая дѣва, молчи! Гнѣва страшись моего.
Работа прекрасна твоя, но гордость—достойна отмщенья!
Ты посягнула съ богиней равняться! Скорѣй—на колѣни!

Арахна гордо стоитъ.

А! Ты не хочешь богинѣ повиноваться?..

Ударяетъ ее челнокомъ, АРАХНА вскрикиваетъ, АѲИНА отвращаетъ лицо отъ нея и стоитъ, насупивъ чело.

ДѢВУШКИ.

О, горе! .

АРАХНА послѣ долгаго молчанія, потрясенная.

Десницей коснулась меня! Ударила Идмона дочь!
Даже богини рука не должна-бы касаться Арахны.
Чиста и горда я жила, дѣвою мудрой и скромной;
Я неприступна была, какъ снѣга Ѳракійскихъ вершинъ.
Мать, умершая рано, меня не карала ударомъ,
Ласкѣ—и той я еще прикоснуться къ себѣ не дала.
Больше не жить на землѣ Арахнѣ съ обидой такою!
Позоръ, о, позоръ, о, позоръ! Ты такъ хотѣла богиня?
Вотъ и побѣда твоя: радуйся, ты побѣдила.
Милыя дѣвы! Прощайте: видѣли вы мой позоръ,
Но не увидитъ никто, какъ живетъ Арахнея съ позоромъ!

Душится косою и падаетъ мертвой.

ДѢВУШКИ, окружая ее.

Горе! Она умерла! Горе! Дыханія нѣтъ!..
Горе! Она умерла!

АѲИНА грозно.

Нѣтъ! Не умретъ Арахнея.
Но въ наказанье за дерзость—будетъ вѣчно висѣть,
Именемъ злымъ паука будутъ ее называть.

АѲИНА окропляетъ ее сокомъ чудодѣйственной травы; тѣло АРАХНЫ начинаетъ принимать видъ безформеннаго чудовища. ДѢВУШКИ въ ужасѣ разбѣгаются.

АѲИНА.

Живи! Обратясь въ паука, пряди свою вѣчную пряжу.
Тки свою вѣчную ткань, но помни—безцѣльно трудись;
Какъ-бы пряжа твоя ни была искусна, прекрасна,
Какъ бы на солнцѣ она живымъ серебромъ ни играла,
Какъ бы алмазы росы въ ней ни блестѣли красиво,

Какъ бы она въ переливахъ радуги пестрыхъ лучей
Ни освѣщалась чудесно—помни, что будетъ довольно
Легкаго вѣтра порыва, мѣткаго камня удара
Мальчишки бѣгущаго мимо,—пряжа погибнетъ твоя!
Снова пряди, и пряди, и вѣчно пряди, Арахнея!..

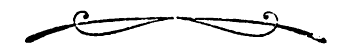
Скрывается.

ЗАВИСТЬ.

Вотъ побѣда моя! Змѣи, со мною, за мной,
Шипите, свивайтесь клубами, веселитесь, какъ черныя мысли,
Змѣи, со мною, за мной! Празднуйте нашу побѣду!..

Размахивая факеломъ, кружится въ дикомъ вихрѣ радости—и змѣи съ ней. Опять клубы дыма заволакиваютъ все мракомъ — все исчезаетъ.

Т. Щепкина-Куперникъ.

ШАХМАТЫ.

Разсказъ **В. Семичева.**

Петръ Евграфовичъ Епикуровъ, прокуроръ военнаго суда въ чинѣ его превосходительства, сидѣлъ въ просторной гостиной своей квартиры и игралъ въ шахматы съ секретаремъ того же суда—человѣкомъ нервнымъ, сухимъ и болѣзненнымъ. Ихъ раздѣлялъ небольшой столикъ о трехъ орѣховыхъ ножкахъ съ шахматной доской и игральными фигурами.

— Вашъ ходъ, господинъ чиновникъ,—басилъ сурово прокуроръ, потягивая изъ мундштука коротенькой трубочки и насвистывая давнишній полковой маршъ.

— Знаю, знаю-съ, ваше превосходительство,—почтительно гундилъ носомъ маленькій секретарь, выстукивая каблукомъ тактъ прокурорскаго марша. Задумывался надъ ходомъ, ерзалъ въ креслѣ, сопѣлъ и ухмылялся, нервно потиралъ руками и быстро и часто втягивалъ голову въ плечи, не рѣшаясь сдѣлать ходъ.

Прокуроръ покуривалъ и снисходительно выжидалъ.

Въ комнатѣ было тепло и душно отъ пахнувшаго угаромъ камина, отъ генеральской трубки, отъ тяжелыхъ, опущенныхъ портьеръ и мягкихъ, пушныхъ ковровъ, разостланныхъ по всему полу.

— Прошка, чаю!—скомандовалъ генералъ и, откинувшись на спинку кресла, переложилъ ногу на ногу. Онъ глубоко презиралъ маленькаго секретаря. Противна была эта манера его потирать ежеминутно руки, ерзать на стулѣ и, наклонившись надъ самой шахматной доской, пристально вглядываться въ поставленныя фигуры. Но секретарь былъ единственнымъ сослуживцемъ, умѣвшимъ играть въ шахматы и склоннымъ раздѣлять часы досуга его превосходительства.

— Подбавь углей въ каминъ, да прикрути лампу... Коптитъ!—приказалъ прокуроръ слугѣ, явившемуся съ чаемъ.

Секретарь продвинулъ пѣшку—и генералъ въ свою очередь наклонился надъ шахматной доской.

— Беру ладью и дѣлаю шахъ ферзи,—сказалъ онъ. Пустилъ клубами дымъ изъ уголка рта и перешелъ съ марша на веселый мотивъ оперетки.

Нога секретаря соотвѣтственно измѣнила темпъ, плечи его сгорбились и руки подъ столомъ задвигались еще быстрѣе.

— Вижу-съ, вижу,—прогундилъ чиновникъ.—А я беру слона-съ и дѣлаю шахъ-съ вашему королю... Что-съ?—ухмыльнулся онъ.—Видали антраша?...

— Почему, собственно, „слона-съ“ и причемъ тутъ антраша?!—подумалъ прокуроръ. Сдвинулъ сѣдыя брови, поправилъ манжету въ рукавѣ и забунчалъ прежній маршъ. Маленькіе, ехидные глазки секретаря перебѣгали съ шахматной доски на красное, продолговатое лицо прокурора, оглядывали мелькомъ его прыщеватую, красную шею, сжатую воротникомъ мундира, и пристально впивались опять въ рѣзныя деревянныя фигурки.

— Что-съ?—говорилъ онъ.—Видали антраша?...

Улыбаясь, досталъ новую папиросу, крѣпко щелкнулъ крышкой портсигара и закурилъ, блаженно потягиваясь.

Генералъ думалъ. Сдвинувъ брови и оттянувъ нижнюю плоскую губу, сердито бубнилъ себѣ что-то подъ носъ и думалъ.

— „Противный, гусиный носъ...—презрительно улыбался секретарь, разсматривая отъ нечего дѣлать горбатый, синевато-красный носъ прокурора.— И весь онъ противный. Чѣмъ онъ живетъ?... Для чего онъ живетъ?..“

Прокуроръ высвистывалъ марсельезу, крутилъ длинный усъ и хмурилъ брови.

— Пойду сюда,—проронилъ онъ сквозь зубы. Чиновникъ почтительно изогнулся, какъ изгибался всегда въ присутствіи начальства, и почтительно произнесъ:

— Сюда нельзя-съ, ваше превосходительство: шахъ-съ конемъ.

— А, чортъ возьми!—поморщился генералъ.—Но позвольте, господинъ чиновникъ (прокуроръ нарочно звалъ своего партнера чиновникомъ),—позвольте!... Вы не имѣли права брать моего слона... Вы открываете своего короля и проигрываете партію. Моя ферзь тутъ стоитъ...

Секретарь вскинулся, посмотрѣлъ и отставилъ назадъ подвинутую фигуру.

— Вы совершенно правы,—холодно сказалъ онъ.—Не замѣтилъ.

— То-то, я смотрю, не то что-то у насъ съ вами выходитъ,—ликовалъ побѣдоносно генералъ и зло добавилъ:—а говорите—антраша!...

Закурилъ потухшую трубку и, усмѣхаясь, поглядывалъ на нервно-кривившееся лицо секретаря, съ остренькой бородкой клинушкомъ и рѣдкими, колючими усиками. Чиновникъ пощипывалъ усики тонкими, дрожащими пальцами и обдумывалъ новый ходъ.

— „Мелюзга какая!—брюзжалъ про себя прокуроръ, окидывая взглядомъ тщедушную фигурку секретаря.—Назначать какихъ стали!... Много они тутъ дѣла сдѣлаютъ... Антраша!..“

Попыхивалъ трубочкой, утопалъ въ клубахъ синяго дыма и самодовольно оглядывалъ сверху внизъ свою крѣпкую, стянутую мундиромъ фигуру, въ мѣру выпяченный животъ и въ мѣру округленныя формы, свидѣтельствовавшія о солидности, общественной вѣскости и значительности его чина.

— „Орденовъ бы не мѣшало побольше", — мечталъ его превосходительство.

Секретарь долго обдумывалъ ходъ. Выдвинулъ ферзь, но поставилъ обратно; перетрогалъ поочередно всѣ пѣшки, вздрагивалъ плечами и, наконецъ, рѣшительно взялся за коня и защитилъ имъ фигуру.

Былъ третій часъ ночи...

— Не пора ли намъ?—спросилъ шепотомъ у прокурора, вынимая часы.

Тотъ мелькомъ взглянулъ на золотые, блестѣвшіе камнями часы чиновника, и пробунчалъ, сжимая вставными зубами потухшую трубку:

— Успѣетъ еще...

— „Всѣ секретари, въ сущности, ни къ чему,—размышлялъ прокуроръ, продвигая впередъ пѣшку съ праваго фланга.—И безъ нихъ бы держались. Путаютъ только"...

— Вашъ ходъ...

— „Почитаетъ себя общественной величиной,—раздражался чиновникъ, впиваясь острыми глазками въ синій носъ прокурора.—А по ночамъ кошмары мучаютъ. Это пораженіе-съ, ваше превосходительство"...

— Пошелъ ферзью.

— Закрылся слономъ.

— Шахую батюшку.

— Беру дамой.

— „Одинъ, вотъ, былъ молодой. А теперь въ психіатрической сидитъ", —вспоминалъ прокуроръ, рекируясь на правый флангъ.

— „Всѣмъ извѣстно, что съ Прошкой спитъ",—язвительно усмѣхался секретарь.

И было ему противно оставаться дольше въ этой уютной гостиной, за маленькимъ шахматнымъ столикомъ, наединѣ съ человѣкомъ, котораго онъ глубоко ненавидѣлъ, смутно сознавая, что часть этой ненависти относится и къ нему самому, что не сможетъ онъ отдѣлаться отъ презрѣнія къ себѣ, пока не уѣдетъ совсѣмъ изъ захолустнаго города къ другому—новому, свободному дѣлу.

И прокуроръ брюзжалъ потому, что былъ недоволенъ собой, своимъ забытымъ положеніемъ, выпавшими на его долю обязанностями, которыхъ онъ не то, что не хотѣлъ бы исполнять, а просто предпочелъ бы избѣгать, чтобы освободить себя отъ кошмаровъ и приступовъ удушья, участившихся за послѣднее время.

— „Хорошо ему, чинушкѣ, въ бумагахъ копаться"...

— Присудили таки,—негодовалъ секретарь, возмущаясь спокойнымъ и равнодушнымъ видомъ его превосходительства.

— Вашъ ходъ, господинъ чиновникъ.

— Пошелъ ферземъ. Ваша очередь.

Игра продолжалась. Прокуроръ подшучивалъ, прикрывая своими улыбками то, что мучило его опять и опять своей близостью. Разсѣивалъ себя мыслями объ орденахъ и предстоявшемъ повышеніи, успокаивалъ разсужденіями объ общественной полезности. Секретарь потиралъ руки, тревожно вскидывалъ плечами, посматривалъ на часы и, криво улыбаясь,—дѣлалъ видъ, что для него не существуетъ сейчасъ ничего другого, кромѣ передвиженія деревянныхъ рѣзныхъ фигурокъ по клѣтчатой дощечкѣ. Съ особеннымъ вниманіемъ наклонялся надъ игрой и наблюдалъ за ходами противника.

Выла вьюга надъ занесеннымъ снѣгомъ городомъ. Выла и плакала. Приходила съ маленькаго темнаго двора, билась о стекла оконъ, смотрѣла въ свѣтлую комнату, убранную коврами и тяжелыми портьерами, уходила въ пустынную степь и сурово металась по буграмъ и заваламъ, крича и стеная въ черную мглу глубокой ночи...

— „Такъ воетъ смерть",—думалъ секретарь.

— Вашъ ходъ,—говорилъ прокуроръ.

Въ четыре часа ночи секретарь не выдержалъ, нервно поднялся и объявилъ, что пора ѣхать.

— Пора-то пора... А какъ же партія?...

Чиновникъ не отвѣтилъ. Повернулся спиной къ генералу и прошелъ въ раздѣвальную.

— Если бы вы не шаховали слономъ мою ферзь, а атаковали бы съ лѣваго фланга,—партія была бы ваша,—говорилъ прокуроръ въ раздѣвальной, запахиваясь въ шинель и нащупывая ногами калоши.

Въ тюрьмѣ, куда они пріѣхали, всѣ были уже въ сборѣ. Докторъ, молодой, только что сошедшій со студенческой скамьи человѣкъ, бѣгалъ изъ угла въ уголъ и курилъ папиросу за папиросой.

— Что-же вы, ваше превосходительство!... Нельзя же такъ. Полчаса ждемъ...

Генералъ заторопился, засѣменилъ ногами и оглянулся на секретаря. Снялъ калоши, поставивъ бережно въ уголокъ, чтобы не перепутали, стряхнулъ снѣгъ съ шапки и, выправивъ подъ шинелью грудь, вошелъ за всѣми въ длинный корридоръ.

Тихо пробирались гуськомъ, боясь разбудить спавшихъ арестантовъ.

Звякнули ключи у старшаго надзирателя, кто-то шепнулъ впереди: „тс...съ"!... Начальникъ тюрьмы вошелъ въ одиночную камеру съ конвоемъ. Всѣ столпились около дверей. Въ тишинѣ тюрьмы ждали чего-то напряженно, — какихъ-нибудь криковъ, стоновъ, послѣднихъ просьбъ, рыданій, что всегда бывало и что сдѣлалось давно для всѣхъ обычнымъ.

Прокуроръ нашелъ себѣ мѣсто рядомъ съ батюшкой и всталъ, тяготясь молчаніемъ, заглушая въ себѣ нервную зѣвоту. Не зналъ, куда дѣвать руки... Посмотрѣлъ на другихъ,—всѣ стояли, вытянувъ ихъ по швамъ.

— Что это, точно солдаты въ строю, — подумалъ его превосходительство и сложилъ руки молитвенно на груди, засунувъ пальцы за обшлагъ мундира.

Ждалъ...

Длинноволосый батюшка стоялъ въ темной рясѣ, вопросительно оборачивая ко всѣмъ свое простодушное лицо. Поглаживалъ разсыпавшіяся пряди рыжихъ волосъ и все прилаживалъ большой крестъ на серединѣ груди.

Кто-то шепталъ въ камерѣ. Потомъ кто-то глухо и рѣзко сказалъ:

— Итти надо!...

— Вѣроятно, надзиратель,—подумалъ прокуроръ.

И опять всѣ молчали.

— Что они возятся тамъ?

Двинулась впередъ фигурка маленькаго секретаря, вытянувъ шею. Сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился у дверей камеры.

— Если кричать будетъ,—ротъ заткнуть платкомъ надо....—подумалъ прокуроръ. Приготовился отдать приказаніе.

Вспоминалъ расположеніе фигуръ на шахматной доскѣ и комбинировалъ новые ходы...

— Точно на панихидѣ всѣ,—вдругъ пришла въ голову мысль. Выправилъ еще выше грудь, переступилъ съ ноги на ногу. Тихо звякнули чьи-то шпоры.

Въ камерѣ задвигались... Кто-то застоналъ... Стукнуло что-то объ полъ. И кто-то опять сказалъ: „тише!.."

Секретарь посторонился. Въ темныхъ дверяхъ камеры показались силуэты людей, блѣдныя, растерянныя лица.

— Поддержите его!—шепотомъ крикнулъ кто-то...

Нѣсколько человѣкъ надзирателей кинулись впередъ и подхватили подъ руки фигуру въ сѣромъ арестантскомъ халатѣ и съ повязанной головой. При тускломъ свѣтѣ ночника, горѣвшаго въ другомъ концѣ корридора, обрисовалось скуластое лицо преступника, съ закрытыми глазами и съ свисшей на бокъ головой. По движеніямъ мускуловъ на обнаженной шеѣ чувствовались всхлипыванія, судорожное глотаніе и вздохи...

Прокуроръ быстро отвелъ глаза, повернулся и пошелъ тихимъ шагомъ впереди процессіи.

— Только не смотрѣть,—говорилъ онъ себѣ,—а то опять кошмары замучаютъ...

Чувствовалъ за своей спиной тяжелые, крадущіеся шаги остальныхъ. Вспомнилъ, какъ когда-то шелъ такъ-же впереди похоронной процессіи, такимъ же мѣрнымъ шагомъ, съ подушкой, усѣянной орденами покойнаго...

Догналъ секретарь. Нервный, быстрый. Суетился. Толкнулъ его въ плечо...

— Сюда, вотъ... Въ дверь налѣво...

Прокуроръ повернулъ, стараясь не оглядываться. Все время—не оглядываться. Секретарь отсталъ. И другіе отстали. Замялись въ дверяхъ...

Пахнуло морозомъ—холоднымъ, парнымъ воздухомъ. Искрился свѣжій снѣгъ. Метель пронеслась, разорвало вѣтромъ лохматыя тучи... Мутнѣли пятнами отдѣльныя облака. Крѣпко вызвѣздило.

Шелъ одинъ по двору, слушалъ, какъ хруститъ снѣгъ подъ ногами, смотрѣлъ на звѣзды,—темное, черное небо. И старался отвлечься мыслями...

— Никогда астрономіей не занимался. Ни одной, вотъ, звѣзды не знаю.

Маленькая, огненная искорка прокатилась по небосклону...

— И почему падаютъ звѣзды?... Тоже не понимаю... А тихо какъ!

— Кажется, за уголъ...—подумалъ, дойдя до угла и осторожно заглядывая за край стѣны, наклонившись всѣмъ туловищемъ.

— Вотъ, если бы конемъ ходилъ,—я бы не могъ шаховать...—отвлекался мыслями и вспоминалъ фигуры на клѣтчатой доскѣ. Опять смотрѣлъ на звѣзды... Догналъ докторъ:

— Послушайте... погодите... То опаздываете, то бѣжите, какъ на охотѣ... Нельзя такъ... Нужно въ чувство привести сначала... Батюшка тамъ хлопочетъ...

Прокуроръ остановился.

— Почему на охотѣ?... Что такое на охотѣ?...

Смотрѣлъ на молодого врача, видѣлъ его едва опушенное бородкой, тревожное, испуганное лицо и не понималъ смысла его отрывистой рѣчи. Оба молчали.

Вспомнилъ опять, какъ процессія задержалась, а онъ ушелъ одинъ впередъ съ орденами.

— Тамъ?—спросилъ, указывая рукой за уголъ.

Докторъ не отвѣтилъ.

Снова послышались шаги по мягкому скрипучему снѣгу и чьи-то стоны и всхлипыванія...

Прощались у воротъ тюрьмы. Расходились каждый въ свою сторону. Темнѣли на снѣгу тѣни съ поднятыми воротниками шубъ и мохнатыми шапками.

— Я васъ не отпущу,—говорилъ прокуроръ маленькому секретарю.— Ну, что вамъ стоитъ?... Оба мы живемъ, такъ сказать. en garçon. Никто насъ не ждетъ. Одному страшно... Опять кошмары будутъ... Пойдемте... И, вообще, переселяйтесь-ка вы ко мнѣ. Вдвоемъ, знаете-ли, лучше какъ-то...

Секретарь не отвѣчалъ. Прокуроръ ласково поддерживалъ его за руку и старался говорить о необыкновенныхъ вещахъ, чтобы заглушить обыкновенное.

— Ей-Богу, въ нашей жизни такъ мало радостей. Только, вотъ, картишки да шахматишки. Спать, вѣдь, все-равно не будете?..

Чиновникъ досталъ платокъ и обмахнулъ растаявшія снѣжинки на щекахъ.

— Спать-то, конечно, не буду... А все-таки, знаете-ли...

— Вотъ, и прекрасно. А завтра переселяйтесь ко мнѣ. Вечеромъ сходимъ къ Тучкову. Преферансикъ устроимъ... Да, кстати, вы не знаете, почему звѣзды падаютъ?...

Секретарь зналъ и пообѣщался объяснить прокурору.

— Ну, вотъ... А то давно это было... Училъ когда-то, да забылъ. Все въ юррудицію ушло...

Помолчали.

— Хорошо, что мы съ вами холостяки,—разсмѣялся прокуроръ. Ему жутко было молчать.—Разсказывали, что моего предшественника жена, обыкновенно, въ такія ночи домой не пускала. Ночуй, гдѣ хочешь. Боялась. Говорила, что на дѣтей переходитъ... А то, вотъ, еще одинъ презабавный, я вамъ скажу, случай... Дѣло было въ Тюмени...

Въ темной передней прокурорской квартиры, гдѣ вскорѣ зажегъ свѣтъ сонный слуга, было тепло и уютно. Пахнуло жильемъ, пріятнымъ покоемъ, отдыхомъ и тишиной... Притаившаяся за окнами ночь съ ея недавней метелью, съ ея кошмарами, съ ея правдой, боязливо глядѣла черезъ обмерзшія стекла и не рѣшалась войти въ уютную гостиную прокурора.

— Прошка, чаю!— скомандовалъ генералъ.

Готовый самоваръ уже ждалъ на столѣ, пыхтѣлъ паромъ и мурлыкалъ пѣсню.

— Ишь, сказки разсказываетъ, каналья,—пошутилъ прокуроръ.—Такъ какъ же,—докончимъ партишку?...

— Все равно... Не спать бы только...

Генералъ сѣлъ за круглый столикъ о трехъ орѣховыхъ ножкахъ, поставилъ передъ собой стаканъ чаю и, закуривая трубку, сказалъ:

— Вашъ ходъ.

— Мой ли?..

— Какъ же, какъ же-съ. Я... тогда еще... пошелъ ферземъ.

Секретарь задумался надъ ходомъ, или только дѣлалъ видъ, что задумался.

Прокуроръ не чувствовалъ теперь никакого раздраженія противъ тщедушной фигурки своего партнера и его манеры потирать руки. Чиновникъ представлялся ему, напротивъ, очень милымъ и, въ сущности, хорошимъ человѣкомъ.

Облокотился на спинку кресла и мысленно распредѣлялъ:

— «Спальную и кабинетъ отдѣлаю себѣ, а ему отдамъ гостиную и ту, смежную комнату. Столовая будетъ общей»...

— Знаете-ли, ваше превосходительство,—говорилъ секретарь,—все-таки... все-таки... какое-то чувство презрѣнія и отвращенія къ себѣ. И тяжелѣе всего то, что если преодолѣть ихъ, то чувствуешь, что не будешь имѣть права больше ни вѣрить себѣ, ни любить...

— Молодость, молодость волнуется въ васъ,—тянулъ мѣрнымъ голосомъ прокуроръ, разсматривая поле игры.—Вы, кажется, конемъ пошли?

Нагнулся надъ столомъ и, насвистывая маршъ, изучалъ лагерь противника.

— И знаете ли что, дорогой мой,—не называйте меня вашимъ превосходительствомъ. Ну, какое я, въ самомъ дѣлѣ, превосходительство?.. Зовите просто по имени и отчеству.

— «А онъ душевный человѣкъ,—думалъ секретарь.—Переселюсь пожалуй. Не будетъ такъ тоскливо и страшно... А при случаѣ переведусь»...

— Никуда вы не переведетесь,—будто угадывая его мысли возразилъ прокуроръ.—Всюду, повѣрьте, одно и то же. Свыкнетесь современемъ.

И двинулъ слономъ.

Поднялся, вдругъ, съ мѣста и, нагнувшись къ уху секретаря, шепотомъ сказалъ:

— Надо умѣть только одно: не думать... Понимаете? Не думать... И не смотрѣть!

Криво усмѣхнулся, сѣлъ въ кресло и тяжело, съ одышкой, захохоталъ.

Кончили партію и приступили къ новой, обмѣнявшись фигурами.

— Ну, а какъ же звѣздочки-то, Михаилъ Ивановичъ?..

— Завтра ужъ, завтра, генералъ. Сегодня увольте,—отвѣтилъ секретарь. И улыбнулся.

Начали новую игру.

Вл. Семичевъ.

ПИТТЪ И ФОКСЪ.

Романъ **Фридриха Хуха**.

(Съ нѣмецкаго).

(*Окончаніе* *).

Итакъ Питтъ, дѣйствительно, сдѣлался редакторомъ. Господинъ Вольфъ отвелъ его въ первое уже утро въ кабинетъ литературнаго отдѣла и представилъ ему помощника редактора, господина Бертольда, не назвавъ, впрочемъ, его фамиліи. Это былъ бѣлокурый молодой человѣкъ, съ цѣлой копной густыхъ волосъ. Онъ стоялъ, какъ столбъ, въ то время, какъ господинъ Вольфъ говорилъ:

— Вотъ, это нашъ сотрудникъ, съ которымъ вамъ, господинъ докторъ, предстоитъ работать за однимъ столомъ; онъ вполнѣ ознакомитъ васъ съ технической стороной дѣла, такъ какъ она прекрасно ему извѣстна А остальное вы узнаете сами.

При этихъ словахъ господинъ Бертольдъ покраснѣлъ до корней волосъ и бросилъ на Вольфа полу-вызывающій, полу-подобострастный взглядъ. Затѣмъ господинъ Вольфъ удалился, Питтъ остался наединѣ съ господиномъ Бертольдомъ, сѣлъ напротивъ него и сталъ ждать, чтобы тотъ ознакомилъ его съ дѣломъ. Но тотъ не поднималъ головы отъ своихъ бумагъ, и Питтъ тщетно выжидалъ, что же теперь съ нимъ будетъ.

Да что съ нимъ такое?—подумалъ онъ, когда господинъ Бертольдъ временами бралъ большія ножницы, бросая при этомъ глубоко-оскорбленный взглядъ на Питта. Встрѣтивъ въ слѣдующій разъ такой же взглядъ, Питтъ сказалъ.

— Я, право, не виноватъ въ томъ, что попалъ сюда. Скажите пожалуста, до какихъ поръ я долженъ сидѣть здѣсь. Почему вы мнѣ не отвѣчаете?

Господинъ Бертольдъ отложилъ ножницы:

— Развѣ я долженъ вамъ отвѣчать? Развѣ я обязанъ вамъ какимъ-нибудь отчетомъ? Развѣ кто-нибудь потрудился представить меня вамъ, какъ подобаетъ въ свѣтскомъ обществѣ? О, я прекрасно знаю, это опять все тѣ же утонченныя униженія! При каждомъ удобномъ случаѣ мнѣ стараются по-

*) См. кн. 3, 4, 5, 6 и 7, „Новой Жизни"

казать, что я здѣсь только подчиненное лицо! Разумѣется, и васъ тоже успѣли заразить. Всѣ тамъ,—онъ указалъ на сосѣднюю комнату,—ведутъ себя такъ: такая ужъ здѣсь мода, это высшая воспитанность!—Онъ сильно повысилъ голосъ.

— Что тутъ такое происходитъ?—спросилъ господинъ Вольфъ, просовывая въ дверь свою темную голову.

Господинъ Бертольдъ взглянулъ на него съ смущеніемъ:

— О, ничего рѣшительно, я только разсказывалъ кое-что...—Господинъ Вольфъ затворилъ дверь съ многозначительнымъ видомъ. Тотчасъ же глаза Бертольда расширились и съ горькимъ выраженіемъ устремились на Питта:— Приходится смиряться передъ этими людьми,—а почему? Потому что иначе вылетишь на улицу и можешь подохнуть съ голоду!

— Если вамъ интересно знать мою фамилію, извольте,—сказалъ Питтъ и назвалъ себя. Въ этомъ человѣкѣ было что-то для него симпатичное.

Господинъ Бертольдъ неувѣренно взглянулъ на него, потомъ продолжалъ, болѣе мягкимъ тономъ:

— Не обижайтесь на то, что я отношусь такъ подозрительно ко всему что исходитъ оттуда.

— Я только вчера познакомился съ этимъ господиномъ,—сказалъ Питтъ.

— Черезъ кого же вы попали въ редакцію?—спросилъ господинъ Бертольдъ нѣсколько довѣрчивѣе.—Должно быть, черезъ фрейлейнъ Гейне?

Питтъ кивнулъ утвердительно, на что господинъ Бертольдъ такъ подмигнулъ, какъ будто никогда въ жизни не слыхалъ ничего остроумнѣе. Питтъ счелъ разумнѣе не освѣдомляться о причинѣ этой мимики.—Затѣмъ господинъ Бертольдъ посвятилъ его въ веденіе дѣла, показалъ всѣ портфели и ящики, въ которыхъ лежали всякія рукописи, сообщилъ имена постоянныхъ сотрудниковъ и ихъ функціи—причемъ всѣхъ поголовно назвалъ идіотами—и познакомилъ съ различными отдѣлами газеты.

Вначалѣ новая дѣятельность показалась Питту довольно трудной: чтеніе рукописей еще нѣсколько интересовало его, равно какъ писаніе увѣщательныхъ писемъ лѣнивымъ и ненадежнымъ сотрудникамъ и посѣщенія постоянныхъ критиковъ—при газетѣ былъ и еженедѣльный обзоръ театра и музыки—и, казалось, какъ будто онъ, дѣйствительно, хочетъ проводить какое-то художественное направленіе. Но уже на самыхъ первыхъ порахъ энергія его истощилась. Когда критики на его принципіальныя замѣчанія возражали, что они уже много лѣтъ пишутъ такъ, и публика всегда была довольна и именно этого и требуетъ, онъ, въ концѣ концовъ, думалъ:—„Ну да,—вѣдь, въ сущности, все и дѣлается-то для публики, а не для меня". Съ господиномъ Бертольдомъ онъ отлично поладилъ. Первое время тотъ, какъ и главный редакторъ, думалъ, что Питтъ одушевленъ крупными планами и

чрезвычайной энергіей, но мало по малу разобралъ, Что Питтъ, въ сущности, только забавляется всѣмъ, и въ томъ числѣ, и самимъ собой. Бертольдъ чувствовалъ, что это происходитъ не отъ неспособности, и Питъ сталъ представляться ему существомъ иной породы и, можетъ быть, высшей, чѣмъ онъ самъ. Полу-дружескимъ, полу-смиреннымъ тономъ онъ спрашивалъ, не можетъ ли помочь ему въ томъ или другомъ. Питтъ радостно соглашался. И вскорѣ господинъ Бертольдъ самовластно распоряжался всѣмъ за подписью Питта.

— Все идетъ великолѣпно, чудесно!—говорилъ господинъ Вольфъ.—Со времени вашего вступленія, въ газету точно вселился новый духъ. Послѣ нашего перваго разговора, я никакъ бы не подумалъ, что у васъ такое пониманіе чисто реальной стороны дѣла!

— Да, да,—отвѣчалъ Питтъ,—это, вѣдь, самое важное!—И въ такія минуты казался себѣ почти что сколкомъ со своего брата Фокса.

Фрейлейнъ Гейне поздравила его съ выздоровленіемъ, какъ она это называла.

— Я—ангелъ, спасшій васъ—сказала она. Вы помните, какимъ растерзаннымъ вы были вначалѣ? Завтра я зайду за вами въ редакцію, и мы вмѣстѣ отправимся въ картинную галлерею. Мнѣ не совсѣмъ ясно положеніе, которое занимаетъ въ германской живописи Кранахъ, и я хотѣла бы услышать ваше мнѣніе о его картинахъ. А оттуда мы пойдемъ къ намъ обѣдать.

— „Это весьма плачевная каррикатура прошлаго",—подумалъ Питтъ, вспомнивъ Герту,—„надо позаботиться, чтобъ дѣло кончилось не слишкомъ плохо, хотя оно уже и сейчасъ порядкомъ меня изводитъ".

Доставивъ Питту мѣсто въ редакціи, фрейлейнъ Гейне рѣшила, что вправѣ предъявлять къ нему нѣсколько бо́льшія требованія. Она приняла по отношенію къ нему болѣе свободный, рѣшительный тонъ, и Питтъ попалъ въ двойственное положеніе. Вначалѣ онъ игралъ съ ней двѣ роли: наединѣ онъ говорилъ съ ней по прежнему, при родителяхъ оба относились другъ къ другу съ дружескимъ уваженіемъ.

— Меня почти радуетъ,—сказала она однажды,—что вы такъ стойко держитесь на своей позиціи—хотя это и должно бы оскорблять меня. Но это доказываетъ мнѣ, что у васъ, дѣйствительно, благородная душа. Другіе на вашемъ мѣстѣ, наоборотъ, старались бы ухаживать за мной, потому что, въ концѣ концовъ, если взглянуть на дѣло съ обычной житейской точки зрѣнія, то-есть, такъ, какъ къ нему отнеслись бы обыкновенные люди. Вѣдь, я доставила вамъ это мѣсто и такъ же легко могу васъ и лишить его. Вы это знаете и рискуете этимъ. Это доказываетъ, что у васъ гордая душа. Если же вы думаете, что ничѣмъ при этомъ не рискуете, то это опять таки доказываетъ

что вы считаете меня благородой душой, которой недоступна общечеловѣческая мелечность.

— Я не нахожу благородной души ни у васъ, ни у себя,—съ досадой отвѣтилъ Питтъ,—а все остальное мнѣ безразлично.

Она скептически взглянула на него своими чуть-чуть наглыми глазами, потомъ протянула на прощанье руку. Онъ взялъ ее, тогда она подняла ее почти къ самымъ его губамъ.

— Я никогда не цѣлую женщинамъ рукъ!—сказалъ Питтъ.

Она поколебалась съ секунду, потомъ притянула его руку, ударила по ней своей и сказала:—„Лобызайте десницу, карающую васъ". Такъ, кажется, сказано гдѣ-то въ Библіи? И я васъ все-таки поймаю, берегитесь!

— Не надо слишкомъ раздражать ее,—думалъ иногда Питтъ,—потому что, хотя она и говоритъ о своемъ благородствѣ, но было бы жаль такъ скоро потерять это хорошее мѣсто, все-таки это нѣкоторая передышка. — Такимъ образомъ ея слова все же достигали намѣченной цѣли.

Питта часто приглашали въ домъ Гейне и, въ концѣ концовъ, онъ сталъ больше видѣться съ фрейлейнъ Эльзой въ кругу ея семьи, чѣмъ наединѣ, потому что она избѣгала встрѣчаться съ нимъ внѣ дома. За то тѣмъ усерднѣе дарила она его вниманіемъ въ присутствіи другихъ. Питтъ поневолѣ долженъ былъ быть съ нею вѣжливъ и интересоваться ея интересами, связанными съ его собственными; она пѣла, и онъ долженъ былъ хвалить, когда госпожа Гейне, пышная дама, ободрительно поглядывала на него; долженъ былъ читать стихи Эльзы и вникать въ ихъ содержаніе, любоваться ея картинами, потому что фрейлейнъ Эльза занималась и живописью и изображала „интерьёры".

Она достигла того, чего хотѣла. Находясь съ ней наединѣ, онъ не могъ найти настоящаго тона; прежній тонъ ему самому казался неумѣстнымъ теперь, когда онъ большею частью вынужденъ былъ относиться къ ней, какъ любезный кавалеръ, и, такимъ образомъ, постепенно вышло такъ, что онъ неизмѣнно обращался съ ней съ сдержанной сердечностью. Она тотчасъ же вполнѣ освоилась съ новымъ положеніемъ, и когда онъ однажды по нечаянности заговорилъ прежнимъ тономъ, она холодно взглянула на него и сказала: Я думала, что эти времена давно уже миновали.

Питтъ прекрасно зналъ, что она преслѣдуетъ опредѣленный планъ, и что онъ попалъ въ фальшивое положеніе, но что ему было дѣлать? Онъ пользовался гостепріимствомъ этихъ людей и жилъ на жалованье, получаемое съ должности, доставленной ему фрейлейнъ Гейне, а все это требовало, если уже не благодарности, то во всякомъ случаѣ вѣжливости и нѣкотораго вниманія, тѣмъ болѣе, что младшій братъ Эльзы Эгонъ былъ совершенно другого склада, чѣмъ вся семья: тактичный, необычайно сдержанный

и молчаливый и настолько чуткій, что улавливалъ даже самые тонкіе оттѣнки ироніи въ тонѣ собесѣдника. Онъ почти всегда удалялся при первой же возможности, такъ какъ внутренняя подкладка этихъ отношеній была ему несимпатична и тяжела. Онъ прекрасно понималъ планъ своей сестры и истинныя чувства Питта къ ней и ко всей семьѣ.

До сихъ поръ любовь доставляла фрейлейнъ Гейне только радость, она еще ни разу не чувствовала ея бремени; но вдругъ все стало по другому.

Разъ вечеромъ она близко подсѣла къ Питту, и щеки ея разгорѣлись. Когда Питтъ ушелъ, и она осталась одна съ матерью, госпожа Гейне, внимательно наблюдавшая за нею, спросила патетически-медлительнымъ тономъ.

— Эльза, Эльза, все ли благополучно съ твоимъ сердечкомъ?!

Тогда фрейлейнъ Гейне вдругъ охватило чувство чего-то рокового, о чемъ она раньше не подозрѣвала, она залилась слезами и въ волненіи упала въ объятія матери. Наступило молчаніе.

— А все эта проклятая редакція!—сказала, наконецъ, госпожа Гейне,—сначала ты познакомилась въ литературномъ кружкѣ съ этимъ Бертольдомъ, и не успокоилась до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ мѣста, и была по уши влюблена въ этого оборванца! Покупала ему новые костюмы, платила его врачу и даже на собственный счетъ вставила ему золотыя пломбы, потому что тѣ, которыя у него были, казались тебѣ вульгарными. Потомъ познакомилась съ этимъ Синтрупомъ—можетъ быть, онъ и годится для того мѣста, которое ему дали, я въ это не вхожу—и порвала съ Бертольдомъ. Я благодарю Бога, что такъ кончилось, хотя и тогда уже подозрѣвала, что за этимъ что-то кроется, но что ты, дѣйствительно, полюбила этого Синтрупа... Правда, я догадывалась, но по настоящему убѣдилась только сегодня вечеромъ. Выбрось его изъ головы! Эгонъ говоритъ, что онъ просто потѣшается надъ всѣми нами. И надъ тобой въ особенности!

— Это было раньше, — рѣзко возразила Эльза,—но теперь этого нѣтъ, онъ самъ убѣдился, насколько я его люблю, и доказываетъ это всѣмъ своимъ отношеніемъ. Ты его не знала раньше. Но я уже и тогда чувствовала, что не совсѣмъ ему безразлична. Онъ былъ со мной грубъ и дерзокъ, а такъ не относятся къ людямъ безразличнымъ. Правда, вначалѣ онъ нѣсколько противился мнѣ, да я и сейчасъ не говорю, что онъ влюбленъ въ меня, но за короткое время онъ сдѣлалъ гигантскій шагъ. И взять хоть сегодняшній вечеръ: развѣ онъ хоть на іоту отодвинулся отъ меня. Нѣтъ, онъ сидѣлъ совсѣмъ смирно, не шевелясь!

Съ этого вечера въ фрейлейнъ Гейне наступила перемѣна. Она стала смущаться, бывая съ Питтомъ въ присутствіи матери, невольно внимательнѣе вслушивалась въ его слова, чтобы провѣрить, вѣрно ли то, что говорилъ Эгонъ. Неувѣренность ея сказалась и въ отношеніи къ нему, она вдругъ

стала осыпать его подарками, а при малѣйшемъ пустякѣ, который онъ говорилъ даже безъ всякаго намѣренія уязвить ее, оскорбленно вспыхивала.

Она стала капризна и своенравна, плохо разсчитывала свои поступки. То проявляла большую фамильярность, то, оскорбленная его равнодушіемъ, становилась холодна и неприступна. Однажды она послала ему большой букетъ цвѣтовъ и написала на своей карточкѣ: „за вчерашнее". Онъ не понялъ, что это значитъ, даже не могъ догадаться, намекъ ли это на то, что наканунѣ она его, или онъ ее обидѣлъ, и потому ничего не отвѣтилъ.

Возвращаясь изъ редакціи, онъ теперь каждый разъ боялся, что дома его ждетъ какое-нибудь извѣстіе отъ фрейлейнъ Гейне, что, дѣйствительно, почти всегда и случалось. Не проходило дня, чтобы она какимъ-либо образомъ не заявила о себѣ. Онъ уже не могъ выносить ее. Когда изъ передней до него доносился ея сухой голосъ, его охватывало сразу раздраженіе, и отвращеніе къ ней росло въ немъ съ каждымъ днемъ. Если онъ сидѣлъ дома за книгой, то ея образъ невольно всплывалъ въ его мысляхъ, имъ овладѣвало нервное безпокойство. Онъ каждую минуту отрывался отъ книги и выглядывалъ изъ окна на площадь передъ домомъ, по направленію къ углу, изъ-за котораго она появлялась, когда шла къ нему. И дѣйствительно! Изъ-за угла показывалось красное платье, а надъ нимъ виднѣлась голова, пытливо глядящая на его окно. И глаза ея, даже на разстояніи, даже черезъ оконное стекло, дѣйствовали такъ, что въ немъ мгновенно просыпалась глухая ярость. Иногда она издавала сигнальный свистъ, которымъ выдумала предупреждать его о своемъ приходѣ. Бѣсясь въ душѣ, онъ все-таки долженъ былъ вѣжливо встрѣчать ее. Что за невѣроятное, отвратительное положеніе! Рѣзко оборвать знакомство онъ могъ, только отказавшись отъ своего мѣста въ редакціи. Но онъ все отгонялъ отъ себя эту мысль. Однако, она напрашивалась все настойчивѣе, тѣмъ болѣе, что фрейлейнъ Гейне недавно, хотя и въ шутку, но очень нервнымъ тономъ напомнила ему опять, что этимъ мѣстомъ онъ обязанъ только ей. Положимъ, онъ зналъ, что она не приведетъ въ исполненіе скрытой въ этихъ словахъ угрозы, чтобы не обнаружить своего истиннаго характера, но его положеніе отъ этого дѣлалось еще тягостнѣе. Онъ чувствовалъ, что, рано или поздно, долженъ будетъ придти къ рѣшенію. Нѣкоторое время онъ еще терпѣлъ. Онъ часто оскорблялъ фрейлейнъ Гейне, но она прощала эти обиды, хотя съ каждымъ разомъ все труднѣе. Мало-по-малу въ ней выросло большое раздраженіе противъ него, она чувствовала, что Питтомъ Синтрупомъ не такъ-то легко завладѣть, и, чѣмъ больше убѣждала себя въ своей любви, тѣмъ оскорбительнѣе ей было всякое, самое ничтожное проявленіе его равнодушія. Въ концѣ концовъ, достаточно было бы самаго незначительнаго повода, чтобы въ ней прорвалось все, накопившееся за это время. И такой поводъ явился.

— Вы свободны сегодня вечеромъ?—телефонировала она ему однажды.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.

— Куда же вы идете?

Послѣдовала короткая пауза. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Въ оперу.

— Великолѣпно, я какъ разъ хотѣла пригласить васъ поѣхать со мной въ оперу. Пріѣзжайте за мной ровно въ семь, будемъ сидѣть вмѣстѣ въ нашей ложѣ.

— Ты ѣдешь въ театръ?—спросилъ вечеромъ Эгонъ,—съ кѣмъ?

— Съ господиномъ Синтрупомъ.

Эгонъ презрительно свистнулъ сквозь зубы.

— Что это значитъ?!

— Ровно ничего.

— Нѣтъ, пожалуйста, говори!

Онъ не хотѣлъ, она приставала къ нему все настойчивѣе, и тогда онъ сказалъ ей все, что накипѣло у него на душѣ, и закончилъ словами: „Неужели ты не замѣчаешь, что онъ отшвыриваетъ твою руку, какъ только почувствуетъ ее?"—Она страшно покраснѣла, взволновалась и стала утверждать, что это неправда, потомъ повернулась къ нему спиной и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Переодѣваясь, она все время слышала послѣднія слова брата. Все ея раздраженіе обострилось подъ ихъ вліяніемъ. Словно выслушавъ отъ другого то, чего она и раньше не могла отрицать передъ самой собой, она вполнѣ убѣдилась въ справедливости своего предчувствія.

— „Ну, я покажу ему, что у меня есть гордость, пусть побережется",— думала она, мѣняя башмаки,—„а если онъ зайдетъ черезчуръ далеко,—ну, такъ онъ просто на просто вылетитъ изъ редакціи!"—Она сняла башмаки и злобно бросила ихъ въ уголъ.—„Во всякомъ случаѣ,—подумала она, нѣсколько спокойнѣе,—на сегодня онъ согласился, и то хорошо!"

Она посмотрѣла на часы. Питтъ долженъ бы ужъ пріѣхать. Вѣроятно, онъ въ гостиной. Но его тамъ не было. Время шло и, наконецъ, она надѣла пальто и шляпу, чтобы не задерживаться, когда онъ пріѣдетъ, такъ какъ они и безъ того уже опоздали. Эгонъ издѣвался надъ ней; она притворялась, что не слышитъ. Соображала, не поѣхать ли ей навстрѣчу Питту, но потомъ рѣшила: „Нѣтъ я дождусь его здѣсь и точно укажу ему, насколько онъ опоздалъ". И уже почти желала, чтобы это опозданіе оказалось очень значительнымъ, и чтобы ея возрастающее раздраженіе не было потрачено по пустому. Эгонъ былъ правъ! Питтъ умышленно показывалъ, что вовсе не стремится побыть съ ней лишнюю минуту. Она посидѣла еще нѣкоторое время, потомъ вдругъ подумала: „А, можетъ быть, онъ, дѣйствительно, не могъ почему-нибудь пріѣхать сюда, а давно ужъ сидитъ въ

ложѣ и ждетъ меня?!"—Она сейчасъ же поѣхала въ театръ, но въ ложѣ было темно и пусто, а на сценѣ давно уже шло представленіе. Она прилагала всѣ усилія, чтобы слушать музыку, но мысли ея блуждали.—„А вдругъ онъ внезапно заболѣлъ?"—мелькнула у нея мысль.—„Правда, это невѣроятно, но не невозможно". Она встала и вышла изъ театра, взяла извозчика и поѣхала къ Питту. „А что, если онъ совершенно здоровъ, удивленно повернется къ ней и извинится равнодушно?"—Извозчикъ остановился, она быстро глянула наверхъ,—въ окнѣ виднѣлся свѣтъ.

Питтъ сидѣлъ въ своей комнатѣ за столомъ. Передъ нимъ лежало письмо Фокса. Онъ просилъ напечатать въ какомъ-нибудь журналѣ его статьи и немедленно выслать ему деньги. Должно быть, дѣла его очень плохи. Онъ давно уже служилъ въ театрѣ. Внезапнымъ, рискованнымъ прыжкомъ онъ выпутался изъ всѣхъ передрягъ, совершилъ какой ни на есть поступокъ, хотя съ виду и нѣсколько сумасбродный. Но, по крайней мѣрѣ, онъ бодро ринулся въ новую жизненную волну, и все дѣло въ томъ, вынесетъ она его, или нѣтъ. Самъ же Питтъ сидѣлъ, замкнувшись въ тѣсномъ кругу, въ удушливой атмосферѣ, не зная, какъ изъ нея освободиться. Если онъ теперь откажется отъ своего редакторскаго мѣста, что съ нимъ будетъ? Вернуться къ адвокатурѣ? Можетъ быть, это все-таки лучше всего?—Онъ долго сидѣлъ съ закрытыми глазами. Передъ нимъ всплыли деревья и поля, и вдругъ онъ опять увидѣлъ двухъ бѣлокурыхъ мальчугановъ, въ бѣлыхъ полотняныхъ рубашечкахъ и фартучкахъ, какихъ уже видѣлъ однажды во снѣ,—но тогда все другое вытѣснилъ образъ Эльфриды. Онъ отказался отъ нея, окончательно отказался. Огромная пустота угнетала его душу, пустота, точно напитанная туманомъ воспоминаній. Неужели же у него нѣтъ ничего, что дѣйствительно *было*, что имѣло бы какую-нибудь связь съ нею?—Онъ долго вспоминалъ, потомъ подошелъ къ книжной полкѣ, досталъ старую книгу, по философіи, положилъ ее на столъ и сталъ перелистывать. Если эта память еще существуетъ, то она должна быть здѣсь, между страницами. И онъ, дѣйствительно, нашелъ ее. Это былъ маленькій, высохшій, пожелтѣвшій цвѣтокъ, который Эльфрида, шутя, бросила однажды на книгу, когда застала его за чтеніемъ въ бесѣдкѣ, у нихъ въ имѣніи.

Онъ взялъ этотъ цвѣтокъ, долго задумчиво держалъ его въ рукахъ, поглаживая пальцами его сухіе лепестки, и думалъ: „Онъ реаленъ, онъ осязателенъ, какъ самая несомнѣнная дѣйствительность—и все-таки принадлежитъ прошлому".—Онъ снова закрылъ глаза, отдавшись воспоминаніямъ: прошлое и настоящее слились во что-то третье, бывшее ни тѣмъ и ни другимъ, парившее внѣ времени и пространства и увлекавшее его съ собою.

Позвонили. За дверью послышался раздраженный голосъ фрейлейнъ Гейне и голосъ хозяйки. Питтъ вложилъ цвѣтокъ обратно въ книгу и

захлопнулъ ее. Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ въ комнату вошла фрейлейнъ Гейне, даже не постучавъ. Глаза ея были устремлены на него и казались очень большими и странно блестящими при свѣтѣ лампы. Онъ спокойно взглянулъ на нее.

— Такъ и есть! Вы дома!—сказала она.—Какъ вы осмѣливаетесь обращаться со мною такимъ образомъ? Какъ вы смѣете приказывать этой твари не пускать меня? Я спрашиваю: какъ вы посмѣли это сдѣлать?!—Она подошла къ нему вплотную и смотрѣла на него горящими глазами.—Молчите!—крикнула она, когда онъ раскрылъ ротъ, чтобы отвѣтить,—обдумайте сначала, что сказать, я не желаю слышать лжи.

— Я вовсе и не собираюсь лгать,—отвѣтилъ онъ, церемонно предлагая ей стулъ.

— И, вообще, пожалуйста, не отвѣчайте мнѣ!—продолжала она, нѣсколько отрезвленная его спокойствіемъ, но все еще очень рѣзко.—Если вы не хотѣли идти со мной въ театръ, почему вы прямо не сказали? Зачѣмъ вы разыграли всю эту комедію?

— Почему же вы знаете,—возразилъ Питтъ,—что меня не задержало какое-нибудь важное дѣло, почему вы не спросите меня о настоящей причинѣ, а слѣпо хватаетесь за ту, которая вамъ первая пришла въ голову?

— Ахъ, такъ!—воскликнула она съ облегченіемъ,—тогда все хорошо. Но, въ такомъ случаѣ, говорите же, пожалуйста, чтобы я могла вновь относиться къ вамъ съ прежнимъ чувствомъ.

— Съ прежнимъ чувствомъ?—повторилъ Питтъ.—Вы совершенно правы въ вашемъ предположеніи. Я хотѣлъ только показать вамъ, что въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ дѣйствовать болѣе дѣловымъ образомъ.

Она похолодѣла.

— Я полагалъ,—продолжалъ онъ,—что, когда вы спросили меня, что я дѣлаю сегодня вечеромъ, было достаточно ясно, что я желалъ уклониться отъ пребыванія съ вами, сказавъ, что иду въ оперу, что я занятъ. Вмѣсто того, вы навязываете мнѣ свои планы...

— Неужели же вы не могли послѣ потелефонировать, что вы заняты?—спросила она.

— Я подумалъ объ этомъ, но, простите мою откровенность, я побоялся, что эта причина покажется вамъ недостаточно уважительной.

— Это значитъ, что вы считаете меня нечуткой? Ну, скажите ужъ прямо—вы считаете меня толстокожей?

Питтъ втянулъ воздухъ, поднялъ брови, какъ будто напряженно думая о чемъ-то, потомъ повернулъ къ ней голову и вѣжливо сказалъ:

— Люди не принадлежатъ къ разряду толстокожихъ.

Это было ужъ слишкомъ. Она почувствовала, какъ въ ней закипаетъ страшная злоба, но сдержалась.

— И это благодарность за все, что я для васъ сдѣлала! Съ первой минуты, что я васъ увидѣла, я питала къ вамъ только доброе чувство и доказала это всѣми своими поступками. Я знаю, что иногда заходила въ этомъ слишкомъ далеко—и вы сами иногда намекали мнѣ на это со свойственнымъ вамъ дерзкимъ юморомъ, который я вамъ охотно прощала, потому что я какъ разъ люблю въ васъ эту внѣшнюю грубость. Но это ужъ даже не дерзость, это просто плебейство!

— По моему, и все прежнее тоже было порядочнымъ плебействомъ,— вставилъ онъ, какъ бы съ сожалѣніемъ.

— Нѣтъ, это совсѣмъ, совсѣмъ другое, и я требую, чтобы вы взяли обратно свои слова.

— Развѣ мы дѣти,—съ изумленіемъ спросилъ Питтъ,—Я остаюсь при всемъ, что я—или скорѣе, вы сами сказали, и желаю создать, наконецъ, ясность въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Она язвительно засмѣялась:

— Это прелестный новый тонъ. Любезный господинъ Синтрупъ, вы можете такъ разговаривать съ вашими дамами, которыхъ я не знаю и не желаю знать, но по отношенію къ себѣ я запрещаю вамъ этотъ тонъ. Я для васъ—фрейлейнъ Гейне, дочь коммерціи совѣтника Гейне, которая интересовалась вами только, какъ человѣкомъ. Но одно я все же должна сказать вамъ. Теперь вы заговорили, когда имѣете хорошее мѣсто и чувствуете, что оно вполнѣ обезпечено за вами. Теперь вы стараетесь создать ясность въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, какъ вы это изящно называете. Я никогда не видѣла въ нашихъ отношеніяхъ ничего нечистаго, но теперь вы раскрыли мнѣ глаза. Вы назвали свое обращеніе дерзкимъ юморомъ, я остаюсь при своемъ опредѣленіи: это плебейство!

— Какая же связь между тѣмъ мѣстомъ, которое я занимаю, и нашими отношеніями?—спросилъ Питтъ, подхватывая ея предыдущую фразу.

Она взглянула на него круглыми, безгранично изумленными глазами.

— Какъ, какая связь!? Да развѣ не я сдѣлала васъ тѣмъ, что вы есть? Развѣ у васъ была какая-нибудь рекомендація, кромѣ моей? Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, я забыла: критическія статьи, да, да! Но, вѣдь, онѣ не ваши, а вашего брата, вы рядились въ чужія перья!

— Критическія статьи?—переспросилъ Питтъ, теряя на минуту нить событій.

— Ну, да, критическія статьи! Ахъ, онъ, вѣдь, и не знаетъ! Ну, чтожъ, когда-нибудь вы должны были бы все равно узнать, такъ слушайте же!— Фрейлейнъ Гейне возвысила голосъ, разсказала ему исторію съ подсунутыми

рукописями и закончила тѣмъ, что Питтъ никогда не получилъ бы этого мѣста безъ ея дружеской и изобрѣтательной помощи.

На нѣсколько минутъ онъ растерялся, потомъ громко расхохотался. Все чувство торжества растаяло въ ней при этомъ смѣхѣ, отъ котораго ей сдѣлалось почти жутко, потому что въ немъ звучало что-то ужасное, холодное, чего она не понимала. Но нужно было во что бы то ни стало удержать позицію.

— Да,—сказала она твердымъ голосомъ,—все это я сдѣлала ради васъ. Пусть это не совсѣмъ хорошо, но чего не сдѣлаешь ради человѣка, къ которому питаешь человѣческій интересъ! У меня это всегда лежало на душѣ, я должна была покаяться, и теперь это сдѣлано. Отнынѣ вы будете видѣть во мнѣ истиннаго друга, умѣющаго доказать свое чувство не одними словами, но и дѣломъ. Я не раскаиваюсь, что между нами произошелъ этотъ непріятный разговоръ, такія маленькія грозы только очищаютъ атмосферу, и я вижу теперь новый фундаментъ для нашей дружбы. И вы тоже, не правда-ли?

Питтъ не слышалъ большей части ея рѣчи. Обрадованный, счастливый, онъ смотрѣлъ въ уголъ. Ему пришла блестящая мысль. О томъ, чтобы оставаться въ редакціи и продолжать отношенія съ фрейлейнъ Гейне, онъ и не думалъ, но Фоксъ—Фоксъ!—да, вѣдь, тутъ можетъ выйти нѣчто чудесное, весьма многообѣщающее. Не можетъ ли онъ спасти его изъ петли, сдѣлать его редакторомъ и вдобавокъ помочь ему получить—богатую жену!

— Наши отношенія,—ласково сказалъ онъ,—улажены разъ и навсегда. Вы сами поставили меня въ надлежащія рамки, и я сумѣю въ нихъ удержаться. Я отказываюсь отъ мѣста редактора, такъ какъ былъ приглашенъ не я, а авторъ тѣхъ статей, то-есть, мой братъ. Я выпишу его сюда и надѣюсь, что вы отнесетесь къ нему благосклоннѣе, чѣмъ ко мнѣ. Рѣшеніе о принятіи его зависитъ, разумѣется, отъ васъ и отъ вашего отца, но у меня нѣтъ никакихъ сомнѣній, потому что братъ мой имѣетъ всѣ данныя для этого отвѣтственнаго поста.

Питтъ подошелъ къ ящику и досталъ изъ него фотографію.—Посмотрите сами!—продолжалъ онъ:—какая увѣренность, какая энергія, какая, въ лучшемъ смыслѣ слова, мужественность!

Фрейлейнъ Гейне, все еще сбитая съ толку новымъ оборотомъ дѣла, взглянула съ пробудившимся уже интересомъ на фотографію, но сохранила прежнюю сдержанность и заявила, что это надо еще хорошенько обдумать. Затѣмъ она удалилась, сказавъ, что нисколько на него не сердится.

Питтъ проводилъ ее со свѣчей на лѣстницу.

— Мнѣ жаль, что приходится такъ затруднять васъ!—вѣжливо сказала она.

— О, пожалуйста, объ этомъ не можетъ быть рѣчи!

— Этотъ домъ построенъ, должно быть, лѣтъ десять назадъ?
— Да, можетъ быть, даже еще раньше.
— Ну, такъ покойной ночи, повѣрьте, мнѣ очень, очень жаль.
— Покойной ночи. Пожалуйста, не безпокойтесь.
Черезъ два дня ему было сообщено, что Фоксъ можетъ пріѣхать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Фоксъ пріѣхалъ и сейчасъ же разыскалъ Питта. Свиданіе обоихъ братьевъ вышло почти сердечнымъ.

— Да, да,—сказалъ Фоксъ,—навѣрно, тебѣ и не снилось, что я покажу когти нашему папашѣ и сумѣю обойтись и безъ него! Я позналъ жизнь, вращался въ самыхъ высшихъ и въ самыхъ низшихъ ея слояхъ, и могу сказать: ничто человѣческое не осталось мнѣ чуждымъ! Но душа моя все такъ же чиста и цѣломудренна, я сохранилъ свѣжую воспріимчивость ко всякаго рода впечатлѣніямъ, которой могутъ позавидовать многіе писатели.—Однако, скажи, въ чемъ собственно дѣло, ты, вѣдь, облекъ всю эту исторію въ самое мистическое молчаніе.

Питтъ разсказалъ, и Фоксъ былъ нѣсколько разочарованъ, узнавъ, что ему предлагаютъ должность, отъ которой отказался Питтъ. Но когда онъ услыхалъ о томъ, какую роль во всемъ дѣлѣ сыграли его прежнія статьи въ то время, когда возбуждался вопросъ о пригодности Питта для предлагаемаго поста, разочарованное удивленіе его смѣнилось чувствомъ глубокаго удовлетворенія, и онъ сказалъ:

— Разумѣется, я нисколько не сержусь на тебя, хотя самъ я, вѣроятно, поступилъ бы иначе!

Питтъ разъяснилъ ему, что статьи эти были переданы помимо его вѣдома друзьями, заинтересованными въ томъ, чтобы доставить ему это мѣсто, и онъ самъ случайно узналъ объ этомъ только на дняхъ.

— Ну, ну,—добродушно сказалъ Фоксъ,—во всякомъ случаѣ, что сдѣлано, то сдѣлано.—Питтъ съ радостью убѣдился, что братъ его остался точь въ точь такимъ же, что и раньше.—Ну, а ты, милый другъ,—продолжалъ Фоксъ,—что же ты самъ-то будешь дѣлать?—Питтъ пожалъ плечами.—Можетъ быть, останешься помощникомъ редактора?

Питтъ широко улыбнулся, взглянулъ на брата съ искреннимъ и глубокимъ удовольствіемъ и сказалъ:

— Нѣтъ. Объ этомъ очень бы стоило подумать! Ну, о твоихъ планахъ мы еще поговоримъ впослѣдствіи. Самое главное, привести сначала въ ясность мое собственное положеніе!

Въ послѣднихъ номерахъ газеты Питтъ успѣлъ помѣстить всѣ оставав-

шіяся у него статьи брата. Это очень пригодилось Фоксу, потому что и господинъ Гейне и Вольфъ сначала воспротивились вторичной смѣнѣ редактора. Но господинъ Вольфъ сказалъ:

— Правда, господинъ Синтрупъ велъ газету въ своей части, какъ настоящій боевикъ, но этотъ братъ, повидимому, обладаетъ и кое-какими особыми способностями. У него чисто газетный стиль. Да къ тому же тотъ, вообще, самъ не написалъ для нашей газеты ни строчки.

Фоксъ сдѣлалъ имъ обоимъ визиты, и благопріятное впечатлѣніе только укрѣпилось.

Въ концѣ мѣсяца Питтъ вышелъ изъ редакціи. Господинъ Бертольдъ былъ искренно огорченъ,—онъ зналъ, что его владычеству насталъ конецъ, да и, помимо этого, онъ былъ привязанъ къ Питту. Для него настали плохія времена. Фоксъ обращался съ нимъ, какъ съ подчиненнымъ, чуть ли не, какъ офицеръ съ денщикомъ. Въ короткое время онъ усвоилъ весь внѣшній механизмъ дѣла, котораго Питтъ такъ и не могъ никогда уразумѣть. Въ первыя недѣли онъ самъ дѣлалъ и всѣ мелкія второстепенныя работы, такъ какъ находилъ принципіально недопустимымъ, чтобы начальникъ не имѣлъ точнаго понятія о работѣ своихъ подчиненныхъ. Черезъ двѣ недѣли онъ попросилъ устроить редакціонное собраніе, такъ какъ сужденіе его уже составлено, и онъ имѣетъ нѣкоторыя положительныя предложенія. Онъ развилъ свои мысли о газетѣ и ея содержаніи, поскольку оно касалось литературы, и предлагалъ привлечь новыя силы, устранивъ старыя и уже использованныя.

— По германской землѣ,—закончилъ онъ,—бродитъ множество молодыхъ непризнанныхъ геніевъ, позвольте мнѣ привлечь ихъ циркулярами, проспектами, предложеніями, и я ручаюсь, что черезъ два года мы будемъ первой литературной газетой въ Германіи!—Онъ перечислилъ цѣлый рядъ именъ, оставшихся въ его памяти еще отъ прежнихъ временъ, и прибавилъ къ нимъ еще нѣсколько, изобрѣтенныхъ тутъ же на мѣстѣ. Таковы были общія, принципіальныя предложенія Фокса. Но были и детальныя, практическія: нѣкоторые отдѣлы въ другихъ газетахъ обставлены лучше, подраздѣлены болѣе правильно, отдѣльныя статьи слѣдовало бы выдѣлять рамкой, печатать объявленія впереди текста, желательно было бы ввести латинскій шрифтъ—тутъ онъ поговорилъ о гигіенѣ глазъ—и еще многое другое. Театральную критику онъ бралъ на себя, такъ какъ имѣетъ прекрасную подготовку, теперешняго же критика пора сдать въ архивъ.

И вотъ, Фоксъ сталъ полновластно распоряжаться въ редакціи, какъ раньше господинъ Бертольдъ, и всѣ были довольны.

Вначалѣ Фоксъ нѣсколько разочаровалъ фрейлейнъ Гейне, потому что, когда она увидѣла его, онъ былъ гладко выбритъ, а на фотографіи онъ былъ изображенъ съ вьющейся юношеской бородкой. Поэтому, а отчасти и потому, что она опасалась, не разсказалъ ли ему Питтъ о своихъ отношеніяхъ къ ней,

выставивъ ее въ неблагопріятномъ свѣтѣ, она въ первое время держалась отъ него вдалекѣ. Но Фоксъ отпустилъ бороду, такъ какъ считалъ, что этого требуетъ его новое положеніе, а подозрѣніе относительно Питта разсѣялось само собой, такъ какъ изъ случайныхъ замѣчаній его брата она убѣдилась, что онъ даже не подозрѣваетъ о ея прежнемъ увлеченіи. Она познакомилась ближе съ Фоксомъ, и въ отношеніяхъ ихъ установился товарищескій, трезво-дѣловой тонъ, потому что о чувствѣ, подобномъ тому, какое она испытывала къ Питту, не было и помину, что безсознательно огорчало ее. Многое въ Фоксѣ казалось ей смѣшнымъ, но мало-по-малу она стала находить это милымъ и вполнѣ подходящимъ къ нему.

Въ первое время Фоксъ приходилъ только къ самому старику Гейне; постоянно надо было что-нибудь обсудить, и, во всякомъ случаѣ, поводы для его посѣщеній были всегда дѣловые, и господинъ Гейне радовался, что молодой человѣкъ такъ горячо интересуется дѣломъ. Кромѣ того, Фоксъ всегда величалъ его коммерціи совѣтникомъ, а не говорилъ просто, какъ Питтъ: „господинъ Гейне". Потомъ, онъ никогда не отказывался сыграть партійку въ карты, до чего господинъ Гейне былъ большой охотникъ. Мало-помалу Фоксъ сталъ приходить и не по дѣлу; онъ нѣсколько недѣль помнилъ, въ какомъ туалетѣ была госпожа Гейне въ такой-то и такой-то день, и любовался ея бриллiантами съ почтительнымъ видомъ знатока. Постепенно онъ сталъ обнаруживать и свои таланты: въ разговорахъ съ господиномъ Гейне скромно упоминалъ о своихъ брошюрахъ, съ которыми не разстался, несмотря на всѣ пережитыя перипетіи, изрѣдка съ сдержаннымъ актерскимъ пафосомъ, декламировалъ какое-нибудь стихотвореніе и окончательно плѣнилъ сердце госпожи Гейне, усѣвшись однажды за рояль и спѣвъ какой-то романсъ. Фрейлейнъ Эльза и тутъ вначалѣ посмѣивалась надъ нимъ и находила лиризмъ въ его устахъ забавнымъ, но потомъ перестала смѣяться, нашла, что такъ и должно быть, и побуждала его разучивать новые романсы.

Какъ приличенъ и почтителенъ былъ этотъ братъ въ сравненіи съ тѣмъ. Госпожа Гейне теперь ясно чувствовала, что тотъ не такъ велъ себя по отношенію къ ея дочери и ко всей семьѣ, какъ надлежало бы, а теперь онъ и вовсе не казалъ глазъ, какъ будто никогда не былъ принятъ въ домѣ! Въ ней проснулась жажда мести, и однажды она сказала Фоксу:

— Вашъ братъ старался завоевать расположеніе моей дочери, но ему не посчастливилось. Да это и естественно, человѣкъ съ его манерами будетъ отвергнутъ всюду, куда ни придетъ!

Слова эти произвели на Фокса сильнѣйшее впечатлѣніе. Какъ! Питтъ былъ отвергнутъ! Это доставило ему глубокое удовлетвореніе, и естественно у него возникла мысль: показать Питту, что онъ самъ обладаетъ большей привлекательностью для женщинъ. Онъ сталъ стремиться приблизиться къ

фрейлейнъ Гейне и духовно. Въ сомнительныхъ случаяхъ обращался къ ней за совѣтомъ: „Прочтите, пожалуйста, это стихотвореніе, оно не совсѣмъ мнѣ ясно. Въ каждомъ стихотвореніи помимо всякой ерунды, дѣйствующей на чувство, долженъ быть и смыслъ, а его - то я никакъ не могу найти".— Она читала, наморщивъ лобъ, и гордилась тѣмъ, что Фоксъ обращается къ ней за совѣтомъ. Это стало повторяться все чаще, и иногда онъ являлся къ ней съ цѣлымъ пакетомъ рукописей. Она разливала чай, а онъ читалъ. Потомъ разговоръ переходилъ на литературу вообще, они обмѣнивались мнѣніями, взаимно поучались и разставались вполнѣ довольные другъ другомъ. Но любовь не пробуждалась въ ней. Въ немъ, повидимому, —тоже. Но иногда онъ бросалъ на нее глубокіе проникновенные взоры, словно желая прочесть что-то въ ея душѣ, и она отвѣчала, тоже серьезными, многозначительными взглядами.—„Могу ли я полюбить его?" — спрашивала она себя, оставаясь одна. Онъ былъ безспорно гораздо представительнѣе брата. чего стоили однѣ руки! Настоящія мужскія руки! И потомъ эта статная, рослая фигура! Невольно она выпрямлялась во весь свой маленькій ростъ. Она стала больше обращать вниманія на его тѣло. Стоя рядомъ съ нимъ, когда они разсматривали картины, и онъ бралъ листъ изъ ея руки, такъ что пальцы ихъ соприкасались, она вдругъ думала:—„А что если я подойду къ нему еще ближе, и въ немъ вдругъ проснется мужчина?!"—Чувство это было и жутко и пріятно, и, смотря на его руки, она невольно думала—о, совсѣмъ теоретически!—какъ пріятно было бы, еслибы эти руки вдругъ схватили и обняли ее. Иногда она долго смотрѣла на нихъ и не отвѣчала на его вопросы, такъ что онъ тоже принимался разглядывать свои руки, думая, не грязны ли онѣ. Этотъ высокій, статный молодой человѣкъ былъ наивенъ, какъ дитя!— Фоксъ, дѣйствительно, былъ наивенъ во всемъ, что бываетъ недоговореннаго въ отношеніяхъ между полами, потому что всѣ его любовныя исторіи всегда были просты, опредѣленны и ясны. Онъ принималъ эти взгляды за разсѣянность, правда, мысленно прибавляя, что разсѣянность эта вызывается имъ.

Мало-по-малу Фоксъ сталъ впадать въ раздумье относительно фрейлейнъ Эльзы; она все яснѣе показывала ему, что онъ ей симпатиченъ.—Она получитъ со временемъ цѣлый милліонъ! Это сказала она сама, разсказывая ему однажды, какъ одинъ господинъ тщетно добивался ея расположенія.

Роскошь ея домашней обстановки избаловала Фокса. Эльза, казалось, презирала всѣхъ своихъ поклонниковъ. Какое торжество, если онъ и побѣдитъ ихъ всѣхъ и добьется ея руки. И какую рожу скорчитъ Питтъ, когда Фоксъ возьметъ то, ради чего онъ самъ такъ долго старался. Можетъ быть, Питтъ и есть тотъ господинъ, о которомъ она говорила?!—Цѣлый милліонъ! Весь смыслъ существованія состоитъ, въ концѣ концовъ, въ безбѣдной жизни, въ этомъ надо признаться, а если кто и отрицаетъ это, такъ у него просто

нѣтъ средствъ для такой жизни, и ему легко говорить о довольствѣ малымъ, потому что больше ничего и не остается! Но, во всякомъ случаѣ, жениться исключительно ради того, чтобы получить возможность жить богато—низость, и Фоксъ первый осуждалъ это. Нѣтъ, нѣтъ, непремѣнно должна быть и любовь, и онъ ясно чувствовалъ, что она уже приближается; если онъ женится на фрейлейнъ Гейне, то это будетъ выгодный бракъ по любви — вотъ настоящее опредѣленіе, точно и кратко выражающее самую сущность. Развѣ онъ не чувствуетъ себя положительно влюбленнымъ?! Онъ морщилъ лобъ, прислушиваясь къ своимъ чувствамъ. Сказать по правдѣ, въ душѣ онъ не находилъ ничего, что подтвердило бы это предположеніе.—Но любовь часто бываетъ слѣпа и сама себя не видитъ; какъ часто случается, что люди узнаютъ о ней только тогда, когда внезапный порывъ страсти порветъ всѣ покровы, окутывающіе такъ называемое неусыпное сознаніе. Иногда бываетъ достаточно какого-нибудь маленькаго повода, чистой случайности. А Ромео, напримѣръ, такъ тотъ полюбилъ Джульету мгновенно, безъ всякаго повода, хотя раньше изнывалъ по своей Розалиндѣ.

Фоксъ сталъ ждать случая. Пока же, сидя въ комнатѣ фрейлейнъ Гейне, онъ устремлялъ на нее долгіе и томные взгляды, когда она что-нибудь разсказывала ему. Она думала, что онъ всецѣло поглощенъ ея разсказомъ и спрашивала его мнѣнія, онъ не отвѣчалъ, она нерѣшительно повторяла свой вопросъ, пока, наконецъ, онъ не давалъ ей ясно понять, что мысль его работаетъ въ иномъ направленіи. Тогда она умолкала на полуфразѣ и устремляла взоръ въ уголъ, широко раскрывъ на секунду глаза, но потомъ сейчасъ же переводила ихъ снова на Фокса, тоже на мгновеніе, а затѣмъ замирала въ неподвижности съ такимъ выраженіемъ, словно готовилась сниматься и желала придать своему лицу спокойную значительность.—„Вотъ сейчасъ какой-то флюидъ исходитъ отъ меня къ ней, а отъ нея ко мнѣ",—думалъ Фоксъ.—„Такой флюидъ, что если долго ему подвергаться, то можно задохнуться. Ей-Богу, я начинаю чувствовать, какъ во мнѣ шевелится невидимая сила любви, тихонько-тихонько, подобно тѣмъ глубокимъ теченіямъ, какія бываютъ въ стоячей на взглядъ водѣ".—А фрейлейнъ Гейне съ сладкой жутью думала:—„Что происходитъ въ немъ? Вдругъ страсть охватитъ насъ съ грубой силой, опрокидывающей всѣ рамки!"

Фоксъ все больше и больше убѣждался въ своемъ чувствѣ. Проснувшись однажды утромъ, онъ глубоко вздохнулъ и, еще полусонный, оглянулся вокругъ. Что такое онъ видѣлъ во снѣ?—Обычно онъ никогда не видѣлъ сновъ. — Пара большихъ черныхъ глазъ! Какъ будто онъ видѣлъ во снѣ именно ихъ?! Да, да, и такіе черные, словно черные брилліанты! — Правда, Фоксъ никогда не видалъ такихъ брилліантовъ на яву, но воображалъ, что чернѣе ихъ ничего нѣтъ на свѣтѣ. И кому же принадлежали эти глаза?—

„Цѣлый милліонъ“,—сверкнула вдругъ мысль. Но онъ досадливо отмахнулся. Неужто даже на краткій мигъ нельзя безъ помѣхи отдаться мысли о любви? Неужто реальный міръ всегда долженъ примѣшиваться къ самой сладостной мечтѣ?—„Итакъ: два черныхъ глаза. Я увѣренъ, что видѣлъ ихъ во снѣ, иначе они не пришли бы мнѣ такъ сразу въ голову, навѣрное, въ основѣ этого лежитъ дѣйствительное переживаніе. Но въ какомъ же видѣ они приснились мнѣ? Во первыхъ—они были жгучи“.—Фоксъ попытался перекинуть мостикъ къ фрейлейнъ Гейне, но дальше дѣло не пошло, и онъ ограничился увѣренностью въ томъ, что сонной грезой его была фрейлейнъ Гейне. А то, что во снѣ ничего больше не случилось, только увеличивало значеніе этого единственнаго факта: въ глазахъ сосредоточивается душа, а въ этомъ взглядѣ—лежалъ цѣлый міръ тайнъ! Онъ былъ полонъ вопросовъ, отвѣтовъ, обѣщаній, страсти!—„Должно быть, меня порядкомъ захватило,—пробормоталъ Фоксъ,—вотъ, теперь образъ ея преслѣдуетъ меня и ночью и не даетъ мнѣ покоя. Интересно, то же ли происходитъ и съ нею?“

Онъ разсказалъ ей свой сонъ, умолчавъ, впрочемъ, что онъ касался ея, но, разсказывая, не сводилъ съ нея глазъ.

Это сообщеніе взволновало ее больше, чѣмъ онъ могъ ожидать. „Онъ любитъ меня, любитъ“,—думала она. И ее охватила душевная тревога, фантазія рисовала ей картины, которымъ раньше она не давала воли; она старалась прогнать ихъ, но онѣ возвращались все настойчивѣе.

Всѣ ея поклонники были мужчины, слишкомъ рано познавшіе жизнь и носившіе на себѣ легкій отпечатокъ усталости; у всѣхъ въ прошломъ, разумѣется, были любовныя приключенія, и всѣ они, коммерсанты, или прожившіеся офицеры съ аристократическимъ титуломъ, клялись ей въ любви, причемъ она ясно видѣла, что они добиваются ея ради ея денегъ: „милліона даромъ не получишь, стало быть, возьмемъ на придачу и жену“. Эгонъ тысячи разъ говорилъ ей, чтобы она не создавала себѣ иллюзій.

Но вотъ появился Фоксъ Синтрупъ — совсѣмъ другой человѣкъ! Сила его неиспользована; если онъ заключитъ ее въ свои объятія, она съ спокойнымъ чувствомъ можетъ сказать: „я первая, которой онъ касается!“ Она отдала бы руку на отсѣченіе, что это такъ и есть! Она вспомнила, что вначалѣ часто смѣялась надъ нимъ. Но, въ сущности, надъ чѣмъ же она смѣялась? Надъ тѣмъ, что онъ не такой, какъ другіе мужчины, что его чистое отношеніе къ женщинамъ придало ему нѣкоторую неловкость, могущую, пожалуй, вызвать улыбку, но ужъ никакъ не насмѣшку. А его стойкіе, ясные и чистые взгляды на жизнь! Онъ любитъ ее ради нея самой и еще недавно разсказывалъ ей, что его любила красавица, дочь милліонера, и онъ тоже любилъ ее, но не женился на ней, потому что никогда не смогъ бы освободиться отъ гнетущаго чувства, что она можетъ подумать, будто онъ

женился на ней изъ-за денегъ! Какъ откровенно и довѣрчиво разсказывалъ онъ это, ни на минуту не подумавъ даже: вѣдь, предо мной сидитъ тоже дочь милліонера! Или, можетъ быть, онъ разсказывалъ этотъ случай съ опредѣленной цѣлью? Можетъ быть, онъ хотѣлъ этимъ сказать: еслибы у тебя не было денегъ, я сейчасъ же женился бы на тебѣ, только бы ты согласилась? Можетъ быть, милліонъ связываетъ ему языкъ? Неужели онъ до такой степени щепетиленъ? И, можетъ быть, исторія о дочери милліонера вымышлена? Можетъ быть, красавица милліонерша она сама?—Невольно она бросила взглядъ на зеркало:—„Отъ него можно этого ожидать",—медленно проговорила она,—„вѣдь, онъ такъ ужасно гордъ и деликатенъ!"

Между тѣмъ, Фоксъ окончательно разобрался въ своихъ чувствахъ: онъ любитъ фрейлейнъ Гейне, и полюбилъ ее съ перваго взгляда. Онъ вспомнилъ, какое сильное впечатлѣніе она произвела на него въ самый первый разъ. А она? Онъ отчетливо припоминалъ, что при первой встрѣчѣ она была почти трагичной. Питтъ можетъ это засвидѣтельствовать, потому что онъ тогда разсказывалъ ему. Такъ, значитъ, и она тоже почувствовала, только съ еще болѣе потрясающей яркостью, чѣмъ онъ,—что въ его лицѣ передъ ней предстала сама судьба. Не признаться ли ему въ своей любви?

При слѣдующемъ свиданіи оба были неразговорчивы, почти молчаливы. И разстались, простившись долгими томными взглядами.

Признаться ли ему въ своей любви?—Онъ задумчиво гладилъ свою вновь пріобрѣтенную бородку.—„Нѣтъ",—рѣшилъ онъ, наконецъ,—„я не хочу, чтобы семья ея приняла меня за искателя милліоновъ. Правда, я не могъ бы быть за это въ претензіи — это вполнѣ человѣчно, и фактъ этотъ — къ сожалѣнію—случается очень часто.—Все, что я могу сдѣлать, это — ждать. Если она меня любитъ, она скажетъ мнѣ это сама, это вѣрно, какъ дважды два—четыре! Но я могъ бы поднести ей цвѣтовъ, это вполнѣ умѣстно".

Онъ купилъ цвѣтовъ и отправился. Но, очутившись передъ ней, онъ вдругъ страшно покраснѣлъ, и ясно почувствовалъ: сегодня все рѣшится. Она тоже покраснѣла. Оба молчали, у нея сильно билось сердце, а онъ прислушивался, что дѣлается съ его сердцемъ. Бьется, въ самомъ дѣлѣ, бьется!

— Сядьте вотъ сюда, на диванъ,—сказала она, и онъ замѣтилъ, что голосъ ея звучитъ какъ-то особенно твердо. Онъ сейчасъ же исполнилъ ея просьбу, положилъ руки на колѣни и безмолвно уставился на нее глазами. Она нервно засмѣялась и пригладила волосы. Потомъ сѣла рядомъ съ нимъ.

— Вы очень странный человѣкъ,—сказала она, наконецъ.

— Какъ такъ? — изумленно спросилъ онъ своимъ обычнымъ тономъ. — Какъ... такъ? — повторилъ онъ медленнѣе, съ удареніемъ, потому что ему самому его тонъ показался черезчуръ трезвымъ.

— Я нахожу, что у васъ необычайно замкнутый характеръ!

— Это правда!—отвѣтилъ онъ, устремивъ тяжелый взглядъ въ пространство.—Съ самаго дѣтства я страдалъ отъ этого.

— Такъ вы страдаете отъ этого?

— Натурально, иногда это бываетъ очень тяжело!

— Я тоже испытываю это! — сказала она послѣ нѣкотораго молчанія трагическимъ голосомъ.

— Я не замѣчалъ этого по отношенію къ себѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Что вы хотите этимъ сказать?

— У меня такое чувство, какъ будто по отношенію ко мнѣ вы бывали не такъ замкнуты!

— Ахъ, такъ! Да, да,—сказала она, какъ будто въ его словахъ заключалось цѣлое откровеніе. — Да, это зависитъ, конечно, отъ человѣка. Только съ двоими я не бываю замкнутой: съ вами и съ моей матерью. Впрочемъ...—она остановилась. Онъ вопросительно смотрѣлъ на нее. — Впрочемъ,—продолжала она громче,—теперь я стала замкнутой и съ матерью, и хотѣла бы быть и съ вами, но что подѣлаешь: c'est plus fort que moi.

— Значитъ, вы считаете меня достойнымъ вашего довѣрія? — спросилъ Фоксъ, смутно припоминая, что произносилъ эту фразу со сцены въ какой-то пьесѣ. Ужасно, что холодная дѣйствительность постоянно врывается въ мысли, даже и въ самые возвышенные моменты жизни!

— Да,—сказала она, взглянувъ ему прямо въ глаза.—Я почувствовала это съ первой минуты, какъ увидѣла васъ.

Что отвѣтить па это?

— И я тоже,—сказалъ онъ.

— Ахъ, вы дитя,—воскликнула она,—большое, неловкое дитя, неужели вамъ нечего сказать мнѣ, кромѣ этого?

— Я могъ бы прибавить многое, но мнѣ мѣшаетъ чувство неувѣренности въ томъ, какъ вы это примете.

— Я? отъ васъ я все приму съ радостью!

Фоксъ смотрѣлъ на нее. Сейчасъ рѣшится его судьба! И это чувство важности минуты, которая бываетъ,—или должна бы быть—въ жизни каждаго единственной—взволновало его. Онъ взглянулъ на себя, какъ бы съ высокой башни Времени, на всю свою жизнь, и глаза его стали влажны.—

— Вы, вѣдь, давно знаете, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ, — что я люблю васъ, полюбилъ съ первой минуты!

Она встала, онъ тоже поднялся и смотрѣлъ на нее самымъ искреннимъ взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ. Она обвила его руками и прижалась головой къ его груди:

— Ахъ, какъ я ждала этого!—прошептала она.

Въ отвѣтъ онъ крѣпче прижалъ ее къ себѣ. „Чуть-чуть она, пожалуй,

маловата ростомъ"!—шепнулъ призрачный голосъ дѣйствительности, но онъ не сталъ его слушать.

— Теперь ты моя, дорогая!—воскликнулъ онъ съ чувствомъ ликующаго обладанія,—моя навѣки!

Она невольно засмѣялась, несмотря на свое счастье:

— Ахъ, ты дитя, ты знаешь, вѣдь, любовь только по книгамъ, и думаешь, что долженъ говорить, какъ герои въ романахъ. Поцѣлуй меня разокъ, это лучше всякихъ словъ! — Она немножко вытянулась вверхъ и союзъ этихъ двухъ людей, соединенныхъ превратностями судьбы, скрѣпилъ первый поцѣлуй.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Однажды Фоксъ сказалъ Питту, что у него есть для него письмо.

— Извини, пожалуйста, что я распечаталъ его, оно пришло въ редакцію, а я теперь получаю такую пропасть поздравленій по случаю моей помолвки, что это не удивительно.

— Да, — сказалъ Питтъ, — тебѣ здорово повезло. — Фоксъ съ жаромъ кивнулъ:

— И, вѣдь, моя невѣста прелестна, не правда-ли? А? И такъ задорна!— Питтъ протянулъ ему руку, собираясь уходить.—Постой,—крикнулъ Фоксъ— про письмо, этотъ человѣкъ, разумѣется, забылъ!—и отдалъ письмо брату.

Письмо было отъ Эльфриды, она просила Питта придти къ ней. Ему казалось, что онъ грезитъ.

Питтъ и Эльфрида не видались много лѣтъ. — „Зачѣмъ, зачѣмъ мнѣ итти къ ней",—думалъ онъ, — „я только опять растревожу и ее, и себя, и опять все кончится ничѣмъ. Я не измѣнился, я такой же, какимъ былъ и тогда".

Эльфрида давно окончила парижскую консерваторію; въ послѣднюю зиму она давала концерты въ разныхъ городахъ, и то, что ей раньше казалось такимъ желаннымъ, теперь отрезвило и разочаровало ее, несмотря на успѣхи, которыми сопровождались ея выступленія. Она вернулась домой на неопредѣленное время, и госпожа ванъ-Лоо не хотѣла отпускать такъ скоро свою любимицу, родившуюся въ самую счастливую пору ея жизни.

— Я приготовила тебѣ маленькій сюрпризъ, — сказала она,—заказала свой портретъ, чтобы у васъ осталось обо мнѣ воспоминаніе, когда я умру. Портретъ сейчасъ на выставкѣ, передъ нимъ всегда цѣлая толпа народа.

Эльфрида отыскала портретъ и съ гордостью любовалась фигурой матери въ пышномъ платьѣ съ треномъ, такой знакомой и вмѣстѣ чуждой, смотрѣвшей на нее своими прекрасными глазами.

Что знала Эльфрида о жизни своей матери? Все ли было такъ просто,

какъ она раньше представляла себѣ? Неужели она, такъ рано лишившаяся мужа, не знала никогда иной любви? И дѣйствительно ли эти глаза говорятъ только о единственномъ счастьѣ, схороненномъ такъ далеко въ прошломъ?—Эльфрида задумчиво шла по заламъ, какъ вдругъ остановилась, словно прикованная: передъ ней былъ Питтъ Синтрупъ, его голова, его лицо,—казалось, онъ видѣлъ только ее, глаза его притягивали ее. Съ трудомъ она овладѣла собой и долго простояла передъ портретомъ. Сномъ показались ей всѣ послѣдніе годы, тусклымъ и незначительнымъ все, что они приносили съ собой, жизнь начиналась снова тамъ, гдѣ уже оборвалась однажды.—Гдѣ теперь Питтъ Синтрупъ?—Она отправилась въ гостиницу. На выставкѣ ей сказали, что художница, картины которой выставлены въ одной изъ залъ, пріѣхала сюда на нѣсколько дней.

Передъ ней стояла высокая бѣлокурая дѣвушка. Эльфрида назвала свое имя, Герта изумленно подняла голову, и глаза ея устремились на Эльфриду съ такимъ пытливымъ выраженіемъ, что та слегка покраснѣла. Герта улыбнулась.

— Я часто слышала о васъ,—сказала она своимъ звучнымъ голосомъ,—и представляла себѣ васъ совсѣмъ иной.

— Да,—сказала Эльфрида,—и я пришла къ вамъ по поводу того человѣка, котораго вы назвали... или вы не называли его?

— Нѣтъ,—отвѣтила Герта,—но я думала о немъ, и знала, что вы тоже думаете о немъ.—Съ неожиданнымъ порывомъ она взяла Эльфриду за руку и усадила ее рядомъ съ собой.

Эльфридѣ трудно было начать.

— Вы знаете,—сказала она,—что я раньше была дружна съ господиномъ Синтрупомъ?—Герта кивнула и подумала: „почему она не спроситъ меня прямо, гдѣ онъ сейчасъ? Я бы сдѣлала такъ".—И вы знаете, что мы много лѣтъ не видались?

— Я знаю все.

— Теперь мнѣ хотѣлось бы знать, какъ ему жилось, что онъ дѣлаетъ, счастливъ ли онъ, и я подумала, что все это можете мнѣ сказать вы.

— Почему же вы спрашиваете объ этомъ именно меня?

— Потому, что я видѣла его портретъ, написанный вами, и сказала себѣ: такъ написать его могъ только человѣкъ, знающій его очень близко, стоящій—или стоявшій—къ нему очень близко.

Герта удивилась простотѣ, съ какой говорила Эльфрида, но эта довѣрчивость растрогала ее.

— Вы правы,—сказала она.—Я близко знала его, но портретъ этотъ относится къ далекому прошлому, и если вы хотите знать что-нибудь о послѣднихъ годахъ, то тутъ я такъ же мало знаю, какъ и вы.

— А раньше?—спросила Эльфрида.

— Раньше! — Я скажу вамъ все, — начала Герта съ внезапной рѣшимостью:—вы потеряли связь съ Питтомъ Синтрупомъ и хотите постараться снова вернуть его.—Эльфрида не возражала, только посмотрѣла на нее взглядомъ, подтверждавшимъ все это, но заключавшимъ вмѣстѣ съ тѣмъ просьбу не говорить дальше.—Я буду съ вами совершенно откровенна,—продолжала Герта,—по всѣмъ вѣроятіямъ, мы никогда больше не встрѣтимся, и; можетъ быть, слова мои помогутъ вамъ избѣжать много тяжелаго. Я хорошо знаю Питта Синтрупа, мы были такъ близки, какъ только могутъ быть близки два человѣка, я знаю всю его жизнь, онъ часто разсказывалъ мнѣ ее. Я знала, какъ онъ неустойчивъ, и хотѣла быть его поддержкой, я чувствовала себя достаточно сильной для этого. Казалось, что это удалось, наступила пора видимаго счастья, потомъ все медленно, постепенно, пошло на убыль. Больше силы, чѣмъ у меня, у васъ быть не можетъ, а я не достигла цѣли. Я чувствовала, что погибну сама, если буду продолжать такую жизнь,—и разсталась съ нимъ. Питтъ Синтрупъ — одинокій человѣкъ, онъ страдаетъ отъ своего одиночества, но онъ не созданъ для длительной совмѣстной жизни съ другимъ человѣкомъ, нѣкоторое время онъ выдерживаетъ, потомъ его опять влечетъ прочь, Богъ вѣсть, куда.

Эльфрида молча смотрѣла въ пространство, въ ней проснулись ея собственныя воспоминанія.—А онъ теперь здѣсь?—спросила она, помолчавъ.

Герта не знала, но прибавила, что слышала недавно, будто онъ состоитъ редакторомъ газеты. Эльфрида поднялась, Герта задумчиво смотрѣла на нее.

— Такъ вы все-таки хотите попытаться снова сблизиться съ нимъ?—
—Эльфрида не отвѣтила, но ея нѣмой взглядъ сказалъ все.

Эльфрида написала Питту. Госпожа ванъ-Лоо молча выслушала ее, когда она разсказала ей объ этомъ. Потомъ сказала:

— Ты сама должна знать, что тебѣ нужно. Въ тѣ времена ты была еще ребенкомъ, теперь ты взрослая.

Питтъ пришелъ; долго боролся онъ съ собой. Онъ вступилъ въ домъ, простоявшій неизмѣнно все это время, лакей былъ все тотъ же и встрѣтилъ Питта, какъ друга, хотя въ тѣ времена, когда Питтъ приходилъ каждый день, всегда держался чинно и сдержанно.

Питтъ вошелъ въ большую комнату, такъ хорошо ему знакомую. Казалось, ничто не измѣнилось въ ней, какъ будто только вчера онъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ.—Онъ долго ждалъ, наконецъ, послышался легкій, такъ хорошо знакомый, шорохъ, портьера раздвинулась, и передъ нимъ стояла Эльфрида, вопросительно и неувѣренно устремивъ на него сѣро-голубые глаза. Тихое, теплое чувство охватило его.

— Эльфрида!—сказалъ онъ. Она медленно подошла къ нему и протянула руку, онъ взялъ ее нерѣшительно и сейчасъ же выпустилъ.

— Какъ давно, давно мы не видались!—проговорила Эльфрида. Онъ мечтательно кивнулъ.

— Съ того лѣта, въ деревнѣ.—Оба замолчали.

— А ваша мать?—спросилъ онъ, наконецъ.

Она взглянула на него затуманившимся взглядомъ и спросила, словно очнувшись:

— Чья мать? Моя? Питтъ, не говори мнѣ вы! Мы, вѣдь, были друзьями, и я думаю, мы и сейчасъ друзья, или опять будемъ ими.

Они сѣли другъ противъ друга, какъ въ старину, только что съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и слѣды ихъ сказывались на ихъ лицахъ. Они говорили полусловами, и каждый по глазамъ другого видѣлъ, что всѣ слова неважны и безразличны, а самое важное остается невысказаннымъ. Ей страстно хотѣлось разсказать ему все, всю свою жизнь, съ тѣхъ поръ, какъ они разстались, но она не могла. Такъ они сидѣли нѣкоторое время, и она держала его за руку. Наконецъ, онъ всталъ.

— Ты придешь ко мнѣ еще?—спросила Эльфрида, стараясь придать своимъ словамъ легкій тонъ.

Онъ колебался. Потомъ сказалъ:

— Зачѣмъ, Эльфрида? Жизнь разъединила насъ, если теперь она опять сведетъ насъ, то изъ этого не выйдетъ ничего хорошаго.

— Не думай такъ,—быстро сказала она.—Я не такая, какой была тогда. я знаю тебя лучше, чѣмъ ты думаешь, я не предъявляю къ тебѣ никакихъ требованій, будь со мною такимъ, какимъ захочешь,—ты не можешь меня разочаровать, все это давно прошло. Пусть для тебя будетъ такъ, какъ было раньше, когда ты приходилъ къ намъ и радовался тому, что у тебя есть другъ. Вѣдь, я же знаю: эта ранняя пора жизни со мной—самый счастливый періодъ въ твоей жизни. И если я смогу быть для тебя тѣмъ, чѣмъ была тогда, я буду счастлива, потому что тебѣ будетъ легче, чѣмъ если около тебя не будетъ никого, о комъ ты можешь подумать съ чувствомъ покоя, съ чувствомъ, что, вотъ, есть человѣкъ, къ которому я могу пойти, когда захочу, и у котораго могу отдохнуть! Если ты такъ будешь думать, Питтъ, я буду счастлива,—вѣдь, я же вижу по тебѣ, что ты все еще одинъ!

Онъ неувѣренно взглянулъ на нее.

— Мнѣ и сейчасъ тяжело уходить отъ тебя,—сказалъ онъ,—но я уже не мечтательный мальчикъ; за эти годы я научился не довѣрять своему чувству. На мнѣ нѣтъ благословенія.

— Приходи, Питтъ!—Онъ задумчиво посмотрѣлъ ей въ глаза. Она протянула ему руку, онъ взялъ ее.

— Я приду!—сказалъ онъ съ внезапной рѣшимостью.

Идя домой, онъ уже раскаивался въ своихъ словахъ. Что можетъ при-

нести будущее? Эльфриду не должна постигнуть участь, которая постигла бы Герту, если бы она со своимъ здоровымъ инстинктомъ не стряхнула съ себя все. Онъ слишкомъ хорошо зналъ себя, и былъ убѣжденъ, что никто не сможетъ быть счастливъ съ нимъ, такъ какъ самъ онъ никогда не будетъ счастливъ.

И все-таки: онъ думалъ объ Эльфридѣ, о возможности свободно видѣть ее, когда ему захочется—неужели же онъ долженъ отрѣзать возможность даже и этого счастья? Неужели онъ отниметъ у себя даже и эту малость? Вѣдь, Эльфрида сама начертала будущій путь.

Онъ пропустилъ нѣсколько дней, потомъ опять пошелъ къ ней. Тонъ ея былъ простъ, свободенъ и полонъ сдержанной теплоты.

Однажды они шли по старой дорогѣ, по которой шли въ самый первый разъ, и Эльфрида сказала:

— Помнишь, Питтъ, какъ ты колебался передъ нашимъ домомъ и не зналъ, пойти тебѣ со мной или нѣтъ?

— Да,—отвѣтилъ Питтъ,—и хорошо, что я тогда пошелъ, вашъ домъ—единственная моя родина.—Она сорвала цвѣтокъ и воткнула ему въ петлицу.

Фоксъ былъ въ большихъ хлопотахъ. Помолвка съ фрейлейнъ Гейне преисполнила его небывалымъ достоинствомъ. Только теперь онъ позналъ истинную любовь. Что по сравненію съ нею представляли всѣ его прошлыя увлеченія! И какой почтенной, высоко-благородной оказалась вся семья. Поговаривали объ основаніи новаго, чисто литературнаго органа, во главѣ котораго долженъ былъ стать Фоксъ. Это придумала Эльза. Правда, родители ея потребовали, чтобы онъ получилъ титулъ доктора,—это было естественно, и онъ самъ требовалъ этого отъ себя. Послѣ экзамена должна была состояться и свадьба. Перспектива эта усилила его работоспособность и укрѣпила его мораль: теперь начнется приличная жизнь, какъ въ смыслѣ внѣшняго упорядоченнаго образа жизни, такъ и въ смыслѣ внутренняго безупречнаго поведенія.

— У всякаго человѣка,—сказалъ онъ какъ-то Питту,—есть грѣхи молодости; въ теперешнее время, съ его невѣроятно легкой эротической возбудимостью, иначе и невозможно. То, что воодушевляло нашихъ родителей и дѣдовъ въ ихъ молодости: отечество, политика, двигавшая ихъ страстями, для насъ привычный фактъ. Почитать и сравнить тогдашнюю литературу и теперешнюю! Любовь—громадный факторъ современной культурной жизни, эта проблема волнуетъ нашу молодежь больше всѣхъ другихъ. И мнѣ тоже эта проблема не давала спать—ей-Богу, иногда не давала спать,—я боролся за новыя формы въ любви, но убѣдился, что старая все-таки лучше всего. Въ извѣстномъ возрастѣ начинаешь это понимать. Предоставимъ свободную любовь

другимъ народамъ. Германецъ—прирожденный семьянинъ и такимъ и останется. Тщетно возстаютъ противъ этого факта, тщетно пытаются разрушить унаслѣдованныя формы. Онѣ слишкомъ древни, слишкомъ прочны, слишкомъ священны. И безъ церкви тоже нельзя обойтись, и при невѣріи, она все-таки придаетъ совсѣмъ особую святость! И что-нибудь да есть въ церкви: сколько противъ нея боролись, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, а она все-таки держится!... Ну, всѣ мои связи,—то есть, ихъ и было то всего двѣ-три,—я порвалъ, и въ первую голову съ той актрисой, которую я уступилъ Бертольду, это была даже моя обязанность, такъ какъ сначала она пришла не ко мнѣ лично, а въ литературный отдѣлъ, а вторымъ его представителемъ является Бертольдъ... Ну, а ты самъ, продолжаешь вести все такой же тупой образъ жизни?... Чего ты смѣешься?

Въ продолженіе рѣчи Фокса, Питтъ, не теряя изъ нея ни одного слова, разсѣянно перелистывалъ томъ сочиненій Гете, и глаза его остановились случайно на одной фразѣ.

— Да,—сказалъ онъ,—я живу тупо, какъ и подобаетъ такому обрубленному метловищу, какимъ меня здѣсь называютъ.

— Покажи-ка!—оживленно попросилъ Фоксъ.

Питтъ съ улыбкой протянулъ ему книгу, и Фоксъ прочелъ:

„Сколько я ни стараюсь, но не могу себѣ представить великаго Питта иначе, какъ въ видѣ обрубленнаго метловища, а столь почтеннаго во многихъ отношеніяхъ Фокса, иначе, какъ въ видѣ откормленной свиньи".

Господинъ Синтрупъ, счастливый блестящей перемѣной въ судьбѣ Фокса, однажды былъ приведенъ въ величайшее волненіе. Фоксъ сообщалъ ему о своемъ пріѣздѣ съ будущей женой и тещей. „Я надѣюсь,—писалъ онъ,—что найду нашъ домъ въ полномъ порядкѣ, съ приличной экономкой, которая сумѣетъ достойнымъ образомъ принять насъ, и настоятельно прошу тебя: самый строгій порядокъ, какъ снаружи, такъ и внутри!"

Въ послѣднее время у господина Синтрупа совсѣмъ не было экономки. Домъ его не пользовался хорошей репутаціей, онъ считался безнравственнымъ вдовцомъ.—Прежде всего онъ отправился къ дамѣ, навѣщавшей его ежедневно, и запретилъ ей являться къ нему. Сначала она подумала, что за этимъ кроется планъ какого-нибудь вѣроломства. Узнавъ же, въ чемъ дѣло, она предложила свои услуги въ качествѣ экономки, увѣряя, что прекрасно знаетъ, какъ это дѣлается, она читала много романовъ, и у нея прекрасная память. Господинъ Синтрупъ не согласился на это ни подъ какимъ видомъ. Наемныя конторы были уже закрыты, а на другой день было воскресенье. Онъ обратился къ друзьямъ и знакомымъ; никто не могъ ука-

зать ему такой дамы, а одинъ старый пріятель хлопнулъ его по плечу и сказалъ: „Старая развалина, въ тебѣ опять заговорилъ паша?!“

Господину Синтрупу домъ его представился теперь совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ: всюду пыль, безпорядокъ, какъ въ настоящей квартирѣ холостяка, гдѣ не чувствуется руки хозяйки. И, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько двусмысленный видъ! Господи, еслибы Маузи это видѣла! Прекрасныя, прежде такія чистыя, гардины совсѣмъ закоптѣли и давнымъ-давно не мѣнялись, гдѣ-то должны быть чистыя, но господинъ Синтрупъ не зналъ, гдѣ. Скатерти? Куда же дѣвалось все серебро! Проклятое бабье хозяйство! Его безсовѣстно обкрадывали, а сами обогащались. Люстры висѣли тусклыя, безъ колпаковъ, съ разбитыми призмами и безъ свѣчей, но усѣянныя мертвыми мухами. Гете и Шиллеръ словно хворали оспой! И повсюду проклятые слѣды совсѣмъ не подобающихъ вещей! Выкройки, шляпы—мѣсто ли имъ въ приличной гостиной? Неужто эта госпожа не могла заниматься этимъ у себя? Въ домѣ должна быть чистота!—Онъ сгребъ весь хламъ со стола и бросилъ въ уголъ. Гдѣ найти экономку? Онъ былъ въ отчаяніи.

Однако, въ назначенный день господинъ Синтрупъ, въ тщательно вычищенномъ пальто, въ безукоризненной новой шляпѣ и красныхъ лайковыхъ, растягивавшихся и слабо потрескивавшихъ, перчаткахъ, стоялъ на вокзалѣ и бодро поджидалъ поѣзда. Издали онъ замѣтилъ пару близнецовъ своимъ перчаткамъ, привѣтственно махавшихъ въ воздухѣ. Онъ поспѣшилъ туда, и отецъ и сынъ пали другъ другу въ объятія.

— Мой милый славный мальчикъ!— проговорилъ господинъ Синтрупъ, и на глазахъ его выступила влага.

— Мой милый, славный папаша, — сказалъ Фоксъ.

Потомъ оба обернулись и помогли дамамъ выйти изъ вагона. Фоксъ представилъ отца, и госпожа Гейне подумала: „Чистенькій старичекъ, немножко провинціаленъ, но можетъ сойти и въ хорошемъ обществѣ“.

— Это твой папа?—спросила Эльза и захлопала въ ладоши.

— Мой папа и твой,—съ достоинствомъ отвѣтилъ Фоксъ. Господинъ Синтрупъ поцѣловалъ руку и ей, потомъ вдругъ воскликнулъ:

— Мнѣ, старику, вы можете позволить...—губы его нѣжно приложились къ ея лбу, и онъ закончилъ:—ибо я радъ принять васъ, какъ свою будущую дочь.

У вокзала ждалъ экипажъ, дамы сѣли и прежде, чѣмъ послѣдовать за ними, Фоксъ тихонько потянулъ отца за пуговицу и, многозначительно прищурившись, спросилъ:—Дома все въ порядкѣ?

— Все, все въ порядкѣ!—отозвался господинъ Синтрупъ въ самомъ радужномъ настроеніи. Дорогой онъ показывалъ дамамъ мѣстныя достопримѣчательности,—„многаго тутъ не увидишь,“ мы немножечко отстали“—и,

наконецъ, экипажъ остановился. Тронулись попарно, господинъ Синтрупъ съ мадамъ Гейне, Фоксъ съ невѣстой.

— Вотъ, Эльзочка, здѣсь игралъ твой женихъ, когда былъ маленькимъ мальчикомъ! — сказалъ онъ, указывая вытянутымъ среднимъ пальцемъ на садъ.

Всѣ поднялись по маленькой лѣстницѣ, дверь отворилась, и передъ ними предстала фрейлейнъ Ниппе въ черномъ шелковомъ платьѣ. Она горячо сжала руку Фокса обѣими своими руками и радостно сказала:

— Кто бы могъ подумать, что мы свидимся съ вами вновь при такихъ обстоятельствахъ! — Потомъ церемонно поздоровалась съ дамами и, когда фрейлейнъ Гейне протянула ей руку, не могла удержаться отъ того, чтобы не погладить ее и не заглянуть ей съ материнской лаской въ глаза.—Фоксъ былъ чрезвычайно изумленъ, встрѣтивъ фрейлейнъ Ниппе у отца.

Вскорѣ послѣ женитьбы Кеннеке фрейлейнъ Ниппе предложила свои услуги господину Синтрупу. Правда, она помнила, что онъ отвергъ ее довольно рѣзкимъ образомъ послѣ того, какъ сначала совсѣмъ было взялъ ее къ себѣ, но она никогда не помнила зла. Тогда господинъ Синтрупъ совсѣмъ не отвѣтилъ на ея письмо, а теперь она вдругъ получила отъ него телеграмму. Она отвѣтила: „ѣду“,—ничего больше, кромѣ этого одного простого, скромнаго слова, такъ хорошо выражавшаго всю ея жизнь: ѣду — я нужна, и я ѣду! Пріѣхавъ, она сейчасъ же приступила къ работѣ. Въ комнатахъ было скверно. Она позвала рабочихъ, всюду помогала сама, отобрала у господина Синтрупа всѣ ключи. Повсюду чистили, выколачивали, мыли, скребли и терли, и повсюду фрейлейнъ Ниппе поспѣвала съ помощью и указаніями. Вечеромъ она пришла къ господину Синтрупу, вся въ грязи и въ поту, и заявила, что черная работа окончена, а мелочи уберутся завтра утромъ.

— Да вы положительно государственная женщина!—воскликнулъ господинъ Синтрупъ, на что она отвѣтила съ маленькимъ книксеномъ:

— А вы милый грубіянъ.

Въ полдень господинъ Синтрупъ обошелъ всѣ комнаты и полюбовался новымъ порядкомъ.

— Кое-какія женскія рукодѣлія,—скромно замѣтила фрейлейнъ Ниппе,— я временно удалила, также и коробочки съ пудрой изъ буфета, потомъ я могу опять поставить ихъ на мѣсто.

Госпожа Гейне чувствовала себя здѣсь такъ уютно.

— Послушай, Эльза, какая разница, если взять наши большія комнаты, сколько ихъ? я думаю, штукъ двадцать—и эти милыя уютныя комнатки!— Въ сущности, она любила совсѣмъ крохотныя квартирки!

Фоксъ предложилъ ей осмотрѣть его прежнюю комнату.

— Вотъ это—сказалъ онъ, отворяя дверь,—маленькій уголокъ, въ которомъ вашъ зять, дорогая теща, былъ такъ счастливъ!

У господина Синтрупа слезы выступили на глаза, и онъ сказалъ:—

— Да, да, ты былъ счастливъ, сынъ мой. Ахъ, Господи, еслибы мать твоя была жива и порадовалась нашему новому счастью!

— Это мамаша Фокса?—спросила Эльза съ большимъ интересомъ и сдержанной теплотой въ голосѣ,—вонъ тамъ, надъ диваномъ?

Господинъ Синтрупъ кивнулъ:

— И духъ ея,—сказалъ онъ срывающимся и нѣсколько дрожащимъ голосомъ,—духъ ея еще царитъ въ этихъ комнатахъ. Здѣсь все осталось такъ, какъ было при ней.

Обѣдъ прошелъ ко всеобщему удовольствію. Фоксъ озаботился насчетъ винъ и проявилъ свою компетентность по этой части. Господинъ Синтрупъ съ гордостью сказалъ:

— Да, да, мой сынъ занимался въ университетѣ не однѣми науками, а не забывалъ и желудка.

Выпили за здоровье невѣсты, и фрейлейнъ Ниппе самозабвенно крикнула: „Да здравствуетъ Эльза Брабантская!“ но сейчасъ же извинилась, если ея тостъ показался черезчуръ интимнымъ. Потомъ господинъ Синтрупъ провозгласилъ тостъ за госпожу Гейне, къ чему та отнеслась очень милостиво. И въ заключеніе Эльза вдругъ подняла свой бокалъ и сказала:

— Всетаки, какъ жаль, что Питтъ не съ нами,—но не встрѣтила никакого сочувствія, наоборотъ, лицо господина Синтрупа нѣсколько омрачилось, и онъ сказалъ:

— Не будемъ лучше вспоминать о немъ, онъ этого не заслужилъ.

— Нѣтъ, онъ славный малый,—сказалъ Фоксъ,—только у него ни въ чемъ нѣтъ цѣльности, это правда.

— А я все-таки пью за его здоровье! Онъ всегда такъ чудесно занималъ меня!—сказала фрейлейнъ Гейне.

— Эльза,—крикнулъ Фоксъ, лукаво грозя ей пальцемъ,—я знаю, что онъ всегда ухаживалъ за тобой.

— Ну, такъ что же?—кокетливо спросила она,—онъ мнѣ всегда нравился, и будетъ нравиться и впредь, и я не стану ему запрещать ухаживать за мной!

— Эльза, Эльза!!—предостерегающе крикнулъ Фоксъ. Но она положила ему руку на рукавъ, и онъ успокоился.

На слѣдующее утро господинъ Синтрупъ опять обнялъ Фокса, говоря, что онъ доставилъ ему большую радость, и весьма галантно поднесъ обѣимъ дамамъ по букету цвѣтовъ. Подъ конецъ съ фрейлейнъ Ниппе сдѣлалась истерика: у госпожи Гейне пропало бриллiантовое кольцо, она оставила его

на умывальникѣ и не могла найти, и теперь, можетъ быть, заподозрятъ ее, бѣдную, невинную женщину.!

— Слава тебѣ, Господи!!—сказалъ господинъ Синтрупъ, возвратившись съ вокзала.—Фрейлейнъ Ниппе, вы блестяще организовали все. Скажите-ка, не согласились бы вести у меня хозяйство и впредь? Долженъ вамъ сказать, у меня тутъ все идетъ вверхъ дномъ. Вы могли бы прекрасно примѣнить здѣсь свои материнскіе таланты.

Материнскіе таланты! Да, она чувствовала, что слишкомъ стара для любви. Она окончательно отказалась отъ нея, и материнскій талантъ—это единственный капиталъ, съ котораго она могла еще получать проценты.—Материнскіе таланты—вотъ волшебное слово, которое наполнитъ содержаніемъ ея жизнь. Человѣкъ этотъ не настолько еще старъ, чтобы отказаться отъ всѣхъ радостей жизни—шпильки, пудреницы, машинки для завивки волосъ—все это не указывало на замкнутую одинокую жизнь. И она по всему видѣла, что его эксплоатируютъ! Она поможетъ ему дѣломъ и совѣтомъ, своимъ знаніемъ людей, убережетъ отъ всего дурного, а если ей иной разъ придется работать на двоихъ, то что же изъ этого?! Она выше людскихъ предразсудковъ. А когда господинъ Синтрупъ умретъ, онъ назначитъ ей за ея самоотверженную дѣятельность маленькую ренту, и, кромѣ того, остается еще Фоксъ, богатый Фоксъ. Онъ вознаградитъ свою Дездемону за преданность его отцу.— И она осталась.

Питтъ узналъ о тріумфальной поѣздкѣ Фокса и о всемъ прочемъ, но все это доходило до него, какъ вѣсти изъ другого міра. Ему казалось, будто онъ вернулся на много лѣтъ назадъ, будто возвратились прежнія счастливыя времена, съ тою только разницей, что теперь онъ сознательно наслаждался своимъ счастьемъ. Онъ часто видался съ Эльфридой, и только иногда его тревожила мысль, что это счастье можетъ прекратиться. Съ тайной боязнью онъ ждалъ, что настроеніе ея станетъ снова такимъ же замкнутымъ и настороженнымъ, какъ раньше, въ деревнѣ. Но этого не случалось, Эльфрида была все такъ же нѣжна, настроеніе ея не мѣнялось даже и тогда, когда на него нападала прежняя разсѣянность, холодность и полное отсутствіе мыслей, когда онъ въ разговорѣ отвѣчалъ что-нибудь совсѣмъ безсвязное, и не слышалъ ея настойчивыхъ вопросовъ о вещахъ, близкихъ ея сердцу. Она привыкла къ этому, хотѣла привыкнуть, потому что другого выхода у нея не было. Иногда онъ думалъ, могъ ли бы онъ жить съ нею такъ, какъ жилъ съ Гертой, и ему казалось, что съ Эльфридой все будетъ, какъ будто, легче—но сейчасъ же со страхомъ отгонялъ эту мысль. Такъ, какъ есть, гораздо лучше.—Но, несмотря на всѣ его старанія, мысль эта постоянно возвращалась.

Время текло, какъ тихая вода, тихо и мягко, какъ стоявшіе въ это

время дни. Лѣто прошло, но на землѣ, поляхъ и деревьяхъ лежало кроткое сіяніе, небо было ясно, свѣтло-синее и холодное, но солнце грѣло почти, какъ лѣтомъ. Листва постепенно начинала окрашиваться яркими пестрыми тонами, и въ воздухѣ носились тонкія, серебристыя нити, сверкая, теряясь вдали.,

Эльфрида чувствовала въ отношеніи Питта скрытую теплоту, никогда не проявляющуюся вполнѣ она чувствовала, что онъ любитъ ее, какъ вообще способенъ любить, и однажды онъ сказалъ ей это самъ. Она подошла къ нему и съ сдержанной нѣжностью прижалась головой къ его груди.

— Развѣ мы не можемъ навсегда остаться вмѣстѣ? — спросила она спокойнымъ, сдержаннымъ голосомъ,—развѣ тебѣ это кажется совсѣмъ, совсѣмъ невозможнымъ?

Онъ отошелъ отъ нея.

— Эльфрида, — сказалъ онъ, — ты не знаешь, какой я человѣкъ, это совершенно, совершенно невозможно.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтила она,—я знаю все.

— Нѣтъ, ты не знаешь, какъ я слабъ, какъ я неустойчивъ. Мнѣ кажется сейчасъ, что я люблю тебя, я чувствую это сильнѣе, чѣмъ было по отношенію къ Гертѣ. Но я знаю свое чувство, знаю, что оно непрочно. По временамъ я отношусь къ самымъ близкимъ людямъ такъ, что у меня возникаетъ сомнѣніе, способенъ ли я вообще на какое-нибудь чувство. Это зависитъ не отъ людей, а коренится во мнѣ самомъ, въ моемъ характерѣ. Ты теперь мнѣ безконечно ближе, чѣмъ была тогда, когда мы были дружны съ тобой въ первый разъ. Я знаю, что если кто-нибудь можетъ облегчить мнѣ жизнь, то это ты. Нѣкоторое время будетъ казаться, будто мы оба счастливы, потомъ медленно, постепенно, на меня нахлынетъ опять то же полубезумное чувство: уйти, бѣжать отъ всего, что меня связываетъ.

— Тебя ничто не должно связывать,—сказала Эльфрида,—ты долженъ сохранить увѣренность, что ты свободенъ, ничѣмъ не связанъ и можешь уходить, когда-захочешь. Ты вовсе не долженъ все время оставаться со мной. Я знаю, ты можешь долго жить съ человѣкомъ только при томъ условіи, чтобы у тебя было сознаніе свободы. А когда настанутъ плохія времена, когда ты, дѣйствительно, уйдешь, я буду знать, что ты вернешься, что я всегда буду тебѣ ближе всѣхъ.

Питтъ поднялъ руку.

— Ты не сможешь вынести этого, ты озлобишься противъ меня, почувствуешь, какъ я эгоистиченъ и безсердеченъ. Не обманывайся моими словами: я сказалъ тебѣ, что ты мнѣ ближе всѣхъ на свѣтѣ. Точь въ точь то же я говорилъ когда-то и Гертѣ, и я знаю, что обманывалъ тогда и ее, и самого себя. Герта была для меня то же, что вѣтка, висящая надъ рѣкой, для человѣка.

носящагося на волнахъ. Я ухватился за нее, стараясь выбраться на берегъ. А выбравшись и немножко обсохнувъ, едва отдохнувъ отъ усталости, я уже утратилъ всякую благодарность, снова сталъ стремиться въ рѣку, и до вѣтки мнѣ не было никакого дѣла. Я старался обмануть себя, убѣдить, что все это неправда. Герта чувствовала это такъ же ясно, какъ и я, только у нея было больше мужества и ясности, и она сразу оборвала то, что я хотѣлъ еще безъ конца штопать. Тогда я вообразилъ себѣ—какъ и раньше въ подобные моменты—будто я люблю тебя, только для того, чтобы не казаться самому себѣ совершенно безсодержательнымъ и безчувственнымъ. Эльфрида, не вѣрь моему чувству, оно—обманъ или, въ лучшемъ случаѣ, полу-правда. Ты не знаешь, съ кѣмъ ты хочешь сковать себя, всей твоей любви будетъ мало, чтобы вынести жизнь сомной.

— Только въ томъ случаѣ,—сказала Эльфрида,—если бы я чувствовала, что все, что ты говоришь—правда. Но это неправда! Только что ты сказалъ мнѣ, что любишь меня такъ, какъ только можешь любить, а тутъ же, какъ только я захотѣла построить на этомъ нѣчто прочное для себя и для тебя, ты отрекаешься отъ всего и выставляешь все въ сомнительномъ свѣтѣ. Питтъ, изъ этого я вижу, что чувство твое ко мнѣ истинно и глубоко. Тебя охватываетъ страхъ отвѣтственности, и ты отрекаешься отъ всего, потому что слишкомъ любишь меня, чтобы подвергнуть меня участи, которая живетъ только въ твоемъ воображеніи.

— Да,—сказалъ онъ,—это такъ и есть. Я не хочу быть виновникомъ твоего несчастья. Герта не стала несчастлива, но у нея хватило силы своевременно порвать все, и потомъ она любила меня далеко не такъ сильно, какъ, я чувствую, любишь меня ты.

— Ты все время говоришь о силѣ Герты—по моему это не сила, я чувствую себя гораздо сильнѣе ея, потому что любовь моя больше, и она дѣлаетъ меня сильнѣе противъ всего, что можетъ ожидать меня. Всѣ періоды видимаго отчужденія, которые настанутъ между мною и тобою,—а они настанутъ непремѣннно—я перенесу съ увѣренностью, что ты всегда, всегда вернешься ко мнѣ. У насъ будутъ дѣти, и въ нихъ я найду тебя, а ты, можетъ быть, меня. Ты все еще смотришь на меня тѣми же глазами, какими смотрѣлъ тогда. Я уже не прежняя молоденькая дѣвочка, полная идеаловъ и требованій, моя любовь къ тебѣ стала совсѣмъ иной. Я хотѣла забыть тебя, въ душѣ моей занималъ мѣсто не ты одинъ, но я убѣдилась, что отъ всѣхъ нихъ путь все-таки ведетъ только къ тебѣ. Я очистилась и снова прихожу къ тебѣ. Я знаю все, все, что будетъ, но я все вынесу ради тебя, потому никогда не было человѣка, котораго бы я любила такъ, какъ тебя, и никогда въ моей жизни не будетъ никого, къ кому я относилась бы такъ, какъ къ тебѣ. Мнѣ кажется, какъ будто я знаю тебя съ тѣхъ поръ, какъ научилась думать!

— Ты не знаешь, Эльфрида, какую тяжесть ты принимаешь на себя.

— Знаю, и принимаю все.—Она подошла къ нему и заглянула ему въ глаза. Тогда всѣ его сомнѣнія растворились въ чувствѣ несказанной благодарности, и онъ почти упалъ передъ ней на колѣни.

— Я попытаюсь, Эльфрида, и если ты поможешь мнѣ,—Боже мой, если не все во мнѣ мертво и пусто,—Эльфрида, можетъ быть, я еще буду счастливъ съ тобой.

— Будешь, настолько, насколько ты вообще можешь быть счастливъ. И я тоже!

Онъ наклонилъ ея голову и поцѣловалъ.

— Ты сильна и бодра,—сказалъ онъ,—и дѣти твои тоже будутъ сильными и бодрыми, если родятся въ тебя. Ты останешься молодой и будешь жить съ ними, и всѣ вы будете бодрѣе и сильнѣе меня.—Глаза его устремились поверхъ Эльфриды на розовое отъ зари небо; онъ умолкъ, потомъ, какъ бы говоря съ самимъ собою, медленно проговорилъ:—Но въ одномъ у меня будетъ перевѣсъ надъ всѣми вами. Одни за другими вы будете уходить отъ меня, потому что я чувствую: я доживу до глубокой, глубокой старости.

Пер. **К. Жихарева.**

Люб. О. Миртову.

Полынь, трава степной дороги,
Твой горькій стебель горче слезъ.
Церковный запахъ нѣжно-строгій
Такъ далеко меня унесъ!

Дышу тобой и—вотъ пьяна я!
Стою у пыльнаго куста...
О, горечь русская, степная,
И тишина, и широта!...

Нат. Крандіевская.

НА ПОРОГѢ НОВАГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ.

I. Современное естествознаніе.

Врядъ ли можно найти въ исторіи человѣческой культуры эпоху, духовная жизнь которой была бы въ такой мѣрѣ богата, разнообразна и пестра, какъ эпоха, переживаемая нами въ настоящее время. Тысячи новыхъ идей и направленій наблюдаются не только въ философскихъ и религіозныхъ построеніяхъ, въ литературѣ, этикѣ, художественныхъ исканіяхъ, въ техникѣ, но и въ точной, положительной наукѣ—въ области естествознанія. Многочисленные новооткрытые факты произвели грандіозную революцію въ нашемъ старомъ міровоззрѣніи, въ нашемъ объясненіи картины міра. Созданіе всеобъемлющей электронной теоріи, зарождающееся ученіе о «превращеніи» химическихъ элементовъ, возникновеніе новаго основного закона природы—«принципа относительности», основы «новой механики», универсальная энергетика, новые взгляды на цѣнность науки, радикальный пересмотръ основъ математики, а вслѣдъ затѣмъ главнѣйшихъ понятій и законовъ физики, неодарвинизмъ, неоламаркизмъ, менделизмъ —вотъ нѣкоторые основные моменты этого перелома въ современной наукѣ.

Мысль въ настоящее время стала необыкновенно бурной, плодотворной и своеобразной. День за днемъ приноситъ съ собою новыя открытія, новые методы изслѣдованія, новыя точки зрѣнія, распространяющіе всюду жизнь и разрушеніе. Открытіе «радіоактивныхъ» тѣлъ и «принципа относительности» подвергло сомнѣнію всѣ физическіе законы, всѣ безъ исключенія физическія истины. Зданіе естествознанія потрясено въ самомъ основаніи своемъ. Однимъ словомъ—въ настоящее время въ нашемъ теоретическомъ естествознаніи, въ особенности въ теоретической физикѣ, нѣтъ ни одного понятія или закона, который не привлекался бы къ суду строгой критики.

Немалое вліяніе, конечно, оказало все это и на настроеніе ученыхъ. Вотъ, напримѣръ, какъ драматически проф. Хвольсонъ три года тому назадъ рисовалъ вліяніе открытія «радіоактивности» на современную физику:

«Всѣмъ хорошо извѣстно, что открытіе радіоактивныхъ веществъ и связанное съ нимъ возникновеніе электронной теоріи и новой теоріи лучистой энергіи повліяло, какъ землетрясеніе, которое разрушило почти все, что существовало,

уничтожило то, что долгое время казалось наиболѣе прочнымъ,—тѣ научныя зданія, къ которымъ мы наиболѣе привыкли и въ которыхъ, казалось, жилось такъ уютно. Почти всѣ эти зданія представляютъ нынѣ груду развалинъ. Даже механика, та наука наукъ, къ которой мы надѣялись свести всѣ вообще явленія, старая Ньютоновская механика уничтожена: она нынѣ уже не существуетъ. Оказывается, что въ теченіе ста лѣтъ наука шла по невѣрному пути... Попытокъ идти новымъ направленіемъ, построить новые фундаменты на мѣстахъ разрушенныхъ зданій—существуетъ уже очень много, но я не думаю, чтобы можно было сказать, что хоть одинъ изъ этихъ фундаментовъ дѣйствительно прочно и надежно заложенъ».

Приблизительно то же самое писали и многіе другіе ученые. Но въ этихъ словахъ ужъ слишкомъ много разочарованія, того разочарованія, которое привело многихъ къ выводу о «банкротствѣ науки». Со сторонниками этого взгляда мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ согласиться, такъ какъ они совершенно исказили, извратили смыслъ происшедшаго въ современной физикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не признать, что новые принципы, замѣняющіе старые, находятся еще только на пути своего образованія, что современный человѣкъ быстрѣе разрушаетъ, чѣмъ строитъ. Пока будутъ воздвигнуты новыя зданія, способныя пріютить нашу мысль, нагромоздится немало развалинъ. Мы пока находимся въ періодѣ разрушенія, переживаемъ анархію.

Но эту анархію нельзя сравнивать съ результатами землетрясенія, и она не ведетъ къ выводу о «банкротствѣ науки»; наоборотъ, она въ высшей степени благопріятствуетъ прогрессу науки, такъ какъ удаляетъ съ физической картины міра ея несущественныя составныя части и старается воздвигнуть новое зданіе, болѣе помѣстительное и долговѣчное, болѣе стройное и совершенное, чѣмъ старое. Настроеніе современныхъ ученыхъ ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать пессимистическимъ, такъ какъ въ настоящее время они считаютъ разрѣшимыми даже тѣ проблемы, осилить которыя казалось невозможнымъ даже самымъ передовымъ ученымъ два-три десятилѣтія тому назадъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ слѣдствій многосложнаго обилія новыхъ фактовъ и пестраго разнообразія новыхъ идей является происходящая въ настоящее время въ области естествознанія громкая борьба между двумя объединяющими міросозерцаніями, борьба, которая по своему революціонному характеру можетъ сравниться только съ борьбой за міровоззрѣніе Коперника. Я имѣю въ виду борьбу между механическимъ и электромагнитнымъ объясненіемъ картины міра.

Въ дальнѣйшемъ я постараюсь въ самыхъ общихъ чертахъ изложить современное состояніе этого интереснаго вопроса.

II. Механическое міровоззрѣніе.

Мыслящій человѣкъ всегда чувствуетъ потребность въ цѣльномъ, всеобъем-

лющемъ міровоззрѣніи, потребность подкрѣпить болѣе устойчивыми мыслями тѣ духовныя воспроизведенія фактовъ, которыя не сопровождаются ясно выраженнымъ чувствомъ увѣренности. Эта потребность подкрѣпленія болѣе шаткихъ мыслей сильнѣйшими, называемая также потребностью причинности, является главнымъ стимуломъ естественно-историческихъ объясненій. Въ основу при этомъ мы кладемъ, разумѣется, испытаннѣйшія мысли. Такія устойчивыя мысли даютъ намъ механическія конструкціи или модели, такъ какъ человѣческій умъ является какъ бы приборомъ, на который внѣшній міръ реагируетъ только движеніемъ; и потому надежность механическихъ моделей обезпечена тѣмъ, что мы можемъ ихъ каждую минуту подвергнуть испытанію, провѣрить. Наиболѣе распространеннымъ физическимъ міровоззрѣніемъ до настоящаго времени являлось поэтому механическое міровоззрѣніе, т.-е. такое, при которомъ всѣ процессы сводятся на движенія одинаковыхъ матеріальныхъ частичекъ, находящихся подъ дѣйствіемъ опредѣленныхъ силъ.

Исторія развитія нашего познанія природы на самомъ дѣлѣ показала, что самыя цѣнныя, самыя прочныя и плодотворныя наши научныя понятія и самыя удовлетворительныя «объясненія» и «пониманія» явленій—это механическія, основанныя на законахъ движенія. Недаромъ такія основныя первичныя понятія, какъ время и пространство, неразрывно связаны съ движеніемъ.

Еще сравнительно недавно думали, что въ принципахъ механики, въ томъ видѣ, въ какомъ они формулированы Ньютономъ, мы имѣемъ наиболѣе фундаментальные законы природы. Исчерпывающимъ образомъ объясненнымъ считалось какое-нибудь физическое явленіе, когда его удавалось свести къ законамъ механики. Задачу теоретической физики поэтому можно было кратко опредѣлить, какъ механическое объясненіе картины процессовъ природы.

Особенно яркое выраженіе этотъ взглядъ получилъ въ словахъ великаго математика Пьера Лапласа объ «умѣ», который зналъ бы положенія и скорости всѣхъ атомовъ вселенной въ нѣкоторый моментъ и всѣ дѣйствующія силы: такой умъ могъ бы вычислить изъ своей «міровой формулы» все прошедшее и будущее.

Первоначальныя механическія объясненія не вызывали никакихъ недоумѣній—и механическія атомныя теоріи принесли огромную пользу развитію химіи, ученію о теплотѣ, электронной теоріи. Но въ областяхъ электричества, магнетизма и въ оптикѣ встрѣтились громадныя трудности. Эти трудности оказались непреодолимыми и заставили ученыхъ серьезно усомниться въ правильности укоренившагося воззрѣнія.

Въ настоящее время выдающіеся ученые не только стали отказываться отъ мысли, что всѣ явленія могутъ быть объяснены при помощи механики, но начали оспаривать и самую точность законовъ Ньютоновской механики.

Считая, что эти законы далеки отъ того, чтобы представлять собою основные законы природы, теперь ихъ разсматриваютъ только, какъ формулы, ко-

торыя въ опредѣленныхъ случаяхъ, а именно—когда скорость не очень велика и ускореніе возникаетъ не внезапно, могутъ съ извѣстной степенью приближенія представить движеніе тѣла; относительное же значеніе этихъ формулъ можетъ быть выведено изъ другихъ, болѣе фундаментальныхъ законовъ природы.

„Какъ мнѣ кажется,—говоритъ извѣстный современный физикъ І. Д. Ванъ-деръ-Ваальсъ,—мы не имѣемъ никакихъ основаній удивляться тому, что признаніе фундаментальнаго значенія законовъ механики встрѣчаетъ возраженія. Напротивъ, я нахожу гораздо болѣе достойнымъ удивленія то обстоятельство, что еще раньше не искали объясненія законовъ механики въ другихъ, болѣе общихъ, законахъ. Законы механики представляются мнѣ построенными на предположеніи, которое абсолютно не можетъ служить базисомъ нашего естествознанія".

Къ такому представленію, какъ мы ниже увидимъ, привели не философскія умозаключенія, а новѣйшія блестящія открытія въ области опытной физики.

III. Матерія, энергія и электричество.

Съ тѣхъ поръ, какъ началось изученіе природы, оно считаетъ послѣдней, высшей своей цѣлью—объединить, координировать въ одномъ грандіозномъ и импозантномъ синтезѣ въ одну единую стройную систему все пестрое разнообразіе явленій естественнаго міра, если возможно,—въ одну единственную формулу, „міровую формулу". Но наука не можетъ изучать природу въ ея цѣломъ, въ ея совокупности. Для плодотворности изученія наука, согласно ея основному методу, принуждена классифицировать, дѣлить природу и вести изслѣдованіе каждой ея части отдѣльно. Такимъ именно путемъ и возникли различныя науки, такъ возникли и подраздѣленія этихъ наукъ и подраздѣленія этихъ подраздѣленій. Но одновременно и параллельно съ такой классификаціей въ наукѣ идетъ неустанная работа по объединенію этихъ частей—синтетическая работа.

Давно уже было замѣчено, что звукъ представляетъ собою колебательное движеніе, и потому къ ученію о звукѣ, къ акустикѣ, стали примѣнять законы механики. Затѣмъ пришла очередь теплоты, которую стали разсматривать, „какъ особаго рода движеніе", что привело къ разработкѣ новой, весьма интересной, области физики—термодинамики. Свѣтъ оказался волнообразнымъ, а законы электрическихъ и магнитныхъ взаимодѣйствій напоминали собою законы всемірнаго тяготѣнія. Съ другой стороны—примѣненіе законовъ къ астрономическимъ явленіямъ привело къ возникновенію „небесной механики", неожиданно давшей поразительно блестящіе результаты. Такимъ путемъ, развиваясь на почвѣ механическихъ представленій, наука дошла, наконецъ, до двухъ универсальныхъ, объединяющихъ понятій; эти понятія суть: матерія и энергія.

Все въ природѣ вокругъ насъ находится въ движеніи, въ вѣчномъ теченіи, какъ это училъ еще 2400 лѣтъ тому назадъ Гераклитъ. Но наша мысль, чтобы она не потерялась въ вѣчно волнующемся, вѣчно неспокойномъ морѣ бытія, требуетъ якоря, за который она могла бы держаться, требуетъ твердыхъ, неподвижныхъ точекъ опоры. Шиллеръ говорилъ:

„Старайтесь найти вѣчный законъ въ чудесныхъ превращеніяхъ случая.

„Старайтесь отыскать неподвижный полюсъ въ безконечной вереницѣ явленій".

Матерія и энергія, по ученію естествоиспытателей, и есть этотъ якорь.

Слѣдуя механическимъ представленіямъ, наука раздѣлила между собою матерію и энергію. Міръ, въ которомъ мы живемъ, согласно этому воззрѣнію, въ дѣйствительности двойной міръ или, скорѣе, онъ представляется состоящимъ изъ двухъ совершенно различныхъ міровъ: изъ міра матеріи и міра энергіи. Желѣзо, мѣдь, свинецъ — вотъ формы матеріи. Свѣтъ, теплота, электричество — это формы энергіи. Оба эти міра управляются одинаковымъ закономъ— „закономъ сохраненія". Какъ матерію, такъ и энергію, нельзя ни создавать, ни разрушать. Матерія и энергія могутъ принимать много различныхъ формъ, но они не могутъ превращаться другъ въ друга. Мы не можемъ созерцать энергію безъ матеріи и, наоборотъ, матерію безъ энергіи.

Съ механической точки зрѣнія, матерія и энергія, такимъ образомъ, два разныхъ и даже почти исключающихъ другъ друга понятія. Поэтому, когда въ физикѣ изучается какое-либо новое явленіе, напримѣръ—теплота, электричество, то прежде всего ставится вопросъ: матерія это или энергія, причемъ это „или" всегда бываетъ весьма сильно подчеркнуто. Этотъ образъ міра дуалистиченъ, въ немъ нѣтъ единства.

Съ появленіемъ геніальной „электромагнитной теоріи", разработанной великимъ англійскимъ физикомъ Кларкомъ Максвеллемъ, въ физикѣ началась новая эра. Всѣ физическія явленія стали разсматриваться съ совершенно новой точки зрѣнія и, ко всеобщему удивленію, свѣтъ, по этой теоріи, оказался электромагнитнымъ явленіемъ, что и было такъ блистательно подтверждено на остроумныхъ опытахъ Герцемъ. Такимъ образомъ, такія съ виду разнообразныя явленія, какъ электрическія, магнитныя и свѣтовыя, были связаны вмѣстѣ въ одну область явленій, начали считаться происходящими изъ одного общаго источника.

Но при этой новой теоріи различіе между матеріей и энергіей стало еще болѣе замѣтнымъ, болѣе разнымъ, чѣмъ это было прежде. Появились новыя понятія электрическаго и магнитнаго поля и каждому изъ этихъ полей приписывалось опредѣленное количество энергіи, но такъ, что для этого не нужно было никакой матеріи. Электрическое и магнитное поле могутъ находиться и въ пустотѣ. Это ясно уже изъ того, что свѣтъ, который по этой теоріи состоитъ изъ электрической и магнитной энергіи,— этотъ свѣтъ доходитъ до насъ отъ солнца въ 8 минутъ. Спрашивается: гдѣ же находилась его энергія черезъ 4 минуты послѣ того, какъ свѣтъ покинулъ солнце? Очевидно, его энергія находилась между солнцемъ и землею въ пустомъ міровомъ пространствѣ, въ чистомъ, какъ говорятъ, міровомъ эѳирѣ, гдѣ нѣтъ матеріи.

Но электромагнитная теорія не только отдѣлила матерію отъ энергіи, но въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи привела къ новой грандіозной теоріи—къ „электронной теоріи", приведшей насъ къ поразительнѣйшимъ выводамъ. Эта недавно возникшая теорія, въ настоящее

время уже вполнѣ открытая, допускаетъ, что отрицательное электричество, подобно веществу, состоитъ изъ отдѣльныхъ частицъ, изъ атомовъ электричества, называемыхъ „электронами“. О сущности положительнаго электричества эта теорія пока еще ничего опредѣленнаго не говоритъ. Электроны существуютъ во всѣхъ тѣлахъ и принимаютъ участіе во всѣхъ явленіяхъ природы. Не будучи самъ матеріей въ обычномъ смыслѣ этого слова, электронъ является какъ бы всеобщимъ составнымъ началомъ матеріи, всѣхъ видовъ вещества, какъ бы первоосновой матеріи—„первоматеріей“.

Покоющійся электронъ обладаетъ, какъ и всякое заряженное тѣло, опредѣленной электрической энергіей, движущійся—кромѣ того, еще магнитной энергіей.

Потокъ движущихся электроновъ составляетъ явленіе электрическаго тока. Колеблющіеся электроны вызываютъ въ пространствѣ электромагнитныя волны, въ частномъ случаѣ—свѣтовыя.

Понятіе электрона, такимъ образомъ, совершенно отлично отъ понятія „матерія“, съ одной стороны, и отъ понятія „энергія“, съ другой. Не имѣемъ ли мы, слѣдовательно, въ электронной теоріи уже, по меньшей мѣрѣ, три отдѣльныхъ другъ отъ друга основныхъ элементарныхъ понятія: матерію, энергію и электричество?

На это приходится отвѣтить только отрицательно, такъ какъ болѣе глубокій анализъ этихъ трехъ элементарныхъ, основныхъ понятій привелъ къ тому заключенію, что свойства электричества ужъ не такъ отличны отъ свойствъ энергіи и не такъ отличны отъ свойствъ матеріи, какъ это казалось съ перваго взгляда.

Въ самомъ дѣлѣ, нынѣ, какъ я только что сказалъ, съ одной стороны, допускаютъ весьма сложное строеніе того, что называютъ атомомъ матеріи,—принимаютъ, что всѣ атомы состоятъ изъ многочисленныхъ электроновъ, находящихся въ непрерывномъ и очень быстромъ движеніи; съ другой стороны, доказано, что электронъ при движеніи обладаетъ кинетической инерціей и, слѣдовательно, обладаетъ энергіей, т.-е. важнѣйшимъ, основнымъ свойствомъ матеріи.

IV. Электронъ, какъ связующее звено между матеріей и энергіей.

Въ настоящее время, благодаря тщательнымъ опытнымъ изслѣдованіямъ Кауфмана, Абрагама, Бухерера и Гупка, вопросъ о природѣ электроновъ, носящихся въ атомѣ, повидимому, отчасти уже разрѣшенъ. Оказалось, какъ это ни страннымъ должно казаться, что матеріальная масса электрона равна нулю. Другими словами, электронъ есть электричество, лишенное матеріальнаго носителя.

Выводъ этотъ означаетъ полный переворотъ во всемъ нашемъ міровоззрѣніи. Благодаря ему мы далеко отходимъ отъ обычныхъ представленій о матеріи и энергіи. Дѣйствительно, если матерія образована при посредствѣ соединенія электроновъ,—а это принимается всѣми

современными учеными,—то ея главнѣйшее, неизмѣнное свойство,—масса и энергія—цѣликомъ электромагнитнаго происхожденія; мы приходимъ, такимъ образомъ, къ поразительному заключенію: все матеріальное сводится къ электромагнетизму.

Итакъ, электричество и магнетизмъ должны быть признаны краеугольными камнями всѣхъ процессовъ и явленій во вселенной, всего мірозданія.

Субстанція электроновъ—вотъ тотъ первый матеріалъ, изъ котораго путемъ эволюціи возникли вполнѣ стройныя прочныя системы, являющіяся для насъ въ видѣ атомовъ различныхъ химическихъ элементовъ!

Но что же, въ такомъ случаѣ, представляетъ собою электронъ, атомъ электричества? Вѣдь, электричество обыкновенно считалось однимъ изъ видовъ энергіи, т.-е. прямой противоположностью матеріи. И здѣсь мы приходимъ опять къ удивительному заключенію. Именно, электричество, въ строгомъ смыслѣ слова, нельзя считать энергіей. Оно становится энергіей, когда „частички" его преобразуются въ электромагнитныя волны (свѣтъ, теплота, электрическій токъ), и становится матеріей, когда „частички" его сочетаются въ атомы. Само же электричество, какъ реальность, не матерія и не энергія, а источникъ той и другой.

Иначе говоря: то, что считается матеріей, переходитъ въ энергію, а то, что считается энергіей, переходитъ въ матерію. Мы, стало быть, стоимъ наканунѣ развеществленія (дематеріализаціи) вещества и обвеществленія (матеріализаціи) энергіи.

Итакъ, электронъ является связующимъ звеномъ между матеріей и энергіей. Это новое элементарное понятіе разрушаетъ, такимъ образомъ, тотъ старый дуализмъ, ту непроходимую пропасть, которая существовала между понятіями матеріи и энергіи и которая составляла одну изъ элементарнѣйшихъ истинъ всего естествознанія. Самые фундаментальные и общіе законы природы—законъ сохраненія матеріи и законъ сохраненія энергіи—нуждаются, стало быть, въ новой формулировкѣ.

Эти блестящія мысли, впрочемъ, были высказаны уже давно, въ 1879 году, знаменитымъ изслѣдователемъ катодныхъ лучей, англійскимъ физико-химикомъ Вильямомъ Круксомъ. Изучая прохожденіе электричества сквозь разрѣженные газы, Круксъ высказалъ гипотезу о томъ, что лучи, исходящіе изъ отрицательнаго полюса трубки, изъ катода, представляютъ собою потокъ отрицательно заряженныхъ частичекъ. Въ настоящее время извѣстно, что эти частички представляютъ собою чистые электроны безъ матеріи.

Электронная теорія представляетъ всѣ выгоды простоты, ибо она стремится къ обнаруженію единой субстанціи—субстанціи электроновъ. А если такъ, то всѣ проблемы механики должны быть замѣнены проблемами электромагнетизма.

должны быть разсматриваемы съ электромагнитной точки зрѣнія.

V. Матерія, какъ концентрированная энергія.

Итакъ, въ настоящее время надо считать уже неподлежащимъ никакому сомнѣнію, что связующимъ звеномъ между матеріей и энергіей является электричество. Но, съ электромагнитной точки зрѣнія, эта связь раскрываетъ и глубокую аналогію между этими двумя основными, элементарными понятіями; аналогія эта даже настолько глубока, что она чуть не обращается въ тождество.

Чтобы показать, насколько это справедливо, сопоставимъ основныя свойства матеріи съ основными свойствами энергіи съ электромагнитной точки зрѣнія.

Матерія, какъ всѣмъ извѣстно, всегда занимаетъ опредѣленное мѣсто въ пространствѣ, она имѣетъ объемъ и плотность. Съ точки зрѣнія новѣйшихъ изслѣдованій, энергія также занимаетъ опредѣленное мѣсто,—она, какъ принято теперь говорить, *локализована*; она занимаетъ опредѣленный объемъ и имѣетъ легко вычисляемую плотность.

Переходъ матеріи съ одного мѣста въ другое происходитъ и въ пространствѣ и во времени непрерывно. То же самое надо считать доказаннымъ и для энергіи.

Далѣе. Опредѣленное количество матеріи, согласно „закону сохраненія матеріи“, не можетъ исчезнуть въ одномъ мѣстѣ и вдругъ появиться въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, а постепенно проходитъ всѣ промежуточныя положенія, отъ начальнаго до конечнаго. Согласно „закону сохраненія энергіи“, то же въ точности справедливо и для энергіи.

Наконецъ, когда матерія движется, она, какъ извѣстно, обладаетъ энергіей движенія или *кинетической энергіей*, такъ что если остановить матерію въ ея движеніи, то ощущается толчокъ или давленіе. Новѣйшія же изслѣдованія показали, что для приведенія въ движеніе данной энергіи требуется затратить еще добавочную энергію, а если затѣмъ попробовать остановить движущуюся энергію, то тоже ощущается толчекъ или давленіе, какъ будто энергія обладаетъ *инерціей или массой*.

Какъ видно, всѣ перечисленныя свойства матеріи и энергіи настолько одинаковы, аналогичны, что вполнѣ основательно поставить вопросъ: да можемъ ли мы вообще отличить матерію отъ энергіи?

Выше уже было сказано, что электромагнитная энергія оказалась обладающей инерціей, массой. Что касается лучистой энергіи, т.-е. свѣта, теплоты и др., то ея электромагнитная природа не подлежитъ никакому сомнѣнію, а въ такомъ случаѣ и она должна быть матеріализована, обвеществлена.

Дѣйствительно, нельзя установить принципіальнаго различія между лучистой энергіей, несущейся въ пространствѣ со скоростью свѣта, т.-е. 300.000 километровъ въ секунду, и кинетической энергіей тѣла, несущейся со скоростью этого тѣла. Отсюда заключеніе: *лучистая энергія обладаетъ массой*.

Всѣ наши новѣйшіе опыты подтверждаютъ тождество массы инерціи и массы тяготѣющей,—отсюда поразительные выводы: масса лучистой энергіи представляетъ собою и тяготѣющую массу!

Разъ это такъ, то намъ необходимо признать, что излученіе не только охлаждаетъ матеріальный міръ, какъ мы это знали до сихъ поръ, но оно уноситъ изъ него и массу. Такъ, напримѣръ, на основаніи вычисленій приходится допустить, что одинъ квадр. сант. поверхности тѣла, имѣющаго температуру солнца, теряетъ въ теченіе года излученіемъ массу въ одинъ миллимиллиграммъ.

Идеи эти такъ странны, такъ удивительны, что, если бы онѣ были высказаны лѣтъ 15—20 тому хотя бы самымъ выдающимся физикомъ, онѣ считались бы самыми абсурдными, невѣроятными, и на нихъ не обратили бы никакого вниманія. Разработка этихъ взглядовъ еще не закончена, и потому, конечно, мнѣнія во многихъ пунктахъ еще расходятся. Несмотря на это, онѣ оказались весьма плодотворными, за самое короткое время значительно расширили и видоизмѣнили наше представленіе о природѣ, о матеріи и энергіи.

Наиболѣе признаннымъ въ настоящее время слѣдуетъ считать представленіе знаменитыхъ нѣмецкихъ физиковъ В. Вина и Ленарда, исходящее изъ признанія электронной теоріи, и А. Эйнштейна, основанное на принципѣ относительности [1]), а именно: масса тѣла есть электрическая и магнитная энергія его электроновъ. Такъ какъ всякая матерія состоитъ изъ электроновъ, то отсюда слѣдуетъ, что масса и энергія, въ сущности, не различаются между собою. Матерія есть энергія электроновъ; слѣдовательно, масса и энергія должны быть равнозначащи, эквивалентны, какъ, напримѣръ, теплота и механическая работа.

Вообще говоря, въ настоящее время все, повидимому, приводитъ къ тому заключенію, что то, что мы называемъ матеріей, есть выраженіе, такъ сказать, концентрированной энергіи, и что въ электронѣ мы имѣемъ новую реальность, которая познается не какъ матерія и какъ энергія, а какъ источникъ той и другой. А если такъ, то матерія и энергія—двѣ стороны одной и той же сущности. Такъ законъ сохраненія энергіи сливается съ закономъ сохраненія матеріи.

Посмотримъ теперь, какое вліяніе оказываютъ новѣйшія идеи на постановку и рѣшеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ проблемъ, касающихся философіи природы, натурфилософіи. Вліяніе этихъ идей въ этой интересной области громадно.

Разъ „матерія" строится изъ „электричества", то матерія исчезаетъ. Это не значитъ, разумѣется, что наука отрицаетъ вещественный міръ, независимый отъ нашего сознанія,—это означаетъ только, что отодвигается тотъ предѣлъ, до котораго мы знали матерію;

[1]) См. мою статью: „Переворотъ въ научномъ міропониманіи" въ майской книгѣ „Новой Жизни".

исчезаютъ такія свойства матеріи, какъ непроницаемость, масса и энергія и т. п., которыя казались раньше первоначальными и неизмѣнными; теперь эти свойства признаются лишь относительными, присущими лишь нѣкоторымъ состояніямъ матеріи. Новыя научныя идеи вносятъ, такимъ образомъ, значительныя измѣненія въ наши философскія ученія.

Старый „метафизическій матеріализмъ", признававшій неизмѣнные элементы, „неизмѣнную сущность вещей", падаетъ съ торжествомъ новой теоріи. Но это, разумѣется, не значитъ, что побѣда осталась за идеализмомъ, потому что новая теорія нисколько не ослабляетъ позиціи философскаго „діалектическаго матеріализма", такъ какъ ею нисколько не поколеблено то основное „свойство" матеріи, съ признаніемъ котораго связанъ послѣдній: свойство быть объективно реальной, существовать внѣ нашего сознанія. Наоборотъ, „діалектическій матеріализмъ" всегда настаивалъ на относительномъ характерѣ всякой научной теоріи о строеніи вещества, такъ какъ объектъ науки—будь то „самый маленькій атомъ"—безконеченъ и неисчерпаемъ.

VI. Атомы энергіи.

Выше я попытался показать, насколько аналогичны, сходны свойства матеріи и энергіи. Но все-таки можно подумать, что нѣкоторое различіе между матеріей и энергіей все-таки имѣется, такъ какъ мною сопоставлены между собою не всѣ свойства матеріи и энергіи. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что матерія состоитъ изъ цѣлаго ряда отличныхъ другъ отъ друга веществъ, которыя называются элементами, энергія же можетъ легко переходить изъ одного вида въ другой. Однако, приходится признать, что превращать энергію изъ одной формы въ другую мы научились сравнительно недавно, умѣніе же превращать химическіе элементы другъ въ друга есть только вопросъ времени, такъ какъ— надо считать фактомъ — уже теперь знаменитыми англійскими радіологами Вильямомъ Рамзаемъ и Фредерикомъ Содди изъ радія полученъ элементъ гелій.

Можно сказать, наконецъ, что матерія, какъ уже давно принималось, атомистична, состоитъ изъ отдѣльныхъ частичекъ, и то же самое нужно сказать про электричество, тогда какъ энергія, именно съ электромагнитной точки зрѣнія, распространяется въ пространствѣ непрерывно. Но вотъ въ самое послѣднее время нѣкоторыя явленія лучеиспусканія (напримѣръ, явленіе фотоэлектрическаго эффекта) и чисто теоретическія изысканія ставятъ на очередь вопросъ: не начать ли намъ и энергію дѣлить на атомы?..

Что же мы можемъ сказать объ „атомахъ энергіи"?

Было указано, что въ послѣднее время физики начинаютъ приходить къ заключенію, что электромагнитная энергія, однимъ изъ видовъ которой является лучистая энергія, „матеріализована", т.-е. существуетъ и распространяется, не нуждаясь ни въ какомъ носителѣ, въ видѣ самостоятельныхъ образованій, подобныхъ элементамъ матеріи. Исходя изъ этой идеи, талантливый нѣмецкій фи-

зикъ Максъ Планкъ прекрасно развиваетъ свою теорію распространенія лучистыхъ формъ энергіи *)—теорію, которую поддерживаютъ и дополняютъ такіе крупные физики, какъ Дж. Дж. Томсонъ, Альбертъ Эйнштейнъ и Штаркъ. Согласно этой теоріи, лучистая энергія, подобно матеріи, подобно электричеству, состоитъ изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, атомовъ, „элементарныхъ количествъ энергіи". Такіе „атомы энергіи" находятся въ колебательномъ движеніи, испуская или поглощая колебаніе. Такимъ образомъ, свѣтъ распространяется въ видѣ частичекъ, изъ которыхъ каждая несетъ съ собою извѣстное количество энергіи. Свѣтъ, значитъ, не непрерывенъ; энергія въ немъ распредѣлена неравномѣрно. Есть мѣста, въ которыхъ, такъ сказать, энергія сконденсирована, но есть и мѣста, лишенныя энергіи. Въ виду этого можно придти къ мысли, что потокъ волны свѣта не распространяется правильными непрерывными волнами, а состоитъ какъ-бы изъ отдѣльныхъ и разрозненныхъ другъ отъ друга струй.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, „атомистическая теорія свѣта", предложенная взамѣнъ „волнообразной теоріи мірового эфира", не могущей объяснить нѣкоторыхъ новыхъ опытовъ и наблюденій. Какъ не трудно видѣть, она напоминаетъ собою теорію истеченія (эмиссіонную теорію) Ньютона, давно уже всѣми оставленную. Равница между послѣдней и современными возврѣніями та, что, согласно послѣднимъ, испускаемыя нагрѣтымъ тѣломъ частицы не являются матеріальными, а представляютъ собою только концентрацію энергіи. Все это требуетъ измѣненія существующей теоріи свѣта; оно необходимо еще и потому, что на основаніи электронной теоріи и принципа относительности цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ вообще начали требовать совершеннаго изгнанія матеріальнаго свѣтового эфира изъ картины міра. А такъ какъ по новѣйшимъ научнымъ даннымъ инерція имѣетъ всецѣло электромагнитный характеръ, атомы энергіи можно разсматривать и какъ атомы матеріи, то какъ бы возстанавливается въ новомъ видѣ теорія истеченія. Однако, ей еще пока приходится сталкиваться съ большими затрудненіями.

Изложенное показываетъ намъ, какая поразительная метаморфоза произошла въ послѣднее время въ области физическаго міропониманія. Еще лѣтъ десять тому назадъ многіе крупные теоретики—Вильгельмъ Оствальдъ, Анри Пуанкарэ, Эрнстъ Махъ, Пьеръ Дюгемъ—были такъ недовѣрчиво и враждебно настроены по отношенію къ атомистикѣ, что даже появилась попытка (Оствальда) изложить основные факты химіи безъ помощи атомистической теоріи. Теперь, благодаря многочисленнымъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ, положеніе ве-

*) Планкъ прекрасно доказалъ, что какъ можно говорить о температурѣ, теплоемкости и о степени качественнаго измѣненія или „обезцѣненія" энергіи, т. е. энтропіи матеріальной массы, такъ же можно говорить и о температурѣ, теплоемкости и энтропіи лучистой энергіи. Это-то и послужило ему исходнымъ пунктомъ для разработки его теоріи распространенія лучистой энергіи.

щей такъ рѣзко измѣнилось, что атомистику приходится признать экспериментально обоснованнымъ ученіемъ. Даже самъ Оствальдъ убѣдился, что атомы — не фантазія, а реальность, а Пуанкарэ уже счелъ нужнымъ выразиться, что „атомы—уже не воображаемыя вещи, теперь мы ихъ можемъ сосчитать". Но всего поразительнѣе то, что новѣйшія изслѣдованія обѣщаютъ сдѣлать и самую энергетику своего рода преобразованной и утонченной атомистикой...

Считаю нужнымъ еще разъ замѣтить, что главное значеніе этихъ новыхъ воззрѣній заключается не только въ томъ, что мы благодаря имъ получаемъ ясное представленіе объ извѣстныхъ фактахъ, но въ томъ, что они вносятъ единство въ наше міровоззрѣніе, найдя общность и однородность тамъ, гдѣ доселѣ видѣли лишь отличіе и противоположность. А въ достиженіи единства и заключается главная задача науки.

VII. Электромагнитная картина міра.

Теперь мы подошли къ главному вопросу, насъ здѣсь занимающему: какое міровоззрѣніе слѣдуетъ въ настоящее время признать наиболѣе пріемлемымъ— старое механическое или какое-нибудь другое, новое?

Результатомъ присущаго человѣку стремленія охватить всѣ явленія міра одной формулой является то, что, какъ мы уже видѣли, до послѣднихъ лѣтъ ученые стремились найти механическое объясненіе всѣхъ физическихъ явленій, На этомъ пути, напримѣръ, Френель далъ механическую теорію свѣта. Такая попытка была естественна, такъ какъ механическія явленія повседневно дѣйствуютъ на наши чувства и гораздо болѣе привычны для насъ, чѣмъ явленія другого характера, напр.,—явленія электрическія.

Соотвѣтственно этому и электромагнитныя явленія старались объяснять съ точки зрѣнія механики. Однако, эти попытки, несмотря на всѣ старанія физиковъ, не привели ни къ какому удовлетворительному результату, и міръ электромагнитный остался чѣмъ-то чужимъ, внѣшнимъ по отношенію къ матеріи. Отсюда возникла необходимость изслѣдовать тщательно главную міровую субстанцію—эѳиръ, считавшійся источникомъ электромагнитныхъ явленій. Въ результатѣ такихъ изслѣдованій эѳиру пришлось приписать такія фантастическія свойства, другъ другу противорѣчащія, что цѣлый рядъ выдающихся изслѣдователей, какъ Эйнштейнъ, Корбино, Кэмпбелль, Лауэ, Планкъ, Наторпъ, Классенъ и многіе другіе, рѣшили, что современная физика должна стараться обойтись совершенно безъ эѳира, что слово «эѳиръ» должно быть замѣнено словомъ «вакуумъ», т.-е. «пустота»*).

Существованіе матеріальнаго мірового эѳира является постулатомъ механическаго міровоззрѣнія, согласно которому, гдѣ есть энергія, тамъ есть движеніе, а гдѣ есть движеніе, тамъ должно быть

*) См. мою статью «Переворотъ въ физическомъ міропониманіи». «Новая жизнь», май.

что-то, что движется. Отказавшись отъ признанія существованія матеріальнаго мірового эѳира, мы, стало быть, отказываемся и отъ признанія всеобъемлемости механическаго міровоззрѣнія.

Далѣе, въ самое послѣднее время мы являемся свидѣтелями возникновенія новой науки, «новой механики», разрушающей основы механики Ньютона. Не соглашаясь съ послѣдней, она учитъ, что масса тѣлъ не есть постоянная величина, а зависитъ отъ скорости ихъ движенія, и что никакая скорость въ мірѣ не можетъ быть больше скорости свѣта, т.-е. больше 300.000 километровъ въ секунду. Она намъ говоритъ, что проблемы, рѣшаемыя классической механикой, всѣ заключены въ предѣлахъ одного частнаго случая, а именно—того случая, когда скорость мала по сравненію со скоростью свѣта. Къ этому случаю относятся не только скорости, получаемыя здѣсь, на землѣ, но и всѣ скорости небесныхъ тѣлъ. При такихъ условіяхъ массу можно практически считать постоянной и нѣтъ нужды мѣнять что-либо въ механикѣ, принятой до сихъ поръ. Но благодаря этой «новой механикѣ» несомнѣннымъ становится выводъ, что законы механики имѣютъ для матеріи весьма относительное, условное значеніе и что поэтому на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на фундаментальные законы природы.

Въ самое послѣднее время Ванъ-деръ-Ваальсъ поднялъ старый основной, когда-то еще Штурмомъ Лейбницу поставленный, вопросъ о томъ, въ чемъ, въ сущности, состоитъ внутренняя сила движущихся тѣлъ, иначе говоря,—въ чемъ заключается «живая сила движенія».

Этотъ важный вопросъ сводится къ тому, какимъ образомъ движеніе, имѣвшее мѣсто до даннаго момента, можетъ оказать вліяніе на движеніе послѣ даннаго момента. Лейбницъ полагалъ, что сила эта, какъ и существованіе души, «можетъ быть ясно воспринимаема, но не можетъ быть понятнымъ образомъ объяснена», что «сила принадлежитъ къ тѣмъ вещамъ, которыя мы постигаемъ не представленіемъ, а пониманіемъ».

Ванъ-деръ-Ваальсъ полагаетъ, что въ настоящее время уже можно дать опредѣленный отвѣтъ на этотъ фундаментальный вопросъ. Отвѣтъ этотъ таковъ: прошедшее движеніе проявляется въ данный моментъ въ измѣнившемся состояніи среды (электромагнитнаго поля), которое обусловливаетъ дальнѣйшее движеніе въ послѣдующій моментъ.

Этотъ отвѣтъ, вмѣстѣ со всѣми фактами, собранными въ послѣднее время, логически приводитъ къ тому заключенію, что вмѣсто того, чтобы дать механическое объясненіе электромагнетизма, необходимо дать, напротивъ, такъ сказать, электромагнитное объясненіе матеріи и движенія и ввести самое механику въ электромагнетизмъ...

Что это заключеніе кажется еще очень смѣлымъ и страннымъ, что оно въ нѣкоторомъ родѣ переворачиваетъ вверхъ дномъ наши привычныя понятія и представленія — съ этимъ должны, несомнѣнно, согласиться всѣ. Но всѣ должны также согласиться и съ тѣмъ, что это

заключеніе само-собою вытекаетъ изъ всѣхъ данныхъ, собранныхъ до настоящаго времени въ области физики.

Въ самомъ дѣлѣ, электронъ является источникомъ матеріи и энергіи и имѣетъ всецѣло электромагнитную природу. Въ такомъ случаѣ механика есть лишь особый видъ явленій электромагнетизма, какъ свѣтъ, теплота, магнетизмъ и т. д., т.-е. законы механики оказываются лишь частными случаями болѣе общихъ законовъ электромагнетизма. Приходится, слѣдовательно, признать, какъ это ни страннымъ и маловѣроятнымъ должно казаться, что ученіе объ электромагнетизмѣ является элементарнымъ и основнымъ и оно должно быть взято за отправную точку для того, чтобы построить теорію физическихъ явленій!

Такъ мы приходимъ къ новому міровоззрѣнію—къ «электромагнитному міровоззрѣнію», къ «электромагнитной картинѣ міра», грубо отличной отъ матеріальной, механической картины міра.

Въ механической картинѣ міра мы имѣли три отличныхъ основныхъ элементарныхъ понятія, при помощи которыхъ старались объяснить всѣ явленія міра: матерію, энергію и эѳиръ. Нынѣ же, въ электромагнитной картинѣ міра, все упростилось до крайности, и намъ приходится считать установленнымъ только одно понятіе—электроны; на электронахъ и вызываемыхъ ими электромагнитныхъ явленіяхъ должна, повидимому, быть построена физическая картина міра. Къ этому примыкаютъ новыя, какъ мы видѣли, не вполнѣ еще разработанныя идеи объ энергіи, какъ о самодовлѣющемъ субстратѣ, испускаемомъ тѣлами и распространяющемся въ пространствѣ со скоростью свѣта,—идеи объ «атомахъ энергіи».

Изложенныя здѣсь воззрѣнія еще не вполнѣ установились. Окончательное ихъ подтвержденіе могутъ дать намъ только тщательныя опытныя изслѣдованія. Но, какъ бы то ни было, мы должны признать, что мы въ настоящее время стоимъ на порогѣ новаго міровоззрѣнія, именно—электромагнитнаго міровоззрѣнія.

Предположимъ, что электромагнитное міровоззрѣніе получитъ полное подтвержденіе. Тогда физика измѣнится до самаго своего основанія: ея прежнія фундаментальныя понятія, какъ постоянная масса и твердое тѣло, будутъ разжалованы въ практически годныя приближенія. «Такимъ образомъ, обнаружится,—заключаетъ физикъ Э. Конъ,—что міровое зданіе не столь просто, какъ намъ казалось. Но наша картина міра станетъ болѣе цѣлостной, чѣмъ раньше: электричество и механика сольются въ ней въ одно цѣлое, но наиболѣе тонкія ея черты будутъ имѣть электрическое происхожденіе».

Тѣ, кто не вполнѣ еще свыкся съ этими идеями, могутъ возразить, что электромагнетизмъ все же остается тайной и что, стало быть, новыя теоріи находятся на невѣдомой основѣ. Это—совершенно вѣрно: мы не знаемъ еще первопричины электричества и магнетизма. Но, вѣдь, въ механическихъ теоріяхъ прежняго слово «матерія» заключало въ себѣ не менѣе глубокую тайну. Развѣ

смыслъ слова «масса» становится болѣе яснымъ, когда говорятъ о матеріальной массѣ?

Электромагнитная картина міра представляетъ, во всякомъ случаѣ, всѣ выгоды простоты и уже успѣла оказать физикѣ громадныя услуги.

VIII. Общій духъ новой физики.

Теоріи механической физики выдавали себя за объясненія матеріальнаго міра Онѣ воображали, что, диссекируя видимыя качества, представляемыя намъ опытомъ, онѣ вскрываютъ внутреннее строеніе тѣлъ и выявляютъ первопричину ихъ свойствъ. Само собою разумѣется, что у новой физики нѣтъ такихъ претензій. Новая физика разсматривается, какъ функція опыта и, слѣдовательно, въ любой моментъ *относительная къ этому опыту, она не думаетъ проникнуть въ познаніе тѣлесныхъ качествъ глубже того, что раскрываетъ намъ анализъ фактовъ опыта.*

Наши чувства воспринимаютъ лишь поверхность вещей. То, что лежитъ подъ этой поверхностью, останется для насъ, безъ сомнѣнія, всегда неизвѣстнымъ. „Если бы какой-нибудь высшій интеллектъ, — говоритъ извѣстный французскій физикъ и философъ *Пьеръ Дюгемъ*,—захотѣлъ раскрыть намъ эту скрытую сущность вещей, мы бы, вѣроятно, ея не поняли, а если бы мы и поняли ее, то мы не могли бы выразить и дать понять ее нашимъ ближнимъ. Наконецъ, если бы мы и постигли сущность вещей, то это было бы для насъ практически безполезно, ибо наши средства дѣйствія, координированныя съ нашими средствами познаванія, позволяютъ намъ такъ же мало видоизмѣнить сущность вещей, какъ и понять ее. Новая физика не будетъ ставить себѣ цѣлью открыть намъ эту сущность вещей; ея намѣренія скромнѣе и въ то же время приличнѣе. Ея цѣль— помочь нашей дѣятельности овладѣть міромъ матеріи, чтобы водоизмѣнить его и подчинить нашимъ потребностямъ".

Новыя идеи оказались весьма плодотворными въ различныхъ отношеніяхъ и привели къ открытію важныхъ законовъ. Но приводятъ ли онѣ къ окончательному результату, къ опредѣленной цѣли? Иными словами: этотъ прогрессъ— упроститъ ли онъ науку, уменьшитъ ли число ея главъ, обобщитъ ли пестрое разнообразіе физическихъ явленій въ одну формулу? Я позволю себѣ усомниться въ этомъ. Прогрессъ науки представляетъ собою часть эволюціи жизни, а всякая жизненная эволюція характерна именно тѣмъ, что приводитъ къ наростанію сложности цѣлаго и въ то же время къ все болѣе и болѣе совершенному подчиненію частностей этому цѣлому.

Я хочу сказать, что число главъ, посвященныхъ свѣту, электричеству, магнетизму и подобнымъ факторамъ, не будетъ уменьшаться; число элементовъ, не приводимыхъ къ одному началу, можетъ быть, уменьшится въ силу новыхъ открытій. Но число извѣстныхъ соотношеній, равно какъ и роль математики, безъ сомнѣнія, будетъ возрастать; координація и упрощеніе могутъ произойти

лишь въ формѣ математическихъ соотношеній.

Непрерывная эволюція, вѣчное измѣненіе—необходимое условіе какъ жизни, такъ и науки. Поэтому въ физикѣ никогда не можетъ быть системы, которая считалась бы непреложной, неизмѣнной, постоянной, и явленія природы всегда будутъ понимаемы не съ одной стороны, а съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Какъ видитъ читатель, наука о явленіяхъ физическаго міра по-прежнему зоветъ насъ все къ новымъ и новымъ изысканіямъ, постепенно расширяя передъ нами поле изслѣдованія и открывая намъ все болѣе и болѣе безбрежные горизонты. И въ этомъ наше счастье! Лессингъ сказалъ: „Если бы Богъ предложилъ мнѣ на выборъ въ правой рукѣ всю истину, а въ лѣвой единое, вѣчное стремленіе къ истинѣ, соединенное съ постоянными заблужденіями, я принялъ бы во вниманіе, что сама истина существуетъ только для Бога, и почтительно попросилъ бы его отдать мнѣ то, что лежитъ въ Его лѣвой рукѣ“. Мысль эта, несомнѣнно, одна изъ вѣрнѣйшихъ. Скучной показалась бы намъ жизнь, если бы мы вдругъ все узнали и намъ больше не надъ чѣмъ было бы мыслить и работать, если бы мы больше не могли искать, блуждать и открывать новые пути, новые горизонты въ безконечно увлекательной области знанія!

Вмѣстѣ съ французскимъ философомъ Леви-Брюлемъ намъ необходимо сказать: „Нельзя сказать, что въ наукѣ истина уже есть, она только постоянно дѣлается все болѣе и болѣе полной, все болѣе и болѣе точной“.

Такимъ образомъ, и мы можемъ, по крайней мѣрѣ, безконечно приближаться къ истинѣ, не достигая ея вполнѣ.

Г. А. Гурьевъ.

Происхожденіе и культурная цѣнность сектантства.

Если родоначальники религіозной нетерпимости видѣли причину самовольныхъ отдѣленій отъ церкви въ грѣховной гордости заблуждающихся, то современные изслѣдователи выдвигаютъ вѣковыя противорѣчія неудовлетворяющей народа церкви, какъ основную причину неотразимаго развитія сектантства. Ростутъ и множатся вольнодумныя ереси по всему лицу земли Русской, всходятъ новые живучіе ростки самочиннаго богоискательства, плодятся неудержимо и безостановочно.

Давно заражены сектантскимъ мудрованіемъ и Финляндія, и Кавказъ. Одинъ изъ популярныхъ финляндскихъ писателей (Рунебергъ) объясняетъ распространяющееся среди финновъ „съ быстротою лѣсного пожара“ сектантское движеніе склонностью ихъ къ размышленіямъ о духовной жизни, желаніемъ внести новую жизнь въ старыя окаменѣвшія формы и недовольствомъ рутиннымъ характеромъ оффиціальной церкви. Старая, но не старѣющая истина. „Происходящее на нашихъ глазахъ почти повсемѣстное религіозное движеніе вызывается, главнымъ образомъ, полнымъ духовно-нравственнымъ неудовлетвореніемъ; ни оффиціальная школа, ни оффиціальная церковь не удовлетворяютъ народа, онъ видитъ въ нихъ лишь мундиръ и казенщину“,—писалъ въ 1881 году извѣстный изслѣдователь Пругавинъ. Такъ было еще въ началѣ вицъ-мундирнаго патріархата К. П. Побѣдоносцева. И. С. Аксаковъ въ статьѣ своей о расколѣ, написанной еще въ 1852 году, указываетъ на „казенный характеръ церкви“ и „отвращеніе отъ церкви, внушаемое духовенствомъ“, какъ на главные факторы разростанія раскола. Такъ писалъ умѣренный славянофилъ въ суровые заключительные годы николаевскаго режима. „Пытливые запросы народнаго ума, страстные, альтруистическіе порывы сердца, души не находятъ отклика, иногда не находятъ отвѣта ни среди духовныхъ, ни среди свѣтскихъ учителей и пастырей“.

Въ неотразимомъ развитіи критической мысли безграмотный русскій крестьянинъ направляетъ свой взоръ туда, гдѣ разладъ между идеей и реальнымъ ея осуществленіемъ выступаетъ наиболѣе рѣзко: „Проповѣдь безсеребрія— и постоянная забота о вознагражденіи

нравственности и порою отсутствіе таковой въ проповѣдникѣ, святость богослуженія и таинствъ, — и безучастное отношеніе къ нимъ со стороны священника, все это не можетъ не поразить мужика",—читаемъ въ „Программѣ для собиранія свѣдѣній о сектантствѣ". Русскіе сельскіе пастыри, формально относящіеся къ священнымъ обязанностямъ, не встрѣчаютъ живого сочувствія у многихъ простолюдиновъ, приносящихъ въ храмъ вмѣсто формулированной молитвы—вздохъ наболѣвшей груди. „Духовенство наше не только литературно не образовано", — пишетъ въ 1911 году В. В. Розановъ,—„но оно и психологически не развито... Оно не научило народъ деревни и села упорядоченной и трудолюбивой трезвой жизни. Духовенство настолько занято... своею собственной церковной исторіей, истекшей и текущей, неудовольствіями и затрудненіями въ своихъ отношеніяхъ къ свѣтской власти, отъ которой зависимо, что... если что и читаетъ, то сочиненія другъ друга о разныхъ духовныхъ предметахъ; это—серьезные; менѣе серьезные читаютъ газеты и низменную беллетристику" („Л. Н. Толстой и русская церковь", ср. стр. 8 и 9).

Всѣ эти неприглядныя тѣневыя стороны духовенства объясняются отчасти ея національно-государственнымъ характеромъ. Наша русская жизнь свою цивилизацію, свои первые зачатки политическихъ, гражданскихъ и общественныхъ отношеній получила изъ Византіи. Въ Византіи же отношенія государства къ церкви заключались въ безусловномъ господствѣ перваго надъ второй. У насъ, въ Россіи, процессъ подчиненія церкви государству шелъ хотя и медленно, но безостановочно crescendo, и Петръ Первый этотъ процессъ лишь ускорилъ и завершилъ. Московскіе самодержцы слѣдовали не всегда сознательно, но всегда настойчиво этой традиціи. Съ теченіемъ времени патріархъ низводится на степень простой креатуры царской власти, а цари, напр., Павелъ, именуются „главою церкви". Церковь превращается отчасти въ приказное вѣдомство и становится отраслью бюрократическаго управленія; священники же, какъ чиновники, подчинены оберъ-прокурору и жалуются разными наградами и орденами. Оффиціальные акты XVIII вѣка беззастѣнчиво называютъ служителей алтаря—„правительственной командой"...

Тѣ этапы, которые прошла православная церковь по пути подчиненія свѣтской власти, прекрасно охарактеризованы Владиміромъ Соловьевымъ: „Сначала, при Никонѣ, она (церковь) тянулась за государственной короной, потомъ крѣпко схватилась за мечъ государственный и, наконецъ, принуждена была надѣть государственный мундиръ. Конечно, въ полицейскомъ государствѣ этотъ мундиръ былъ мундиромъ полицейскаго чиновника"...

Никогда католическій Западъ не видѣлъ въ лицѣ духовенства такихъ покладливыхъ и такихъ ревностныхъ служителей свѣтской власти, какими бывали иногда представители русскаго церковнаго клира. Нашимъ сельскимъ пастырямъ запрещали касаться съ амвона интересовъ акцизнаго вѣдомства,—и они никогда не подрывали своимъ пропо-

вѣдническимъ словомъ доходы винныхъ откупщиковъ...

Экономическія причины развитія русскаго сектантства рѣзко сказываются съ пришествіемъ въ деревню капитала, начавшимся еще до манифеста 19 февраля 1861 года, и развитіемъ промышленности, отвлекающей крестьянина отъ прежняго привычнаго образа жизни. Обезземеленіе народной массы, это, по выраженію проф. А. И. Чупрова, юридическое насиліе, развившее сельскій и фабричный пролетаріатъ, погрузило народъ въ пропасть неоплатныхъ долговъ.

Изъ безпросвѣтныхъ трудовъ будней русскому крестьянину открываются два психологическихъ выхода: или нѣмая фаталистическая покорность, которую Толстой справедливо объясняетъ десятилѣтіями духовнаго и матеріальнаго недоѣданія, или „самочинное умствованіе"— религіозное и политическое. „Читаетъ мужикъ евангеліе,—говоритъ Пругавинъ въ другомъ мѣстѣ,—которое все болѣе и болѣе проникаетъ въ деревню; въ евангеліи говорится о любви, о правдѣ, о мірѣ, о братствѣ. И вотъ въ душѣ народа зарождается и вспыхиваетъ горячее, страстное желаніе во что бы то ни стало найти такую правую вѣру, при которой были бы невозможны проявленія насилія, найти правду, которая спасла бы міръ, спасла людей отъ зла, грѣха, обидъ и притѣсненій". Этой потребностью и этимъ исканіемъ объясняется, конечно, преобладаніе въ русскомъ сектантствѣ гражданскаго оппозиціоннаго элемента, красною нитью проходящаго во всей исторіи нашего раскола.

Такимъ образомъ, вторымъ, послѣ развитія критической мысли въ чисто религіозной сферѣ, факторомъ развитія русскаго еретичества является стремленіе создать новыя формы общинной жизни, „является потребность осмыслить свою жизнь и обосновать на разумѣ свои отношенія къ Богу, міру и людямъ. Работа трудная, непосильная даже людямъ интеллигенціи, но въ народѣ она идетъ успѣшно, конечно, только у немногихъ сильныхъ умовъ. Въ народѣ лучшіе умы смѣло идутъ навстрѣчу этимъ вопросамъ и рѣшаютъ ихъ. Эти лучшіе умы и составляютъ главный контингентъ членовъ новыхъ сектъ", — говоритъ „Программа для собиранія свѣдѣній о русскомъ сектантствѣ".

„Нравственное повышеніе личности (являющееся слѣдствіемъ появленія евангелія въ деревнѣ) переноситъ тѣ же требованія и на семью. Такъ, у молоканъ и штундистовъ находимъ признаніе личности и ея правъ во всѣхъ членахъ семьи, а потому и равноправіе половъ". Демократизація общественная была неразлучной спутницей и европейскаго движенія протестантизма, пока лютеранство и кальвинизмъ не измѣнили своему первоначальному свободолюбивому знамени.

Естественнымъ результатомъ нравственнаго перерожденія является то обстоятельство, что сектанты въ каждомъ человѣкѣ видятъ прежде всего человѣка, а не купца, барина и священника, что они въ каждомъ человѣкѣ выше всего цѣнятъ его нравственное достоинство. Сознаніе солидарности въ людскихъ отношеніяхъ, развиваясь, превращается

въ сознаніе братства всѣхъ людей. Изъ идеи братства всѣхъ людей возникаетъ стремленіе къ устройству общинъ съ дружнымъ артельнымъ трудомъ и распредѣленіемъ продуктовъ по потребностямъ.

А. С. Пругавинъ, несомнѣнно, сгущаетъ краски, идеализируя артельную предпріимчивость русскихъ религіозныхъ диссидентовъ и въ неподдѣльномъ увлеченіи преувеличивая подъемъ христіанскаго настроенія въ массѣ народа, вызванный появленіемъ въ деревнѣ евангелія, но онъ неопровержимъ, когда ставитъ развитіе сектантскаго движенія въ непосредственную зависимость отъ вѣковыхъ экономическихъ факторовъ.

„Сектантскія артели имѣютъ такую нравственную силу, благодаря которой работники во всемъ, касающемся религіозныхъ убѣжденій, могутъ противодѣйствовать хозяину", — говоритъ Беллюстинъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (1865 г., № 6). Въ этомъ отношеніи вполнѣ умѣстно сравненіе раскола съ федераціей политико-религіозныхъ согласій. „Дичась просвѣщенія, проповѣдуемаго правительствомъ, или вовсе лишенные возможности просвѣщаться свободно и безбоязненно,—говоритъ И. С. Аксаковъ о неудовлетвореніи другой, не менѣе настоятельной, потребности народа,— крестьяне, одаренные духовными талантами и жаждущіе приложить свои силы къ трудамъ умственнымъ, при недовѣріи къ обществу, правительству и духовенству, большею частью обращаются въ расколъ, предоставляющій имъ обширное поле для дѣятельности. Они бѣгутъ къ раскольникамъ въ лѣса и пустыни, гдѣ находятъ всѣ пособія для свободнаго общенія мысли и слова".

Одинъ молодой способный раскольникъ, дворовый человѣкъ, бѣжавшій отъ своего помѣщика въ Пошехонскіе лѣса и впослѣдствіи схваченный полиціей, отвѣчалъ на вопросы о причинахъ побѣга почти тѣми же словами, которыми говоритъ раскольничья пѣсня:

> Душа своей пищи дожидается,
> Душѣ надо жажду утолити,
> Потщися душу свою гладну не оставити.

Онъ упорно отказывался повѣрить словамъ чиновниковъ земской полиціи, что у него не простая душа, а душа ревизская, которой по закону духовной пищи не полагается...

Традиціоннымъ мнѣніемъ писателей, поверхностно знакомыхъ съ бытовой стороной русскаго сектантства, является мнѣніе о расколѣ, какъ о разсадникѣ изувѣрскаго обскурантизма, какъ о подспудной силѣ, могущей надолго задержать осуществленіе культурныхъ начинаній русскаго правительства. Такъ, французскій изслѣдователь Анатолій Леруа-Болье, считая русскій расколъ (какъ совокупность всѣхъ религіозныхъ диссидентовъ) явленіемъ чисто ретроградмаго свойства, боящимся свѣта истиннаго просвѣщенія, пророчитъ постепенное исчезновеніе сектантства параллельно съ развитіемъ народной образованности. „Лучше бы сдѣлали богословы, если бы почаще и понастоятельнѣе указывали чуть ли не главную причину развитія у насъ всякихъ ересей, столь гибельныхъ для единства и спокойствія православной церкви, именно—на поголовное невѣжество русскаго народа въ

дѣлѣ религіи, а указывая на причину, серьезно бы обдумывали и средства, какъ внести въ его среду свѣтъ религіознаго образованія не посредствомъ только проповѣдей и брошюръ нравственнаго содержанія, но черезъ повсемѣстное распространеніе народныхъ школъ и повсемѣстное, живое преподаваніе въ нихъ Закона Божія",—говоритъ и русскій изслѣдователь Орестъ Новицкій.

Однородныхъ взглядовъ на расколъ и сектантство держался офиціозный ересіологъ Липранди. Онъ говоритъ: „Несовмѣстно съ достоинствомъ православной церкви входить въ разсужденіе съ невѣждами, доказывать имъ правильность, ею соблюдаемую, оспаривать ихъ возраженія противъ святости и законности господствующей церкви". Православная церковь, по его мнѣнію, не должна унижаться до спора съ раскольниками и еретиками, но должна молить за нихъ Бога, „какъ за овецъ, отставшихъ отъ стада и идущихъ безъ пастыря". Къ раціоналистическимъ сектамъ Липранди относится съ рѣзкой нетерпимостью, считая ихъ врагами общества и государства и обвиняя ихъ „въ неслыханномъ развратѣ, кровосмѣшеніи" и другихъ порокахъ.

Эти предвзятыя обвиненія теряютъ подъ собой реальную почву при сопоставленіи ихъ съ массой провѣренныхъ фактовъ, доказывающихъ обратное. Объективныя данныя эти собраны въ изслѣдованіяхъ Костомарова, Пругавина, Кельсіева, Мельгунова, Панкратова, въ „Сборникѣ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ" и др.

„Распространяемая школами общая грамотность обращается болѣе во зло, чѣмъ въ пользу православія. Тамъ, гдѣ училища существуютъ, расколъ гораздо злокачественнѣе. Общая грамотность служитъ сильнымъ орудіемъ къ поддержанію его. Обучающіеся въ школахъ дѣлаются современемъ самыми ревностными раскольниками. Грамотность, давая силу и значеніе общинѣ, служитъ главнымъ орудіемъ въ распространеніи ереси" („Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ", вып. IV, стр. 166). Не разъ утверждалось, что значительная часть русскаго крестьянства обязана именно расколу своей грамотностью.

Такая противорѣчивая оцѣнка раскола объясняется, помимо субъективности взглядовъ авторовъ, и тѣмъ, что въ своемъ многолѣтнемъ развитіи расколъ не былъ однороденъ и одноцвѣтенъ. Многогранное цѣлое русскаго раскола не можетъ быть освѣщаемо однимъ лишь мерцающимъ свѣтомъ временнаго партійнаго пристрастія.

Сначала въ основѣ своей онъ имѣлъ безусловный формализмъ, былъ насыщенъ упрямыми энергіями слѣпой и косной традиціи. Таковъ расколъ XVIII вѣка. Въ то время русскій человѣкъ еще не проникъ въ сущность христіанской вѣры, у него не было элементарныхъ понятій объ этой религіи. Большинство начетчиковъ того времени, по свидѣтельству „старца" Арсенія, „едва азбуку умѣли, а того, навѣрное, не знали, какія въ азбукѣ буквы гласныя и согласныя; а о частяхъ рѣчи, залогахъ, родахъ, числахъ, временахъ и лицахъ-то

даже имъ и на разумъ не всхаживало... Не пройдя искуса, подобные люди упрутся обыкновенно не только на одну строчку, но и на одно слово, и толкуютъ: здѣсь такъ написано. А оказывается-то вовсе не такъ. Не на букву только, а на смыслъ надо обращать вниманіе и на намѣреніе автора... Въ сущности, не знаютъ они ни православія, ни кривославія,—только божественное писаніе по чернильамъ проходятъ, не добираясь до смысла". П. Н. Милюковъ, въ „Очеркахъ русской культуры", говоритъ объ одномъ лѣтописцѣ, который въ лѣтопись свою занесъ такой фактъ: „Въ лѣто 6984 нѣкіе философы начали пѣть — о Господи помилуй; а другіе поютъ просто—Господи помилуй". И въ этомъ наивномъ столкновеніи „двухъ звательныхъ падежей", несомнѣнно, былъ нешуточный моментъ тогдашняго раскола.

Съ теченіемъ времени расколъ прогрессируетъ качественно и изъ охранителя обрядоваго благочестія превращается въ провозвѣстника новой вѣры. Справедливую характеристику, хотя и нѣсколько парадоксальную, этой стадіи раскола мы находимъ у Костомарова. Онъ говоритъ: „Мы не согласимся съ мнѣніемъ, распространеннымъ у насъ издавна и сдѣлавшимся, такъ сказать, ходячимъ: будто расколъ есть старая Русь. Нѣтъ, расколъ явленіе новое, чуждое старой Руси. Раскольникъ не похожъ на стариннаго русскаго человѣка; гораздо болѣе походитъ на послѣдняго православный простолюдинъ. Раскольникъ гонялся за стариною, старался какъ бы тоже держаться старины, но онъ обольщался: расколъ былъ явленіемъ новой, а не древней жизни. Въ старинной Руси народъ мало думалъ о религіи, мало интересовался ею, раскольникъ же только и думалъ о религіи, на ней сосредоточился весь интересъ его духовной жизни". Въ старинной Руси обрядъ былъ мертвою формою и исполнялся плохо—раскольникъ искалъ въ немъ смысла и старался исполнять его, сколько возможно, свято и точно. Въ старинной Руси знаніе грамоты было рѣдкостью—раскольникъ читалъ и пытался создать себѣ ученіе. Въ старинной Руси господствовало отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ—раскольникъ любилъ мыслить, спорить; раскольникъ не успокаивалъ себя мыслью, что если приказано сверху такъ-то вѣрить, такъ-то молиться, то, стало быть, такъ и слѣдуетъ; раскольникъ хотѣлъ сдѣлать собственную совѣсть судьею приказанія, раскольникъ пытался самъ все провѣрить, изслѣдовать... Словомъ, какіе бы признаки заблужденія ни представлялись въ расколѣ, онъ все-таки соединялся съ побужденіями вырваться изъ мрака, умственной неподвижности, со стремленіемъ русскаго народа къ самообразованію. И съ этой поры можно сказать, что расколъ будилъ мысль и чувство массы...

В. А. Мякотинъ, въ монографіи своей о протопопѣ Аввакумѣ, выясняетъ тѣсную зависимость русскаго религіознаго диссидентства отъ условій общественныхъ. Онъ говоритъ, что въ началѣ „въ рамки раскола замкнулись лица, желавшія въ цѣлости сохранить все

прежнее религіозно-націоналистическое міровоззрѣніе", но позднѣе „это чисто идейное движеніе было осложнено политическими и соціальными факторами, первоначально въ немъ отсутствовавшими. Тѣмъ не менѣе,—прибавляетъ онъ—значеніе раскола уже и на первыхъ порахъ его существованія не исчерпывалось одною реакціей религіозно-общественнаго характера: фактъ образованія отдѣльной религіозной общины, ставшей внѣ связи съ церковной іерархіей и вызвавшей противъ себя преслѣдованіе со стороны свѣтской власти, не только повлекъ за собою измѣненія во внѣшней организаціи церковныхъ отношеній внутри этой общины, но и породилъ въ умахъ ея членовъ новыя представленія и идеи о церкви и государствѣ, въ свою очередь вставшія въ противорѣчіе даже съ тѣми сторонами стараго порядка, которыя находили себѣ полное признаніе у раскольниковъ. Въ этой сторонѣ раскола уже коренились слабые зародыши будущаго сектантства—проповѣдника свободы человѣческой мысли въ религіозной и общественной сферѣ".

Пругавинъ въ новѣйшей своей книгѣ „Расколъ и сектантство" остается вѣренъ благороднымъ взглядамъ своей юности и высказываетъ рядъ интересныхъ мыслей о внутреннемъ, психологическомъ содержаніи раскола. „Расколъ въ своемъ происхожденіи въ значительной степени является протестомъ народа противъ поглощенія его правъ центральною властью". Типичными мотивами для перехода въ расколъ являются—исканіе „правды", „правой вѣры". „Въ вѣчныхъ поискахъ за правой вѣрою, за духовной, умственной пищею, народная мысль мечется изъ стороны въ сторону, нерѣдко попадая изъ одной крайности въ другую... Прислушайтесь къ сектантскимъ стихамъ или пѣснямъ—и вы поймете эту тоску, эту жажду, это томленіе о духовной дѣятельности... Еще сильнѣе, еще замѣтнѣе бьетъ эта жилка въ ученіи такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ. Вотъ эта-то неудовлетворенная, страстная жажда духовной умственной дѣятельности, жажда нравственныхъ, человѣческихъ впечатлѣній толкаетъ народъ въ расколъ и заставляетъ его создавать новыя ученія, секты и толки. Отсюда намъ будетъ понятно, почему въ расколъ идутъ люди, наиболѣе способные и даровитые. Кстати припомнимъ, что почти всѣ наши дѣятели, вышедшіе изъ народной крестьянской среды и снискавшіе себѣ историческую извѣстность, нерѣдко принадлежали сначала къ расколу. Такъ было съ геніальнымъ архангельскимъ мужикомъ Ломоносовымъ, тоже было съ Посошковымъ и многими другими, менѣе извѣстными. Такъ было прежде, такъ и теперь. Сектантство представляетъ собою обширное поле для свободной умственной дѣятельности, и потому тѣ личности изъ народа, которыя жаждутъ приложить свои силы къ трудамъ умственнымъ и къ которымъ можно примѣнить слова поэта—„духовной жаждою томимы", обыкновенно идутъ въ расколъ"...

Обычное мнѣніе поверхностныхъ изслѣдователей сектантства о западномъ происхожденіи нѣкоторыхъ русскихъ ере-

сей не выдерживаетъ исторической критики и всего лучше опровергается фактомъ безусловнаго превосходства большинства раціоналистическихъ сектъ надъ протестантствомъ. „Молокане,— говоритъ Костомаровъ,—въ нѣкоторыхъ взглядахъ шагнули далѣе протестантовъ: нѣмецкіе пасторы послѣ бесѣдъ съ молоканами сознавались, что между ихъ сектою и западнымъ протестантизмомъ— мало общаго".

П. Н. Милюковъ („Очерки исторіи русской культуры") склоняется къ мысли, что первыя русскія ереси — „жидовствующіе" и „исихасты" явились къ намъ съ православнаго Востока — съ Балканскаго полуострова и Аѳона.

Возвратимся теперь къ разсмотрѣнію основныхъ факторовъ развитія русскихъ „ересей". Выше мы говорили о грамотности, теперь остановимся на общей у всѣхъ раціоналистическихъ сектантовъ идеѣ братства людей—идеѣ, порождающей сознаніе принципіальной обязанности пропаганды своего вѣроученія. Мнѣніе Ор. Новицкаго о готовности сектантовъ „распространять свои убѣжденія повсюду огнемъ и мечомъ, какъ это дѣлали въ свое время послѣдователи Магомета" („Духоборцы", 1882 г., стр. 195), не находитъ себѣ опоры во всей исторіи русскихъ ересей. Вызывающая осужденіе Новицкаго потребность сектантовъ пропагандировать свои религіозныя убѣжденія является результатомъ искренняго и напряженнаго исканія правды, служитъ прекраснымъ подтвержденіемъ психологической мѣткости словъ французскаго мыслителя Ж. М. Гюйо: „У всякаго искренняго энтузіаста, одареннаго избыткомъ моральной энергіи, есть задатки миссіонера, пропагандиста идей и вѣрованій. Помимо наслажденія, заключающагося въ обладаніи истиной или системой, принимаемой за истину, для сердца человѣческаго самое отрадное есть распространеніе истины, въ которую онъ вѣритъ. Величайшее наслажденіе заставлять эту истину говорить и дѣйствовать посредствомъ насъ, выдѣлять ее изъ себя, какъ наше дыханіе, сразу и вдыхая, и выдыхая ее. Въ исторіи человѣчества было не двѣнадцать апостоловъ только; они есть и теперь, и въ будущемъ ихъ будетъ столько, сколько сердецъ останутся юными, сильными, любящими"... [1]).

Священникъ Ястребовъ въ „Лѣтописи соборной церкви г. Спасска" (Тамбовъ, 1880 г.) объясняетъ неразрѣшимою для сельскаго пастыря тайной ту притягательную для „чадъ православной церкви" въ расколѣ силу, которая обусловливаетъ его „ужасающее прогрессированіе". Одно сосѣдство съ раціоналистическими сектантами въ нѣкоторыхъ случаяхъ не оставалось безъ вліянія на православныхъ. „Иждивеніемъ иркутскихъ купцовъ въ 35 верстахъ отъ Иркутска, гдѣ находится много духоборцевъ, и православные, живущіе въ селеніи, не особенно религіозны",—читаемъ въ сочиненіи Новицкаго „о духоборцахъ".

Въ рѣшеніи вопроса о числѣ сектант-

[1]) Ср. Alfred Fouillée, „La morale, l'art et la religion d'après Guyau" (Paris, 1906), l'expansion de la vie comme principe de la religion. Стр. 94—121.

скаго населенія нельзя довольствоваться суммированіемъ данныхъ, доставляемыхъ изъ каждой епархіи. Примѣненіе репрессивныхъ мѣръ исключаетъ возможность всякой статистики сектантства. Въ 1850 году бывшій профессоръ московскаго университета Надеждинъ представилъ государю особую записку, гдѣ говорилось о неточности прежней статистики раскола. Была составлена специальная комиссія. Одинъ изъ членовъ послѣдней — Липранди — писалъ: „Всѣ эти толки, ереси и секты съ неимовѣрною быстротою умножаются и усиливаются", и опровергалъ оффиціальныя цифры. Сектантское населеніе къ концу царствованія Николая I достигало приблизительно 12 милліоновъ (а по даннымъ, сообщаемымъ Пругавинымъ, даже 14 милліоновъ).

Министерство же внутреннихъ дѣлъ высчитывало тогда, что всѣхъ старообрядцевъ и раскольниковъ въ Россіи немного болѣе 8 милліоновъ или, вѣрнѣе, одна восьмая часть всего православнаго населенія. Цифра эта слѣдующимъ образомъ распредѣлялась тогда между послѣдователями разныхъ сектъ:

1) Послѣдователей поповщины	5	мил.
2) Поморцевъ	2	„
3) Ѳедосѣевцевъ, филипповцевъ, бѣгуновъ	1	„
4) Молоканъ и духоборцевъ	110	тыс.
5) Хлыстовъ и скопцовъ	110	„
Всего	8.220.000 ч.	

По поводу этихъ данныхъ покойный Мельниковъ-Печерскій тогда же замѣчалъ, что въ исчисленіи этомъ опущена цѣлая отрасль сектъ, составляющихъ средину между поповщиной и безпоповщиной. Такихъ, по мнѣнію Мельникова, болѣе 2 милліоновъ человѣкъ, что вмѣстѣ съ цифрою министерства внутреннихъ дѣлъ составитъ слишкомъ 10 милліоновъ. Затѣмъ нѣкоторые другіе изслѣдователи раскола указывали, что цифра, выставленная въ министерскихъ свѣдѣніяхъ противъ молоканъ и духоборцевъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться даже приблизительно вѣрною... Безъ сомнѣнія, гораздо ближе къ истинѣ стояли частные изслѣдователи раскола, которые за этотъ же самый періодъ времени опредѣлили цифру старообрядцевъ и сектантовъ въ 13—14 милліоновъ. Это лишь примѣненіе закона ариѳметической прогрессіи. Здѣсь не учитывается еще возможность нарожденія новыхъ и новыхъ разновидностей раскола. Вопросъ о статистикѣ сектантовъ и сейчасъ остается спорнымъ и невыясненнымъ какъ съ формальной, методологической стороны, такъ и по существу.

Пругавинъ опредѣляетъ число сектантовъ въ Россіи къ 1904-му году приблизительно въ 20 милліоновъ („Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка"). Оффиціальная статистика раскола и до настоящаго времени страдаетъ „вопіющей неточностью и фантастичностью". Всѣ изслѣдователи русскаго сектантства единогласно признаютъ, что расколъ растетъ, и никакія правительственныя репрессіи роста его остановить не могутъ.

По мнѣнію пермскаго губернатора Струве (70 г.г. прошлаго вѣка), „расколъ находитъ себѣ силу въ крайней недостаточности нравственнаго вліянія духо-

венства на народъ, въ его нерѣдко соблазнительной, по своей распущенности, для народа жизни, въ его одностороннемъ, безжизненномъ и схоластическомъ направленіи". Но эта причина, по мнѣнію Струве, не единстве нная. Не менѣе существенной причиной онъ считаетъ „ложную идею полнаго, всецѣлаго и безвозмезднаго права на пользованіе землею"—идею, „лежащую въ глубинѣ народныхъ массъ" и „таившуюся въ расколѣ".

Уже на основаніи этихъ фактовъ и свидѣтельствъ ясно, что основные устои ученія сектантовъ соотвѣтствуютъ тѣмъ, не получающимъ удовлетворенія, духовнымъ потребностямъ, которыя и влекутъ членовъ господствующей церкви въ еретическія общины.

Въ фактахъ самоубійствъ и убійствъ въ средѣ сектантовъ необходимо обращать самое тщательное вниманіе на мотивы, ими руководившіе. Раскольниковъ обвиняли въ самосожженіяхъ и даже дали имъ особую кличку „самосжигатели"... Но такъ ли ужъ они въ этомъ виноваты?

Максимовъ въ своемъ сочиненіи „Сибирь и каторга" разсказываетъ о крестьянинѣ Владимирской губерніи Никитинѣ, сжегшемъ, по образцу Авраама, двухъ своихъ горячо любимыхъ малютокъ. Сосланный въ Сибирь, въ глухомъ лѣсу, зимою—онъ распялъ себя на крестѣ, „жертвовалъ собою за грѣхи людскіе", какъ, вылеченный, объяснилъ онъ впослѣдствіи на допросѣ.

Проф. Коноваловъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи („Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ") говоритъ о „мистически-мерцающемъ взорѣ умиленной радости, столь характерной для русскаго сектантскаго экстаза"..

Отсюда еще неизмѣримо далеко до разнузданной похоти и жестокихъ вожделѣній, до неистовствъ какого-то звѣринаго хаоса.

И вотъ, когда представишь себѣ ищущую правды душу сектанта, его безпредѣльную готовность къ самопожертвованію, страданіямъ на благо людей, невольно подумаешь: кто имѣетъ право (и имѣетъ-ли?) судить о практическихъ результатахъ такого напряженнаго исканія правды, такого страстнаго, задушевнаго стремленія остаться христіаниномъ среди торжествующаго ученія міра!

Какая златоносная, чудесная энергія таится въ глубокихъ черноземныхъ нѣдрахъ россійскаго раскола! Какимъ могучимъ архимедовымъ рычагомъ въ умѣлыхъ рукахъ могъ бы стать этотъ неистощимый запасъ идейнаго героизма! Какія великія историческія дѣла могла бы натворить эта здоровая фанатическая сила, во-время приставленная двигателемъ къ передовому народному дѣлу! Вспоминаю поучительныя слова, вложенныя Владиміромъ Соловьевымъ—философскимъ апологетомъ православія, въ уста одного изъ собесѣдниковъ „Трехъ разговоровъ". Вотъ что говоритъ тамъ, между прочимъ, генералъ: „Былъ у меня старый урядникъ третьей сотни Одарченко, великій начетчикъ и способностей удивительныхъ. Въ Англіи былъ бы первымъ министромъ. Теперь онъ въ Сибирь попалъ за сопротивленіе властямъ при закрытіи какого-то расколь-

ничьяго монастыря и истребленіи гроба какого-то ихъ почитаемаго старца"... (Собр. сочиненій, т. VIII, стр. 482).

Вспоминаю титаническій образъ старика-сектанта, созданный нашимъ величайшимъ писателемъ въ его „Воскресеніи". Съ какимъ уваженіемъ и сердечной симпатіей воспроизвелъ Толстой суровый нравственный обликъ простолюдина-мудреца. „Двадцать третій годъ гонятъ меня... хватаютъ да по судамъ, да по попамъ,—по книжникамъ, по фарисеямъ и водятъ; въ сумасшедшій домъ сажали. Да ничего мнѣ сдѣлать нельзя, потому я слободенъ... Какого, говорятъ, ты отца и матери? — Нѣтъ, говорю, у меня ни отца, ни матери, окромѣ Бога и земли. Богъ — отецъ, земля—мать.—Ну, говорятъ, съ тобой разговаривать.—Я говорю: я и не прошу тебя со мной разговаривать. Такъ и мучаютъ". („Воскресенье", изд. 1900 г., стр. 420).

Сколько такихъ вдумчивыхъ самородковъ кристальнаго религіознаго индивидуализма ходитъ по лицу русской земли и неминуемо вноситъ еретическую заразу въ народныя массы!

Далеко не всѣ, конечно, представители русскаго сектантства и старообрядчества отличаются умственной мощью и нравственной дисциплиной, но совпадающіе сочувственные отзывы объ ихъ жизненныхъ типахъ, вышедшіе изъ-подъ пера двухъ религіозныхъ антиподовъ— Толстого и Соловьева, въ высокой степени знаменательны.

Валентинъ Сперанскій.

Неопубликованный отзывъ современника о Базаровѣ.

Знаменитый романъ Тургенева „Отцы и дѣти", какъ извѣстно, вызвалъ самые разнообразные отзывы современниковъ, причемъ ихъ вниманіе, естественно, было обращено преимущественно на центральную фигуру романа—на Базарова. Но никто изъ критиковъ не подходилъ къ вопросу съ столь оригинальной стороны, какъ это сдѣлалъ кн. В. Ѳ. Одоевскій.

Извѣстный авторъ „Русскихъ ночей" ко времени выхода „Отцовъ и дѣтей" уже вступилъ въ третій фазисъ своего идейнаго развитія, который можно назвать періодомъ научно-критическаго реализма.

Бывшій шеллингіанецъ и мистикъ отказался теперь отъ всѣхъ ненаучныхъ или, по его любимому выраженію, „потолочныхъ" идей и съ полной вѣрой смотрѣлъ на завоеванія положительной науки. Онъ горячо привѣтствовалъ побѣдоносные успѣхи естествознанія, хотя и не могъ всецѣло присоединиться къ естественно-историческому матеріализму. На „нигилизмъ" онъ смотрѣлъ приблизительно такъ же, какъ Герценъ и Тургеневъ. За „нигилизмомъ" Одоевскій признавалъ извѣстное значеніе, но вооружался противъ его попытокъ „разрушить эстетику" и противъ его арелигіознаго направленія, полагая, что наука еще не уполномочиваетъ насъ на абсолютное отрицаніе идеи о душѣ, Богѣ и безсмертіи.

Романъ „Отцы и дѣти" возбудилъ въ Одоевскомъ самый живой интересъ, тѣмъ болѣе, что онъ считалъ И. С. Тургенева „человѣкомъ съ большимъ талантомъ" (письмо отъ 20 авг. 1850 г. въ „Р. Арх." 1879, № 4, стр. 525). Въ бумагахъ Одоевскаго (Имп. Публ. Библіотека, переплетъ № 22, литера Б., л. 114—119, автографъ и переплетъ № 80, л. 515—518, копія) сохранилась его замѣтка о романѣ Тургенева, которую мы и предлагаемъ читателямъ въ полномъ видѣ. [1]) Здѣсь Одоевскій выступаетъ передъ нами въ роли критика-психолога, разлагающаго личность Базарова на составные элементы. Критикъ не уловилъ въ романѣ тѣхъ моментовъ, когда Базаровъ измѣняетъ своему „нигилизму", забылъ учесть то обстоятельство, что логичность вовсе не есть непремѣнное свойство психологіи каждаго человѣка, и не обратилъ достаточнаго вниманія на свое-

[1]) Мы сохраняемъ и правописаніе подлинника; отъ себя мы поставили лишь нѣсколько запятыхъ.

образіе психологіи демократа, возставшаго противъ барскаго „романтизма". Въ концѣ концовъ, замѣтка Одоевскаго превращается не столько въ анализъ художественнаго образа, сколько въ критику самаго явленія—нигилизма.

П. Сакулинъ.

Базаровъ—(Тургенева „Отцы и дѣти").

Начнемъ для большей опредѣленности въ выраженіяхъ съ самаго осязательнаго приклада. Въ мірѣ матеріальномъ мы встрѣчаемся или съ такими организмами, гдѣ разнородные элементы сливаются въ одно цѣлое (химическое органическое сродство въ веществѣ), или съ агломератами, гдѣ эти элементы находятся одинъ возлѣ другого, но не соединены живымъ сродствомъ. Есть элементы, которые не могутъ быть вмѣстѣ, не измѣнивъ другъ друга или, точнѣе сказать, не перейдя въ состояніе новаго тѣла. Такъ потассій не можетъ быть въ соприкосновеніи съ кислородомъ, не перейдя въ состояніе поташа. Напротивъ, сѣра и ртуть, какъ извѣстно, могутъ быть даже механически перемѣшаны другъ съ другомъ, но не быть въ химическомъ соединеніи, не образовать киновари, безъ благопріятныхъ для ихъ соединенія условій. Для сопряженія разнородныхъ элементовъ часто необходимъ посредствующій элементъ; такъ, нужна извѣстная степень жара для соединенія сѣры и ртути, т. е. для образованія киновари.

То же и въ мірѣ искусства: могутъ быть соединены весьма разныя черты въ одномъ и томъ же лицѣ и образовать цѣлый характеръ; напротивъ, въ другомъ случаѣ эти черты составляютъ агломератъ, хотя и могущій образоваться въ нѣчто цѣлое, но лишь хитростью искусства.

Всѣ характеры, даже второстепенные, въ „Отцахъ и дѣтяхъ" представляютъ намъ эту органическую цѣльность—дѣло высокаго таланта. Отца и дядю, мать [1] ...го, и ...ую, и Ситникова, и даже Өеничку видишь передъ собой живыми; нельзя того же сказать о Базаровѣ.

Въ этомъ лицѣ мы встрѣчаемъ слѣдующіе элементы.

1. Отрицаніе всякаго авторитета въ наукѣ и любовь къ наукѣ.

2. Отрицаніе или, лучше сказать, боязнь всякаго выраженія чувства: любви сыновней, любви къ женщинѣ, впечатлѣній природы, даже выраженія какой-либо истины. Его вопросъ: изъ чего слѣдуетъ, что должно быть безпристрастнымъ? [2])

---

[1]) Далѣе въ самой рукописи (какъ въ оригиналѣ, такъ и въ копіи) имена дѣйствующихъ лицъ не дописаны.

[2]) Поясненіемъ этого мѣста можетъ служить еще слѣдующая замѣтка Одоевскаго (переплетъ № 22, литера У, л. 357 об.—358, автографъ подъ заглавіемъ „Нигилизмъ"): „Въ „Отцахъ и дѣтяхъ" Тургенева есть взятый съ натуры отвѣтъ Базарова: „надобно же быть безпристрастнымъ",—говоритъ ему кто-то.—Это на какомъ основаніи?—спрашиваетъ Базаровъ.—Симъ вопросомъ отвѣчаетъ и Бисмаркъ. Успѣхъ Бисмаркова циническаго нигилизма есть самое опасное явленіе въ мірѣ,—нигилисты указываютъ на этотъ успѣхъ, какъ на свое оправданіе: слѣдственно, говорятъ они, главное—сила, успѣшно дѣйствующая хоть бы самымъ безнравственнымъ путемъ, а все прочее—nihil."

3. Цинизмъ въ житейскомъ обращеніи.

4. Ненависть къ такъ называемымъ аристократическимъ привычкамъ и, вообще, къ такъ называемой аристократіи.

5. Какой-то фатализмъ, принимающій видъ храбрости, и мягкосердіе, принимающее видъ исполненія долга (въ сценѣ дуели и ухаживанія за раненымъ).

6. Безусловное благоговѣніе передъ самимъ собою.

Всѣ проявленія этихъ разныхъ элементовъ изображены мастерски, но психологъ вправѣ спросить у автора: есть ли органическая связь между всѣми этими элементами? Нѣтъ сомнѣнія, что она была въ его мысли, но не полѣнился ли онъ указать на тотъ посредствующій элементъ, при помощи котораго сѣра и ртуть сопряглись въ киноварь? Ибо безъ того мы не видимъ, какимъ образомъ многіе изъ перечисленныхъ нами элементовъ улеглись вмѣстѣ въ характерѣ Базарова. Цинизмъ легко сопрягается и съ черствымъ, и съ мягкимъ сердцемъ, съ отрицаніемъ всякой любви и съ пламенной чувствительностью, и съ закоснѣлымъ и пошлымъ плебеизмомъ и проч.

Но мы не можемъ понять, какимъ путемъ отрицаніе авторитета въ наукѣ можетъ ужиться съ презрѣніемъ къ истинѣ, съ отрицаніемъ всякаго человѣческаго чувства, словомъ, съ такимъ безграничнымъ нигилизмомъ. Здѣсь совершилось какое-то психологическое чудо, къ которому авторъ поскупился дать намъ ключъ, ибо въ естественномъ порядкѣ вещей отрицаніе всякаго авторитета въ наукѣ условливаетъ совершенно иныя явленія.

Отрицаніе авторитетовъ можетъ упасть съ потолка лишь для Ситникова; но для Базарова оно могло быть слѣдствіемъ лишь долгаго опыта, многихъ преткновеній, разочарованій, словомъ,— трудной борьбы. Сознательное отрицаніе авторитетовъ въ наукѣ есть дѣло великаго духа, цѣломудренно ищущаго одной истины. Человѣкъ, способный въ з а п р а в д у къ такому отрицанію, не можетъ презирать никакого явленія въ какой бы то сферѣ ни было—ученой, нравственной, семейной, ибо въ каждомъ изъ этихъ явленій онъ можетъ подозрѣвать существованіе именно того рычага, котораго онъ ищетъ, чтобы поднять міръ истины.

Отрицаніе авторитетовъ смѣшиваютъ съ скептицизмомъ, но здѣсь лишь оптическій обманъ. Между тѣмъ и другимъ цѣлая бездна: отвергающій авторитеты ради святости истины ищетъ истины; скептикъ ничего не ищетъ, ибо если бы онъ сталъ чего-либо искать, то призналъ бы существованіе этого чего-то и съ той минуты онъ уже не скептикъ. Такъ, напр., скептикъ не долженъ позволить себѣ даже перевязать артерію, а отвѣчать: къ чему это? можетъ быть, и такъ залечится! Скептицизмъ есть лѣность ума; отрицаніе авторитета есть слѣдствіе его самобытной дѣятельности. Скептицизмъ можетъ и долженъ соединяться съ фатализмомъ; фатализмъ несовмѣстимъ съ исканіемъ истины; напротивъ, самымъ ремесломъ своимъ искатель истины на каждомъ шагу долженъ убѣждаться, что его fatum есть дѣло рукъ его, не болѣе.

Отрицаніе авторитетовъ ведетъ ко

внутреннему истинному смиренію въ такой степени, что искатель чистой истины долженъ не довѣрять и собственному авторитету и допускать каждую свою мысль лишь до дальнѣйшей повѣрки sous benefice d'inventaire.

Слѣдствіемъ самой методы такого исканія истины должна быть вѣротерпимость, толерантизмъ, но отнюдь не индеферентизмъ. Отъ того и съ этой стороны искатель истины не можетъ быть равнодушенъ ни къ любви, ни къ обаянію семейства (когда оно не противорѣчитъ его стремленіямъ, чего нѣтъ въ семействѣ Базарова), ни даже къ впечатлѣніямъ природы, ибо самая неопредѣленность этихъ впечатлѣній есть для него нива къ воздѣланію.

Не скептикъ-ли Баааровъ? Нѣтъ, потому что онъ учится, слѣдственно, не отвергаетъ возможности изучать природы, слѣдственно, не отвергаетъ ни ея существованія, ни ея законовъ.

Не циникъ-ли онъ, признающій лишь чувственныя наслажденія? Нѣтъ, ибо настоящій циникъ не будетъ тратить времени надъ анатомическими разсѣченіями.

Презрѣніе къ барчукамъ — дѣло возможное, но ремесло искателя истины должно мѣшать ему слишкомъ упражняться въ этомъ презрѣніи; для него барчукъ есть, конечно, явленіе, но явленіе слишкомъ мелкое на пути его.

Какимъ образомъ всѣ эти исключающіе другъ друга элементы могли соединиться въ одномъ и томъ же характерѣ — есть тайна автора, имъ необъясненная. Мы здѣсь, какъ въ недовольно изученномъ фактѣ, видимъ явленія, слѣдующія одно за другимъ, но законъ ихъ сопряженія намъ неизвѣстенъ.

Приходитъ на умъ: не шарлатанитъ-ли Базаровъ? не эту-ли мысль авторъ хотѣлъ выговорить въ характерѣ Базарова? [1])

[1]) На оборотѣ л. 118 приписано: „Отрицаніе авторитетовъ не бѣда; бѣда слѣпое имъ поклоненіе.

Зачѣмъ нападать на новое поколѣніе?“

Наполеонъ и восточная политика Россіи въ 1812 году.

Когда Наполеонъ во главѣ 600-тысячной арміи рѣшилъ перейти Нѣманъ и вторгнуться въ Россію, у него созрѣлъ уже обширный планъ распространить свое господство далеко за предѣлы этой великой славянской имперіи. Покореніе Востока было для него не только задачей стратегической, вытекающей изъ необходимости нанести смертельный ударъ Англіи въ Индіи и тѣмъ дать англичанамъ реваншъ за истребленіе французскаго флота при Трафальгарѣ, но оно было также неизбѣжной цѣлью его честолюбивыхъ замысловъ. Въ минуту откровенія Наполеонъ сказалъ однажды генералу де-Нарбонну: „Въ тотъ день, когда я познакомился впервые съ произведеніями Боссюэта и прочелъ въ его „Рѣчахъ о всемірной исторіи“ прекрасныя мысли о завоеваніяхъ Александра Македонскаго, о Цезарѣ, который, побѣдивши при Фарсалѣ, одинъ моментъ обратилъ на себя вниманіе всего міра,—когда я прочелъ это, то мнѣ казалось, что разорвалась пелена, скрывавшая древній храмъ, и что боги сдвинулись съ своихъ мѣстъ. Это видѣніе не оставляло меня уже болѣе никогда... Я увлеку васъ до тѣхъ мѣстъ, которыхъ не могъ достичь Маркъ-Аврелій; мы перебросимъ наши мосты не только черезъ Дунай, но и черезъ Нѣманъ, Волгу, черезъ Москву-рѣку и мы отстранимъ на двѣсти лѣтъ неизбѣжность (fatalité) нашествія народовъ съ Сѣвера... Но, помимо всего, эта дорога открываетъ путь въ Индію. Александръ Великій совершилъ не меньшій путь, чѣмъ въ Москву, чтобы достичь береговъ Ганга... Вообразите себѣ, что Москва взята, Россія подавлена (abattue), царь пошелъ на миръ или умеръ, ставъ жертвой дворцоваго заговора. Скажите мнѣ, развѣ армія, составляемая изъ французовъ и союзниковъ, достигнувъ Тифлиса, не найдетъ прохода до самаго Ганга? И что стоитъ тогда разрушить во всей Индіи фундаментъ этого зданія торговаго могущества (Англіи)? Достаточно будетъ дотронуться только до французскаго меча. Это былъ бы исполинскій походъ XIX вѣка. Оттуда однимъ ударомъ Франція завоевала бы независимость Запада и свободу морей“...[1])

Вотъ мысли, по признанію самого Наполеона, никогда не покидавшія его. Естественно, что онѣ лежали въ основѣ всѣхъ его дипломатическихъ плановъ,

---

[1]) André Fribourg. Jl y a cent ans. „L'Opinion“, № 25, 1912.

направленныхъ къ подбору союзниковъ въ Европѣ и къ привлеченію на свою сторону Александра I. Но Россія была не только естественнымъ барьеромъ, отдѣлявшимъ Западъ отъ Востока,—она сама мечтала о господствѣ на Востокѣ—правда, въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ—и поэтому должна была явиться извѣчнымъ врагомъ скрытыхъ замысловъ Наполеона. Уже въ 1798 г., когда, овладѣвъ Италіей, Наполеонъ Бонапартъ собирается итти на Константинополь черезъ Балканы и не выполняетъ этого плана только потому, что „хитрый" Талейранъ устремляется въ Египетъ, уже въ это время становится ясно, что восточная политика Франціи и Россіи никогда не приведетъ къ полному примиренію интересовъ этихъ двухъ державъ. И, дѣйствительно, ни Тильзитскій миръ, ни свиданіе въ Эрфуртѣ, положившіе какъ будто бы начало координаціи политическихъ стремленій этихъ державъ, не могли устранить подводныхъ камней восточной политики, уже давно лежавшихъ на пути франко-русскаго сближенія. Достойно вниманія то упорство, съ которымъ Наполеонъ, „вынужденный со всѣми сражаться и всѣхъ побѣждать", отстаивалъ свои восточные замыслы, хотя дѣлалъ видъ, что готовъ расчистить путь Александру I на Востокъ. Современникъ этихъ событій, адмиралъ Павелъ Чичаговъ, говоритъ, что Тильзитскій миръ имѣлъ, въ сущности, дурныя послѣдствія для обоихъ императоровъ. Для Александра дурныя послѣдствія этого мира заключались въ томъ, что отнынѣ онъ совершенно подпалъ подъ вліяніе своего новаго союзника, для Наполеона-же—потому что съ этого момента онъ не могъ уже сдерживать себя. „Навязавъ условія мира, которыя имѣли цѣлью вызвать въ Александрѣ чувство раскаянія, Наполеонъ тѣмъ самымъ подготовилъ разладъ, результаты котораго были столь плачевны для побѣдителя. Между тѣмъ, по возвращеніи своемъ Александръ въ различныхъ разговорахъ со мной казался весьма довольнымъ договоромъ, заключеннымъ въ Тильзитѣ. Онъ былъ доволенъ не столько условіями этого договора, сколько проявленіемъ къ нему дружбы со стороны Наполеона. Должно было пройти не менѣе двухъ лѣтъ, пока царь убѣдился, какія униженія принесъ ему Тильзитскій миръ, не говоря уже о тѣхъ непріятностяхъ, которыя проистекали изъ него для будущаго всей Европы". [1])

Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ положеніи очутился Александръ I на слѣдующій день послѣ Тильзитскаго мира? Какіе успѣхи сдѣлала русская политика на Востокѣ? Отнынѣ русскій императоръ не могъ предпринять ни одного шага безъ согласія Наполеона, а такъ какъ всѣ интересы русской державы связаны были съ войной въ Турціи, съ давно назрѣвшимъ для Россіи вопросомъ о раздѣлѣ Оттоманской имперіи, то, слѣдовательно, роль ея на Востокѣ находилась подъ постояннымъ контролемъ французскаго императора. Какъ извѣстно, въ эту пору восточная политика Наполеона распалась на два плана, про которые Талейранъ сказалъ, что одинъ покоится на реальной почвѣ, а другой—

[1]) „Memoires de l'Amiral Paul Tchitchagof", изданные Ch. Lahovary, 1909, pp. 331—335.

на романтической. Но какъ раздѣлъ Турціи (реальный планъ), такъ и походъ въ Индію (планъ романтическій) являлись двумя возможностями осуществленія давнихъ грезъ Бонапарта, навѣянныхъ на него чтеніемъ разсужденій Боссюэта о всемірной исторіи. И оба эти проекта меньше всего заключали въ себѣ уступку Россіи, хотя, напр., раздѣлъ Турціи совпадалъ съ исконнымъ стремленіемъ русской политики на Востокѣ. Прежде всего, Наполеонъ думалъ объ уничтоженіи своего злѣйшаго врага — Англіи, Ахиллесовой пятой которой была Индія. Сдѣлать сколько-нибудь существенную уступку Россіи на Востокѣ — значило бы застраховать до нѣкоторой степени Англію отъ вторженія французовъ въ ея индійскія владѣнія. Ибо, если бы Россія усилилась на Востокѣ, ей легко было бы тогда отвернуться отъ союза съ Франціей и протянуть руку Англіи, къ естественному сближенію съ которой ее толкали экономическіе интересы. Континентальная система, подрывающая хозяйственный строй Россіи и навязанная Александру I Тильзитскимъ миромъ, была пріемлема только потому, что царь разсчитывалъ получить за ея поддержку компенсацію въ Польшѣ и на Востокѣ. Наполеонъ ясно видѣлъ это; онъ понималъ, какое глубокое противорѣчіе лежитъ въ основныхъ теченіяхъ французской и русской политики, но, искусно налаживая Тильзитскій миръ, перебрасывая черезъ историческую пропасть, раздѣлявшую Россію и Францію, временный мостъ, онъ думалъ только объ одномъ—о господствѣ на двухъ материкахъ. „Громаднымъ обходомъ, путемъ русскаго союза, приближался Наполеонъ къ тому, къ чему хотѣлъ привести Талейранъ путемъ союза съ Австріей. Что бы онъ ни обѣщалъ для услажденія гордости и воображенія Россіи, онъ предоставлялъ ей основаться только на восточномъ берегу Балканскаго полуострова. Отдавая въ ея распоряженіе устье Дуная безъ Сербіи, болгарскую землю безъ центральныхъ частей Румеліи, быть можетъ, и Константинополь, но безъ Дарданеллъ, онъ поставилъ бы ее въ положеніе, уступающее въ стратегическомъ отношеніи положенію Австріи, прочно устроенной въ центрѣ прежней Турціи. Оттѣсняя одновременно оба государства къ Востоку, онъ направилъ бы ихъ другъ на друга и закончилъ бы тѣмъ, что толкнулъ бы Россію на путь, на которомъ она въ одинъ прекрасный день очутилась бы сосѣдкой Англіи, т. е. въ борьбѣ съ ней“ [1]).

Итакъ, русская оріентировка на Востокѣ должна была соотвѣтствовать строго продуманному плану Наполеона. Онъ далекъ былъ отъ мысли укрѣпить русскихъ на Балканскомъ полуостровѣ и толкалъ Россію лишь въ томъ направленіи, въ какомъ она встрѣтила бы сопротивленіе англичанъ. Онъ прекрасно понималъ, что Англія не потерпитъ сосѣдства Россіи въ Азіи, тогда какъ господство ея на Босфорѣ меньше всего задѣвало англійскіе восточные интересы. Очень часто Наполеонъ говорилъ, что онъ никогда не допуститъ вмѣшательства Россіи въ восточныя дѣла, боясь, очевидно, что всякая сво-

[1]) А. Вандаль. Наполеонъ и Александръ. Т. I. Спб., 1910 г., стр. 274—275

бода дѣйствія русскихъ на Востокѣ можетъ повредить или разстроить его планы. Ясно, что на Тильзитскомъ мирѣ Наполеонъ стремился сдѣлать Россію своимъ сателлитомъ. И хотя у русскихъ были свои исконные интересы на Балканахъ, отъ которыхъ они не могли добровольно отказаться и которыхъ они не могли подчинить планамъ французскаго императора, тѣмъ не менѣе, они вынуждены были послѣ Тильзитскаго мира итти по пути, указанному Наполеономъ. Въ этомъ и проявилось все униженіе Россіи.

Иногда Наполеонъ дѣлаетъ предложенія русскому царю, совершенно противорѣчащія его восточнымъ планамъ. Такъ, послѣ того, какъ Англія отказалась отъ того, чтобы Александръ I былъ посредникомъ въ улаженіи враждебныхъ отношеній между нею и Франціей, Наполеонъ пишетъ ему: „Разъ наши враги хотятъ этого, то будемъ сильны. Я уступаю вамъ Турцію, Швецію и весь Востокъ. Устраивайтесь тамъ, какъ хотите, что касается меня, то я оставляю себѣ свободу дѣйствія на Западѣ“.[1]) Но не трудно замѣтить, что эти слова были сказаны для того, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе на Англію, и, быть можетъ, для того, чтобы еще больше склонить Россію на сторону Франціи. Однако, въ Эрфуртѣ Александръ I почувствовалъ всю фальшь своего положенія. Здѣсь какъ бы раскрылись впервые передъ русскимъ царемъ карты восточной политики Наполеона. Это произошло при переговорахъ по вопросу объ уступкѣ Россіи придунайскихъ княжествъ—Молдавіи и Валахіи. Споръ, возникшій по этому поводу между Франціей и Россіей въ Эрфуртѣ, угрожалъ, какъ справедливо замѣчаетъ Вандаль, судьбѣ франко-русскаго союза. Наполеонъ не далъ на эрфуртскомъ свиданіи ни одного прямого отвѣта на всѣ вопросы, поставленные Россіей относительно ликвидаціи русско-турецкой войны. Самая аннексія придунайскихъ княжествъ дипломатично откладывалась Наполеономъ. Царь былъ тѣмъ болѣе огорченъ неожиданнымъ исходомъ эрфуртскаго свиданія, что, вѣдь, „раздѣлъ“ Турціи такъ или иначе являлся предметомъ координированія франко-русскихъ интересовъ на Востокѣ. Но онъ былъ обманутъ тѣмъ, что вѣрилъ въ искренность Наполеона, соглашавшагося на раздѣлъ Турціи, тогда какъ въ интересахъ Франціи было сохранить до извѣстнаго момента—до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ не справится съ континентальными войнами и не двинется черезъ Балканы въ Индію,—цѣлость Оттоманской имперіи, предотвративъ такимъ образомъ сближеніе послѣдней съ Англіей. „Вопреки всѣмъ внѣшнимъ признакамъ,—говоритъ Дріо,—Наполеонъ гарантировалъ во все время своего царствованія цѣлость Оттоманской имперіи. Даже въ Тильзитѣ онъ не измѣнилъ дѣлу Порты, хотя объ этомъ говорили особенно много съ того времени. Онъ велъ переговоры съ царемъ о раздѣлѣ Оттоманской имперіи, онъ разрѣшилъ своимъ посламъ продолжать нѣкоторое время переговоры въ этомъ направленіи въ Петербургѣ, но это была настоящая иллюзія, которой онъ тѣшилъ

[1]) „Memoires de Paul Tchitchagof“, p. 335.

Александра I, чтобы добиться его согласія на разгромъ Пруссіи, на образованіе великаго герцогства Варшавскаго и на распространеніе континентальной системы. Въ дѣйствительности же Россія получила отъ Наполеона одни только пустыя обѣщанія: она не могла сдѣлать ни одного шага впередъ по дорогѣ къ Византіи“ [1]).

Между тѣмъ, Россія теряла наилучшій моментъ на Балканскомъ полуостровѣ. Турція съ трудомъ оправлялась отъ ударовъ, нанесенныхъ ей русскими на Дунаѣ, а анархія во внутренней политикѣ мѣшала ей сосредоточить все свое вниманіе на внѣшнихъ событіяхъ. Казалось, что скажи Наполеонъ одно только слово—и придунайскія княжества отошли бы въ окончательное владѣніе Россіи. Но именно зависимость Россіи отъ Наполеона погубила безповоротно ея дѣло на Востокѣ—и это въ то время, когда ни одна держава не имѣла столько шансовъ на успѣхъ въ восточной политикѣ, сколько Россія. Ибо вліяніе ея основывалось здѣсь не на одной только силѣ оружія, но и на томъ сочувствіи и преданности, которыя она вызвала къ себѣ со стороны всѣхъ христіанскихъ народовъ Востока, увидѣвшихъ въ ея лицѣ освободительницу свою отъ турецкаго ига. Отсрочиваніемъ окончательнаго разрѣшенія восточной проблемы Наполеонъ еще больше ставилъ русскіе интересы на Балканахъ въ зависимость отъ общей оріентировки европейской политики. Наступалъ моментъ примиренія съ Австріей, а усиленіе Россіи на Дунаѣ противорѣчило бы австрійскимъ видамъ на Балканахъ. Правда, Наполеонъ отклоняетъ проектъ Талейрана, осуществленный шестьдесятъ лѣтъ спустя Бисмаркомъ и заключавшійся въ томъ, чтобы бросить Австрію на Балканы, дать ей тамъ полную свободу дѣйствій, чтобы такимъ отвлеченіемъ ея вниманія отъ центра Западной Европы развязать себѣ руки въ Италіи и Германіи. Но онъ не соглашается на это именно потому, что и Австрія, какъ и Россія, не смѣетъ располагать свободой дѣйствія на Востокѣ, эти державы должны быть только орудіями дипломатическихъ ухищреній Наполеона, ухищреній, сводящихся къ тому, чтобы, обойдя всѣ пороги обще - европейской политики, притти, наконецъ, къ своей главной цѣли,—къ господству на двухъ материкахъ.

Когда-же Россія вынуждена была порвать съ Франціей и готовиться къ войнѣ съ „великимъ завоевателемъ“, ея дѣла на Востокѣ оставляли желать много лучшаго. Дѣйствительно, всѣ сроки были пропущены и не только въ смыслѣ благопріятствованія международной ситуаціи, но и въ смыслѣ сочувствія къ русскому вліянію на Балканахъ со стороны населявшихъ ихъ христіанскихъ народовъ. Плохая политика, преслѣдуемая Россіей,—говоритъ Чичаговъ,—и ея главнокомандующими дунайской арміи, привели къ противоположному результату. Для содержанія русскихъ войскъ, оккупировавшихъ придунайскія княжества, недостаточно было истощить всѣ средства этихъ княжествъ, нужно было прибѣг-

[1]) *Ed. Driault*—La Question d'Orient. („Revue de Synthèse Historique“) Decembre, 1908, pp. 335-336. Cg. *Ed. Driault*—La politique Orientale de Napoleon: Sebastiani et Gardane (1806—1808).

нуть еще и къ опустошенію русской казны". Это разочаровало румынъ и доказало имъ, что владычество русскихъ окончательно разоритъ ихъ страну, а Россія, съ истощенной своей казной, не въ силахъ будетъ содержать новыя провинціи, къ тому-же нуждавшіяся въ постоянной военной защитѣ противъ турецкихъ притязаній. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы присутствіе русскихъ въ Молдавіи и Валахіи пробудило въ румынахъ воинственный духъ, стремленіе во имя національной свободы вести совмѣстно съ Россіей войну за освобожденіе отъ турокъ, оно оттолкнуло ихъ отъ себя. Это наростающее недовольство румынъ еще больше подрывало положеніе Россіи на Востокѣ, которая послѣ разрыва съ Франціей стремилась завоевать здѣсь всѣ лучшія позиціи, обезсилить Турцію и, вообще, стать полнымъ господиномъ положенія. Но въ это время у Турціи оказался новый союзникъ. Ее тайно поддерживала, пока только нравственно, Англія, совѣтуя ей не спѣшить заключеніемъ мира съ Россіей. Тотъ самый лордъ Каннингъ, англійскій дипломатическій агентъ въ Константинополѣ, который послѣ разрыва Россіи съ Франціей дѣйствовалъ заодно съ русскими дипломатами, настраивалъ Порту противъ Россіи. Это былъ моментъ, когда силы Россіи на Востокѣ были преувеличены. Англія дѣйствительно опасалась, что Константинополь очутится въ рукахъ русскихъ и что послѣ этого они пойдутъ гигантскими шагами въ Азію, по ту сторону Кавказа, откуда будутъ грозить британскимъ владѣніямъ. Такимъ образомъ, Россія встрѣтила новыя препятствія, мѣшавшія ликвидировать ея тяжбу съ Турціей. Бухарестскій миръ явился расплатой для Александра I за его легкомысленное довѣріе къ Наполеону, за его увлеченіе франко-русскимъ союзомъ. Онъ былъ заключенъ на-спѣхъ, ибо въ это время въ предѣлы Россіи вторгались полчища великой арміи. Россія не могла воевать на два фронта, и она готова была отказаться почти отъ всего, чѣмъ владѣла на Балканахъ, чтобы только развязать себѣ руки на Западѣ. Получивъ Бессарабію, очистивъ дунайскія княжества, отдавъ обратно Турціи всѣ владѣнія и крѣпости, завоеванныя ею въ Азіи, она не только не разгромила Оттоманской имперіи, но, наоборотъ, показала ей все свое безсиліе; она, кромѣ всего, дискредитировала себя окончательно въ глазахъ христіанскихъ народовъ Востока. „Здѣсь умѣстно замѣтить, какой ущербъ наша политика, сама по себѣ противорѣчивая, наносила интересамъ этихъ народовъ. Турки ожидали, что мы должны будемъ изгнать ихъ изъ Европы, объявивъ имъ войну, и, чтобы ослабить ихъ, лишить ихъ опоры, мы предлагаемъ нашу защиту христіанскимъ народамъ, находящимся подъ ихъ владычествомъ... И что-же вытекаетъ изъ этого? То, что, когда Россія находитъ удобнымъ заключать миръ, она готова тогда бросить на произволъ судьбы христіанъ Востока, отдать ихъ въ полное распоряженіе этимъ разъяреннымъ восточнымъ властелинамъ, въ глазахъ которыхъ она сдѣлала ихъ еще болѣе

виновными тѣмъ, что побудила ихъ перейти на свою сторону“ [1]).

Чичаговъ, находившійся во время заключенія мира съ Турціей въ Румыніи, получилъ отъ царя предписаніе заставить Турцію подписать съ Россіей оборонительный договоръ. Въ этомъ онъ видѣлъ почетный выходъ изъ создавшагося затруднительнаго положенія. Но Оттоманская имперія учитывала моментъ и понимала, что въ то время, когда конница великой арміи несется уже по необъятнымъ пространствамъ Россіи, эта послѣдняя безсильна диктовать свои условія. Турки отказались отъ оборонительнаго договора и соглашались лишь на простой миръ, принятый въ концѣ концовъ Россіей. Чичаговъ уговаривалъ Александра I не прекращать военныхъ дѣйствій противъ турокъ. Находясь еще во главѣ Дунайской арміи, онъ шлетъ ему письмо за письмомъ, въ которыхъ доказываетъ необходимость немедленно вторгнуться въ Константинополь. „Обширный планъ Наполеона... рухнулъ бы тогда,—пишетъ онъ.—Мы предупредимъ его здѣсь и нанесемъ ему такимъ образомъ самый чувствительный ударъ. Кромѣ того, я думаю, что противъ такого человѣка, какъ Наполеонъ, надо дѣйствовать чрезвычайными мѣрами, которыя имѣли бы сколько-нибудь серьезное вліяніе. Какой рискъ, если бы ваша армія совершила переходъ подобно египетской экспедиціи?.. На самый худой конецъ это была бы самая сильная изъ всѣхъ возможныхъ диверсій противъ Австріи и Наполеона“... [2])

[1]) „Memoires de P. Tchitchagof“, p. 402.

[2]) Ibid., pp. 405—406.

Но Александръ билъ отбой. Онъ приказываетъ Чичагову покинуть Бухарестъ, оставить навсегда планы о вторженіи въ Константинополь и весь отдается дѣлу борьбы съ Наполеономъ, движущимся вглубь Россіи. Зналъ-ли Александръ о тѣхъ замыслахъ, которыми былъ полонъ французскій императоръ, вступая на территорію Россіи? Еще недавно въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ былъ найденъ документъ, помѣченный 1812 г., являющійся отчетомъ экспедиціи, посланной тайнымъ агентомъ Наполеона, Нерціа (Nerciat), въ Сирію и Палестину, чтобы изучить путь въ Египетъ черезъ европейскій континентъ. Этотъ путь лежалъ, несомнѣнно, черезъ Россію и Турцію. Документъ этотъ свидѣтельствуетъ объ истинныхъ стремленіяхъ Наполеона, усыплявшаго Александра I „раздѣломъ“ Турціи въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ.

Впрочемъ, Наполеонъ самъ даетъ поясненіе всего своего поведенія во время франко-русскаго союза въ письмѣ князю Куракину, въ маѣ 1812 г. „Я назвалъ вашего императора властелиномъ Сѣвера,—пишетъ онъ,—это могло служить для него указаніемъ того, что я хотѣлъ изъ него сдѣлать. Его существованіе было необходимо для моей системы“... [1])

Наполеонъ оставался послѣдовательнымъ до послѣдняго момента. Идя въ Россію, онъ думалъ о завоеваніяхъ Александра Македонскаго, и границы русской державы были для него тѣсны. За его 600-тысячной арміей плелась

[1]) „Русская Старина“, Май, 1912, стр. 432.

таинственная карета, герметически закупоренная, строго охраняемая, и всѣ шопотомъ говорили, что въ ней находятся скипетръ, жезлъ, пурпурно-золотая мантія и двойная корона, которая должна была послѣ „послѣдней войны“ вѣнчать Наполеона въ Св. Софіи.

Н. Борецкій-Бергфельдъ.

ДВѢ ПРАВДЫ.

Современное человѣчество, разбитое соціальными перегородками на враждующіе классы, разобщенное искусственно воздвигнутыми подраздѣленіями на государства, воспитанное на расовой и племенной ненависти, таитъ въ своихъ нѣдрахъ вѣковую ожесточенную борьбу двухъ началъ: „великаго“ господства мужчины и рабской самообороны женщины. Начало „великаго господства“ мужчины, взрощенное потребностями народохозяйственной жизни, вмѣстѣ съ измѣненіемъ привычныхъ контуровъ былого распредѣленія, начинаетъ замѣтно колебаться и падать. Перегруппировка трудовыхъ силъ создаетъ новыя функціи и для женщины. Ея роль въ общественной народохозяйственной жизни замѣтно мѣняется. Неудивительно, что и борьба двухъ началъ—мужского и женскаго—достигаетъ именно въ этотъ переходный моментъ особой интенсивности, что ощущается она съ болѣзненной яркостью и отчетливостью. Всѣ острые углы неравенства въ положеніи представителей двухъ психобіологическихъ началъ выпукло выступаютъ наружу и кричатъ о себѣ почти такъ-же громко, какъ явленія изъ порядка неравенства соціальнаго.

Каждый день несетъ съ собою новый конфликтъ въ этой области, новую неразрѣшимую еще сейчасъ житейскую сложность, нагромождаетъ проблему на проблему... Человѣчество еще бьется надъ распутываніемъ одной, а жизнь уже породила другую, новую, еще болѣе сложную... Старая „правда“ еще не отжила, а новая уже „нарождается“—и обѣ правды существуютъ рядомъ, запутывая логику, отравляя мышленіе, двѣ „правды“, несовмѣстимыя, враждебныя, противорѣчивыя...

Особенно рельефно выступаетъ эта борьба старой и новой „правды“ при оцѣнкѣ отношеній между полами. Но не слѣдуетъ думать, что двойственность въ нашемъ мышленіи ограничивается сравнительно узкой областью половыхъ отношеній, что она исчерпывается, такъ называемой, „двойной моралью“. Эта „двойственность“ простирается значительно дальше. Двойная оцѣнка личности, дѣятельности, характера, задачъ и стремленій проникаетъ всѣ явленія современной дѣйствительности, бросаетъ лукавый, двоящійся свѣтъ на все, къ чему прикасаются два полюса — мужчина и женщина. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой мѣр-

кой подходитъ даже самая передовая часть человѣчества къ оцѣнкѣ личности и характера женщины?

Если дѣло идетъ о самостоятельной женщинѣ, имѣющей „дѣло", профессію, о женщинѣ-человѣкѣ, къ ней, хотя еще далеко не въ полной мѣрѣ, пріучаются постепенно примѣнять мѣрку „общечеловѣческую". Но и тутъ стараются, если только на-лицо имѣется малѣйшее основаніе, воздать должное ея чисто-женскимъ добродѣтелямъ: самоотверженность по отношенію къ мужу, долготерпѣніе, покорность—или, наоборотъ, съ упрекомъ отмѣчаютъ ея „честолюбіе", „страстность", недостатокъ семейственности... Когда же заходитъ рѣчь о блѣдныхъ тѣняхъ, о женахъ „великихъ мужей", объ этихъ послушныхъ резонаторахъ господъ - властелиновъ, тогда наивное лицемѣріе смѣшивается, переплетается съ такой бездной безсознательной жестокости, что, читая панегирики женщинѣ „любимой" и „любящей", не знаешь, смѣяться или негодовать?

На этотъ ходъ мыслей наводитъ недавно вышедшая во Франціи книга „Femmes aimées, femmes aimantes" Charles Foley. Весь избитый арсеналъ старой „правды" при оцѣнкѣ женщины выдвинутъ имъ въ слащаво-хвалебныхъ гимнахъ „вѣчно женственному". Женщина-супруга, женщина — воплощеніе пассивно - страдательнаго начала — вотъ критерій для оцѣнки ея личности!.. Какими бы ни были сами по себѣ всѣ эти Валентины Миланскія, Жермены Неккеръ, г-жи de Пріэ, Полины Бонапартъ и т. д., онѣ, эти женщины, цѣнны постольку, поскольку являются „femmes aimées et femmes aimantes", поскольку спеціально для женщинъ установленныя добродѣтели находятъ въ нихъ свое вѣрное отраженіе... Бѣдныя, безликія тѣни, тѣни „великихъ мужей"... И этотъ критерій, эта старая „правда" такъ глубоко еще сидитъ въ нашей психикѣ, что несвободны отъ нея и борцы за новую „правду", за новое, свободное, равноправное человѣчество..

Стоитъ вспомнить часто повторяющіеся въ печати некрологи женъ „великихъ людей", и если въ оцѣнкѣ самого „великаго человѣка" сужденія лицъ различныхъ лагерей, различнаго соціальнаго міровоззрѣнія рѣзко расходятся, то при взвѣшиваніи моральнаго облика „его" жены, критеріи даже самыхъ крайнихъ полюсовъ до странности совпадаютъ.

Что говорятъ въ такихъ случаяхъ о женщинѣ—супругѣ великаго человѣка, къ какому бы лагерю ни принадлежалъ ея мужъ? Говорятъ одно и то же. Говорятъ о томъ, какой примѣрной подругой являлась „прекрасная", скромная, непритязательная, любящая Марія, Анна, Юлія... Какъ много было въ ней самоотреченія и смиренія, какъ эта неглупая отъ природы, быть можетъ, даровитая женщина сумѣла свести себя на нѣтъ, какъ вся ея жизнь соткана была изъ единой заботы о немъ, о „великомъ и любимомъ", какъ ее собственно, Маріи, Анны, Юліи, давно уже не существовало... „Друзья" въ такихъ случаяхъ умиляются, какъ это нѣжное, женственное существо умѣло скрасить домъ „великому мужу", какъ, возвращаясь послѣ тяжелыхъ трудовъ или битвъ, „великій человѣкъ" всегда зналъ, что его встрѣтитъ ласковый

взглядъ, „улыбка и пѣсенка на устахъ"... И не было больше Маріи, Анны, Юліи, былъ лишь великій человѣкъ и его безличное, блѣдное, покорное отраженіе... Хвала тебѣ, женщинѣ, сумѣвшей во имя любви къ мужу обратиться въ безличную тѣнь!

Что это? Откуда эти панегирики обветшалымъ христіанскимъ добродѣтелямъ? Откуда это непривычное возведеніе въ высшую этическую степень „недѣятельности", смиренія, самоотреченія даже въ устахъ тѣхъ, кто живетъ и умираетъ за принципы „борьбы", активности, самоотверженія? Или это ницшеанство? Грубое, жестокое, аристократическое ницшеанство? Пусть гибнетъ слабое, неокрѣпшее, малое, пусть лежитъ, распростершись въ прахѣ у ногъ „великаго", сильнаго... Ницшеанство—критеріи морали?

Но недоумѣніе наше неосновательно. Прислушайтесь и вдумайтесь, о комъ идетъ рѣчь. О человѣкѣ? Нѣтъ, только о „женщинѣ"... А женщины подлежатъ, какъ извѣстно, во всѣхъ случаяхъ иной оцѣнкѣ. Вспомните слова Метерлинка: „Когда мы говоримъ о добродѣтеляхъ мужчинъ, мы рисуемъ ихъ себѣ въ борьбѣ, въ дѣяніяхъ. Въ женщинѣ мы любуемся тѣмъ, что въ ней неподвижнаго, мы исходимъ изъ великолѣпнаго мрамора, стоящаго въ музеѣ. Женщина—это безкрасочная картина, сотканная изъ дремлющихъ пороковъ, задавленныхъ страстей, не пробужденныхъ честолюбивыхъ желаній, пассивныхъ движеній и отрицательныхъ силъ... Она добродѣтельна, потому что въ ней нѣтъ страстей, добра—потому что она никому не вредитъ, справедлива, потому что она бездѣятельна, терпѣлива и покорна, потому что она лишена всякой самодѣятельности... Всѣ эти добродѣтели могутъ цвѣсти и на трупѣ"... Въ самомъ дѣлѣ, какимъ безсознательнымъ презрѣніемъ къ женщинѣ, къ женщинѣ-человѣку проникнуты обычные панегирики ей—особенно „идеальной подругѣ" и любящей женѣ! Какъ явно противорѣчитъ эта „правда", эта оцѣнка правдѣ и оцѣнкѣ общечеловѣческой...

„Есть двѣ морали—одна мораль дремы, другая активности, одна мораль тѣней, другая свѣта... Но перенесите эти высшія женскія добродѣтели въ суровую правду жизни—и, вмѣсто самоотреченія, смиренія, преданности, вѣрности, получите безсиліе, покорность, несознательность, тупость и трусость"...

О томъ, какъ рѣзко разнится наше сужденіе о дѣяніяхъ одного и того же порядка, совершаемаго представителями разныхъ половъ, свидѣтельствуетъ оцѣнка отношеній между супругами. Мы брали жену „великаго мужа"; подставьте теперь вмѣсто женщины—мужчину, „мужа знаменитости". Сомкните кругъ его жизни заботой объ „единой", любимой избранницѣ; отнимите у него дѣло, интересы, стремленія, заставьте его анулировать себя, какъ личность, стушеваться, исчезнуть, чтобы тѣмъ великолѣпнѣе могла развернуть свое „я" „единая", „сильная"... Боюсь, что за всѣ добродѣтели идеальнаго мужа мы наградили бы его снисходительной усмѣшкой: чего не дѣлаетъ съ человѣкомъ любовь! Но о панегирикахъ „мужу-тѣни" и рѣчи бы быть не могло. И если-бъ высшій судья—общественность заставила бы душу идеальнаго супруга предстать передъ

собою,—приговоръ былъ бы суровъ. „Человѣкъ! Ты не исполнилъ своего назначенія“.

А какъ бы отнесся тотъ же судья къ смиренно-любящей женѣ, къ „femmes aimantes“, со всѣмъ ее характеризующимъ?

— „Чѣмъ была ты, женщина?“

— „Его вѣрной женой, смиренной слугой „единаго“. Ради него отреклась я отъ своего „я“, отъ всего, что дѣлало меня отдѣльной, самостоятельной личностью... Я была тѣнью „его“, вѣрнымъ его отраженіемъ“...

— „Иди съ миромъ, женщина. Ты честно исполнила долгъ свой“.

Два критерія, двѣ оцѣнки, двѣ „правды“—одна для тѣхъ, кто на берегу, другая для тѣхъ, кто борется съ теченіемъ... Мораль властелиновъ и мораль рабовъ, подувѣченная христіанскими добродѣтелями... И послѣ того удивляются, что эти безликія рабыни, это олицетвореніе покорности и жалкой трусости, превращаются въ своихъ антиподовъ и опутываютъ сѣтями своего рабства самого „властелина“! Рабъ и деспотъ—два лика того же божества...

Но надо же отдать и „женамъ“ справедливость, имъ, этимъ безличнымъ слугамъ и резонаторамъ „единаго“: служа ему—избраннику, онѣ косвенно служатъ и его „великимъ“ или „малымъ“ задачамъ... Что стало бы съ ними, съ „великими мужами“, если-бъ возлѣ нихъ не была ихъ вѣрная подруга, „оруженосецъ“ изъ „Жизни Человѣка“? Но неужели можно, не шутя, предполагать, что, не заботься графиня Толстая „о горячемъ завтракѣ“ въ любой часъ для геніальнаго мужа-творца, не было бы и великихъ его твореній? Неужели можно допустить, что другой великій старецъ-борецъ, тотъ, что написалъ „женское евангеліе“, пересталъ бы быть Бебелемъ, если-бъ не было возлѣ него его скромной, любящей Юліи? Именно память о ней, объ этой женщинѣ, полной „возможностей“, встаетъ при мысли о женахъ „великихъ людей“. Въ одномъ изъ некрологовъ по случаю ея смерти говорилось: „Какъ часто эта скромная и сдержанная женщина, остававшаяся всегда въ тѣни, глядя на своихъ подругъ-сверстницъ, такихъ же бывшихъ работницъ, какъ и сама Юлія, сверстницъ, сумѣвшихъ добиться самостоятельнаго положенія и несшихъ на служеніе общему дѣлу всѣ свои силы, подавляла она невольный свой вздохъ... Но какъ умная женщина, она понимала, что на своемъ посту вѣрной жены она въ еще большей степени служила тому же дѣлу“...

Вы слышите драму за этими „подавленными вздохами“? И точно изъ могилы ея, этой женщины съ мягкими движеніями и чуть печальной улыбкой, долетаетъ снова тотъ „подавленный вздохъ“... И уже вздыхаетъ не Юлія Бебель, а милліоны женъ великихъ, и малыхъ, и среднихъ мужей—женщинъ, отрекшихся отъ своего „я“, чтобы отдать себя на служеніе „единому“...

Такова современная, переходная дѣйствительность, таковъ законъ индивидуалистическаго строя, при которомъ порабощеніе и самоотреченіе слабѣйшаго служатъ ступенью къ возвеличенію большаго и сильнаго...

Такова старая правда, пускаемая въ обращеніе тогда, когда рѣчь идетъ о

древнѣйшей изъ рабынь—о женщинѣ...

Но на смѣну старой правды, съ ея двуликимъ обликомъ, идетъ правда новая,—та, что несутъ на своихъ обремененныхъ непосильнымъ наемнымъ трудомъ плечахъ милліоны женщинъ, вырываемыхъ властнымъ призывомъ фабричнаго гудка изъ объятій „единаго избранника"... Самостоятельно и смѣло глядятъ онѣ въ глаза суровой жизни и въ трудныхъ битвахъ, въ неустанной, подчасъ смертельно ранящей борьбѣ, онѣ обрѣтаютъ „себя" и теряютъ одну за другой ставшія ненужными пассивно-женскія добродѣтели... И уже не вздохи, а смѣлый призывный кличъ оглашаетъ воздухъ: „На работу, скорѣй на работу! Больше свѣту, простору... Свѣжаго, вольнаго воздуха, новой правды, новаго будущаго, того будущаго, при которомъ женщинѣ не придется плести вѣнковъ изъ своего „я" для вѣнчанія имъ „единаго", не придется ощипывать своихъ перьевъ, чтобы устилать ими ложе самца. Того будущаго, въ которомъ и женщина смѣлымъ взмахомъ окрѣпшихъ въ работѣ и борьбѣ крыльевъ подымется высоко въ поднебесье, чтобы рядомъ съ избранникомъ, не властелиномъ, а равнымъ, товарищемъ, служить общему богу—грядущему человѣчеству".

Александра Коллонтай.

Интернаціоналъ и русское соціалистическое движеніе.

Если революціонный ураганъ 1848 г. отозвался въ Россіи лишь усилившеюся реакціей и русское общество еще тяжелѣе застонало подъ желѣзною стопою Николая I, то шестидесятые годы были отмѣчены сильнымъ общественнымъ движеніемъ и въ Россіи, и въ Европѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ появляются въ Европѣ представители новой русской общественной волны—разночинскаго соціализма. Русскіе соціалисты-разночинцы, живущіе въ Европѣ, не могли, конечно, остаться въ сторонѣ отъ быстро расширявшейся дѣятельности „Интернаціонала", о силѣ котораго тогда существовало очень преувеличенное представленіе въ средѣ всего западно-европейскаго общества и правительства. Связующимъ звеномъ между русскою политическою эмиграціей и «Интернаціоналомъ» послужилъ Михаилъ Бакунинъ, какъ разъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ вновь появившійся на европейскомъ горизонтѣ послѣ долгихъ лѣтъ тюрьмы, каторги и ссылки.

Бакунинъ бѣжалъ изъ Сибири и прибылъ въ Лондонъ (27-го декабря 1861 г.) незадолго до открытія лондонской всемірной выставки, послужившей толчкомъ для братанія и объединенія международной соціалистической демократіи, что постепенно привело къ созданію „Международнаго Товарищества Рабочихъ".

Бакунинъ былъ арестованъ черезъ нѣсколько дней послѣ дрезденскаго майскаго возстанія 1849 г. и вернулся вновь въ Европу черезъ двѣнадцать лѣтъ. Онъ оставилъ Зап. Европу, когда она еще не остыла отъ революціонной горячки, онъ вернулся въ нее, когда повсюду появлялись симптомы новаго общественнаго оживленія. Бакунинъ, такимъ образомъ, не пережилъ той томительной, необычайно затянувшейся полосы реакціи, которая легла между концомъ сороковыхъ и началомъ шестидесятыхъ годовъ. Ему не пришлось видѣть вакханалію реакціи и печальныхъ рядовъ революціонеровъ, осужденныхъ на политическую безработицу и занимавшихся ожесточенной междуусобной грызней и взаимными мелочными обвиненіями. Онъ не видѣлъ, какъ видѣлъ его другъ Герценъ, полнаго крушенія уже, казалось, осуществившихся идеаловъ и не пережилъ трагедіи своихъ товарищей, еще вчера чувствовавшихъ себя господами положенія, а сегодня стоявшихъ безсильными зрителями реакціонной вакханаліи. Подъ снѣгами Сибири Бакунинъ сумѣлъ сохранить не остуженнымъ свой революціонный пылъ и готовъ былъ, какъ въ 1848 году, вновь вложить его въ европейское соціалистическое движеніе. Но за протекшія двѣнадцать лѣтъ въ практикѣ и теоріи европейскаго соціализма произошли глубокія измѣненія. Общественное движеніе шестидесятыхъ годовъ въ Зап. Европѣ существенно отличалось отъ общественнаго движенія сороковыхъ годовъ. Въ сороковыхъ годахъ наличность одного общаго политическаго врага, недифференцированность общественныхъ отношеній сдѣлала возможнымъ до поры, до времени общую дружную политическую кампанію, въ рядахъ которой классовая борьба проявлялась еще очень слабо, а соціалистическія теоріи играли очень незначительную роль. Что же касается въ частности марксизма, то хотя его основныя идеи были сформулированы до революціи 1848 года, но во Франціи онѣ были совершенно незнакомы дѣятелямъ 48 года, а въ Германіи съ ними былъ знакомъ лишь тѣсный кружокъ интеллигентовъ, не оказавшихъ на развитіе революціонныхъ событій никакого вліянія. Горячая атмосфера революціи и высокое давленіе реакціи сдѣлали въ 1848 году возможнымъ сплавленіе различныхъ соціальныхъ классовъ въ одно политическое цѣлое, вновь распавшееся на свои составныя части, какъ только ослабло высокое давленіе реакціи и понизилась горячая атмосфера революціи. Такова была Европа, когда ее покинулъ или, точнѣе, когда отъ нея былъ оторванъ Бакунинъ. Совсѣмъ иную картину увидѣлъ Бакунинъ, вернувшись въ Лондонъ въ 1861 году. Движеніе шестидесятыхъ годовъ, воплотившееся въ „Интернаціоналѣ" было, прежде всего, массовымъ рабочимъ движеніемъ, разсчитаннымъ не на моментальный революціонный переворотъ, а на длительную работу.

Руководящая роль въ этомъ движеніи все болѣе рѣшительно переходила къ марксизму, успѣвшему къ этому времени не только сформулировать ясные и опредѣленные лозунги, но и сформировать сильное массовое движеніе. Уже въ со-

роковыхъ годахъ Марксу приходилось вести ожесточенную полемику не только съ буржуазными трезвенниками, но и съ соціалистическими мечтателями. Но въ шестидесятыхъ годахъ пришла для марксизма пора практически, въ рамкахъ дѣятельности „Интернаціонала", размежеваться съ другими соціалистическими теченіями и ученіями. Эта борьба двухъ началъ въ дѣятельности „Интернаціонала", борьба, главнымъ образомъ, между марксизмомъ и анархизмомъ, борьба вначалѣ глухая и скрытая, а потомъ бурно вырвавшаяся наружу, не могла не захватить и русскую эмиграцію, внеся въ нее расколъ.

Наконецъ, совершилось то, къ чему такъ страстно стремился Бакунинъ,— передъ нимъ раскрылись двери „Интернаціонала". Но онъ вошелъ туда только для того, чтобы убѣдиться, что двѣ такія крупныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такія разныя личности, какъ онъ и Марксъ, не могутъ работать въ рамкахъ одной и той же организаціи.

Какъ бы тамъ ни было, Бакунинъ сталъ членомъ „Интернаціонала"—и вмѣстѣ съ этимъ необычайно повысился и интересъ русской эмиграціи къ его все расширявшейся дѣятельности. Въ томъ же самомъ 1869 году, когда Бакунинъ, въ качествѣ члена женевской секціи распавшагося «Союза Соц. Дем.», вошелъ членомъ въ «Интернаціоналъ», на общественномъ форумѣ русской эмиграціи выдвигается фигура Николая Утина, въ свою очередь стремившагося играть крупную роль въ „Интернаціоналѣ".

Со смертью Серно-Соловьевича среди русскихъ членовъ «Интернаціонала» руководящая роль все болѣе переходила, съ одной стороны, къ Утину, а съ другой— къ Бакунину, и они все чаще и все непосредственнѣе стали сталкиваться другъ съ другомъ. Бакунинъ съ самаго начала отнесся къ Утину съ глубокой антипатіей. Его все отталкивало въ Утинѣ и, какъ бы предчувствуя, что этотъ молодой эмигрантъ впослѣдствіи станетъ его непримиримымъ врагомъ, Бакунинъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы заградить Утину доступъ сначала въ „Союзъ Соціалистической Демократіи", а впослѣдствіи и въ „Интернаціоналъ". Но Утинъ не былъ человѣкомъ, революціонную карьеру котораго могъ испортить Бакунинъ. Очень богатый, живой, одаренный краснорѣчіемъ и большою безцеремонностью, онъ сумѣлъ очень скоро, къ великому гнѣву Бакунина, войти въ женевскую секцію «Интернаціонала» и занять въ ней очень видную позицію. Бакунинъ рвалъ и металъ, но измѣнить этотъ фактъ онъ былъ безсиленъ. Въ его „Отчетѣ объ алльянсѣ" содержится цѣлая спеціальная глава, посвященная Утину и носящая колоритное названіе: „Утинъ, Маккавей и Ротшильдъ женевскаго Интернаціонала". Эта глава напитана лютою ненавистью къ Утину, успѣхъ котораго Бакунинъ приписываетъ „лжи, деньгамъ и женщинамъ", въ особенности послѣднимъ. Соотвѣтствующія мѣста изъ доклада Бакунина свидѣтельствуютъ о высотѣ градуса и крѣпости аромата, до которыхъ доходила уже тогда борьба между Утинымъ и Бакунинымъ; впрочемъ, личная вражда и личныя дрязги начинали все больше заглушать и затемнять борьбу принципіальную.

„Женщины,—пишетъ Бакунинъ,—стояли передъ нимъ (Утинымъ) на колѣняхъ, восхищаясь его самопожертвованіемъ, героизмомъ и фразами; онъ расхаживалъ и распѣвалъ передъ ними точно пѣтухъ въ курятникѣ. Онъ умѣлъ превратить ихъ въ своихъ пропагандистокъ и интриганокъ. Онѣ повсюду прославляли его добродѣтели и, такія же безсовѣстныя, какъ онъ самъ, онѣ распускали сплетни обо всѣхъ, неугодившихъ имъ. Конечно, я сдѣлался предметомъ ихъ ненависти. На конгрессѣ въ Базелѣ, окруженный этими дамами, Утинъ выступилъ публично и, въ качествѣ великаго тактика, распредѣлилъ роли и между своими поклонницами. Англійскіе делегаты, быть можетъ, показавшіеся имъ самыми несообразительными, имѣвшіе въ глазахъ Утина большое достоинство считаться друзьями Маркса и къ тому же членами Генеральнаго Совѣта, сдѣлались излюбленнымъ предметомъ ухаживаній и кокетства этихъ дамъ".

Въ самый разгаръ борьбы Бакунина съ Утинымъ, бакунистовъ съ марксистами, появляется среди русской эмиграціи новая крупная фигура—Нечаевъ. Нечаевъ первое время имѣлъ очень сильное вліяніе на Бакунина и толкалъ его въ сторону все большаго отдаленія отъ основныхъ руководящихъ началъ марксистскаго „Интернаціонала", увлекая его отъ большой дороги массоваго рабочаго движенія въ узкія тропинки революціоннаго авантюризма.

Въ то же самое время Н. Утинъ все болѣе сближался и идейно и лично съ марксистскимъ крыломъ „Интернаціонала". Сначала Утинъ сдѣлалъ попытку переработать въ марксистскомъ духѣ параграфы устава бакунистскаго „Союза Соціалистической Демократіи", и хотя при этомъ онъ наткнулся на оппозицію эмигранта-бакуниста Жуковскаго, напиравшаго на буржуазность природы всякаго государственнаго начала, но все-таки ему удалось склонить большинство на свою сторону. Но Бакунинъ, лично явившись на собраніе членовъ „Союза", заявилъ, что собравшіеся члены не могутъ мѣнять параграфы устава, не предупредивъ объ этомъ повѣстками заблаговременно за мѣсяцъ.

Тогда Утинъ рѣшилъ окончательно размежеваться съ Бакунинымъ и бакунистами и основать спеціальную „Русскую секцію Интернаціонала". 26-го марта 1870 г. въ газетѣ „Egalité" появилось заявленіе отъ Утина и его друга Трусова, извѣщавшее объ основаніи „Русской секціи Интернаціонала", органомъ которой объявлено было „Народное Дѣло".

Въ русскую секцію „Интернаціонала", организованную Утинымъ, вошли изъ русскихъ эмигрантовъ Аитовъ, Трусовъ, Левашева и др.

„Первая Русская секція Межд. Товар. Рабочихъ" ставила себѣ слѣдующую задачу: пропогандировать въ Россіи всѣми возможными раціональными средствами идеи и начала международнаго товарищества рабочихъ; способствовать устройству интернаціональныхъ секцій въ средѣ русскихъ рабочихъ массъ; помогать установленію прямой солидарной связи между трудящимися классами Россіи и Зап. Европы.

Программа, составленная Утинымъ, гласила далѣе:

„Принимая во вниманіе: что отсталыя идеи панславизма производятъ пагубное вліяніе на духъ и развитіе рабочихъ массъ въ славянскихъ земляхъ Австріи и Турціи; что такія идеи всегда были только западнею для славянскихъ народовъ; что идея націонализма злоупотребляется теперь врагами народа противъ всякой соціалистической и интернаціональной пропаганды, которую представляютъ рабочей массѣ, какъ пугало, разрушающее всякую независимость и самобытность, между тѣмъ какъ, наоборотъ, будущая интернаціональная и соціалистическая организація рабочихъ массъ именно даетъ полную свободу не только каждому народу и народности, но и всякой вообще группѣ лицъ, самостоятельно и независимо соединяться съ тѣми группами, съ которыми наиболѣе связаны индивидуальные и коллективные интересы всей жизни; что завоевательный режимъ находится въ прямомъ противорѣчіи со всѣми принципами международнаго братства народовъ, мы обращаемся съ призывомъ къ нашимъ братьямъ въ Польшѣ, Малороссіи, австрійскихъ и турецкихъ земляхъ, точно также ко всѣмъ группамъ разныхъ народностей Россіи, и приглашаемъ ихъ работать солидарно съ нами, соединяться въ группы и организовываться для дѣятельной пропаганды. Мы приглашаемъ поэтому нашихъ братьевъ приступить къ образованію центральныхъ секцій въ славянскихъ земляхъ, которыя вызвали бы составленіе ремесленныхъ союзовъ, федерацій этихъ союзовъ и, наконецъ, вступленіе ихъ, помимо всѣхъ искусственныхъ территоріальныхъ границъ, въ общій интернаціональный союзъ всѣхъ ремеслъ и профессій".

Извѣщеніе объ образованіи этой русской секціи „Интернаціонала" Утинъ послалъ К. Марксу, который отвѣтилъ ему:

„Граждане! Въ своемъ засѣданіи 22-го марта (1870 г.) Главный Совѣтъ объявилъ единодушнымъ вотумомъ, что ваша программа и статьи согласны съ общими принципами „Межд. Товар. Рабочихъ". Онъ поспѣшилъ принять вашу вѣтвь въ составъ „Интернаціонала". Я съ удовольствіемъ принимаю почетную обязанность, которую вы мнѣ предлагаете, быть вашимъ представителемъ при Главномъ Совѣтѣ".

Коснувшись затѣмъ польскаго и славянскаго вопроса, Марксъ продолжаетъ: „Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ прислали изъ Спб. сочиненіе Флеровскаго „Положеніе рабочаго класса въ Россіи". Это настоящее открытіе для Европы. Русскій оптимизмъ, распространяемый на континентѣ даже т. н. революціонерами, безпощадно разоблаченъ въ этомъ сочиненіи. Достоинство его не пострадаетъ, если я скажу, что оно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вполнѣ удовлетворяетъ критикѣ съ точки зрѣнія чисто теоретической. Это—труды серьезнаго наблюдателя, безстрашнаго труженика, безпристрастнаго критика, мощнаго художника и, прежде всего, человѣка, возмущеннаго противъ гнета во всѣхъ его видахъ, нетерпящаго всевозможныхъ національныхъ гимновъ и страстно дѣлящаго всѣ страданія и всѣ стремленія производительнаго класса. Такіе труды,

какъ Флеровскаго и какъ вашего учителя Чернышевскаго, дѣлаютъ дѣйствительную честь Россіи и доказываютъ, что ваша страна тоже начинаетъ участвовать въ общемъ движеніи нашего вѣка. Привѣтъ и братство! К. Марксъ".

Утинъ носился, конечно, съ этимъ письмомъ Маркса по всей русской колоніи. Когда Бакунинъ узналъ о содержаніи письма, онъ писалъ эмигранту Жуковскому:

„Милый мой Жукъ!

„Ты, конечно, знаешь, какъ Н. У. (Утинъ) воспользовался нашей программой и моей статьею для русской секціи; такимъ образомъ то, что намъ не удалось осуществить, передѣлалъ по марксистски У. и, надо дать ему справедливость, сдѣлалъ на этотъ разъ дѣло большой важности для будущаго Межд. Общ. Раб. Образованіе русской секціи есть важное событіе, и если оно пройдетъ незамѣтнымъ, то не потому, что секція изъ с. с—ъ, а потому, что нѣтъ среди мужчинъ тамъ никого, кто смогъ бы и сумѣлъ использовать это хорошее дѣло. Существованіе русскихъ въ Межд. Тов. Раб. потому важно, что реакціонные элементы европейскихъ государствъ будутъ всегда поддерживать сознательно и безсознательно русское самодержавіе. К. Марксъ вполнѣ правъ, говоря, что германская реакція и прусское юнкерство можетъ быть уничтожено только тогда, когда погибнетъ и наша реакція; ему на-руку, чтобы каштаны изъ огня вынулъ для нѣмцевъ русскій народъ, только пока что, братъ, а нѣмецкіе банкиры всегда поддержатъ наше правительство, потому что они сознаютъ, что паденіе его будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и гибелью ихъ самихъ. Правъ вполнѣ К. Марксъ относительно панславизма, который всегда былъ и будетъ скрытымъ деспотизмомъ: русскіе всегда обѣщали славянскимъ народамъ освобожденіе изъ-подъ чужеземнаго ига, чтобы подчинить ихъ русскому деспотизму, и надо сознаться, что наши братья-славяне своимъ одностороннимъ націонализмомъ много способствуютъ такой пропагандѣ" [1]).

Отношенія между Бакунинымъ и Утинымъ приняли открыто враждебный характеръ. Утинъ съ 1870 года входитъ въ личную переписку съ Марксомъ, и послѣдній выбираетъ Утина, какъ орудіе борьбы съ бакунизмомъ. Лондонскій Генеральный Совѣтъ, руководимый Марксомъ, рѣшаетъ очистить „Интернаціоналъ" отъ революціонно-романтическихъ элементовъ и, въ особенности, устранить всякіе слѣды сектантства и авантюризма. Считая Бакунина яркимъ воплощеніемъ революціонной романтики и заговорщическаго соціализма, Марксъ, начиная съ 1870 года, открываетъ энергичную кампанію противъ Бакунина и бакунистовъ, рѣшивъ во что бы то ни стало заставить ихъ уйти изъ „Интернаціонала". Но для этой кампаніи Марксу нуженъ былъ фактическій матерьялъ, касающійся революціонной дѣятельности Бакунина въ русской средѣ, его отношеній къ Нечаеву и т. д. И вотъ въ роли, такъ сказать, судебнаго слѣдователя главнымъ образомъ по обвиненію Бакунина въ революціонномъ аван-

[1]) Ср. З. Ралли. „Изъ моихъ воспоминаній". „Минувшіе Годы", 1908 г. Окт. Стр. 154—156.

тюризмѣ выступаетъ Николай Утинъ и на этой почвѣ завязываетъ оживленныя сношенія съ Марксомъ.

Бакунинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ: „Уже весною 1870 г. я зналъ, что Утинъ налѣво и направо разсказываетъ о томъ, что онъ получилъ отъ Маркса конфиденціальное письмо, въ которомъ Марксъ проситъ собрать противъ меня всѣ имѣющіеся факты, т. е. всѣ басни, всѣ нелѣпѣйшія обвиненія, которыя должны быть обставлены доказательствами и, если это удастся, то ими воспользуются на ближайшемъ конгрессѣ“ [1])

На конгрессѣ делегатовъ „романской федераціи“ „Интернаціонала“, происходившемъ въ апрѣлѣ 1980 г. въ Швейцаріи въ городѣ Шо-де-фонъ, Н. Утинъ открыто объявилъ себя непримиримымъ врагомъ Бакунина. Рѣчь, произнесенная Утинымъ, носила рѣзко вызывающій характеръ. Утинъ теперь, чувствуя за собою сильную руку Маркса, выступилъ противъ Бакунина съ самыми тяжкими обвиненіями, доказывая при этомъ, что Бакунину нѣтъ мѣста и не можетъ быть мѣста въ „Интернаціоналѣ“. „Всегда и вездѣ,—говорилъ Утинъ,—Бакунинъ распространяетъ свое гибельное ученіе, цѣль котораго—установить свою личную, чуждую диктатуру надъ рабочимъ классомъ... Въ своихъ русскихъ прокламаціяхъ Бакунинъ открыто заявлялъ, что для него не существуетъ ни вѣры, ни закона, разъ дѣло идетъ о его такъ называемыхъ революціонныхъ затѣяхъ, что для него не существуетъ ни справедливости, ни нравственности, что для него всѣ средства хороши, разъ дѣло идетъ о врагахъ. А его врагами являетесь вы, рабочіе, не выражающіе желанія идти у него на буксирѣ, и мы, его разоблачающіе“. „Да, это правда, что я—непримиримый его врагъ; онъ принесъ слишкомъ много зла революціонному движенію моей родной страны и теперь онъ дѣлаетъ то же самое и по отношенію къ „Интернаціоналу“. Но когда придетъ день народной расплаты, тогда народъ узнаетъ, кто его истинные враги, и если будетъ работать гильотина, то пусть господа великіе диктаторы поберегутся, пусть они подумаютъ о томъ, что они заслуживаютъ быть гильотинированными въ числѣ первыхъ“ [1]).

Такимъ образомъ, Утинъ угрожалъ Бакунину гильотиной въ случаѣ наступленія дня народной расправы!

Н. Утинъ повелъ въ „Egalitè“, которую онъ тогда редактировалъ, энергичную кампанію за исключеніе Бакунина и бакунистовъ изъ „Интернаціонала“. Въ статьѣ, помѣщенной въ „Egalitè“ отъ 16 апр. 1870-го года, Н. Утинъ рѣзко ставилъ дилемму: или „Интернаціоналъ„ станетъ игрушкой въ рукахъ революціонныхъ самозванцевъ, или же онъ „выброситъ изъ своей среды интригановъ“, т. е. бакунистовъ.

Кампанія противъ Бакунина и за его исключеніе изъ „Интернаціонала“ велась теперь открыто. Какъ показываетъ

---

[1]) Письмо это предназначалось для газеты „Libertè“, но не было отослано Бакунинымъ. Оно было найдено и впервые напечатано извѣстнымъ біографомъ Бакунина Максомъ Нетлау въ „Societè Nouvelle“. 10. année t. II.

[1]) Cp. Iames Guillaume L'Internationalle. Paris 1907. t. II. p. 8.

его запальчивый языкъ, Утинъ чувствовалъ себя теперь достаточно сильнымъ, чтобы выступить противъ Бакунина. Ему удалось собрать документы, сильно компрометировавшіе доброе революціонное имя Бакунина. Эти документы, какъ мы увидимъ ниже, касались главнымъ образомъ авантюристскихъ похожденій Нечаева, причемъ Утинъ, справедливо указывая на вліяніе, оказанное Нечаевымъ на Бакунина, и на многія точки идейнаго соприкосновенія между тѣмъ и другимъ, вмѣстѣ съ этимъ не далъ себѣ достаточнаго труда критически разобраться, гдѣ начинается и кончается теоретическая и личная отвѣтственность Бакунина за революціонныя похожденія и вымогательства Нечаева.

Эта борьба между Бакунинымъ и Утинымъ все глубже волновала русскую политическую эмиграцію и все сильнѣе разжигала въ ней политическія страсти.

Мы не станемъ прослѣживать здѣсь крайне запутанной и крайне затянувшейся организаціонной борьбы между Утинымъ и Бакунинымъ внутри швейцарскихъ развѣтвленій „Интернаціонала". Утинъ и его товарищи выступили въ мартѣ 1871-го года съ заявленіемъ, что имъ-то собственно незачѣмъ стараться объ исключеніи Бакунина изъ „Интернаціонала", такъ какъ бакунистская секція „Союза Соціалист. Демократіи" никогда не была признана вѣтвью „Интернаціонала". Въ отвѣтъ на это ярый бакунистъ Жуковскій опубликовалъ письмо, подписанное Эккаріусомъ и Юнгомъ и извѣщавшее о зачисленіи этой секціи въ „Интернаціоналъ", и затѣмъ росписку о внесеніи секціей членскаго взноса. На это Утинъ отвѣтилъ, что упомянутые документы, опубликованные Жуковскимъ, поддѣланы и что лицо, только что пріѣхавшее изъ Лондона, можетъ подтвердить это. Лицомъ, пріѣхавшимъ изъ Лондона, была эмигрантка Дмитріева. Дмитріева сблизилась въ Лондонѣ съ Марксомъ и сдѣлалась его ярой поклонницей. Въ мартѣ она переѣхала въ Женеву, сблизилась здѣсь съ Утинымъ и стала первая распространять слухи о подложности упомянутыхъ документовъ.

Эта новая исторія подлила лишь масла и въ безъ того пылавшій огонь политическихъ страстей. Языкъ обѣихъ враждующихъ русскихъ фракцій—марксистовъ и бакунистовъ—не стѣснялся въ выборѣ словъ и обвиненій. Самыя грубыя ругательства и обвиненія сыпались густымъ градомъ. Отъ такой словесной полемики не далеко было перейти къ дракѣ. И перешли. Въ Цюрихѣ въ то время собралась довольно обширная колонія русскихъ эмигрантовъ, которая съ напряженнымъ и нервнымъ интересомъ слѣдила за разгорающеюся борьбою бакунистовъ и марксистовъ. Большинство склонялось на сторону романтическаго соціализма Бакунина. Онъ былъ ближе, роднѣе русскому соціалисту начала семидесятыхъ годовъ. Реализмъ Маркса не находилъ тогда многочисленныхъ поклонниковъ среди русской эмиграціи, къ тому же представителемъ этого реализма въ русской эмиграціи былъ Н. Утинъ, многихъ отталкивавшій своимъ высокомѣріемъ, мелочнымъ самолюбіемъ и неразборчивость ю въ средствахъ

борьбы. На него-то главнымъ образомъ впослѣдствіи и обрушился гнѣвъ русскихъ бакунистовъ, причемъ, какъ мы замѣтили, дѣло, въ концѣ концовъ, дошло до серьезной потасовки. Въ Цюрихѣ на Утина, проходившаго вдоль канала, напало нѣсколько русскихъ и принялись его жестоко избивать. „Они бросали въ его голову камнями,—пишетъ редактированный Марксомъ докладъ—нанесли ему въ глазъ серьезную рану и, несомнѣнно, убили бы его и бросили въ каналъ, если бы въ это время не приблизились къ мѣсту побоища четыре нѣмецкихъ студента—и разбойники должны были скрыться“ [1]).

Приближался общій конгрессъ „Интернаціонала“—и обѣимъ враждующимъ сторонамъ было ясно, что здѣсь произойдетъ генеральное сраженіе и господствующее марксистское направленіе ребромъ поставитъ вопросъ объ исключеніи бакунистовъ. Обѣ стороны лихорадочно подготовлялись къ предстоящей битвѣ. Въ сентябрѣ 1871 года была созвана въ Лондонѣ конференція „Интернаціонала.“ Въ качествѣ делегата пріѣхалъ на эту конференцію и Николай Утинъ. Пріѣхалъ онъ съ цѣлой кипой документовъ, собранныхъ для обвиненія Бакунина въ революціонномъ авантюризмѣ и даже шантажированіи. При частыхъ встрѣчахъ съ Марксомъ Утинъ сообща выработалъ общій планъ дѣйствія и подробно познакомилъ Маркса со всѣми собранными имъ противъ Бакунина данными.

[1]). Cp. L'alliance de la democratie Socialiste et l'association internationale des travailleurs. Londres Hambourg 1873, стр. 29—30.

Весною 1872 г. уже стала циркулировать небольшая брошюра: „Мнимый расколъ въ „Интернаціоналѣ“. Частный циркуляръ Генеральнаго Совѣта Международнаго Товарищества Рабочихъ“.

Съ появленіемъ этой брошюры сплетни, разговоры и недоговоренности о борьбѣ бакунистовъ съ марксистами приняли уже форму обвинительнаго акта. Противъ Бакунина выдвигался цѣлый рядъ обвиненій въ тяжкихъ преступленіяхъ, но при этомъ уже въ этой брошюрѣ-циркулярѣ вполнѣ ясно было указано, что центръ борьбы двухъ теченій въ „Интернаціоналѣ“ заключается не въ личныхъ разногласіяхъ, не въ личныхъ недостаткахъ, а въ коренномъ принципіальномъ расхожденіи между романтическимъ анархизмомъ Бакунина и реалистическимъ соціализмомъ Маркса, причемъ ясно указывалось, что главнымъ предметомъ разногласія является государство.

„Анархія,—читаемъ мы въ этомъ циркулярѣ,—вотъ онъ боевой конь Бакунина, усвоившаго отъ различныхъ соціалистическихъ системъ лишь ихъ названія. Всѣ соціалисты понимаютъ подъ анархіей слѣдующее: когда будетъ достигнута цѣль пролетарскаго движенія, т. е. устраненіе классоваго раздѣленія общества, тогда исчезнетъ государственная власть, нынѣ отдающая подавляющее производительное большинство населенія подъ ярмо малочисленнаго эксплоатирующаго меньшинства, и тогда государственныя функціи превратятся въ простыя административныя функціи. А „Союзъ Соц. Дем“. смотритъ на этотъ вопросъ съ обратной стороны. Онъ пропо-

вѣдуетъ анархію въ рядахъ пролетаріата, какъ самое вѣрное орудіе, чтобы сломить могущественную концентрацію политическихъ и соціальныхъ силъ въ рукахъ эксплоататоровъ. Подъ этимъ-то предлогомъ онъ и требуетъ, чтобы „Интернаціоналъ" въ тотъ самый моментъ, когда старый міръ жаждетъ его раздавить, замѣнилъ свою организацію анархіей" [1]).

Выпускъ этой брошюры былъ оффиціальнымъ объявленіемъ войны бакунистамъ. И военныя дѣйствія не замедлили открыться съ обѣихъ сторонъ. Началась полемическая канонада, находившая себѣ чуткій откликъ въ русской эмиграціи, все болѣе и болѣе волновавшейся по поводу борьбы бакунистовъ и марксистовъ въ „Интернаціоналѣ". Всѣмъ было ясно, что эта полемика—лишь авангардная перестрѣлка передъ генеральнымъ сраженіемъ на ближайшемъ конгрессѣ „Интернаціонала".

Ближайшій конгрессъ, какъ извѣстно, состоялся въ 1873 г. въ Гаагѣ и закончился исключеніемъ Бакунина и его ближайшихъ единомышленниковъ. Мотивы, заставившіе марксистовъ настаивать на исключеніи Бакунина, подробно изложены были въ анонимной брошюрѣ „L'Alliance de la democratie Socialiste", редактированной Марксомъ и составленной на основаніи матеріаловъ, собранныхъ Н. Утинымъ. Уже въ „Введеніи" Марксомъ бросается бакунистамъ упрекъ за то, что они, „выдавая себя за членовъ „Интернаціонала" и прикрываясь его именемъ, совершали уголовныя преступленія, грабежи, совершили убійство, а буржуазная и правительственная печать за все это возлагала отвѣтственность на наше товарищество".

Наконецъ, въ этомъ же памфлетѣ имѣется обширная глава, посвященная спеціально русскимъ революціоннымъ дѣламъ („L'Alliance en Russie"). Въ этой главѣ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о Нечаевѣ, но попутно Марксъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ революціонный авантюризмъ вообще. Въ этой главѣ Марксъ—не безъ вліянія Утина, доставившаго ему матеріалы—совершенно отождествляетъ Нечаева съ Бакунинымъ и дѣлаетъ послѣдняго отвѣтственнымъ за всѣ революціонныя вымогательства перваго. Мы всѣ знаемъ, что въ дѣятельности Бакунина былъ періодъ, когда онъ находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Нечаева, но Марксъ и Утинъ поступили, конечно, крайне неосторожно, вполнѣ отождежствивъ ихъ революціонные пріемы. Нечаевъ, какъ извѣстно, выдавалъ себя въ Россіи за члена „Интернаціонала", въ чемъ была большая доля вины Бакунина. По словамъ упомянутаго памфлета, Бакунинъ снабдилъ Нечаева мандатомъ, гласившимъ: „Владѣлецъ свидѣтельства — представитель русской вѣтви Международнаго Революціоннаго Союза. № 2771." Свидѣтельство это скрѣплено подписью: „Михаилъ Бакунинъ" и помѣчено 12 мая 1869-го года.

Еще раньше появленія памфлета Маркса, Бакунинъ выпустилъ (въ апрѣлѣ 1873 г.) „Memoire presenté par la Fede-

[1]) Cp. Les pretendues scission de l'Internationale circulaire privée du Conseil general de l'Association internationale des travailleurs. Londres 1873, p. 37.

ration jurasienne“, гдѣ въ общихъ чертахъ изложилъ съ своей точки зрѣнія ходъ развитія „Интернаціонала“, а когда появился памфлетъ Маркса, Бакунинъ отвѣтилъ письмомъ въ „Journal de Geneve“, (отъ 25 сент. 1873 г.) Въ этомъ же письмѣ Бакунинъ заявилъ, что онъ выходитъ изъ „Интернаціонала“ (т. е. изъ той „антиавторитарной“ части, которая образовалась послѣ конгресса въ Гаагѣ), здѣсь же Бакунинъ заявилъ, что онъ вообще устраняется отъ всякой общественной дѣятельности. Но это тогда былъ лишь маневръ, ибо Бакунинъ замышлялъ еще осуществить крупныя революціонныя затѣи. Однако, какъ бы тамъ ни было, дороги Бакунина и Маркса окончательно разошлись въ разныя стороны, они уже больше не встрѣчались и не сталкивались.

Русская эмиграція слѣдила за Гаагскимъ конгрессомъ и, въ частности, за грандіознымъ поединкомъ Маркса и Букунина съ напряженнымъ интересомъ. Еще до Гаагскаго конгресса въ Цюрихѣ образовалась изъ русскихъ, поляковъ и сербовъ „Славянская секція Интернаціонала“ которая, въ полную противоположность „Русской секціи Интернаціонала“ основанной Утинымъ, рѣшительно примкнула къ Бакунину и бакунистамъ. „Славянская секція“ относилась къ Утину съ нескрываемою ненавистью, принявшей настолько острую форму, что осенью 1872 года, какъ мы уже упоминали, Утинъ былъ жестоко избитъ русскими эмигрантами.

Извѣстіе объ исключеніи Бакунина изъ „Интернаціонала“ было встрѣчено „Славянской секціей“ взрывомъ негодованія. Группа русскихъ эмигрантовъ обратилась въ брюссельскую „Liberté“ со слѣдующимъ характернымъ письмомъ:

„Въ докладѣ конгрессу, явно продиктованномъ ненавистью и желаніемъ во что бы то ни стало покончить съ неудобнымъ противникомъ, осмѣлились (on a osé) обвинить нашего соотечественника и друга Михаила Бакунина въ грабежѣ и шантажѣ. Большинство конгресса стало повинно въ безчестномъ поступкѣ, постановивъ исключить человѣка, отдавшаго всю свою жизнь на служеніе великому дѣлу пролетаріата и поплатившагося за это восемью годами заключенія въ нѣмецкихъ и русскихъ крѣпостяхъ и четырьмя годами сибирской ссылки.

„Съ тѣхъ поръ, какъ онъ бѣжалъ изъ Сибири въ 1861 г., Бакунинъ постоянно забрасывался марксистскими сплетнями, непрерывно появлявшимися въ соціалъ-демократическихъ и не-соціалистическихъ журналахъ Германіи. Вы уже знакомы, конечно, съ глупыми, безстыдными и смѣшными баснями, которыя вотъ уже три года разсказываются о Бакунинѣ на страницахъ Volkstaat'а. Теперь же печальная честь этой жалкой мести возложена на конгрессъ „Интернаціонала“, давно подготовленный Марксомъ. Мы считаемъ ненужнымъ и неумѣстнымъ разсматривать здѣсь тѣ мнимые факты, которые послужили основаніемъ для дикихъ обвиненій противъ нашего соотечественника и друга. Эти факты извѣстны намъ до мельчайшихъ подробностей, и мы сочтемъ своею обязанностью возстановить ихъ, какъ только для этого представится возмож-

ность. Въ настоящее же время мы не можемъ сдѣлать это въ виду тяжелаго положенія, въ которомъ находится нашъ дорогой соотечественникъ. Хотя онъ и не нашъ другъ, но, являясь въ настоящую минуту жертвою, схваченною нашимъ правительствомъ, онъ священенъ для насъ. (Дѣло идетъ о Нечаевѣ. *П. Б.*).

„Господинъ Марксъ, обычную ловкость котораго мы не станемъ отрицать, на этотъ разъ плохо разсчиталъ. Честныя сердца во всѣхъ странахъ испытаютъ лишь презрѣніе и отвращеніе передъ лицомъ подобныхъ грязныхъ интригъ и передъ лицомъ такого вопіющаго нарушенія самыхъ элементарныхъ принциповъ справедливости. Что касается Россіи, то мы можемъ увѣрить г. Маркса, что всѣ его старанія пропадаютъ даромъ. Бакунинъ слишкомъ чтимъ и извѣстенъ для того, чтобы сплетни могли его задѣть. Самое большее, что будетъ достигнуто, это сочувствіе подкупленной полиціей прессы или радость въ рядахъ пресловутой Русской секціи „Интернаціонала", которой г. Марксъ можетъ, конечно, гордиться, но которая въ нашей странѣ совершенно невѣдома. Охотно предоставляемъ ей наслаждаться успѣхомъ.

Николай Огаревъ, Варфоломей Зайцевъ, Владиміръ Озеровъ, А. Россъ, Вольдемаръ Гольстейнъ, Земерира Рахли, Александръ Эльсницъ, Валеріанъ Смирновъ" [1]).

[1]) Ср. Victor Dave. Michel Bakounine et Karl Marx. Оттискъ изъ журнала „Societé Nouvelle", стр. 22—23.

Послѣ Гаагскаго конгресса и исключенія Бакунина русская вѣтвь „Интернаціонала" быстро стала сохнуть. Ея глава и вдохновитель — Н. Утинъ быстро охладѣлъ къ революціонному дѣлу и сталъ сворачивать на путь своего отца. Онъ сдѣлался повѣреннымъ Полякова по заграничнымъ заказамъ для желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ же Утина, въ Русской секціи „Интернаціонала" не было энергичныхъ и видныхъ дѣятелей. Подавляющее большинство членовъ русской колоніи рѣшительно склонялось на сторону Бакунина.

„Двѣ враждебныя между собою программы были поставлены на выборъ русской молодежи,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Дебагорій - Мокріевичъ.—Она въ громадномъ большинствѣ высказалась за анархію. Я не берусь указывать здѣсь на причины этого явленія. Можетъ быть, произошло это оттого, что намъ, русскимъ, успѣло надоѣсть къ тому времени государственное вмѣшательство и въ государствѣ мы скорѣе видѣли врага прогрессу, чѣмъ пособника; а, можетъ, и потому, что мы не имѣли рейхстага и некуда намъ было посылать своихъ депутатовъ; какъ бы тамъ ни было, но, повторяю, почти всѣ высказались за анархическія теоріи" [1]).

Дебагорій-Мокріевичъ не указалъ на еще одинъ весьма важный моментъ, заставившій тогдашнюю русскую эмиграцію высказаться за анархическія теченія въ „Интернаціоналѣ",—это отсутствіе въ

[1]) В. Дебагорій-Мокріевичъ. Воспоминанія. Спб. 1906, стр. 81—82.

тогдашней Россіи массоваго рабочаго движенія.

Н. К. Михайловскій, имѣя въ виду именно это отсутствіе массоваго рабочаго движенія, доказывалъ даже (по поводу процесса Нечаева), что у насъ „Междун. Обществу Рабочихъ“ совсѣмъ дѣлать нечего. „Если бы соціалистическія ученія,—писалъ Михайловскій,—не инсинуировались безъ толку и русское общество и, въ особенности, русская молодежь имѣли возможность понимать и здраво обдумать ихъ, то Нечаевъ, какъ представитель международнаго общества рабочихъ, собралъ бы очень небольшую жатву. Русская молодежь могла бы отвѣтить на всѣ его искушенія: я могу сочувствовать или не сочувствовать международному обществу рабочихъ въ Европѣ, но въ Россіи ему дѣлать нечего. Революціонный въ Европѣ, соціализмъ въ Россіи консервативенъ“.

Конечно, не всѣ представители русской эмиграціи семидесятыхъ годовъ согласились бы, что въ Россіи соціализмъ „консервативенъ“, но, въ сущности говоря, всѣ они были согласны съ Михайловскимъ, что „Междун. Товар. Рабочихъ“, поскольку въ немъ царили идеи марксизма, въ Россіи нечего было дѣлать и вотъ почему они отворачивались отъ марксистской струи „Интернаціонала“ въ сторону бакунистской. Теорія Бакунина была воздвигнута на психологическомъ и экономическомъ фундаментѣ политически и экономически отсталыхъ государствъ. Недаромъ на сторонѣ бакунистовъ оказались въ „Интернаціоналѣ“ главнымъ образомъ представители Италіи, Испаніи и т. д.—наиболѣе отсталыхъ западно-европейскихъ странъ. По этой же причинѣ и политическая эмиграція наиболѣе тогда отсталой европейской страны—Россіи—держала сторону бакунистовъ. Тотъ путь борьбы и организаціи, который въ „Интернаціоналѣ“ проповѣдывалъ Марксъ, означалъ для наиболѣе отсталой страны наиболѣе длинный путь мытарствъ по историческимъ стадіямъ; бакунизмъ же, какъ разъ наоборотъ, для наиболѣе отсталой страны сулилъ наиболѣе быстрый переходъ въ соціалистическій рай, минуя капиталистическое чистилище. Удивительно ли, что русская эмиграція почти поголовно увлеклась бакунистскимъ теченіемъ въ „Интернаціоналѣ“?

„Русская секція Интернаціонала“ вымерла, не оказавъ непосредственнаго глубокаго вліянія на русскую соціалистическую мысль и революціонную практику, не оставивъ послѣ себя прямого идейнаго потомства. Это объясняется, конечно, не безполезностью марксистскихъ идей, положенныхъ въ основу ея дѣятельности, а незрѣлостью соціально-экономическихъ условій Россіи, незрѣлостью, придававшей соціалистической дѣятельности заговорщическій, сектантскій характеръ. Вся дѣятельность Маркса въ „Интернаціоналѣ“ уже предполагала сектански-заговорщическій періодъ революціонной дѣятельности пройденнымъ, изжитымъ соціально-политической жизнью страны. Въ первомъ памфлетѣ, направленномъ противъ бакунистовъ, Генеральный Совѣтъ „Интернаціонала“ подчеркивалъ эту изжитость революціоннаго сектантства.

„Сектантство,—читаемъ мы въ этомъ

циркулярѣ—„это дѣтство пролетарскаго движенія, какъ астрологія и алхимія знаменуютъ дѣтство въ развитіи науки. Для того, чтобы стало возможнымъ основаніе „Интернаціонала", необходимо было, чтобы пролетаріатъ уже перемахнулъ черезъ эту стадію" [1]).

И въ своемъ письмѣ къ Больте Марксъ усиленно подчеркиваетъ ту же самую идею: „Интернаціоналъ, — писалъ Марксъ, — былъ основанъ для того, чтобы на мѣсто соціалистическихъ и полу-соціалистическихъ сектъ создать истинную боевую организацію рабочаго класса... Интернаціоналъ, собственно говоря, не могъ бы и возникнуть, если бы ходъ всей исторіи предварительно не разрушилъ сектантскія организаціи. Развитіе соціалистическихъ сектъ и развитіе настоящаго рабочаго движенія всегда находились въ обратномъ отношеніи. Пока секты находили свое историческое оправданіе, рабочій классъ, значитъ, еще не созрѣлъ для самостоятельнаго историческаго движенія. Когда же рабочій классъ уже достигалъ этой зрѣлости, всякія секты становились явленіемъ реакціоннымъ" [2]).

А, между тѣмъ, русское революціонное движеніе конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ носило ярко выраженный отпечатокъ сектантства, причемъ отсталость соціально-политической жизни Россіи, исключавшая возможность въ ней такого движенія, какъ „Интернаціоналъ", возводилась въ высокую степень великой особенности, счастливаго преимущества. При такихъ условіяхъ марксистская вѣтвь „Интернаціонала" не могла принести надежныхъ плодовъ въ средѣ русской эмиграціи.

Марксъ, какъ мы видѣли, видѣлъ одну изъ центральныхъ задачъ «Интернаціонала» въ борьбѣ съ революціоннымъ сектантствомъ и заговорщичествомъ. А какъ наивно, чисто по-сектантски смотрѣли на задачи и дѣятельность „Интернаціонала" даже тѣ русскіе революціонеры, которые имъ увлекались и сочувствовали ему, показываетъ слѣдующая любопытнѣйшая выдержка изъ воспоминаній А. Баулеръ:

„Въ 1875 г. нашъ кружокъ былъ поглощенъ интересомъ къ „Интернаціоналу". Намъ казалось совершенно необходимымъ, немедленно послѣ поселенія въ деревнѣ нѣкоторыхъ изъ насъ и образованія рабочихъ группъ въ городахъ, войти въ сношеніе съ «Интернаціоналомъ» и ввести нашу русскую организацію въ обще-европейскую организацію рабочихъ. Мы знали цѣли «Интернаціонала», потому ему и сочувствовали, но мы сохраняли ни на чемъ не основанную увѣренность, что за явными статутами его непремѣнно должны скрываться тайныя правила, составляющія самую суть организаціи. Такъ сильны были въ насъ русскія привычки жизни, что мы даже и представить себѣ не могли явной организаціи такого общества. Помню, какъ Крашевская сердилась на Лаврова, когда на вопросъ объ организаціи «Интернаціонала» онъ указывалъ на разныя

[1]) Ср. „Les prétendues Scission dans l'Internationale". 1872, стр. 24.

[2]) Ср. Briefe und Auszüge aus Briefen von J. Becker, Dictsgen, Engels etc. Stuttgart, 1906, стр. 38.

напечатанныя по этому поводу статьи и брошюры“ [1]).

Марксъ горячо доказывалъ, что „Международное Товарищество Рабочихъ“ не выполнитъ своей исторической миссіи до тѣхъ поръ, пока оно не избавится отъ всякихъ пережитковъ сектантства и тайнаго заговорщичества, а русскіе революціонеры семидесятыхъ годовъ увѣрены были, что безъ тайнаго заговорщичества «Интернаціоналъ» немыслимъ. И то, что составляло фундаментъ, основу «Интернаціонала», русскіе революціонеры склонны были принимать лишь за ненужный фасадъ, устроенный лишь для отвода полицейскихъ глазъ и скрывающій за собою заговорщическую засаду.

И очень крупной заслугой Николая Утина надо признать то обстоятельство, что онъ одинъ изъ первыхъ русскихъ понялъ соціалистическій реализмъ Маркса и „Международнаго Товарищества Рабочихъ“ и рѣзко противопоставилъ его въ этомъ отношеніи анархическому романтизму Бакунина и Нечаева.

Любопытно въ этомъ отношеніи помѣщенное въ номерѣ „Народнаго Дѣла“ (за 1869 г.) письмо въ редакцію, озаглавленное „Размышленіе о россійскомъ образованномъ обществѣ“. Авторъ этого письма рѣзко нападаетъ на тѣхъ русскихъ революціонеровъ, которые недостатокъ своихъ знаній народа и теоріи стараются возмѣстить пылкостью революціоннаго темперамента. „Хотите,—говоритъ авторъ письма,—я напишу сейчасъ же нѣсколько прокламацій единственно влѣдствіе чесотки въ рукахъ, ибо не настолько же я глупъ, чтобы не знать, что никакая прокламація, какъ бы краснорѣчиво она ни была составлена, не произведетъ серьезнаго дѣйствія, если предварительно пропагандой и организаціей не была приготовлена почва для ея плодотворнаго вліянія“. Авторъ призываетъ русскихъ революціонеровъ слѣдовать примѣру „политической, сдержанной и неуклонной дѣятельности западныхъ рабочихъ“.

П. Берлинъ.

[1]) А. Баулеръ, „Изъ хроники семейства Бакуниныхъ“, „Былое“, Іюль 1907 г., стр. 65.

БЕЗУМЦЫ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ НАУКИ И ИСТОРІИ.

I.

Съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней люди, слывущіе подъ именемъ безумцевъ, у однихъ нецивилизованныхъ народовъ пользуются глубокимъ почитаніемъ и вниманіемъ, признаются святыми, а у другихъ—вызываютъ чувство страха и принужденнаго почитанія.

Въ библейскія времена на безуміе смотрѣли иногда, какъ на наказаніе за грѣхъ („одержимый", „бѣсноватый"), чаще же какъ на сверхъестественное состояніе, свойственное только пророкамъ и прорицателямъ. Само слово „безуміе" не рѣдко считалось браннымъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слова Іисуса: „кто скажетъ брату своему „рака", подлежитъ синедріону, а кто скажетъ „безумный", подлежитъ геенѣ огненной" [1]).

Жители такихъ острововъ, какъ Мадагаскаръ, Ява, Суматра, Товарищества и св. Георга, считаютъ безумцевъ людьми, которыхъ посѣтилъ Богъ. Берберы, турки и мусульмане Средней Азіи, абиссинцы и мн. др. народы и племена видятъ въ безуміи проявленіе божества. Другіе же, какъ, напр., камбоджане, баттакосы, калмыки, нѣкоторыя изъ черныхъ расъ и китайскихъ сектъ относятся къ безумнымъ съ мистическимъ страхомъ, считаютъ ихъ одержимыми злыми духами, демонами и т. п. Въ Индіи и на островахъ Явы и Суматры существуетъ подраздѣленіе на одержимыхъ злымъ духомъ и добрымъ. Послѣдній часто носитъ имя какого-нибудь божества. Русскій народъ тоже подраздѣляетъ безумцевъ на добрыхъ и злыхъ. Первыхъ онъ зоветъ „блаженными", а вторыхъ „кликушами", которыхъ, по народному повѣрью, „бѣсъ" заставляетъ кричать, „выкликать".

Европеецъ среднихъ вѣковъ былъ однимъ изъ первыхъ, проявившихъ критическое отношеніе къ безумцамъ. Это критическое отношеніе вызывалось не тѣмъ, что былъ понятъ міръ безумцевъ, и не какъ слѣдствіе какихъ-либо научныхъ, психологическихъ изысканій, а просто въ силу религіозныхъ и политическихъ соображеній. Господствующая христіанская церковь, съ опредѣлившимся уже міросозерцаніемъ, была нетерпима по отношенію къ новымъ сектантамъ, пророкамъ и реформаторамъ, число которыхъ увеличивалось вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа безумцевъ вообще. Быстрый ростъ числа такихъ безумцевъ

[1]) Еванг. отъ Матѳ. 5, 22.

вспугнулъ европейца, который видѣлъ въ нихъ, прежде всего, элементъ неудобный въ общежитіи и вредный въ политическомъ отношеніи. Невѣжественный и грубый европеецъ среднихъ вѣковъ видѣлъ въ каждомъ, кто только не раздѣлялъ его религіозныхъ міровоззрѣній, или еретика, или діавола, достойнаго того, чтобы сгорѣть на кострѣ. Не только болѣзненныя, но и идейныя проявленія духа того времени разсматривались, какъ исходящія отъ воли діавола. И потому безуміе видѣли тамъ, гдѣ въ силу различныхъ причинъ люди пріобрѣтали новыя свойства человѣческаго духа, не родственныя большинству, и таили въ себѣ законъ, не схожій съ закономъ тѣхъ, среди которыхъ они родились; безуміе было и тамъ, гдѣ происходила перемѣна этическаго, религіознаго и политическаго сознаній и гдѣ было стремленіе къ новой жизни.

Борьба съ безуміемъ началась на религіозной почвѣ. Съ XIII вѣка запылали костры, на которыхъ сжигали безумцевъ. Съ XV в. этотъ способъ борьбы принялъ колоссальные размѣры, и смрадъ горящихъ тѣлъ „еретиковъ", „колдуновъ", „вѣдьмъ" и „чародѣевъ" уже носился надъ Германіей, Франціей, Испаніей, Италіей, Англіей и Швейцаріей. Умъ европейца изощрялся на изобрѣтеніи орудій пытокъ, жестокость которыхъ превышаетъ всякую мѣру.

Католичество сыграло самую поворную роль въ этой трагедіи человѣческаго духа. Въ 1484 г. была обнародована знаменитая булла папы Иннокентія VIII, предписывавшая самыя безпощадныя мѣры въ борьбѣ съ безумцами. Въ Лангедокѣ въ 1527 г. тулузскій сенатъ присудилъ къ сожженію болѣе четырехсотъ „одержимыхъ" и бѣсноватыхъ. Не лучше поступилъ и англійскій парламентъ, издавшій въ 1573 г. законъ, по которому каждый крестьянинъ имѣетъ право охотиться за „еретикомъ" и „оборотнемъ" и убивать ихъ. Въ 1616 г. президентъ бордосскаго парламента сжегъ на кострахъ огромное число истеричныхъ женщинъ. Въ 1610 г. герцогъ Вюртембергскій приказалъ еженедѣльно сжигать на кострахъ до 30-ти женщинъ-колдуній. Въ общемъ за три вѣка около 10 милліоновъ было сожжено на кострахъ въ угоду ревнителямъ христіанской церкви. Несмотря на такія мѣры, число безумцевъ не уменьшалось. Но мѣры борьбы съ ними подъ вліяніемъ эпохи возрожденія приняли другія формы: съ упадкомъ церковной власти, на нихъ уже не смотрѣли, какъ на враговъ церкви, но просто считали ихъ вредными и неправоспособными членами общества.

Не такъ относились къ безумію во всѣ времена болѣе утонченныя натуры— ученые, философы, писатели и поэты. Аристотель и Демокритъ признавали въ безумцахъ пророковъ, прорицателей и поэтовъ. Ближе къ пониманію безумцевъ стоитъ Платонъ. Въ „Федрѣ" онъ говоритъ, что ни одинъ настоящій поэтъ не можетъ обойтись безъ сумасшествія, даже всякій, познающій въ преходящихъ вещахъ вѣчныя идеи, является сумасшедшимъ. Въ миѳѣ о темной пещерѣ онъ высказываетъ такой взглядъ на высшее прозрѣніе, которое въ глазахъ толпы разсматривается, какъ безуміе:

„Тѣ, которые внѣ пещеры видѣли истинный солнечный свѣтъ и истинно существующія вещи (идеи), не могутъ послѣ того въ пещерѣ болѣе видѣть, такъ какъ глаза ихъ отвыкли отъ темноты, не въ состояніи болѣе хорошо различать въ ней образы тѣней и навлекаютъ на себя своими промахами насмѣшки другихъ, которые никогда не отлучались изъ этой пещеры и отъ этихъ образовъ тѣней“.

Взглядъ на безуміе у мыслящихъ людей измѣнился, несмотря на то, что внутренняя сущность безумія по-прежнему ускользала отъ ихъ наблюденія. Внѣшняя сторона безумія, а именно проявленіе духовной жизни безумцевъ, не могла скрыться отъ взгляда нѣкоторыхъ наблюдателей, видящихъ въ духовной жизни не только бредъ, но и творческую способность. Паскаль, Шопенгауэръ, Маудслей, а позднѣе цѣлый рядъ писателей, философовъ и психологовъ отмѣтили умственную дѣятельность безумцевъ и провели даже параллель между геніальностью и помѣшательствомъ. И, тѣмъ не менѣе, всѣ они ограждали себя отъ безумца, признавая, что его мѣсто въ больницѣ, а не на свободѣ. Большинство согласилось скорѣе причислить геніевъ къ безумцамъ, чѣмъ послѣднихъ къ геніямъ. При этомъ представленіе о безумцѣ по-прежнему было расплывчато и туманно.

Лица, незнакомыя съ психіатрической точкой зрѣнія, считали безуміемъ все, что выходило за предѣлы ихъ пониманія. Для однихъ продолжали существовать пророки, оригиналы, чудаки и геніи, которыхъ они не смѣшивали съ безумцами, для другихъ же—люди съ исключительной психикой были только безумцами. Взгляды на безуміе, такимъ образомъ, окрашивались личной симпатіей, а еще чаще эти взгляды создавались подъ вліяніемъ внушенія различныхъ ученій.

Если сравнить взгляды на безуміе нецивилизованныхъ народовъ и нѣкоторыхъ мыслителей, то становится замѣтнымъ сходство этихъ взглядовъ. И тѣ, и другіе чувствуютъ какое-то превосходство безумца надъ собою. У первыхъ, это выражается несознательно, а эмоціонально; у вторыхъ же скорѣе сознательно. Первые, видя безумца, который не подчиняется установленнымъ законамъ, который говоритъ и дѣйствуетъ иначе, чѣмъ всѣ, предполагаютъ въ немъ наличность какой-то особой, сверхъестественной силы, равной божеству и злому духу. Вторые же, путемъ наблюденій, которыя заставляютъ ихъ сравнивать, критиковать, оцѣнивать, приходятъ къ почти аналогичному выводу съ небольшой разницей, а именно: опытъ всей ихъ жизни мѣшаетъ имъ сразу признать безумца существомъ высшаго порядка, и они признаютъ его таковымъ только въ идеѣ, но не въ дѣйствительности.

Въ наше время нѣкоторые писатели-психологи смутно чувствуютъ это превосходство безумца надъ собою. Часто „сумасшедшій“ является героемъ ихъ произведеній и, по преимуществу, тогда, когда идея или образъ, родившійся у писателя, превышаетъ умственный уровень современнаго ему общества [1]).

[1]) „Идіотъ“—Достоевскаго; Позднышевъ изъ „Крейцеровой Сонатѣ“ и „Записки сумасшедшаго“ Л. Толстого; Керженцевъ изъ „Мысли“ Л. Андреева; „Сумасшедшій“, разсказъ М. Арцыбашева.

Въ такихъ случаяхъ писатель, ничѣмъ не рискуя, все новое, оригинальное и парадоксальное сваливаетъ на голову „сумасшедшаго".

Эта неувѣренность, конечно, понятна, и можно только надѣяться, что когда люди постигнутъ сущность безумія, то подобное заигрыванье съ „сумасшедшимъ" безусловно исчезнетъ.

II.

Какъ я уже замѣтилъ, религіозныя воззрѣнія древнихъ и первобытныхъ народовъ сказывались въ опредѣленіи душевной природы безумцевъ. Въ каждомъ душевномъ проявленіи безумцевъ усматривали или присутствіе діавола, или сошествіе божественной благодати. При такихъ воззрѣніяхъ на „сумасшествіе" способовъ врачеванія не могло быть, если не считать случаевъ „исцѣленія", производимыхъ обыкновенно пророками или жрецами. Но древній Египетъ и Индія представляли исключеніе. Какъ въ Египтѣ, такъ и въ Индіи существовало много способовъ врачеванія, и едва-ли не болѣе раціональныхъ, чѣмъ въ наше время Французскій медикъ Филиппъ Пинель разсказываетъ, что „на обоихъ концахъдревняго Египта, въ то время многолюднаго и процвѣтавшаго, находились храмы, посвященные Сатурну, куда во множествѣ помѣщаемы были меланхолики и гдѣ жрецы, пользуясь полною ихъ вѣрою, успѣшно производили мнимое чудесное леченіе при помощи обычныхъ гигіеническихъ средствъ, какъ-то: игръ, увеселительныхъ упражненій, пріятной живописи, прекрасныхъ видовъ и развлеченій, постоянныхъ празднествъ, намѣренно устроенныхъ, и далѣе: надежда, укрѣпленная вѣрою, умѣніе жрецовъ вызывать благопріятное отвлеченіе отъ грустныхъ и меланхолическихъ мыслей — все это не могло не прекратить чувства грусти, успокоить тревоги и обусловить благопріятныя перемѣны, которыя старались сильно оттѣнить, чтобы укрѣпить довѣріе и удержать вѣру въ покровительство божества" [1]).

Такой способъ леченія существуетъ и въ настоящее время подъ именемъ психотерапіи или нравственнаго воздѣйствія, способъ—нашедшій не мало защитниковъ въ послѣднее время.

Въ Индіи безуміе было нерѣдкимъ явленіемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ древнѣйшая индійская медицина отъ Веды до Сузраты. Ломброзо [2]) нашелъ въ этой медицинѣ описаніе шестнадцати формъ безумія, между которыми встрѣчались формы безумія, существующія и понынѣ, какъ, напр., бредъ величія, манія убійства, прогрессивный параличъ и демономанія. Уже въ то время употреблялось нравственное и физическое леченіе и, по увѣренію Ломброзо, древніе индійскіе врачи обладали едва ли не лучшей способностью наблюденія надъ больными, чѣмъ въ наше время.

Но, несмотря на это, психіатрія, какъ наука, еще не существовала. Не существовала она и въ средніе вѣка, когда единственнымъ „врачебнымъ" сред-

---

[1]) Ф. Пинель: „Медико-философское ученіе о душевныхъ болѣзняхъ".

[2]) Ломброзо: „Безуміе прежде и теперь".

ствомъ для безумцевъ были костры, а позднѣе и тюрьмы.

Въ обществѣ существовалъ взглядъ на безуміе, какъ на что-то позорное для человѣка, неизлечимое къ тому же. Цѣль общества сводилась къ тому, чтобы лишить безумца свободы, правоспособности, но, главнымъ образомъ, лишить его дѣеспособности; больныхъ заковывали въ цѣпи, одѣвали наручники, пояса, желѣзныя муфты, кандалы и смирительныя рубашки; если прибавить къ этому мучительныя заволоки и обливаніе холодной водой, то вся психіатрическая „терапевтика" того времени только въ этомъ и состояла.

Въ концѣ XVIII вѣка возникаетъ наука о душевныхъ болѣзняхъ и проникаетъ въ общественные слои, конечно, не какъ „психіатрія", а какъ медицина (самаго слова „психіатрія" въ то время еще не существовало). Предтечами психіатровъ были вначалѣ врачъ Германъ Бургавъ (1668—1738 г.), а затѣмъ Вильямъ Колленъ (1712—1790 г.г.), положившій начало ученію о нервной системѣ, какъ о причинѣ душевныхъ болѣзней. Но подобныя ученія того времени не улучшили способовъ врачеванія, и безумцы находились попрежнему въ угнетающихъ условіяхъ. И только въ 1792 году французскій медикъ Филиппъ Пинель съ большими усиліями добился разрѣшенія снять цѣпи съ душевно-больныхъ, находящихся въ Бисетрѣ. Это былъ одинъ изъ первыхъ врачей того времени, положившихъ начало не только теоретической психіатріи, но и практической; благодаря ему, поборовшему общественный предразсудокъ и доказавшему, что „безумецъ" такой же человѣкъ, какъ и всѣ, безумцы были освобождены отъ цѣпей.

Освободивъ своихъ паціентовъ отъ цѣпей, Пинель занялся преобразованіемъ тюремъ для безумцевъ въ больницы и клиники. Первыя психіатрическія больницы находились въ Бисетрѣ и Сальпетріерѣ.

Послѣ 4-лѣтняго пребыванія въ Сальпетріерѣ Пинелемъ была составлена общая таблица о душевныхъ болѣзняхъ, представленная имъ въ 1807 г. на обсужденіе отдѣла математическихъ и физическихъ наукъ французскаго національнаго института. Въ этой таблицѣ были приведены первыя свѣдѣнія о классификаціяхъ душевныхъ болѣзней, о числѣ больныхъ, умершихъ и излеченныхъ.

Насколько была продуктивна дѣятельность Пинеля, какъ врача, можно судить хотя бы по тѣмъ цифрамъ, которыя онъ приводитъ въ своей таблицѣ. Такъ, напр., число больныхъ маніаковъ и меланхоликовъ за 3 года и 9 мѣсяцевъ было 814, а излеченныхъ—444. Такому проценту излеченія могли бы позавидовать многія изъ нашихъ психіатрическихъ заведеній.

Заслуги Пинеля состояли, помимо его человѣколюбія, въ его тонкой наблюдательности надъ душевно-больными, въ его умѣніи проникнуть въ ихъ внутренній міръ, результатомъ чего явилось его „медико-философское ученіе о душевныхъ болѣзняхъ". Этотъ трудъ состоялъ почти изъ одной обширной клинической „казуистики", распредѣленной Пинелемъ по категоріямъ, которыхъ онъ признавалъ только пять: манія или

общій бредъ, меланхолія или ограниченный бредъ, слабоуміе или уничтоженіе мышленія и идіотизмъ. Попытка Пинеля создать медико-философское ученіе была не изъ удачныхъ, но сама по себѣ мысль связать психіатрію съ философскими проблемами души—очень глубока.

Послѣ Пинеля психіатрія развивалась скорѣе въ теоретическомъ направленіи, чѣмъ въ практическомъ. Психіатрическая наука въ началѣ XIX столѣтія сводилась исключительно къ группировкѣ различныхъ элементовъ, составляющихъ ту или иную душевную болѣзнь, и къ безконечнымъ и безцѣльнымъ спорамъ между психіатрами о происхожденіи какого-нибудь вида безумія. Причиной подобныхъ споровъ служили иногда такія явленія, которыя по своей сущности не имѣли никакого отношенія ни къ психіатріи, вообще, ни къ душевно-больнымъ въ особенности. Нельзя отрицать того, что психологическія воззрѣнія того времени на душевную дѣятельность человѣка отразились и въ психіатрическихъ ученіяхъ. Принимая въ основу установленные психологіей три элемента душевной жизни человѣка, психіатрія, разсматривая различныя пораженія въ сферахъ чувства, мысли и воли, создала новый рядъ классификацій душевныхъ болѣзней. Такъ, напр., разстройства въ сферѣ чувствъ образуютъ группу психо-неврозовъ; разстройства въ сферѣ мысли или познавательной дѣятельности получили наименованіе церебро-психозовъ и, наконецъ, разстройства въ сферѣ воли образовали группу импульсивныхъ помѣшательствъ.

Долгое время въ психіатріи преобладали идеи Эскироля, который хотя и былъ ученикомъ Пинеля, но взгляды котораго на происхожденіе душевныхъ болѣзней расходились со взглядами его учителя. Эскироль пользовался исключительно симптоматическимъ методомъ, съ помощью котораго и создавалъ классификаціи для своихъ мономаній. Благодаря своимъ мономаніямъ, Эскироль безконечно размножалъ виды душевныхъ болѣзней, въ результатѣ чего нерѣдки были случаи, когда съ его точки зрѣнія приходилось признавать существованіе нѣсколькихъ мономаній, послѣдовательно развивающихся у одного и того же лица. Надо отдать справедливость, что во взглядахъ Эскироля было не мало фантастическаго элемента. Но, несмотря на это, эскиролевскія «мономаніи» оставили настолько глубокій слѣдъ въ психіатріи, что его не трудно найти и у современныхъ психіатровъ.

Насколько психіатрія была схематична, неглубока и безпочвенна, какъ наука, можно судить по ея отношенію къ идеямъ хотя бы Эскироля и Мореля.

Ничего не значущія психіатрическія идеи Эскироля, ни на одну іоту не подвинувшія психіатрію впередъ, даже не коснувшіяся происхожденія ни одного душевнаго движенія, въ психіатріи создали направленіе, въ которомъ усиленно комментировались эти идеи, а изъ подобныхъ комментарій создалась «литература», лишенная всякаго практическаго примѣненія, но которую каждый врачъ считалъ своимъ долгомъ изучить.

И не удивительно, что одно время психіатрія, находясь подъ обаяніемъ идей

Эскироля, въ каждой живой душѣ, въ каждомъ словѣ, мышленіи и чувствованіи испытуемыхъ способна была видѣть безконечныя «мономаніи», чѣмъ только увеличивала кадры безумцевъ-мономановъ. Не удивительно и появленіе Мореля, измѣнившаго русло психіатріи своимъ ученіемъ о вліяніи наслѣдственности на помѣшательство, о преобразованіи видовъ вырождающихся путемъ наслѣдственности и возсозданіемъ тѣхъ же эскиролевскихъ мономаній только подъ другимъ соусомъ.

Но если эскиролевскія мономаніи были непонятны и безсильны пролить свѣтъ на загадочныя душевныя проявленія, то также были непонятны и странны выводы Мореля, утверждавшаго, что преобразованные, путемъ наслѣдственности, виды суть ни что иное, какъ только дегенераты. Такимъ утвержденіемъ Морель лишь угрожалъ человѣческому роду всеобщимъ вырожденіемъ и тѣмъ свелъ на смарку эволюцію психо-физическаго организма человѣка.

Дальнѣйшее же развитіе психіатріи, цѣликомъ исходившее изъ принциповъ Мореля, сводилось къ увеличенію классификацій душевныхъ болѣзней, этого излишняго балласта, мѣшающаго психіатріи имѣть установленное мнѣніе объ одномъ и томъ же душевномъ явленіи.

Что же касается тѣхъ методовъ, которые вошли въ психіатрію, какъ, напр., клиническій и этіологическій, введенные Морелемъ взамѣнъ симптоматическаго, то они не дали благопріятныхъ результатовъ по той причинѣ, что первый исключаетъ личность испытуемаго или находящагося на излеченіи, второй же слишкомъ несовершененъ въ смыслѣ примѣненія его къ больному.

При такомъ состояніи психіатріи психіатрамъ могла быть извѣстна только внѣшняя сторона душевной жизни испытуемыхъ или находящихся на излеченіи, могли быть извѣстны частичныя состоянія ихъ души, какъ, напр., состоянія бреда, аффектовъ, тоски и ужаса, мнимоощущеній, мимовольныхъ и навязчивыхъ состояній; извѣстны были, пожалуй, условія, въ которыхъ протекаютъ всѣ эти явленія, но внутренняя причинность этихъ состояній укрылась отъ взгляда психіатровъ. Но зато психіатры съ достаточнымъ вниманіемъ констатировали проявленіе недуговъ своихъ паціентовъ, обобщали ихъ, классифицировали и, присочинивъ имъ признаки, выдавали ихъ за типичные, хотя на самомъ дѣлѣ эти «типичные» признаки служили яблокомъ раздора какъ для классификаторовъ, такъ и для терапевтовъ. Благодаря безчисленнымъ классификаціямъ, мы узнали о существованіи, такъ называемыхъ, органическихъ, невропатическихъ, токсическихъ и другихъ психозовъ, но вопросы—почему одинъ человѣкъ мраченъ, а другой веселъ, одинъ аскетъ, а другой эротоманъ, одинъ скряга, а другой расточитель, одинъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ, а другой безъ шарфа и калошъ не выйдетъ даже и въ сухую погоду,—эти вопросы оставались въ психіатріи безъ отвѣта.

Причины этихъ неудачъ, помимо перечисленныхъ, укрывались въ схоластичности самой психіатріи, а также и въ томъ, что психіатрія создавалась по преимуществу людьми особой психиче-

ской структуры, склонными къ матеріалистическому воззрѣнію на природу человѣка. Съ первыхъ же дней своего существованія психіатрія ставила форму выше содержанія, личности противопоставляла физическій организмъ, и въ результатѣ выходило—не психіатрія для человѣка, а человѣкъ для психіатріи.

III.

Съ теченіемъ времени задачи психіатріи расширились. Психіатрія дѣлаетъ попытку стать не только отраслью медицины, но и чѣмъ-то другимъ; она уже не ограничивается врачеваніемъ «сумасшедшихъ», но въ большей степени занята вообще оздоровленіемъ нашего общества, психо-физическій организмъ котораго, по ея мнѣнію, грозилъ человѣчеству вырожденіемъ. Ея вліяніе сказалось въ публицистикѣ, криминологіи и педагогикѣ, но сама психіатрія продолжала итти своимъ узкимъ путемъ, не измѣняя своего взгляда на природу человѣка. Попрежнему міръ въ ея глазахъ состоялъ изъ больныхъ и здоровыхъ, причемъ больными считались всѣ уклонившіеся отъ «нормы».

Но что такое норма—вопросъ и по сіе время очень туманный.

Въ фактѣ существованія тѣхъ нормъ, отысканіемъ и установленіемъ которыхъ занялась психіатрія, можно усумниться. Въ вопросѣ о нормѣ интересно мнѣніе проф. Петражицкаго [1]), утверждающаго, что не только правовыя нормы, но и всѣ прочія, какъ-то: нравственныя, этическія и эстетическія и т. п. представляютъ ни что иное, какъ эмоціональныя фантазмы или эмоціональныя проэкціи, существованіе которыхъ обусловлено эмоціонально-интеллектуальными процессами. Это, пожалуй, единственное не условное объясненіе всѣхъ дѣйствій и поступковъ людей. Попытки же психіатровъ провести какую-то пограничную черту, которая отдѣляла бы «нормальнаго» человѣка отъ «ненормальнаго», не могутъ претендовать на научное рѣшеніе вопроса.

Явленія физическаго или психическаго «недомоганія» представляютъ собою то, что характеризуетъ, по терминологіи проф. Петражицкаго, такъ называемые, «нормативные факты», которые суть ни что иное, какъ явленія преходящія, исчезающія и не оставляющія часто и слѣда послѣ своего исчезновенія. Такіе «нормативные факты» не создаютъ, а уничтожаютъ «нормы», по мнѣнію проф. Петражицкаго. Смѣшеніе «нормативныхъ фактовъ» съ «нормами» замѣчается въ разныхъ наукахъ, и подобное опредѣленіе понятія «нормы» въ пониманіи многихъ авторовъ проф. Петражицкій называетъ очень мягко—плеоназмомъ, хотя это по-просту—болтовня.

Психіатрія же ограничилась рѣшеніемъ этого вопроса о нормѣ въ духѣ юристовъ старой школы и, монополизировавъ право устранять изъ общества всѣхъ уклонившися отъ «нормы», совершенно забыла, что она работаетъ не въ интересахъ науки, а въ интересахъ церкви, государства и ближайшихъ родственниковъ «ненормальнаго человѣка», у котораго «правила поведенія» и «императивы» не соотвѣтствовали «правиламъ поведенія» и «императивамъ» окружающихъ его лицъ.

---

[1]) Петражицкій: „Теорія права".

Было время, когда нарушители установленныхъ нормъ и «враги» церкви и государства предавались всевозможнымъ казнямъ, затѣмъ наступило время, когда казни замѣнила тюрьма, а теперь мы приближаемся къ тому времени, когда психіатрическая больница замѣняетъ тюрьму. Существованіе трагедіи человѣческаго духа все же останется. И нельзя отрицать того, что ближе всѣхъ къ этой трагедіи человѣческаго духа стоитъ психіатрія. Выше я уже указалъ на отношеніе ея въ исторіи къ этой трагедіи. Каково же ея отношеніе въ настоящее время?

Разсмотримъ, прежде всего, отношеніе къ этимъ неправоспособнымъ членамъ общества со стороны психіатріи, какъ науки.

Всѣмъ извѣстно, какую огромную роль сыграло ученіе Мореля «О вырожденіи» не только въ психіатріи, но и въ публицистикѣ.

Причины такого незаслуженнаго успѣха имѣли свои историческія и психологическія основанія. Морель сыгралъ роль примирителя между обществомъ, такъ называемыхъ, нормальныхъ людей и нарождающимися новыми психическими организаціями, число которыхъ росло вмѣстѣ съ ростомъ культуры и цивилизаціи.

Общество „нормальныхъ" людей было напугано шествіемъ все увеличивающихся армій тѣхъ людей, образъ и подобіе которыхъ не соотвѣтствуютъ образу и подобію „нормальныхъ" людей. Съ одной стороны, наполняя душу „нормальнаго" человѣка смятеніемъ и ужасомъ, росло число такъ называемыхъ неврастениковъ, истериковъ, самоубійцъ и тѣхъ, кого боль жизни невольно превратила въ алкоголиковъ, морфинистовъ, эротомановъ, курильщиковъ и т. п., съ другой стороны, прокладывая дорогу въ царство грядущаго, шествовали революціонеры, реформаторы, мистики, фанатики, энтузіасты и „безумные" мечтатели—всѣ неуравновѣшенные въ психическомъ отношеніи.

Внутренній міръ этихъ людей никогда не постигался, но это вина уже не одной психіатріи.

Никто не виноватъ въ томъ, что у насъ есть много всевозможныхъ исторій, какъ „наукъ", но нѣтъ исторіи человѣческой совѣсти, съ помощью которой мы могли бы, оставляя въ сторонѣ патологію, дать болѣе вѣрное объясненіе всѣмъ явленіямъ человѣческаго духа.

Общество, конечно, не могло примириться съ тѣми противорѣчіями и загадками, какія существовали въ природѣ человѣка. Когда же появился Морель, онъ сразу завоевалъ симпатіи нормальныхъ людей, а его ученіе „О вырожденіи" послужило удобной лазейкой, черезъ которую эти люди вышли съ сіяющими лицами, увѣренные, что проблема зла рѣшена—и рѣшена къ тому же очень просто.

Чего же проще, какъ не записать всѣхъ угрожающихъ общественному порядку и личному спокойствію въ списки дегенератовъ, предварительно справившись съ ихъ родословной, какъ это сдѣлалъ Морель, а позднѣе и его ученики, склонные все исключительно относить за счетъ дегенеративной наслѣдственности.

Но подобный взглядъ былъ не новъ. Еще Моисей въ книгѣ „Исходъ" проро-

чествовалъ: „Наказывающій вину отцовъ въ дѣтяхъ и въ дѣтяхъ дѣтей до третьяго и четвертаго рода“. Пророкъ Іезекіиль тоже не отрицалъ наслѣдственности, говоря: „Отцы ѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ оскомина“.

Надо ли говорить, что вырожденіе человѣческаго рода и не шло никогда по тому пути, который намѣтилъ Морель со своими учениками. Произошло это совсѣмъ не потому, что вырожденія не существуетъ, а просто потому, что въ основу своего ученія имъ былъ взятъ ложный принципъ о преобразованіи видовъ[1]) путемъ наслѣдственнаго помѣшательства, не исправленный и позднѣйшими изслѣдователями въ этой области.

Но если Морель и его ученики впали въ крайность, относя къ дегенераціи, а нерѣдко и къ сумасшествію (напр., паранойя) культурныя, но неуравновѣшенныя въ психо-физическомъ отношеніи группы людей, то Ломброзо впалъ въ другую крайность, относя къ явленіямъ той же самой дегенераціи совершенно противоположный видовой типъ преступника.

Послѣдователь Галля, впослѣдствіи криминологъ и создатель антропологической школы уголовнаго права, Ломброзо пользовался вниманіемъ, помимо психіатровъ, и со стороны нѣкоторыхъ юристовъ, отдавшихъ предпочтеніе его школѣ передъ классической школой уголовнаго права,—школѣ, которая, несмотря на это признаніе, не подходила къ условіямъ современной государственности.

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе Мореля о вырожденіи создалось подъ вліяніемъ теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ.

Производя свои антропологическія изслѣдованія надъ преступниками, Ломброзо пришелъ къ мысли, что вырожденіе и преступленіе—явленія одной общей природы человѣка. Свои антропологическіе типы Ломброзо стремился отыскать въ соотношеніяхъ преступленія съ физическими признаками преступника. Для этого имъ была использована статистика, которая еще болѣе укрѣпила его во мнѣніи, что преступность есть явленіе не пріобрѣтенное, но врожденное, слѣдовательно, преступникъ представляетъ собою явленіе ненормальное, болѣзненное. Здѣсь вліяніе Галля и Мореля довершило его работу и, такимъ образомъ, основываясь на какихъ-то гиппократовыхъ чертахъ лица и сдабривая свои наблюденія статистикой, этой палкой о двухъ концахъ, способной сдѣлать черное бѣлымъ, антропологическая школа уголовнаго права, хотя и не пріобрѣла патента на право существованія, но, тѣмъ не менѣе, имѣетъ вліяніе на психіатрическихъ экспертизахъ въ нашемъ судопроизводствѣ.

Съ точки зрѣнія такой науки, представителями которой являлись Морель и Ломброзо, всѣ исключительныя явленія человѣческаго духа считались, какъ я уже говорилъ, равноцѣнными дегенеративными явленіями, а различныя идейныя теченія, индивидуальныя и общественныя настроенія, не гармонирующія съ установленнымъ укладомъ жизни нормальныхъ людей, разсматривались, какъ патологическіе случаи или умственныя эпидеміи.

Н. Вавулинъ.

ЧЕГО ИЩЕМЪ МЫ ВЪ „МІРОСОЗЕРЦАНІИ"?

Еще 15—20 лѣтъ тому назадъ вопросъ этотъ казался яснымъ для большинства нашихъ передовыхъ интеллигентовъ. „Міросозерцаніе" должно дать стройную и притомъ научно обоснованную картину міра. Въ этомъ всѣ—или почти всѣ—были согласны. Споры не выходили обыкновенно изъ рамокъ „научнаго міросозерцанія", какъ общепризнаннаго постулата, и затрагивали лишь частныя проблемы внутри этого послѣдняго.

Иное видимъ мы въ настоящее время. Не только „идеалисты", „мистики", „вѣховцы" и другіе отщепенцы, объявившіе открытую войну „интеллигентщинѣ", но и многіе сторонники и продолжатели интеллигентской традиціи начинаютъ видѣть въ „научномъ міросозерцаніи" неправильно заданную проблему, пытаются свести къ ненаучнымъ и, вообще, неинтеллектуальнымъ мотивамъ самую нашу потребность въ міровоззрѣніи.

Очень поучителенъ въ этомъ отношеніи только что вышедшій сборникъ статей П. Юшкевича: „Міровоззрѣніе и міровоззрѣнія". Въ двухъ очеркахъ этой изящно написанной книжки авторъ устанавливаетъ свою собственную точку зрѣнія на „философію, какъ міросозерцаніе" остальныя пять статей характеризуютъ въ свѣтѣ этой точки зрѣнія проблему міросозерцанія въ постановкѣ Бергсона, Джемса, Дицгена, Толстого, Ницше.

Остановимся на взглядахъ самого П. Юшкевича. Онъ a limine отвергаетъ пониманіе философіи, какъ высшей и всеобщей науки, которая, господствуя надъ частными науками, объединяетъ въ стройное систематическое цѣлое разрозненные и несогласованные выводы отдѣльныхъ дисциплинъ. Анализируя природу научнаго обобщенія, онъ очень убѣдительно показываетъ, что всякіе дефекты или противорѣчія въ содержаніи единичныхъ наукъ могутъ быть устранены только ими же самими, а отнюдь не какой-либо самостоятельной, внѣ ихъ и надъ ними поставленной, верховной наукой.

Да и вовсе не въ устраненіи познавательныхъ противорѣчій заключается та потребность, которая придаетъ вопросамъ міросозерцанія ихъ остроту, которая возбуждаетъ къ нимъ живой интересъ даже въ людяхъ, довольно равнодушныхъ къ чистому познанію. Не „истины", не логически безупречной системы отвлеченныхъ положеній ищетъ

человѣкъ въ міросозерцаніи, а удовлетворенія мощныхъ запросовъ своего чувства. Міросозерцаніе есть не „безличная систематизація даннаго, а, наоборотъ, изображеніе его сквозь призму темперамента", реакція личности на міровое „все". Это „все" не можетъ быть объектомъ научнаго изслѣдованія. „Сужденіе обо „всемъ" есть, въ лучшемъ случаѣ, незакономѣрное умозаключеніе отъ ограниченной части опыта (какъ бы велика сама по себѣ ни была эта часть) къ необъятному цѣлому. Однако, это логически неправомѣрное умозаключеніе имѣетъ для дѣлающаго его огромную эмоціональную цѣнность, да въ немъ собственно и заключается вся цѣнность міровоззрѣнія для человѣка". [1])

И если философія стремится быть наукообразной, сообщаетъ своимъ прозрѣніямъ внѣшнюю видимость теоретической истины, пытается дать имъ объективное обоснованіе, то въ этомъ, по мнѣнію автора, сказывается лишь своеобразное „психологическое искаженіе". Уже самая словесная форма, къ которой вынужденъ прибѣгнуть человѣкъ, чтобы выразить все имъ пережитое, извращаетъ подлинную природу эмоціональныхъ переживаній, такъ сказать,—раціонализируетъ ихъ. Ощущенія и чувствованія принимаютъ при этомъ видъ догадокъ, сужденій, мотивовъ, соображеній. „Эта безсознательная и непреодолимая симуляція мысленнаго акта при помощи словъ, эта подстановка измышленныхъ логическихъ доводовъ — универсальный фактъ человѣческой психики. И она-то

[1]) „Міровоззрѣніе и міровоэрѣнія", стр. 11.

и окрашиваетъ, главнымъ образомъ, въ познавательные тона истины такія по существу своему эстетико-эмоціональныя переживанія, какія лежатъ въ основѣ нашего философствованія" [1]).

Будучи убѣжденнымъ позитивистомъ, авторъ усматриваетъ основной недостатокъ метафизики не въ томъ, что она игнорируетъ требованіе положительной науки, а въ томъ, что она недостаточно ихъ игнорируетъ, пытается искать „реальности", „истины" и „познанія" тамъ, гдѣ должно бы царствовать свободное отъ всякихъ интеллектуальныхъ мотивовъ творчество личности, пытается аргументировать и убѣждать тамъ, гдѣ возможно только „внушать" и „заражать".

Особенно интересенъ съ этой точки зрѣнія анализъ такихъ ярко враждебныхъ раціонализму концепцій, какъ философія Бергсона или Джемса (см. очерки II и III). Авторъ удачно показываетъ, что и Бергсонъ, и даже Джемсъ, желая превзойти интеллектуализмъ, остаются на дѣлѣ его плѣнниками, поскольку пытаются выдать свою личную философскую интуицію за нѣчто объективное, за нѣкоторое сверхнаучное „постиженіе" дѣйствительности.

Ближе всего къ пониманію истинной природы метафизическаго творчества подошелъ Ницше. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ онъ въ одномъ афоризмѣ, съ сочувствіемъ цитированномъ въ разбираемой книгѣ: „Мало-по-малу я открылъ то, чѣмъ была до сихъ поръ всякая великая философія—именно исповѣдью

[1]) Тамъ же, стр. 182.

ея автора и своего рода невольными мемуарами... Въ философѣ нѣтъ абсолютно ничего безличнаго; въ частности его мораль свидѣтельствуетъ опредѣленнымъ и окончательнымъ образомъ о томъ, что онъ есть, т. е. о порядкѣ значенія наиболѣе интимныхъ стремленій его натуры". И по завѣту того же Ницше, философія должна имѣть смѣлость открыто выступить, какъ личное творчество, какъ раскрытіе подлиннаго нутра философа, а не фиктивной внутренности вещей.

Но возникаетъ вопросъ: возможно ли фактически это очищеніе философскаго творчества отъ чуждыхъ ему наукообразныхъ элементовъ? Вѣдь, именно чувственный тонъ реальности—и притомъ реальности болѣе глубокой, болѣе подлинной, чѣмъ та, которая раскрывается наукой,—и составляетъ главную притягательную силу „міросозерцанія"; вѣдь, именно онъ вдохновляетъ героевъ, творцовъ метафизики или религіи, и влечетъ къ ихъ твореніямъ сердца толпы. Разложить „вселенную" на рядъ личныхъ чувствованій, увидѣть въ „міроозданіи" продуктъ субъективнаго поэтическаго вымысла—не значитъ ли это подрѣзать крылья самой философской поэзіи, убить въ человѣкѣ самый вкусъ къ вселенскимъ вымысламъ, самую способность эмоціонально реагировать на великое міровое „все"? „Нигилизмъ,—предостерегаетъ Ницше,—стоитъ за дверями; откуда идетъ къ намъ этотъ самый жуткій изъ всѣхъ гостей?" Не внѣшнее нашествіе нигилистовъ—отрицателей философіи—имѣетъ онъ въ виду, а нигилизмъ, поднимающійся со дна его собственной души. Потому-то и жутокъ для Ницше этотъ гость, что нечѣмъ дать ему внутренній отпоръ, разъ въ душѣ не осталось никакого иного оружія, кромѣ „любви къ мѣстамъ и призракамъ."

Не только философская или религіозная, но и всякая, вообще, поэзія гибнетъ, когда изсякаетъ чувство или, по крайней мѣрѣ, предчувствіе, предвосхищеніе какой-то реальности, скрывающейся за поэтическими образами и символами. Не даромъ декаденты съ ихъ культомъ личныхъ причудъ потерпѣли такое жалкое фіаско, впали въ такое художественное безсиліе, какъ только до конца прочувствовали свой девизъ, и такъ комически возжаждали объективнаго бога.

Не скрываетъ отъ себя этой нигилистической опасности и П. Юшкевичъ. Но онъ пытается заговорить ее аргументами отъ соціальнаго прогресса.

Нигилистическій декадансъ есть явленіе разлагающагося буржуазнаго общества. Соціализмъ преодолѣетъ „сумерки жизни" и прогонитъ „стоящаго за дверями нашей культуры и подстерегающаго ее чернаго и жуткаго гостя—нигилизмъ" (стр. 160). Соціализмъ принесетъ съ собой счастливое примиреніе полярностей „разума" и „сердца" (стр. 194). Правда, та гармонія разума и чувства, которую создавалъ соціальный фетишизмъ былого времени, безвозвратно погибла. Человѣкъ будущаго уже не станетъ, подобно нашимъ предкамъ, искать въ своей „образно-эмоціональной реакціи на міръ" какихъ-то надъ нами стоящихъ существъ или сущностей, глубоко скрытыхъ подъ до-

ступной намъ поверхностью явленій. Міросозерцаніе сохранитъ свой теперешній характеръ „вольныхъ" построеній личности. Но возрожденное соціальное чувство, ничуть не разрушая этой „вольности", отнюдь не навязывая намъ никакой общеобязательной вѣры, никакого сверхличнаго авторитета, придастъ нашимъ исканіямъ то единство, внутреннюю согласованность, которыхъ они лишены въ настоящее время нигилистическаго распада общества.

Все это, разумѣется, очень утѣшительно; но даютъ ли сіи благочестивыя вѣрованія какія-либо полезныя указанія намъ и сейчасъ? А такихъ указаній мы въ правѣ требовать. Соціализмъ, вопреки увѣреніямъ радикальнаго крыла нашихъ мистиковъ, не хиліастическое царство, которое свалится на насъ, какъ снѣгъ на голову, или придетъ, какъ „тать въ нощи", — это конечный пунктъ пути, который мы должны продѣлать сами, своими собственными силами. Слѣдовательно, лишь постольку имѣетъ для насъ смыслъ утверждать, что будущій строй избавитъ человѣческую душу отъ нигилизма, поскольку мы уже теперь носимъ въ себѣ хотя бы зачатокъ этого избавленія и знаемъ, какъ его культивировать. Въ противномъ случаѣ соціализмъ превращается въ столь же словесную, запредѣльную, жизненно-импотентную конструкцію, какою является, напримѣръ, „райское блаженство".

Не трудно убѣдиться, что именно такой трансцендентный, вербальный характеръ носитъ вѣра П. Юшкевича въ грядущую гармонію. Въ самомъ дѣлѣ, согласно этой вѣрѣ, самый типъ индивидуалистическаго „міросозерцанія", приведшій къ нигилизму, останется неизмѣннымъ, ничѣмъ не обогатится по содержанію, сохранитъ свой характеръ субъективной, произвольной мечты; устранятся лишь конфликты между продуктами метафизическаго творчества различныхъ лицъ: въ силу большей однородности общества люди даже въ своихъ вольныхъ мечтахъ станутъ приходить къ одному и тому же. Но, очевидно, это не только не убьетъ нигилизма, но, напротивъ, обезпечитъ ему окончательное торжество. Если что-нибудь еще поддерживаетъ въ современныхъ людяхъ вкусъ къ міросозерцанію, то именно конфликты, борьба, полемическій задоръ. Устраните этотъ послѣдній оживляющій мотивъ—и воцарится такая безпросвѣтная скука, такая безысходная тоска, что угаснутъ и тѣ жалкіе остатки космической эмоціи, которые еще теплятся въ современныхъ душахъ. Не совпаденіе результатовъ „міросозерцательнаго" творчества можетъ избавить насъ отъ нигилизма, а преобразованіе самаго процесса этого творчества въ каждой индивидуальной душѣ.

П. Юшкевичъ, конечно, совершенно правъ, утверждая, что люди никогда уже не вернутся къ тому миѳотворческому фетишизму, который заставлялъ нашихъ предковъ принимать свои собственныя космическія эмоціи за боговъ, правящихъ космосомъ. Но П. Юшкевичъ жестоко ошибается, думая, что можно безнаказанно устранить изъ міросозерцанія то чувство реальности, подлин-

ности, которымъ пропитаны всѣ великія созданія въ области религіи и метафизики; угасаніе этого чувства и есть нигилизмъ,—это надо признать безъ всякихъ оговорокъ.

Мы не можемъ вернуться назадъ, къ наивному опредмечиванію нашихъ собственныхъ чувствованій. Мы погибнемъ, если будемъ топтаться на мѣстѣ, созерцать несозерцаемое, строить символы, ничего не символизирующіе. Но, быть можетъ, возможно двинуться впередъ: претворить метафизическое „созерцаніе“ въ физическую работу, изъ мнимой сверхчеловѣческой дѣйствительности извлечь принципы реальнаго человѣческаго дѣйствія?

Бергсоновское ученіе объ élan vital, какъ стихійной волѣ, руководящей жизнью въ ея борьбѣ съ косной матеріей, есть, безспорно, фиктивное познаніе. Élan vital есть псевдо-понятіе; познаніе должно бы было отвергнуть его даже въ томъ случаѣ, если бы оказались правильными всѣ утвержденія философа относительно некомпетентности современной науки въ проблемахъ жизни. Но остается незыблемымъ, ни отъ какихъ метафизическихъ или научныхъ конструкцій независящимъ фактомъ внутренняго опыта, что нѣкоторая—крайне ничтожная — часть матерьяльныхъ процессовъ нашего организма прямо, безъ посредства какихъ-либо изобрѣтаемыхъ интеллектомъ орудій, подчинена нашей волѣ.

Спрашивается, чѣмъ и какъ ограничена область этого непосредственнаго господства воли надъ матеріальнымъ міромъ? Можетъ ли она быть расширена и до какихъ предѣловъ? И гдѣ тотъ путь, который позволилъ бы сдѣлать этотъ ростъ нашей внутренней мощи планомѣрнымъ, сознательнымъ, „методическимъ“?

„Методы“ современной интеллектуалистической культуры, которые увеличиваютъ силу человѣка исключительно внѣшнимъ, машиннымъ способомъ, не даютъ на эти жизненно важные вопросы никакого отвѣта. Они не только не расширяютъ сферы непосредственнаго господства нашей élan vital, но, сами по себѣ, даже ограничиваютъ эту сферу: дѣлаютъ насъ все болѣе и болѣе безпомощными въ прямой борьбѣ съ природой, все усиливаютъ и усиливаютъ нашу оранжерейность, нашу потребность въ непроницаемомъ панцырѣ искусственныхъ сооруженій, отгораживающихъ насъ отъ „разрушительныхъ“ вліяній внѣшняго міра.

Но вмѣстѣ съ упадкомъ внутренней активности неизбѣжно бѣднѣетъ и пассивная, „созерцательная“ сторона души: не бороться непосредственно съ разрушительными вліяніями—значитъ не воспринимать ихъ и, въ концѣ концовъ, утратить самую способность къ ихъ воспріятію. Душа нищаетъ, становится сонной и анемичной въ искусственной атмосферѣ теплицъ—и сквозь пестроту призрачныхъ духовныхъ „утонченностей“ нашего времени уже теперь явственно просвѣчиваетъ зловѣщая правда паразитическаго вырожденія и упрощенія культурной души.

Конечно, ни метафизическая, ни даже религіозная интуиція, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не указываетъ еще намъ самаго пути къ духовному

росту: мы встрѣчаемъ здѣсь лишь случайныя „откровенія“, единичные блестящіе опыты, которыми не сумѣли овладѣть ихъ авторы, и которые они, въ силу, этого не были въ состояніи передать остальнымъ людямъ въ сколько-нибудь общезначимой формѣ. Самое стремленіе объективировать человѣческія потенціи къ духовному росту, превращать ихъ въ небожителей религіознаго или метафизическаго Ienseits, объясняется въ значительной степени тѣмъ, что потенціи эти не могли быть до сихъ поръ реализованы въ видѣ методической, подъ контролемъ человѣка стоящей, работы и потому воспринимались, какъ чудесныя „наитія“, какъ „озаренія“, исходящія отъ внѣчеловѣческихъ и сверхчеловѣческихъ силъ. И все же здѣсь долженъ быть приложенъ рычагъ нашего духовнаго возрожденія, причемъ, само собой разумѣется, точекъ опоры слѣдуетъ искать въ самихъ указанныхъ опытахъ, въ ихъ дѣйствительномъ и дѣйственномъ содержаніи, а не въ тѣхъ символическихъ образахъ, которые создаются по ихъ поводу и подъ вліяніемъ ихъ неполной удачи.

Не вольное творчество міросозерцаній, хотя бы и самыхъ согласованныхъ между собой, можетъ спасти нашу культуру отъ затопляющаго ее нигилизма, а преодолѣніе самой идеи міросозерцанія. Никакимъ „созерцаніемъ“ міра не можетъ быть удовлетворена та потребность, которая влечетъ къ религіи или метафизикѣ человѣка,—я имѣю въ виду обыденно живого человѣка, а не эрудита и вербалиста по профессіи. Здѣсь слышится голосъ могучаго инстинкта жизни, котораго не насытишь рафинированной игрой въ поэтическіе образы мірового „все“. Выходъ будетъ найденъ только тогда, когда поэтическіе, метафизическіе или мистическіе символы фиктивнаго „все“ превратятся въ твердо установленный путь къ реальному „нѣчто“.

В. Базаровъ.

ОТКЛИКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

КЛЕРИКАЛЫ НА ЧАСЪ.

Мѣсяца четыре тому назадъ,—какъ разъ въ тотъ моментъ, когда думскіе споры объ отношеніи церкви къ государству, о современномъ состояніи церкви, объ иліодоровско-распутинской эпопеѣ такъ смутили даже консервативно настроенные круги,— воскресла мысль о созывѣ церковнаго собора—вопроса, какъ извѣстно, категорически рѣшеннаго уже шесть лѣтъ тому назадъ. И вотъ, пока предсоборное присутствіе, образовавшееся изъ представителей наиболѣе реакціонныхъ теченій совѣщаній 1906 г., успокаиваетъ Пуришкевича, такъ рѣзко подчеркнувшаго въ Думѣ „разруху православной церкви", кое гдѣ острятъ: не четвертая ли Дума и будетъ тѣмъ церковнымъ соборомъ, не она ли должна вывести церковь изъ состоянія распада и разрухи?

Конечно, шутка шуткой: соборъ, можетъ быть, и соберется, можетъ быть—и нѣтъ. Но желаніе создать въ Думѣ церковную фракцію для проведенія опредѣленной политической программы—фактъ, о которомъ разныхъ мнѣній быть не можетъ. Чуть не первыми выступивъ ва избирательныя позиціи, наши отечественные клерикалы двинулись съ такой энергіей въ борьбу, что, кажется, никакихъ дѣлъ, кромѣ выборовъ, у нихъ уже нѣтъ.

Говорятъ, духовные круги по духу и смыслу ихъ служенія должны быть далеки отъ пріемовъ политиканства, отъ той злобы и вражды, которыя порождаетъ агитація въ церковной общинѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ „Голосъ Москвы": „Вѣдь, церковь, какъ таковая, преслѣдуетъ исключительно задачи духовныя, а потому должна стоять внѣ политической агитаціи". На самомъ же дѣлѣ, духовенство оказывается главнымъ вершителемъ предвыборной политики. Со всѣхъ концовъ Россіи идутъ извѣстія объ этомъ клерикализмѣ на часъ.

Архіереи объѣзжаютъ свои епархіи, разсылаютъ циркуляры. Устраиваются съѣзды священническіе, на которыхъ обсуждаются цѣли предвыборной кампаніи. Намѣчаются кандидаты. Избирательные комитеты, воззванія, бланки, политическіе девизы—словомъ, мобилизуется клерикализмъ.

Всѣ преосвященные уже обратились къ подчиненному имъ духовенству со своими „воззваніями". Архіепископъ Стефанъ, какъ сообщаютъ изъ Курска, столь поглощенъ предвыборной борьбой, что его архіерейскіе покои превратились въ бюро—центръ всевозможныхъ инструкцій, собраній, совѣщаній. Епископъ витебскій Никодимъ „обозрѣваетъ"

церкви епархіи, убѣждая православныхъ прихожанъ въ необходимости союза для выборовъ въ Государственную Думу. Епископъ екатеринославскій Агапитъ, совершая предвыборную поѣздку по епархіи, обращается съ паперти съ призывомъ къ народу: „братіе, наступаютъ выборы въ четвертую Государственную Думу!“ Энергичная мобилизація батюшекъ подъ руководствомъ епископа Филарета идетъ въ Вяткѣ. Преосвященный Серафимъ старается сорганизовать духовенство Подоліи къ выборамъ. Изъ Иркутска сообщаютъ, что владыка пытается насаждать „здоровыя понятія“ въ новосельскихъ участкахъ даже черезъ завѣдующаго переселеніемъ и землеустройствомъ. На Уралѣ совершаютъ предвыборныя поѣздки епископъ Палладій и Павелъ. Особеннымъ рвеніемъ отличаются епархіи рязанская, кишиневская, калужская, по словамъ „Голоса Москвы“.

Размахъ отечественныхъ клерикаловъ растетъ. Если, по словамъ старообрядческаго епископа Михаила, въ одномъ вѣдомствѣ мечтаютъ о „сотнѣ поповъ“ въ 4-ой Думѣ, то въ другомъ говорятъ о 120, о 150 представителяхъ отъ духовенства. Въ 32 епархіяхъ образованы уже епархіальные предвыборные комитеты, а въ 15 состоялись предвыборные благочиннические съѣзды. Организація, конечно, замыкается наверху центральнымъ избирательнымъ комитетомъ, который уже намѣтилъ и кандидатовъ. Лидеръ будущей клерикальной фракціи—викарій виленской епархіи еп. Іоаннъ, кандидаты въ члены государственной думы отъ синода—преосвященный пензенскій Митрофанъ, вятскій Филаретъ, курскій Стефанъ.

Конечно, и деньги текутъ на подготовку выборовъ. Въ одну Сибирь отпущено 100.000 руб, и о. Восторговъ, какъ сообщалось въ печати, уже поскакалъ туда „съ оттопыренными карманами“.

Безспорно, есть духовенство и духовенство.

Одно — разбросанное по медвѣжьимъ угламъ, раздробленное, зависимое, то самое, которое уже въ силу того, что близко соприкасается съ народной нуждой, само слишкомъ много терпитъ отъ непорядковъ жизни, чтобы забыть о нихъ. Это не только священникъ, но и учитель церковной школы, и псаломщикъ. До сихъ поръ и того и другого отнюдь не привлекали.

— Этой церковной пыли не по чину, „невмѣстно“ путаться въ большія дѣла, — говорилъ въ 1907 году Восторговъ.

Раньше даже отводили отъ дѣла, а теперь отмѣчаютъ „Биржевыя Вѣдомости“:

— Ваше бытіе, — внушается учителямъ,—связано съ церковно-приходской школой. Получатъ перевѣсъ лѣвые—и этой школы не будетъ. А разрушеніе школы выброситъ васъ за бортъ. Помогите же намъ побѣдить.

Псаломщикамъ же даже ничего не обѣщаютъ: просто приказываютъ.

Другое—высшіе чины, меньшинство, духовная знать, по самому своему положенію примыкающая къ дворянству, къ бюрократіи. И вотъ суть воинствующаго клерикализма — въ князьяхъ церкви, а не ея солдатахъ. Любопытна

лишь та дисциплина, какую стараются вселить въ эту безличную массу. Тѣмъ, кто проявляетъ мало усердія въ избирательной кампаніи, грозитъ внушеніе, даже переводъ въ бѣдные приходы, штрафъ.

Рязанскій епископъ предлагаетъ „всему поголовно духовенству" ввѣренной ему епархіи „отнюдь не уклоняться отъ выборовъ". Это, молъ, требованіе духовенство „легко можетъ исполнить", а потому „на всѣхъ уклоняющихся отъ участія въ выборахъ онъ будетъ „смотрѣть неблагосклонно". Вятскій епископъ Филаретъ въ воззваніи, обращенномъ къ духовенству подчиненной ему епархіи, доказываетъ, что „оо. настоятели церквей и прочія духовныя лица, не исключая учителей приходскихъ школъ „нравственно обязаны это сдѣлать".

Случайныя обстоятельства будутъ устранены. Напримѣръ, если бы день выборовъ оказался праздничнымъ, то священникъ не можетъ уклониться отъ избирательной урны подъ предлогомъ исполненія своихъ обязанностей. На этотъ случай въ Курскѣ будутъ „служить раннія литургіи", а „выборовъ не пропускать"; а въ Твери даже идетъ рѣчь о томъ, чтобы совсѣмъ не служить обѣдни въ день выборовъ, если онъ совпадетъ съ воскресеньемъ или праздникомъ.

Отъ указаній духовная бюрократія переходитъ къ угрозамъ. Въ Бессарабіи, гдѣ выставлена кандидатура епископа Серафима, священнослужители даютъ другъ передъ другомъ подписку въ томъ, что: 1) они обязуются явиться на выборы; что 2) каждый изъ нихъ, кто нарушитъ своей неявкой настоящее условіе, обязанъ подчиниться суду товарищей округа, въ силу котораго и смотря по рѣшенію его, обязанъ будетъ: а) внести въ пользу вдовъ и сиротъ округа штрафъ въ размѣрѣ 50 руб., б) понести нравственную кару въ формѣ присужденія его порицанію, публикаціи его поступка въ періодическихъ органахъ печати и къ особому осужденію его поступка со стороны епархіальнаго нашего епископа. О такомъ же штрафѣ въ размѣрѣ 25 руб. поднятъ вопросъ и на благочинническихъ собраніяхъ Зѣнковскаго уѣзда Полтавской губ. и Касимовскаго уѣзда Рязанской губ. Священникамъ Воронежской губ. разосланъ „совершенно секретный" циркуляръ, согласно которому „активное выступленіе духовенства епархіи на предстоящихъ выборахъ въ четвертую Государственную Думу обязательно для духовенства всей епархіи". Уклоненіе отъ исполненія сего долга „и неумѣстно, и непростительно"—и оо. благочинные должны разъяснять подвѣдомственному имъ духовенству, что оно „подвергнется духовному взысканію за неисполненіе своего долга". Архіепископъ Стефанъ предупреждаетъ непокорныхъ, что онъ „сумѣетъ съ ними справиться".

Если священникъ не можетъ явиться на съѣздъ по уважительной причинѣ, онъ долженъ передать свое полномочіе сослуживцу - священнику, въ крайнемъ случаѣ—дьякону, конечно „съ строгимъ разборомъ и разсужденіемъ о качествахъ уполномочиваемаго лица". Объясненіе же о причинѣ своей неявки долженъ представить черезъ мѣстнаго благочиннаго

въ консисторію. Строже всего относится епархіальное начальство къ настоятелямъ тѣхъ церквей, за которыми числится „болѣе одной пропорціи земли", памятуя, что число уполномоченныхъ, подлежащихъ избранію на предварительномъ съѣздѣ, опредѣляется количествомъ земли. Если, молъ, священники явятся въ полномъ составѣ, то они будутъ имѣть вліяніе на исходъ выборовъ, въ противномъ же случаѣ роль ихъ будетъ ничтожна.

Мало того, духовенство должно не только само участвовать, но и вести агитацію среди прихожанъ. Напр., въ Екатеринославской губ. (въ Покровской церкви) говѣющимъ богомольцамъ раздавалась агитаціонная брошюра священника Шкалинскаго. Такъ духовная знать сразу убиваетъ двухъ зайцевъ: какъ ни какъ, а десятки тысячъ представителей крупныхъ церковныхъ надѣловъ, съ одной стороны, съ другой—черезъ посредство тѣхъ же батюшекъ и крестьянство можно вербовать. „При предстоящихъ выборахъ,—писала екатеринославская націоналистическая газета,—каждая заинтересованная сторона будетъ стараться сбить съ толку простодушнаго деревенскаго избирателя. Здѣсь нужно лицо, которое бы сумѣло безпристрастно, объективно выяснить деревенскому избирателю, зачѣмъ его тянутъ въ ту или иную сторону, гдѣ и какія выгоды и невыгоды выпадутъ на его долю. Такимъ безпристрастнымъ лицомъ могъ бы быть сельскій священникъ". Оттого-то, видите ли, на сельскомъ духовенствѣ лежитъ долгъ „выяснить простому народу опредѣлившуюся уже со стороны своего характера дѣятельность въ Государственной Думѣ партійныхъ организацій и внѣпартійныхъ группъ".

Итакъ, политическая слабость духовенства—какъ будто—сказка, отсутствіе церковной общественности—миѳъ. Русскіе церковники вмѣшались въ государственное строительство—и въ одинъ моментъ передъ нами яркая картина предвыборнаго клерикализма. Говорятъ, съ церковной точки зрѣнія политиканство пастырей принижаетъ церковныя цѣнности, еще глубже проводитъ ту разруху церкви, о которой говорилъ Пуришкевичъ въ Думѣ. Но опасность подобнаго исхода — выдумка, и вотъ передъ нами пастыри политики. „Единеніе" „организованность", „выступленіе", „активность"— слушаешь всѣ эти словечки и не знаешь, кто передъ тобой—митинговый ораторъ или попъ, и, въ самомъ дѣлѣ, выростаетъ вопросъ: не западно-ли европейскій клерикалъ, по мановенію волшебнаго жезла, пролагаетъ себѣ дорожку въ четвертую Думу. Вѣдь, имѣетъ же духовенство запада свой политическій авторитетъ, свою власть и вліяніе, вѣдь, является тамъ оно одной изъ опоръ господствующей политики—почему же, въ такомъ случаѣ, не быть и намъ свидѣтелями вспышки клерикальнаго настроенія, намъ, россіянамъ? Почему политикамъ въ рясѣ не наводнить четвертую Думу, не использовать правительственный аппаратъ?

Это вытекаетъ какъ будто уже изъ того, что у духовенства русскаго есть свои интересы. Черное духовенство—епископы и монахи—стремится укрѣпить за собой доходы со своихъ земель и

угодій, нерѣдко весьма значительныхъ; бѣлому духовенству необходимо повышеніе окладовъ, казенное жалованье вмѣсто случайныхъ доходовъ отъ прихожанъ. Еще большую реальность этому походу сообщаетъ самъ по себѣ законъ 3 іюня, дающій церковнымъ собственникамъ привиллегіи, по сравненію съ которыми не только остальные классы, но даже дворянство оказывается обойденнымъ. Духовенству, которое менѣе всего можетъ претендовать на политическую роль, можетъ быть, именно въ силу того предоставлены привиллегіи прямо противорѣчащія и началу личнаго, и началу имущественнаго представительства. Гдѣ нужно—духовенство выдѣляется въ самостоятельныя отдѣленія уѣзднаго съѣзда, гдѣ желательно — освобождается отъ численнаго превосходства мелкихъ землевладѣльцевъ; и это еще при выборахъ въ третью думу поставило многочисленную группу священниковъ-избирателей въ условія, богатыя, какими угодно возможностями. Насколько это такъ—убѣждаютъ насъ данныя г. Максимова („Духовенство и выборы", „Русскія Вѣдомости" отъ 12 февр.).

Понятно, по городскимъ куріямъ, гдѣ духовенство предоставлено исключительно своимъ силамъ, оно обнаружило слабое вліяніе. Такъ, на 521 выборщика по первой городской куріи было только 5 священниковъ, изъ 421 выборщика по второй куріи — 24. Рядъ губерній даже не далъ ни одного представителя православнаго духовенства по обѣимъ городскимъ куріямъ. Но совсѣмъ иное видѣли мы въ землевладѣльческой куріи, гдѣ именно открыты „возможности": здѣсь каждые 3—5 священниковъ, явившихся на съѣздъ, составляли полный цензъ въ то время, какъ мелкіе землевладѣльцы блистали отсутствіемъ. Напр., по Екатеринославскому уѣзду явились 65 мелкихъ землевладѣльцевъ. Конечно, они не могли перейти къ выборамъ, — не оказывалось ценза. А въ это время 34 священника избрали 8 уполномоченныхъ. Въ Тульской губерніи 182 священника выбрали изъ своей среды 61 уполномоченнаго на предварительныхъ съѣздахъ, по 8 уѣздамъ Пензенской губ. 152 священника избрали 43 уполномоченныхъ. Въ результатѣ, по 260 уѣздамъ Европейской Россіи было избрано въ уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ 2560 священниковъ и 749 лицъ свѣтскаго званія въ 1907 г. Въ 4 уѣздахъ Вятской губ. 21 священникъ и ни одного свѣтскаго лица, въ 9 уѣздахъ Пензенской губ.—55 священниковъ и 6 мірянъ, въ Вологодской губ.— 83 священника и 3 мірянина и т. д.

То же преобладаніе иллюстрируетъ и составъ выборщиковъ. Рядъ губерній далъ исключительно выборщиковъ-священниковъ. Въ Вологодской губ. на 30 выборщиковъ отъ землевладѣльцевъ былъ 21 священникъ, въ Астраханской изъ 8 выборщиковъ всей землевладѣльческой куріи было 7 священниковъ.

Такъ было при выборахъ въ третью Думу, когда задача организовать и использовать массу духовенства въ извѣстныхъ цѣляхъ прямо не ставилась. Отсюда очевиденъ результатъ, какой можетъ дать мобилизація духовенства для

предстоящей избирательной кампаніи въ 4-ую Думу.

И вотъ духовенство болѣе, чѣмъ любое чиновничество, зависимое, положеніе котораго въ третьей Думѣ напоминало во многомъ положеніе крестьянства, вдругъ выросло въ политическую силу... въ воображеніи нѣкоторыхъ круговъ и лицъ. Казалось—что было можно имѣть г. Меньшикову или г. Гофштеттеру противъ приказовъ, летящихъ изъ мирныхъ архіерейскихъ келій, чѣмъ смущаться, о чемъ задумываться? Однако, зашевелился вопросъ: кто же въ такомъ случаѣ будетъ хозяиномъ Думы?—и полѣзли, что называется, глаза на лобъ отъ клерикальныхъ цѣлей, для которыхъ якобы мобилизуется духовенство въ данный моментъ.

Одни громче, чѣмъ имъ подобаетъ, завопили о томъ, что клерикальная политика есть внутреннее разрушеніе церкви, что антихристіанскій обмѣнъ служенія церковнаго на служеніе мірское есть измѣна церкви, ибо внѣ храма священникъ—апостолъ, а апостоламъ заповѣдано проповѣдываніе Евангелія, а не политическіе споры на житейскія темы, „часто нечестивыя по существу". Другіе накинулись на самую безсмысленность предвыборнаго клерикализма. Развѣ не посмѣшищемъ будетъ законодательная палата съ такимъ преобладающимъ вліяніемъ одного лишь, самаго маленькаго, сословія? Это все равно, что половину парламента составить изъ докторовъ. Отъ такого парламента, конечно, будетъ больше пахнуть госпиталемъ, чѣмъ политическимъ учрежденіемъ. Третьи, наконецъ, мѣтятъ въ самые „приказы архіереевъ, направляющіе духовенство епархіи въ слишкомъ опредѣленномъ партійномъ смыслѣ". Что же это будетъ,—восклицаютъ они,— если съ этихъ поръ руководящая роль въ комплектованіи высшаго законодательнаго учрежденія будетъ предоставлена „сепаратному вѣдомству", не входящему даже въ составъ объединеннаго правительства! Вѣдь, такая искусственная фабрикація народнаго представительства убьетъ все значеніе Думы, поставитъ власть въ невозможность управлять государственными дѣлами, подчинить всю его дѣятельность вліянію „чуждаго и случайнаго элемента", прямо явится разсадникомъ „административной анархіи"!

Для оцѣнки этого шума надо прежде всего имѣть въ виду, что исходитъ онъ болѣе всего изъ октябристской среды, по мнѣнію которой духовенство стремится „захватить власть и вліяніе въ чисто свѣтскихъ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ", т. е. занять мѣсто въ Думѣ прежняго октябристскаго центра. Съ этой точки зрѣнія октябристы не останавливаются ни передъ чѣмъ, чтобы запугать правительственный аппаратъ. Такъ, „Голосъ Москвы", изображающій нашествіе предвыборныхъ клерикаловъ въ видѣ конфликта между гг. Коковцовымъ и Саблеромъ, съ ужасомъ рисуетъ ближайшія послѣдствія такого новшества: „Государственная Дума, подобранная по вкусу и по указкѣ спеціальнаго вѣдомства, некомпетентнаго въ вопросахъ общей политики,—пишетъ онъ,—или заставила бы кабинетъ исполнять указанія этого вѣдомства, или была бы распущена кабинетомъ, но работать съ нимъ рука объ руку ни въ коемъ случаѣ не могла

бы—точно такъ же, какъ не могъ бы работать съ нею и кабинетъ, формально не подчиненный главѣ сепаратнаго вѣдомства. Если бы послѣдній былъ признанъ наиболѣе компетентнымъ лицомъ въ вопросахъ общей политики, то, несомнѣнно, онъ и былъ бы поставленъ во главѣ всего кабинета, а не отдѣльнаго вѣдомства, но предоставлять косвенную власть надъ кабинетомъ непринадлежащему къ его составу лицу значитъ искусственно вносить разстройство и сумятицу въ громоздкій механизмъ государственной жизни". „Голосу Москвы" вторитъ „Новое Время". Недаромъ это въ нѣкоторой „части" органъ А. И. Гучкова. По мнѣнію „Нов. Вр.", „допущеніе священниковъ и епископовъ въ члены нашихъ законодательныхъ палатъ оказывается уже одной изъ серьезнѣйшихъ ошибокъ „дѣйствующаго положенія", ибо нельзя подавать своей паствѣ примѣръ измѣны православію изъ-за суетнаго званія „членъ Гос. Думы" или изъ-за генеральскаго оклада, присвоеннаго этому званію". И считая почтеннаго оберъ-прокурора синода человѣкомъ тонкаго ума и государственнаго опыта, Меньшиковъ съ изумленіемъ пожимаетъ плечами: можно ли ему приписать планъ, столь нелѣпый по существу!

Конечно, подозрѣнія нашли себѣ мѣсто и правѣе. Напр., „Петербургскія Вѣдомости" поспѣшили объяснить пастырямъ церкви, что они „могутъ даже, выигравъ побѣду, утратить долю пастырскаго авторитета". Такъ, одно время смутился даже и чиновный Петербургъ. По крайней мѣрѣ, 5 іюля совѣтъ министровъ послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній постановилъ отказать св. синоду въ самостоятельномъ выступленіи съ особымъ разъясненіемъ къ духовенству и „сдѣлать нужныя разъясненія отъ имени правительства или министра внутреннихъ дѣлъ". Вотъ вамъ и политика въ рясѣ! Клерикализмъ далъ себя знать...

Однако, очень скоро выяснилось, что подозрѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ области образованія клерикальной партіи почвы подъ собой не имѣютъ. И появленіе новой группы привѣтствуется, какъ средство „оздоровленія" народнаго представительства, все болѣе и болѣе—въ качествѣ общественной группы, призванной поддержать государственные устои. Все болѣе и болѣе прививается ей та роль, какая готовилась передъ первой Думой русскому крестьянству.

Надо отдать справедливость власти, не очень-то хорошо видящей даль, но зато безошибочно видящей то, что около нея. Страхи октябристскіе, если и имѣютъ основаніе, то лишь въ октябристскомъ, но отнюдь не „клерикальномъ", смыслѣ. Что можетъ быть политически безформеннѣе русскаго духовенства! Конечно, это—„клерикальное" настроеніе на дни выборовъ. Конечно, оно въ дѣйствительности ничего общаго не имѣетъ съ западно-европейскимъ клерикализмомъ.

Это—клерикалы на часъ, да и то не въ собственномъ значеніи этого слова. За нихъ хватаются партіи, сами не имѣющія уже почвы подъ ногами; хватаются для того, чтобы провести въ четвертую Думу своихъ людей; если же не своихъ, то, во всякомъ случаѣ, людей, которые, въ силу своей зависимости, въ этомъ отношеніи группа подходящая: подадутъ го-

лоса, за кого ни прикажутъ. Это—клерикалы, которые будутъ использованы въ широкихъ размѣрахъ отнюдь не въ клерикальныхъ цѣляхъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь къ существу предвыборнаго клерикализма, чтобы убѣдиться, насколько церковная рать дѣлаетъ здѣсь не свое дѣло. Нельзя, конечно, сказать, чтобы профессіональные интересы не поднимались на совѣщаніяхъ духовенства. Увеличеніе содержанія, гражданскія ограниченія для отпадающихъ отъ православія, автономія церковно-приходской школы, руководящее значеніе духовенства въ педагогическихъ совѣтахъ среднихъ учебныхъ заведеній, право рекомендаціи и отвода кандидатовъ въ учителя сельскихъ школъ, запрещеніе спектаклей и вообще увеселеній наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней—и объ этомъ рѣчь поднималась, но такъ, какъ будто дѣло не въ самыхъ вопросахъ, а въ чемъ-то иномъ, что важнѣе самихъ вопросовъ. И едва ли я ошибусь, если скажу: въ основѣ происходящей у насъ мобилизаціи духовенства его-то интересы лежатъ менѣе всего.

Центръ тяжести въ извѣстной политикѣ и—что всего важнѣе—пароль предрѣшенъ еще на послѣднемъ съѣздѣ Союзниковъ, гдѣ руководители духовенства слились въ крѣпкихъ объятіяхъ съ самыми ярыми мракобѣсами. Теперь пароль развитъ и въ статьѣ „Церковныхъ Вѣдомостей", посылавшейся даже В. К. Саблеру. Она въ смыслѣ ясности не оставляетъ ничего желать.

Авторъ какъ-бы обороняется, убѣждаетъ не опасаться, что Дума превратится въ подобіе епархіальнаго съѣзда что въ нее попадетъ больше духовенства чѣмъ въ третью. Но въ то же время—призывъ образовать группу, стоящую „на стражѣ христіанскихъ и связанныхъ съ ними національныхъ и государственныхъ началъ". Конечно, подъ этими послѣдними разумѣется тріединая формула: православіе, самодержавіе и народность. И вотъ почему: надо охранить Думу отъ закона, а это въ состояніи выполнять одно духовенство. „Съ широкой точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ" оказывается, если даже 3-ья Дума дожила до положеннаго ей закономъ срока, а не кончила своего существованія подобно первымъ двумъ, то это произошло лишь потому, что члены думы отъ духовенства «давали своимъ голосомъ перевѣсъ правымъ и умѣреннымъ партіямъ», удерживая Думу отъ «тѣхъ разрушительныхъ эксцессовъ». Да, только покорные, пассивные пастыри церкви въ состояніи обезпечить народное представительство; остальные слои русскаго общества уже менѣе благонадежны, у нихъ уже не тѣ «національныя и государственныя начала», какія требуются съ высоты исконныхъ русскихъ традицій...

Такова теорія, которая, конечно, какъ всегда, глаже практики. Но вотъ и практика.

Архіепископъ курскій Стефанъ заявляетъ подчиненному ему духовенству, что «самая преданная партія... правая»—это «самый большой другъ православной церкви», и «потому мы должны поддерживать на выборахъ правыхъ». Октябристы—и то уже «враги православной

церкви». «Къ священнику, который будетъ помогать лѣвымъ партіямъ» (въ томъ числѣ октябристамъ), архіепископъ Стефанъ «отнесется, какъ къ своему злѣйшему врагу», а «съ врагами онъ справиться сумѣетъ». Томскій архіепископъ Макарій предлагаетъ объединиться подъ знаменемъ союзниковъ, напоминая, что въ прошлую кампанію «перевѣсъ остался на сторонѣ враговъ нашихъ вслѣдствіе недостаточной организованности крайней правой». Въ Воронежской губ. духовенство должно избирать въ выборщики «только людей вѣрующихъ и набожныхъ, преданныхъ царю самодержавному», вступать же въ соглашеніе «только съ членами правыхъ и умѣренныхъ организацій, отнюдь не лѣвѣе явно правыхъ октябристовъ». Слѣдуютъ и обращенія къ прошлому. Вятскіе политики въ рясѣ напоминаютъ, что въ третью Думу отъ Вятки не прошло ни одного праваго по убѣжденію депутата: не мудрено, конечно, если они за всѣ пять лѣтъ и не внесли ни одного сколько-нибудь заслуживающаго съ общегосударственной точки зрѣнія вниманія предложенія, а если и подавали свои голоса, то лишь за безполезные для блага родины проекты лѣваго крыла. Наоборотъ, архіепископъ волынскій Антоній гордится тѣмъ, что волынское духовенство всѣ три раза «открыто и честно шло по исторически вѣрной дорогѣ». Конечно, только этимъ и объясняются опять-таки тѣ дружественныя отношенія, какія установились между «русскими людьми всѣхъ сословій и званій» въ распредѣленіи депутатскихъ мѣстъ въ Думу отъ Волыни.

Очевидно—съ кѣмъ итти на выборахъ. «Съ кѣмъ итти на выборахъ: съ крестьянами или же съ дворянами?»—вопрошаетъ свящ. Борзаковскій и рѣшаетъ: съ дворянами, потому что положиться на соглашеніе съ крестьянами нельзя. Архіепископъ Антоній пишетъ: «прошу духовенство епархіи и при выборахъ въ четвертую Государственную Думу итти тою же вѣрною прежней дорогой, объединяя народъ и поддерживая убѣжденныхъ русскихъ землевладѣльцевъ». Что касается крестьянъ, то прямо-таки «извѣстно, что въ Россіи нѣтъ класса, который бы относился къ духовенству съ такимъ недовѣріемъ и такой антипатіей, какъ крестьяне». Еще больше нерасположеніе къ евреямъ, къ полякамъ. «Не покупайте у евреевъ, не продавайте евреямъ»,—восклицаетъ почаевскій архимандритъ Виталій. «Братіе, не выбирайте вы ни поляковъ, ни евреевъ, ни финляндцевъ»,—вторитъ ему екатеринославскій епископъ Агапитъ.

Конечно, призывы этого рода имѣютъ лишь риторическое значеніе; „разъясненіе“, о которомъ въ свое время сообщило „Новое Время“, установило уже разъ навсегда, что депутаты изъ числа духовенства могутъ быть избираемы только съ разрѣшенія синода и епископовъ. Вотъ въ этой-то формѣ и подносятся циркуляры. Напр., въ Воронежской губ. „за достоинство избираемыхъ ручаются оо. благочинные, какъ ихъ ближайшіе начальники“. Если при осуществленіи сего требованія встрѣтится препятствіе со стороны „колеблющихся и неустойчивыхъ въ своихъ взглядахъ іереевъ“, то пусть они въ худшемъ случаѣ совсѣмъ не являются на выборы. „Если же паче

чаянія явятся явные и злонамѣренные протестанты, то о таковыхъ доносить особо его высокопреосвященству". Одобренный губернскимъ комитетомъ и опубликованный черезъ уѣздные комитеты списокъ уполномоченныхъ кандидатовъ дѣлается обязательнымъ, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, должны подавать за него. Когда же выборщики отъ духовенства прибудутъ въ г. Воронежъ, они должны «во избѣжаніе излишнихъ расходовъ и издержекъ» остановиться въ Митрофановскомъ монастырѣ, находясь въ общеніи съ предсѣдателемъ губернскаго комитета, при его участіи намѣчая кандидатовъ въ Думу изъ свѣтскихъ лицъ и т. д.

Вездѣ уже начальствомъ намѣчены кандидаты. Иркутскій архіепископъ Серафимъ стремится самъ пройти въ Думу— и настоятели иркутскихъ церквей рекомендуютъ въ своихъ проповѣдяхъ выбирать архіепископа. Въ томской епархіи велятъ выбирать „крайнихъ правыхъ", въ Вятской—«намѣченныхъ кандидатовъ», въ Витебской губ.—также «крайнихъ правыхъ», въ Пермской губ. тоже „намѣченныхъ" и т. д. Вездѣ всѣ до единаго пастыри должны дѣйствовать «согласно и солидарно» и въ то же время вездѣ, безъ исключенія, священникамъ указывается прямо, кого выбирать въ народные представители.

Что представляютъ собой будущіе лидеры церковные—видно хотя бы изъ характеристики, какую даетъ «Русское Слово» минскому кандидату въ 4-ую Думу еп. Іоанну. Какъ многія «истинно-русскія» знаменитости, онъ по происхожденію инородецъ—латышъ. „Воспринялъ" иноческій санъ не потому, чтобы обнаружилъ особыя иноческія наклонности, а изъ разсчета. И въ разсчетѣ не обманулся. Вологодское духовенство до сихъ поръ съ ужасомъ вспоминаетъ о многихъ десяткахъ юношей, выгнанныхъ имъ изъ семинаріи. Такъ черезъ какихъ-нибудь два года о. Іоаннъ уже ректоръ духовной семинаріи и архимандритъ. Въ Вильну прислали его, какъ «усмирителя», въ виду обнаружившагося броженія учениковъ, и вотъ въ теченіе шести лѣтъ буквально опустошается литовская семинарія...

Не ясно ли, что клерикальная политика во всемъ этомъ не причемъ, что сплоченная группа духовенства со своимъ особымъ нутромъ, группа, которая будетъ дѣйствовать по директивамъ князей церкви и опредѣлять, такъ или иначе, думскую судьбу, не болѣе, чѣмъ плодъ воображенія г. Меньшикова или г. Гофштеттера. Если „свобода" духовенства, которую въ такихъ яркихъ краскахъ изображаетъ «Россія» въ назиданіе «лѣвымъ изданіямъ», отдана въ руки архіереевъ, а сами архіереи въ руки синода, то, разумѣется, не для того, чтобы противопоставлялся г. Саблеръ г. Коковцову. Передъ нами не клерикалы, а черный блокъ, и блокъ, въ которомъ вѣдомство православнаго исповѣданія играетъ чисто подчиненную роль. Духовное начальство исполняетъ указаніе другого начальства. Выборы въ четвертую Думу, которые «колокольные» публицисты пытаются всѣми силами такъ раздуть, доказываютъ не силу, не вліяніе русскаго духовенства, а безсиліе, уродливость положенія, занимаемаго имъ, ту зависимость, при ко-

торой не можетъ быть никакой церковной общественности.

Хорошъ клерикалъ, который каждую минуту долженъ помнить, что онъ существуетъ не для себя, а для правыхъ партій, что онъ опора и только опора. Гр. Уваровъ уже сообщилъ, какъ нѣкій «красивый брюнетъ»—чиновникъ святѣйшаго синода—слѣдилъ за поведеніемъ священниковъ. Священникъ Поповъ, членъ третьей Думы отъ Вятской губерніи, бывшій прогрессистомъ, за то сосланъ, по свѣдѣніямъ «Русскихъ Вѣдомостей», въ глушь. Титову и Исполатову запрещено священнослуженіе за то же. Очевидно, отечественные клерикалы должны не только выбирать по циркуляру, но и голосовать, и если приличіе требуетъ сохраненія, какъ-ни-какъ, внѣшняго декорума клерикальнаго, пока выборы производятся, то стоитъ четвертой Думѣ открыть свои засѣданія, чтобы все существо архіерейской кампаніи—подчиненное, служебное,—выступило въ откровенной наготѣ.

Страна лѣвѣетъ, — самые заядлые скептики съ каждымъ днемъ убѣждаются въ этомъ крѣпче и крѣпче. Чуть ли не средніе слои буржуазіи уже заявляютъ, что мертвая точка должна быть перейдена. Напротивъ, черный станъ все болѣе и болѣе вырождается, и, кажется, уже наступило время, когда никакимъ золотымъ дождемъ не вспрыснешь истинно-русскаго геройства. Вотъ политикъ въ рясѣ и есть послѣдняя надежда. Было время, когда глаза старой власти были устремлены на крестьянство, но крестьянство обмануло ее самымъ сквернымъ образомъ. Было время, когда казалось, что дворянство справится собственными силами въ рамкахъ закона 3 іюня. Но вотъ бьетъ часъ, когда и законъ 3 іюня не помогаетъ. И правыя партіи—союзъ русскаго народа, націоналисты и пр.—могутъ спастись, лишь ухватившись за духовенство. Духовенство должно мѣрами пастырскаго благоразумія разъяснять прихожанамъ великій долгъ передъ ними, увѣщевать ихъ выбирать только людей, преданныхъ черному знамени, уклоняться отъ «льстивыхъ обманщиковъ»—лѣвыхъ, которыхъ, выходитъ, и огнемъ не уничтожишь.

«Желательны для вліянія на прихожанъ особые дѣятели изъ духовенства, искусные въ словѣ, авторитетные и убѣжденные патріоты»,—несется кличъ изъ края въ край. Еще разъ выходъ найденъ. Выходъ ли, въ самомъ дѣлѣ, объ этомъ рано еще гадать. Но одно несомнѣнно: какъ ни бѣдна содержаніемъ политическая мобилизація духовенства, она не пройдетъ даромъ для русскаго общества вообще, для самого же духовенства—въ частности. Ни одно зерно въ семъ мірѣ не пропадаетъ безъ послѣдствій—тѣмъ болѣе зерно политиканства въ столь особомъ масштабѣ.

Л. Клейнбортъ.

РОССІЯ ЗА БЛИЖАЙШИМЪ РУБЕЖОМЪ.

(Письмо изъ Галиціи).

Въ предыдущей корреспонденціи [1]) я говорилъ о русскихъ вліяніяхъ въ Западной Галиціи и о знакомствѣ съ Россіей ея польскаго населенія. Если мы теперь обратимся къ восточной части края, гдѣ преобладаетъ украинское населеніе, составляющее почти 60% общаго количества ея жителей, то намъ представится нѣсколько иная картина.

Какъ извѣстно, галиційскіе украинцы распадаются на два лагеря. Къ одному—національно-украинскому—принадлежитъ громадное большинство. На національно-украинской почвѣ стоятъ націоналъ-демократическая, радикальная, клерикальная и соціалъ-демократическая партіи. Къ націоналъ-демократическому лагерю принадлежатъ почти всѣ депутаты отъ украинскаго населенія, посылаемые имъ въ вѣнскій парламентъ. Девять десятыхъ періодическихъ изданій, обслуживающихъ это населеніе, защищаютъ интересы и проводятъ взгляды различныхъ фракцій національно-демократическаго лагеря. Народныя школы, гимназіи и десять каѳедръ львовскаго университета—въ рукахъ представителей національно-украинскаго теченія. Они же занимаютъ всѣ общественные посты публичнаго характера.

Рядомъ съ большинствомъ, считающимъ украинцевъ народомъ совершенно самостоятельнымъ и по отношенію къ полякамъ, и по отношенію къ русскимъ, въ предѣлахъ Восточной Галиціи издавна существуетъ теченіе, придерживающееся нѣсколько иныхъ взглядовъ— т. е. „москвофильство".

Это теченіе представлено въ настоящее время двумя политическими группами—умѣренной и радикальной. Умѣренная стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что великороссы, украинцы и бѣлоруссы вмѣстѣ съ червонороссами-галичанами составляютъ одинъ народъ и что вслѣдствіе этого русскій языкъ долженъ быть общимъ литературнымъ органомъ всѣхъ „русскихъ" племенъ, составляющихъ „единую Русь". Приверженцы умѣреннаго теченія, называющіе себя „старорусинами", чрезвычайно консервативны, а ихъ австрійскій патріотизмъ не подлежитъ сомнѣнію точно такъ же, какъ и ихъ привязанность къ папскому престолу и католической церкви. Ихъ „москвофильство" имѣетъ чисто теоретическій характеръ. Они говорятъ между собой по-украински (или по-польски),

---

[1]) См.—„Новая Жизнь", іюльская кн. т. г.

русскаго языка не знаютъ, въ изданіяхъ для народа употребляютъ украинскій языкъ, въ изданіяхъ же для интеллигенціи—странный жаргонъ, получившій прозваніе „язычья“ и составляющій смѣсь церковно-славянскаго съ русскимъ и украинскимъ, причемъ смѣсь эта читается согласно правиламъ украинскаго произношенія: вмѣсто „какъ“ въ ней употребляется „якъ“, вмѣсто „что“—„що“, а неопредѣленному наклоненію присваивается окончаніе „ти“ („дѣлати“, „ходити“, что, впрочемъ, читается: „дилаты“, „ходыты“). Человѣкъ, знающій русскій языкъ, не можетъ читать безъ улыбки литературныя призведенія „старорусиновъ“, писанныя якобы по-русски и уснащенныя словами и выраженіями, ничего общаго съ русскимъ языкомъ не имѣющими.

Въ концѣ 1905 г., когда казалось, что освободительное движеніе въ Россіи окончательно восторжествуетъ, среди умѣренныхъ „москвофиловъ“ стало замѣтно нѣкоторое колебаніе. Виднѣйшій изъ вожаковъ (напр., депутатъ Король) склонялись къ мысли ликвидаціи „москвофильства“ путемъ соединенія его представителей съ реакціонными элементами украинскаго лагеря въ одну консервативную партію и перехода къ украинскому языку въ изданіяхъ для интеллигенціи. Однако, въ періодъ реакціи этотъ планъ былъ брошенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ умѣренное теченіе должно было уступить радикальному, особенно усилившемуся послѣ извѣстнаго нео-славянскаго съѣзда въ Прагѣ.

Радикальное теченіе отличается отъ умѣреннаго своей послѣдовательностью въ области практическаго примѣненія въ жизни выводовъ изъ того положенія, что галиційскіе украинцы составляютъ единое цѣлое съ великороссами. Еще въ концѣ XIX ст. среди молодого поколѣнія „моксвофиловъ“ было нѣсколько (5—6) лицъ, которыя выучились не только писать, но и говорить по-русски, и систематически проповѣдывали необходимость распространенія русскаго языка, по крайней мѣрѣ, среди интеллигенціи. Во главѣ этой группы стоялъ О. Мончаловскій, издававшій литературное приложеніе („Бесѣда“) къ юмористическому журналу „Страхонудъ“, печатавшемуся на обычномъ старорусинскомъ жаргонѣ—язычьѣ. „Бесѣды“ издавались на русскомъ языкѣ, правда, очень плохомъ, а въ стихотвореніяхъ совершенно никуда негодномъ вслѣдствіе незнакомства ихъ авторовъ съ русской акцептаціей. Мончаловскому и его двумъ-тремъ приверженцамъ не удалось вызвать серьезнаго движенія среди интеллигенціи въ пользу усвоенія ею русскаго языка. Позднѣйшія попытки издавать небольшіе журнальчики на русскомъ языкѣ тоже не увѣнчались успѣхомъ.

Радикальное теченіе было лишено почвы. Оно не выходило изъ круга идей культурнаго единства съ Россіей и отъ политическихъ плановъ объединенія со „всей Русью“ открещивалось такъ же энергично, какъ и умѣренное. Его стремленіе распространять знакомство съ русскимъ языкомъ не могло снискать приверженцевъ внѣ очень ограниченнаго круга интеллигенціи, да и среди послѣдней ознакомленіе съ русскимъ языкомъ не вызывалось рѣшительно никакими

практическими соображеніями. Для нея необходимо знаніе украинскаго языка въ качествѣ господствующаго въ окружающей ее жизни, затѣмъ польскаго, безъ котораго ей нельзя двинуться, наконецъ—нѣмецкаго. Русскій же для нея такой же далекій, какъ чешскій или румынскій, и обучиться ему могутъ только немногочисленные любители. Никакихъ историческихъ „русскихъ" традицій въ Галиціи нѣтъ, такъ какъ ни на одинъ моментъ эта страна не составляла одного общаго цѣлаго съ Великороссіей. Наконецъ, и матеріальныхъ средствъ для веденія соотвѣтствующей пропаганды у радикальныхъ москвофиловъ не было, потому что всѣ нити связей съ оффиціальной и славянофильской Россіей находились почти всецѣло въ рукахъ умѣренныхъ.

И кто знаетъ, не заглохло ли бы радикальное москофильство, если бы не пражскій съѣздъ и не появленіе на галиційской почвѣ гр. Бобринскаго на обратномъ пути съ этого съѣзда. Объѣхавъ Восточную Галицію, этотъ видный представитель русскаго націонализма столкнулся лично съ представителями радикальнаго москвофильства, которые сумѣли ему доказать, что умѣренные москвофилы рѣшительно ничего не дѣлаютъ для торжества „русской идеи", что это—австрійскіе патріоты, приверженцы католицизма и уніи, и что на нихъ нельзя опираться, стремясь къ объединенію—даже хотя-бы только культурному—всей Руси.

Гр. Бобринскому удалось заинтересовать Галиціей русскія націоналистическія сферы. „Новое Время", „Московскія Вѣдомости" и, вообще, вся черносотенная печать стала печатать статьи, корреспонденціи и замѣтки о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергаются русскіе въ Галиціи со стороны поляковъ „мазепинцевъ" и нѣмцевъ, взывая о помощи. Въ Петербургѣ, Кіевѣ и т. д. возникаютъ спеціальныя галицко-русскія общества. Въ результатѣ радикальное москвофильство поднимаетъ въ Галиціи голову.

Въ Львовѣ появляется большая ежедневная газета на русскомъ языкѣ „Прикарпатская Русь", стоящая на почвѣ необходимости послѣдовательнаго обрусенія Восточной Галиціи. Возникаетъ и народная газетка (на ломаномъ украинскомъ языкѣ)—„Голосъ Народа", проводящая ту же идею. Во главѣ радикальнаго теченія встаетъ адвокатъ Дудыкевичъ, который начинаетъ весьма энергичную, не брезгающую никакими средствами, борьбу съ умѣренными. И эта борьба, обильная эпизодами самаго скандальнаго характера, закончилась полной побѣдой радикаловъ. Умѣренные и ихъ органъ „Галичанинъ" были совершенно дискредитированы въ націоналистическихъ и славянофильскихъ сферахъ Россіи, что лишило ихъ главной опоры. И вотъ радикалы, располагающіе теперь значительными денежными средствами, постепенно вытѣсняютъ своихъ соперниковъ съ насиженныхъ мѣстъ въ правленіяхъ москвофильскихъ обществъ и организацій.

Параллельно этому развивается практическая дѣятельность радикальныхъ москвофиловъ. Ими устраиваются поѣздки крестьянъ въ Почаево и въ Кіевъ, гдѣ

паломниковъ изъ „подъяремной Руси“ принимаютъ руководители мѣстныхъ націоналистовъ и союзъ русскаго народа. Черносотенная литература (почаевскія изданія по премуществу) распространяется въ громадномъ количествѣ среди украинскаго населенія Восточной Галиціи. Въ селахъ, находящихся подъ вліяніемъ радикальныхъ москвофиловъ, возникаютъ пожарныя дружины, члены которыхъ играютъ роль палочниковъ во время всякихъ выборовъ. Москвофильская студенческая молодежь въ красныхъ великорусскихъ рубахахъ разъѣзжаетъ по селамъ и ведетъ энергичную антиукраинскую агитацію, распространяя черносотенныя изданія, произнося соотвѣтствующія рѣчи и т. д. Въ москвофильскія бурсы (общежитія для бѣдныхъ учениковъ гимназій) выписываются изъ Россіи учительницы русскаго языка. Устраиваются спеціальные курсы послѣдняго и т. д. Конечно, все это чрезвычайно искусственно, и результаты пропаганды въ пользу усвоенія русскаго языка чрезвычайно миэерны. По свидѣтельству „Галичанина“, „нѣсколько десятковъ интеллигентовъ и нѣсколько-надцать (sic!) мужиковъ изучили русскій литературный языкъ настолько, что одна часть изъ нихъ владѣетъ имъ совершенно въ письмѣ и словѣ, другая же можетъ съ полнымъ пониманіемъ читать русскую книгу“.

Однако, кромѣ этихъ явленій, развитіе радикальнаго москвофильства сопровождалось и нѣкоторыми другими. Прежде всего оживилась затихшая было пропаганда православія среди уніатскаго населенія, приведшая къ тому, что нѣсколько деревенъ въ различныхъ мѣстностяхъ Галиціи объявили себя православными и обзавелись собственными священниками, галичанами по происхожденію, но получившими священство въ Россіи. Вскорѣ стало извѣстно, что около двухъ десятковъ сыновей уніатскихъ священниковъ, принадлежащихъ къ москвофиламъ-радикаламъ, подготовляются къ этому же въ православныхъ духовныхъ семинаріяхъ въ Россіи (въ Житомірѣ, Кіевѣ и т. д.)

Австрійская администрація обратила серьезное вниманіе на дѣятельность радикальныхъ москвофиловъ. Въ бурсахъ послѣднихъ былъ произведенъ рядъ обысковъ, обнаружившихъ, что эти общежитія стали очагомъ черносотенной пропаганды. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало извѣстно, что „батюшки“, пріѣхавшіе изъ Россіи, интересуются не столько духовной жизнью своей паствы, сколько топографіей важныхъ въ стратегическомъ отношеніи мѣстностей. Въ результатѣ всѣ четыре піонера православія въ Галиціи—о.о. Ильечко, Сандовичъ, Гудима и Цымбалко—оказались арестованными съ поличнымъ въ качествѣ военныхъ шпіоновъ „одной изъ сосѣднихъ державъ“. Въ цѣломъ рядѣ процессовъ на скамьѣ подсудимыхъ очутились сторонники радикальнаго москвофильства, обвиняемые въ томъ же, въ чемъ и вышеупомянутые батюшки. Однимъ изъ первыхъ, приговоренныхъ къ тюремному заключенію за военное шпіонство, оказался сынъ покойнаго издателя „Бесѣды“ О. Мончаловскаго; вскорѣ же будетъ разсматриваться дѣло о шпіонствѣ, къ которому привлеченъ нѣкій Бенда-

сюкъ, одинъ изъ столповъ „Прикарпатской Руси“ и авторъ русской грамматики для галичанъ.

Конечно, вліяніе Россіи или, вѣрнѣе, извѣстныхъ ея сферъ на Восточную Галицію не ограничивается сношеніями радикальныхъ москвофиловъ съ русскими черносотенцами и ихъ покровителями. Русская литература и наука располагаютъ здѣсь довольно широкимъ кругомъ людей, серьезно ими интересующихся, хотя вовсе не принадлежащихъ къ руссофиламъ. Благодаря тому, что масса трудовъ по украиновѣдѣнію издана на русскомъ языкѣ, украинская интеллигенція, стоящая на національной почвѣ, изучаетъ русскій языкъ для того, чтобы знакомиться съ сочиненіями по исторіи, литературѣ, языковѣдѣнію Украйны. А такъ какъ громадное большинство украинскаго народа живетъ въ Россіи, а сношенія русскихъ украинцевъ съ галицiйскими изъ года въ годъ расширяются, то знакомство съ Россіей и ея жизнью среди послѣднихъ не можетъ не увеличиваться. Извѣстное вліяніе въ этомъ направленіи оказываютъ и эмигранты изъ Россіи, которыхъ въ Восточной Галиціи несравненно больше, нежели въ Западной. Кромѣ того, въ Львовъ наѣзжаетъ изъ Россіи постоянно увеличивающееся количество украинской молодежи, ищущей здѣсь возможности получить образованіе на родномъ языкѣ. И этотъ элементъ является въ извѣстной мѣрѣ источникомъ ознакомленія мѣстныхъ украинцевъ съ Россіей. Разумѣется, распространяемыя имъ симпатіи и антипатіи діаметрально противоположны тому, что насаждаютъ „радикальные“ москвофилы.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Уптонъ Синклеръ. *Испытанія любви. К-во «Прометей». Н. Н. Михайлова. Пер. М. Брусяниной. Ц. 1 р. 50 к.*

Я не знаю, очень-ли талантливъ Уптонъ Синклеръ, авторъ разбираемой книги, много или мало онъ написалъ, находится-ли онъ въ концѣ или въ началѣ своей литературной—удачной или неудачной—карьеры... Мнѣ пришлось прочесть раньше довольно скучный, тенденціозный романъ его „Деньги", обличающій представителей высшаго американскаго капитализма; нашумѣлъ его романъ „Джунгли"—тоже обличительный, изображающій страну „трестовъ и синдикатовъ" въ крайне отрицательномъ освѣщеніи... Но вотъ эти „Испытанія любви" привели меня въ положительный восторгъ—и не потому, чтобы эта книга представляла намъ какія-либо литературныя или стилистическія откровенія, но потому, что, прочтя этотъ романъ, написанный какъ-бы кровью сердца этого человѣка съ умнымъ и тонкимъ выраженіемъ такъ много видѣвшихъ глазъ, смотрящихъ съ портрета, приложеннаго къ книгѣ, чувствуешь, что все это—подлинное, пережитое, выстраданное, и вслѣдствіе этого невольно проникаешься любовью и уваженіемъ къ автору. И содержаніе книги—остро и своевременно поставленная дилемма творчества и семьи, искусства и жизни, духа и матеріи—не можетъ оставить равнодушнымъ интеллигентнаго читателя, неминуемо взволнуетъ, встревожитъ умъ, даже усыпленный и притупленный повседневной дѣйствительностью. Идеалистическія устремленія автора и героя, мучительныя попытки, если не разрѣшить, то поставить передъ читателемъ давно назрѣвшій вопросъ реорганизаціи семейныхъ и соціальныхъ отношеній—сообщаютъ роману почти равноцѣнный интересъ идейный и художественный. Все дѣйствіе сосредоточено въ душевныхъ переживаніяхъ двухъ любящихъ, сильнѣйшій и талантливѣйшій изъ которыхъ все время неустанно борется за свою индивидуальность, за свое творчество, за свои принципы съ обществомъ, съ публикой и—что всего трагичнѣе—съ горячо любимой и безумно любящей его женой. Эта антиномія любви, эта извѣчная вражда въ человѣкѣ, даже самомъ идеальномъ, двухъ началъ—духа и плоти, изображена авторомъ чрезвычайно ярко, художественно и убѣдительно; онъ не пытается разрѣшить эту вѣковую проблему, какъ-бы убѣжденный въ ея органической противорѣчивости, и романъ, написанный ярко, красочно и правдиво, отъ этого только выигрываетъ въ силѣ и образности. Но какое богатство душевныхъ силъ, какой неистощимый источникъ свѣтоносной творческой энергіи нужно имѣть, чтобы неустанно мечтать о созданіи „новой души", „будущаго новаго человѣка, рожденнаго при обстоятельствахъ, гарантирующихъ ему счастливую, здоровую, красивую и свободную жизнь". Горячо рекомендую эту книгу читателю.

Анастасія Чеботаревская.

Н. Клюевъ. *„Братскія пѣсни" (книга 2-ая). Вступительная статья В. Свенцицкаго. Изд. журн. „Новая Земля". Ц. 60 к.*

Когда появилась первая книга стихотвореній Н. Клюева „Сосенъ-Перезвонъ", она была встрѣчена единодушнымъ сочувствіемъ критики, даже больше, многіе увидѣли въ ней какое-то новое, до сихъ поръ неслышанное слово, пророчествующее о новыхъ возможностяхъ и грядущихъ путяхъ русской поэзіи.

Недавно вышла вторая книга стихотвореній Клюева „Братскія пѣсни", но она не оправдала возлагаемыхъ на автора надеждъ и ничего положительнаго не прибавила къ характеристикѣ его творчества. Правда, стихотворенія Клюева и здѣсь полны неясныхъ предчувствій обѣтованной земли, „земли чудесъ", какихъ-то „невѣдомыхъ свѣтовъ". Въ „Братскихъ пѣсняхъ" даже полнѣй и послѣдовательнѣй раскрывается символъ вѣры поэта; онъ не только воспѣваетъ грядущую жизнь, но и зоветъ насъ на путь достиженія ея. „За неп-

реклонныя врата лишь тотъ изъ смертныхъ проникаетъ, на комъ Голгоѳскаго креста печать высокая сіяетъ".

Но какъ это все непохоже на то, чѣмъ одушевлены были пѣсни „Сосенъ-Перезвонъ", гдѣ тоже огонь религіознаго сознанія, тоже пророчество объ украшенномъ чертогѣ, о новой жизни, но гдѣ все воодушевлялось смѣлымъ и радостнымъ вызывомъ настоящему, горячимъ и въ то же время суровымъ призывомъ къ борьбѣ. И какая разница въ силѣ вдохновенія, въ чеканности словъ и образовъ. „Вы отгулъ глухой, гремучій обезсилѣвшей волны, мы продутреннія тучи, зори росныя весны", пѣлъ раньше Клюевъ, и тогда, когда онъ предчувствалъ „вѣкъ колосьевъ золотыхъ", онъ пѣлъ еще о себѣ: „работникъ Господа свободный на нивѣ жизни и труда". Теперь же онъ патетически взываетъ: крестъ, Голгоѳа и палачъ, все такъ ново (?) и безумно (?) и еще: „надо тѣло молодое крестнымъ терномъ увѣнчать". Искупленіе грѣховъ, кровавыя слезы раскаянія, эшафотъ и костеръ, вотъ что смѣнило недавно бодрую музу Клюева.

Въ „Братскихъ пѣсняхъ" не чувствуется трепета біенія „огнекрылой души" поэта, въ нихъ нѣтъ того страстнаго порыва, который придавалъ особую прелесть прежнимъ стихотвореніямъ Клюева. Потухъ внутренній огонь, освѣщающій стихъ поэта, и помертвѣли слова и образы его...

Нельзя не отмѣтить также, что злоупотребленіе нѣкоторыми образами создаетъ картину однообразія, чему способствуетъ въ сильной степени и бѣдность темъ „Братскихъ пѣсенъ".

Неблагопріятное впечатлѣніе довершается крикливой статей Свенцицкаго о Клюевѣ, возводящей послѣдняго въ „пророки", а стихотворенія его въ „пророческія откровенія".

В. Ховинъ.

В. Реймонтъ. *Мужики. Лѣто. К-во „Польза". Москва. 1912. Ц. 40 к.*

Такой „энциклопедіи" о мужикѣ, какъ повѣсть Реймонта, не знаетъ европейская литература. По широтѣ размаха автора, по умѣнью охватывать взоромъ необъятныя пространства и придавать форму колоссальнымъ глыбамъ сырого матеріала,—его „Мужики" могутъ быть поставлены рядомъ съ грандіозными эпопеями Э. Золя. Сближаетъ обоихъ писателей и еще одно свойство: ихъ добросовѣстный и безстрашный реализмъ. Можно, пожалуй, указать и другую общую имъ черту: главная цѣнность „Мужиковъ" Реймонта, какъ и соціальныхъ романовъ Золя, заключается не въ ихъ художественныхъ достоинствахъ, а въ полезности ихъ, какъ правдивыхъ и обстоятельныхъ описаній того, что бываетъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, „Мужики" Реймонта, безъ преувеличенія, могутъ сойти за энциклопедію по вопросамъ мужицкаго быта, морали, психологіи, обычаевъ и пр. Эта энциклопедія распадается на четыре объемистыхъ части: „Осень", „Зима", „Весна", „Лѣто"—и охватываетъ, слѣдовательно, весь кругъ крестьянской жизни. Передъ всякой иной энциклопедіей „Мужики" Реймонта отличаются тѣмъ, что качества серьезнаго изслѣдованія соединяются съ качествами занимательнаго романа. Это даетъ имъ право на вниманіе со стороны самыхъ широкихъ круговъ читателей, и книгоиздательство „Польза" поступило совершенно правильно, включивъ произведеніе Реймонта въ свою „универсальную библіотеку".

А. Южанинъ.

С. Михаэлисъ. *„Вѣчный сонъ". 1812 годъ. к-во „Польза". Москва. 1912. Ц. 30 к.*

Трудно представить себѣ что-либо болѣе нелѣпое, чѣмъ этотъ, переведенный съ датскаго, историческій „романъ".

Начать съ того, что онъ нисколько не заслуживаетъ подобнаго названія. „Вѣчный Сонъ" вовсе не „романъ", а просто мемуары графа де-Сегюра, испорченные наивной и напыщенной декламаціей. Нѣкоторыя страницы этихъ мемуаровъ перенесены авторомъ въ свое повѣствованіе безъ всякихъ измѣненій, другія—разбавлены элементарными разсужденіями на тему „о значеніи личности въ исторіи". Вообще непонятно, съ какой стороны произведеніе С. Михаэлисъ могло-бы заинтересовать русскаго читателя?—Въ исторической своей части „романъ" не выходитъ изъ предѣловъ заурядного учебника и сообщаетъ о походѣ 1812 г. свѣдѣнія, извѣстныя всякому русскому школьнику. Романическій элементъ въ книгѣ совершенно отсутствуетъ. Психологія Наполеона и ведомыхъ имъ армій изображена по готовымъ и давно забракованнымъ шаблонамъ. Философскія разсужденія и патетическіе выкрики автора тоже не представляютъ, какъ сказано, никакого интереса. Однимъ словомъ, переводить и преподносить книжку Михаэлисъ русской публикѣ, избалованной первоклассною литературой о 1812 годѣ, не было никакой надобности и никакого смысла.

Вад. Лѣсовой.

С. Арреніусъ. *Вселенная. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Н. Н. Чулицкаго. Москва. Книгоиздательство „Наука". 1912 г. Ц. 20 к.*

Знаменитый шведскій физико-химикъ проф. Сванте-Августъ Арреніусъ, лауреатъ нобелевской преміи, творецъ извѣстной теоріи электрической диссоціаціи въ ея современномъ

состояніи и выдающійся изслѣдователь въ области біологической химіи, въ послѣдніе 12—15 лѣтъ занимался разработкой труднѣйшихъ вопросовъ астрофизики и космологіи. Плодомъ этихъ работъ являются нѣсколько написанныхъ имъ весьма интересныхъ сочиненій, каковы переведенныя по-русски. „Физика неба" и „Образованіе міровъ" и другія. Въ книгахъ этихъ, блестящихъ по изложенію и обильныхъ новыми идеями, онъ, развивая взглядъ Герберта Спенсера о вѣчномъ мировомъ круговоротѣ, полагаетъ, что во вселенной „все остается приблизительно въ томъ же видѣ, какъ и теперь", и что происходятъ только измѣненія въ пространствѣ и во времени формъ матеріи, энергіи и жизни,—что „во вселенной господствуетъ подвижное равновѣсіе". При этомъ онъ выступаетъ горячимъ сторонникомъ ученій о родѣ „лучевого давленія" въ міровыхъ процессахъ и о возникновеніи новыхъ звѣздъ вслѣдствіе „столкновенія" двухъ уплотненныхъ, большею частью, потухшихъ и невидимыхъ, небесныхъ тѣлъ. Въ своихъ сочиненіяхъ авторъ искалъ выхода изъ затрудненія, созданнаго конечнымъ выводомъ Клаузіуса о „тепловой смерти" міра, выводомъ, который ведетъ къ непостижимому для насъ концу мірового развитія. Для того, чтобы устранить это затрудненіе, по мнѣнію Арреніуса, необходимо принять, что вся излучаемая неподвижными звѣздами энергія собирается какимъ-либо образомъ, иными словами, что она отъ „расточителей" ея (звѣздъ) стекается къ ея „собирателямъ" (туманностямъ). По отношенію къ происхожденію живыхъ существъ Арреніусъ, отказавшись отъ теоріи произвольнаго зарожденія, т. е. происхожденія на планетахъ живой матеріи изъ неживой, придерживается ученія о „панспермія", развивая взглядъ, что мельчайшіе первичные зачатки жизни носятся въ міровомъ пространствѣ, гонимые силою давленія свѣтовыхъ лучей и развиваясь на поверхности тѣхъ планетъ, на которыхъ по физическимъ условіямъ жизнь возможна. Въ разбираемой брошюрѣ, воспроизводящей докладъ, читанный на первомъ конгрессѣ монистовъ въ Гамбургѣ 9-го сентября 1911 года, Арреніусъ сдѣлалъ попытку въ самыхъ общихъ чертахъ изложить для общеобразованной публики свои космологическіе взгляды, и попытка эта удалась ему прекрасно.

Г. А. Гурьевъ.

Проф. Дж. Пойтингъ. *Давленіе свѣта. Переводъ подъ редакціей «Вѣстника Опытной Физики и Элементарной Математики». Изд. «Матезисъ». Одесса. 1912 г. Стр. 128. Ц. 50 к.*

Явленіе давленія свѣтовыхъ лучей представляетъ собою одно изъ интереснѣйшихъ физическихъ явленій. Предсказанное еще Эйлеромъ, Максвеллемъ и Бартоли, оно только благодаря работамъ безвременно скончавшагося замѣчательнаго русскаго ученаго П. Н. Лебедева, затѣмъ Никольса, Гулля и Пойтинга, стало для насъ очевиднымъ фактомъ. Книжка англійскаго физика, профессора Бирмингамскаго университета Дж. Пойтинга, и посвящена изложенію современныхъ знаній объ этомъ явленіи. Объяснивъ въ первой главѣ, какимъ образомъ свѣтъ можетъ оказывать давленіе, авторъ далѣе даетъ довольно подробное описаніе ряда опытовъ, произведенныхъ съ цѣлью доказать существованіе давленія свѣтовыхъ лучей. Авторъ такимъ образомъ излагаетъ не только результаты, но и методы изслѣдованій. Особенно интересна послѣдняя глава, которая посвящена значенію явленія свѣтового давленія для объясненія различныхъ астрономическихъ фактовъ, обнаруженныхъ наблюденіями. Математическія выкладки, подтверждающія изложеніе, составляютъ содержаніе ряда примѣчаній (около 1/4 книги), отнесенныхъ, какъ это дѣлаетъ послѣднее время книгоиздательство „Матезисъ", въ конецъ книги. То обстоятельство, что авторъ самъ не мало работалъ надъ экспериментальнымъ обнаруженіемъ явленія давленія свѣтовыхъ лучей и, вообще, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ физиковъ, дѣлаетъ книгу, конечно, особенно интересной и поучительной. Переводъ особенныхъ замѣчаній не вызываетъ

Г.

Проф. И. Озеровъ. *На темы дня. Къ экономическому положенію Россіи. М. 1912 ц. 2 р. 25 к.*

Книга проф. И. Озерова очень интересна и приводимыми въ ней фактами, иллюстрирующими нашу экономическую отсталость и безтолочь, и взглядами автора на русскую интеллигенцію.

Московскій профессоръ является горячимъ сторонникомъ сближенія и примиренія между русской интеллигенціей и капитализмомъ. Онъ ждетъ экономическаго разсвѣта и расцвѣта Россіи не только отъ роста фабрикъ, заводовъ и желѣзныхъ дорогъ, но и отъ измѣненія психологіи интеллигенціи.

«Конечно—пишетъ проф. И. Озеровъ характерныя для него строки—крайне необходимо измѣненіе нашей экономической политики, но нужно перевоспитать и само наше общество, нужно привить ему вкусъ къ экономическому творчеству и работѣ по развитію такихъ огромныхъ богатствъ» (305). «Наше несчастье—пишетъ проф. Озеровъ въ той-же статьѣ,—что наша интеллигенція отно-

сится нѣсколько отрицательно къ активному участію въ промышленной и экономической жизни, а между тѣмъ это участіе имѣло бы для нея огромное воспитательное значеніе; съ другой стороны—это подготовило бы резервъ лицъ, могущихъ принять активное участіе въ творческой дѣятельности, когда наступитъ для этого благопріятный моментъ». (304).

Многія статьи проф. И. Озерова проникнуты этимъ призывомъ къ русской интеллигенціи пріять капиталистическій міръ и «окунуться» въ него.

Эти призывы, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ объ «европеизаціи» и русской интеллигенціи, втягивающейся въ капиталистическую работу, и русскаго капитализма, нуждающагося въ своей интеллигенціи. Книга проф. И. Озерова очень интересна и содержательна. Въ ней много поучительнаго для характеристики экономической жизни и общественной психологіи Россіи нашихъ дней.

П. Б.

Проф. М. Довнаръ-Запольскій. *Обзоръ новѣйшей русской исторіи. Кіевъ* 1912 *т. I. 427 стр. ц. 2 р. 50 к.*

«Обзоръ новѣйшей русской исторіи» М. Довнаръ-Запольскаго составленъ изъ лекцій, читанныхъ кіевскимъ профессоромъ.

Это отразилось, и мѣстами очень невыгодно, на всей архитектоникѣ книги. Отдѣльныя ея части неровны по размѣрамъ и цѣнности. Встрѣчаются главы слишкомъ бѣглыя и расплывчатыя, другія же главы, напротивъ, подробно и самостоятельно разработаны.

Необходимость придать отдѣльнымъ главамъ самостоятельный и законченный характеръ заставила автора погрѣшить противъ своего реалистическаго метода и выдѣлить вопросы экономическаго развитія въ отдѣльную главу, вмѣсто того, чтобы прослѣдить ихъ неотдѣлимость отъ всѣхъ другихъ сторонъ и явленій русской исторіи.

За всѣмъ тѣмъ обзоръ проф. Довнаръ-Запольскаго отличается обычными у этого изслѣдователя большими достоинствами—богатствомъ содержанія, простотою и стройностью изложенія и самостоятельностью взгляда на многіе коренные вопросы. Вышедшій первый томъ охватываетъ періодъ царствованія Александра I.

Эта богатая фактами эпоха разсмотрѣна авторомъ очень всесторонне и полно. Особый интересъ представляютъ страницы, посвященныя авторомъ формированію русской бюрократіи. Тутъ много интересныхъ мыслей и обобщеній.

Хороша у автора и характеристика Александра I. Этотъ томъ представляетъ особый интересъ въ виду столѣтія отечественной войны.

П. Б.

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. *«Какъ и для чего страхуются рабочіе». СПБ.* 1912 *г. ц. 35 к.*

Авторъ, принимавшій въ качествѣ директора департамента промышленности видное участіе въ разработкѣ новыхъ страховыхъ законовъ, предназначаетъ свою книжку для рабочихъ. Передъ нимъ стояла задача дать рабочимъ ясное представленіе о новыхъ, созданныхъ для нихъ, законахъ, правахъ и обязанностяхъ. Эту задачу можно было бы считать хорошо выполненной, если бы не цѣлый рядъ имѣющихся въ книжкѣ попытокъ доказать, что самые существенные недостатки законовъ созданы какъ разъ въ интересахъ рабочихъ. Литвиновъ-Фалинскій не можетъ удержаться въ рамкахъ строго объективнаго, чисто разъяснительнаго изложенія. Онъ знаетъ, что обращается къ аудиторіи, которая въ сознательной своей части относится къ новымъ законамъ весьма неодобрительно, а въ мало развитой—мало законами интересуется. Поэтому предполагаемыя возраженія противъ закона первыхъ онъ старается опровергать, а равнодушіе вторыхъ разсѣять крайне заманчивыми перспективами. Задача эта явно безнадежная, но преслѣдуя ее, авторъ испортилъ само по себѣ цѣнное руководство для ознакомленія съ законами.

За то всѣ недостатки закона становятся ихъ преимуществами. Надо, впрочемъ, сказать, что не всегда онъ выступаетъ въ роли защитника. Мимо многихъ вопіющихъ недостатковъ закона онъ проходитъ, совершенно не стараясь объяснить читателю, чѣмъ именно оправдывается та или иная мѣра, явно съуживающая или нарушающая права рабочихъ. Будь его изложеніе строго дѣловитымъ—можно было бы только привѣтствовать эти припадки безстрастія. Но т. к. этого нѣтъ, то эти внезапныя умолчанія становятся весьма неубѣдительными. Нельзя быть весьма словоохотливымъ, когда есть надежда залить водою просторѣчія вспыхивающія сомнѣнія, и набирать воды въ ротъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда слѣдовало бы заговорить.

Мы совѣтуемъ читателямъ ознакомиться сначала съ имѣющимся въ книжкѣ текстомъ новыхъ законовъ и при встрѣчающихся неясностяхъ обращаться къ разъясненіямъ Литвинова-Фалинскаго. Этимъ путемъ читатель получитъ гораздо болѣе чистое представленіе о новыхъ законахъ, чѣмъ если онъ сразу окунется въ воды адвокатскаго краснорѣчія г. Литвинова-Фалинскаго. Покуда въ про-

даже не появится болѣе безпристрастнаго изложенія новыхъ законовъ рецензируемой книжкой придется пользоваться, несмотря на всѣ ея недостатки.

Ст. Ивановичъ.

С. Арреніусъ. Судьба планетъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей прив.-доц. В. М. Житкова. Москва. Книгоиздательство «Наука». 1912 г. Цѣна 30 коп.

Арреніусъ живо интересуется вопросомъ о будущемъ солнечной системы, и настоящая небольшая книжка, отличающаяся очень яркимъ и увлекательнымъ изложеніемъ, даетъ представленіе о его взглядахъ на этотъ важный вопросъ. Она представляетъ собою переработку и расширеніе небольшой статьи объ атмосферѣ планетъ. Приведенные факты, служащіе для подтвержденія взглядовъ автора, отличаются достаточной свѣжестью, а самые взгляды—оригинальностью и новизной.

Авторъ ставитъ жизнь планетъ въ зависимость отъ количества воды и ея паровъ на нихъ, находящихся въ свободномъ состояніи. При этомъ онъ приходитъ къ заключенію, что изъ планетъ солнечной системы атмосфера, сходная съ атмосферой Земли, есть только на Марсѣ и Венерѣ. Изъ нихъ Венера проходитъ еще раннюю стадію развитія жизни, переживая эпоху, давно уже пройденную Землей; Марсъ же почти потерялъ свою атмосферную оболочку и находится въ стадіи умиранія, одряхлѣнія—стадіи, которую когда-нибудь въ отдаленномъ будущемъ переживетъ и наша мать—Земля. Спутникъ нашъ—Луна, по теоріи Арреніуса, окончательно умершее небесное тѣло. Здѣсь мы, такимъ образомъ, получаемъ нѣкоторое представленіе объ относительномъ возрастѣ планетъ нашей солнечной системы.

Взгляды автора, хотя и очень интересны, но, по самому существу предмета, конечно, не могутъ считаться безспорными. И астрофизикъ, и геологъ, и біологъ, по всей вѣроятности, найдутъ почву для возраженія противъ нѣкоторыхъ заключеній Арреніуса. Но всѣ признаютъ, конечно, что авторъ внесъ въ этотъ глубоко интересный вопросъ немало своего, новаго, и что онъ изложилъ свои взгляды въ формѣ, достойной похвалы.

Нельзя здѣсь не отмѣтить, что «каналы» Марса получаютъ у Арреніуса весьма интересное и своеобразное объясненіе, вполнѣ отвѣчающее современнымъ взглядамъ на количество воды на Марсѣ.

Переводъ сдѣланъ въ общемъ довольно тщательно, книжка издана опрятно и дешево.

Г. А. Гурьевъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію для отзыва.

Амфитеатровъ. Закатъ стараго вѣка. Изд. „Просвѣщ." ц. 1 р. 50 к.

Байронъ. Европейскіе классики. Въ двухъ томахъ. Ред. А. Грузинскаго т. I съ 34 рис. и 12 иллюст.; т. II съ 12 рис. въ текстѣ и 8 иллюст. Ц. тома 2 р. 50 к. Изд. „Окто".

Байронъ. Библіотека всеміp. классик. Донъ-Жуанъ. Пер. Л. Козлова. Съ иллюстр. Изд. „Окто". ц. 1 р.

Баранцевичъ К. Закатъ. Соч. т. IV. Изд. А. Маркса. ц. 1 р. 25 к.

Его-же. Петербургскій случай т. V ц. 1 р. 25 к.

Waldstein. Предсознательное „я". М. 1913 ц. 60 к.

Вороновъ Н. Основанія соціологіи. М. ц. 75 к.

Герасимовъ М. Строеніе человѣческаго тѣла и уходъ за нимъ. Спб. 1913. ц. 40 к.

Гирке. Краткій курсъ паталогической анатоміи. Пер. съ нѣм. Изд. „Космосъ" М. ц. 1 р. 25 к.

Игнатьевъ В. Физическое воспитаніе. Изд. „Польза" ц. 1 р. 60 к.

Животовъ Н. Южные цвѣты. Стихотворенія. 1 р.

Лебедевъ С. Дружба съ царствомъ растеній.

Немировичъ-Данченко В. Живые псы и мертвые герои. Соб. 1912. ц. 1 р. 50 к.

Нѣгинъ. Грядущій Фаустъ. Изд. 1912. ц. 30 к.

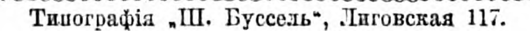
Тихоновъ В. Тенета. Ром. Изд. А. Маркса ц. 1 р. 25 к.

Рыкачевъ А. Провозъ хлѣбовъ въ Германію изъ разныхъ странъ. Спб. 1912.

Шиммельпфенигъ. Къ вопросу объ обезпеченіи кредитныхъ взаимоотношеній. Спб. 1912.

Редакторъ-издатель **И. М. Розенфельдъ.**

Типографія «Ш. БУССЕЛЬ» Спб., Лиговская 117.

Типографія „Ш. Буссель“, Лиговская 117.

